This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ииринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Н. Я. Данилевскій.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЗГЛЯДЪ НА КУЛЬТУРНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ Славянскаго міра къ Германо-Романскому

Изданіе пятое

съ посмертными примѣчаніями, статьею *К. Н. Бестужева-Рюмина*, и указателями предметовъ и именъ.

(Изданіе Н. Страхова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1895.

РОССІЯ И ЕВРОПА.

Н. Я. Данилевскій.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЗГЛЯДЪ НА КУЛЬТУРНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ Славянскаго міра къ Германо-Романскому

Изданіе пятое

съ посмертными примѣчаніями, статьею *К. Н. Бестужева-Рюмина*, и указателями предметовъ и именъ.

(Изданіе Н. Страхова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1895.

Того же автора:

Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Ч. I. 519 стр. съ табл. рис. и чертеж. Ч. II. 580 стр. прилож. 148 стр. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. Спб. 1885.

Т. II. (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. Спб. 1889.

О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изд. М. Комарова. Спб. 1886, 8°.

Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Изданіе Н. Страхова. Спб. 1890.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Предъидущее изданіе, въ тысячу экземпляровъ, вышедшее въ началѣ марта прошлаго (1888) года было уже раскуплено къ ноябрю. Этотъ огромный успѣхъ былъ для насъ неожиданною радостью, и мы горько пожалѣли, что покойному автору не довелось быть его свидѣтелемъ. Успѣхъ его книги, можетъ быть, смягчилъ бы ту грусть, съ которою онъ смотрѣлъ на состояніе русскихъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ успѣхъ ясно доказываетъ, что между множествомъ слоевъ или круговъ нашей интеллигенціи есть и такой кругъ, въ которомъ не только живъ истинный патріотизмъ, но и возбудилось его отчетливое понятіе, совершается умственный трудъ народнаго самосознанія. Книга, которую мы вновь издаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ текущею литературою. Она совершила свой путь независимо; отъ начала, когда она появилась въ *Зарѣ* (1869) и до настоящей минуты, она никогда не была предметомъ журнальныхъ толковъ и вызвала лишь немногія замѣтки, притомъ почти всѣ враждебныя. Какъ на исключеніе, поистинѣ подтверждающее правило, можно указать только на отзывъ нашего историка К. Н. Бестужева-Рюмина. На первыхъ страницахъ своей *Русской Исторіи* (ея первый томъ вышелъ въ 1872) онъ прямо и обстоятельно заявилъ, что раздѣляетъ новый взглядъ на науку исторіи, предложенный Н. Я. Данилевскимъ. Но, не смотря на этотъ авторитетный голосъ, вообще въ ученомъ нашемъ мірѣ „Россія и Европа“ вовсе не была на счету, и точно также литература ничуть не повинна ни въ томъ, что медленно расходилось, но все-таки расходилось изданіе 1871 года, ни въ томъ, что съ удивительной быстротой разошлось изданіе 1888 года. Значитъ, къ нашей радости, существуетъ у насъ еще другое

умственное теченіе, кромѣ повременной литературы, которую обыкновенно считаютъ выразительницей состоянія умовъ и идей въ обществѣ. Есть, значитъ, какой-то болѣе устойчивый и серіозный слой читателей, вниманіе котораго наконецъ завоевано настоящею книгою. Неужели надежды насъ обманываютъ? Намъ кажется, что политическіе взгляды у насъ измѣнились къ лучшему. Какъ въ дѣлахъ ума и вкуса, такъ и въ политикѣ мы находимся подъ постояннымъ обаяніемъ Европы, но кажется пора самаго сильнаго обаянія уже миновала, и мы стали трезвѣть все больше и больше. Значеніе Севастопольской войны все еще было неясно для большинства, даже для иныхъ очень образованныхъ людей; но значеніе войны за Болгарію и Берлинскаго мира не могло не броситься въ самые ослѣпленные глаза. Яснѣе и яснѣе мы чувствуемъ наши отношенія къ Европѣ, и понятно, что книга, съ такою глубиною и проницательностію раскрывающая эти отношенія, должна была имѣть успѣхъ. Пожелаемъ, чтобы этотъ признакъ возрастающаго пониманія не былъ обманчивымъ! Дай Богъ намъ твердости въ мысляхъ и разума въ нашихъ дѣлахъ!

Не нужно забывать, что всемірное вѣковое дѣло совершается не такъ скоро, какъ того хотѣли бы наши желанія и надежды. Но любовь иногда увлекаетъ насъ, и тогда приходится больно разочаровываться въ преждевременной радости. Отъ такихъ разочарованій не вполнѣ ушелъ и авторъ *Россіи и Европы*, не смотря на свое удивительное пониманіе истиннаго хода всякихъ историческихъ движеній. Въ посмертныхъ примѣчаніяхъ онъ самъ рѣзко указалъ на эти свои, какъ онъ выразился, „горькія ошибки". Было нѣсколько случаевъ, когда люди и событія его обманули; онъ видѣлъ, можетъ быть со слезами, что вмѣсто пробужденія духа и силы, продолжаетъ царствовать бездушіе и слабость, что еще не кончились искаженія и бѣды, которыя должны привести насъ къ самосознанію и мощному подъему духовныхъ силъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Предъидущее изданіе, въ тысячу экземпляровъ, вышедшее въ началѣ марта прошлаго (1888) года было уже раскуплено къ ноябрю. Этотъ огромный успѣхъ былъ для насъ неожиданною радостью, и мы горько пожалѣли, что покойному автору не довелось быть его свидѣтелемъ. Успѣхъ его книги, можетъ быть, смягчилъ бы ту грусть, съ которою онъ смотрѣлъ на состояніе русскихъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ успѣхъ ясно доказываетъ, что между множествомъ слоевъ или круговъ нашей интеллигенціи есть и такой кругъ, въ которомъ не только живъ истинный патріотизмъ, но и возбудилось его отчетливое понятіе, совершается умственный трудъ народнаго самосознанія. Книга, которую мы вновь издаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ текущею литературою. Она совершила свой путь независимо; отъ начала, когда она появилась въ *Зарѣ* (1869) и до настоящей минуты, она никогда не была предметомъ журнальныхъ толковъ и вызвала лишь немногія замѣтки, притомъ почти всѣ враждебныя. Какъ на исключеніе, поистинѣ подтверждающее правило, можно указать только на отзывъ нашего историка К. Н. Бестужева-Рюмина. На первыхъ страницахъ своей *Русской Исторіи* (ея первый томъ вышелъ въ 1872) онъ прямо и обстоятельно заявилъ, что раздѣляетъ новый взглядъ на науку исторіи, предложенный Н. Я. Данилевскимъ. Но, не смотря на этотъ авторитетный голосъ, вообще въ ученомъ нашемъ мірѣ „Россія и Европа" вовсе не была на счету, и точно также литература ничуть не повинна ни въ томъ, что медленно расходилось, но все-таки расходилось изданіе 1871 года, ни въ томъ, что съ удивительной быстротой разошлось изданіе 1888 года. Значитъ, къ нашей радости, существуетъ у насъ еще другое

дѣемся, получаютъ теперь отъ насъ *самый исправный* текстъ „Россіи и Европы".

Вслѣдъ за напечатаніемъ этого изданія мы приступаемъ къ печатанію *Сборника политическихъ и политико-экономическихъ статей* Н. Я. Данилевскаго. Въ этомъ сборникѣ давно чувствуется потребность; особенно статьи Н. Я. Данилевскаго, которыя писаны во время франко-прусской и послѣдней турецкой войны, живо памятны многимъ мыслящимъ патріотамъ и составляютъ даже важное дополненіе къ „Россіи и Европѣ". Вообще, *Сборникъ* будетъ новымъ доказательствомъ высокаго ума и патріотизма автора и новымъ пособіемъ для уясненія и укрѣпленія нашихъ понятій.

8 февр. 1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Изданіе это представляетъ перепечатку текста двухъ предъидующихъ изданій страница въ страницу и строчка въ строчку. Прибавленія сдѣланы только въ предварительной статьѣ „Жизнь и труды Н. Я. Данилевскаго", именно библіографія его сочиненій доведена до настоящаго времени. Кромѣ того мы исполнили нашу давнишнюю мысль,—приложили въ концѣ книги указатели къ тексту *Россіи и Европы:* 1) „Указатель предметовъ", помогающій найти мѣсто, гдѣ разсуждается объ извѣстномъ предметѣ, 2) „Указатель именъ", въ которомъ содержатся всякаго рода имена, какія встрѣчаются въ книгѣ, и наконецъ 3) Указатель годовъ, въ ней упомянутыхъ. Эти указатели годны и для двухъ предъидущихъ изданій; поэтому мы выпускаемъ ихъ въ небольшомъ числѣ и въ отдѣльную продажу.

27 дек. 1894. **Издатель.**

Эти посмертныя указанія возбудили у иныхъ читателей не печаль, а радость. Они обрадовались возможности выставить Н. Я. Данилевскаго вообще человѣкомъ шаткимъ въ мысляхъ и ошибочнымъ въ сужденіяхъ; они ни слова не сказали о томъ, что изъ сорока этихъ посмертныхъ замѣчаній только три или четыре могутъ ихъ радовать, а въ остальныхъ авторъ съ законною гордостію указываетъ на множество другихъ случаевъ, когда его слова, напечатанныя еще въ 1869 году, блистательно подтвердились событіями протекшихъ потомъ (двѣнадцати или болѣе) лѣтъ. Недоброжелатели не замѣтили (да конечно и не поняли), что книга эта, и вообще, преисполнена такими сужденіями и взглядами, истина которыхъ раскрывается и подтверждается съ каждымъ днемъ.

Въ настоящемъ изданіи есть *приложеніе*, именно, съ согласія К. Н. Бестужева-Рюмина, перепечатана, въ концѣ, его статья *Теорія культурно-историческихъ типовъ*. Она заключаетъ въ себѣ краткій и связный обзоръ книги и, мы убѣждены, будетъ очень полезна для всѣхъ, кто не ограничится бѣглымъ чтеніемъ книги, а захочетъ вполнѣ усвоить себѣ весь объемъ предметовъ и самый ходъ мыслей этого многосодержательнаго сочиненія. Кромѣ авторитета имени, стоящаго подъ статьею, она будетъ важна для читателей многими замѣчаніями, которыми ея авторъ, занимающій первое мѣсто между сторонниками теоріи Н. Я. Данилевскаго, съ своей стороны подтверждаетъ и поясняетъ эту теорію.

Настоящее изданіе есть перепечатка предъидущаго страница въ страницу и строчка въ строчку. Но мы употребили всѣ старанія очистить книгу отъ кое-какихъ мелкихъ невѣрностей первоначальному тексту, отъ всякихъ орѳографическихъ и типографскихъ недосмотровъ, такъ что читатели, на-

былъ принятъ въ Царскосельскій лицей, какъ своекоштный воспитанникъ. Съ первой же встрѣчи въ лицеѣ началась его пріязнь съ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ, поступившимъ вмѣстѣ съ нимъ и бывшимъ потомъ всю его жизнь ближайшимъ его другомъ. Изъ лицея онъ вышелъ 12 декабря 1842 года; одинъ разъ, въ 1840 году, сюда пріѣзжалъ навѣстить его отецъ.

Николай Яковлевичъ отличался съ дѣтства необыкновенными способностями, почему легко и успѣшно проходилъ всякіе курсы. Впрочемъ, онъ дѣлалъ большое различіе между предметами преподаванія; одни онъ любилъ и ревностно изучалъ, другіе упорно пренебрегалъ, и посвящалъ на нихъ только нѣсколько дней передъ экзаменомъ. Память у него была изумительная, но также съ особенностями. Легко усвоивая языки, отлично удерживая всякія имена и цифры, а также, всякую мысль, онъ съ большимъ трудомъ останавливался на буквальномъ выраженіи мысли, на данномъ порядкѣ словъ; онъ очень любилъ стихи и прекрасно ихъ читалъ, но почти вовсе не могъ ихъ помнить.

Кончивши полный курсъ лицея, онъ не считалъ этого образованія достаточнымъ для себя. Онъ чувствовалъ горячее влеченіе къ естественнымъ наукамъ и записался вольнымъ слушателемъ на естественный факультетъ петербургскаго университета, гдѣ и занимался четыре года (1843—1847 *). Въ концѣ этого времени, я въ первый разъ увидѣлъ его въ университетскомъ коридорѣ; хотя потомъ мнѣ вовсе не приходилось его видѣть, и я познакомился съ нимъ только въ 1868 году, но первая встрѣча осталась въ моей памяти. Между студентами вдругъ пронесся говоръ: „Данилевскій, Данилевскій!“ и я увидѣлъ, какъ около высокаго молодаго человѣка, одѣтаго не въ студенческую форму, образовалась и стала расти

*) Съ 1 апрѣля 1843 года онъ былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министерства, изъ которой уволенъ 19 января 1847 г. по прошенію, за болѣзнью. Въ теченіе этого времени онъ былъ дважды въ отпуску; съ 1 мая 1844 года на четыре мѣсяца, и съ 10 іюня по 6 октября 1846 года.

большая толпа. Всѣ жадно слушали, что̀ онъ говоритъ; ближайшіе къ нему задавали вопросы, а онъ отвѣчалъ и давалъ объясненія. Дѣло шло о бытіи Божіемъ и о системѣ Фурье.

Онъ былъ въ это время большимъ приверженцемъ Фурье. Въ научныхъ же занятіяхъ онъ выбралъ своею спеціальностію ботанику; въ 1847 году онъ получилъ степень кандидата, а зимою 1848-49 выдержалъ экзаменъ на магистра ботаники. 1847-й и 1848-й годы проведены были то въ Петербургѣ, то въ Рязанской и Орловской губерніяхъ; Николай Яковлевичъ изучалъ флору Орловской губерніи и для магистерской диссертаціи составилъ описаніе этой флоры. Но лѣтомъ 1849 года, въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другимъ магистрантомъ, Петромъ Петровичемъ Семеновымъ, находился въ Тульской губерніи (на Красивой Мечѣ) и занимался, по порученію Вольно-Экономическаго Общества, изслѣдованіемъ границъ черноземной полосы Россіи и ея флоры, онъ былъ неожиданно арестованъ и отвезенъ въ заключеніе въ Петропавловскую крѣпость. Его привлекли по тому дѣлу Петрашевскаго, которое, какъ извѣстно, повело къ ссылкѣ Ѳ. М. Достоевскаго, Пальма и другихъ. Заключеніе, продолжавшееся сто дней, было особенно тяжело сначала, когда запрещены были книги. Съ разрѣшеніемъ книгъ, и съ своею способностію отдаваться работѣ мыслей, Николай Яковлевичъ сталъ легко переносить одиночество. Между прочимъ, *Донкихотъ* въ хорошемъ старинномъ французскомъ переводѣ возбудилъ въ немъ восторженный смѣхъ, о которомъ онъ любилъ потомъ вспоминать. На слѣдствіи онъ объяснилъ, что надолго отлучался изъ Петербурга, а въ Петербургѣ былъ поглощенъ приготовленіемъ къ экзаменамъ, почему въ послѣдніе годы не бывалъ у Петрашевскаго и не зналъ, что̀ у него дѣлалось. Кромѣ того, въ большой запискѣ онъ ясно и полно изложилъ систему Фурье, въ проповѣдываніи которой его обвиняли; оказывалось несомнѣнно, что она не содержитъ въ себѣ ничего революціоннаго и противурелигіознаго, а есть ученіе чисто экономическое.

Слѣдственная коммисія освободила Николая Яковлевича

командировку, „на Псковское и Чудское озера для разъясненія жалобъ на правила рыболовства“.

Въ слѣдующемъ 1863 году началась самая продолжительная и важная работа Николая Яковлевича по рыболовству. Онъ назначенъ былъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ“. Экспедиція эта продолжалась пять лѣтъ. Въ сентябрѣ 1863 года Николай Яковлевичъ забралъ свою семью и спустился по Волгѣ до Царицына, потомъ по желѣзной дорогѣ переѣхалъ на Донъ и спустился къ Черному морю. Онъ пробовалъ устроить постоянное мѣстопребываніе своему семейству сперва въ Ѳеодосіи, потомъ къ Никитѣ, но наконецъ поселился въ Мисхорѣ, на Южномъ Берегу (9 марта 1864). Изъ Мисхора было сдѣлано шесть поѣздокъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1864 году—вокругъ Азовскаго моря; въ 1865 году—на Днѣпръ; въ 1866 весною—на Манычъ; въ 1867 году—съ 19 мая по 19 іюня вокругъ Чернаго моря; съ 10 сентября по 17 октября того же года на Кубань, а съ 23 ноября по 26 декабря на Дунай.

Изслѣдованіе промысловъ занимало преимущественно только тѣ времена года, когда самые промыслы производились. Поэтому въ Мисхорѣ было у Николая Яковлевича нѣсколько спокойныхъ зимъ, и плодомъ этого досуга была книга *Россія и Европа*, начатая осенью 1865 года.

Къ этому же періоду относится другое важное обстоятельство. Николай Яковлевичъ ни за собою, ни за женою не имѣлъ никакого недвижимаго имущества; нечаянно представился ему случай купить на Южномъ Берегу Мшатку, большое запущенное имѣніе гр. Кушелева-Безбородко, продававшееся очень дешево. Тутъ былъ огромный садъ, когда-то старательно воздѣланный, былъ виноградникъ, были развалины барскаго дома, сожженнаго французами въ крымскую войну, и былъ маленькій домъ для управляющаго. Данилевскіе для покупки собрали всѣ свои деньги, и съ 1-го іюня 1867 года семья ихъ уже жила въ Мшаткѣ.

Въ началѣ 1868 года (3 января) выѣхалъ отсюда Нико-

изслѣдованія рыболовства въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ". Экспедиція продолжалась три года, и Николай Яковлевичъ получилъ за нее 6 марта 1861 года 500 рублей награды.

Съ большою поѣздкою на Ледовитый океанъ совпадаетъ эпоха второй женитьбы Николая Яковлевича. Еще когда онъ былъ высланъ въ Вологду изъ Петербурга, онъ сблизился съ семьею Межакова, губернскаго предводителя дворянства, помѣщика села Никольскаго въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Николай Яковлевичъ былъ въ особенной дружбѣ съ сыномъ предводителя Александромъ Павловичемъ Межаковымъ, который десятью годами былъ старше его и скончался 2 іюня 1859 года. Когда уже началась экспедиція, зимою 1860 года, Николай Яковлевичъ заѣхалъ на короткій срокъ въ Никольское и здѣсь (8 февраля) сдѣлалъ предложеніе дочери своего покойнаго друга, Ольгѣ Александровнѣ. Но свадьба была отложена до конца экспедиціи и совершилась только 15 октября 1861 года. Во все время разлуки, женихъ усердно переписывался съ невѣстою, разсказывалъ ей все, что съ нимъ было. Письма это сохранились, и по нимъ возможно будетъ составить полный образъ этой трудной поѣздки.

Двѣ первыя поѣздки Николая Яковлевича были самыя дальнія изъ всѣхъ, какія онъ сдѣлалъ; въ первую поѣздку онъ побывалъ въ Персіи, на южномъ берегу Каспійскаго моря, а во вторую онъ посѣтилъ Норвегію, гдѣ въ 1861 году, въ Дронтгеймѣ, встрѣчалъ и Новый годъ и Пасху. Перечислимъ вкратцѣ остальныя поѣздки, чтобы дать примѣрное понятіе о внѣшней формѣ этой жизни, которая въ то же время была такъ обильна учеными трудами и мыслями.

Третья поѣздка была въ Астрахань. Николай Яковлевичъ былъ командированъ туда 31 октября 1861 г. „для присутствія въ коммисіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ". Путешествіе по тогдашнимъ дорогамъ, среди первыхъ снѣговъ и по только-что замерзшей Волгѣ, вышло какъ-то особенно труднымъ и опаснымъ. Въ Астрахани Николай Яковлевичъ прожилъ до іюня слѣдующаго года.

Въ ноябрѣ 1862 года онъ отправился въ *четвертую*

провождалъ Великаго Князя Алексѣя Александровича въ Архангельскъ и въ Соловецкій монастырь. Этою экспедиціею было закончено изслѣдованіе всѣхъ водъ Европейской Россіи. Все дѣйствующее здѣсь законодательство по части рыболовства принадлежитъ Николаю Яковлевичу, трудъ огромной важности по своей пользѣ и классическій по выполненію.

Чтобы дать хорошее понятіе о трудахъ и лишеніяхъ Николая Яковлевича во время его поѣздокъ, нужно было бы изобразить ихъ въ подробностяхъ, въ которыя мы здѣсь вдаватся не можемъ. По чрезвычайной бодрости духа и тѣла, онъ легко переносилъ всякія трудности; скука для него не существовала, и умъ его работалъ непрерывно. Но было въ этой жизни одно обстоятельство очень тяжелое: это—безпрестанныя и долгія разлуки съ семействомъ, которое можно назвать нѣжно-любимымъ не ради одного приличнаго и красиваго выраженія. Въ 1869 году, въ сентябрѣ, семья Николая Яковлевича вмѣстѣ съ нимъ покинула Петербургъ и поселилась въ Мшаткѣ. Они взяли меня съ собою, и тутъ я въ первый разъ испыталъ очарованія Южнаго Берега. Когда началась экспедиція 1870 и 1871 годовъ, рѣшено было, что семья поселится гдѣ-нибудь въ области экспедиціи; естественное притяженіе привело ее наконецъ въ село Никольское, хотя по разстояніямъ это не былъ удобный пунктъ. По окончаніи экспедиціи, Николай Яковлевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ (5 декабря 1871), а въ февралѣ 1872 г. перебралась въ Петербургъ и вся семья его и опять устроилась здѣсь на постоянное жительство.

Но уже лѣтомъ этого года Николаю Яковлевичу назначена была *девятая* командировка, именно предсѣдательство въ „коммисіи для составленія правилъ о пользованіи проточными водами въ Крыму“. Это назначеніе какъ нельзя болѣе согласовалось съ желаніями Николая Яковлевича. Онъ снова переселилъ свою семью въ Мшатку; случилось такъ, что съ этихъ поръ онъ уже до конца жизни постоянно жилъ въ Крыму, хотя и долженъ былъ дѣлать многія отлучки. Дѣло о проточныхъ водахъ затянулось, никакъ, однако же, не по ви-

лай Яковлевичъ въ Петербургъ, въ которомъ, разумѣется, ему приходилось часто бывать и прежде по обязанностямъ службы. Эти поѣздки продолжались и до конца жизни, хотя всегда дѣлались съ большою неохотою; въ настоящемъ очеркѣ мы упоминаемъ только о важнѣйшихъ изъ нихъ. Вся зрѣлая жизнь и дѣятельность Николая Яковлевича прошла внѣ столицы, и онъ, вообще, не любилъ городской жизни.

На этотъ разъ (1868) ему пришлось провести въ Петербургѣ больше времени, чѣмъ когда-нибудь во время его службы. Вскорѣ послѣ его пріѣзда мнѣ досталась счастливая доля съ нимъ познакомиться. Лѣтомъ онъ съѣздилъ въ Крымъ за своею семьею, и 1-го августа они расположились въ Петербургѣ на постоянное житье.

Между тѣмъ, еще раньше, въ маѣ этого года онъ исполнилъ командировку (*шестую* по счету) въ Астрахань, „для разъясненія вопросовъ, касающихся Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ". На этотъ разъ, самъ Николай Яковлевичъ былъ предсѣдателемъ коммисіи, и тутъ были окончательно выработаны, на основаніи всѣхъ предъидущихъ изслѣдованій, правила, которыя теперь дѣйствуютъ, или должны дѣйствовать.

Седьмая командировка была ему назначена въ томъ же году въ августѣ, въ Архангельскую губернію, „для изслѣдованія состоянія сельскаго хозяйства и рыбныхъ промысловъ". Плодомъ этой поѣздки былъ обширный и важный докладъ *О мѣрахъ къ обезпеченію продовольствія на сѣверѣ Россіи.*

Въ слѣдующемъ 1869 году, въ февралѣ, Николай Яковлевичъ опять отправился въ Астрахань „для присутствія въ комитетѣ каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ". Осенью этого года ѣздилъ по порученію министра въ Никиту.

Два года, 1870 и 1871, были заняты большою поѣздкою, *девятою* по счету. Николай Яковлевичъ былъ назначенъ 9 марта 1870 „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ Россіи". Во время этой экспедиціи, въ іюнѣ 1870, Николай Яковлевичъ со-

Цабеля, бывшаго въ отпуску. Къ этому времени, къ зимѣ 1870 г. относится начало *Дарвинизма*.

Въ 1880 году 12 октября Николай Яковлевичъ открылъ филлоксеру въ имѣніи г. Раевскаго и тотчасъ написалъ объ этомъ въ министерство. Опасность филлоксеры Николай Яковлевичъ, можно сказать, одинъ видѣлъ и зналъ. Въ свое время (5 марта 1873) онъ настаивалъ на полномъ запрещеніи ввоза виноградныхъ лозъ изъ за границы, и такой ввозъ былъ прекращенъ Высочайшимъ повелѣніемъ (6 апрѣля 1873). Въ 1880 году, въ отвѣтъ на свое извѣщеніе, получилъ онъ (6 ноября) изъ министерства бумагу о томъ, что назначается предсѣдателемъ Крымской филлоксерной коммисіи. Николай Яковлевичъ сейчасъ же началъ уничтожать зараженные виноградники въ Тессели. Для ознакомленія съ дѣломъ, онъ просился за границу и уѣхалъ 13 декабря въ Швейцарію и южную Францію, но 13 января 1881 года уже опять былъ въ Крыму. Съ этихъ поръ, каждый годъ лѣтомъ происходилъ осмотръ виноградниковъ и разыскиваніе филлоксеры; за тѣмъ слѣдовало уничтоженіе мѣстъ зараженныхъ или подвергающихся опасности зараженія. Николай Яковлевичъ обнаружилъ быстроту и энергію, вызвавшія громкія похвалы ученыхъ винодѣловъ за границею. Работы по уничтоженію требовали много рабочихъ, и для этого употреблялись солдаты. Общее начальство надъ всею экспедицею противъ филлоксеры было вручено Государемъ барону Андрею Николаевичу Корфу, который, когда хорошо познакомился съ ходомъ работъ, оцѣнилъ высокія достоинства Николая Яковлевича и сталъ оказывать ему всякое содѣйствіе.

Къ несчастію, мѣры, предложенныя съ самаго начала Николаемъ Яковлевичемъ, все-таки не были окончательно выполнены, и борьба съ филлоксерою продолжалась каждый годъ, продолжается и теперь. Послѣ барона А. Н. Корфа, Николай Яковлевичъ въ 1883 году остался одинъ распорядителемъ дѣла.

Въ самый послѣдній годъ жизни (1885), Николаю Яковлевичу пришлось сдѣлать двѣ поѣздки: 3 апрѣля онъ былъ

командированъ въ Тифлисъ на филлоксерный съѣздъ, назначенный на 20 апрѣля. Еще по дорогѣ въ Тифлисъ, онъ ушибъ себѣ ногу, и до конца лѣта страдалъ отъ этого ушиба. Кромѣ того, онъ чувствовалъ уже больше года припадки той болѣзни сердца, отъ которой ему суждено было умереть. Не смотря на то, онъ принялъ командировку (6 сентября) для изслѣдованія уменьшенія рыболовства на озерѣ Гохчѣ. Онъ выѣхалъ изъ Мшатки 1-го октября и благополучно совершилъ изслѣдованіе озера; но, когда вернулся въ Тифлисъ, гдѣ думалъ составить краткій отчетъ, неожиданно подвергся сильному припадку своей болѣзни, и умеръ 7 ноября.

Тѣло его было перевезено въ Мшатку и похоронено въ его саду. Тамъ есть, недалеко отъ берега моря, узкая дорожка, которая какъ-будто ведетъ съ открытаго мѣста въ глухую чащу. Но въ концѣ этой дорожки вдругъ открывается большая гладкая поляна, со всѣхъ сторонъ окруженная, какъ стѣною, высокими деревьями и крутыми скалами. Поляна такъ ровна и ея ограда такъ правильна, что это мѣсто назвали *кипариснымъ заломъ*. Теперь оно напоминаетъ храмъ: посрединѣ его—могила, и надъ нею стоитъ крестъ, на который приходятъ молиться не одни свои, но иногда и разный простой людъ, далеко вокругъ Мшатки знающій о покойномъ и почитающій его память.

По личнымъ своимъ качествамъ, Николай Яковлевичъ представлялъ высокое явленіе. Это былъ человѣкъ огромныхъ силъ, крѣпкій тѣломъ и душою, и притомъ такой ясный, чистый, чуждый зла и малѣйшей фальши, что не любить его было невозможно, и что онъ не оставилъ послѣ себя ни единаго врага или порицателя. Его мало знали; въ немъ вовсе не было свойствъ, которыми пріобрѣтается извѣстность. Его знали только люди лично съ нимъ сходившіеся, или спеціально интересовавшіеся тѣмъ, что̀ онъ писалъ и дѣлалъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого можно назвать солью земли русской, къ тѣмъ неизвѣстнымъ праведникамъ, которыми спасается наше отечество.

Цабеля, бывшаго въ отпуску. Къ этому времени, къ зимѣ 1870 г. относится начало *Дарвинизма*.

Въ 1880 году 12 октября Николай Яковлевичъ открылъ филлоксеру въ имѣніи г. Раевскаго и тотчасъ написалъ объ этомъ въ министерство. Опасность филлоксеры Николай Яковлевичъ, можно сказать, одинъ видѣлъ и зналъ. Въ свое время (5 марта 1873) онъ настаивалъ на полномъ запрещеніи ввоза виноградныхъ лозъ изъ за границы, и такой ввозъ былъ прекращенъ Высочайшимъ повелѣніемъ (6 апрѣля 1873). Въ 1880 году, въ отвѣтъ на свое извѣщеніе, получилъ онъ (6 ноября) изъ министерства бумагу о томъ, что назначается предсѣдателемъ Крымской филлоксерной коммисіи. Николай Яковлевичъ сейчасъ же началъ уничтожать зараженные виноградники въ Тессели. Для ознакомленія съ дѣломъ, онъ просился за границу и уѣхалъ 13 декабря въ Швейцарію и южную Францію, но 13 января 1881 года уже опять былъ въ Крыму. Съ этихъ поръ, каждый годъ лѣтомъ происходилъ осмотръ виноградниковъ и разыскиваніе филлоксеры; за тѣмъ слѣдовало уничтоженіе мѣстъ зараженныхъ или подвергающихся опасности зараженія. Николай Яковлевичъ обнаружилъ быстроту и энергію, вызвавшія громкія похвалы ученыхъ винодѣловъ за границею. Работы по уничтоженію требовали много рабочихъ, и для этого употреблялись солдаты. Общее начальство надъ всею экспедицею противъ филлоксеры было вручено Государемъ барону Андрею Николаевичу Корфу, который, когда хорошо познакомился съ ходомъ работъ, оцѣнилъ высокія достоинства Николая Яковлевича и сталъ оказывать ему всякое содѣйствіе.

Къ несчастію, мѣры, предложенныя съ самаго начала Николаемъ Яковлевичемъ, все-таки не были окончательно выполнены, и борьба съ филлоксерою продолжалась каждый годъ, продолжается и теперь. Послѣ барона А. Н. Корфа, Николай Яковлевичъ въ 1883 году остался одинъ распорядителемъ дѣла.

Въ самый послѣдній годъ жизни (1885), Николаю Яковлевичу пришлось сдѣлать двѣ поѣздки: 3 апрѣля онъ былъ

командированъ въ Тифлисъ на филлоксерный съѣздъ, назначенный на 20 апрѣля. Еще по дорогѣ въ Тифлисъ, онъ ушибъ себѣ ногу, и до конца лѣта страдалъ отъ этого ушиба. Кромѣ того, онъ чувствовалъ уже больше года припадки той болѣзни сердца, отъ которой ему суждено было умереть. Не смотря на то, онъ принялъ командировку (6 сентября) для изслѣдованія уменьшенія рыболовства на озерѣ Гохчѣ. Онъ выѣхалъ изъ Мшатки 1-го октября и благополучно совершилъ изслѣдованіе озера; но, когда вернулся въ Тифлисъ, гдѣ думалъ составить краткій отчетъ, неожиданно подвергся сильному припадку своей болѣзни, и умеръ 7 ноября.

Тѣло его было перевезено въ Мшатку и похоронено въ его саду. Тамъ есть, недалеко отъ берега моря, узкая дорожка, которая какъ-будто ведетъ съ открытаго мѣста въ глухую чащу. Но въ концѣ этой дорожки вдругъ открывается большая гладкая поляна, со всѣхъ сторонъ окруженная, какъ стѣною, высокими деревьями и крутыми скалами. Поляна такъ ровна и ея ограда такъ правильна, что это мѣсто назвали *кипариснымъ заломъ*. Теперь оно напоминаетъ храмъ: посрединѣ его—могила, и надъ нею стоитъ крестъ, на который приходятъ молиться не одни свои, но иногда и разный простой людъ, далеко вокругъ Мшатки знающій о покойномъ и почитающій его память.

По личнымъ своимъ качествамъ, Николай Яковлевичъ представлялъ высокое явленіе. Это былъ человѣкъ огромныхъ силъ, крѣпкій тѣломъ и душою, и притомъ такой ясный, чистый, чуждый зла и малѣйшей фальши, что не любить его было невозможно, и что онъ не оставилъ послѣ себя ни единаго врага или порицателя. Его мало знали; въ немъ вовсе не было свойствъ, которыми пріобрѣтается извѣстность. Его знали только люди лично съ нимъ сходившіеся, или спеціально интересовавшіеся тѣмъ, что онъ писалъ и дѣлалъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого можно назвать солью земли русской, къ тѣмъ неизвѣстнымъ праведникамъ, которыми спасается наше отечество.

Вотъ некрологъ, который былъ посланъ мною въ газеты на другой день послѣ его смерти:

„Въ Тифлисѣ 7 ноября въ 10 часовъ утра скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ Россіи, *Николай Яковлевичъ Данилевскій*. По служебному своему положенію, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ. Труды его на поприщѣ службы чрезвычайно велики и важны. Онъ изслѣдовалъ рыболовные промыслы во всей Европейской Россіи и составилъ для нихъ нынѣ дѣйствующія постановленія. Изслѣдованіе было начато еще подъ руководствомъ знаменитаго К. Э. Бэра и потомъ продолжалось десятки лѣтъ самостоятельно; послѣдній трудъ этого рода была поѣздка на озеро Гохчу, въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ. Вернувшись изъ этой поѣздки въ Тифлисъ, Николай Яковлевичъ неожиданно подвергся смертельному припадку болѣзни сердца, которой признаки показались лишь въ этомъ году, но повидимому стали исчезать. Въ послѣдніе годы имъ были выполнены, сверхъ того, два важныхъ служебныхъ дѣла,—составленіе правилъ для *владѣнія водами* въ Крыму и истребленіе филлоксеры, заразившей тамъ виноградники.

„Въ литературѣ Николай Яковлевичъ имѣетъ громкое имя, какъ одинъ изъ крупныхъ славянофиловъ, какъ авторъ книги „*Россія и Европа*, содержащей самобытный взглядъ на всемірную исторію и какъ бы цѣлый кодексъ славянофильскаго ученія. Онъ былъ почетнымъ членомъ петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Кромѣ того, ему принадлежатъ нѣкоторые менѣе обширные, но всегда замѣчательные ученые труды по части геологіи, политической экономіи, изученія народнаго быта и пр. Какъ натуралистъ, онъ хотѣлъ завершить свою жизнь обширнымъ трудомъ подъ заглавіемъ *Дарвинизмъ*; скоро выйдутъ два тома этого сочиненія, которому суждено остаться неконченнымъ.

„Но, какъ ни прекрасны его труды, въ немъ самомъ было еще больше добра и свѣта, чѣмъ въ его трудахъ. Никто знавшій покойнаго, не могъ не почувствовать чистоты его

„души, прямоты и твердости его характера, поразительной „силы и ясности его ума. Не имѣя никакихъ притязаній, ни„какого желанія выставиться, онъ всюду являлся, однако, какъ „человѣкъ *власть имущій*, какъ скоро рѣчь заходила о томъ, „чтò онъ зналъ и любилъ. Патріотизмъ его былъ безграничный, но зоркій и неподкупный. Не было пятна не только „на его душѣ, но и на самыхъ помыслахъ. Умъ его соединялъ чрезвычайную теоретическую силу съ легкостію и точ„ностію практическихъ плановъ. Въ своихъ законодательныхъ „работахъ и умственныхъ построеніяхъ онъ никогда не при„бѣгалъ къ помощи чужихъ образцовъ, былъ вполнѣ само„бытенъ. Для всѣхъ къ нему близкихъ, съ нимъ сошли въ „могилу незамѣнимыя сокровища ума и души.

„Ему было шестьдесятъ три года, и онъ оставилъ послѣ „себя жену и пятерыхъ дѣтей.

Все предъидущее представляетъ не болѣе, какъ голыя рамки, въ которыя должны быть вставлены разнообразныя картины этой богатой жизни. Воспоминанія друзей, можетъ быть, со временемъ изобразятъ намъ черты душевныхъ свойствъ и частной жизни Николая Яковлевича. Но его умственная и практическая дѣятельность во многомъ доступна уже каждому. Ниже читатели найдутъ списокъ всего, чтò онъ писалъ и печаталъ, какъ по своимъ служебнымъ дѣламъ, такъ и по тѣмъ вопросамъ, которые занимали его помимо служебныхъ порученій. Въ отчетахъ, публикованныхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, найдется матеріалъ для изложенія его огромныхъ трудовъ по рыболовству, а также вообще по промысламъ и сельскому хозяйству и, наконецъ, по борьбѣ съ филлоксерой, хотя многое еще остается въ архивахъ министерства. Изъ важныхъ работъ по законодательству относительно проточныхъ водъ въ Крыму даже вовсе ничего не публиковано. Затѣмъ, въ произведеніяхъ неоффиціальной часто-литературной дѣятельности нашего автора можно различить три главныхъ отдѣла: 1) естественно-научный, въ ко-

торомъ важнѣйшее мѣсто занимаетъ книга *Дарвинизмъ*; 2) политико-экономическій, представителемъ котораго можетъ быть книга *О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ*, и наконецъ 3) историческій или политическій, въ которомъ главное произведеніе *Россія и Европа*.

Чтобы изложить и характеризовать эти обширные и разнообразные труды, потребуется долгое и внимательное изученіе. Всѣ они вполнѣ заслуживаютъ такого изученія; въ каждой области, все, сдѣланное Николаемъ Яковлевичемъ, есть плодъ ума необыкновенно свѣтлаго и самобытнаго. Скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ объ *Россіи и Европѣ*.

Когда въ самомъ началѣ 1868 года Николай Яковлевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою готовую рукопись этой книги, переписанную на бѣло и выправленную до послѣдней строчки. Такова была его манера работать; онъ ничего не дѣлалъ по частямъ и не отрывался отъ задуманнаго плана, пока не выполнитъ его до конца. Оставалось, такимъ образомъ, думать только о печатаніи. Печатать книгу отдѣльно значило бы принять на себя значительныя издержки и въ тоже время обречь свое произведеніе почти на полную неизвѣстность. Наша публика еще не покупаетъ книгъ и интересуется одними журналами. Нужно было, поэтому, постараться помѣстить свое сочиненіе въ журналѣ; въ такомъ случаѣ, авторъ тотчасъ-же получаетъ полистную плату, а сочиненіе волею-неволею предлагается вниманію нѣсколькихъ тысячъ читателей. Но ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не согласился бы принять сочиненія, писаннаго въ такомъ духѣ, какъ *Россія и Европа*. Поэтому, была сдѣлана только попытка найти мѣсто въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, хотя въ такомъ случаѣ на вниманіе публики разсчитывать уже не приходилось. Къ счастію, какъ разъ въ это время ревностный любитель литературы В. В. Кашпиревъ рѣшилъ издавать новый ежемѣсячный журналъ *Зарю* и звалъ меня въ сотрудники. Николай Яковлевичъ очень радовался этому случаю; съ первой же книжки *Зари* 1869 года стали появляться въ ней послѣдовательныя главы *Россіи и*

Европы, и въ теченіе года вся книга была напечатана въ журналѣ. Когда потомъ мы стали думать объ отдѣльномъ изданіи, то дѣло пошло нѣсколько легче. Для серіозныхъ книгъ у насъ вообще нѣтъ книгопродавцевъ-издателей; но на этотъ разъ въ *Товариществѣ Общественной Пользы* нашлись люди, ставшіе за *Россію и Европу*, и книга была издана на условіи половинныхъ издержекъ и половинныхъ выгодъ. Это изданіе 1871 года, въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ, расходилось въ продажѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ *). Нашъ прогрессъ, очевидно, совершается медленно. Наибольшій ходъ книга имѣла въ разгаръ Турецкой войны, когда, подъ вліяніемъ военнаго и патріотическаго увлеченія, многіе пожелали уяснить себѣ отношенія Россіи къ Славянамъ и къ Европѣ.

Прибавлю еще нѣсколько словъ объ этой книгѣ, именно позволю себѣ повторить свое сужденіе, высказанное при ея появленіи (*Заря* 1871, мартъ). Когда Николай Яковлевичъ прочиталъ мою рецензію, онъ сказалъ мнѣ: „все у васъ удивительно вѣрно и точно; я говорю не о похвалахъ, а о разборѣ пріемовъ и направленія моей книги“. Такимъ образомъ, замѣчанія, которыя я теперь предлагаю читателямъ, такъ-сказать одобрены самимъ авторомъ книги.

Россію и Европу, конечно, слѣдуетъ отнести къ той школѣ нашей литературы, которая называется славянофильскою, ибо эта книга основана на мысли о духовной самобытности Славянскаго міра. Притомъ, книга такъ глубоко и полно обнимаетъ этотъ вопросъ, что ее можно назвать цѣлымъ катихизисомъ или кодексомъ славянофильства.

Въ какой мѣрѣ она завершаетъ и совмѣщаетъ въ себѣ славянофильскія ученія, это другой вопросъ; но что она имѣетъ такое завершающее и представительное значеніе — въ томъ невозможно сомнѣваться. Быть можетъ, со временемъ Нико-

*) Вопреки обычаю, это изданіе названо на оберткѣ *вторымъ*; ошибка произошла оттого, что книга дѣйствительно не составилась изъ журнальныхъ статей, писанныхъ въ разное время, а напротивъ, была уже вполнѣ готова, прежде чѣмъ появилась въ послѣдовательныхъ книжкахъ журнала.

лай Яковлевичъ Данилевскій будетъ считаться славянофиломъ *по преимуществу*, кульминаціонной точкой въ развитіи этого направленія, писателемъ, сосредоточившимъ въ себѣ всю силу славянофильской идеи. Если имя Хомякова никогда не забудется въ исторіи русской мысли, то можетъ быть *то, что сказалъ Данилевскій*, будетъ болѣе понятно, сильнѣе и яснѣе отразится въ умахъ.

Но, положимъ, даже не такъ; положимъ Данилевскому не суждено стоять, не то что выше, а лишь впереди предшествовавшихъ славянофиловъ; во всякомъ случаѣ „Россія и Европа“ есть книга, по которой можно изучать славянофильство всякому, кто его желаетъ изучать. Съ появленіемъ той книги уже нельзя говорить, что мысли о своеобразіи славянскаго племени, о Европѣ, какъ о мірѣ намъ чуждомъ, о задачахъ и будущности Россіи и т. д., что эти мысли существуютъ въ видѣ журнальныхъ толковъ, намековъ, мечтаній, фразъ, аллегорій; нѣтъ, славянофильство теперь существуетъ въ формѣ строгой, ясной, опредѣленной, въ такой точной и связной формѣ, въ какой едва-ли существуетъ у насъ какое-нибудь другое ученіе.

Тутъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть возраженіе, обыкновенно дѣлаемое противъ книгъ такого рода, какъ „Россія и Европа“. Говорятъ, и уже успѣли сказать нѣсколько разъ, что въ этой книгѣ нѣтъ *ничего новаго*. Этотъ вопросъ *о новости* чрезвычайно труденъ, и этою трудностію всегда пользовались люди недоброжелательствующіе самому дѣлу. Что̀ новаго въ Пушкинѣ? Повидимому у него все то же, что̀ у Жуковскаго, Батюшкова, Козлова и пр. Тотъ же языкъ, тѣ же формы произведеній, одинаковые литературные привычки и пріемы. Между тѣмъ, въ сущности, новость огромная: созданіе русской поэзіи, основаніе русской литературы. Итакъ, уловить новое вовсе не легко. Иной скептикъ готовъ будетъ, пожалуй, сказать, что и великолѣпный домъ, который онъ видитъ въ первый разъ, не представляетъ ему ничего новаго, такъ какъ онъ уже давно видѣлъ кучи кирпичей, изъ которыхъ этотъ домъ построенъ.

Но въ настоящемъ случаѣ, для читателя сколько-нибудь внимательнаго и серіознаго, не можетъ быть, намъ кажется, никакого вопроса и сомнѣнія. Въ книгѣ Данилевскаго все новое, отъ начала до конца; она не есть сводъ и повтореніе чужихъ мнѣній, она содержитъ только одни собственныя мнѣнія автора, мысли, никѣмъ и никогда еще не сказанныя, почему онъ и почелъ за нужное ихъ высказать. *Россія и Европа* есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильствомъ въ тѣсномъ, литературно-историческомъ смыслѣ этого слова, не составляющая дальнѣйшаго развитія уже высказанныхъ началъ, а напротивъ полагающая новыя начала, употребляющая новые пріемы, и достигающая новыхъ, *болѣе общихъ* результатовъ, въ которыхъ славянофильскія положенія содержатся *какъ частный случай*. Когда мы, не смотря на то, называемъ ученіе „Россіи и Европы" славянофильствомъ, то мы разумѣемъ здѣсь славянофильство въ отвлеченномъ, общемъ, идеальномъ смыслѣ; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особое ученіе Данилевскаго, такъ сказать „данилевщина", которая включаетъ въ себѣ славянофильство, но не наоборотъ.

Новыя явленія въ умственномъ мірѣ мы часто принимаемъ за старыя, давно намъ знакомыя: ошибка самая естественная. Новыя явленія часто заставляютъ насъ расширять и обобщать смыслъ прежнихъ понятій: такъ, съ появленіемъ „Россіи и Европы" мы должны расширить и обобщить смыслъ давно употребляемаго термина *славянофильство*. Оказалось, что есть славянофильское ученіе, вовсе не похожее на то, что̀ мы привыкли называть этимъ именемъ.

Въ чемъ же сходство и въ чемъ различіе? Сходство, очевидно, заключается въ *практическихъ выводахъ*. Понятно, что Н. Я. Данилевскій, говоря о потребностяхъ Россіи, о тѣхъ стремленіяхъ, которыхъ ей слѣдуетъ держаться, въ значительной мѣрѣ долженъ былъ совпадать съ прежними славянофилами. Люди, живо и глубоко чувствующіе интересы своей родины, любовно вникающіе въ ея историческую судьбу, конечно никогда не разойдутся далеко по вопросамъ, что̀

слѣдуетъ любить, чего слѣдуетъ желать. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли на множествѣ примѣровъ, сердечная проницательность заставляетъ многихъ говорить и дѣйствовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самымъ яснымъ началамъ, ими исповѣдуемымъ. Есть случаи, когда вся Россія, можно сказать, обращается въ славянофиловъ.

Но иное дѣло—стремиться, повинуясь какому-то инстинкту, и иное дѣло—возвести эти стремленія въ сознательные взгляды, и согласовать ихъ съ нашими общими и высшими началами. И вотъ гдѣ существенное отличіе Н. Я. Данилевскаго. Если всякій мужикъ есть въ сущности славянофилъ, если самые ярые западники иногда говорятъ за одно съ мужиками, если, наконецъ, прежніе славянофилы вѣрно поняли не только интересы, но и самый духъ своего народа, то Данилевскій есть именно тотъ писатель, который представилъ наиболѣе строгую теорію для этихъ стремленій, который нашелъ для нихъ общія и высшія начала, начала новыя, до него никѣмъ не указанныя. Вотъ гдѣ главная оригинальность „Россіи и Европы“.

Эта книга названа слишкомъ скромно. Она вовсе не ограничивается Россіею и Европою, или даже болѣе широкими предметами, міромъ славянскимъ и міромъ германо-романскимъ. Она содержитъ въ себѣ новый взглядъ на всю исторію человѣчества, новую теорію *Всеобщей Исторіи*. Это не публицистическое сочиненіе, котораго вся занимательность заимствуется отъ извѣстныхъ практическихъ интересовъ; это сочиненіе строго-научное, имѣющее цѣлью добыть истину относительно основныхъ началъ, на которыхъ должна строиться наука *исторіи*. Славянство и отношенія между Россіею и Европою суть не болѣе, какъ частный случай,—примѣръ поясняющій общую теорію.

Главная мысль Данилевскаго чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Онъ далъ новую формулу для постоенія исторіи, формулу *гораздо болѣе широкую*, чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность пред-

мета, чѣмъ прежнія формулы. Именно, онъ отвергъ *единую нить* въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ, говоритъ Данилевскій, существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ *культурно-историческихъ типовъ*.

Очевидно, прежній взглядъ на исторію былъ *искусственный*, насильственно подгоняющій явленія подъ формулу, взятую извнѣ, подчиняющій ихъ произвольно придуманному порядку. Новый взглядъ Данилевскаго есть взглядъ *естественный*, не задающійся заранѣе принятою мыслью, а опредѣляющій формы и отношенія предметовъ на основаніи опыта, наблюденія, внимательнаго всматриванія въ ихъ природу. Переворотъ, который „Россія и Европа“ стремится внести въ науку исторіи, подобенъ *внесенію естественной системы* въ науки, гдѣ господствовала система искусственная.

Изслѣдователь тутъ руководится нѣкоторымъ *смиреніемъ* передъ предметами. Ученые теоретики, особенно нѣмцы, часто ломаютъ по своему природу, подгоняютъ ее подъ извѣстныя идеи, готовы видѣть неправильность и уродство во всемъ, что̀ несогласно съ ихъ разумомъ; но истинный натуралистъ отказывается отъ слѣпой вѣры въ свой разумъ, ищетъ откровеній и указаній не въ собственныхъ мысляхъ, а въ предметахъ. Тутъ есть вѣра въ то, что міръ и его явленія гораздо глубже, богаче содержаніемъ, обильнѣе смысломъ, чѣмъ бѣдныя и сухія построенія нашего ума.

Для обыкновеннаго историка, такое явленіе, какъ, напримѣръ, Китай, есть нѣчто неправильное и пустое, какая-то ненужная безсмылица. Поэтому о Китаѣ и не говорятъ, его выкидываютъ за предѣлы исторіи. По системѣ Данилевскаго, Китай есть столь же законное и поучительное явленіе, какъ греко-римскій міръ, или гордая Европа *).

---

*) Въ предыдущихъ изданіяхъ здѣсь было примѣчаніе, въ которомъ говорилось, что нѣкоторые зачатки того, что̀ у Данилевскаго составляетъ теорію культурно-историческихъ типовъ, можно найти у другихъ писателей.

Итакъ, вотъ какую важность, какой высокій предметъ и какую силу имѣетъ та новая, собственно Данилевскому принадлежащая исходная точка зрѣнія, которая развита въ „Россіи и Европѣ“. Столь же оригинальна и та мастерская разработка, которой подвергнута исторія съ этой точки зрѣнія. Если многіе выводы получились славянофильскіе, то они такимъ образомъ пріобрѣли совершенно новый видъ, получили новую доказательность, которой, очевидно, не могли имѣть, пока не существовали начала, въ первый разъ указанныя въ этой книгѣ.

Авторъ „Россіи и Европы“ нигдѣ не опирается на славянофильскія ученія, какъ на что-нибудь уже добытое и дознанное. Напротивъ, онъ исключительно развиваетъ свои собственныя мысли, и основываетъ ихъ на своихъ собственныхъ началахъ. Свое отношеніе къ славянофильству онъ отчасти указалъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Ученіе славянофиловъ было не чуждо оттѣнка гуманитарности, что́ впрочемъ иначе и не могло быть, потому что „оно имѣло двоякій источникъ: германскую философію, къ „которой оно относилось только съ бо̀льшимъ пониманіемъ и „бо̀льшею свободою, чѣмъ его противники, и изученіе началъ „русской и вообще славянской жизни — въ религіозномъ, историческомъ, поэтическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Если оно „напирало на необходимость самобытнаго національнаго развитія, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство „славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже высказаться, въ теченіе долговременнаго развитія, односторонность „и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ, считало, „будто-бы славянамъ суждено разрѣшить общечеловѣческую „задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой

и указывалось, какъ на примѣръ, на книгу Генриха Рюккерта: Lehrbuch der Weltgeschichte (Leipz. 1857). Это примѣчаніе подало поводъ къ недоразумѣніямъ и спорамъ, о которыхъ читатель можетъ найти свѣдѣнія въ моей статьѣ: *Историческіе взгляды Генриха Рюккерта и Н. Я. Данилевскаго* („Русскій Вѣстникъ“, 1894, октябрь).

„задачи, однакоже, вовсе не существуетъ". („Россія и Европа", стр. 121).

И такъ, у Н. Я. Данилевскаго и источникъ другой, и главный выводъ не похожъ на славянофильскій. Н. Я. Данилевскій не держится германской философіи, не стоитъ къ ней даже и въ тѣхъ очень свободныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ славянофилы. Слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ самостоятельнѣе. Его философію можно бы сблизить съ духомъ естественныхъ наукъ, напримѣръ съ взглядами и пріемами Кювье; но этотъ общій научный духъ не можетъ быть считаемъ какимъ-то особымъ ученіемъ.

Главный выводъ „Россіи и Европы" столь же самостоятеленъ и столь же поразителенъ своею простотою и трезвостію, какъ и вся эта теорія. Славяне не предназначены обновить весь міръ, найти для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они суть только особый культурно-историческій типъ, рядомъ съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и развитіе другихъ типовъ. Вотъ рѣшеніе, разомъ устраняющее многія затрудненія, полагающее предѣлъ инымъ несбыточнымъ мечтаніямъ и сводящее насъ на твердую почву дѣйствительности. Сверхъ того, очевидно, что это рѣшеніе—чисто славянское, представляющее тотъ характеръ терпимости, котораго вообще мы не находимъ во взглядахъ Европы, насильственной и властолюбивой не только на практикѣ, но и въ своихъ умственныхъ построеніяхъ. Да и вся теорія Н. Я. Данилевскаго можетъ быть разсматриваема, какъ нѣкоторая попытка объяснить *положеніе славянскаго міра въ исторіи*,—эту загадку, аномалію, эпициклъ для всякаго европейскаго историка. Въ силу того исключительнаго положенія среди другихъ народовъ, которому въ исторіи нѣтъ вполнѣ равнаго примѣра, славянамъ суждено измѣнить укоренившіеся въ Европѣ взгляды на науку исторіи, взгляды, подъ которые никакъ не можетъ подойти славянскій міръ.

Таковы главныя черты книги Н. Я. Данилевскаго. Изъ нихъ виденъ *многообразный* характеръ этой книги; но спѣшимъ прибавить, что понятіе о ней будетъ все еще далеко не

полное. Богатство мыслей, обиліе дѣйствительнаго содержанія такъ велико, что новыя стороны дѣла открываются на каждой страницѣ. Это сочиненіе удивительнымъ образомъ сочетало въ себѣ жаръ глубокаго чувства и холодную строгость науки, оно есть пламенное воззваніе и вмѣстѣ точная, глубокомысленно-соображенная теорія.

Въ изданіи 1871 года авторомъ были сдѣланы только одно или два небольшія дополненія къ тексту напечатанному въ *Зарѣ*. Въ предъидущемъ, третьемъ изданіи, мы прибавили примѣчанія, которыя нашлись на поляхъ экземпляра, принадлежавшаго автору. Эти примѣчанія написаны, противъ обыкновенія Николая Яковлевича, не карандашемъ, а чернилами; да и по отчетливости выраженія нѣкоторыхъ изъ нихъ можно предполагать, что Николай Яковлевичъ думалъ ихъ напечатать, конечно распространивши и пополнивши. Времени, когда примѣчанія сдѣланы, точно опредѣлить мы не могли, во всякомъ случаѣ, не раньше 1880, или даже 1881. Послѣ войны, когда книга значительно разошлась, авторъ сталъ готовиться къ новому изданію, и эти примѣчанія, очевидно, относятся къ этому приготовленію. Мы напечатали ихъ, для отличія, жирнымъ шрифтомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ, впрочемъ, ихъ большой содержательности и вмѣстѣ краткости.

Сохранимъ здѣсь и афоризмъ записанный на отдѣльномъ листкѣ, изъ котораго мы взяли факсимиле для предъидущаго изданія. Глубокая и образная мысль этого афоризма не относится къ настоящей книгѣ, но дорога для характеристики ея автора. Вотъ она:

„Красота есть единственная духовная сторона матеріи,—
„слѣдовательно, красота есть единственная связь этихъ двухъ
„основныхъ началъ міра. Т. е. (красота) есть единственная
„сторона, по которой она (матерія) имѣетъ цѣну и значеніе
„для духа,—единственное свойство, которымъ она отвѣчаетъ,
„соотвѣтствуетъ потребностямъ духа и которое въ то же время

„совершенно безразлично для матеріи, какъ матеріи. И на-„оборотъ, требованіе красоты есть единственная потребность „духа, которую можетъ удовлетворить только матерія".

Вотъ гдѣ причина самаго существованія матеріи. „Богъ пожелалъ создать красоту", говорилъ Николай Яковлевичъ, „и для этого создалъ матерію".

15 февр. 1888. *Н. Страховъ.*

Списокъ сочиненій Н. Я. Данилевскаго.

Слѣдующій списокъ можетъ считаться почти полнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось обойтись безъ точнаго заглавія статей. Годы, выставленные впереди, означаютъ годы появленія въ печати, кромѣ двухъ или трехъ случаевъ, когда поставлены годы самаго написанія.

1843.—1) Замѣтка о томъ, что Сенковскій повѣсть Моріера выдалъ за свою. „Отечеств. Зап.".

1848.—2) *Дютроше.* Тамъ-же.

3) Разборъ и переводъ *Космоса* Гумбольдта. Тамъ-же. (За эти двѣ статьи получено 600 р.).

1851.—4) *Статистическія изслѣдованія о движеніи народонаселенія въ Россіи за 1846 г.* „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ". (Статья была прислана изъ Вологды и получено за нее 300 р.).

5) *Климатъ Вологодской губерніи.* „Записки Геогр. Общ.", т. IX. (Это сочиненіе награждено Жуковскою преміею въ 250 р.).

1852.—6) Двѣ или три мелкія статьи въ „Вологод. Губ. Вѣд.".

1856.—7) *Статистика каспійскаго рыболовства.* „Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Изданы Министерствомъ Госуд. Имущ.", т. V. (1859).

1857.—8) *Описаніе уральскаго рыболовства.* „Изслѣдованія о сост. рыбол.", т. III. (1860).

1858.—9) *Краткій очеркъ уральскаго рыбнаго хозяйства.* „Вѣстн. Геогр. Общества", т. XXII. (Читанъ въ собраніи Общества, въ февралѣ).

10) *Отвѣтъ Экономическому Указателю.* „Вѣстн.

Геогр. Общ.", т. XXIII. (Антикритика на разборъ Вернадскаго. Въ маѣ).

1859.—11) Разборъ сочиненія К. С. Веселовскаго. *О климатѣ Россіи.* „Вѣстн. Геогр. Обш.", т. XXV. (Въ январѣ).

1859—61.—12) *Рыбные и звѣриные промыслы на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ.* „Изслѣдованія о сост. рыболовства", т. VI. (1862).

1860—61.—13) *Отчеты Высоч. учр. экспедиціи для изслѣдованія рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ, Кубенскомъ озерѣ и въ Норвегіи за 1859—1861 г.* „Журн. Мин. Гос. Им.".

1861.—14) Разборъ проекта Каразина объ устройствѣ рыболовства въ Каспійскомъ морѣ и изложеніе началъ, которыя должны быть положены въ основаніе. (Напечатано въ Астрахани. 1862).

1863.—15) Теорія ледниковаго періода. „Записки Геогр. Общ.", кн. 1.

16) Некрологъ Вроцкаго. „Земледѣльческая Газета" (Щепкина).

1865.—17) Краткій отчетъ о первой поѣздкѣ на Азовское море. „Записки Геогр. Общ." (Годовой отчетъ, Безобразова).

1867.—18) *Взглядъ на рыболовство въ Россіи.* „Сельское хозяйство и лѣсоводство".

19) *Coup d'oeil sur les pêcheries en Russie.* Exposé statistique et technique, annexé à la collection des produits et outils de la pêche, envoyée par la Russie à l'Exposition Universelle de Paris de 1867. (Переводъ предъидущей статьи).

20) *Нѣсколько мыслей по поводу упадка цѣнности кредитнаго рубля, торговаго баланса и покровительства промышленности.* „Торговый Сборникъ", №№ 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22.

1869.—21) *О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продоволь-*

ствія на крайнемъ сѣверѣ Россіи. „Правительственный Вѣстникъ“. (Изд. отдѣльною брошюрою 4°).

1869.—22) *Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ.* „Зап. Геогр. Общества“.

23) *Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по поводу словъ: лиманъ и ильмень.* Тамъ-же.

24) *Извлеченіе изъ письма Н. Я. Данилевскаго о результатахъ поѣздки его на Манычъ.* Тамъ-же.

25) *Россія и Европа.* „Заря“, изд. В. В. Кашпирева. (Рядъ статей въ теченіе цѣлаго года).

1871.—26) *Россія и франко-германская война.* (*Дополненіе къ статьѣ „Россія и Европа“*). „Заря“, янв.

27) *Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому.* 2-е изданіе. Спб.

28) *Описаніе рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ.* „Изслѣдованія о сост. рыбол. и пр.“, т. VIII.

1872.—29) *Возможное вліяніе пароходства на рыболовство на рѣкѣ Курѣ.* „Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“, т. II.

1875.—30) *Описаніе рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ.* „Изслѣдованія о сост. рыбол.“, т. IX.

1877.—31) *Чего мы въ правѣ благоразумно желать отъ исхода настоящей войны.* „Русскій міръ“, № 207. 2 авг.

32) *Какъ отнеслась Европа къ русско-турецкой распрѣ.* Тамъ-же, № 279. 13 окт.

33) *Проливы.* Тамъ-же, №№ 289, 290. 23, 24 окт.

34) *Константинополь.* Тамъ-же, №№ 308, 309. 11, 12 ноября.

1878.—35) *Конференція, или даже конгрессъ.* Тамъ-же, №№ 74, 75, (18, 19 марта), 92, 99, 101 (5, 12, 14 апр.). (*Парижскій трактатъ, общеевропейскіе интересы*).

1879.—36) *Россія и Восточный вопросъ.* „Русская Рѣчь“,

изд. А. А. Навроцкаго. (Заглавіе автора: *Горе побѣдителямъ*).

37) *О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію.* „Извѣстія Геогр. Общества", т. XIX.

38) *Дополненіе къ опыту областнаго велико-русскаго словаря*". Спб. 8°.

1880.—39) *Филлоксера на южномъ берегу Крыма и средства борьбы съ нею.* Θеодосія. 8°.

1881.—40) *Отчетъ о результатахъ поѣздки за границу предсѣдателя филлоксерной комиссіи.* Симферополь, 5 февр. 1881.

41) *Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Крыма въ № 50 Москов. Вѣд.* „Москов. Вѣд." 1881 г. 14 апр., № 102 (по поводу филлоксеры въ Крыму).

1881.—42) *Сравненіе методовъ борьбы съ филлоксерою.* 8°.

43) *Нѣсколько словъ по поводу конституціонныхъ вожделѣній нашей либеральной прессы.* „Моск. Вѣд." 1881, 2 мая, № 138.

1882.—44) *Отчетъ о дѣятельности по уничтоженію филлоксеры въ Крыму ген.-адъют. бар. А. Н. Корфа* (стр. 97—140).

45) *Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ.* „Русск. Вѣстн.", №№ 8 и 9.

1884.—46) *Происхожденіе нашего нигилизма. По поводу статьи: Этюды господствующаго міровоззрѣнія.* „Русь" 1884, №№ 22 и 23.

1885.—47) *Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе.* Т. I. Ч. I, 519 стр. съ 7 табл. рис. и чертеж. Ч. II, 530 стр. и прилож. 148 стр. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. Спб. 8°.

48) *Г. Владиміръ Соловьевъ о православіи и католицизмѣ.* „Извѣстія Спб. Славян. Благотвор. Общ.", №№ 2 и 3.

1886.—49) *О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источ-*

никахъ государственныхъ доходовъ. Изд. М. Комарова. Спб. 8° (перепечатка № 40).

1887.—50) *Экспрессія или выраженіе чувства у человѣка и животныхъ.* „Русск. Вѣстн.“, №№ 5 и 6.

1888.—51) *Россія и Европа.* Изданіе 3-е съ портретомъ и посмертными примѣчаніями. Спб.

1889.—52) *Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе.* Т. II. (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. Изд. М. Е. Комарова. Спб. 8°.

53) *Россія и Европа.* Изд. 4-е. Спб.

1890.—54) *Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей.* Изд. Н. Страхова. Спб.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что Николай Яковлевичъ перевелъ нѣсколько статей К. Э. фонъ-Бэра. Именно, въ 1853—1856 годахъ были переведены: 1) *Описаніе Каспійскаго рыболовства* (въ „Изслѣдов. о сост. рыбол.“, т. II) и 2) *Каспійскіе очерки* (Caspische Studien), а въ 1858—3) *О собраніи череповъ въ академическомъ музеѣ,* и 4) *О распространеніи въ Россіи зоба* и кретинизма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. **1864 и 1854 годы.—Вмѣсто введенія** 1

Сравненіе двухъ годовъ, стр. 1.—Равнодушіе Европы къ Даніи и симпатія къ Турціи, 3.—Голштейнскій вопросъ, 3.—Восточная война; значеніе ключа виѳлеемскаго храма, 10.—Вѣнская нота; политическій образъ дѣйствій Европы въ переводѣ на сферу частныхъ отношеній, 15.—Общественное мнѣніе Европы, 18.—Откуда мѣряніе разными мѣрами? 19.

Глава II. **Почему Европа враждебна Россіи?** 20

Россія не есть завоевательное государство, стр. 20.—Что такое „завоеваніе?" 22.—Финляндія, 25.—Остзейскія провинціи, 26.—Западный край, 27.—Польша, 29.—Бессарабія, 35.—Кавказъ, 36.—Сибирь, 37.—Характеръ русскихъ войнъ, 38.—Россія не есть гасительница свѣта и свободы, 43. — Священный союзъ, 44. — Убійство Коцебу, 46.—Либерализмъ Россіи не уменьшаетъ вражды къ ней, 48.—Невѣжество Европы относительно Россіи, 49.—Европа не признаетъ насъ своими, 50.

Глава III. **Европа-ли Россія?** 54

Чтó такое *Европа?* стр. 54.—Искусственность дѣленія частей свѣта, 55.—Культурно-историческій смыслъ Европы, 59.—Россія не принадлежитъ къ Европѣ, 60.—Роль Россіи по мнѣнію Европы, 62.—Россія есть препятствіе къ развитію европейской цивилизаціи, 64.—Пожертвованіе низшимъ для высшаго; Маркизъ Поза, 65.—Внѣшній политическій патріотизмъ; ультра-русская партія, 67.—Гдѣ примиреніе между народнымъ чувствомъ и требованіемъ прогресса? 70.

Глава IV. **Цивилизація европейская тождественна-ли съ общечеловѣческою?** 72

Западъ и Востокъ, стр. 72.—Прогрессъ на Востокѣ; Китай, 73.—Смерть народовъ, 75.—Чтó такое система науки? 77. — Естественная система, 78. — Ея требованія, 81. — Оцѣнка общепринятой системы въ наукѣ

стр.

всемірной исторіи, 82.—Новая естественная группировка историческихъ явленій, культурно-историческіе типы, 88.—Ихъ перечисленіе, 91.—Этнографическій матеріалъ. 93.

Глава V. **Культурно-историческіе типы и нѣкоторые законы ихъ движенія и развитія** 95

Пять законовъ развитія типовъ, стр. 95.—Законъ сродства языковъ и политической независимости, 96.—Законъ непередаваемости цивилизаціи, 97.—Вліяніе Греціи на Востокъ, 98.—Вліяніе ея на Римъ, 99.—Вліяніе Рима, 101.—Пересадка цивилизаціи, 103.—Прививка цивилизаціи, 103.—Почвенное удобреніе, 104.—Законъ разнообразія и силы составныхъ элементовъ типа, 105.—Обязанности отдѣльнаго человѣка къ своему типу, 107.—Нельзя знать обязанностей къ человѣчеству, 109.—Законъ краткости періодовъ цивилизаціи, 111.—Прогрессъ и его предѣлы, 113.—Переходъ изъ этнографическаго состоянія въ государственное, 116.

Глава VI. **Отношеніе народнаго къ общечеловѣческому** 11

Понятія нашихъ западниковъ объ общечеловѣческомъ и національномъ, стр. 119.—Ученіе славянофиловъ, 121.—Не можетъ быть единаго или высшаго осуществленія идеи человѣчества, 121.—Національное принимается за общечеловѣческое, 124.—Родъ и видъ, 125.—Общевидовое и всевидовое, 127.—Славянскій типъ, 129.—Идея Славянства—высшая идея для каждаго славянина, 133.—Наука не есть синонимъ цивилизаціи, 134.—Національность въ наукѣ, 136.—Чтò такое истина? 138.—Субъективная примѣсь, 139.—Односторонность и разновременность, 140.—Предпочтеніе извѣстныхъ предметовъ, 141.—Примѣры, математика, 144.—Общій ходъ возрастанія каждой науки. 148.—Развитіе астрономіи, 149.—Пять періодовъ, 152.—Развитіе химіи, 152.—Физика, 155.—Ботаника, 157.—Зоологія, 158.—Минералогія и геологія, 159.—Языкознаніе, 160.—Періодъ искусственной системы, 161.—Таблица великихъ ученыхъ, 163.—Особое направленіе ума у Нѣмцевъ, 165.—Классификація наукъ, 167.—Невозможна общая теорія общества, 170.

Глава VII. **Гніетъ-ли Западъ?** 172

Вѣроятно-ли въ настоящее время появленіе новой (славянской) культуры? 174.—Чтò такое гніеніе? 175.—Въ какомъ періодѣ развитія находятся европейскія общества? 176.—Моментъ высшаго развитія силъ; результаты его наступаютъ позже, 178.—Примѣръ Греціи, Рима, Индіи, 180.—Опредѣленіе эпохи, въ которой находится цивилизація Европы, 181.

стр.
Глава VIII. Различіе въ психическомъ строѣ 184
Дѣленіе человѣческихъ племенъ Ретціуса, стр. 185.—Выводы изъ него, 186.—*Насильственность*—черта германо-романскаго типа, 190.—Нетерпимость, 191.—Папство, 192.—Раздѣленіе церквей, 193.—Прозелитизмъ, 195.—Торговля неграми, 196.—Война за опіумъ; покровительство Турціи, 198.—Отсутствіе насильственности у Славянъ, 199.—Особенность переворотовъ въ жизни русскаго народа, 203.—Принятіе христіанской вѣры, 204.—Освобожденіе крестьянъ, 206.—Что такое у насъ аристократизмъ и демократизмъ, 209.—Классификація нравственныхъ качествъ, 210.
Глава IX. Различіе вѣроисповѣдное 212
Откровеніе, стр. 213.—Четыре понятія о церкви, 214.—Понятіе протестантское, 215.—Мистическое воззрѣніе на церковь, 217.—Католическое понятіе, 217.—Неосновательность папскихъ притязаній, 219.—Непослѣдовательность католиковъ, 221.—„Свободная церковь въ свободномъ государствѣ", 223.—Отношеніе церкви и государства; бракъ, 224.—Православное понятіе о церкви, 229.—Раціонализмъ Европы, 232.
Глава X. Различіе въ ходѣ историческаго воспитанія 235
Опредѣленіе государства, стр. 235.—Отношеніе между народностію и государствомъ, 237.—Племена несознательныя, 238.—Племена умершія для политической жизни, 239.—Одна народность—одно государство, 240.—Различныя формы государства, 242.—Федерація, союзное государство, союзъ государствъ и политическая система, 243.—Происхожденіе государства, 245.—Культуророднaя сила лѣса, 246.—Зависимость, какъ условіе для развитія государства, 249.—Рабство, данничество, феодализмъ, 251.—Гнетъ мысли и гнетъ совѣсти въ средневѣковой Европѣ, 252.—Внутреннее противорѣчіе въ жизни современной Европы, 254.—Франція—самое полное выраженіе Европы, 256.—Очеркъ французской исторіи, 257.—Благопріятныя обстоятельства Англіи, 260.—Гнетъ отвлеченнаго государства, 263.—Начало національности, 264.—Столѣтніе періоды, 265.—Характеръ XIX вѣка, 266.—Вопросъ національности и Наполеоны, 267.—Связь вопросовъ національныхъ со славянскимъ вопросомъ, 272.—Особенности историческаго развитія Россіи, 274.—Призваніе варяговъ, 274.—Татарское нашествіе, 276.—Смутное время, 278.—Крѣпостное состояніе, 279.
Глава XI. Европейничанье—болѣзнь русской жизни 283
Неполное здоровье Россіи, стр. 283.—Необходимость петровскаго преобразованія, 284.—Отношеніе Петра къ

стр.

Россіи, 285.—Двѣ стороны его дѣятельности, 286.—Европейничанье и три его формы, 287.—Искаженіе формы быта, 288.—Вредъ для искусства; для ваянія, 289.—Для живописи, 299.—Для архитектуры, 293.—Вредъ для промышленности, 194.—Раздѣленіе русскаго народа на два слоя, 295.—Вліяніе на инородцевъ, 298.—Перенесеніе чужеземныхъ учрежденій, 299.—Судебная реформа, 299.—Адвокатура, 300.—Освобожденіе печати, 301.—Дѣйствіе печати на публику, 302.—Истинная сила періодической печати, 304.—Times, 306.—Смотрѣніе на дѣла Россіи сквозь европейскіе очки, 310.—Наши „аристократы" и „аристократки", 311.—Союзъ „Вѣсти" со всѣми аристократіями, 312.—Нигилизмъ, 314.—Заискиваніе милости Европы, 316.—Отреченіе отъ панславизма, 317.—Ученіе Монроэ, 318.—Войны временъ Александра I, 319.—Дѣйствіе Восточной войны, 320.—*Гордыня* Россіи, 322.—Польское дѣло, 323.

Глава XII. Восточный вопросъ 325

Безсиліе дипломатіи, стр. 325.—Мнѣніе историка Соловьева, 326.—Никогда не бюло *борьбы между Азіею и Европою*, 327.—Древне-восточный вопросъ, 330.—Македонія, 331.—Наслѣдники Рима—Германцы, наслѣдники Византіи—Славяне, 333.—Синхронизмы, какъ признакъ разумности міроправленія, 334.—Свойства воды, 335.—Синхронизмъ книгопечатанія, взятія Константинополя и открытія Америки, 336.—Различіе религіозное, 338.—Новый періодъ Восточнаго вопроса, 339.—Магометанство, 340.—Его смыслъ въ исторіи, 343.—Отношеніе Европы къ Туркамъ, 345.—Польша, 347.—Значеніе Россіи, 348.—Третій періодъ Восточнаго вопроса, 349.—Неясность цѣлей Россіи въ отношеніи къ Турціи, 350.—Необходимость соединенія либеральной и національной политики, 351.—Значеніе освобожденія крестьянъ для Восточнаго вопроса, 352.—Постепенное разъясненіе Восточнаго вопроса, 353.

Глава XIII. Мѣсто Австріи въ Восточномъ вопросѣ 356

Краткій очеркъ исторіи образованія Австрійскаго государства, стр. 357.—Безъ Славянъ и Русскихъ невозможны были бы культура и политическое развитіе Германіи, 360.—Упраздненіе идеи Австрійскаго государства, 362. — Меттернихъ, 366. — Категоріи государственныхъ мужей: великіе политики, личности трагическія и трагикомическія, 371. — Способы сохраненія Австріи послѣ Меттерниха: централизмъ, дуализмъ и федерализмъ; невозможность Австріи во всѣхъ этихъ формахъ, 375.—Мысль объ австрійской федераціи Славянъ, 379.—Мысль

стр.

объ австро-турецкой федераціи, 387.—Идея Всеславянства, 394.

Глава XIV. Царь-Градъ 398

Центральность мѣстоположенія Константинополя, стр. 398.—Его четыре названія и четыре эпохи его исторіи, 401.—Права на Константинополь, 402.—Что такое историческое право? 403.—Константинополь есть res nullius, 405.—Кому обладаніе Константинополемъ всего полезнѣе? 406.—1) Ахиллесова пята Россіи, 409.—2) Величина Россіи, 410.—3) Необходимость для Россіи флота, а для флота Чернаго моря, 411.—4) Расширеніе нравственнаго вліянія Россіи отъ обладанія Константинополемъ, 416.—Царьградъ долженъ быть столицею не Россіи, а Всеславянскаго союза, 417.—Славянская федерація съ Россіею во главѣ, какъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, 420.—Члены федераціи должны быть крупны, 421.—Цѣль ея не есть поглощеніе Славянъ Россіею, 422.—Составъ Всеславянскаго союза и перечисленіе его членовъ, 424.—Польскій вопросъ, 425.—Наилучшее рѣшеніе его при посредствѣ всеславянской федераціи, 431.

Глава V. Всеславянскій союзъ. 432

Россія не можетъ быть членомъ европейской политической системы, стр. 432.—Вмѣшательство никогда не приносило ей пользы, 434.—Россія должна быть противовѣсомъ Европѣ, 436.—Двѣ судьбы, предстоящія Россіи, 436.—Значеніе союза для остальныхъ его членовъ, 437.—Для Греціи, 438.—Для Булгаріи, 439.—Что такое русская интеллигенція? 440.—Для Сербіи, 441.—Для Чехіи, 441.—Для Румыніи, 442.—Для Польши и Венгріи, 442.—Мнимое властолюбіе Россіи, 444.—Три разряда подданныхъ, 445.—Страхъ передъ міровладычествомъ, 447.—Необходимость славянскаго союза для человѣчества, 448.—Исторія Европы въ отношеніи къ другимъ народамъ, 451.—Система политическаго равновѣсія, 452.—Главные случаи его нарушенія и сохраненія, 454.—Препятствіе къ всемірному владычеству Европы, 462.—Гибельный результатъ общечеловѣческой цивилизаціи, 463.—Условія и слѣдствія всеславянской федераціи, 465.—Возведеніе русскаго языка въ общеславянскій, 469.—Необходимость борьбы съ Европою, 472.

Глава XVI. Борьба 474

Законъ сохраненія запаса историческихъ силъ, стр. 476.—Правило русской политики, 480.—Россія не заинтересована въ системѣ равновѣсія, 483.—Равновѣсіе

милліонами жителей, не болѣе,—государство невоинственное, просвѣщенное, либеральное и гуманное въ высшей степени. Они отнимаютъ у этого государства двѣ области, съ двумя пятыми общаго числа его подданныхъ,—двѣ области, неразрывная связь которыхъ съ этимъ государствомъ была утверждена не далѣе тринадцати лѣтъ тому назадъ, Лондонскимъ трактатомъ, подписаннымъ въ числѣ прочихъ державъ и обѣими нападающими державами. И это прямое нарушеніе договора, эта обида слабаго сильнымъ не возбуждаютъ ничьего противодѣйствія. Ни оскорбленіе нравственнаго чувства, ни нарушеніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія не возбуждаютъ негодованія Европы, ни ея общественнаго мнѣнія, ни ея правительствъ,—по крайней мѣрѣ не возбуждаютъ настолько, чтобы отъ словъ заставить перейти къ дѣлу, — и раздѣлъ Даніи спокойно совершается. Вотъ что̀ было въ 1864 году.

Одинадцать лѣтъ передъ этимъ, Россія, государство также причисляемое къ политической системѣ европейскихъ государствъ, правда очень большое и могущественное, оскорбляется въ самыхъ священныхъ своихъ интересахъ (въ интересахъ религіозныхъ) Турціею,—государствомъ варварскимъ, завоевательнымъ, которое хотя уже и разслаблено, но все еще однимъ только насиліемъ поддерживаетъ свое незаконное и несправедливое господство,—государствомъ, тогда еще не включеннымъ въ политическую систему Европы, цѣлость котораго поэтому не была обезпечена никакимъ положительнымъ трактатомъ. На эту цѣлость никто впрочемъ и не посягаетъ. Отъ Турціи требуется только, чтобы она ясно и положительно подтвердила обязательство не нарушать религіозныхъ интересовъ большинства своихъ же собственныхъ подданныхъ,—обязательство не новое какое-либо, а уже восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ торжественно данное въ Кучукъ-Кайнарджискомъ мирномъ договорѣ. И что же? Это справедливое требованіе, каковымъ признало его дипломатическое собраніе первостепенныхъ государствъ Европы, религіозные и другіе интересы милліоновъ христіанъ ставятся ни во что; варварское же государство превращается въ глазахъ Европы въ палладіумъ цивилизаціи и свободы. Въ 1854 году, какъ разъ за десять лѣтъ до раздѣла Даніи, до котораго никому не было дѣла, Англія и Франція объявляютъ войну Россіи, въ войну вовлекается Сардинія, Австрія принимаетъ угрожающее положеніе, и наконецъ вся Европа грозитъ войною, если Россія не приметъ предложенныхъ ей невыгодныхъ условій мира. Такъ дѣй-

РОССІЯ и ЕВРОПА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1864 и 1854 ГОДЫ. — ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Лѣтомъ 1866 года совершилось событіе огромной исторической важности. Германія, раздробленная въ теченіи столѣтій, начала сплачиваться, подъ руководствомъ геніальнаго прусскаго министра, въ одно сильное цѣлое. Европейское *status quo*, очевидно, нарушено, и нарушеніе это, конечно, не остановится на томъ, чему мы были недавними свидѣтелями. Хитро устроенная политическая машина, ходъ которой былъ такъ тщательно уравновѣшенъ, оказалась разстроившеюся. Всѣмъ извѣстно, что событія 1866 года были только естественнымъ послѣдствіемъ происшествій 1864 года. Тогда собственно произошло разстройство политико-дипломатической машины, хотя оно и не обратило на себя въ должной мѣрѣ вниманія приставленныхъ для надзора за нею механиковъ. Какъ ни важны, однако же, оказались послѣдствія австро-прусско-датской войны 1864 года, я совсѣмъ не на эту сторону ея желаю обратить вниманіе читателей.

Въ оба года, которыми я озаглавилъ эту главу, на разстояніи десяти лѣтъ другъ отъ друга, произошло два событія, заключающія въ себѣ чрезвычайно много поучительнаго для каждаго Русскаго, хотящаго и умѣющаго вглядываться въ смыслъ и значеніе совершающагося вокругъ него. Представленныя въ самомъ сжатомъ видѣ событія эти состояли въ слѣдующемъ. Въ 1864 году Пруссія и Австрія, два первоклассныя государства, имѣющія въ совокупности около 60,000,000 жителей и могшія располагать чуть не милліонною арміею, нападаютъ на Данію, одно изъ самыхъ маленькихъ государствъ Европы, населенное двумя съ половиною

милліонами жителей, не болѣе,—государство невоинственное, просвѣщенное, либеральное и гуманное въ высшей степени. Они отнимаютъ у этого государства двѣ области, съ двумя пятыми общаго числа его подданныхъ,—двѣ области, неразрывная связь которыхъ съ этимъ государствомъ была утверждена не далѣе тринадцати лѣтъ тому назадъ, Лондонскимъ трактатомъ, подписаннымъ въ числѣ прочихъ державъ и обѣими нападающими державами. И это прямое нарушеніе договора, эта обида слабаго сильнымъ не возбуждаютъ ничьего противодѣйствія. Ни оскорбленіе нравственнаго чувства, ни нарушеніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія не возбуждаютъ негодованія Европы, ни ея общественнаго мнѣнія, ни ея правительствъ,—по крайней мѣрѣ не возбуждаютъ настолько, чтобы отъ словъ заставить перейти къ дѣлу, — и раздѣлъ Даніи спокойно совершается. Вотъ что̀ было въ 1864 году.

Одинадцать лѣтъ передъ этимъ, Россія, государство также причисляемое къ политической системѣ европейскихъ государствъ, правда очень большое и могущественное, оскорбляется въ самыхъ священныхъ своихъ интересахъ (въ интересахъ религіозныхъ) Турціею,—государствомъ варварскимъ, завоевательнымъ, которое хотя уже и разслаблено, но все еще однимъ только насиліемъ поддерживаетъ свое незаконное и несправедливое господство,—государствомъ, тогда еще не включеннымъ въ политическую систему Европы, цѣлость котораго поэтому не была обезпечена никакимъ положительнымъ трактатомъ. На эту цѣлость никто впрочемъ и не посягаетъ. Отъ Турціи требуется только, чтобы она ясно и положительно подтвердила обязательство не нарушать религіозныхъ интересовъ большинства своихъ же собственныхъ подданныхъ,—обязательство не новое какое-либо, а уже восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ торжественно данное въ Кучукъ-Кайнарджискомъ мирномъ договорѣ. И что же? Это справедливое требованіе, каковымъ признало его дипломатическое собраніе первостепенныхъ государствъ Европы, религіозные и другіе интересы милліоновъ христіанъ ставятся ни во что; варварское же государство превращается въ глазахъ Европы въ палладіумъ цивилизаціи и свободы. Въ 1854 году, какъ разъ за десять лѣтъ до раздѣла Даніи, до котораго никому не было дѣла, Англія и Франція объявляютъ войну Россіи, въ войну вовлекается Сардинія, Австрія принимаетъ угрожающее положеніе, и наконецъ вся Европа грозитъ войною, если Россія не приметъ предложенныхъ ей невыгодныхъ условій мира. Такъ дѣй-

ствуютъ правительства Европы; общественное же ея мнѣніе еще болѣе враждебно и стремится увлечь за собою даже тѣ правительства, которыя, какъ прусское и нѣкоторыя другія германскія, по разнаго рода побужденіямъ не желали бы разрыва съ Россіей. Откуда же это равнодушіе къ гуманной, либеральной Даніи и эта симпатія къ варварской деспотической Турціи,—эта снисходительность даже къ несправедливымъ притязаніямъ Австріи съ Пруссіей и это совершенное неуваженіе къ самымъ законнымъ требованіямъ Россіи? Дѣло стоитъ того, чтобы въ него вникнуть. Это не какая нибудь случайность, не журнальная выходка, не задоръ какой нибудь партіи, а коллективное дипломатическое дѣйствіе всей Европы; то есть, такое обнаруженіе общаго настроенія, которое менѣе всякаго другаго подвержено вліянію страсти, необдуманнаго мгновеннаго увлеченія. Поэтому и выбралъ я его за исходную точку предлагаемаго изслѣдованія взаимныхъ отношеній Европы и Россіи.

Прежде всего посмотримъ, нѣтъ ли въ отношеніяхъ Даніи къ Пруссіи и Австріи какого нибудь дерзкаго вызова, словомъ, чего нибудь извиняющаго въ глазахъ Европы это угнетеніе слабаго сильнымъ, и, напротивъ того, въ дѣйствіяхъ Россіи чего либо оскорбившаго Европу, вызвавшаго ея справедливые гнѣвъ и негодованіе?

Мы не будемъ вникать въ подробности шлезвигъ-голштейнскаго спора между Германіей и Даніей, тянувшагося, какъ извѣстно, цѣлыя семнадцать лѣтъ и, я думаю, мало интереснаго для русскихъ читателей. Сущность дѣла въ томъ, что Данія установила общую конституцію для всѣхъ своихъ составныхъ частей,—одну изъ самыхъ либеральныхъ конституцій въ Европѣ, при которой, конечно, и рѣчи не могло быть о какомъ либо угнетеніи одной національности другою. Но не того хотѣлось Германіи: она требовала для Голштейна конституціи, хотя бы и гораздо худшей, но за то такой, которая совершенно разрознила бы эту страну съ прочими частями монархіи,—требовала даже не личнаго соединенія на подобіе Швеціи съ Норвегіей (это бы еще ничего), а какого-то примѣненнаго къ цѣлой государственной области права, въ родѣ польскаго *непозволямъ*, пользуясь которымъ чины Голштейна могли бы уничтожать дѣйствительность всякаго постановленія, принятаго для цѣлой Даніи. Но Голштейнъ принадлежалъ къ Германскому союзу, слѣдовательно этимъ путемъ достигалось бы косвеннымъ образомъ господство союза надъ всею датскою

монархіею. Это господство онъ считалъ для себя необходимымъ по тому соображенію, что, кромѣ Голштейна, въ дѣла котораго Германскій союзъ имѣлъ право нѣкотораго вмѣшательства, въ составъ Датскаго государства входилъ еще и Шлезвигъ, страна по трактатамъ совершенно чуждая Германіи, но населенная въ значительной части Нѣмцами, которые ее мало по малу колонизировали и изъ скандинавской обратили въ чисто нѣмецкую. Въ глазахъ всѣхъ Нѣмцевъ, сколько нибудь интересовавшихся политикой, Шлезвигъ составлялъ нераздѣльное цѣлое съ Голштейномъ; но такой взглядъ не имѣлъ ни малѣйшей поддержки въ основанномъ на положительныхъ трактатахъ международномъ правѣ. Чтобы провести его на дѣлѣ, необходимо было употребить Голштейнъ, какъ рычагъ, для непрерывнаго давленія на всю Данію. При этомъ средствѣ, датское правительство могло бы провести въ Шлезвигѣ тѣ лишь только мѣры, которыя были бы угодны Германіи. Данія, очевидно, не могла на это согласиться, и патріотическая партія (такъ называемыхъ Эйдерскихъ Датчанъ) готова была совершенно отказаться отъ Голштейна, лишь бы только единство, цѣлость и независимость остальной части монархіи не нарушались безпрерывно чужеземнымъ вмѣшательствомъ. О тяжести такого вмѣшательства мы можемъ себѣ составить легкое понятіе по собственному опыту. Вмѣшательство, основанное на придирчивыхъ толкованіяхъ нѣкоторыхъ статей Вѣнскаго трактата, привело въ негодованіе всю Россію. Хорошо, что негодованіе Россіи, будучи такъ полновѣсно, перетягиваетъ на вѣсахъ политики много дипломатическихъ и инаго рода соображеній; но кто же обращаетъ вниманіе на негодованіе Даніи? Къ тому же, у Даніи руки были въ самомъ дѣлѣ связаны трактатомъ, не дававшимъ ей полной свободы распоряжаться формой правленія, которую ей хотѣлось бы дать Голштейну. Объ истинномъ смыслѣ этого трактата шли между Даніей и Германскимъ союзомъ безконечныя словопренія. Каждая сторона толкуетъ, конечно, дѣло въ свою пользу; наконецъ, и Германскій союзъ, не отличавшійся таки быстротою дѣйствія, теряетъ терпѣніе и назначаетъ экзекуцію въ Голштейнъ. Голштейнъ принадлежитъ къ Германскому союзу, и противъ такой мѣры нельзя еще пока ничего возразить. Но извѣстное дѣло, что Германскій союзъ, хотя узами его и было связано до пятидесяти милліоновъ народа, не внушалъ никому слишкомъ большаго уваженія и страха,—ни даже крохотной Даніи, которая, несмотря

ею слишкомъ рѣшительной мѣры, но воспользовавшихся этимъ только какъ предлогомъ для исполненія задуманной цѣли: отторженія отъ нея не только Голштейна, но и нераздѣльнаго съ нимъ, по ихъ понятіямъ, Шлезвига. Дипломатическіе обычаи, — почитающіеся охраною международнаго права, такъ же какъ юридическія формы почитаются охраною права гражданскаго и уголовнаго, — были нарушены, и нарушителемъ ихъ была не Данія, а Пруссія съ Австріей. Слѣдовательно эти два государства, а не Данія, оскорбили Европу.

Но иногда незаконность, то есть формальная, внѣшняя несправедливость, прикрываетъ собою такую внутреннюю правду, что всякое безпристрастное чувство и мнѣніе принимаютъ сторону мнимой несправедливости. Было ли, напримѣръ, когда либо совершено болѣе дерзкое, болѣе прямое нарушеніе формальнаго народнаго права, чѣмъ при образованіи Кавуромъ и Гарибальди Итальянскаго королевства? Поступки правительства Виктора Эммануила съ Папскою областью и Неаполитанскимъ королевствомъ никакимъ образомъ не могутъ быть оправданы съ легальной точки зрѣнія; и однако же всякій, не потерявшій живаго человѣческаго чувства и смысла, согласится, что въ этомъ случаѣ форма должна была уступить сущности, внѣшняя легальность—внутренней правдѣ. Не таково ли и шлезвигъ-голштейнское дѣло, не подходило ли и оно подъ категорію дѣлъ формально несправедливыхъ, но оправдываемыхъ скрытою подъ этой оболочкой внутреннею правдою, и не эта ли внутренняя правда обезоружила Европу? И на это придется отвѣчать отрицательно. Во первыхъ, національное дѣло, имѣющее своимъ защитникомъ Австрію, можетъ возбуждать только горькій смѣхъ и негодованіе. Во вторыхъ: принципъ національностей пока еще не признается, по крайней мѣрѣ офиціально, Европою и, безъ разнаго рода побочныхъ соображеній, самъ по себѣ ничего не оправдываетъ въ глазахъ ея. Даже справедливое дѣло Италіи восторжествовало лишь въ силу взаимныхъ отношеній между главнѣйшими государствами, такъ расположившихся, что на этотъ разъ дѣло легальности не нашло себѣ защитниковъ. Въ самомъ общественномъ мнѣніи, начало національностей распространено лишь во Франціи и въ Италіи, и то потому только, что эти страны считаютъ его для себя выгоднымъ. Въ третьихъ, наконецъ, и это главное: принципъ національностей не примѣнимъ вполнѣ къ шлезвигъ-голштейнскому дѣлу. Нѣмецкій народъ въ 1864 году

теченіи его датское правительство не имѣло времени созвать палаты и предложить на ихъ обсужденіе требованіе этихъ державъ. Такимъ образомъ, датское правительство было поставлено въ необходимость или отвергнуть требованія иностранныхъ державъ и навлечь на себя неравную войну,—или нарушить конституцію своего государства; нарушить же конституцію, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, — при только - что вступившемъ на престолъ и не успѣвшемъ еще на немъ утвердиться государѣ, непопулярномъ по причинѣ его нѣмецкаго происхожденія,—значило бы, по всей вѣроятности, вызвать революцію. Датскому правительству ничего не оставалось, какъ избирать изъ двухъ золъ меньшее. Оно и выбрало войну, имѣя повидимому достаточныя основанія считать ее за зло меньшее. Во-первыхъ, Данія уже вела подобную войну и съ Пруссіей и съ Германіей, не далѣе какъ 15 лѣтъ тому назадъ, и вышла изъ нея скорѣе побѣдительницею, чѣмъ побѣжденною; она могла слѣдовательно разсчитывать на подобный же исходъ и въ этотъ разъ. Соображеніе весьма хорошее, — только при немъ не было принято въ разсчетъ, что въ тогдашней Германіи существовалъ безтолковый франкфуртскій парламентъ, а въ тогдашней Пруссіи не было Бисмарка. Кромѣ того, датское правительство могло надѣяться, что политическая система государствъ, основанная на положительныхъ трактатахъ, не пустое только слово, что, послѣ того, какъ Европа около ста лѣтъ не переставала кричать о великомъ преступленіи раздѣла Польши, она не допуститъ раздѣла Даніи,—что приметъ же она во вниманіе приставленный къ ея горлу ножъ, и по крайней мѣрѣ потребуетъ отъ нападающихъ на нее государствъ, чтобъ они дали ей время опомниться. Во всемъ этомъ она ошиблась. Война началась. Неприготовленные къ ней Датчане конечно понесли пораженіе. Чтобы положить конецъ этой невозможной борьбѣ, собралась въ Лондонѣ конференція европейскихъ государствъ. Нейтральныя державы предложили сдѣлку, при которой приняли во вниманіе побѣды, одержанныя Пруссіею и Австріею; но эта сдѣлка не удовлетворила союзниковъ; они продолжали настаивать на своемъ, и Европа, ограничивъ этимъ свое заступничество, предоставила имъ раздѣлываться съ Даніею, какъ сами знаютъ. И такъ, если и можно считать Данію не совершенно правою съ формальной стороны, то эта неправда была съ избыткомъ заглажена поступкомъ Пруссіи и Австріи, нетолько не давшихъ Даніи возможности отступиться отъ принятой

ностью съ датскою; но этого и требовать было нечего, это исполнялось и безъ всякихъ требованій.

Представимъ себѣ, что первоначальный планъ Наполеона III относительно Италіи осуществился бы. Она составляла бы,—наподобіе германскаго, — итальянскій союзъ, въ составъ котораго входило бы и Венеціанское королевство, оставаясь однако-же въ соединеніи съ Австріею. На какихъ основаніяхъ могъ бы тогда король сардинскій въ союзѣ съ королемъ неаполитанскимъ требовать отъ Австріи отдѣленія Венеціи, если бы итальянская національность въ ней ничѣмъ не угнеталась, и вообще права Венеціанцевъ не нарушались бы? Такое положеніе дѣлъ Итальянцы могли бы считать,—и совершенно основательно,—весьма неудовлетворительнымъ. Но главною причиною неудовлетворительности была бы не принадлежность Венеціи Австріи, а раздѣльность итальянскихъ государствъ при единой итальянской народности; и, только сплотясь сама въ одно политическое цѣлое, имѣла бы эта народность, если не формальное, на трактатахъ основанное, то прирожденное естественное право требовать своего дополненія отъ Австріи. Подобнаго права нельзя отрицать и у Германіи, но прежде надлежало бы ей соединиться въ одно политическое нѣмецкое цѣлое, отдѣливъ отъ себя все не-нѣмецкое, требующее самостоятельной національной жизни, и тогда уже требовать своего и отъ другихъ. Наконецъ, съ національной точки зрѣнія, возстановленія нарушеннаго германскаго національнаго права могъ во всякомъ случаѣ требовать только Германскій союзъ, какъ это и было въ началѣ, а онъ былъ очевидно оттѣсненъ далѣе чѣмъ на задній планъ, послѣ того какъ все здѣсь приняли въ свои руки Пруссія и Австрія.

Впрочемъ, такъ ли это или не такъ, дѣло собственно идетъ тутъ вовсе не о томъ, чтобы неопровержимо доказать существенную несправедливость поступка Пруссіи и Австріи съ Даніею; мы хотимъ лишь показать, что въ глазахъ Европы внутренняя правда шлезвигъ-голштейнскаго дѣла не могла оправдать его нелегальности. Для насъ важно не то, каково это дѣло само въ себѣ, но то, какимъ оно представлялось глазамъ Европы; а едва ли кто рѣшится утверждать, что оно пользовалось симпатіей европейскихъ правительствъ и европейскаго (за исключеніемъ германскаго, конечно) общественнаго мнѣнія. Во мнѣніи Европы, къ нарушеніямъ формы международныхъ отношеній присоединилась здѣсь и неос-

не составлялъ одного цѣлаго; онъ не имѣлъ политической національности, и, пока она не образовалась, во имя чего онъ могъ требовать отдѣленія Голштейна и Шлезвига отъ Даніи, не требуя въ тоже время уничтоженія Баваріи, Саксоніи, Липпе-Детмольда, Саксенъ-Альтенбурга и т. п., какъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ? Правда, между разными нѣмецкими государствами существовала слабая политическая связь, именовавшаяся Германскимъ союзомъ; но точно такимъ же членомъ союза, какъ Баварія и Пруссія, Липпе и Альтенбургъ, былъ и Голштейнъ. Шлезвигъ, конечно, не принадлежалъ къ союзу; но если и не обращать вниманія на то, что эта датская область была только колонизирована Нѣмцами, и придерживаться исключительно принципа этнографическаго, совершенно отвергая историческое право, то, и съ этой точки зрѣнія, крайнимъ предѣломъ нѣмецкихъ требованій все таки могло быть только присоединеніе Шлезвига къ Германскому союзу, а не совершенное отдѣленіе и Голштейна и Шлезвига отъ Даніи. Скажутъ ли, что Баварія и Пруссія, Липпе-Детмольдъ и Саксенъ-Альтенбургъ, хотя и составляютъ самостоятельныя политическія единицы, но суть единицы совершенно нѣмецкія, а Шлезвигъ и Голштейнъ соединены съ національностью датскою? Но также точно соединены Лимбургъ и Люксембургъ съ національностью голландскою; а главное, также точно шесть или семь милліоновъ австрійскихъ Нѣмцевъ были соединены съ 30 милліонами Славянъ, Мадьяръ, Румыновъ, Итальянцевъ. Если это аномаліи, то, казалось бы, надо уничтожить главную изъ нихъ, прежде чѣмъ приниматься за мелочи. Но 6 или 7 милліоновъ австрійскихъ Нѣмцевъ составляютъ не подчиненную національность, какъ милліонъ Голштинцевъ и Шлезвигцевъ, а напротивъ того національность господствующую. Нельзя не согласиться, что это обстоятельство имѣетъ первостепенную важность въ глазахъ Нѣмцевъ,—что оно даетъ совершенно противуположный оборотъ дѣлу; но трудно понять, какое значеніе можетъ оно имѣть въ глазахъ безпристрастной Европы, для которой и германская и скандинавская, и итальянская (о славянской мы не говоримъ) національности имѣютъ одинаковую цѣну. Если, слѣдовательно, нѣмецкій народъ не составлялъ политической національности, если значительная доля его была соединена подъ однимъ управленіемъ съ другими національностями, то онъ могъ справедливо требовать отъ Даніи только того, чтобы нѣмецкая національность не угнеталась въ Голштейнѣ и Шлезвигѣ, а пользовалась равноправ-

постью съ датскою; но этого и требовать было нечего, это исполнялось и безъ всякихъ требованій.

Представимъ себѣ, что первоначальный планъ Наполеона III относительно Италіи осуществился бы. Она составляла бы,—наподобіе германскаго, — итальянскій союзъ, въ составъ котораго входило бы и Венеціанское королевство, оставаясь однако-же въ соединеніи съ Австріею. На какихъ основаніяхъ могъ бы тогда король сардинскій въ союзѣ съ королемъ неаполитанскимъ требовать отъ Австріи отдѣленія Венеціи, если бы итальянская національность въ ней ничѣмъ не угнеталась, и вообще права Венеціанцевъ не нарушались бы? Такое положеніе дѣлъ Итальянцы могли бы считать,—и совершенно основательно,—весьма неудовлетворительнымъ. Но главною причиною неудовлетворительности была бы не принадлежность Венеціи Австріи, а раздѣльность итальянскихъ государствъ при единой итальянской народности; и, только сплотясь сама въ одно политическое цѣлое, имѣла бы эта народность, если не формальное, на трактатахъ основанное, то прирожденное естественное право требовать своего дополненія отъ Австріи. Подобнаго права нельзя отрицать и у Германіи, но прежде надлежало бы ей соединиться въ одно политическое нѣмецкое цѣлое, отдѣливъ отъ себя все не-нѣмецкое, требующее самостоятельной національной жизни, и тогда уже требовать своего и отъ другихъ. Наконецъ, съ національной точки зрѣнія, возстановленія нарушеннаго германскаго національнаго права могъ во всякомъ случаѣ требовать только Германскій союзъ, какъ это и было въ началѣ, а онъ былъ очевидно оттѣсненъ далѣе чѣмъ на задній планъ, послѣ того какъ все здѣсь приняли въ свои руки Пруссія и Австрія.

Впрочемъ, такъ ли это или не такъ, дѣло собственно идетъ тутъ вовсе не о томъ, чтобы неопровержимо доказать существенную несправедливость поступка Пруссіи и Австріи съ Даніею; мы хотимъ лишь показать, что въ глазахъ Европы внутренняя правда шлезвигъ-голштейнскаго дѣла не могла оправдать его нелегальности. Для насъ важно не то, каково это дѣло само въ себѣ, но то, какимъ оно представлялось глазамъ Европы; а едва ли кто рѣшится утверждать, что оно пользовалось симпатіей европейскихъ правительствъ и европейскаго (за исключеніемъ германскаго, конечно) общественнаго мнѣнія. Во мнѣніи Европы, къ нарушеніямъ формы международныхъ отношеній присоединилась здѣсь и неос-

между тѣмъ какъ всѣ требованія Франціи было торжественно выполнены. Чтб оставалось дѣлать послѣ этого? Могла ли Россія довольствоваться обѣщаніями Турціи, могла ли давать имъ малѣйшую вѣру? Не говоря уже о нанесенномъ ей оскорбленіи, не должна ли была она думать, что Турція, послѣ столь счастливаго начала, такъ благополучно сошедшаго ей съ рукъ, могла, когда ей только вздумается, отнимать одно за другимъ права православной церкви, чтобы показать несчастнымъ послѣдователямъ ея тщету всякой надежды на Россію? Могла ли Россія не видѣть, какое поприще открывалось для интригъ латинства, которое умѣетъ цѣнить полученныя имъ выгоды, и конечно на нихъ бы не остановилось? Чтобы предупредить это, оставалось одно средство: вытребовать у Турціи положительное обязательство, выраженное въ формѣ какого-либо дипломатическаго договора, что всѣ права, которыми пользовалась доселѣ православная церковь, будутъ навсегда сохранены за нею. Можно ли было требовать меньшаго, когда эти права только-что были нарушены, а обѣщаніе возстановить ихъ фирманомъ не исполнено? Не самая ли натуральная вещь требовать формальнаго обязательства или контракта отъ того, кто показалъ, что его слову, его простому обѣщанію нельзя давать вѣры? Требованіе Россіею этого формальнаго обязательства назвали требованіемъ покровительства надъ провославною церковью въ турецкой имперіи и нарушеніемъ верховныхъ правъ этой послѣдней. Конечно, это было требованіемъ покровительства; но что̀ же было въ этомъ новаго и страннаго, чтобы возбудить такое всеобщее противъ Россіи негодованіе? Уже около 80-ти лѣтъ, именно съ 1774 года, Россія имѣла формальное, выраженное въ трактатѣ право на такое покровительство; требовалось только болѣе ясное и точное опредѣленіе его; фактическое же право покровительства, проистекающее не изъ трактатовъ, а изъ сущности вещей, Россія имѣла всегда, и всегда имъ пользовалась съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась достаточно для того сильною. Такое фактическое право имѣли споконъ вѣка всѣ государства, когда чувствовали, что какое-либо дорогое для нихъ дѣло терпѣло притѣсненіе въ иностранномъ государствѣ. Такъ протестантскія государства не рѣдко покровительствовали протестантскому вѣроисповѣданію въ католическихъ государствахъ. Такъ Россія и Пруссія оказывали покровительство диссидентамъ, православнымъ и протестантамъ, угнетаемымъ въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ. Такъ, уже послѣ во-

сточной войны, Франція оказала даже вооруженное покровительство сирійскимъ христіанамъ. И не въ одномъ религіозномъ отношеніи оказывалось такое покровительство. Не сочли ли себя Англія и Франція въ правѣ покровительствовать всѣмъ вообще неаполитанскимъ подданнымъ, по ихъ мнѣнію (впрочемъ совершенно справедливому), жестоко и деспотически управляемымъ, и требовать отъ неаполитанскаго короля улучшенія въ способѣ и формѣ его управленія? Не покровительствовала ли Франція бельгійцамъ, возставшимъ противъ Голландіи? Если, такимъ образомъ, покровительство дорогимъ для одного государства интересамъ, угнетаемымъ въ другомъ, всегда фактически существовало, и не смотря ни на какую теорію невмѣшательства, всегда будетъ существовать (какъ основанное на самой сущности вещей), то что̀ же ужаснаго и оскорбительнаго въ томъ, ежели это естественное право покровительства получаетъ формальное выраженіе въ трактатѣ? Римскій дворъ заключаетъ конкордаты съ католическими и даже съ некатолическими государствами, которыми выговариваетъ, дипломатическимъ путемъ, извѣстныя права для католической церкви въ этихъ державахъ, и такіе конкордаты не считаются однако-же нарушеніями верховенства этихъ государствъ. Вестфальскимъ миромъ заключившія его государства обязались другъ передъ другомъ не стѣснять правъ своихъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ господствующей въ нихъ религіи. Иногда это постановленіе не исполнялось католическими державами; протестанты вмѣшивались въ это дѣло и вынуждали исполненіе трактата. Такъ Фридрихъ-Вильгельмъ, отецъ Фридриха Великаго, два раза оказалъ весьма дѣйствительное покровительство угнетеннымъ протестантамъ въ Зальцбургѣ. Правда, что въ Вестфальскомъ договорѣ обязательство было взаимное; но въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи въ этой взаимности не было никакой надобности, ибо магометанскіе подданные Россіи никогда никакихъ притѣсненій не терпѣли. Конечно на трактатахъ основанное право чужеземнаго покровительства надъ частью подданныхъ другого государства не можетъ быть для него пріятно; но что̀ же дѣлать, если оно служитъ только выраженіемъ дѣйствительно существующей потребности? Единственное средство избѣгнуть этой непріятности—уничтожить самый фактъ, обусловливающій необходимость иностраннаго покровительства; пока же самый фактъ будетъ существовать, то неосвященіе покровительства формальностью договора нисколько сущности дѣла не измѣняетъ.

между тѣмъ какъ всѣ требованія Франціи было торжественно выполнены. Чтó оставалось дѣлать послѣ этого? Могла ли Россія довольствоваться обѣщаніями Турціи, могла ли давать имъ малѣйшую вѣру? Не говоря уже о нанесенномъ ей оскорбленіи, не должна ли была она думать, что Турція, послѣ столь счастливаго начала, такъ благополучно сошедшаго ей съ рукъ, могла, когда ей только вздумается, отнимать одно за другимъ права православной церкви, чтобы показать несчастнымъ послѣдователямъ ея тщету всякой надежды на Россію? Могла ли Россія не видѣть, какое поприще открывалось для интригъ латинства, которое умѣетъ цѣнить полученныя имъ выгоды, и конечно на нихъ бы не остановилось? Чтобы предупредить это, оставалось одно средство: вытребовать у Турціи положительное обязательство, выраженное въ формѣ какого-либо дипломатическаго договора, что всѣ права, которыми пользовалась доселѣ православная церковь, будутъ навсегда сохранены за нею. Можно ли было требовать меньшаго, когда эти права только-что были нарушены, а обѣщаніе возстановить ихъ фирманомъ не исполнено? Не самая ли натуральная вещь требовать формальнаго обязательства или контракта отъ того, кто показалъ, что его слову, его простому обѣщанію нельзя давать вѣры? Требованіе Россіею этого формальнаго обязательства назвали требованіемъ покровительства надъ провославною церковью въ турецкой имперіи и нарушеніемъ верховныхъ правъ этой послѣдней. Конечно, это было требованіемъ покровительства; но что же было въ этомъ новаго и страннаго, чтобы возбудить такое всеобщее противъ Россіи негодованіе? Уже около 80-ти лѣтъ, именно съ 1774 года, Россія имѣла формальное, выраженное въ трактатѣ право на такое покровительство; требовалось только болѣе ясное и точное опредѣленіе его; фактическое же право покровительства, проистекающее не изъ трактатовъ, а изъ сущности вещей, Россія имѣла всегда, и всегда имъ пользовалась съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась достаточно для того сильною. Такое фактическое право имѣли споконъ вѣка всѣ государства, когда чувствовали, что какое-либо дорогое для нихъ дѣло терпѣло притѣсненіе въ иностранномъ государствѣ. Такъ протестантскія государства не рѣдко покровительствовали протестантскому вѣроисповѣданію въ католическихъ государствахъ. Такъ Россія и Пруссія оказывали покровительство диссидентамъ, православнымъ и протестантамъ, угнетаемымъ въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ. Такъ, уже послѣ во-

сточной войны, Франція оказала даже вооруженное покровительство сирійскимъ христіанамъ. И не въ одномъ религіозномъ отношеніи оказывалось такое покровительство. Не сочли ли себя Англія и Франція въ правѣ покровительствовать всѣмъ вообще неаполитанскимъ подданнымъ, по ихъ мнѣнію (впрочемъ совершенно справедливому), жестоко и деспотически управляемымъ, и требовать отъ неаполитанскаго короля улучшенія въ способѣ и формѣ его управленія? Не покровительствовала ли Франція бельгійцамъ, возставшимъ противъ Голландіи? Если, такимъ образомъ, покровительство дорогимъ для одного государства интересамъ, угнетаемымъ въ другомъ, всегда фактически существовало, и не смотря ни на какую теорію невмѣшательства, всегда будетъ существовать (какъ основанное на самой сущности вещей), то что̀ же ужаснаго и оскорбительнаго въ томъ, ежели это естественное право покровительства получаетъ формальное выраженіе въ трактатѣ? Римскій дворъ заключаетъ конкордаты съ католическими и даже съ некатолическими государствами, которыми выговариваетъ, дипломатическимъ путемъ, извѣстныя права для католической церкви въ этихъ державахъ, и такіе конкордаты не считаются однако-же нарушеніями верховенства этихъ государствъ. Вестфальскимъ миромъ заключившія его государства обязались другъ передъ другомъ не стѣснять правъ своихъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ господствующей въ нихъ религіи. Иногда это постановленіе не исполнялось католическими державами; протестанты вмѣшивались въ это дѣло и вынуждали исполненіе трактата. Такъ Фридрихъ-Вильгельмъ, отецъ Фридриха Великаго, два раза оказалъ весьма дѣйствительное покровительство угнетеннымъ протестантамъ въ Зальцбургѣ. Правда, что въ Вестфальскомъ договорѣ обязательство было взаимное; но въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи въ этой взаимности не было никакой надобности, ибо магометанскіе подданные Россіи никогда никакихъ притѣсненій не терпѣли. Конечно на трактатахъ основанное право чужеземнаго покровительства надъ частью подданныхъ другого государства не можетъ быть для него пріятно; но что̀ же дѣлать, если оно служитъ только выраженіемъ дѣйствительно существующей потребности? Единственное средство избѣгнуть этой непріятности—уничтожить самый фактъ, обусловливающій необходимость иностраннаго покровительства; пока же самый фактъ будетъ существовать, то неосвященіе покровительства формальностью договора нисколько сущности дѣла не измѣняетъ.

Можно даже сказать, что чрезъ такое формальное признаніе права покровительства и вмѣшательства въ ясно опредѣленныхъ случаяхъ, уменьшаются шансы къ фактическому примѣненію этого права. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Россія въ 1853 году и безъ дипломатической ноты, и вообще безъ всякаго опредѣлительнаго дипломатическаго договора, котораго она стала себѣ требовать въ этомъ году, — что̀ будто бы такъ напугало Европу, — не вмѣшалась въ дѣла Турціи, не приняла на себя покровительства православной церкви? А наоборотъ, если бы таковой положительный, ясный и опредѣлительный договоръ существовалъ до того времени, то не воспрепятствовалъ ли бы онъ Турціи въ ея враждебномъ къ большинству ея же подданныхъ поступкѣ, и тѣмъ не отклонилъ ли бы фактическаго вмѣшательства Россіи? Но, какіе бы кто ни имѣлъ понятія о допускаемости или недопускаемости договоровъ, дающихъ одному государству формальное право на покровительство части подданныхъ другаго государства, — право, которое и безъ договора фактически всегда существуетъ,—одно останется несомнѣннымъ, что договоръ, выраженный въ точныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, всегда предпочтительнѣе договора, дающаго мѣсто неопредѣленнымъ толкованіямъ, договора, вводящаго одну сторону въ соблазнъ уменьшать принятыя ею на себя обязательства, а другую—преувеличивать свои права. Въ настоящемъ случаѣ, дѣло и шло именно только о такой замѣнѣ одного договора другимъ, чтобы предупредить на будущее время подобныя столкновенія и необходимость фактическаго вмѣшательства. Если подобные договоры нарушаютъ верховенство государства, то нарушеніе это было уже сдѣлано 80 лѣтъ тому назадъ; теперь ему придавалась только безвредная форма. Все, о чемъ можно было толковать, состояло, слѣдовательно, только въ томъ, чтобы принятая форма была вмѣстѣ съ этимъ и самая безобидная, наиболѣе удовлетворяющая щепетильной заботливости европейскихъ государствъ о достоинствѣ Турціи; а въ этомъ отношеніи уступчивости Россіи не было предѣловъ. Она не дѣйствовала нахрапомъ, какъ германскіе союзники противъ Даніи, и, когда великія европейскія державы предложили свое посредничество, она приняла его, предоставивъ ихъ благоусмотрѣнію опредѣленіе выраженій, въ которыхъ Турція должна была удовлетворить ея требованіямъ. Сама зачинщица дѣла, — Франція,—составила проектъ ноты; дипломатическіе представители великихъ европейскихъ державъ одобрили и приняли его. Такъ

составилась знаменитая Вѣнская нота. Россія, признавъ посредничество державъ, безусловно приняла рѣшеніе посредниковъ. Казалось бы, дѣло кончено. Если и могли прежде, основательно или неосновательно, предполагать со стороны Россіи честолюбивыя намѣренія, она видимо отказывалась отъ нихъ, принимая рѣшеніе коллективной дипломатической мудрости Европы. Ясное дѣло, что намѣреніе ея ограничивалось полученіемъ, во-первыхъ, удовлетворенія за нарушеніе правъ ея единовѣрцевъ, естественною покровительницею которыхъ, по самой сущности вещей, она всегда была, есть и будетъ, по трактатамъ или безъ нихъ; во-вторыхъ, обязательства, выраженнаго, хотя бы въ самой деликатной для турецкаго самолюбія формѣ, въ томъ, что впредь такихъ нарушеній не будетъ. И что же? Турція отвергаетъ эту, составленную четырьмя великими державами и принятую Россіей, ноту, дѣлая въ ней такія измѣненія, которыя лишаютъ ее всякаго значенія и обязательнаго смысла. Самый фактъ измѣненія ноты былъ уже знакомъ неуваженія, и—не къ одной Россіи, но и къ прочимъ четыремъ державамъ, если только онѣ сами серіозно смотрѣли на свое дѣло, а не видѣли въ немъ ловушки, въ которую надѣялись поймать Россію, думая, что она не приметъ предложеннаго ими текста, и что тогда можно будетъ обвинять ее сколько угодно въ заднихъ мысляхъ и тайныхъ честолюбивыхъ замыслахъ и, умывая руки, взвалить на нее всю отвѣтственность за послѣдствія. Турція неизвѣстно откуда набирается духу объявить Россіи войну и находитъ себѣ между подписавшими Вѣнскую ноту двухъ явныхъ и одного тайнаго союзника; только четвертый остается нейтральнымъ зрителемъ.

Политическія страсти удивительно какъ отуманиваютъ умъ: самое прямое и безспорное дѣло становится сомнительнымъ и извращается въ глазахъ пристрастнаго судьи. Попытаемся же перевести этотъ неслыханный образъ дѣйствій изъ сферы политической въ сферу частныхъ отношеній. Нѣкто, считающій себя оскорбленнымъ, требуетъ удовлетворенія отъ оскорбителя; во вниманіе къ общимъ друзьямъ, дѣлаетъ онъ уступку за уступкой въ формѣ требуемой имъ сатисфакціи, наконецъ соглашается предоставить все рѣшенію самихъ этихъ друзей,—третейскому суду чести, какъ это, напримѣръ, водится между военными и студентами; соглашается, несмотря на увѣренность въ томъ, что друзья эти большею частію ложные друзья,—что одинъ изъ нихъ былъ даже подстрекателемъ въ нанесенномъ ему оскорбленіи. Такъ убѣжденъ онъ въ правотѣ своего

дѣла. Друзья постановляютъ рѣшеніе,—замѣтьте: рѣшеніе, предложенное самимъ подстрекателемъ,—и оскорбленный безусловно ему покоряется, считаетъ его вполнѣ для себя достаточнымъ. Прибавимъ къ этому, что оскорбленный, какъ не разъ доказалъ, отлично владѣетъ оружіемъ, оскорбитель же плоховатъ въ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе, этотъ послѣдній воодушевляется неожиданною храбростью, отвергаетъ рѣшеніе принятыхъ имъ прежде посредниковъ и вызываетъ своего противника на дуэль.

Друзья, конечно, приходятъ въ негодованіе, объявляютъ себя сторонниками вызваннаго и настаиваютъ на томъ, чтобы ему было сдѣлано удовлетвореніе, признанное ими всѣми за справедливое,—принуждаютъ къ этому такъ не къ мѣсту разхрабрившагося господина, или по крайней мѣрѣ оставляютъ поединщиковъ расправляться другъ съ другомъ, какъ сами знаютъ? Ничуть не бывало; оказывается, что у друзей какія-то странныя понятія о чести и справедливости. Разхрабрившійся, изволите ли видѣть, куда-какой плохой воитель, не справиться ему никакъ съ вызваннымъ имъ противникомъ; это ясно, какъ дважды два—четыре. Ну—а долгъ рыцарской чести стоять за слабыхъ и защищать отъ нападенія сильныхъ, да и неожиданный задоръ взялся вѣдь у него не откуда, какъ отъ ихъ же рыцарскихъ нашептываній,—честь слѣдовательно велитъ стоять за него грудью. Такъ рѣшаютъ двое изъ друзей. Но вѣдь нуженъ же для этого какой-нибудь резонъ; а если не резонъ, то по крайней мѣрѣ хоть предлогъ, и предлогъ по обыкновенію находится, конечно столь же странный, какъ и вся эта исторія. Оскорбленный и вызванный, изъ уваженія ли къ друзьямъ, по добродушію что-ли, или ужь такъ, Богъ его знаетъ почему, предлагаетъ противнику такія условія боя: „Ты, братъ, я знаю, плохо драться умѣешь, такъ вотъ тебѣ что: если нападешь на меня, буду защищаться; повезетъ тебѣ—хорошо,—твое счастье; а чуть неустойка, уходи за эту черту, и я уже за ней тронуть тебя не смѣю; беру въ этомъ всѣхъ друзей въ свидѣтели и поруки". Умно ли это или нѣтъ, ужь не знаю; но за то великодушно въ высшей степени, изъ рукъ вонъ какъ великодушно. Однако двумъ друзьямъ, подстрекателю и другому, и этого показалось мало: „черта чертой, — это хорошо, — только ты еще руку и ногу дай себѣ связать, и стой на одной ногѣ, и одной только рукой дерись; а мы любоваться будемъ, какъ ты фокусы эти будешь выкидывать. Если же нѣтъ, то втроемъ на тебя нападемъ". Руки и ноги не далъ

себѣ связать, великодушный воитель,—ну и предлогъ, слава тебѣ Господи, нашелся, а то куда въ какихъ затрудненіяхъ были оба друга: драться смерть какъ хочется, а драться не за что. Уговаривали они и третьяго заодно съ ними драться, да этому напрямикъ въ драку лѣзть черезъ-чуръ ужь непристойно было: не дальше какъ пять лѣтъ тому назадъ обижаемый его изъ воды что-ли, или изъ огня вытащилъ,—когда тотъ уже совсѣмъ было захлебывался, или дымомъ задыхался,—однимъ словомъ жизнь спасъ. Онъ и поднимается на хитрость. „Мѣсто", говоритъ, „гдѣ вы драться думаете, у меня подъ бокомъ; вашей дракой вы мѣшать мнѣ будете; я пока займу его, а вы деритесь гдѣ знаете. Правда, мѣсто для тебя будетъ очень неудобно: и вѣтеръ, и солнце прямо въ глаза тебѣ; изъ него нападать нельзя будетъ, только защищаться съ грѣхомъ пополамъ; ну, да это ужь твое дѣло; если-жъ не хочешь, то, пока тѣ трое спереди нападать на тебя будутъ, я сзади за шиворотъ схвачу". Только четвертый отошелъ себѣ въ сторону. „Моя", говоритъ, „хата съ краю, я ничего не знаю".

Какъ стали бы мы, спрашиваю, судить о подобныхъ поступкахъ? А въ этой притчѣ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія или каррикатуры, только простая перефразировка: судъ чести—Вѣнская конференція, черта—Дунай; рука и нога, которымъ надлежало быть связанными—флотъ, которымъ Россія не должна была препятствовать подвозу оружія черкесамъ и т. д. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не Синопское сраженіе послужило болѣе нежели страннымъ предлогомъ къ объявленію войны морскими державами? Развѣ Австрія не требовала очищенія и нейтралитета Дунайскихъ княжествъ, подвергая тѣмъ Россію ударамъ ея враговъ, и лишая ее возможности самой наносить ихъ, заставляя вмѣсто сухопутной вести морскую войну? Кто же тутъ, спрашивается, оскорбленный и обиженный? Не до очевидности ли ясно, что войны съ Россіей искали во что бы то ни стало? Не Франція ли съ самаго начала нарушила своими неумѣренными требованіями миръ между соперничествующими церквами и заставила Россію вступиться за своихъ единовѣрцевъ? Не Турція ли послѣ сего обманула Россію, не сдержавъ даннаго обѣщанія о фирманѣ? Не Франція ли опять, придвинувъ свой флотъ къ Дарданеламъ, вынудила Россію къ занятію Дунайскихъ княжествъ? Затѣмъ, когда Россія согласилась предоставить рѣшеніе спора посредничеству четырехъ великихъ державъ и безусловно приняла предложенный ими текстъ ноты, не

западныя ли державы, а преимущественно не Англія ли, чрезъ своего посланника, постоянно враждебнаго Россіи лорда Редклифа, подстрекнула Турцію не принимать ея и,—чтобы разомъ покончить съ дипломатіей, посредствомъ которой никакъ не удавалось выставить Россію зачинщицей дѣла,—прямо объявить ей войну?

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, малѣйшая возможность думать, чтобы Турція рѣшилась пренебречь мнѣніемъ всей Европы и, отвергнувъ его, объявить войну Россіи, при убѣжденіи, что предложенная ей нота составляла не ловушку, а дѣйствительное, честно выраженное мнѣніе Европы, и безъ подстрекательства обѣщаніемъ самой дѣятельной помощи? Наконецъ, не дики ли требованія западныхъ державъ, чтобы Россія, будучи въ войнѣ съ Турціею, спокойно смотрѣла на то, какъ будутъ подвозить оружіе и вообще помогать черкесамъ, и употребляла для своей защиты одну лишь армію, но никакъ не флотъ? Не эти ли нелѣпыя требованія, по необходимости ею отвергнутыя, послужили предлогомъ къ войнѣ? Что̀ же сказать еще о требованіяхъ Австріи, которая, выгораживая Турцію, вноситъ войну въ предѣлы самой Россіи? Что̀ сказать наконецъ о Сардиніи, такъ себѣ, здорово живешь, ни съ того ни съ сего объявляющей войну Россіи, не только ужь безъ причины, но даже и безъ малѣйшей тѣни предлога? Неужели все это не показываетъ какого-то озлобленія,—какой-то рѣшимости пренебречь всѣмъ, лишь бы только удовлетворить своему желанію унизить Россію, когда къ тому представляется наконецъ благопріятный, повидимому, случай? Все это становится особливо любопытнымъ, если сравнить такое озлобленіе противъ Россіи съ тою снисходительностью, которая была оказана къ дѣйствіямъ Пруссіи и Австріи относительно Даніи. И если-бъ еще можно было отнести это къ макіавелизму дворовъ или только правительственныхъ сферъ европейскихъ державъ, увидавшихъ благопріятный случай поживиться на счетъ Россіи,—совсѣмъ нѣтъ! Въ настоящее время, интриги, въ родѣ замысловъ кардинала Альберони, стали совершенно невозможны. Всѣ европейскія правительства должны соображаться съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія и весьма часто даже вынуждаются имъ къ дѣйствіямъ. Такъ было и въ восточномъ вопросѣ. Правительство Англіи, т. е. министерство Абердина, было не только миролюбиво, но даже дружественно расположено къ Россіи; тоже самое должно сказать и о большей части германскихъ правительствъ. Одна только сила общественнаго мнѣнія при-

нудила Англію къ войнѣ и смѣнила министерство за то, что оно не вело войны съ достаточною энергіею. Столь же враждебно ежели еще не болѣе, было это мнѣніе въ Пруссіи и въ остальной Германіи, и если не увлекло ихъ въ войну, то потому, что не получило еще тамъ такого могущества, какъ въ Англіи. Каждый успѣхъ, одержанный не только западными державами, но даже и турками, праздновался вездѣ, какъ успѣхъ общаго дѣла всей Европы. Правда, что новое правительство Франціи искало случая къ войнѣ; но почему же выбрало оно именно эту войну, которая сама по себѣ не представляла ему никакихъ положительныхъ выгодъ, была даже противна здраво понятымъ политическимъ интересамъ Франціи? А Наполеонъ, конечно, понималъ ихъ здраво. Но онъ зналъ, что это будетъ самая популярная въ Европѣ война, единственная, способная примирить ее съ Наполеоновскою династіею, на которую она вообще смотрѣла съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ; и результатъ вполнѣ оправдалъ такой разсчетъ.

Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ, общественное мнѣніе Европы было гораздо враждебнѣе къ Россіи, нежели ея правительственныя и дипломатическія сферы. Совершенно наоборотъ, въ шлезвигъ-голштейнскомъ вопросѣ, общественное мнѣніе внѣ Германіи, хотя вообще и не одобряло дѣйствій Австріи и Пруссіи, и стояло почти повсемѣстно за Данію, но было вообще очень холодно, вяло, не имѣло той стремительности, которая увлекаетъ за собою правительства, и потому оставляло имъ не только полную свободу дѣйствовать по усмотрѣнію ихъ благоразумія, но даже высказывалось, какъ въ журналахъ, такъ и въ многочисленныхъ митингахъ, противъ войны. Откуда же, спрашивается опять, это мѣряніе разными мѣрами и это вѣшаніе разными вѣсами, когда дѣло идетъ о Россіи и о другихъ европейскихъ государствахъ? Представленный разборъ и тщательное сравненіе шлезвигъ-голштейнскаго вопроса съ восточнымъ въ ихъ сущности и въ ихъ формѣ, не даетъ, какъ мы видѣли, ключа къ этой загадкѣ, а напротивъ, еще болѣе затрудняетъ ея отгадку. Не возбудила ли Россія своими прежними дѣлами, своими вѣроломствами, своими насиліями справедливыхъ опасеній и негодованія Европы, такъ что Европа воспользовалась первымъ представившимся случаемъ, чтобы разсчитаться за прошедшее и оградить себя въ будущемъ? Посмотримъ, можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ такъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЧЕМУ ЕВРОПА ВРАЖДЕБНА РОССІИ?

Мы слышимъ клеветы, мы знаемъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ,
Измѣны, зависти и страха порожденья.
Друзей у нашей Руси нѣтъ!

„Взгляните на карту“, говорилъ мнѣ одинъ иностранецъ, „развѣ мы можемъ не чувствовать, что Россія давитъ на насъ своею массою, какъ нависшая туча, какъ какой-то грозный кошмаръ?“ Да ландкартное давленіе дѣйствительно существуетъ; но гдѣ же оно на дѣлѣ, чѣмъ и когда выражалось? Франція при Лудовикѣ XIV и Наполеонѣ, Испанія при Карлѣ V и Филиппѣ II, Австрія при Фердинандѣ II дѣйствительно тяготѣли надъ Европой, грозили уничтожить самостоятельное, свободное развитіе различныхъ ея національностей, и большаго труда стоило ей освободиться отъ такого давленія. Но есть ли что нибудь подобное въ прошедшей исторіи Россіи? Правда, не разъ вмѣшивалась она въ судьбы Европы; но каковъ былъ поводъ къ этимъ вмѣшательствамъ? Въ 1799, въ 1805, въ 1807 гг. сражалась русская армія, съ разнымъ успѣхомъ, не за русскіе, а за европейскіе интересы. Изъ-за этихъ же интересовъ, для нея собственно чуждыхъ, навлекла она на себя грозу двѣнадцатаго года; когда же смела съ лица земли полумилліонную армію и этимъ однимъ, казалось бы, уже довольно послужила свободѣ Европы, она не остановилась на этомъ, а вопреки своимъ выгодамъ,—таково было въ 1813 году мнѣніе Кутузова и вообще всей, такъ-называемой, русской партіи,—два года боролась за Германію и Европу, и, окончивъ борьбу низверженіемъ Наполеона, точно такъ же спасла Францію отъ мщенія Европы, какъ спасла Европу отъ угнетеній Франціи. Спустя тридцать пять лѣтъ она опять, едва ли не вопреки своимъ интересамъ, спасла отъ конечнаго распаденія Австрію, считаемую, справедливо или нѣтъ,

краеугольнымъ камнемъ политической системы европейскихъ государствъ. Какую благодарность за все это получала она, какъ у правительствъ, такъ и у народовъ Европы,—всѣмъ хорошо извѣстно; но не въ этомъ дѣло. Вотъ однако же все, чѣмъ ознаменовалось до сихъ поръ дѣятельное участіе Россіи въ дѣлахъ Европы, за единственнымъ развѣ исключеніемъ безцѣльнаго вмѣшательства въ семилѣтнюю войну. Но эти уроки исторіи никого не вразумляютъ. Россія,—не устаютъ кричать на всѣ лады,—колоссальное завоевательное государство, безпрестанно расширяющее свои предѣлы, и слѣдовательно угрожаетъ спокойствію и независимости Европы. Это—одно обвиненіе. Другое состоитъ въ томъ, что Россія, будто бы, представляетъ собою нѣчто въ родѣ политическаго Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободѣ. Много ли во всемъ этомъ справедливаго? Посмотримъ сначала на завоевательность Россіи. Конечно, Россія не мала *); но бо́льшую часть ея пространства занялъ русскій народъ путемъ свободнаго разселенія, а не государственнаго завоеванія. Надѣлъ, доставшійся русскому народу, составляетъ вполнѣ естественную область,—столь же естественную, какъ напримѣръ, Франція, только въ огромныхъ размѣрахъ,—область, рѣзко означенную со всѣхъ сторонъ (за нѣкоторымъ исключеніемъ западной) морями и горами. Область эта перерѣзывается на два отдѣла Уральскимъ хребтомъ, который, какъ извѣстно, въ своей средней части такъ пологъ, что не составляетъ

*) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Россія вовсе не составляетъ огромнѣйшаго государства въ мірѣ, какъ привыкли думать и говорить. Эта честь безспорно принадлежитъ Британскому государству. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только хорошенько посчитать, хотя бы съ календаремъ въ рукахъ. Пространство Россіи по новѣйшимъ свѣдѣніямъ составляетъ около 375,000 кв миль. Посмотримъ же, сколько наберется во всѣхъ англійскихъ владѣніяхъ. Въ Европѣ 5,570; въ Азіи 63,706; въ Африкѣ 6.636; въ южной и средней Америкѣ 5,326; въ сѣверной Америкѣ: Канада съ принадлежностями 64,000, и полярныя страны, за исключеніемъ Гренландіи (20,000) и бывшихъ русскихъ владѣній (24,000), 130,000; наконецъ въ Австраліи болѣе 150,000. Итого слишкомъ 425,000 кв. миль, т. е. около 50,000 кв. миль болѣе, чѣмъ во всей Россіи. Скажутъ, можетъ быть, не вся Новая Голландія занята англійскими колоніями. Это такъ; но развѣ Англія допуститъ другія государства заводить свои колоніи на этомъ материкѣ, и не считаетъ ли она его, поэтому, своею собственностью? Или возразятъ, что полярныя страны Америки составляютъ ледяную пустыню, въ сущности никому не принадлежащую? Но не то ли же самое можно сказать о сѣверной Сибири, которая, тѣмъ не менѣе, однако же считается входящею въ составъ Русской имперіи?

естественной этнографической перегородки. Западная половина этой области прорѣзывается расходящимися во всѣ стороны изъ центра рѣками: Сѣверною Двиною, Невою—стокомъ всей озерной системы, Западною Двиною, Днѣпромъ, Дономъ и Волгою точно также, какъ въ маломъ видѣ Франція: Маасомъ, Сеною, Лоарою, Гаронною и Роною. Восточная половина прорѣзывается параллельнымъ теченіемъ Оби, Енисея и Лены, которыя также не раздѣлены между собою горными преградами. На всемъ этомъ пространствѣ не было никакого сформированнаго политическаго тѣла, когда русскій народъ сталъ постепенно выходить изъ племенныхъ формъ быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; слѣдовательно, ничто не препятствовало свободному разселенію русскаго народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелѣтіе его исторіи, при полномъ отсутствіи историческихъ націй, которыя надлежало бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять ихъ мѣсто. Никогда занятіе народомъ предназначеннаго ему историческаго поприща не стоило меньше крови и слезъ. Онъ терпѣлъ много неправдъ и утѣсненій отъ Татаръ и Поляковъ, Шведовъ и Меченосцевъ; но самъ никого не утѣснялъ, если не назовемъ утѣсненіемъ отраженія несправедливыхъ нападеній и притязаній. Воздвигнутое имъ государственное зданіе не основано на костяхъ попранныхъ народностей. Онъ или занималъ пустыни, или соединялъ съ собою путемъ исторической, нисколько не насильственной ассимиляціи такія племена, какъ Чудь, Весь, Меря, или какъ нынѣшніе Зыряне, Черемисы, Мордва, не заключавшія въ себѣ ни зачатковъ исторической жизни, ни стремленій къ ней, или, наконецъ, принималъ подъ свой кровъ и свою защиту такія племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою національную самостоятельность, или не могли долѣе сохранять ее, какъ Армяне и Грузины. Завоеваніе играло во всемъ этомъ самую ничтожную роль, какъ легко убѣдиться, прослѣдивъ, какимъ образомъ достались Россіи ея западныя и южныя окраины, слывущія въ Европѣ подъ именемъ завоеваній ненасытимо алчной Россіи. Но прежде надо согласиться въ значеніи слова „завоеваніе". Завоеваніе есть политическое убійство или по крайней мѣрѣ политическое изувѣченіе; такъ какъ, впрочемъ, первое изъ этихъ выраженій употребляется совершенно въ иномъ смыслѣ, скажемъ лучше: національное, народное убійство

или изувѣченіе. Хотя опредѣленіе эта метафорическое, тѣмъ не менѣе оно вѣрно и ясно. Въ послѣдствіи представится случай подробно изложить наши мысли о значеніи національностей, но пока удовольствуемся афористическимъ положеніемъ, которое, впрочемъ, и не требуетъ особенныхъ доказательствъ въ наше время, ибо составляетъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, убѣжденіе большинства мыслящихъ людей: *что всякая народность имѣетъ право на самостоятельное существованіе въ той именно мѣрѣ, въ какой сама его сознаетъ и имѣетъ на него притязаніе.* Это послѣднее условіе очень важно и требуетъ нѣкотораго разъясненія. Если бы, напримѣръ, Пруссія покорила Данію, или Франція Голландію, онѣ причинили бы этимъ дѣйствительное страданіе, нарушили бы дѣйствительное право, которое не могло бы быть вознаграждено никакими гражданскими или даже политическими правами и льготами, дарованными Датчанамъ или Голландцамъ, ибо, кромѣ личной и гражданской, кромѣ политической или такъ-называемой конституціонной свободы, народы, жившіе самостоятельною государственною и политическою жизнью, чувствуютъ еще потребность, чтобы всѣ результаты ихъ дѣятельности—промышленной, умственной и общественной—составляли ихъ полную собственность, а не приносились въ жертву чуждому имъ политическому тѣлу, не терялись въ немъ, не составляли матеріала и средства для достиженія посторонних для нихъ цѣлей. Они не хотятъ имъ служить, потому что каждая историческая національность имѣетъ свою собственную задачу, которую должна рѣшить, свою идею, свою отдѣльную сторону жизни, которыя стремится осуществить, — задачу, идею, сторону жизни, тѣмъ болѣе отличныя и оригинальныя, чѣмъ отличнѣе сама національность отъ прочихъ въ этнографическомъ, общественномъ, религіозномъ и историческомъ отношеніяхъ. Но необходимое условіе для достиженія всего этого составляетъ національно-политическая независимость. Слѣдовательно, уничтоженіе самостоятельности такой національности можетъ быть по всей справедливости названо національнымъ убійствомъ, которое возбуждаетъ вполнѣ законное негодованіе противъ его совершителя. Къ этому же разряду общественныхъ явленій относится и то, чтò я назвалъ національнымъ изувѣченіемъ. Италія, напримѣръ, ощущала дѣйствительное страданіе отъ того, что часть ея—Венеція—оставалась присоединенною къ чуждому ей политическому тѣлу—Австріи, хотя это и не составляло непреодолимаго препятствія къ развитію ея національ-

ной жизни; точно такъ, какъ отсѣченіе руки или ноги не прекращаетъ жизни отдѣльнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе лишаетъ ее той полноты и разносторонности проявленій, къ которымъ она была бы способна безъ этого увѣчья. Историческій народъ, пока не соберетъ воедино всѣхъ своихъ частей, всѣхъ своихъ органовъ, долженъ считаться политическимъ калѣкою. Таковы были въ недавнее время Итальянцы; таковы до сихъ поръ Греки, Сербы и даже Русскіе, отъ которыхъ отдѣлены еще три или четыре милліона ихъ галицкихъ и угорскихъ единоплеменниковъ. А сколько еще пока подъ спудомъ почивающихъ народностей, чающихъ своего воскресенія! Сказанное здѣсь было бы однако-жъ несправедливо и неразумно относить и къ такимъ племенамъ, которыя не жили самостоятельною историческою жизнію, потому ли, что вовсе не имѣли для сего внутреннихъ задатковъ, или потому, что обстоятельства для нихъ сложились неблагопріятно, и возможность ихъ историческаго развитія была уничтожена въ такой ранній періодъ ихъ жизни, когда они составляли только этнографическій матеріалъ, еще неуспѣвшій принять формы политической индивидуальности,—такъ сказать прежде, чѣмъ въ нихъ былъ вдунутъ духъ живъ. Такія племена,—какъ напримѣръ Баски въ Испаніи и Франціи, Кельты княжества Валисскаго и наши многочисленныя финскія, татарскія, самоѣдскія, остяцкія и другія племена, — предназначены къ тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно съ тою историческою народностью, среди которой онѣ разсѣяны, ассимилироваться ею и служить къ увеличенію разнообразія ея историческихъ проявленій. Эти племена имѣютъ, безъ сомнѣнія, право на ту же степень личной гражданской и общественной свободы, какъ господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность; ибо, не имѣя ея въ сознаніи, они и потребности въ ней не чувствуютъ, и даже чувствовать не могутъ. Нельзя прекратить жизни того, что не жило; нельзя изувѣчить тѣла, не имѣющаго индивидуальнаго объединенія. Тутъ нѣтъ, слѣдовательно, ни національнаго убійства, ни національнаго увѣчья; а потому нѣтъ и завоеванія. Оно даже не возможно въ отношеніи къ такимъ племенамъ. Самый этимологическій смыслъ слова „завоеваніе" не примѣнимъ къ подчиненію такихъ племенъ, ибо они и сопротивленія не оказываютъ, если при этомъ не нарушаются ихъ личныя, имущественныя и другія гражданскія права. Когда эти права остаются неприкосновенными, имъ собственно и защищать болѣе нечего.

Послѣ этого небольшаго отступленія, необходимаго для уясненія понятія о завоеваніи, начнемъ нашъ обзоръ съ сѣверо-западнаго угла русскаго государства, съ Финляндіи,—прямо съ одного изъ политическихъ преступленій, въ которыхъ насъ укоряетъ Европа. Было-ли тутъ завоеваніе въ томъ именно значеніи національнаго убійства, которое придаетъ ему ненавистный, преступный характеръ? Безъ сомнѣнія нѣтъ, такъ какъ не было и національности, которую лишили бы при этомъ ея самостоятельнаго существованія или изувѣчили отдѣленіемъ какой-либо составной ея части. Финское племя, населяющее Финляндію, подобно всѣмъ прочимъ финскимъ племенамъ, разсѣяннымъ по пространству Россіи, никогда не жило историческою жизнью. Коль скоро нѣтъ нарушенія народной самостоятельности, то политическія соображенія относительно географической округленности, стратегической безопасности границъ и т. п., сами по себѣ еще не могущія оправдать присоединенія какой либо страны, получаютъ свое законное примѣненіе. Россія вела войну съ Швеціей, которая съ самаго Ништадтскаго мира не могла привыкнуть къ мысли объ уступкѣ того, что по всѣмъ правамъ принадлежало Россіи, и искала всякаго, по ея мнѣнію, удобнаго случая возобновить эту войну и возвратить свои прежнія завоеванія. Россія побѣдила и пріобрѣла право на вознагражденіе денежное, земельное или другое, лишь-бы оно не простиралось на часть самой Швеціи, — ибо національная территорія неотчуждаема и никакіе договоры не могутъ освятить въ сознаніи народа такого отчужденія, пока отчужденная часть не потеряетъ своего національнаго характера. Тогда, конечно, но только тогда, приходится покориться невозвратно. Но мало сказать, что присоединеніемъ Финляндіи отъ Швеціи къ Россіи ничьи существенныя права не были нарушены,—выгоды самой Финляндіи, т. е. финскаго народа ее населяющаго, болѣе, чѣмъ выгоды Россіи, требовали перемѣны владычества. Государство столь могучее, какъ Россія, могло въ значительной мѣрѣ отказаться отъ извлеченія выгодъ изъ пріобрѣтенной страны; народность столь могучая, какъ русская, могла, безъ вреда для себя, предоставить финской народности полную этнографическую самостоятельность. Русское государство и русская народность могли довольствоваться малымъ: имъ было достаточно имѣть въ сѣверо-западномъ углу своей территоріи нейтральную страну и доброжелательную народность вмѣсто непріятель-

скаго передоваго поста и господства враждебныхъ Шведовъ. Государство и народность русскія могли обойтись безъ полнаго сліянія съ собою страны и народности финской, къ чему конечно по необходимости должна была стремиться слабая Швеція, въ отношеніи къ которой Финляндія составляла три четверти ея собственнаго пространства и половину ея населенія. И дѣйствительно, только со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи начала пробуждаться финская народность и достигла наконецъ того, что за языкомъ ея могла быть признана равноправность со шведскимъ въ отношеніи университетскаго образованія, администраціи и даже преній на сеймѣ. Сдѣланное Россіей для финской національности будетъ безъ сомнѣнія оцѣнено безпристрастными людьми; въ враждебномъ лагерѣ конечно возбуждаетъ оно пока только негодованіе, доходящее иногда до смѣшнаго. Въ мою бытность въ Норвегіи, меня серьезно увѣрялъ одинъ Шведъ, что русское правительство, изъ вражды къ Швеціи, искусственно вызвало финскую національность, и сочинило, съ этою именно цѣлью, эпическую поэму Калевалу. Удивительное правительство, которое, по отзывамъ Поляковъ, указами создаетъ русскій языкъ и научаетъ ему своихъ монгольскихъ подданныхъ, а по отзывамъ Шведовъ, сочинаетъ народные эпосы!

За Финляндіей, пропуская Ингерманландію,—за обладаніе которою на насъ, кажется, не сыплется укоровъ, хотя и она была отбита у Шведовъ,—мы встрѣчаемъ такъ-называемыя нѣмецкія Остзейскія провинціи (die deutschen Ostsee-Provinzen), то есть нѣмецкія владѣнія по берегамъ Балтійскаго моря. По названію можно подумать, что дѣло идетъ о завоеванныхъ и отторгнутыхъ Русскими отъ Священной Римской имперіи, или отъ замѣнившаго ее Германскаго союза, провинціяхъ Пруссіи и Помераніи, составляющихъ въ настоящее время единственныя дѣйствительно нѣмецкія провинціи при Балтійскомъ морѣ, а не о населенномъ Эстами и Латышами пространствѣ отъ Чудскаго озера и рѣки Наровы до прусской границы,—исконной принадлежности Россіи, гдѣ еще Ярославъ основалъ Юрьевъ, переименованный потомъ въ Дорпатъ,—о пространствѣ, на поселеніе въ которомъ первые рижскіе епископы считали нужнымъ испрашивать дозволеніе у Полоцкихъ князей. Кто были завоевателями въ этой странѣ: Русскіе ли, то есть славяне, — которые, въ союзѣ съ разными чудскими племенами, положили основаніе русскому государству и мирными путями вно-

сили христіанство съ зачатками образованности въ эту прибалтійскую страну, точно также какъ и въ прочія части своей, составляющей одно физическое цѣлое, государственной области,—или незванные и непрошенные нѣмецкіе искатели приключеній, явившіеся сюда огнемъ и мечемъ распространять духовное владычество папъ, обращать туземцевъ въ рабство и присвоивать себѣ чужую собственность? Россія никогда не признавала этого вторженія пришельцевъ! Псковъ и Новгородъ, стоявшіе здѣсь на стражѣ земли Русской въ тяжелую татарскую годину, не переставали протестовать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Когда же Москва соединила въ себѣ Русь, она сочла своимъ первымъ долгомъ уничтожить рыцарское гнѣздо и возвратить Россіи ея достояніе. Первое удалось на первыхъ же порахъ, но сама страна перешла въ руки Польши и Швеціи, и борьба за нее соединилась съ борьбою за прочія области, отторгнутыя этими государствами отъ Россіи. Но это только еще одна сторона дѣла;—самое присоединеніе главной части Прибалтійскаго края совершилось даже не вопреки желанію пришлаго дворянства, а по его же просьбамъ и наущеніямъ, при стараніяхъ и помощи его представителя, героя Паткуля. Можно утверждать, что для самаго народа, кореннаго обладателя страны, Эстовъ и Латышей, Россія хотя и сдѣлала уже кое-что, однако-жь далеко не все, чего могли они отъ нея ожидать; но конечно не за это упрекаетъ ее Европа, не въ этомъ видитъ она ту черту, по которой, въ ея глазахъ, присоединеніе Прибалтійскаго края имѣетъ ненавистный завоевательный характеръ. Совершенно напротивъ, въ томъ немногомъ, что̀ сдѣлано—или, лучше сказать, въ томъ, чего она опасается со стороны Россіи, — для истиннаго освобожденія народа и страны, она и видитъ собственно русскую узурпацію, оскорбленіе германской и вообще европейской цивилизаціи.

За прибалтійскими областями начинается страна, извѣстная нынѣ подъ именами Сѣверо-западнаго и Юго-западнаго края, а прежде именовавшаяся польскими провинціями. Недалеко то время, когда было бы нелишнимъ исписать не одну страницу всевозможныхъ доказательствъ для убѣжденія въ томъ, что это русскій край, что Россія никогда его не завоевывала: ибо нельзя завоевать того, что̀ наше безъ всякаго завоеванія, всегда такимъ было, всегда даже такимъ считалось всѣмъ русскимъ народомъ, пока въ высшихъ слояхъ его не начали изсякать живой народный смыслъ и

живое народное чувство,—пока, вслѣдствіе того, многіе изъ этихъ слоевъ не допустили отуманить свой умъ нелѣпыми гуманитарными бреднями, неимѣющими даже достоинства искренности и безпристрастія. Поляки и Европа взяли на себя, къ счастью, трудъ нѣсколько протрезвить Русскихъ въ этомъ отношеніи, и хотя, къ сожалѣнію, несмотря на всѣ свои старанія, не столько еще успѣли въ этомъ, какъ бы слѣдовало желать,—такъ крѣпко забились гуманитарныя бредни въ русскія головы,—достигли однако же того, чего не сдѣлали бы самыя основательныя и длинныя диссертаціи,—избавили отъ труда доказывать, что Сѣверо-западный и Юго-западный край — точно такая же Россія и на точно такихъ же основаніяхъ, какъ и самая Москва.

Но въ Сѣверо-западномъ краѣ есть небольшая землица, именно Бѣлостоцкая область, на которой нелишнимъ будетъ нѣсколько остановиться. Эта область, вмѣстѣ съ сѣверною частью нынѣшняго Царства Польскаго, Познанскимъ герцогствомъ и западной Пруссіей, досталась при раздѣлѣ Польши на долю Пруссіи. Въ седьмомъ году, по Тильзитскому миру, она отошла къ Россіи. Сколько возгласовъ по этому случаю въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ о вѣроломствѣ Россіи, постыдно согласившейся принять участіе въ разграбленіи бывшей своей несчастной союзницы! Стоитъ только бросить взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться въ недобросовѣстности такого обвиненія.

Бѣлостоцкая область прилегаетъ къ восточной границѣ Царства Польскаго. Изъ сѣверной части теперешняго Царства, къ которой черезъ два года присоединена была и южная, и изъ Познанской провинціи составилъ Наполеонъ герцогство Варшавское. Этимъ была разорвана связь между Бѣлостоцкою областью и уцѣлѣвшими отъ разгрома прусскими владѣніями. Для Пруссіи, слѣдовательно, Бѣлостоцкая область была во всякомъ случаѣ потеряна: Пруссіи оставалось одно изъ двухъ: видѣть ее или въ рукахъ враждебнаго ей Варшавскаго герцогства, соединеннаго съ враждебною же Саксоніей, или въ рукахъ дружественной Россіи. Могло ли тутъ быть сомнѣніе въ выборѣ самой Пруссіи? Что̀ касается до Россіи, то очевидно, что она считала Бѣлостоцкую область присоединяемою къ ней не отъ Пруссіи,—отъ которой эта область была уже отнята самымъ фактомъ образованія Варшавскаго герцогства,—а отъ этого послѣдняго, обѣимъ имъ непріязненнаго государства. Гдѣ же тутъ вѣроломство? Впослѣдствіи же,

когда Царство Польское въ возмездіе за услуги, оказанныя Россіей Европѣ, было присоединено къ Россіи, Пруссія получила достаточное вознагражденіе за отошедшую отъ нея часть Польши, а Бѣлостоцкая область не могла быть ей возвращена, потому что оставалась отдѣленною отъ нея Царствомъ Пвльскимъ, какъ прежде герцогствомъ Варшавскимъ, которое (если не считать выдѣленнаго изъ него Познанскаго герцогства) перемѣнило только названіе.

Не можетъ ли, однако, самое Царство Польское назваться завоеваніемъ Россіи, такъ какъ, въ силу выше даннаго опредѣленія, тутъ было, повидимому, національное убійство? Этотъ вопросъ заслуживаетъ разсмотрѣнія, потому что въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ Европы, по отношенію къ нему, проявляется также—если еще не болѣе, чѣмъ въ восточномъ вопросѣ сравнительно съ шлезвигъ-голштейнскимъ,—та двойственность мѣры и та фальшивость вѣсовъ, которыми она отмѣриваетъ и отвѣшиваетъ Россіи и другимъ государствамъ.

Раздѣлъ Польши считается во мнѣніи Европы величайшимъ преступленіемъ противъ народнаго права, совершеннымъ въ новѣйшія времена, и вся тяжесть его взваливается на Россію. И это мнѣніе не газетныхъ крикуновъ, не толпы, а мнѣніе большинства передовыхъ людей Европы. Въ чемъ же однако вина Россіи? Западная ея половина во время татарскаго господства была покорена Литвой, вскорѣ обрусѣвшей, затѣмъ черезъ посредство Литвы — сначала случайно (по брачному союзу), а потомъ насильственно (Люблинскою уніей)—присоединена къ Польшѣ. Восточная Русь никогда не мирилась съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ непрерывный рядъ войнъ, перевѣсъ въ которыхъ сначала принадлежалъ большею частью Польшѣ, а со времени Хмѣльницкаго и возсоединенія Малороссіи окончательно перешелъ къ Россіи. При Алексѣѣ Михайловичѣ Россія не имѣла еще счастья принадлежать къ политической системѣ европейскихъ государствъ, и потому у ней были развязаны руки, и она была единственнымъ судьею въ своихъ дѣлахъ. Въ то время произошелъ первый раздѣлъ Польши. Россія, никого не спрашиваясь, взяла изъ своего, что̀ могла,—Малороссію по лѣвую сторону Днѣпра, Кіевъ и Смоленскъ, — взяла бы и больше, если бы надежды на польскую корону не обманули царя и не заставили упустить благопріятное время. Раздѣлъ Польши, насколько въ немъ участвовала Россія, могъ бы совершиться уже тогда,—слишкомъ за сто лѣтъ

ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно совершился,—и конечно съ огромною для Россіи пользою, ибо тогда не бродили еще гуманитарныя идеи въ русскихъ головахъ, и край былъ бы закрѣпленъ за православіемъ и русскою народностью прежде, чѣмъ успѣли бы явиться на пагубу русскому дѣлу Чарторыйскіе съ ихъ многочисленными послѣдователями и сторонниками, процвѣтающими подъ разными образами и видами даже до сего дня. Какъ бы то ни было, дѣло не было окончено, а едва только начато при Алексѣѣ, и разъ упущенное благопріятное время возвратилось не ранѣе какъ черезъ сто лѣтъ, при Екатеринѣ II. Но почему же то, что̀ было законно въ половинѣ XVII вѣка, становится незаконнымъ къ концу XVIII? Самый поводъ къ войнѣ при Алексѣѣ одинаковъ,—все то же утѣсненіе православнаго населенія, взывавшаго о помощи къ родной Россіи. И если справедливо было возвратить Смоленскъ и Кіевъ, то почему же было несправедливо возвратить не только Вильну, Подолію, Полоцкъ, Минскъ, но даже Галичъ, который, къ несчастію, вовсе не былъ возвращенъ? А вѣдь въ этомъ единственно и состоялъ раздѣлъ Польши, насколько въ немъ участвовала Россія! Форма была, правда, иная. Въ эти сто лѣтъ Россія имѣла счастіе вступить въ политическую систему европейскихъ государствъ, и руки ея были связаны. Свое ли, не свое ли родовое достояніе ты возвращаешь, какъ бы говорили ей сосѣди, намъ все равно; только ты усиливаешься, и намъ надобно усилиться настолько же. Положеніе было таково, что Россія не имѣла возможности возвратить по праву ей принадлежащаго, не допуская въ то же время Австрію и Пруссію завладѣть собственно Польшею и даже частью Россіи—Галичемъ,—на что ни та, ни другая, конечно, не имѣли ни малѣйшаго права. Первоначальная мысль о такомъ раздѣлѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, Фридриху, и въ уничтоженіи настоящей Польши, въ ея законныхъ предѣлахъ, Россія не имѣла никакой выгоды. Совершенно напротивъ, Россія несомнѣнно сохранила бы свое вліяніе на Польшу и по отдѣленіи отъ нея русскихъ областей; тѣмъ болѣе, что въ ней одной могла бы Польша надѣяться найти опору противъ своихъ нѣмецкихъ сосѣдей, которымъ (особенно Пруссіи) было весьма желательно, даже существенно необходимо получить нѣкоторыя части собственной Польши. Но не рисковать же было Россіи изъ-за этого войною съ Пруссіею и Австріею! Не очевидно ли, что все, что̀ было несправедливаго въ раздѣлѣ Польши,—такъ сказать, убійство поль-

ской національности,—лежитъ на совѣсти Пруссіи и Австріи, а вовсе не Россіи, удовольствовавшейся своимъ достояніемъ, возвращеніе котораго не только составляло ея право, но и священнѣйшую обязанность? Или найдутся, быть можетъ, гуманитарныя головы, которыя скажутъ, что великодушіе требовало отъ Россіи скорѣе отказаться отъ принадлежащаго ей по праву, чѣмъ согласиться на уничтоженіе самой Польши? Вѣдь это все, чѣмъ можно упрекнуть Россію, ставъ на самую донкихотскую точку зрѣнія. Такой образъ дѣйствій былъ бы, пожалуй, возможенъ, если бы Польша иначе поступала съ своими русскими и православными подданными; въ данныхъ же обстоятельствахъ это было бы смѣшнымъ и жалкимъ великодушничаньемъ на чужой счетъ. Если бы частный человѣкъ, лишенной части своего достоянія, для возвращенія его принужденъ былъ, не имѣя возможности этого иначе достигнуть, войти въ соглашеніе съ сосѣдями, завѣдомо желающими воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ, дабы безъ малѣйшаго на то права захватить и ту долю собственности неправаго владѣльца, которая несомнѣнно ему принадлежитъ,—мы, безъ сомнѣнія, должны были бы сказать, что онъ поступилъ несогласно съ правилами христіанской нравственности. Но примѣненіе этихъ правилъ къ междугосударственнымъ и даже международнымъ отношеніямъ было бы страннымъ смѣшеніемъ понятій, доказывающимъ лишь непониманіе тѣхъ основаній, на которыхъ зиждутся эти высшія нравственныя требованія. Требованіе нравственнаго образа дѣйствій есть ничто иное, какъ требованіе самопожертвованія. Самопожертвованіе есть высшій нравственный законъ. Собственно говоря, это тождественныя понятія. Но единственное основаніе для самопожертвованія есть безсмертіе, вѣчность внутренней сущности человѣка; ибо для того, чтобы строгій законъ нравственности или самопожертвованія не былъ нелѣпостью, заключающею въ себѣ внутреннее противорѣчіе, очевидно необходимо, чтобъ онъ вытекалъ изъ внутренней природы того, кто долженъ на его основаніи дѣйствовать, точно также, какъ и во всѣхъ природныхъ или, что̀ тоже самое, божественныхъ законахъ. Но если для человѣка все оканчивается здѣшнею жизнью, то, безъ сомнѣнія, и законы его дѣятельности не могути ни откуда иначе почерпаться, какъ изъ требованій этой же жизни,—изъ того, что̀ составляетъ ея сущность, то есть изъ требованій временнаго спокойствія, счастія, благоденствія, въ которыхъ каждое существо находитъ конечную и даже

единственно вообразимую цѣль своего бытія. Только въ томъ случаѣ, ежели не въ этомъ заключается внутренняя потребность нашей сущности, духа, какъ мы его называемъ,—если въ немъ содержится нѣчто иное, неисчерпываемое содержаніемъ временной земной жизни, — можетъ быть выставляемо и иное начало для его дѣятельности, начало нравственности, любви и самопожертвованія. Но государство и народъ суть явленія преходящія, существующія только во времени, и, слѣдовательно, только на требованіи этого ихъ временнаго существованія могутъ основываться законы ихъ дѣятельности, то есть политики. Этимъ не оправдывается макіавелизмъ, а утверждается только, что всякому свое, что для всякаго разряда существъ и явленій есть свой законъ. Око за око, зубъ за зубъ, строгое право, Бентамовскій принципъ утилитарности, то есть здраваго понятія пользы,—вотъ законъ внѣшней политики, законъ отношеній государства къ государству. Тутъ нѣтъ мѣста закону любви и самопожертвованія. Не къ мѣсту примѣненный, этотъ высшій нравственный законъ принимаетъ видъ мистицизма и сантиментальности, какъ мы видѣли тому примѣръ въ блаженной памяти Священномъ союзѣ. Замѣтимъ кстати, что начало здраво понятой пользы, очевидно недостаточное и негодное какъ основаніе нравственности, должно дать гораздо лучшіе результаты, какъ принципъ политическій; по той весьма простой причинѣ, что онъ примѣняется здѣсь къ своему настоящему мѣсту. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе долговѣчной жизни государства есть большое вѣроятіе, что угроза, служащая основою утилитарнаго начала,—т. е. его санкція, заключающаяся въ словахъ: „ею же мѣрою мѣрите—возмѣрится и вамъ",—успѣетъ возъимѣть свое дѣйствіе; тогда какъ въ кратковременную жизнь человѣка, каждый, имѣющій достаточно средствъ, власти, хитрости, можетъ весьма основательно надѣяться, что ему удастся избѣжать послѣдствій, выраженныхъ въ приведенныхъ словахъ.

И такъ, раздѣлъ Польши, насколько въ немъ принимала участіе Россія, былъ дѣломъ совершенно законнымъ и справедливымъ, былъ исполненіемъ священнаго долга предъ ея собственными сынами, въ которомъ ее не должны были смущать порывы сантиментальности и ложнаго великодушія, какъ послѣ Екатерины они, къ сожалѣнію и къ общему несчастію Россіи и Польши, смущали ее и смущаютъ многихъ еще до сихъ поръ. Если при раздѣлѣ Польши была несправедливость со стороны Россіи, то она заклю-

чалась единственно въ томъ, что Галичъ не былъ возсоединенъ съ Россіей. Несмотря на все это, негодованіе Европы обрушилось, однако же, всею своею тяжестью не на дѣйствительно виновныхъ,—Пруссію и Австрію,—а на Россію. Въ глазахъ Европы все преступленіе раздѣла Польши заключается именно въ томъ, что Россія усилилась, возвративъ свое достояніе. Если бы не это горестное обстоятельство, то германизація славянской народности,—хотя для нея самой любезной изъ всѣхъ, но все-таки же славянской,—не возбудила бы столько слезъ и плача. Я думаю даже, что, совершенно напротивъ, послѣ долгихъ лицемѣрныхъ соболѣзнованій, она была бы втайнѣ принята съ общею радостью, какъ желательная побѣда цивилизаціи надъ варварствомъ. Вѣдь знаемъ же мы, что она не пугаетъ европейскихъ и нашихъ гуманитарныхъ прогрессистовъ, даже когда является въ формѣ австрійскаго жандарма (см. *Атеней*). Развѣ одни французы пожалѣли бы, что лишились удобнаго орудія мутить Германію. Такое направленіе общественнаго мнѣнія Европы очень хорошо поняла и польская интеллигенція; она знаетъ, чѣмъ задобрить Европу, и отказывается отъ главнаго достоянія Польши, доставшагося Австріи и Пруссіи, лишь бы ей было возвращено то, что̀ она нѣкогда отняла у Россіи; чужое ей милѣе своего. Кому случалось видѣть отвратительное, но любопытное зрѣлище драки между двумя большими ядовитыми пауками, называемыми фалангами, тотъ, конечно, замѣчалъ, какъ нерѣдко это злобное животное, пожирая съ яростью одного изъ своихъ противниковъ, не ощущаетъ, что другой отъѣлъ уже у него задъ. Не представляютъ ли эти фаланги истинную эмблему шляхетско-іезуитской Польши,—ея символъ, гербъ, выражающій ея государственный характеръ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ одно-главый орелъ?

Но, какъ бы ни была права Россія при раздѣлѣ Польши, теперь она владѣетъ уже частью настоящей Польши, и слѣдовательно должна нести на себѣ упрекъ въ неправомъ стяжаніи, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Пруссіей и Австріей. Да, къ несчастію владѣетъ! Но владѣетъ опять-таки не по завоеванію, а по тому сентиментальному великодушію, о которомъ только-что было говорено. Если бы Россія, освободивъ Европу, предоставила отчасти возстановленную Наполеономъ Польшу ея прежней участи, то есть раздѣлу между Австріей и Пруссіей, а въ вознагражденіе своихъ неоцѣнимыхъ, хотя и плохо оцѣненныхъ заслугъ, потребовала для

себя восточной Галиціи, частью которой—Тарнопольскимъ округомъ—въ то время уже владѣла, то осталась бы на той почвѣ, на которой стояла при Екатеринѣ, и никто ни въ чемъ не могъ бы ее упрекнуть. Россія получила бы значительно меньше по пространству, не многимъ меньше по народонаселенію, но за то скольскимъ больше по внутреннему достоинству пріобрѣтеннаго, такъ какъ она увеличила бы число своихъ подданныхъ не враждебнымъ польскимъ элементомъ, а настоящимъ русскимъ народомъ. Чтò же заставило императора Александра упустить изъ виду эту существенную выгоду? Чтò ослѣпило его взоръ? Никакъ не завоевательные планы, а желаніе осуществить свою юношескую мечту,—возстановить польскую народность, и тѣмъ загладить то, чтò ему казалось проступкомъ его великой Бабки. Что это было дѣйствительно такъ, доказывается тѣмъ, что такъ смотрѣли на это сами Поляки. Когда изъ враждебнаго лагеря, изъ Австріи, Франціи и Англіи, стали дѣлать всевозможныя препятствія этому плану возстановленія Польши, угрожая даже войною, императоръ Александръ послалъ великаго князя Константина въ Варшаву призывать Поляковъ къ оружію для защиты ихъ національной независимости. Европа, по обыкновенію, видѣла въ этомъ со стороны Россіи хитрость,—желаніе, подъ предлогомъ возстановленія польской народности, мало по малу прибрать къ своимъ рукамъ и тѣ части прежняго Польскаго королевства, которыя не ей достались,—и потому соглашалась на совершенную инкорпорацію Польши, но никакъ не на самостоятельное существованіе Царства въ личномъ династическомъ союзѣ съ Россіею, чего теперь такъ желаютъ. Только, когда Гарденбергъ,—который, какъ Пруссакъ, былъ ближе знакомъ съ польскими и русскими дѣлами,—разъяснилъ, что Россія требуетъ своего собственнаго вреда, согласились дипломаты на самостоятельность Царства *). Послѣдующія событія доказали, что планы Россіи были не честолюбивы, а только великодушны. Если бы русское правительство поддерживало въ Полякахъ надежду на присоединеніе къ царству прусскихъ и австрійскихъ частей бывшей Польши, какъ этого, напримѣръ, въ послѣдствіи желалъ маркизъ Велепольскій, или бы только сквозь пальцы смотрѣло на клонящіяся къ тому интриги, конечно не случилось бы

---

*) *Русскій Вѣстникъ* Февр. 1865 г. Статья проф. Соловьева: «Вѣнскій конгрессъ», стр. 433 и 434.

того, что возстаніе вспыхнуло въ Царствѣ Польскомъ, а не въ Познани или въ Галиціи; ибо внутреннихъ причинъ, заключающихся въ неудовлетворительномъ состояніи края, для этого возстанія не было. Какъ бы кто ни судилъ о дарованной Царству конституціи,—свобода, которою оно пользовалось, была во всякомъ случаю несравненно значительнѣе, чѣмъ въ означенныхъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи, чѣмъ въ самой Пруссіи и Австріи, чѣмъ даже въ большей части тогдашней Европы. Время съ 1815 по 1830 годъ, въ которое Царство пользовалось независимымъ управленіемъ, особою арміею, собственнымъ финансами и конституціонными формами правленія, было, безъ сомнѣнія, и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, счастливѣйшимъ временемъ польской исторіи. Возстаніе ничѣмъ другимъ не объясняется, какъ досадою Поляковъ на неосуществленіе ихъ плановъ къ возстановленію древняго величія Польши, хотя бы то было подъ скипетромъ русскихъ государей (конечно, только для начала). Но эти планы были направлены не на Галицію и Познань, а на западную Россію, потому что тутъ только были развязаны руки польской интеллигенціи—сколько угодно полячить и латынить. И только, когда, по мнѣнію польской интеллигенціи, стало оказываться недостаточно потворства или, лучше сказать, содѣйствія русскаго правительства,—ибо потворства все еще было довольно—къ ополяченію западной Россіи, тогда негодованіе поляковъ вспыхнуло и привело къ возстанію 1830, а также и 1863 года. Вотъ какъ честолюбивы и завоевательны были планы Россіи, побудившіе ее домогаться на Вѣнскомъ конгрессѣ присоединенія Царства Польскаго!

Въ юго-западномъ углу Россіи лежитъ Бессарабія, также недавнее пріобрѣтеніе. Здѣсь христіанское православное населеніе было исторгнуто изъ рукъ угнетавшихъ его дикихъ и грубыхъ завоевателей, Турокъ,—населеніе, которое торжествовало это событіе, какъ избавленіе изъ плѣна. Если то было завоеваніе, то и Киръ, освободивъ Іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, былъ ихъ завоевателемъ. Объ этомъ и распространяться больше не стоитъ.

Всѣ южно-русскія степи также были вырваны изъ рукъ Турокъ. Степи эти принадлежатъ къ русской равнинѣ. Съ поконъ вѣка, еще со временъ Святослава, боролись за нихъ съ ордами кочевниковъ сначала русскіе князья, потомъ русскія казацкія общины и русскіе цари. Зачѣмъ же и съ какого права занесло сюда

турецкую власть, покровительствовавшую хищническимъ набѣгамъ? Тоже должно сказать и о Крымскомъ полуостровѣ, хотя и не принадлежавшемъ изстари къ Россіи, но послужившемъ убѣжищемъ не только ея непримиримымъ врагамъ, но врагамъ всякой гражданственности, которые дѣлали изъ него набѣги при всякомъ удобномъ случаѣ, пожигали огнемъ и посѣкали мечемъ южныя русскія области до самой Москвы. Можно, пожалуй, согласиться, что здѣсь было завоевано государство, лишена своей самостоятельности народность; но какое государство и какая народность? Если я назвалъ всякое вообще завоеваніе національнымъ убійствомъ, то въ этомъ случаѣ это было такое убійство, которое допускается и Божескими и человѣческими законами,—убійство, совершонное въ состояніи необходимой обороны и вмѣстѣ въ видѣ справедливой казни.

Остается еще Кавказъ. Подъ этимъ многообъемлющимъ именемъ надобно отличать, въ разсматриваемомъ здѣсь отношеніи, закавказскія христіанскія области, закавказскія магометанскія области и кавказскихъ горцевъ.

Мелкія закавказскія христіанскія царства еще со временъ Грознаго и Годунова молили о русской помощи и предлагали признать русское подданство. Но только императоръ Александръ I, въ началѣ своего царствованія, послѣ долгихъ колебаній, согласился наконецъ исполнить это желаніе, убѣдившись предварительно, что грузинскія царства, до-нельзя истомленныя вѣковой борьбой съ Турками, Персіянами и кавказскими горцами, не могли вести долѣе самостоятельнаго существованія и должны были или погибнуть, или присоединиться къ единовѣрной Россіи. Дѣлая этотъ шагъ, Россія знала, что принимаетъ на себя тяжелую обузу, хотя, можетъ быть, не предугадывала, что она будетъ такъ тяжела,— что она будетъ стоить ей непрерывной шестидесятилѣтней борьбы. Какъ бы то ни было, ни по сущности дѣла, ни по его формѣ, тутъ не было завоеванія, а было поданіе помощи изнемогавшему и погибавшему. Прежде всего, это вовлекло Россію въ двукратную борьбу съ Персіей, причемъ не Россія была зачинщицей. Въ теченіе этой борьбы ей удалось освободить нѣкоторыя христіанскія населенія отъ двойнаго ига мелкихъ владѣтельныхъ хановъ и персидскаго верховенства. Съ этимъ вмѣстѣ были покорены магометанскіе ханства: Кубанское, Бакинское, Ширванское, Шекинское, Ганджинское и Талышенское, составляющія теперь столько же

уѣздовъ, и Эриванская область. Назовемъ, пожалуй, это завоеваніями, хотя завоеванные черезъ это только выиграли.

Не столь довольны, правда, русскимъ завоеваніемъ кавказскіе горцы. Здѣсь точно много погибло, если не независимыхъ государствъ, то независимыхъ племенъ. Послѣ раздѣла Польши, едва ли какое другое дѣйствіе Россіи возбуждало въ Европѣ такое всеобщее негодованіе и сожалѣніе, какъ война съ кавказскими горцами и, особливо, недавно совершившееся покореніе Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дѣло, какъ великую побѣду, одержанную общечеловѣческою цивилизацiей,—ничто не помогаетъ. Не любитъ Европа, чтобы Россія бралась за это дѣло. Ну, на Сыръ-Дарьѣ, въ Коканѣ, въ Самаркандѣ, у дико-каменныхъ Киргизовъ—еще, куда ни шло, можно съ грѣхомъ пополамъ допустить такое цивилизаторство,—все же въ родѣ шпанской мушки оттягиваетъ, хотя къ сожалѣнію и въ недостаточномъ количествѣ, силы Россіи; а то у насъ подъ бокомъ, на Кавказѣ; мы бы и сами здѣсь поцивилизировали. Что кавказскіе горцы,—и по своей фанатической религіи, и по образу жизни, и по привычкамъ, и по самому свойству обитаемой ими страны,—природные хищники и грабители, никогда не оставлявшіе и не могущіе оставлять своихъ сосѣдей въ покоѣ, все это не принимается въ расчетъ. Рыцари безъ страха и упрека, паладины свободы, да и только! Въ Шотландскихъ горахъ, съ небольшимъ лѣтъ сто тому назадъ, жило нѣсколько десятковъ, а можетъ и сотенъ тысячъ такихъ же рыцарей свободы; хотя тѣ были христіане, и пообразованнѣе, и нравомъ посмирнѣе,—да и горы, въ которыхъ они жили, не Кавказскимъ чета,—но однако же Англія нашла, что нельзя терпѣть ихъ гайлендерскихъ привычекъ и при удобномъ случаѣ разогнала ихъ на всѣ четыре стороны. А Россія, подъ страхомъ клейма гонительницы и угнетательницы свободы, терпи слишкомъ милліонъ такихъ рыцарей, засѣвшихъ въ неизслѣдимыхъ трущобахъ Кавказа, препятствующихъ на цѣлыя сотни верстъ кругомъ всякой мирной осѣдлости; и,—въ ожиданіи, пока они не присоединятся къ первымъ врагамъ, которымъ вздумается напасть на нее съ этой стороны,—держи, не предвидя конца, двухсот-тысячную армію подъ ружьемъ, чтобы сторожить всѣ входы и выходы изъ этихъ разбойничьихъ вертеповъ. И по этому кавказскому (какъ и по польскому, какъ и по восточному, какъ и по всякому) вопросу можно судить о доброжелательствѣ Европы къ Россіи.

О Сибири и говорить нечего. Какое тутъ, въ самомъ дѣлѣ, завоеваніе? Гдѣ тутъ завоеванные народы и покоренныя царства? Стоитъ лишь счесть, сколько въ Сибири Русскихъ и сколько инородцевъ, чтобы убѣдиться, что большею частью это было занятіе пустопорожняго мѣста, совершонное (какъ показываетъ исторія) казацкою удалью и расселеніемъ русскаго народа, почти безъ содѣйствія государства. Развѣ еще къ числу русскихъ завоеваній причислимъ Амурскій край, никѣмъ не заселенный, куда всякое переселеніе было даже запрещено китайскимъ правительствомъ, неизвѣстно почему и для чего считавшимъ его своею собственностью?

И такъ, въ завоеваніяхъ Россіи все, что̀ можно при разныхъ натяжкахъ назвать этимъ именемъ, ограничивается Туркестанскою областью, Кавказскимъ горнымъ хребтомъ, пятью-шестью уѣздами Закавказья и, если угодно, еще Крымскимъ полуостровомъ. Если же разбирать дѣло по совѣсти и чистой справедливости, то ни одно изъ владѣній Россіи нельзя назвать завоеваніемъ—въ дурномъ антинаціональномъ и потому ненавистномъ для человѣчества смыслѣ. Много ли государствъ, которыя могутъ сказать про себя тоже самое? Англія у себя подъ бокомъ завоевала независимое Кельтское государство,—и какъ завоевала!—отняла у народа право собственности на его родную землю, голодомъ заставила его выселяться въ Америку, а на разстояніи чуть не полуокружности земли покорила царства и народы Индіи въ числѣ почти двухъ сотъ милліоновъ душъ; отняла Гибралтаръ у Испаніи, Канаду у Франціи, мысъ доброй Надежды у Голландіи и т. д. Земель пустопорожнихъ или заселенныхъ дикими неисторическими племенами, въ количествѣ безъ малаго 300,000 квадратныхъ миль, я не считаю завоеваніями. Франція отняла у Германіи Эльзасъ, Лотарингію, Франшъ-Конте,—у Италіи Корсику и Ниццу; за моремъ покорила Алжиръ. А сколько было ею завоевано и опять отъ нея отнято! Пруссія округлила и соединила свои разбросанные члены на счетъ Польши, на которую не имѣла никакого права. Австрія мало или даже почти ничего не отняла мечемъ; но самое ея существованіе есть уже преступленіе противу права народностей. Испанія въ былыя времена владѣла Нидерландами, большею частью Италіи, покорила и уничтожила цѣлыя цивилизаціи въ Америкѣ.

Ежели нельзя упрекнуть Россію въ дѣйствительно совершон-

ныхъ ею завоеваніяхъ, то, можетъ быть, къ нимъ были направлены ея стремленія; неудача покушенія не оправдываетъ еще преступника. Бросимъ взглядъ на характеръ войнъ, которыя она вела. Далеко заходить не зачѣмъ. Всѣ войны до Петра велись Россіей за собственное существованіе,—за то, что̀ въ несчастныя времена ея исторіи было отторгнуто ея сосѣдями. Первая война, которую она вела не съ этою цѣлью и которою собственно началось ея вмѣшательство въ европейскія дѣла, была ведена противъ Пруссіи. Достаточнаго резона на участіе въ семилѣтней войнѣ со стороны Россіи, конечно, не было. Злословіе Фридриха оскорбило Елизавету; его поступки, справедливо или нѣтъ, считались всею Европою наглыми нарушеніями, какъ международнаго права вообще, такъ и законовъ священной Германско-римской имперіи въ частности. Если тутъ была вина, то ее раздѣляла Россія со всею Европой; такъ или нѣтъ, но это было явленіе случайное, не лежавшее въ общемъ направленіи русской политики. Во все царствованіе Екатерины Великой, Россія дѣятельнымъ образомъ не вмѣшивалась въ европейскія дѣла, преслѣдовала свои цѣли, и цѣли эти, какъ мы видѣли, были цѣли правыя. Съ императора Павла собственно начинаются европейскія войны Россіи. Война 1799 г., въ чисто военномъ отношеніи едва-ли не славнѣйшая изо всѣхъ веденныхъ Россіею, была актомъ возвышеннѣйшаго политическаго великодушія, безкорыстія, рыцарства въ истинно мальтійскомъ духѣ. Была ли она актомъ такого же политическаго благоразумія,—это иной вопросъ. Для Россіи, впрочемъ, война эта имѣла значительный нравственный результатъ: она показала, къ чему способны Русскіе въ военномъ дѣлѣ. Такой же характеръ имѣли войны 1805 и 1807 года. Россія принимала къ сердцу интересы ей совершенно чуждые и, съ достойнымъ всякаго удивленія геройствомъ, приносила жертвы на алтарь Европы. Тильзитскій миръ заставилъ ее на время отказаться отъ этой самоотверженной политики и повернуть въ прежнюю екатерининскую колею; но выгоды, которыя она могла очевидно пріобрѣсти, продолжая идти по ней, не удовлетворяли ее, не имѣли въ глазахъ ея ничего приманчиваго. Интересы Европы, особливо интересы Германіи, такъ близко лежали къ ея сердцу, что оно билось только для нихъ. Что усилія, сдѣланныя Россіей въ 1813 и въ 1814 году, были сдѣланы въ пользу Европы,—въ этомъ согласны даже и теперь безпристрастные люди, къ какому бы политическому лагерю они

ни принадлежали; а тогда всѣ прославляли безпримѣрное безкорыстіе Россіи. Но что самый двѣнадцатый годъ былъ борьбою, предпринятой Россіей изъ-за интересовъ Европы, — это едва ли многими сознается. Конечно, война двѣнадцатаго года была войною по преимуществу народною, — народною въ полномъ смыслѣ этого слова, если принять въ расчетъ самый способъ ея веденія и тѣ чувства, которыя въ то время одушевляли русскій народъ. Но такова-ли была эта славная война въ своихъ причинахъ, то есть, желаніе ли нарушить русскіе интересы побудило Наполеона предпринять ее? На это едва ли можно отвѣчать утвердительно. Причины этой колоссальной борьбы,—низвергнувшей Наполеона и приведшей къ такимъ громаднымъ послѣдствіямъ, — до того ничтожны, что невозможно понять, какъ могли они заставить Наполеона ринуться въ такое опасное, рискованное предпріятіе безъ всякой нужды, имѣя на рукахъ у себя Испанію. Что̀ приводится въ самомъ дѣлѣ поводомъ, побудившимъ Наполеона собрать 600,000 армію и вторгнуться съ нею въ отдаленную страну,—неизобильную рессурсами, съ дурными путями сообщенія, — для борьбы съ войскомъ и народомъ, мужество которыхъ было ему хорошо извѣстно?.. Неточное соблюденіе Тяльзитскаго договора Россіею, — допускавшею подъ рукою нѣкоторую торговлю съ Англіей, когда Наполеонъ самъ у себя допускалъ подобныя же уклоненія отъ правилъ континентальной системы,—и протестъ Россіи противъ захвата Ольденбурга — вотъ и все. Всю неудовлетворительность этихъ резоновъ думаютъ достаточно дополнить, ссылаясь на ненасытимое честолюбіе Наполеона. Конечно, Наполеонъ былъ честолюбивъ сверхъ мѣры, но былъ вѣдь также и разсчетливъ. Истинную причину войны, какъ Наполеонъ ее понималъ, выразилъ онъ въ словахъ, сказанныхъ имъ Балашову: государь окруженъ личными его врагами, низкими людьми, какъ онъ выражался,—въ томъ числѣ Штейномъ, негодяемъ, изгнаннымъ изъ своего отечества,— то есть людьми, которымъ дороги были интересы Германіи, и которые старались образъ мыслей императора Александра направить въ эту сторону. Хорошо понятый и должнымъ образомъ развитый смыслъ этихъ намековъ объясняетъ все. Наполеонъ не могъ не чувствовать, что сооруженное имъ зданіе очень шатко и кромѣ его высокаго генія никакихъ другихъ подпоръ не имѣетъ. Жеромы, Іосифы Мюраты не въ состояніи были поддержать его. Что̀ же будетъ послѣ его смерти, что̀ оставитъ онъ своему сыну? Все-

мірное владычество, чувствовалъ онъ, даже ему не подъ силу; надо было найти съ кѣмъ его раздѣлить, и онъ думалъ послѣ Тильзитскаго мира, что нашелъ этого товарища и союзника въ Россіи; другаго впрочемъ и отыскать негдѣ было. Онъ думалъ, что Россія изъ прямаго политическаго разсчета, изъ-за собственныхъ своихъ цѣлей и выгодъ будетъ съ нимъ за одно. И въ самомъ дѣлѣ, чего бы не могла достигнуть Россія въ союзѣ съ нимъ, если бы смотрѣла на дѣло исключительно съ своей точки зрѣнія? Ревностная помощь въ войнѣ 1809 года дала бы ей всю Галицію; усиленная война противъ Турціи доставила бы ей не только Молдавію и Валахію, но и Булгарію,—дала бы ей возможность образовать независимое Сербское государство, съ присоединеніемъ къ нему Босніи и Герцеговины. Наполеонъ не хотѣлъ только, чтобы наши владѣнія переходили за Балканы; но Наполеонъ былъ не вѣченъ. Самымъ герцогствомъ Варшавскимъ, которое въ его глазахъ было только угрозой противъ Россіи, онъ вѣроятно пожертвовалъ бы, разъ убѣдившись, что Россія дѣйствительно вошла во всѣ его планы,—что, идя къ выполненію своихъ цѣлей, она столько же нуждается въ немъ, сколько онъ въ ней,—что она сама заинтересована въ сохраненіи своего могущества. Но вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ увидѣлъ, что онъ не можетъ полагаться на Россію,—не можетъ разсчитывать на ея искреннее содѣйствіе, основанное не на буквѣ связывающаго ихъ договора, а на политическомъ разсчетѣ,—что она формально держится даннаго обѣщанія, но сердце ея не лежитъ къ союзу съ нимъ. Въ войнѣ 1809 года помогала она только для виду; заступничество за Ольденбургское герцогство, и еще болѣе, наплывъ нѣмецкихъ патріотовъ,—которыхъ Наполеонъ, съ своей точки зрѣнія, называлъ негодяями (конечно, вовсе несправедливо),—показывали ему, что Россія горячо принимаетъ къ сердцу такъ-называемые европейскіе или точнѣе нѣмецкіе интересы, горячѣе, чѣмъ свои собственные. Что оставалось ему дѣлать? Къ чему влекла его неудержимо логика того положенія, въ которое его поставило какъ собственное его честолюбіе, такъ и самый ходъ событій? Очевидно къ тому, чтобы обезпечить себя инымъ способомъ, независимо отъ Россіи,—къ тому, чтобъ отыскать для подпоры своему зданію какой-нибудь другой столбъ, хотя бы и менѣе надежной крѣпости. Этотъ столбъ думалъ онъ вытесать насчетъ самой Россіи, возстановивъ Польское королевство въ его прежнемъ объемѣ. Въ немъ надѣялся онъ, по край-

ней мѣрѣ, найти всегда готовое орудіе противъ враждебной ему Германіи. Иначе поступить Наполеону едва ли было возможно. И безъ войны, политическое зданіе, имъ воздвигнутое, должно было рухнуть, если Россія не заинтересована въ его поддержкѣ,—рухнуть, если не при немъ, такъ послѣ его смерти. Война, руководимая его геніемъ,—представляла по крайней мѣрѣ шансы или вынудить Россію къ этой поддержкѣ, или замѣнить ее другимъ, хотя и менѣе твердымъ, но за то болѣе зависимымъ и податливымъ орудіемъ. Однимъ словомъ, если бы Наполеонъ могъ разсчитывать на Россію, которая, какъ ему казалось, сама была заинтересована въ его дѣлѣ, онъ никогда бы не подумалъ о возстановленіи Польши. Отъ добра — добра не ищутъ. Въ тринадцатомъ году, во главѣ новой собранной имъ арміи, онъ высказалъ эту мысль самымъ положительнымъ образомъ: „Всего проще и разсудительнѣе было бы сойтись съ императоромъ Александромъ. Я всегда считалъ Польшу средствомъ, а не главнымъ дѣломъ. Удовлетворяя Россію на счетъ Польши, мы имѣемъ средство унизить Австрію, обратить ее въ ничто“ *). Можетъ ли что-нибудь быть яснѣе, откровеннѣе и притомъ сообразнѣе съ дѣйствительнымъ характеромъ Наполеона! Не изъ-за Европы ли, слѣдовательно, не изъ-за Германіи ли въ особенности, приняла Россія на свою грудь грозу двѣнадцатаго года? Двѣнадцатый годъ былъ собственно великою политическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество.

Что не какіе-либо свои собственные интересы имѣла Россія въ виду, рѣшаясь на борьбу съ Наполеономъ, видно ужь изъ того, что, окончивъ съ безпримѣрною славой первый актъ этой борьбы, она не остановилась, — не воспользовалась представлявшимся ей случаемъ достигнуть всего, чего только могла желать для себя, заключивъ съ Наполеономъ миръ и союзъ, какъ онъ этого всѣми мѣрами домогался и какъ желали того же Кутузовъ и многіе другіе замѣчательные люди той эпохи. Что̀ мѣшало Александру повторить Тильзитъ,—съ тою лишь разницею, что въ этотъ разъ онъ игралъ бы первостепенную и почетнѣйшую роль? Даже для Пруссіи, которая уже скомпрометтировала себя передъ Наполеономъ, императоръ Александръ могъ выговорить все, чего требовала бы, по его мнѣнію, честь.

*) Богдановичъ, Исторія войны 1813 года, томъ I, стр. 2.

Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ Парижскаго мира пришлось Россіи вести войну съ Турціей. Русскія войска перешли Балканы и стояли у воротъ Константинополя. Съ Франціей Россія была въ дружбѣ, у Австріи не было ни войскъ, ни денегъ; Англія, хотя бы и хотѣла, ничего не могла сдѣлать,—тогда еще не было военныхъ пароходовъ; прусское правительство было связано тѣсною дружбой съ Россіей. Европа могла только поручить Турцію великодушію Россіи. Взяла ли тогда Россія что-нибудь для себя? А одного слова ея было бы достаточно, чтобы присоединить къ себѣ Молдавію и Валахію. Даже и слова было не надо. Турція сама предлагала Россіи княжества вмѣсто недоплаченнаго еще долга. Императоръ Николай отказался отъ того и отъ другаго.

Насталъ 1848 годъ. Потрясенія, бывшія въ эту пору въ цѣлой Европѣ, развязывали руки завоевателю и честолюбцу. Какъ же воспользовалась Россія этимъ единственнымъ положеніемъ? Она спасла отъ гибели сосѣда,—того именно сосѣда, который всего болѣе долженъ былъ противиться ея честолюбивымъ видамъ на Турцію, если бы у ней таковые были. Этого мало; тогда можно было соединить великодушіе съ честолюбіемъ. Послѣ венгерской компаніи былъ достаточный предлогъ для войны съ Турціей; русскія войска занимали Валахію и Молдавію, турецкіе славяне поднялись бы по первому слову Россіи. Воспользовалась ли всѣмъ этимъ Россія? Наконецъ въ самомъ 1853 году, если бы Россія высказала свои требованія съ тою рѣзкостью и неуступчивостью, примѣръ которыхъ въ томъ же году подавало ей посольство графа Лейнингена, и, въ случаѣ малѣйшей задержки удовлетворенія, двинула войска и флотъ, когда ни Турція, ни западныя державы нисколько не были приготовлены, — чего не могла бы она достигнуть?

И такъ, составъ Русскаго государства, войны, которыя оно вело, цѣли, которыя преслѣдовало, а еще болѣе — благопріятныя обстоятельства, столько разъ повторявшіяся, которыми оно не думало воспользоваться,—все показываетъ, что Россія не честолюбивая, не завоевательная держава, что въ новѣйшій періодъ своей исторіи она большею частью жертвовала своими очевиднѣйшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейскимъ интересамъ,—часто даже считала своею обязанностью дѣйствовать не какъ самобытный организмъ (имѣющій свое самостоятельное назначеніе, находящій въ себѣ самомъ достаточное оправданіе всѣмъ

своимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ), а какъ служебная сила. Откуда же и за что же, спрашиваю, недовѣріе, несправедливость, ненависть къ Россіи со стороны правительствъ и общественнаго мнѣнія Европы?

Обращаюсь къ другому капитальному обвиненію противъ Россіи. Россія—гасительница свѣта и свободы,—темная, мрачная сила,—политическій Ариманъ, какъ выразился я выше. У знаменитаго Роттека высказана мысль, которую, не имѣя подъ рукою его Исторіи, не могу, къ сожалѣнію, буквально цитировать,—что всякое преуспѣяніе Россіи, всякое развитіе ея внутреннихъ силъ, увеличеніе ея благоденствія и могущества, есть общественное бѣдствіе, несчастіе для всего человѣчества. Это мнѣніе Роттека есть только выраженіе общественнаго мнѣнія Европы. И это опять основано на такомъ же пескѣ, какъ и честолюбіе и завоевательность Россіи. Какова бы ни была форма правленія въ Россіи, каковы бы ни были недостатки русской администраціи, русскаго судопроизводства, русской фискальной системы и т. д., до всего этого, я полагаю, никому дѣла нѣтъ, пока она не стремится навязать всего этого другимъ. Если все это очень дурно, тѣмъ хуже для нея и тѣмъ лучше для ея враговъ и недоброжелателей. Различіе въ политическихъ принципахъ еще не можетъ служить препятствіемъ къ дружбѣ правительствъ и народовъ. Не была ли Англія постояннымъ другомъ Австріи, не смотря на конституціализмъ одной и абсолютизмъ другой? Не пользуется ли русское правительство и русскій народъ симпатіями Америки и наоборотъ? Только вредное вмѣшательство Россіи во внутреннюю политику иностранныхъ государствъ,—давленіе, которымъ она препятствовала бы развитію свободы въ Европѣ, могутъ подлежать ея справедливой критикѣ и возбуждать ея негодованіе. Посмотримъ, чѣмъ же его заслужила Россія,—чѣмъ такъ провинилась передъ Европою? До временъ французской революціи, о такомъ вмѣшательствѣ, о такомъ давленіи и рѣчи быть не могло, потому что между континентомъ Европы и Россіею не существовало тогда никакой видимой разности въ политическихъ принципахъ. Напротивъ того, правленіе Екатерины по справедливости считалось однимъ изъ самыхъ передовыхъ, прогрессивныхъ, какъ теперь говорится. Подъ конецъ своего царствованія Екатерина имѣла, правда, намѣреніе вооружиться противъ революціи, что̀ наслѣдникъ ея и сдѣлалъ. Но если французская революція должна считаться свѣтильникомъ свободы, то гасить и

заливать этотъ свѣтильникъ спѣшила вся Европа, и впереди всѣхъ—конституціонная и свободная Англія. Участіе Россіи въ этомъ общемъ дѣлѣ было кратковременно и незначительно. Побѣдамъ Суворова впрочемъ рукоплескала тогда вся Европа. Войны противъ Наполеона не были, конечно, да и не считались войнами противъ свободы. Эти войны окончились, и ежели побѣжденная Франція тогда же получила свободную форму правленія, то была обязана этимъ единственно императору Александру. Во время войны за независимость, многія государства обѣщали своимъ подданнымъ конституцію, и никто не сдержалъ своихъ обѣщаній, кромѣ опять таки императора Александра относительно Польши.

Послѣ Вѣнскаго конгресса, по мысли русскаго императора, Россія, Австрія и Пруссія заключили такъ называемый Священный союзъ, приступить къ которому приглашали всѣхъ государей Европы. Этотъ Священный союзъ составляетъ главнѣйшее обвиненіе противъ Россіи и выставляется заговоромъ государей противъ своихъ народовъ. Но въ этомъ союзѣ надо строго отличать идею, первоначальный замыселъ, которые одни только и принадлежали Александру, отъ практическаго выполненія, которое составляетъ неотъемлемую собственность Меттерниха. Въ первоначальной же идеѣ, каковы бы ни были ея практическія достоинства, конечно, не было ничего утѣснительнаго. Императоръ Александръ стоялъ безспорно за конституціонный принципъ вездѣ, гдѣ, по его мнѣнію, народное развитіе допускало его примѣненіе. Онъ былъ противникомъ и врагомъ хартій, насильственно вынужденныхъ бунтомъ и революціею, но за то былъ другомъ октроированныхъ конституцій; и послѣ недавнихъ опытовъ, послѣ столькихъ бѣдствій, претерпѣнныхъ Европою, можно ли было думать иначе? Да и безъ отношенія къ обстоятельствамъ, не справедливъ ли вообще такой взглядъ? Развѣ добросовѣстное соглашеніе, сознательная уступка, могутъ быть хуже насилія, и по принципу, и по послѣдствіямъ? Вынудившій силою, если сила остается на его сторонѣ, рѣдко остается доволенъ вынужденнымъ; можно ли ожидать умѣренности отъ разгоряченныхъ страстей, упоенныхъ гордостью успѣха? Если, наоборотъ, послѣ первой вспышки, перваго удачнаго натиска, сила переходитъ опять на сторону уступившей этому натиску власти,—можно ли ожидать отъ нея добросовѣстнаго выполненія вынужденнаго? Напротивъ того, уступка, сдѣланная въ полнотѣ силы, по сознанію ея пользы и справедливости, заключаетъ въ себѣ всѣ

залоги долговѣчности. Что прочнѣе и добросовѣстнѣе исполняется: октроированная ли конституція Сардиніи и замѣнившей ее Италіи, или вынужденныя конституціи Франціи послѣ 1830 и Пруссіи послѣ 1848 года? Если скажутъ, что и октроированная конституція Франціи 1814 и 1815 годовъ не слишкомъ-то добросовѣстно исполнялась, то всякому извѣстно, что эта конституція имѣла лишь форму добровольно данной Бурбонами хартіи, въ сущности же была съ ихъ стороны вынужденною обстоятельствами уступкою; притомъ, на всемъ ихъ правленіи лежала печать чужеземнаго вмѣшательства, ненавистная для всякаго уважающаго себя народа.

На дипломатическихъ конгрессахъ двадцатыхъ годовъ наиболѣе умѣреннымъ и либеральнымъ былъ голосъ Александра. Въ этомъ я сошлюсь на Гервинуса, не слишкомъ-то доброжелательнаго къ Россіи и ко всему русскому. Корнемъ всѣхъ реакціонныхъ, ретроградныхъ мѣръ того времени была Австрія и ея правитель Меттернихъ, который, опутывая всѣхъ своими сѣтями, въ томъ числѣ и Россію, заставилъ послѣднюю отказаться отъ ея естественной и національной политики помогать Грекамъ и вообще турецкимъ христіанамъ противъ ихъ угнетателей,—отказаться вопреки всѣмъ ея преданіямъ, всѣмъ ея интересамъ, всѣмъ сочувствіямъ ея государя и ея народа: Россія была также жертвою Меттерниховой политики; почему же на нее, а не на Австрію, которая всему была виновницей, и въ пользу которой все это дѣлалось,—взваливается вся тяжесть вины? Сама Англія не подчинилась ли тогда Меттерниховой политикѣ? Развѣ русскія войска усмиряли возстаніе въ Неаполѣ и Испаніи, и развѣ эти возстанія и введенный ими на короткое время порядокъ вещей были такими свѣтлыми явленіями, что стоитъ о нихъ жалѣть? Русскія ли наущенія были причиной всѣхъ утѣсненій, которыя терпѣла нѣмецкая печать, нѣмецкіе университеты и вообще стремленія нѣмецкаго юношества? Не сами ли германскія правительства, и во главѣ ихъ Австрія, должны почитаться виновниками всѣхъ этихъ мѣръ; не для нихъ ли исключительно были онѣ полезны? Или, можетъ быть, всѣ эти нѣмецкія либеральныя стремленія имѣли такую силу, что, безъ надежды на поддержку Россіи, германскія правительства не дерзнули бы имъ противостоять? Но развѣ она помѣшала имъ осуществиться тамъ, гдѣ они имѣли какое-нибудь дѣйствительное значеніе,—помѣшала Франціи, или даше маленькой Бельгіи, дать себѣ ту форму правленія, которой онѣ сами захотѣли? Помѣшала ли

Россія чему-нибудь даже въ самой Германіи въ 1848 году, да и въ 1830 году? Не собственное-ли безсиліе хотятъ оправдать, взваливая неудачу на давленіе, оказываемое будто бы мрачнымъ абсолютизмомъ сѣвера?

Лучшимъ доказательствомъ, впрочемъ, того, что не дѣйствительная какая-нибудь вина, не какое-нибудь дѣятельное вмѣшательство Россіи,—ко вреду свободы человѣчества вообще, и Германіи въ особенности,—были причиной общей къ ней ненависти, служитъ убійство Коцебу.Важенъ тутъ не самый поступокъ несчастнаго студента-фанатика, а то общее сочувствіе, которое возбудило къ себѣ это политическое преступленіе не только въ революціонныхъ кружкахъ, но и въ спокойной, здравомыслящей части общества, чему едва-ли можно найти другой примѣръ. Въ чемъ состояла однакоже вина Коцебу? Онъ доносилъ, говорятъ, русскому правительству о состояніи общественнаго мнѣнія Германіи (преимущественно же—ея университетской молодежи), то есть дѣлалъ то, чѣмъ занимается, между прочимъ, всякій дипломатическій агентъ, или иностранный корреспондентъ любой газеты. Вина его ни въ какомъ случаѣ не превышала вины многихъ петербургскихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ,—съ тѣми однакоже circonstances atténuantes въ пользу Коцебу, что недоброжелательство къ Россіи и клеветы петербургскихъ корреспондентовъ для всѣхъ открыты и могутъ возбуждать совершенно основательное негодованіе, а то, что̀ писалъ Коцебу, никому не было извѣстно, и вся виновность его основывалась на предположеніяхъ. И развѣ во время Коцебу не было множества лицъ, которыя сообщали германскимъ правительствамъ (особливо же австрійскому) о духѣ и направленіи мыслей, господствовавшихъ между германскою молодежью,—что̀, конечно, для нея было гораздо опаснѣе? Отчего же такой взрывъ негодованія, откуда такое оскорбленіе народнаго чувства, что оно доходитъ даже до сочувствія убійству, если только убійство совершено во вредъ Россіи? А вѣдь то было еще до знаменитыхъ конгрессовъ; ничѣмъ еще Россія не успѣла провиниться; въ свѣжей еще памяти было избавленіе отъ французскаго ига. Общественное мнѣніе Германіи оказало тутъ, какъ и послѣ, не болѣе благодарности, чѣмъ 34 года спустя — австрійское правительство

Если уже гнѣваться за взаимные совѣты и за вліяніе, оказываемое правительствомъ на правительство, то, конечно, Россія имѣла бы столько же (если не болѣе) права негодовать на Австрію

да и на другіе нѣмецкіе дворы, какъ и Германія на Россію. Не вліянію-ли Меттерниха приписывается перемѣна образа мыслей, происшедшая въ императорѣ Александрѣ послѣ 1822 года? Не это-ли вліяніе было причиной немилости Каподистріи, враждебнаго отношенія, принятаго относительно Греціи и вообще относительно національной политики; наконецъ, не это ли вліяніе было причиною самой перемѣны въ направленіи общественнаго образованія во времена Шишкова и Магницкаго? А послѣ, не въ угоду-ли Австріи считалась всякая нравственная помощь Славянамъ чуть не за русское государственное преступленіе? Пусть европейское общественное мнѣніе, если оно хочетъ быть справедливымъ, отнесетъ даже оказанное Россіею на германскія дѣла вредное вліяніе къ его настоящему источнику, то есть къ германскимъ же правительствамъ и, въ особенности, къ австрійскому. Нѣтъ, не дѣйствія Коцебу и всѣ подобныя (въ сущности весьма невиннаго свойства) вмѣшательства русскаго правительства въ европейскія дѣла объясняютъ ненависть, которую питаютъ въ Европѣ къ Россіи, а самое убійство Коцебу и, главное, то сочувствіе, которое оно возбудило, только этою ненавистью и объясняются; причина же ея лежитъ глубже.

Впрочемъ, тому, что не въ антилиберальномъ вмѣшательствѣ Россіи въ чужія дѣла лежитъ начало и главная причина непріязненныхъ чувствъ Европы, можно представить доказательство самое строгое, неопровержимое. Когда думаютъ видѣть въ чемъ-либо причину даннаго явленія, то очень легко убѣдиться въ справедливости предположенія, если только возможно устранить дѣйствіе предполагаемой причины. Ясно, что предположеніе ложно, когда явленіе продолжается и по устраненіи этой причины. Напримѣръ, замедленіе въ качаніи маятника, замѣченное въ экваторіальныхъ странахъ, приписывали удлиненію его отъ теплоты. Придумали снарядъ, устраняющій вліяніе теплоты; но маятникъ продолжалъ качаться медленнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Это показало до очевидности, что дѣло тутъ не въ теплотѣ. Въ вопросахъ общественныхъ почти никогда нельзя прибѣгать къ опытамъ; но относительно занимающаго насъ предмета былъ сдѣланъ опытъ въ самымъ широкихъ размѣрахъ, и что̀ же оказалось? Вотъ уже слишкомъ тринадцать лѣтъ, какъ русское правительство совершенно измѣнило свою систему, совершило актъ такого высокаго либерализма, что даже совѣстно примѣнять къ нему это опошленное

слово; русское дворянство выказало безкорыстіе и великодушіе, а массы русскаго народа — умѣренность и незлобіе безпримѣрныя. Съ тѣхъ поръ правительство продолжало дѣйствовать все въ томъ же духѣ. Одна либеральная реформа слѣдовала за другою. На заграничныя дѣла оно не оказываетъ уже никакого давленія. Этого мало, оно употребляетъ свое вліяніе въ пользу всего либеральнаго. И правительство, и общественное мнѣніе сочувствовали дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ искреннѣе, чѣмъ большая часть Европы. Россія изъ первыхъ признала Итальянское королевство, и даже, какъ говорятъ, своимъ вліяніемъ помѣшала Германіи помогать неправому дѣлу. И что̀ же, перемѣнилась ли хоть на волосъ Европа въ отношеніи къ Россіи? Да, она очень сочувствовала крестьянскому дѣлу, пока надѣялась, что оно ввергнетъ Россію въ нескончаемыя смуты; также точно, какъ Англія сочувствовала освобожденію американскихъ негровъ. Мы много видѣли съ ея стороны любви и доброжелательства по случаю польскихъ дѣлъ. Вѣшатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро ихъ гнусные поступки обращены противъ Россіи. Защитники національностей умолкаютъ, коль скоро дѣло идетъ о защитѣ русской народности, до нельзя угнетаемой въ западныхъ губерніяхъ, — такъ же точно, впрочемъ, какъ въ дѣлѣ Босняковъ, Болгаръ, Сербовъ или Черногорцевъ. Великодушнѣйшій и вмѣстѣ дѣйствительнѣйшій способъ умиротворенія Польши надѣленіемъ польскихъ крестьянъ землею находитъ ли себѣ безпристрастныхъ цѣнителей? Или, можетъ быть, англійскій способъ умиротворенія Ирландіи выселеніемъ вслѣдствіе голода—предпочтительнѣе съ гуманной точки зрѣнія? Опытъ сдѣланъ въ широкихъ размѣрахъ. Медицинская пословица говоритъ: sublata causa tollitur effectus. Но здѣсь и по устраненіи причины дѣйствіе продолжается; значитъ, причина не та.

Еще въ модѣ у насъ относить все къ незнанію Европы, къ ея невѣжеству относительно Россіи. Наша пресса молчитъ, или, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени молчала, а враги на насъ клевещутъ. Гдѣ же бѣдной Европѣ узнать истину? Она отуманена, сбита съ толку. Risum teneatis, amici, или порусски — курамъ на смѣхъ, друзья мои. Почему же Европа,—которая все знаетъ, отъ санскритскаго языка до ирокезскихъ нарѣчій, отъ законовъ движенія сложныхъ системъ звѣздъ до строенія микроскопическихъ организмовъ,—не знаетъ одной только Россіи? Развѣ это какой-нибудь Рейсъ-Грейцъ, Шлейцъ-и-Лобенштейнъ, нестоящій того,

чтобы она обратила на него свое просвѣщенное вниманіе? Смѣшны эти оправданія мудрой какъ змій Европы—ея незнаніемъ, наивностью и легковѣріемъ, точно будто объ институткѣ дѣло идетъ. Европа не знаетъ, потому что не хочетъ знать; или, лучше сказать, знаетъ такъ, какъ знать хочетъ, — то есть, какъ соотвѣтствуетъ ея предвзятымъ мнѣніямъ, страстямъ, гордости, ненависти и презрѣнію. Смѣшны эти ухаживанія за иностранцами съ цѣлью показать имъ Русь лицомъ, а черезъ ихъ посредство просвѣтить и заставить прозрѣть заблуждающееся и ослѣпленное общественное мнѣніе Европы. Почему и не удовлетворить любопытству добраго человѣка; только напрасно соединять съ этимъ разныя окулистическія мечтанія. Нечего снимать бѣльмо тому, кто имѣетъ очи и не видитъ; нечего лѣчить отъ глухоты того, кто имѣетъ уши и не слышитъ. Просвѣщеніе общественнаго мнѣнія книгами, журналами, брошюрами и устнымъ словомъ можетъ быть очень полезно и въ этомъ отношеніи,—какъ и во всѣхъ другихъ,—только не для Европы, а для самихъ насъ, русскихъ, которые даже на самихъ себя привыкли смотрѣть чужими глазами, и для нашихъ единоплеменниковъ. Для Европы это будетъ напрасный трудъ: она и сама, безъ нашей помощи, узнаетъ, что захочетъ и если захочетъ узнать

Дѣло въ томъ, что Европа не признаетъ насъ своими. Она видитъ въ Россіи и въ Славянахъ вообще нѣчто ей чуждое, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое, что̀ не можетъ служить для нея простымъ матеріаломъ, изъ котораго она могла бы извлекать свои выгоды, какъ извлекаетъ изъ Китая, Индіи, Африки, большей части Америки и т. д.,—матеріаломъ, который можно бы формировать и обдѣлывать по образу и подобію своему, какъ прежде было надѣялась, какъ особливо надѣялись Нѣмцы, которые, не смотря на препрославленный космополитизмъ, только отъ единой спасительной германской цивилизаціи чаютъ спасенія міра. Европа видитъ поэтому въ Руси и въ Славянствѣ не чуждое только, но и враждебное начало. Какъ ни рыхлъ и ни мягокъ оказался верхній, наружный, вывѣтрившійся и обратившійся въ глину слой, все-же Европа понимаетъ, или, точнѣе сказать, инстинктивно чувствуетъ, что подъ этою поверхностью лежитъ крѣпкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, — которое слѣдовательно, нельзя будетъ себѣ ассимилировать, претворить въ свою кровь и плоть,—которое имѣетъ и силу и притязаніе жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой своими

слово; русское дворянство выказало безкорыстіе и великодушіе, а массы русскаго народа — умѣренность и незлобіе безпримѣрныя. Съ тѣхъ поръ правительство продолжало дѣйствовать все въ томъ же духѣ. Одна либеральная реформа слѣдовала за другою. На заграничныя дѣла оно не оказываетъ уже никакого давленія. Этого мало, оно употребляетъ свое вліяніе въ пользу всего либеральнаго. И правительство, и общественное мнѣніе сочувствовали дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ искреннѣе, чѣмъ большая часть Европы. Россія изъ первыхъ признала Итальянское королевство, и даже, какъ говорятъ, своимъ вліяніемъ помѣшала Германіи помогать неправому дѣлу. И что же, перемѣнилась ли хоть на волосъ Европа въ отношеніи къ Россіи? Да, она очень сочувствовала крестьянскому дѣлу, пока надѣялась, что оно ввергнетъ Россію въ нескончаемыя смуты; также точно, какъ Англія сочувствовала освобожденію американскихъ негровъ. Мы много видѣли съ ея стороны любви и доброжелательства по случаю польскихъ дѣлъ. Вѣшатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро ихъ гнусные поступки обращены противъ Россіи. Защитники національностей умолкаютъ, коль скоро дѣло идетъ о защитѣ русской народности, до нельзя угнетаемой въ западныхъ губерніяхъ, — такъ же точно, впрочемъ, какъ въ дѣлѣ Босняковъ, Болгаръ, Сербовъ или Черногорцевъ. Великодушнѣйшій и вмѣстѣ дѣйствительнѣйшій способъ умиротворенія Польши надѣленіемъ польскихъ крестьянъ землею находитъ ли себѣ безпристрастныхъ цѣнителей? Или, можетъ быть, англійскій способъ умиротворенія Ирландіи выселеніемъ вслѣдствіе голода—предпочтительнѣе съ гуманной точки зрѣнія? Опытъ сдѣланъ въ широкихъ размѣрахъ. Медицинская пословица говоритъ: sublata causa tollitur effectus. Но здѣсь и по устраненіи причины дѣйствіе продолжается; значитъ, причина не та.

Еще въ модѣ у насъ относить все къ незнанію Европы, къ ея невѣжеству относительно Россіи. Наша пресса молчитъ, или, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени молчала, а враги на насъ клевещутъ. Гдѣ же бѣдной Европѣ узнать истину? Она отуманена, сбита съ толку. Risum teneatis, amici, или порусски — курамъ на смѣхъ, друзья мои. Почему же Европа,—которая все знаетъ, отъ санскритскаго языка до ирокезскихъ нарѣчій, отъ законовъ движенія сложныхъ системъ звѣздъ до строенія микроскопическихъ организмовъ,—не знаетъ одной только Россіи? Развѣ это какой-нибудь Рейсъ-Грейцъ, Шлейцъ-и-Лобенштейнъ, нестоящій того,

Говорятъ, что югъ имѣетъ непреодолимую прелесть для сыновъ сѣвера. Не нужно обширныхъ этнографическихъ свѣдѣній, чтобы видѣть, что это совершенно несправедливо. Ежедневный опытъ удостовѣряетъ, что каждый некочующій народъ (а Германцы, во время войны съ Римомъ, были уже осѣдлы), въ первобытное время столько же, по крайнѣй мѣрѣ, какъ и въ послѣдствіи, имѣетъ почти непреодолимую привязанность къ своей родинѣ,—къ своему климату, какъ бы онъ ни былъ суровъ,—къ окружающей его природѣ, какъ бы она ни была бѣдна. Югъ для народовъ сѣвера имѣетъ въ себѣ что-то убійственное. Возьмите для примѣра хоть поселеніе Русскихъ на Кавказѣ. Къ благословеннымъ ли странамъ Кавказа стремится русскій народъ, предоставленный своей собственной волѣ? Нѣтъ, для него Сибирь имѣетъ несравненно болѣе привлекательности. Не приманка юга, а какая-то ненависть влекла народы на гибель Рима. Почему такъ хорошо уживаются вмѣстѣ и потомъ мало по малу сливаются германскія племена съ романскими, а славянскія съ финскими? Германскія же съ славянскими, напротивъ того, другъ другъ отталкиваютъ, антипатичны одно другому; и если гдѣ одно замѣщаетъ другое, то предварительно истребляетъ своего предшественника, какъ сдѣлали Нѣмцы съ полабскими племенами и съ прибалтійскими славянскими поморянами. Это-то безсознательное чувство, этотъ-то историческій инстинктъ и заставляетъ Европу не любить Россію. Куда дѣвается тутъ безпристрастіе взгляда,—которымъ не обдѣлена однако же и Европа и особливо Германія,—когда дѣло идетъ о чуждыхъ народностяхъ! Все самобытно русское и славянское кажется ей достойнымъ презрѣнія, и искорененіе его составляетъ священнѣйшую обязанность и истинную задачу цивилизаціи. Gemeiner Russe, Bartrusse суть термины величайшаго презрѣнія на языкѣ европейца и въ особенности Нѣмца. Русскій въ глазахъ ихъ можетъ претендовать на достоинство человѣка только тогда, когда потерялъ уже свой національный обликъ. Прочтите отзывы путешественниковъ, пользующихся большою популярностью заграницей, — вы увидите въ нихъ симпатію къ самоѣдамъ, корякамъ, якутамъ, татарамъ, къ кому угодно, только не къ русскому народу; посмотрите, какъ ведутъ себя иностранные управляющіе съ русскими крестьянами; обратите вниманіе на отношеніе пріѣзжающихъ въ Россію матросовъ къ артельщикамъ и вообще биржевымъ работникамъ; прочтите статьи о Россіи, въ европейскихъ газетахъ, въ которыхъ

заслугами Европѣ трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это. И такъ, во что бы то ни стало, — не крестомъ, такъ пестомъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ,—надо не дать этому ядру еще болѣе окрѣпнуть и разростись, пустить корни и вѣтви въ глубь и въ ширь. Ужь и теперь, не поздно ли, не упущено ли время? Тутъ ли еще думать о безпристрастіи, о справедливости! Для священной цѣли не всѣ ли средства хороши? Не это ли проповѣдуютъ и Іезуиты, и Мадзинисты,—и старая, и новая Европа? Будетъ ли Шлезвигъ и Голштейнъ датскимъ или германскимъ, онъ все-таки останется европейскимъ; произойдетъ маленькое наклоненіе въ политическихъ вѣсахъ,— стоитъ ли о томъ толковать много? Державность Европы оттого не потерпитъ; общественному мнѣнію нечего слишкомъ волноваться; надо быть снисходительнымъ между своими. Склоняются ли вѣсы въ пользу Аѳинъ или Спарты, не та же ли Греція будетъ царить? Но какъ дозволить распространиться вліянію чуждаго, враждебнаго, варварскаго міра, хотя бы оно распространялось на то, что по всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ принадлежитъ этому міру? Не допускать до этого — общее дѣло всего, что только чувствуетъ себя Европой. Тутъ можно и Турка взять въ союзники, и даже вручить ему знамя цивилизаціи. Вотъ единственное удовлетворительное объясненіе той двойственности мѣръ и вѣсовъ, которыми отмѣриваетъ и отвѣшиваетъ Европа, когда дѣло идетъ о Россіи (и не только о Россіи, но вообще о Славянахъ)—и когда оно идетъ о другихъ странахъ и народахъ. Для этой несправедливости, для этой непріязненности Европы къ Россіи, — которымъ сравненіе 1864 съ 1854 годомъ служитъ только однимъ изъ безчисленныхъ примѣровъ, — сколько бы мы ни искали, мы не найдемъ причины въ тѣхъ или другихъ поступкахъ Россіи; вообще, не найдемъ объясненія и отвѣта, основаннаго на фактахъ. Тутъ даже нѣтъ ничего сознательнаго, въ чемъ бы Европа могла дать себѣ самой безпристрастный отчетъ. Причина явленія лежитъ глубже. Она лежитъ въ неизвѣданныхъ глубинахъ тѣхъ пламенныхъ симпатій и антипатій, которыя составляютъ какъ бы историческій инстинктъ народовъ, ведущій ихъ (помимо, хотя и не противъ ихъ воли и сознанія) къ невѣдомой для нихъ цѣли; ибо, въ общихъ, главныхъ очертаніяхъ, исторія слагается не по произволу человѣческому, хотя ему и предоставлено разводить на нихъ узоры. Что вело древнихъ Германцевъ къ непрестаннымъ нападеніямъ на Римъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЕВРОПА-ЛИ РОССІЯ?

Стократе семъ млувилъ, тедь ужъ кричимъ
Къ вамъ, розкидани Словове:
Будьме цѣлекъ, а не дробмове,
Будьме анебъ вшецко, анебъ ничимъ.
Коларъ, Slávy Dcera.

Права, или не права Европа въ томъ, что считаетъ насъ чѣмъ-то для себя чуждымъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ такое Европа, дабы видѣть подходитъ-ли подъ родовое понятіе *Европа—Россія*, какъ понятіе видовое. Вопросъ повидимому странный. Кому же можетъ быть неизвѣстенъ отвѣтъ? Европа есть одна изъ пяти частей свѣта, скажетъ всякій ученикъ приходскаго училища. Что̀ же такое часть свѣта, спросимъ мы далѣе? На это мнѣ какъ-то нигдѣ не приходилось читать отвѣта, потому (вѣроятно), что понятіе это считается столь простымъ, что давать ему опредѣленіе можетъ показаться пустымъ излишнимъ педантизмомъ. Такъ ли это, или нѣтъ, намъ, во всякомъ случаѣ, надо доискаться этого опредѣленія,—иначе не получимъ отвѣта на заданный себѣ вопросъ. Части свѣта составляютъ самое общее географическое дѣленіе всей суши на нашей планетѣ и противополагаются дѣленію жидкаго элемента на океаны. Искусственно или естественно это дѣленіе? Подъ естественнымъ дѣленіемъ или естественною системою разумѣется такая группировка предметовъ или явленій, при которой принимаются во вниманіе всѣ ихъ признаки, взвѣшивается относительное достоинство этихъ признаковъ, и предметы располагаются между прочимъ такъ, чтобы входящіе въ составъ какой-либо естественной группы имѣли между собою болѣе сродства, болѣе сильную степень сходства, чѣмъ съ предметами другихъ группъ. Напротивъ того, искусствен-

выражаются мнѣнія и страсти просвѣщенной части публики; наконецъ, прослѣдите отношеніе европейскихъ правительствъ къ Россіи. Вы увидите, что во всѣхъ этихъ разнообразныхъ сферахъ господствуетъ одинъ и тотъ же духъ непріязни, принимающій, смотря по обстоятельствамъ, форму недовѣрчивости, злорадства, ненависти или презрѣнія. Явленіе, касающееся всѣхъ сферъ жизни, отъ политическихъ до обыкновенныхъ житейскихъ отношеній, распространенное во всѣхъ слояхъ общества, притомъ не имѣющее никакого фактическаго основанія, можетъ нѣдриться только въ общемъ инстинктивномъ сознаніи той коренной розни, которая лежитъ въ историческихъ началахъ и въ историческихъ задачахъ племенъ. Однимъ словомъ,—удовлетворительное объясненіе какъ этой политической несправедливости, такъ и этой общественной непріязненности можно найдти только въ томъ, что Европа признаетъ Россію и Славянство чѣмъ-то для себя чуждымъ, и не только чуждымъ, но и враждебнымъ. Для безпристрастнаго наблюдателя это—неотвержимый фактъ. Вопросъ только въ томъ, основательны ли, справедливы ли такой, отчасти сознательный, взглядъ и такое, отчасти инстинктивно безсознательное, чувство, или же составляютъ они временный предразсудокъ, недоразумѣніе, которымъ суждено безслѣдно исчезнуть? Изслѣдованію этого вопроса намѣренъ я посвятить слѣдующую главу.

бы съ начала историческихъ временъ у береговъ Азовскаго и у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря происходило медленное поднятіе почвы, подобное замѣчаемому у береговъ Швеціи, то Крымъ давно бы уже потерялъ характеръ полуострова и слился бы съ прилегающею къ нему степью; различіе же между южнымъ берегомъ и остальною частью Крыма запечатлѣно неизгладимыми чертами. Тоже самое можно во многихъ случаяхъ сказать о частяхъ свѣта, которыя въ сущности ничто иное, какъ огромные острова или полуострова (точнѣе бы было сказать *почти острова*, переводя это слово не съ нѣмецкаго, а съ французскаго). Это суть понятія болѣе или менѣе искусственныя, и, въ этомъ качествѣ, не могутъ имѣть притязаній на какой-либо имъ исключительно-свойственный характеръ. Когда мы говоримъ „азіятскій типъ", то разумѣемъ собственно типъ свойственный среднеазіятской, пересѣченной горными хребтами плоской возвышенности, подъ который вовсе не подходятъ ни индѣйскій, ни малоазійскій, ни сибирскій, ни аравійскій, ни китайскій типы. Точно также, говоря о типѣ африканскомъ, мы имѣемъ въ виду собственно характеръ свойственный Сахарской степи, который никакъ не распространяется на мысъ Доброй Надежды, островъ Мадагаскаръ, или прибрежье Средиземнаго моря, но къ которому, напротивъ того, весьма хорошо подходитъ типъ Аравіи. Собственно говоря, подобныя выраженія суть метафоры, которыми мы присвоиваемъ цѣлому характеръ отдѣльной ея части.

Но можетъ ли быть признано за Европою значеніе части свѣта—даже въ смыслѣ искусственнаго дѣленія, основаннаго единственно на разчлененіи моря и суши,—на взаимно ограничивающихъ другъ друга очертаніяхъ жидкаго и твердаго? Америка есть островъ; Австралія—островъ; Африка—почти островъ; Азія вмѣстѣ съ Европою также будетъ почти островомъ. Съ какой же стати это цѣльное тѣло,—этотъ огромный кусокъ суши, какъ и всѣ прочіе куски, окруженный со всѣхъ или почти со всѣхъ сторонъ водою,—раздѣлять на двѣ части, на основаніи совершенно инаго принципа? Уральскій хребетъ занимаетъ около половины этой границы. Но какія же имѣетъ онъ особыя качества для того, чтобъ изо всѣхъ хребтовъ земнаго шара, одному ему присвоивать честь служить границею между двумя частями свѣта,—честь, которая во всѣхъ прочихъ случаяхъ признается только за океанами и рѣдко за морями? Хребетъ этотъ по вышинѣ своей—одинъ изъ

ная система довольствуется однимъ какимъ-либо или немногими признаками, по чему-нибудь рѣзко замѣтными, хотя бы и вовсе несущественными. Въ этой системѣ можетъ раздѣляться самое сходное въ сущности и соединяться самое разнородное. Разсматривая съ этой точки зрѣнія части свѣта, мы сейчасъ же придемъ къ заключенію, что это—группы искусственныя. Въ самомъ дѣлѣ, южные полуострова Европы: Испанія, Италія, Турція (къ югу отъ Балкановъ)—имѣютъ несравненно болѣе сходства съ Малою Азіей, Закавказьемъ и сѣвернымъ прибрежьемъ Африки, нежели съ остальною Европой. Также точно, Аравія имѣетъ гораздо болѣе сходства съ Африкой, чѣмъ съ Азіей; мысъ Доброй надежды болѣе сходенъ съ материкомъ Новой Голландіи, чѣмъ съ центральной или сѣверною Африкой, полярныя страны Азіи, Европы и Америки имѣютъ между собою болѣе сходства, чѣмъ каждая изъ нихъ—съ лежащимъ къ югу отъ нея материкомъ, и т. д. Иначе, впрочемъ, это и быть не могло, потому что, при раздѣленіи суши на части свѣта не принимались во вниманіе ни климатъ, ни естественныя произведенія, ни другія физическія черты, обусловливающія характеръ страны. Правда, иногда съ границами такъ называемыхъ частей свѣта совпадаютъ и эти характеристическіе признаки, но только отчасти и, такъ-сказать, случайно. Можно даже сказать, что это сходство въ физическомъ характерѣ никогда не распространяется на цѣлыя части свѣта, за единственнымъ развѣ исключеніемъ Новой Голландіи, сравнительно небольшой. Итакъ, дѣленіе это—очевидно искусственное, при установленіи котораго принимались въ разсчетъ собственно только граничныя очертанія воды и суши; и хотя различіе между водою и сушею весьма существенно не только въ примѣненіи къ нуждамъ человѣка, но и само по себѣ, однако же воднымъ пространствомъ раздѣляются весьма часто такія части суши, которыя составляютъ по всѣмъ естественнымъ признакамъ одно физическое цѣлое, и наоборотъ—части совершенно разнородныя часто спаиваются материковою непрерывностью. Такъ, напримѣръ, Крымскій полуостровъ (окруженный со всѣхъ сторонъ водою, кромѣ узкаго Перекопскаго перешейка), не представляетъ однако однороднаго физическаго цѣлаго; спаянный съ крымскою степью, южный берегъ составляетъ нѣчто гораздо болѣе отъ нея отличное, чѣмъ крымская степь отъ прочихъ степей южной Россіи (совершенно однородныхъ съ первою, не смотря на то, что она почти совершенно отдѣлена отъ нихъ моремъ). Ежели

лежало къ сѣверу отъ извѣстнаго древнимъ моря—получило на
званіе Европы, что къ югу—Африки, что къ востоку—Азіи. Сам
слово Азія первоначально относилось Греками къ ихъ первобыт
ной родинѣ—къ странѣ, лежащей у сѣверной подошвы Кавказ
гдѣ по преданіямъ былъ прикованъ къ скалѣ миѳическій Проме
тей, мать или жена котораго называлась Азія; отсюда это на
званіе перенеслось переселенцами на полуостровъ, извѣстный под
именемъ Малой Азіи, а потомъ распространилось на цѣлую част
свѣта, лежащую къ востоку отъ Средиземнаго моря *). Когда очер
танія материковъ стали хорошо извѣстны, отдѣленіе Африки от
Европы и Азіи дѣйствительно подтвердилось; раздѣленіе же Азі
отъ Европы оказалось несостоятельнымъ; но такова уже сила при
вычки, таково уваженіе къ издавна утвердившимся понятіямъ, что
дабы не нарушить ихъ, стали отыскивать разныя граничныя черт
вмѣсто того, чтобы отбросить оказавшееся несостоятельнымъ дѣ
леніе.

И такъ, принадлежитъ-ли Россія къ Европѣ? Я уже отвѣтил
на этотъ вопросъ. Какъ угодно, пожалуй—принадлежитъ, пожа
луй—не принадлежитъ, пожалуй—принадлежитъ отчасти и при
томъ насколько кому желательно. Въ сущности же, въ разсматри
ваемомъ теперь смыслѣ, и Европы вовсе никакой нѣтъ, а ест
западный полуостровъ Азіи, въ началѣ менѣе рѣзко отъ нея отли

---

*) Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ знаменитый путешественни
Дюбуа де Монпере: «Все это доказываетъ, что была прикавказская стран
носившая названіе Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, откуда это древнее и странное ра
граниченіе Европы отъ Азіи, отдѣляемой Танаисомъ» (странное, конечно!
все-таки менѣе странное, чѣмъ разграниченіе Ураломъ), „если бы не было
сѣверу отъ Кавказа страны, называемой Азіей“.

„Доказано также, что Страбонъ разумѣлъ подъ Азіей особую страну око
Синдики (части Таманскаго полуострова),—Азію въ собственномъ смыслѣ это
слова, и что всегда въ этомъ именно смыслѣ принимаетъ онъ это названі
описывая берега Меотійскаго моря. Любопытно замѣтить, что по гречески ἄ
означаетъ илъ, который рѣка несетъ съ собою и осаждаетъ, ἄσιος, ἄσια, ил
стый, топкій, какъ берега устьевъ рѣки, — названіе, которое такъ хоро
примѣнимо къ устьямъ Кубани, на которыя распространялась Азія въ со
ственномъ смыслѣ. Изъ собственной Азіи вышли Асканазы-Гомериты Ма
Азіи, Девкаліониды, Дарданиды и проч. Вѣроятно, что Асканазы въ свои
переселеніяхъ принесли съ собою названіе своей родины, которое было таки
образомъ пересажено въ Малую Азію, и тамъ укоренилось, чтобы распрост
ниться на цѣлую часть свѣта“.

ничтожнѣйшихъ, по переходимости—одинъ изъ удобнѣйшихъ; въ средней его части, около Екатеринбурга, переваливаютъ черезъ него какъ черезъ знаменитую Алаунскую плоскую возвышенность и Валдайскія горы, спрашивая у ямщика: да гдѣ же, братецъ, горы? Если Уралъ отдѣляетъ двѣ части свѣта, то что же отдѣлять послѣ того Альпамъ, Кавказу, или Гималаю? Ежели Уралъ обращаетъ Европу въ часть свѣта, то почему же не считать за часть свѣта Индію? Вѣдь и она съ двухъ сторонъ окружена моремъ, а съ третьей горами—не Уралу чета; да и всякихъ физическихъ отличій (отъ сопредѣльной части Азіи) въ Индіи гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ. Но хребетъ Уральскій, по крайней мѣрѣ,—нѣчто; далѣе же честь служить границей двухъ міровъ падаетъ на рѣку Уралъ, которая уже—совершенное ничто. Узенькая рѣчка, при устьѣ въ четверть Невы шириною, съ совершенно одинаковыми по ту и по другую сторону берегами. Особенно извѣстно за ней только то, что она очень рыбна; но трудно понять, что общаго въ рыбности съ честью разграничивать двѣ части свѣта. Гдѣ нѣтъ дѣйствительной границы, тамъ можно выбирать ихъ тысячу. Такъ и тутъ, обязанность служить границею Азіи съ Европой возлагалась, вмѣсто Урала, то на Волгу,—то на Волгу, Сарпу и Манычъ,—то на Волгу съ Дономъ; почему же не на Западную Двину и Днѣпръ, какъ бы желали Поляки, или на Вислу и Днѣстръ, какъ Поляки бы не желали? Можно ухитриться и на Обь перенести границу. На это можно сказать только то, что настоящей границы нѣтъ; а впрочемъ,—какъ кому угодно: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, ни въ четвертомъ, ни въ пятомъ—нѣтъ никакого основанія, но также нѣтъ никому никакой обиды. Говорятъ, что природа Европы имѣетъ свой отдѣльный, даже противоположный азіятскому типъ. Да какъ же части разнороднаго цѣлаго и не имѣть своихъ особенностей? Развѣ у Индіи и у Сибири одинаковый типъ? Вотъ еслибъ Азія имѣла общій однородный характеръ, а изъ всѣхъ ея многочисленныхъ членовъ только одна Европа—другой, отъ него отличный, тогда бы другое дѣло; возраженіе имѣло бы смыслъ.

Дѣло въ томъ, что, когда раздѣленіе стараго свѣта на три части входило въ употребленіе, оно имѣло рѣзкое и опредѣленное значеніе въ томъ именно смыслѣ большихъ, раздѣленныхъ морями материковыхъ массъ, которое составляетъ единственную характеристическую черту, опредѣляющую понятіе о части свѣта. Что

европейскія, и азіатскія, и африканскія прибрежья Средиземнаго моря, а ко второму причисляли весь остальной міръ,—точно такъ же, какъ германо-романы противополагаютъ Европу, т. е. мѣсто своей дѣятельности, прочимъ странамъ. Въ культурно-историческомъ смыслѣ то, что для германо-романской цивилизаціи,—Европа, тѣмъ для цивилизацій греческой и римской былъ весь бассейнъ Средиземнаго моря; и хотя есть страны, которыя общи имъ обѣимъ, несправедливо было бы однако же думать, что Европа составляетъ поприще человѣческой цивилизаціи вообще, или, по крайней мѣрѣ, всей лучшей части ея; она есть только поприще великой германо-романской цивилизаціи,—ея синонимъ, и только со времени развитія этой цивилизаціи слово „Европа“ получило тотъ смыслъ и значеніе, въ которомъ теперь употребляется.

Принадлежитъ-ли въ этомъ смыслѣ Россія къ Европѣ? Къ сожалѣнію или къ удовольствію, къ счастію или къ несчастію,—нѣтъ, не принадлежитъ. Она не питалась ни однимъ изъ тѣхъ корней, которыми всасывала Европа какъ благотворные, такъ и вредоносные соки непосредственно изъ почвы ею же разрушеннаго древняго міра,—не питалась и тѣми корнями, которые почерпали пищу изъ глубины германскаго духа. Не составляла она части возобновленной Римской Имперіи Карла Великаго, которая составляетъ какъ бы общій стволъ, черезъ раздѣленіе котораго образовалось все многовѣтвистое европейское дерево,—не входила въ составъ той ѳеократической федераціи, которая замѣнила Карлову монархію,—не связывалась въ одно общее тѣло феодально-аристократическою сѣтью, которая (какъ во время Карла, такъ и во время своего рыцарскаго цвѣта) не имѣла въ себѣ почти ничего національнаго, а представляла собою учрежденіе общеевропейское—въ полномъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ, когда настаълъ новый вѣкъ и зачался новый порядокъ вещей, Россія также не участвовала въ борьбѣ съ феодальнымъ насиліемъ, которое привело къ обезпеченіямъ той формы гражданской свободы, которую выработала это борьба;—не боролась и съ гнетомъ ложной формы христіанства (продуктомъ лжи, гордости и невѣжества, величающимъ себя католичествомъ) и не имѣетъ нужды въ той формѣ религіозной свободы, которая называется протестантствомъ. Не знала Россія и гнета, а также и воспитательнаго дѣйствія схоластики, и не выработывала той свободы мысли, которая создала новую науку; — не жила тѣми идалами, которые воплотились въ

чающійся, чѣмъ другіе азіатскіе полуострова, а къ оконечности постепенно все болѣе и болѣе дробящійся и разчленяющійся.

Неужели же, однако, громкое слово „Европа"—слово безъ опредѣленнаго значенія, пустой звукъ безъ опредѣленнаго смысла? О, конечно нѣтъ! Смыслъ его очень полновѣсенъ, — только онъ не географическій, а культурно-историческій, и въ вопросѣ о принадлежности или непринадлежности къ Европѣ географія не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Что же такое Европа въ этомъ культурно-историческомъ смыслѣ? Отвѣтъ на это—самый опредѣленный и положительный. Европа есть поприще германо-романской цивилизаціи, ни болѣе, ни менѣе; или, по употребительному метафорическому способу выраженія, Европа есть сама германо-романская цивилизація. Оба эти слова — синонимы. Но германо-романская-ли только цивилизація совпадаетъ съ значеніемъ слова *Европа*? Не переводится-ли оно точнѣе „общечеловѣческою цивилизаціей", или, по крайней мѣрѣ, ея цвѣтомъ?

Не на той же-ли европейской почвѣ возрастали цивилизаціи греческая и римская? Нѣтъ, поприще этихъ цивилизацій было иное. То былъ бассейнъ Средиземнаго моря, совершенно независимо отъ того, гдѣ лежали страны этой древней цивилизаціи — къ сѣверу-ли, къ югу, или къ востоку: на европейскомъ, африканскомъ, или азіатскомъ берегу этого моря. Гомеръ, въ которомъ какъ въ зернѣ заключалась вся (имѣвшая впослѣдствіи развиться) цивилизація Греціи, родился, говорятъ, на мало-азіатскомъ берегу Эгейскаго моря. Этотъ мало-азіатскій берегъ съ прилежащими островами былъ долго главнымъ поприщемъ эллинской цивилизаціи. Здѣсь зародилась не только эпическая поэзія Грековъ, но и лирика, философія (Ѳалесъ), скульптура, исторія (Геродотъ), медицина (Гиппократъ), и отсюда онѣ перешли на противоположный берегъ моря. Главнымъ центромъ этой цивилизаціи сдѣлались, правда, потомъ Аѳины; но закончилась она и, такъ сказать, дала плодъ свой опять не въ европейской странѣ, а въ Александріи, въ Египтѣ. Значитъ, древне-эллинская культура, совершая свое развитіе, обошла всѣ три такъ называемыя части свѣта—Азію, Европу и Африку, а не составляла исключительной принадлежности Европы. Не въ ней она началась, не въ ней и закончилась.

Греки и Римляне, противополагая свои образованныя страны странамъ варварскимъ, включали въ первое понятіе одинаково и

нихъ, il faut les épouser, какъ весьма выразительно говорятъ французы. Будучи Европою, можно конечно, въ томъ или другомъ, быть не согласнымъ въ отдѣльности съ Германіей, Франціей, Англіей, Италіей; но съ Европою, то-есть съ самимъ собою, надо непремѣнно быть согласнымъ, надо отказаться отъ всего, что̀ Европа—вся Европа — единодушно считаетъ несогласнымъ съ своими видами и интересами, надо быть добросовѣстнымъ, послѣдовательнымъ принятому на себя званію.

Какую же роль предоставляетъ намъ Европа на всемірно-историческомъ театрѣ? Быть носителемъ и распространителемъ европейской цивилизаціи на Востокѣ — вотъ она, та возвышенная роль которая досталась намъ въ удѣлъ,—роль, въ которой родная Европа будетъ намъ сочувствовать, содѣйствовать своими благословеніями, всѣми пожеланіями души своей, будетъ рукоплескать нашимъ цивилизаторскимъ дѣяніямъ, къ великому услажденію и умиленію нашихъ гуманитарныхъ прогрессистовъ. Съ Богомъ—отправляйтесь на Востокъ! Но, позвольте, на какой же это Востокъ? Мы было и думали начать съ Турціи. Чего лучше? Тамъ живутъ наши братья по плоти и по духу, живутъ въ мукахъ и страданіяхъ и ждутъ избавленія; мы подадимъ имъ руку помощи, какъ намъ священный долгъ повелѣваетъ. „Куда? не въ свое дѣло не соваться!“ кричитъ Европа. „Это не вашъ Востокъ; и такъ уже много развелось всякой славянщины, которая мнѣ не по нутру. Сюда направляется благородный нѣмецкій Drang nach dem Osten, по нѣмецкой рѣкѣ Дунаю. Нѣмцы кое-гдѣ умѣли справиться съ славянами; они и здѣсь получше вашего ихъ объевропеизируютъ. Къ тому же, Европа, которой такъ дорогъ священный принципъ національностей, почла за благо отнять у Нѣмцевъ Италію, бывшую и безъ нихъ вполнѣ Европою, настоящею, природною, а не усыновленною или привитою какою-нибудь,—почла за нужное дозволить вытѣснить Австрію изъ Германіи; надо же чѣмъ-нибудь и бѣдныхъ Австрійскихъ нѣмцевъ, вкупѣ съ Мадьярами, потѣшить: пусть себѣ европеизируютъ этотъ Востокъ, а вы отправляйтесь дальше“. Принялись мы также за Кавказъ—тоже вѣдь Востокъ. Очень маменька гнѣваться изволили: „не трогайте“, кричала, „рыцарей, паладиновъ свободы; вамъ ли браться за такое благородное племя!“ Ну, да на этотъ разъ, слава Богу, не послушали, забыли свое европейское призваніе. Ну такъ въ Персіи нельзя ли позаняться разбрасываньемъ сѣмянъ цивилизаціи и европеизма? Нѣмцы,

германо-романской формѣ искусства. Однимъ словомъ, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; какъ же можетъ она принадлежать къ Европѣ? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой. Она не заслужила этой чести, и, если хочетъ заслужить иную, не должна изъявлять претензіи на ту, которая ей не принадлежитъ. Только выскочки, не знающіе ни скромности, ни благородной гордости, втираются въ кругъ, который считается ими за высшій; понимающіе же свое достоинство люди остаются въ своемъ кругу, не считая его (ни въ какомъ случаѣ) для себя унизительнымъ, а стараются его облагородить такъ, чтобы некому и нечему было завидовать.

Но если Россія, скажутъ намъ, не принадлежитъ къ Европѣ по праву рожденія,—она принадлежитъ къ ней по праву усыновленія; она усвоила себѣ (или должна стараться усвоить) то, что̀ выработала Европа; она сдѣлалась (или, по крайней мѣрѣ, должна сдѣлаться) участницею въ ея трудахъ, въ ея тріумфахъ. Кто же ее усыновилъ? Мы что-то не видимъ родительскихъ чувствъ Европы въ ея отношеніяхъ къ Россіи; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ,—возможно-ли вообще такое усыновленіе? Возможно-ли, чтобъ организмъ столько времени питавшійся своими соками, вытягиваемыми своими корнями изъ своей почвы, присосался сосальцами къ другому организму, далъ высохнуть своимъ корнямъ и изъ самостоятельнаго растенія сдѣлался чужеяднымъ? Если почва тоща, то есть, если не достаетъ ей какихъ либо необходимыхъ для полнаго роста составныхъ частей, ее надо удобрить, доставить эти недостающія части, разрыхлить глубокою пахотою тѣ, которыя уже въ ней есть, чтобъ они лучше и легче усвоялись, а не чужеядничать, оставляя высыхать свои корни. Но объ этомъ послѣ. Мы увидимъ, можетъ быть, насколько и въ какой формѣ возможно это усвоеніе чужаго,—а пока пусть будетъ такъ: если не по рожденію, то по усыновленію Россія сдѣлалась Европой; къ дичку привитъ европейскій черенокъ. Какую пользу приноситъ прививка, тоже увидимъ послѣ; но на время признаемъ превращеніе. Въ такомъ случаѣ, конечно, девизомъ нашимъ должно быть: Europaeus sum et nihil europaei a me alienum esse puto. Всѣ европейскіе интересы должны сдѣлаться и русскими. Надо быть послѣдовательнымъ, надо признать европейскія желанія, европейскія стремленія—своими желаніями и стремленіями; надо жениться на

плеоназмомъ,—чѣмъ-то гигантски-лишнимъ является наша Россія въ качествѣ носительницы европейской цивилизаціи.

Зачѣмъ съ такой узкой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, скажутъ мнѣ? Подъ распространеніемъ цивилизаціи и европеизма на востокѣ—надобно разумѣть не только внесеніе этихъ благъ въ средне-азіатскія степи, но и усвоеніе ихъ себѣ, разлитіе ихъ по лицу всей обширной русской земли. Пусть же такъ-думающіе понапрягутъ нѣсколько свою фантазію и представятъ себѣ, что на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ нѣтъ могучаго русскаго народа и созданнаго имъ царства,—а раздолье лѣсовъ, водъ и степей, по которымъ бродятъ только финскіе звѣроловы: Зыряне, Вогуличи, Черемисы, Мордва, Весь, Меря, да татарскіе кочевники; и пусть въ такомъ видѣ открываютъ эту страну настоящіе европейскіе цивилизаторы (ну, хоть Ченслеръ и Вилоуби, напримѣръ). Сердце должно забиться восторгомъ отъ такой картины у настоящаго европейца. Вмѣсто сыновъ противленія, которымъ обухомъ приходилось прививать европеизмъ (и все еще дѣло плохо на ладъ идетъ), сюда нахлынули бы поселенцы чисто германской крови, безъ сомнѣнія подъ водительствомъ благороднѣйшей изъ самихъ германскихъ—англо-саксонской расы. Вѣдь тутъ бы на просторѣ завелись восточно-европейскіе, или западно-азіатскіе,—называйте, какъ хотите,—соединенные штаты. Цивилизація полилась бы волною, и къ нашему времени все обстояло бы давнымъ давно благополучно. Каналовъ было бы невѣсть сколько накопано, желѣзныхъ дорогъ—десятки тысячъ верстъ настроено, о телеграфахъ и говорить нечего; на Волгѣ, что на Миссисипи, не сотни, а тысячи бы пароходовъ плавало; да на одной ли только Волгѣ?—и Донъ былъ бы сдѣланъ какъ-надо судоходнымъ, и днѣпровскіе пороги—взорваны, что ли, или прорыты; и какой бы славной *far East* открывался въ дальней перспективѣ! А спичей-то, спичей лилось бы, я думаю, въ самомъ маленькомъ штатѣ (въ какомъ нибудь на Невѣ, или даже на Москвѣ лежащемъ Мери или Бетсилэндѣ) болѣе, чѣмъ на всѣхъ теперешнихъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ—вмѣстѣ взятыхъ. Общины, ненавистной высокопросвѣщенному уму, и въ поминѣ не было бы, и проч. и проч. Несомнѣнно, что общечеловѣческая цивилизація, если только европейская есть дѣйствительно единственно возможная цивилизація для всего человѣчества, неизмѣримо бы выиграла, если бы—вмѣсто славянскаго царства и славянскаго народа, занимающаго теперь Россію,—было тутъ (че-

пожалуй, и позволи бы: они такъ далеко своего „дранга" не думаютъ, кажется, простирать; но вѣдь дѣло извѣстное—рука руку моетъ,—изъ уваженія къ Англичанамъ нельзя. Индію они уже на себя взяли, что̀ и говорить, отлично дѣло сдѣлаютъ, перваго сорта цивилизаторы, на томъ уже стоятъ. Нечего ихъ тутъ по сосѣдству тревожить, отправляйтесь дальше. Въ Китай, что̀ ли, прикажете? Ни-ни, вовсе незачѣмъ туда забираться; чаю надо?—кантонскаго сколько хотите привеземъ. Цивилизація, европеизація, какъ и всякое учительство, не даромъ вѣдь дѣлается; и гонораріи кое-какіе получаются. Китай—страна богатая,—есть чѣмъ заплатить—сами поучимъ. И успѣхи, благодаря Бога, старинушка хорошіе оказываетъ,—индѣйскій опіумъ на славу покуриваетъ; не надо васъ здѣсь. Да гдѣ же, Господи, нашъ-то Востокъ, который намъ на роду написано цивилизивовать? Средняя Азія—вотъ ваше мѣсто: всякъ сверчекъ знай свой шестокъ. Намъ ни съ какого боку туда не пробраться, да и пожива плохая. Ну такъ тамъ и есть ваша священная историческая миссія,—вотъ что̀ говоритъ Европа, а за нею и наши европейцы. Вотъ та великая роль, которую сообразно съ интересами Европы намъ предоставить; и—никакой больше: все остальное разобрано тѣми, которые „почище", какъ приказываетъ сказать Хлестакову поваръ въ „Ревизорѣ".

Тысячу лѣтъ строиться, обливаясь по̀томъ и кровью, и составить государство въ восемьдесятъ милліоновъ (изъ коихъ шестьдесятъ—одного роду и племени, чему, кромѣ Китая, міръ не представлялъ и не представляетъ другаго примѣра), для того, чтобы потчивать европейскою цивилизаціей пять или шесть милліоновъ коканскихъ, бухарскихъ или хивинскихъ оборванцевъ, да пожалуй еще два-три милліона монгольскихъ кочевниковъ,—ибо таковъ настоящій смыслъ громкой фразы о распространеніи цивилизаціи въ глубь азіатскаго материка,—вотъ то великое назначеніе, та всемірно-историческая роль, которая предстоитъ Россіи, какъ носительницѣ европейскаго просвѣщенія. Нечего сказать: завидная роль! Стоило изъ-за этого жить, царство строить, государственную тяготу нести, выносить крѣпостную долю, петровскую реформу, бироновщину и прочіе эксперименты! Ужь лучше было бы, въ видѣ Древлянъ и Полянъ, Вятичей и Радимичей, по степямъ и лѣсамъ скитаться, пользуясь племенною волею, пока милостью Божіей ноги носятъ. „Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus". По истинѣ, горою, раждающею мышь,—какимъ-то громаднымъ историческимъ

нѣмецкомъ поэтѣ конца прошедшаго столѣтія, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ. Вѣдь онъ, родившись въ какомъ-нибудь Виртембергѣ, собственно говоря, не имѣлъ отечества и не пріобрѣлъ его до тѣхъ поръ, пока въ лицѣ Валленштейна не созналъ, что это отечество—цѣлая Германія. Но и такое отечество только постигалось мыслію, а не непосредственнымъ чувствомъ. Русскому такое состояніе духа должно бы быть менѣе возможно, но и оно объясняется тѣмъ же, ненаходящимъ себѣ примиренія, противорѣчіемъ между *народнымъ чувствомъ* и *идеею о возвышенности пожертвованія низшимъ для высшаго*—и, хотя въ искаженномъ видѣ, высказываетъ черту чисто-славянскаго безкорыстія, такъ сказать, порокъ славянской добродѣтели. Этимъ объясняется и то, что русскій патріотизмъ проявляется только въ критическія минуты. Побѣда односторонней идеи надъ чувствомъ бываетъ возможна только при спокойномъ состояніи духа; но коль скоро что-либо приводитъ народное чувство въ возбужденное состояніе, логическій выводъ теряетъ передъ нимъ всякую силу, и бывшій гуманитарный прогрессистъ, поклонникъ Позы, становится на время настоящимъ патріотомъ. Такія вспышки патріотизма не могутъ, конечно, замѣнить сознательнаго, находящагося въ мирѣ съ самимъ собою чувства народности, и понятнымъ становится, что страны, присоединенныя къ Россіи послѣ Петра, не русѣютъ, не смотря ни на желаніе правительства достигнуть этого, ни на безконечно усилившіяся средства его дѣйствовать на народъ, между тѣмъ какъ въ старину всѣ пріобрѣтенія, безъ всякаго насилія, которое не было ни въ духѣ правительства, ни вообще въ духѣ русскаго народа, быстро обращались въ чисто русскія области.

Столь же непримиримымъ съ самимъ собою (болѣе сочувственнымъ, но за то гораздо менѣе логическимъ) представляется другой взглядъ, получившій такое распространеніе въ послѣднее время. Онъ признаетъ безконечное во всемъ превосходство европейскаго предъ русскимъ и непоколебимо вѣруетъ въ единую спасительную европейскую цивилизацію; всякую мысль о возможности иной цивилизаціи считаетъ даже нелѣпымъ мечтаніемъ; а между тѣмъ, однако, отрекается отъ всѣхъ логическихъ послѣдствій такого взгляда: желаетъ внѣшней силы и крѣпости безъ внутренняго содержанія, которое ее оправдало бы,—желаетъ свища съ крѣпкою скорлупою. Здѣсь очевидно, народное чувство пересилило логическій выводъ, и потому-то этотъ взглядъ болѣе сочувственъ. На-

тыре или три вѣка тому назадъ) пустопорожнее пространство, по которому изрѣдка бы бродили кое-какіе дикари, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Канадѣ при открытіи ихъ Европейцами.

Итакъ, при нашей уступкѣ, что Россія—если не прирожденная, то усыновленная Европа, мы приходимъ къ тому заключенію, что она—не только гигантски-лишній, громадный историческій плеоназмъ, но даже положительное, весьма трудно-преодолимое препятствіе къ развитію и распространенію настоящей общечеловѣческой, т. е. европейской или германо-романской цивилизаціи. Этого взгляда собственно и держится Европа относительно Россіи. Этотъ взглядъ, выраженный здѣсь только въ нѣсколько рѣзкой формѣ, въ сущности очень распространенъ и между корифеями нашего общественнаго мнѣнія и ихъ просвѣщенными послѣдователями. Съ такой точки зрѣнія становится понятнымъ (и не только понятнымъ, а въ нѣкоторомъ смыслѣ законнымъ и, пожалуй, благороднымъ) сочувствіе и стремленіе ко всему, что̀ клонится къ ослабленію русскаго начала по окраинамъ Россіи,—къ обособленію (даже насильственному) разныхъ краевъ, въ которыхъ кромѣ русскаго существуютъ какіе бы то ни было инородческіе элементы,—къ покровительству, къ усиленію (даже искусственному) этихъ элементовъ и къ доставленію имъ привилегированнаго положенія въ ущербъ русскому. Если Русь, въ смыслѣ самобытнаго славянскаго государства, есть препятствіе дѣлу европеизма и гуманитарности, и если нельзя притомъ, къ сожалѣнію, обратить ее въ tabula rasa для скорѣйшаго развитія на ея мѣстѣ истинной европейской культуры, pur sang: то что̀ же остается дѣлать, какъ не ослаблять то народное начало, которое даетъ силу и крѣпость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человѣчества. Не эта ли возвышенная и благородная любовь къ человѣчеству, чуждая всякаго народнаго эгоизма и національной узкости взгляда, возведена въ идеалъ въ Маркизѣ Позѣ, этомъ идеальномъ созданіи Шиллера, передъ которымъ мы съ дѣтства привыкли благоговѣть? Будучи природнымъ Испанцемъ, вѣдь странствовалъ же благородный маркизъ по Европѣ, отыскивая враговъ своему отечеству, которое считалъ препятствіемъ для свободы и благоденствія человѣчества, и даже Солимана уговаривалъ выслать турецкій флотъ противъ Испаніи. Такая аберрація, такое искаженіе естественнаго человѣческаго чувства, на основаніи логическаго вывода, конечно, болѣе извинительно въ

лучше ли, не сообразнѣе ли съ цѣлью—широко открыть ему пути,— расшатать связь, сплачивающую массу,—дать просторъ дѣйство- вать чуждымъ, постороннимъ элементамъ высшаго порядка, вошед- шимъ по счастію кое-гдѣ въ составъ этой массы? Не скорѣе л проникнется черезъ это и вся масса вліяніемъ этихъ благодѣтел ныхъ элементовъ? Не скорѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, проникнетс европеизмомъ, очеловѣчится вся Русь, когда ея окраины примут европейскій складъ, благо въ нихъ есть уже европейскія дрожжи которыя—только не мѣшайте имъ—скоро приведутъ эти окраин въ благодѣтельное броженіе. Это броженіе не преминетъ пере даться остальной массѣ и разложить все, что въ ней есть вар варскаго, азіатскаго, восточнаго; одно чисто западное останетс Конечно, все это произойдетъ въ томъ только случаѣ, когда в народныхъ организмахъ возможны такія химическія замѣщені но въ такой возможности вѣдь не сомнѣвается просвѣщенный по литическій патріотизмъ. Зачѣмъ же мѣшать благодѣтельному хи мическому процессу? Corpora non agunt nisi fluida. Если бы, на примѣръ, политическій организмъ Римской имперіи сохранилъ сво крѣпость, то развѣ могли бы вошедшіе въ составъ его народы под вергнуться благодѣтельному вліянію германизма? Нѣтъ, какъ хо тите: г. Шедо Ферроти правъ. Справедливо также и названіе ультра русской партіи, придаваемое такому чисто-внѣшнему политиче скому патріотизму. Если Русь еще Русь, то конечно смѣшно гово рить о русской партіи въ этой Руси. Но если Русь есть вмѣст съ тѣмъ и Европа, то почему же не быть въ ней и русской, европейской, и ультра-русской, и ультра-европейской партіи? От чего, однако, нѣтъ чего-либо подобнаго въ другихъ государствахъ,— отчего не можетъ быть, напримѣръ, ультра-французской партіи в Франціи? Оттого, что Франція есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настояща Европа,—что существеннаго противорѣчія между интересами Фран ціи и интересами Европы быть не можетъ, какъ не можетъ ег быть (въ нормальномъ положеніи вещей, по крайней мѣрѣ) межд цѣлымъ и его частью. Но, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ об стоятельствахъ, и это однако же можетъ случиться. Такъ при На полеонѣ I была партія, обнимавшая собою почти всѣхъ францу зовъ, которая желала поработить Европу; такъ и теперь есть пар тія, которая желаетъ присоединить Бельгію и вообще лѣвый бе регъ Рейна. Такая партія можетъ быть названа ультра-францу скою, въ противоположность партіи европейской, не желающе

родное чувство, конечно, не имѣетъ нужды ни въ какомъ логическомъ оправданіи; оно, какъ всякое естественное человѣческое чувство, само себя оправдываетъ, и потому всегда сочувственно; но, тѣмъ не менѣе, жалка доля того народа, который принужденъ только имъ довольствоваться,—который какъ-бы принужденъ, если не говорить, такъ думать: я люблю свое отечество, но долженъ сознаться, что проку въ немъ никакого нѣтъ. Подъ такимъ внѣшнимъ политическимъ патріотизмомъ кроется горькое сомнѣніе въ самомъ себѣ,—кроется сознаніе жалкаго банкротства. Онъ какъ бы говоритъ себѣ: я ничего не стою; въ меня надобно вложить силу и вдунуть духъ извнѣ, съ запада; меня надобно притянуть къ нему, насильно въ него втиснуть—авось выйдетъ что-нибудь вылѣпленное по той формѣ, которая одна достойна человѣчества, которая исчерпываетъ все его содержаніе. Въ нашей литературѣ слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ появилась журнальная статья покойнаго Чаадаева, которая въ свое время надѣлала много шума. Въ ней выражалось горькое сожалѣніе о томъ, что Россія вслѣдствіе особенностей своей исторіи, была лишена тѣхъ началъ (какъ напримѣръ, католицизма), изъ развитія которыхъ Европа сдѣлалась тѣмъ, что̀ она есть. Соболѣзнуя объ этомъ, авторъ отчаявается въ будущности своего отечества, не видя и не понимая ничего внѣ европеизма. Статья эта имѣла на своей сторонѣ огромное преимущество внутренней искренности. Въ сущности, то же горькое сознаніе лежитъ и въ основѣ нашего новѣйшаго, чисто-внѣшняго политическаго патріотизма; онъ только менѣе искрененъ самъ съ собою, менѣе послѣдователенъ,—надѣется собирать тамъ, гдѣ не сѣялъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, европеизмъ заключаетъ въ себѣ все живое, что̀ только есть въ человѣчествѣ,—столь же всесторонен ъ, какъ и оно,—въ сущности, тождественъ съ нимъ; если все, что̀ не подходитъ подъ его формулу—ложь и гниль, предназначенныя на ничтожество и погибель, какъ все неразумное, то не надобно ли скорѣй покончить со всѣмъ, что держится на иной почвѣ своими корнями? Къ чему заботиться о скорлупѣ, не заключающей въ себѣ здороваго ядра,—особенно же, къ чему стараться о приданіи большей и большей твердости этой скорлупѣ? Крѣпкая внѣшность сохраняетъ внутреннее содержаніе; всякая твердая, плотная, компактная масса труднѣе подвергается внѣшнему вліянію, не пропускаетъ животворныхъ лучей свѣта, теплоты и оплодотворяющей влажности. Если внѣшнее вліяніе благотворно, то не

лучше ли, не сообразнѣе ли съ цѣлью—широко открыть ему пути,—расшатать связь, сплачивающую массу,—дать просторъ дѣйствовать чуждымъ, постороннимъ элементамъ высшаго порядка, вошедшимъ по счастію кое-гдѣ въ составъ этой массы? Не скорѣе ли проникнется черезъ это и вся масса вліяніемъ этихъ благодѣтельныхъ элементовъ? Не скорѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, проникнется европеизмомъ, очеловѣчится вся Русь, когда ея окраины примутъ европейскій складъ, благо въ нихъ есть уже европейскія дрожжи, которыя—только не мѣшайте имъ—скоро приведутъ эти окраины въ благодѣтельное броженіе. Это броженіе не преминетъ передаться остальной массѣ и разложить все, что въ ней есть варварскаго, азіатскаго, восточнаго; одно чисто западное останется. Конечно, все это произойдетъ въ томъ только случаѣ, когда въ народныхъ организмахъ возможны такія химическія замѣщенія; но въ такой возможности вѣдь не сомнѣвается просвѣщенный политическій патріотизмъ. Зачѣмъ же мѣшать благодѣтельному химическому процессу? Corpora non agunt nisi fluida. Если бы, напримѣръ, политическій организмъ Римской имперіи сохранилъ свою крѣпость, то развѣ могли бы вошедшіе въ составъ его народы подвергнуться благодѣтельному вліянію германизма? Нѣтъ, какъ хотите: г. Шедо Ферроти правъ. Справедливо также и названіе ультрарусской партіи, придаваемое такому чисто-внѣшнему политическому патріотизму. Если Русь еще Русь, то конечно смѣшно говорить о русской партіи въ этой Руси. Но если Русь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Европа, то почему же не быть въ ней и русской, и европейской, и ультра-русской, и ультра-европейской партіи? Отчего, однако, нѣтъ чего-либо подобнаго въ другихъ государствахъ,—отчего не можетъ быть, напримѣръ, ультра-французской партіи во Франціи? Оттого, что Франція есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая Европа,—что существеннаго противорѣчія между интересами Франціи и интересами Европы быть не можетъ, какъ не можетъ его быть (въ нормальномъ положеніи вещей, по крайней мѣрѣ) между цѣлымъ и его частью. Но, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, и это однако же можетъ случиться. Такъ при Наполеонѣ I была партія, обнимавшая собою почти всѣхъ французовъ, которая желала поработить Европу; такъ и теперь есть партія, которая желаетъ присоединить Бельгію и вообще лѣвый берегъ Рейна. Такая партія можетъ быть названа ультра-французскою, въ противоположность партіи европейской, не желающей

этихъ захватовъ. Но Россія, по мнѣнію Европы, не составляетъ плоти отъ плоти ея и кости отъ костей ея. По мнѣнію самихъ русскихъ европейцевъ, Россія только еще стремится сдѣлаться Европою, заслужить ея усыновленіе. Не вправѣ ли Европа сказать имъ: „если вы истинно хотите быть Европой, зачѣмъ же вамъ противодѣйствовать германизаціи балтійскаго края,—вы еще только хотите сдѣлаться европейцами (и я не знаю, какъ это вамъ удастся), а вотъ тутъ уже есть настоящіе, природные европейскіе дѣятели,— зачѣмъ же вы хотите остановить ихъ дѣйствія во благо Европы, а слѣдовательно—и человѣчества? Значитъ, слова ваши неискренни; вы свои частные русскіе интересы ставите выше европейскихъ,—вы, значитъ, ультра-русская партія". Тоже самое могутъ сказать и по отношенію къ западнымъ губерніямъ, и по многимъ другимъ вопросамъ. Противоположность интересовъ, которая временнó возникаетъ между Европой и Франціей,—между Россіей и Европой постоянна, по крайней мѣрѣ, во мнѣніи самой Европы. Не вправѣ ли, послѣ этого, Европа въ странѣ, имѣющей претензію на принадлежность къ Европѣ, называть ультра-русскою ту партію, которая, раздѣляя эту претензію, не хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчинять частныхъ русскихъ интересовъ интересамъ общеевропейскимъ? Какъ примирить со всѣмъ этимъ естественное и святое чувство народности—не знаю; думаю, что на почвѣ чисто-политическаго патріотизма примиреніе это вовсе и немыслимо.

Чисто политическій патріотизмъ возможенъ для Франціи, Англіи, Италіи, но не возможенъ для Россіи, потому что Россія и эти страны—единицы неодинаковаго порядка. Онѣ суть только политическія единицы, составляющія части другой высшей культурно-исторической единицы—Европы, къ которой Россія не принадлежитъ по многимъ и многимъ причинамъ, какъ постараюсь показать дальше. Если же—наперекоръ исторіи, наперекоръ мнѣнію и желанію самой Европы, наперекоръ внутреннему сознанію и стремленіямъ своего народа—Россія все-таки захочетъ причислиться къ Европѣ, то ей, чтобы быть логической и послѣдовательной, ничего другого не остается, какъ отказаться отъ самого политическаго патріотизма, отъ мысли о крѣпости, цѣльности и единствѣ своего государственнаго организма, отъ обрусѣнія своихъ окраинъ; ибо эта твердость наружной скорлупы составляетъ только препятствіе къ европеизаціи Россіи. Европа, не признающая (какъ и естественно) другаго культурнаго начала, кромѣ гер-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЖЕСТВЕННА-ЛИ СЪ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКОЮ?

Западъ и Востокъ, Европа и Азія представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Западъ, Европа, составляетъ полюсъ прогресса, неустаннаго усовершенствованія, непрерывнаго движенія впередъ; Востокъ, Азія — полюсъ застоя и косненія, столь ненавистныхъ современному человѣку. Это—историко-географическія аксіомы, въ которыхъ никто не сомнѣвается, и всякаго русскаго правовѣрнаго послѣдователя современной науки дрожь пробираетъ при мысли о возможности быть причисленнымъ къ сферѣ застоя и косненія. Ибо если не Западъ, такъ Востокъ; не Европа, такъ Азія — средины тутъ нѣтъ; нѣтъ Европо-Азіи, Западо-Востока, и еслибъ они и были, то среднее между-умочное положеніе также невыносимо. Всякая примѣсь застоя и косненія —уже вредъ и гибель. Итакъ, какъ можно громче заявимъ, что нашъ край европейскій, европейскій, европейскій,—что прогрессъ намъ пуще жизни милъ, застой пуще смерти противенъ,—что нѣтъ спасенія внѣ прогрессивной, европейской, всечеловѣческой цивилизаціи,—что внѣ ея даже никакой цивилизаціи быть не можетъ, потому что внѣ ея нѣтъ прогресса. Утверждать противное—зловредная ересь, обрекающая еретика, если не на сожженіе, то, во всякомъ случаѣ, на отлученіе отъ общества мыслящихъ, на высокомѣрное отъ него презрѣніе. И все это—совершеннѣйшій вздоръ, до того поверхностный, что даже опровергать совѣстно! Я только-что говорилъ о томъ, что дѣленіе на части свѣта есть дѣленіе искусственное,—что единственный критеріумъ его составляетъ противоположность между сушею и моремъ, не объемлющая собою всѣхъ другихъ различій, представляемыхъ физическою природой (различій топографическихъ, климатическихъ, ботаническихъ, зоологическихъ, этнографическихъ и проч.), критеріумъ, не обращаю-

щій даже на нихъ вниманія,—что по одному этому уже, слѣдовательно, части свѣта не представляютъ и не могутъ представлять свойствъ, которыя одну изъ нихъ ставили бы въ противоположность другой,—что выраженія: европейскій, азіятскій, африканскій типъ суть только метафоры, которыми мы приписываемъ цѣлому свойства его части. Приведемъ еще примѣръ. Въ самой Африкѣ, представляющей на бо̀льшей части своего пространства наименѣе удобствъ для развитія человѣческихъ обществъ,—Египетъ и вообще прибрежье Средиземнаго моря суть страны въ высшей степени способныя къ культурѣ. Я говорилъ также, что Европѣ даже вовсе не можетъ быть присвоиваемо значеніе части свѣта, что она—только часть Азіи, не болѣе отличная отъ другихъ частей ея, чѣмъ эти части между собою, и что она поэтому не можетъ противополагаться своему неоднородному цѣлому, безъ нарушенія всѣхъ правилъ логики (точно такъ же, какъ Васильевскій островъ, напримѣръ, на томъ основаніи, что имѣетъ нѣкоторыя особенности, не можетъ противополагаться всему Петербургу, а только—Петербургской или Выборгской сторонѣ, Адмиралтейской части, Коломнѣ и такъ далѣе, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои не менѣе существенныя особенности, чѣмъ Васильевскій островъ). Прибавимъ къ этому, что той противоположности, которой не находится въ самихъ странахъ, нельзя отыскать и въ ихъ населеніи; ибо, хотя почти вся Европа заселена арійскими племенами, эти же племена, въ немного меньшемъ числѣ, заселяютъ и значительную часть Азіи. Такъ же точно, мнимая привилегія прогрессивности вовсе не составляетъ какой-либо особенности Европы.

Дѣло въ томъ, что во всѣхъ частяхъ свѣта есть страны очень способныя, менѣе способныя и вовсе неспособныя къ гражданскому развитію человѣческихъ обществъ,—что европейскій полуостровъ въ этомъ отношеніи весьма хорошо надѣленъ, хотя не обдѣлена и остальная Азія, которая *абсолютно* имѣетъ больше годныхъ для культуры странъ, чѣмъ ея западный полуостровъ, и только въ смыслѣ *относительномъ* (ко всему пространству) должна ему уступить. Вездѣ же, гдѣ только гражданственность и культура могли развиться, онѣ имѣли тотъ же прогрессивный характеръ, какъ и въ Европѣ. Возьмемъ самый типъ застоя и коснѣнія—Китай, выставляемый какъ наисильнѣйшій контрастъ прогрессивной Европѣ. Въ этой странѣ живетъ около 400 милліоновъ народа въ гражданскомъ благоустройствѣ. Если бы имѣлись точныя

цифры о количествѣ производительности китайскаго труда, то передъ ними, можетъ быть, поблѣднѣли бы цифры англійской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя. Многія отрасли китайской промышленности находятся до сихъ поръ на недосягаемой для европейскихъ мануфактуръ степени совершенства, какъ напримѣръ краски, окрашиваніе тканей, фарфоръ, многія шелковыя матеріи, лаковыя издѣлія и т. д. Китайское земледѣліе занимаетъ безспорно первое мѣсто на земномъ шарѣ. По словамъ Либиха, это—единственное раціональное земледѣліе, ибо только оно одно возвращаетъ почвѣ все, что извлекается изъ нея жатвами, не прибѣгая притомъ ко ввозу удобреній изъ-за границы, что также должно, безъ сомнѣнія, считаться земледѣльческимъ хищеніемъ. Китайскіе садоводство также едва-ли не первое въ свѣтѣ. Китайскіе садовники дѣлаютъ съ растеніемъ то, что англійскіе фермеры съ породами рогатаго скота, то есть, даютъ растенію ту форму, которую считаютъ наиболѣе выгодною или пріятною для извѣстной цѣли,—заставляютъ его приносить изобильные цвѣты и плоды, не давая увеличиваться его росту и т. д. Въ разведеніи садовъ Китайцы достигли замѣчательныхъ результатовъ, даже въ отношеніи изящества, къ которому этотъ народъ вообще оказываетъ мало склонности. Ландшафтные сады ихъ составляютъ, по словамъ путешественниковъ, верхъ прелести и разнообразія. Китайская фармація обладаетъ, вѣроятно, драгоцѣнными веществами, и только гордость или странная невнимательность европейской науки до сихъ поръ еще не воспользовалась ими. Искусственное рыбоводство давно извѣстно Китаю и производится въ громадныхъ размѣрахъ. Едва-ли могутъ другія страны представить, по громадности размѣровъ, что-либо подобное китайскимъ каналамъ. Во многихъ отношеніяхъ китайская жизнь не уступаетъ европейской, особливо—если сравнить ее не съ настоящимъ временемъ, а хоть съ первою четвертью нынѣшняго столѣтія. Порохъ, книгопечатаніе, компасъ, писчая бумага давно уже извѣстны китайцамъ и, вѣроятно, даже отъ нихъ занесены въ Европу. Китайцы имѣютъ громадную литературу, своеобразную философію,весьма, правда, несовершенную въ космологическомъ отношеніи, но представляющую здравую и возвышенную, для языческаго народа, систему этики. Когда на древнихъ Грековъ кометы наводили еще суевѣрный страхъ, китайскіе астрономы, говоритъ Гумбольдтъ, наблюдали уже научнымъ обра-

зомъ эти небесныя тѣла. Науки и знанія нигдѣ въ мірѣ не пользуются такимъ высокимъ уваженіемъ и вліяніемъ, какъ въ Китаѣ. Неужели же эта высокая степень гражданскаго, промышленнаго и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже научнаго развитія, которое во многомъ оставляетъ далеко за собою цивилизацію древнихъ Грековъ и Римлянъ, въ иномъ даже и теперь можетъ служить образцомъ для европейцевъ,—вышла во всеоружіи изъ головы перваго Китайца, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а всѣ остальныя четыре или пять тысячъ лѣтъ своего существованія этотъ народъ пережевывалъ старое и не подвигался впередъ? Не были ли эти успѣхи, добытые на крайнемъ востокѣ азіятскаго материка, такимъ же результатомъ постепенно накоплявшагося умственнаго и физическаго, самостоятельнаго и своеобразнаго труда поколѣній, какъ и на крайнемъ юго-западѣ,—на европейскомъ полуостровѣ? И что̀ же это такое, какъ не прогрессъ? Правда, что прогрессъ этотъ давно прекратился, — что даже многія прекрасныя черты китайской гражданственности (какъ напримѣръ вліяніе, предоставляемое наукѣ и знанію) обратились въ пустой формализмъ,— что духъ жизни отлетѣлъ отъ Китая, — что онъ замираетъ подъ тяжестью прожитыхъ имъ вѣковъ. Но развѣ это не общая судьба всего человѣчества, и развѣ одинъ только Востокъ представляетъ подобныя явленія? Не въ числѣ ли прогрессивныхъ западныхъ, какъ говорятъ, европейскихъ народовъ считаются древніе Греки и Римляне; и, однако же, не совершенно ли то же явленіе, что и Китай, представляла греческая Византійская Имперія? Слишкомъ тысячу лѣтъ прожила она послѣ отдѣленія отъ своей римской, западной сестры; какимъ же прогрессомъ ознаменовалась ея жизнь послѣ послѣдняго великаго дѣла эллинскаго народа—утвержденія православной христіанской догматики?

Народу одряхлѣвшему, отжившему, свое дѣло сдѣлавшему, и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможетъ, совершенно независимо отъ того, гдѣ онъ живетъ—на Востокѣ или на Западѣ. Всему живущему, какъ отдѣльному недѣлимому, такъ и цѣлымъ видамъ, родамъ, отрядамъ животныхъ или растеній, дается извѣстная только сумма жизни, съ истощеніемъ которой они должны умереть. Геологія и палеонтологія показываютъ, какъ для разныхъ видовъ, родовъ, отрядовъ живыхъ существъ было время зарожденія, наивысшаго развитія, постепеннаго уменьшенія и, наконецъ, совершеннаго изчезновенія. Какъ и почему это такъ

дѣлается—никто не знаетъ, хотя и стараются объяснять на разные лады. Въ сущности же, это остарѣніе, одряхлѣніе цѣлыхъ видовъ, родовъ и даже отрядовъ—не болѣе удивительно, чѣмъ смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ, настоящей причины которой также никто не знаетъ и не понимаетъ. Исторія говоритъ тоже самое о народахъ: и они нарождаются, достигаютъ различныхъ степеней развитія, старѣютъ, дряхлѣютъ, умираютъ—и умираютъ не отъ внѣшнихъ только причинъ. Внѣшнія причины, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, по большей части только ускоряютъ смерть больнаго и расслабленнаго тѣла, которое въ состояніи крѣпости силъ, въ пору юношества или мужества, очень хорошо перенесло бы ихъ вредоносное вліяніе. Внѣшнія причины помогаютъ также разложенію послѣ смерти — какъ растительныхъ и животныхъ, такъ и политическихъ организмовъ; но иногда, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, потому ли, что вредоносныя внѣшнія вліянія дѣйствуютъ слабо, или организмъ успѣшно имъ противится, умираетъ онъ тѣмъ, что̀ называется естественною смертью или старческою немочью. Китай представляетъ именно такой рѣдкій случай. Тѣло столь однородно и плотно, такъ разрослось въ тиши и уединеніи, что скопило огромную силу противодѣйствія, какъ тѣ старики, про которыхъ говорятъ, что они чужой вѣкъ заживаютъ, — что смерть ихъ забыла. Живая, свѣжая дѣятельность давно заснула въ нихъ, но животная жизненность, или скорѣе растительная прозябаемость—осталась. Что̀ же удивительнаго, что въ такихъ организмахъ остылъ огонь юности, изсякла сила прогресса? И что̀ даетъ право предполагать, что съ ними всегда было такъ, вопреки очевидному свидѣтельству результатовъ трудовъ, нѣкогда совершенныхъ старцами? Въ такомъ же дряхлѣющемъ состояніи находится теперь и Индія, находились долгое время Египетъ и Византія, прежде чѣмъ иноземныя вторженія и вообще внѣшнія вліянія ихъ доконали и разложили самыя составныя части ихъ умершаго тѣла. Эти страны находились, болѣе или менѣе, на перепутьѣ народовъ, да и не составляли такихъ огромныхъ, плотныхъ, компактныхъ массъ, какъ Китай, и потому процессъ совершался скорѣе, и мѣсто одряхлѣвшаго занималъ новый свѣжій народъ. Только эта преемственность замѣщенія однихъ племенъ другими придаетъ исторіи болѣе прогрессивный видъ на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ, а не какое-либо особенное свойство духа, которое давало бы западнымъ народамъ монополію историческаго движенія.

Прогрессъ, слѣдовательно, не составляетъ исключительной привилегіи Запада или Европы, а застой — исключительнаго клейма Востока или Азіи; тотъ и другой суть только характеристическіе признаки того возраста, въ которомъ находится народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, гдѣ бы ни развивалась его гражданственность,— къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ. Слѣдовательно, если бы и въ самомъ дѣлѣ Азія и Европа, Востокъ и Западъ, составляли самостоятельныя, рѣзко опредѣленныя цѣлыя, то и тогда принадлежность къ Востоку и Азіи не могла бы считаться какою-то печатью отверженія.

Вторая и важнѣйшая причина, по которой отвергается мысль о какой-либо самостоятельной цивилизаціи внѣ германо-романскихъ или европейскихъ формъ культуры, принимаемыхъ за общечеловѣческія, выработанныя всею предыдущею исторіею,—заключается, сказалъ я, въ неправильномъ пониманіи самыхъ общихъ началъ историческаго процесса и въ неясномъ, туманномъ представленіи объ историческомъ явленіи, называемомъ прогрессомъ.

Степень совершенства, достигнутаго какою-либо наукой, степень пониманія входящихъ въ кругъ ея предметовъ или явленій въ точности отражается въ томъ, что̀ называется системою науки. Подъ системою разумѣю я здѣсь вовсе не систему изложенія, которая есть не болѣе какъ мнемоническое средство, дабы лучше запечатлѣть въ памяти факты науки или яснѣе представить ихъ уму. Систематика, принимаемая въ этомъ смыслѣ, весьма справедливо не пользуется большимъ уваженіемъ въ настоящее время, потому что весьма часто употреблялась во зло, и своими безконечными дѣленіями и подраздѣленіями часто только затрудняла дѣло, будучи большею частію остаткомъ схоластическаго педантизма. Эта система—не болѣе какъ лѣса научнаго зданія, безъ которыхъ хотя и нельзя обойтись, но которые должны бы ограничиваться дѣйствительно необходимымъ, дабы не заслонять собою линій самаго зданія. Я говорю о внутренней системѣ наукъ, т. е. о расположеніи, группировкѣ предметовъ или явленій, принадлежащихъ къ кругу извѣстной науки, сообразно ихъ взаимному сродству и дѣйствительнымъ отношеніямъ другъ къ другу. Поясню это примѣромъ. Астрономію, какъ и всякую науку, можно излагать весьма различно, принимая ту или другую методу, чтобы сдѣлать истины ея легче постижимыми или основательнѣе усвояе-

мыми уму; но не этотъ порядокъ изложенія, составляющій внѣшнюю систему астрономіи, имѣю я въ виду, а расположеніе самихъ объектовъ науки, то есть (въ настоящемъ случаѣ) небесныхъ тѣлъ, которое, конечно, не можетъ быть произвольно, а должно вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительно существующимъ между ними отношеніямъ. Степень совершенства этой системы будетъ отражать въ себѣ степень совершенства, на которой находится сама наука. Сначала представляли себѣ, что солнце, планеты и луна вертятся около земли; видоизмѣняли это представленіе такъ, что ближайшія къ солнцу планеты вертятся около солнца, а уже вслѣдъ за нимъ и около земли, или же, что такимъ образомъ вертятся не однѣ ближайшія, а всѣ вообще планеты. Первое изъ этихъ представленій усложнили еще системою эпицикловъ. Потомъ убѣдились, что и планеты, и земля вертятся около солнца, но описываемые ими пути представляли себѣ концентрическими кругами. Это представленіе опять измѣнили, и стали представлять себѣ солнце въ фокусѣ элипсисовъ своеобразной формы для каждой изъ планетъ; этимъ элипсисамъ придали, наконецъ, не простое очертаніе, а какъ бы слегка волнообразноизвилистое. Всякое усовершенствованіе въ наукѣ, въ способахъ наблюденія, въ физическомъ объясненіи явленій, въ методахъ вычисленія, отражалось въ астрономической системѣ. Тоже самое окажется и во всякой другой наукѣ, такъ что, когда какая-либо наука начнетъ уяснять себѣ истинную или, какъ обыкновенно выражаются, естественную систему входящихъ въ кругъ ея предметовъ или явленій, то лишь съ этого момента и считаютъ ее достойною названія науки, хотя, собственно говоря, это неосновательно, потому что нельзя ставить опредѣленіе науки въ зависимость отъ возраста, отъ ступени развитія, на которой она находится. Наука—все наука, какъ и человѣкъ—все человѣкъ, дитя ли онъ или взрослый; лишь бы только она имѣла предметомъ своимъ такой кругъ явленій или предметовъ, который имѣетъ дѣйствительное, реальное существованіе, а не есть болѣе или менѣе произвольное отвлеченіе.

Развить понятіе объ естественной системѣ, показать все значеніе и всю важность ея—выпало на долю естественныхъ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. на долю ботаники и зоологіи. Подавляющая громадность массы предметовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, поневолѣ привела къ необходимости систематизировать ихъ и, слѣдовательно, къ тщательному наблюденію

Прогрессъ, слѣдовательно, не составляетъ исключительной привилегіи Запада или Европы, а застой — исключительнаго клейма Востока или Азіи; тотъ и другой суть только характеристическіе признаки того возраста, въ которомъ находится народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, гдѣ бы ни развивалась его гражданственность,— къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ. Слѣдовательно, если бы и въ самомъ дѣлѣ Азія и Европа, Востокъ и Западъ, составляли самостоятельныя, рѣзко опредѣленныя цѣлыя, то и тогда принадлежность къ Востоку и Азіи не могла бы считаться какою-то печатью отверженія.

Вторая и важнѣйшая причина, по которой отвергается мысль о какой-либо самостоятельной цивилизаціи внѣ германо-романскихъ или европейскихъ формъ культуры, принимаемыхъ за общечеловѣческія, выработанныя всею предыдущею исторіею,—заключается, сказалъ я, въ неправильномъ пониманіи самыхъ общихъ началъ историческаго процесса и въ неясномъ, туманномъ представленіи объ историческомъ явленіи, называемомъ прогрессомъ.

Степень совершенства, достигнутаго какою-либо наукой, степень пониманія входящихъ въ кругъ ея предметовъ или явленій въ точности отражается въ томъ, что̀ называется системою науки. Подъ системою разумѣю я здѣсь вовсе не систему изложенія, которая есть не болѣе какъ мнемоническое средство, дабы лучше запечатлѣть въ памяти факты науки или яснѣе представить ихъ уму. Систематика, принимаемая въ этомъ смыслѣ, весьма справедливо не пользуется большимъ уваженіемъ въ настоящее время, потому что весьма часто употреблялась во зло, и своими безконечными дѣленіями и подраздѣленіями часто только затрудняла дѣло, будучи большею частію остаткомъ схоластическаго педантизма. Эта система—не болѣе какъ лѣса научнаго зданія, безъ которыхъ хотя и нельзя обойтись, но которые должны бы ограничиваться дѣйствительно необходимымъ, дабы не заслонять собою линій самаго зданія. Я говорю о внутренней системѣ наукъ, т. е. о расположеніи, группировкѣ предметовъ или явленій, принадлежащихъ къ кругу извѣстной науки, сообразно ихъ взаимному сродству и дѣйствительнымъ отношеніямъ другъ къ другу. Поясню это примѣромъ. Астрономію, какъ и всякую науку, можно излагать весьма различно, принимая ту или другую методу, чтобы сдѣлать истины ея легче постижимыми или основательнѣе усвояе-

нія по ихъ наружному облику заставила глубже вникнуть въ болѣе существенныя черты ихъ строенія и привела къ ясному сознанію условій и требованій естественной системы. Честь этого сознанія и проведеніе его въ ботаникѣ принадлежитъ знаменитымъ Жюсье, которые (по словамъ Кювье) произвели этимъ совершенный переворотъ въ естествовѣдѣніи. По утвержденіи основныхъ началъ естественной системы, всякое усовершенствованіе въ анатоміи, физіологіи, эмбріологіи необходимо отражалось и въ усовершенствованіи системы, такъ что слова Линнея: „тотъ будетъ великимъ Аполлономъ науки, кто введетъ въ нее вполнѣ естественную систему"—остаются и до сихъ поръ справедливыми, не смотря на увеличившіяся требованія отъ естествознанія. Но ежели понятіе о естественной системѣ и было выработано ботаникой и зоологіей, оно безъ сомнѣнія не составляетъ какой-либо особенной ихъ принадлежности, а есть общее достояніе всѣхъ наукъ, необходимое условіе ихъ совершенствованія. Сравнительная филологія примѣнила уже систему естественной классификаціи къ выработаннымъ ею результатамъ; то же безъ сомнѣнія предстоитъ и другимъ наукамъ, по мѣрѣ ихъ развитія и усовершенствованія. Какъ бы частности ни были хорошо изслѣдованы, какъ бы хорошо ни были разъяснены отдѣльные вопросы науки, но, пока факты не сопоставлены сообразно ихъ естественному сродству, не приведены въ естественную систему, они не дадутъ правильныхъ выводовъ, не выкажутъ своего настоящаго, полнаго смысла. Поясню и это примѣромъ.

Какъ только ложное понятіе о центральности земли было замѣнено естественною системою Коперника, то есть, каждое небесное тѣло поставлено и въ умахъ астрономовъ на подобающее ему мѣсто, сейчасъ же открылась возможность опредѣлять относительное разстояніе этихъ тѣлъ отъ солнца; сравненіе же разстоянія отъ солнца той же планеты въ разныхъ точкахъ ея орбиты, сравненіе скорости ея движенія при оказавшихся различныхъ разстояніяхъ, и сравненіе временъ обращенія съ разстояніями разныхъ планетъ—имѣли своимъ результатомъ три міроправительныхъ Кеплеровыхъ закона, которыхъ никакія усилія ума ни могли бы вылущить изъ массы фактовъ, хотя бы они имѣлись уже въ въ достаточномъ количествѣ и достаточной для этой цѣли точности, если бы они не были поставлены каждый на истинное свое мѣсто при помощи Коперниковой системы. Подобные же

ихъ особенностей для отысканія признаковъ дѣленія. Наблюденія же эти привели мало по малу къ сознанію, что растенія и животныя представляютъ собою не хаосъ разнообразныхъ случайныхъ формъ, которыя можно было бы такъ или иначе группировать, чтобы только какъ нибудь выпутаться изъ ихъ лабиринта, а суть выраженіе глубокаго внутренняго плана, какъ бы воплощеніе творческой идеи во всемъ ея разнообразіи, какое только допускалось, какъ внѣшними условіями, такъ и внутреннею сущностью самой идеи. Оказалось, что всѣ эти формы располагаются по степенямъ ихъ сродства (т. е. по степенямъ отношенія между ихъ сходствами и различіями) на группы опредѣленнаго порядка, названныя родами, семействами, отрядами, классами и, наконецъ, типами растительнаго или животнаго царства. Оказалось также, что и внутреннее устройство и физіологическія отправленія разнообразятся соотвѣтственно этимъ же группамъ. При историческомъ ходѣ развитія естественной системы обнаружилась та общая истина, что все, что̀ дается легко (такъ сказать, съ перваго взгляда), не возбуждаетъ достаточно нашего вниманія и мыслительной дѣятельности. Поэтому не изученіе животныхъ (наиболѣе доступныя формы которыхъ—какъ, напримѣръ, млекопитающія, птицы, рыбы, насѣкомыя—носятъ въ своемъ наружномъ видѣ столь рѣзкій отпечатокъ внутренняго сродства, что онъ бросается въ глаза) повело къ сознательному пониманію требованій естественной системы и различенію ея отъ искусственнаго дѣленія, имѣющаго значеніе только какъ вспомогательное средство для памяти и какъ облегченіе къ отысканію названія предмета. Это было дѣломъ ботаники. Растительныя формы, при поверхностномъ взглядѣ на нихъ нисколько не обнаруживаютъ своего сродства, часто даже какъ бы противорѣчатъ ему. Кустъ малины и крыжовника, повидимому, болѣе между собою сходны, нежели розанъ и земляника, хоть устройство ихъ цвѣтовъ и плодовъ показываетъ, что два послѣднія растенія принадлежатъ къ группѣ опредѣленной степени сродства, называемой семействомъ, а малина и крыжовникъ—къ совершенно разнымъ семействамъ. Наоборотъ, странныя наружныя формы кактусовъ ставятъ ихъ, повидимому, гораздо дальше отъ обыкновенныхъ лиственныхъ растеній, съ которыми они составляютъ тотъ же растительный типъ, чѣмъ, напримѣръ, стоятъ папоротники, которые, однако же, принадлежатъ по своему строенію къ совершенно другому растительному типу. Эта невозможность группировать расте-

что одна изъ группъ не охарактеризована ничѣмъ положител
нымъ,—что у нея ничего нѣтъ общаго, кромѣ извѣстнаго нед
статка. Одной этой второй ошибки достаточно, чтобы сдѣлат
систему негодною. Такъ, напримѣръ, имѣніе внутренняго скелета-
признакъ весьма существенный и опредѣляетъ собою весьма есте
ственную группу животнаго царства; но всѣ животныя, не имѣю
щія скелета, столь разнородны, что отсутствіе у нихъ скелета н
даетъ никакого права составлять изъ нихъ одну самостоятельну
группу въ противоположность первой. Также и въ растительном
царствѣ, группа тайнобрачныхъ, характеризуемая только отриц
тельнымъ признакомъ неимѣнія настоящаго цвѣтка, соединяет
въ себѣ и мясистый грибъ, и развѣсистый папоротникъ, и нѣж
ный мохъ,—растенія совершенно разнородныя и по наружном
виду, и по внутреннему строенію; и потому въ здравой классифи
каціи эта группа не можетъ быть допускаема. Ни скелетъ въ жи
вотныхъ, ни цвѣтокъ въ растеніяхъ, какъ они ни важны и ни су
щественны, не могутъ, однако же, считаться обнимающими собо
всю сферу дѣлимаго, на основаніи ихъ присутствія или отсут
ствія, животнаго или растительнаго царства.

Перехожу теперь къ оцѣнкѣ общепринятой системы въ наук
всемірной исторіи.

Самая общая группировка всѣхъ историческихъ явленій и фак
товъ состоитъ въ распредѣленіи ихъ на періоды древней, средне
и новой исторіи. Насколько же удовлетворяетъ это дѣленіе выше
изложеннымъ требованіямъ естественной системы? Основаніемъ от
дѣленія древней исторіи отъ средней и новой принято паденi
Западной Римской Имперіи. Въ новѣйшихъ историческихъ сочи
неніяхъ, конечно, дѣло не представляется уже такъ, что съ 47
годомъ на исторической сценѣ упалъ занавѣсъ, вслѣдъ зачѣм
имѣетъ начаться новая піеса; но самая сущность мало выигры
ваетъ отъ этого улучшенія въ изложеніи. Какъ бы медленно и по
степенно занавѣсъ ни спускался, и какъ бы, по мѣрѣ этого спус
канія, ни вплеталась новая піеса своею интригою въ старую, во
просъ—въ томъ: достаточно ли великъ занавѣсъ, чтобы перегоро
дить собою всю сцену, и можно ли найти какой-либо другой, ко
торый былъ бы для этого достаточно великъ? Какое дѣло Кита
какое дѣло Индіи до паденія Западной Римской Имперіи? Даж
для сосѣднихъ за-Ефратскихъ странъ, — не гораздо ли важнѣ
было паденіе Пароянскаго и возникновеніе Сассанидскаго царств

чѣмъ паденіе Западной Римской Имперіи? Пала ли бы, или не пала эта Имперія, не одинаково ли бы произошелъ имѣвшій такія огромныя послѣдствія религіозный переворотъ въ Аравіи? Главное же,—почему паденіе этой Имперіи соединило въ одну группу явленій (противополагаемую другой группѣ) судьбы древняго Египта и Греціи, уже и безъ того отжившихъ, съ судьбами Индіи и Китая, продолжавшихъ себѣ жить, какъ если бы Рима вовсе и на свѣтѣ не было? Однимъ словомъ, составляетъ ли паденіе Западной Римской Имперіи, какъ оно ни многозначительно само по себѣ, такой принципъ дѣленія, который обнималъ бы собою всю сферу дѣлимаго? Отвѣтъ будетъ, по необходимости, отрицательный. Не менѣе очевидно, что это происходитъ не оттого, что принципъ былъ дурно выбранъ (выбранъ былъ наивозможно лучшій), но оттого, что вообще нѣтъ такого событія, которое могло бы раздѣлить судьбу всего человѣчества на какіе бы то ни было отдѣлы; ибо до сихъ поръ, собственно говоря, не было ни одного одновременнаго общечеловѣческаго событія, да вѣроятно никогда и не будетъ. Даже само христіанство—явленіе, имѣвшее до сихъ поръ самое огромное вліяніе на судьбы человѣчества, и которое должно современемъ обнять его вполнѣ,—становится историческою гранью судебъ каждаго народа въ различное время. Если принять христіанство за главную историческую грань, то исторія Рима, имѣющая своимъ предметомъ жизнь одного и того же народа, была бы расколота на двѣ части, между тѣмъ какъ вторая есть очевидно дальнѣйшее развитіе первой,—ея результатъ, который не могъ даже быть существеннымъ образомъ измѣненъ внесеніемъ въ римскую жизнь христіанской идеи, уже не могшей возбудить изжившіяся начала ея. Итакъ, дѣленіе исторіи на древнюю (съ одной стороны) и среднюю и новую (съ другой стороны) точно также не удовлетворяетъ первому требованію естественной системы, какъ дѣленіе растеній на явно-брачныя и тайно-брачныя, или животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ,—совершенно независимо отъ того, какія бы событія мы ни приняли за историческія грани. И дѣйствительно, древняя исторія есть настоящее линнеевское тайнобрачіе, куда (подобно тому, какъ грибъ соединенъ съ папоротникомъ, потому что они цвѣтовъ не имѣютъ) вкомканы Греки съ Египтянами и Китайцами, потому только, что жили до паденія Западной Римской Имперіи.

Не лучше выполнено и второе требованіе, чтобъ явленія одной

группы имѣли между собою болѣе сродства, чѣмъ съ явленіямі отнесенными къ другой группѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ист рія Греціи и Рима имѣетъ болѣе аналогіи и связи съ исторіе Египта и даже съ исторіей Индіи и Китая, чѣмъ съ исторіей н вѣйшей Европы? Весьма позволительно въ этомъ усомниться. Е вся невѣрность, вся уродливость системы всемірной исторіи откр вается самымъ разительнымъ образомъ по отношенію къ третье требованію: чтобы степень сродства была одинакова въ одноим ныхъ группахъ, т. е. въ группахъ того же порядка. Между тѣм какъ въ группѣ древней исторіи соединены Египетъ, Индія, Кита Вавилонъ и Ассирія, Иранъ, Греція, Римъ, которые всѣ прох дили черезъ различныя ступени развитія,—мы видимъ, что ст пени развитія одного и того же племени германо-романскаго о несены въ различныя группы,—въ такъ-называемыя среднюю новую исторіи, которыя, очевидно, представляютъ одну и ту з группу явленій, ибо новая исторія есть только или развитіе зал женнаго въ средніе вѣка, или его отрицаніе и отверженіе, сове шаемое въ той же самой средѣ, такъ что много было историч скихъ дѣятелей, которые, начавъ свою дѣятельность въ средн исторіи, заканчивали ее въ новой. Между тѣмъ, какъ не толь Катонъ и императоръ Константинъ, Периклъ и Ѳеодосій Велик но даже императоръ Фоги, фараонъ Рамзесъ и царь Соломонъ с единены въ одну группу съ Эпаминондомъ и Гракхами, мы в димъ, что какой нибудь Рудольфъ Габсбургскій—съ императоро Максимиліаномъ, Филиппъ красивый—съ Людвигомъ XI и Р шелье, и даже султанъ Баязидъ—съ султаномъ Солиманомъ, к торые дѣлали одно и то же дѣло, тѣмъ же плугомъ ту же б розду проводили, разнесены въ разные вѣка исторіи, такъ-сказа въ разные возрасты человѣчества. Не совершенно ли это то самое, что соединять ворону съ устрицей, потому что ни у то ни у другой четырехъ ногъ нѣтъ?

Поводомъ или ближайшею причиною къ такой ни съ чѣмъ н сообразной группировкѣ явленій была, очевидно, ошибка перспе тивы. Различія, замѣчаемыя въ характерѣ событій среднихъ и н выхъ вѣковъ, должны были показаться столь важными и сущ ственными для историковъ, къ которымъ они были ближе (и во времени, и потому, что совершались въ средѣ того же племен къ которому принадлежали эти историки), что все остальное ч ловѣчество и всѣ предшествовавшіе вѣка представлялись имъ ка

бы на заднемъ планѣ ландшафта, гдѣ всѣ отдѣльныя черты сглаживаются, и онъ служитъ только фономъ для первыхъ плановъ картины. Но не кажущееся и видимость, а сущность и дѣйствительность—составляютъ дѣло науки. Этотъ перспективный взглядъ на исторію произвелъ ту ошибку, что вся совокупность фазисовъ совершенно своеобразнаго развитія нѣсколькихъ одновременно и даже послѣдовательно жившихъ племенъ, названная древнею исторіей, была поставлена на ряду, на одну ступень, съ каждымъ изъ двухъ фазисовъ развитія одного только племени, какъ бы третій первоначальный фазисъ развитія этого племени. Короче сказать, судьбы Европы или германо-романскаго племени были отождествлены съ судьбами всего человѣчества. Немудрено, что изъ этого нарушенія правилъ естественной системы вышло совершенное искаженіе пропорцій историческаго зданія,—что линіи его потеряли всякую соразмѣрность и гармонію.

Собственно говоря, и Римъ, и Греція, и Индія, и Египетъ, и всѣ историческія племена имѣли свою древнюю, свою среднюю и свою новую исторію, то есть, какъ все органическое, имѣли свои фазисы развитія, хотя, конечно, нѣтъ никакой надобности, чтобъ ихъ насчитывалось непремѣнно три — ни болѣе, ни менѣе. Какъ въ развитіи человѣка можно различать или три возраста (несовершеннолѣтіе, совершеннолѣтіе и старость—дѣленіе, принимаемое, напримѣръ, для нѣкоторыхъ гражданскихъ цѣлей), или четыре (дѣтство, юность, возмужалость, старость), или даже семь (младенчество, отрочество, юность, молодость или первая пора зрѣлости, возмужалость, старость и дряхлость), также точно можно отличать и различное число періодовъ развитія въ жизни историческихъ племенъ, что̀ будетъ зависѣть, отчасти, отъ взгляда историка, отчасти же отъ самаго характера ихъ развитія, могущаго подвергаться болѣе или менѣе частымъ перемѣнамъ. Такъ, и исторія Европы имѣетъ настоящую, свою собственную, не основанную на перспективномъ обманѣ, древнюю исторію—во временахъ предшествовавшихъ Карлу Великому, когда выдѣлялись и образовывались изъ нестройнаго хаоса, послѣдовавшаго за переселеніемъ народовъ, новыя народности и государства, представлявшія пока только зародышъ тѣхъ началъ, разработка и развитіе которыхъ составитъ главное содержаніе среднихъ, отрицаніе же и отверженіе главное содержаніе новыхъ вѣковъ.

Можетъ показаться, что такая перспективная ошибка не имѣетъ

существенной важности и что для исправленія ея стоитъ толь
нѣсколько измѣнить границы между великими группами истор
ческихъ явленій,—соединить, напримѣръ, исторію древнихъ нар
довъ Востока въ одну группу, подъ именемъ древней или дре
нѣйшей исторіи, отдѣлить отъ нея въ особую группу исторію Гр
ціи и Рима, назвавъ ее среднею исторіей, а судьбы Европы соед
нить въ одно цѣлое, подъ именемъ новой исторіи. Конечно, так
дѣленіе было бы значительно менѣе уродливо; но, не говоря у
о томъ, что древняя исторія все еще представляла бы странн
смѣшеніе,—что, за отсутствіемъ настоящихъ общечеловѣчески
событій (въ полномъ смыслѣ этого слова), первое требованіе ест
ственной системы, чтобъ принципъ дѣленія обнималъ всю сфе
дѣлимаго, все-таки оставалось бы неудовлетвореннымъ,—главны
коренной недостатокъ разбираемой здѣсь системы исторіи н
сколько бы не устранился. Перспективный обманъ составляе
только ближайшую причину, или только поводъ, заставивш
прійти къ невѣрной группировкѣ, а слѣдовательно и къ невѣ
ному пониманію историческихъ явленій. Самая же невѣрнос
этой группировки, этого невѣрнаго пониманія, къ которому пе
спективная ошибка только привела, заключается въ совершен
иномъ, несравненно болѣе важномъ и существенномъ.

Обращаюсь за сравненіемъ опять къ наукамъ, въ которы
понятіе естественной системы получило самое широкое, сам
полное развитіе и примѣненіе; тѣмъ болѣе, что въ ботаникѣ и
зоологіи—также своего рода перспективный обманъ приводилъ
подобной же ошибкѣ и долгое время препятствовалъ усоверше
ствованію системы. Перспективный обманъ зависѣлъ здѣсь о
того, что высшія растенія и животныя несравненно болѣе пор
жаютъ вниманіе наблюдателя, и (что̀ касается животныхъ,
крайней мѣрѣ) могутъ считаться болѣе къ нему близкими, п
ходя, по своей организаціи, ближе къ человѣку. Всѣ такъ наз
ваемыя тайно-брачныя растенія, вмѣстѣ съ низшими животным
извѣстными прежде подъ именемъ червей, разсматривались ка
бы какой-то прибавокъ, appendix, къ явно-цвѣтнымъ растеніямъ
позвоночнымъ животнымъ,—какъ бы не стоющій большаго внима
пьедесталъ къ тому, что̀ составляетъ собственно зданіе ботани
и зоологіи. Мы видѣли, что сознательная естественная систе
началась собственно въ ботаникѣ. Группы растеній той степе
сродства, которую принято называть семействами, были уже

вольно хорошо и вѣрно очерчены младшимъ Жюсье; но расположеніе самихъ семействъ оставалось, однако же, и затѣмъ, совершенно искусственнымъ,—главнѣйшее отъ того, что тогда представляли себѣ формы растительнаго царства расположенными въ видѣ лѣстницы постепеннаго развитія и совершенствованія, отыскивали какой-либо одинъ или немногіе признаки, которые служили бы мѣриломъ этого совершенства, и сообразно его измѣненіямъ располагали семейства въ линейномъ порядкѣ, подрывая этимъ основное начало естественной системы, состоящее въ возможно всестороннихъ изученіи и оцѣнкѣ совокупности признаковъ. Начатое ботаникою довершила зоологія, когда Кювье, основываясь на изученіи низшихъ животныхъ, геніальнымъ взглядомъ отличилъ такъ-названные имъ „типы“ организаціи. Эти типы не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго совершенствованія существъ (ступени, такъ-сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразными путями достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ,—планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить, между существами разныхъ типовъ, сравненія для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя. Чтобы перейти къ кругу предметовъ болѣе общеизвѣстныхъ и уяснить значеніе этихъ типовъ организаціи сравненіемъ, скажемъ, что они соотвѣтствуютъ не частямъ какого-либо зданія, построеннаго въ одномъ стилѣ (цоколю, коллонадѣ, архитраву, круглой башнѣ, куполу, главѣ какого нибудь храма), а совершенно разнымъ архитектурнымъ стилямъ: готическому, греческому, египетскому, византійскому и т. д. Хотя эти стили и не всѣ способны къ достиженію одинаковой степени совершенства, и хотя есть между ними такіе, которые соотвѣтствуютъ младенческому состоянію искусства, нельзя, однако же, про нихъ сказать, чтобъ они служили ступенями въ развитіи архитектуры, и расположить ихъ въ такой рядъ, въ которомъ всякій послѣдующій членъ былъ бы совершеннѣе предыдущаго и составлялъ его развитіе и усовершенствованіе. Между архитектурными стилями есть и такіе, про которые можно только сказать, что каждый въ своемъ родѣ прекрасенъ, и всѣ они выражаютъ собою способность искусства—не только совершенствоваться послѣдовательными ступенями развитія, но и разнообразиться, принимая различные типы

прекраснаго. Также точно, если между типами животныхъ есть абсолютно низшіе, каковы первообразныя (инфузоріи, губки) и лучистыя (кораллы, медузы, морскія звѣзды), и есть абсолютно высшіе, каковы позвоночныя (млекопитающія, птицы, рыбы); то есть и такіе, какъ моллюски (раковины) и членистыя (насѣкомыя, раки, кольчатые черви), про которыхъ трудно сказать, которые изъ нихъ представляютъ высшую степень организаціи. Одна сторона организма лучше развита въ однихъ, а другая—въ другихъ. Это понятіе о типахъ организаціи было потомъ распространено и на растенія; и вообще, безъ различенія группъ, опредѣляемыхъ степенью развитія, усовершенствованія организаціи, отъ группъ, опредѣляемыхъ особенностью плана, типомъ развитія,—естественная система невозможна ни въ зоологіи, ни въ ботаникѣ.

Безъ подобнаго же различенія—степеней развитія отъ типовъ развитія—невозможна и естественная группировка историческихъ явленій. Отсутствіе этого различенія и составляетъ тотъ коренной недостатокъ исторической системы, о которомъ только что было говорено. Дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, хотя бы и съ прибавленіемъ древнѣйшей и новѣйшей, или, вообще, дѣленіе по степенямъ развитія,—не исчерпываетъ всего богатаго содержанія ея. Формы исторической жизни человѣчества, какъ формы растительнаго и животнаго міра, какъ формы человѣческаго искусства (стили архитектуры, школы живописи), какъ формы языковъ (односложные, приставочные, сгибающіеся), какъ проявленія самаго духа, стремящагося осуществить типы добра, истины и красоты (которые вполнѣ самостоятельны и не могутъ же почитаться однимъ развитіемъ другаго), не только измѣняются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческимъ типамъ. Поэтому, собственно говоря, только внутри одного и того же типа или, какъ говорится, цивилизаціи,—и можно отличать тѣ формы историческаго движенія, которыя обозначаются словами: древняя, средняя и новая исторія. Это дѣленіе есть только подчиненное, главное же должно состоять въ отличеніи культурно-историческихъ типовъ, такъ сказать самостоятельныхъ, своеобразныхъ плановъ религіознаго, соціальнаго, бытоваго, промышленнаго, политическаго, научнаго, художественнаго, однимъ словомъ, историческаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ великомъ вліяніи Рима на образовавшіяся на развалинахъ его романо-германскія и чисто-германскія государства,

развѣ исторія Европы есть дальнѣйшее развитіе началъ исчезнувшаго римскаго міра? Къ какой области только-что перечисленныхъ категорій историческихъ явленій ни обратитесь, вездѣ встрѣтите другія начала. Христіанская религія принимаетъ папистскій характеръ, и, хотя римскій епископъ и прежде носилъ названіе папы, но папство, какъ мы теперь его понимаемъ, образовалось лишь въ романо-германское время, и для этого должно было совершенно уклониться отъ своего первоначальнаго значенія и смысла. Отношенія между общественными классами совершенно измѣнились, ибо общество построилось на началахъ феодализма, который не находитъ себѣ ничего соотвѣтственнаго въ древнемъ мірѣ. Нравы, обычаи, одежда, образъ жизни, общественные и частныя увеселенія—становятся совершенно иными, чѣмъ въ римское время. Хотя черезъ триста лѣтъ послѣ паденія Западной Римской имперіи она возстановляется въ формѣ Карловой монархіи, но новый римскій императоръ, не смотря на то, что имѣлось въ виду создать его по образу и подобію древняго, получаетъ на дѣлѣ совершенно иной характеръ,—характеръ феодальнаго сюзерена, которому, въ свѣтскомъ отношеніи, должны также точно подчиняться всѣ главы новаго общества, какъ въ духовномъ отношеніи—папѣ. Но и этотъ идеалъ (долженствовавшій, по католическому понятію, составлять на землѣ отраженіе царства небеснаго) никогда, впрочемъ, послѣ Карла не осуществлялся, и германскіе императоры, не смотря на всѣ свои притязанія, были въ сущности такими же феодальными монархами, какъ и короли французскіе или англійскіе, и скоро стали даже уступать имъ въ могуществѣ. Наука, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ постепенно замиравшая, принимаетъ форму схоластики, которой нельзя же считать продолженіемъ ни древней философіи, ни дрéвняго богословскаго мышленія,—какъ оно проявлялось въ великихъ отцахъ вселенской церкви. Потомъ европейская наука переходитъ въ положительное изслѣдованіе природы, которому древній міръ почти не представляетъ образцовъ. Бóльшая часть искусствъ, именно—архитектура, музыка и поэзія, принимаютъ совершенно отличный характеръ, нежели въ древности; живопись въ средніе вѣка преслѣдуетъ также совершенно самобытныя цѣли, отличается идеальнымъ характеромъ и черезчуръ даже пренебрегаетъ красотою формы,—ежели же потомъ и старается усвоить себѣ древнее совершенство формы, то все же мы не можемъ даже судить, на-

сколько она продолжаетъ или не продолжаетъ направленіе древней живописи, отъ котораго до насъ почти ничего не дошло. Одна только скульптура имѣетъ подражательный характеръ и тщится идти по тому же пути, по которому шли и древніе; но за то, именно это искусство не только не подвинулось впередъ, не создало ничего новаго, но даже, несомнѣнно, отстало отъ своихъ первообразовъ. Во всѣхъ отношеніяхъ основы римской жизни завершили кругъ своего развитія, дали всѣ результаты, къ которымъ были способны, и наконецъ изжились,—развиваться далѣе было нечему. Пришлось идти вовсе не оттуда, гдѣ остановился Римъ— по своему пути онъ дошелъ уже до предѣла, его же не прейдеши; и, чтобы было куда идти, надо было начать съ новой точки отправленія и идти въ другую сторону, въ которую, какъ оказалось, открытое пространство было обширнѣе: но и оно, разумѣется, не безконечно, и этому шествію будетъ предѣлъ, его же не прейдеши. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ. Кому суждено будетъ вновь идти, тотъ также долженъ будетъ отправляться съ иной точки и идти въ другую сторону. Прогрессъ состоитъ не въ томъ, чтобы все идти въ одномъ направленіи, а въ томъ, чтобы все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, исходить въ разныхъ направленіяхъ, ибо доселѣ онъ такимъ именно образомъ проявлялся. Но объ этомъ послѣ.

Такое подчиненіе, въ исторической системѣ, степеней развитія—типамъ развитія имѣетъ еще то преимущество, что избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ помощи ни на чемъ неоснованныхъ гипотезъ о той точкѣ пути, на которой въ тотъ или въ другой моментъ находилось человѣчество. Разсматривая исторію отдѣльнаго культурнаго типа, если циклъ его развитія вполнѣ принадлежитъ прошедшему, мы точно и безошибочно можемъ опредѣлить возрастъ этого развитія,—можемъ сказать: здѣсь оканчивается его дѣтство, его юность, его зрѣлый возрастъ, здѣсь начинается его старость, здѣсь его дряхлость,—или, что̀ тоже самое, раздѣлить его исторію на древнѣйшую, древнюю, среднюю, новую, новѣйшую и т. п. Мы можемъ сдѣлать это съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, при помощи аналогіи, даже и для такихъ культурныхъ типовъ, которые еще не окончили своего поприща. Но что̀ можно сказать о ходѣ развитія человѣчества вообще, и какъ опредѣлить возрастъ всемірной исторіи? Ни какомъ основаніи отнести жизнь такихъ-то народовъ, такую-то группу историческихъ явле-

развѣ исторія Европы есть дальнѣйшее развитіе началъ исчезнувшаго римскаго міра? Къ какой области только-что перечисленныхъ категорій историческихъ явленій ни обратитесь, вездѣ встрѣтите другія начала. Христіанская религія принимаетъ папистскій характеръ, и, хотя римскій епископъ и прежде носилъ названіе папы, но папство, какъ мы теперь его понимаемъ, образовалось лишь въ романо-германское время, и для этого должно было совершенно уклониться отъ своего первоначальнаго значенія и смысла. Отношенія между общественными классами совершенно измѣнились, ибо общество построилось на началахъ феодализма, который не находитъ себѣ ничего соотвѣтственнаго въ древнемъ мірѣ. Нравы, обычаи, одежда, образъ жизни, общественные и частныя увеселенія—становятся совершенно иными, чѣмъ въ римское время. Хотя черезъ триста лѣтъ послѣ паденія Западной Римской имперіи она возстановляется въ формѣ Карловой монархіи, но новый римскій императоръ, не смотря на то, что имѣлось въ виду создать его по образу и подобію древняго, получаетъ на дѣлѣ совершенно иной характеръ,—характеръ феодальнаго сюзерена, которому, въ свѣтскомъ отношеніи, должны также точно подчиняться всѣ главы новаго общества, какъ въ духовномъ отношеніи—папѣ. Но и этотъ идеалъ (долженствовавшій, по католическому понятію, составлять на землѣ отраженіе царства небеснаго) никогда, впрочемъ, послѣ Карла не осуществлялся, и германскіе императоры, не смотря на всѣ свои притязанія, были въ сущности такими же феодальными монархами, какъ и короли французскіе или англійскіе, и скоро стали даже уступать имъ въ могуществѣ. Наука, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ постепенно замиравшая, принимаетъ форму схоластики, которой нельзя же считать продолженіемъ ни древней философіи, ни дре́вняго богословскаго мышленія,—какъ оно проявлялось въ великихъ отцахъ вселенской церкви. Потомъ европейская наука переходитъ въ положительное изслѣдованіе природы, которому древній міръ почти не представляетъ образцовъ. Бо́льшая часть искусствъ, именно—архитектура, музыка и поэзія, принимаютъ совершенно отличный характеръ, нежели въ древности; живопись въ средніе вѣка преслѣдуетъ также совершенно самобытныя цѣли, отличается идеальнымъ характеромъ и черезчуръ даже пренебрегаетъ красотою формы,—ежели же потомъ и старается усвоить себѣ древнее совершенство формы, то все же мы не можемъ даже судить, на-

сколько она продолжаетъ или не продолжаетъ направленіе древней живописи, отъ котораго до насъ почти ничего не дошло. Одна только скульптура имѣетъ подражательный характеръ и тщится идти по тому же пути, по которому шли и древніе; но за то, именно это искусство не только не подвинулось впередъ, не создало ничего новаго, но даже, несомнѣнно, отстало отъ своихъ первообразовъ. Во всѣхъ отношеніяхъ основы римской жизни завершили кругъ своего развитія, дали всѣ результаты, къ которымъ были способны, и наконецъ изжились,—развиваться далѣе было нечему. Пришлось идти вовсе не оттуда, гдѣ остановился Римъ—по своему пути онъ дошелъ уже до предѣла, его же не прейдеши; и, чтобы было куда идти, надо было начать съ новой точки отправленія и идти въ другую сторону, въ которую, какъ оказалось, открытое пространство было обширнѣе: но и оно, разумѣется, не безконечно, и этому шествію будетъ предѣлъ, его же не прейдеши. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ. Кому суждено будетъ вновь идти, тотъ также долженъ будетъ отправляться съ иной точки и идти въ другую сторону. Прогрессъ состоитъ не въ томъ, чтобы все идти въ одномъ направленіи, а въ томъ, чтобы все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, исходить въ разныхъ направленіяхъ, ибо доселѣ онъ такимъ именно образомъ проявлялся. Но объ этомъ послѣ.

Такое подчиненіе, въ исторической системѣ, степеней развитія—типамъ развитія имѣетъ еще то преимущество, что избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ помощи ни на чемъ неоснованныхъ гипотезъ о той точкѣ пути, на которой въ тотъ или въ другой моментъ находилось человѣчество. Разсматривая исторію отдѣльнаго культурнаго типа, если циклъ его развитія вполнѣ принадлежитъ прошедшему, мы точно и безошибочно можемъ опредѣлить возрастъ этого развитія,—можемъ сказать: здѣсь оканчивается его дѣтство, его юность, его зрѣлый возрастъ, здѣсь начинается его старость, здѣсь его дряхлость,—или, что̀ тоже самое, раздѣлить его исторію на древнѣйшую, древнюю, среднюю, новую, новѣйшую и т. п. Мы можемъ сдѣлать это съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, при помощи аналогіи, даже и для такихъ культурныхъ типовъ, которые еще не окончили своего поприща. Но что̀ можно сказать о ходѣ развитія человѣчества вообще, и какъ опредѣлить возрастъ всемірной исторіи? Ни какомъ основаніи отнести жизнь такихъ-то народовъ, такую-то группу историческихъ явле-

ній—къ древней, средней, или новой исторіи, то есть къ дѣтству, юношеству, возмужалости или старости человѣчества? Не обращаются ли термины: древняя, средняя и новая исторія (хотя бы и правильнѣе употребленные, чѣмъ это теперь дѣлается) въ слова безъ значенія и смысла, если ихъ примѣнять не къ исторіи отдѣльныхъ цивилизацій, а къ исторіи всемірной? Въ этомъ отношеніи историки находятся въ томъ же положеніи, какъ и астрономы. Эти послѣдніе могутъ опредѣлить, со всею желаемою точностью, орбиты планетъ, которыя во всѣхъ точкахъ подлежатъ ихъ изслѣдованіямъ,—могутъ даже приблизительно опредѣлить пути кометъ, которыя подлежатъ ихъ изслѣдованіямъ только въ нѣкоторой ихъ части; но что̀ могутъ они сказать о движеніи всей солнечной системы, кромѣ того развѣ, что и она движется, и кромѣ нѣкоторыхъ догадокъ о направленіи этого движенія? И такъ, естественная система исторіи должна заключаться въ различеніи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣленій, отъ степеней развитія, по которымъ только эти типы (а не совокупность историческихъ явленій) могутъ подраздѣляться.

Отысканіе и перечисленіе этихъ типовъ не представляетъ никакого затрудненія, такъ какъ они общеизвѣстны. За ними не признавалось только ихъ первостепеннаго значенія, которое, вопреки правиламъ естественной системы и даже просто здраваго смысла, подчинялось произвольному и, какъ мы видѣли, совершенно нераціональному дѣленію по степенямъ развитія. Эти культурно-историческіе типы или самобытныя цивилизаціи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ суть:

1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилоно-финикійскій, халдейскій или древне-симитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-симитическій или аравійскій и 10) германо-романскій или европейскій. Къ нимъ можно еще, пожалуй, причислить два американіе типа: мексиканскій и перуанскій, погибшіе насильственною смертью и не успѣвшіе совершить своего развитія. Только народы, составлявшіе эти культурно-историческіе типы, были положительными дѣятелями въ исторіи человѣчества; каждый развивалъ самостоятельнымъ путемъ начало, заключавшееся какъ въ особенностяхъ его духовной природы, такъ и въ особенныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ, и этимъ вносилъ свой вкладъ въ общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы

уединенные—отъ типовъ или цивилизацій преемственныхъ, плоды дѣятельности которыхъ передавались отъ одного къ другому, какъ матеріалы для питанія, или какъ удобреніе (то есть обогащеніе разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами) той почвы, на которой долженъ былъ развиваться послѣдующій типъ. Таковыми преемственными типами были: египетскій, ассирійско-вавилоно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и германо-романскій или европейскій. Такъ какъ ни одинъ изъ культурно-историческихъ типовъ не одаренъ привилегіей безконечнаго прогресса, и такъ какъ каждый народъ изживается; то понятно, что результаты, достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести цивилизацій, своевременно смѣнявшихъ одна другую и получившихъ, къ тому же, сверхъестественный даръ христіанства, должны были далеко превзойти совершенно уединенныя цивилизаціи, каковы китайская и индійская, хотя бы эти послѣднія и однѣ равнялись всѣмъ имъ продолжительностью жизни. Вотъ, кажется мнѣ, самое простое и естественное объясненіе западнаго прогресса и восточнаго застоя. Однако же, и эти уединенные культурно-историческіе типы развивали такія стороны жизни, которыя не были въ той же мѣрѣ свойственны ихъ болѣе счастливымъ соперникамъ, и тѣмъ содѣйствовали многосторонности проявленій человѣческаго духа, въ чемъ собственно и заключается прогрессъ. Не говоря о тѣхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, которыя (какъ, напримѣръ, десятичная система циферныхъ знаковъ, компасъ, шелководство, а можетъ быть порохъ и гравюра) перенесены въ Европу съ востока, черезъ посредство арабовъ,—развѣ индійская поэзія и архитектура не должны считаться обогащеніемъ общечеловѣческаго искусства? Гумбольдтъ замѣчаетъ во второй части Космоса, что открытія индійскихъ ученыхъ въ алгебрѣ могли бы составить обогащеніе европейской науки, если бы сдѣлались извѣстны нѣсколько ранѣе. Но въ другой области знанія европейская наука дѣйствительно много обязана индійской, именно: понятіе о о корняхъ, играющее столь важную роль въ лингвистикѣ, было выработано индійскими грамматиками. Китайское земледѣліе составляетъ до сихъ поръ высочайшую степень, до которой достигало это полезнѣйшее изъ искусствъ.

Но и эти культурно-историческіе типы, которые мы назвали положительными дѣятелями въ исторіи человѣчества, но исчерпываютъ еще всего круга ея явленій. Какъ въ солнечной системѣ

наряду съ планетами есть еще и кометы, появляющіяся время отъ времени и потомъ на многіе вѣка исчезающія въ безднахъ пространства, и есть космическая матерія, обнаруживающаяся намъ въ видѣ падучихъ звѣздъ, аэролитовъ и зодіакальнаго свѣта; такъ и въ мірѣ человѣчества, кромѣ положительно-дѣятельныхъ культурныхъ типовъ или самобытныхъ цивилизацій, есть еще временно появляющіеся феномены, смущающіе современниковъ, какъ Гунны, Монголы, Турки, которые, совершивъ свой разрушительный подвигъ, помогши испустить духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ и разнеся ихъ остатки, скрываются въ прежнее ничтожество. Назовемъ ихъ отрицательными дѣятелями человѣчества. Иногда, впрочемъ, и зиждительная и разрушительная роль достается тому же племени, какъ это было съ германцами и аравитянами. Наконецъ, есть племена, которымъ (потому ли, что самобытность ихъ прекращается въ чрезвычайно ранній періодъ ихъ развитія, или по другимъ причинамъ) не суждено ни зиждительнаго, ни разрушительнаго величія,—ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляютъ лишь этнографическій матеріалъ, то есть, какъ бы неорганическое вещество, входящее въ составъ историческихъ организмовъ — культурно - историческихъ типовъ; они, безъ сомнѣнія, увеличиваютъ собою разнообразіе и богатство ихъ, но сами не достигаютъ до исторической индивидуальности. Таковы племена Финскія и многія другія, имѣющія еще меньше значенія.

Иногда нисходятъ на эту ступень этнографическаго матеріала умершіе и разложившіеся культурно-историческіе типы, въ ожиданіи пока новый формаціонный (образовательный) принципъ опять не соединитъ ихъ, въ смѣси съ другими элементами, въ новый историческій организмъ,—не воззоветъ къ самостоятельной исторической жизни, въ формѣ новаго культурно-историческаго типа. Такъ случилось, напримѣръ, съ народами, составлявшими Западную Римскую Имперію, которые и въ своей новой формѣ, подвергшись германскому образовательному принципу, носятъ названіе романскихъ народовъ.

Итакъ, или положительная дѣятельность самобытнаго культурно-историческаго типа, или разрушительная дѣятельность такъ называемыхъ бичей Божіихъ, предающихъ смерти дряхлыя (томящіяся въ агоніи) цивилизаціи, или служеніе чужимъ цѣлямъ въ качествѣ

этнографическаго матеріала, — вотъ три роли, которыя могутъ выпасть на долю народа.

Вникнемъ теперь нѣсколько ближе въ свойство и характеры различныхъ культурно-историческихъ типовъ; не окажется ли въ нихъ такихъ общихъ чертъ, такихъ обобщеній, которые могли бы считаться законами культурно-историческаго движенія и которыя, будучи выводами изъ прошедшаго, могли бы служить нормою для будущаго? Если группировка историческихъ явленій по культурно-историчеккимъ типамъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ требованіямъ естественной системы въ примѣненіи къ исторіи, то такіе общіе выводы, такія обобщенія непремѣнно должны, такъ сказать, сами собою оказаться. Они должны проистечь изъ самаго расположенія фактовъ, какъ только историческія явленія станутъ на подобающее имъ относительно другъ къ другу мѣсто, не будучи насильственно натягиваемы въ угоду какой либо предвзятой идеѣ, изъ нихъ самихъ не вытекающей; таковою мы считаемъ идею расположенія явленій всемірной исторіи по ступенямъ развитія, приведшую къ нераціональному дѣленію ея на древнюю, среднюю и новую,—три отдѣла, составляющіе будто бы эволюціонные фазисы развитія всего человѣчества, взятаго въ цѣломъ, при чемъ качественное различіе племенъ человѣческаго рода совершенно упускается изъ вида.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ТИПЫ И НѢКОТОРЫЕ ЗАКОНЫ ИХЪ ДВИЖЕНІЯ ИЛИ РАЗВИТІЯ.

За волною
Вашихъ мысленныхъ морей
Есть земля,—надъ той землею
Блещетъ дивною красою
Новой мысли эмпирей.
Хомяковъ.

Начну прямо съ изложенія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ или законовъ историческаго развитія, вытекающихъ изъ группировки его явленій по культурно-историческимъ типамъ.

Законъ 1. Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою—для того чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества.

Законъ 2. Дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью.

Законъ 3. Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ выработываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій.

Законъ 4. Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политиче-

скимъ цѣлымъ, пользуясь независимостью, составляютъ федерацію, или политическую систему государствъ.

Законъ 5. Ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія—относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу.

Первые два вывода не требуютъ большихъ поясненій; сомнѣваться въ нихъ невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ десяти культурно-историческихъ типовъ, развитіе которыхъ составляетъ содержаніе всемірной исторіи, три принадлежатъ племенамъ семитической породы или расы, и каждое племя, характеризованное однимъ изъ трехъ языковъ семитической группы,—халдейскимъ еврейскимъ и арабскимъ,—имѣло свою самобытную цивилизацію. Арійская группа языковъ подраздѣляется, какъ извѣстно, на семь главныхъ лингвистическихъ семействъ: санскритское, иранское, эллинское, латинское, кельтическое, германское и славянское. Изъ племенъ, соотвѣтствующихъ этимъ семи семействамъ языковъ, пять—индійское, персидское, греческое, римское или древне-италійское и германское,—представляли или представляютъ самобытные культурно-историческіе типы, развившіеся въ самобытныя цивилизаціи. Правда, одно племя,—кельтское, не составило самостоятельнаго типа, а (въ смѣшеніи съ разложившимися элементами римской цивилизаціи и подъ вліяніемъ германскаго образовательнаго или формаціоннаго принципа) вошло, какъ этнографическій матеріалъ, въ составъ германо-романскаго культурно-историческаго типа. Но Кельты потеряли свою политическую независимость въ раннiй періодъ своего общественнаго возраста; и хотя у Галловъ и Британцевъ были всѣ задатки самобытнаго развитія, какъ въ особенностяхъ народнаго характера, такъ и въ самостоятельномъ религіозномъ и поэтическомъ міровозрѣніи, къ тому же, при выгодныхъ мѣстныхъ условіяхъ обитаемой ими страны,—всѣ эти задатки были задавлены римскимъ завоеваніемъ. Нѣтъ ни одной цивилизаціи, которая бы зародилась и развилась безъ политической самостоятельности, хотя, достигнувъ уже извѣстной силы, цивилизація можетъ еще нѣсколько времени продолжаться и послѣ потери самостоятельности, какъ видимъ на примѣрѣ Грековъ. Явленіе это, изъ котораго нѣтъ ни одного исключенія въ исторіи, понятно, впрочемъ, и само по себѣ. Та же причина, которая пре-

пятствуетъ развитію личностей въ состояніи рабства, препятствуетъ и развитію народностей въ состояніи политической зависимости, такъ какъ, въ обоихъ случаяхъ, индивидуальность, имѣющая свои самостоятельныя цѣли, обращается въ служебное орудіе, въ средство для достиженія чужихъ цѣлей. Если такія обстоятельства застигнутъ личность или народность въ раннемъ возрастѣ развитія, то очевидно, что самобытность ихъ должна погибнуть. И такъ, Кельты представляютъ кажущееся исключеніе изъ перваго закона культурно-историческаго движенія только потому, что этого требуетъ второй законъ.

Внѣ семитическихъ и арійскихъ племенъ, два другія самобытныя племени, хамитское или египетское и китайское, тоже образовали своеобразные культурно-историческіе типы. Всѣ же прочія сколько-нибудь значительныя племена не образовали самобытныхъ цивилизацій,—или потому, что были, подобно кельтскому поглощены другими племенами, подчинены другимъ культурно-историческимъ типамъ (какъ, напримѣръ, племена финскія), или потому, что, живя въ странахъ малоудобныхъ для культуры, не вышли изъ состоянія дикости или кочевничества (какъ вся черная раса, какъ монгольскія и тюркскія племена). Эти племена остались на степени этнографическаго матеріала, т. е. вовсе не участвовали въ исторической жизни, или возвышались только до степени разрушительныхъ историческихъ элементовъ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія и разъясненія требуетъ третій законъ культурно-историческаго развитія. Исторія древнѣйшихъ культурно-историческихъ типовъ,—Египта, Китая, Индіи, Ирана, Ассиріи и Вавилона,—слишкомъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, чтобы можно было подвергнуть наше положеніе критикѣ самихъ событій изъ исторіи этихъ цивилизацій; но сами результаты этой исторіи вполнѣ его подтверждаютъ. Не видно, чтобы у какого-либо народа не-египетскаго происхожденія принялась египетская культура; индійская цивилизація ограничилась народами, которые говорили языками санскритскаго корня. Къ древне-семитическому культурному типу принадлежали, правда, Финикіяне и Карѳагеняне; но первые были народомъ того же корня съ Вавилонянами, а послѣдніе—колоніей Финикіянъ: цивилизація же Карѳагена не передалась Нумидянамъ и другимъ аборигенамъ Африки. Китайская цивилизація распространена между Китайцами и Японцами,—первоначально, вѣроятно, переселенцами изъ Китая же.

Евреи не передали своей культуры ни одному изъ окружавшихъ или одновременно жившихъ съ ними народовъ.

Съ Греціей вступаемъ въ область болѣе извѣстную. Греція, столь богатая своей цивилизаціей, была, однако же, слишкомъ бѣдна политической силой, чтобы думать о распространеніи эллинизма между другими народами, пока Македоняне,—народъ эллинскаго же происхожденія, или эллинизированный еще въ ранній этнографическій періодъ своей жизни,—не приняли отъ нея цивилизаціи и не сообщили ей политической силы. Представитель эллинизма—Александръ взялся не только покорить Востокъ, но и распространить въ немъ греческую цивилизацію, которая, по господствующимъ теперь теоріямъ, должна была считаться общечеловѣческою въ четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова. За эту возвышенно-гуманитарную цѣль александровыхъ завоеваній, ему прощаются его завоевательные замыслы и онъ принимаетъ, въ глазахъ исторіи, размѣры героя человѣчества. На дѣлѣ же, эти цивилизаторскіе замыслы оказались гораздо неосуществимѣе его завоевательныхъ плановъ, которые по крайней мѣрѣ удались на время. Въ восточной части александровой монархіи, черезъ 70 или 80 лѣтъ, при помощи Парѳянъ и Скиѳовъ, былъ возстановленъ культурный типъ Ирана, гдѣ и продолжалъ господствовать въ новомъ Парѳянскомъ, а потомъ въ Сассанидскомъ царствахъ. Въ западныхъ областяхъ, по сю сторону Евфрата, по-видимому, лучше принялась греческая культура. Въ Сиріи, Малой Азіи царствовали цари греческаго происхожденія; дворъ, столица и большіе города приняли греческіе обычаи и моды; греческимъ архитекторамъ, скульпторамъ, рѣзчикамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ и т. п. открылось выгодное поприще дѣятельности и выгодный сбытъ для ихъ произведеній, какъ въ наше время французскимъ модисткамъ—въ Россіи. Всего лучше пошло дѣло въ Египтѣ. Въ Александріи образовались библіотеки, музеи, академіи, процвѣла философія и положительная наука. Но кто были философы, кто ученые, на какомъ языкѣ писали они? Все—природные Греки, и все—по гречески. Собственно Египту отъ всего этого было, что̀ называется, ни тепло, ни холодно. Ученая Александрія была греческою колоніею. Птоломеи щедрою рукою покровительствовали греческимъ ученымъ, доставляли имъ всѣ средства для полезной дѣятельности, и Греки стекались сюда со всѣхъ сторонъ. При обильныхъ вспомогательныхъ средствахъ, результаты ихъ дѣятельности вышли вѣроятно

гораздо плодотворнѣе, нежели могли быть въ томъ случаѣ, если бы Греки оставались при своихъ частныхъ средствахъ, каждый въ своемъ городкѣ, во время смутъ, раздиравшихъ падавшую и разлагавшуюся Грецію; и нельзя не поблагодарить Птоломеевъ за ихъ просвѣщенную щедрость, которая принесла большую пользу греческой наукѣ; но греческая цивилизація отъ этого нисколько не передалась Египту, какъ и вообще Востоку. И теперь Англичане завели очень много весьма дѣятельныхъ и полезныхъ ученыхъ обществъ въ Калькуттѣ, но еще нисколько не передали Индіи европейской цивилизаціи. Передать цивилизацію какому-либо народу, очевидно, значитъ заставить этотъ народъ до того усвоить себѣ всѣ культурные элементы (религіозные, бытовые, соціальные, политическіе, научные и художественные), чтобъ онъ совершенно проникнулся ими и могъ продолжать дѣйствовать въ духѣ передавшаго ихъ съ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, успѣхомъ, такъ чтобы хотя отчасти стать въ уровень съ передавшимъ, быть его соперникомъ и вмѣстѣ продолжателемъ его направленія.

Ничего подобнаго, конечно, не было достигнуто при начавшейся съ Александра Македонскаго эллинизаціи Востока. Не счастливѣе ли были Греки на Западѣ? Я не говорю о греческой культурѣ въ Сициліи и южной Италіи: Пиѳагоръ и Архимедъ были такими же Греками, какъ Платонъ и Аристотель; точно такъ, какъ Франклинъ—такимъ же Англичаниномъ, какъ Локкъ или Ньютонъ; но, такъ какъ Грекамъ не удалось передать своей цивилизаціи посредствомъ завоеванія, то не были ли они вознаграждены за это передачею ея Римлянамъ, которые ихъ завоевали? Въ нѣкоторомъ смыслѣ—да, не смотря на сопротивленіе римскихъ латинофиловъ. Какіе плоды принесла бы римская цивилизація если бы ей позволили обстоятельства самобытно развиваться, объ этомъ никому не дано судить; но что Катонъ былъ правъ,—что его партія, стоявшая за самобытное развитіе, была партіею истиннаго, т. е. единственно возможнаго прогресса,—что принятіе чуждыхъ греческихъ элементовъ или отравило, или по меньшей мѣрѣ поразило безплодіемъ всѣ тѣ области жизни, въ которыя они проникли,—въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе; и только въ томъ, въ чемъ Римляне остались Римлянами, произвели они нѣчто великое. Въ нравахъ и въ бытѣ—роскошь, изнѣженность, страсть къ наслажденіямъ, умѣрявшіяся у Грековъ ихъ эстетическою природою, на все налагавшею печать мѣры и гармоніи,—

перешли у Римлянъ въ грубый развратъ, которому (за исключеніемъ развѣ Вавилона) ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было. Въ наукѣ и философіи оказалось полнѣйшее безплодіе. Немногое, что̀ было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ римское время, даже внѣ Александріи, было сдѣлано Греками же. Умозрительное, метафизическое направленіе греческаго ума было повидимому несвойственно людямъ латинской расы, и они были поражены безплодіемъ, когда, изъ подражанія Греціи, вступили въ эту область. Между тѣмъ, едва ли справедливо было бы сказать, что вообще духъ научнаго изслѣдованія былъ несвойственъ древне-италійскому племени. По немногимъ остаткамъ отъ первобытной италійской,— этрусской, цивилизаціи, можно, кажется, заключить, что Этруски съ успѣхомъ занимались наблюденіемъ природы; есть основаніе, напримѣръ, предполагать, что имъ извѣстны были громоотводы. На то же указываютъ наблюденія надъ полетомъ птицъ, надъ внутренностями животныхъ, примѣненныя пока къ религіознымъ цѣлямъ, къ гаданіямъ о судьбѣ государства и частныхъ лицъ, но которыя, при свѣтѣ греческой и особливо аристотелевой философіи, могли бы привести къ положительнымъ физіологическимъ и вообще біологическимъ изслѣдованіямъ, точно такъ же, какъ астрологія и алхимія привели къ астрономіи и химіи. Еслибъ потомки Этрусковъ продолжали слѣдовать этому, болѣе свойственному ихъ племени пути,—римская наука не была бы, можетъ быть, столь ничтожна и безплодна. Въ пластическихъ искусствахъ— было лишь подражаніе греческимъ образцамъ, по большей части Греками же производимое, между тѣмъ какъ, и въ этомъ отношеніи, въ произведеніяхъ Этрусковъ остались слѣды самобытнаго творчества, задавленные подражательностью. Въ драмѣ и эпосѣ— латинская цивилизація завѣщала потомству лишь нѣсколько цвѣтковъ подражательной поэзіи, далеко уступающей своему подлиннику и отличающейся только достоинствомъ формы, безъ всякаго оригинальнаго содержанія. Слѣдовательно, и тутъ собственно передача не удалась; она была испробована, но оказалась невозможною, потому что осталась безплодною. Совершенно противоположные результаты видимъ мы тамъ, гдѣ римскія начала остались самобытными. Вѣрность началамъ національнаго государственнаго строя сдѣлала изъ Рима относительно самое могущественное политическое тѣло изо всѣхъ когда либо существовавшихъ. Правила гражданскихъ отношеній между римскими гражданами, перешед-

шія изъ обычая въ законъ и приведенныя въ стройную систему, положили основаніе наукѣ права, и представили образецъ гражданскаго кодекса, которому удивляются юристы всѣхъ странъ. Въ архитектурѣ, гдѣ Римляне своею аркою и куполомъ осмѣлились быть самобытными, они создали Колизей и Пантеонъ, стоящіе наравнѣ съ лучшими произведеніями греческаго искусства. Наконецъ, въ поэзіи, тамъ, гдѣ она была отраженіемъ римской жизни, въ одахъ Горація, въ элегіяхъ и въ сатирѣ, Римляне расширили ея область. То же должно сказать и объ отраженіи государственной жизни въ наукѣ,—объ исторіи; и здѣсь Тацитъ стоитъ наравнѣ съ Ѳукидидомъ, не какъ подражатель, а какъ достойный соперникъ.

Сами Римляне, покоривъ, какъ обыкновенно говорится, міръ, правильнѣе же—бассейнъ Средиземнаго моря и европейское прибрежье Атлантическаго океана, насильственно передавали свою цивилизацію покореннымъ ими народамъ. Но имъ это удалось не лучше ихъ предшественниковъ. Они уничтожили зачатки самобытной культуры тамъ, гдѣ она была (какъ, напримѣръ, въ друидической Галліи), на мѣсто ихъ завели города, какъ бы колоніи римской жизни и римскаго быта; но нигдѣ не возбудили цивилизаціи, которая, сложившись изъ народныхъ элементовъ (галльскихъ, иберійскихъ, иллирійскихъ, нумидійскихъ и другихъ), имѣя своимъ органомъ національный языкъ, приняла бы римскую форму и римскій духъ. Все вѣковое господство Рима и распространеніе римской цивилизаціи имѣли своимъ результатомъ только подавленіе ростковъ самобытнаго развитія. Всѣ немногіе ученые, художники, писатели, которые родились и жили не на національной римской почвѣ, были, однако же, или потомки римскихъ колонистовъ, или облатинившіеся туземцы изъ высшихъ классовъ общества (подобно нашей ополячившейся интеллигенціи западнаго края), которые не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на массу своихъ соотечественниковъ.

Такой результатъ можетъ быть приписываемъ тому, что римская культура передавалась не путемъ свободнаго сообщенія благъ цивилизаціи, а путемъ насильственнаго покоренія, уничтожавшимъ вмѣстѣ съ политическою независимостью и всякую національную самодѣятельность. Въ этомъ есть, безъ сомнѣнія, доля правды, но далеко однако же не вся правда, какъ показываютъ приведенные уже примѣры и какъ покажутъ тѣ, которые еще приведутся.

Однимъ изъ наиболѣе способныхъ къ цивилизаціи, однимъ изъ наилучше одаренныхъ германскихъ племенъ, разрушившихъ Римскую имперію, были конечно Готы. Они проникли въ Италію и образовали могущественное царство, во главѣ котораго сталъ одинъ изъ мудрѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ государей, когда либо царствовавшихъ, Ѳеодорикъ. Онъ поставилъ себѣ, повидимому, самую благородную и гуманную цѣль—слить побѣдителей съ побѣжденными, привить къ первымъ римскую цивилизацію. Что̀ же оказалось? Готы, находясь въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ съ цивилизаціей Рима, не могли развивать своихъ національныхъ началъ, будучи подавлены ея блескомъ, а усвоить себѣ чуждыя—также не усвоили, и вмѣстѣ съ своею народностью потеряли и свою политическую силу. Еще около трехъ столѣтій продолжалъ сгущаться мракъ варварства въ Европѣ, чтобы подъ тѣнью его успѣли окрѣпнуть своебразныя начала вновь возникающаго культурно-историческаго типа, и чтобы типъ этотъ могъ начать безопасно пользоваться плодами исчезнувшей цивилизаціи, которая изъ дали прошлаго не могла уже дѣйствовать съ такою силою соблазна, какъ при непосредственномъ прикосновеніи. Видно, великій законодатель еврейскаго народа лучше Ѳеодорика понималъ законы историческаго движенія, когда заповѣдалъ своему народу, грубому и необразованному, но хранившему въ себѣ залогъ самобытнаго развитія, не вступать въ тѣсныя сношенія съ окружавшими его народами (стоявшими на высшей точкѣ культуры), дабы вмѣстѣ съ заимствованіемъ обычаевъ и нравовъ не потерять своей самобытности. Примѣръ Готовъ прекрасно показываетъ, что начала, лежащія въ народѣ одного культурно-историческаго типа (которыя, при самобытномъ развитіи, должны принести самые богатые плоды), могутъ быть искажены, уничтожены, но не могутъ быть замѣнены другими началами, составляющими принадлежность другаго культурно-историческаго типа,—иначе, какъ съ уничтоженіемъ самаго народа, т. е. съ обращеніемъ его изъ самостоятельнаго историческаго дѣятеля въ этнографическій матеріалъ, имѣющій войти въ составъ новой образующейся народности.

Неужели же, историческая дѣятельность, результаты, достигнутые жизнію одного культурно-историческаго типа, остаются совершенно безплодными для всѣхъ остальныхъ, ему современныхъ или послѣдующихъ типовъ? Неужели должны типы эти оставаться столь же чуждыми одинъ другому, какъ, напримѣръ, Китай для осталь-

наго міра? Конечно нѣтъ. Выше было уже замѣчено, что преемственные культурно-историческіе типы имѣютъ естественное преимущество передъ уединенными. Какимъ же образомъ происходитъ это преемство? Вся исторія доказываетъ, что цивилизація не передается отъ одного культурно-историческаго типа другому; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они оставались безъ всякаго воздѣйствія другъ на друга,—только это воздѣйствіе не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизація, надо себѣ точнѣе уяснить.

Самый простѣйшій способъ этого распространенія есть пересадка съ одного мѣста на другое посредствомъ колонизаціи. Такимъ образомъ Финикіяне передали свою цивилизацію Карѳагену, Греки—южной Италіи и Сициліи, Англичане—сѣверной Америкѣ и Австраліи. Если бы гдѣ-либо и когда-либо существовала общечеловѣческая цивилизація, то, очевидно, должно было бы желать въ ея интересахъ, чтобъ этотъ способъ распространенія былъ повсемѣстно употребленъ, т. е. чтобы другихъ народовъ, кромѣ выработавшихъ эту общечеловѣческую цивилизацію, вовсе не было,—точно такъ, какъ, напримѣръ, въ интересахъ земледѣлія весьма было бы желательно, чтобы никакихъ сорныхъ травъ на свѣтѣ не было; и пожалуй, какъ позволительно земледѣльцу всѣми мѣрами ихъ уничтожать, такъ было бы позволительно распространителямъ единой общечеловѣческой цивилизаціи—уничтожать прочіе народы, служащіе болѣе или менѣе тому препятствіемъ. Ибо, безъ сомнѣнія, тѣ, которые выработали цивилизацію въ наичистѣйшемъ видѣ, способны и сохранить и распространить ее по лицу земли, что̀ было бы самымъ прямѣйшимъ, легчайшимъ и дѣйствительнѣйшимъ методомъ осуществленія прогресса. Если же такая метода, не разъ впрочемъ съ успѣхомъ употребленная въ Америкѣ и другихъ мѣстахъ, показалась бы слишкомъ радикальною, то, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы народы и государства, не принадлежащія къ общечеловѣческому культурному типу, лишать силы противодѣйствія, т. е. политической самобытности (хотя бы то было посредствомъ пушекъ, или опіума,— какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ), дабы обратить ихъ современемъ въ подчиненный, служебный для высшихъ цѣлей этнографическій элементъ, мягкій, какъ воскъ и глина, принимающій безъ сопротивленія всѣ формы, которыя ему заблагоразсудятъ дать.

Другая форма распространенія цивилизаціи есть прививка, и

обыкновенно это и разумѣютъ подъ передачею цивилизаціи. Но къ сожалѣнію, прививку разумѣютъ здѣсь въ таинственномъ, мистическомъ смыслѣ, приписываемомъ этой операціи людьми, незнакомыми ни съ физіологическою теоріею, ни съ садоводною практикой,—въ томъ смыслѣ, по которому привитый глазокъ или прищепленный черенокъ обращаетъ дичекъ въ благородное плодовитое дерево, или даже яблонь въ грушу, сливу, абрикосъ, и обратно. Но въ этомъ таинственномъ, такъ сказать, волшебномъ смыслѣ, прививки нѣтъ ни между растеніями, ни между культурно-историческими типами, какъ тому представлено было довольно примѣровъ. Почка, вставленная въ разрѣзъ древесной коры, или черенокъ, прикрѣпленный къ свѣжему срѣзу ствола, нисколько не измѣняютъ характера растенія, къ которому привиты. Дичекъ остается попрежнему дичкомъ, яблонь—яблонью, груша—грушей. Привитая почка или черенокъ также сохраняютъ свою природу, только почерпаютъ нужные имъ для роста и развитія соки черезъ посредство того растенія, къ которому привиты, и переработываютъ ихъ сообразно своему специфическому формаціонному или образовательному началу. Дичекъ же обращается въ средство, въ служебное орудіе для лелѣемаго черенка или глазка, составляющихъ какъ бы искусственное чужеядное растеніе, въ пользу котораго продолжаютъ обрѣзывать вѣтви, идущія отъ самаго ствола и корня, чтобъ онѣ его не заглушали. Вотъ истинный смыслъ прививки. Такимъ точно греческимъ черенкомъ или глазкомъ была Александрія на египетскомъ деревѣ, также точно привилъ Цезарь римскую культуру къ кельтскому корню,—съ большою ли пользою для Египта и для кельтскаго племени, предоставляю судить читателямъ. Надо быть глубоко убѣжденнымъ въ негодности самаго дерева, чтобы рѣшаться на подобную операцію, обращающую его въ средство для чужой цѣли, лишающую его возможности приносить цвѣты и плоды sui generis; надо быть твердо увѣреннымъ, что изъ этихъ цвѣтовъ и плодовъ ничего хорошаго, въ своемъ родѣ, выйдти не можетъ. Какъ бы то ни было, прививка не приноситъ пользы тому, къ чему прививается,—ни въ физіологическомъ, ни въ культурно-историческомъ смыслѣ.

Наконецъ, есть еще способъ воздѣйствія цивилизаціи на цивилизацію. Это тотъ способъ, которымъ Египетъ и Финикія дѣйствовали на Грецію, Греція — на Римъ (восколько это послѣднее дѣйствіе было полезно и плодотворно), Римъ и Греція — на гер-

мано-романскую Европу. Это есть дѣйствіе, которое мы уподобимъ вліянію почвеннаго удобренія на растительный организмъ, или, что то же самое, вліянію улучшеннаго питанія на организмъ животный. За организмомъ оставляется его специфическая образовательная дѣятельность; только матеріалъ, изъ котораго онъ долженъ возводить свое органическое зданіе, доставляется въ большемъ количествѣ и въ улучшенномъ качествѣ, и результаты выходятъ великолѣпные; при томъ, всякій разъ—результаты своего рода, вносящіе разнообразіе въ область всечеловѣческаго развитія, а не составляющіе безполезнаго повторенія стараго, какъ это неминуемо должно произойти тамъ, гдѣ одинъ культурно-историческій типъ приносится въ жертву другому посредствомъ прививки, требующей, къ тому же, для своего успѣха—частаго обрѣзыванія вѣтвей, все продолжающихъ рости изъ первобытнаго ствола, не смотря на прививку. Только при такомъ свободномъ отношеніи народовъ одного типа къ результатамъ дѣятельности другаго, когда первый сохраняетъ свое политическое и общественное устройство, свой бытъ и нравы, свои религіозныя воззрѣнія, свой складъ мысли и чувствъ, какъ единственно ему свойственные, однимъ словомъ—сохраняетъ всю свою самобытность, — можетъ быть истинно плодотворно воздѣйствіе завершенной или болѣе развитой цивилизаціи на вновь вознакающую. Подъ такими условіями, народы инаго культурнаго типа могутъ и должны знакомиться съ результатами чужаго опыта, принимая и прикладывая къ себѣ изъ него то, что, такъ сказать стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, техническіе пріемы и усовершенствованія искусствъ и промышленности. Все же остальное, въ особенности все, относящееся до познанія человѣка и общества, а тѣмъ болѣе до практическаго примѣненія этого познанія, вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, а можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію—какъ одинъ изъ элементовъ сравненія,—по одной уже той причинѣ, что, при разрѣшеніи этого рода задачъ, чуждая цивилизація не могла имѣть въ виду чуждыхъ ей общественныхъ началъ, и что, слѣдовательно, рѣшеніе ихъ было только частное, только ее одну болѣе или менѣе удовлетворяющее, а не общепримѣнимое.

Четверый общій выводъ, сдѣланный на основаніи группировки историческихъ явленій по культурно-историческимъ типамъ, говоритъ намъ, что цивилизація, т. е. раскрытіе началъ, лежащихъ

въ особенностяхъ духовной природы народовъ, составляющихъ культурно-историческій типъ, подъ вліяніемъ своеобразныхъ внѣшнихъ условій, которымъ они подвергаются въ теченіи своей жизни, тѣмъ разнообразнѣе и богаче, чѣмъ разнообразнѣе, независимѣе составные элементы, т. е. народности, входящія въ образованіе типа. Самыя богатыя, самыя полныя цивилизаціи изо всѣхъ доселѣ на землѣ существовавшихъ принадлежатъ, конечно, мірамъ греческому и европейскому.

Одной изъ причинъ такой полноты и богатства нельзя не видѣть, между прочимъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что міры эти состояли изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ политическихъ единицъ, изъ которыхъ каждая, при общемъ характерѣ, свойственномъ вообще греческому и европейскому типамъ, могла свободно развивать и свои особенности, заключавшіяся въ тѣхъ политическихъ подраздѣленіяхъ, на которыя разбились эти міры, и которыя, болѣе или менѣе, соотвѣтствовали для греческаго типа племенамъ дорическому, іоническому и эолійскому, а для европейскаго—племенамъ англо-саксонскому, верхне-германскому (получившему преобладаніе въ самой Германіи), нижне-германскому (достигшему самобытнаго развитія въ Голландіи), норманскому или скандинавскому, а также племенамъ французскому, итальянскому и испанскому, происшедшимъ изъ разложившихся элементовъ римскаго и кельтскаго, измѣненныхъ подъ вліяніемъ германскаго начала. Всѣ прочіе культурно-историческіе типы были лишены такого оживляющаго разнообразія, и оказались несравненно бѣднѣе въ своихъ результатахъ. Изъ этого мы въ правѣ, кажется, заключить, что такое разнообразіе состава есть одно изъ условій полноты жизни и развитія культурно-историческихъ типовъ. Хотя разнообразіе это не можетъ быть, конечно, искусственно создаваемо тамъ, гдѣ нѣтъ для него этнографической основы,—оно, безъ сомнѣнія, необходимо для правильнаго развитія культурно-историческаго типа тамъ, гдѣ онъ имѣетъ по природѣ своей этотъ сложный характеръ. Однако, политическое раздробленіе въ средѣ одного и того же культурно-историческаго типа имѣетъ вредную сторону, состоящую въ томъ, что оно лишаетъ его политической силы, а слѣдовательно возможности успѣшнаго противодѣйствія внѣшнему насилію. Примѣръ этому также представляетъ Греція, въ которой не только всякій мелкій этнографическій оттѣнокъ, но часто даже совершенно случайныя обстоятельства служили основаніемъ для образованія самостоятельныхъ

политическихъ единицъ. Это давало возможность высказаться вполнѣ всякой особенности направленія; но за то было причиною кратковременности независимой политической жизни Греціи, такъ что она должна была доканчивать свое развитіе подъ чуждымъ игомъ. Политическая система Европы въ этомъ отношеніи несравненно лучше устроилась, потому что соединяетъ условія, требуемыя разнообразіемъ и силою. Только въ двухъ подчиненныхъ группахъ, въ Италіи и Германіи, это политическое дробленіе далеко переходило за нужные предѣлы, и вредныя слѣдствія этого не замедлили оказаться, не только на политической силѣ, но и на самой культурѣ этихъ странъ. Не только болѣе другихъ были онѣ лишены гражданской и политической свободы, но даже самое развитіе литературы и науки, сначала ускоренное благопріятными обстоятельствами, было задержано въ этихъ странахъ именно вслѣдствіе политической слабости и происходящихъ отъ того смутъ, такъ что только съ половины прошедшаго столѣтія началось сильное и самобытное развитіе въ Германіи. Нерѣдко случается слышать, что такая политическая раздробленность служила въ Германіи гарантіей свободнаго развитія науки и литературы; но позволительно, кажется мнѣ, думать, что—если бы нѣмецкій народъ составлялъ одно великое политическое цѣлое, то не нуждался бы въ такихъ жалкихъ гарантіяхъ.

При этомъ самъ собою рождается вопросъ: гдѣ же проходитъ настоящая граничная черта между требованіями національной самобытности, обезпечивающей свободное выраженіе всѣхъ особенностей направленія и разнообразіе въ жизненныхъ проявленіяхъ культурно-историческаго типа, такъ сказать—его внутреннюю независимость, и между требованіями національнаго единства, обезпечивающаго политическую силу и независимость внѣшнюю? Черта эта, кажется мнѣ, проведена весьма ясно самою природою. Народъ, говорящій языкомъ, коего отдѣльныя нарѣчія и говоры столь близки между собою, что въ практической жизни, общественной, торговой, политической, не представляютъ затрудненія къ взаимному пониманію, долженъ составлять и одно политическое цѣлое. Такъ, народъ русскій, несмотря, на различіе въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ, или народъ нѣмецкій, несмотря на болѣе сильное различіе въ нарѣчіяхъ верхне- и нижне-нѣмецкомъ, должны составлять самостоятельныя однородныя политическія цѣлыя, называемыя государствами. Напротивъ

того, для цѣлыхъ народовъ, говорящихъ на отдѣльныхъ языкахъ, принадлежащихъ къ одному лингвинистическому семейству, соотвѣтствующему самобытному культурно-историческому типу, должна предпочитаться сліянію въ одно государственное цѣлое, лишающее культурную жизнь разнообразія,—менѣе тѣсная связь, которая, смотря по обстоятельствамъ, требующимъ болѣе или менѣе тѣснаго между ними соединенія, можетъ проявляться или въ видѣ правильной федераціи, основанной на положительномъ законодательствѣ, или даже только въ видѣ политической системы (какова, напримѣръ европейская, основанная на случайныхъ трактатахъ, частое повтореніе которыхъ, вслѣдствіе тѣсныхъ сношеній, образовало родъ обычнаго международнаго права).

Такая болѣе или менѣе тѣсная связь, будетъ ли то федерація, или только политическая система государствъ, можетъ и должна существовать только между членами одного культурно-историческаго типа,—и лишь искусственно, и не иначе, какъ къ общему вреду, можетъ распространяться далѣе предѣловъ того же типа ибо общественная связь требуетъ, какъ необходимаго своего условія, подчиненія частныхъ интересовъ (личныхъ, общественныхъ, областныхъ, даже государственныхъ) болѣе общимъ интересамъ высшей группы; и слѣдовательно, если связь переходитъ за границу культурно-историческаго типа — высшей исторической единицы, то лишаетъ его должной самостоятельности въ достиженіи его цѣлей. Противъ этого нельзя возразить, что самъ культурно-историческій типъ есть понятіе подчиненное въ отношеніи къ человѣчеству, и слѣдовательно долженъ подчинять свои интересы и стремленія общимъ интересамъ человѣчества. Человѣчество не представляетъ собою чего-либо дѣйствительно конституированнаго, сознательно идущаго въ какой-либо опредѣленной цѣли,—а есть только отвлеченіе отъ понятія о правахъ отдѣльнаго человѣка, распространенное на всѣхъ ему подобныхъ. Потому, все, что̀ говорится объ обязанностяхъ въ отношеніи къ человѣчеству, приводится собственно къ обязанностямъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали; между тѣмъ какъ независимо отъ этихъ обязанностей существуютъ особыя обязанности не только къ государству, но и къ той высшей единицѣ, которую мы называемъ культурно-историческимъ типомъ. Такъ, Грекъ имѣлъ обязанности не только къ республикамъ аѳинской, спартанской, ѳивской, въ которыхъ онъ со-

стоялъ гражданиномъ, но и къ цѣлой Греціи. Фокіонъ, говорившій о необходимости подчиненія Филиппу или Александру, не могъ почитаться дурнымъ гражданиномъ, хотя, въ этомъ отношеніи, частные интересы Аѳинъ, повидимому, не совпадали съ интересами Греціи; но Аѳинянинъ, который бы сталъ проповѣдывать о подчиненіи Персамъ или (въ позднѣйшее время) Римлянамъ, долженствовалъ бы считаться измѣнникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; и это вовсе не потому, что Греція, какъ Греція, имѣла нѣкоторыя общія учрежденія, какъ напримѣръ, Амфиктіоновъ судъ, Дельфійскій оракулъ и т. п., а потому, что Греція имѣла свои общіе интересы, основанные на самой природѣ вещей, на сущности эллинизма, которые могли и долженствовали быть понятными для всякаго истиннаго и хорошаго Грека, какимъ и былъ въ дѣйствительности Фокіонъ. Тоже самое относится и къ Европѣ въ ея настоящихъ и естественныхъ границахъ, — какъ къ культурно-исторической единицѣ, объемлющей собою германо-романскій міръ. Слово „европейскій интересъ" не есть простое слово для Француза, Нѣмца или Англичанина, а имѣетъ смыслъ каждому изъ нихъ понятный, независимо отъ интересовъ Англіи, Германіи или Франціи, которые, будучи здраво поняты, не могутъ и противорѣчить болѣе общимъ интересамъ Европы. Это однако же совершенно извращается, если нарушены истинныя границы культурно-историческаго типа.

Но что̀ же такое интересъ человѣчества? Кѣмъ сознаваемъ онъ, кромѣ одного Бога, которому, слѣдовательно, только и принадлежитъ веденіе его дѣлъ? Безъ сомнѣнія, въ интересахъ человѣчества лежало, чтобы Римъ былъ разрушенъ, и на мѣстѣ его цивилизаціи временно воцарилось варварство; но конечно ни одинъ Римлянинъ и ни одинъ Германецъ не зналъ и не могъ знать, что этого требовалъ интересъ человѣчества; каждый же изъ нихъ,— если не понималъ, то по крайней мѣрѣ чувствовалъ, чего требовалъ интересъ того племени, къ которому онъ принадлежалъ. Не могло ли даже казаться, что интересы человѣчества требовали, чтобы Германцы спокойно оставались въ своихъ лѣсахъ и не тревожили своими нападеніями вмѣстилища тогдашней всемірной цивилизаціи и тогдашняго прогресса? Нечего сказать, большую услугу оказалъ бы человѣчеству какой-нибудь древне-германскій мудрецъ или вождь, который, будучи убѣжденъ въ этой гуманитарной мысли, имѣлъ бы достаточно вліянія, дабы убѣдить своихъ соотечествен-

никовъ въ такомъ сообразномъ съ интересами человѣчества образѣ дѣйствій. Но, съ другой стороны, сознаніе той пользы для человѣчества, которая имѣла произойти отъ нашествія варваровъ (если бы это сознаніе было даже возможно), конечно не только не могло обязывать римскаго гражданина содѣйствовать такому вожделѣнному для человѣчества событію, но не могло бы даже оправдывать его отъ обвиненія въ измѣнѣ за дѣятельность, въ эту сторону направленную. Такимъ образомъ, если та группа, которой мы придаемъ названіе культурно-историческаго типа, и не есть абсолютно высшая, то она, во всякомъ случаѣ, высшая изо всѣхъ тѣхъ, интересы которыхъ могутъ быть сознательными для человѣка, и составляетъ слѣдовательно послѣдній предѣлъ, до котораго можетъ и должно простираться подчиненіе низшихъ интересовъ высшимъ, пожертвованіе частныхъ цѣлей общимъ.

Изъ неразличенія этой тѣсной связи, которая всегда существуетъ между членами одного культурно-историческаго типа, отъ тѣхъ совершенно внѣшнихъ и какъ-бы случайныхъ отношеній, которыя существуютъ между народами разныхъ типовъ, вывели, между прочимъ, одно изъ характеристическихъ отличій, такъ называемой, новой исторіи — отъ древней, — отличіе, по которому народы древняго міра развивались будто бы отдѣльно одинъ отъ другаго, а напротивъ того, связь между народами новаго міра такъ тѣсна, что невозможно отдѣлить исторіи одного народа отъ исторіи другаго. Конечно, связь исторіи народовъ германо-романскаго типа весьма тѣсна, но тѣсна потому, что это собственно исторія одного цѣлаго, и такую же точно тѣсную связь представляетъ исторія государствъ Греціи. Какъ никто не думаетъ объ отдѣльной исторіи Аѳинъ или Спарты, такъ точно нечего бы говорить объ отдѣльной исторіи Франціи, Италіи или Германіи; такой исторіи, собственно говоря, на дѣлѣ и нѣтъ вовсе, а есть только исторія Европы съ французской, итальянской, англійской или нѣмецкой точки зрѣнія, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на событія каждой изъ этихъ странъ. Какъ скоро же мы выйдемъ изъ границъ культурнаго типа, будетъ ли то въ древнія или въ новыя времена, то общая исторія разныхъ типовъ становится въ обоихъ случаяхъ одинаково невозможною безъ самыхъ странныхъ натяжекъ, состоящихъ въ дѣленіи на періоды, при которыхъ событія одного типа совершенно произвольнымъ образомъ разрываются сообразно съ ходомъ происшествій въ другомъ. Какъ въ

древнемъ мірѣ исторія Греціи и исторія Персіи, напримѣръ, остаются совершенно отдѣльными, за исключеніемъ внѣшнихъ войнъ, приводившихъ ихъ временно въ чисто внѣшнее соприкосновеніе, также точно и въ новомъ времени, исторія Россіи, или исторія магометанскаго востока, имѣетъ въ сущности только временныя, случайныя точки соприкосновенія съ исторіей Европы; и всякое стараніе связать историческую жизнь Россіи внутреннею органическою связью съ жизнію Европы—постоянно вело лишь къ пожертвованію самыми существенными интересами Россіи. Можно только сказать,—что въ новыя времена, вслѣдствіе улучшеній въ мореплаваніи и вообще въ средствахъ сообщенія, сношенія между народами разныхъ типовъ сдѣлались чаще, но не стали отъ этого нисколько тѣснѣе. Китай и Индія—все такой же, чуждый Европѣ міръ, каковымъ онъ былъ для Греціи и Рима, хотя теперь между ними и безпрестанно снуютъ корабли, тогда какъ прежде—разъ въ годъ совершался обмѣнъ между произведеніями бассейна Средиземнаго моря и юга Азіи, черезъ Александрію.

Пятый законъ культурно-историческаго движенія состоитъ въ томъ, что періодъ цивилизаціи каждаго типа сравнительно очень коротокъ, истощаетъ силы его, и вторично не возвращается. Подъ періодомъ цивилизаціи разумѣю я время, въ теченіе котораго народы, составляющіе типъ,—вышедъ изъ безсознательной, чисто-этнографической формы быта (что̀ собственно должно бы соотвѣтствовать такъ-называемой древней исторіи), создавъ, укрѣпивъ и оградивъ свое внѣшнее существованіе, какъ самобытныхъ политическихъ единицъ (что̀ собственно составляетъ содержаніе всякой средней исторіи),—проявляютъ преимущественно свою духовную дѣятельность во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, для которыхъ есть залоги въ ихъ духовной природѣ, не только въ отношеніи науки и искусства, но и въ практическомъ осуществленіи своихъ идеаловъ правды, свободы, общественнаго благоустройства и личнаго благосостоянія. Оканчивается же этотъ періодъ тѣмъ временемъ, когда изсякаетъ творческая дѣятельность въ народахъ извѣстнаго типа: они или успокоиваются на достигнутомъ ими, считая завѣтъ старины вѣчнымъ идеаломъ для будущаго, и дряхлѣютъ въ *апатіи самодовольства* (какъ напримѣръ Китай); или достигаютъ до неразрѣшимыхъ съ ихъ точки зрѣнія антиномій, противорѣчій,—доказывающихъ, что ихъ идеалъ (какъ, впрочемъ, и все человѣческое) былъ неполонъ, одностороненъ, ошибоченъ, или что

неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства отклонили его развитіе отъ прямаго пути,—въ этомъ случаѣ наступаетъ разочарованіе, и народы впадаютъ въ *апатію отчаянія*. Такъ было въ римскомъ мірѣ, во время распространенія христіанства. Впрочемъ, примѣръ Византіи показываетъ, что эта вторая форма не можетъ быть продолжительна и переходитъ въ первую, если, послѣ изсякновенія нравственнаго принципа жизни, народы не сметаются внѣшними бурями, не обращаются снова въ первобытную энтографическую форму быта, изъ коего снова можетъ возникнуть историческая жизнь. Періодъ цивилизаціи можетъ считаться для римскаго міра съ окончанія пуническихъ войнъ и покоренія Греціи до третьяго вѣка по Р. Х., т. е. около 400 лѣтъ. Для Греціи—отъ начала пятаго вѣка до Р. Х. и до окончанія плодотворной дѣятельности александрійской школы тоже въ третьемъ вѣкѣ, т. е. около 6 столѣтій; но, съ уничтоженіемъ самобытности Греціи, цивилизація эта ограничилась одною сферою науки, наиболѣе отвлеченною и могущею всего долѣе сохранять свою жизненность, по оторваніи отъ родной почвы. Время цивилизаціи индійской также продолжается не долѣе нѣсколькихъ столѣтій. Для Евреевъ его можно считать отъ временъ Самуила до временъ Ездры и послѣднихъ пророковъ, т. е. отъ 5 до 6 столѣтій.

Если періодъ цивилизаціи бываетъ относительно такъ кратокъ, то за то предшествующее ему время,—и особливо древній или этнографическій періодъ, начинающійся съ самаго момента выдѣленія культурно-историческаго племени отъ сродственныхъ съ нимъ племенъ,—бываетъ чрезвычайно длиннымъ. Въ этотъ-то длинный подготовительный періодъ, измѣряемый тысячелѣтіями, собирается запасъ силъ для будущей сознательной дѣятельности, закладываются тѣ особенности въ складѣ ума, чувства и воли, которыя составляютъ всю оригинальность племени, налагаютъ на него печать особаго типа общечеловѣческаго развитія и даютъ ему способность къ самобытной дѣятельности,—безъ чего племя было бы общимъ мѣстомъ, безполезнымъ, лишнимъ, напраснымъ историческимъ плеоназмомъ въ ряду другихъ племенъ человѣческихъ. Эти племенныя особенности, какова бы ни была ихъ первоначальная причина, выражаются въ языкѣ (вырабатывающемся въ этотъ длинный періодъ времени), въ миѳическомъ міровоззрѣніи, въ эпическихъ преданіяхъ, въ основныхъ формахъ быта, т. е. въ отношеніяхъ—какъ ко внѣшней природѣ, источнику матеріальнаго су-

ществованія, такъ и къ себѣ подобнымъ. Если бы въ племени не выработалось особенно психологическаго строя, то какимъ бы образомъ могли произойти столь существенныя различія въ логическомъ построеніи языковъ? Отчего одинъ народъ такъ заботится объ отличеніи всѣхъ оттѣнковъ времени, а другой (какъ славянскій) почти вовсе опускаетъ ихъ изъ виду, но обращаетъ вниманіе на качества дѣйствія; одинъ употребляетъ, какъ вспомогательное средство при спряженіи, глаголъ *имѣть*, другой же— глаголъ *быть* и т. д.? Сравнительная филологія могла бы служить основаніемъ для сравнительной психологіи племенъ, если бы кто успѣлъ прочесть въ различіи грамматическихъ формъ различія въ психическихъ процессахъ и въ воззрѣніяхъ на міръ, отъ которыхъ первыя получили свое начало.

Если этнографическій періодъ есть время собиранія, время заготовленія запаса для будущей дѣятельности, то періодъ цивилизаціи есть время растраты,—растраты полезной, благотворной, составляющей цѣль самаго собиранія, но все таки растраты; и, какъ бы ни былъ богатъ запасъ силъ, онъ не можетъ наконецъ не оскудѣть и не истощиться,—тѣмъ болѣе, что во время возбужденной дѣятельности, порождающей цивилизацію и порождаемой ею, живется скоро. Каждая особенность въ направленіи, образовавшаяся втеченіе этнографическаго періода, проявляясь въ періодъ цивилизаціи, должна непремѣнно достигнуть своего предѣла, далѣе котораго идти уже нельзя, или, по крайней мѣрѣ, такого, откуда дальнѣйшее поступательное движеніе становится уже медленнымъ и ограничивается одними частными пріобрѣтеніями и усовершенствованіями. Тогда происходитъ застой въ жизни, прогрессъ останавливается, ибо безконечное развитіе, безконечный процессъ въ одномъ и томъ же направленіи (а еще болѣе — во всѣхъ направленіяхъ разомъ) есть очевидная невозможность. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ возможно, чтобы существо ограниченное, какъ человѣкъ, могло безконечно развиваться и совершенствоваться, не измѣняясь въ то же время въ своей природѣ, т. е. не переставъ наконецъ быть человѣкомъ? Я знаю, что тѣмъ, которые думаютъ, будто бы подобное происшествіе изъ тысячи и одной ночи или Овидіевыхъ метаморфозъ уже случилось разъ съ обезьянами (которыя, не выдержавъ натиска прогресса, превратились въ людей), и будто бы въ концѣ концовъ человѣкъ ничто иное, какъ усовершенствованная губка или инфузорія,—не покажется страннымъ, что и форма

человѣка, сдѣлавшись слишкомъ тѣсною для прогресса, превратится, по щучьему велѣнью, еще во что нибудь болѣе совершенное; но могу вывести изъ этого только то заключеніе, что ложное основаніе, къ чему бы его ни примѣнили (къ исторіи, или къ зоологіи), приведетъ къ ложнымъ выводамъ, и что къ числу самыхъ высочайшихъ нелѣпостей, когда-либо приходившихъ въ человѣческую голову, принадлежитъ и мысль о безконечномъ развитіи или безконечномъ прогрессѣ. Никто не скажетъ, чтобы голова Кювье была лучше устроена, чѣмъ голова Аристотеля,—чтобы умъ Лапласа былъ проницательнѣе ума Архимеда,—чтобы Кантъ мыслилъ лучше Платона,—чтобы Фридрихъ и Наполеонъ имѣли болѣе быстрый военный взглядъ, болѣе глубокія тактическія и стратегическія соображенія, чѣмъ Аннибалъ и Цезарь; еще менѣе скажетъ кто нибудь, чтобы пониманіе красоты было выше у Кановы и Торвальдсена, чѣмъ у Фидія и Праксителя; но несомнѣнно, что масса научнаго матеріала, сложность отношеній въ мирѣ и войнѣ безмѣрно увеличились, такъ что выполненіе задачи ученаго, полководства, государственнаго мужа, — стоитъ гораздо болѣе времени и труда теперь, чѣмъ прежде. За то Аристотель могъ съ успѣхомъ заниматься зоологіей, ботаникой, физикой, логикой, метафизикой, политикой, теоріей изящныхъ искусствъ, а Кювье—только зоологіей; но и эта наука стала уже теперь слишкомъ сложна, чтобы возможно было обнять всѣ ея отрасли одному человѣку; поэтому, по мѣрѣ того какъ съуживается кругозоръ ученыхъ,—открытія должны принимать все болѣе и болѣе характеръ частностей. Этому стараются пособить раздѣленіемъ труда и систематическимъ соединеніемъ усилій отдѣльныхъ лицъ,—посредствомъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ, конгрессовъ и т. п.; но это искуственное объединеніе, вполнѣ удовлетворительное для фабрики и имѣющее свою пользу и въ научномъ отношеніи, не можетъ, однако, замѣнить собою естественнаго сосредоточенія разностороннихъ матеріаловъ въ умѣ одного человѣка. Такимъ образомъ, усложненіе, нераздѣльное съ совершенствованіемъ, кладетъ необходимый предѣлъ существенному прогрессу въ той отрасли человѣческаго вѣдѣнія (или вообще человѣческой дѣятельности), на которую въ теченіе долгаго времени было обращено вниманіе,—въ томъ направленіи, на которое преимущественно употреблялись усилія. Дабы поступательное движеніе вообще не прекратилось въ жизни всего человѣчества, необходимо,—чтобы, дойдя въ одномъ направ-

леніи до извѣстной степени совершенства, началось оно съ новой точки исхода и шло по другому пути, т. е., надо, чтобы вступили на поприще дѣятельности другія психическія особенности, другой складъ ума, чувствъ и воли, которыми обладаютъ только народы другаго культурно-историческаго типа.

Прогрессъ, какъ мы сказали выше, состоитъ не въ томъ, чтобы идти все въ одномъ направленіи (въ такомъ случаѣ онъ скоро бы прекратился), а въ томъ, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, во всѣхъ направленіяхъ. По этому, ни одна цивилизація не можетъ гордиться тѣмъ, чтобъ она представляла высшую точку развитія, въ сравненіи съ ея предшественницами или современницами,—во всѣхъ сторонахъ развитія. Такъ, въ отношеніи идеи красоты—греческій міръ дошелъ, можно сказать, до крайняго предѣла совершенства, и новая европейская цивилизація не произвела ничего такого, что̀ бы могло не только затмить, но даже сравняться съ произведеніями греческаго пластическаго искусства, которое поэтому изучается наравнѣ съ природою, какъ самое полное и лучшее ея истолкованіе. Греческое искусство сдѣлалось достояніемъ всего человѣчества, собственностью послѣдующихъ цивилизацій, но именно—только собственностью, т. е. тѣмъ, чѣмъ онѣ могутъ пользоваться, наслаждаться,—что̀ онѣ могутъ понимать, но не пріобрѣтать вновь, какъ пріобрѣли его Греки, а тѣмъ менѣе идти въ томъ же направленіи дальше. Потому народы европейскаго культурнаго типа пошли по другому направленію, по пути аналитическаго изученія природы, и создали положительную науку, которой ничего подобнаго не представляетъ никакая другая цивилизація. Конечно, духовные дары народовъ каждаго типа не такъ односторонни, чтобъ исключительно преслѣдовать одну сторону жизни,—чтобы Греки осуществляли только изящное и прекрасное, а Европейцы—одно положительное знаніе. И Греки сдѣлали много для науки, выставили даже одного генія—Аристотеля, который среди греческаго міра былъ какъ бы предвозвѣстникомъ европейскаго направленія. Точно также и Европейцы сдѣлали много для искусства, и если не въ состояніи были повести его далѣе, то расширили его область. Въ чистой области прекраснаго, т. е. въ красотѣ формы и въ полной гармоніи содержанія съ формой, народы германо-романскаго міра конечно не произвели ничего подобнаго поэмамъ Гомера, статуямъ Фидія или трагедіямъ Софокла; но зато пошли далѣе въ

глубинѣ психическаго анализа, въ выраженіи характеровъ, въ живописи страстей, хотя и не безъ нарушенія гармоніи формы. Тамъ же, гдѣ они думали идти по стопамъ древнихъ, какъ во французской псевдоклассической трагедіи,—произвели только каррикатуры. Подобнымъ образомъ, высшія религіозныя идеи вырабатывались только семитическими племенами. Этимъ я вовсе не думаю отвергать сверхъестественности полученнаго Евреями откровенія,—ибо и въ этомъ случаѣ только семитическое племя (безъ сомнѣнія по особенностямъ своей психической природы) могло принять и сохранить ввѣренную ему истину единобожія. То же примѣняется и къ болѣе частнымъ сферамъ. Система гражданскаго права, выработанная римскою жизнью, составляетъ до сихъ поръ недосягаемый образецъ. Не имѣетъ себѣ также ничего подобнаго величіе политическаго зданія, созданнаго небольшимъ римскимъ народомъ, который, жертвуя всѣмъ носимому имъ въ душѣ идеалу вѣчнаго государства, умѣлъ привить духъ свой столькимъ чуждымъ народностямъ, заставить ихъ—поклоняться его идолу и даже признать его идола своимъ. Съ Римомъ сравниваютъ часто въ этомъ отношеніи Англію, но ничто не можетъ быть несправедливѣе такого сравненія. Англія даже собственныя свои колоніи, населенныя англійскимъ же народомъ, не умѣла заставить раздѣлять чувства ея государственнаго величія, а ужъ о прививкѣ этого чувства къ другимъ народностямъ и говорить нечего. Я говорю это вовсе не въ укоръ ей; какъ достоинства, такъ и недостатки Англіи—совершенно инаго рода. Скорѣе за Франціей можно признать этотъ римскій духъ, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ; а желаніе вполнѣ ему подражать въ большихъ размѣрахъ (какъ во времена Карла Великаго, такъ и во времена Людовика XIV и Наполеона) произвело опять таки одни каррикатуры, окончившіяся совершеннымъ фіаско.

Эта двойственность въ жизни культурно-историческихъ племенъ, выражающаяся въ неопредѣленно-длинномъ періодѣ образовательномъ, когда безсознательнымъ образомъ заготовляется матеріалъ и кладутся основы будущей дѣятельности, и въ сравнительно-краткомъ проявительномъ или дѣятельномъ періодѣ, когда эти запасы истрачиваются на созданіе цивилизаціи,—имѣетъ своимъ посредникомъ тотъ промежутокъ времени, въ который народы приготовляютъ, такъ-сказать, мѣсто для своей дѣятельности, строятъ государство и ограждаютъ свою политическую независимость,

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОТНОШЕНІЕ НАРОДНАГО КЪ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ.

$a+b > a$

Изъ любой алгебры.

Отношеніе національнаго къ общечеловѣческому обыкновенно представляютъ себѣ какъ противоположность случайнаго—существенному, тѣснаго и ограниченнаго—просторному и свободному,—какъ ограду, пеленки, оболочку куколки, которыя надо прорвать чтобы выйти на свѣтъ Божій,—какъ бы рядъ обнесенныхъ заборами двориковъ и клѣтокъ, окружающихъ обширную площадь, на которую можно выйти лишь разломавъ перегородки. Общечеловѣческимъ геніемъ считается такой человѣкъ, который силою своего духа успѣваетъ вырваться изъ путъ національности и вывести себя и своихъ современниковъ (въ какой бы то ни было категоріи дѣятельности) въ сферу общечеловѣческаго. Цивилизаціонный процессъ развитія народовъ заключается именно въ постепенномъ отрѣшеніи отъ случайности и ограниченности національнаго, для вступленія въ область существенности и всеобщности общечеловѣческаго. Такъ и заслуга Петра Великаго состояла именно въ томъ, что онъ вывелъ насъ изъ плѣна національной ограниченности и ввелъ въ свободу чадъ человѣчества, по крайней мѣрѣ указалъ путь къ ней. Такое ученіе развилось у насъ въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, до литературнаго погрома 1848 года. Главными его представителями и поборниками были Бѣлинскій и Грановскій; послѣдователями—такъ-называемые западники, къ числу которыхъ принадлежали, впрочемъ, почти всѣ мыслившіе и даже просто образованные люди того времени; органами—*Отечественныя Записки* и *Современникъ*; источниками—германская философія и французскій соціализмъ; единственными противниками—малочисленные славянофилы, стоявшіе особнякомъ и возбуждавшіе всеобщій смѣхъ и глумленіе. Такое направленіе было

своей государственности, при Кирѣ и Даріѣ, теряетъ свой самобытный характеръ вслѣдствіе инкорпораціи древне-семитической цивилизаціи Ассиріи, Вавилона и Финикіи (имѣвшей на него то же вредное вліяніе, какъ Греція на Римъ, безъ полезныхъ сторонъ послѣдняго), такъ и потому, что неоднократно возобновляемая государственность Ирана послѣдовательно разрушается Македонянами, Арабами и Монголами. Что̀ касается до исторіи древнѣйшихъ культурныхъ типовъ, то она такъ неполна и отрывочна, что смыслъ ея событій совершенно ускользаетъ. Впрочемъ, изъ данныхъ, представляемыхъ исторіею извѣстныхъ культурно-историческихъ типовъ, можно вывести какъ общую черту государственнаго періода ихъ развитія—потерю большей или меньшей части первобытной племенной независимости (племенной воли въ той, или въ другой формѣ), и какъ общую же черту цивилизаціоннаго періода—стремленіе къ освобожденію отъ этой зависимости и къ замѣнѣ утраченной древней воли правильною свободой,—замѣнѣ, которая впрочемъ еще ни разу вполнѣ не была достигнута. Пока ограничиваюсь этимъ намекомъ, предоставляя себѣ развитіе этой мысли впослѣдствіи на своемъ мѣстѣ; теперь же обращусь къ разбору господствующаго мнѣнія объ отношеніяхъ національнаго къ общечеловѣческому.

Выше я старался показать, что правильная, сообразная съ законами естественной системы группировка историческихъ явленій приводитъ насъ къ тому выводу, что до сихъ поръ развитіе человѣчества шло не иначе, какъ черезъ посредство самобытныхъ культурно-историческихъ типовъ, соотвѣтствующихъ великимъ племенамъ, т. е. черезъ посредство самобытныхъ національныхъ группъ;—остается показать, что оно иначе и идти не можетъ.

устраняя все, имѣвшее сколько-нибудь характеръ случайности и относительности, схватилась бороться съ самимъ абсолютнымъ и, казалось, одолѣла его. Также точно, соціализмъ думалъ найти общія формы общественнаго быта, въ своемъ родѣ также абсолютныя, могущія осчастливить все человѣчество, безъ различія времени, мѣста или племени. При такомъ направленіи умовъ понятно было увлеченіе общечеловѣческимъ. Само ученіе славянофиловъ было не чуждо оттѣнка гуманитарности, что̀, впрочемъ, иначе и не могло быть, потому что оно также имѣло двоякій источникъ: германскую философію, къ которой оно относилось только съ бо̀льшимъ пониманіемъ и съ бо̀льшею свободой, чѣмъ его противники, и изученіе началъ русской и вообще славянской жизни—въ религіозномъ, историческомъ, поэтическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Если оно напирало на необходимость самобытнаго національнаго развитія, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже высказаться, въ теченіе долговременнаго развитія, односторонность и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ, считало, будто бы славянамъ суждено разрѣшить общечеловѣческую задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой задачи однакоже вовсе и не существуетъ—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы ей когда нибудь послѣдовало конкретное рѣшеніе, чтобы когда нибудь какое либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остальнаго человѣчества. Задача человѣчества состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными племенами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей направленія, которыя лежатъ виртуально (въ возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества. Если бы, когда человѣчество совершитъ весь свой путь или, правильнѣе, всѣ свои пути, нашелся кто-либо, могущій обозрѣть все пройденное, всѣ разнообразные типы развитія, во всѣхъ ихъ фазисахъ, тотъ могъ бы составить себѣ понятіе объ идеѣ, осуществленіе которой составляло жизнь человѣчества,—рѣшить задачу человѣчества; но это рѣшеніе было бы только идеальное постиженіе ея, а не реальное осуществленіе. Какая форма растительнаго царства осуществляетъ наиполнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ образомъ—идею или, пожалуй, задачу растенія: пальма, или кипарисъ? дубъ, лавръ, или розанъ? Очевидно, что такой формы вовсе нѣтъ,—что иная сторона растительной жизни выражается совершеннѣе мхомъ, чѣмъ

болѣе развитыми формами. Полное осуществленіе идеи растенія заключается лишь во всемъ разнообразіи проявленій, къ которому она способна, во всѣхъ типахъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія растительнаго царства, и можетъ быть только идеально постигаемо, а не реально осуществляемо. Можетъ показаться, что это иначе въ царствѣ животномъ. Человѣкъ кажется высшимъ осуществленіемъ идеи животнаго. Нисколько! Человѣкъ, какъ животное, во многомъ стоитъ гораздо ниже другихъ животныхъ. Свободное движеніе принадлежитъ, конечно, къ идеѣ животнаго; но человѣкъ несравненно хуже двигается въ водѣ, чѣмъ рыба, въ воздухѣ—чѣмъ птица, на землѣ—чѣмъ лошадь, олень или собака, на деревѣ—чѣмъ обезьяна или бѣлка, и т. д., хуже даже при посредствѣ искусственно созданныхъ имъ себѣ органовъ, пароходовъ, паровозовъ, воздушныхъ шаровъ, и т. д. Къ понятію о животности принадлежитъ также способность превращать въ составныя части своего собственнаго тѣла извнѣ почерпаемое вещество; и въ этомъ отношеніи, пищеварительные органы лошади или коровы гораздо совершеннѣе устроены, потому что способны извлекать химически однородныя съ ихъ тѣломъ части изъ веществъ столь мало питательныхъ (т. е. столь мало этихъ частей въ себѣ заключающихъ), какъ трава. Способность получать впечатлѣнія отъ предметовъ внѣшняго міра есть также одна изъ принадлежностей животности; и тутъ, зрѣніе орла или сокола—гораздо превосходнѣе человѣческаго: это настоящія зрительныя трубы, которыя могутъ приспособляться къ зрѣнію вблизи и къ зрѣнію вдали; обоняніе собакъ безконечно совершеннѣе, чѣмъ у человѣка; слухъ или осязаніе летучихъ мышей равняется какъ бы шестому чувству, удостовѣряющему ихъ въ присутствіи предметовъ, до которыхъ онѣ н прикасаются и которыхъ не видятъ. Животное совершенство человѣка заключается только въ томъ, что онъ изо всѣхъ живо ныхъ—наименѣе животное, и потому способенъ къ соединенію духомъ, который долженъ побѣдить эти остатки животности. Сл довательно, и животность осуществляется вполнѣ также не въ одн какой либо формѣ, а во всѣхъ типахъ и во всѣхъ ступеняхъ р витія животнаго царства. Возьмемъ отдѣльно человѣка: ка возрастъ осуществляетъ вполнѣ всѣ стороны его природы? ко достигаютъ всѣ его особенности своего наивысшаго развитія?] когда. Въ однихъ отношеніяхъ онъ бываетъ, такъ сказать, впо. человѣкомъ только въ зрѣломъ возрастѣ, въ другихъ—въ юно

скомъ, въ третьихъ—въ старческомъ (опытность), въ нѣкоторыхъ—даже въ дѣтскомъ (память), и полнымъ человѣкомъ называемъ мы того, который совершенно проявилъ все разнообразіе своей природы во всѣхъ фазисахъ своего развитія. Итакъ, и идея человѣка можетъ быть постигаема только черезъ соединеніе всѣхъ моментовъ его развитія, а не реально осуществляема въ одинъ опредѣленный моментъ; хотя тутъ есть то существенное различіе, что человѣкъ сохраняетъ сознаніе своей индивидуальности черезъ всѣ возрасты, черезъ которые прошелъ, и, слѣдовательно, это идеальное постиженіе выполненія имъ своей задачи—можетъ имъ почитаться за реальное ея осуществленіе. Еслибы, однако, человѣкъ осуществилъ свою задачу въ одинъ фазисъ (въ одинъ моментъ) своего существованія, то—вслѣдствіе единства сознанія—могъ бы еще видѣть въ этомъ частномъ осуществленіи вознагражденіе за недостаточность ея полнаго рѣшенія во всѣ времена своей жизни; но ни человѣчество, какъ существо коллективное, ни отдѣльный какой либо человѣкъ не носятъ въ себѣ сознанія человѣчества. Поэтому—какой удовлетворительный смыслъ имѣло бы полное осуществленіе задачи человѣчества въ какой либо моментъ его исторіи? Чтò значила бы цивилизація, которая соединила бы въ себѣ (еслибы даже это было возможно и совмѣстимо) всѣ стороны въ отдѣльности, проявленныя доселѣ разными культурно-историческими типами,—соединила бы: совершенство положительной науки, достигнутое цивилизаціей Европы; полное развитіе и осуществленіе идеи изящнаго, какъ во времена Грековъ; живое религіозное чувство и сознаніе—Евреевъ или первыхъ вѣковъ христіанства, богатство фантазіи Индіи, прозаическое стремленіе къ практически-полезному—Китая, государственное величіе Рима и т. д.,—довела бы еще это все до высшей степени развитія, съ прибавленіемъ идеально совершеннаго общественнаго строя? Какой удовлетвительный смыслъ имѣлъ бы этотъ—нѣсколько вѣковъ, или хотя бы и тысячелѣтій, продолжающійся золотой вѣкъ, въ сравненіи со всѣми прежде истекшими тысячелѣтіями? Чтобы придать ему этотъ смыслъ, нужно принять фантазіи Леру (De l'humanité) или Петри (Die mystischen Ersheinungen der menschilichen Natur) о существованіи какого-то деміурга,—духа земли, который всю коллективную жизнь человѣчества сознаетъ какъ свою индивидуальную. Иначе, всѣ усилія отдѣльныхъ цивилизацій, изъ которыхъ каждая осуществила наиполнѣйшимъ образомъ извѣстную

болѣе развитыми формами. Полное осуществленіе идеи растенія заключается лишь во всемъ разнообразіи проявленій, къ которому она способна, во всѣхъ типахъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія растительнаго царства, и можетъ быть только идеально постигаемо, а не реально осуществляемо. Можетъ показаться, что это иначе въ царствѣ животномъ. Человѣкъ кажется высшимъ осуществленіемъ идеи животнаго. Нисколько! Человѣкъ, какъ животное, во многомъ стоитъ гораздо ниже другихъ животныхъ. Свободное движеніе принадлежитъ, конечно, къ идеѣ животнаго; но человѣкъ несравненно хуже двигается въ водѣ, чѣмъ рыба, въ воздухѣ—чѣмъ птица, на землѣ—чѣмъ лошадь, олень или собака, на деревѣ—чѣмъ обезьяна или бѣлка, и т. д., хуже даже при посредствѣ искусственно созданныхъ имъ себѣ органовъ, пароходовъ, паровозовъ, воздушныхъ шаровъ, и т. д. Къ понятію о животности принадлежитъ также способность превращать въ составныя части своего собственнаго тѣла извнѣ почерпаемое вещество; и въ этомъ отношеніи, пищеварительные органы лошади или коровы гораздо совершеннѣе устроены, потому что способны извлекать химически однородныя съ ихъ тѣломъ части изъ веществъ столь мало питательныхъ (т. е. столь мало этихъ частей въ себѣ заключающихъ), какъ трава. Способность получать впечатлѣнія отъ предметовъ внѣшняго міра есть также одна изъ принадлежностей животности; и тутъ, зрѣніе орла или сокола—гораздо превосходнѣе человѣческаго: это настоящія зрительныя трубы, которыя могутъ приспособляться къ зрѣнію вблизи и къ зрѣнію вдали; обоняніе собакъ безконечно совершеннѣе, чѣмъ у человѣка; слухъ или осязаніе у летучихъ мышей равняется какъ бы шестому чувству, удостовѣряющему ихъ въ присутствіи предметовъ, до которыхъ онѣ не прикасаются и которыхъ не видятъ. Животное совершенство человѣка заключается только въ томъ, что онъ изо всѣхъ животныхъ—наименѣе животное, и потому способенъ къ соединенію съ духомъ, который долженъ побѣдить эти остатки животности. Слѣдовательно, и животность осуществляется вполнѣ также не въ одной какой либо формѣ, а во всѣхъ типахъ и во всѣхъ ступеняхъ развитія животнаго царства. Возьмемъ отдѣльно человѣка: какой возрастъ осуществляетъ вполнѣ всѣ стороны его природы? когда достигаютъ всѣ его особенности своего наивысшаго развитія? Никогда. Въ однихъ отношеніяхъ онъ бываетъ, такъ сказать, вполнѣ человѣкомъ только въ зрѣломъ возрастѣ, въ другихъ—въ юноше-

національную принадлежность европейскихъ народовъ; а анархическая свобода протестантизма—за общечеловѣческую форму христіанства; или: религіозная нетерпимость и вмѣшательство церкви во всѣ государственныя, гражданскія и семейныя отношенія—почитается узко-національнымъ явленіемъ, свойственнымъ среднимъ вѣкамъ, т. е. національному періоду жизни европейскихъ народовъ, а религіозный индифферентизмъ и государственный атеизмъ, съ гражданскими браками и т. п.,—за явленіе общечеловѣческое; монархическій феодализмъ—за явленіе національно-германское, а конституціонализмъ на англійскій ладъ—за явленіе общечеловѣческое. Въ такую же точно противоположность ставятся: феодальное крѣпостное право—съ неограниченною личною экономическою свободою, т. е. пролетаріатомъ и коллективнымъ рабствомъ; цехи и корпораціи—съ экономическою неурядицей, выражаемою формулой laissez faire, laissez aller; меркантилизмъ и эксплуатація колоній—съ фритредерствомъ. Но, каковы бы ни были причины, заставляющія смѣшивать національно-европейское съ общечеловѣческимъ, намъ надо разсмотрѣть: можно ли вообще противополагать національное общечеловѣческому?

Человѣчество и народъ (нація, племя) относятся другъ къ другу, какъ родовое понятіе къ видовому; слѣдовательно, отношенія между ними должны быть вообще тѣ же, какія вообще бываютъ между родомъ и видомъ. Возьмемъ же для примѣра какой-нибудь общеизвѣстный родъ, напримѣръ, растительный родъ—малину, или животный родъ—кошку. Я не думаю дѣлать никакихъ унизительныхъ для человѣка сравненій, а только хочу выяснить отношенія видового понятія къ родовому—на осязательныхъ примѣрахъ. Въ понятіе рода входитъ то что̀ есть общаго во всѣхъ видахъ. Такимъ образомъ, родъ малины характеризуется цвѣткомъ, похожимъ на маленькую розу, съ чашечкою о пяти разрѣзахъ (а не о десяти, какъ у земляники), съ плодомъ, составленнымъ изъ отдѣльныхъ ягодокъ, или просто сухихъ костяночекъ, вмѣстѣ слѣпленныхъ и надѣтыхъ, какъ колпачекъ, на коническое или полукруговыпуклое окончаніе стебелька. Родъ кошки характеризуется круглою головою и тупымъ рыломъ, опредѣленною формою, расположеніемъ и числомъ зубовъ, 5-ю пальцами на переднихъ и 4-мя на заднихъ лапахъ, съ выпускными когтями. Очевидно, что ни малины, ни кошки, какъ рода, мы себѣ вовсе представить не можемъ. Это нѣчто отвлеченное, неполное; для того, чтобы получить дѣй-

сторону идеи человѣчества (хотя эти стороны и не одинаковаго значенія), оказались бы не живыми вкладами въ общую его сокровищницу, а только жалкими подмостками, ни на что негодными,—не стоющими того, чтобъ обращать на нихъ вниманіе,—дѣтскими попытками, не имѣющими болѣе значенія съ тѣхъ поръ, какъ лежавшія въ нихъ обѣщанія достигли своего исполненія. Отдѣльная личность можетъ достигнуть разрѣшенія своей задачи, реальнаго осуществленія своего назначенія, потому что она безсмертна, и потому что ей преподано это разрѣшеніе свыше, независимо отъ времени, мѣста или племени; но это осуществленіе лежитъ за предѣлами этого міра. Для коллективнаго же и все-таки конечнаго существа,—человѣчества,—нѣтъ другаго назначенія, другой задачи, кромѣ разновременнаго и разномѣстнаго (т. е. разноплеменнаго) выраженія разнообразныхъ сторонъ и направленій жизненной дѣятельности, лежащихъ въ его идеѣ и часто несовмѣстныхъ, какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и въ одномъ культурно-историческомъ типѣ развитія.

Но теперь никто не вѣритъ, или очень номногіе вѣрятъ тому, что германская философія дѣйствительно низвела абсолютное въ человѣческое сознаніе, или чтобы французскій соціализмъ нашелъ трансцендентальную формулу, разрѣшающую общественую задачу; но, не смотря на это, все же продолжаютъ смѣшивать Европу съ человѣчествомъ, утверждать, что она вышла изъ сферы ограниченно-національнаго—въ сферу общечеловѣческаго. Я вижу въ этомъ только смѣшеніе понятія о цивилизаціонной ступени развитія культурнаго типа—съ понятіемъ объ общечеловѣческомъ, на томъ основаніи, что цивилизація всегда стремится разрушить тѣ спеціальныя формы зависимости, которыя были наложены на племенную волю при переходѣ народовъ каждаго культурнаго типа изъ этнографической въ государственную форму быта, и замѣнить ихъ извѣсными формами свободы. Эти формы зависимости принимаются за національное, а соотвѣтствующія имъ формы свободы—за человѣческое (соотвѣтственно общей невѣрности историческаго взгляда, смѣшивающаго ступени развитія съ типами, планами организаціи и принимающаго, напримѣръ, новую исторію, или исторію цивилизаціоннаго періода германо-романскаго племени за непосредственную ступень развитія всего человѣчества); хотя, какъ эти формы развитія, такъ и соотвѣтственныя имъ формы свободы—равно національны и обусловливаютъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, религіозный деспотизмъ римскаго католичества принимается за

машней кошки; но не можетъ соединяться съ волосистымъ хвостомъ, какъ у лошади, съ пушистымъ, какъ у бѣлки, съ висячими ушами, какъ у слона, съ прямоугольнымъ поперечнымъ зрачкомъ, какъ у оленя и т. д. Слѣдовательно, въ каждомъ родовомъ понятіи, кромѣ отвлеченной совокупности его признаковъ, заключается еще способность дополняться извѣстнымъ только образомъ для своего осуществленія въ дѣйствительности,—способность, которая теоретически неопредѣлима, а только эмпирически изслѣдуема. Если эту способность, лежащую въ сущности (или въ идеѣ) рода, присоединить къ отвлеченному родовому понятію, то родъ будетъ состоять не изъ того только, что̀ обще всѣмъ его видамъ, а изъ этого общаго—съ прибавкою всѣхъ тѣхъ дополненій, къ которымъ онъ способенъ. Въ этомъ смыслѣ родъ не будетъ уже однимъ отвлеченіемъ, а ему будетъ соотвѣтствовать нѣчто реальное, только не въ одномъ существѣ, не одновременно и одномѣстно, а лишь въ разныхъ существахъ,—разновременно и разномѣстно, осуществимое. Въ этомъ смыслѣ, родъ малины не будетъ заключаться въ отвлеченномъ понятіи *общаго* между садовою малиною, ежевикою, костяникою, морошкою, поленикою,—а въ совокупности малины, ежевики, костяники, морошки, поленики и т. д. Родъ кошки—не въ отвлеченіи *общаго* между львомъ, тигромъ, барсомъ, кошкою, рысью,—а въ реальной совокупности всѣхъ ихъ. Въ первомъ смыслѣ, родъ есть только *общевидовое*, и въ этомъ смыслѣ понятіе родовое будетъ у̀же и ниже всякаго видоваго въ отдѣльности; во второмъ же смыслѣ родъ будетъ *всевидовое*, и потому шире и выше всякаго вида. Для избѣжанія недоразумѣній надо еще прибавить, что это отношеніе родоваго къ видовому совершенно независимо отъ того генетическаго представленія, которое мы соединяемъ съ понятіемъ о видѣ,—т. е. независимо отъ того, представляемъ ли мы себѣ видъ, какъ нѣчто генетически самобытное, непосредственно созданное, или только съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, дифференцировавшееся, осамобытившееся; ибо все сказанное о настоящихъ родахъ и видахъ, въ естественно-историческомъ смыслѣ, прилагается вполнѣ къ отношенію породъ или разновидностей (въ которыхъ никто не предполагаетъ генетической самобытности) къ видамъ. Понятіе о лошади въ обыкновенномъ не-систематически-научномъ смыслѣ—точно такое же отвлеченіе, не дающее никакого полнаго реальнаго представленія, какъ и зоологическое понятіе о родѣ кошки; потому что всякая

ствительное существованіе и сдѣлаться удобопредставляемымъ, оно требуетъ себѣ дополненій. Цвѣтокъ и плодъ извѣстной формы—должны получить извѣстный цвѣтъ, соединиться съ извѣстною формою листьевъ и стеблей, и все это должно быть травой, или кустарникомъ. Съ этими дополненіями родовыя свойства малины—образуютъ болѣе опредѣленныя понятія: садовой малины, ежевики, морошки, поленики и т. п., принадлежащихъ къ роду малины. Такъ же точно, съ общекошачьими отличительными чертами зубовъ, лапъ, когтей и т. п. соединяются: различнаго размѣра тѣло, различной длины хвостъ, присутствіе гривы, круглый или щелеобразный зрачекъ, уши съ кисточками или безъ кисточекъ на концѣ, шерсть одноцвѣтная, полосатая или пятнистая, и т. д., и образуютъ опредѣленныя формы льва, тигра, барса, рыси, домашней кошки и т. д., которыя всѣ принадлежатъ къ кошачьему роду. Родъ, понимаемый въ этомъ смыслѣ, есть только отвлеченіе, получаемое черезъ исключеніе всего, что̀ есть особенно въ видахъ; это — сумма свойствъ всѣхъ видовъ, за вычетомъ всего, что̀ есть въ нихъ не-общаго всѣмъ имъ, и потому родъ есть нѣчто въ дѣйствительности невозможное, по своей неполнотѣ нѣчто болѣе бѣдное, чѣмъ каждый видъ въ отдѣльности, который, кромѣ общеродоваго, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто особенное, хотя это особенное и менѣе существенно, менѣе важно, чѣмъ общее.

Но родъ можетъ быть понимаемъ въ иномъ смыслѣ. Именно: то, что̀ въ немъ есть общаго, можетъ для своего осуществленія соединяться съ особенностями, но только съ извѣстными, почему-то ему соотвѣтствующими, а не со всякими возможными особенностями. Общемалинное можетъ соединяться съ травянистою формою, съ широкимъ округленнымъ простымъ листомъ, съ бѣлою окраскою цвѣтка, съ оранжевою окраской плода—и образовать морошку; или съ кустарниковою формою, съ сложнымъ состоящимъ изъ пяти отдѣльныхъ листочковъ листомъ, съ черною окраскою плода,—и образовать ежевику; но не можетъ соединяться съ древесною формою, съ длиннымъ узенькимъ листомъ, съ желтою окраскою цвѣтка, съ бѣлою окраскою плода и т. д. Такъ же точно, общекошачье можетъ соединяться съ среднимъ ростомъ, съ гладкою одноцвѣтною плотно прилегающею жесткою шерстью, съ оканчивающимся шишкою хвостомъ, съ гривою, съ круглымъ зрачкомъ — и образовать форму льва; или съ маленькимъ ростомъ, съ мягкою шерстью, съ продольнымъ, щелеобразнымъ зрачкомъ—и образовать форму до-

машней кошки; но не можетъ соединяться съ волосистымъ хвостомъ, какъ у лошади, съ пушистымъ, какъ у бѣлки, съ висячими ушами, какъ у слона, съ прямоугольнымъ поперечнымъ зрачкомъ, какъ у оленя и т. д. Слѣдовательно, въ каждомъ родовомъ понятіи, кромѣ отвлеченной совокупности его признаковъ, заключается еще способность дополняться извѣстнымъ только образомъ для своего осуществленія въ дѣйствительности,—способность, которая теоретически неопредѣлима, а только эмпирически изслѣдуема. Если эту способность, лежащую въ сущности (или въ идеѣ) рода, присоединить къ отвлеченному родовому понятію, то родъ будетъ состоять не изъ того только, что̀ обще всѣмъ его видамъ, а изъ этого общаго—съ прибавкою всѣхъ тѣхъ дополненій, къ которымъ онъ способенъ. Въ этомъ смыслѣ родъ не будетъ уже однимъ отвлеченіемъ, а ему будетъ соотвѣтствовать нѣчто реальное, только не въ одномъ существѣ, не одновременно и одномѣстно, а лишь въ разныхъ существахъ,—разновременно и разномѣстно, осуществимое. Въ этомъ смыслѣ, родъ малины не будетъ заключаться въ отвлеченномъ понятіи *общаго* между садовою малиною, ежевикою, костяникою, морошкою, поленикою,—а въ совокупности малины, ежевики, костяники, морошки, поленики и т. д. Родъ кошки—не въ отвлеченіи *общаго* между львомъ, тигромъ, барсомъ, кошкою, рысью,—а въ реальной совокупности всѣхъ ихъ. Въ первомъ смыслѣ, родъ есть только *общевидовое*, и въ этомъ смыслѣ понятіе родовое будетъ уже и ниже всякаго видоваго въ отдѣльности; во второмъ же смыслѣ родъ будетъ *всевидовое*, и потому шире и выше всякаго вида. Для избѣжанія недоразумѣній надо еще прибавить, что это отношеніе родоваго къ видовому совершенно независимо отъ того генетическаго представленія, которое мы соединяемъ съ понятіемъ о видѣ,—т. е. независимо отъ того, представляемъ ли мы себѣ видъ, какъ нѣчто генетически самобытное, непосредственно созданное, или только съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, дифференцировавшееся, обсамобытившееся; ибо все сказанное о настоящихъ родахъ и видахъ, въ естественно-историческомъ смыслѣ, прилагается вполнѣ къ отношенію породъ или разновидностей (въ которыхъ никто не предполагаетъ генетической самобытности) къ видамъ. Понятіе о лошади въ обыкновенномъ не-систематически-научномъ смыслѣ—точно такое же отвлеченіе, не дающее никакого полнаго реальнаго представленія, какъ и зоологическое понятіе о родѣ кошки; потому что всякая

лошадь принадлежитъ къ какой-либо породѣ, и на дѣлѣ никог
не бываетъ *просто лошадью* (про которую мы даже не знае
какъ она выглядитъ), а или породистою арабскою, или легк
быстрою, поджарою англійскою, или массивною, тяжелою мекл
бургскою, или нестатною, но неутомимою степною и т. д.

Примѣнимъ теперь эти аналогіи къ отношеніямъ, существу
щимъ между народомъ (націей, племенемъ) и человѣчествомъ. Нѣ
нужды, что племена не составляютъ генетически самобытны
единицъ, а только съ теченіемъ тысячелѣтій осамобытившія
группы, получившія не только особый характеристическій нару
ный обликъ, но и особый психическій строй; изъ это слѣдуе
только то, что отвлеченная сфера общечеловѣческаго обширн
чѣмъ это было бы въ противномъ случаѣ; отношеніе же видов
понятія народа, племени, къ родовому понятію человѣчес
остается въ сущности то же. Все-таки, понятіе объ общечело
ческомъ не только не имѣетъ въ себѣ ничего реальнаго и дѣ
ствительнаго, но оно ўже, тѣснѣе, ниже понятія о племенно
или народномъ; ибо это послѣднее, по необходимости, включае
въ себѣ первое и, сверхъ того, присоединяетъ къ нему нѣчто о
бое, дополнительное, которое именно и должно быть сохраня
и развиваемо,—дабы родовое понятіе о человѣчествѣ во второ
(реальномъ) его значеніи получило все то разнообразіе и бог
ство въ осуществленіи, къ какому оно способно. Слѣдователь
общечеловѣческаго не только нѣтъ въ дѣйствительности, но и ж
лать быть имъ—значитъ желать довольствоваться общимъ мѣсто
безцвѣтностью, отсутствіемъ оригинальности, однимъ словомъ
вольствоваться невозможною неполнотою. Иное дѣло — *всечело
ческое*, которое надо отличать отъ *общечеловѣческаго*; оно бе
сомнѣнія выше всякаго отдѣльно-человѣческаго, или народна
но оно и состоитъ только изъ совокупности всего народнаго,
всѣхъ мѣстахъ и временахъ существующаго и имѣющаго су
ствовать; оно несовмѣстимо и неосуществимо въ какой бы то
было одной народности; дѣйствительность его можетъ быть толь
разномѣстная и разновременная. Общечеловѣческій геній не то
кто выражаетъ—въ какой-либо сферѣ дѣятельности—одно об
человѣческое, за исключеніемъ всего національно особеннаго (
кой человѣкъ былъ бы не геніемъ, а пошлякомъ въ полнѣйше
значеніи этого слова) а тотъ, кто, выражая вполнѣ, сверхъ об
человѣческаго, и всю свою національную особенность, присое

жертвами однимъ изъ славянскихъ народовъ, есть только мыльный пузырь, форма безъ содержанія, безцѣльное существованіе, убитый морозомъ ростокъ; — ибо цивилизація не передается (въ единомъ истинномъ и плодотворномъ значеніи этого слова) отъ народовъ одного культурнаго типа народамъ другаго. Ежели они по внѣшнимъ или внутреннимъ причинамъ не въ состояніи выработать самобытной цивилизаціи, т. е. стать на ступень развитаго культурно-историческаго типа,—живаго и дѣятельнаго органа человѣчества, то имъ ничего другаго не остается, какъ распуститься, раствориться и обратиться въ этнографическій матеріалъ, въ средство для достиженія постороннихъ цѣлей,—потерять свой формаціонный или образовательный принципъ и питать своими трудами и потомъ, своею плотью и кровью, чужой, болѣе благородный прививокъ, и чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше. Къ чему поддерживать безполезное, во всякомъ случаѣ обреченное на погибель? Выше представлены были примѣры мнимой передачи цивилизацій отъ одного культурно-историческаго типа народамъ другаго (примѣры такъ называемаго „культуртрегерства" и результаты, которые имѣли эти не разъ повторявшіяся попытки) изъ греческаго, римскаго и германскаго міра. Нѣтъ недостатка въ этихъ примѣрахъ и между отношеніями германскихъ народовъ къ славянскимъ, гдѣ эти примѣры болѣе спеціально для насъ поучительны.

Начала германо-романскаго типа были болѣе или менѣе насильственно навязаны Полякамъ и Чехамъ. И что же произвела чешская и польская цивилизація? Форма, въ которой европейскіе народы усвоили себѣ христіанство,—католицизмъ,—какъ несвойственная славянскому духу, именно въ Польшѣ (гдѣ, по обстоятельствамъ, она была усвоена самымъ искреннимъ образомъ) приняла самый каррикатурный видъ и произвела самое разъѣдающее дѣйствіе, несравненно вреднѣйшее, чѣмъ въ самой Испаніи (гдѣ католицизмъ, не смотря на то, что дошелъ до своихъ крайнихъ результатовъ, не исказилъ однако же народнаго характера). Германскій аристократизмъ и рыцарство, исказивъ славянскій демократизмъ, произвели шляхетство; европейская же наука и искусство, несмотря на долговременное вліяніе, не принялись на польской почвѣ такъ, чтобы поставить Польшу въ числѣ самобытныхъ дѣятелей въ этомъ отношеніи. Чехи, по счастью, не отнеслись столь пассивнымъ образомъ къ чуждымъ ихъ народному характеру началамъ, старались сбросить съ себя иго ихъ; и только эти само-

стоятельные порывы Чеховъ, эти „противугерманскіе, антиевропейскіе“ подвиги, каковыми ихъ Европа считала и считаетъ (какъ-то религіозная реформа на православный ладъ и борьба изъ-за нея съ Европой во времена Гуса и Жижки, и начатое ими въ наше столѣтіе панславистское движеніе), могутъ и должны считаться всемірно-историческими подвигами чешскаго народа, его завѣтомъ потомству. Въ европейскомъ или германо-романскомъ духѣ и направленіи—Чехи были столь же безплодны, какъ и Поляки. Нужно ли добавлять, что то же самое относится и къ Россіи? Прививку европейской цивилизаціи къ русскому дичку хотѣлъ сдѣлать Петръ Великій, принимая прививку конечно въ томъ таинственномъ (самую природу дичка измѣняющемъ) значеніи, о которомъ было говорено. Но какъ бы кто ни думалъ о вещи, хотя бы думающимъ былъ самъ Петръ, сущность вещи отъ того не измѣняется: прививка осталась прививкою, а не сдѣлалась метаморфозой въ Овидіевомъ смыслѣ. Народъ продолжалъ сохранять свою самобытность; много и часто надо было обрѣзывать ростки, которые пускалъ дичекъ ниже привитаго мѣста, дабы прививка не была заглушена.. но результаты извѣстны: ни самобытной культуры не возрасло на русской почвѣ при такихъ операціяхъ, ни чужеземное ею не усвоилось, и не проникло далѣе поверхности общества; чужеземное въ этомъ обществѣ произвело ублюдковъ самаго гнилаго свойства: нигилизмъ, абсентеизмъ, шедоферротизмъ, сепаратизмъ, бюрократизмъ, навѣянный демократизмъ и самое новѣйшее чадо — новомодный аристократизмъ à la „Вѣсть“, вреднѣйшій изо всѣхъ „измовъ“.

Слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, дичекъ пока уцѣлѣлъ и сохранилъ свою растительную силу. Такое навязываніе чужеземныхъ началъ (чуждой цивилизаціи) славянскому племени вообще и Россіи въ особенности, — столько же неудачное, какъ и всѣ прочія попытки этого рода,—тѣмъ неумѣстнѣе, что не имѣетъ тѣхъ оправданій, которыя могутъ быть приведены въ пользу нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ попытокъ, какъ напримѣръ касательно александрійскаго эллинизма. Здѣсь, съ одной стороны, богато одаренный культурно-историческій типъ, по недостаткамъ политическаго устройства входившихъ въ кругъ его государствъ (слишкомъ много заботившихся объ удовлетвореніи потребности разнообразія въ развитіи, и слишкомъ мало о единствѣ и крѣпости), долженъ былъ заглохнуть на своей родной почвѣ, не успѣвъ завершить своего

развитія и принести всѣхъ плодовъ, къ которымъ былъ способенъ; съ другой стороны, египетская народность, къ которой былъ привитъ эллинизмъ, уже совершила свой циклъ, дала своеобразный цвѣтъ и плодъ, давно уже пришла въ состояніе застоя и должна была такъ или иначе низойти на этнографическую ступень развитія. Поэтому то, что̀ не могло принести пользы для Египта, могло быть и было дѣйствительно полезно въ человѣческомъ смыслѣ. Но зачѣмъ же жертвовать славянскимъ племенемъ, молодымъ и самобытнымъ, отъ котораго должно ожидать своеобразнаго развитія и своеобразныхъ результатовъ его, когда притомъ европейская цивилизація находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ была греческая въ македонскія времена? Крѣпкая на своей почвѣ она можетъ достигнуть на ней своего окончательнаго предназначенія безъ всякаго чужеядства. Жертва не только слишкомъ многоцѣнна, но и совершенно напрасна.

И такъ, *для всякаго Славянина: Русскаго, Чеха, Серба, Хорвата, Словена, Словака, Булгара (желалъ бы прибавить и Поляка).— послѣ Бога и Его святой Церкви,—идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага*, ибо ни одно изъ нихъ для него не достижимо безъ ея осуществленія, — безъ духовно, народно и политически-самобытнаго, независимаго славянства; а напротивъ того, всѣ эти блага будутъ необходимыми послѣдствіями этой независимости и самобытности.

Къ этому выводу привело насъ все предшествовавшее развитіе занимавшаго насъ вопроса. Выводъ этотъ, не имѣетъ, конечно, ничего новаго для тѣхъ, которые отъ начала проводили или усвоили себѣ такъ-называемую славянофильскую идею. Но я ставлю себя на мѣсто читателя, для котораго взглядъ этотъ болѣе чуждъ, и мнѣ слышится вопросъ: въ чемъ же однако можетъ состоять эта новая славянская цивилизація? Зачатки ея—на блестящемъ фонѣ европейской цивилизаціи становятся невидимыми для ослѣпленнаго глаза. Неужели эта глубокая наука, съ ея богатыми практическими результатами, покоряющими природу къ ногамъ человѣка, требуетъ коренной реформы? Неужели дѣятели, сдѣлавшіе такъ много на поприщѣ науки и продолжающіе дѣлать, устали, истощились и требуютъ замѣны какими-то новичками, ничѣмъ или почти ничѣмъ еще себя не ознаменовавшими? Если мнѣ удалось доселѣ ясно выразить мою мысль, то это сомнѣніе не можетъ, ка-

стоятельные порывы Чеховъ, эти „противугерманскіе, антиевропейскіе“ подвиги, каковыми ихъ Европа считала и считаетъ (какъ-то религіозная реформа на православный ладъ и борьба изъ-за нея съ Европой во времена Гуса и Жижки, и начатое ими въ наше столѣтіе панславистское движеніе), могутъ и должны считаться всемірно-историческими подвигами чешскаго народа, его завѣтомъ потомству. Въ европейскомъ или германо-романскомъ духѣ и направленіи—Чехи были столь же безплодны, какъ и Поляки. Нужно ли добавлять, что то же самое относится и къ Россіи? Прививку европейской цивилизаціи къ русскому дичку хотѣлъ сдѣлать Петръ Великій, принимая прививку конечно въ томъ таинственномъ (самую природу дичка измѣняющемъ) значеніи, о которомъ было говорено. Но какъ бы кто ни думалъ о вещи, хотя бы думающимъ былъ самъ Петръ, сущность вещи отъ того не измѣняется: прививка осталась прививкою, а не сдѣлалась метаморфозой въ Овидіевомъ смыслѣ. Народъ продолжалъ сохранять свою самобытность; много и часто надо было обрѣзывать ростки, которые пускалъ дичекъ ниже привитаго мѣста, дабы прививка не была заглушена.. но результаты извѣстны: ни самобытной культуры не возрасло на русской почвѣ при такихъ операціяхъ, ни чужеземное ею не усвоилось, и не проникло далѣе поверхности общества; чужеземное въ этомъ обществѣ произвело ублюдковъ самаго гнилаго свойства: нигилизмъ, абсентеизмъ, щедоферротизмъ, сепаратизмъ, бюрократизмъ, навѣянный демократизмъ и самое новѣйшее чадо — новомодный аристократизмъ à la „Вѣсть“, вреднѣйшій изо всѣхъ „измовъ“.

Слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, дичекъ пока уцѣлѣлъ и сохранилъ свою растительную силу. Такое навязываніе чужеземныхъ началъ (чуждой цивилизаціи) славянскому племени вообще и Россіи въ особенности, — столько же неудачное, какъ и всѣ прочія попытки этого рода,—тѣмъ неумѣстнѣе, что не имѣетъ тѣхъ оправданій, которыя могутъ быть приведены въ пользу нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ попытокъ, какъ напримѣръ касательно александрійскаго эллинизма. Здѣсь, съ одной стороны, богато одаренный культурно-историческій типъ, по недостаткамъ политическаго устройства входившихъ въ кругъ его государствъ (слишкомъ много заботившихся объ удовлетвореніи потребности разнообразія въ развитіи, и слишкомъ мало о единствѣ и крѣпости), долженъ былъ заглохнуть на своей родной почвѣ, не успѣвъ завершить своего

развитія и принести всѣхъ плодовъ, къ которымъ былъ способенъ; съ другой стороны, египетская народность, къ которой былъ привитъ эллинизмъ, уже совершила свой циклъ, дала своеобразный цвѣтъ и плодъ, давно уже пришла въ состояніе застоя и должна была такъ или иначе низойти на этнографическую ступень развитія. Поэтому то, что̀ не могло принести пользы для Египта, могло быть и было дѣйствительно полезно въ человѣческомъ смыслѣ. Но зачѣмъ же жертвовать славянскимъ племенемъ, молодымъ и самобытнымъ, отъ котораго должно ожидать своеобразнаго развитія и своеобразныхъ результатовъ его, когда притомъ европейская цивилизація находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ была греческая въ македонскія времена? Крѣпкая на своей почвѣ она можетъ достигнуть на ней своего окончательнаго предназначенія безъ всякаго чужеядства. Жертва не только слишкомъ многоцѣнна, но и совершенно напрасна.

И такъ, *для всякаго Славянина: Русскаго, Чеха, Серба, Хорвата, Словена, Словака, Булгара (желалъ бы прибавить и Поляка), — послѣ Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага*, ибо ни одно изъ нихъ для него не достижимо безъ ея осуществленія, — безъ духовно, народно и политически-самобытнаго, независимаго славянства; а напротивъ того, всѣ эти блага будутъ необходимыми послѣдствіями этой независимости и самобытности.

Къ этому выводу привело насъ все предшествовавшее развитіе занимавшаго насъ вопроса. Выводъ этотъ, не имѣетъ, конечно, ничего новаго для тѣхъ, которые отъ начала проводили или усвоили себѣ такъ-называемую славянофильскую идею. Но я ставлю себя на мѣсто читателя, для котораго взглядъ этотъ болѣе чуждъ, и мнѣ слышится вопросъ: въ чемъ же однако можетъ состоять эта новая славянская цивилизація? Зачатки ея—на блестящемъ фонѣ европейской цивилизаціи становятся невидимыми для ослѣпленнаго глаза. Неужели эта глубокая наука, съ ея богатыми практическими результатами, покоряющими природу къ ногамъ человѣка, требуетъ коренной реформы? Неужели дѣятели, сдѣлавшіе такъ много на поприщѣ науки и продолжающіе дѣлать, устали, истощились и требуютъ замѣны какими-то новичками, ничѣмъ или почти ничѣмъ еще себя не ознаменовавшими? Если мнѣ удалось доселѣ ясно выразить мою мысль, то это сомнѣніе не можетъ, ка-

жется мнѣ, никого смущать. Народы каждаго культурно-историче
скаго типа не вотще трудятся; результаты ихъ труда остаютс
собственностью всѣхъ другихъ народовъ, достигающихъ цивили
заціоннаго періода своего развитія, и труда этого повторять не
зачѣмъ. Но дѣятельность эта бываетъ всегда односторонняя
проявляется преимущественно въ одной какой-либо категоріи ре
зультатовъ. Развитіе положительной науки о природѣ составляет
именно существеннѣйшій результатъ германо-романской цивилиза
ціи, плодъ европейскаго культурно-историческаго типа; такъ точно
какъ искусство, развитіе идеи прекраснаго, было преимуществен
нымъ плодомъ цивилизаціи греческой; право и политическая орга
низація государства—плодомъ цивилизаціи римской; развитіе ре
лигіозной идеи единаго истиннаго Бога — плодомъ цивилизаці
еврейской. Поэтому, совершенно невѣроятно, чтобы дальнѣйшее раз
витіе аналитической положительной науки о природѣ, въ томъ ж
(давшемъ столь богатые плоды) направленіи, было преимуществен
ною задачею славянскаго культурно-историческаго типа. Во пер
выхъ, европейскіе народы, какъ показываетъ опытъ, еще не исто
щили своихъ силъ по отношенію къ наукѣ, и лучше всякаго дру
гаго могутъ продолжать дѣло ими начатое и такъ далеко уже про
веденное. Въ этомъ славянскіе народы, какъ и всѣ другіе, могут
только соревновать имъ и быть только ихъ помощниками. Во вто
рыхъ, необходимость въ перемѣнѣ направленія (въ новомъ пред
метѣ дѣятельности) для того, чтобы прогрессъ могъ продолжатьс
составляетъ внутреннюю причину того, почему необходимо появ
леніе на историческомъ поприщѣ новыхъ народовъ, съ инымъ пс
хическимъ строемъ,—народовъ, составляющихъ самобытный кул
турно-историческій типъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы цивили
зація инаго типа не могла съ успѣхомъ дѣйствовать на попри
щахъ, уже съ успѣхомъ пройденныхъ другими; но не такого род
дѣятельность можетъ составлять ея главную задачу.

Новѣйшая наука составляетъ явленіе столь величественное, чт
передъ нею всѣ прочія стороны жизни какъ-будто утрачиваю
свою значительность. Развѣ многіе не считаютъ искусства какъ-б
забавою, развлеченіемъ отъ нечего дѣлать, годнымъ занимать т
неядцевъ, но, собственно говоря, недостойнымъ нашего богата
практическимъ смысломъ вѣка? Нѣтъ надобности упоминать, каку
роль этотъ односторонній взглядъ отмежевываетъ религіи. Религі
обращается не болѣе какъ въ суевѣріе, приличное вѣкамъ мра

и невѣжества, нетолько лишнее въ вѣка просвѣщенія и прогресса, но составляющее даже положительное препятствіе для дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія. Всѣ несовершенства общественнаго устройства (или что̀ таковымъ кажется) являются точно также плодомъ невѣжества, а не необходимымъ слѣдствіемъ коренныхъ условій историческаго развитія, и потому, будто бы, могутъ быть устранены примѣненіемъ общественной теоріи, выработанной такимъ-то ученымъ или утопистомъ. При такомъ взглядѣ, конечно, наука (и притомъ именно положительная наука о природѣ) какъ-бы поглощаетъ собою всю цивилизацію, становится ея синонимомъ. Мало того: все, что̀ не подходитъ подъ эту науку, составляетъ тормазъ, гири, пуды, замедляющіе шествіе по пути прогресса. Доказывать односторонность такого взгляда — нѣтъ надобности. Цивилизація есть понятіе болѣе обширное, нежели наука, искусство, религія, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитіе, взятыя въ отдѣльности, ибо цивилизація все это въ себѣ заключаетъ. Я говорю, что даже и религія есть понятіе, подчиненное цивилизаціи. Это справедливо, конечно, только по отношенію къ государствамъ, или вообще къ человѣческимъ обществамъ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, для которыхъ религія имѣетъ, безъ сомнѣнія, несравненно бо̀льшую важность, нежели все остальное, что̀ мы разумѣемъ подъ именемъ цивилизаціи, и не объемлется цивилизаціею, потому что по самой сущности своей выходитъ за предѣлы земнаго. Изъ этого слѣдуетъ, что цивилизація или, другими словами, культурно-историческій типъ нетолько можетъ считаться новымъ и самобытнымъ, но и имѣющимъ весьма большое значеніе въ общемъ развитіи человѣчества, ежели бы даже относительно положительной науки онъ и не произвелъ ничего новаго, ничего самобытнаго, а шелъ бы только по старому, правильно пробитому пути. Примѣромъ можетъ служить Римъ, который занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ культурно-историческихъ типовъ человѣчества, хотя былъ почти совершенно безплоденъ въ научномъ отношеніи. Хотя науки и искусства (и преимущественно науки) составляютъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, оставляемое послѣ себя культурно-историческими типами, — хотя они составляютъ самый существенный вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества, однако же не они даютъ основу народной жизни. Въ этомъ отношеніи религія (какъ нравственная основа дѣятельности), политическое, гражданское, экономическое и общественное устройство

имѣютъ гораздо бо̀льшее значеніе. Если для насъ Гомеръ, Фидій, Пракситель, Пиндаръ, Софоклъ, Платонъ, Аристотель представляютъ собою сущность эллинизма, заключаютъ въ себѣ главнѣйшій интересъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ процвѣтавшей жизни Греціи, — то для самихъ Грековъ этотъ интересъ едва ли не въ большей степени выражался и сосредоточивался въ Ликургѣ, Солонѣ, Ѳемистоклѣ, Периклѣ, Эпаминондѣ, Демосѳенѣ, которые устраивали въ Греціи практическую жизнь или руководили ею. Науки и искусства, какъ продукты жизни народной, уподобляются скорѣй тѣмъ благороднымъ отложеніямъ растительнаго организма (бальзамамъ, эфирнымъ масламъ, красильнымъ веществамъ), которыя придаютъ блескъ и благоуханіе ихъ цвѣтамъ и плодамъ, или болѣе подобны крахмалу, составляющему запасъ для будущаго питанія растенія, нежели самимъ клѣточкамъ листа и ствола, въ которыхъ лежитъ самое начало жизни и роста растенія.

Если, такимъ образомъ, нельзя отрицать возможности существованія самобытныхъ культурно-историческихъ типовъ нелишенныхъ важнаго значенія въ общей жизни человѣчества—безъ научной и художественной самодѣятельности, то все же нельзя не сказать, что такая жизнь бѣдна и одностороння, что и могучій Римъ, въ глазахъ потомства, долженъ уступить мѣсто не только народамъ германо-романскаго типа, превосходящимъ Римъ даже своимъ абсолютнымъ политическимъ могуществомъ, но и политически ничтожной Элладѣ. Конечно, не такой безцвѣтной будущности мы въ правѣ желать и ожидать для народовъ славянскихъ. Что они могутъ имѣть свое искусство, — этого обыкновенно не оспариваютъ, да и трудно было бы оспаривать, когда зачатки его, въ разныхъ отрасляхъ изящнаго, у всѣхъ передъ глазами. Но что̀ такое самобытная славянская наука? Есть ли ей мѣсто, да и вообще, возможна ли національная наука? Какъ ни устарѣлъ этотъ вопросъ, составлявшій нѣкогда предметъ оживленнаго спора въ нашей литературѣ, я не могу оставить его безъ разсмотрѣнія въ этой главѣ, имѣющей своимъ предметомъ отношеніе національнаго къ общечеловѣческому.

Всѣ извѣстныя мнѣ возраженія противъ возможности народнаго характера науки—подводятся подъ три слѣдующія: 1) Истина—одна, слѣдовательно и наука, имѣющая истину своимъ предметомъ, также—одна. 2) Наука преемственна; выработанное однимъ народомъ, однимъ вѣкомъ, переходитъ въ наслѣдіе другимъ вѣкамъ и

народамъ, которые могутъ продолжать зданіе науки только на прежнемъ основаніи. Того же нельзя сказать (по крайней мѣрѣ нельзя сказать въ той же силѣ) объ искусствахъ, ибо всякое произведеніе искусства составляетъ самобытное цѣлое и продолжаемо быть не можетъ. Искусство другихъ вѣковъ и народовъ содѣйствуетъ общему прогрессивному его ходу —или только выработкою техническихъ пріемовъ, или тѣмъ, что служитъ примѣромъ, матеріаломъ изученія, дополняющимъ матеріалъ, доставляемый самою природою; всякій же истинный художникъ творитъ самобытно и начинаетъ такъ сказать съизнова. Шекспиръ могъ бы написать свои трагедіи, если бы и не было прежде него Эсхила и Софокла; но Ньютонъ немыслимъ безъ Эвклида, безъ Коперника и Кеплера. 3) Самый языкъ, общій поэту и его соотечественникамъ, поставляетъ художника въ тѣснѣйшую зависимость отъ его слушателей или читателей, и составляетъ уже необходимую причину національнаго характера произведеній словесности; при переводѣ же красота ихъ всегда теряется. Между тѣмъ, языкъ не имѣетъ большаго значенія въ дѣлѣ науки, и для нея можетъ быть употребляемъ какой бы то ни было, извѣстный большинству образованныхъ или ученыхъ людей языкъ, хотя бы даже мертвый, какъ напримѣръ—латинскій.

Два послѣднія возраженія стараются объяснить, почему народность, всѣми признанная въ искусствѣ, не можетъ примѣняться и къ наукѣ, и они, дѣйствительно, имѣютъ нѣкоторую силу. Но то, что̀ говорится о вліяніи языка на приданіе произведеніямъ искусства народнаго характера, относится только къ поэзіи. Между тѣмъ, прочія отрасли искусства: музыка, живопись, ваяніе, архитектура, употребляющія для всѣхъ общепонятный языкъ звуковъ и формъ, тѣмъ не менѣе, однако же, бываютъ народны,—и тогда только хороши, когда народны.

Бо̀льшая способность науки къ передачѣ, къ преемству, составляетъ неотъемлемое ея качество, но нисколько не противорѣчитъ тому, чтобы каждый самобытно-трудящійся народъ избиралъ изъ этого наслѣдія (такъ же точно, какъ изъ матеріала, предлагаемаго его изслѣдованіямъ самою природою) то, что̀ соотвѣтственнѣе спеціальнымъ наклонностямъ и способностямъ этого народа, и переработывалъ это тѣми пріемами и методами мышленія, которые ему свойственнѣе.

Что̀ касается до главнаго возраженія,—что истина одна и что

слѣдовательно и наука одна, — то оно основывается на чистомъ недоразумѣніи. Что̀ такое истина? Самое простое, а вмѣстѣ и самое точное ея опредѣленіе, какое только можно сдѣлать, кажется мнѣ, будетъ: *истина есть знаніе существующаго—именно такимъ, какимъ оно существуетъ*. Въ этомъ понятіи заключается, слѣдовательно, два элемента: элементъ внѣшній—не истина, а дѣйствительность, которая, конечно, независима не только отъ національнаго, но и вообще отъ человѣческаго; и элементъ внутренній — отраженіе этой дѣйствительности въ нашемъ сознаніи. Если это отраженіе совершенно точно и совершенно полно, т. е. если при немъ не затерялось ни одной черты, ни одного оттѣнка дѣйствительности, ни одной черты не исказилось, ни одной черты не прибавилось, то такая совершенная истина конечно также не будетъ носить на себѣ никакой печати національности или личности. Но такое отраженіе дѣйствительности въ человѣческомъ сознаніи—невозможно, или по крайней мѣрѣ—въ большинствѣ случаевъ невозможно; точно такъ же, какъ невозможно такое изображеніе предмета въ зеркалѣ, къ которому бы не присоединялось какихъ-либо качествъ, свойственныхъ не отражаемому предмету, а отражающему зеркалу. Поэтому всѣ (или почти всѣ) наши истины или односторонни, или содержатъ бо̀льшую или меньшую примѣсь лжи, или—то и другое вмѣстѣ. Если бы этого не было, то понятія всѣхъ людей о томъ, что̀ имъ хорошо извѣстно, должны бы быть тождественны. Но они различны — и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, разные разряды истины въ различной степени интересуютъ разныхъ людей, такъ что каждый остается болѣе или менѣе равнодушнымъ къ нѣкоторымъ отраслямъ знанія (разрядамъ истинъ), питая живѣйшее сочувствіе къ другимъ отраслямъ; во-вторыхъ, ученые, занимающіеся тѣми же отраслями знанія, составляютъ себѣ, однако же, совершенно различныя возрѣнія на такіе предметы, которые должны быть имъ въ одинаковой степени извѣстны. Такимъ образомъ, Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеръ, или Кювье и Окенъ, жившіе въ одно и то же время и занимавшіеся тою же наукою, имѣли, однако же, совершенно иной взглядъ не только на міръ вообще, но и на спеціальный предметъ ихъ занятій—царство животныхъ, которое, однако же, оставалось однимъ и тѣмъ же, кто бы ни подвергалъ его своимъ изслѣдованіямъ — Кювье, Жоффруа-Сентъ-Илеръ или Окенъ. Но каждый изъ нихъ придавалъ тому отраженію, которое оно должно было

составить въ ихъ сознаніи, особаго характера односторонность и даже прибавлялъ къ нему особаго рода субъективныя черты. Теперь спрашивается: всѣ эти особенности въ пріемахъ мышленія, въ методахъ изысканія, случайно ли разсѣяны между людьми, или сгруппированы по національностямъ—такъ же точно, какъ сгруппированы нравственныя свойства, эстетическія способности? Въ послѣднемъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе; а если это такъ, то и наука по необходимости должна носить на себѣ отпечатокъ національнаго, точно такъ же—какъ носятъ его искусство, государственная и общественная жизнь, однимъ словомъ, всѣ проявленія человѣческаго духа. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы тотъ или другой ученый не могъ стоять ближе (по своему направленію, по своимъ воззрѣніямъ и по методамъ своихъ изъясненій и своего мышленія) къ чужой народности, чѣмъ къ своей собственной, и это вовсе не отъ подражательности, а по особенностямъ своей психической природы. Такимъ образомъ, Жоффруа-Сентъ-Илеръ былъ болѣе нѣмецъ, чѣмъ французъ, приближаясь къ школѣ натуръ-философовъ; Аристотель—болѣе европеецъ новыхъ временъ, чѣмъ древній грекъ; но такіе примѣры всегда останутся исключеніями.

Изъ сказаннаго можно, повидимому, вывести то заключеніе, что односторонность направленія, примѣсь лжи, присущія всему человѣческому, и составляютъ именно удѣлъ національнаго въ наукѣ. Оно отчасти и такъ, но, однако же не совсѣмъ. Истина какъ бы уподобляется благороднымъ металламъ, которые мы могли бы извлекать не иначе—какъ обративъ ихъ сначала въ сплавъ съ металлами недрагоцѣнными. Эта примѣсь, конечно, уменьшала бы цѣнность ихъ; но не надо ли съ этимъ примириться, если только подъ условіемъ такой примѣси можно ихъ пріобрѣтать, если въ чистомъ видѣ они намъ не даются, и если извѣстнаго сорта примѣсь обусловливаетъ и добычу драгоцѣннаго металла извѣстнаго сорта? Сама примѣсь не получаетъ ли въ такомъ случаѣ достоинства въ нашихъ глазахъ, какъ орудіе, какъ условіе *sine qua non* дальнѣйшаго успѣха въ открытіи истины? Правда, что съ теченіемъ времени, при разновидности различныхъ національныхъ направленій (и, главнѣйше, именно подъ условіемъ этой разновидности), эти примѣси выдѣляются, элиминируются—и остается чистый благородный металлъ истины. Однако же, роль національности, т. е. извѣстныхъ индивидуальныхъ особенностей, группирую-

щихся по народностямъ, не уменьшается, не ослабѣваетъ черезъ это въ наукѣ; ибо для науки открываются все новые и новые горизонты, которые требуютъ все той же работы, не могущей производиться иначе,—какъ подъ тѣми же условіями примѣси индивидуальныхъ, а слѣдовательно и національныхъ чертъ къ отраженіямъ дѣйствительности въ зеркалѣ нашего сознанія.

Но это только еще одна сторона предмета. Особый психическій строй, характеризующій каждую народность (особенно же—каждый культурно-историческій типъ), проявляется не въ томъ только, что присоединяетъ нѣкоторую субъективную примѣсь къ добываемымъ ими научнымъ истинамъ, но еще и въ томъ, что заставляетъ смотрѣть каждый народъ на подлежащую научнымъ изслѣдованіямъ дѣйствительность—съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Потому и отраженія этой дѣйствительности въ духѣ разныхъ народовъ—не совершенно между собою совпадаютъ, но имѣютъ въ себѣ нѣчто такое, что̀ взаимно дополняетъ ихъ односторонность. Весьма странно, что отрицающіе народность въ наукѣ, потому что истина—одна, допускаютъ, однако же, ея разновременность. Слова „*современная наука*, *новѣйшая наука*“ не сходятъ у нихъ съ языка. Если наука можетъ быть разновременна смотря по возрасту, котораго достигло народное сознаніе, почему же не можетъ она быть и разномѣстна, по тѣмъ особенностямъ психическаго строя, которыя отличаютъ всякій народъ на всѣхъ ступеняхъ его развитія? Если мы хотимъ получить точное и полное представленіе о какомъ-нибудь сложномъ предметѣ, напримѣръ—о горѣ, то недостаточно подниматься все выше и выше, чтобы обозрѣвать ее съ разныхъ горизонтовъ, а надо еще заходить съ разныхъ сторонъ. Эта необходимость тѣмъ больше, чѣмъ многосложнѣе предметъ изслѣдованія. Если вмѣсто горы мы возьмемъ пирамиду, или колонну, то, конечно, достаточно обзора ея съ какой бы то ни было одной точки зрѣнія, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ея формѣ, такъ какъ она проста и слѣдуетъ простому, легко постижимому закону, пониманіе котораго избавляетъ отъ необходимости обозрѣвать предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Кромѣ специфически субъективной примѣси и необходимой односторонности, зависящихъ отъ особенностей въ психическомъ строѣ разныхъ народностей,—національный характеръ придается наукѣ еще тѣмъ предпочтеніемъ, тою предилекціей, которыя каждый народъ оказываетъ нѣкоторымъ отраслямъ знанія,—что̀ также

ни отъ чего другаго не можетъ зависѣть, какъ отъ извѣстной соотвѣтственности, существующей между разными категоріями, на которыя раздѣляется предметъ научнаго изслѣдованія, и между склонностями, а слѣдовательно и способностями разныхъ народовъ. Точно такъ, какъ есть отдѣльныя лица, чувствующія склонность къ математикѣ, къ естествознанію, къ филологіи, къ исторіи, къ наукамъ общественнымъ, такъ точно есть и народы—по преимуществу математики, по преимуществу филологи и т. д. Напримѣръ, по любви, а слѣдовательно и по способности къ чистой и прикладной математикѣ—первое мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Французамъ. Они одни выставили на этомъ поприщѣ болѣе первоклассныхъ ученыхъ, чѣмъ всѣ остальные европейскіе народы вмѣстѣ взятые: Паскаль, Декартъ, Клеро, Даламбертъ, Монжъ, Лапласъ, Фурье, Лежандръ, Лангранжъ, Пуассонъ, Коши, Леверрье—французы. Германія, въ которой такъ развита самая многосторонняя научная дѣятельность, можетъ выставить противъ этой плеяды математиковъ—не болѣе трехъ-четырехъ, именно: Лейбница, Эйлера, Гаусса. Еще въ бòльшей степени принадлежитъ Германіи первенство въ лингвистикѣ или сравнительной филологіи, которую Германія почти создала и далѣе развиваетъ. Противъ именъ Боппа, Потта, Вильгельма Гумбольдта, Гримма, Лассена, Шлейхера, Макса Мюллера—Франція можетъ выставить не много равносильныхъ соперниковъ. Это несомнѣнное первенство Нѣмцевъ въ области лингвистики тѣмъ замѣчательнѣе, что его невозможно объяснить какими либо случайными причинами. Изученіе классической филологіи, которое несомнѣнно составляетъ ближайшее подготовленіе къ занятію сравнительною филологіей, не было спеціальностью Германіи. Во французскихъ школахъ, а особенно въ англійскихъ, латинскій и греческій языки изучались съ неменьшимъ, а можетъ быть съ бòльшимъ рвеніемъ, чѣмъ въ Германіи. Съ другой стороны, англійскіе ученые имѣли гораздо болѣе поводовъ и удобствъ къ изученію санскритскаго языка, который, какъ извѣстно, послужилъ точкою отправленія для построенія новой науки сравнительнаго языкознанія. Первые нѣмецкіе лингвисты должны были даже отправляться въ Лондонъ для изученія санскритскаго языка, такъ какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ этотъ городъ представлялъ достаточно средствъ для этого изученія. Я ничего не говорю о такихъ предметахъ, какъ практическая, наблюдательная астрономія, въ которой первенство,

долго принадлежавшее Англіи, можетъ быть объяснено тѣмъ, что британское правительство устраивало превосходныя обсерваторіи и вообще доставляло средства—въ виду того практическаго значенія, которое эта наука имѣетъ для націи по преимуществу мореходной. Но и Англія имѣетъ свою любимую науку—это геологія которая главными своими успѣхами обязана Англичанамъ.

Такимъ образомъ, мы находимъ три причины, по которымъ и наука, наравнѣ съ прочими сторонами цивилизаціи, необходимо должна носить на себѣ печать національности, несмотря на то, что въ научномъ отношеніи вліяніе народа на народъ и вліяніе прошедшаго на настоящее—сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ сторонахъ культурно-исторической жизни. Причины эти суть: 1) предпочтеніе, оказываемое разными народами разнымъ отраслямъ знанія; 2) естественная односторонность способностей и міровоззрѣнія, отличающая каждый народъ и заставляющая его смотрѣть на дѣйствительность съ своей особой точки зрѣнія; 3) нѣкоторая примѣсь субъективныхъ индивидуальныхъ особенностей къ объективной истинѣ,—особенностей, которыя (какъ и всѣ прочія нравственныя качества и свойства) не случайно и безразлично раздѣлены между всѣми людьми, а сгруппированы по народностямъ, и въ своей совокупности составляетъ то, что̀ мы называемъ народнымъ характеромъ.

Эти двѣ послѣднія причины не въ одинаковой, однако же, степени примѣнимы ко всѣмъ отраслямъ научныхъ изслѣдованій. Чѣмъ самый предметъ проще, тѣмъ меньшую важность имѣетъ односторонность точки зрѣнія, съ которой мы на него смотримъ, для полученія привильнаго о немъ представленія, какъ показываетъ вышеприведенный примѣръ горы и колонны или пирамиды. Но точно такое же вліяніе имѣетъ и самая степень совершенства, какого достигла наука. Именно, если развитіе какой либо отрасли знанія дошло до того, что къ изслѣдованію ея приложима точная и положительная метода, то этимъ въ значительной мѣрѣ устраняется—какъ односторонность личнаго и національнаго взгляда, такъ и субъективная примѣсь. Точная метода изслѣдованія какъ-бы заставляетъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и какъ-бы усовершенствуетъ то духовное зеркало, отраженіе въ которомъ дѣйствительности и составляетъ то, что̀ мы называемъ истиной. Примѣръ вліянія, оказываемаго методою, лучше всего пояснитъ это. Пусть нѣсколько человѣкъ примутся чертить круги

отъ руки. Одинъ будетъ дѣлать ихъ удлиненными, растягивающимися въ овалъ; другой придастъ своимъ кругамъ какую-то прямолинейность, сдѣлаетъ ихъ похожими на квадраты съ закругленными углами; у третьяго они выйдутъ похожими на многоугольники;—и при нѣкоторомъ навыкѣ можно будетъ отличить, кто начертилъ какой кругъ. Но снабдите чертильщиковъ циркулемъ, т. е. укажите точную методу чертить круги, и индувидуальное различіе пропадетъ: вы уже не отличите, кто начертилъ тотъ или другой кругъ. Относительно круговъ можно достигнуть почти такого же результата долгимъ навыкомъ и безъ циркуля. Въ этомъ примѣрѣ, индивидуальная примѣсь устранена какъ простотою предмета, такъ и примѣненіемъ точной методы. Возьмемъ предметъ сложнѣе. Пусть нѣсколько человѣкъ станутъ чертить лѣстницу, колоннаду, мостъ, внутренность церкви и т. д. Если имъ извѣстны точныя правила перспективы, они проведутъ линію горизонта, назначатъ нѣсколько вспомогательныхъ точекъ, и, начертивъ планъ, поведутъ отъ различныхъ его точекъ разныя линіи къ принятымъ точкамъ. Соединивъ пересѣченія этихъ линій между собою сообразно правиламъ перспективы, всѣ рисовальщики представятъ намъ перспективные виды—какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга. Но пусть они же нарисуютъ на глазъ цвѣтокъ (не говоря уже о цѣломъ ландшафтѣ, портретѣ, или группѣ лицъ въ мгновеніе какого-нибудь событія)—и въ этомъ цвѣткѣ отразится индивидуальность живописца; а такъ какъ національность входитъ въ составъ индивидуальности, то и можно всегда отличить національный характеръ живописи, между тѣмъ какъ не существуетъ никакихъ школъ черченія—ни національныхъ, ни другихъ. Невозможно себѣ представить, почему бы то же самое не относилось и къ наукамъ. Нѣкоторыя науки выработали себѣ точныя и обыкновенно весьма простыя методы изслѣдованія. Напримѣръ, вся практическая астрономія приводится къ опредѣленію мѣста свѣтила на небѣ, т. е., по техническому выраженію къ опредѣленію его склоненія и прямаго восхожденія, что опять таки дѣлается строго опредѣленнымъ способомъ. На этомъ основаны всѣ дальнѣйшія соображенія и выкладки, которыя въ свою очередь производятся по опредѣленнымъ методамъ вычисленія; простора личному произволу, личному взгляду—тутъ не много.— Или возьмемъ органическую химію. Изслѣдуемое вещество подвергаютъ дѣйствію разныхъ жидкостей, про которыя извѣстно,

что одна растворяетъ вещества одного разряда, другая другаго; такимъ образомъ выдѣляется всякая посторонняя примѣсь. Полученное вещество въ чистомъ видѣ, такъ называемое непосредственное вещество (substance immediate), подвергаютъ всесожженію, собираютъ продукты горѣнія, взвѣшиваютъ ихъ—и по нимъ опредѣляютъ составъ вещества. Изученіе вещества есть ничто иное—какъ послѣдовательное приведеніе его въ соприкосновеніе съ разными веществами, при разныхъ условіяхъ, и подобнымъ же образомъ произведенный разборъ происшедшихъ отъ сего результатовъ.—Конечно, получаемые такимъ образомъ факты приводятся въ связь комбинирующимъ умомъ, и въ высшихъ сферахъ наукъ (даже и такихъ точныхъ, какъ химія и астрономія) остается еще довольно простора для личныхъ особенностей ученаго; но, по мѣрѣ усовершенствованія науки, и этотъ просторъ все болѣе и болѣе стѣсняется. Со всѣмъ тѣмъ, однако же, и въ этихъ точныхъ наукахъ, руководимыхъ строгою методою, проявляется характеръ различныхъ народностей—именно въ способахъ изложенія наукъ и въ выборѣ методъ научнаго изслѣдованія.

Что̀ можетъ быть точнѣе чистой математики, и гдѣ тутъ, казалось бы, проявляться національному характеру? Однако же онъ проявляется—и самымъ рѣзкимъ образомъ. Извѣстно, что Греки въ своихъ математическихъ изысканіяхъ употребляли такъ называемую геометрическую методу, между тѣмъ ученые новой Европы употребляютъ преимущественно методу аналитическую. Это различіе въ методахъ изслѣдованія не есть случайность, а находитъ себѣ самое удовлетворительное изъясненіе въ психическихъ особенностяхъ народовъ—эллинскаго и германо-романскаго культурныхъ типовъ. Геометрическая метода требуетъ, чтобы геометрическая фигура, свойства которой изслѣдуются, непрестанно представлялась воображенію съ полною отчетливостью, что̀ при нѣкоторой сложности фигуръ (особливо, когда онѣ имѣютъ всѣ три протяженія, какъ напримѣръ, въ стереометріи или въ начертательной геометріи) требуетъ большаго усилія воображенія, и въ этомъ именно заключается одно изъ педагогическихъ достоинствъ этой методы. Напротивъ того, при методѣ аналитической, составивъ изъ разсмотрѣнія фигуры уравненіе, которое связывало бы между собою нѣкоторыя существенныя свойства фигуры, подвергаютъ это уравненіе процессу діалектическаго развитія, совершенно оставляя въ сторонѣ представленіе о самой фигурѣ. Изъ

этого діалектическаго развитія, если оно произведено правильно, вытекаютъ сами собою выводы, къ которымъ могутъ подать поводъ свойства фигуры. Руссо въ своихъ „Confessions" замѣчаетъ, что онъ никогда не могъ усвоить себѣ математическаго анализа, чувствуя къ нему неопредѣлимое отвращеніе; мнѣ всегда казалось, говоритъ Руссо,—что какое либо положеніе вкладывается въ шарманку, повертятъ ручку — и высыпаются новыя математическія истины. Что̀ Руссо сказалъ о себѣ, то примѣняется ко всѣмъ почти людямъ съ художественными наклонностями, т. е. съ сильною представительною способностью, хотя бы эти люди и не были лишены способности къ тонкому діалектическому развитію мысли. Упомянемъ лишь о Пушкинѣ, неспособность котораго къ математикѣ сохранилась какъ преданіе въ лицеѣ. Но Греки были народомъ по преимуществу художественнымъ. Одно отношеніе предметовъ и понятій — ихъ не удовлетворяло, имъ необходимо было живое, образное представленіе самихъ предметовъ. Нельзя также объяснить предпочтенія, оказывавшагося Греками геометрической методѣ, слабою степенью развитія у нихъ математики, при которой эта трудная метода могла удовлетворять своей цѣли, тогда какъ она уже совершенно недостаточна при нынѣшнемъ развитіи науки. Мы знаемъ, что другой народъ, стоявшій вообще на низшей степени развитія, нежели Греки, но имѣвшій бо̀льшую склонность къ отвлеченному мышленію, весьма далеко довелъ развитіе аналитической методы въ математикѣ. Это были Индійцы, изобрѣтатели алгебры,—по словамъ Гумбольдта сдѣлавшіе такія открытія въ этой области, которыя могли бы принести пользу европейской математикѣ, еслибы сочиненія ихъ сдѣлались нѣсколько ранѣе извѣстными. Примѣръ этотъ можетъ быть перетолкованъ противъ дѣлаемаго мною объясненія того предпочтенія, которое Греки оказывали геометрической методѣ. Именно, Индійцы слывутъ за народъ съ особенно сильною фантазіею, а слѣдовательно и съ сильнымъ воображеніемъ. Но воображеніе или фантазія, которыми отличаются Индійцы, совершенно инаго свойства, нежели воображеніе Грековъ. Воображеніе Индійцевъ сочетаетъ и нагромождаетъ самые странные фантастическіе образы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самые неясные, неотчетливые; а я говорю о точности, опредѣленности, такъ сказать — пластичности представленія, которою именно отличалось воображеніе Грековъ, и которая именно и нужна для геометрическихъ представленій; а ея вовсе незамѣтно

ни въ созданіяхъ индійскаго искусства, ни въ метафизическихъ построеніяхъ индійской философіи, которая, напротивъ того, отличается смѣлыми, весьма далеко проведенными діалектическими выводами.

По мѣрѣ усложненія предмета наукъ и отсутствія строгой опредѣленной методы въ пріемахъ научнаго изслѣдованія, присутствіе индивидуальнаго, а слѣдовательно и національнаго элемента—становится въ нихъ все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Во время спора въ нашей литературѣ о національности въ наукѣ, защитниками ея было, помнится мнѣ, приведено нѣсколько довольно удачныхъ примѣровъ въ подтвержденіе ея. Но можно привести примѣры гораздо болѣе сильные, противъ которыхъ трудно что-либо возразить. Можно представить цѣлый рядъ теорій, которыя всѣ носятъ несомнѣнный признакъ всѣми признаннаго отличительнаго характера той національности, которая ихъ произвела. Я думаю, со мною охотно согласятся, что существенную преобладающую черту въ англійскомъ національномъ характерѣ составляетъ любовь къ самодѣятельности, ко всестороннему развитію личности, индивидуальности, которое проявляется въ борьбѣ со всѣми препятствіями, противопоставляемыми какъ внѣшнею природою, такъ и другими людьми. Борьба, свободное соперничество есть жизнь англичанина: онъ принимаетъ ихъ со всѣми ихъ послѣдствіями, требуетъ ихъ для себя какъ права, не терпитъ никакихъ ограниченій, хотя бы онѣ служили ему же въ облегченіе, находитъ въ нихъ наслажденіе. Начиная со школы, англичанинъ ведетъ эту борьбу,—и гдѣ жизнь не представляетъ достаточныхъ для нея элементовъ, онъ создаетъ ихъ искусственно. Онъ бѣгаетъ, плаваетъ, катается на лодкахъ взапуски, боксируетъ одинъ на одинъ—не массами, какъ любятъ драться на кулачки наши Русскіе, которыхъ и побѣда въ народной забавѣ радуетъ только тогда, когда добыта общими дружными усиліями. Борьбу вводитъ англичанинъ во всѣ свои общественныя учрежденія. Въ судѣ ли, или въ парламентѣ, вездѣ личное состязаніе. Въ подражаніе парламентской борьбѣ они учреждаютъ общества преній (debating society), гдѣ обсуживаются предложенныя темы, и рѣшенія поставляются большинствомъ голосовъ. Всякую забаву Англичане приправляютъ посредствомъ пари, которое есть форма борьбы мнѣній. Эти пари приведены въ настоящую систему. У Англичанъ есть клубъ лазильщиковъ по горамъ, не съ ученною цѣлью изслѣдова-

ній (что̀ если и бываетъ, то—такъ, между прочимъ), а единственно для доставленія себѣ удовольствія преодолѣнія трудностей и опасностей, и притомъ не просто, а состязательно съ другими. Итакъ, борьба и соперничество составляетъ основу англійскаго народнаго характера; и вотъ трое знаменитыхъ ученыхъ создаютъ три ученія, три теоріи въ различныхъ областяхъ знанія, которыя всѣ основаны на этомъ коренномъ свойствѣ англійскаго народнаго характера.

Въ половинѣ XVII вѣка англичанинъ Гоббесъ создаетъ политическую теорію образованія человѣческихъ обществъ на началѣ всеобщей борьбы, на войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ—bellum omnium contra omnes.

Въ концѣ XVIII вѣка шотландецъ Адамъ Смитъ *) создаетъ экономическую теорію свободнаго соперничества—какъ между производителями и потребителями (что̀ устанавливаетъ цѣну предмета), такъ и между производителями (что̀ удешевляетъ и улучшаетъ произведенія промышленности),—теорію непрестанной борьбы и соперничества, которыя должны имѣть своимъ результатомъ экономическую гармонію.

Наконецъ, на нашихъ глазахъ англичанинъ Дарвинъ придумываетъ въ области физіологіи теорію борьбы за существованіе (struggle for existence), которая должна объяснить происхожденіе видовъ животныхъ и растеній и производить біологическую гармонію.

Эти три теоріи имѣли весьма различную судьбу. Теорія Гоббеса совершенно забыта. Теорія Смита разрослась въ цѣлую науку политической экономіи, составляя существеннѣйшее ея содержаніе. Теорія Дарвина получила большое распространеніе и даетъ направленіе современнымъ ботаническимъ и зоологическимъ воззрѣніямъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ ученій. По моему мнѣнію, всѣ они односторонни и носятъ на себѣ тотъ же характеръ преувеличенія, какъ преувеличена общая ихъ основа въ англійскомъ народномъ характерѣ. Какъ бы то ни было, для

---

*) Шотланцы составляютъ лишь незначительный племенной оттѣнокъ въ Англосаксонскомъ племени, такъ какъ у насъ Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы; слѣдовательно и Смитъ—англійскій ученый, точно такъ, какъ Вальтеръ Скоттъ—англійскій романистъ.

насъ важно то, что печать національности, которою они запечатлѣны, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Извѣстно, напротивъ того, что понятіе о необходимости государственной опеки надъ личнымъ произволомъ, надъ личностью человѣка, глубоко вкоренено во французскомъ народномъ характерѣ. И вотъ, три французскія экономическія школы: меркантилистовъ, физіократовъ и защитниковъ *права на трудъ* требуютъ государственнаго покровительства, одна — мануфактурной промышленности, другая—земледѣльческой промышленности, третья требуетъ искусственнаго доставленія выгоднаго труда рабочимъ, когда онъ не въ достаточной мѣрѣ имъ предлагается самою потребностью въ произведеніяхъ ихъ труда. Французъ С. Симонъ и его школа создаютъ даже цѣлую теорію общественнаго и политическаго устройства общества, по которой государство (въ лицѣ такъ-называемаго „отца человѣчества" и его сотрудниковъ) управляетъ всѣмъ общественнымъ трудомъ, раздавая добытыя богатства каждому соотвѣтственно его способностямъ и каждой способности соотвѣтственно ея труду. Опять, не входя въ разборъ достоинства этихъ теорій, не въ правѣ ли мы утверждать, что всѣ онѣ носятъ на себѣ печать французскаго національнаго характера? — Нужно ли еще указывать на практическое направленіе Бэконовой философіи, которое такъ превосходно выставилъ на видъ Маколей въ своемъ біографическомъ этюдѣ великаго англійскаго философа, или на утилитаризмъ Бентама?

Примѣры эти, кажется мнѣ, довольно сильны и убѣдительны, но можно представить и еще болѣе убѣдительный, потому что болѣе общій. Онъ намъ покажетъ, что нѣкоторые періоды, нѣкоторые фазисы въ развитіи наукъ — составляютъ какъ бы удѣлъ однихъ національностей, тогда какъ другія національности, общая дѣятельность которыхъ на научномъ поприщѣ весьма обширна и плодотворна, вовсе не принимали участія въ сообщеніи наукамъ этихъ ступеней развитія. Для этого я долженъ войти въ довольно длинныя предварительныя разсужденія.

При изложеніи исторіи наукъ, перечисляя ихъ постепенныя усовершенствованія и тѣ внѣшнія благопріятныя и вредныя вліянія, которыя ускоряли или замедляли ходъ ихъ, обыкновенно недостаточно обращаютъ вниманія на внутренній ихъ ростъ, и потому часто, — на ряду съ эволюціонными фазисами ихъ развитія, принимаютъ и внѣшнія вліянія за основу дѣленія исторіи

развитія наукъ на періоды. Поэтому ходъ этого развитія представляется какъ бы случайнымъ, и нѣтъ никакой возможности параллелизироватъ ступени развитія, на которыхъ стоятъ однѣ науки—сравнительно съ другими. Однимъ словомъ, или представляютъ только внѣшнюю исторію науки (какъ на примѣръ, укажу на знаменитую исторію естественныхъ наукъ, составленную по лекціямъ, читаннымъ Кювье), или смѣсь внѣшней исторіи съ внутреннею. Между тѣмъ, если даже въ политической исторіи необходимо представить внутренній процессъ развитія обществъ и на немъ по преимуществу сосредоточить вниманіе, то это еще гораздо необходимѣе въ исторіи наукъ, въ развитіи которыхъ все внѣшнее не можетъ не играть весьма второстепенной роли, такъ какъ всякая наука есть послѣдовательное логическое развитіе и построеніе истинъ, принадлежащихъ къ извѣстной сферѣ или категоріи предметовъ.

Чтобы отыскать этотъ всѣмъ наукамъ общій ходъ внутренняго развитія, возьмемъ науку съ возможно однороднымъ составомъ; ибо, при разнородности его, однѣ части науки могутъ уйти далеко впередъ, а другія значительно отъ нихъ отстать, что̀ спутываетъ и усложняетъ общій ходъ развитія. Кромѣ этого, для нашего изслѣдованія нужна такая наука, которая достигла уже значительной степени совершенства, т. е. прошла черезъ значительное число фазисовъ развитія. Всѣ эти желаемыя условія соединяетъ въ себѣ астрономія.

Какъ самый предметъ астрономіи, такъ и ходъ ея развитія—такъ просты, что тутъ не могло быть сомнѣнія, какіе моменты ея развитія принять за поворотные пункты, начиная съ которыхъ она вступила въ новый періодъ своего усовершенствованія. Эти пункты обозначены четырьмя великими именами: грекомъ Гиппархомъ, славяниномъ-полякомъ Коперникомъ, нѣмцомъ Кеплеромъ и англичаниномъ Ньютономъ.

До Гиппарха вся дѣятельность астрономовъ состояла въ собираніи фактовъ, матеріаловъ для будущаго научнаго зданія. Если и въ это время были извѣстны нѣкоторые законы, по которымъ могли предсказывать заранѣе небесныя явленія, напримѣръ затмѣнія и тому подобное, то это, собственно говоря, были не законы въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а такъ сказать рецепты или формулы, точно такіе же, какіе употребляются нерѣдко при разныхъ фабричныхъ производствахъ. Эти рецепты предписываютъ

взять столько-то того-то, смѣшать, дать прокипѣть три часа, и такъ далѣе,—нисколько не выводя этихъ правилъ изъ сущности процесса, а почерпая ихъ единственно изъ долговременнаго несмысленнаго опыта и наблюденія. Это будетъ, слѣдовательно, *періодъ собиранія матеріаловъ*.

Но масса фактовъ скопляется, и обозрѣть ее становится невозможнымъ. Тогда является существенная потребность привести ихъ въ какую либо взаимную связь, привести въ систему. При этомъ избирается какой либо принципъ, бросающійся въ глаза, или почему либо особенно удобный. Весьма невѣроятно, чтобы этотъ избранный для систематизированія принципъ прямо сразу соотвѣтствовалъ самой природѣ приводимыхъ въ порядокъ фактовъ, обнимая собою всѣ представляемыя ими данныя. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что первый опытъ систематизаціи дастъ намъ систему только искусственную. Такъ случилось и съ астрономіей. Система Гиппарха была сисгемою искуственною. Она не выражала собою сущности явленій, не соотвѣтствовала имъ, а представляла лишь вспомогательное средство для ума и памяти, дабы эти послѣдніе могли находиться, оріентироваться въ массѣ частностей. При этомъ она давала и нѣкоторое удовлетвореніе пытливости ума, представляя ему множество сложныхъ явленій въ гармонической связи. Всякая система, хотя бы и искусственная, представляетъ ту неоцѣненную пользу, что даетъ возможность вставлять всякій новый фактъ на свое мѣсто. Онъ не остается въ отдѣльности, а—вступая въ систему, долженъ съ нею гармонировать. Если онъ дѣйствительно гармонируетъ, то тѣмъ самымъ ее подтверждаетъ; если же не гармонируетъ, то указываетъ на необходимость усовершенствовать систему. Уже и тѣ факты, которые были извѣстны александрійскимъ ученымъ, плохо гармонировали съ системою центральности земли. Чтобы подвести ихъ подъ эту систему потребовалось усложненіе. Выдумали эпициклы, т. е. круги, описываемые планетами около воображаемыхъ центровъ. Эти центры движутся по кругу около земли, планеты же около воображаемыхъ центровъ, а за ними уже около земли. Съ увеличеніемъ точности наблюденій громоздили эпициклы на эпициклы. Гиппарховскій періодъ должно, слѣдовательно, назвать *періодомъ искусственной системы*.

Эта крайняя сложность привела ясный славянскій умъ Коперника въ сомнѣніе, и онъ замѣнилъ Гиппархову, или (какъ ее обы-

новенно называли) Птоломееву искуственную систему своею естественною системою, въ которой всякому небесному тѣлу назначено было то именно мѣсто въ наукѣ, которое оно занимаетъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно, этотъ великій человѣкъ ввелъ астрономію *въ фазисъ или періодъ естественной системы*.

Постановленіе фактовъ науки въ ихъ настоящее соотношеніе— даетъ возможность отыскать ту зависимость, въ которой они между собою находятся. Посему съ принятіемъ Коперниковой системы открылась возможность вычислять разстояніе планетъ одной отъ другой и различныя разстоянія той же планеты отъ центральнаго тѣла на разныхъ точкахъ ея пути. Эти разстоянія оказались не случайными, а связанными, какъ между собою, такъ и со скоростью обращенія, извѣстными простыми отношеніями, получившими названіе Кеплеровыхъ законовъ, по имени ихъ великаго открывателя. Но сами законы эти оставались между собою разъединенными, какъ бы случайными, не вытекающими изъ одного общаго, яснаго и понятнаго уму начала. Поэтому, такого рода законы, только связывающіе между собою извѣстныя явленія, но не объясняющіе ихъ, называются частными эмпирическими законами. Слѣдовательно, Кеплеровскій періодъ развитія астрономіи мы можемъ назвать *періодомъ частныхъ эмпирическихъ законовъ*.

Наконецъ, Ньютонъ открываетъ то общее начало, которое нетолько объемлетъ собою всѣ частные законы (такъ что они проистекаютъ изъ него, какъ частные выводы), но, будучи само по себѣ понятно уму, даетъ имъ и объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ Ньютоновомъ законѣ непонятна только самая сущность притяженія. Но само по себѣ ясно, что оно должно быть настолько разъ сильнѣе, восколько больше число (или масса) притягивающихъ частичекъ, и что оно должно ослабляться по мѣрѣ удаленія притягивающаго тѣла, какъ квадраты чиселъ выражающихъ это удаленіе; ибо исходящая изъ тѣла сила разсѣявается во всѣ стороны равномѣрно и, слѣдовательно, какъ бы располагается по поверхностямъ шаровъ съ разными поперечниками, а эти поверхности увеличиваются какъ квадраты ихъ поперечниковъ. Слѣдовательно, Ньютоновскій періодъ астрономіи долженъ быть названъ *періодомъ общаго раціональнаго закона*.

Онъ завершаетъ собою науку. Дальше идти некуда. Конечно, можно еще расширять, обогащать науку новыми открытіями фактовъ (новыхъ планетъ, кометъ и т. д.), улучшать методы вычи-

сленія, проводить основной законъ до мельчайшихъ частностей, расширять его область на другія системы и т. д. Но никакой переворотъ въ наукѣ, достигшей этой степени совершенства, уже не возможенъ и не нуженъ. Единственный шагъ впередъ въ философскомъ значеніи, который еще возможенъ, состоялъ бы въ такомъ обобщеніи общаго раціональнаго закона, которое, въ свою очередь, связало бы его съ общимъ раціональнымъ закономъ господствующимъ въ другой категоріи явленій, въ области другой самостоятельной науки.

Итакъ, всѣми признанное дѣленіе исторіи астрономіи по періодамъ ея внутренняго развитія привело къ отличенію въ немъ пяти ступеней или фазисовъ (*собиранія матеріаловъ*, *искусственной системы*, *естественной системы*, *частныхъ эмпирическихъ законовъ*, *общаго раціональнаго закона*), которые для краткости можно назвать *до-Гиппарховскимъ*, *Гиппарховскимъ*, *Коперниковскимъ*, *Кеплеровскимъ* и *Ньютоновскимъ* періодами. При этомъ оказывается, что эти ступени развитія не случайны, а требуются самимъ естественнымъ ходомъ научнаго развитія, т. е. необходимы, и потому мы должны ожидать, что они повторятся и во всякой другой наукѣ. Прежде чѣмъ перейти къ этой провѣркѣ выказавшагося въ астрономіи, естественнаго логическаго хода развитія науки, независимаго отъ внѣшнихъ благопріятствующихъ или препятствующихъ вліяній, на другихъ наукахъ,—замѣтимъ, что до него нельзя дойти—придерживаясь внѣшней исторіи науки или смѣшивая ее съ внутреннею. Въ этомъ случаѣ пришлось бы говорить объ исторіи астрономіи у Халдеевъ, у Египтянъ, у Грековъ, о вліяніи Аравитянъ, о значеніи для астрономіи успѣховъ оптики, объ улучшеніи методовъ наблюденія англійскими астрономами и т. д., при чемъ можно легко упустить изъ виду то преобладающее вліяніе, которое оказали великіе реформаторы науки, или, по крайней мѣрѣ, поставить ихъ заслуги наравнѣ съ обстоятельствами побочными. Въ астрономіи, правда, роль этихъ архитекторовъ науки такъ видна, что почти невозможно не придать ей должнаго преобладающаго значенія; но тѣмъ легче сдѣлать это въ другихъ наукахъ.

Другая наука, которая не достигла еще, правда, такой степени совершенства, какъ астрономія, но тоже перешла уже большое число фазисовъ развитія и, отличаясь однородностью своего состава, очень ясно выказываетъ главные фазисы своего разви-

тія — есть химія. И она безъ малѣйшей натяжки покажетъ намъ совершенно тотъ же ходъ развитія.

Въ древнія времена и въ такъ-называемые средніе вѣка —собирались только химическіе факты, частію при разныхъ промышленныхъ производствахъ, частію же подъ вліяніемъ фантастическихъ и мистическихъ идей. Они вовсе не были сгруппированы между собою—ни искусственно, ни естественно, — ни хорошо, ни дурно. Ибо Аристотелево понятіе о четырехъ элементахъ не заключаетъ въ себѣ никакой химической основы, а имѣетъ скорѣе біологическій характеръ, такъ какъ воду, воздухъ, землю и огонь (понимая подъ этимъ послѣднимъ теплоту, свѣтъ и вообще такъ-называемыя прежде—невѣсомыя) можно разсматривать только—какъ источникъ, изъ котораго происходятъ и въ который возвращаются органическія тѣла. Эти элементы, какъ нѣчто извнѣ принесенное, не могли служить, конечно, связующею нитью для химическихъ явленій извѣстныхъ алхимикамъ, и потому ученіе объ элементахъ не заслуживаетъ даже названія искусственной системы.

Въ періодъ искусственной системы ввелъ химію нѣмецъ Шталь, который поэтому можетъ быть названъ Гиппархомъ химіи. Онъ придумалъ флогистонъ, который будто бы отдѣляется отъ тѣлъ при горѣніи, такъ что продукты горѣнія или окисленія (ржавчины, извести, щелочи, окиси) суть тѣла простыя, а металлы—ихъ соединенія съ флогистономъ. Эта система, столь же искусственная, какъ Гиппархова, подобно этой послѣдней соединяла, однако, одною общею нитью всѣ извѣстныя тогда химическія явленія и позволяла давать себѣ отчетъ въ взаимодѣйствіяхъ веществъ другъ на друга и вставлять вновь открываемые факты въ ея рамку. Такъ, вновь открытый хлоръ назвали обезфлогистоненною соляною кислотою, и т. д. Сборъ фактовъ получилъ стройный порядокъ, всякое явленіе теряло свою отдѣльность (случайность) и должно было непремѣнно или подтверждать систему, гармонируя съ нею, или же, не согласуясь съ нею, опровергать ее, по крайней мѣрѣ усложнять ее новыми вводными положеніями. Сообразно этому и Шталева теорія не осталась безъ своего рода эпицикловъ, еще болѣе мудреныхъ, чѣмъ тѣ, которые обезобразили Гиппархову систему. Когда оказалось, что при предполагаемомъ отдѣленіи флогистона—вѣсъ продуктовъ отъ этого процесса увеличивается (то есть, что тѣло одно безъ флогистона вѣситъ болѣе, чѣмъ съ флогистономъ),

то Птоломей этой системы — французскій химикъ Гюитонъ де-Морво—придалъ флогистону особое безпримѣрное качество отрицательнаго вѣса.

Геніальный французъ Лавуазье ниспровергъ всю эту (въ свое время чрезвычайно полезную) путаницу, придавъ преобладающее, такъ сказать центральное значеніе дѣйствительному кислороду, вмѣсто мнимаго флогистона, и этимъ поставилъ все на надлежащее мѣсто, соотвѣтствующее самой дѣйствительности. Лавуазье, слѣдовательно, ввелъ въ химію естественную систему—былъ *Коперникомъ химіи*.

И тутъ опять, точно также, какъ въ астрономіи, вслѣдствіе естественности системы оказалось вскорѣ возможнымъ отыскать частныя связывающія начала, которыя приводятъ во взаимную зависимость химическія явленія. Нѣмецъ Венцель открываетъ законы соединенія солей; французъ Ге-Люссакъ— законы соединенія газовъ въ простыхъ отношеніяхъ объемовъ; французъ Прустъ открываетъ самый плодотворный химическій законъ, по которому тѣла соединяются между собою не во всевозможныхъ, а только въ нѣкоторыхъ, весьма простыхъ отношеніяхъ, единицами для которыхъ служатъ опредѣленныя по вѣсу количества, извѣстныя подъ именемъ пропорціоналовъ или паевъ; Дюлонгъ и Пети открываютъ отношенія, связывающія эти пропорціональные вѣса съ удѣльнымъ теплородомъ. Всѣ эти открытія носятъ на себѣ характеръ Кеплеровыхъ законовъ и могутъ быть названы частными эмпирическими законами химіи. Въ этотъ Кеплеровскій періодъ развитія введена химія не однимъ геніальнымъ химикомъ, а нѣсколькими болѣе или менѣе талантливыми или геніальными учеными. Общаго раціональнаго закона химія еще не имѣетъ. Дальтонова атомистическая теорія, хорошо объясняющая законы пропорціональныхъ вѣсовъ и объемовъ, не вполнѣ ограждена отъ возраженій, а главное, нисколько не объясняетъ самаго химическаго сродства, степень котораго можетъ быть узнаваема только эмпирическимъ путемъ и не находится ни въ какой извѣстной зависимости отъ атомистическаго вѣса и другихъ свойствъ, приписываемыхъ атомамъ. Для этого была придумана, такъ-называемая электро-химическая теорія, которая также оказалась несостоятельною, и потому должно признать, что химія не вышла еще изъ Кеплеровскаго періода развитія,—періода частныхъ эмпирическихъ законовъ.

Одна часть химіи,—именно химія органическая—долго отста-

вала отъ своей старшей сестры. Хотя, конечно, система Лавуазье имѣла вліяніе и на ея развитіе, однако, значеніе кислорода здѣсь далеко не такое преобладающее, какъ въ химіи неорганической. Поэтому, для классификаціи тѣлъ и реакцій органической химіи долго принимали чисто внѣшній (въ химическомъ отношеніи) принципъ ихъ происхожденія и нѣкоторыхъ наружныхъ качествъ. Трактовали о тѣлахъ растительныхъ, будто бы трех-стихійныхъ, и о тѣлахъ животныхъ, будто бы четырех-стихійныхъ, о кислотахъ, щелочахъ, смолахъ, жирныхъ и летучихъ маслахъ, даже о красильныхъ и вытяжныхъ веществахъ. Такая система, какъ и Аристотелево ученіе о четырехъ стихіяхъ, не можетъ быть названа даже искусственною системою, ибо ничего собою не объясняетъ, ничего не приводитъ въ связь и соотношеніе. Честь введенія искусственной системы въ органическую химію принадлежитъ шведу Берцеліусу и нѣмцу Либиху. Они, руководствуясь аналогіею аммонія и синерода, придумали рядъ тѣлъ, названныхъ ими „сложными радикалами", т. е. тѣлами, которыя, будучи сложными, играютъ въ соединеніяхъ совершенно ту же роль, какъ тѣла простыя. Самую органическую химію Либихъ назвалъ химіею сложныхъ радикаловъ, въ отличіе отъ химіи неорганической,—химіи простыхъ элементовъ. Эти сложные радикалы по бо̀льшей части—тѣла гипотетическія, которыхъ никто нигдѣ никогда не видалъ, но которыя, однако, очень многое хорошо объясняли. Однако же, многое подъ нихъ и не подводилось. Думали, что это зависитъ отъ недостаточнаго еще знакомства съ реакціями этихъ тѣлъ, и надѣялись, что со временемъ все подойдетъ подъ систему сложныхъ радикаловъ. Вмѣсто этого, химики принуждены были отказаться отъ этой теоріи и перейти къ системѣ химическихъ типовъ и замѣщеній, развитой преимущественно во Франціи—Дюма, Лораномъ и Жераромъ. Эта система, повидимому, носитъ на себѣ характеръ системы естественной; такова ли она на самомъ дѣлѣ—покажетъ будущее.

Переходя къ физикѣ, мы найдемъ, что эта наука, давно уже достигшая высокой степени совершенства, отличалась въ противуположность астрономіи и химіи, чрезвычайною разнородностью состава, такъ что не только различныя ея части всегда стояли на весьма разныхъ ступеняхъ развитія, но даже трудно было найти такое опредѣленіе этой науки, которое бы ясно и точно выражало ея содержаніе, и должно приписать скорѣе счастливому инстинкту

ученыхъ, чѣмъ сознательной идеѣ, то обстоятельство, что весь этотъ разнородный комплексъ фактовъ и ученій оставался постоянно подведеннымъ подъ общій сводъ одной науки—физики. Только открытія самаго новѣйшаго времени оправдали этотъ, такъ сказать, научный инстинктъ. Благодаря этимъ открытіямъ, можно дать физикѣ самое краткое, простое, а вмѣстѣ точное и ясное опредѣленіе. Это есть наука о движеніи вещества, если считать равновѣсіе частнымъ случаемъ движенія,—въ параллель или, пожалуй, въ противоположность съ химіей, которая есть наука о веществѣ въ самомъ себѣ. Движеніе это двоякое: или оно состоитъ въ ощутительномъ перемѣщеніи въ пространствѣ, или же въ колебательномъ движеніи частичекъ внутри тѣла, обнаруживающемся для нашихъ чувствъ—какъ теплота, свѣтъ, а вѣроятно и электричество. Переходъ между этими двумя родами движенія составляетъ волнообразное движеніе капельныхъ жидкостей и звукъ,—такъ какъ характеръ движенія и тутъ тотъ-же, что и при такъ называвшихся невѣсомыхъ, но движенію подлежатъ не самыя интимныя частички тѣлъ, и съ нимъ сопряжено ощутимое перемѣщеніе, какъ, напримѣръ, въ дрожащей струнѣ. Ученіе о движеніяхъ перваго рода, составляющее предметъ первой части физики (какъ принято это называть въ изложеніяхъ этой науки), состоитъ изъ приложенія математическаго анализа, изъ отдѣльныхъ наблюденій надъ нѣкоторыми свойствами тѣлъ, и изъ приложенія теорій, выработанныхъ другими науками (теорія притяженія, химическая теорія). Поэтому, не имѣя самостоятельности, эти ученія не могутъ ясно выказать излагаемаго здѣсь хода развитія. Что̀ касается до ученія о невѣсомыхъ, то первенствующую руководительную роль играла въ немъ оптика, и въ развитіи этой частной науки ясно выражается ходъ его.

За сборомъ фактовъ, изъ которыхъ къ нѣкоторымъ было приложено математическое построеніе (отраженіе и преломленіе свѣта), послѣдовала ихъ искусственная систематизація Ньютономъ посредствомъ теоріи истеченія. Почти одновременно съ нимъ примѣнилъ голландецъ Гюйгенсъ къ свѣтовымъ явленіямъ естественную систему, извѣстную подъ именемъ теоріи волненій. Многіе законы, открытые Малюсомъ, Френелемъ, Юнгомъ, Фраунгоферомъ, составили періодъ частныхъ эмпирическихъ законовъ, которые утвердили эту естественную систему. Ученіе о теплородѣ слѣдовало за успѣхами оптики: большая часть оптическихъ явленій

и законовъ (даже интерференція) были отысканы и въ явленіяхъ теплородныхъ, преимущественно итальянцемъ Меллони. Съ другой стороны, указана была связь явленій собственно такъ-называемаго электричества, гальванизма и магнетизма Эрстедомъ, Араго и Амперомъ, а также и связь съ теплородомъ и даже свѣтомъ—Меллони и Фаредеемъ. Наконецъ, первенство въ развитіи, долгое время принадлежавшее оптикѣ, перешло къ ученію о теплородѣ. Предварительными трудами Румфорда, а главное, геніальными соображеніями нѣмецкаго ученаго, доктора Майера, и опытами англичанина Джуля, ученіе о теплородѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и о свѣтѣ были возведены на Ньютоновскую ступень развитія общаго раціональнаго закона—*сохраненія движенія*, по которому такъ-называемыя невѣсомыя вещества лишаются своей самобытности, а являются лишь видоизмѣненіемъ движенія, переходящаго изъ перемѣщенія тѣла въ пространствѣ—во внутреннее колебаніе или дрожаніе частицъ, въ свою очередь могущее переходить въ движеніе въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова. Тутъ (какъ сама сила притяженія въ Ньютоновомъ законѣ) остается непонятнымъ только—гипотетическій эѳиръ, который служитъ передаточнымъ средствомъ для этихъ движеній. Этому ученію остается только развиваться и примѣняться съ тѣмъ же успѣхомъ къ явленіямъ электричества и его видоизмѣненій. Такимъ образомъ, спеціальный предметъ физики—ученіе о невѣсомыхъ вступило первымъ, послѣ астрономіи, въ высшій фазисъ научнаго развитія.

Въ ботаникѣ опыты установленія системы начались съ XVII или съ XVI столѣтія, но вполнѣ удалось это великому шведу Линнею. Введенная имъ система была вполнѣ искусственная, и составляетъ даже какъ бы типъ искусственной системы, представляя всѣ ея достоинства (т. е. большое удобство и простоту въ подведеніи подъ нее классифицируемыхъ предметовъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайную неестественность, соединеніе разнороднаго, раздѣленіе сроднаго, однимъ словомъ поставленіе предметовъ не въ ту взаимную связь, которая существуетъ между нами въ дѣйствительности. Но и тутъ искусственная система имѣла тоже выгодное вліяніе на развитіе науки, какъ и всегда. Явилась возможность группировать факты, пользоваться трудами предшественниковъ, и свои собственные труды передавать другимъ въ общей связи со всѣмъ матеріаломъ науки,—и результаты оказались тѣ-же. Рамка искусственной системы скоро сдѣлалась узка: втиснутые въ

нее факты сами ее разорвали. Геніальные французы Адансонъ и два Жюссье, дядя и племянникъ, установили въ ботаникѣ естественную систему, и тѣмъ не только ввели свою науку въ новый, Коперниковскій періодъ развитія, но (по словамъ Кювье) произвели переворотъ во всемъ естествознаніи; потому что, естественная система растеній не только послужила примѣромъ для зоологіи, но дала возможность обобщать, въ должной именно мѣрѣ, всѣ анатомическіе и физіологическіе наблюденія и опыты, производимые надъ растеніями и животными. Безъ естественной системы невозможны ни сравнительная анатомія, ни сравнительная физіологія (какъ растительная, такъ и животная). Кромѣ того, такъ какъ въ растительномъ мірѣ видимость мало соотвѣтствуетъ существенному морфологическому характеру растеній, то установленіе естественной системы не могло быть здѣсь чѣмъ либо случайнымъ, счастливою догадкою, а требовало выработки самой теоріи естественной системы (принятіе во вниманіе всѣхъ признаковъ предметовъ, взвѣшиваніе относительнаго достоинства этихъ признаковъ и т. д.). Это и было сдѣлано ботаникой, а затѣмъ усовершенствовано зоологіей (установленіемъ типовъ организаціи),— для примѣра и руководства всѣмъ прочимъ наукамъ.

Въ зоологіи искусственная система была также введена Линнеемъ. Здѣсь надо замѣтить, что, по самой сущности дѣла, искусственныхъ системъ можетъ быть очень много, одновременно существующихъ, или послѣдовательно замѣняющихъ одна другую. Такъ и въ астрономіи, кромѣ системы Гиппарха, усовершенствованной и усложненной Птоломеемъ, была еще система Египетская, и даже послѣ Коперника, появилась еще искусственная система Тихо де-Браге, желавшаго примирить привычную ложь, отъ которой трудно было отказаться, съ истиною. Такъ и въ ботаникѣ, и въ зоологіи было нѣсколько искусственныхъ системъ, но я беру здѣсь за грань двухъ періодовъ развитія только ту изъ нихъ, которая полнѣе другихъ выразила идею и цѣль искусственной системы и которая, слѣдовательно, въ сильнѣйшей степени оказала то вліяніе на развитіе науки, которое вообще свойственно искусственной системѣ.

Введенію естественной системы обязана зоологія Кювье. Въ противоположность искусственной системѣ—естественная система, какъ и все истинное, можетъ быть только одна, но она можетъ безпрестанно усовершенствоваться, все болѣе и болѣе прибли-

жаясь къ выраженію того соотношенія предметовъ и явленій, которое существуетъ въ самой природѣ. Говоря объ естественной системѣ, надо сдѣлать еще замѣчаніе, которое намъ пригодится. Именно, Линнеева зоологическая система не была вполнѣ искусственною. Высшіе отдѣлы животнаго царства установлены Линнеемъ вполнѣ естественно. Но это зависѣло отъ того, что характеры главныхъ естественныхъ группъ высшихъ животныхъ такъ рѣзко напечатлѣны самою природою, что не признать ихъ не было никакой возможности. Эти группы были вѣрно установлены еще Аристотелемъ; можно даже сказать, что онѣ никогда и ни кѣмъ установлены не были, а всегда были ясны и для простаго неученаго человѣка: звѣри, птицы, рыбы—возможно ли невѣрно схватить характеры этихъ группъ? Это уже возможнѣе относительно пресмыкающихся (змѣй, ящерицъ, черепахъ, лягушекъ), и въ нихъ и была сдѣлана Линеемъ ошибка. Если бы различіе въ характерѣ прочихъ животныхъ было столь же рѣзко запечатлѣно во внѣшней формѣ, какъ въ животныхъ высшихъ, то искусственная система, по самой силѣ вещей, была бы невозможна. Поэтому можетъ случиться, что иная наука перескочитъ въ своемъ развитіи черезъ ступень искусственной системы. Мы скоро увидимъ тому примѣръ.

Минералогія есть собственно ученіе о морфологическихъ явленіяхъ неорганическаго царства; своей физіологіи она не имѣетъ, ибо она совпадаетъ съ химіей и отчасти съ физикой. Первый опытъ классификаціи минеральныхъ формъ, который можно признать системою, принадлежалъ великому нѣмецкому ученому Вернеру, и его система опять-таки была искусственная, и оказала то же вліяніе на эту отрасль знанія, какъ ботаническая и зоологическая классификація Линнея, привлекши къ ней значительное количество ученыхъ силъ. Французскому аббату Гаюи принадлежитъ честь установленія естественной морфологіи минераловъ. За нимъ нѣкоторые нѣмецкіе ученые,—Моосъ, Розе, особенно же Митшерлихъ,—открыли частные эмпирическіе законы, обусловливающіе формы кристалловъ, и именно Митшерлихъ открытіемъ изоморфизма указалъ на связь между формами кристалловъ и химическимъ составомъ тѣлъ. Но общій принципъ образованія кристалловъ, раціональная зависимость наружной формы отъ внутренняго расположенія частицъ остаются еще неизвѣстными.

Тотъ же Вернеръ представилъ первую научную систему гео-

логіи, явленія которой до того времени приводились въ связь только для подтвержденія или опроверженія библейскаго сказанія о дняхъ творенія, или же служили основою для разныхъ фантастико-космогоническихъ мечтаній. Система Вернера, желавшая все произвести изъ воды, оказалась искусственною; но вліяніе этой системы на развитіе науки было такъ велико, что введенные Вернеромъ термины: первозданныхъ, флецевыхъ горъ, первичныхъ, вторичныхъ, переходныхъ образованій, доселѣ сохранились въ наукѣ. Шотландецъ Гуттонъ и его послѣдователи поставили на подобающее мѣсто воду и огонь, Нептуна и Вулкана, въ образованіи земной коры, и тѣмъ ввели науку въ періодъ естественной системы, въ которомъ она теперь и находится.

Мы обозрѣли, такимъ образомъ, весь кругъ естествознанія и, какъ мнѣ кажется, безъ малѣйшей натяжки подвели всѣ относящіяся сюда науки подъ тотъ общій планъ развитія, который съ такою ясностью выказывается въ астрономіи. Изъ прочихъ наукъ только одна еще сравнительная филологія или лингвистика, причисляемая нѣкоторыми также къ числу наукъ естественныхъ, достигла достаточной степени совершенства, чтобы въ ней можно было указать на нѣсколько перейденныхъ эволюціонныхъ фазисовъ.

До конца прошедшаго столѣтія вся обширная область языкознанія представляла лишь массу научнаго матеріала, не приведеннаго въ взаимную связь. Какъ въ геологіи, такъ и тутъ, нѣкоторые теоретики подчиняли факты извнѣ почерпнутому началу,—узко понятому богословскому воззрѣнію, по которому еврейскій языкъ долженъ былъ быть первымъ языкомъ человѣчества, отъ котораго проистекли всѣ остальные,—что̀, конечно, доставляло обширное поприще произволу и натяжкамъ.

Открытіе санскритскаго языка произвело переворотъ въ этой наукѣ. Тутъ случилось то же, на что̀ я указалъ, говоря о зоологической системѣ Линнея по отношенію къ высшимъ животнымъ. Первый знатокъ санскритскаго, англичанинъ Вильсонъ, обладая знаніемъ языковъ греческаго и латинскаго и своего роднаго языка (отрасль германскаго корня), не могъ не замѣтить соединявшаго ихъ сродства, что̀ и высказалъ совершенно опредѣлительно. Поэтому, первая систематизація языковъ оказалась естественною. Ступень искусственной системы была тутъ перешагнута, и языкознаніе прямо перешло въ періодъ естественной системы изъ періода

собиранія матеріаловъ. Но и естественная система, по самой ея легкости и очевидности, не могла долго останавливать на себѣ вниманія, и потому, вслѣдъ за англійскими санскритистами, нѣмецкіе филологи Боппъ и Гриммъ (относительно нѣмецкаго языка) ввели свою науку въ періодъ частныхъ эмпирическихъ законовъ, состоящихъ въ законахъ фонетическаго измѣненія звуковъ при этимолотической деривацiи языковъ. Въ отдѣльной группѣ языковъ романскихъ, происшедшихъ завѣдомо отъ латинскихъ или древне-итальянскихъ нарѣчій, также не было мѣста искусственной системѣ. Естественная система дана была тутъ самою исторіею. Въ прочихъ группахъ языковъ повторяется только тотъ ходъ научнаго развитія, который начался съ группы языковъ арійскихъ.

Изъ прочихъ наукъ, логика и чистая математика, не имѣя внѣшняго объекта, и состоя, такъ сказать, изъ чистаго діалектическаго развитія мысли, не только не представляютъ тѣхъ фазисовъ развитія, которые выводятся изъ исторіи прочихъ наукъ, но даже, по самой сущности своей, не могутъ представлять никакихъ переворотовъ въ своемъ прогрессивномъ ходѣ. Между тѣмъ, какъ науки объективныя исходятъ отъ данныхъ видимаго міра, представляющихся во всей ихъ сложности и раздробленности, и постепенною группировкою восходятъ къ болѣе общимъ и простымъ началамъ,—точкою отправленія наукъ субъективныхъ служатъ именно простѣйшія начала, такъ сказать присущія нашему уму, изъ которыхъ все дальнѣйшее развитіе проистекаетъ какъ слѣдствіе. Эти науки, слѣдовательно, суть науки выводныя, дедуктивныя. Затѣмъ, остальныя науки суть или науки прикладныя, не самостоятельныя (какъ напримѣръ терапія агрономія, технологія и проч.), которыя заимствуютъ свои начала и свои матеріалы изъ другихъ отраслей знанія и прикладываютъ ихъ только къ извѣстнымъ цѣлямъ; или (какъ науки общественныя, историческія, философскія) находятся то въ періодѣ собиранія матеріаловъ, то въ періодѣ непрестанной замѣны одной искусственной системы другою.

Замѣчательно, что для четырехъ изъ пяти періодовъ развитія — результаты, достигнутые въ предъидущемъ періодѣ, сохраняютъ все свое значеніе и въ послѣдующихъ; организмъ науки только дополняется. Исключеніе составляетъ только второй періодъ—періодъ искусственной системы. Онъ похожъ на тѣ преходящіе органы животныхъ, которые играютъ лишь временную роль, какъ напримѣръ Вольфовы тѣла, исчезающія послѣ заро-

дышнаго состоянія, не оставляя послѣ себя слѣдовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ньютоновъ законъ не устраняетъ изъ астрономіи законовъ Кеплеровыхъ, ни эти послѣдніе — системы Коперника; даже всѣ частныя наблюденія, сдѣланныя александрійскими или халдейскими астрономами, сохраняютъ всю свою силу для науки. Но системы Гиппарха, Птоломея, Тихо де-Браге теперь какъ бы не существуютъ для науки; онѣ остались лишь въ исторіи и въ ней только изучаются. Тоже самое относится и къ системамъ Шталя, Вернера, Линнея, къ Ньютоновой теоріи истеченія. Въ этомъ смыслѣ, кажется мнѣ, должно понимать то положеніе, что факты въ наукѣ остаются, а теоріи преходящи. Преходящи не всѣ теоріи, а тѣ только, которыя имѣютъ соотношеніе къ періоду установленія искусственной системы; эта система какъ бы соотвѣтствуетъ лѣсамъ и подмосткамъ научнаго зданія, которые потомъ снимаются, но безъ которыхъ зданія невозможно было бы построить. Съ другой стороны, искусственная система составляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть, самый полезный и плодотворный шагъ въ развитіи самой науки. Она придаетъ собранному матеріалу единство, выводитъ его на свѣтъ Божій, лишаетъ характера таинственности, отдѣльныхъ рецептовъ и формулъ, составляющихъ лишь собственность такъ-называемыхъ адептовъ,—дѣлаетъ массу фактовъ доступною всякому, желающему посвятить свои труды и силы какой либо отрасли знанія. Хотя эта система примѣшиваетъ, по необходимости, нѣчто ложное къ суммѣ добытыхъ фактовъ, но она же даетъ и средство разрушить, устранить это ложное постановленіемъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Поэтому, только съ введеніемъ искусственной системы знаніе получаетъ достоинство науки. Но въ этомъ періодѣ наукѣ предстоитъ опасность вращаться въ ложномъ кругу, замѣнять одну искусственную систему другою, не подвигаться существеннымъ образомъ впередъ. Эта опасность устраняется только введеніемъ естественной системы, послѣ чего наука, такъ сказать, входитъ въ правильное русло.

Послѣ этого длиннаго отступленія, я, наконецъ, перехожу къ выводамъ относительно вліянія, оказываемаго особенностями національнаго психическаго строя на науку. Мы разсмотрѣли исторію развитія девяти наукъ и отмѣтили въ нихъ, въ совокупности, 33 періода или фазиса развитія, разграниченныхъ 24-мя научными реформами. Національность того ученаго или тѣхъ ученыхъ, ко-

торые возвели свою науку на непосредственно высшую ступень развитія, мы съ намѣреніемъ всегда отмѣчали. Это даетъ намъ возможность составить слѣдующую весьма поучительную табличку, въ графы которой мы размѣстимъ названія національностей, къ которымъ принадлежали эти великіе двигатели науки.

Названія наукъ.	Названія періодовъ развитія.			
	Искуственной системы.	Естественной системы.	Частныхъ эмпирическихъ законовъ.	Общаго раціональнаго закона.
Астрономія	Грекъ.	Славянинъ.	Нѣмецъ.	Англичанинъ.
Неорг. Химія.	Нѣмецъ.	Французъ.	Нѣм. Франц.	—
Орг. Химія.	Шведъ и Нѣмецъ.	Французы.	—	—
Ученіе о невѣсомыхъ.	Англичанинъ.	Голландецъ.	Франц. Англич. Нѣмецъ.	Нѣмецъ и Англичанинъ.
Ботаника.	Шведъ.	Французъ.	—	—
Зоологія.	Шведъ.	Французъ.	—	—
Минералогія.	Нѣмецъ.	Французъ.	Нѣмцы.	—
Геологія.	Нѣмецъ.	Англичанинъ.	—	—
Лингвистика.	—	Англичанинъ.	Нѣмцы.	—

Изъ этой таблицы оказывается, что вообще, содѣйствовали возведенію наукъ изъ однаго періода развитія въ другой.

Нѣмцы въ . . . . . 10 случаяхъ.
Французы въ . . . 7 "
Англичане въ . . 6 "
Шведы въ . . . . 3 "
Голландцы въ . . 1 "
Славяне въ . . . 1 "
Греки въ . . . . 1 "

Слѣдовательно, первенство въ сообщеніи плодотворнаго движенія наукамъ впередъ безспорно принадлежитъ Нѣмцамъ. Но эта прогрессивная дѣятельность разныхъ національностей является весьма различною въ различные періоды научнаго развитія. Именно, обращая вниманіе лишь на народы, бывшіе главными дѣятелями въ наукѣ,—на Нѣмцевъ, Англинчанъ и Французовъ, мы видимъ, что Англичане болѣе или менѣе содѣйствовали возведенію наукъ на всѣ четыре ступени ихъ развитія; Нѣмцы оказали преимущественное участіе въ возведеніи наукъ на ступень частныхъ эмпирическихъ законовъ, или болѣе или менѣе участвовали въ этомъ трудѣ во всѣхъ наукахъ, достигшихъ этого періода развитія; вмѣстѣ съ Англичанами раздѣляютъ они славу возведенія наукъ на высшую ступень ихъ совершенства; въ четырехъ случаяхъ изъ

восьми были единственными дѣятелями, или главными участниками въ искусственной систематизаціи знаній; но *ни одной науки не ввели въ періодъ естественной системы.* Совершенно напротивъ того, Французы были главными дѣятелями въ сообщеніи движенія наукамъ въ періодѣ естественной системы, имённо изъ девяти случаевъ въ пяти, и ни въ одной наукѣ не установили искусственной системы.

Изъ этого мы видимъ, во-1-хъ, что роль каждой изъ трехъ національностей въ общемъ научномъ движеніи совершенно соотвѣтственна степени различія ихъ національнаго характера: такъ что между Французами и Нѣмцами замѣчается наибольшая противоположность, а Англичане, которые и этнографически и лингвистически соединяютъ Нѣмцевъ съ Французами, занимаютъ и тутъ какъ бы посредствующее звено. Во-2-хъ (и это главное), неучастіе Нѣмцевъ въ возведеніи наукъ на степень развитія естественной системы, сильное участіе ихъ въ установленіи системъ искусственныхъ и, напротивъ того, преобладающее участіе Французовъ въ естественно-систематическомъ періодѣ научнаго развитія и совершенное ихъ неучастіе въ періодѣ искусственно-систематическомъ—изъясняются самымъ удовлетворительнымъ образомъ общепризнанными особенностями въ психическомъ строѣ этихъ двухъ богато одаренныхъ народовъ.

Мы видѣли, что искусственная система почти всегда предшествуетъ естественной. Это зависитъ отъ того, что весьма мало вѣроятія на то, чтобы въ неприведенной въ порядокъ грудѣ матеріаловъ можно было прямо схватить между ними всѣ сходства и различія и притомъ каждое изъ нихъ должнымъ образомъ взвѣсить и оцѣнить. Гораздо вѣроятнѣе, что сначала бросится въ глаза какой-либо признакъ, кажущійся почему-либо преобладающимъ. Такъ, въ астрономіи этимъ преобладающимъ признакомъ была сочтена обманчивая видимость явленій; въ химіи—также обманчивая видимость отдѣленія *чего-то* при горѣніи, что̀ и было названо Шталемъ флогистономъ. Но это только одна изъ причинъ искусственности системъ, такъ сказать—причина объективная, проистекающая изъ самой сущности группируемыхъ данныхъ. Но есть и другая причина—причина субъективная, зависящая отъ психическаго строя классификатора. Если онъ одаренъ способностями по преимуществу умозрительными, то сложность отношеній между предметами мало удовлетворитъ его; она будетъ казаться

ему неразумною случайностью. Онъ будетъ непремѣнно отыскивать насквозь проницающее начало, ein durchgreifendes Princip, какъ говорятъ Нѣмцы, и, думая, что нашелъ его, подвергнетъ его всѣмъ видоизмѣненіямъ діалектическаго процесса развитія, будетъ варіировать эту тему на всѣ лады и подводить подъ эти варіаціи своей главной темы все разнообразіе классифицируемаго. Но это и есть способъ неминуемо ведущій къ искусственной группировкѣ предметовъ. Поэтому, когда естественная система была уже установлена и въ ботаникѣ и въ зоологіи, и оставалось бы только все болѣе и болѣе ее усовершенствовать,—она мало удовлетворяла умозрительные умы, и они старались передѣлать ее на свой ладъ, втиснуть въ свои логическія категоріи, въ рамку какого-либо діалектически развиваемаго, яко бы насквозь проницающаго, начала. Такъ Океиъ, исходя изъ того начала, что животное царство должно дифференцироваться или расчленяться—аналогически съ расчлененіемъ отдѣльнаго и притомъ наиболѣе совершеннаго животнаго организма, составилъ группы головныхъ, грудныхъ, брюшныхъ животныхъ, въ которыхъ какъ-бы преобладаетъ характеръ головы, груди или брюха. Каждая изъ этихъ группъ можетъ быть (по системѣ Окена) типическою, или составлять переходы къ прочимъ, и потому являются животныя голово-головныя, голово-брюшныя, голово-грудныя, брюхо-брюшныя, брюхо-грудныя, брюхо-головныя и т. д. все въ томъ же родѣ. Другой нѣмецкій ученый, на этотъ разъ ботаникъ,—Рейхенбахъ, уже въ послѣдней половинѣ тридцатыхъ годовъ, думалъ найти этотъ насквозь проницающій принципъ дѣленія прямо въ діалектической методѣ Гегелевской логики. Онъ отличаетъ сначала формы, въ которыхъ будущее діалектическое развитіе заключается еще какъ бы въ зернѣ, находится еще въ состояніи безразличія, что̀ называетъ *prothesis*. Развитіе его протезиса ведетъ къ установленію типической формы *thesis* и ея противоположности *antithesis*, которыя затѣмъ какъ бы примиряются въ высшемъ единствѣ *synthesis*. Въ каждой изъ растительныхъ группъ, будто бы соотвѣтствующихъ этимъ: протезису, тезису, антитезису и синтезису, конечно, повторяется тотъ же самый діалектическій процессъ.

Оставя въ сторонѣ то, что̀ есть страннаго и утрированнаго въ этихъ примѣрахъ, не такъ-ли точно располагаются по строгой системѣ пишущіяся диссертаціи? Здѣсь это не составляетъ недостатка, потому что идея, положенная въ основаніе дѣленія, мо-

жетъ быть, дѣйствительно составляетъ мысль, которая насквозь проникаетъ всю диссертацію; но чтобы идея, подкладываемая безконечно разнообразной природѣ, дѣйствительно имѣла это качество и дѣйствительно такъ же бы варіировалась, или діалектически развивалась, какъ ее варіируетъ и развиваетъ систематикъ,— на это нѣтъ никакого вѣроятія.

Понятно, что такое направленіе ума, которымъ Нѣмцы особенно отличаются, вовсе не благопріятно для схватыванія и оцѣниванія признаковъ, предметовъ и явленій, безъ предвзятой идеи. Напротивъ того, Французы, менѣе искусные діалектики и глубокіе мыслители, имѣютъ болѣе отверстый умъ для непосредственнаго воспринятія внѣшнихъ впечатлѣній и ихъ комбинаціи по степенямъ дѣйствительно существующаго между ними сродства, причемъ отсутствіе всепроницающаго начала не тревожитъ ихъ ума. Посмотрите, какъ устанавливается естественная система въ ботаникѣ, гдѣ ее всего труднѣе было установить. Бернардъ Жюссье былъ смотритель королевскаго сада, т. е. садовникъ. Онъ подыскивалъ тѣ формы, которыя на его физіогномическій взглядъ, гармонировали между собою, и сажалъ ихъ близко другъ къ другу, постепенно исправляя свои ошибки; а его племянникъ научно устанавливалъ группы, составленныя такимъ физіогномическимъ путемъ. Но ежели умозрительное направленіе ума и одержаніе его какою-либо все подчиняющею себѣ идеею—мало благопріятствуютъ установленію естественной системы въ какой-либо области знанія,—они по истинѣ драгоцѣнны при открытіи какъ частныхъ, такъ и общихъ законовъ природы, происходящемъ почти всегда путемъ умозрѣнія. Кеплеромъ всецѣло владѣла мысль, что планеты совершаютъ свои пути согласно какимъ-либо гармоническимъ сочетаніямъ, и онъ старается подвести отношенія между разстояніями и временами обращенія планетъ—то подъ отношенія между различными измѣреніями правильныхъ геометрическихъ тѣлъ, то подъ законы музыкальной гармоніи и, наконецъ, подъ вліяніемъ этого одержанія идеей, отыскиваетъ свои безсмертные законы.

За результатъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ примѣровъ должно, кажется, принять, что плоды науки суть дѣйствительно достояніе всего человѣчества, въ большей мѣрѣ, чѣмъ прочія стороны цивилизаціи, которыя въ такой полнотѣ не могутъ передаваться отъ народа къ народу, особливо же—отъ одного культурно-историческаго типа къ другому; но что самое произращеніе этихъ плодовъ,

т. е. обработка и развитіе наукъ, носятъ на себѣ не менѣе національный характеръ, чѣмъ искусство, народная и государственная жизнь. Но различіемъ въ субъективныхъ свойствахъ (въ психическомъ строѣ) народностей, обработывающихъ науки, не исчерпываются еще всѣ причины, по которымъ и развитіе науки носитъ на себѣ національный отпечатокъ. Въ нѣкоторыхъ наукахъ самъ объектъ ихъ существенно націоналенъ. Таковы всѣ науки общественныя.

Чтобы доказать національность характера наукъ вслѣдствіе особенностей психическаго строя, присущаго разнымъ народностямъ, мы прибѣгли, между прочимъ, къ изложенію хода ихъ историческаго развитія; для доказательства высшей степени національности нѣкоторыхъ наукъ, — національности, проявляющейся не только въ субъективномъ, но и въ объективномъ смыслѣ, — прибѣгнемъ къ классификаціи наукъ; но въ этомъ отношеніи не будемъ далеко ее проводить, а остановимся на томъ только, что̀ намъ нужно для нашей частной цѣли.

За главное дѣленіе наукъ должно, кажется мнѣ, признать ихъ субъективный или объективный характеръ, — разумѣя подъ науками субъективными такія, которыя не имѣютъ внѣшняго предмета, а суть, по существу своему, изложеніе самаго хода человѣческаго мышленія; таковы только математика и логика. Всѣ прочія науки имѣютъ внѣшнее содержаніе, и оно обусловливаетъ ихъ характеръ.

Нѣкоторыя изъ этихъ наукъ могутъ быть названы общими или теоретическими, потому что онѣ имѣютъ своимъ предметомъ общія міровыя сущности, безотносительно къ спеціальнымъ формамъ, въ которыя онѣ облечены. Такихъ общихъ міровыхъ сущностей три: матерія, движеніе и духъ. Изученіе матеріи самой въ себѣ — составляетъ предметъ химіи; изученіе движенія—предметъ физики; изученіемъ духа, безотносительно къ его частнымъ проявленіямъ, должна заниматься метафизика. Однако не только существованіе, но даже самая возможность существованія такой науки весьма сомнительна. Чтобы возможно было изученіе законовъ духа вообще, нужно бы имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько духовныхъ существъ, дабы мочь элиминировать то, что̀ въ нихъ случайно (то, что̀ зависитъ отъ образа соединенія духа съ матеріей и отъ организаціи этой матеріи), отъ того, что̀ существенно принадлежитъ духу, какъ духу. Но мы знаемъ лишь одно духовное существо — чело-

вѣка; поэтому, кажется, осторожнѣе—замѣнить метафизику психологіей. Но возможна ли, или невозможна метафизика, — которая (въ параллель съ химіей) была бы наукою о духѣ безотносительно къ его проявленіямъ въ соединеніи съ извѣстными формами, — для насъ важно теперь лишь то, что психологія представляетъ намъ такія явленія, которыя не подводятся подъ законы матеріи и ея движенія. Поэтому, всѣ первоначальные, самобытные законы, которымъ подлежитъ вся область нашего знанія, почерпаются только изъ трехъ наукъ: химіи, физики, психологіи. Если астрономическія изслѣдованія привели къ открытію закона тяготѣнія, то этотъ законъ тѣмъ не менѣе есть законъ — физическій, а не спеціально астрономическій.

За тѣмъ, всѣ остальныя науки имѣютъ своимъ предметомъ лишь видоизмѣненія матеріальныхъ и духовныхъ силъ и законовъ—подъ вліяніемъ морфологическаго принципа, о которомъ мы замѣтимъ только, что онъ такъ же точно не проистекаетъ изъ свойствъ матеріи и ея движенія, какъ паровая машина не проистекаетъ изъ расширительной силы пара. Морфологическій принципъ есть идеальное въ природѣ. Развивать мысль эту здѣсь не у мѣста. Для насъ важно то различіе, которое проистекаетъ для характера наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ общія міровыя сущности: матерію, движеніе и духъ, отъ тѣхъ, которыя разсматриваютъ лишь ихъ разнообразныя осуществленія подъ вліяніемъ морфологическаго принципа. Это различіе заключается въ томъ, что только первыя науки могутъ выработывать общія теоріи, остальныя же могутъ отыскивать лишь частные законы, простирающіеся на болѣе или менѣе обширныя группы предметовъ или существъ, расположенныхъ по естественной системѣ, но ни въ какомъ случаѣ не объясняющіе всѣхъ ихъ собою. Для поясненія сдѣлаемъ сравненіе нѣкоторыхъ химическихъ законовъ (съ одной стороны) съ физіологическими законами (съ другой).

Химія говоритъ намъ, что тѣла соединяются не иначе—какъ въ опредѣленныхъ для каждаго тѣла по вѣсу количествахъ, извѣстнымъ подъ именемъ химическихъ пропорціоналовъ, паевъ или атомическихъ вѣсовъ. И мы вполнѣ убѣждены, что также точно происходятъ эти соединенія на лунѣ, солнцѣ, Юпитерѣ, Сиріусѣ и въ отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятнахъ. Также точно мы увѣрены, что свѣтъ, проходя черезъ прозрачныя средины, преломляется,—что отъ полированныхъ поверхностей онъ отражается,

сохраняя равенство угла паденія съ угломъ отраженія, гдѣ бы это отраженіе ни происходило,—на землѣ ли, или на звѣздахъ Медвѣдицы, и откуда бы свѣтъ ни исходилъ—отъ лампы, отъ солнца, или отъ любой звѣзды.—Но изъ физіологическихъ законовъ общи для всѣхъ животныхъ или растеній—только-тѣ, которые обусловливаются всѣмъ имъ общими химическими и физическими свойствами, какъ напримѣръ, вѣсомъ. Начто казался общимъ законъ, что размноженіе живыхъ существъ состоитъ въ воспроизведеніи себѣ подобныхъ, а между тѣмъ, такъ-называемая перемежаемость поколѣній (Generations-wechsel) показываетъ намъ, что есть множество существъ, у которыхъ не дѣти походятъ на родителей, а только внуки—на дѣдовъ, или правнуки—на прадѣдовъ. Начто также общимъ казался законъ, что, при половомъ размноженіи, необходимо присутствіе двухъ элементовъ: мужескаго и женскаго, разъединенныхъ въ двухъ индивидуумахъ, или соединенныхъ въ одномъ; а между тѣмъ, явленія партеногенезиса или дѣво-рожденія показываютъ намъ, что даже совершенно дѣвственныя самки бабочекъ кладутъ яица, изъ которыхъ развиваются вполнѣ образовавшіяся животныя. Слѣдовательно, и эти, казавшіеся столь общими для всего живаго, законы—примѣнимы лишь къ нѣкоторымъ группамъ извѣстной обширности. Если относительно другихъ законовъ не дѣлали подобныхъ же обобщеній, то только потому, что, съ самаго начала физіологическихъ изслѣдованій, имъ подлежали уже существа довольно разнородныя. Но представимъ себѣ, что мы не знали бы ни одного водянаго животнаго. Мы, безъ сомнѣнія, утверждали бы, что всякое живое существо, погруженное въ воду, непремѣнно задохнется, ибо не можетъ дышать въ водѣ; мы думали бы, что легкія и, пожалуй, воздухоносныя трубочки (трахеи) суть единственно возможные органы дыханія и, конечно, никогда не придумали бы жабръ путемъ теоріи.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что только химія, физика и наука о духѣ могутъ быть науками теоретическими; что не можетъ быть теоретической физіологіи или анатоміи, а только—физіологія и анатомія сравнительныя. Точно то же относится къ наукамъ филологическимъ, къ историческимъ и, наконецъ, къ общественнымъ.—Общественныя явленія не подлежатъ никакимъ особаго рода силамъ, слѣдовательно и не управляются никакими особыми законами, кромѣ общихъ духовныхъ законовъ. Эти законы дѣйствуютъ особымъ образомъ, подъ вліяніемъ мор-

фологическаго начала образованія обществъ; но такъ какъ эти начала для разныхъ обществъ различны, то и возможно только—не теоретическое, а лишь сравнительное обществословіе и части его: политика, политическая экономія и т. д.

Что невозможна общая теорія устройства гражданскихъ и политическихъ обществъ — это сознано давно, и мало уже такихъ доктринеровъ, которые бы думали, что, напримѣръ, англійское государственное устройство есть нѣкій идеалъ, котораго всѣ должны стремиться достигнуть, — что между государствами (или вообще обществами) есть, такъ сказать, только различіе возрастное, а не качественное. Но одинъ уголокъ общественныхъ наукъ упрямо сохраняетъ это доктринерство — именно политическая экономія. Она думаетъ, что всякое господствующее въ ней ученіе есть общее для всѣхъ царствъ и народовъ,—что напримѣръ, такъ какъ нѣтъ земледѣльческой общины въ тѣхъ обществахъ, которыя эта наука изучила и на изученіи которыхъ выводила свои теоріи, то общины и нигдѣ быть не должно, что она составляетъ явленіе анормальное. Политическая экономія утверждаетъ, что такъ-называемая свободная торговля, которая есть выгоднѣйшая форма мѣны для Англіи, гдѣ эта наука изучала торговыя и промышленныя явленія, должна непремѣнно примѣняться и къ Америкѣ, и къ Россіи. По моему, это то же самое—какъ бы утверждать, что дышать можно только жабрами или только легкими, не взирая на то, живетъ ли животное въ водѣ, или на сушѣ. Теоретическая политика или экономія такъ же невозможна, какъ невозможна теоретическая физіологія или анатомія. Всѣ эти науки, и вообще всѣ науки, за исключеніемъ трехъ вышеупомянутыхъ, могутъ быть только сравнительными. Слѣдовательно, за неимѣніемъ теоретической основы,—какихъ либо особеннаго рода самобытныхъ, не производныхъ экономическихъ или политическихъ силъ и законовъ—всѣ явленія общественнаго міра суть явленія національныя, и какъ таковыя только и могутъ быть изучаемы и разсматриваемы. Они, конечно, могутъ и должны быть сравниваемы между собою, и изъ такого сравненія могутъ проистекать правила для болѣе или менѣе обширной группы политическихъ обществъ, но, никогда политическое или экономическое явленіе, замѣчаемое у одного народа, и тамъ умѣстное и благодѣтельное, не можетъ считаться уже по одному этому умѣстнымъ и благодѣтельнымъ—у другаго. Это можетъ быть, но можетъ и не быть. Слѣдовательно, общественныя науки народны по самому своему объекту.

Итакъ, мы можемъ заключить, что и наука можетъ быть національна, но что въ разныхъ наукахъ степень національности различна. Національность менѣе всего проявляется въ наукахъ простыхъ по своему содержанію, или очень высоко стоящихъ по своему развитію, — въ такихъ наукахъ, къ которымъ приложимы строгія методы изслѣдованія. Эти методы и составятъ препятствіе къ проявленію народности или вообще индивидуальности въ нѣсколько значительной степени. Здѣсь роль народности ограничивается почти лишь способомъ изложенія и выборомъ методы изслѣдованія, если такихъ приложимыхъ методъ нѣсколько. Роль народности въ наукахъ увеличивается по мѣрѣ усложненія предмета, не допускающаго введенія точной и строгой методы. Если науки эти не принадлежатъ къ разряду наукъ общественныхъ, то причина національнаго характера, который онѣ могутъ и должны принимать, зависитъ отъ особенности психическаго строя каждой народности, въ особенности же каждаго культурно-историческаго типа. Наиболѣе же національный характеръ имѣютъ (или по крайней мѣрѣ должны бы имѣть для успѣшности своего развитія) науки общественныя, такъ какъ тутъ и самый объектъ науки становится національнымъ. Это, какъ само собою разумѣется, относится и къ наукамъ словеснымъ, но объ нихъ и говорить нечего, такъ какъ никто никогда не утверждалъ, что правила нѣмецкой грамматики обязательны и для русскаго языка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГНІЕТЪ-ЛИ ЗАПАДЪ?

О, никогда земля, отъ первыхъ дней творенья,
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но, горе—вѣкъ прошелъ—и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь. Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Хомяковъ.

Въ предыдущихъ главахъ я старался показать, что одно различеніе и сопоставленіе историческихъ событій по ступенямъ возрастнаго развитія, по ступенямъ совершенства, противорѣчитъ правиламъ естественной системы, ибо не объемлетъ всего многообразія этихъ явленій и необходимо ведетъ, точно такъ же, какъ въ зоологіи, ботаникѣ, къ искусственной системѣ построенія науки; что необходимо присоединять къ этому дѣленію по степенямъ развитія на періоды древней, средней и новой исторіи, или на болѣе многочисленныя группы, качественное различіе культурно-историческихъ типовъ, какъ высшій принципъ дѣленія. Я старался далѣе опредѣлить тѣ признаки, которые обусловливаютъ эту группировку историческихъ явленій, и такими признаками оказались крупныя этнографическія различія, на основаніи которыхъ человѣчество раздѣляется на нѣсколько большихъ группъ. Одну изъ этихъ группъ составляютъ народы славянскаго семейства, которые представляютъ ту же мѣру различія, какъ и группы санскритская, иранская, эллинская, латинская, германская. Изъ этого слѣдуетъ, что и славянское семейство народовъ образуетъ столь же самобытный культурно-историческій типъ, какъ и только-что поименованныя племена, и ежели откажется отъ самостоятельнаго развитія своихъ началъ, то и вообще должно отказаться отъ всякаго

историческаго значенія и снизойти на степень служебнаго для чуждыхъ цѣлей этнографическаго матеріала, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Для устраненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, мнѣ казалось небезполезнымъ сдѣлать довольно длинное отступленіе, чтобы уяснить отношенія народнаго къ общечеловѣческому, какъ вообще, такъ и въ частности относительно развитія научнаго, противъ народности въ которомъ обыкновенно всего болѣе возстаютъ. Характеръ употреблявшихся мною доказательствъ былъ внѣшній, такъ сказать—формальный. Я не касался ни сущности славянскаго характера, ни сущности характера прочихъ культурно-историческихъ типовъ, а только старался показать, что ежели степень различія славянскаго семейства отъ прочихъ этнографическихъ семействъ человѣчества вообще, и въ особенности семействъ арійскаго корня, равнозначительна съ различіемъ ихъ между собою, то и проистекающія изъ сего кореннаго различія разности въ ходѣ культурно-историческаго развитія должны быть также равнозначительны. Противъ такой методы доказательствъ, кажется мнѣ, можно сдѣлать только слѣдующее возраженіе. Дѣйствительно, аналогія говоритъ за самобытную славянскую цивилизацію, но славянское племя можетъ составлять исключеніе, не имѣя въ себѣ достаточныхъ особенностей, чтобы развить, выработать эту самобытную культуру. Это возраженіе часто и дѣлаютъ, требуя категорическаго отвѣта на то, въ чемъ именно будетъ состоять эта новая цивилизація, каковъ будетъ характеръ ея науки, ея искусства, ея гражданскаго и общественнаго строя и т. д. Въ такомъ видѣ возраженіе это совершенно нелѣпо, ибо удовлетворительный на него отвѣтъ, если бы онъ былъ возможенъ, сдѣлалъ бы самое развитіе этой цивилизаціи совершенно излишнимъ. Въ общихъ чертахъ, насколько это возможно сдѣлать на основаніи существеннаго характера доселѣ бывшихъ цивилизацій, въ сравненіи съ тѣми зачатками ея, которые успѣли уже выразиться въ славянскомъ культурно-историческомъ типѣ, я постараюсь представить отвѣтъ на этотъ затруднительный вопросъ; но до этого посильнаго отвѣта предстоитъ пройти еще длинный путь. А теперь мы должны обратиться къ изслѣдованію не болѣе или менѣе вѣроятныхъ результатовъ этого будущаго вѣковаго развитія, а тѣхъ основныхъ различій, которые существуютъ между типомъ славянскимъ и германо-романскимъ или европейскимъ,—такъ какъ въ этомъ различіи и состоитъ весь вопросъ. Исчерпать всю сущ-

ность этого различія я также не надѣюсь, но желалъ бы представить нѣкоторыя его черты, главнѣйше на основаніи выработаннаго уже славянофильскою школою, съ нѣкоторыми, можетъ быть, дополненіями, которыя удастся мнѣ сдѣлать. Но прежде чѣмъ вступить на этотъ путь, мнѣ хотѣлось бы устранить еще одно, въ сущности неважное, возраженіе, которое, имѣя также характеръ формальный, должно найти свое мѣсто прежде, чѣмъ вступимъ въ иной порядокъ мыслей и доказательствъ.

Возраженіе это, о которомъ также много препирались въ былое время, состоитъ въ слѣдующемъ. Если Славяне имѣютъ право на культурно-историческую самобытность, то надо сознаться, что они имѣли несчастіе явиться съ своими требованіями въ весьма неблагопріятное для такихъ притязаній время. Западъ, Европа находится въ апогеѣ своего цивилизованнаго величія; блескъ его идетъ во всѣ концы земли, все освѣщаетъ и согрѣваетъ исходящими изъ него свѣтомъ и теплотою. Удобное ли это время для скромныхъ задатковъ новой культуры, новой цивилизаціи? Да и зачѣмъ она, когда та, которую мы видимъ, такъ могущественна, находится въ полнотѣ своихъ силъ, и не видно, чтобъ онѣ слабѣли, чтобы ощущалась потребность замѣнить ее чѣмъ-либо новымъ? Европа вѣдь не императорскій Римъ, или Византія. Неужели же можно не въ шутку утверждать, какъ то нѣкогда дѣлали Хомяковъ и Кирѣевскій, что Западъ гніетъ? Сами славянофилы, повидимому, отказались отъ этой экстравагантности. Защищать такіе парадоксы—не значитъ ли хотѣть быть plus royaliste que le roi?

Возраженіе это я назвалъ въ сущности неважнымъ. Развѣ не повторялось уже нѣсколько разъ, что во времена блеска одной культуры зараждалась новая? Не тогда ли началъ Римъ свое торжественное шествіе, когда Греція озарялась полнымъ блескомъ цивилизаціи и тщилась, хотя конечно и неудачно, передать ее отдаленнѣйшимъ народамъ Востока? Собственно говоря, идеальнѣйшимъ порядкомъ вещей на землѣ былъ бы тотъ, когда бы всѣ великія этнографическія группы, на которыя раздѣлено человѣчество, одновременно развили лежащія въ нихъ особенности направленія до культурнаго цвѣта; когда бы древніе Китай, Индія, Иранъ, возмужалая Европа, юное Славянство и еще болѣе юная Америка разомъ выказали всю полноту и все разнообразіе заключающихся или заключавшихся въ нихъ силъ, которыя бы усугуб-

лялись плодотворнымъ взаимодѣйствіемъ другъ на друга. Такое состояніе вселенной культуры имѣло бы только одинъ недостатокъ со всемірно-исторической точки зрѣнія. Сколько оно выигрывало бы въ отношеніи пространственнаго протяженія, столько теряло бы во временной послѣдовательности, и тѣмъ противорѣчило бы требованіямъ экономіи, всегда соблюдаемой природою. Ни одна культура не можетъ быть вѣчною, и ежели бы всѣ разомъ проливали свѣтъ свой, то всѣ разомъ (или почти разомъ) и померкли бы, и мрачная ночь варварства распространилась бы надъ всей землей, такъ что новой культурной жизни не у чего бы было и зажечь свой свѣтильникъ. Какъ въ началѣ, пришлось бы добывать огонь цивилизаціи труднымъ и медленнымъ треніемъ дерева объ дерево. Поэтому, хотя мы и не видимъ, почему бы не существовать еще разъ двумъ самобытнымъ цивилизаціямъ одновременно бокъ-о-бокъ, однако же болѣе склонны думать, что ежели вызывается культурная жизнь новаго историческаго типа, то должно быть жизнь стараго угасаетъ. Не въ этомъ-ли и главное объясненіе вражды, инстинктивно чувствуемой прежнимъ историческимъ дѣятелемъ къ новому—предшественникомъ къ преемнику? Самая мысль, высказанная славянофилами, о гніеніи Запада, кажется мнѣ совершенно вѣрною, только выразилась она въ жару борьбы и спора слишкомъ рѣзко, и потому съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ.

Гніеніе есть полное разложеніе состава органическихъ тѣлъ, и притомъ съ выдѣленіемъ разныхъ, непріятно дѣйствующихъ на органъ обонянія, газовъ. Этотъ послѣдній, весьма несущественный, признакъ гніенія и обращалъ на себя преимущественное вниманіе нашихъ западниковъ, какъ бы наносилъ имъ самое чувствительное оскорбленіе. Въ полемическихъ статьяхъ того времени съ насмѣшкою говорилось о химикахъ, неумѣвшихъ отличать гніенія отъ жизненнаго броженія.

Невѣжество тутъ было на сторонѣ не этихъ химиковъ, а тѣхъ остроумцевъ, которые видѣли существенное различіе между гніеніемъ и какимъ-то жизненнымъ броженіемъ, котораго, какъ извѣстно, въ природѣ не существуетъ. Всякое броженіе есть разложеніе, то есть переходъ изъ сложныхъ формъ организованнаго вещества въ болѣе простыя формы, приближающіяся къ неорганическимъ формамъ соединеній. Слѣдовательно, гніеніе ли, броженіе ли,—это, въ разсматриваемомъ нами отношеніи, рѣшительно

одно и тоже. Если броженіе, то и разложеніе формъ,—вещественныхъ ли соединеній, или общественнаго быта. Чтобы изъ такого разложенія на элементы составилась новая органическая форма, необходимо присутствіе образовательнаго принципа, подъ вліяніемъ котораго эти элементы могли бы сложиться въ новое цѣлое, одаренное внутреннимъ оживотворяющимъ началомъ. Но на такой принципъ не было указано, а въ этомъ-то сущность дѣла. Впрочемъ, мы пойдемъ гораздо далѣе въ нашихъ уступкахъ. Искренно и охотно скажемъ, что явленій полнаго разложенія формъ европейской жизни, будетъ ли то въ видѣ гніенія, то есть съ отдѣленіемъ зловонныхъ газовъ и міазмовъ, или безъ онаго—въ видѣ броженія, еще не замѣчается. Дѣло не въ этомъ. Оставивъ преувеличенія, вопросъ заключается въ томъ, въ какомъ періодѣ своего развитія находятся европейскія общества,—на какой точкѣ своего пути: восходятъ ли онѣ еще по кривой, выражающей ходъ общественнаго движенія, достигли-ли кульминаціонной точки, или уже перешли ее и склоняются къ западу своей жизни? Относительно индивидуальной жизни отдѣльныхъ существъ, вопросъ этотъ рѣшается легко, потому что имѣется для каждаго изъ нихъ множество предметовъ сравненія. Когда волосы начинаютъ бѣлѣть, прямой станъ сгибаться, лицо морщиниться, мы знаемъ значеніе этихъ признаковъ, потому что они безчисленное число разъ уже повторялись.—Относительно цѣлыхъ обществъ это не такъ. Правда, исторія представляетъ намъ нѣсколько культурныхъ типовъ, перешедшихъ полный циклъ своего развитія, но обстоятельства этого развитія большей части изъ нихъ намъ плохо извѣстны. Собственно, только жизнь Греціи и Рима сохранились дли насъ въ достаточной полнотѣ, чтобы служить элементами сравненія, да и изъ нихъ жизнь Рима была далеко не полною, претерпѣвъ слишкомъ сильное искаженіе черезъ вліяніе Греціи. Кое-что отвѣтитъ намъ и Индія. Но всего этого мало. Возможностью этихъ сравненій надо, конечно, воспользоваться, но, за неимѣніемъ достаточнаго числа данныхъ, мы должны еще обратиться къ аналогіи другихъ явленій, хотя и не однородныхъ съ явленіями жизни цивилизацій, но имѣющихъ съ ними то общее, что они представляютъ развитіе подъ вліяніемъ причинъ, правильно и постепенно измѣняющихся въ своей напряженности.

Возьмемъ для перваго примѣра ходъ дневной температуры. Она зависитъ отъ видимаго движенія солнца по небесному своду.

Высшей точки своей, кульминаціи, достигаетъ солнце въ моментъ полудня, но результатъ этого движенія,—теплота,— продолжаетъ возрастать два или три часа и послѣ того, какъ причина ее производящая стала уже склоняться.

Затѣмъ, обратимся къ аналогіи того процесса въ жизни земли, который обусловливается годичнымъ періодомъ. Время лѣтняго солнцестоянія,—которому соотвѣтствуетъ наибольшая долгота дня и высшее стояніе солнца, падаетъ на іюнь мѣсяцъ, а результаты этого періодическаго движенія, относительно температуры, достигаютъ своей наибольшей величины только въ іюлѣ или въ августѣ. Къ этому же времени, или еще позднѣе, выказываются результаты для жизни растительной. Въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени, наступаетъ періодъ исполненія обѣщаній весны, тогда какъ дни уже много сократились и солнце стало гораздо ниже ходить.

Возьмемъ жизнь отдѣльнаго человѣка: полноты своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ достигаетъ онъ около тридцатилѣтняго возраста, нѣсколько времени стоятъ онѣ на одномъ уровнѣ, а за сорокъ лѣтъ начинаютъ видимо ослабѣвать. Когда же даютъ эти силы самые обильные, самые совершенные результаты? Не ранѣе сорока лѣтъ. Въ одномъ изъ своихъ образцовыхъ критическихъ или біографическихъ опытовъ, — не могу, къ сожалѣнію, вспомнить, въ которомъ именно,—Маколей замѣчаетъ, что ни одно истинно первокласное произведеніе человѣческаго духа, будетъ-ли то въ области науки, или въ области искусства, не было выполнено ранѣе сорокалѣтняго возраста, — хотя, безъ сомнѣнія, ихъ первоначальная идея зародилась въ умѣ въ болѣе ранній возрастъ. Если и можно найти исключенія изъ этого положенія англійскаго историка, то ихъ, во всякомъ случаѣ, очень мало.

То же показываетъ намъ и развитіе языковъ. Филологи единогласно утверждаютъ, что всѣ совершеннѣйшіе языки, не исключая древнѣйшихъ: санскритскаго, зендскаго, греческаго, латинскаго, еврейскаго, окончили уже ростъ свой ранѣе того періода, въ который оставили они намъ слѣды своего существованія, и находились уже въ состояніи вырожденія и упадка въ тѣ отдаленныя времена, въ которыя они становятся намъ извѣстны. По весьма убѣдительному объясненію Мюллера, въ этомъ заключается даже причина, дающая возможность генетической классификаціи языковъ арійскаго корня, такъ что кульминаціонный періодъ развитія этого семейства языковъ падаетъ на то время, когда общій

всѣмъ арійцамъ коренной языкъ не распался еще на свои отрасли. Но когда же дала та сила, которая образовала языки, свои самые большіе результаты, то-есть, литературный цвѣтъ и плодъ? Въ несравненно позднѣйшій періодъ, для нѣкоторыхъ языковъ, какъ напримѣръ, для славянскихъ, вѣроятно, еще и теперь не наступившій.

Изъ всѣхъ этихъ явленій неоспоримо слѣдуетъ, что моментъ высшаго развитія тѣхъ силъ или причинъ, которыя производятъ извѣстный рядъ явленій, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго обилія результатовъ, проистекающихъ изъ постепеннаго развитія этихъ силъ: что этотъ послѣдній всегда наступаетъ значительно позже перваго. Сравненіе не доказательство, comparaison n'est pas raison, говоритъ французская пословица. Это такъ. Но, если можно отыскать одну общую причину во всѣхъ случаяхъ, которые беруется для сравненія, и если эта же общая причина необходимо должна имѣть мѣсто и въ томъ явленіи, которое этими сравненіями доказывается, или поясняется, то сравненія получаютъ доказательную силу, потому что, и та частная причина, отъ дѣйствія которой зависитъ ходъ развитія того процесса, для уясненія котораго мы прибѣгаемъ къ сравненіямъ,—должна слѣдовать тому же закону, должна принадлежать къ той же категоріи причинъ, имѣть одинаковыя свойства съ тѣми причинами, которыя дѣйствуютъ въ аналогическихъ явленіяхъ, взятыхъ для сравненія. Общая причина, по которой въ четырехъ взятыхъ нами явленіяхъ (въ ходѣ суточной температуры, ходѣ годичной температуры и въ связанныхъ съ нею періодическихъ явленіяхъ растительной жизни, въ индивидуальномъ развитіи человѣка и въ развитіи языковъ) моментъ кульминаціи, достигаемый силою ихъ обусловливающею, не совпадаетъ съ моментомъ наисильнѣйшаго проявленія результатовъ этой причины, а всегда ему предшествуетъ, такъ что въ этотъ послѣдній моментъ — причина, обусловливающая собою эти результаты, уже болѣе или менѣе значительно ослабла, уже нисходитъ по кривой своего движенія,—объясняется изъ слѣдующаго простаго и очевиднаго соображенія. Результаты дѣйствія причины все болѣе и болѣе накопляются, такъ сказать капитализируются до тѣхъ поръ, пока расходованіе ихъ не превзойдетъ притока; и хотя бы самъ притокъ ослабѣлъ сравнительно съ прошедшимъ временемъ, сумма полезнаго дѣйствія все еще должна возрастать, пока онъ превышаетъ расходъ. Это само собою понятно относи-

тельно дня и года. Но не то же ли относительно развитія человѣка? Если примемъ, что съ тридцатилѣтняго возраста силы его начинаютъ слабѣть; масса свѣдѣній, опытность, умѣніе комнибировать умственный матеріалъ, метода мышленія все еще могутъ возрастать и улучшаться вслѣдствіе, такъ сказать, духовной гимнастики; и эти пріобрѣтенія, слѣдовательно, могутъ еще долгое время перевѣшивать ослабленіе непосредственныхъ силъ. То же самое происходитъ и въ развитіи цѣлыхъ обществъ, конечно нѣсколько непонятнымъ образомъ. Въ развитіи искусствъ, напримѣръ, непосредственныя творческія силы могутъ уменьшаться, но выработанная техника, вліяніе примѣровъ, образовавшіяся преданія, указывающія на ошибки, которыхъ должно избѣгать, облегчая трудъ, могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что искусства будутъ продолжать процвѣтать еще долгое время и даже достигать высшаго совершенства. Почему слабѣютъ силы въ отдѣльномъ человѣкѣ, это намъ кажется понятнымъ или по крайней мѣрѣ столь привычнымъ, что и не возбуждаетъ удивленія. Но какимъ образомъ могутъ слабѣть творческія силы цѣлыхъ обществъ, это рѣшительно не поддается объясненію, такъ какъ общество состоитъ изъ непрестанно возобновляющихся элементовъ, то-есть, отдѣльныхъ людей. Однако исторія несомнѣнно указываетъ, что это такъ, и при томъ не отъ внѣшнихъ какихъ-либо причинъ, а отъ причинъ внутреннихъ. Послѣ Юстиніана, напримѣръ, греческій народъ не производитъ болѣе истинно великихъ людей ни на какомъ поприщѣ въ теченіе почти тысячелѣтняго еще существованія имперіи.

Я сказалъ: одряхленіе нѣсколько понятно по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Это несправедливо; въ сущности оно столь же непонятно, какъ и одряхленіе обществъ. И отдѣльный человѣкъ состоитъ изъ безпрестанно возобновляющихся элементовъ. Частички тѣла его сгараютъ, разлагаются и выдѣляются подъ разными видами, замѣщаясь новыми. Почему же эти новыя частички хуже старыхъ или хуже соединены между собою, хуже расположены относительно другъ друга, такъ что общій эфектъ ихъ дѣятельности менѣе благопріятенъ для цѣлаго? Это не менѣе трудно объяснить, какъ и то, почему при безпрестанномъ возобновленіи недѣлимыхъ, составляющихъ общественное тѣло, эти недѣлимыя теряютъ свои превосходныя качества. Почему, когда прежде между Греками нарождались Периклы и Эпаминонды, Эс-

всѣмъ арійцамъ коренной языкъ не распался еще на свои отрасли. Но когда же дала та сила, которая образовала языки, свои самые большіе результаты, то-есть, литературный цвѣтъ и плодъ? Въ несравненно позднѣйшій періодъ, для нѣкоторыхъ языковъ, какъ напримѣръ, для славянскихъ, вѣроятно, еще и теперь не наступившій.

Изъ всѣхъ этихъ явленій неоспоримо слѣдуетъ, что моментъ высшаго развитія тѣхъ силъ или причинъ, которыя производятъ извѣстный рядъ явленій, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго обилія результатовъ, проистекающихъ изъ постепеннаго развитія этихъ силъ: что этотъ послѣдній всегда наступаетъ значительно позже перваго. Сравненіе не доказательство, comparaison n'est pas raison, говоритъ французская пословица. Это такъ. Но, если можно отыскать одну общую причину во всѣхъ случаяхъ, которые беруется для сравненія, и если эта же общая причина необходимо должна имѣть мѣсто и въ томъ явленіи, которое этими сравненіями доказывается, или поясняется, то сравненія получаютъ доказательную силу, потому что, и та частная причина, отъ дѣйствія которой зависитъ ходъ развитія того процесса, для уясненія котораго мы прибѣгаемъ къ сравненіямъ,—должна слѣдовать тому же закону, должна принадлежать къ той же категоріи причинъ, имѣть одинаковыя свойства съ тѣми причинами, которыя дѣйствуютъ въ аналогическихъ явленіяхъ, взятыхъ для сравненія. Общая причина, по которой въ четырехъ взятыхъ нами явленіяхъ (въ ходѣ суточной температуры, ходѣ годичной температуры и въ связанныхъ съ нею періодическихъ явленіяхъ растительной жизни, въ индивидуальномъ развитіи человѣка и въ развитіи языковъ) моментъ кульминаціи, достигаемый силою ихъ обусловливающею, не совпадаетъ съ моментомъ наисильнѣйшаго проявленія результатовъ этой причины, а всегда ему предшествуетъ, такъ что въ этотъ послѣдній моментъ — причина, обусловливающая собою эти результаты, уже болѣе или менѣе значительно ослабла, уже нисходитъ по кривой своего движенія,—объясняется изъ слѣдующаго простаго и очевиднаго соображенія. Результаты дѣйствія причины все болѣе и болѣе накопляются, такъ сказать капитализируются до тѣхъ поръ, пока расходованіе ихъ не превзойдетъ притока; и хотя бы самъ притокъ ослабѣлъ сравнительно съ прошедшимъ временемъ, сумма полезнаго дѣйствія все еще должна возрастать, пока онъ превышаетъ расходъ. Это само собою понятно относи-

а блестящій періодъ этого права переживаетъ самое западно-римское государство, давшее ему начало, переселившись на почву Византіи. По тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя удалось извлечь наукѣ изъ разныхъ памятниковъ индійской культуры, временемъ ея творческаго періода должно считать то, когда развилась браманская цивилизація, послѣ покоренія при-гангскихъ странъ и когда односторонность ея вызвала буддійскій протестъ. Но блистательнѣйшіе свои результаты представила эта культура въ началѣ нашей эры, во времена царя Викрамадитьи, когда жилъ Калидаса, когда возводились великолѣпныя пагоды Эллоры и Бенареса, и процвѣтали науки философскія и математическія. Не выходитъ ли изъ этого троекратнаго примѣра, что кульминаціонная точка творческихъ общественныхъ силъ, создающихъ цивилизацію, совпадаетъ съ высшимъ цвѣтомъ искусствъ и съ временемъ философски энциклопедическаго знанія, которое даетъ характеръ будущему направленію научнаго развитія, и что періодъ положительной, особенно же практической, примѣнительной науки, характеризуетъ то время, когда творческія общественныя силы уже довольно далеко оставили за собою эпоху своего лѣтняго солнцестоянія?

Какое же время цивилизаціи Европы соотвѣтствуетъ этимъ эпохамъ апогея творческихъ силъ, и какое этимъ эпохамъ наибольшаго накопленія ихъ результатовъ — исчезнувшихъ цивилизацій Индіи, Греціи и Рима? Аналогія такъ поразительна, что трудно не отвѣтить, что первымъ соотвѣтствуетъ XVI и XVII вѣкъ, когда возводился храмъ Петра, писали: Рафаель, Микель-Анжело и Кореджіо, Шекспиръ сочинялъ свои драмы, Кеплеръ, Галилей, Бэконъ и Декартъ закладывали основы новаго мышленія и новыхъ методъ научнаго изслѣдованія; а вторымъ—столь обильный результатами теоретическими и практическими XIX вѣкъ. Въ первую эпоху заложено все самобытное въ европейскомъ искусствѣ и въ европейской наукѣ, такъ что въ послѣдующее время оно только продолжало развиваться по тому же пути. Плодъ есть по преимуществу даръ начала осени, а цвѣтъ по преимуществу даръ конца весны. Точно такъ, какъ образованіе растительнаго зародыша совершается въ оболочкѣ, поражающей прелестью формы и блескомъ красокъ, такъ и зародышъ новой философіи и научной мысли бываетъ окруженъ всею прелестью поэзіи, всею роскошью искусства. Моментъ цвѣтенія представляетъ намъ послѣд-

хилы и Софоклы, Фидіи, Платоны и Аристотели, и даже еще въ болѣе позднѣе время, Велисаріи, Трибоніаны, Анѳиміи, Іоанны Златоусты, они замѣщаются потомъ сплошь людьми незначительными? Старѣется, значитъ, въ обоихъ случаяхъ самъ принципъ, производящій и сочетающій эти элементы какъ человѣческаго или вообще животнаго, такъ и общественнаго тѣла. Какъ бы то ни было, приведенныя для сравненія аналогіи дѣлаютъ чрезвычайно вѣроятнымъ, что самое обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ нашемъ XIX столѣтіи есть признакъ того, что та творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего теченія.

Обратимся къ аналогіи, представляемой другими, уже совершившими циклъ своего развитія культурно-историческими типами. Въ какое время достигли творческія силы, произведшія греческую цивилизацію, своего апогея? Безъ сомнѣнія, вѣкъ Перикла представляетъ уже окончаніе этого періода. На это время падаетъ цвѣтъ искусства и закладка того философскаго мышленія и того рода научнаго изслѣдованія, которыя составляютъ характеръ греческой науки. Уже съ Пелопонезской войны Греція очевидно клонится къ своему паденію. Вѣкъ Аристотеля есть уже время полнаго упадка, но тутъ-только и философія и даже искусство достигаютъ своего апогея, и только еще позже, въ то уже время, которое можно назвать временемъ разложенія, или, пожалуй менѣе вѣжливо, гніенія, достигаетъ положительная наука своего полнаго развитія въ Александріи. Также точно время полной силы римскаго народа совпадаетъ съ временемъ окончанія войнъ Пуническихъ и Македонскихъ, ибо начиная съ Гракховъ внутренняя болѣзнь римскаго общественнаго тѣла начинаетъ уже съ силою обнаруживаться и требуетъ героическаго, хотя и палліативнаго леченія цезаризмомъ. Но время процвѣтанія римской цивилизаціи, когда она начала давать лучшіе свои плоды, принадлежитъ царствованію Августа. Даже во времена Антониновъ, непосредственно предшествовавшихъ началу окончательнаго разложенія, результаты римской цивилизаціи представлялись еще во всемъ блескѣ. Римъ почти ничего не произвелъ самостоятельнаго ни въ философскомъ мышленіи, ни въ положительномъ научномъ изслѣдованіи. Единственное исключеніе составляетъ практическая область права,— и научная обработка его соотвѣтствуетъ очень позднему времени римской жизни; она собственно начинается въ вѣкъ Антониновъ.

бытнаго германскаго философскаго мышленія, а наконецъ и положительной науки, въ которой только по истеченіи первой четверти XIX столѣтія заняла она первенствующее мѣсто, не можетъ считаться противорѣчіемъ высказываемому здѣсь взгляду на общій ходъ европейской цивилизаціи, взгляду, по которому ея творческія созидательныя силы вступили уже около полутораста или двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ на нисходящую сторону своего пути. Наступило уже время плодоношенія. Жатва ли это, или сборъ плодовъ, или уже сборъ винограда; позднее ли лѣто, ранняя ли или уже поздняя осень,—сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, то солнце, которое возращало эти плоды, перешло уже за меридіанъ и склоняется уже къ западу. Это положеніе стало бы гораздо яснѣе и очевиднѣе, если бы разобрать самый характеръ тѣхъ зиждительныхъ силъ, которыми построено и на которыхъ держится зданіе европейской цивилизаціи, какъ это и дѣлали Хомяковъ и Кирѣевскій. Я предоставляю себѣ высказать мои мысли объ этомъ впослѣдствіи, при изложеніи существеннѣйшихъ различій между народами славянскаго и германо-романскаго типа, къ которому безъ дальнѣйшихъ проволочекъ теперь же и приступаю. Пока же заключаю, что развитіе самобытной славянской культуры нетолько вообще необходимо, но теперь именно своевременно.

нюю закладку новаго въ жизни растенія, а потому и должно считать его высшимъ моментомъ творчества растительной силы, за которымъ слѣдуетъ уже одно созрѣваніе. Оно продолжается послѣ того, какъ и листья, главные органы питанія, засохнутъ; продолжается даже иногда, когда самъ плодъ оторванъ отъ растенія, на которомъ завязался и образовался; продолжается даже на полкахъ кладовой. Точно также и высшимъ моментомъ творчества общественныхъ силъ должно признать то время, когда проявляются окончательно тѣ идеи, которыя будутъ служить содержаніемъ всего дальнѣйшаго культурнаго развитія. Результаты этого движенія, этого толчка долго могутъ еще возрастать и представлять собою всю роскошь и изобиліе плодовъ цивилизаціи, но уже создающая ее и руководящая ею сила будетъ ослабѣвать и клониться къ своему упадку. Таковъ общій характеръ всякаго постепеннаго развитія, проявившійся во всѣхъ цивилизаціяхъ, совершившихъ свой циклъ, гдѣ ходъ его намъ сколько-нибудь извѣстенъ. Если культурно-историческій типъ Европы долженъ составлять исключеніе изъ этого общаго характера, то надо указать причины такого единственнаго въ своемъ родѣ исключенія, а мы ихъ, признаться, не видимъ.

При этомъ не надо выпускать изъ виду слѣдующаго: культурный типъ Рима былъ простой, осуществляясь въ одномъ государствѣ. Болѣе сложенъ былъ типъ Греціи, а вслѣдствіе этой сложности, различные періоды его развитія не могли быть совершенно одновременны. Когда жизнь изсякла уже въ Аѳинахъ, жившихъ лишь своими славными воспоминаніями, союзы Ахейскій и Этолійскій на нѣкоторое время сохранили еще жизненность греческаго начала. Еще полнѣе и долѣе сохранилось оно въ Александрійской колоніи, а потомъ въ Царьградѣ. Еще сложнѣе двуосновный европейскій типъ, и потому естественно, что ежели въ какомъ-либо изъ составляющихъ его народовъ ходъ развитія былъ задержанъ неблагопріятными обстоятельствами, то въ этомъ народѣ и высшее развитіе творческаго начала и его результатовъ появится позднѣе, чѣмъ у остальныхъ народовъ. Это случилось, напримѣръ съ Германіей, въ которой тридцатилѣтняя опустошительная междуусобная война задержала начавшееся во время реформаціи развитіе высшей культуры. Поэтому, наступившій только въ половинѣ прошедшаго столѣтія періодъ высшаго поэтическаго творчества въ Германіи и послѣдовавшее затѣмъ развитіе само-

бытнаго германскаго философскаго мышленія, а наконецъ и положительной науки, въ которой только по истеченіи первой четверти XIX столѣтія заняла она первенствующее мѣсто, не можетъ считаться противорѣчіемъ высказываемому здѣсь взгляду на общій ходъ европейской цивилизаціи, взгляду, по которому ея творческія созидательныя силы вступили уже около полутораста или двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ на нисходящую сторону своего пути. Наступило уже время плодоношенія. Жатва ли это, или сборъ плодовъ, или уже сборъ винограда; позднее ли лѣто, ранняя ли или уже поздняя осень,—сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, то солнце, которое возращало эти плоды, перешло уже за меридіанъ и склоняется уже къ западу. Это положеніе стало бы гораздо яснѣе и очевиднѣе, если бы разобрать самый характеръ тѣхъ зиждительныхъ силъ, которыми построено и на которыхъ держится зданіе европейской цивилизаціи, какъ это и дѣлали Хомяковъ и Кирѣевскій. Я предоставляю себѣ высказать мои мысли объ этомъ впослѣдствіи, при изложеніи существеннѣйшихъ различій между народами славянскаго и германо-романскаго типа, къ которому безъ дальнѣйшихъ проволочекъ теперь же и приступаю. Пока же заключаю, что развитіе самобытной славянской культуры нетолько вообще необходимо, но теперь именно своевременно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАЗЛИЧІЯ ВЪ ПСИХИЧЕСКОМЪ СТРОѢ.

Милостивый Богъ снабдилъ родъ нашъ такою кротостью и добросердечіемъ, якихъ у другихъ народовъ нѣтъ, къ якимъ другіе народы лишь посредствомъ долгаго процесса цивилизаціи съ великимъ трудомъ приходятъ.

(Галицкій сатирическій журналъ „Страхопудъ")

О, Русь моя, какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идемъ на Божескій призывъ!

Хомяковъ.

Различія въ характерѣ народовъ, составляющихъ самобытные культурно-историческіе типы, тѣ различія, на которыхъ должно основываться различіе въ самихъ цивилизаціяхъ, составляющихъ существенное содержаніе и плодъ ихъ жизненной дѣятельности, могутъ быть подведены подъ слѣдующіе три разряда: 1) подъ различія этнографическія; это тѣ племенныя качества, которыя выражаются въ особенностяхъ психическаго строя народовъ; 2) подъ различія руководящаго ими высшаго нравственнаго начала, на которомъ только и можетъ основываться плодотворное развитіе цивилизаціи, какъ со стороны научной и художественной, такъ и со стороны общественнаго и политическаго строя; 3) подъ различія хода и условій историческаго воспитанія народовъ. Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія и будемъ мы разсматривать особенности славянскаго и въ особенности русскаго характера, такъ какъ пока одинъ русскій народъ достигъ политической самостоятельности и сохранилъ ее,—условіе, безъ котораго, какъ свидѣтельствуетъ исто-

мочелюстностью. Какъ-же не осталось никакихъ слѣдовъ отъ этого кореннаго пра-славянскаго племени? Изъ этого, казалось-бы, всего ближе заключить, что отношенія между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ череповъ, хотя могутъ и должны быть принимаемы въ число антропологическихъ признаковъ, характеризующихъ группы человѣческаго рода, но не могутъ имѣть того преобладающаго значенія, которое имъ придается. Сохранимъ, однако-же, за нимъ это преобладающее значеніе и посмотримъ, какіе дѣлаютъ изъ него выводы.

Народы, достигшіе высшей культуры, какъ арійскаго, такъ и семитическаго племени, въ древнія и новыя времена, всѣ принадлежатъ и принадлежали къ числу длинноголовыхъ; слѣдовательно, короткоголовые Славяне не принадлежатъ къ числу высшихъ племенъ человѣчества. Такое заключеніе было бы весьма пріятно пану Духинскому, но, къ сожалѣнію, если по этому взгляду Русскіе—Туранцы, то такіе же Туранцы и Поляки, такъ что volens-nolens и имъ приходится раздѣлять эту судьбу на равнѣ съ Русскими и со всѣми Славянами. Но если какое либо явленіе можетъ быть одинаково хорошо истолковано двумя различными способами, двумя различными предположеніями, то, конечно, каждый имѣетъ полное право принимать то истолкованіе, которое ему болѣе нравится.

Изъ того, что до сихъ поръ только длинноголовыя племена достигали высшей степени культуры, можно, конечно, заключить, что короткоголовость составляетъ нѣкоторое къ тому препятствіе, указываетъ на меньшую способность къ высшему развитію; но можно также заключить, что это произошло лишь отъ того, что короткоголовые Славяне, позже попавъ въ благопріятныя для культуры обстоятельства, позже начавъ развиваться, еще не успѣли произвести той культуры, къ которой они, по задаткамъ своей природы, способны; можно заключить, что, такъ какъ вѣдь исторія еще не закончена, то, сообразно съ общимъ закономъ природы, высшимъ формамъ принадлежитъ высшее же, но позднѣйшее развитіе. Первое толкованіе имѣло бы еще нѣкоторое преимущество на своей сторонѣ, еслибы славянское племя, не достигши въ цѣломъ высшей степени культуры, не представляло бы и отдѣльныхъ примѣровъ высшей даровитости. Но Славяне произвели такихъ геніальныхъ ученыхъ, какъ Коперникъ, такихъ религіозныхъ реформаторовъ, какъ Гусъ, такихъ государственныхъ мужей, какъ

направленіе—косочелюстность (prognathismus). Эти характеры направленія челюстей и зубовъ, въ соединеніи съ длинноголовостью и короткоголовостью, даютъ поводъ къ установленію четырехъ отдѣловъ, по которымъ племена человѣческаго рода размѣщаются слѣдующимъ образомъ:

Длинноголовые прямочелюстные. Индѣйцы (Арійскаго корня), Иранцы, Нѣмцы, Кельты, Греки, Римляне, Евреи, Аравитяне, Нубійцы, Абиссинцы, Берберы, Финны, восточныя американскія племена, населяющія равнины сѣверной и южной Америки (называемыя Латамомъ американскими Семитами).

Длинноголовые косочелюстные. Негры, Кафры, Готтентоты, Копты, жители Новой-Зеландіи, Эскимосы и Гренландцы.

Короткоголовые прямочелюстные. Славяне, Литва, Тюркскія племена, Лапландцы, Баски, Ретійцы, Албанцы, древніе Этруски.

Короткоголовые косочелюстные. Китайцы, Японцы, Монголы, Малайцы, Полинезійцы, Папуасы и американскіе кордильерскіе народы, къ которымъ относятся и древніе Перуанцы (по Латаму американскіе Монголы).

Прежде всего нельзя не замѣтить, что такое дѣленіе имѣетъ совершенно характеръ искусственности. Здѣсь выставляется одно насквозь проницающее начало, которое, какъ это обыкновенно бываетъ, соединяетъ разнородное и раздѣляетъ сродное въ другихъ отношеніяхъ: такъ, напримѣръ, строго придерживаясь этого дѣленія, пришлось бы разнести южныхъ и сѣверныхъ Нѣмцевъ въ разные классы человѣчества, такъ какъ только послѣдніе длинноголовы, первые же короткоголовы.

Какъ согласовать это дѣленіе съ дѣленіемъ по цвѣту кожи, по свойствамъ волосъ, по Камперову личному углу и, наконецъ, съ дѣленіемъ лингвистическимъ? Здѣсь все подчиняется одному признаку, которому придается преобладающее значеніе. Если Славяне, не взирая на то, что говорятъ арійскимъ языкомъ, имѣютъ особую форму черепа, то необходимо принять, что они заимствовали свой языкъ отъ какого-нибудь длинноголоваго арійскаго племени, говорившаго славянскимъ языкомъ, конечно, весьма многочисленнаго и могущественнаго, если оно могло передать свой языкъ такому крупному отдѣлу человѣчества, имѣвшему въ сущности тюркское происхожденіе, такъ какъ по сосѣдству тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь живутъ или прежде жили Славяне, только одни тюркскія племена соединяютъ характеръ короткоголовости съ пря-

мочелюстностью. Какъ-же не осталось никакихъ слѣдовъ отъ этого кореннаго пра-славянскаго племени? Изъ этого, казалось-бы, всего ближе заключить, что отношенія между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ череповъ, хотя могутъ и должны быть принимаемы въ число антропологическихъ признаковъ, характеризующихъ группы человѣческаго рода, но не могутъ имѣть того преобладающаго значенія, которое имъ придается. Сохранимъ, однако-же, за нимъ это преобладающее значеніе и посмотримъ, какіе дѣлаютъ изъ него выводы.

Народы, достигшіе высшей культуры, какъ арійскаго, такъ и семитическаго племени, въ древнія и новыя времена, всѣ принадлежатъ и принадлежали къ числу длинноголовыхъ; слѣдовательно, короткоголовые Славяне не принадлежатъ къ числу высшихъ племенъ человѣчества. Такое заключеніе было бы весьма пріятно пану Духинскому, но, къ сожалѣнію, если по этому взгляду Русскіе—Туранцы, то такіе же Туранцы и Поляки, такъ что volens-nolens и имъ приходится раздѣлять эту судьбу на равнѣ съ Русскими и со всѣми Славянами. Но если какое либо явленіе можетъ быть одинаково хорошо истолковано двумя различными способами, двумя различными предположеніями, то, конечно, каждый имѣетъ полное право принимать то истолкованіе, которое ему болѣе нравится.

Изъ того, что до сихъ поръ только длинноголовыя племена достигали высшей степени культуры, можно, конечно, заключить, что короткоголовость составляетъ нѣкоторое къ тому препятствіе, указываетъ на меньшую способность къ высшему развитію; но можно также заключить, что это произошло лишь отъ того, что короткоголовые Славяне, позже попавъ въ благопріятныя для культуры обстоятельства, позже начавъ развиваться, еще не успѣли произвести той культуры, къ которой они, по задаткамъ своей природы, способны; можно заключить, что, такъ какъ вѣдь исторія еще не закончена, то, сообразно съ общимъ закономъ природы, высшимъ формамъ принадлежитъ высшее же, но позднѣйшее развитіе. Первое толкованіе имѣло бы еще нѣкоторое преимущество на своей сторонѣ, еслибы славянское племя, не достигши въ цѣломъ высшей степени культуры, не представляло бы и отдѣльныхъ примѣровъ высшей даровитости. Но Славяне произвели такихъ геніальныхъ ученыхъ, какъ Коперникъ, такихъ религіозныхъ реформаторовъ, какъ Гусъ, такихъ государственныхъ мужей, какъ

Іоаннъ III, Петръ Великій, такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, такихъ полководцевъ, какъ Суворовъ, такихъ дѣятелей просвѣщенія, какъ Ломоносовъ. Слѣдовательно, въ задаткахъ къ высшему человѣческому развитію — нѣтъ недостатка въ славянскомъ племени. Чтобы заставить насъ принять первое толкованіе, надо-бы доказать, что короткоголовость составляетъ уже сама по себѣ признакъ низшей организаціи, и что вышеприведенные примѣры высоко-одаренныхъ короткоголовыхъ личностей—суть только случайное исключеніе, можетъ быть результат какой нибудь племенной помѣси. Но внутренней причины, по которой бы преимущественное развитіе черепа въ продольномъ направленіи стояло выше, нежели болѣе равномѣрное развитіе обоихъ горизонтальныхъ діаметровъ, не найдено. Остается, слѣдовательно, обратиться къ самому систематическому расположенію классифицируемыхъ племенъ. Оно показываетъ намъ, что изъ двухъ признаковъ разсматриваемаго нами дѣленія, одинъ — направленіе челюстей и зубовъ — можетъ служить къ безспорному установленію степеней совершенства между племенами человѣческаго рода именно: племена прямочелюстныя стоятъ безспорно выше племенъ косочелюстныхъ. Этотъ признакъ установляетъ въ человѣческомъ родѣ дѣленіе горизонтальное. Вопросъ въ томъ, можно ли приписать и другому принципу дѣленія, основанному на отношеніи діаметровъ черепа, такой же іерархическій характеръ? Если допустимъ это предположеніе, то увидимъ, что между низшими косочелюстными племенами человѣческаго рода превосходство, очевидно, принадлежитъ короткоголовымъ, такъ какъ Китайцы *), Монголы, Малайцы, Полинезійцы стоятъ гораздо выше Негровъ, Кафровъ, Готтентотовъ и жителей Новой Голландіи, составляющихъ самыя низшія людскія расы; а если это такъ, то очевидная аналогія заставляетъ признать, что короткоголовость должна сохранять то же преимущество и между племенами прямочелюстными, такъ что восходящій порядокъ племенъ человѣческихъ представлялся бы намъ въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) Если считать Китайцевъ за среднеголовыхъ (Mesocephali), у которыхъ черепъ представляетъ среднюю форму между длинноголовымъ и короткоголовымъ, то они должны, конечно, остаться въ сторонѣ при рѣшеніи разбираемаго здѣсь вопроса. Но и за исключеніемъ ихъ, умственное превосходство въ косочелюстныхъ племенахъ безспорно остается на сторонѣ короткоголовыхъ.

психическаго строя. Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа, есть *насильственность* (Gewaltsamkeit). Насильственность, въ свою очередь, есть ничто иное, какъ чрезмѣрно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человѣкъ, имъ обладающій, ставитъ свой образъ мыслей, свой интересъ такъ высоко, что всякій иной образъ мыслей, всякій иной интересъ необходимо долженъ ему уступить, волею или неволею, какъ неравноправный ему. Такое навязываніе своего образа мыслей другимъ, такое подчиненіе всего—своему интересу, даже не кажется, съ точки зрѣнія чрезмѣрно развитаго индивидуализма, чрезмѣрнаго чувства собственнаго достоинства, чѣмъ-либо несправедливымъ. Оно представляется какъ естественное подчиненіе низшаго высшему, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже какъ благодѣяніе этому низшему. Такой складъ ума, чувства и воли ведетъ въ политикѣ и общественной жизни, смотря по обстоятельствамъ, — къ аристократизму, къ угнетенію народностей, или къ безграничной, ничѣмъ не умѣряемой свободѣ, къ крайнему политическому дробленію; въ религіи—къ нетерпимости, или къ отверженію всякаго авторитета. Конечно, онъ имѣетъ и хорошія стороны, составляетъ основу настойчиваго образа дѣйствія, крѣпкой защиты своихъ правъ и т. д. Прослѣдимъ же событія европейской исторіи, дабы увидѣть, дѣйствительно-ли насильственность составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ германо-романскихъ народовъ.

Ранѣе всего проявляется эта насильственность европейскаго характера въ сферѣ религіозной, такъ какъ эта сфера составляла долгое время преимущественный интересъ, который преобладалъ надъ всѣми прочими. Насильственность въ религіи, т. е. нетерпимость, проявилась одинаково, какъ въ племенахъ романскаго, такъ и въ племенахъ германскаго корня. Первая еретическая кровь пролилась, какъ извѣстно, на Западѣ, хотя число ересей было гораздо многочисленнѣе на Востокѣ. Въ 385 году испанскій еретикъ Прискилліанъ съ шестью сообщиками были пытаны и казнены въ Бордо, послѣ осужденія ихъ на соборахъ Сарагосскомъ, Бордосскомъ и Трирскомъ. Православная церковь, въ лицѣ Амвросія Медіоланскаго и Мартина Турскаго, въ ужасѣ отвратилась отъ этого преступленія. Эта казнь, эта религіозная насильственность, совершенныя еще во время Римской Имперіи, еще при общемъ господствѣ православія, послужили какъ бы началомъ той

Вѣрно и опредѣлительно схватить и ясно выразить различіе въ психическомъ строѣ разныхъ народностей—весьма трудно. Различія этого рода, какъ между отдѣльными лицами, такъ и между цѣлыми народами, имѣютъ только количественный, а не качественный характеръ. Едва-ли возможно найти такую черту народнаго характера, которой бы совершенно недоставало другому народу; разница только въ томъ, что въ одномъ народѣ она встрѣчается чаще, въ другомъ рѣже, въ большинствѣ лицъ одного племени она выражается рѣзко, въ большинствѣ лицъ другаго племени слабо; но эти степени, эта частость или рѣдкость числами невыразимы. Такой статистики еще не существуетъ. Потому всякое описаніе народнаго характера будетъ походить на тотъ, ничего не говорящій, наборъ эпитетовъ, которымъ въ плохихъ учебникахъ исторіи характеризуютъ историческихъ дѣятелей; потому и выходятъ эти описанія народнаго характера иногда столь различными у разныхъ путешественниковъ, нерѣдко одинаково добросовѣстныхъ и наблюдательныхъ. Одному случалось встрѣтить одни свойства, другому другія, но въ какой пропорціи встрѣчаются они вообще у цѣлаго народа, это, по необходимости, осталось для обоихъ неизвѣстнымъ и неопредѣленнымъ.

Для отысканія такихъ свойствъ, которыя можно бы было считать по-истинѣ чертами національнаго характера и притомъ существенно важными, надо избрать иной путь, нежели простая описательная передача частныхъ наблюденій. Ежели бы намъ удалось найти такія черты національнаго характера, которыя высказывались бы во всей исторической дѣятельности, во всей исторической жизни сравниваемыхъ народовъ, то задача была бы рѣшена удовлетворительно; ибо, если какая-либо черта народнаго характера проявляется во всей исторіи народа, то необходимо заключить во-первыхъ, что она есть черта общая всему народу, и только по исключенію можетъ не принадлежать тому или другому лицу; во-вторыхъ, что эта черта постоянная, независящая отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ того или другаго положенія, въ которомъ народъ находится, той или другой степени развитія, черезъ которыя онъ проходитъ; наконецъ, въ-третьихъ, что эта черта существенно важная, если могла запечатлѣть собою весь характеръ его исторической дѣятельности. Такую черту вправѣ мы, слѣдовательно, принять за нравственный этнографическій признакъ народа, служащій выраженіемъ существенной особенности всего его

психическаго строя. Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа, есть *насильственность* (Gewaltsamkeit). Насильственность, въ свою очередь, есть ничто иное, какъ чрезмѣрно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человѣкъ, имъ обладающій, ставитъ свой образъ мыслей, свой интересъ такъ высоко, что всякій иной образъ мыслей, всякій иной интересъ необходимо долженъ ему уступить, волею или неволею, какъ неравноправный ему. Такое навязываніе своего образа мыслей другимъ, такое подчиненіе всего—своему интересу, даже не кажется, съ точки зрѣнія чрезмѣрно развитаго индивидуализма, чрезмѣрнаго чувства собственнаго достоинства, чѣмъ-либо несправедливымъ. Оно представляется какъ естественное подчиненіе низшаго высшему, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже какъ благодѣяніе этому низшему. Такой складъ ума, чувства и воли ведетъ въ политикѣ и общественной жизни, смотря по обстоятельствамъ, — къ аристократизму, къ угнетенію народностей, или къ безграничной, ничѣмъ не умѣряемой свободѣ, къ крайнему политическому дробленію; въ религіи—къ нетерпимости, или къ отверженію всякаго авторитета. Конечно, онъ имѣетъ и хорошія стороны, составляетъ основу настойчиваго образа дѣйствія, крѣпкой защиты своихъ правъ и т. д. Прослѣдимъ же событія европейской исторіи, дабы увидѣть, дѣйствительно-ли насильственность составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ германо-романскихъ народовъ.

Ранѣе всего проявляется эта насильственность европейскаго характера въ сферѣ религіозной, такъ какъ эта сфера составляла долгое время преимущественный интересъ, который преобладалъ надъ всѣми прочими. Насильственность въ религіи, т. е. нетерпимость, проявилась одинаково, какъ въ племенахъ романскаго, такъ и въ племенахъ германскаго корня. Первая еретическая кровь пролилась, какъ извѣстно, на Западѣ, хотя число ересей было гораздо многочисленнѣе на Востокѣ. Въ 385 году испанскій еретикъ Прискилліанъ съ шестью сообщиками были пытаны и казнены въ Бордо, послѣ осужденія ихъ на соборахъ Сарагосскомъ, Бордосскомъ и Трирскомъ. Православная церковь, въ лицѣ Амвросія Медіоланскаго и Мартина Турскаго, въ ужасѣ отвратилась отъ этого преступленія. Эта казнь, эта религіозная насильственность, совершенныя еще во время Римской Имперіи, еще при общемъ господствѣ православія, послужили какъ бы началомъ той

нетерпимости, которую выказалъ въ послѣдствіи католицизмъ. Но можетъ быть, признавъ казнь Прискилліана за частный случай, припишутъ всю религіозную нетерпимость и насильственность послѣдующихъ вѣковъ именно вліянію католицизма, а не воздѣйствію національнаго характера германо-романскихъ народовъ на религіозныя убѣжденія и дѣятельность, какъ они проявились въ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ. Но что же такое самъ католицизмъ, какъ не христіанское ученіе, подвергнувшееся искаженію именно подъ вліяніемъ романо-германскаго народнаго характера? Само христіанское ученіе не содержитъ никакихъ зародышей нетерпимости, слѣдовательно нельзя сказать, чтобъ оно придало насильственность характеру народовъ его исповѣдующихъ какъ, напримѣръ, это можно съ полнымъ правомъ утверждать относительно вліянія исламизма. Если, слѣдовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то конечно не могло ни откуда заимствовать ихъ, какъ изъ характера народовъ его исповѣдающихъ.

Христіанство въ чистой формѣ православія, прилаживаясь къ свойствамъ романо-германскаго народнаго характера, обратилось чрезъ это въ католичество. Католичество зародилось собственно со временъ Карла Великаго, когда онъ своимъ покровительствомъ утвердилъ власть римскаго епископа во всемъ своемъ государствѣ, границы котораго почти совпадали съ тѣмъ, что собственно должно называть Европою. До этого времени римскіе первосвященники пользовались только тѣмъ уваженіемъ, которое сопряжено было съ именемъ Рима, а также тѣмъ, которое они утвердили за собою въ глазахъ покоренныхъ романскихъ народовъ Италіи, Галліи и Испаніи своею вѣрностью православію, исповѣдываемому этими народами до покоренія ихъ варварами, тогда какъ варвары-покорители приняли по большей части аріанство. Это же уваженіе, по подобной же причинѣ, начало утверждаться и на Востокѣ, во время гоненій воздвигнутыхъ иконоборцами. Ежели бы папы остались вѣрными догматамъ православія, то весьма вѣроятно, что они получили бы не главенство, конечно, но преобладающее вліяніе и уваженіе на Востокѣ, точно также какъ и на Западѣ; ибо восточные христіане видѣли бы въ нихъ прибѣжище противъ деспотизма, который нерѣдко позволяли себѣ византійскіе императоры въ церковныхъ дѣлахъ. Отъ посредничества, отъ званія верховнаго третейскаго судьи не далеко, какъ извѣстно, до преобладанія. Папы

не могли не видѣть открывавшейся предъ ними перспективы, которая могла составлять достаточную цѣль для ихъ честолюбія въ то время, когда не были еще изобрѣтены лжеисидоровы декреталіи, и, угнетенные Ломбардами, римскіе епископы не могли еще предвидѣть ни своего свѣтскаго владычества, ни учрежденія феодально-теократической монархіи въ Европѣ, на половину еще наполненной язычниками, угрожаемой магометанами и представлявшей безсмысленную кровавую неурядицу меровингской Франціи. Очевидно, что догматическое различіе съ Востокомъ не могло входить въ ихъ планы, да оно и не входило. Не папы произвели догматическій расколъ въ церкви, какъ это превосходно доказано въ извѣстной брошюрѣ Хомякова; они только приняли его послѣ долгаго сопротивленія, а принявъ, конечно, и воспользовались имъ.

Причина догматической разницы между Церквами западною и восточною не имѣетъ инаго источника, кромѣ невѣжества, господствовавшаго на Западѣ въ первые вѣка средней исторіи, и той насильственности характера, которая составляетъ основу всякаго деспотизма, насильственности, считающей, что личное частное мнѣніе достаточно освящается и утверждается тѣмъ, что оно есть *наше мнѣніе*. Совѣщаніе съ Востокомъ являлось какъ-бы униженіемъ въ собственныхъ глазахъ западнаго духовенства. Такимъ образомъ, часть—*Церковь западная* похитила, узурпировала актомъ насилія права̀ цѣлаго—*Церкви вселенской*. Въ этомъ собственно папы были неповинны.

Второе насиліе проявилось въ томъ, какимъ образомъ это частное мнѣніе пріобрѣло санкцію общественнаго догмата на Западѣ. Это сдѣлалъ, какъ извѣстно, Ахенскій соборъ 809 года, который, по понятіямъ самихъ католиковъ, есть не болѣе какъ соборъ помѣстный, рѣшеніе котораго не имѣло даже на своей сторонѣ санкціи папскаго авторитета. Ходатаемъ за доставленіе ему оной явился Карлъ Великій, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ по примѣру многихъ восточныхъ императоровъ, съ тою однако же существенною разницею, что тѣ нерѣдко употребляли свою власть и вліяніе, для доставленія перевѣса тому или другому православному или еретическому мнѣнію, вслѣдствіе внутренняго убѣжденія въ его истинности, котораго Карлъ ни въ какомъ случаѣ имѣть не могъ. Въ самомъ дѣлѣ, догматъ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца только, или вмѣстѣ отъ Отца и Сына, принадлежитъ къ числу такихъ ученій, которыя сами по себѣ не представляютъ чего либо

яснаго уму. То и другое—одинаково непонятныя, недоступныя р
зуму таинственныя ученія. Ученіе Арія могло казаться бол
понятнымъ, болѣе простымъ, менѣе таинственно возвышенным
чѣмъ православное ученіе о Троицѣ, и потому могло имѣть вну
реннюю привлекательную силу для умовъ, склонныхъ къ рац
нализму. То же можно сказать о несторіанствѣ, о монофизитиз
и монофелитизмѣ. Еще въ бо̀льшей степени примѣняется э
къ иконоборству. Другія ученія, какъ напримѣръ, гностициз
могли, напротивъ того, имѣть мистическую привлекательность д
людей, у которыхъ преобладала фантазія. Ученіе же объ исхо
деніи Святаго Духа могло составлять убѣжденіе схоластика
изощреннымъ умомъ, дошедшаго до него путемъ тонкихъ діале
тическихъ выводовъ и различеній,—или экзегета и эрудита,
черпнувшаго его изъ односторонняго, неполнаго изученія тексто
Писанія и писаній отцевъ Церкви. Но какимъ образомъ могло с
составлять предметъ внутренняго убѣжденія для ума столь пра
тическаго, какъ Карлъ Великій, когда притомъ высшій учен
авторитетъ того времени, имѣвшій это значеніе нетолько въ гл
захъ всѣхъ современниковъ, но и въ глазахъ самого Карла,—А
куинъ,—держался противнаго, т. е. православнаго мнѣнія? О
видно, что у Карла должна была быть иная, менѣе идеальна
свойства побудительная причина, заставлявшая его настаивать
редъ Львомъ III о согласіи на измѣненіе Никео-Цареградска
символа. Причину эту, кажется мнѣ, нетрудно открыть. Вся дѣ
тельность Карла заключалась въ осуществленіи носившагося
душѣ его идеала,—всемірнаго христіанскаго государства,
которомъ вся высшая, какъ свѣтская, такъ и духовная влас
сосредоточивалась бы въ лицѣ императора: идеалъ того цесар
папизма, которымъ иностранцы любятъ укорять Россію. Возвыш
значеніе во всемъ обязаннаго ему, имъ облагодѣтельствованна
имъ держащагося противъ многочисленныхъ враговъ, папства
онъ думалъ возвысить собственныя свои власть и значеніе. Д
этой цѣли было необходимо, чтобы и церковь такъ же, какъ гос
дарство, была свободна отъ всякаго внѣшняго вліянія, или вм
шательства. Но могла ли она таковою считаться, когда папа бы
только однимъ изъ пяти вселенскихъ патріарховъ, когда для уст
новленія или измѣненія нетолько догматовъ вѣры, но и общи
нормъ богослуженія и каноническаго церковнаго порядка, нуже
былъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ, которые до того време

всегда собирались на востокѣ, или, по крайней мѣрѣ, согласіе высшихъ іерарховъ востока? Однимъ словомъ, Карлу нужно было то, что̀ мы теперь называемъ государственною церковью, и для установленія ея онъ воспользовался зародившеюся на Западѣ догматическою разницею, совершенно въ тѣхъ же видахъ, въ которыхъ впослѣдствіи Генрихъ VIII отдѣлилъ англиканскую церковь отъ римской. Католичество, которое, какъ показываетъ самое имя его, присвоиваетъ себѣ по преимуществу вселенскій характеръ, получило, однако-же, истинное свое начало именно изъ стремленія Карла создать для своего государства самостоятельную государственную церковь, отдѣливъ ее отъ вселенской.

По искреннему ли убѣжденію въ непозволительности измѣнять вселенскій символъ, или по желанію сохранить себѣ точку опоры противъ все подчинявшей себѣ императорской власти, Левъ III, какъ извѣстно, не согласился на настойчивыя требованія Карловыхъ пословъ. Несмотря на такое сопротивленіе папы, новый лжедогматъ, однако-же, утвердился, чего, конечно, не могло бы быть, еслибы во всемъ западномъ духовенствѣ, то есть во всемъ просвѣщенномъ слоѣ тогдашняго общества, не господствовалъ тотъ духъ насильственности, который ничего знать не хочетъ, кромѣ своего личнаго убѣжденія, хотя бы дѣло шло о такомъ предметѣ, въ которомъ, по самой сущности дѣла, это убѣжденіе должно быть некомпетентнымъ.

То же самое видимъ мы при проповѣди христіанства апостолами Славянъ, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ Моравскомъ государствѣ. И здѣсь, противодѣйствіе славянской проповѣди исходило не отъ папъ, а отъ нѣмецкихъ епископовъ. Папы неоднократно покровительствовали и, даже уже послѣ Николая I, одобряли чтеніе символа безъ filioque. Наконецъ, сама фабрикація подложныхъ Исидоровыхъ декреталій, основаніе будущаго католическаго зданія, произошла не отъ папъ, даже не подъ ихъ вліяніемъ, а совершенно отъ нихъ независимо, съ цѣлью усиленія епископской власти въ ущербъ мѣстныхъ областныхъ митрополитовъ. Я привожу это въ доказательство того, что католицизмъ возникъ и утвердился не столько вслѣдствіе папскаго честолюбія, сколько отъ насильственнаго характера западнаго духовенства, видѣвшаго въ себѣ все, а внѣ себя ничего знать не хотѣвшаго. Папы, конечно, воспользовались такимъ выгоднымъ для себя направленіемъ и, опираясь на него, стремились уже подчинить себѣ и Востокъ.

Дальнѣйшая религіозная исторія Европы подтверждаетъ то же самое. Еслибы не общій духъ насильственности германо-романскихъ народовъ, откуда взялся бы несвойственный христіанству прозелитизмъ, огнемъ и мечемъ принуждавшій креститься племена восточной Германіи еще при Карлѣ Великомъ, а при послѣдующихъ императорахъ и сѣверо-западныя славянскія племена? Откуда эти рыцарскіе ордена, Тевтонскій и Меченосцевъ, внесшіе насильственную проповѣдь къ Литвѣ, къ Латышамъ и къ Эстамъ и закрѣпостившіе себѣ имущество и личность этихъ народовъ? Гдѣ бы взяли папы средства для кроваваго подавленія Альбигойцевъ и Вальденцевъ? Откуда навербовала бы Екатерина Медичисъ убійцъ Варѳоломеевской ночи? Могли ли бы, безъ насильственности въ самомъ народномъ характерѣ, явиться ревнители папства часто болѣе ревностные, чѣмъ сами папы, распространявшіе и защищавшіе его господство тонкимъ насиліемъ іезуитизма и грубымъ насиліемъ инквизиціи? Но лучшимъ доказательствомъ, что не католицизмъ, какъ христіанское ученіе, такъ сказать, извнѣ навязалъ характеръ насильственности на всю религіозную дѣятельность европейскихъ народовъ, служитъ то, что и тамъ, гдѣ протестантизмъ, имѣющій притязаніе на ученіе свободное по преимуществу, замѣнилъ собою католичество, мы не видимъ въ его послѣдователяхъ бо̀льшей терпимости. Кальвинъ сжигаетъ своего противника Серве не хуже какого нибудь Констанцкаго собора; англичане гонятъ одинаково, какъ католиковъ, такъ и пресвитеріанъ; пуритане представляютъ собою образецъ религіозной нетерпимости. Но вѣдь это, скажутъ мнѣ, все дѣла давно минувшихъ дней, результатъ грубости, варварства, и не подаетъ ли теперь Европа, не только протестантская, но и католическая, примѣръ религіозной терпимости,—совершеннаго невмѣшательства въ дѣла человѣческой совѣсти? Правда. Но когда же случился этотъ спасительный переворотъ? Не ранѣе, чѣмъ когда вообще религіозный интересъ отступилъ на второй, третій, четвертый, однимъ словомъ задній планъ и стушевался передъ прочими интересами дня, волнующими европейское общество. Когда религія потеряла бо̀льшую часть своего значенія, такъ сказать потеряла свой общественный характеръ, перестала быть res publica, удалившись въ глубь внутренней семейной жизни, тогда немудрено было сдѣлаться, наконецъ, терпимымъ въ отношеніи къ ней, то есть въ сущности равнодушнымъ, по пословицѣ: „на̀ тебѣ, Боже, что̀ намъ негоже“.

Насильственность, какъ коренная черта европейскаго характера, черезъ это не уничтожилась. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Когда явился новый предметъ, сосредоточившій на себѣ главный интересъ общества, въ немъ должны были по преимуществу проявляться и всѣ черты народнаго характера. Еще религія не потеряла своего первенствующаго значенія для европейскаго общества, какъ вниманіе его было обращено на отдаленныя морскія открытія, обѣщавшія обширное и выгодное поле дѣйствія всѣмъ предпріимчивымъ людямъ, которые къ нему обратятся. Колоніальныя завоеванія и колоніальная политика составляли главные интересы европейскихъ народовъ одновременно съ реформаціей и долго послѣ нея. Земной шаръ оказался тѣснымъ для честолюбія Испаніи и Португаліи; понадобилось раздѣлить его демаркаціонною линіею. Подвиги конквистадоровъ слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было на нихъ останавливаться; притомъ же, они могутъ быть истолкованы грубостью, алчностью искателей приключеній, принадлежавшихъ нерѣдко къ отребіямъ человѣческаго общества. Да и не это желалъ бы я выставить на видъ; — для своей цѣли я долженъ ограничиваться самыми общими крупными чертами, въ которыхъ такъ сказать замѣшано все общество. И фактъ достаточной крупноты представляетъ намъ торговля Неграми: охота за людьми, упаковка ихъ какъ товара, выбрасываніе десятками за бортъ, тяжелое рабство милліоновъ! Несмотря на разведеніе Негровъ на людскихъ заводахъ и на крѣпкую природу ихъ, они не могли выдерживать тяжести неволи, безустаннаго труда, и потому должны были быть непрестанно пополняемы изъ Африки, неоскудѣвающаго ихъ источника. Другаго столь же крупнаго факта не представляетъ всемірная исторія. Чтобы найти ему нѣкоторое подобіе, конечно въ микроскопически малыхъ размѣрахъ, надо обратиться къ тѣмъ разбойничьимъ государствамъ, которыя существовали въ нѣкоторыхъ городахъ Сициліи и южной Италіи, во времена борьбы Грековъ съ Карѳагеномъ и въ началѣ пуническихъ войнъ.

Но если это и не дѣла давно минувшихъ дней, то во всякомъ случаѣ принадлежатъ прошедшему; а главное, зло уничтожено, или по крайней мѣрѣ значительно ослаблено самими же европейскими филантропами. Я и не думаю уменьшать ни заслугъ великодушныхъ людей, которые, подобно Вильберфорсу и Букстону, употребили всю жизнь свою на противодѣйствіе и борьбу съ вко-

[illegible]

Главный интересъ европейскихъ народовъ, послѣ того какъ прошла колоніальная горячка,—обратился на вопросы гражданской и политической свободы. И опять насильственность характера проявилась не въ меньшей силѣ, чѣмъ въ религіи и въ колоніальной политикѣ. Неуставшая дѣйствовать гильотина. Ліонскія разстрѣливанія картечью, Нантскія потопленія, внѣшнія войны, которыми проповѣдывались съ мечемъ въ рукахъ равенство, братство и свобода, точно такъ же, какъ нѣкогда христіанство Карломъ Великимъ и рыцарскими орденами: что же это такое, какъ не нетерпимость, не насильственное навязываніе своихъ идей и интересовъ во что бы то ни стало? И тутъ не такъ ли же, какъ у іезуитовъ, господствовало правило, что цѣль оправдывать средства, это истинная формула насильственности?

Но и революціонный духъ улегается, политическій интересъ отступаетъ на второй планъ, хотя и не на столь далекій, какъ религіи, и снова первую роль играютъ интересы матеріальнаго свойства, интересы торговли и промышленности. Это интересы, по самому существу своему, личные и не допускаютъ, казалось бы, насильственности въ своемъ примѣненіи. И однако же, и европейская торговля, эта мирная проводница цивилизаціи, представляетъ уже въ нашъ просвѣщенный и гуманный вѣкъ, примѣръ насильственности, столь же единственный въ своемъ родѣ, какъ и тор-

говля Неграми. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, Англія прокладываетъ пушками путь отравѣ въ Китай. Неужели всѣ конквистадоры, лигисты, инквизиторы или террористы—на волосъ хуже, на волосъ болѣе насильственны, чѣмъ цивилизованные купцы, заставляющіе цѣлый мирный и почтенный уже одною своею древностью народъ отравляться нравственно и физически, въ угоду своимъ коммерческимъ выгодамъ? Святость или величіе интересовъ, во имя которыхъ неистовствовали первые, составляетъ скорѣе въ ихъ пользу извиняющее обстоятельство, если только подобныя насилія могутъ имѣть какое нибудь извиненіе.

Не такъ же ли насильственно отношеніе западныхъ государствъ къ угнетаемымъ Турціею славянскимъ народамъ? Эгоистическій интересъ, даже ложно понимаемый, заставляетъ ихъ всѣми мѣрами величайшей несправедливости противиться освобожденію этихъ несчастныхъ народовъ,—противиться даже съ оружіемъ въ рукахъ. Интересы религіи требовали нѣкогда Варѳоломеевской ночи, интересы свободы—сентябрьской рѣзни и неустанно дѣйствующей гильотины;—интересы политическаго равновѣсія и неизвѣстно кѣмъ угрожаемой цивилизаціи требуютъ теперь сохраненія турецкаго варварства, и свобода, жизнь, честь Славянъ и Грековъ приносится въ жертву этому новому Молоху.

Что̀ же представляетъ намъ въ параллель этой насильственности европейской исторіи, проявлявшейся во всякомъ интересѣ, получавшемъ преобладающее значеніе,—исторія Россіи? Религія составляла и для русскаго народа преобладающій интересъ во всѣ времена его жизни. Но онъ не ожидалъ проповѣди энциклопедистовъ, чтобы сдѣлаться терпимымъ. Терпимость составляла отличительный характеръ Россіи въ самыя грубыя времена. Скажутъ, что таковъ характеръ исповѣдуемаго ею православія. Конечно. Но вѣдь тоже православіе было первоначально и религіею запада, однако же, какъ мы видѣли, оно исказилось именно подъ вліяніемъ насильственности романо-германскаго характера. Если оно не претерпѣло подобнаго же искаженія у русскаго и вообще у славянскихъ народовъ, значитъ, въ самыхъ ихъ природныхъ свойствахъ не было задатковъ для такого искаженія, или по крайней мѣрѣ они были такъ слабы, что не только не могли осилить того кроткаго духа, который вѣетъ отъ христіанства, но напротивъ того, усвоивъ его себѣ, совершенно ему покорились. Мало того: и тѣ славянскія племена, какъ напримѣръ Чехи, у которыхъ,

вслѣдствіе германской насильственности православіе уступило мѣсто католицизму, никогда не проявляли религіозной нетерпимости. Они только терпѣли отъ нея, а не сами заставляли терпѣть; въ ихъ крови были потушены тѣ православныя воспоминанія, которыя съ такою силою пробивались наружу въ славныя времена Гуса и Жижки. Одинъ изъ славянскихъ народовъ,—Поляки, представляетъ дѣйствительное и грустное исключеніе. Насильственность и нетерпимость отмѣтили характеръ ихъ исторіи. Но та сравнительно небольшая доля польскаго народа—шляхетство, къ которой только и можетъ по справедливости относиться этотъ упрекъ, могла усвоить себѣ европейскую насильственность не иначе, какъ исказивъ и весь свой славянскій образъ, совершенно отказавшись отъ него, сдѣлавшись ренегатомъ Славянства во всѣхъ отношеніяхъ, до такой степени, что обращается въ орудіе Турціи для угнетенія Славянъ. И въ самой русской исторіи проглядываютъ временами черты религіозной нетерпимости, именно относительно старообрядцевъ. Мы не оправдываемъ ихъ, но должны, однако-же, сказать, что, во-первыхъ, эти гоненія, въ сравненіи съ европейскими религіозными гоненіями, представляются лишь слабыми, блѣдными отпечатками, во-вторыхъ, что для правильнаго понятія объ этихъ гоненіяхъ надо отличить въ нихъ два различные характера. Именно, они имѣютъ совершенно различныя свойства до—и послѣ Петра. Только въ первый непродолжительный періодъ характеръ ихъ былъ дѣйствительно религіозный, и таковой получили они, безъ сомнѣнія, отъ начинавшаго въ то время оказываться вліянія западно-русскаго, кіевскаго духовенства, которое, терпя само непрестанное гоненіе отъ латинства, находясь въ непрерывныхъ съ нимъ отношеніяхъ, невольно заразилось въ нѣкоторой степени духомъ католической нетерпимости, который и передало московскому государству тѣмъ успѣшнѣе, что было образованнѣе духовенства восточно-русскаго. Во второй періодъ гоненіе имѣло исключительно характеръ политическій, и старообрядство преслѣдовалось, какъ сильнѣйшій протестъ русской жизни противъ иноземщины, въ самый сильный разгаръ которой, при Биронѣ, преслѣдовалось даже и само православіе. Кромѣ этого, надо помнить, что русскій народъ никогда не сочувствовалъ гоненію на старообрядство, и тѣмъ менѣе въ немъ участвовалъ: оно производилось одною внѣшнею силою полиціи. Надо также принять во вниманіе, что, взявшись за несвойственное народному ха-

мѣрахъ, не такъ-ли прошла парламентская реформа, или отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, не такъ ли происходила тамъ же новая парламентская реформа, или въ Америкѣ уничтоженіе невольничества? Каждый интересъ представляется партіею, и борьба этихъ партій составляетъ историческую жизнь, какъ новой Европы, такъ, кажется мнѣ, и древнихъ Рима и Греціи.

Совершенно иначе происходитъ процессъ историческаго развитія въ Россіи. Всѣ великіе моменты въ жизни русскаго народа какъ-бы не имѣютъ предвѣстниковъ, или, по крайней мѣрѣ, значеніе и важность этихъ предвѣстниковъ далеко не соотвѣтствуетъ значенію и важности предвозвѣщаемаго. Самъ переворотъ однакоже не происходитъ конечно какъ Deux ex machina. Только предшествующій ему процессъ есть процессъ чисто внутренній, происходящій въ глубинѣ народнаго духа, незримо и неслышимо. Старый порядокъ вещей, или одна изъ сторонъ его, не удовлетворяетъ болѣе народнаго духа, ея недостатки уясняются внутреннему сознанію, и постепенно становятся для него омерзительными. Народъ отрѣшается внутренно отъ того, что̀ подлежитъ отмѣнѣ или измѣненію, борьба происходитъ внутри народнаго сознанія, и, когда приходитъ время замѣнить старое новымъ на дѣлѣ, эта замѣна совершается съ изумительною быстротою, безъ видимой борьбы, къ совершенному ошеломленію тѣхъ, которые думаютъ, что все должно совершаться по одной мѣркѣ, считаемой ими за нормальную. Въ народномъ сознаніи происходитъ тотъ же процессъ внутренняго перерожденія, который совершается въ душѣ отдѣльнаго человѣка, переходящаго изъ одного нравственнаго состоянія въ другое высшее, получивъ къ прежнему полное отвращеніе; тотъ психологическій процессъ, о которомъ намъ повѣствуютъ многія сказанія о жизни христіанскихъ подвижниковъ и который обращаетъ египетскую блудницу Марію въ идеалъ святости и цѣломудрія, процессъ, которому каждому изъ насъ случалось слышать или видѣть примѣры, очень нерѣдко встрѣчающіеся въ жизни русскихъ людей.

Самое первое историческое дѣяніе русскаго народа, положившее основаніе русскому государству, представляетъ намъ этотъ характеръ. Новгородскіе славяне свергаютъ съ себя иго иноплеменниковъ, но внутреннія смуты внушаютъ имъ отвращеніе къ окружающему ихъ порядку вещей. Представителемъ народнаго сознанія является нѣкто Гостомыслъ, историческое лицо, или оли-

рактеръ необходимой обороны, а не правомѣрной кары, какъ это, напримѣръ, видно изъ того, что она налагается за нарушеніе карантинныхъ правилъ, а въ другихъ случаяхъ налагается не иначе, какъ судомъ по полевому уложенію. Такъ же точно, и отношеніе всего народа къ преступникамъ запечатлѣно совершенно особеннымъ, человѣчнымъ и истинно-христіанскимъ характеромъ.—Можно еще указать на чуждыя всякой насильственности отношенія какъ русскаго народа, такъ и самаго правительства, къ подвластнымъ Россіи народамъ, чуждыя до такой степени, что нерѣдко обращаются въ несправедливость къ самому коренному русскому народу. Тотъ же характеръ имѣетъ и вся внѣшняя политика Россіи, также не рѣдко къ ущербу Россіи. Эта черезъ-чуръ безкорыстная политика часто имѣла весьма невыгодные результаты для тѣхъ, которые имѣли всего болѣе правъ на нашу помощь и на наше сочувствіе; но самая несправедливость, самыя ошибки эти имѣли тѣмъ не менѣе своимъ источникомъ отсутствіе насильственности въ характерѣ, побуждавшее жертвовать своими интересами—чужимъ.

Другую общую черту русскаго характера, можно, кажется мнѣ извлечь изъ изученія того способа, которымъ совершились всѣ великіе перевороты въ жизни русскаго народа, сравнительно съ таковыми же въ жизни другихъ народовъ. Я не намѣренъ разсматривать этихъ главныхъ моментовъ русской исторіи, я хочу только извлечь изъ нихъ нѣкоторыя черты русской народной психологіи. Покойный К. С. Аксаковъ сказалъ, что исторію русскаго народа можно назвать его житіемъ, и эта глубокая истина.—Какъ совершаются, обыкновенно, великія событія въ жизни народовъ не только европейскихъ, но и другихъ? Какой-либо интересъ зарождается, вслѣдствіе ли историческихъ обстоятельствъ, или какъ плодъ мысли одного изъ великихъ двигателей исторіи. Интересъ этотъ постепенно возрастаетъ, борется съ существующимъ порядкомъ вещей, который онъ въ большей или меньшей степени отрицаетъ, побѣждается, возстаетъ вновь, сначала обороняется, потомъ наступаетъ, становится наконецъ побѣдителемъ и начинаетъ въ свою очередь преслѣдовать тѣ интересы, которые были нѣкогда господствующими, а теперь, постепенно уступая своему противнику, нѣсколько разъ возстаютъ изъ своего паденія, пока наконецъ не сойдутъ совершенно-обезсиленные съ исторической сцены. Не таковъ-ли былъ ходъ реформаціи, революціи, и, въ меньшихъ раз-

лицъ изслѣдовать характеръ этотъ религій на мѣстѣ, и, убѣдившись этимъ путемъ свободнаго изслѣдованія въ превосходствѣ православія, принимаетъ его. За нимъ, почти безъ сопротивленія, принимаетъ его и весь русскій народъ. Процессъ, который происходилъ въ душѣ князя, былъ только повтореніемъ, болѣе опредѣленнымъ и сознательнымъ, того, что̀ смутно передумала и прочувствовала вся тогдашняя Русь. Ибо этимъ только и можно объяснить отсутствіе сопротивленія столь коренному нововведенію. Все совершилось безъ наружной борьбы, потому что видимому дѣйствію предшествовала уже борьба внутренняя, отрѣшеніе отъ стараго, отжитаго и внутренняя жажда лучшаго, новаго. Разсказъ о принятіи христіанства Владиміромъ считается легендою. Ежели это легенда, то она говоритъ еще гораздо болѣе, нежели историческое событіе, которое могло бы быть не болѣе какъ случайностью, тогда какъ легенда служитъ выраженіемъ того, какъ по понятіямъ русскаго народа долженъ былъ произойти переходъ отъ язычества къ христіанству. Заподозриваютъ также справедливостъ, или по крайней мѣрѣ полноту лѣтописнаго разсказа о ходѣ распространенія христіанства, и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, какъ напримѣръ о волхвѣ въ Ростовѣ, хотятъ видѣть указаніе на продолжительную борьбу новой религіи со старою. Но ежели бы новой религіи пришлось выносить сильную борьбу съ язычествомъ, то какимъ образомъ, при тогдашней слабости государственной власти, при бездорожіи, при безконечныхъ лѣсахъ, раздѣлявшихъ область отъ области, волость отъ волости, могла бы власть способствовать водворенію христіанства противъ воли? А главное, какимъ бы образомъ монахи лѣтописцы, въ глазахъ которыхъ всѣ прочія событія, всѣ прочіе подвиги были ничто въ сравненіи съ подвигами апостольства и мученичества (которые должны бы были сопровождать распространеніе христіанства, если бы народъ серіозно противился его введенію), именно объ этихъ-то подвигахъ и умолчали? Не можетъ служить опроверженіемъ мирному и безпрепятственному распространенію христіанства въ Россіи и то, часто выставляемое на видъ обстоятельство, что языческія понятія и обряды долгое время продолжали господствовать въ народѣ, да и теперь еще далеко не вполнѣ устранены. Содержаніе христіанства, по его нравственной высотѣ, безконечно, и вполнѣ едва-ли осуществляется даже и въ отдѣльныхъ, самаго высокаго характера личностяхъ, не говоря уже о цѣлой народ-

цетвореніе народной идеи — это все равно; безъ борьбы партій, какъ-бы единогласнымъ мірскимъ рѣшеніемъ, шлютъ пословъ за море просить себѣ князя, и разъ избранной власти остается народъ вѣрнымъ въ теченіи всей своей исторической жизни. Это происшествіе казалось такимъ изъ ряду вонъ выходящимъ, что ему одно время не хотѣли даже вѣрить, и думали видѣть въ правдивомъ сказаніи лѣтописца принаровленный къ народному самолюбію разсказъ о нормандскомъ завоеваніи,—точно какъ будто-бы дѣло шло о повѣствованіи французскаго историка новѣйшихъ временъ, желающаго замаскировать неудачу великой арміи, сваливая ее на морозъ и т. п.

Гораздо яснѣе, потому что само событіе гораздо извѣстнѣе, проявляется та же черта въ принятіи русскимъ народомъ христіанской вѣры. Обращеніе народовъ въ новую вѣру, сколько мы тому знаемъ примѣровъ, совершалось однимъ изъ слѣдующихъ способовъ. Апостолы или миссіонеры, долговременной проповѣдью, постоянными усиліями, мученичествомъ, прокладывали путь новому ученію, которое, постепенно увеличивая число своихъ послѣдователей, при болѣе или менѣе долговременной борьбѣ партій, одерживало наконецъ побѣду. Такъ восторжествовало христіанство въ Римской Имперіи. Или,—побѣдители навязываютъ свое исповѣданіе побѣжденнымъ, какъ Аравитяне покореннымъ ими народамъ Азіи и Африки, какъ Карлъ Великій Саксонцамъ, какъ Меченосцы Эстамъ и Латышамъ; или, наконецъ,—побѣдители принимаютъ вѣру побѣжденныхъ, какъ Франки отъ романизованныхъ Галловъ. Ни перваго, ни втораго, ни третьяго не было въ Россіи; по крайней мѣрѣ, то, что̀ можно считать въ нѣкоторомъ смыслѣ миссіонерствомъ, далеко по своей силѣ не соотвѣтствовало быстротѣ и безпрепятственности распространенія христіанства. Одинъ человѣкъ, который, по всему своему характеру, представляетъ самое живое олицетвореніе славянской природы, является какъ-бы представителемъ своего народа. Гостепріимный, общительный, веселый, не смотря на свои увлеченія, насквозь проникнутый славянскимъ благодушіемъ, в. кн. Владиміръ начинаетъ чувствовать пустоту исповѣдуемаго имъ язычества и стремленіе къ чему-то новому, лучшему, способному удовлетворить душевную жажду, хотя для него и не ясную. На его зовъ стекаются миссіонеры отъ разныхъ религій; онъ свободно обсуживаетъ, совѣщаясь съ своими приближенными, излагаемыя передъ нимъ ученія, посылаетъ довѣренныхъ

лицъ изслѣдовать характеръ этотъ религій на мѣстѣ, и, убѣдившись этимъ путемъ свободнаго изслѣдованія въ превосходствѣ православія, принимаетъ его. За нимъ, почти безъ сопротивленія, принимаетъ его и весь русскій народъ. Процессъ, который происходилъ въ душѣ князя, былъ только повтореніемъ, болѣе опредѣленнымъ и сознательнымъ, того, что смутно передумала и прочувствовала вся тогдашняя Русь. Ибо этимъ только и можно объяснить отсутствіе сопротивленія столь коренному нововведенію. Все совершилось безъ наружной борьбы, потому что видимому дѣйствію предшествовала уже борьба внутренняя, отрѣшеніе отъ стараго, отжитаго и внутренняя жажда лучшаго, новаго. Разсказъ о принятіи христіанства Владиміромъ считается легендою. Ежели это легенда, то она говоритъ еще гораздо болѣе, нежели историческое событіе, которое могло бы быть не болѣе какъ случайностью, тогда какъ легенда служить выраженіемъ того, какъ по понятіямъ русскаго народа долженъ былъ произойти переходъ отъ язычества къ христіанству. Заподозриваютъ также справедливость, или по крайней мѣрѣ полноту лѣтописнаго разсказа о ходѣ распространенія христіанства, и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, какъ напримѣръ о волхвѣ въ Ростовѣ, хотятъ видѣть указаніе на продолжительную борьбу новой религіи со старою. Но ежели бы новой религіи пришлось выносить сильную борьбу съ язычествомъ, то какимъ образомъ, при тогдашней слабости государственной власти, при бездорожіи, при безконечныхъ лѣсахъ, раздѣлявшихъ область отъ области, волость отъ волости, могла бы власть способствовать водворенію христіанства противъ воли? А главное, какимъ бы образомъ монахи лѣтописцы, въ глазахъ которыхъ всѣ прочія событія, всѣ прочіе подвиги были ничто въ сравненіи съ подвигами апостольства и мученичества (которые должны бы были сопровождать распространеніе христіанства, если бы народъ серіозно противился его введенію), именно объ этихъ-то подвигахъ и умолчали? Не можетъ служить опроверженіемъ мирному и безпрепятственному распространенію христіанства въ Россіи и то, часто выставляемое на видъ обстоятельство, что языческія понятія и обряды долгое время продолжали господствовать въ народѣ, да и теперь еще далеко не вполнѣ устранены. Содержаніе христіанства, по его нравственной высотѣ, безконечно, и вполнѣ едва-ли осуществляется даже и въ отдѣльныхъ, самаго высокаго характера личностяхъ, не говоря уже о цѣлой народ-

ной массѣ. Но иное дѣло—полное осуществленіе христіанскаго идеала въ жизни и дѣятельности, иное дѣло—болѣе или менѣе неясное сознаніе его превосходства, его властительной силы надъ душою, о чемъ я только и говорю.

Подобный же характеръ имѣетъ и подвигъ Минина. И онъ является представителемъ мысли и чувства, жившихъ въ цѣломъ русскомъ народѣ, имъ только яснѣе сознанныхъ и разомъ одушевившихъ народъ.

Но всего очевиднѣе выразилась особенность русскаго народнаго характера, о которой теперь идетъ рѣчь, въ томъ событіи, которому всѣ мы были очевидцами. Въ освобожденіи крестьянъ, какъ въ призваніи Варяговъ, введеніи христіанства, освобожденіи отъ Поляковъ, выразились въ лицѣ одного человѣка, въ лицѣ Императора Александра, мысли и чувства всего русскаго народа. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что освобожденію крестьянъ не предшествовало никакой агитаціи, никакой, ни изустной, ни печатной пропаганды; всѣ, казалось, были одинаково къ нему неподготовлены, интересы единственнаго образованнаго сословія въ государствѣ были ему противоположны и, по самой сущности дѣла, враждебны. Однако все совершилось быстро, съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Крестьяне не просто освобождаются на европейскій ладъ, а надѣляются землею, и все это безъ всякой борьбы, безъ всякаго сопротивленія съ какой бы то ни было стороны, и безъ какихъ-либо партій, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ уродливыхъ и ничтожныхъ претензій на партію, представляемыхъ газетою „Вѣсть". Что все обойдется благополучно со стороны народа, въ этомъ были увѣрены всѣ, сколько нибудь знавшіе Россію. Но увѣренность въ единомъ спасительномъ исходѣ дѣла, я думаю, поколебалась у многихъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что введеніе реформы поручается лицамъ отъ дворянства, предлагаемымъ предводителями и утверждаемымъ губернаторами, безъ участія депутатовъ со стороны крестьянъ, безъ всякаго вліянія ихъ на выборъ посредниковъ. По всѣмъ европейскимъ понятіямъ, отъ которыхъ всѣмъ намъ такъ трудно вполнѣ отрѣшиться, должно было полагать, что интересъ крестьянъ, преданный въ руки противоположнаго ему интереса дворянъ, будетъ нарушенъ, насколько это только возможно безъ нарушенія буквы закона; а мы знаемъ, какъ широка эта возможность. Казалось, что исполненіе, примѣненіе лишатъ законъ его существеннѣйшаго значенія. И такое опасеніе оказа-

лось совершенно основательнымъ тамъ, гдѣ исполнителями, посредниками явилось не русское дворянство, а польское шляхетство. Въ Россіи реформа совершилась такъ, какъ не только Европа, но и большинство изъ насъ самихъ не могли себѣ представить. Русскій народъ, какъ крестьянство, такъ и дворянство выказали себя въ такомъ свѣтѣ, что, дабы достойнымъ образомъ обозначить характеръ ихъ дѣятельности въ это время, должно обратиться къ языку народа, у котораго все нравственно высокое, все добродѣтельное имѣло характеръ гражданскій. То была virtus въ полномъ значеніи этого слова. Перенесемся мысленно на нѣсколько столѣтій въ будущее, и представимъ себѣ, что о пережитомъ нами времени остались лишь такіе же скудные слѣды, какъ тѣ, которые мы имѣемъ объ основаніи русскаго государства, или о введеніи христіанства въ Россію; представимъ себѣ также, что въ теченіи этихъ столѣтій не утратилась привычка судить о явленіяхъ русской жизни съ европейской точки зрѣнія, и пусть были бы тогда открыты въ пыли архивовъ исторія о происшествіи въ селѣ Безднѣ Казанской губерніи и немногія ей подобныя. Какъ бы возликовали тогда европействующіе историки! Фактическіе слѣды борьбы интересовъ и сословій найдены; отдѣльные примѣры ничтожныхъ исключеній, даже не исключеній, а жалкихъ недоразумѣній, были бы раздуты въ цѣлую систему, по которой своеобразныя событія русской жизни благополучно подводятся подъ общій, нормальный, единственно-возможный характеръ—обще-европейскаго хода историческаго развитія. Теперь, конечно, къ такому толкованію прибѣгнуть невозможно. Надо объяснить дѣло давленіемъ власти, отсутствіемъ энергіи въ защитѣ своихъ интересовъ, вліяніемъ бюрократическаго элемента, и т. д. Конечно, правительственная власть въ Россіи имѣетъ большую силу матеріальную и еще бо̀льшую нравственную, но мы очень хорошо знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ ей вовсе не приходилось себя обнаруживать. Мы знаемъ также, что, дабы сдѣлать всѣ усилія ея безплодными, не было бы надобности ни въ какомъ дѣятельномъ сопротивленіи; что для этого было бы вполнѣ достаточно сопротивленія пассивнаго, недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Шляхетство западныхъ губерній показало примѣръ, какъ это дѣлается, и если бы не счастливая случайность открытаго возстанія, — крестьянская реформа въ западныхъ губерніяхъ не только не принесла бы ожидаемыхъ отъ нея плодовъ, но принесла бы послѣдствія самыя вредныя. Ежели бы

и русское дворянство было одержимо тѣмъ же узкимъ эгоистическимъ направленіемъ, если бы главною побудительною причиною его дѣйствій былъ бы интересъ, то, несмотря ни на какія усилія власти (органы которой вѣдь также всѣ должны бы были раздѣлять тѣ же узкія сословныя воззрѣнія), дѣло не пошло бы лучше, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ при польскихъ мировыхъ посредникахъ.

Такъ же точно несправедливо было бы заключить изъ общаго характера, которымъ отличались всѣ главные перевороты въ жизни русскаго народа, объ отсутствіи въ немъ всякой энергіи и самодѣятельности, о его воскоподобной мягкости, по которой изъ него можно лѣпить что̀ угодно. Мы видимъ другіе примѣры, что величайшія усилія правительства не приводили ровно ни къ чему тамъ, гдѣ цѣли его были противны народному убѣжденію, или даже гдѣ народъ относился къ его цѣлямъ совершенно равнодушно. Примѣръ старообрядства доказываетъ первое, примѣръ же множества учрежденій, реформъ, нововведеній, оставшихся мертвою буквою, пустою формою безъ содержанія, хотя противъ нихъ не только не было активнаго, но даже и пассивнаго сопротивленія, а было только совершенно равнодушное, безучастное къ нимъ отношеніе, достаточно доказываетъ второе.

Изъ выставленной здѣсь черты русскаго народнаго характера, проявлявшейся при самыхъ важныхъ торжественныхъ мгновеніяхъ его жизни, выводится то заключеніе, что вообще не интересъ составляетъ главную пружину, главную двигательную силу русскаго народа, а внутреннее нравственное сознаніе, медленно подготовляющееся въ его духовномъ организмѣ, но всецѣло обхватывающее его, когда настанетъ время для его внѣшняго практическаго обнаруженія и осуществленія. А такъ какъ интересъ составляетъ настоящую основу того, что̀ мы называемъ партіями, то во всей исторической жизни Россіи нѣтъ ничего, что̀ бы соотвѣтствовало этому, по преимуществу западно-европейскому или романо-германскому явленію. Все, что̀ можно назвать у насъ партіями, зависитъ отъ вторженія въ русскую жизнь иностранныхъ и инородческихъ вліяній; поэтому, когда говорятъ у насъ объ аристократической или демократической партіи, объ консервативной или прогрессивной, всѣ очень хорошо знаютъ, что это одни пустыя слова, за которыми не скрывается никакого содержанія. Напротивъ того, для всѣхъ ясенъ смыслъ партіи нѣмецкой, партіи польской, въ

послѣднія, состоящія въ противодѣйствіи разнаго рода матеріальнымъ соблазнамъ и принадлежащія къ области обязанностей человѣка къ самому себѣ, не могутъ доставить какой-либо народной характеристики. Онѣ суть, такъ сказать, вѣнецъ личныхъ человѣческихъ добродѣтелей. Оба остальные разряда составляютъ качества общественныя, такъ какъ они обусловливаютъ собою характеръ взаимныхъ отношеній людей между собою. Не нужно большой наблюдательности, чтобы признать въ первыхъ по преимуществу свойства славянскаго, а во вторыхъ свойства германскаго народнаго характера. Конечно, весьма хорошо усвоивать себѣ и тѣ добрыя качества, которыя менѣе намъ сродны, въ той мѣрѣ, въ которой они не поставляютъ препятствія развитію нашихъ личныхъ или народныхъ добродѣтелей, и въ извѣстной мѣрѣ это, конечно, возможно; но, тѣмъ не менѣе, возможность съ вѣрностью характеризовать два народные характера не частными какими либо чертами, но цѣлыми высшаго разряда группами нравственныхъ качествъ, соотвѣтствующими ихъ основному дѣленію, должна указывать на весьма существенныя различія во всемъ психическомъ строѣ народовъ славянскихъ и народовъ германскихъ.

Характеристическія особенности въ умственныхъ свойствахъ славянскаго племени если не труднѣе подмѣтить, чѣмъ въ области нравственной, то однако же труднѣе изложить съ нѣкоторою доказательностью. По недавности и малому еще развитію у славянскихъ народовъ науки, въ которой эти особенности умственнаго склада всего яснѣе отражаются, какъ тому были представлены примѣры въ шестой главѣ, недостаетъ нужныхъ для сравненія матеріаловъ.

Это было бы легче сдѣлать относительно эстетическихъ свойствъ славянскаго духа, ибо для такого изученія есть уже гораздо болѣе матеріала. Но для углубленія въ эту область потребовалось бы сравнительное изученіе славянскихъ литературъ съ литературами другихъ народовъ. Я не имѣю ни достаточныхъ познаній, ни нужныхъ для этого способностей, и поэтому все, что̀ могъ бы въ этомъ отношеніи сказать, оказалось бы недостаточно подтвержденнымъ фактами, а съ другой стороны заставило бы слишкомъ далеко удалиться отъ истинной цѣли этой книги, цѣли, которая имѣетъ весьма мало общаго съ эстетикою.

вичу Владиславу, и, будучи побѣждено мѣщаниномъ Мининымъ и княземъ Пожарскимъ, задавленное мощью Петра, при послѣднемъ уже издыханіи навело на Россію десятилѣтнюю казнь бироновщины,—и имѣло бы гораздо худшія послѣдствія, если бы не было подсѣчено подъ самый корень русскимъ дворянствомъ. Не мудрено, что такое антирусское, антиславянское начало принимаетъ несвойственныя русской жизни аллюры партіи, образцы и идеалы которой, бывъ прежде польско-шляхетскими, стали теперь нѣмецко-баронскими, сохранивъ однако же горячія симпатіи и къ своему древнему первообразу.

Другой выводъ изъ вышеизложенной исторической особенности важнѣйшихъ моментовъ развитія русскаго народа состоитъ въ огромномъ перевѣсѣ, который принадлежитъ въ русскомъ человѣкѣ общенародному русскому элементу надъ элементомъ личнымъ, индивидуальнымъ. Поэтому-то, между тѣмъ какъ англичанинъ, нѣмецъ, французъ, переставъ быть англичаниномъ, нѣмцемъ или французомъ, сохраняетъ довольно нравственныхъ началъ, чтобы оставаться еще замѣчательною личностью въ томъ или другомъ отношеніи, русскій, переставъ быть русскимъ, обращается въ ничто—въ негодную тряпку, чему каждый безъ сомнѣнія видѣлъ столько примѣровъ, что не нуждается ни въ какихъ особыхъ указаніяхъ.

Особенности въ психическомъ строѣ народа, кромѣ подмѣченныхъ нѣкоторыхъ чертъ, проявляющихся въ особенномъ характерѣ его исторіи, могли бы ещё быть опредѣлены при посредствѣ естественной классификаціи нравственныхъ качествъ, по видамъ, родамъ, семействамъ, классамъ, такъ, чтобы качества эти и въ системѣ были бы расположены въ группы все болѣе и болѣе удаленныя другъ отъ друга, по мѣрѣ ихъ внутренней несовмѣстности между собою. Очевидно, что при такомъ расположеніи, чѣмъ выше группа качествъ (въ систематическомъ порядкѣ), которыми можно характеризовать народы (отвлекаясь, конечно, отъ частныхъ исключеній, которыя не могутъ не представляться), тѣмъ глубже должно быть существующее между ними различіе, тѣмъ менѣе общаго будетъ въ направленіи всей ихъ дѣятельности.

Нравственныя качества (я не говорю добродѣтели, потому что не только недостатокъ, но и самый ихъ излишекъ можетъ составить порокъ), кажется мнѣ, весьма естественно раздѣляются на три группы: на качества благости, справедливости и чистоты. Эти

которые въ трехъ названныхъ формахъ христіанства видятъ не болѣе какъ формальное различіе, соотвѣтствующее различнымъ ступенямъ развитія религіознаго сознанія, такой отвѣтъ не сказалъ бы ровно ничего, и посему-то я позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ существенно важномъ предметѣ.

Сущность христіанской догматики излагается въ сvмволѣ вѣры, и дѣйствительно, всѣ мы: православные, католики, протестанты, читаемъ этотъ сvмволъ почти одинаково, соединяя однако же совершенно различный смыслъ съ словами: „вѣрую во единую, святую, соборную и апостольскую церковь",—смыслъ столь различный, что Хомяковъ въ извѣстныхъ своихъ брошюрахъ могъ сказать, что всѣ западныя христіанскія общества суть ереси *противъ церкви*, въ противоположность неправославнымъ обществамъ восточнымъ, которыя, неправильно толкуя и понимая разные другіе догматы, выраженные въ сvмволѣ, и тѣмъ, конечно, удаляясь отъ истинной церкви, о сущности самой церкви сохраняютъ однако же понятіе правильное. Но важность правильнаго понятія о церкви такова, что, между тѣмъ какъ ложный догматъ, касающійся даже самыхъ основныхъ истинъ христіанства, можетъ ограничивать свое вредоносное вліяніе однимъ кругомъ понятій къ нему относящихся, оставляя все прочее неповрежденно-истиннымъ,—ложное понятіе о церкви неминуемо ведетъ, хотя иногда и медленнымъ, но неизбѣжнымъ логическимъ процессомъ къ ниспроверженію всего христіанскаго ученія, лишая его всякаго основанія и всякой опоры.

Какъ христіанская церковь, такъ и всѣ, называющія себя церквами, христіанскія общества одинаково признаютъ своимъ основаніемъ Божественное Откровеніе, и всякое ученіе, отвергающее Откровеніе, не признаютъ уже христіанскимъ. Слѣдовательно, необходимость Откровенія можетъ служить точкою исхода для обсужденія разныхъ проявленій христіанства; далѣе заходить незачѣмъ. Необходимость же Откровенія признается потому, что только оно одно можетъ дать вполнѣ достовѣрное, незыблемое основаніе для вѣры и для нравственности. Откровеніе, то есть сообщеніе созданію воли Божества, можно представлять себѣ или какъ непосредственно дѣйствующее на его волю, то есть принудительное, дѣйствующее какъ непреоборимый инстинктъ,—или какъ вліяющее на нее посредственно, черезъ пониманіе и сознаніе. Очевидно, что, по отношенію къ человѣку, признаваемому существомъ свободнымъ, возможно только этого послѣдняго рода откровеніе. Но все,

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РАЗЛИЧІЕ ВѢРОИСПОВѢДНОЕ.

Le romanisme, en remplaçant l'unité de la foi universelle par l'indépendance de l'opinion individuelle ou diocésaine, a été la première hérésie contre le dogme de la nature de l'Église ou de sa foi en elle même. La Réforme n'a été qu'une continuation de cette même hérésie sous une apparence différente.

Quelques mots par un chrètien orthodoxe sur les communions occidentales.

Различіе въ просвѣтительныхъ началахъ русскаго и большинства другихъ славянскихъ народовъ отъ народовъ германо-романскихъ состоитъ въ томъ, что первые исповѣдуютъ православіе, а вторые римскій католицизмъ, или протестантство. Достаточно-ли велико различіе между этими исповѣданіями, чтобы основывать, между прочимъ, и на немъ культурно-историческое различіе славянскаго отъ германо-романскаго типа? Не составляетъ ли оно мало-существенную особенность, такъ сказать исчезающую въ общемъ понятіи христіанской цивилизаціи? И съ другой стороны, не существеннѣе ли даже различіе между католичествомъ и протестантствомъ, чѣмъ между первымъ и православіемъ, догматическая разность между которыми для многихъ представляется не очень большою, такъ какъ они оба основываются на авторитетѣ, въ противоположность протестантству, основывающемуся на свободномъ изслѣдованіи? На это можно бы отвѣтить очень коротко, именно: что отличіе истины отъ лжи безконечно и что двѣ лжи всегда менѣе между собою отличаются, чѣмъ каждая изъ нихъ отъ истины; но такой отвѣтъ былъ бы удовлетворителенъ только для тѣхъ, которые и въ немъ даже не нуждаются; для тѣхъ же,

подъ главенствомъ Іисуса Христа и подъ водительствомъ Святаго Духа, и приписывающее церкви, такимъ образомъ понимаемой,—непогрѣшимость. 2). Понятіе католическое, сосредоточивающее понятіе о церкви въ лицѣ папы и потому приписывающее ему непогрѣшимость. 3). Понятіе протестантское, переносящее право толкованія Откровенія на каждаго члена церкви, и потому переносящее на каждаго эту непогрѣшимость, конечно только относительно его же самого,—или, что̀ тоже самое, совершенно отрицающее непогрѣшимость гдѣ бы то ни было. 4). Наконецъ, понятіе нѣкоторыхъ сектъ, какъ напримѣръ квакеровъ, методистовъ и такъ далѣе, которое можно назвать мистическимъ, такъ какъ оно поставляетъ непогрѣшимость въ зависимость отъ непосредственнаго просвѣтленія каждаго Духомъ Святымъ, и признакомъ такого просвѣтленія выставляетъ собственное сознаніе каждаго считающаго себя вдохновеннымъ или просвѣтленнымъ. Изъ этихъ четырехъ понятій, всѣ, кромѣ третьяго, протестантскаго, представляются теоретически возможными, не представляютъ внутренняго противорѣчія, если только могутъ доказать справедливость своего воззрѣнія. Напротивъ того, понятіе протестантское, отвергая всякую непогрѣшимость и предоставляя все произволу личнаго толкованія, тѣмъ самымъ отнимаетъ всякое опредѣленное значеніе у самаго Откровенія, ставитъ его въ одну категорію со всякимъ философскимъ ученіемъ, съ тою однако же невыгодою для Откровенія, что, такъ какъ это послѣднее выставляетъ свои истины какъ опредѣленныя положенія, которыхъ вовсе не доказываетъ, а не какъ выводы изъ общаго начала, добытаго посредствомъ логическаго построенія, то лишается и той доказательной силы, которая свойственна систематизированной наукѣ. Поэтому, вся сущность религіи, по протестантскому воззрѣнію, необходимо сводится на одно лишь личное субъективное чувство. Но субъективная религія, то есть вѣрованіе тому, чему хочется, или, пожалуй, чему вѣрится, есть отрицаніе всякаго положительнаго Откровенія или отнятіе у него не только всякой внѣшней, но и всякой внутренней обязательности, то есть всякой достовѣрности, а слѣдовательно—отрицаніе религіи вообще, которая немыслима безъ полной достовѣрности, подчиняющей себѣ весь духъ человѣка, подобно тому какъ достовѣрность логическая подчиняетъ себѣ одинъ его умъ. Очень вѣрною эмблемою или символомъ протестантскаго взгляда можетъ, кажется мнѣ, служить слѣдующая черта изъ жизни президента

что̀ предлагается нашему пониманію, можетъ нами приниматься или во всей его объективной истинности, или—совершенно несогласнымъ съ нею образомъ, или же—отчасти согласно съ нею,—и этотъ послѣдній способъ пониманія есть единственно вѣроятный, даже почти единственно возможный. Слѣдовательно, Откровеніе, предоставленное такому пониманію, по необходимости теряетъ на дѣлѣ свой достовѣрный смыслъ, а слѣдовательно теряетъ самую сущность свою, причину самаго своего существованія, становится лишеннымъ своей силы и значенія, дѣлается какъ бы несуществующимъ. Очевидно, слѣдовательно, что одно Откровеніе есть нѣчто совершенно безполезное, совершенно не достигающее своей цѣли и потому невозможное, если вмѣстѣ съ нимъ не преподано способа сохраненія его достовѣрности, его истиннаго смысла и правильнаго примѣненія къ каждому данному случаю. Это совершается посредствомъ того, что́ мы называемъ церковью, которая по необходимости столь же непогрѣшима, какъ непогрѣшимо само Откровеніе, есть единственно возможное ручательство за его непогрѣшимость, не въ немъ самомъ, а въ нашемъ пониманіи его. Отношеніе церкви къ Откровенію совершенно то же, какъ отношеніе суда къ гражданскому закону, съ тою, конечно, разницею, что внутренняя достовѣрность замѣняется въ послѣднемъ случаѣ внѣшнею обязательностью. Представимъ себѣ идеально совершенный гражданскій кодексъ. Безъ судебной власти, для его истолкованія и примѣненія, при всемъ своемъ совершенствѣ, онъ былъ бы безполезнѣйшею изъ книгъ. Двое тяжущихся конечно никогда не рѣшили бы своей тяжбы, еслибъ имъ обоимъ было предоставлено справляться въ законѣ о томъ, кто изъ нихъ правъ. А если бы всѣ тяжущіеся были достаточно проницательны, достаточно свободны отъ личнаго эгоистическаго взгляда, заволакивающаго для нихъ правое, чтобы рѣшать такимъ образомъ свои тяжбы, то, опять-таки, законъ былъ бы для нихъ совершенно излишнимъ; ибо это значило бы, что они носятъ его въ своемъ умѣ и сердцѣ во всей полнотѣ и совершенствѣ. Итакъ, въ концѣ концовъ, самое значеніе Откровенія будетъ зависѣть отъ того, какое значеніе придается понятію о церкви и нераздѣльному съ нею понятію о ея непогрѣшимости.

Такихъ понятій существуетъ, какъ извѣстно, въ христіанскомъ мірѣ четыре. 1). Понятіе православное, утверждающее, что церковь есть собраніе всѣхъ вѣрующихъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ,

учениками о значеніи причащенія. Переходя отъ вырѣзки къ вырѣзкѣ, мнѣ кажется, трудно усмотрѣть границу между этими вырѣзками, устанавливающими произвольныя ортодоксіи, и вырѣзками Ренана, который счелъ нужнымъ вырѣзать все, что имѣетъ сколько-нибудь характеръ сверхъестественнаго, и даже само воскресеніе. На какой же ступени этой лѣстницы остановиться, на какомъ основаніи останавливаться, и есть ли даже какая нибудь возможность остановиться, пока не спустишься до самаго низу, откуда уже больше спускаться некуда?

Мистическое воззрѣніе на церковь квакеровъ, методистовъ и другихъ сектантовъ можетъ быть оставлено въ сторонѣ, такъ какъ ученія этихъ сектъ не могутъ считаться просвѣтительнымъ началомъ народовъ Европы, будучи лишь незначительнымъ исключеніемъ среди господствующихъ между ними религіозныхъ воззрѣній.

Про католическое понятіе о церкви нельзя сказать, чтобы оно заключало въ себѣ какое-либо внутреннее противорѣчіе, какъ протестантское. Оно мыслимо, если бы возможно было его доказать. Но въ томъ-то и дѣло, что доказать можно только его невозможность. Для этого не нужно углубляться въ факты церковной исторіи, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ доказательства вполнѣ убѣдителенъ только для того, кто самъ до него доискался по источникамъ. Для прочихъ же, которые должны принимать слова изслѣдователей на вѣру, трудно, при господствующемъ разнорѣчіи изслѣдователей, принадлежащихъ къ разнымъ ученіямъ, съ совершеннымъ безпристрастіемъ принять ту или другую сторону. Но этого вовсе и не нужно. Невозможность непогрѣшимости и главенства папъ, кажется, очень легко можетъ быть доказана изъ небольшаго числа самыхъ извѣстныхъ фактовъ и основаній, признаваемыхъ самими католиками. Но защитники католицизма, будучи весьма часто сознательно недобросовѣстны, похожи на скользкихъ ужей, выскользающихъ изъ рукъ, когда думаешь ихъ схватить. Поэтому, у нихъ о каждомъ изъ ихъ отличительныхъ догматовъ есть по нѣскольку мнѣній, которыя вынимаются изъ ихъ полемическаго арсенала, смотря по удобствамъ. Такъ и о главенствѣ и непогрѣшимости папъ и объ отношеніи ихъ власти къ власти вселенскихъ соборовъ встрѣчаются разныя мнѣнія у самихъ католиковъ. Одни считаютъ папъ выше всякаго собора, другіе же подчиняютъ папъ соборамъ. Очевидно, что только ультра-

Соединеныхъ Штатовъ Джеферсона. Джеферсонъ былъ, что̀ называется, вольнодумцемъ или esprit fort, и слѣдовательно не признавалъ божественности христіанства, но, однако же, уважалъ многія изъ его истинъ. Желая отдѣлить справедливое отъ того, что̀, по его мнѣнію, ложно, онъ взялъ два экземпляра Евангелія и вырѣзывалъ изъ нихъ что̀ казалось ему сообразнымъ съ здравымъ понятіемъ о нравственности, или, проще сказать, то, что̀ ему нравилось. Свои вырѣзки наклеивалъ онъ въ особую тетрадку и такимъ образомъ составилъ себѣ сводъ нравственныхъ ученій или, ежели угодно, систему религіи для своего обихода. Каждый приверженецъ протестантскаго ученія поступаетъ въ сущности совершенно такимъ же образомъ, или даже, собственно говоря, иначе и поступать не можетъ. При этомъ, конечно, у каждаго соберется тетрадка съ особымъ содержаніемъ, и мудрено себѣ представить, чтобы оно не носило на себѣ печати своего хозяина. Мистикъ не удостоитъ, вырѣзки всего, что̀ покажется ему слишкомъ простымъ или естественнымъ, раціоналистъ—того, что̀ покажется слишкомъ таинственнымъ и сверхъестественнымъ. Мудрено, чтобы ножницы не получили инаго направленія у склоннаго къ мстительности, къ честолюбію, къ тщеславію, къ корыстолюбію, къ сладострастію и т. д.

Неизбѣжныя послѣдствія такого взгляда устраняются, насколько возможно, протестантами, установленіемъ условныхъ, произвольныхъ, искусственныхъ ортодоксій, которыя и извѣстны подъ именемъ вѣроисповѣданій англиканскаго, лютеранскаго, реформатскаго, пресвитеріанскаго и т. д., которыя, очевидно, никакого авторитета у своихъ мыслящихъ послѣдователей имѣть не могутъ, потому что ни за Генрихомъ VIII, ни за Лютеромъ, ни за Кальвиномъ, ни за Цвингліемъ не признаютъ они никакого вдохновеннаго авторитета, а также точно и за своими церковными собраніями, какъ напримѣръ за Аугсбургскимъ, не признаютъ значенія соборнаго. Всѣ эти ортодоксіи суть, слѣдовательно, только различныя системы вырѣзокъ. Отвергнувъ церковное преданіе, Лютеръ съ тѣмъ вмѣстѣ вырѣзалъ и текстъ апостола Павла, въ которомъ повелѣвается держаться преданій; отвергнувъ нѣкоторыя таинства—вырѣзалъ и тексты, которыми апостолъ Іаковъ установляетъ елеосвященіе, или которыми апостолъ Павелъ утверждаетъ, что бракъ есть великая тайна и т. д. Кальвинъ пошелъ дальше въ своихъ вырѣзкахъ, вырѣзавъ, напримѣръ, изъ Ев. Іоанна всю бесѣду Іисуса Христа съ

учениками о значеніи причащенія. Переходя отъ вырѣзки къ вырѣзкѣ, мнѣ кажется, трудно усмотрѣть границу между этими вырѣзками, устанавливающими произвольныя ортодоксіи, и вырѣзками Ренана, который счелъ нужнымъ вырѣзать все, что̀ имѣетъ сколько-нибудь характеръ сверхъестественнаго, и даже само воскресеніе. На какой же ступени этой лѣстницы остановиться, на какомъ основаніи останавливаться, и есть ли даже какая нибудь возможность остановиться, пока не спустишься до самаго низу, откуда уже больше спускаться некуда?

Мистическое воззрѣніе на церковь квакеровъ, методистовъ и другихъ сектантовъ можетъ быть оставлено въ сторонѣ, такъ какъ ученія этихъ сектъ не могутъ считаться просвѣтительнымъ началомъ народовъ Европы, будучи лишь незначительнымъ исключеніемъ среди господствующихъ между ними религіозныхъ воззрѣній.

Про католическое понятіе о церкви нельзя сказать, чтобы оно заключало въ себѣ какое-либо внутреннее противорѣчіе, какъ протестантское. Оно мыслимо, если бы возможно было его доказать. Но въ томъ-то и дѣло, что доказать можно только его невозможность. Для этого не нужно углубляться въ факты церковной исторіи, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ доказательства вполнѣ убѣдителенъ только для того, кто самъ до него доискался по источникамъ. Для прочихъ же, которые должны принимать слова изслѣдователей на вѣру, трудно, при господствующемъ разнорѣчіи изслѣдователей, принадлежащихъ къ разнымъ ученіямъ, съ совершеннымъ безпристрастіемъ принять ту или другую сторону. Но этого вовсе и не нужно. Невозможность непогрѣшимости и главенства папъ, кажется, очень легко можетъ быть доказана изъ небольшаго числа самыхъ извѣстныхъ фактовъ и основаній, признаваемыхъ самими католиками. Но защитники католицизма, будучи весьма часто сознательно недобросовѣстны, похожи на скользкихъ ужей, выскользающихъ изъ рукъ, когда думаешь ихъ схватить. Поэтому, у нихъ о каждомъ изъ ихъ отличительныхъ догматовъ есть по нѣскольку мнѣній, которыя вынимаются изъ ихъ полемическаго арсенала, смотря по удобствамъ. Такъ и о главенствѣ и непогрѣшимости папъ и объ отношеніи ихъ власти къ власти вселенскихъ соборовъ встрѣчаются разныя мнѣнія у самихъ католиковъ. Одни считаютъ папъ выше всякаго собора, другіе же подчиняютъ папъ соборамъ. Очевидно, что только ультра-

монтанское воззрѣніе, считающее авторитетъ папскій выше соборнаго, или, по крайней мѣрѣ, равнымъ ему, можетъ быть защищаемо съ католической точки зрѣнія, признающей въ папѣ намѣстника Іисуса Христа. Если папа не заключаетъ въ себѣ всей полноты церковнаго авторитета, то спрашивается, какимъ же образомъ можетъ онъ устанавливать новые догматы безъ созванія вселенскаго собора? Если не признавать всей полноты этого авторитета, то на чемъ основывается все католическое ученіе? Кто установилъ всѣ разности, замѣчаемыя между нынѣшнимъ католичествомъ и прежнимъ вселенскимъ православіемъ? Вселенскаго собора для этого никогда не собиралось. Кто добавилъ вселенскій символъ вѣры? Вѣдь сдѣлать это могъ лишь равный собору авторитетъ. Но вселенскаго собора по этому поводу не было; даже одинъ соборъ и, въ числѣ его членовъ, послы Іоанна осудили это нововведеніе, —осужденіе, котораго папа впослѣдствіи только не ратификовалъ, такъ какъ надежды, съ которыми онъ дѣлалъ всѣ эти уступки, не исполнились. Слѣдовательно, это измѣненіе символа можетъ лишь въ томъ случаѣ имѣть значеніе съ самой точки зрѣнія католиковъ, если они признаютъ за папою авторитетъ по крайней мѣрѣ равный авторитету вселенскаго собора. Но ежели папы имѣютъ такой авторитетъ и соединенную съ нимъ непогрѣшимость, то этотъ авторитетъ, эта высшая степень церковной благодати — должна кѣмъ нибудь имъ быть передаваема. Католики утверждаютъ, что она передана имъ апостоломъ Петромъ. Принимая значеніе верховенства апостола Петра надъ прочими апостолами именно въ этомъ католическомъ его смыслѣ, соглашаясь и съ тѣмъ, что Петръ былъ римскимъ епископомъ, оставляя безъ вниманія, что первые два римскіе епископа, Линъ и Анаклетъ, были рукоположены Павломъ, а не Петромъ,—все-таки остается еще узнать, когда и посредствомъ какого акта передалъ апостолъ Петръ свое верховенство надъ церковью своему какъ-бы преемнику? Сколько извѣстно, апостолъ Петръ никого послѣ себя папою не назначалъ. Онъ поставилъ нѣсколько лишь епископовъ, но ни одному епископу, по понятіямъ самихъ католиковъ, не присвоивается непогрѣшимость. Для этого, очевидно, нужно получить степень благодати гораздо выше епископской, нужно, чтобы эта благодать, заключающаяся вообще въ церкви, сосредоточилась на одномъ лицѣ, которое и было бы ея видимымъ источникомъ. Спрашивается, какъ же изъ всего не слѣдуетъ, что лицо, посвященное апо-

скопомъ въ священники, могло бы занять безъ особаго посвященія каѳедру посвятившаго его епископа; такъ же точно не слѣдуетъ, чтобы изъ числа нѣсколькихъ епископовъ, посвященныхъ апостоломъ Петромъ, одинъ изъ нихъ могъ, безъ новаго, особаго сообщенія даровъ благодати тѣмъ же апостоломъ, вступить въ обладаніе всею полнотою церковнаго авторитета. Въ противномъ случаѣ необходимо принять, что и всѣмъ епископамъ, посвященнымъ апостоломъ Петромъ, прилична вся та полнота авторитета, которая соединялась въ лицѣ апостола, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ епископамъ, которыхъ они посвятили; такъ что, или верховенство апостола Петра никому не было передано, ибо собственно въ папы онъ никого не посвящалъ, или оно было передано весьма многимъ, и число этихъ лицъ все возрастало съ теченіемъ вѣковъ. Если, наконецъ, мы и согласимся, что апостолъ Петръ особеннымъ актомъ назначилъ своего преемника на римскую каѳедру и сообщилъ ему всю полноту церковнаго авторитета, которымъ самъ обладалъ, то такую же точно передачу надо доказать при каждомъ переходѣ папскаго престола къ новому папѣ. Но всѣ очень хорошо знаютъ, что такой передачи вовсе не дѣлается, и что, слѣдовательно, всякій новый папа получаетъ главенство надъ церковью и всѣ соединенныя съ нимъ свойства, въ томъ числѣ и непогрѣшимость, не отъ своего предшественика, который, однакоже, одинъ только въ цѣломъ мірѣ ими обладалъ. Спрашивается, откуда же берется, гдѣ источникъ той высшей степени благодати, которою будто-бы обладаютъ папы? Это тотъ же вопросъ, который такъ смущалъ нашихъ старообрядцевъ, пока согласіе Амвросія не вывело ихъ изъ этого затрудненія. Но кто же выведетъ изъ него папъ? Возможныхъ выходовъ остается еще только два. Именно, если признать, что власть папъ не выше, а равна власти вселенскаго собора, то такой соборъ, собираемый при вступленіи каждаго новаго папы, могъ бы конечно, сообщать ему всю власть, весь авторитетъ, которымъ самъ пользуется. Но вселенскаго собора послѣ смерти каждаго папы не собирается; ибо хотя католики и насчитываютъ таковыхъ двадцать, все же число бывшихъ папъ гораздо больше этого. Остается, наконецъ, послѣдній способъ: надо, чтобы папы почерпали свой авторитетъ непосредственно изъ того же источника, изъ котораго почерпнули его сами апостолы, т. е. чтобы при избраніи каждаго новаго папы повторялось то высокое событіе, которое совершилось въ Іеруса-

лимѣ въ пятидесятый день послѣ воскресенія Христова—именно сошествіе Св. Духа. Такъ какъ и этого сами католики не утверждаютъ, то должно признать, что не существуетъ источника, изъ котораго можно бы было произвести папскую власть; значитъ, она самозванна и должна быть таковою даже въ глазахъ каждаго разсудительнаго католика.

Неосновательность папскихъ притязаній, а слѣдовательно, и всего католическаго понятія о церкви можно доказать еще и другимъ, столь-же простымъ и очевиднымъ способомъ. Становясь опять на католическую точку зрѣнія, и признавая верховенство ап. Петра надъ прочими апостолами въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его католики, спрашивается: кому принадлежитъ высшій въ церкви авторитетъ послѣ ап. Петра? Очевидно, что онъ принадлежитъ другимъ апостоламъ. Но по кончинѣ ап. Петра ап. Іоаннъ жилъ еще болѣе 30 лѣтъ, и однако-же, не занималъ римской каѳедры, и даже призываемъ на нее не былъ. Слѣдовательно, если утверждаютъ, что папамъ принадлежитъ главенство надъ церковью потому, что они суть наслѣдники ап. Петра на римской каѳедрѣ, то противъ этого можно возразить съ такою же точно силою, что, такъ какъ высшій церковный авторитетъ послѣ кончины Петра на эту каѳедру призванъ не былъ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что, по понятіямъ первыхъ христіанъ, верховный авторитетъ въ церкви вовсе не соединялся необходимымъ образомъ съ римскимъ епископствомъ, ибо иначе надо признать, что папы Линъ, Анаклетъ и св. Климентъ имѣли преимущество власти и авторитета надъ самимъ ап. Іоанномъ, или что въ то время были въ церкви два равносильные авторитета, изъ которыхъ каждый соединялъ въ себѣ всю полноту церковной власти. Для уясненія представимъ себѣ, что предстоитъ рѣшить слѣдующій историческій вопросъ. Въ столицѣ какого-нибудь государства существовала нѣкоторая важная и значительная должность, точнаго значенія которой мы, однако же, не знаемъ,—не знаемъ, соединялась ли съ нею вся полнота самодержавной царской власти, или же это была только должность весьма уважаемая и высокая, но, однако же, безъ преимуществъ верховенства. Данныя для рѣшенія этого вопроса имѣются слѣдующія: 1) извѣстно, что первый занимавшій эту должность, имѣлъ царскую власть; 2) извѣстенъ законъ перехода этой власти;—напримѣръ, извѣстно, что она передавалась отъ отца къ сыну по первород-

власть, не было-ли дѣлано въ тѣхъ же почти выраженіяхъ на горѣ въ пустынѣ Тому, чьимъ намѣстникомъ католики считаютъ папу? Таковы практическія затрудненія, которыя давно существуютъ для государствъ и народовъ, называющихъ себя католическими, а теперь возведены на степень непримиримыхъ противорѣчій Піевыми „non possumus", передъ которыми впрочемъ нельзя не благоговѣть, какъ передъ выраженіемъ безстрашной послѣдовательности мысли и внутренняго убѣжденія. Противорѣчія эти на нашихъ глазахъ, если не усилились, то, по крайней мѣрѣ, получили печать неизгладимости окончательнымъ словомъ римскаго лже-вселенскаго собора. Вообще, роль Пія IX заключается въ томъ, чтобы формулировать со всею рѣзкостью, выставить на видъ со всею яркостью притязанія и требованія католичества, такъ чтобы они били въ глаза своимъ противорѣчіемъ со всѣми наизаконнѣйшими требованіями другихъ областей жизни и мысли, чтобы разрывъ между тѣми и другими дошелъ до сознанія самыхъ близорукихъ, самыхъ тупоумныхъ людей, чтобы уничтожить всякую возможность неопредѣленнаго, междоумочнаго положенія между католицизмомъ и европейскою цивилизаціей. Католическіе народы поставляются въ необходимость выбирать одно изъ трехъ: или отказаться отъ всѣхъ плодовъ, выработанныхъ кровью и потомъ многовѣковой борьбы и многовѣкового труда, и возвратиться къ временамъ Григорія VII и Урбана II; или отказаться отъ католическаго пониманія церкви и, слѣдовательно, либо перейти на скользкій путь протестантства, либо возвратиться въ лоно православія; или же наконецъ, отречься вмѣстѣ съ католичествомъ и отъ самого христіанства. Какъ ни покажется страннымъ, однако же подъ невыносимымъ бременемъ, налагаемымъ католичествомъ, народы и государства католической Европы склоняются, повидимому, къ этой послѣдней альтернативѣ. Это выражается въ знаменитомъ, пользующемся такимъ всеобщимъ фаворомъ афоризмѣ Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ", т. е. выражаясь полнѣе и точнѣе— свободная отъ государства церковь въ государствѣ, свободномъ отъ церкви. Что́ же это такое значитъ? Церковь, по нашему православному понятію, есть собраніе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ подъ главенствомъ Іисуса Христа и подъ водительствомъ Св. Духа. Какимъ же образомъ можетъ государство быть отъ нея свободнымъ, свободнымъ отъ Христа? Конечно не иначе, какъ переставъ быть христіанскимъ. Про Турцію мы можемъ, напри-

христіане, ни первые папы, ни самъ ап. Іоаннъ не соединяли, съ римскимъ епископствомъ никакого понятія о церковномъ главенствѣ, а слѣдовательно, таковаго единоличнаго главенства не имѣлъ въ виду и самъ Іисусъ Христосъ.

Независимо отъ того, доходитъ ли до сознанія самихъ католиковъ вся несостоятельность папскихъ притязаній, самыя практическія послѣдствія власти и значенія, приписываемаго папамъ таковы, что католическіе народы не могутъ сносить ихъ бремени и стараются высвободиться отъ нихъ разнаго рода непослѣдовательностями. Напримѣръ, непогрѣшимость папы ограничиваютъ одною духовною областью, на основаніи словъ: «царство мое не отъ міра сего», и «воздадите Божіе Богови и кесарево кесареви». Такое разграниченіе безъ сомнѣнія справедливо, но какъ же рѣшить, гдѣ границы міра сего, гдѣ кончается кесарево и гдѣ начинается Божіе? Очевидно, что ни міръ, ни кесарь этого рѣшить не могутъ, ибо они погрѣшительны и могутъ положить неправильную границу—могутъ выйти изъ своихъ предѣловъ, какъ вышелъ изъ нихъ Пилатъ, которому сказаны были первыя изъ этихъ словъ; какъ выходили римскіе кесари, которые, какъ извѣстно, вообще не были склонны къ нетерпимости и гоненіямъ за вѣру, а думали, что требовали именно кесарева, заставляя христіанъ приносить жертву богамъ, нераздѣльнымъ съ римскимъ государствомъ, воскуривать ѳиміамъ на алтарѣ статуй, воздвигнутыхъ кесарю, представителю обожествленнаго государства. Если папа—намѣстникъ Христовъ, то очевидно, что никому кромѣ его не можетъ принадлежать и разграниченіе Божьяго отъ кесарева. Пій IX обнародовалъ свою знаменитую энциклику. Нельзя даже и съ посторонней безпристрастной точки зрѣнія сказать, чтобы многіе параграфы ея не относились дѣйствительно къ области Божіей, какъ напримѣръ вопросъ о религіозной терпимости. Что же противъ нея возражаютъ? Что она противорѣчитъ духу времени, и приглашаютъ папу согласоваться съ нимъ, если онъ хочетъ сохранить свою власть и значеніе. Какъ смѣшны и ничтожны должны казаться такія возраженія истинному католику! Велика важность въ самомъ дѣлѣ—духъ времени, сопоставленный съ тѣмъ, кто по католическому понятію есть уполномоченный Духа вѣчности! Если духъ времени въ противорѣчіи съ нимъ, то это уже не въ первый разъ; этотъ духъ времени—есть духъ того, кого называютъ царемъ вѣка сего. Приглашеніе папы поклониться ему, чтобы сохранить свою

власть, не было-ли дѣлано въ тѣхъ же почти выраженіяхъ на горѣ въ пустынѣ Тому, чьимъ намѣстникомъ католики считаютъ папу? Таковы практическія затрудненія, которыя давно существуютъ для государствъ и народовъ, называющихъ себя католическими, а теперь возведены на степень непримиримыхъ противорѣчій Піевыми „non possumus", передъ которыми впрочемъ нельзя не благоговѣть, какъ передъ выраженіемъ безстрашной послѣдовательности мысли и внутренняго убѣжденія. Противорѣчія эти на нашихъ глазахъ, если не усилились, то, по крайней мѣрѣ, получили печать неизгладимости окончательнымъ словомъ римскаго лже-вселенскаго собора. Вообще, роль Пія IX заключается въ томъ, чтобы формулировать со всею рѣзкостью, выставить на видъ со всею яркостью притязанія и требованія католичества, такъ чтобы они били въ глаза своимъ противорѣчіемъ со всѣми наизаконнѣйшими требованіями другихъ областей жизни и мысли, чтобы разрывъ между тѣми и другими дошелъ до сознанія самыхъ близорукихъ, самыхъ тупоумныхъ людей, чтобы уничтожить всякую возможнось неопредѣленнаго, междоумочнаго положенія между католицизмомъ и европейскою цивилизаціей. Католическіе народы поставляются въ необходимость выбирать одно изъ трехъ: или отказаться отъ всѣхъ плодовъ, выработанныхъ кровью и потомъ многовѣковой борьбы и многовѣкового труда, и возвратиться къ временамъ Григорія VII и Урбана II; или отказаться отъ католическаго пониманія церкви и, слѣдовательно, либо перейти на скользкій путь протестантства, либо возвратиться въ лоно православія; или же наконецъ, отречься вмѣстѣ съ католичествомъ и отъ самого христіанства. Какъ ни покажется страннымъ, однако же подъ невыносимымъ бременемъ, налагаемымъ католичествомъ, народы и государства католической Европы склоняются, повидимому, къ этой послѣдней альтернативѣ. Это выражается въ знаменитомъ, пользующемся такимъ всеобщимъ фаворомъ афоризмѣ Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ", т. е. выражаясь полнѣе и точнѣе— свободная отъ государства церковь въ государствѣ, свободномъ отъ церкви. Чтó же это такое значитъ? Церковь, по нашему православному понятію, есть собраніе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ подъ главенствомъ Іисуса Христа и подъ водительствомъ Св. Духа. Какимъ же образомъ можетъ государство быть отъ нея свободнымъ, свободнымъ отъ Христа? Конечно не иначе, какъ переставъ быть христіанскимъ. Про Турцію мы можемъ, напри-

мѣръ, безъ всякаго сомнѣнія утверждать, что это есть государство свободное отъ церкви (т. е. отъ церкви христіанской). Этого-ли хотятъ поборники знаменитой кавуровой формулы? Конечно нѣтъ, по крайней мѣрѣ не всѣ они этого хотятъ. И дѣйствительно, съ католической точки зрѣнія вопросъ и не представляется столь радикальнымъ. Церковь, по католическимъ понятіямъ, сосредоточивается въ іерархіи, а іерархія въ папѣ, такъ что, собственно, государство свободное отъ церкви означаетъ не болѣе, какъ государство свободное отъ папы, что далеко не такъ страшно. Но, хотя однако церковь по католическому понятію и сосредоточивается въ папѣ, однако же внутреннее содержаніе ея не заключается вполнѣ въ папской власти. Католическое вѣроисповѣданіе, будучи католическимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ однако же и христіанское. Поэтому, не все въ католичествѣ ложь, многое истинное, дѣйствительно церковное въ немъ сохранилось, и государство, объявляя себя свободнымъ отъ церкви, слѣдовательно объявляя себя внѣ церкви существующимъ, по необходимости выдѣляетъ себя и отъ того, чтó неразлучно съ христіанствомъ.

Во многое, существенно христіанское, государство, по ограниченности сферы своихъ дѣйствій, не можетъ и не должно вмѣшиваться; но во многомъ также обѣ эти сферы, церковная и государственная, столь же тѣсно связаны, столько же проникаютъ другъ въ друга, какъ духъ и тѣло. Таковъ, напримѣръ, супружескій союзъ, который есть существенно церковный, христіанскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно гражданскій. Объявляя себя свободнымъ отъ церкви, государство необходимо должно нарушить и эту неразрывную связь, должно видѣть въ бракѣ учрежденіе исключительно гражданское и тѣмъ лишить его всякой нравственной основы. Не говоря о всей оскорбительности для нравственнаго чувства—подчинять любовь, самое свободное, самое стыдливое, наиболѣе чуждающееся всякаго грубаго внѣшняго соприкосновенія человѣческое отношеніе соизволенію мэровъ, становыхъ или квартальныхъ надзирателей, — оскорбительности, которая заставляетъ предпочитать отношеніе между полами, основанныя на одномъ природномъ влеченіи, такому неумѣстному административному вмѣшательству,—обратимъ лишь вниманіе на тѣ необходимыя логическія послѣдствія, къ которымъ ведетъ такъ называемый гражданскій бракъ. Послѣдствія эти—противухристіанскія, противунравственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпыя, и утверждая это, я имѣю

на началахъ общности женъ и мужей. Далѣе, нельзя не предвидѣть затрудненія брачнаго чиновника, къ которому явились бы для заключенія брачнаго контракта братъ съ сестрою, и на его разглагольствованія о противуестественности и безнравственности такого союза, побѣдоносно бы возражали на первое, что они сами судьи естественности или противуестественности союза, въ который желаютъ вступить, и что, хотя считается противуестественнымъ питаться гнилымъ мясомъ или тухлыми яицами, однако же никакая административная власть не сочтетъ себя въ правѣ измѣнять mènu обѣда лицъ съ такими противуестественными вкусами; а на второе представили бы столь побѣдоносный примѣръ, что поклонники религіи Зороастра не считали противнымъ общечеловѣческой нравственности супружества между братьями и сестрами, и что въ глазахъ чиновниковъ, служащихъ свободному отъ церкви государству, огнепоклонничество и христіанство должны имѣть одинаковую цѣну. Несчастному, приставленному къ брачнымъ дѣламъ административному лицу ничего бы не оставалось, какъ опереться на правила нравственности, выработанныя коннозаводскою практикою, если таковыя могутъ почитаться достаточными для регуляціи между-человѣческихъ отношеній. Можно конечно возразить, что никакому административному лицу нѣтъ надобности справляться съ началами общечеловѣческой нравственности и т. п. отвлеченностями, что для него достаточно положительнаго закона. Не позволяется и баста. Это конечно такъ, но позволительно, однако же, думать, что самъ законъ не можетъ же служить выраженіемъ того, что̀ кому нибудь во снѣ пригрезилось, а что самъ законъ долженъ на чемъ нибудь да основываться.

Съ освобожденіемъ государства отъ церкви и признаніемъ формулы, также нѣкогда произнесенной знаменитымъ государственнымъ мужемъ—что законъ атеистиченъ (la loi est athée), всякое христіанское основаніе у закона отнимается, если и не сейчасъ послѣ принятія означенныхъ формулъ, то со временемъ, потому что и въ мірѣ общественномъ существуетъ своего рода инерція или косность, по которой онъ движется въ извѣстномъ направленіи еще долго послѣ того, какъ сила, его толкавшая, перестала уже дѣйствовать. Но непобѣдимая логика наконецъ все-таки беретъ свое. Можетъ быть приведутъ въ примѣръ римское государство, въ которомъ гражданскій бракъ подлежалъ существенно тѣмъ же условіямъ, какъ христіанскій церковный. Примѣръ спра-

дую недѣлю. Единственное ограниченіе, представляющееся возможнымъ съ этой точки зрѣнія, есть излишнее обремененіе брачныхъ чиновниковъ дѣлами, при слишкомъ часто возобновляемыхъ расторженіяхъ и заключеніяхъ браковъ.

Но свободный договоръ не только можетъ быть, по обоюдному согласію, расторгаемъ, онъ точно такъ же можетъ быть и измѣняемъ на томъ же основаніи. Ежели, напримѣръ, жена вовсе не причастна чувству ревности, то почему бы ей не согласиться на принятіе въ супружеское общество третьяго лица—еще другой жены, на равныхъ съ нею правахъ? Не представляется никакихъ резоновъ, почему бы брачный чиновникъ могъ отказать въ своемъ утвержденіи такому дополненію къ брачному договору. Обопрется ли онъ на нравственность,—но на какую,—на христіанскую? Отъ нея государство, свободное отъ церкви, должно быть свободно, какъ и отъ всего церковнаго. На общечеловѣческую? Если и признать такое неуловимое, никакимъ опредѣленіямъ не подчиняющееся начало, то многоженство никакъ не можетъ считаться ему противнымъ, потому что существуетъ и признается нравственнымъ и въ Турціи, и въ Персіи, и въ Китаѣ, и въ Индіи, жители которыхъ имѣютъ самыя основательныя претензіи на право называться людьми, и слѣдовательно требовать, чтобы считаемое ими за нравственное не исключалось изъ понятія общечеловѣчески-нравственнаго. Многоженство существовало у царей и даже у первосвященниковъ іудейскихъ, которые признаются весьма нравственными людьми. Можетъ также, конечно, случиться и обратный казусъ, можетъ найтись неревнивый мужъ, который согласится на измѣненіе брачнаго контракта въ смыслѣ многомужія,и ежели бы брачный чиновникъ опять возсталъ противъ этого во имя общечеловѣческой нравственности, то мужъ могъ бы указать на примѣръ Тибетцевъ, или еще лучше на примѣръ благородныхъ и рыцарскихъ Гуанховъ, древнихъ обитателей Канарскихъ острововъ, уничтоженныхъ Испанцами. Основываясь на этихъ неопровержимыхъ, съ точки зрѣнія общечеловѣческой нравственности, фактахъ, цѣлая компанія неревнивыхъ женъ и столь же мало ревнивыхъ мужей могли бы пойти далѣе по пути прогресса и неопровержимой логической послѣдовательности, и возжелать осуществить на практикѣ соединеніе общечеловѣческой нравственности по понятіямъ Турокъ, Персіанъ, Китайцевъ, Индійцевъ съ таковою же по понятіямъ Тибетцевъ и Гуанховъ, т. е. заключить контрактъ

Изъ этого выходитъ, что христіанство, какъ въ протестантскомъ, такъ и въ католическомъ сознаніи, подпилено подъ самый корень, что оно съ ихъ точки зрѣнія не выдерживаетъ самой простой критики, и держится лишь до поры до времени только по инерціи или косности, присущей и нравственному міру. Если эта шаткость основы не столь ясно дошла до сознанія католическаго міра, какъ до сознанія протестантскаго, то за то необходимыя практическія слѣдствія католическаго воззрѣнія легли уже всею своею тяжестью на народы этого исповѣданія, и тяжесть эта стала для нихъ невыносимою. Это внутренное противорѣчіе касается уже не одного только догматическаго содержанія христіанскаго ученія, что̀, по утилитарному взгляду на религію, не составляло бы еще большой бѣды, но проникло уже до самыхъ плодовъ его, то есть до ѳеической, нравственной стороны христіанства, какъ это впрочемъ иначе и быть не можетъ, ибо одно отъ другаго отдѣляется лишь большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени,—смотря по бо̀льшей или меньшей быстротѣ вывода практическихъ послѣдствій изъ даннаго основанія,—быстротѣ, которою разные народы одарены въ различной степени.

Ни теоретическихъ противорѣчій, ни практической невыносимой тяжести не сопрягается съ православнымъ понятіемъ о церкви и о ея непогрѣшительности. Понятіе это не отнимаетъ у религіи твердой незыблемой почвы Откровенія, какъ протестантство, и не выходитъ изъ предѣловъ, обозначенныхъ въ самомъ Писаніи: „Азъ созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ю", произвольными къ нему дополненіями, не основанными ни на Писаніи, ни на преданіи, какъ католичество, которое сосредоточиваетъ эту неодолимость церкви въ лицѣ папы, приписывая ему непогрѣшимость вопреки исторіи. Православное понятіе о непогрѣшимости церкви не налагаетъ на умъ неудобоносимаго бремени, ибо, хотя она по справедливости считается чудесною, однако принадлежитъ къ тому разряду чудеснаго, которое необходимо проявляется во-всемъ, въ чемъ ощущается непосредственное дѣйствіе божественнаго Промысла. И стройный порядокъ прироры непогрѣшимъ, и исторія непогрѣшима; въ непогрѣшимости церкви этотъ божественный Промыселъ проявляется только болѣе прямымъ и непосредственнымъ образомъ. Непогрѣшимость эта выражается во всемъ томъ, что̀ составляетъ голосъ всей церкви, и слѣдовательно самымъ явнымъ и опредѣленнымъ образомъ во вселенскихъ собо-

ведливъ только отчасти, потому что римскій бракъ нельзя назвать бракомъ гражданскимъ. Римское государство не только не было свободно отъ своей языческой церкви, но, напротивъ того, представляло тѣснѣйшее съ нею соединеніе, такъ что римское государство было вмѣстѣ и церковью. Римскій императоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и pontifex maximus. Извѣстно, что императоръ Граціанъ былъ даже за то убитъ языческою партіею, что, будучи христіаниномъ, не хотѣлъ облечься въ одежду языческаго первосвященника. Или укажутъ на Соединенные Штаты, въ которыхъ государство свободно отъ церкви, и на-оборотъ, безъ всякихъ вредныхъ отъ того послѣдствій. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ указываетъ только на то фальшивое положеніе, въ которое неминуемо поставляется государство, принявшее ложное начало, положеніе, изъ котораго только одинъ выходъ — крайняя непослѣдовательность. На берегахъ Соленаго озера, въ территоріи Ута, существуетъ общество мормоновъ, принимающее, какъ извѣстно, многоженство; и Соединенные Штаты, объявляющіе свое государство свободнымъ отъ церкви и церковь свободною отъ государства, отказываются признать за мормонами право образовать самостоятельный штатъ. На какомъ же это, спрашивается, основаніи? И спрашивается еще, если бы собралось болѣе 40,000 китайцевъ, которыхъ и теперь уже въ Калифорніи очень много, и, поселившись на пустопорожнемъ мѣстѣ, каковыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ еще такъ много, потребовали бы признать ихъ область штатомъ, что́, любопытно бы знать, отвѣтило бы федеральное правительство? Если бы оно допустило китайскій штатъ, то оффиціально допустило бы и освятило своимъ авторитетомъ многоженство, и не имѣло бы ни малѣйшаго основанія не допустить и не освятить того же и у мормоновъ, а затѣмъ и у всѣхъ, кто пожелалъ бы жить въ этой формѣ половаго союза; если бы же все-таки продолжало не признавать его у мормоновъ и у прочихъ гражданъ Союза, то показало бы, что оно вовсе не свободно отъ церкви, а имѣетъ свою господствующую церковь, условно установленную государственную религію и основанную на ней государственную мораль,—какъ это и теперь несомнѣнно имѣютъ Соединенные Штаты. И эта, implicitér принимаемая Соединенными Штатами, государственная религія отличается лишь тѣмъ отъ другихъ протестантскихъ государственныхъ религій, что тетрадка, въ которую они, по примѣру Джеферсона, наклеиваютъ свои вырѣзки, очень мало объемиста.

Изъ этого выходитъ, что христіанство, какъ въ протестантскомъ, такъ и въ католическомъ сознаніи, подпилено подъ самый корень, что оно съ ихъ точки зрѣнія не выдерживаетъ самой простой критики, и держится лишь до поры до времени только по инерціи или косности, присущей и нравственному міру. Если эта шаткость основы не столь ясно дошла до сознанія католическаго міра, какъ до сознанія протестантскаго, то за то необходимыя практическія слѣдствія католическаго воззрѣнія легли уже всею своею тяжестью на народы этого исповѣданія, и тяжесть эта стала для нихъ невыносимою. Это внутренное противорѣчіе касается уже не одного только догматическаго содержанія христіанскаго ученія, что̀, по утилитарному взгляду на религію, не составляло бы еще большой бѣды, но проникло уже до самыхъ плодовъ его, то есть до ѳической, нравственной стороны христіанства, какъ это впрочемъ иначе и быть не можетъ, ибо одно отъ другаго отдѣляется лишь большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени,—смотря по бо̀льшей или меньшей быстротѣ вывода практическихъ послѣдствій изъ даннаго основанія,—быстротѣ, которою разные народы одарены въ различной степени.

Ни теоретическихъ противорѣчій, ни практической невыносимой тяжести не сопрягается съ православнымъ понятіемъ о церкви и о ея непогрѣшительности. Понятіе это не отнимаетъ у религіи твердой незыблемой почвы Откровенія, какъ протестантство, и не выходитъ изъ предѣловъ, обозначенныхъ въ самомъ Писаніи: „Азъ созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ю“, произвольными къ нему дополненіями, не основанными ни на Писаніи, ни на преданіи, какъ католичество, которое сосредоточиваетъ эту неодолимость церкви въ лицѣ папы, приписывая ему непогрѣшимость вопреки исторіи. Православное понятіе о непогрѣшимости церкви не налагаетъ на умъ неудобоносимаго бремени, ибо, хотя она по справедливости считается чудесною, однако принадлежитъ къ тому разряду чудеснаго, которое необходимо проявляется во-всемъ, въ чемъ ощущается непосредственное дѣйствіе божественнаго Промысла. И стройный порядокъ приророы непогрѣшимъ, и исторія непогрѣшима; въ непогрѣшимости церкви этотъ божественный Промыселъ проявляется только болѣе прямымъ и непосредственнымъ образомъ. Непогрѣшимость эта выражается во всемъ томъ, что̀ составляетъ голосъ всей церкви, и слѣдовательно самымъ явнымъ и опредѣленнымъ образомъ во вселенскихъ собо-

рахъ. Но собрать вселенскій соборъ не во власти никакого царя, никакого патріарха, однимъ словомъ ни въ чьей власти въ отдѣльности; ибо вселенскимъ становится только тотъ соборъ, который въ этомъ качествѣ утверждается самимъ божественнымъ Промысломъ, такъ какъ внѣшнихъ признаковъ для приданія собору характера вселенскаго не существуетъ; и тѣмъ только соборамъ присвоивается это качество, которые были признаны за таковые сознаніемъ всей церкви, т. е., если позволено будетъ такъ выразиться, которые были ратификованы самимъ Главою церкви и Духомъ Святымъ, черезъ посредство всей церкви.

Между тѣмъ, какъ противъ непогрѣшимости папъ не разъ свидѣтельствуетъ исторія, непогрѣшимость соборовъ запечатлѣна въ исторіи чудодѣйственною силою. Всѣ христіанскіе историки видятъ въ распространеніи христіанства явленіе чудесное и выставляютъ его какъ одно изъ доказательствъ божественности христіанскаго ученія. Но совершенно такимъ же характеромъ чудесности запечатлѣны и дѣйствія вселенскихъ соборовъ. Анаѳема собора прогремѣла—и пораженное ею ученіе теряетъ жизненную силу, изсыхаетъ какъ пораженная проклятіемъ смоковница, хотя нерѣдко всѣ внѣшнія обстоятельства, вся сила мірской власти были на сторонѣ отверженнаго, признаннаго ересью ученія. Послѣ смерти Константина аріанство господствуетъ на востокѣ и на западѣ, цѣлый рядъ императоровъ употребляетъ всѣ усилія для доставленія ему торжества, точно такъ же, какъ рядъ языческихъ императоровъ до Константина и Юліанъ-отступникъ напрягали всѣ усилія язычества. Кромѣ имперіи, могущественнѣйшіе народы того времени—Готѳы, занимавшіе страны прибалканскія и придунайскія, Иллирію, Италію, южную Францію и Испанію, а также Бургунды, занимавшіе юго-западъ Германіи, и Вандалы, основавшіеся въ Африкѣ,—ревностные послѣдователи Арія. Сравнительно съ этимъ могуществомъ, какъ жалкое мѣсто занимаетъ гонимое православіе! Но анаѳема собора произнесена—и все это могущество осуждено на ничтожество; не проходитъ и трехъ вѣковъ, какъ исчезаютъ уже и послѣдніе слѣды аріанства. Тоже явленіе повторяется съ иконоборствомъ. Ежели несторіанство, монофизитство и моноѳелитство, которымъ также нерѣдко покровительствуютъ императоры, и несовершенно исчезли, то слабые слѣды ихъ сохранились только въ трущобахъ и захолустьяхъ Азіи и Африки, внѣ всякаго историческаго и религіознаго движенія, какъ медленно

умирающіе остатки племенъ, составляющихъ этнографическіе курьезы, въ непроходимыхъ горныхъ котловинахъ Кавказа или Пиреней. Слово соборовъ—было словомъ власть имѣющимъ. Таковы ли были дѣйствія папской анаѳемы, подкрѣпляемой свѣтскимъ мечемъ и всею мощью императоровъ и королей? *)

Чтò касается до практическаго вліянія церкви на гражданское положеніе общества, то вопроса объ отношеніи церкви къ государству, имѣющаго столь преобладающее значеніе для народовъ Европы, на почвѣ православія, въ принципѣ, въ идеѣ, вовсе и возникнуть не могло. Грань между Божьимъ и кесаревымъ, предѣлъ между царствами обоихъ міровъ не можетъ быть нарушенъ, потому что сама церковь, во всемъ, чтò до нея касается, непогрѣшимая, никогда не можетъ его переступить; если же его когда переступаетъ государство, то это не болѣе какъ частное и временное насиліе, могущее, правда, причинить бѣдствіе или страданіе отдѣльнымъ христіанамъ, іерархамъ, даже цѣлымъ народамъ, но совершенно безсильное по отношенію къ церкви вообще. Свобода ея ненарушима по той простой причинѣ, что ни для какой земной власти недосягаема. Церковь остается свободною и подъ гоненіями Нероновъ и Діоклетіановъ, и подъ еретическими императорами Византіи, и подъ гнетомъ турецкимъ. Императоръ Констанцій, принудившій папу Либерія признать полуаріанскій сѵмволъ и отречься отъ св. Аѳанасія, не только бы нарушилъ, но

*) Въ одной изъ немногихъ замѣтокъ, которыми былъ удостоенъ нашъ трудъ, такой взглядъ на дѣйствія соборныхъ приговоровъ былъ поставленъ намъ въ вину, какъ признакъ грубаго внѣшняго пониманія историческихъ явленій. Авторъ замѣтки, очевидно, представлялъ себѣ мысль нашу въ такомъ видѣ: анаѳема собора прогремѣла, и магическимъ дѣйствіемъ ея, какъ отъ какой-то заклинательной формулы или абракадабры, пораженное ученіе теряетъ свою силу, свое вліяніе, свою жизненность.—А выше вѣдь упомянуто, къ какому разряду чудеснаго принадлежитъ, по нашему мнѣнію, церковная непогрѣшимость. Почему бы не понять нашихъ словъ такимъ образомъ: анаѳема значитъ отлученіе, слѣдовательно, пораженное анаѳемой ученіе значитъ ученіе, признанное ложнымъ, несообразнымъ съ исповѣдываемою истиною и, какъ ложное, обреченное на смерть и гибель, какимъ бы внѣшнимъ покровительствомъ эта ложь ни пользовалась. И такъ, если церковь и высшее выраженіе ея—вселенскій соборъ заключаетъ въ себѣ свойство непреложнаго отличенія религіозной истины отъ лжи, то тѣмъ самымъ, какъ говорится ipso facto, и рѣшенія соборовъ будутъ облечены даромъ произносить смертные приговоры надъ осужденными ими ученіями, приговоры такой силы и власти, что они непремѣнно, во что бы то ни стало, такъ или иначе исполняются.

нее и наружное примиреніе сдѣлалось возможнымъ. Напротивъ того, противорѣчіе съ протестантской точки зрѣнія оказалось позднѣе, когда исчезла надежда на возможность отысканія положительной религіозной истины посредствомъ критики, основанной на раціонализмѣ, критики, уже приступающей къ своей работѣ съ предвзятою, хотя и безсознательно можетъ быть, идеею отвергнуть все, по ея понятіямъ выходящее изъ порядка вещей самаго тѣснаго круга реальности. Начавшись позднѣе, оно проникло глубже, потому что, по самому основному началу протестантизма, онъ ни на чемъ остановиться не можетъ. Тутъ не поможетъ никакое отвращеніе взора въ сторону; противорѣчіе видимо для внутренняго глаза, который и закрыть нельзя. Надо или возвести Лютера, Кальвина, Цвинглія, Генриха VIII, Шлейермахера, или кого угодно, въ санъ пророка, пришедшаго объяснить законъ, или, если не прямо перейти къ Бюхнеру, то остановиться на узенькой и скользкой ступенькѣ къ нему ведущей лѣстницы. Съ другой стороны оказывается, что продолжительное примиреніе, даже наружное, съ Римомъ невозможно, что чуть задумаешь отдохнуть, какъ папская милиція уже начинаетъ свое наступленіе, свое неустанное, достойное лучшей цѣли упорство, постепенное нечувствительное заворачиваніе назадъ къ порядкамъ Григоріевъ, Урбановъ и Бонифаціевъ. Что же тутъ дѣлать? Есть ли исходъ? Для отдѣльныхъ лицъ, алчущихъ правды—да; двери православія отверзты. Для цѣлыхъ народовъ, вѣроятно, нѣтъ исхода прямаго, непосредственнаго; надо сначала перейти всѣ ступени дряхлости, болѣзни, смерти и разложенія, чтобы изъ разложившихся элементовъ составилось новое этнографическое цѣлое, новый культурно-историческій типъ. Для народовъ, какъ и для отдѣльнаго человѣка, нѣтъ ни живой воды, ни источника юности. „Не оживешь, аще не умрешь",—относится также и къ народамъ.

Православное ученіе считаетъ православную церковь единою спасительною. Здѣсь не мѣсто касаться того, какъ понимать это по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Но смыслъ этого ученія кажется мнѣ таковъ по отношенію къ цѣлымъ народамъ: неправославный взглядъ на церковь лишаетъ самое Откровеніе его достовѣрности и незыблемости въ глазахъ придерживающагося его, и тѣмъ разрушаетъ въ умахъ медленнымъ, но неизбѣжнымъ ходомъ логическаго развитія самую сущность христіанства, а безъ христіанства нѣтъ и истинной цивилизаціи, т. е. нѣтъ спасенія и въ мірскомъ смыслѣ этого слова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАЗЛИЧІЯ ВЪ ХОДѢ ИСТОРИЧЕСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

> Или, еще лучше, я могъ бы назвать ихъ двумя безпредѣльными и, по-истинѣ, безпримѣрными электрическими машинами (которыя вертятся общественнымъ механизмомъ) съ баттареями противоположныхъ свойствъ; горемычный рабочій классъ — баттарея отрицательная, дендизмъ—положительная: одна ежечасно притягиваетъ и присвоиваетъ себѣ все положительное электричество націи (т. е. деньги); другая трудится подобнымъ образомъ надъ отрицательнымъ (то есть надъ голодомъ), которое одинаково могущественно. До сихъ поръ вы видите только отдѣльныя, преходящія искорки; но подождите немного, пока вся нація не очутится въ электрическомъ состояніи, пока все ваше жизненное электричество, переставъ быть здорово-нейтральнымъ, не раздѣлится на двѣ разобщенныя доли положительнаго и отрицательнаго (денегъ и голода) и онѣ не противостанутъ другъ другу, заключенныя въ лейденскихъ банкахъ двухъ міровыхъ баттарей! Прикосновеніе дѣтскаго пальца приводитъ ихъ въ соединеніе, и тогда — что тогда? Земля расшибается въ неосязаемый прахъ этимъ громовымъ ударомъ страшнаго суда, солнце не досчитываетъ одной изъ своихъ планетъ, и впредь ужъ нѣтъ болѣе лунныхъ затмѣній.
>
> *Carlyle Sartor resartus.*

Существенная разница, разница типическая между міромъ германо-романскимъ или европейскимъ и міромъ славянскимъ заключается еще въ ходѣ историческаго воспитанія, которое получили тотъ и другой. Прежде изложенія этого различія необходимо уяснить себѣ нѣкоторыя общія теоретическія понятія о государствѣ. Что такое государства, и въ чемъ существенно состоитъ процессъ ихъ образованія и развитія? Оставляя всякія мистическія, ничего яснаго уму не представляющія опредѣленія государства (какъ, напримѣръ, то, которое мы во время оно заучивали на школь-

ное и наружное примиреніе сдѣлалось возможнымъ. Напротивъ того, противорѣчіе съ протестантской точки зрѣнія оказалось позднѣе, когда исчезла надежда на возможность отысканія положительной религіозной истины посредствомъ критики, основанной на раціонализмѣ, критики, уже приступающей къ своей работѣ съ предвзятою, хотя и безсознательно можетъ быть, идеею отвергнуть все, по ея понятіямъ выходящее изъ порядка вещей самаго тѣснаго круга реальности. Начавшись позднѣе, оно проникло глубже, потому что, по самому основному началу протестантизма, онъ ни на чемъ остановиться не можетъ. Тутъ не поможетъ никакое отвращеніе взора въ сторону; противорѣчіе видимо для внутренняго глаза, который и закрыть нельзя. Надо или возвести Лютера, Кальвина, Цвинглія, Генриха VIII, Шлейермахера, или кого угодно, въ санъ пророка, пришедшаго объяснить законъ, или, если не прямо перейти къ Бюхнеру, то остановиться на узенькой и скользкой ступенькѣ къ нему ведущей лѣстницы. Съ другой стороны оказывается, что продолжительное примиреніе, даже наружное, съ Римомъ невозможно, что чуть задумаешь отдохнуть, какъ папская милиція уже начинаетъ свое наступленіе, свое неустанное, достойное лучшей цѣли упорство, постепенное печувствительное заворачиваніе назадъ къ порядкамъ Григоріевъ, Урбановъ и Бонифаціевъ. Что̀ же тутъ дѣлать? Есть ли исходъ? Для отдѣльныхъ лицъ, алчущихъ правды—да; двери православія отверзты. Для цѣлыхъ народовъ, вѣроятно, нѣтъ исхода прямаго, непосредственнаго; надо сначала перейти всѣ ступени дряхлости, болѣзни, смерти и разложенія, чтобы изъ разложившихся элементовъ составилось новое этнографическое цѣлое, новый культурно-историческій типъ. Для народовъ, какъ и для отдѣльнаго человѣка, нѣтъ ни живой воды, ни источника юности. „Не оживешь, аще не умрешь",—относится также и къ народамъ.

Православное ученіе считаетъ православную церковь единою спасительною. Здѣсь не мѣсто касаться того, какъ понимать это по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Но смыслъ этого ученія кажется мнѣ таковъ по отношенію къ цѣлымъ народамъ: неправославный взглядъ на церковь лишаетъ самое Откровеніе его достовѣрности и незыблемости въ глазахъ придерживающагося его, и тѣмъ разрушаетъ въ умахъ медленнымъ, но неизбѣжнымъ ходомъ логическаго развитія самую сущность христіанства, а безъ христіанства нѣтъ и истинной цивилизаціи, т. е. нѣтъ спасенія и въ мірскомъ смыслѣ этого слова.

Если посмотримъ на тѣ жертвы, которыхъ каждое государство требуетъ отъ своихъ подданныхъ въ видѣ имущественныхъ взносовъ и личныхъ услугъ, то увидимъ, что по крайней мѣрѣ четыре пятыхъ изъ этихъ жертвъ идутъ на обезпеченіе не личныхъ, а національныхъ благъ. Сюда относится содержаніе почти всего флота—ибо много-ли надо судовъ для защиты частнаго имущества отъ морскихъ разбоевъ?—почти всей арміи,—ибо для сохраненія внутренняго порядка также немного надо войска,—весь государственный долгъ, который всѣми почти государствами былъ заключаемъ для расходовъ, сопряженныхъ съ сохраненіемъ національной чести и свободы, или національныхъ интересовъ, а не для обезпеченія этихъ благъ частнымъ лицамъ. Также точно и значительность расходовъ по финансовому управленію объясняется лишь значительностію сборовъ, которые должны быть взимаемы на содержаніе арміи, флота и уплату государственнаго долга. Безъ этихъ надобностей и самая администрація могла бы быть гораздо проще и дешевле стоить.

Народности, національности суть органы человѣчества, посредствомъ которыхъ заключающаяся въ немъ идея достигаетъ, въ пространствѣ и во времени, возможнаго разнообразія, возможной многосторонности осуществленія, какъ это было показано въ предыдущихъ главахъ;—слѣдовательно, жертвы, требуемыя для охраненія народности, суть самыя существенно-необходимыя, самыя священныя. Народность составляетъ поэтому существенную основу государства, самую причину его существованія,—и главная цѣль его и есть именно охраненіе народности. Изъ самаго опредѣленія государства слѣдуетъ, что государство, не имѣющее народной основы, не имѣетъ въ себѣ жизненнаго начала, и вообще не имѣетъ никакой причины существовать. Если, въ самомъ дѣлѣ, государство есть случайная смѣсь народностей, то какую національную честь, какую національную свободу можетъ оно охранять и защищать, когда честь и свобода ихъ могутъ быть (и, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ не быть) другъ другу противоположны? На что идутъ милліоны, поглощаемые флотами, арміями, финансовымъ управленіемъ, государственнымъ долгомъ такихъ государствъ?—ни на что, какъ на оскорбленіе и лишеніе народной чести и свободы—народностей, втиснутыхъ въ его искусственную рамку. Что значитъ честь и свобода Турціи, честь и свобода Австріи, честь и свобода бывшей Польши?—не иное что, какъ угне-

ныхъ скамьяхъ, что государство есть высшее проявленіе закона правды и справедливости на землѣ), мнѣ кажется, надо остановиться на болѣе удовлетворительномъ въ сравненіи съ прочими—англійскомъ понятіи, что государство есть такая форма, или такое состояніе общества, которое обезпечиваетъ членамъ его покровительство личности и имущества, понимая подъ личностью жизнь, честь и свободу. Такое опредѣленіе кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ, если жизнь, честь и свободу личности понимать въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. не одну индивидуальную жизнь, честь и свободу, но также жизнь, честь и свободу національную, которыя составляютъ существенную долю этихъ благъ. Безъ этого распространенія понятія о личной чести и свободѣ,—явленія, представляемыя государствами, не подойдутъ подъ опредѣленіе его. Для чего въ самомъ дѣлѣ скопляться милліонамъ и десяткамъ милліоновъ людей въ громадныя политическія единицы, если бы этимъ соединеніемъ силъ имѣлось въ виду только обезпечить жизнь, имущество и личную честь и свободу? Для этого достаточно, казалось бы, и такихъ группъ—какъ Швейцарскіе кантоны, или нѣмецкія герцогства средней руки. Если бы одни эти личныя блага имѣлись въ виду при жизни въ государствѣ, то для чего бы, напримѣръ, въ 1813 году возставать народамъ Германіи противъ власти Наполеона? Власть эта была достаточно просвѣщенная, чтобы обезпечить имъ всѣ эти блага настолько же, по крайней мѣрѣ, насколько дѣлали это въ то время нѣмецкія правительства. Въ государствахъ Рейнскаго союза она даже обезпечивала ихъ лучше, нежели это прежде дѣлала священная Римская Имперія нѣмецкой національности, или послѣ—Германскій союзъ. Напримѣръ, Наполеоновъ кодексъ, усовершенствованныя формы судопроизводства—были дарами Наполеонова владычества, которые, по его низверженіи, нерѣдко заставляли по немъ вздыхать. Для чего бы и намъ было приносить въ жертву сотни тысячъ людей и сотни милліоновъ денегъ, жечь города и села, если бы дѣло шло только о защитѣ жизни, имущества, личной чести и свободы? Наполеонъ, безъ сомнѣнія, ихъ не нарушилъ бы, ежели бы власть его была признана съ покорностью,—можетъ быть даже доставилъ бы имъ такія гарантіи, которыхъ тогдашнее общественное и гражданское состояніе Россіи не представляло. Очевидно, потому, что всѣ эти блага и Нѣмцамъ и намъ казались ничтожными—въ сравненіи съ честью и свободою національною.

въ соединеніе между собою только въ состояніи зарожденія (in statu nascenti). Эти этнографическіе элементы производятъ смѣшанный типъ, если они между собою равносильны; или только немного измѣняютъ главный типъ, если одно изъ соединяющихся племенъ значительно преобладаетъ численностью или нравственною уподобляющею силою. Если бы этимъ поглощаемымъ племенамъ предоставлена была возможность долѣе продолжать свое независимое существованіе, или если бы вліяніе на нихъ племенъ, далѣе подвинувшихся въ своемъ развитіи, было отдаленнѣе, то можетъ быть и они достигли бы историческаго момента своей жизни и образовали бы самобытныя государства. Но, не имѣвъ этого счастія, или не будучи къ тому способны, они входятъ въ составъ какого либо преобладающаго (предназначеннаго къ исторической судьбѣ) племени. Процессъ этого поглощенія совершается, конечно, не вдругъ, а тѣмъ медленнѣе—чѣмъ естественнѣе и менѣе насильственно онъ происходитъ. Такова была судьба финскихъ племенъ, разсѣянныхъ по пространству Россіи. Славяне никогда ихъ не покоряли съ самаго начала исторіи, племена ихъ являются въ дружномъ союзѣ съ племенами славянскими и сообща кладутъ основаніе государства. Но болѣе сильное племя поглощаетъ ихъ естественнымъ путемъ ассимиляціи. Процессъ этотъ еще не конченъ, и мы видимъ финское племя до сихъ поръ на всѣхъ ступеняхъ слiянія—начиная отъ той, при которой остались только слѣды бывшей розни (въ фински звучащихъ названіяхъ урочищъ), до сохранившихъ еще свою полную племенную физіономію—Эстовъ, и, не смотря на это, желающихъ слиться съ русскимъ народомъ, если бы мы сами не поставили тому преградъ. Само собою разумѣется, что Весь, Корелы, Зыряне, Мордва, Черемисы, Чуваши, такъ же какъ Остяки, Вогуличи или Самоѣды—не могутъ составлять государствъ; но они и притязаній на это никакихъ не имѣютъ, не имѣютъ сознанія историческаго или политическаго характера своей народности,—его слѣдовательно и вовсе не существуетъ. Таково же напримѣръ положеніе Басковъ во Франціи и въ Испаніи.

Другіе народы умерли для политической жизни, сохранивъ еще однако свои этнографическія особенности. Типомъ такихъ народовъ могутъ служить Евреи, которые нигдѣ не выказываютъ ни малѣйшаго поползновенія соединиться въ особую политическую группу. Точно такъ же, какъ разныя стороны личнаго, такъ и

тепіе и оскорбленіе дѣйствительнаго народнаго чувства и дѣйствительной національной свободы народовъ, составляющихъ эти государства: Грековъ, Сербовъ, Болгаръ, Чеховъ, Русскихъ, Румыновъ, недавно еще Итальянцевъ. Эти государства могутъ быть по сердцу только тѣмъ, кому они даютъ средства къ этому угнетенію и оскорбленію: турецкой ордѣ въ Турціи, небольшому клочку Нѣмцевъ, а съ недавняго времени и Мадьяръ, въ Австріи, оторвавшемуся отъ своей народности и отъ славянскаго корня польскому шляхетству и католическому духовенству.

Изъ этого національнаго значенія государства слѣдуетъ, что каждая народность, если получила уже и не утратила еще сознаніе своего самобытнаго историческаго національнаго значенія, должна составлять государство, и что одна народность должна составлять только одно государство. Эти положенія подвержены, повидимому, многимъ исключеніямъ, но только повидимому.

Первое положеніе, утверждающее, что всякая національность имѣетъ право на государственное существованіе, по необходимости ограничивается условіемъ сознанія этого права, ибо безсознательной личности ни индивидуальной, ни народной быть не можетъ, и лишать этой личности того, кто ея не имѣетъ,—невозможно. Это несознаніе народомъ своей народной личности можетъ происходить отъ различныхъ причинъ: отъ коренной неспособности возвыситься надъ состояніемъ дикости и племенной разрозненности, или только отъ недостиженія достаточной зрѣлости возраста. Весьма вѣроятно, что обѣ эти причины въ сущности сливаются всегда въ одну послѣднюю. Но, какъ бы то ни было, если племя, находящееся на такой еще несознательной ступени развитія, обхватывается другимъ, уже начавшимъ свой политическій ростъ, то первое поглощается послѣднимъ; ибо не можетъ же племя болѣе могучее и зрѣлое остановить ростъ свой потому, что ему на пути встрѣчаются эти племенные недоростки. Если между деревомъ и его корой попадется посторонній предметъ,—дерево обрастаетъ его, включаетъ въ свою массу. Но съ народами бываетъ еще нѣчто иное: въ племенной, этнографическій, а не историческій, періодъ своего бытія—они обладаютъ значительною гибкостью, мягкостью организма. Не подвергнувшись еще вліянію своего особаго образовательнаго начала, они сохраняютъ способность легко вступать въ тѣсное соединеніе съ другими народностями, точно также какъ многія химическія вещества вступаютъ

въ соединеніе между собою только въ состояніи зарожденія (in statu nascenti). Эти этнографическіе элементы производятъ смѣшанный типъ, если они между собою равносильны; или только немного измѣняютъ главный типъ, если одно изъ соединяющихся племенъ значительно преобладаетъ численностью или нравственною уподобляющею силою. Если бы этимъ поглощаемымъ племенамъ предоставлена была возможность долѣе продолжать свое независимое существованіе, или если бы вліяніе на нихъ племенъ, далѣе подвинувшихся въ своемъ развитіи, было отдаленнѣе, то можетъ быть и они достигли бы историческаго момента своей жизни и образовали бы самобытныя государства. Но, не имѣвъ этого счастія, или не будучи къ тому способны, они входятъ въ составъ какого либо преобладающаго (предназначеннаго къ исторической судьбѣ) племени. Процессъ этого поглощенія совершается, конечно, не вдругъ, а тѣмъ медленнѣе—чѣмъ естественнѣе и менѣе насильственно онъ происходитъ. Такова была судьба финскихъ племенъ, разсѣянныхъ по пространству Россіи. Славяне никогда ихъ не покоряли съ самаго начала исторіи, племена ихъ являются въ дружномъ союзѣ съ племенами славянскими и сообща кладутъ основаніе государства. Но болѣе сильное племя поглощаетъ ихъ естественнымъ путемъ ассимиляціи. Процессъ этотъ еще не конченъ, и мы видимъ финское племя до сихъ поръ на всѣхъ ступеняхъ слія-нія—начиная отъ той, при которой остались только слѣды бывшей розни (въ фински звучащихъ названіяхъ урочищъ), до сохранившихъ еще свою полную племенную физіономію—Эстовъ, и, не смотря на это, желающихъ слиться съ русскимъ народомъ, если бы мы сами не поставили тому преградъ. Само собою разумѣется, что Весь, Корелы, Зыряне, Мордва, Черемисы, Чуваши, такъ же какъ Остяки, Вогуличи или Самоѣды—не могутъ составлять государствъ; но они и притязаній на это никакихъ не имѣютъ, не имѣютъ сознанія историческаго или политическаго характера своей народности,—его слѣдовательно и вовсе не существуетъ. Таково же напримѣръ положеніе Басковъ во Франціи и въ Испаніи.

Другіе народы умерли для политической жизни, сохранивъ еще однако свои этнографическія особенности. Типомъ такихъ народовъ могутъ служить Евреи, которые нигдѣ не выказываютъ ни малѣйшаго поползновенія соединиться въ особую политическую группу. Точно такъ же, какъ разныя стороны личнаго, такъ и

разныя стороны народнаго характера лишь постепенно обнаруживаются и также постепенно замираютъ. Близко къ Евреямъ (по замиранію политической, а слѣдовательно и исторической стороны народнаго характера) стоятъ Армяне, которые, желая сохранить особенности своего вѣроисповѣданія, свой языкъ, свои нравы, нигдѣ не высказываютъ стремленій къ политической жизни,—между тѣмъ какъ Греки, находящіеся въ Турціи въ такомъ же состояніи угнетенія, не перестаютъ выказывать свою политическую жизненность. Наконецъ есть народы, точно такъ же какъ и отдѣльныя лица, заслуживающіе (по отношеніямъ ихъ къ самимъ себѣ и къ сосѣднимъ народамъ) лишенія свободы, которую всегда употребляли во зло. Таковы—Поляки. Неисправимое отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ, неумѣніе охранять собственную народность,—а между тѣмъ безпрестанное стремленіе угнетать другія народности, лишая ихъ не только политической жизни, но и всякой свободы религіозной и бытовой,—смуты, производимыя въ сосѣднихъ государствахъ, и наконецъ измѣна своему племени,—достаточно доказали неспособность Поляковъ къ государственной жизни. Если, несмотря на то—что каждый человѣкъ имѣетъ безспорное право развивать свою личность, никто однако не задумывается лишить этой свободы человѣка, который бы оказался виновнымъ въ томъ же, въ чемъ виновны Поляки (т. е. высшіе классы польскаго общества), то мудрено понять, почему бы и цѣлый народъ долженъ пользоваться привиллегіею безнаказанности. Только наказывать Польшу, дѣлать ее безвредною имѣла право одна Россія, противъ которой, равно какъ и противъ всего славянства, Польша постоянно была виновата. Каковы были на это права Австріи и Пруссіи—это другой вопросъ.

Если цѣль государства состоитъ главнѣйше въ защитѣ и охранѣ жизни, чести и свободы народной, и такъ какъ эта жизнь, честь и свобода у одной народной личности можетъ быть только одна, то, само собою понятно, справедливо и второе положеніе, то есть, что одна народность можетъ составлять только одно государство. Если какая либо часть народности входитъ въ составъ другаго государства, то это нарушаетъ уже ея свободу, и ея честь. Если часть народности составляетъ другое самобытное государство, то цѣль, для которой оба эти государства существуютъ, не можетъ быть хорошо достигнута ни тѣмъ, ни другимъ; собственно говоря самой цѣли этой уже не существуетъ, или по

крайней мѣрѣ она существуетъ не вполнѣ. Оба эти государства не достигли, значитъ, истиннаго сознанія своей народной личности; цѣль ихъ можетъ быть только какая нибудь временная или случайная. Повидимому, такому понятію совершенно противорѣчитъ существованіе Соединенныхъ Штатовъ, національность которыхъ есть англійская. Но, какъ существованіе мелкихъ финскихъ племенъ въ составѣ русскаго государства указываетъ лишь на незавершившійся, неокончившійся еще процессъ ихъ ассимиляціи, такъ существованіе самобытнаго государства Соединенныхъ Штатовъ указываетъ, напротивъ того, на зародившееся только образованіе новой національности, совершенно различной отъ англійской. Мы присутствуемъ теперь, сами мало это замѣчая (ибо такъ мало рѣзокъ, такъ мало замѣтенъ бываетъ всякій процессъ новаго образованія), при переселеніи народовъ,—совершенно подобномъ тому, которое породило нынѣшній европейскій или романо-германскій культурно-историческій типъ. Причины этого переселенія народовъ совершенно однородны съ тѣми, которыя произвели такъ называемое великое переселеніе: въ обоихъ случаяхъ тотъ же недостатокъ средствъ къ существованію на мѣстахъ родины переселенцевъ. Объемъ новаго переселенія нисколько не меньше, если даже не больше, происходившаго въ первые вѣка христіанской эры. Сотни тысячъ, а иногда до полумилліона народа переселяется ежегодно черезъ океанъ. Результаты переселенія одни и тѣ же: смѣшеніе народовъ, приходящихъ на новую почву не въ государственной, туго поддающейся сліянію формѣ, а въ видѣ болѣе свободныхъ, такъ сказать, разжиженныхъ этнографическихъ элементовъ. Весьма было бы странно, если бы это смѣшеніе Голландцевъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, Кельтовъ, Французовъ, Испанцевъ и даже Славянъ (Чеховъ), при совершенно особыхъ физическихъ и нравственныхъ условіяхъ страны, не произвело бы новой или новыхъ народностей,—какъ нѣкогда смѣшеніе разныхъ германскихъ, галльскихъ, романскихъ и отчасти славянскихъ и арабскихъ элементовъ произвело новыя народности: Англійскую, Нѣмецкую, Французскую, Итальянскую, Испанскую. Эти элементы, въ различной пропорціи смѣшенія занявшіе западныя части Римской имперіи и Германіи, не были уже въ то время совершенно дикими, и потому должны были имѣть какое либо общественное или даже государственное устройство, тѣмъ болѣе, что находились подъ вліяніемъ культурнаго элемента римскаго.

Поселившись на новой почвѣ, они не представляли уже племени безъ всякой политической связи, каковы, напримѣръ, американскіе дикари; но политическая связь ихъ не могла быть государствомъ, основаннымъ на народномъ національномъ характерѣ, ибо таковаго еще не выработалось. Старый римскій, галльскій, бретонскій міръ былъ разрушенъ, новый (преимущественно, хотя и не исключительно) германскій не успѣлъ еще съ нимъ слиться въ новое или въ новыя цѣлыя. Поэтому, первыя государства, послѣдовавшія за паденіемъ Римской Имперіи, имѣли, такъ сказать, временный, провизуарный характеръ, дабы подъ кровомъ ихъ могли выработаться новыя народности. Государства Лангобардское, Остъ-Готское, Вестъ-Готское, Свевское, Бургундское, Франкское (временъ Меровинговъ) не выражали собою опредѣленныхъ народностей. Общегерманскій элементъ до того даже въ нихъ преобладалъ, что они могли еще составить одно цѣлое подъ скипетромъ Карла Великаго,—и истиннымъ моментомъ рожденія новыхъ народностей: французской, итальянской и спеціально нѣмецкой, по справедливости считается Верденскій договоръ, заключенный около 400 лѣтъ послѣ занятія варварами своихъ новыхъ мѣстожительствъ. Такой же временный, провизуарный характеръ носятъ на себѣ и Соединенные Штаты. Государственный характеръ ихъ развился очень сильно (какъ доказываетъ энергія, выказанная ими въ недавней междоусобной борьбѣ), но особаго народнаго характера еще не выразилось, или онъ выразился очень слабо. Я этимъ вовсе не хочу утверждать, чтобы Соединеннымъ Штатамъ непремѣнно угрожала гибель, и что на ихъ мѣстѣ должны возникнуть новыя государства, основанныя каждое на самобытной народности. Нѣтъ основанія проводить аналогію такъ далеко, да и сама аналогія этого не требуетъ. Если развалины имперіи Готовъ вошли въ составъ нѣсколькихъ государствъ, то за то монархія Франковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, продолжаетъ существовать отъ временъ Хлодовика или Меровея до нашихъ временъ. Продолжаетъ же она существовать потому, что подъ кровомъ старой, ненаціональной еще франкской монархіи развилась особая французская національность. Я хочу выразить только ту мысль, что теперешніе Штаты составляютъ форму провизуарную, подъ кровомъ которой должны образоваться одна или нѣсколько національностей и, смотря по этому, будетъ одно или нѣсколько государствъ.

Если существеннѣйшая цѣль государства есть охрана народ-

ности, то, очевидно, что сила и крѣпость этой народной брони должна сообразоваться съ силою опасностей, противъ которыхъ ей приходилось и приходится еще бороться. Поэтому, государство должно принять форму одного централизованнаго политическаго цѣлаго тамъ, гдѣ опасность эта велика; но можетъ принять форму болѣе или менѣе слабо соединенныхъ федеративною связью отдѣльныхъ частей, гдѣ опасность мала.

Національность не составляетъ, однако, понятія столь рѣзкаго, чтобы все, не принадлежащее къ ней, было ей совершенно чуждо въ одинаковой мѣрѣ. Такого рѣзкаго отграниченія не представляетъ даже индивидуальность личная. Та и другая имѣютъ съ другими національностями или индивидуальностями — болѣе или менѣе тѣсную родственную связь, которая можетъ быть столь тѣсна, что свобода и честь этихъ сродныхъ существъ столь же близко до нихъ касаются, какъ и ихъ собственныя, и совершенно между собою не раздѣлимы. Такія группы образуютъ семейства лицъ и народовъ; и народы, если имѣютъ такія семейства, не могутъ оставаться въ совершенной между собою отдѣльности. Какъ, однако же, ни тѣсна эта связь, она не можетъ совершенно стереть границъ ни народной, ни индивидуальной личности. Поэтому, хотя бы народы были и очень близки между собою, но, если они сознаютъ себя особыми политическими цѣлыми, они въ одно государство безнасильственно сложиться не могутъ, но, для взаимной защиты, для возвеличенія каждой отдѣльной народности и для укрѣпленія ихъ естественной связи, должны составлять федерацію, которая въ свою очередь (смотря по величинѣ опасностей, среди которыхъ предназначено ей жить и дѣйствовать) можетъ представлять связь различной силы и крѣпости, можетъ принять форму: союзнаго государства, союза государствъ, или просто политической системы. Первая будетъ имѣть мѣсто, когда вся политическая дѣятельность союза сосредоточена въ рукахъ одной власти, а членамъ союза предоставлена самая обширная административная автономія. Вторая—когда, при политической самостоятельности частей, онѣ связаны неразрывнымъ договоромъ общаго внѣшняго дѣйствія, какъ оборонительнаго, такъ и наступательнаго. Третья—когда эта общность дѣйствія обусловлена лишь однимъ нравственнымъ сознаніемъ, безъ всякаго опредѣленнаго положительнаго обязательства. Въ первыхъ двухъ случаяхъ связь обезпечена не только общею законодательною властью, объемлющею

болѣе или менѣе обширную сферу дѣятельности членовъ союза, но и властью судебною, разрѣшающею вопросы, которые возникаютъ отъ приложенія этихъ законовъ къ частнымъ случаямъ, и властью исполнительною, имѣющею приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія. Напротивъ того, въ случаѣ политической системы—ни судебной, ни исполнительной союзной власти не существуетъ; само же союзное законодательство, выражающееся въ международныхъ договорахъ, относится лишь къ частнымъ случаямъ, имѣетъ силу именно только относительно этихъ случаевъ во всей ихъ частности—безъ всякой обязательности (даже нравственной) подчиняться проистекающимъ изъ нихъ выводамъ, хотя бы и самымъ естественнымъ, логически необходимымъ. Можно, конечно, сказать, что и въ союзѣ государствъ фактически можетъ не существовать принудительной власти, какъ мы недавно видѣли на примѣрѣ Пруссіи, не подчинившейся союзному рѣшенію. Но такой случай возможенъ и въ государствѣ, если только ослушникъ имѣетъ достаточно силы, дабы противиться государственному закону. Напротивъ того, въ системѣ государствъ, по самой сущности ея, не существуетъ имѣющей обязательную силу судебной и исполнительной власти, что въ сущности равнозначительно совершенному отсутствію таковыхъ, почему и всякое нарушеніе интересовъ одного или нѣсколькихъ членовъ системы другими можетъ быть не иначе возстановлено, какъ насиліемъ, т. е. войною, или добровольнымъ примиреніемъ.

И такъ, формы: политически-централизованнаго государства, союзнаго государства, союза государствъ и политической системы, обусловливаются, съ одной стороны отдѣльностью народныхъ личностей, служащихъ ихъ основаніемъ, и степенью ихъ сродства между собою, съ другой стороны—степенью опасности, угрожающей національной чести и свободѣ, которымъ государства должны служить защитою и обороною. Невѣрное пониманіе этихъ отношеній никогда не остается безнаказаннымъ и ведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Такъ, напримѣръ, по степени національнаго сродства всѣ греческія племена могли бы составлять одно государство, ибо имѣли одинъ языкъ, одну религію, одни преданія и т. д. Но, развиваясь въ странѣ весьма хорошо защищенной природою,—моремъ и горами, удаленной отъ враждебныхъ народностей, еще даже не образовавшихся,—они долгое время находились внѣ всякой внѣшней опасности, поэтому безъ неудобства

могли бы образовать изъ себя союзное государство, или даже союзъ государствъ, чему и было положено начало въ нѣкоторыхъ общихъ учрежденіяхъ: въ амфиктіоновомъ судѣ, въ общемъ дельфійскомъ казнохранилищѣ, въ общихъ играхъ и т. п. Но греческія государства тяготились всякою связью и составили изъ себя только политическую систему. Внѣшнія опасности наступили, но и онѣ не могли заставить ихъ тѣснѣе соединиться между собою; и когда рознь ихъ зашла уже очень далеко, они отвергли якорь спасенія, брошенный имъ великимъ македонскимъ государемъ Филиппомъ. Только силою подчинялись они спасительному единству, и сохраняли его только пока эта сила дѣйствовала. Поэтому Греки погибли, какъ нація, гораздо ранѣе, чѣмъ живыя народныя эллинскія силы совершенно изсякли. Греческая культура должна была доживать свой вѣкъ—слоняясь по чужимъ угламъ: въ Египтѣ, въ Пергамѣ, и наконецъ вездѣ она должна была подчиниться совершенно уже чуждому ей Риму.

Ежели національность составляетъ истинную основу государства, самую причину и главную цѣль его бытія; то конечно и происхожденіе государства обусловливается сознаніемъ этой національности, какъ чего-то особаго и самобытнаго, требующаго соединенія всѣхъ личныхъ силъ для своего утвержденія и обезопасенія; и поводомъ къ образованію государства будетъ служить всякое событіе, которое возбуждаетъ это сознаніе,—всякое противоположеніе другихъ національностей, точно такъ, какъ ощущеніе противоположности внѣшняго міра съ внутреннимъ приводитъ къ сознанію индивидуальной личности. Никто теперь не думаетъ, чтобы какое либо условіе, договоръ, контрактъ служили основаніемъ государства; такъ же какъ никто не думаетъ, чтобы подобное условіе создало языкъ. Но такимъ основаніемъ не можетъ даже считаться прирожденный человѣку инстинктъ общественности, ведущій только къ сожительству въ обществѣ (родомъ, племенемъ, общиною), а не къ государству. Для сего послѣдняго нужно нѣчто большее, необходимъ внѣшній толчекъ, приводящій племена къ ясному сознанію ихъ народной личности, а слѣдовательно—и къ необходимости ея защиты и охраненія. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ примѣра, чтобы какое либо государство образовалось безъ такого внѣшняго толчка—одного или нѣсколькихъ, одновременно или послѣдовательно возбудившихъ въ племени народное сознаніе. Могло ли бы безъ него развиться государство—сказать трудно.

Во всякомъ случаѣ, для такого образованія государства изъ однихъ внутреннихъ побужденій было бы потребно неосуществимое на практикѣ стеченіе обстоятельствъ. Именно, необходимо бы было отсутствіе всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ возмущающихъ вліяній въ теченіи чрезвычайно долгаго времени, чтобы присущая человѣку усовершаемость, приводящая къ усложненію его отношеній къ природѣ и къ себѣ подобнымъ, могла выказать, будучи совершенно предоставлена самой себѣ, всю заключающуюся въ ней внутреннюю силу подъ вліяніемъ однихъ природою противопоставляемыхъ препятствій.

По всѣмъ вѣроятіямъ, государство, образующееся въ такихъ идеальныхъ условіяхъ, приняло бы форму федераціи, — но федераціи совершенно инаго характера, нежели всѣ тѣ, которыя мы знаемъ. Именно, государственное верховенство должно бы въ ней заключаться не въ цѣломъ, а въ самомъ элементарномъ общественномъ союзѣ — въ деревенской или въ волостной общинѣ, и взаимная связь и зависимость должна бы быть тѣмъ слабѣе, чѣмъ выше порядокъ группы, этими общинами составляемой, т. е. связь окружная была бы сильнѣе и тѣснѣе уѣздной, уѣздная — областной, областная — краевой, краевая — государственной.

Это раздѣленіе на общины должно непремѣнно предшествовать всякому дальнѣйшему развитію, потому что оно требуется осѣдлою жизнію; осѣдлая же жизнь возможна лишь въ странѣ, представляющей физическія препятствія къ кочеванію большими массами. Номады къ усовершенствованію неспособны, и хотя пастушеская жизнь составляетъ очевидный прогрессъ сравнительно съ звѣроловною, однако же прогрессъ этотъ обманчивый, потому что изъ него нѣтъ дальнѣйшаго исхода. Кочевничество представляетъ слишкомъ много удобствъ, слишкомъ большое обезпеченіе существованію посредствомъ многочисленныхъ стадъ, слишкомъ большое потворство лѣни. Но физическими препятствіями къ кочевой жизни могутъ служить только горы, лѣса, или періодическіе рѣчные разливы, какъ напримѣръ въ Египтѣ. Эти послѣдніе, однако же, составляютъ слишкомъ сильное препятствіе, требуютъ слишкомъ большой наблюдательности отъ дикаго племени, чтобы оно могло извлечь изъ нихъ для себя пользу. Горы совершенно разъединяютъ людей, запираютъ ихъ въ долины и котловины, и, будучи весьма удобными для сохраненія этнографическихъ отличій, совершенно неспособны служить почвою для развитія первона-

чальной самобытной цивилизаціи. Остаются, слѣдовательно, одни лѣса, которые, представляя достаточное препятствіе для развитія кочевой жизни, не составляютъ однако непреодолимой преграды къ основанію осѣдлой жизни, а слѣдовательно — и къ развитію первоначальной культуры слабыми средствами племени, выходящаго подъ давленіемъ нужды изъ состоянія первобытной дикости. Лѣсъ имѣетъ поэтому огромную культуророднуіо силу. Онъ имѣетъ и другое вліяніе: своею таинственною гущею и полумракомъ онъ навѣваетъ поэтическое настроеніе духа на живущій въ немъ народъ. Я не думаю, чтобы самобытная культура, *внѣ всякаго посторонняго вліянія*, могла возникнуть иначе какъ въ лѣсной странѣ. Но какимъ образомъ происходитъ разсѣяніе въ лѣсу? Не иначе—какъ отдѣльными островами. Стоитъ только проѣхать со вниманіемъ по обширной лѣсной странѣ (какова, напримѣръ, сѣверная Россія), чтобы прослѣдить какъ это дѣлается. Сначала отдѣльныя поселенія разсѣяны рѣдкими островами въ лѣсномъ морѣ. Отселки, хутора, починки занимаютъ новыя мѣста неподалеку отъ своей метрополіи; раздѣляющія ихъ небольшія лѣсныя преграды вырубаются—и образуется волость, состоящая изъ нѣсколькихъ деревень, между которыми нѣтъ раздѣляющаго лѣснаго пространства. Около этого большаго острова осѣдлости сгруппированы мелкіе островки. Сами волости отдѣлены между собою значительными лѣсными пространствами. Число волостей увеличивается, и лѣсъ, въ которомъ были сначала вкраплены рѣдкіе поселки, изъ лѣснаго океана принимаетъ форму сѣти, всѣ нити которой между собою соединены. Но другія препятствія, — обширныя болота, препятствуютъ тому, чтобы эта лѣсная сѣть была равномѣрно прорѣшетена поселками. Остаются обширныя лѣсныя пространства — волоки, какъ ихъ называютъ у насъ на сѣверѣ, которые раздѣляютъ одну группу поселковъ (волостей, общинъ) отъ другой.—Съ увеличеніемъ населенія, сѣть во многихъ мѣстахъ прерывается, волости соединяются между собою, сливаются, и наконецъ сами образуютъ уже сплошную сѣть, въ которой отдѣльными группами разбросаны куски лѣса, какъ прежде были разбросаны поселки въ лѣсной сѣти. Эти куски лѣса все уменьшаются, и является сплошное море или, лучше сказать, озеро поселковъ, въ которомъ разбросаны лѣсные острова. Эти озера не сливаются однако въ одно обширное море, оставаясь долго еще раздѣленными обширными волоками. Этому ходу расселенія въ лѣсной странѣ долженъ слѣ-

довать и ходъ развитія общественности. Долго обособленныя отъ своихъ сосѣдей, волости образуютъ самобытныя верховныя общественныя единицы. Онѣ должны составить маленькіе независимые политическіе центры. Когда онѣ вступаютъ въ связь съ другими волостями, эта самобытность уже утвердилась у нихъ временемъ. Конечно, отъ увеличенія числа людей, вступившихъ въ непосредственную связь, усложняются между ними отношенія, являются такія нужды, которымъ волость удовлетворить уже не можетъ,— и она бываетъ поэтому принуждена отдѣлить часть своей власти всей той группѣ волостей, которыя вошли въ близкія непосредственныя сношенія,—и т. д., отъ болѣе тѣсной къ болѣе обширной группѣ. Но каждая группа отдѣлитъ въ пользу высшей, въ составъ которой она войдетъ, конечно только возможно меньшую долю власти надъ собою, касающуюся только тѣхъ предметовъ и интересовъ, которые не могутъ входить въ кругъ дѣятельности группы болѣе тѣсной. Изъ этого должна естественно проистечь федеративная связь,—но такая, въ которой власть разливалась бы не сверху внизъ, а восходила бы снизу вверхъ. Этимъ, кажется мнѣ, объясняется федеративное устройство всѣхъ народовъ, жившихъ въ лѣсной странѣ, которыхъ исторія застала еще во время этнографическаго періода ихъ жизни (какъ напримѣръ у Германцевъ и у Славянъ). Этимъ объясняется федеративное устройство Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ внѣшнія возмущающія вліянія, по мѣстнымъ особенностямъ, должны были имѣть—и до самаго новѣйшаго времени имѣли—сравнительно весьма слабое вліяніе. Но достигло ли бы этимъ путемъ племя, предоставленное одному лишь воздѣйствію на него мѣстныхъ вліяній страны (обусловливающихъ ходъ его разселенія), до сознанія своей народности, какъ бы ни былъ длиненъ періодъ, въ теченіи котораго это воздѣйствіе продолжалось,—а слѣдовательно, возникла ли бы изъ этого дѣйствительно-государственная связь, въ которой собственно не ощущалось бы никакой нужды, — это весьма сомнительно. Еще сомнительнѣе возможность достаточно продолжительнаго отсутствія всякаго возмущающаго вліянія, какъ со стороны чуждыхъ племенъ, такъ и со стороны внутри племени возникающихъ страстей, а главное — сильныхъ личностей, возвышающихся надъ уровнемъ общихъ народныхъ понятій и стремящихся подчинить соплеменниковъ своему вліянію. Я хотѣлъ только показать, что племя, предоставленное собственному своему развитію и устраненное отъ

всякихъ возмущающихъ вліяній, но находящееся въ условіяхъ, побуждающихъ его принять осѣдлую жизнь, вѣроятно приняло бы федеративное устройство.

На дѣлѣ это, конечно, происходитъ не такъ. Различныя племена между собою сталкиваются, и это столкновеніе ведетъ къ уясненію ихъ народнаго сознанія и возбуждаетъ чувство необходимости оградить свободу и честь своей народности, возстановить ихъ, если онѣ были нарушены, или сохранить преобладаніе, разъ пріобрѣтенное надъ другими народностями. Если бы подъ вліяніемъ ничѣмъ не возмущаемыхъ воздѣйствій природы и успѣла образоваться слабая федеративная связь, она должна бы уступить болѣе крѣпкой связи для успѣшности борьбы.—Но и необходимость охраненія народности, проистекающая изъ племенной борьбы, бываетъ недостаточна для того, чтобы племя наложило на себя государственное бремя. Борьба бываетъ кратковременна; для ея цѣлей достаточно временнаго усилія и временной централизаціи власти,—какъ напримѣръ въ казацкихъ общинахъ, признававшихъ власть атаманскую только въ военное время, или въ еврейскихъ колѣнахъ, признававшихъ диктаторскую власть судій только въ эпохи величайшихъ опасностей. Уроки прошедшаго скоро забываются вообще, а еще скорѣе—въ первобытное время народной, или еще только племенной жизни. Племенная необузданная воля имѣетъ столько прелести для первобытнаго человѣка, что онъ разстается съ нею только подъ давленіемъ постоянно дѣйствующей причины. *Борьба для этого недостаточна—необходима зависимость.*

Зависимость напрягаетъ силы народа (или племени) къ сверженію ея и постоянно приводитъ народъ къ сознанію значенія народной свободы и чести, пріучаетъ подчинять личную волю общей цѣли. Но не только подчиненіе, а даже преобладаніе, пріобрѣтенное однимъ народомъ надъ другимъ, также дѣйствуетъ на сплоченіе этого преобладающаго народа, ибо устанавливаетъ между составляющими его лицами прочную связь, постоянное подчиненіе частной воли общей, для сохраненія пріобрѣтеннаго владычества. Зависимость играетъ въ народной жизни ту же роль, какую играетъ въ жизни индивидуальной школьная дисциплина, или нравственная аскеза, которыя пріучаютъ человѣка обладать своею волею, подчинять ее высшимъ цѣлямъ. Для этого вовсе не нужно, чтобы школьная дисциплина требовала только того, что̀ дѣйствительно

необходимо для достиженія школьной цѣли,—чтобы аскеза налагала только тѣ ограниченія, тѣ лишенія, которыя кажутся необходимыми для нравственныхъ цѣлей. Не только этого не нужно, но даже этого въ большей части случаевъ недостаточно. Постъ, обѣты, послушничество, пустынническая жизнь,—которымъ временно подвергались даже тѣ изъ великихъ подвижниковъ христіанства, которые предназначали себя не для чисто созерцательной, а для практической жизни,—имѣютъ значеніе не сами по себѣ (не въ томъ, чтобы они составляли самобытную нравственную заслугу), а въ томъ, что они служатъ нравственною гимнастикою волѣ, дѣлая ее гибкою, готовою на всякій подвигъ. Такой же характеръ имѣетъ и та историческая или политическая аскеза, заключающаяся въ различныхъ формахъ зависимости, которую выдерживаетъ народъ, предназначенный для истинно-исторической дѣятельности. Эта зависимость,—пріучающая подчинять свою личную волю какой-либо другой (хотя бы и несправедливой), для того чтобы личная воля всегда могла и умѣла подчиняться той волѣ, которая стремится къ общему благу,—имѣетъ своимъ назначеніемъ возведеніе народа отъ *племенной воли* къ *состоянію гражданской свободы*. Слѣдовательно, тѣ только формы исторической зависимости, которыя служатъ къ достиженію этой цѣли, могутъ считаться соотвѣтствующими своей цѣли; и какъ бы онѣ ни казались тяжелыми для народа, онѣ должны считаться благодѣтельными. Но точно такъ, какъ та школьная дисциплина, которая совершенно убиваетъ самодѣятельность, достоинство и оригинальность личности,—точно такъ, какъ та религіозная аскеза, которая дѣлаетъ человѣка трупомъ въ рукахъ іезуитскаго настоятеля, не могутъ считаться соотвѣтствующими своей цѣли; такъ же точно и та зависимость, которую переноситъ народъ во время своей исторической жизни, тогда только должна считаться дѣйствительно необходимою и полезною, когда не уничтожаетъ нравственнаго достоинства народа и не лишаетъ его тѣхъ условій существованія, безъ которыхъ гражданская свобода не можетъ замѣнить племенной воли, безъ которыхъ гражданская свобода вполнѣ даже и существовать не можетъ.—Это-то странствованіе по пустынѣ, которымъ народъ ведется изъ состоянія племенной воли въ обѣтованную землю гражданской свободы путемъ различныхъ формъ зависимости, и называю я историческимъ воспитаніемъ народа. Вотъ это-то воспитаніе было существенно-различно для на-

родовъ германо-романскихъ и для русскаго народа, такъ же какъ и для многихъ его соплеменниковъ. При семъ не должно забывать, что части этого тернистаго пути, пройденныя тѣми и другими, далеко не одинаковы.

Вообще, исторія представляетъ намъ три формы народныхъ зависимостей, составляющихъ историческую дисциплину и аскезу народовъ: *рабство*, *данничество* и *феодализмъ*.

Рабство (т. е. полное подчиненіе одного лица другому, по которому первое обращается въ вещь по отношенію къ своему хозяину), какъ показываетъ исторія, есть форма зависимости, своей цѣли не достигающая. Оно въ такой мѣрѣ растлѣваетъ, какъ рабовъ, такъ и господъ, что, продолжаясь нѣсколько долго, уничтожаетъ возможность установленія истинной гражданской свободы въ основанныхъ на рабствѣ государствахъ. Это достаточно показалъ примѣръ Рима, Греціи и предшествовавшихъ имъ культурно-историческихъ типовъ, въ которыхъ во всѣхъ существовало рабство, за исключеніемъ одного Китая, этому обстоятельству отчасти, можетъ быть, и обязаннаго своимъ безпримѣрно долгимъ существованіемъ.

Данничество происходитъ, когда народъ, обращающій другой въ свою зависимость, такъ отличенъ отъ него по народному или даже по породному характеру, по степени развитія, образу жизни, что не можетъ смѣшаться, слиться съ обращаемымъ въ зависимость, и, не желая даже разселиться по его землѣ, дабы лучше сохранить свои бытовыя особенности, обращаетъ его въ рабство коллективное, оставляя при этомъ его внутреннюю жизнь болѣе или менѣе свободною отъ своего вліянія. Посему данничество и бываетъ въ весьма различной степени тягостно. Россія подъ игомъ Татаръ, славянскія государства подъ игомъ Турціи представляютъ примѣры этой формы зависимости. Дѣйствіе данничества на народное самосознаніе очевидно, равно какъ и то, что если продолжительность его не превосходитъ извѣстной мѣры,—народы ему подвергнувшіеся сохраняютъ всю способность къ достиженію гражданской свободы.

Слово феодализмъ принимаю я въ самомъ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ такое отношеніе между племенемъ достигшимъ преобладанія и племенемъ подчиненнымъ, при которомъ первое не сохраняетъ своей отдѣльности, а разселяется между покореннымъ народомъ. Отдѣльныя личности его завладѣваютъ имуще-

ствомъ покоренныхъ, но, если не юридически, то фактически оставляютъ имъ пользованіе частію прежней ихъ собственности—за извѣстныя подати, работы или услуги въ свою пользу.

Эта послѣдняя форма зависимости наступила для народовъ, входившихъ въ составъ Римской имперіи, послѣ покоренія ихъ германскими племенами, а потомъ была внесена укрѣпившимися тамъ народами, достигшими уже нѣкоторой степени государственности подъ вліяніемъ римскихъ началъ, и въ самое первоначальное ихъ отечество—Германію. Обыкновенно за начало феодализма принимаютъ заведенный Карломъ Великимъ порядокъ, по которому онъ раздавалъ королевскія имущества—подъ условіемъ выполненія извѣстныхъ государственныхъ обязанностей. Но это было только формальное узаконеніе того порядка вещей, который самъ собою произошелъ изъ завоеванія, введенное именно съ цѣлью возобновить и поддержать его, когда онъ расшатался—вслѣдствіе того, что франкскіе владѣльцы, успѣвшіе уже совершенно сломить всякое сопротивленіе покореннаго народа, перестали чувствовать необходимость взаимной связи и іерархической подчиненности для охраненія своего преобладанія. Реформа Карла слѣдовательно расширила только область феодализма, распространивъ его и на королевскія имущества. При сильномъ государѣ и тѣ владѣльцы, которые пользовались своими участками не на правѣ бенефицій, вошли, въ сущности, однако же, въ тѣ же отношеніи къ сюзерену, какъ и бенифиціальные владѣльцы; съ другой же стороны, послѣдніе, при слабыхъ наслѣдникахъ Карла, въ свою очередь достигли той же наслѣдственности, какъ и первые, такъ что все приняло болѣе или менѣе однообразный характеръ.

Къ этому феодальному гнету присоединилось еще два другихъ, изъ которыхъ одинъ въ нѣкоторой степени его уравновѣшивалъ. Это были: гнетъ мысли подъ безусловнымъ поклоненіемъ авторитету древнихъ мыслителей (преимущественно Аристотеля), къ тому же дурно понятыхъ, и гнетъ совѣсти подъ папскимъ деспотизмомъ, который помогли наложить на себя—какъ сами народы насильственнымъ возведеніемъ своего частнаго мнѣнія на степень вселенскаго догмата, такъ и государи, хотѣвшіе учредить государственную церковь вмѣсто вселенской. Подъ этимъ троякимъ гнетомъ мысли, совѣсти и жизни происходило средневѣковое развитіе.

Послѣ героическаго періода крестовыхъ походовъ, раскрывшаго всѣ силы средневѣковаго общества и приведшаго ихъ въ сопри-

косновеніе съ арабскою цивилизаціею, наступилъ XIII вѣкъ, періодъ цвѣта средневѣковой ѳеократо-аристократической культуры—періодъ гармоническаго развитія всѣхъ заключавшихся въ немъ силъ, при которомъ низшіе общественные классы составляли въ полномъ смыслѣ то, что называютъ нѣмцы нэръ-штандъ, замѣнившій собою аѳинскихъ и римскихъ рабовъ, носившій, какъ Атласъ на плечахъ своихъ, небо культуры, крехтя и сгибаясь. Этотъ первый цвѣтъ европейской культуры составляетъ идеалъ романтиковъ. Но и само высшее общество, особенно — мыслящіе въ немъ люди, почувствовало тяготѣвшій надъ нимъ гнетъ, когда одновременное стеченіе нѣкоторыхъ изобрѣтеній, открытій и политическихъ переворотовъ ознакомило ихъ ближе съ древнею мыслію и возбудило самодѣятельность собственной мысли. Первымъ былъ почувствованъ и свергнутъ гнетъ авторитета въ области мышленія, — что и называется временемъ возрожденія, которому соотвѣтствовалъ XV вѣкъ; а за нимъ, при помощи этой самодѣятельной мысли, свергнутъ и гнетъ религіозный — что составило время реформаціи, соотвѣтствующее XVI вѣку.

Этимъ высшіе общественные классы могли удовольствоваться. Гнетъ, который былъ на нихъ наложенъ косвеннымъ вліяніемъ побѣжденнаго римскаго элемента, былъ свергнутъ, а тотъ, который они сами наложили на побѣжденныхъ, оставался въ полной силѣ, и не дошелъ еще до полнаго, яснаго и опредѣленнаго сознанія угнетаемыхъ. Изъ такого положенія вещей произошелъ второй періодъ гармоническаго развитія, второй цвѣтъ европейской культуры, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и апогеемъ творческихъ силъ, составляющихъ внутренній залогъ развитія европейскаго культурно-историческаго типа. Ему соотвѣтствовалъ XVII вѣкъ. Онъ-то собственно составляетъ идеалъ того направленія, которое теперь считается ретроградньмъ, — идеалъ европейскаго консерватизма, къ которому и желали бы повернуть всѣ его поклонники, за исключеніемъ небольшой партіи ультрамонтановъ и романтиковъ, идеалъ которыхъ еще далѣе назади.

Но и этотъ вѣкъ былъ только паузою въ общемъ европейскомъ движеніи. Колесо европейскаго движенія (по выраженію К. С. Аксакова) обращается разъ въ столѣтіе—такъ впрочемъ, что началомъ новаго оборота служитъ не начало, а середина каждаго вѣка. Наступилъ XVIII вѣкъ, и очередь дошла до сверженія третьяго гнета—-гнета феодальнаго. Оно совершается французскою

революціею. За этимъ долженъ былъ наступить третій періодъ гармоническаго развитія, третій цвѣтъ европейской культуры, которому казалось-бы и конца не предвидится, какъ это и думаютъ слывущіе подъ именемъ либераловъ, точнѣе—неоконсерваторовъ. Идеаломъ ихъ служитъ XIX вѣкъ, который дѣйствительно представляетъ (подобно XIII и XVII) характеръ третьяго цвѣта европейской культуры. Это вѣкъ промышленнаго развитія, вѣкъ осуществленія и распространенія того, что̂ называютъ великими началами 1789 года.

Но колесо европейскаго движенія оборачивается каждые сто лѣтъ. Ходъ развитія европейской культуры символизируется средневѣковымъ городомъ или замкомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ заключенныхъ одна въ другую стѣнъ или оградъ. По мѣрѣ развитія городской жизни, эти стѣны начинаютъ ее стѣснять; и вотъ одна за другою ограды падаютъ,—и на мѣстѣ ихъ разводятъ широкіе бульвары, увеличивающіе удобства сообщенія, вводящіе въ городъ больше свѣта и воздуха. Послѣдняя ограда сломана XVIII вѣкомъ. Но вотъ къ половинѣ XIX оказывается, что сами жилища, заложенныя и выстроенныя сообразно требованіямъ и нуждамъ староевропейскаго общества, неудобны, и на каждомъ шагу стѣсняютъ живущихъ въ нихъ. Ограды можно было замѣнить бульварами; чѣмъ замѣнить самые дома, и гдѣ жить, пока не выстроятся новые? Да гдѣ и матеріалы для нихъ, а главное: гдѣ планъ новой постройки? Не придется ли жить на бивакахъ, подъ открытымъ небомъ, подъ холоднымъ дождемъ и солнечнымъ жаромъ? Въ 1848 году въ первый разъ выступили торжественно съ требованіями всеобщей ломки. Никогда въ прежнія времена не требовали сломки внѣшнихъ оградъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ теперь—самихъ жилищъ европейской цивилизаціи и культуры. Ни штурмъ Бастиліи, ни взятіе Тюльери не представляютъ примѣра такого уличнаго побоища—какъ іюльскіе дни 1848 года. Наступили дни Марія; новые Кимвры и Тевтоны—у воротъ Италіи. Наступило начало конца *).

---

*) Черезъ 23 года наступилъ второй актъ, второй призывъ ко всеобщей ломкѣ, еще болѣе ужасный,—дни коммуны въ Парижѣ. Не замедлитъ и третій, пока цѣль разрушенія не будетъ достигнута.

Посмертн. примѣч.

Европейскіе народы прошли чрезъ горнило феодальной формы зависимости и не утратили въ немъ ни своего нравственнаго достоинства, ни сознанія своихъ правъ; но, въ теченіе своего тяжелаго развитія, они утратили одно изъ необходимыхъ условій, при которомъ одномъ гражданская свобода можетъ и должна замѣнить племенную волю: утратили самую почву свободы—землю, на которой живутъ. Эту утрату стараются замѣнить всевозможными палліативами: придумали даже нелѣпое право на трудъ, который неизвѣстно чѣмъ бы оплачивался,—чтобы не назвать страшнаго слова *права на землю*, которое впрочемъ также было уже громко произносимо. Ежели и это требованіе должно быть удовлетворено, если и этотъ слѣдъ завоеванія долженъ быть изглаженъ, то всѣ основы общественности должны подвергнуться такому потрясенію, передъ которымъ всѣ прежнія теряютъ свое значеніе,—потрясенію, которое едва-ли можетъ пережить сама цивилизація, сама культура, имѣющая подвергнуться такой отчаянной операціи, — а подвергнуться ей должна она неминуемо. Конечно, общественныя силы Европы живучи, крѣпки и въ состояніи, повидимому, противиться всякому напору,—какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ варваровъ. Это вѣдь не разслабленный, не истощенный Римъ IV и V столѣтій. Европа, можетъ быть, и воспротивилась бы ему съ успѣхомъ, если бы не внутреннее непримиримое противорѣчіе, которое парализируетъ ея силы и которое, какъ всякое непримиримое противорѣчіе, одарено непреодолимою силою.

Нравственное достоинство европейскихъ народовъ пережило всѣ испытанія и возрасло въ теченіе долгой борьбы, ими вынесенной. Притомъ, какъ самъ политическій строй европейскихъ народовъ, такъ и событія ихъ жизни благопріятствовали чрезмѣрному развитію личности. Индивидуальная свобода составляетъ принципъ европейской цивилизаціи; не терпя внѣшняго ограниченія, она можетъ только сама себя ограничивать. Отъ этого возникаетъ принципъ народнаго верховенства, получающій все бо́льшее и бо́льшее значеніе—не только въ теоріи, но и на практикѣ европейскаго государственнаго права. Примѣненіе его неудержимо ведетъ къ демократической конституціи государства, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ. Хотя демократія, всеобщая подача голосовъ, означаетъ владычество всѣхъ, но въ сущности она значитъ также точно владычество нѣкоторыхъ, какъ и аристократія,—т. е. владычество многочисленнѣйшаго и (по общественному

устройству европейскихъ государствъ) совершенно неимущаго класса общества, и притомъ непремѣнно той доли его, которая, по своей большой сосредоточенности, всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ преимущество силы: это владычество большихъ центровъ рабочаго населенія—столицъ и мануфактурныхъ городовъ.

Видано-ли когда, да и мыслимо-ли, чтобы владычествующій классъ не воспользовался тѣмъ, что̀ власть предоставляетъ въ его распоряженіе, для улучшенія своего матеріальнаго положенія, хотя бы въ сущности и мнимаго? Не говоритъ-ли Брайтъ работникамъ, что ихъ положеніе тогда только улучшится, когда они получатъ подобающее имъ значеніе въ парламентѣ,—и не вѣрятъ-ли ему работники болѣе, чѣмъ всѣмъ доводамъ экономистовъ? Пусть покажутъ аристократію, имѣющую власть въ своихъ рукахъ и принявшую однако обѣтъ добровольной нищеты; тогда можно повѣрить, что такое же самообладаніе выкажетъ и голодающій народъ, окруженный всѣми соблазнами и возведенный въ санъ верховнаго властителя. Если принципъ народнаго верховенства долженъ осуществиться на дѣлѣ, то надо приготовиться и къ тому, что обладатель власти потребуетъ и приличнаго для себя содержанія, цивильной листы и разныхъ дотацій. Во время преній объ реформѣ англійскаго парламента, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, одинъ изъ поборниковъ ея, знаменитый Маколей, сказалъ (въ одной изъ своихъ, исполненныхъ ясности мысли рѣчей), что онъ отвергаетъ всеобщую подачу голосовъ, потому что она можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только коммунизмъ, или военный деспотизмъ. Не далѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ — событія, совершившіяся во Франціи, оправдали слова знаменитаго англійскаго историка. Военный деспотизмъ окрещенъ даже громкимъ именемъ цесаризма, возведенъ въ теорію; установитель его заслужилъ имя спасителя общества, и признаюсь, я думаю, получилъ его по всей справедливости.

Но, скажутъ, Франція—еще не Европа. Нѣтъ, Франція—именно Европа, ея сокращеніе, самое полное ея выраженіе. Отъ самыхъ временъ Хлодовика, исторія Франціи есть почти и исторія Европы, съ однимъ исключеніемъ, которое, впрочемъ, также совершенно удовлетворительно изъясняется и подтверждаетъ собою общее правило. Все, въ чемъ Франція не участвовала, составляетъ частное явленіе жизни отдѣльныхъ европейскихъ государствъ; все же истинно-общеевропейское (хотя и не всемірно-человѣческое,

какъ его любятъ величать) есть непремѣнно и по преимуществу явленіе французское. Можно знать превосходно исторію Англіи, Италіи, Германіи, и все таки не знать исторіи Европы; будучи же знакомъ съ исторіею Франціи, знаешь, въ сущности, и всю исторію Европы. Франція была всегда камертономъ Европы, по тону котораго всегда настраивались событія жизни прочихъ европейскихъ народовъ.

Принятіе Хлодовикомъ христіанства по римскимъ формамъ—было внѣшнею причиною торжества католицизма (тогда еще православнаго) надъ аріанствомъ и подготовило его господство въ Европѣ. Услуга и защита франкскихъ королей положили основаніе папской власти. Имперія Карла составляетъ общее зерно, изъ котораго развился тотъ порядокъ вещей, который называется европейскимъ. Во время ослабленія той части франкской имперіи, которая составила собственную Францію, при послѣднихъ Карловингахъ и первыхъ Капетингахъ, исторія Европы не представляетъ никакого общаго истинно-европейскаго событія, какъ ни возвеличиваютъ нѣмецкіе историки времена Оттоновъ и Генриховъ. Только когда французъ по происхожденію, папа Урбанъ II, внявъ голосу француза Петра Аміенскаго, во французскомъ городѣ Клермонтѣ провозгласилъ крестовый походъ, въ которомъ главнѣйшее участіе приняли французскіе же короли, вассалы и рыцари,—событія получаютъ опять общеевропейскій характеръ; и въ теченіе слишкомъ двухъ вѣковъ это движеніе сохраняетъ, за небольшими изъятіями, по преимуществу французскій характеръ. Французами начинаются, французами и оканчиваются крестовые походы. Рыцарство носитъ на себѣ характеръ по преимуществу французскій;—французское рыцарство служитъ во всемъ примѣромъ и образцомъ для другихъ народовъ. Государственной централизаціи, союзу королей съ общинами, всей борьбѣ противъ феодолизма подаетъ примѣръ Франція и ранѣе другихъ государствъ ее оканчиваетъ. Такъ называемое Возрожденіе, хотя и происходитъ изъ Италіи, но получаетъ общее значеніе, пройдя черезъ французскую переработку. Наступаетъ реформація,—и здѣсь является то исключеніе, о которомъ я говорилъ. Первая роль безспорно принадлежитъ тутъ Германіи; но потому-то и явленіе это не имѣетъ общеевропейскаго характера, а ограничивается собственно кругомъ народовъ нѣмецкаго корня и издаетъ лишь слабые отзвуки въ странахъ романскихъ, изъ которыхъ, однако-же, движеніе это

всего сильнѣе проявляется во Франціи. Первый толчекъ къ тѣмъ политическимъ отношеніямъ, которыя извѣстны подъ именемъ политическаго равновѣсія государствъ, даетъ Франція. Когда улегается буря реформаціи, вся политическая жизнь Европы вращается около Людовика XIV. Придворный этикетъ, вся внѣшняя обстановка цивилизаціи, моды, съ этого времени и до нашихъ дней, устанавливаются Франціею. Французскій языкъ дѣлается языкомъ дипломатическимъ и общественнымъ для всей Европы, вытѣсняя языкъ латинскій. Французская литература становится образцомъ для всей Европы,—и это тѣмъ удивительнѣе, что не оправдываетъ этого преобладанія своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Она получаетъ перевѣсъ даже въ такихъ странахъ, какъ Англія, имѣвшая уже Шекспира и Мильтона, какъ Италія, имѣвшая Данта, какъ Испанія, имѣвшая Сервантеса и Кальдерона, — литературы которыхъ безконечно превосходятъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ и значеніемъ литературу французскую (я разумѣю одну изящную словесность). Когда французская литература измѣняетъ свой псевдоклассической характеръ на философскій, то и это новое направленіе не только сохраняетъ, но еще усиливаетъ ея господство. Вольтеръ представляетъ примѣръ небывалаго прежде, и не повторявшагося послѣ, литературнаго владычества надъ общественнымъ мнѣніемъ. Самые пороки французскаго общества имѣютъ заразительную силу. Между тѣмъ какъ развратъ англійскаго общества при Карлѣ II ограничивается Англіею — развратъ регентства и времени Людовика XV сообщается всей Европѣ. Такъ же точно французская революція (не смотря на то, что по дѣйствительной пользѣ, ею принесенной, далеко уступаетъ революціи англійской) воспламеняетъ всю Европу. Наполеонъ I еще въ сильнѣйшей степени, нежели Людовикъ XIV, составляетъ центръ политической жизни Европы въ теченіи 15 лѣтъ. Побѣжденная Франція возвращаетъ себѣ господство своею политическою трибуною и новымъ направленіемъ своей литературы, хотя сама заимствовала его отъ Германіи и Англіи и хотя тамъ это направленіе принесло несравненно совершеннѣйшіе плоды. Іюльская революція производитъ рядъ подобныхъ ей вспышекъ на всемъ материкѣ, и еще сильнѣйшее вліяніе оказываетъ революція 1848 года;—и, какъ рпежде философская и политическая пропаганда, такъ теперь пропаганда соціалистическая во Франціи волнуетъ всю Европу. На-

конецъ Наполеонъ III въ третій разъ дѣлаетъ Францію центромъ политической жизни Европы, даетъ ей тонъ и направленіе *).

Такое значеніе Франціи весьма понятно. Французскій народъ представляетъ собою полнѣйшее сліяніе обоихъ этнографическихъ элементовъ, образующихъ европейскій культурно-историческій типъ,—есть результатъ ихъ взаимнаго проникновенія. Слѣдовательно, все, что̀ волнуетъ Францію, все, что̀ идетъ изъ нея, имѣетъ по необходимости отголосокъ, какъ нѣчто свое, родное, и въ германскомъ и въ романскомъ мірѣ, между тѣмъ какъ эти міры съ трудомъ дѣйствуютъ непосредственно другъ на друга, какъ слишкомъ разнородные, а все ими выработанное передаютъ черезъ посредство Франціи, и только во французской переработкѣ становится добытое ими общеевропейскимъ. Такая взаимная нейтрализація германскаго и романскаго элементовъ во французскомъ народѣ составляетъ причину того, что всѣ произведенія его менѣе оригинальны, имѣютъ меньшее внутреннее достоинство, нежели произведенія генія германскихъ или романскихъ народовъ, болѣе сохранившихъ свою своеобразность и самобытность. Единственное исключеніе составляетъ положительная наука природы, въ чемъ Французы, по меньшей мѣрѣ, никому не уступятъ. Но эта наука и есть явленіе европейское по преимуществу,—самый характеристическій плодъ европейскаго культурнаго типа развитія: неудивительно, что истинный (нормальный) представитель Европы,—Франція, занимаетъ именно въ этомъ отношеніи такое высокое мѣсто. Все національно-французское сравнительно слабо, ибо носитъ на себѣ какой-то характеръ средней величины; но зато имѣетъ оно въ сильнѣйшей степени свойство распространяться на всю область европейской культуры. Поэтому, и то внутреннее противорѣчіе, которое проявилось въ политической полноправности и въ экономическомъ илотизмѣ низшихъ слоевъ европейскаго общества (только въ половину вышедшихъ изъ той зависимости, которая на нихъ была наложена при самомъ основаніи европейскаго порядка

*) **А побѣдительница его Германія, съ геніальнымъ Бисмаркомъ во главѣ, никакъ не можетъ занять этого преобладающаго центральнаго положенія. Все ограничивается лишь чисто политическимъ вліяніемъ Бисмарка и уваженіемъ, внушаемымъ отличною военною организаціею Германіи, которую другія государства не успѣли еще вполнѣ себѣ усвоить.** *Посмертн. примѣч.*

вещей, и не могущихъ вполнѣ изъ нея выйти, не разрушивъ самаго этого порядка), необходимо должно было прежде всего высказаться во Франціи, но также необходимо должно распространиться и на всю остальную Европу.

Тѣ же причины должны непремѣнно произвести то же дѣйствіе, и распространіе это сильно замѣтно и въ другихъ странахъ, далѣе подвинувшихся по пути политическаго движенія. Въ Англіи означенное противорѣчіе само по себѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франціи, и если не въ той еще степени созрѣло, не дошло еще до кризиса, то вслѣдствіе лишь особыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

1) Во-первыхъ, вслѣдствіе счастливаго отсутствія строгой логической послѣдовательности въ умственномъ складѣ Англичанъ, заботящихся болѣе о практичности, чѣмъ о логичности своей дѣятельности. У нихъ—на все компромиссы, которыхъ ни Французы (на дѣлѣ), ни Нѣмцы (въ теоріи) не терпятъ. Лучшій примѣръ представляетъ англійская религіозная реформа, которая остановилась на полупути. Взявъ достаточно изъ протестанства, чтобы освободиться отъ папской власти, Англичане замѣнили ее непогрѣшимостью государства въ дѣлахъ церкви (что̀ конечно — уже верхъ нелѣпости), но на практикѣ избавились отъ ея послѣдствій новою непослѣдовательностью, придавъ этой непогрѣшимости, этому главенству государства, чисто формальный характеръ, а на дѣлѣ допустивъ полную религіозную свободу. Свои претензіи на вселенское значеніе своей церкви основали Англичане на чисто внѣшнемъ апостольскомъ преемствѣ, будто бы существующемъ въ ихъ епископствѣ,—не обративъ вниманія на то, что, признавъ католицизмъ (черезъ посредство котораго это преемство передалось англиканской церкви) ересью, они признали существованіе бездны, черезъ которую передача истинно апостольскаго преемства совершенно невозможна. Но счастливый даръ принесенія логической послѣдовательности въ жертву практической полезности есть все-таки только палліативъ. И вотъ, англиканская церковь, не чувствуя подъ собою почвы, раздѣляется на потоки, стремящіеся или далѣе въ бездну послѣдовательнаго протестантизма, или обратно въ ложь католицизма, или даже (тонкою струею) къ истинѣ православія. Потоки все болѣе и болѣе удаляются отъ общаго ихъ центра, вѣроятно совсѣмъ отъ него и другъ отъ друга оторвутся, и, зная англійскіе порядки, можно надѣяться, что когда-нибудь

придется увидѣть куріозное зрѣлище господствующей государственной церкви, у которой (какъ у арміи, на мирномъ положеніи) останутся только одни кадры епископовъ, декановъ, викаріевъ и т. п. съ огромными матеріальными средствами, но вовсе безъ стада.

Эта же непослѣдовательность позволяетъ Англіи медленно идти по пути парламентской реформы, дозволяетъ знаменитому Маколею употреблять все свое стараніе, чтобы доставить побѣду этой реформѣ, ведущей англійскую конституцію по скользкой наклонной плоскости демократизма,—при полной увѣренности, что продолженіе ея въ томъ же духѣ приведетъ къ коммунизму, или военному деспотизму. Англичане надѣются, что для нихъ исторія остановитъ логическую послѣдовательность своего развитія, какъ солнце остановило путь свой для Іисуса Навина. Но вотъ съ небольшимъ черезъ тридцать лѣтъ приходится уже дѣлать новый шагъ по пути къ коммунизму, или цесаризму. Много ли пройдетъ лѣтъ, когда придется, волею или неволею, шагнуть еще разъ? Какъ ни упирайся, а который нибудь изъ этихъ шаговъ приведетъ-таки къ пугавшему Маколея страшилищу.

2) Особымъ счастливымъ для Англіи обстоятельствомъ должно считать, что самая радикальная, самая послѣдовательная часть ея народонаселенія, въ лицѣ Пуританъ, заблагоразсудила удалиться за океанъ для скорѣйшаго осуществленія своихъ идеаловъ. Это отвлеченіе демократическихъ элементовъ надолго обезопасило Англію.

3) Обладаніе Индіею, доставляющее Англіи огромную массу богатствъ (служащихъ—какъ къ поддержанію ея промышленнаго и торговаго движенія, такъ и къ надѣленію мѣстами, приносящими большое жалованье, младшихъ сыновей аристократіи), заглаживаетъ многіе недостатки англійскаго общественнаго устройства и придаетъ искусственную силу аристократическому элементу въ его борьбѣ съ прочими классами. Такое же дѣйствіе имѣетъ и устройство англійской церкви.

4) Но самый дѣйствительный палліативъ—ненормальное сосредоточеніе въ рукахъ Англіи всемірной торговли. Масса богатствъ, приливающая черезъ нее къ Англіи, составляетъ какъ бы масло, обильно смазывающее всѣ оси, валы, винты и шестерни англійской общественной машины, и предотвращаетъ слишкомъ сильное треніе, отъ котораго они должны бы раскалиться или сломаться. Выгоды, извлекаемыя Англіею изъ этого сосредоточенія

въ ея рукахъ всемірной торговли, неисчислимы. Чтò получаетъ она за фрахты отъ иностранныхъ потребителей продуктовъ не только не добытыхъ на почвѣ Англіи, но даже и не переработанныхъ англійскимъ трудомъ? Чтò получаетъ за коммиссію всемірнаго торговаго посредничества? Чтò, наконецъ, за обработку сырыхъ произведеній, которыя могли бы обработывать сами тѣ народы, въ области которыхъ они добываются, или тѣ, которые потребляютъ эти произведенія въ обработанномъ видѣ? Распредѣленіе богатствъ происходитъ въ Англіи весьма неравномѣрно, но масса богатствъ такъ велика,что все еще порядочная доля приходится на неимущіе классы.

Такое положеніе дѣлъ нельзя не считать ненормальнымъ, хотя оно и естественно, точно такъ какъ и много другихъ монополій, хотя и образовались естественнымъ путемъ, но тѣмъ не менѣе все-таки ненормальны. Сосредоточеніе всемірной торговли, обусловливающее и мануфактурное развитіе Англіи, естественно потому, что составляетъ результатъ многихъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ она находится, а главное—ея островнаго положенія, которое, отъ самыхъ временъ Вильгельма-Завоевателя, ограждало ее отъ вторженій непріятельскихъ и давало возможность скопляться капиталамъ. То же островное положеніе развило англійскій флотъ, торговый и военный, такъ что этотъ послѣдній, во время войны съ другими морскими державами (какъ, напримѣръ, во время войны за наслѣдство испанскаго и австрійскаго престоловъ, во время войны Семилѣтней и войнъ Наполеоновскихъ), нѣсколько разъ уничтожалъ торговлю и отнималъ колоніи Голландіи, Франціи и Испаніи, и тѣмъ обезпечивалъ преобладаніе Англіи въ торговомъ, а косвенно и въ мануфактурномъ отношеніи. Но, тѣмъ не менѣе, положеніе это ненормально, потому что нормальный ходъ торговли и промышленности заключался бы въ томъ, чтобы каждое государство производило у себя все, чтò съ выгодою можетъ производить, само обработывало бы свои сырыя произведенія—и лишь излишекъ ихъ вымѣнивало на то, чего само, по климатическимъ и другимъ условіямъ, производить не можетъ, но вымѣнивало бы не иначе, какъ непосредственно изъ первыхъ рукъ. Такое нормальное положеніе всемірной торговли и промышленности, которое Наполеонова континентальная система хотѣла породить искусственно и насильственно для ослабленія Англіи, неминуемо должно наступить путемъ естественнаго про-

мышленнаго развитія, если торговая политика государствъ съумѣетъ съ пользою и умѣстно примѣнять оба средства, находящіяся для этого въ ихъ рукахъ: поощреніе соперничества свободною торговлею — и обезченіе внутренняго сбыта покровительствомъ тамъ, гдѣ, по слабости еще промышленныхъ силъ, соперничество было бы гибельно. И Генуя, и Венеція пользовались въ свое время естественною, но ненормальною торговою монополіею; она была отнята у нихъ открытіемъ морскихъ путей, расширеніемъ торговаго мореплаванія за предѣлы Средиземнаго моря и промышленнымъ развитіемъ другихъ странъ. Болѣе благопріятное положеніе Англіи отняло эту естественную, но ненормальную монополію у Голландіи. Неужели она вѣчно сохранится въ рукахъ Англіи? Уже прорытіе Суэзскаго перешейка повлечетъ за собою непремѣнно слѣдствіе обратное открытію морскаго пути вокругъ Африки, и отчасти повернетъ всемірную торговлю на старые пути, по отношенію къ которымъ положеніе многихъ странъ выгоднѣе Англіи.

Съ ослабленіемъ дѣйствія всѣхъ перечисленныхъ палліативовъ, логическое развитіе противоположности между демократическими стремленіями (въ области политической) и аристократическимъ устройствомъ общественно-экономическаго порядка должно неминуемо повести и въ Англіи къ тому кризису, который, повидимому, наступилъ уже для Франціи.

Но на дѣлѣ и для Франціи грозный моментъ кризиса еще не насталъ: мы видѣли только его предвѣстниковъ. Въ теченіе вѣковъ, въ которые Европа послѣдовательно освобождалась отъ трехъ гнетовъ, наложенныхъ на нее при самомъ ея нарожденіи (гнета схоластики, гнета религіознаго деспотизма и гнета феодализма), незамѣтно сковывалась и опутывала собою ея народы новая цѣпь, налагался новый гнетъ—гнетъ отвлеченнаго государства на живыя національности. Когда закладывались основы европейскаго общества, различныя народности, составляющія Европу, еще не образовались;—государства, современныя этому порядку вещей, имѣли по необходимости временный, провизуарный характеръ. Всѣ германскія и романскія племена in statu nascenti объединялись принципомъ божественнаго государства, служившаго продоженіемъ римскаго преданія и осуществленнаго Карломъ Великимъ, а потомъ принципомъ іерархическаго единства, осуществленнаго Григоріемъ VII. Кромѣ того, связывались они сѣтью

общеевропейской аристократіи, такъ какъ владѣнія вассаловъ имперіи Карла не совпадали съ границами тѣхъ государствъ, или—правильнѣе сказать—тѣхъ удѣловъ, на которые она распалась. Этотъ общій европейскій характеръ аристократіи поддерживался и послѣ обособленія европейскаго дворянства по національностямъ—институтомъ рыцарства. Общее всѣмъ европейскимъ народамъ предпріятіе крестовыхъ походовъ также поддержало это единство. Между тѣмъ происходилъ медленный этнографическій процессъ образованія отдѣльныхъ національностей изъ племеннаго хаоса, послѣдовавшаго за переселеніемъ народовъ.

Весьма естественно, что результаты этого процесса долго оставались незамѣтными и незамѣченными,—что, въ сравненіи съ поименованными объединявшими началами, казавшимися началами высшаго порядка, этимъ вновь народившимся національнымъ различіямъ не придавалось большаго значенія. Чтó значили, въ самомъ дѣлѣ, особенности языка, быта, народныхъ представленій какихъ нибидь виленей, въ сравненіи съ единствомъ церкви, имперіи, рыцарства! Здѣсь у мѣста будетъ замѣтить еще одно различіе между міромъ германо-романскимъ и міромъ славянскимъ. Между тѣмъ, какъ единство перваго коренится въ сверху-наложенныхъ (такъ сказать—соединительныхъ) обручахъ іерархіи церковной и гражданской, въ аристократическомъ институтѣ рыцарства, а народъ все болѣе и болѣе обособляется, единство втораго коренится въ внутреннемъ, сначала инстинктивно-чувствуемомъ, но становящемся все болѣе и болѣе сознательнымъ,—родствѣ народныхъ массъ, искусственно раздѣленныхъ историческими случайностями, интригами католическаго духовенства, беззаконнымъ шляхетскимъ честолюбіемъ *).

Но съ теченіемъ времени, и власть іерархіи, и понятіе объ имперіи, — какъ о продолженіи римскаго всемірнаго государства,—и всеевропейское рыцарство исчезаютъ или теряютъ свое значеніе; сознаніе же національности, какъ государственнаго принципа, еще не выясняется. Даже въ послѣднее время, идея политической свободы получаетъ космополитическую окраску. Очевидно, что, при такомъ положеніи, династическія права получаютъ преобладающее значеніе, и единственнымъ противовѣсомъ имъ слу-

*) **А теперь скудоуміемъ такъ называемой интеллигенціи, видящей свой идеалъ въ нелѣпостяхъ либерализма.** *Посмертн. примѣч.*

житъ понятіе о равновѣсіи частей, которое должно противодѣйствовать случайному скопленію территорій съ ихъ населеніями— въ рукахъ одного монарха (какъ это, напримѣръ, случилось при императорѣ Карлѣ V). Но это равновѣсіе нисколько не служитъ къ исправленію этого искусственнаго, случайнаго порядка вещей. Какъ принципъ династическаго наслѣдства совокупляетъ самое разнородное, такъ принципъ равновѣсія раздробляетъ самое сродное, рѣжетъ по живому. Такимъ образомъ, во второй періодъ гармоническаго развитія культурныхъ европейскихъ силъ, послѣ окончанія тридцатилѣтней войны, на мѣсто идеи божественнаго государства Карла Великаго, на мѣсто идеи сюзеренства намѣстника Іисуса Христа надъ мірскими властями, выступаетъ на первый планъ идея отвлеченнаго государства. Конгрессы суть ея соборы, дипломаты—ея жрецы, политическое равновѣсіе—ея регулятивное начало. Во имя ея произноситъ Людовикъ XIV свое знаменитое „l'état c'est moi". Но, какъ въ области наукъ—искусственная система иногда совпадаетъ съ естественнымъ порядкомъ, изображеніемъ котораго должна служить система; такъ и въ искусственной политической системѣ, основанное на отвлеченномъ принципѣ значеніе государствъ можетъ иногда совпасть (подъ вліяніемъ преобладающей силы естественныхъ условій) съ естественнымъ значеніемъ ихъ, основаннымъ на началѣ національности. Такимъ образомъ, Франція была и при Людовикѣ XIV (какъ прежде, такъ и теперь) государствомъ вполнѣ естественнымъ, національнымъ. Но не вездѣ было столь счастливое совпаденіе, и противоположный Франціи случай представляетъ государство Австрійское. Между этими двумя крайностями существовало множество промежуточныхъ степеней. Сознанія значенія національности, какъ кореннаго начала, на которомъ должно основываться государство, достигла Европа только въ XIX столѣтіи.

Столѣтній періодъ, вѣкъ, какъ я уже замѣтилъ, имѣетъ самымъ очевиднымъ образомъ существенное значеніе въ ходѣ развитія Европы, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время ея исторіи; но преобладающій характеръ вѣка обозначается ясно не ранѣе его половины, по хронологическому лѣтосчисленію. Конечно, зарожденіе новаго направленія замѣтно гораздо ранѣе; но между многими сторонами, въ которыхъ обнаруживается общественная жизнь, трудно бываетъ угадать,—какая именно изъ этихъ сторонъ, какое изъ этихъ направленій получатъ тотъ преобладающій ха-

рактеръ, которымъ вѣкъ будетъ запечатлѣнъ. Такъ, только с
ловины XV столѣтія, книгопечатаніе, морскія открытія Порту
цевъ, разселеніе византійскихъ ученыхъ по взятіи Констант
поля, а также ослабленіе феодализма усилившеюся монархиче
властію,—начинаютъ то умственное движеніе и ту практиче
дѣятельность, которыя характеризуютъ переходъ къ такъ н
ваемой Новой исторіи. Это вѣкъ Возрожденія болѣе, чѣмъ в
номъ, обыкновенно разумѣемомъ, смыслѣ. Съ половины XVI ст
тія религіозные интересы охватываютъ всю Европу, и реф
ціонныя бури улегаются окончательно только въ половинѣ
дующаго столѣтія (1648 годъ). Съ половины XVII вѣка до поло
XVIII продолжается собственно то время, которое понимаютъ
именемъ вѣка Людовика XIV. Вѣкъ революціи съ возбужден
ею реакціями, реставраціями и новыми побѣдами политич
революціи продолжается до половины XIX столѣтія. До этого
мени и относительно XIX вѣка трудно было сказать, какая
разнообразныхъ сторонъ общественнаго движенія наложит
него свою печать, съ которою онъ перейдетъ въ потомство.

Сильное развитіе умозрительнаго идеально-философскаго
правленія въ Германіи, въ противоположность матеріалистиче
направленію XVIII вѣка, заставляло нѣкоторыхъ думать, что
нашъ заслужитъ имя философскаго. Но, уже съ сороковыхъ
довъ положительная наука получила несомнѣнное преоблада
развивающимся матеріализмомъ онъ не уступитъ своему пр
ственнику. Однако-же, признать положительно-научное направ
преобладающимъ характеромъ XIX вѣка потому нельзя, чт
не исключительно ему свойственно, а составляетъ вообще х
теръ европейской науки, и вѣка Галилея, Бэкона, Ньютона,
вуазье были не менѣе положительны въ этомъ смыслѣ. Н
также и потому, что именно въ теченіе значительной части
вѣка наука отклонилась было отъ этого направленія. Развитіе
мышленности съ бо̀льшимъ правомъ можетъ характеризовать
вѣкъ, но и въ этомъ отношеніи онъ продолжаетъ лишь
направленіе послѣднихъ столѣтій европейской жизни. При
торговая и колоніальная политика,—слѣдовательно интересы
матеріальные,—играли преобладающую роль и въ прежніе пе
европейской исторіи. Наконецъ, казалось, что вопросы соціа
экономическіе возьмутъ верхъ, какъ въ области теоріи, такъ
направленіи, которое примутъ народныя движенія, и къ

сороковыхъ годовъ это, казалось, уже и начало осуществляться *). Ко всеобщему ужасу, казалось наступалъ страшный кризисъ. Но съ того же времени выяснилось, что пора еще не пришла. Умы получили какъ бы другое направленіе, но перемѣна была только кажущаяся. Направленіе, сдѣлавшееся господствующимъ, началось гораздо ранѣе; его только мало примѣчали; подъ вліяніемъ идей другаго порядка, смѣшивали умышленно и неумышленно національныя движенія—съ движеніями политическими. На дѣлѣ же, эти національныя движенія были господствующимъ явленіемъ дѣятельной жизни народовъ съ самаго начала столѣтія.

Толчекъ, который довелъ національный вопросъ до сознанія европейскихъ народовъ, данъ былъ Наполеономъ I. Побуждаемый, какъ честолюбіемъ, такъ и роковымъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ, отъ побѣды къ побѣдѣ, дошелъ онъ до возстановленія имперіи Карла Великаго. Но, черезъ 1000 лѣтъ послѣ Карла, народы, входившіе въ составъ его монархіи, уже вполнѣ обособились въ національныя группы. Тѣ принципы объединенія, которыми обладалъ Карлъ, уже давно перестали существовать; новый же принципъ политической свободы, будто бы представляемый Наполеономъ, можно развѣ только въ шутку подкладывать въ основу зданія, воздвигавшагося французскимъ императоромъ. Слѣдовательно, вмѣсто новаго объединенія народовъ Европы, предпріятія Наполеона могли только заставить ихъ сильнѣе почувствовать свои національныя различія и свои національныя сродства. Гдѣ Наполеонъ имѣлъ дѣло съ политическимъ тѣломъ, основаннымъ на отвлеченномъ государственномъ принципѣ, тамъ побѣда была легка. Одержавъ своимъ военнымъ искусствомъ стратегическій и тактическій перевѣсъ надъ противникомъ, ему уже не оставалось ничего болѣе преодолѣвать. Но не такъ легко рѣшалась побѣда тамъ, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ живыми народными единицами, хотя бы и столь малосильными, какъ Испанія. Съ Испаніи и началось національное движеніе въ отпоръ французскому завоевателю. Въ 1809 году была первая вспышка германскаго національнаго духа, обратившаяся въ 1813 году въ сильное народное движеніе. Русское народное движеніе 1812 года не было собственно пробужденіемъ народнаго духа, потому что въ русскомъ народѣ онъ никогда и не спалъ въ національно-политическомъ

---

*) Повторилось и въ 1871 году. *Посмертн. примѣч.*

отношеніи. Народное возстаніе въ Сербіи падаетъ также на
вые годы нашего столѣтія. Послѣ замиренія, Вѣнскій конг
также мало, или еще меньше, обращалъ вниманія на націо
ность, чѣмъ его предшественникъ, — Вестфальскій конгрес
возбуждая противъ себя реакцію, также содѣйствовалъ соз
начала народности. Итальянское движеніе, начавшееся съ
цатыхъ годовъ, хотя и было окрашено цвѣтомъ политиче
революцій, но въ сущности было движеніемъ національны
продолжаясь съ небольшими промежутками до нашего вре
привело къ единству и къ политической самобытности итальян
народа. Греческое возстаніе заняло собою почти все третье
тилѣтіе XIX вѣка и недавно возобновилось въ Критѣ. Т
злонамѣренность могла смѣшивать это движеніе съ политиче
революціями. Бельгійская революція имѣла существенно-
нальный характеръ. Подобно тому, какъ при господствѣ к
либо эпидеміи, и всѣ прочія болѣзни принимаютъ подъ ея
ніемъ особый, этой эпидеміи соотвѣтственный характеръ, т
оба ксендзо-шляхетскіе польскіе мятежа приняли національну
окраску—хотя по существу своему имѣли (какъ и все пол
противународный характеръ. Восточная война была ведена
ными державами противъ національной политики Россіи по
шенію къ народамъ Балканскаго полуострова, а война ита
ская—въ помощь національной политикѣ Піемонта. Война
вигъ-гольштейнская и послѣдняя прусско-австрійская *)
имѣли своей цѣлью интересы нѣмецкой народности и послу
увѣнчаніемъ германскаго движенія, имѣвшаго съ 1848, и да
1813 года, постоянно національный характеръ, который вездѣ
живаетъ верхъ тамъ, гдѣ приходитъ въ столкновеніе съ ин
сами политической свободы, чего не могутъ понять только
ченные демократы въ родѣ Якоби. То же самое замѣчается
Италіи. Всѣ движенія мадьярскія преисполнены национал
духа, и изъ него только и происходятъ; временная примѣ
литически - революціоннаго элемента была только случайн
которая не имѣла на своей сторонѣ народныхъ симпатій. С
ское движеніе, начавшееся съ двадцатыхъ годовъ въ об
мысли и науки, почти не имѣетъ въ себѣ примѣси политич
и предметъ его—исключительно интересы народности. Подъ

*) Равно и франко-прусская. *Посмертн. примѣч*

ніемъ національной же идеи предпринялъ Наполеонъ III свою неудавшуюся мексиканскую экспедицію *).

Зоркій глазъ Наполеона III замѣтилъ существенно-національный характеръ всѣхъ стремленій XIX вѣка, и искусная рука его воспользовалась имъ для своихъ цѣлей, т. е. для отвлеченія умовъ отъ вопроса соціальнаго. Цѣль эта была достигнута, опасность отклонена на время, — пока рядъ движеній въ духѣ народности не довершитъ своего круга, пока возбужденныя ими столкновенія, которыя надолго привлекутъ къ себѣ вниманіе народовъ, не выкажутъ всѣхъ своихъ послѣдствій, конечно и не подозрѣваемыхъ Наполеономъ III въ то время, когда онъ провозглашалъ новый политическій принципъ. Въ мысляхъ Наполеона этотъ новый принципъ былъ, конечно, только предлогомъ для достиженія личныхъ цѣлей. Онъ надѣялся имъ управлять по своей волѣ и, кромѣ отвлеченія народнаго вниманія отъ вопросовъ, казавшихся ему болѣе опасными, думалъ извлечь изъ него и другія побочныя выгоды. Какъ бы ни были эгоистичны, неискренни, недальновидны и, пожалуй, мелочны разсчеты, которыми руководствовался повелитель Франціи, провозглашая національность высшимъ политическимъ принципомъ **), онъ заслуживаетъ полной благодарности уже за одно это провозглашеніе, выведшее это начало изъ-подъ спуда (гдѣ его смѣшивали съ разными подпольными революціонными махинаціями) на свѣтъ Божій.

Обоимъ Наполеонамъ суждено было, сознательно или безсознательно, выдвинуть на первый планъ вопросъ о политическомъ значеніи народности,—хотя Франціи и при второмъ Наполеонѣ, вѣроятно, принесетъ онъ столь же мало пользы, какъ и при первомъ. Съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ нельзя не отдать справедливости критикѣ Тьера. Франція пользуется тою вы-

*) Послѣдняя Русско-Турецкая война и предшествовавшая ей Сербо и Черногорско-Турецкая были уже чисто національныя; со стороны Россіи вдругъ пробудившійся національно-славянскій интересъ пересилилъ всѣ чисто политическія соображенія, которыя возобладали только по окончаніи войны, въ Берлинскомъ конгрессѣ, и надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что тѣ же національные вопросы вызовутъ въ недалекомъ будущемъ войну Россіи съ Австріею, а можетъ быть и съ Германіею.

**) Въ концѣ концовъ погубившимъ его. *Посмертн. примѣч.*

годою, что, будучи государствомъ вполнѣ національнымъ, она въ то же время признается всеобщимъ сознаніемъ европейскихъ государствъ, во всемъ объемѣ своемъ, необходимымъ членомъ системы, основанной на началѣ политическаго равновѣсія. Очевидно, что для французскаго политика необходимо опереться на то изъ этихъ началъ, которое обѣщаетъ ему больше выгодъ. Опираясь на политическое равновѣсіе, Франція конечно могла бы препятствовать — какъ объединенію Италіи, такъ и объединенію Германіи, сама же, если ничего не пріобрѣтала, то ничего и не теряла. Опираясь на принципъ національности, она, правда, пріобрѣла Савойю и можетъ имѣть притязаніе на французскую часть Бельгіи и пожалуй Швейцаріи, но за то должна внутренно сознаться, что пріобрѣла вопреки этому праву Ниццу и, такъ же точно, вопреки ему владѣетъ Корсикой. Но, если даже оставить это послѣднее обстоятельство безъ вниманія, не очевидно ли, что небольшія округленія французской территоріи не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми невыгодами, которыя представляетъ для нея объединеніе Германіи, угрожающее сосредоточеніемъ 45 милліоновъ въ одно государственное цѣлое, — на совершенно точномъ основаніи принципа національности. Мало того, такъ какъ вѣдь съ европейской точки зрѣнія за Славянами не признается никакой правоспособности, то нѣмецкое государство можетъ возрасти до 55 милліоновъ—присоединеніемъ всей не-венгерской Австріи, на что нѣкоторые ораторы Сѣверогерманскаго сейма и изъявляли уже надежды. Наконецъ, въ восточномъ вопросѣ принципъ національности ставитъ Францію въ самое возмутительное противорѣчіе съ самой собою.

Чтобъ отчасти нейтрализировать тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя принципъ національности могъ бы имѣть для Франціи, придали ему мелочной характеръ, придумавъ странный и совершенно нелѣпый способъ его примѣненія—посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая подача голосовъ предполагаетъ подчиненіе воли меньшинства—волѣ большинства. На какомъ же это основаніи? Очевидно на такомъ, что выше того интереса, въ которомъ высказывается противуположность большинства и меньшинства, существуетъ другой интересъ, или по-крайней мѣрѣ предполагается существованіе высшаго интереса, относительно котораго большинство и меньшинство между собою согласны,—и это-то согласіе по высшему интересу, имѣющему боль-

шее значеніе, чѣмъ оказавшееся разногласіе, заставляетъ меньшинство подчиняться большинству, если бы даже послѣднее не имѣло принудительной силы на своей сторонѣ. Французскій народъ избиралъ президента республики; большинство выбрало Наполеона; довольно значительное меньшинство подало голоса въ пользу Ламартина, Кавеньяка и Ледрю-Роллена. На какомъ же основаніи эти поклонники различныхъ республикъ (сантиментальной, идеальной и соціальной) подчинились республикѣ бонапартистской, очевидно маскировавшей собою имперію? Они подчинились потому, что преверженцы ихъ считали выше всего—начало единства Франціи, и такъ какъ, не нарушивъ его, нельзя было не подчиниться рѣшенію большинства, то ему и покорились добровольно. При выборѣ Линкольна въ Соединенныхъ Штатахъ оказалось противное этому явленію. Та система, которую представлялъ собою Линкольнъ, была южнымъ болѣе противна, чѣмъ самое распаденіе Союза, и они возстали. Тутъ не было высшаго принципа, соединявшаго меньшинство съ большинствомъ, и оно не подчинилось послѣднему, надѣясь на свои силы. Но какое же это высшее начало, которое при подачѣ голосовъ о національной судьбѣ какой либо страны должно одинаково признавать и большинство, и меньшинство? Оно заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ совершенно-произвольномъ предрѣшеніи вопроса о томъ, что призванная къ подачѣ голосовъ страна составляетъ нераздѣлимое и нераздробимое цѣлое. У Савойи спрашиваютъ, желаетъ ли она принадлежать къ Италіи, или къ Франціи. Но сама Савойя, неизвѣстно почему, считается какимъ-то недѣлимымъ политическимъ атомомъ. Очевидно, что результатъ подачи голосовъ будетъ зависѣть главнѣйше отъ того,—какія границы напередъ будутъ опредѣлены для страны, призываемой выразить свою народную волю. Если бы, напримѣръ, принять за цѣлое Польшу въ границахъ 1772 года, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что вся она была бы включена въ составъ Россійской имперіи; ибо—не говоря о томъ, что большинство народа въ Царствѣ Польскомъ подало бы голоса въ этомъ смыслѣ,—однѣхъ западныхъ губерній и восточной Галиціи было бы достаточно, чтобы перетянуть большинство на русскую сторону. Но можно подыскать такое дробленіе округовъ, что значительныя части западныхъ губерній пришлось бы отдѣлить отъ Россіи. Если строго держаться принципа выраженія народной воли, пришлось бы учредить немыслимую че-

резполосицу. Съ другой стороны, что̀ значитъ комедія подачи голосовъ, напримѣръ, въ Венеціи, въ сравненіи съ пятидесятилѣтнимъ непрерывнымъ заявленіемъ, что она хочетъ принадлежать Италіи? Народность не есть только право, но и обязанность. Одинъ народъ не только можетъ, но долженъ составлять одно государство. Какая же еще нужна тутъ подача голосовъ?

И такъ, ходъ историческаго воспитанія европейскихъ народовъ и свойства пройденной ими школы зависимости—имѣли тотъ результатъ, что, хотя эти народы и не утратили тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ ихъ способными замѣнить первобытную племенную волю — гражданскою свободою, но все же имѣли несчастіе, пройдя черезъ феодализмъ, по большей части утратить необходимую для этой свободы почву,—право на землю, на которой живутъ. Они отвоевали въ полномъ объемѣ свои личныя права отъ своихъ завоевателей, но земля осталась во власти этихъ послѣднихъ; а это противорѣчіе неизбѣжно ведетъ къ такому столкновенію, которое грозитъ всеобщею гибелью и разрушеніемъ. Лишившись матеріальной основы гражданской свободы, они съ этимъ вмѣстѣ лишились и нравственной основы — какъ этой свободы, такъ и вообще всей жизни, утвердивъ свои религіозныя вѣрованія или на хрубкомъ и гниломъ столбѣ папской непогрѣшимости, или на личномъ произволѣ протестантства. Слѣдствія этой религіозной лжи развиваются непрерывно и неудержимо, но еще не дошли до крайнихъ своихъ предѣловъ въ общемъ сознаніи народовъ; слѣдствія же противорѣчія въ области политической уже выказались въ первомъ столкновеніи, но дальнѣйшее его развитіе было предотвращено отклоненіемъ умовъ къ вопросамъ національнымъ. Эти національныя задачи, на западной, европейской почвѣ, сами по себѣ не имѣютъ большаго значенія и далеко уступаютъ въ важности прочимъ задачамъ (научной, религіозной, политической, общественно-экономической), выработывавшимся исторіею романо-германскихъ народовъ; онѣ даже почти развили все свое содержаніе и скоро должны были бы уступить мѣсто другимъ сторонамъ проявленія общественной жизни; но истинная важность ихъ заключается въ томъ, что въ нихъ лежитъ узелъ, связывающій міръ европейскій съ міромъ славянскимъ,—узелъ, чреватый событіями, которымъ на долгое время суждено запечатлѣть и опредѣлить собою характеръ исторіи обоихъ сталкивающихся культурно-историческихъ типовъ: романо-германскаго и славянскаго.

Всѣ политическія событія, проистекавшія изъ другихъ сторонъ европейскаго развитія, не имѣли прямаго отношенія къ Славянамъ. Въ вопросѣ научномъ, въ освобожденіи мысли отъ угнетавшаго ее авторитета, Славяне не принимали дѣятельнаго, активнаго участія. Результаты этого движенія идутъ и должны идти еще въ бо́льшей степени въ пользу Славянъ (какъ и всѣхъ вообще народовъ), но не иначе, какъ и тѣ результаты, которые достались въ наслѣдство отъ Грековъ и Римлянъ. Вопросъ религіозный до огромнаго большинства Славянъ не касался вовсе; тѣ же, которые были въ него по несчастію впутаны, — имѣли въ немъ лишь участіе пассивное, были угнетаемы, стѣсняемы, насильственно лишаемы истины, имъ всѣмъ въ началѣ преподанной. Единственное активное участіе Славянъ въ религіозной жизни Европы,— великое Гуситское движеніе, было направлено къ отрѣшенію отъ европейскаго пониманія вѣры, было стремленіемъ къ возвращенію въ православіе. Вмѣшательство славянскаго міра въ политическую борьбу Европы было также или невольное, какъ для народовъ Австріи, или хотя и вольное, но основанное на недоразумѣніи, какъ для Россіи. Буря французской революціи вызвала продолжительное (и имѣвшее рѣшительное вліяніе) участіе Россіи. Но съ чисто русской и славянской точки зрѣнія можно только пожалѣть о громадныхъ усиліяхъ, сдѣланныхъ Россіею для направленія въ извѣстномъ смыслѣ этой борьбы,—которая, въ сущности, такъ же мало касалась Россіи, какъ и революція Тайпинговъ въ Китаѣ, и не должна была бы вызывать ни такъ называемыхъ консервативныхъ, ни такъ называемыхъ прогрессивныхъ инстинктовъ и симпатій Россіи,— какъ къ дѣлу, для нея совершенно безразличному. Остается только жалѣть, что эти громадныя усилія не были (въ столь удобное время) обращены на рѣшеніе вопросовъ чисто-славянскихъ,—какъ Тильзитскій миръ представлялъ къ тому полную возможность. Конечно, такъ представляется вопросъ съ чисто-славянской точки зрѣнія. Вмѣшательство Россіи было, конечно, необходимо съ общей исторической точки зрѣнія, которой Россія и подчинилась. Какъ природа, такъ и исторія извлекаютъ всевозможные результаты изъ каждой созданной ими формы. Европѣ предстояло еще совершить обширный циклъ развитія, правильности котораго преобладаніе Франціи противупоставляло преграды, и Россія была призвана освободить отъ него Европу. Роль Россіи была, повидимому, цар-

ственная; но въ сущности это была лишь роль служебная. Теперь Европа, и именно Франція, провозглашаетъ принципъ національности, который не только не имѣетъ большаго значенія, но даже вреденъ для нея,—и тѣмъ отплачиваетъ Россіи и Славянству, играя по отношенію къ нимъ также служебную роль, и воображая, что дѣйствуетъ сообразно съ своими собственными интересами.

Поэтому, вопросъ о національностяхъ, начавшій теперь занимать первое мѣсто въ жизни и дѣятельности народовъ, и связывающій міры романо-германскій и славянскій, составитъ самый естественный переходъ къ тѣмъ особенностямъ историческаго воспитанія, которое получила Россія во время сложенія ея государственнаго строя,—къ особенностямъ тѣхъ формъ зависимости, которымъ подвергался русскій народъ, при переходѣ отъ племенной воли къ гражданской свободѣ, въ пользованіе которою и онъ начинаетъ вступать.

Первый толчекъ, положившій начало тысячелѣтнему процессу образованія русскаго государства, былъ сообщенъ славянскимъ племенамъ, разсѣяннымъ по пространству нынѣшней Россіи, призваніемъ Варяговъ. Самый фактъ призванія, замѣнившій для Россіи завоеваніе, существенно важный для психологической характеристики славянства, въ занимающемъ насъ теперь отношеніи не имѣетъ большаго значенія. И Англо-Саксы были призваны Британцами для защиты ихъ отъ набѣговъ Пиктовъ и Скоттовъ; со всѣмъ тѣмъ, однако же, порядокъ вещей, введенный первыми въ Англіи, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, который былъ введенъ въ другихъ европейскихъ странахъ,—и призваніе въ этомъ случаѣ по своимъ послѣдствіямъ было равносильно завоеванію. Это, конечно, могло бы случиться и съ русскими Славянами, если бы пришельцы, призванные для избавленія отъ внутреннихъ смутъ, были многочисленнѣе. Но, по счастію, призванное племя было малочисленно, какъ это доказывается уже тѣмъ, что до сихъ поръ существуетъ возможность спорить о томъ,—кто такіе были Варяги. Если бы ихъ численность была значительнѣе, то они не могли бы почти безслѣдно распуститься въ массѣ славянскаго народонаселенія,—такъ что уже внукъ Рюрика носитъ славянское имя, а правнукъ его, Владиміръ, сдѣлался въ народномъ понятіи типомъ чисто-славянскаго характера. Если бы и не осталось никакихъ лѣтописныхъ извѣстій о томъ, кто были Англы,

Саксы, Франки, или Норманны Вильгельма-Завоевателя, то вопросъ этотъ подлежалъ бы безспорному рѣшенію на основаніи одного изученія языка и учрежденій, въ которыхъ отпечатался характеръ національностей названныхъ завоевателей. Эта-то малочисленность Варяговъ, даже помимо ихъ призванія, не позволила имъ внести въ Россію того порядка вещей, который въ другихъ мѣстахъ былъ результатомъ преобладанія народности господствующей надъ народностью подчиненною. Поэтому Варяги послужили только закваскою, дрожжами, пробудившими государственное движеніе въ массѣ Славянъ, жившихъ еще одною этнографическою, племенною жизнью,—но не могли положить основанія ни феодализму, ни другой какой-либо формѣ зависимости одного народа отъ другаго. Между первымъ толчкомъ, сообщившимъ государственное направленіе жизни русскимъ Славянамъ, и между германскимъ завоеваніемъ, положившимъ начало европейской исторіи, существуетъ (если мнѣ позволено будетъ сдѣлать это сравненіе) то же отношеніе, какъ между оспою прививною и оспою натуральною. Послѣдняя, дѣйствуя сильно на организмъ, производитъ въ немъ органическій переворотъ и большею частью, даже при счастливомъ исходѣ, оставляетъ за собою на всю жизнь сохраняемые слѣды. Она проводитъ глубокія борозды по лицу, искажаетъ его, уродуетъ и нерѣдко поражаетъ зрѣніе и другіе существенно важные органы. Оспа прививная, напротивъ того, имѣетъ лишь однѣ благодѣтельныя послѣдствія натуральной, охраняетъ организмъ отъ будущей заразы, но не искажаетъ, не уродуетъ его. Съ другой стороны, однако-же, и охраненіе, ею оставляемое на будущее время, не столь дѣйствительно, какъ то, которое даетъ оспа натуральная. Дѣйствуя слабѣе, прививная оспа, чтобѣ сохранить свою дѣйствительность, должна время отъ времени повторяться. Первобытная государственность Россіи, лишенная помощи феодализма, или не могла бы сообщаться изъ Новгорода и Кіева обширнымъ странамъ, населеннымъ славянскими и финскими народами, племенная воля которыхъ находилась подъ охраною необозримаго пространства лѣсовъ, болотъ и степей; — или между обширными окраинами и небольшимъ ядромъ должно бы установиться отношеніе метрополіи къ колоніямъ, родъ данничества, въ которомъ исчезла бы равноправность всѣхъ частей Россіи по отношенію къ правительственному центру. Этому недостатку пособила удѣльная система. Посредствомъ ея, съ одной стороны распро-

странилась государственность, съ другой, каждой части сохранена была равноправность, какъ особому самостоятельному княжеству. Этотъ процессъ можно уподобить такъ называемому физіологическому процессу проборожденія, которымъ сообщается оплодотворяющая сила всему содержанію желтка. Взаимныя отношенія членовъ княжескаго дома сохранили связь частей государства; но, съ умноженіемъ княжескаго рода, съ ослабленіемъ связи между его членами въ послѣдовательности поколѣній, одного великокняжескаго центра становилось недостаточно. Не только увеличивалось число княженій, но, по мѣрѣ этого увеличенія, образовывались и новые великокняжескіе центры. Процессъ этотъ не успѣлъ достигнуть своихъ послѣднихъ предѣловъ; но, продолжая его умственно, невольно приходишь къ тому заключенію, что онъ могъ имѣть только два исхода. Если бы государственный элементъ, выражавшійся князьями и ихъ дружиною, получилъ полное преобладаніе, то удѣльной системѣ предстояло переродиться въ настоящій феодализмъ, въ крайнее разложеніе, примѣръ котораго представляетъ средневѣковая Германія, но—безъ объединяющей власти императора и папы; народная свобода погибла бы подъ гнетомъ мелкихъ тирановъ. При преобладаніи же народнаго племеннаго начала, какъ это и было въ Россіи, самой государственности предстояла гибель черезъ обращеніе князей въ мелкихъ племенныхъ вождей, безъ всякой между собою связи; народная воля была бы спасена, но племена не слились бы въ одинъ народъ подъ охраною одного государства. Во избѣжаніе этого былъ необходимъ новый пріемъ государственности, и онъ былъ данъ Россіи нашествіемъ Татаръ.

Сверхъ призванія Варяговъ, замѣнившаго собою западное завоеваніе,—призванія, которое оказалось слишкомъ слабымъ, дабы навсегда сообщить государственный характеръ русской жизни,—оказалась надобность въ другой формѣ зависимости — въ данничествѣ. Но и данничество это имѣло тотъ же слабый прививной характеръ, какъ и варяжское призваніе. Когда читаемъ описанія татарскаго нашествія, оно кажется намъ ужаснымъ, сокрушительнымъ. Оно, безъ сомнѣнія, и было таковымъ для огромнаго числа отдѣльныхъ лицъ, терявшихъ отъ него жизнь, честь, имущество; но для цѣлаго народа, какъ существа коллективнаго, и татарское данничество должно почитаться очень легкою формою зависимости. Татарскіе набѣги были тяжелы и опустошительны,

но татарская власть была легка сравнительно съ примѣрами данничества, которые представляетъ намъ исторія (напримѣръ, сравнительно съ данничествомъ Грековъ и Славянъ въ Турціи). Степень культуры, образъ жизни осѣдлыхъ русскихъ Славянъ и татарскихъ кочевниковъ были столь различны, что не только смѣшеніе между ними, но даже всякая власть послѣднихъ надъ первыми не могла глубоко проникать, должна была держаться одной поверхности. Этому способствовалъ характеръ мѣстности, который дозволилъ нашимъ завоевателямъ сохранить свой привычный и любезный образъ жизни въ степяхъ задонскихъ и заволжскихъ. Вся эта буря прошла бы даже можетъ быть почти безслѣдно (какъ безъ постояннаго вреда, такъ и безъ постоянной пользы), если бы геній зарождавшейся Москвы не умѣлъ приспособиться къ обстоятельствамъ и извлечь всей выгоды изъ отношеній между покорителями и покоренными. Видя невозможность противиться силѣ и сознавая необходимость предотвращать опустошительные набѣги своевременною уплатою дани, покоренные должны были внести болѣе строгія формы народной зависимости по отношенію къ государству. Дань, подать составляетъ всегда для народа, непостигающаго ея необходимости, эмблему наложенной на него зависимости, главную причину вражды его къ государственной власти. Онъ противится ей сколько можетъ; нужна сила, чтобы принудить его къ уплатѣ. Чтобы оградить себя отъ излишнихъ поборовъ, народъ требуетъ представительства въ той или другой формѣ, ожидая, что, раздѣляя его интересы, оно не разрѣшитъ никакого побора, который не оправдывался бы самою существенною необходимостью. Московскіе князья имѣли ту выгоду на своей сторонѣ, что вся ненавистная сторона мытарства падала на орду,—орда же составляла ту силу, которая одною угрозою заставляла народъ платить дань. Москва являлась если не избавительницею, то облегчительницею той тягости, которую заставляло нести народъ иноплеменное иго. Кромѣ самаго понятія о государственной власти (коренящагося въ духѣ славянскихъ народовъ), въ этомъ посредничествѣ Московскихъ князей, избавлявшихъ народъ отъ прямаго отношенія къ Татарамъ, кроется, безъ сомнѣнія, то полное довѣренности и любви чувство, которое русскій народъ сохраняетъ къ своимъ государямъ. Такимъ образомъ, московскіе князья, а потомъ цари, совмѣстили въ себѣ всю полноту власти, которую завоеваніе вручило Татарамъ,—оставивъ на долю этихъ послѣднихъ то, что

всякая власть заключаетъ въ себѣ тягостнаго для народа,—особенно для народа, непривыкшаго еще къ гражданскому порядку и сохранившаго всѣ преданія племенной воли. Московскіе государи, такъ сказать, играли роль матери семейства, которая, хотя и настаиваетъ на исполненіи воли строгаго отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ отъ его гнѣва, и потому столько же пользуются авторитетомъ власти надъ своими дѣтьми, сколько и нѣжною ихъ любовью.

Но, когда иноплеменное иго было свергнуто, — страшилище, заставлявшее безропотно сносить всю тягость государственной власти, исчезло, а съ нимъ исчезла и самая сила, посредствомъ которой московскіе государи проводили въ русскій народъ государственное объединеніе. Ее надо было обрѣсти въ собственныхъ средствахъ. Такихъ средствъ было очень мало, а препятствій, которыя надлежало преодолѣть, очень много. Главное препятствіе, опять таки, составляли пространство и природа русской области. Какая нужда подчиняться суровымъ требованіямъ государственнаго порядка, личной службы, денежнымъ уплатамъ, когда лѣса представляли такія непроницаемыя убѣжища, что даже въ наши дни, отъ времени до времени, открываются цѣлыя поселенія, успѣвшія скрыться въ нихъ отъ зоркаго глаза исправниковъ и становыхъ,—когда обширныя степи, очищенныя отъ могущественныхъ хищниковъ, представляли столько раздолья и столько свободы, — когда рѣки и моря, съ безпримѣрнымъ обиліемъ рыбы, доставляли легкое пропитаніе и даже прибыльный промыселъ? Какія же были средства у государства безъ постояннаго войска, безъ многочисленной арміи чиновниковъ, безъ организованной феодальной іерархіи, и при маломъ развитіи промышленности, при ничтожной городской дѣятельности, безъ денегъ на то, чтобы создать и содержать войско и администранію? И дѣйствительно, государственность на Руси была еще такъ слаба, что, какъ только прекращеніе стариннаго царскаго дома разорвало ту связь любви и привычки, которая образовалась въ теченіе вѣковъ,—государство рухнуло подъ слабыми ударами Поляковъ,—даже не государства Польскаго, а отдѣльныхъ польскихъ шаекъ. Его возстановилъ народный духъ, никакимъ правительствомъ неруководимый. 750 лѣтъ, протекшихъ отъ основанія Руси до времени Минина, создали единый цѣлый народный организмъ, связанный нравственно духовною связью, но не успѣли еще образовать плотнаго

государственнаго тѣла. Очевидно, что такое обращеніе, при всякой опасности, къ самымъ тайникамъ народной жизни было слишкомъ рисковано и не могло считаться нормальнымъ порядкомъ вещей. Безъ этого народнаго духа всякая государственность есть тлѣнъ и прахъ; но вѣдь государство затѣмъ главнѣйше и существуетъ, чтобы его охранять, — чтобы, будучи оживляемо имъ, придавать стройность и единство его проявленіямъ въ защитѣ народности. Безъ этой стройности и единства, даже самый бодрый народный духъ могъ бы оказаться недостаточнымъ для борьбы съ силами болѣе сосредоточенными и лучше направленными, нежели силы Польскаго государства. Но чѣмъ же было придать эту силу государству? При тогдашнихъ обстоятельствахъ не было другаго средства, какъ закрѣпленіе всего народа въ крѣпость государству. Годуновъ предчувствовалъ его необходимость, Петръ его довершилъ. Для упроченія русскаго государства,—чего не могли довершить ни добровольное призваніе иноплеменниковъ, ни насильственно-наложенное данничество, имѣвшія слишкомъ легкій, прививной характеръ,—надо было прибѣгнуть къ крѣпостной неволѣ, т. е. къ формѣ феодализма, опять таки отличающейся отъ настоящаго самороднаго феодализма, какъ искуственно привитая болѣзнь—отъ болѣзни натуральной.

Что крѣпостное состояніе есть форма феодализма — въ томъ обширномъ смыслѣ, который выше былъ приданъ этому слову,— въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, такъ какъ оно заключало всѣ существенные его признаки: почти безграничную власть лицъ привилегированнаго сословія надъ частью народа, подъ условіемъ несенія государственной службы. Хотя и не таково было начало крѣпостнаго права на Руси, но таковъ былъ характеръ его, когда оно достигло своего полнаго развитія при Петрѣ. Для насъ, на глазахъ которыхъ крѣпостное право было отмѣнено, и которые видѣли все неразлучное съ нимъ зло,—тягость, налагаемая имъ на народъ, кажется чрезмѣрною, и трудно даже рѣшиться назвать его легкою формою зависимости. Но все въ мірѣ—сравнительно, а сравнивать надо только явленія однородныя, и если сопоставить наше крѣпостное право съ европейскимъ феодализмомъ, смягченный образчикъ котораго мы можемъ видѣть на Латышахъ и Эстахъ прибалтійскихъ губерній, то, конечно, крѣпостная зависимость окажется легкою. Одноплеменность и единовѣріе господъ съ ихъ крестьянами, а также свойственная русскому характеру мягкость

и добродушіе смягчали тягость крѣпостной зависимости во всѣ періоды ея развитія; но, кромѣ этого, каждый изъ періодовъ, въ которыхъ крѣпостное право имѣло особый характеръ, представлялъ и особыя условія, смягчавшія его тягость. Первымъ періодомъ можно считать установленіе крѣпостныхъ отношеній — до окончательнаго ихъ утвержденія введенною Петромъ ревизіею. Въ это время свободный переходъ крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику еще не прекратился на дѣлѣ; кромѣ того, слабость государственной власти, смуты, занимавшія начало этого періода, были обстоятельствами, не допускавшими развитія всей тягости крѣпостнаго права. Съ ревизіи, установленной Петромъ, это измѣнилось: крестьяне были отданы въ полную зависимость помѣщикамъ, на которыхъ лежала обязанность безнедоимочной поставки рекрутъ и уплаты податей; но это собственно была тягость, налагаемая государствомъ, а не личнымъ произволомъ, который почти вовсе не имѣлъ возможности проявляться, такъ какъ и дворянство было такъ же точно записано въ крѣпость государству и всю жизнь свою обязано было проводить на службѣ. Съ грамоты о вольности дворянства начинается третій періодъ крѣпостнаго права, въ который оно собственно потеряло уже причину своего существованія. Въ теоріи—обратилось оно въ чистое злоупотребленіе, такъ какъ государство получило возможность платить своимъ слугамъ и содержать ихъ иначе, нежели предоставляя имъ право на обязательный трудъ крестьянъ; на практикѣ — тягость для крестьянъ также должна была значительно увеличиться послѣ того, какъ дворяне получили право выходить въ отставку и проживать въ своихъ имѣніяхъ. Но, если мы обратимъ вниманіе на то, что тогда господствовало еще натуральное хозяйство, — что помѣщики по большей части довольствовались произведеніями своего имѣнія, имѣли большіе запасы хлѣба (которымъ, за неимѣніемъ сбыта, кормили многочисленную дворню), большіе запасы овса (которымъ кормили лошадей своихъ сосѣдей, наѣзжавшихъ къ нимъ гостить по цѣлымъ недѣлямъ), курили свое вино, настаивали его на ягодахъ изъ своихъ садовъ и лѣсовъ, подслащивали эти наливки медомъ изъ своихъ пасѣкъ, и, вообще, довольствовались произведеніями своего имѣнія, не имѣя ни возможности, ни потребности выручать съ него много денегъ и покупать на нихъ разныя удобства жизни; — то увидимъ, что помѣщикамъ не было никакого резона слишкомъ отягощать своихъ крестьянъ работою.

Дворовые терпѣли отъ личнаго произвола, отъ вспышекъ гнѣва, отъ жестокости характера, или распутства инаго помѣщика, но и это было исключеніемъ, а главное—не распространялось на массу крестьянскаго сословія. Часто даже жестокіе владѣльцы, невыносимые тираны своей дворни, были очень хорошими помѣщиками для крестьянъ (какъ, напримѣръ, Куролесовъ въ Семейной хроникѣ С. Т. Аксакова), чему каждый отыщетъ въ своей памяти не одинъ примѣръ. Послѣдній и самый тяжелый періодъ крѣпостнаго права наступилъ съ того времени, какъ понятія о роскоши и европейскомъ комфортѣ проникли изъ столицъ въ губерніи и уѣзды, а развивающіяся промышленность и торговля замѣнили натуральное хозяйство—денежнымъ. Для всякаго продукта непосредственнаго потребленія скоро достигается предѣлъ, далѣе котораго въ немъ не чувствуетъ уже надобности самый расточительный человѣкъ; для денегъ же предѣла насыщенія не существуетъ. Поэтому, несмотря на общее смягченіе нравовъ, на уменьшеніе примѣровъ дикаго произвола, на многіе законы, стѣснявшіе произволъ помѣщиковъ надъ подвластными имъ людьми,—самое послѣднее время существованія крѣпостнаго права едва-ли не было самымъ тяжелымъ, какъ это впрочемъ совершенно основательно указано въ самомъ манифестѣ, которымъ объявлялось прекращеніе крѣпостной зависимости въ Россіи. Поэтому, кажется мнѣ, я имѣлъ право сказать, что и крѣпостное право —эта русская форма феодализма (точно такъ же, какъ призваніе Варяговъ—русская форма завоеванія, какъ владычество татаръ — русская форма данничества), употребленная московскими государями для политической централизаціи Руси,—имѣло сравнительно легкій характеръ.

Исчезло наконецъ и крѣпостное право—эти послѣдніе подмостки, употребленные при постройкѣ нашей государственности. Русскій народъ перешелъ черезъ различныя формы зависимости, которыя должны были сплотить его въ единое тѣло, отучить отъ личнаго племеннаго эгоизма, пріучить къ подчиненію своей воли высшимъ, общимъ цѣлямъ,—и цѣли эти достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основѣ; и однако-же, въ теченіе этого тысячелѣтняго процесса, племенной эгоизмъ не замѣнился сословнымъ,—русскій народъ, не утративъ своихъ нравственныхъ достоинствъ, не утратилъ и вещественной основы для дальнѣйшаго своего развитія, ибо сохранилъ владѣніе землею въ несравненно большей степени, нежели какой бы то ни было европейскій на-

родъ. И не только сохранилъ онъ это владѣніе, но и обезпечилъ его себѣ на долгіе вѣка общинною формою землевладѣнія. Онъ вполнѣ приготовленъ къ принятію гражданской свободы взамѣнъ племенной воли, которой (какъ всякій историческій народъ) онъ долженъ былъ лишиться во время своего государственнаго роста. Доза свободы, которую онъ можетъ вынести, съ одной стороны—больше, чѣмъ для всякаго другаго народа, потому что, обладая землею, онъ одаренъ въ высшей степени консервативными инстинктами, такъ какъ его собственное положеніе не находится въ противорѣчіи съ его политическою будущностью; съ другой-же стороны, сами политическія требованія или, лучше сказать, надежды его въ высшей степени умѣренны, такъ какъ, за отсутствіемъ (въ теченіе всей его жизни) внутренней междоусобной исторической борьбы между различными слоями русскаго общества, онъ не видитъ во власти—врага (противъ котораго чувство самосохраненія заставляло-бы его принимать всевозможныя средства предосторожности), а относится къ ней съ полнѣйшею довѣренностью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ — БОЛѢЗНЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной.
Хомяковъ.

И такъ, духовное и политическое здоровье характеризуетъ русскій народъ и русское государство, между тѣмъ какъ Европа — въ духовномъ отношеніи—изжила уже то узкое религіозное понятіе, которымъ она замѣнила вселенскую истину, и достигла геркулесовыхъ столбовъ, откуда надо пуститься или въ безбрежный океанъ отрицанія и сомнѣнія, или возвратиться къ свѣтоносному востоку;—въ политическомъ же отношеніи—дошла до непримиримаго противорѣчія между требованіями выработанной всей ея жизнью личной свободы и сохраняющимъ на себѣ печать завоеванія распредѣленіемъ собственности. Если, однако, мы вглядимся въ русскую жизнь, то скоро увидимъ, что и ея здоровье—неполное. Она не страдаетъ, правда, неизлечимыми органическими недугами, изъ которыхъ нѣтъ другаго исхода, какъ этнографическое разложеніе; но одержима, однако же, весьма серіозною болѣзнью, которая также можетъ сдѣлаться гибельною, постоянно истощая организмъ, лишая его производительныхъ силъ. Болѣзнь эта тѣмъ болѣе ужасна, что (подобно собачьей старости) придаетъ видъ дряхлости молодому облику полнаго жизни русскаго общественнаго тѣла и угрожаетъ ему если не смертью, то худшимъ смерти—безплоднымъ и безсильнымъ существованіемъ.

Кромѣ трехъ фазисовъ развитія государственности, которые перенесъ русскій народъ, и которые, будучи въ сущности легкими, вели къ устройству и упроченію русскаго государства, не лишивъ народа ни одного изъ условій, необходимыхъ для пользованія гражданскою свободой, какъ полною замѣной племенной воли, — Россія должна была вынести еще тяжелую операцію, извѣстную подъ именемъ петровской реформы. Въ то время цивилизація Европы начала уже въ значительной степени получать практическій характеръ, вслѣдствіе котораго различныя открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя ею въ области наукъ и промышленности, получили примѣненіе къ ея государственному и гражданскому строю. Невѣжественный, чисто земледѣльческій Римъ, вступая въ борьбу съ торговымъ, промышленнымъ и несравненно его просвѣщеннѣйшимъ Карѳагеномъ, могъ съ единственною помощію патріотизма и преданности общему благу, съ самаго начала побѣдоносно сразиться съ нимъ даже на морѣ, составлявшемъ до того времени совершенно чуждый Риму элементъ. Такъ просты были въ то время тѣ средства, которыя употребляли государства въ борьбѣ не только на сухомъ пути, но даже и на морѣ. Но уже въ началѣ XVIII вѣка и даже ранѣе, никакая преданность отечеству, никакой патріотизмъ не могли уже замѣнить собою тѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыя сдѣлали изъ кораблестроенія, мореплаванія, артиллеріи, фортификаціи и т. д. настоящія науки, и притомъ—весьма сложныя. Съ другой стороны, потребности государственной обороны, сдѣлавшись столь сложными, по необходимости требовали для своей успѣшности особаго класса людей, всецѣло преданныхъ военнымъ цѣлямъ; содержаніе же этого многочисленнаго класса требовало столькихъ издержекъ, что, безъ усиленнаго развитія промышленности, у государства не хватило бы средствъ для его содержанія. Слѣдовательно, самая существенная цѣль государства (охрана народности отъ внѣшнихъ враговъ) требовала уже въ извѣстной степени техническаго образованія, — степени, которая съ тѣхъ поръ, особливо со второй четверти XIX вѣка не переставала возрастать въ сильной пропорціи.

Къ началу XVIII вѣка Россія почти окончила уже побѣдоносную борьбу съ своими восточными сосѣдями. Духъ русскаго народа, пробужденный событіями, подъ водительствомъ двухъ приснопамятныхъ людей: Минина и Хмѣльницкаго, одержалъ также побѣду надъ измѣнившею народнымъ славянскимъ началамъ поль-

скою шляхтою, хотѣвшею принудить и русскій народъ къ той же измѣнѣ. Не въ далекомъ будущемъ предстояла, безъ сомнѣнія, борьба съ тѣми или другими народами Европы, которые, съ свойственными всѣмъ сильнымъ историческимъ дѣятелямъ предпріимчивостью и честолюбіемъ, всегда стремились расширить свою власть и вліяніе во всѣ стороны,—какъ черезъ моря на западъ, такъ и на востокъ. Der Drang nach Osten выдуманъ не со вчерашняго дня. Для этой несомнѣнно предстоявшей борьбы необходимо было укрѣпить русскую государственность заимствованіями изъ культурныхъ сокровищъ, добытыхъ западною наукою и промышленностью,—заимствованіями быстрыми, не терпящими отлагательства до того времени, когда Россія, слѣдуя медленному естественному процессу просвѣщенія, основанному на самородныхъ началахъ, успѣла бы сама доработаться до необходимыхъ государству практическихъ результовъ просвѣщенія. Петръ созналъ ясно эту необходимость, но (какъ бóльшая часть великихъ историческихъ дѣятелей) онъ дѣйствовалъ не по спокойно обдуманному плану, а со страстностью и увлеченіемъ. Познакомившись съ Европою, онъ, такъ-сказать, влюбился въ нее и захотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, онъ заключилъ о превосходствѣ самаго растенія, ихъ приносившаго, надъ русскимъ еще безплоднымъ дичкомъ (не принявъ во вниманіе разности въ возрастѣ, не подумавъ, что для дичка можетъ быть еще не пришло время плодоношенія), и потому захотѣлъ срубить его подъ самый корень и замѣнить другимъ. Такой замѣнъ возможенъ въ предметахъ мертвыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ внѣшней, чуждой имъ идеи. Можно, не переставая жить въ домѣ, измѣнить фасадъ его, замѣнить каждый камень, каждый кирпичъ, изъ которыхъ онъ построенъ, другими кирпичами или камнями; но по отношенію къ живому существу, образовавшемуся подъ вліяніемъ внутренняго самобытнаго образовательнаго начала, такія замѣщенія невозможны; они могутъ только его искалѣчить.

Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлеченіе, то къ Россіи относился онъ двояко. Онъ вмѣстѣ и любилъ, и ненавидѣлъ ее. Любилъ онъ въ ней собственно ея силу и мощь, которую не только предчувствовалъ, но уже сознавалъ,—любилъ въ ней орудіе своей воли и своихъ плановъ, любилъ матеріалъ для зданія, которое намѣревался возвести по образу и подобію зародившейся въ немъ идеи, подъ вліяніемъ европейскаго образца;

ненавидѣлъ же самыя начала русской жизни—самую жизнь эту, какъ съ ея недостатками, такъ и съ ея достоинствами. Если бы онъ не ненавидѣлъ ее со всею страстностью своей души, то обходился бы съ нею осторожнѣе, бережнѣе, любовнѣе.— Потому въ дѣятельности Петра необходимо строго отличать двѣ стороны: его дѣятельность государственную, всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія, и его дѣятельность реформативную въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣ измѣненія въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ, которыя онъ старался произвести въ русскомъ народѣ. Первая дѣятельность заслуживаетъ вѣчной признательной, благоговѣйной памяти и благословенія потомства. Какъ ни тяжелы были для современниковъ его рекрутскіе наборы (которыми онъ не только пополнялъ свои войска, но строилъ города и заселялъ страны), введенная имъ безжалостная финансовая система, монополіи, усиленіе крѣпостнаго права, однимъ словомъ, запряженіе всего народа въ государственное тягло,—всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ имя Великаго—имя основателя русскаго государственнаго величія. Но дѣятельностью второго рода онъ не только принесъ величайшій вредъ будущности Россіи (вредъ, который такъ глубоко пустилъ свои корни, что доселѣ еще разъѣдаетъ русское народное тѣло), онъ даже совершенно безполезно затруднилъ свое собственное дѣло: возбудилъ негодованіе своихъ подданныхъ, смутилъ ихъ совѣсть, усложнилъ свою задачу, самъ устроилъ себѣ препятствія, на побореніе которыхъ долженъ былъ употреблять огромную долю той необыкновенной энергіи, которою былъ одаренъ и которая конечно могла бы быть употреблена съ бо̀льшею пользою. Къ чему было брить бороды, надѣвать нѣмецкіе кафтаны, загонять въ ассамблеи, заставлять курить табакъ, учреждать попойки (въ которыхъ даже пороки и распутство должны были принимать нѣмецкую форму), искажать языкъ, вводить въ жизнь придворную и высшаго общества иностранный этикетъ, мѣнять лѣтосчисленіе, стѣснять свободу духовенства? Къ чему ставить иностранныя формы жизни на первое почетное мѣсто, и тѣмъ накладывать на все русское печать низкаго и подлаго, какъ говорилось въ то время? Неужели это могло укрѣпить народное сознаніе? Конечно, однихъ государственныхъ нововведеній (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что̀ всему даетъ крѣпость и силу, т. е. просвѣщеніе; но что̀ же имѣли общаго съ истиннымъ

просвѣщеніемъ всѣ эти искаженія народнаго облика и характера? Просвѣщеніе къ тому же не насаждается по произволу, какъ мѣняется форма одежды, или вводится то или другое административное устройство. Его слѣдовало не насаждать извнѣ, а развивать изнутри. Ходъ его былъ бы медленнѣе, но за то вѣрнѣе и плодотворнѣе.

Какъ бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный ладъ. Сначало это удалось только относительно верхнихъ слоевъ общества, на которые дѣйствіе правительства сильнѣе и прямѣе, и которые вообще вездѣ и всегда податливѣе на разные соблазны. Но мало по-малу это искаженіе русской жизни стало распространяться и въ ширь и въ глубь, т. е. расходиться отъ высшихъ классовъ на занимающіе болѣе скромное мѣсто въ общественной іерархіи, и съ наружности — проникать въ самый строй чувствъ и мыслей подвергшихся обезнародовающей реформѣ. Послѣ Петра наступили царствованія, въ которыхъ правящія государствомъ лица относились къ Россіи уже не съ двойственнымъ характеромъ ненависти и любви, а съ одною лишь ненавистью, съ однимъ презрѣніемъ, которымъ такъ богато одарены нѣмцы ко всему славянскому, въ особенности ко всему русскому. Послѣ этого тяжелаго періода долго еще продолжались, да и до сихъ поръ продолжаются еще, колебанія между предпочтеніемъ то русскому какъ при Екатеринѣ Великой, то иностранному, какъ при Петрѣ III, или Павлѣ. Но, подъ вліяніемъ толчка, сообщеннаго Петромъ, самое понятіе объ истинно-русскомъ до того исказилось, что, даже въ счастливые періоды національной политики (какъ внѣшней, такъ и внутренней), русскимъ считалось нерѣдко такое, что̀ вовсе этого имени не заслуживало. Говоря это, я разумѣю вовсе не одно правительство, а все общественное настроеніе, которое, электризуясь отъ времени до времени русскими патріотическими чувствами, все болѣе и болѣе однако же обезнародовалось подъ вліяніемъ европейскихъ соблазновъ и принимало какой-то общеевропейскій колоритъ: то съ преобладаніемъ французскихъ, то нѣмецкихъ, то англійскихъ колеровъ, смотря по обстоятельствамъ времени и по слоямъ и кружкамъ, на которые разбивается общество.

Болѣзнь эту, вотъ уже полтора столѣтія заразившую Россію, все расширяющуюся и укореняющуюся, и только въ послѣднее

время указывать нѣкоторые признаки облегченія *), принятіе его, кажется мнѣ, назвать европейничаньемъ — и коренной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся будущность, вся судьба не только Россіи, но и всего Славянства, заключается въ томъ: будетъ ли эта болѣзнь имѣть такой доброкачественный характеръ, которымъ отличались и введеніе государственности иноплеменниками русскимъ славянамъ, и татарское данничество, и русская форма феодализма, — окажется ли эта болѣзнь временною, которая подвергнетъ организмъ благодѣтельному перевороту, излечится, не оставивъ за собою вредныхъ неизгладимыхъ слѣдовъ, подтачивающихъ самую основу народной жизненности? Сначала разсмотримъ симптомы этой болѣзни, по крайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ нихъ; а потомъ уже оглянемся кругомъ, чтобы посмотрѣть — не приготовлено ли и для нея лекарства, не положена ли уже сѣкира у корня ея.

Всѣ формы европейничанья, которыми такъ богата русская жизнь, могутъ быть подведены подъ слѣдующіе три разряда:

1) Искаженіе народнаго быта и замѣна формъ его — формами чуждыми, иностранными; — искаженіе и замѣна, которые, начавшись съ внѣшности, не могли не проникнуть въ самый внутренній строй понятій и жизни высшихъ слоевъ общества — и не проникать все глубже и глубже.

2) Заимствованіе разныхъ иностранныхъ учрежденій и пересадка ихъ на русскую почву — съ мыслію, что хорошее въ одномъ мѣстѣ должно быть и вездѣ хорошо.

3) Взглядъ какъ на внутреннія, такъ и на внѣшнія отношенія и вопросы русской жизни съ иностранной, европейской точки зрѣнія, разсматриваніе ихъ въ европейскіе очки, такъ-сказать въ стекла поляризованныя подъ европейскимъ угломъ наклоненія, при чемъ нерѣдко то, что̀ должно бы намъ казаться окруженнымъ лучами самаго блистательнаго свѣта, является совершеннымъ мракомъ и темнотою, и наоборотъ.

1) Искаженія на иностранный ладъ всѣхъ внѣшнихъ формъ быта: одежды, устройства домовъ, домашней утвари, образа жизни кажутся для многихъ совершенно несущественными и безразличными. Но, при тѣсной связи внутренняго съ внѣшнимъ, едва ли это можетъ быть такъ. Славянофилы, принявшіе въ первую пору

*) Признаю это за горькую съ моей стороны ошибку. *Посм. прим.*

энтузіазма русскую народную одежду, поступили, кажется мнѣ, совершенно разумно,—неосновательна была лишь, къ несчастью, та мысль, что поданный ими примѣръ заслужитъ скоро всеобщее подражаніе. Какое могло тутъ быть подражаніе, когда искаженіе русскаго образа имѣло на своей сторонѣ даже полицейскую поддержку! Посмотримъ однако же, чего мы лишились, лишившись народной обстановки нашей жизни.

Мы лишились, во-первыхъ, возможности, или по-крайней-мѣрѣ чрезвычайно затруднили возможность зарожденія и развитія народнаго искусства, въ особенности искусства пластическаго. Исторія развитія греческаго, да и вообще всякаго народнаго искусства, показываетъ намъ, что оно имѣетъ два корня: формы богослуженія и народную одежду, народную архитектуру жилищъ, вообще народныя формы быта. Если бы не простыя и благородныя формы греческой туники (такъ величественно драпировавшей формы тѣла, прикрывая, но не скрывая, а тѣмъ болѣе не уродуя ихъ), могла ли бы скульптура достигнуть того совершенства, въ которомъ мы находимъ ее въ Аѳинахъ, въ вѣкъ Перикла и долго еще послѣ него? Многозначительныя и величественныя формы нашего богослуженія (равно удаленныя отъ протестантской сухости и отъ католической вычурности и театральности), кромѣ своего религіознаго достоинства, могли бы быть и превосходною эстетическою школою, если бы, по пріобрѣтеніи усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ, мы сохранили бы другой корень искусства—самостоятельность формъ быта.

У всѣхъ новѣйшихъ народовъ скульптура не составляетъ самостоятельнаго искусства, а только влачится въ подражательной колеѣ,—или работая надъ чуждыми имъ миѳологическими предметами, допускающими наготу тѣла, или одѣвая своихъ монументальныхъ героевъ въ греческія и римскія одежды. Оно иначе и быть не могло, потому что всѣ европейскіе костюмы или совершенно уродливы, какъ наши сюртуки, фраки, пальто, кафтаны временъ Людовика XIV и т. д., или, хотя и красивы, но вычурны,—и потому, только живописны, а не изящны: какъ костюмъ испанскій съ буфами на рукахъ и ногахъ, тирольскій съ остроконечными шапками и разными шнурочками. Только русское народное одѣяніе достаточно просто и величественно, чтобы заслужить названіе изящнаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно подвергнуть разные костюмы монументальной критикѣ. Мининъ стоитъ въ русской одеждѣ на

Красной площади въ Москвѣ; Сусанинъ—въ Костромѣ, передъ бюстомъ спасеннаго имъ Михаила Ѳеодоровича; есть много статуй, изображающихъ русскихъ мальчиковъ и юношей, играющихъ въ бабки или свайку. Не входя въ разборъ внутреннихъ достоинствъ этихъ скульптурныхъ произведеній, можно, однако же, смѣло утверждать, что одѣяніе этихъ фигуръ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ искусства. Въ новѣйшее время, и у насъ и въ Европѣ, стали правда, faisant bonne mine à mauvais jeu, пренебрегать требованіями изящности костюма для статуй, жертвуя художественностью исторической правдѣ, и нѣкоторые изъ этихъ опытовъ какъ будто бы удались,—но какіе? Фигура Наполеона и въ сѣренькомъ сюртучкѣ (или скорѣе—пальто) и въ уродливой трехугольной шляпѣ кажется величественною. Но это только величіе символическое. Сюртучекъ и шляпа сдѣлались въ нашихъ глазахъ символами двадцати побѣдъ—эмблемою несокрушимой воли и воинскаго генія; человѣку же, хотя бы и одаренному вкусомъ и эстетическимъ чувствомъ, но вовсе незнакомому съ новѣйшею исторіею, маленькій человѣчекъ въ сюртучкѣ и шляпѣ показался бы просто уродствомъ; тогда какъ, для того чтобы восхищаться дошедшими до насъ статуями римскихъ императоровъ, нѣтъ надобности, чтобы онѣ изображали Цесаря или Траяна, и чтобы намъ была извѣстна эпопея ихъ жизни: какой нибудь Юліанъ Дидій, или даже Калигула, произведутъ то-же впечатлѣніе. Мнѣ случилось видѣть колоссальную статую, недавно воздвигнутую въ Севастополѣ въ честь адмирала Лазарева. Колоссальная фигура сажени въ три вышиною, на огромномъ пьедесталѣ, стоящая среди развалинъ, на высокомъ и крутомъ берегу залива, производитъ издали поразительный эффектъ. Но, какъ только становится возможнымъ разсмотрѣть подробности фигуры,—ея мундирный фракъ съ фалдочками, панталоны въ обтяжку, коротенькія ножны морскаго кортика,—надо привести себѣ на память всѣ труды, понесенные знаменитымъ адмираломъ при устройствѣ Черноморскаго флота, и сопоставить ихъ съ печальною участью, постигшею его созданіе всего 4 года послѣ его смерти, чтобы подавить болѣе серіозными и грустными мыслями невольно прорывающуюся улыбку. Въ колоссальныхъ размѣрахъ, современный европейскій костюмъ, которымъ судьба и насъ наградила,—колоссально смѣшонъ. А между тѣмъ, художникъ сдѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло: поза, отливка, отдѣлка до самыхъ мелочей, до складокъ мундира—все ма-

стерское. Эта уродливость европейской одежды не составляетъ какой либо особенности морскаго костюма: военный мундиръ, а еще болѣе—штатскій фракъ или пальто, безъ сомнѣнія не менѣе смѣшны и уродливы. Великій мужъ, высѣченный изъ мрамора или отлитый изъ бронзы, въ три сажени ростомъ, во фракѣ новѣйшаго фасона, въ манишкѣ съ стоячими воротничками,—это такая смѣхотворная фигура, на которую едва ли хватитъ смѣлости у самаго смѣлаго скульптора. Что̀ же однако-жь дѣлать бѣдному искусству? Рядить монументальныхъ героевъ XIX вѣка въ тоги и туники—не значило ли бы это, избѣгая уродливаго, впадать въ нелѣпое?.. И между этою Сциллою и Харибдою, между этими двумя пропастями,—смѣшного и безсмысленнаго,—есть только одна узенькая тропинка, состоящая въ томъ, чтобы прикрывать

> Какой-то чудный выемъ,
> Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ,

шинелью или плащемъ, наброшенными въ види тоги. Какъ не замереть искусству, поставленному въ такое узкое, стѣсненное положеніе!

Вліяніе принятой чужеземной одежды, чужой формы домашняго устройства и быта не ограничивается мертвящимъ вліяніемъ на одно ваяніе. Всѣ отрасли самобытнаго искусства отъ этого страдаютъ. Идеалъ живописи, сказалъ Хомяковъ въ статьѣ объ картинѣ Иванова, единственномъ отзывѣ, достойномъ великаго художественнаго произведенія, — есть иконопись. Иконопись въ области живописи есть то-же, что̀ эпосъ въ области поэзіи, т. е. представленіе не личныхъ, а цѣлымъ народомъ выработанныхъ идеальныхъ представленій, только обдѣлываемыхъ и разнообразимыхъ (въ границахъ эпическаго типа) личнымъ художественнымъ творчествомъ. Такимъ образомъ, какъ лица греческой трагедіи, такъ и образы греческаго ваянія были всеэллинскими народными эпическими и типическими представленіями, которыя только представлялись художнической фантазіи Софокла или Фидія съ большею живостью и полнотою, чѣмъ прочимъ грекамъ, и выполнялись ими съ недоступнымъ для другихъ совершенствомъ. Греческое ваяніе было иконоваяніемъ, греческая драма—иконодрамою. Первоначально и эти безсмертные образы жили, безъ сомнѣнія, въ представленіи народа въ видѣ грубыхъ зачатковъ. Чтобы достигнуть того изящества, въ которое они воплощены великими художниками въ вѣкъ Перикла, необходимо было Грекамъ

выработать или заимствовать у болѣе развитыхъ народовъ различные усовершенствованные ѳехническіе пріемы. Это техническое заимствованіе и было сдѣлано у Финикіянъ, у которыхъ Греки научились матеріальной части лѣпнаго, литейнаго и скульптурнаго искусствъ. Но, заимствовавъ технику, они не заимствовали ни чуждыхъ идеаловъ, ни способовъ облекать ихъ въ видимыя формы. Идеалы остались народными; наружныя формы, которыми облекали ихъ, были заимствованы изъ народнаго же быта, доставившаго всѣ аксесуары, которыми Греки одѣвали и окружали свои художественныя произведенія.

И у насъ существовали, да и теперь существуютъ тѣ типы иконъ, которыми русскій народъ облекаетъ свои религіозныя представленія. Чтобы придать имъ художественное совершенство, такъ же точно надо было выработать усовершенствованные техническіе пріемы, или заимствовать ихъ—но только ихъ—отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ. Для перваго нужно слишкомъ много времени, да и такое повтореніе труда народами разныхъ культурно-историческихъ типовъ было бы совершенно напрасно. Остается затрудненіе—какимъ образомъ ученикамъ, обыкновенно благоговѣющимъ передъ своими учителями (особенно такими учителями, каковы великіе итальянскіе художники), ограничиться однимъ усвоеніемъ себѣ тѣхъ техническихъ пріемовъ, тѣхъ матеріальныхъ средствъ искусства, посредствомъ которыхъ учителя эти выполняли свои идеалы,—не увлекаясь самими этими идеалами, не спускаясь до подражательности, не принося имъ въ жертву тѣхъ грубыхъ зачатковъ художественно-религіозныхъ типовъ, которые выработало, или уже усвоило себѣ народное творчество. Для художниковъ, предоставленныхъ своимъ силамъ, задача эта неразрѣшима; они должны быть принуждаемы къ ея разрѣшенію неумолимыми общественными требованіями. Если бы древнерусскій бытъ сохранился у насъ (со всею своею обстановкою, съ которою сжился народъ) не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ, то какимъ бы образомъ могъ художникъ, какъ бы онъ ни былъ лично увлеченъ образцами итальянской живописи, написать образъ или картину религіознаго содержанія, предназначенную для украшенія храма, несообразно съ строго православными требованіями? Какъ бы могъ онъ обнажить женское тѣло, придать кокетливый видъ и кокетливый нарядъ святымъ дѣвамъ, придать модный, элегантный и нѣсколько фонфаронскій характеръ, съ которымъ рисуютъ теперь святыхъ

воиновъ, представляемыхъ въ молодости, какъ напримѣръ Георгія Побѣдоносца, Александра Невскаго, Михаила Архангела и т. д.? Всѣ эти свойства, чуждыя народному представленію означенныхъ типовъ, были съ тѣмъ вмѣстѣ чужды и формамъ народнаго быта,— и потому, проявляясь въ картинѣ или образѣ художника, зараженнаго чужеземными понятіями, били бы по глазамъ, непріученнымъ къ этимъ явленіямъ въ обыденной жизни. Если бы художникъ хотѣлъ, чтобы его образа или картины имѣли сбытъ, то онъ былъ бы принужденъ искать примиренія между пріобрѣтенными познаніями въ анатоміи, рисункѣ, перспективѣ, колоритѣ, въ расположеніи тѣней и свѣта и т. д. съ требованіями своей публики, съ привычными ея формами быта, которыя необходимо накладываютъ свою печать даже и на тѣ народныя представленія, первообразы которыхъ собственно жили подъ другими условіями.

То же самое относится къ архитектурѣ, къ музыкѣ. У насъ началъ уже образовываться естественный и притомъ весьма разнообразный стиль въ постройкѣ церквей, и, хотя бы ихъ строили иностранцы, они непремѣнно должны были сообразоваться съ народными требованіями; ихъ не допустили бы иначе до постройки. Если наши церкви по своимъ размѣрамъ и архитектурному великолѣпію не могутъ соперничать съ готическими соборами сѣверной Европы или съ храмами Италіи, то, опять таки, по недостатку технической опытности, и даже по недостатку матеріальныхъ средствъ для возведенія столь громадныхъ зданій. Но если бы, по пріобрѣтеніи тѣхъ и другихъ, сохранялись въ высшихъ классахъ русскаго народа древнія формы быта, а слѣдовательно вкуса и потребностей, то, конечно, наши города и селы не были бы усѣяны миніатюрными каррикатурами собора Св. Петра въ Римѣ, а воздвигались бы храмы въ самобытномъ русскомъ стилѣ—тѣхъ размѣровъ и того богатства подробностей, которыя допускались бы усиленіемъ денежныхъ и пріобрѣтеніемъ техническихъ средствъ. Если бы продолжали существовать старинныя формы быта, мы точно такъ же не допускали бы бравурныхъ арій, или концертовъ похожихъ на отрывки изъ оперъ, во время богослуженія, какъ (благодаря положительнымъ церковнымъ постановленіямъ) не допускаемъ органовъ въ церквахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, мы были бы старообрядцами, только старообрядцами вооруженными всѣми техническими средствами, которыми владѣетъ западное искусство, и потому изъ этого *стараго* произошло бы что̀ нибудь дѣйствительно-новое.

Свѣтская архитектура, а также орнаментація домовъ и домашней утвари не представляли въ древней Руси большаго развитія—по простотѣ тогдашнихъ потребностей, а также и потому, что почти всѣ наши постройки были деревянныя. Но съ усложненіемъ отношеній, съ развитіемъ вкуса и потребностей (что не составляетъ же привелегіи европейскихъ народовъ), съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ, необходимо выросли бы и изукрасились дворцы нашихъ царей и хоромы богачей,—но выросли бы и изукрасились сообразно особенностямъ нашихъ потребностей, нашего понятія о комфортѣ, нашего вкуса. Теперь стараются иногда достигнуть этого искусственнымъ путемъ; но, если это удается еще въ церковной архитектурѣ и орнаментаціи, потому что преданіе здѣсь еще не изсякло,—всѣ старанія въ области архитектуры и орнаментаціи житейской остаются на степени безуспѣшныхъ попытокъ, потому что искусство основывается на жизни, а никакъ не на археологіи, которая можетъ быть для него лишь подспорьемъ.

Это же относится и къ народной одеждѣ. Часто случается слышать, что красивая, всѣмъ нравящаяся русская женская одежда—не болѣе какъ театральный костюмъ, нисколько не похожій на тотъ далеко не столь изящный, который въ дѣйствительности носитъ народъ. Какъ будто народная одежда—мундиръ, форма котораго опредѣлена съ педантическою точностью! Она есть типъ, который измѣняется, разнообразится, украшается, смотря по общественному положенію, состоянію, вкусу, щегольству носящихъ, сохраняя только свои существенныя характеристическія черты. Народное одѣяніе не предполагаетъ непремѣнно однообразія и постоянства; оно измѣняется по модамъ, даже тогда, когда составляетъ принадлежность одного простонародія, и измѣнялось бы конечно въ большей степени и чаще, если бы составляло принадлежность всѣхъ классовъ. Если народныя моды измѣняются не столь часто, какъ моды свѣтскаго общества, то вовсе не по какимъ либо особымъ свойствамъ народнаго костюма, въ противоположность общеевропейскому, а потому, что праздность, пустота свѣтскаго общества, и особенно женской его половины, находитъ въ этой непрестанной перемѣнѣ главнѣйшее содержаніе, наполняющее эту пустоту его жизни. Перемѣнчивость эта зависитъ много и отъ того, что управленіе модами попало въ руки французовъ, народа легкомысленнаго и перемѣнчиваго по преимуществу.

Измѣнивъ народнымъ формамъ быта, мы лишились, далѣе, самобытности въ промышленности. У насъ идутъ жаркіе споры о свободѣ торговли и о покровительствѣ промышленности. Всѣми своими убѣжденіями я придерживаюсь этого послѣдняго ученія; потому что, самобытность политическая, культурная, промышленная составляетъ тотъ идеалъ, къ которому долженъ стремиться каждый историческій народъ; а гдѣ недостижима самобытность, тамъ по крайней мѣрѣ должно охранять независимость. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя не согласиться, что поддержаніе этой независимости, въ чемъ бы то ни было, искусственными средствами—есть уже явленіе печальное; и къ этимъ искусственнымъ средствамъ не было бы надобности прибѣгать, если бы формы нашего быта, потребностямъ котораго должна удовлетворять между прочимъ и промышленность, сохранили свою самостоятельность. Образъ жизни восточныхъ народовъ требуетъ большаго количества ковровъ. Въ Персіи коверъ не составляетъ роскоши, а есть предметъ необходимой потребности для самаго бѣднаго класса,—и, сообразно этому, производство ковровъ достигло тамъ такого совершенства, что, конечно, для покровительства ковровой промышленности Персіяне не нуждаются ни въ какихъ тарифахъ. То же самое относится къ индійскимъ шалямъ, китайскимъ шелковымъ матеріямъ, фарфору, лакамъ, краскамъ. Такъ и у насъ, особыя формы и потребности нашего богослуженія и священническаго одѣянія требовали усовершенствованія чеканки металловъ, приготовленія глазетовъ и парчей, отливки колоколовъ,—и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ мы совершенно независимы отъ иностранцевъ. До какой степени совершенствуется отрасль промышленности, соотвѣтствующая бытовымъ особенностямъ, можно видѣть на маленькомъ примѣрѣ нашихъ самоваровъ, отъ которыхъ французское правительство сочло нужнымъ оградить себя тарифомъ и разными стѣсненіями ввоза. Однимъ словомъ, такъ какъ оригиналъ всегда выше подражанія,—то своеобразность быта имѣетъ своимъ послѣдствіемъ самобытность промышленности и ведетъ къ болѣе смѣлой промышленной и торговой политикѣ. Но, когда промышленность лишается этого характера вслѣдствіе искаженія быта по чужеземнымъ образцамъ, то ничего не остается, какъ ограждать по крайней мѣрѣ ея независимость посредствомъ покровительства. Теперешнія моды, напримѣръ, суть примѣненія французскаго вкуса и понятій объ изящномъ — къ жизненнымъ потребностямъ; поэтому, въ такъ называемыхъ articles de Paris, и

вообще въ модныхъ товарахъ, Франція будетъ имѣть перевѣсъ надъ прочими странами,—даже не потому, чтобы эти издѣлія французской промышленности были въ самомъ дѣлѣ наилучшими въ своемъ родѣ (это можетъ быть, но можетъ и не быть), а по одному тому уже считаются они вездѣ лучшими, что они французскія.

Вслѣдствіе измѣненія формъ быта, русскій народъ раскололся на два слоя, которые отличаются между собою съ перваго взгляда по самой своей наружности. Низшій слой остался русскимъ, высшій сдѣлался европейскимъ—европейскимъ до неотличимости. Но высшее, болѣе богатое и образованное сословіе всегда имѣетъ притягательное вліяніе на низшія, которыя невольно стремятся съ нимъ сообразоваться, уподобиться ему сколько возможно. Поэтому въ понятіи народа невольно слагается представленіе, что свое русское есть (по самому существу своему) нѣчто худшее, низшее. Всякому случалось, я думаю, слышать выраженія, въ которыхъ съ эпитетомъ *русскій* соединялось понятіе низшаго, худшаго: русская лошаденка, русская овца, русская курица, русское кушанье, русская пѣсня, русская сказка, русская одежда и т. д. Все, чему придается это названіе русскаго, считается какъ бы годнымъ лишь для простаго народа, не стоющимъ вниманія людей болѣе богатыхъ или образованныхъ. Неужели такое понятіе не должно вести къ униженію народнаго духа, къ подавленію чувства народнаго достоинства?.. А между тѣмъ, это самоуниженіе, очевидно, коренится въ томъ обстоятельствѣ, что все выходящее (по образованію, богатству, общественному положенію) изъ рядовъ массы, сейчасъ же рядится въ чужеземную обстановку.

Но униженіе народнаго духа, проистекающее изъ такого раздвоенія народа въ самой наружной его обстановкѣ, составляетъ, можетъ быть, еще меньшее зло, чѣмъ недовѣрчивость, порождаемая въ народѣ, сохранившемъ самобытныя формы жизни, къ той части его, которая имъ измѣнила. Въ мою бытность въ Архангельской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, никогда не было крѣпостнаго права и гдѣ, слѣдовательно, нельзя объяснить имъ недовѣрчивость и подозрительность къ онѣмеченнымъ по наружности классамъ общества, мнѣ случилось имѣть слѣдующій разговоръ съ однимъ изъ поморскихъ промышленниковъ. Мнѣ любопытно было узнать, какъ судили о холерѣ Поморы, которые по своей развитости далеко превосходятъ массу нашего крестьянства. Мой собесѣдникъ не скрылъ отъ меня, что и у нихъ большинство приписывало эту

болѣзнь отравленію. Да кто же, спросилъ я,—занимался, по ихъ мнѣнію, этимъ отравленіемъ?—Господа.—Да вѣдь у васъ и господъ никакихъ нѣтъ, кромѣ чиновниковъ: можетъ ли статься, чтобы служащіе государю чиновники стали отравлять народъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ, — но, по мнѣнію нашихъ дураковъ, государь объ этомъ не зналъ, а господъ подкупили нѣмцы (подъ нѣмцами понимались, какъ само собою разумѣется — иностранцы или европейцы вообще).—Да нѣмцамъ зачѣмъ же васъ отравлять?—Какъ зачѣмъ? извѣстно, что нѣмцы русскаго народа не любятъ.—Народъ понимаетъ инстинктивно ту ненависть, которую питаетъ Европа къ Россіи,—и потому всякое изъ ряду обыкновеннаго выходящее бѣдствіе, постигающее его, склоненъ приписывать этой враждебности, хотя конечно и преувеличиваетъ ея проявленіе. Но гдѣ же ему съ юридическою точностью отличать,—къ чему способна и къ чему неспособна эта враждебность? Вѣдь защищаетъ же значительная часть европейскаго общественнаго мнѣнія поддѣлку фальшивой монеты, если она имѣетъ цѣлью вредить русскимъ народнымъ и государственнымъ интересамъ; вѣдь защищало же оно жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ; вѣдь затыкаетъ же оно уши и закрываетъ глаза передъ ясными уликами злонамѣренныхъ политическихъ поджоговъ; вѣдь терпитъ же Европа, и даже не только терпитъ, но и поддерживаетъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ, а при нуждѣ и матеріальною силою, турецкія насилія (грабежи, изнасилованія и убійства) надъ Греками и Славянами, единственно изъ вражды къ Россіи и Славянству. Можно ли, послѣ этого, слишкомъ строго судить и русскій народъ, если онъ не совсѣмъ точно проводитъ черту, до которой можетъ простираться эта враждебность? Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что чужеземная наружность нашихъ объевропеившихся классовъ вводитъ народъ въ соблазнъ, побуждая его считать ихъ способными къ переходу во враждебный Россіи лагерь. „По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“, говоритъ пословица; что̀ же мудренаго, что народъ по платью нерѣдко судитъ и о чувствахъ? До истинныхъ чувствъ надо еще докапаться, надо, чтобы они въ чемъ нибудь проявились, а платье видно съ перваго взгляда,—и не натурально ли принять подъ часъ за врага того, кто носитъ вражескую ливрею? Если бы сходство въ образѣ жизни болѣе соединяло яко-бы аристократическую партію „Вѣсти“ съ остальною массою русскаго народа, могла ли бы эта партія считать польскихъ магнатовъ ближе къ

своему сердцу, нежели совершенно по всему чуждыхъ ей русскихъ крестьянъ западныхъ губерній?

Извѣстно также, что одежду войска—отличную отъ народной—многіе считали, между прочимъ, необходимою потому, что она разъединяетъ солдатъ отъ народа, и, въ случаѣ возмущенія, мѣшаетъ обоюдному ихъ соединенію. Въ глазахъ этихъ политиковъ, одежда и наружность не такъ слѣдовательно ничтожна, какъ иные утверждаютъ, хотя приписываемое ей, въ этомъ мнѣніи, значеніе совершенно превратно. Говорятъ, что народная одежда вездѣ отличается отъ костюмовъ высшихъ классовъ, — отличается конечно, но сохраняетъ однако-же тотъ же самый типъ. Въ сущности, европейскіе фраки, сюртуки, пальто—тѣ же камзолы, вамсы, которые носятъ и крестьяне въ европейскихъ государствахъ,—только болѣе тщательно сшитые, изъ лучшихъ тканей, нѣсколько измѣненнаго и улучшеннаго фасона,—и эти различія идутъ совершенно постепенно, по мѣрѣ измѣненія степеней благосостоянія различныхъ классовъ. То ли у насъ, гдѣ различіе типическое, родовое, а не различіе варіацій на ту же тему?

Наконецъ, характеръ одежды и всей бытовой обстановки имѣетъ важное вліяніе на сліяніе подчиненныхъ народностей съ народностью господствующею. Въ составъ русскаго государства входитъ много небольшихъ народностей, которыхъ оно не завоевало, не подчинило себѣ насильственно, а приняло подъ свое покровительство. Эти народности (какъ, напримѣръ, Грузины, Армяне) не имѣютъ причины быть враждебными Россіи, и дѣйствительно ей и не враждебны. Они, въ массѣ, невозбранно сохраняютъ свои національныя формы быта. Но отдѣльныя личности, выходя на просторъ общей государственной жизни, будутъ всегда стараться перенять жизненную обстановку высшихъ классовъ господствующаго народа. Однако, въ то же время, именно у этихъ передовыхъ личностей, зараждается сожалѣніе о прежней политической самобытности ихъ націи, невозвратно погибшей въ историческомъ круговоротѣ, или мечта о будущемъ ея возрожденіи. Оба эти стремленія противуположны другъ другу,—и такъ какъ послѣднее не имѣетъ внутренней основы, то при нѣкоторой силѣ перваго, болѣе реальнаго стремленія, оно и исчезаетъ какъ неосуществимая мечта. Но ежели оно не находитъ себѣ противодѣйствія въ этомъ первомъ стремленіи, или даже находитъ себѣ въ немъ поддержку, то народное образованіе этихъ (по необходимости лишенныхъ поли-

тической самобытности) народностей ведетъ не къ сліянію ихъ съ господствующею въ государствѣ народностью, а къ разъединенію съ нею, служащему къ обоюдному вреду. Въ старину, безъ всякаго насилія разные татарскіе мурзы, черкесскіе князья, нѣмецкіе выходцы обращались въ русскихъ дворянъ, ибо имъ не было другаго исхода, какъ—или оставаться въ своей племенной отчужденности, или сливаться съ русскимъ народомъ. Но теперь, послѣ того какъ жизненная обстановка высшихъ классовъ русскаго общества лишилась своего народнаго характера, сдѣлалась общеевропейскою—такой исходъ открылся. Чтобы выступить на арену общей государственной жизни Россіи, нѣтъ надобности дѣлаться русскимъ по нравамъ и обычаямъ, даже нѣтъ возможности дѣлаться русскимъ въ этомъ смыслѣ,—а надо принять на себя общеевропейскій обликъ. Но этотъ общеевропейскій характеръ, который по существу своему враждебенъ характеру русско-славянскому, не ослабляетъ, а усиливаетъ ту долю отчужденности, которая болѣе или менѣе свойственна всякому инородцу,—и изъ этого-то сліянія и порождаются тѣ—молодая Арменія, молодая Грузія, о которыхъ мы недавно услыхали, а можетъ быть народятся и молодая Мордва, молодая Чувашія, молодая Якутія, молодая Юкагирія, о которыхъ не отчаяваемся еще услышать.

2) Вторая форма европейничанья, сказалъ я, заключается въ стремленіи переносить чужеземныя учрежденія на русскую почву—съ мыслію, что все, хорошее на Западѣ, непремѣнно также будетъ хорошо и у насъ. Такимъ образомъ были пересажены къ намъ разные нѣмецкіе бюрократическіе порядки, городовое устройство и т. д. Чтобы разобрать всѣ эти пересадки и все вредное вліяніе ихъ на русскую жизнь, надо бы исписать цѣлый томъ, къ чему я не чувствую ни малѣйшаго въ себѣ призванія,—да нѣтъ и большой надобности въ подобномъ трудѣ, такъ какъ опытъ достаточно показалъ, что они у насъ не принимаются, засыхаютъ на корню и безпрестанно требуютъ новаго подвоза; и, напротивъ того, тотъ же опытъ достаточно краснорѣчиво говоритъ, что тѣ измѣненія въ нашей общественной и государственной жизни, которыя вытекаютъ изъ внутреннихъ потребностей народныхъ, принимаются необыкновенно успѣшно, и скоро такъ разрастаются, что заглушаютъ чахлыя пересадки. Такъ, величайшая историческая реформа нынѣшняго царствованія, возратившая русскому народу его исконную свободу (въ новизнѣ которой послышалась нашимъ старообряд-

цамъ знакомая имъ старина), не была произведена по западному или остъ-зейскому образцу,—а по самобытному плану, упрочившему народное благо на многіе и многіе вѣки.

Но можетъ показаться, что другая, соперничествующая съ нею по своему благодѣтельному вліянію реформа—судебная—есть ничто иное, какъ пересадка западнаго судебнаго устройства. Но, во-первыхъ, она замѣнила или замѣняетъ собою съ запада же заимствованную форму суда, а если заимствовать, то, конечно, лучше заимствовать хорошее, чѣмъ дурное. Во-вторыхъ, если разсмотрѣть элементы, изъ которыхъ состоитъ новое судебное устройство, то не трудно убѣдиться, что спеціально западное играетъ въ немъ весьма второстепенную роль *). Именно, элементы эти суть: гласность и изустность суда, независимость его отъ администраціи, отсутствіе въ судѣ сословности и, наконецъ, адвокатура. Гласность и изустность были и у насъ исконными формами суда. Независимость отъ администраціи есть необходимое слѣдствіе усложненія гражданской жизни. Слѣды ея видны въ старомъ русскомъ судѣ губными старостами,—слѣды, которые не могли развиться именно потому, что въ то самое время, когда осложненіе гражданской жизни начало у насъ водворяться, нить судебнаго преданія была порвана. Судъ присяжныхъ по совѣсти **), есть начало по преимуществу славянское, сродное съ славянскимъ духомъ и характеромъ, такъ что на основаніи его Хомяковъ выражалъ мысль о славянскомъ происхожденіи Англо-Саксовъ, которые, если и германцы по происхожденію, то по самому мѣсту своего жительства необходимо должны были находиться подъ продолжительнымъ славянскимъ вліяніемъ. Слѣдовательно, мы только воротили свое. Сословность суда, судъ пэровъ, равно какъ и судъ патримоніальный, а также подчиненіе низшихъ сословій суду высшихъ, суть чисто-западныя начала; нѣкоторыя изъ нихъ были занесены къ намъ, и отъ нихъ мы только-что начинаемъ освобо-

---

***) Все написанное мною здѣсь—вздоръ. Реформа только-что начиналась и хотѣлось вѣрить, а потому и вѣрилось, что она приметъ разумный характеръ,—на дѣлѣ она обратилась въ иностранную каррикатуру. При большей трезвости мысли, это можно и должно бы предвидѣть.**

****) Есть вздоръ,—форма соотвѣтствующая лишь первобытному эпическому строю народности, а не усложненности государственной.**

ждаться. Чтò касается до адвокатуры, то, съ одной стороны, она является требованіемъ неспособности человѣческой природы къ полному безпристрастію. Собственно говоря, вмѣсто состязательнаго пренія между обвинителемъ и защитникомъ гораздо лучше было бы ввести безпристрастный докладъ присяжнымъ, въ которомъ была бы выставлена, безъ преувеличенія и безъ преуменьшенія, вся сила доказательствъ за и противъ обвиняемаго. Но такое безпристрастіе едва ли достижимо. Попробуйте играть сами съ собою въ шахматы. Тутъ, кажется, нѣтъ резона пристращаться къ чернымъ или къ бѣлымъ; и, однако, наблюдая за собою, непремѣнно замѣтите, что если не постоянно, то по крайней мѣрѣ по временамъ берете сторону или правой, или лѣвой руки, и играете хуже одною, чѣмъ другой. Поэтому и необходимо раздѣлить защиту отъ обвиненія.

Правда, что, съ другой стороны, адвокатское обвиненіе и адвокатская защита носятъ на себѣ и чисто западный характеръ,— характеръ борьбы, которою проникнута вся европейская жизнь. Тамъ, гдѣ все было раздѣлено на враждебныя партіи, общественные слои и корпораціи, необходимо и судъ долженъ былъ принять характеръ поединка, — обвиненія и оправданія во что бы то ни стало; и потому-то этотъ характеръ судебнаго словеснаго поединка есть та скала, которой должны всѣми мѣрами избѣгать наши присяжные повѣренные, чтобы нашъ новый судъ не претерпѣлъ крушенія *). Наши адвокаты находятся точно въ такомъ же положеніи, какъ наши художники, пошедшіе въ школу къ западнымъ учителямъ. Чтобы нашъ судъ получилъ самобытный русскій характеръ, нашимъ адвокатамъ такъ же точно нужно умѣть заимствовать отъ своихъ учителей только технику, а не духъ европейской адвокатуры. Для нихъ это точно такая же трудная задача, какъ и для художниковъ, и точно такъ же трудно имъ рѣшить ее безъ содѣйствія со стороны общества. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи общество сохранило больше самобытности въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ относительно бытовой обстановки жизни,—уже потому, что правда судебная составляетъ болѣе насущную потребность для всѣхъ слоевъ общества (въ томъ числѣ и для необъевропеившихся еще), чѣмъ требованія эстетическія. Притомъ же, по отношенію къ суду никому нельзя будетъ уда-

*) **Не избѣгли, а опять каррикатурно усилили.**

литься въ старообрядство, какъ по отношенію къ церковному благолѣпію и обрядности. Поэтому можно надѣяться, что дружный напоръ всего общественнаго, или (въ этомъ случаѣ, правильнѣе) всего народнаго мнѣнія заставитъ адвокатуру держаться народной колеи; а можетъ быть и нѣтъ,—кто знаетъ *)?

Посмотримъ еще на третью великую освободительную реформу нынѣшняго царствованія — на освобожденіе печатнаго слова отъ узъ цензурныхъ. Свобода слова не есть право или привилегія политическая, а право естественное. Слѣдовательно, въ освобожденіи отъ цензуры, по самой сущности дѣла, не можетъ уже быть никакого заимствованія съ Запада, никакого подражанія; ибо иначе и хожденіе на двухъ ногахъ, а не на четверенькахъ, могло бы считаться подражаніемъ кому-нибудь. Сама цензура была результатомъ нашей подражательной жизни,—результатомъ, ничѣмъ не вызваннымъ; прекращеніе же ея было возстановленіемъ естественнаго порядка отправленій общественной жизни. Но цензура была не просто уничтожена: она была замѣнена (для періодическихъ изданій, по крайней мѣрѣ) новою системою—предостереженій. Эта система есть-ли явленіе самобытное (т. е. явленіе, вызванное внутренними потребностями народной и государственной жизни Россіи), или только пересадка, подобная гильдейскому и цеховому устройству городовъ и т. д.,—пересадка, основанная на томъ началѣ, что существующее гдѣ либо въ странахъ просвѣщеннаго Запада ipso facto уже полезно, благодѣтельно, просвѣтительно и необходимо для Россіи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо обратиться къ анализу свойствъ той силы, которою одарена періодическая печать, и тѣхъ качествъ, которыми система предостереженій отличается отъ судебнаго преслѣдованія за преступленія, положительно формулированныя законами о печати. Не подлежитъ сомнѣнію, что система предостереженій не основана на принципѣ юридической справедливости, по которому наказаніе должно всегда соотвѣтствовать преступленію; ибо, если даже предположить полнѣйшее безпристрастіе въ административномъ мѣстѣ или лицѣ, завѣдующемъ дѣлами печати, то все таки три предостереженія почти всегда гораздо чувствительнѣе для издателя, котораго могутъ лишить всего состоянія,—чѣмъ самое строгое изъ судебныхъ взысканій, коимъ онъ можетъ подвергнуться. Между тѣмъ, самая

*) Вышло — нѣтъ.

необходимость прибѣгать къ предостереженіямъ — вмѣсто того, чтобы подвергать провинившійся журналъ суду—показываетъ уже, что проступокъ издателя такъ сомнителенъ, такъ неопредѣлителенъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, судъ не нашелъ бы возможности его обвинить. Слѣдовательно, система предостереженій должна основываться на началѣ самозащищенія, въ которомъ безъ сомнѣнія нельзя отказать ни обществу, ни правительству, и въ силу котораго послѣднее прибѣгаетъ иногда къ самымъ строгимъ, даже жестокимъ мѣрамъ—для предупрежденія дѣйствій и не весьма преступныхъ (если смотрѣть на нихъ съ чисто-юридической точки зрѣнія), но угрожающихъ большою бѣдою обществу. Такъ, напримѣръ, простое легкомысліе можетъ заставить человѣка нарушить карантинныя правила; однако, за это полагается смертная казнь, въ виду тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть этотъ необдуманный и легкомысленный поступокъ. Слѣдовательно, и система предостереженій вполнѣ оправдывается, если то зло, которое она должна предупреждать, можетъ имѣть послѣдствія, въ своемъ родѣ подобныя нарушенію карантинныхъ правилъ.

Обыкновенно думаютъ, что какъ полезное, такъ и вредное дѣйствіе печати заключается или въ сообщеніи читателямъ извѣстныхъ убѣжденій, которыхъ они вовсе не имѣли, или въ измѣненіи тѣхъ убѣжденій, которыя они имѣли. Но убѣжденіе есть, стройная система логически связанныхъ между собою мыслей и слѣдовательно, необходимо предполагаетъ значительную степень умственной развитости и значительный умственный трудъ. Поэтому масса публики (даже въ странахъ самыхъ образованныхъ), собственно говоря, самостоятельныхъ убѣжденій не имѣетъ и едва ли можетъ имѣть; то, что̀ называется убѣжденіемъ массъ, есть результатъ привычки, сообщаемой и пріобрѣтаемой воспитаніемъ или дѣйствіемъ окружающей среды. Поэтому, эти убѣжденія всегда отличаются необыкновенною устойчивостью, образуются и измѣняются не иначе, какъ вѣками невидимыхъ трудовъ цѣлыхъ рядовъ поколѣній. Сообщить массѣ даже передовыхъ сословій новыя убѣжденія, или измѣнить старыя ея убѣжденія, отдѣльному писателю или журналу почти невозможно. Это труднѣе, чѣмъ пробуравить скалу. Масса людей, не имѣя ни времени, ни склонности, ни способности—къ продолжительному упорному мышленію, одарена, такъ сказать, отражательною силою по отношенію къ

дѣйствію самыхъ логическихъ, самыхъ краснорѣчивыхъ убѣжденій. Хоть колъ на головѣ теши, она все-таки будетъ держаться *своего*, извѣка ей переданнаго, привычнаго и дѣйствіемъ общественной среды ей усвоеннаго. Чтобы увѣриться въ справедливости сказаннаго, стоитъ только всякому мыслящему и имѣющему претензію на убѣжденіе человѣку припомнить,—многихъ ли случалось ему въ жизни въ чемъ-либо убѣдить или переубѣдить, и часто ли ему самому случалось бывать въ чемъ либо убѣжденнымъ или переубѣжденнымъ другими? Но, если масса (большинство) такъ мало податлива убѣжденіямъ вообще, то такія убѣжденія, которыя составляли бы нравственный принципъ дѣятельности, перевѣшивающій внушенія интереса, апатіи, рутины, встрѣчаются еще несравненно рѣже А вѣдь только такое убѣжденіе и имѣетъ практическое значеніе; только такія убѣжденія и можно цѣнить, если они полезны и благотворны, такихъ только и слѣдуетъ бояться, такимъ только и стоитъ противодѣйствовать, если они вредны и пагубны.

Но рѣдки ли, часты ли убѣжденія вообще, а живыя убѣжденія въ особенности, — самымъ худшимъ проводникомъ убѣжденій должно признать періодическую печать, особенно же ежедневныя газеты. Разнообразіе трактуемыхъ ими предметовъ препятствуетъ сосредоточенію вниманія, этому первому условію пріобрѣтенія какого бы то ни было убѣжденія. Нынче говорится о восточномъ вопросѣ, завтра о люксембургскомъ, послѣ-завтра объ улучшеніи быта духовенства, потомъ о системѣ общественнаго воспитанія, объ обрусеніи западнаго края, о судебной реформѣ, затѣмъ снова возвращаются къ восточному вопросу, и т. д., и т. д. И все это читается слегка, между прочимъ, среди тысячи сообщаемыхъ текущихъ новостей, отвлекающихъ вниманіе. Какимъ образомъ можетъ образоваться, а тѣмъ болѣе измѣниться убѣжденіе чтеніемъ такого рода? По отношенію къ убѣжденіямъ, большія серіозныя сочиненія имѣютъ несравненно большее вліяніе, хотя также не прямое и непосредственное. Только немногіе люди имѣютъ время, склонность и способность ихъ обдумывать—и этимъ путемъ почерпать новыя или измѣнять старыя убѣжденія. Эти-то немногіе люди медленно сообщаютъ ихъ далѣе, преимущественно посредствомъ школы (въ которой молодой умъ, еще не развлеченный житейскими заботами, еще гибкій по природѣ своей, питается ими и усвоиваетъ ихъ себѣ), или посредствомъ небольшихъ круж-

ковъ людей мысли, сообща выработывающихъ новыя убѣжденія, изъ коихъ кое-что мало по малу входитъ и въ общее сознаніе.

Это безсиліе періодической, и особенно ежедневной, печати распространять и измѣнять убѣжденія—вполнѣ подтверждается опытомъ. Напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія явилось во Франціи ученіе сенъ-симонистовъ. Сочиненія Сен-Симона были усвоены немногими учениками. Они отыскивали съ величайшими стараніями новыхъ адептовъ, и составили наконецъ небольшой кружокъ поклонниковъ новой школы. Для ея распространенія стали они издавать журналъ „le Globe". Много ли пріобрѣлъ онъ имъ сторонниковъ? Почти никого. Такой же ничтожный результатъ имѣлъ и органъ фурьеристовъ „Democratie pacifique". Скажутъ, что ученія эти не распространились потому, что здравый смыслъ публики отвергалъ эти эксцентрическія теоріи; однако-же, путемъ отдѣльныхъ трактатовъ и личною изустною пропагандою нашли-же они себѣ послѣдователей, и весьма талантливыхъ. Возьмемъ примѣръ ученія, получившаго бо́льшее распространеніе и вошедшаго въ жизнь многихъ государствъ,—ученія о свободной торговлѣ. Оно проложило себѣ путь въ убѣжденія публики каѳедрами и курсами политической экономіи, преніями въ палатахъ, личною изустною пропагандою, но гдѣ тотъ ежедневный журналъ, которому оно было бы обязано своимъ успѣхомъ?

Неужели, однако, періодическая печать, почитаемая одною изъ главныхъ общественныхъ силъ нашего времени, въ сущности ничтожна по своему вліянію? Неужели одинъ предразсудокъ возлагаетъ на нее такія упованія и возбуждаетъ противъ нея такія опасенія? Нѣтъ, періодическая и особенно ежедневная печать составляетъ, дѣйствительно, огромную силу; но сила эта основана не на распространеніи убѣжденій, а на пробужденіи и уясненіи интересовъ, на возбужденіи въ этихъ интересахъ сознанія своей силы. Газета, умѣвшая подмѣтить какой-нибудь интересъ, существующій въ публикѣ, и оцѣнить его важность, пишетъ рядъ передовыхъ статей, которыя его уясняютъ. Читая статью, читатель видитъ въ ней изложеніе того, что́ онъ думалъ. „Да вѣдь это мои мысли!" восклицаетъ онъ не безъ внутренняго удовольствія, чувствуя себя польщеннымъ тѣмъ, что высокій газетный авторитетъ вторитъ его мыслямъ. Однако же, по большей части, читатель нѣсколько ошибается; то, что̀ онъ считаетъ своими мыслями, были только болѣе или менѣе неясныя, неотчетливыя, отрывочныя ощущенія,—и толь-

ко послѣ прочтенія ихъ изложенія въ газетѣ уясняются они для него самого. Что̀ случилось съ однимъ, то случается и съ сотнями, съ тысячами читателей. Каждый желаетъ подѣлиться уясненными ему его интересами съ другими, и узнаетъ, что они не исключительно ему свойственны, а составляютъ мнѣніе большинства его знакомыхъ. Такимъ образомъ, интересы публики не только уясняются, но получаютъ сознаніе своей силы, возвышаются на степень общественнаго мнѣнія. Газеты, слѣдовательно, имѣющія дѣйствительно общественное значеніе, суть какъ бы акушеры общественнаго мнѣнія, помогающіе ему явиться на свѣтъ Божій. Справедливость этого также не трудно доказать самыми убѣдительными примѣрами. Газета, имѣющая наибольшее общественное вліяніе, есть безъ сомнѣнія англійскій „Times". Но именно она и не проповѣдуетъ никакихъ своихъ мнѣній, а старается только искусно изложить тѣ, которыя господствуютъ въ англійскомъ обществѣ о томъ или другомъ вопросѣ, подмѣтить англійскіе общественные интересы, уяснить ихъ и, такимъ образомъ, возвести на степень общественной силы. Я позволю себѣ привести небольшую выписку изъ сочиненія Кинглека о Крымской войнѣ, въ которомъ, по случаю вліянія этой газеты на характеръ Восточной войны, разсказывается исторія происхожденія знаменитой газеты, и той методы, руководствуясь которою она достигла своего вліянія. Въ Англіи существовала издавна компанія, собиравшая всевозможныя новости, рекламы, объявленія, и печатавшая ихъ въ издаваемомъ ею листкѣ. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ", говоритъ Кинглекъ,— „руководители компаніи замѣтили, что одинъ важный разрядъ но„востей былъ неполонъ и недостаточенъ. Казалось, что каждому „англичанину было бы пріятно знать, не отходя отъ своего камина, „что̀ думаетъ масса его соотечественниковъ о главныхъ вопросахъ „дня. Письма, получаемыя отъ корреспондентовъ, доставляли уже „нѣкоторыя средства добывать этого рода свѣдѣнія,—и руководи„телямъ компаніи казалось, что, съ нѣкоторымъ трудомъ и за умѣ„ренныя издержки, можно удостовѣриться въ томъ, какія мнѣнія „начинаютъ входить въ силу, и предвидѣть направленіе, которое „приметъ ихъ потокъ. Говорятъ, что съ этимъ намѣреніемъ стали „они употреблять нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно, не имѣвшее „занятій, духовное лицо, одаренное тонкостью и проницательностью. „На него была возложена обязанность слоняться по публичнымъ „мѣстамъ и выслушивать, что̀ думаютъ люди о главныхъ современ-

„ныхъ вопросахъ. Ему незачѣмъ было прислушиваться къ край-„нимъ глупостямъ, и еще менѣе—къ мнѣніямъ самыхъ умныхъ „людей. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы выжидать—„пока онъ не замѣтитъ, что какая-либо общая обиходная мысль „начала повторяться во многихъ мѣстахъ и многими людьми, по „всѣмъ вѣроятностямъ никогда не видавшими другъ друга. Эта „общая мысль и составляла ту добычу, которой онъ искалъ и ко-„торую приносилъ домой къ своимъ хозяевамъ. Онъ такъ иску-„сился въ этомъ упражненіи, что пока онъ служилъ компаніи, „она рѣдко бывала вводима въ заблужденіе,—и хотя впослѣдствіи „часто бывала надуваема на охотѣ за свѣдѣніями этого рода, но „никогда не упускала дѣлать все отъ нея зависѣвшее въ поискахъ „за сердцемъ націи".

„Вооружившись данными, такимъ образомъ собранными, руко-„водители дѣлали нужныя приготовленія для ихъ распростране-„нія; они не утверждали смѣло, что добытое ими мнѣніе именно „составляетъ общественное мнѣніе страны. Метода ихъ заключа-„лась въ слѣдующемъ: они заставляли разсуждать ловкихъ публи-„цистовъ въ пользу мнѣнія, которое, какъ они думали, нація уже „и безъ того готовилась принять; и если предположить, что по-„лученныя ими свѣдѣнія были вѣрны, то доказательства ихъ ко-„нечно должны были выслушиваться весьма охотно. Тѣ, которые „уже составили себѣ мнѣніе, видѣли его установленнымъ и дока-„заннымъ съ гораздо большимъ искусствомъ, нежели они сами „могли бы это сдѣлать; тѣ же, которые еще не успѣли себѣ со-„ставить этого мнѣнія, весьма сильно къ тому побуждались, видя „путь, избранный компаніею, которая (какъ всѣмъ было извѣстно) „употребляла всѣ старанія, дабы слѣдить за измѣненіями духа „общества".

„Отчетъ, который газета давала въ мнѣніи, составляемомъ себѣ „публикою, былъ столь тѣсно смѣшанъ съ доказательствами въ „пользу этого самого мнѣнія,—что тотъ, кто заглядывалъ въ газету „собственно для того, чтобы узнать, какъ думаютъ другіе, пора-„жался при чтеніи силою доказательствъ;—съ другой же стороны, „тотъ, кто воображалъ, что руководствуется силою логическихъ „доказательствъ, въ сущности только повиновался путеводителю „который сообщалъ ему, что общество уже пришло къ соглаше-„нію, заставляя и его идти вмѣстѣ съ толпою. Подобно тому, какъ „произнесеніе пророчества иногда составляетъ главный шагъ къ

„его выполненію: такъ и молва,—утверждающая, что масса при- „няла извѣстное мнѣніе,—часто производитъ то совпаденіе мы- „слей, которое было преждевременно объявлено уже существую- „щимъ. Изъ дѣйствія этого двоякаго процесса проистекало ко- „нечно, что мнѣніе англійской публики было вообще въ согласіи „съ тѣмъ, что̀ писала компанія; и чѣмъ болѣе смотрѣли на га- „зету, какъ на истинное выраженіе народнаго духа, тѣмъ обшир- „нѣйшую публичность получала она...“

„Но, хотя компанія имѣла въ рукахъ всю эту власть, харак- „теръ ея былъ такого рода, что она не могла употреблять ее про- „извольнымъ, капризнымъ, пагубнымъ образомъ безъ того, чтобы „не нанести большаго вреда своей странной торговлѣ; ибо, по са- „мой своей сущности, характеръ ея былъ не самовластный, а пред- „ставительный: она была принуждена самимъ закономъ своего су- „ществованія быть въ сколь возможно тѣснѣйшемъ согласіи со „всею націею“.

И у насъ есть подобный примѣръ. Газета съ наибольшимъ чи- сломъ подписчиковъ, съ наибольшимъ вліяніемъ — безъ сомнѣнія „Московскія Вѣдомости“. Проповѣдуетъ-ли она какое либо новое ученіе, навязываетъ-ли свои убѣжденія публикѣ? Въ большинствѣ случаевъ—нѣтъ. Она только съ вѣрнымъ тактомъ схватываетъ тотъ интересъ, который уже существуетъ въ обществѣ, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не имѣетъ къ своимъ услугамъ проницатель- наго духовнаго лица, которое увѣдомляло бы ее о состояніи об- щественнаго мнѣнія. Такое лицо даже мало бы помогло ей, по- тому что у насъ нельзя еще подслушать общественное мнѣніе: его надо прежде пробудить. Такому умѣнью подмѣтить обществен- ные интересы обязаны „Московскія Вѣдомости“ своимъ успѣхомъ въ польскомъ вопросѣ, въ вопросѣ о классическомъ методѣ обра- зованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но тѣ же „Москов- скія Вѣдомости“ показываютъ, что тамъ, гдѣ онѣ удаляются отъ той методы, которая составляетъ ихъ силу и значеніе,—онѣ ли- шаются своего вліянія. „Московскія Вѣдомости“ въ торговой по- литикѣ защищаютъ систему свободной торговли, теорію излише- ства денежныхъ знаковъ и т. д., и, не смотря на обширный кругъ читателей газеты, эти проповѣдуемыя ею теоріи не прививаются; напротивъ того, все показываетъ, что фритредерство со своими сук- курсаліями все болѣе и болѣе теряетъ у насъ почву подъ нога- ми,—что общественное мнѣніе, весьма фритредерски настроенное

лѣтъ семь тому назадъ, постепенно приходитъ къ болѣе здравому взгляду на экономическіе интересы Россіи.

Гдѣ, слѣдовательно, нашъ „Times" уклоняется отъ своего первообраза, тамъ и дѣйствіе его ничтожно. Новыхъ убѣжденій или измѣненія старыхъ не проведешь посредствомъ ежедневной газеты. И такъ, сила періодической прессы не самостоятельная и самобытная, а только условная, находящаяся въ тѣснѣйшей зависимости отъ интересовъ, существующихъ въ публикѣ помимо ея. Если эти интересы не подмѣчены прессою, если личныя убѣжденія редакціи заслоняютъ отъ нея интересы большинства,—дѣйствіе газеты будетъ ничтожно; если она вздумаетъ проводить идеи, противорѣчащія интересамъ публики,—оно будетъ еще ничтожнѣе. Вся сила періодической печати заключается въ согласованіи съ ними.

Ежели, поэтому, интересы, существующіе въ обществѣ, находятся въ противорѣчіи съ интересами и цѣлями правительства,—то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что правительство по необходимости должно прибѣгать къ средствамъ обузданія прессы, дабы воспрепятствовать ей возбуждать эти противуобщественные, или противуправительственные интересы, уяснять ихъ публикѣ и показывать ей ихъ силу. Тутъ совершенно умѣстенъ такой же образъ дѣйствій, который съ крайнею строгостью наказываетъ простое легкомысліе, если оно можетъ причинить неисчислимыя бѣдствія странѣ. Но представимъ себѣ, что страна, ограждаемая карантиномъ отъ заразы, населена племенемъ, не имѣющимъ предрасположенія къ той эпидемической болѣзни, которая господствуетъ въ данное время. Умѣстно-ли будетъ, единственно ради сохраненія общепринятаго правила, для однообразія и симметріи, изъ подражательности иностраннымъ карантиннымъ постановленіямъ, разстрѣливать провинившихся въ нарушеніи карантинныхъ правилъ? Не достаточно-ли будетъ, въ этомъ случаѣ, подвергать нарушителей взысканіямъ на общемъ юридическомъ основаніи—соотвѣтствія наказанія съ виновностью преступника? Не очевидно-ли, далѣе, для всякаго добросовѣстнаго человѣка, что въ русскомъ обществѣ противуобщественныхъ, противугосударственныхъ, противуправительственныхъ интересовъ вовсе не существуетъ, а слѣдовательно и русская періодическая печать (по самому положенію своему, независимо отъ ея доброй воли), будучи могущественна для добра, совершенно безсильна для зла? По отношенію къ ней, слѣдова-

тельно, случая самозащищенія, необходимой обороны, не существуетъ; и ежели какой-либо журналъ провинится противъ постановленій о печати, то эта вина никакъ не можетъ угрожать какими-либо общественными бѣдствіями, даже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ, настолько, насколько человѣческая проницательность, а слѣдовательно и человѣческая заботливость хватать можетъ. Слѣдовательно, по состоянію общественнаго духа въ Россіи, обыкновенное судебное преслѣдованіе, воздавая должное юридическое возмездіе провинившемуся противъ постановленій о печати, вполнѣ достаточно для своей цѣли,—и слѣдовательно, система административныхъ предостереженій не коренится въ нуждахъ и потребностяхъ народныхъ, а есть продуктъ, родившійся при другой обстановкѣ, при другихъ жизненныхъ условіяхъ, къ намъ изъ чужи занесенный.

Примѣровъ этихъ достаточно, чтобы выяснить, что̀ надо понимать, подъ европейничаньемъ въ учрежденіяхъ, въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ.

3) Третья форма европейничанья (и притомъ самая пагубная и вредная) состоитъ въ смотрѣніи на явленія внутренней и внѣшней жизни Россіи съ европейской точки зрѣнія и сквозь европейскія очки. Этотъ взглядъ, во что бы то ни стало старающійся подводить явленія русской жизни подъ нормы жизни европейской, дѣлая это или безсознательно (вслѣдствіе изсякновенія самобытнаго родника русской мысли), или даже сознательно (съ тѣмъ, чтобы придать этимъ явленіямъ почетъ и достоинство, котораго они были бы будто лишены, если бы не имѣли европейскаго характера), произвелъ много недоумѣній и всяческой путаницы въ области науки и неисчислимый вредъ на практикѣ. Мы не будемъ разсматривать слѣдствій перваго рода, а обратимъ вниманіе на нѣкоторые только примѣры, въ которыхъ выказалось (или необходимо должно выказаться) вредоносное вліяніе этого вида европейничанья на внутренней и внѣшней жизни Россіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ двѣ главныя партіи, на которыя раздѣляются тамошніе политики, носятъ названія республиканцевъ и демократовъ. Названія эти заимствованы изъ чуждаго Америкѣ европейскаго порядка вещей, и поэтому вовсе не выражаютъ сущности стремленій означенныхъ партій. Что̀ значитъ республиканская партія въ странѣ, гдѣ нѣтъ монархіи, и гдѣ никто къ ней даже не стремится? Что̀ значитъ демократическая партія тамъ

гдѣ все общество устроено на демократическихъ основаніяхъ? Собственно говоря, американскіе республиканцы суть защитники политической централизаціи, а демократы—защитники политическаго обособленія штатовъ. Здѣсь заимствованіе изъ чуждаго европейскаго міра не пошло однако же дальше названія, и потому представляетъ лишь номенклатурную путаницу, — доходящую до того, что американскіе демократы суть именно представители аристократическихъ тенденцій тамошняго общества. Но эта номенклатурная путаница не имѣла практическаго вліянія, потому что Американцы привыкли жить собственною жизнью. У насъ, къ несчастію, заимствованіе номенклатурное производитъ путаницу гораздо болѣе существенную, потому что наши высшіе общественные классы, привыкшіе жить умственно чуждою жизнью, невольно переносятъ вычитанные и высмотрѣнные ими европейскіе идеалы—на дѣйствительную жизнь, пріурочивая ихъ къ нашимъ общественнымъ явленіямъ, тождественнымъ *по названію* съ европейскими, — названію, данному на основаніи самой поверхностной аналогіи. Такимъ образомъ появились на Руси аристократія и демократія.

Самое слово „аристократъ, аристократка" произошло у насъ недавно, вмѣстѣ съ великосвѣтскими повѣстями, наводнявшими одно время нашу литературу, и заставлявшими биться сердца провинціальныхъ барынь желаніемъ заслужить это лестное названіе, уподобивъ себя, свой образъ жизни и господствующій въ ихъ домахъ тонъ тому представленію, которое онѣ соединяли со словомъ „аристократія". Аристократія, аристократизмъ, въ примѣненіи къ Россіи и къ русскому обществу,—не означали и не означаютъ ничего другаго, какъ свѣтскій лоскъ и тонъ, господствующій въ богатыхъ столичныхъ домахъ, ничего другаго, какъ людей, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній успѣвшихъ, съ значительною степенью совершенства, перенять манеры прежнихъ французскихъ маркизовъ или нынѣшнихъ англійскихъ лордовъ. Другаго смысла русскій аристократизмъ, русская аристократія не имѣютъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго содержанія,—тамъ внѣшность, имя, названіе—все. И вотъ появились у насъ и органы мнимаго общественнаго мнѣнія съ аристократическими тенденціями.

Какъ нелѣпы и вмѣстѣ вредны такіе изъ чужаго заимствованные взгляды,—можно видѣть изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ они приходятъ. Западная аристократія не есть явленіе спеціально-

свойственное кому-либо изъ европейскихъ государствъ, а институтъ по происхожденію своему общеевропейскій въ полномъ смыслѣ этого слова, получившій нѣкоторую національную окраску лишь впослѣдствіи,—когда народы, входившіе въ составъ единой франкской монархіи, въ значительной степени обособились, какъ объ этомъ говорено было выше. Естественно, что такая общность происхожденія вела къ солидарности всѣхъ европейскихъ аристократическихъ интересовъ. Поэтому, когда французская революція объявила у себя дома войну на смерть аристократически-феодальнымъ учрежденіямъ, всѣ аристократіи почувствовали себя уязвленными. Даже Англія, пользовавшаяся у себя дома свободными учрежденіями, сочла необходимымъ собрать всѣ свои силы для защиты аристократическаго принципа. Зная духъ, которымъ во всѣ времена руководствовалась англійская политика, нельзя предполагать, чтобы одно безкорыстное негодованіе (возбужденное безумствами, неистовствами и преступленіями, которыми ознаменовалась французская революція) составляло побудительную причину, заставившую Англію броситься въ достопамятную двадцатилѣтнюю борьбу съ Франціею,—борьбу, которая окончилась видимымъ пораженіемъ Франціи, въ сущности же низвергла аристократическій принципъ не только на материкѣ, но и въ самой Англіи. Солидарность всѣхъ европейскихъ аристократій была истинною побудительною причиной той борьбы, которая составила историческое содержаніе конца XVIII и начала XIX вѣка, что̀ и подало поводъ французскимъ демократамъ толковать о союзѣ аристократій и монархій противъ свободы и блага народовъ.

Въ соотвѣтствіе этому, и нашъ подражательный аристократизмъ „Вѣсти“ и ея партіи не могъ не прильнуть къ этой всеобщей аристократической солидарности, и сталъ требовать союза между мнимою русскою аристократіею съ весьма не-мнимымъ польскимъ шляхетствомъ и остзейскимъ баронствомъ. Какого бы кто ни былъ мнѣнія объ этомъ послѣднемъ,—несомнѣнно, что польское шляхетство есть исконный, коренной и злѣйшій врагъ русскаго народа. Итакъ, обвиненія французскихъ демократовъ противъ союза европейскихъ аристократій на гибель свободы и благосостоянія народовъ—не примѣняются-ли въ полной мѣрѣ къ той партіи, которая является защитницею и покровительницею польскаго шляхетства,—которая говоритъ, что польскій панъ ближе къ ея сердцу, чѣмъ западно-русскій мужикъ? Не проповѣдуетъ-ли она дѣйствительно

пагубы русскаго народа, являясь ходатаемъ и защитникомъ злѣйшаго его врага? Вотъ къ чему приводитъ подражательность; вотъ результаты перенесенія европейскихъ взглядовъ и тенденцій на русскую почву.

Но, если у насъ есть европействующіе аристократы, у насъ такъ же точно есть европействующіе демократы. Припомнимъ статьи, написанныя изъ нашего демократическаго лагеря (въ родѣ „Національной безтактности“), припомнимъ союзъ нашихъ демократовъ съ польскою справою,—и мы увидимъ, что и демократическое европейничанье такъ же точно готово было предать русскій народъ въ жертву его злѣйшимъ врагамъ, принимающимъ, чтобы вѣрнѣе вредить ему, и аристократическую, и демократическую личину.

Такъ какъ и аристократія, и демократія составляютъ дѣйствительные элементы, дѣйствительныя силы европейскаго общества, то на ряду съ исключительными узкими проявленіями ихъ (въ видѣ юнкерства и въ видѣ демагогіи, прозванной красною), съ той и другой стороны не только можно указать на дѣйствительно здоровыя проявленія этихъ элементовъ европейской жизни (на явленія, подобныя аристократизму графа Бисмарка и демократизму графа Кавура или Гарибальди), но эти здоровыя стороны составляютъ даже главнѣйшую силу обѣихъ партій. Напротивъ того, наше аристократическое и демократическое еврапейничанье, за неимѣніемъ внутренняго содержанія, должно по необходимости представлять явленіе, принадлежащее къ разряду каррикатурныхъ. Что наше юнкерство есть явленіе заносное, гибридное, ублюдочное, въ томъ, кромѣ газеты „Вѣсть“, едва-ли кто сомнѣвается. Чтобы заразиться имъ, надобно было долгое время вдыхать шляхетскіе или рыцарскіе міазмы, такъ-сказать наполнить ими свою душевную и умственную пустоту, чтобы произвести на свѣтъ Божій уродство, подобное теоріи сліянія живучихъ аристократій нашихъ окраинъ подъ господствомъ мертворожденной аристократіи нашего государственнаго ядра, дабы сообща руководить народомъ, и этимъ окольнымъ, невозможнымъ путемъ произвести государственное объединеніе, когда народъ государственныхъ окраинъ или уже составляетъ одно этнографическое и органическое цѣлое съ народомъ государственнаго ядра, или ничего инаго не желаетъ, какъ слиться съ нимъ въ такое единство, а аристократіи этихъ окраинъ составляютъ единственное къ тому препятствіе. При та-

комъ невозможномъ союзѣ аристократіи государственнаго ядра (если бы она даже существовала) ничего не оставалось бы дѣлать, какъ содѣйствовать разъединяющимъ цѣлямъ своихъ союзницъ.

Но, если нерусское происхожденіе этого лжеаристократизма очевидно и никѣмъ не оспаривается, то зато нашему лжедемократизму, или полнѣйшему проявленію его,—извѣстному подъ именемъ нигилизма,—хотятъ во что бы то ни стало приписать русское доморощенное происхожденіе. Когда наши европейскіе друзья твердятъ на всѣ лады, что русское общество и русскій народъ разъѣдены самаго пагубнаго свойства соціалистическими, матеріалистическими, демократическими ученіями, — когда, по ихъ словамъ, русскій демократизмъ угрожаетъ благосостоянію Европы, такъ, какъ прежде угрожалъ ей русскій абсолютизмъ,—то этому удивляться нечего, это въ порядкѣ вещей—à la guerre comme à la guerre. Но вотъ что удивительно: какимъ образомъ газета, подобная „Московскимъ Вѣдомостямъ" (обыкновенно столь здраво смотрящая на вещи), подъ вліяніемъ, справедливаго, впрочемъ, недовольства нашею системою общественнаго образованія,—обращаетъ нигилизмъ въ произведеніе русской почвы? Это рѣшительно непонятно. Нигилизмъ—ни болѣе ни менѣе, какъ одна изъ формъ нашего европейничанья, и какъ ни плохи наши гимназіи и наши университеты—не они, однакоже, произвели эту язву, и какъ ни полезна можетъ быть классическая система ученія,—не она излечитъ насъ отъ этой язвы *).

Что такое нигилизмъ? Нигилизмъ есть послѣдовательный матеріализмъ и больше ничего. Матеріализмъ нѣсколько разъ уже получалъ большое распространеніе въ европейскомъ обществѣ: въ XVII вѣкѣ господствовалъ онъ въ Англіи, въ XVIII—во Франціи, откуда распространился между высшими классами прочихъ государствъ и даже Россіи. Реакціею противъ этого матеріализма былъ германскій идеализмъ, который теперь, въ свою очередь, подъ совокупнымъ вліяніемъ протестантизма (отвергающаго всякое положительное религіозное содержаніе христіанства), гегелизма (доведеннаго до своего крайняго послѣдовательнаго развитія), и нако-

---

*) И не излечила; нигилизмъ продолжаетъ расти. Теперь приписываютъ его реформѣ университетовъ 1863 года, и это опять—сваливаніе великаго зла на совершенно ничтожную причину.

нецъ успѣховъ положительныхъ наукъ, дошелъ до полнѣйшаго матеріализма и атеизма. Между тѣмъ, для жившей заднимъ умомъ офиціальной Россіи, все еще Франція, по старой памяти, казалась олицетвореніемъ всѣхъ антисоціальныхъ, антирелигіозныхъ, противунравственныхъ ученій; а скромная, глубокомысленная Германія олицетворяла собою противодѣйствующій этимъ зловреднымъ направленіямъ спасительный идеализмъ. И вотъ, нашей системѣ общественнаго воспитанія былъ приданъ исключительно нѣмецкій характеръ. Не такъ еще давно молодымъ людямъ, отправлявшимся за границу, строго возбранялся въѣздъ во Францію, какъ въ страну нравственно-зачумленную, тогда какъ зараза давно уже оставила французскую почву и перешла въ Германію *).

Безъ самобытнаго развитія, привыкши вѣрить на слово нашимъ иностраннымъ учителямъ, и въ послѣднее время будучи обучаемы исключительно нѣмецкою наукою, мы заразились самоновѣйшимъ и самомоднѣйшимъ ея направленіемъ, которое не встрѣчало ни внутренняго, ни внѣшняго противодѣйствія. Къ какой націи принадлежатъ: Фохтъ, Молешоттъ, Фейербахъ, Бруно-Бауеръ, Бюхнеръ, Максъ Штирнеръ—эти корифеи новѣйшаго матеріализма? Развѣ они русскіе, или воспитанники русскихъ гимназій, сдѣлавшіеся нигилистами отъ недостаточно глубокаго изученія латинскихъ и греческихъ классиковъ? Развѣ русскаго происхожденія и тѣ ученія, которыя, хотя и не могутъ быть названы чисто матеріалистическими, но, однако-же, служатъ необходимыми подпорками матеріализма, какъ-то: Дарвиново ученіе о происхожденіи видовъ, Гукслеевы выводы о близости человѣка къ обезьянамъ, Боклево отверженіе человѣческой свободы на основаніи добытыхъ статистикою результатовъ? Что̀ принесли русскіе въ эту сокровищницу матеріалистическихъ ученій? Ничего. Самое имя нигилизма, хотя получило, повидимому, на Руси свое происхожденіе, очевидно, основано на книгѣ Макса Штирнера „Ich stelle mein Sach auf nichts", съ филистерскимъ цинизмомъ посвященной „meinem Liebchen".

Мы и тутъ повторяли, какъ попугаи, чужія слова и мысли,—какъ наши дѣды повторяли ученія энциклопедистовъ и отчасти

---

*) Она впрочемъ, какъ оказывается, и Франціи не оставила, но все же въ Германіи приняла самую радикальную и наиболѣе заразную форму.

ученія мистиковъ,—какъ наши отцы—ученія германскаго трансцедентальнаго идеализма. Если эти ученія, получавшія нѣкоторое распространеніе въ русскомъ обществѣ въ былыя времена, не могутъ считаться явленіями русской жизни, то почему же приписывается это нигилизму, имѣющему столь же очевидное иноземное происхожденіе? Или можетъ быть, съ свойственною подражателямъ склонностью преувеличенія, мы утрировали заимствованное нами ученіе? Къ счастью или къ несчастью, наши учители не оставили намъ даже и этой возможности отличиться. Когда утверждаютъ, что человѣкъ есть прямой потомокъ гориллы или орангутанга,—что мысль есть такое же отдѣленіе мозга, какъ урина отдѣленіе почекъ,—что считать что-либо священнымъ—столь же нелѣпый обычай, какъ *табу* островитянъ Полинезіи;—то остается ли еще какая нибудь возможность къ утрировкѣ *)?

Со всѣмъ тѣмъ, однако, если въ нигилизмѣ есть что-нибудь русское, то это его каррикатурность. Но это свойство раздѣляетъ онъ и съ русскимъ аристократизмомъ, и съ русскимъ демократизмомъ, и съ русскимъ конституціонализмомъ, однимъ словомъ—со всякимъ русскимъ европейничаньемъ. Какъ бы ни были грубы, какъ бы ни были дики ученія, но ежели они (какъ новѣйшіе матеріализмъ, коммунизмъ, или цезаризмъ) представляются результатомъ долговременнаго развитія, попавшаго на ложную дорогу, или слѣдствіемъ непримиримыхъ противорѣчій, дошедшихъ до взаимнаго отрицанія различныхъ сторонъ жизни; то эти ученія и эти общественныя явленія—плодъ отчаянія цѣлыхъ поколѣній—имѣютъ величавый, трагическій характеръ. Когда же эти самыя ученія не вызваны внутреннею жизнію общества, и не болѣе какъ сбоку припека, то эта трагическая величавость замѣняется каррикатурностью и уродливостью. Какимъ же образомъ понять, послѣ этого, странныя оправданія проживательства за границею для образованія дѣтей въ иностранныхъ школахъ, во избѣжаніе язвы нигилизма, когда изъ этихъ-то именно школъ и произошелъ чистокровный нигилизмъ, по отношенію къ которому нашъ нигилизмъ составляетъ лишь слабый сколокъ и блѣдный отпечатокъ?

Но и нигилизмъ, и аристократизмъ, и демократизмъ, и консти-

---

*) Къ несчастію, утрировка оказалась возможною на практикѣ; но и это—не безъ помощи доброжелателей нашихъ, а во вторыхъ при безтолковости нашей полиціи.

туціонализмъ составляютъ только весьма частыя проявленія нашего европейничанья; самый общій видъ его, повидимому, менѣе зловредный, въ сущности же гораздо опаснѣйшій изъ всѣхъ, есть наше балансированіе передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которую мы признали своимъ судьею, передъ рѣшеніемъ котораго трепещемъ, милости котораго заискиваемъ. Такое отношеніе къ иностранному общественному мнѣнію, даже если бы это мнѣніе не было радикально-враждебно всему русскому, не можетъ не лишать насъ всякой свободы мысли, всякой самодѣятельности. Мы уподобляемся тѣмъ франтамъ, которые, любя посѣщать общество, не имѣютъ увѣренности въ свѣтскости своихъ манеръ. Постоянно находясь подъ гнетомъ заботы, чтобы ихъ позы, жесты, движенія, походка, костюмъ, взгляды, разговоры отличались бонтонностью и коммильфотностью,—они, даже будучи ловки и неглупы отъ природы, ничего не могутъ сдѣлать кромѣ неловкостей, ничего сказать — кромѣ глупостей. Не то-же-ли самое и съ нашими общественными дѣятелями, безпрестанно оглядывающимися и прислушивающимися къ тому, что̀ скажетъ Европа, признаетъ-ли дѣйствія ихъ достойными просвѣщеннаго европеизма? Фамусовъ, въ виду безчестія своей дочери, восклицаетъ: что̀ скажетъ княгиня Марья Алексѣевна!—и этимъ обнаруживаетъ всю глубину своего нравственнаго ничтожества. Мы возвели Европу въ санъ нашей общей Марьи Алексѣевны, верховной рѣшительницы достоинства нашихъ поступковъ. Вмѣсто одобренія народной совѣсти, признали мы нравственнымъ двигателемъ нашихъ дѣйствій трусливый страхъ передъ приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствіе отъ ея похвалъ.

Возьмемъ опредѣленный, всѣмъ извѣстный примѣръ. Европа обвиняетъ насъ въ честолюбивыхъ видахъ на Константинополь, и мы стыдимся этого обвиненія, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ какого-нибудь дурного поступка. Англія завладѣла чуть не всѣми проливами на земномъ шарѣ; неизвѣстно съ какой стати захватила скалу на испанской территоріи, господствующую надъ входомъ въ Средиземное море; а по отношенію къ намъ считается непозволительнымъ хищничествомъ добиваться свободнаго входа въ нашъ собственный домъ, обладаніе которымъ притомъ сопряжено съ лежащею на насъ нравственной обязанностью—выгнать Турокъ изъ Славянской и Греческой земли. Мы, конечно, можемъ утверждать фактъ, что въ данное время не имѣемъ этого намѣ-

ренія, какъ дѣйствительно не имѣли передъ восточной войной—какъ къ сожалѣнію не имѣемъ (безъ сомнѣнія) и теперь; но становиться на европейскую точку зрѣнія, и видѣть въ самомъ желаніи овладѣть Цереградомъ, выгнать Турокъ, освободить Славянъ, какое-то посягательство на права Европы,—это непростительное нравственное униженіе. Я не говорю здѣсь о языкѣ дипломаціи (у ней свой условный языкъ, своя условная политическая нравственность: ей приходится съ волками жить по волчьи выть), а имѣю въ виду только выраженіе русскаго общественнаго мнѣнія. И французская дипломація не говоритъ о Рейнской границѣ, но это не мѣшаетъ французскому общественному мнѣнію свободно выражать свои мысли и желанія объ этомъ предметѣ, хотя законность ихъ подлежитъ гораздо большему сомнѣнію, чѣмъ законность желаній Россіи.

Точно такъ же чураемся мы обвиненія въ панславизмѣ, какъ будто честный русскій человѣкъ, понимающій смыслъ и значеніе словъ имъ произносимыхъ, можетъ не быть панславистомъ, т. е. можетъ не стремиться всѣми силами души своей къ сверженію всякаго ига съ его славянскихъ братій, къ соединенію ихъ въ одно цѣлое, руководимое одними славянскими интересами,—хотя бы они были сто разъ противуположны интересамъ Европы и всего остальнаго свѣта, до которыхъ намъ нѣтъ и не должно быть никакого дѣла.

Америка считаетъ между своими великими людьми одного человѣка, который не освободилъ ее отъ чужеземнаго ига (какъ Вашингтонъ), не содѣйствовалъ къ утвержденію ея гражданской и политической свободы (какъ Франклинъ, Адамсъ, Джеферсонъ), не освободилъ негровъ (какъ Линкольнъ), а произнесъ только съ высоты президентскаго кресла, что Америка принадлежитъ Американцамъ, — что всякое вмѣшательство иностранцевъ въ американскія дѣла сочтутъ Соединенные Штаты за оскорбленіе. Это простое и незамысловатое ученіе носитъ славное имя ученія Монроэ и составляетъ верховный принципъ внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ. Подобное ученіе должно бы быть и славянскимъ лозунгомъ; и никакой страхъ ни передъ какою Марьей Алексѣевной не долженъ удерживать насъ отъ громкаго его произнесенія во всеуслышаніе всѣмъ, кто пожелаетъ слышать.

Но въ однихъ-ли внѣшнихъ дѣлахъ имѣетъ вліяніе голосъ всегда, во всемъ и постоянно враждебной Европы—на нашъ об-

разъ мыслей, на наши поступки? Повѣривъ на слово Европѣ, что Екатерина совершила великое политическое преступленіе, присоединивъ къ Россіи искони-русскія земли, и тѣмъ исполнивъ вѣковое томительное желаніе милліоновъ русскаго народа,—чуть-чуть не было совершено дѣйствительное преступленіе противъ русскаго народа, съ самыми гуманными цѣлями и намѣреніями. Страхъ передъ укоромъ въ религіозной нетерпимости, со стороны Европы, заставилъ принять сторону толерантныхъ пасторовъ и бароновъ противъ обращавшихся въ православіе Латышей и Эстовъ, доказывавшихъ тѣмъ свое глубокое стремленіе слиться съ русскимъ народомъ, съ которымъ ихъ предки или родичи за одно клали основаніе русскому государству. Но лучше остановиться на первыхъ же примѣрахъ вліянія страха предъ Европой на нашу внутреннюю политику и обратиться къ внѣшней исторіи, гдѣ скрывать нечего, гдѣ счеты яснѣе, и лучше видно—что̀ мы выиграли и что̀ проиграли, становясь на европейскую точку зрѣнія и надѣвая европейскія очки, чтобы смотрѣть на наши дѣла и интересы.

Послѣ великой національной политики Императрицы Екатерины, возсоединившей западъ Россіи съ востокомъ, придвинувшей Россію къ Черному и Азовскому морямъ, на пространствѣ отъ Днѣпра до Кубани,—мы пришли въ безкорыстный ужасъ отъ неистовствъ французской революціи, когда она уже сама собою приходила къ концу, и въ неменѣе безкорыстное соболѣзнованіе къ неудачамъ безкорыстной Австріи. И вотъ, великій Суворовъ украсился титуломъ князя Италійскаго, а русское оружіе озарилось неувядаемою славой. Нравственный результатъ войны 1799 года былъ великъ, показавъ, къ чему способно русское войско подъ предводительствомъ русскаго военнаго генія: но практически-полезныхъ результатовъ она не только не имѣла, но и не могла имѣть, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Наполеонъ безъ насъ смирилъ революцію и явился охранителемъ и возстановителемъ порядка. Честолюбіе его еще не успѣло выказаться, такъ что и противъ него не представлялось необходимости принимать заблаговременныхъ мѣръ. Историческая борьба между Англіей и Франціей, въ которой послѣдняя лишилась всѣхъ своихъ колоній, естественнымъ образомъ вела того, кто взялся быть носителемъ и представителемъ ея судебъ и стремленій, къ желанію помѣряться съ счастливою соперницею. Неисполненіе условій Аміенскаго мира доставило къ тому достаточный предлогъ. Высадка угрожала берегамъ Англіи. Ея

деньги и естественное желаніе Австріи попытаться возвратить потерянное—отвлекли на эту послѣднюю ударъ, предназначавшійся Англіи. Какое-бы, казалось, намъ до всего этого дѣло? Но мы стояли на европейской точкѣ зрѣнія, и уже зная, какъ Австрія и Англія платятъ за безкорыстное желаніе помочь имъ, тѣмъ не менѣе приступили къ новому союзу съ этими безкорыстными державами. Война 1805 года не имѣла и нравственныхъ результатовъ войны 1799 года. Война 1807 года была необходимымъ ея продолженіемъ. На этотъ разъ, честь Россіи дѣйствительно требовала войны. Окончившій ее Тильзитскій миръ не принадлежитъ къ числу славныхъ мировъ Россіи, но зато онъ былъ, можетъ быть, самымъ выгоднымъ, когда-либо заключеннымъ Россіею трактатомъ. Онъ доставилъ ей Бѣлостоцкую область, Финляндію и Бессарабію,—и только потому не доставилъ Галиціи, Молдавіи и Валахіи, не утвердилъ самобытности и независимости Сербіи, что Россія сама этого не захотѣла, смотря на все съ европейской точки зрѣнія, и съ высоты европейства предпочла независимость Ольденбурга независимости Сербіи и Славянства. Послѣдовавшая отъ такого взгляда война 1812 года имѣла опять великіе нравственные результаты для Россіи,—могла бы имѣть и великіе результаты практическіе, если бы мы, помирившись съ Наполеономъ, предоставили Германію и Европу ихъ собственной судьбѣ.

Послѣ 1815 года Россія заняла повидимому царственную роль въ Европѣ; но, имѣя политическій центръ своей дѣятельности не внутри, а внѣ себя, преслѣдуя идеально-общеевропейскія цѣли, Россія служила политикѣ Меттерниха, и (какъ громоотводъ) отводила отъ нея заслуженную ненависть, скопляя ее на свою сторону. Меттерниху удалось воспользоваться европейской точкой зрѣнія, на которой стояла Россія, чтобы вдвойнѣ обморочить ее: во-первыхъ, вселяя въ ней ужасъ къ заговорамъ карбонаріевъ и къ демократическимъ волненіямъ, которыя (повторяю еще разъ) въ сущности столько же ея касались, сколько и возмущеніе Тайпинговъ; во-вторыхъ, заставляя ее видѣть демократическую революцію въ священномъ возстаніи Грековъ. Этимъ удалось австрійскому министру вырвать изъ рукъ Россіи честь сдѣлаться единственною помощницею и участницею въ борьбѣ ея единовѣрцевъ. Эту славу раздѣлили съ нею и другіе лицемѣрные друзья Грековъ, эскамотировавъ что̀ можно было изъ полезныхъ результатовъ священной борьбы.

Вмѣсто того, чтобы быть знаменосцемъ креста и свободы дѣйствительно угнетенныхъ народовъ, мы сдѣлались рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священныхъ преданій версальской бонтонности, какъ оно и прилично ученикамъ французскихъ эмигрантовъ. Чѣмъ искреннѣе и безкорыстнѣе усвоивали мы себѣ одну изъ европейскихъ точекъ зрѣнія, тѣмъ глубже ненавидѣла насъ Европа, никакъ не хотѣвшая вѣрить нашей искренности и видѣвшая глубоко-затаенные властолюбивые планы тамъ, гдѣ была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму. Эта ненависть не смущала нашихъ консерваторовъ; они гордились ею, и она казалась имъ совершенно естественною. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, было не ненавидѣть Россію, грозную защитницу и охранительницу здравыхъ началъ общественности и порядка,—этому сброду демократовъ и революціонеровъ всѣхъ цвѣтовъ? Въ симпатіяхъ же друзей порядка и всѣхъ консервативныхъ силъ они нисколько не сомнѣвались. Наши прогрессисты также не смущались ненавистью европейскаго общественнаго мнѣнія, также находили ее естественною, но только не гордились ею, а стыдились ея, какъ заслуженнаго наказанія за наши антипрогрессивныя стремленія.

Но вотъ настала Восточная война. Полезныя дѣйствія ея у насъ превозносятся примѣнительно къ пословицѣ: „громъ не ударитъ, русскій мужикъ не перекрестится". Но едва ли не справедливѣе приписать тѣ благодѣтельныя внутреннія реформы, которыя послѣдовали за Парижскимъ миромъ, не военной неудачѣ, а единственно благому почину Императора Александра, который безъ сомнѣнія предпринялъ бы ихъ такъ же точно и при всякомъ другомъ исходѣ Восточной войны. Война эта, однако же, не осталась безъ дѣйствительно благодѣтельныхъ послѣдствій. Она показала намъ, что ненавидѣла насъ не какая-либо европейская партія, а напротивъ того, что, каковы бы ни были раздѣляющіе Европу интересы, всѣ они соединяются въ общемъ враждебномъ чувствѣ къ Россіи. Въ этомъ клерикалы подаютъ руку либераламъ, католики — протестантамъ, консерваторы — прогрессистамъ, аристократы — демократамъ, монархисты — анархистамъ, красные — бѣлымъ, легитимисты и орлеанисты—бонапартистамъ. Прислушайтесь хоть къ толкамъ во французскомъ законодательномъ собраніи о внѣшней политикѣ имперіи. Та или другая оппозиціонная партія находитъ слова охужденія и для италіанской, американ-

ской, и для германской политики французскаго правительства; но всѣ партіи согласны и между собою, и съ императорскимъ правительствомъ въ оцѣнкѣ его восточной политики, поскольку она была враждебна Россіи *). Та общая (поглощающая всѣ различія партій и интересовъ) ненависть къ Россіи, которую и словомъ и дѣломъ обнаружила Европа, начала наконецъ открывать намъ глаза. Къ сожалѣнію, это отрезвляющее дѣйствіе восточной войны не было довольно сильно, потому что ему не помогало хотя сколько нибудь свободное публичное слово **).

Всякое оскорбительное слово о Россіи было тщательно недопускаемо до нашего слуха, точно до слуха молодой дѣвушки, дѣвственную чистоту и деликатность которой могло бы нарушить все непристойное и грубое. Отъ оффиціальной защиты русскаго интереса все еще продолжало вѣять казенщиною, которая намъ претила. Мы такъ привыкли къ оффиціальной лжи, что намъ видѣлась и слышалась ложь даже тамъ, гдѣ была одна святая истина. Большинство образованныхъ людей не могло еще отстать отъ старой привычки смотрѣть европейскими глазами на всѣ наши дѣла, и считало себя весьма проницательнымъ, думая про себя, что Европа ополчилась на насъ дабы наказать нашу нестерпимую гордыню. *Нашу гордыню*—любопытно было бы посмотрѣть на эту диковину! Въ чемъ, когда и гдѣ проявлялась она? Еще послѣ Восточной войны ходила по рукамъ рукопись, справедливо или нѣтъ приписываемая профессору Грановскому, гдѣ именно представлялась Восточная война справедливымъ возмездіемъ за нашу политическую гордыню, хотя въ сущности она была произведена выходившими изъ границъ политическимъ смиреніемъ и скромностью. Я не смѣю утверждать, чтобы означенная рукопись была дѣйствительно произведеніемъ знаменитаго профессора; но ежели она и подложная, то, при болѣе національномъ направленіи общественнаго мнѣнія, конечно никто бы не вздумалъ приписывать перу всѣми уважаемаго лица взглядовъ такого рода.

Чтобы еще болѣе раскрыть русскіе глаза на дѣйствительное отношеніе европейскаго общественнаго мнѣнія къ Россіи, нужно было другое событіе: вмѣшательство Европы въ польскія дѣла.

---

*) **Даже и теперь, оскорбленная Германіею Франція чурается Россіи.**

) **Глазъ не открылъ и Берлинскій конгрессъ, а разумнаго слова и произносить некому: разъ, два—и обчелся.

То, чего не могла совершить Восточная война, совершило вмѣшательство Европы въ польскія дѣла *), несмотря на то, что это вмѣшательство далеко не имѣло ни того оскорбительнаго характера, ни тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, какъ событія 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. Но на помощь раскрывающимъ глаза событіямъ явились тутъ—зарождавшіяся уже гласность и общественное мнѣніе **).

Всѣ перечисленные здѣсь и поясненные примѣрами виды европейничанья суть, конечно, только симптомы болѣзни, которую можно назвать слабостью и немощью народнаго духа въ высшихъ образованныхъ слояхъ русскаго общества. Но, будучи симптомами болѣзни, они составляютъ вмѣстѣ и родотворную причину болѣзни, отъ которой она ведетъ свое происхожденіе, и которая безпрестанно ее поддерживаетъ. Болѣзнь эта, въ цѣломъ, препятствуетъ осуществленію великихъ судебъ русскаго народа, и можетъ наконецъ (несмотря на все видимое государственное могущество), изсушивъ самобытный родникъ народнаго духа, лишить историческую жизнь русскаго народа внутренней зиждительной силы, а слѣдовательно, сдѣлать безполезнымъ, излишнимъ самое его существованіе—ибо все, лишенное внутренняго содержанія, составляетъ лишь историческій хламъ, который собирается и въ огонь вметается въ день историческаго суда. Какая же сила излечитъ насъ отъ постигшаго насъ недуга, и, упразднивъ въ немъ все искажающее нашъ народный обликъ, обратитъ и эту болѣзнь къ росту, какъ обратила уже татарское данничество и закрѣпощеніе народа? И прямое дѣйствіе власти, и сила слова кажутся намъ для сего недостаточными. Оскудѣніе духа можетъ излечиться только поднятіемъ и возбужденіемъ духа, которое заставило бы встрепенуться всѣ слои русскаго общества, привело бы ихъ въ живое общеніе, восполнило бы недостатокъ духа тамъ, гдѣ онъ изсякаетъ въ подражательности и слѣпомъ благоговѣніи передъ чуждыми идеалами, восполнило изъ того сокрытаго родника, откуда онъ не разъ билъ полноводнымъ ключемъ, какъ во дни Минина, и начиналъ бить въ болѣе близкія къ намъ годины испытаній 1812 и 1863 годовъ ***). Для избавленія отъ духовнаго плѣна и рабства, надобенъ тѣсный союзъ со всѣми плѣненными

---

*) На весьма короткое время!

**) Увы, плохая опора!

***) И 1876 и 1877.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Гласъ Божій: «сбирайтесь на праведный судъ
Сбирайтесь къ Востоку народы!»
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

Восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломаціи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломаціи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громами и молніей, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая. Доказывать этого не надобно. Во всеобщемъ сознаніи, важность, приписываемая Восточному вопросу, такова, что никто и не думаетъ втискивать его въ узкія рамки дипломаціи, никому не приходитъ даже въ голову предлагать конгресъ для его рѣшенія; сама дипломація, берущаяся за многое, чувствуетъ, что онъ ей не по плечу,—и только старается отодвинуть самый приступъ къ его рѣшенію, чтобы дать время всѣмъ пользоваться настоящимъ передъ страшнымъ историческимъ кризисомъ, который на долгое время поглотитъ собою все вниманіе, всѣ усилія народовъ, отодвинувъ на задній планъ всѣ другія дѣла и заботы. Дѣйствуя такимъ образомъ, она, конечно, исполняетъ свою обязанность, состоящую въ томъ, чтобы по мѣрѣ силъ своихъ сглаживать пути историческаго движенія и, если не предотвращать, то замедлять и ослаблять столкновенія.

Это относительное безсиліе дипломаціи, эта невозможност
шать важнѣйшіе международные вопросы путемъ мирныхъ
говоровъ считается многими признакомъ несовершенства то
стоянія, въ которомъ еще находятся человѣческія общества.
ственное и законное стремленіе къ мирному развитію все
и болѣе привлекаетъ симпатіи народовъ къ биржевому взгля
политику. Но, если бури и грозы необходимы въ физическо
рядкѣ природы, то не менѣе необходимы и прямыя столкн
народовъ, которыя вырываютъ судьбу ихъ изъ сферы тѣс
узко-раціональныхъ взглядовъ политическихъ личностей (по
ходимости судящихъ о потребностяхъ историческаго движе
точки зрѣнія интересовъ минуты, при весьма неполномъ п
ніи его сущности), и передаютъ непосредственному руков
міроправительнаго историческаго Промысла. Если бы вели
просы, служившіе причиною самыхъ тяжелыхъ, самыхъ бу
историческихъ кризисовъ, рѣшались путемъ переговоровъ съ
зрѣнія самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ политиковъ и
матовъ своего времени,—какъ были бы жалки историческ
зультаты этихъ благонамѣренныхъ усилій, которыя (при все
благонамѣренности, при всей человѣческой мудрости ими р
дящей) не могли же бы предугадывать потребностей буд
не могли бы оцѣнить плодотворнаго вліянія такихъ событі
торыя, съ точки зрѣнія своего времени, нерѣдко счита
должны были считаться вредными и гибельными. Въ том
міровыя рѣшенія судебъ человѣчества почти совершенно
отъ вліянія узкой и мелкой политической мудрости дѣятел
временныхъ каждому великому историческому перевороту, д
напротивъ того, видѣть одинъ изъ самыхъ благодѣтельных
новъ, управляющихъ историческимъ движеніемъ.

Но, если Восточный вопросъ, по всеобщему сознанію, п
стаетъ размѣры вопроса дипломатическаго; то, съ другой ст
неправы тѣ, которые, черезъ мѣру расширяя его пр
тѣмъ самымъ лишаютъ его глубины историческаго содер
Говоря это, я имѣю въ виду мнѣніе, выраженное нашимъ
нымъ историкомъ Соловьевымъ, который видитъ въ Вост
вопросѣ одинъ изъ фазисовъ исконной борьбы между Евр
Азіей, изъ которыхъ первая олицетворяетъ собою благотв
животворное вліяніе моря, а вторая мертвящее вліяніе ст
обѣ суть какъ бы историческіе Ормуздъ и Ариманъ, борьба

которыми составляетъ существеннѣйшее содержаніе исторіи. Для примѣненія этого взгляда къ Восточному вопросу, понадобилась конечно измѣна Ормузда-Европы своимъ собственнымъ цѣлямъ, повтореніе въ обширнѣйшемъ размѣрѣ той измѣны Спарты общему дѣлу Греціи, которая привела къ Анталкидову миру. Мнѣніе это, кажется мнѣ, не составляетъ исключительнаго взгляда г. профессора Соловьева: оно съ большею или меньшею полнотою и отчетливостью раздѣляется тѣми, которые желаютъ примирить самобытную историческую роль Россіи и Славянства съ ихъ европейскимъ характеромъ,—въ противность коренной противоположности между интересами славянскаго и романо-германскаго міра, въ противность самому (проявляющемуся въ словѣ и въ дѣлѣ) сознанію Европы, въ тѣсномъ и единственно-точномъ значеніи этого слова.

Противъ этого взгляда, кажется мнѣ, можно привести нѣсколько совершенно неопровержимыхъ доводовъ:

1) Борьбы между Европой и Азіею никогда не существовало, да и существовать не могло, потому что Европа, а еще болѣе Азія, никогда не сознавали себя чѣмъ-либо цѣлымъ, могущимъ вступать въ борьбу,—какъ однако же сознавали себя не только борющіяся между собою государства, но и цѣлыя группы государствъ и народовъ, связанныхъ между собою политическимъ и культурно-историческимъ единствомъ.

2) Никогда не было войны, въ которой бы, даже случайно и безсознательно, всѣ народы Европы ополчались противъ всѣхъ народовъ Азіи—или наоборотъ.

3) Европа и Азія суть: или понятія географическія, или понятія этнографическія, или понятія культурно-историческія. Какъ понятія географическія, и притомъ весьма не-естественныя, они ни въ какую борьбу между собою вступать не могли. Какъ понятія этнографическія, они могли бы соотвѣтствовать только—Европа племени Арійскому, а Азія племенамъ Семитическому, Туранскому и другимъ. Но,—не говоря уже о томъ, что этнографическое дѣленіе не совпадаетъ съ дѣленіемъ географическимъ, какъ ни расширяй и не съуживай этого послѣдняго,—при этнографическомъ смыслѣ понятій *Европа* и *Азія* пришлось бы видѣть въ одномъ и томъ же племени то Европу, то Азію, смотря потому, съ кѣмъ пришлось бы ему бороться. Такъ, если принять племя Иранское за представителя Азіи при борьбѣ его съ Греціею, то пришлось бы видѣть

въ немъ представителя Европы при борьбѣ съ Тураномъ и со Скиѳами, истинными представителями степи *). Какъ понятія культурно-историческія—Европа, въ выше обозначенныхъ нами предѣлахъ, съ которыми едва ли согласенъ авторъ разбираемаго теперь мнѣнія, дѣйствительно составляетъ самостоятельное, культурно историческое цѣлое,—но за то Азія ничему подобному не соотвѣтствуетъ, никакого единства въ этомъ смыслѣ не имѣетъ и слѣдовательно ни въ какую борьбу съ Европою вступать не можетъ. Борьба должна происходить съ какимъ либо болѣе опредѣленнымъ противникомъ.

4) Многія войны, которыя, по ихъ географическому характеру, пришлось бы причислить къ числу проявленій борьбы между Европой и Азіей, въ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличаются отъ многихъ другихъ войнъ, веденныхъ какъ народами Европы между собою, такъ и народами Азіи между собою же. Это сдѣлается до очевидности яснымъ, если безпристрастно разсмотрѣть тѣ примѣры, которые приводитъ г. Соловьевъ въ подтвержденіе своей мысли о борьбѣ между Европой и Азіей, между вліяніями моря и степи. Первый выставляемый имъ примѣръ войны, слишкомъ 200 лѣтъ почти безпрерывно продолжавшейся между Греками и Персами, еще довольно хорошо подходитъ подъ общее понятіе борьбы между Европой и Азіею, если отвлечься отъ того, что это выраженіе есть не болѣе какъ метафора, по которой часть принимается за цѣлое, и что часть Азіи (по крайней мѣрѣ въ географическомъ смыслѣ), именно: малоазіатскія греческія колоніи, была на сторонѣ Европы. Но, чтобы этотъ единичный примѣръ борьбы между Азіей и Европой заставить повториться въ другой великой исторической борьбѣ,—пришлось, вопреки географіи, причислить Карѳагенъ къ Азіи. Если считать его Азіей, потому что онъ финикійскаго происхожденія, то и Римъ явится точно такою же Азіею—вслѣдствіе арійскаго, т. е. азіатскаго происхожденія италійскихъ племенъ Но, ежели вліяніе степи составляетъ историческую характеристику Азіи въ ея борьбѣ съ Европою—представительницею вліянія моря, то вѣдь, не смотря на сосѣдство съ Сахарою, представителемъ моря, и слѣдовательно Европою, явится во всякомъ случаѣ Карѳагенъ, а не Римъ.—Послѣ пуническихъ войнъ, Римляне дѣйстви-

---

*) **Если считать Скиѳовъ и Туранцевъ тюркскими племенами,—что невѣрно.**

тельно ведутъ цѣлый рядъ войнъ съ государствами, расположенными въ Азіи; но эти государства, по господствовавшему въ нихъ культурному элементу, были государствами эллинскими, слѣдовательно европейскими по преимуществу,—и борьба съ ними есть борьба Европы противъ Европы же, а никакъ не противъ Азіи. Такимъ образомъ, изо всѣхъ войнъ Рима только войны съ Пареянами соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя качества, дабы считаться борьбою Европы съ Азіей. Но эти войны были, какъ извѣстно, событіями весьма второстепенной исторической важности, не имѣвшими рѣшительнаго вліянія ни на судьбы Римскаго, ни на судьбы Пареянскаго государствъ. Наступаетъ великое время переселенія народовъ,—и если Риму приходится бороться отчасти и съ выходцами Азіи: Гуннами, Аварами и т. д., то съ другой стороны главными противниками его являются народы Германскіе, т. е. европейскіе же. Правда, что въ магометанскомъ движеніи Аравитяне являются истинными представителями степи и борются съ Европой; но они точно такъ же борются и съ Африкой, и съ Азіей,—и враждебность ихъ къ Европѣ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и враждебность къ Персіи, съ тою лишь разницею, что первая оказалась посильнѣе послѣдней, и не такъ-то легко было съ нею справиться.

5) Наконецъ, если бы Восточный вопросъ былъ дѣйствительно однимъ изъ фазисовъ борьбы между Европой и Азіей, то объ немъ и говорить бы ни стоило: ибо не только та небольшая часть Азіи, которая принадлежитъ Турціи, но даже и весь этотъ огромный материкъ не могъ бы противупоставить никакого серіознаго сопротивленія не только дружному напору Европы, но даже одному могущественному европейскому государству, какъ это доказывается дѣйствіями Россіи въ Персіи и въ Туркестанѣ, Англіи—въ Индіи, Англіи и Франціи—въ Китаѣ.

Общей невѣрности взгляда на восточный вопросъ не поможетъ и сравненіе дѣйствій романо-германской Европы съ дѣйствіями Спарты во времена Анталкидова мира. Тамъ Спарта, измѣняя общему греческому дѣлу, проситъ помощи у Персовъ, и, одержавъ при ихъ помощи побѣду надъ Аѳинами, содѣйствуетъ заключенію постыднаго мира. Здѣсь, никѣмъ неугрожаемая Европа сама предлагаетъ и оказываетъ помощь безсильной Турціи—для угнетенія подвластныхъ ей христіанъ. Тамъ измѣна Спарты есть исключеніе изъ общаго характера дѣятельности Грековъ въ ихъ борьбѣ съ

Персами,—измѣна, которую Спарта сама же старается загладить походомъ Агезилая въ Малую Азію; здѣсь, Европа остается вѣрною общему характеру своего образа дѣйствій съ самаго начала своей исторической дѣятельности, какъ надѣюсь сейчасъ показать,—и потому, этотъ образъ дѣйствія, какъ онъ ни насильственъ и ни противенъ справедливости, не заслуживаетъ, однако же, названія измѣны. Измѣною явился бы онъ только тогда, когда Европа признавала бы Славянство и Россію своими существенными составными частями; но, такъ какъ она никогда этого не дѣлала, то изъ одинаково чуждыхъ ей элементовъ: славянско-христіанскаго и турецко-магометанскаго, можетъ обращать свою нѣжность и свое покровительство на тотъ, который считаетъ себѣ болѣе близкимъ, и избирать наиболѣе выгодный для себя образъ дѣйствій, не заслуживая еще упрека въ измѣнѣ.

Всѣ эти аномаліи и противорѣчія устраняются сами собою, если распредѣлить историческія явленія, вмѣсто искусственнаго подведенія ихъ подъ общую категорію борьбы между Европой и Азіей,—сообразно съ требованіями естественной группировки историческихъ событій,—по культурно-историческимъ типамъ. Тогда окажется, что народы, которые принадлежатъ къ одному культурно-историческому типу, имѣютъ естественную наклонность расширять свою дѣятельность и свое вліяніе насколько хватитъ силъ и средствъ, такъ же точно, какъ это дѣлаетъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Это естественное честолюбіе необходимо приводитъ въ столкновеніе народы одного культурнаго типа съ народами другаго, независимо отъ того, совпадаютъ ли ихъ границы съ отчасти-произвольно проведенными географическими границами частей свѣта (что̀, конечно, иногда можетъ случиться), или нѣтъ. Первый случай неправильно обобщенъ и ведетъ къ понятію о мнимой борьбѣ между Европой и Азіей—вмѣсто дѣйствительной борьбы, происходившей между типами эллинскимъ и иранскимъ, римскимъ и древне-семитическимъ, римскимъ и эллинскимъ, римскимъ и германскимъ, наконецъ, романо-германскимъ и славянскимъ. Эта послѣдняя борьба и составляетъ то, что̀ извѣстно подъ именемъ Восточнаго вопроса, который, въ свою очередь, есть продолженіе древне-восточнаго вопроса, заключавшагося въ борьбѣ римскаго типа съ греческимъ. Эту-то двойственную, уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ продолжающуюся борьбу и предстоитъ намъ разсмотрѣть въ бѣгломъ очеркѣ, чтобы получить ясное понятіе объ исторіи Восточнаго во-

проса, объ его сущности, исторической важности и единственно-возможномъ окончательномъ рѣшеніи.

Народы эллинскаго культурно-историческаго типа, столь богато одареннаго во многихъ отношеніяхъ, имѣли однако же одинъ существенный недостатокъ — именно: имъ недоставало политическаго смысла, которымъ, напротивъ того, былъ одаренъ въ высшей степени народъ Римскій. Греки, отразивъ (при помощи овладѣвшаго ими патріотическаго энтузіазма) нашествіе Персовъ, истощали себя въ безполезной междоусобной борьбѣ, потому что не могли отыскать политической формы для такой взаимной между собою связи, которая соотвѣтствовала бы отношенію между силами политическихъ единицъ, на которыя они распались. Эта искомая форма была та, которая извѣстна нынѣ подъ именемъ политическаго равновѣсія. Вмѣсто того, наиболѣе сильныя изъ греческихъ государствъ (сначала Спарта и Аѳины, а потомъ и Ѳивы) стремились къ исключительной гегемоніи, для которой ни одно изъ нихъ не имѣло однако же достаточнаго перевѣса въ силахъ. Поэтому, въ теченіе большей части времени самобытнаго существованія греческой федераціи, или политической системы греческихъ государствъ, существовалъ дуализмъ—сначала Спарты и Аѳинъ, а потомъ Спарты и Ѳивъ. Дуализмъ же есть не болѣе, какъ временное перемиріе стремящихся къ исключительному господству государствъ,—и ничего прочнаго создать не можетъ. Между тѣмъ, въ это бѣдственное время междоусобій, Греческій народъ еще не окончилъ великихъ задачъ, возложенныхъ на него исторіей. Искусство и философія произвели уже лучшіе плоды свои, но еще не закончили цикла своего развитія; впереди же предстояло еще положить основанія положительной науки и примѣнить философію къ имѣвшей быть открытой человѣчеству религіозной истинѣ, создать христіанскую догматику. Греція теряла уже свои политическія силы, прежде чѣмъ ея геній исчерпалъ свое содержаніе.

Тогда, въ странѣ, сосѣдней Греціи, населенной греческимъ же или огреченнымъ племенемъ, которое однако до сего времени не принимало участія въ общей жизни Греціи, явился геніальный мужъ, который имѣлъ и силы, и желаніе, и умѣнье восполнить недостатокъ политическаго смысла Грековъ. Это былъ Филиппъ Македонскій. Лучшій и благороднѣйшій изъ Грековъ того времени,—Фокіонъ, понималъ, что подчиненіе Филиппу составляетъ

единственное средство спасенія отъ внутреннихъ смутъ, единственное средство сохранить и обезпечить самобытность Греціи (точно такъ-же, какъ, напримѣръ, въ наше время, просвѣщеннѣйшіе умы въ Италіи поняли необходимость подчиненія Виктору Эмануилу, а лучшіе умы Германіи—подчиненія Пруссіи). Но не такъ думали близорукіе демократы съ Демосѳеномъ во главѣ. Филиппъ сломилъ однако же ихъ сопротивленіе. Греціи было придано то единство, котораго ей недоставало. Молодые, бодрые, но еще грубые народы Балканскаго полуострова (между прочими, можетъ быть, и Славяне) были подчинены власти Филиппа, до самаго Дуная. Съ этими силами думалъ онъ предпринять войну противъ наслѣдственнаго врага Греціи — Персовъ. Зная характеръ Филиппа, — вмѣстѣ пылкій и благоразумный, рѣшительный и осторожный, — нельзя думать, чтобы въ его рукахъ азіатскій походъ выродился въ культуртрегерское предпріятіе, не знавшее ни мѣры, ни границъ, которое стремился совершить его блистательный сынъ. Филиппъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не простеръ бы своихъ завоеваній далѣе малоазіатскаго полуострова и сирійскаго прибрежья. Въ этомъ видѣ Греко-Македонское государство, приблизительно въ границахъ, которыя занимала впослѣдствіи Византійская Имперія, заключало бы всѣ условія внутренней силы: просвѣщеніе Греціи, военное искусство Македоніи, непочатыя силы молодыхъ, бодрыхъ народовъ Ѳракіи, Эпира, Мизіи и Иллиріи, богатства Сиріи и Малой Азіи, въ которой греческіе элементы имѣли уже значительное преобладаніе. Такое государство заключало бы въ себѣ всѣ необходимые элементы для успѣшнаго сопротивленія даже сокрушительной силѣ римскаго оружія. Филиппомъ могли бы быть положены твердыя начала политической самобытности эллинскаго государства на будущіе вѣка,—и древній восточный вопросъ былъ бы рѣшенъ въ справедливомъ и истинно полезномъ для человѣчества смыслѣ. Но блистательный геній Александра, не знавшій предѣла и мѣры своей политической фантазіи, лишилъ начатое отцемъ его зданіе настоящаго центра тяжести. Эллинское просвѣщеніе и македонская сила, разсѣявшись по необъятнымъ пространствамъ Востока, не имѣли достаточной сосредоточенности и устойчивости, чтобы противиться всѣмъ элементамъ разложенія, распространеннымъ отъ Дуная до Инда, которые, со смертью завоевателя, разрушили его зданіе. Остатки его или возвратились къ своему иранскому типу развитія, или подпали подъ власть Рима, который

употребилъ столько же столѣтій для сооруженія всемірной монархіи,—сколько Александромъ было употреблено годовъ.

Но великія историческія мысли не пропадаютъ. Если человѣкъ, употребляя данную ему долю свободы несоотвѣтственно съ общимъ, непонятнымъ ему, историческимъ планомъ событій, начертаннымъ рукою Промысла, можетъ замедлить его выполненіе и временно исказить его линіи, — планъ этотъ все таки довершается, хотя и иными, болѣе окольными путями. Одна изъ неоконченныхъ задачъ греческой жизни, закладка фундамента положительной науки, совершилась въ одномъ изъ осколковъ Александрова зданія, подъ эгидою науколюбивыхъ Птоломеевъ. Но судьбы Греціи все еще не были завершены. И вотъ, шесть съ половиною вѣковъ спустя послѣ Филиппа, вступаетъ на римскій престолъ императоръ, родственный ему по характеру и качествамъ ума. Константинъ, также вмѣстѣ пылкій и сдержанный, рѣшительный и осторожный, переноситъ столицу на берега Босфора—и тѣмъ кладетъ основаніе новогреческой монархіи, въ которой завершилась культурная жизнь Греческаго народа примѣненіемъ философскаго мышленія къ установленію православной догматики, и эллинской художественности—къ установленію формъ православнаго богослуженія.

Но и Римъ, и Византія уже изжили свои творческія силы—и должны были передать свое наслѣдіе новымъ народамъ. Наслѣдниками Рима явились Германцы, наслѣдниками Византіи — Славяне; и въ этихъ народахъ должна была ожить вѣковая борьба, которая велась всякимъ оружіемъ между Греціею и Римомъ.

Передача наслѣдія совершилась также различнымъ образомъ. Германцы заняли самую область римской культуры и вошли въ тѣснѣйшее соединеніе съ побѣжденными,—и тѣмъ быстро развили свою государственность. Славяне долгое еще время оставались на племенной ступени развитія, — и вліяніе на нихъ Греціи было, такъ сказать, только индуктивное, весьма постепенно и въ гораздо меньшей полнотѣ имъ передаваемое. Съ небольшимъ черезъ триста лѣтъ послѣ паденія Рима окончился уже (въ главныхъ чертахъ) этнографическій процессъ образованія новыхъ романо-германскихъ народовъ, и Карлъ Великій соединилъ ихъ въ одно государственное тѣло, съ самаго этого времени всегда сохранявшее, въ той или въ другой части своей, сильную политическую жизнь. Но оба готовившіяся вступить въ борьбу историческія племени были еще

соединены общимъ просвѣтительнымъ началомъ—единою вселенскою православною церковью. Для усиленія противоположности между ними и эта связь должна была порваться. Тѣмъ же Карломъ Великимъ, который положилъ первыя основы европейской государственности, положено и начало отпаденія Запада отъ вселенскаго единства, и начало той религіозной розни, которая доселѣ отдѣляетъ міръ романо-германскій отъ міра славяно-греческаго.

Здѣсь встрѣчаемъ мы одинъ изъ тѣхъ великихъ примѣровъ историческаго синхронизма, которые всего очевиднѣе и поразительнѣе указываютъ на разумность проявляющагося въ исторіи міроправленія. Изслѣдуя явленія природы или исторіи, мы постепенно восходимъ отъ фактовъ частныхъ къ болѣе общимъ, которые и суть причины первыхъ. Частныя явленія представляются намъ въ видѣ сходящихся лучей, которые всѣ сходятся къ нѣкоторымъ центральнымъ точкамъ, въ свою очередь соединяющимся въ другіе центры высшаго порядка, и т. д. Это отнесеніе частностей къ болѣе общему началу и считаемъ мы объясненіемъ явленій, къ которому нашъ умъ неудержимо стремится. Идя такимъ путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, мы доходимъ до нѣкоторыхъ общихъ категорій явленій, — категорій, которыя однако не только остаются между собою въ раздѣльности, но по отношенію къ которымъ дальнѣйшее восхожденіе къ одной общей реальной причинѣ даже вовсе и немыслимо. Остановиться на этой раздѣльности мы не можемъ, и намъ остается лишь — или оставаться упрямо глухими къ неизбѣжнымъ требованіямъ дальнѣйшаго единства, отрицать его, прибѣгая къ ученію о случайности,—или признать необходимость единства идеальнаго, въ которомъ и сходятся эти различныя категоріи явленій, не имѣющія уже общей реальной причины.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Всѣ тѣла, охлаждаясь, сжимаются и плотнѣютъ. Исключеніе изъ этого составляетъ вода; плотнѣя до 3,12° Реомюра, она расширяется при дальнѣйшемъ охлажденіи до своего замерзанія, такъ что ледъ плаваетъ на поверхности воды. Отъ этого рѣки и озера не замерзаютъ до дна,—и органическая жизнь становится возможною. Конечно, такое свойство воды не составляетъ чуда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—и вѣроятно объясняется особенностями кристаллизаціи этого тѣла; но спрашивается: почему же эта особенность пала именно на воду? Общая реальная причина,—изъ которой, какъ необходимыя слѣд-

ствія, проистекали бы и кристаллизаціонныя особенности воды, и необходимость не другой какой либо жидкости, а именно воды для органической жизни планеты, и всеобщность ея распространенія,—совершенно немыслима; слѣдовательно, остается—или признать это за случайность, или возвести эти явленія различныхъ категорій къ общему идеальному центру, т. е. къ разумности міроустройства и міроправленія. Я также не вижу, почему бы это значеніе ослаблялось тѣмъ фактомъ, что не одна вода обладаетъ упомянутымъ свойствомъ, но еще и расплавленное серебро.

Цвѣтки въ нѣкоторыхъ семействахъ растеній такъ устроены, что непосредственное оплодотвореніе ихъ цвѣточною пылью совершенно невозможно. Но въ этихъ растеніяхъ есть вмѣстилища сладкаго сока, служащаго питаніемъ для нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, добраться до котораго имъ иначе нельзя, какъ приподнявъ клапанцы, ограждающіе пыльники; оплодотворяющая пыль пристаетъ къ волосикамъ, покрывающимъ тѣло насѣкомыхъ, и потомъ также невольно отлагается на рыльцахъ другихъ цвѣтковъ, и тѣмъ оплодотворяетъ ихъ. Морфологическіе законы строенія животныхъ и растительныхъ организмовъ намъ совершенно неизвѣстны. Со времени Аристотеля знаютъ, напримѣръ, что млекопитающему животному нельзя имѣть рога, не имѣя въ то же время раздвоенныхъ копытъ, и нельзя имѣть раздвоенныхъ копытъ безъ отсутствія верхнихъ переднихъ зубовъ,—что насѣкомому нельзя имѣть жала сзади, не имѣя въ то же время четырехъ крыльевъ; при двухъ же крыльяхъ жало, если оно и есть, должно быть спереди и т. д. Но чѣмъ обусловливается необходимость этой взаимной связи органовъ, это совершенно неизвѣстно. Со всѣмъ тѣмъ, весьма естественно предполагать, что реальная причина этой связи существуетъ,—и эти особенности упомянутаго устройства цвѣтковъ находятся въ необходимой связи со всею организаціею снабженныхъ ими растеній. Но въ чемъ же заключается причина этого гармоническаго соотношенія между инстинктами и устройствомъ насѣкомыхъ и между устройствомъ цвѣтковъ? Для этого опять, какъ и для особенности кристаллизаціи воды, мыслима только причина идеальная, или же случайность.

Совершенно къ такимъ же заключеніямъ ведетъ синхронизмъ многихъ историческихъ событій,—синхронизмъ, безъ котораго эти событія сами по себѣ потеряли бы большую часть своего значенія. Возьмемъ самый извѣстный примѣръ. Открытіе книгопечата-

нія, взятіе Константинополя Турками и открытіе Америки, почти одновременно случившіяся, имѣли, въ своемъ совокупномъ вліяніи, такую важность, что она была сочтена достаточною для разграниченія великихъ отдѣловъ жизни человѣчества;—и, хотя такое понятіе объ нихъ несогласно съ требованіями здравыхъ правилъ исторической системы, во всякомъ случаѣ совокупность этихъ событій дѣлитъ на два существенно различные періода, если и не исторію вообще, то по крайней мѣрѣ исторію романо-германскаго культурнаго типа. Но самую значительную долю силы и значенія придаетъ этимъ событіямъ—именно ихъ совокупность, ихъ воздѣйствіе другъ на друга, въ несчетное число разъ усилившее вліяніе каждаго изъ нихъ на развитіе просвѣщенія, на расширеніе дѣятельности европейскихъ народовъ.

Книгопечатанію, безъ распространенія бѣжавшими изъ отечества Греками сокровищъ древняго знанія, пришлось бы заниматься размноженіемъ католическихъ требниковъ и молитвенниковъ, также точно, какъ греческимъ ученымъ, разсѣявшимся по лицу Европы, пришлось бы, вѣроятно, безъ помощи книгопечатанія, заглохнуть въ общей массѣ невѣжества, какъ потонули остатки римскаго просвѣщенія въ нахлынувшемъ на нихъ варварствѣ. Безъ открытія Америки—и книгопечатаніе, и разсѣяніе Грековъ повели бы вѣроятно къ чисто-подражательной цивилизаціи, которая пробавлялась бы грамматическими и иными глоссами и комментаріями на древнихъ авторовъ. Явленія, къ которымъ мы съ дѣтства привыкли, не возбуждаютъ нашего вниманія, не составляютъ для насъ задачъ и вопросовъ, а кажутся сами по себѣ уже понятными. Только геній, или направленный уже развитою наукою умъ, могутъ отрѣшиться отъ этого притупляющаго вліянія ежедневности. Своеобразность тропической американской природы, напротивъ того, не могла не возбудить самодѣятельности въ умахъ. Горы, рѣки, воздушные процессы, растенія, животныя, люди—все было въ Америкѣ ново, и не могло не возбудить любознательности и пытливости. Съ другой же стороны, Аристотель, Ѳеофрастъ, Діоскоридъ, Плиній не могли уже оказать никакой пользы при рѣшеніи задачъ и вопросовъ, на каждомъ шагу представлявшихся въ Америкѣ. Отъ комментаріевъ на нихъ необходимо надо было перейти къ самостоятельнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ. Мнѣ думается поэтому, что одну изъ главныхъ причинъ того направленія, которое получила наука въ романо-германскомъ

мірѣ, направленія, состоящаго въ положительномъ изслѣдованіи природы,—должно искать въ томъ обстоятельствѣ, что, при самомъ началѣ культурнаго развитія Европы, вниманіе дѣятелей ея было обращено поразительными явленіями американской природы на наблюденіе и изученіе природы вообще, и такимъ образомъ возбудилась самодѣятельность въ пробуждавшихся умахъ. Но опять, если бы открытія въ Новомъ мірѣ не распространялись путемъ книгопечатанія въ массѣ публики, а составляли достояніе немногихъ, то они не могли бы никогда достигнуть общаго вліянія па направленіе пробуждавшейся цивилизаціонной дѣятельности. Такъже точно, безъ научной подготовки, сообщенной распространеніемъ классическаго образованія, Америка представила бы лишь нѣсколько куріозныхъ явленій, которыя, павъ на необработанную почву, не возбудили бы никакой умственной жизни.

Конечно, каждому изъ этихъ трехъ событій, положившихъ начало новому повороту въ жизни Европы, можно найти весьма удовлетворительное объясненіе. Но чѣмъ объяснить ихъ современность, которая собственно и составляетъ главное условіе ихъ образовательной силы? Гдѣ лежитъ тотъ общій корень, коего слѣдствіями были бы не только изобрѣтеніе книгопечатанія, взятіе Константинополя и открытіе Америки, но въ которомъ заключалась бы и та мѣра толчка, сообщеннаго историческому движенію, вслѣдствіе котораго явленія, принадлежащія къ столь различнымъ категоріямъ, достигли бы своего осуществленія въ одинъ и тотъ же историческій моментъ? Очевидно, что его нельзя искать ни въ какомъ реальномъ событіи прошедшихъ временъ, ни въ какихъ зачаткахъ нравственныхъ и матеріальныхъ условій, лежащихъ въ основаніи исторической жизни народовъ. Гдѣ та сила, которая привела Алтайскихъ дикарей на берега Босфора какъ разъ въ то самое время, когда пытливость нѣмецкихъ изобрѣтателей отыскала тайну сопоставленія подвижныхъ буквъ, и когда соперничество между Испаніею и Португаліей въ морскихъ предпріятіяхъ доставило благосклонный пріемъ смѣлой мысли генуэзскаго моряка? Причины синхронистической связи столь разнородныхъ событій нельзя конечно надѣяться отыскать ближе, чѣмъ въ самомъ томъ планѣ міродержавнаго Промысла, по которому развивается историческая жизнь человѣчества.

Въ половинѣ VIII вѣка, ко всѣмъ различіямъ германо-романскаго и греко-славянскаго міра присоединяется еще различіе ре-

лигіозное, черезъ отдѣленіе римской церкви отъ вселенскаг
вославія. Но въ то же время вооружаются славянскіе народ
ховнымъ оружіемъ—самобытною письменностью, которая
имъ средство для огражденія и охраненія отъ религіозна
столюбія Запада своихъ народныхъ началъ. Въ матеріально
ношеніи, славянскіе народы, еще по большей части невыш
изъ племеннаго періода развитія, конечно не могли прот
ставить серіознаго препятствія Западу, уже облеченному Ка
въ броню государственности; но въ то же знаменательное
закладывается на дальнемъ сѣверовостокѣ запасъ государств
силы, на который могли бы опереться западные Славяне,
ихъ собственныя силы уже истощатся въ борьбѣ,—когд
внѣшнія вспомогательныя средства, которыми до времени
охранять ихъ исторія, потеряютъ свое охранительное свойс

Этимъ временемъ оканчивается первый періодъ Восточна
проса—періодъ закладки и подготовки. Онъ длится отъ вр
Филиппа Македонскаго до Карла Великаго, до раздѣленія
вей, до славянской проповѣди св. Кирилла и Меѳодія, до
ванія Русскаго государства. Въ этотъ періодъ—Филиппъ, ка
побуждаемый пророческимъ инстинктомъ, стремится обез
самобытность политической судьбы Греческаго народа и греч
культуры; Константинъ приводитъ въ исполненіе его неудав
попытку, когда уже изсякли жизненныя силы и Греціи и
Наслѣдіе ихъ переходитъ къ двумъ различнымъ племенамъ,
вянскому и германскому, къ этнографическому различію кот
присоединяется различіе въ самомъ способѣ передачи унас
ванной ими культуры и, наконецъ, различіе вѣроисповѣдно

Съ началомъ новаго періода начинается и борьба между м
романо-германскимъ и міромъ греко-славянскимъ, борьба всяк
и духовнымъ, и матеріальнымъ оружіемъ. Борьба неравн
которой противниками являются: съ одной стороны бодрый
жій, честолюбивый юноша, соединяющій въ себѣ и молоду
племени, только-что выступившаго на историческое попри
силу государственнаго устройства; съ другой же—дряхлы
рецъ и ребенокъ, не вышедшій изъ тѣснаго круга племе
быта. Могло-ли быть сомнѣніе въ результатахъ борьбы?

Съ самаго начала Иллирійскіе Славяне, жители восто
отроговъ Альпъ, сѣвернаго Адріатическаго прибрежья, попа
уже въ вассальное отношеніе къ Франкской монархіи. Упорн

теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, длится борьба на сѣверѣ; но зато она и оканчивается не только полнымъ политическимъ подчиненіемъ, но и совершеннымъ почти уничтоженіемъ и онѣмеченіемъ Славянъ Полабскихъ и Поморскихъ. Въ серединѣ — побѣдоносно противится германскому напору Святополкъ Моравскій — и (что̀ гораздо важнѣе) призываетъ къ себѣ на помощь и духовное оружіе, которое приносится ему изъ православной Византіи славянскими первоучителями. Нашествіе Мадьяръ сламываетъ силу славянскаго государя. Однако, несправедливо, кажется, было бы видѣть въ Мадьярскомъ вторженіи (принесшемъ не мало вреда общеславянскому дѣлу впослѣдствіи) главную причину, надломившую славянскую силу въ странахъ средняго Дуная. Еще до вторженія Угровъ, усиліямъ нѣмецкаго духовенства удалось лишить моравское государство его духовной самостоятельности. Меѳодій и ученики его принуждены были оставить Моравію и Паннонію и искать убѣжища въ Болгаріи, вслѣдствіе козней епископовъ Зальцбургскаго и Пасавскаго, завладѣвшихъ умомъ престарѣлаго славянскаго князя. Безъ духовной же опоры, облатыненье и онѣмеченье западныхъ Славянъ было неизбѣжно. Можетъ быть даже, что нашествіе Венгровъ отвратило это событіе, удержавъ Германію отъ систематическаго напора на славянъ Моравскихъ и Паннонскихъ, и тѣмъ предохранило ихъ отъ участи сѣверныхъ братьевъ.

Въ окруженной горами Чехіи долѣе сохранилась славянская самобытность, но и она подчинилась латинству и вступила въ вассальныя отношенія къ Германской имперіи. Только память православія жила въ ней сильнѣе, чѣмъ въ другихъ западно-славянскихъ странахъ,—и она-то прорвалась съ неудержимою силою въ славной Гуситской борьбѣ, которая, надолго закаливъ въ Чехахъ ихъ народныя начала, дала имъ возможность вновь воскреснуть послѣ полнаго наружнаго подавленія.

Напротивъ того, Польша, хотя и осталась матеріально независимою отъ нѣмецкаго владычества, одна изъ всѣхъ славянскихъ странъ приняла безъ борьбы западныя религіозныя начала и усвоила ихъ себѣ,—а потому и была въ теченіе большей части своей исторіи не только безполезнымъ, но и вреднымъ членомъ славянской семьи, измѣнившимъ общимъ славянскимъ началамъ, стремившимся распространить, насиліемъ и соблазномъ, враждебный славянскому міру католическій и шляхетско-аристократическій принципъ въ самую глубь Россіи.

И такъ, на всемъ протяженіи отъ Адріатическаго моря и средняго Дуная до береговъ Балтійскаго моря, и отъ Лабы до Двины и Днѣпра,—напоръ міра германскаго на славянскій, латинства на православіе, ознаменовался болѣе или менѣе полнымъ успѣхомъ. Къ счастью, дѣла шли иначе на юго-востокѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Турецкой имперіи.

Здѣсь встрѣчаемся мы съ загадочнымъ явленіемъ магометанства. Оно совершило уже теперь весь циклъ своего развитія и, безъ всякаго сомнѣнія, находится уже въ періодѣ совершеннаго изнеможенія и разложенія. Смыслъ его, общая его идея, какъ явленія совершенно уже законченнаго, отъ котораго ничего новаго уже ожидать нельзя, должны быть слѣдовательно совершенно понятны. Съ общей идеей, съ смысломъ историческаго факта я не соединяю никакого мистическаго представленія, а разумѣю подъ этимъ именемъ только тотъ самый общій результатъ, въ которомъ сосредоточивается наисущественнѣйшее содержаніе факта,—точно такъ же, какъ подъ общею идеею цѣлаго ряда естественныхъ явленій разумѣется тотъ законъ природы, который всѣ ихъ въ себѣ содержитъ.

Заключается-ли этотъ общій смыслъ магометанства въ томъ религіозномъ прогрессѣ, который оно заставило сдѣлать человѣчество? Но оно явилось шесть вѣковъ спустя послѣ того, какъ абсолютная и вселенская религіозная истина была уже открыта. Какой же смыслъ могло имѣть мусульманское ученіе послѣ христіанства? Нѣкоторые утверждаютъ, что оно составляетъ форму религіознаго сознанія, хотя и уступающую высотою своего ученія христіанству, но зато лучше примѣнимую къ одареннымъ пылкими страстями народамъ востока. Не останавливаясь на томъ, что такое понятіе несообразно съ достоинствомъ христіанства (которое—или такое же заблужденіе, какъ и прочія вѣрованія человѣчества, или имѣетъ характеръ истины вселенской, примѣнимой ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ народамъ), мы видимъ, что такому взгляду противорѣчитъ исторія. Христіанство получило свое начало на томъ же самомъ Востокѣ, по которому разлилось ученіе Магометово, и на немъ распространилось съ величайшимъ успѣхомъ. Сирія, Малая Азія, Египетъ, Африка произвели величайшихъ мыслителей и величайшихъ подвижниковъ христіанства. Здѣсь сосредоточивалось все умственное движеніе его, здѣсь происходили и главнѣйшія уклоненія отъ христіанской истины; здѣсь же и воз-

становлялась она торжественнымъ голосомъ вселенскихъ соборовъ. Здѣсь родились и дѣйствовали: Оригенъ, Аѳанасій Великій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустый, Кириллъ Александрійскій, Кипріанъ Карѳегенскій, Августинъ Иппонскій. Здѣсь пустыни Ѳиваиды представили міру высшіе образцы самой строгой жизни, самаго высокаго христіанскаго самоотреченія. Какимъ же образомъ, страны, гдѣ достигло христіанство такого распространенія и такого процвѣтанія, могли чувствовать потребность въ ученіи менѣе высокомъ, болѣе потакавшемъ чувственнымъ стремленіямъ человѣческой природы? Главнымъ поприщемъ жизни и дѣятельности магометанства были не страны, населенныя язычниками, для грубости которыхъ ученіе Христово было бы слишкомъ высоко, а напротивъ того, страны, давно уже просвѣщенныя этимъ ученіемъ, воспринявшія его и принесшія плоды, ни какъ не менѣе обильные и не менѣе совершенные, чѣмъ плоды странъ, лежащихъ подъ болѣе суровымъ небомъ, или въ болѣе умѣренномъ климатѣ.

Не основательнѣе и то мнѣніе, которое видитъ въ магометанствѣ ученіе болѣе простое для пониманія и болѣе легкое для исполненія, и поэтому долженствующее будто бы служитъ подготовительною ступенью для воспринятія христіанства. Факты говорятъ совершенно противное. Народы, принявшіе исламъ, закоснѣваютъ въ немъ; и, между тѣмъ какъ предъ силою христіанскаго убѣжденія пало язычество Греціи и Рима, мало по малу начинало распатываться огнепоклонничество Персовъ; между тѣмъ какъ христіанствомъ было побѣждено грубое язычество германскихъ и славянскихъ народовъ, и теперь безпрестанно побѣждается еще болѣе грубое язычество дикарей Азіи, Африки, Америки и Австраліи *); между тѣмъ какъ христіанство находило себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Китаѣ и Японіи,—магометанство нигдѣ не поддается вліянію христіанства. Оно составляетъ, слѣдовательно, препятствіе къ его распространенію, а не подготовку къ его принятію. И такъ, съ точки зрѣнія религіозной, ученіе арабскаго пророка есть очевидный шагъ назадъ,—необъяснимая историческая аномалія.

Выкупается ли она богатыми проявленіями другихъ сторонъ человѣческой цивилизаціи? И на это придется отвѣчать отрицательно. Одинъ изъ народовъ, принявшихъ исламъ, первоначальный

*) И даже древнее вѣроисповѣданіе Японіи.

распространитель его, отличался, правда, любовью къ наукѣ и просвѣщенію. Но что же однако произвелъ онъ? Онъ сохранилъ въ переводѣ, большею частью искаженномъ, нѣкоторыя творенія греческихъ философовъ и ученыхъ; но они гораздо лучше и полнѣе сохранились бы, если бы страны, отвоеванныя Арабами, продолжали составлять часть греческой имперіи. Арабы сообщили также Европѣ нѣкоторыя открытія и изобрѣтенія Китая и Индіи; но и въ этомъ отношеніи заслуга ихъ имѣетъ совершенно отрицательный характеръ. Занявъ промежуточныя страны, сдѣлавъ ихъ недоступными европейцамъ, они составили преграду не столь непреодолимую, завѣсу не столь непроницаемую, какъ, вѣроятно, сдѣлали бы это племена монгольскія или татарскія. Но, ежели бы эти страны, отдѣляющія западъ отъ крайняго востока, хранившаго плоды древнѣйшей культуры, продолжали быть сѣдалищемъ христіанства и греческой образованности, хотя и склонявшейся уже къ своему упадку,—не сдѣлала ли бы, по всемъ вѣроятностямъ, того же самаго торговая предпріимчивость Венеціи, Генуи и другихъ итальянскихъ республикъ?

Чтó касается искуства, то религія Магомета была прямо ему враждебна. Только въ архитектурѣ представили магометанскіе народы изящные образцы. Но неужели мечети Каира и Дамаска, узорчатые мраморы Альгамбры—заключаютъ въ себѣ истинный смыслъ и значеніе магометанскаго движенія, выкупаютъ собой рѣки пролитой имъ крови, груды пепла, развалинъ и вѣковое варварство, которыми оно ознаменовалось? Удовлетворился ли бы нашъ умъ, если бы результаты наплыва варваровъ на образованныя страны грекоримскаго міра ограничивались готическими соборами, зубчатыми стѣнами и башнями средневѣковыхъ замковъ?

Сколько бы мы ни искали, мы не отыщемъ оправданія магометанства во внутреннихъ, культурныхъ результатахъ сообщеннаго имъ движенія. Съ этой точки зрѣнія, оно всегда будетъ представляться загадочнымъ, непонятнымъ шагомъ исторіи. Не находя, такимъ образомъ, оправданія этому историческому явленію въ его положительныхъ, самостоятельныхъ результатахъ, приходится отыскивать его во внѣшнихъ, служебныхъ отношеніяхъ къ чужимъ, постороннимъ цѣлямъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что общій существеннѣйшій результатъ всей исторіи магометанства состоитъ въ отпорѣ, данномъ имъ стремленію германо-романскаго міра на Востокъ,—стремленію, которое еще до сихъ поръ живо въ наро-

дахъ Европы, и которое составляетъ необходимую принадлежность той экспансивной силы, того естественнаго честолюбія, которымъ бываетъ одаренъ всякій живучій культурно-историческій типъ, необходимо стремящійся наложить печать свою на все его окружающее. Это честолюбіе привело Грековъ на берега Инда и на устья Днѣпра, Дона и Кубани. Оно вело и римскіе орлы на берега Атлантическаго океана и въ Месопотамскую равнину, въ лѣса Германіи и въ Нумидійскія степи.

Общая идея, существенный смыслъ магометанства заключается слѣдовательно въ той невольной и безсознательной услугѣ, которую оно оказало православію и Славянству, оградивъ первое отъ напора латинства, спасши второе отъ поглощенія его романо-германствомъ, въ то время, когда прямые и естественные защитники ихъ лежали на одрѣ дряхлости, или въ пеленкахъ дѣтства. Совершило оно это конечно безсознательно, но тѣмъ не менѣе совершило—и тѣмъ сохранило зародышъ новой жизни, новаго типа развитія, сохранило еще одну черту разнообразія въ общей жизни человѣчества, которымъ казалось предстояло быть задавленными и заглушенными могучимъ ростомъ романо-германской Европы. Эту мысль, собственно относительно православія, выразилъ (въ началѣ греческаго возстанія) константинопольскій патріархъ Анѳимій: „Провидѣніе избрало владычество Османовъ для замѣщенія поколебавшейся въ православіи Византійской имперіи (собственно надо бы сказать императорства), какъ защиту противъ западной ереси".

Мысль эта кажется дикою нѣмецкому историку Гервинусу, у котораго я заимствовалъ этотъ фактъ; но она глубоко истинна. Представимъ себѣ, что Іерусалимъ и всѣ святыя мѣста присоединены усиліями крестоносцевъ къ духовнымъ владѣніямъ папъ,—что съ сѣвера, съ запада, юга и востока западныя феодальныя государства окружаютъ постепенно-тающее ядро Византійской имперіи. Что̀ сталось бы съ православіемъ, загнаннымъ на сѣверо-востокъ, передъ блескомъ католицизма, усиленнаго и прославленнаго господствомъ надъ мѣстами, гдѣ зародилось христіанство? Оно казалось бы не болѣе, какъ одною изъ архаическихъ сектъ христіанства, въ родѣ несторіанства и разныхъ остатковъ монофизитства и моноѳелитства, доселѣ существующихъ на Востокѣ. Что̀ сталось бы также со Славянствомъ? Славяне Балканскаго полуострова не подверглись ли бы той же участи, которая сдѣла-

лась удѣломъ Славянъ подпавшихъ подъ владычество Германіи? Могли ли бы Сербы и Болгары устоять противъ одновременно направленнаго на нихъ политическаго гнета, религіознаго гоненія и житейскаго, бытового соблазна европейской культуры? Результатъ не можетъ быть сомнителенъ.

Та же участь, которая угрожала православію, постигла бы и Славянство.—И оно, охраняемое горными трущобами, или негостепріимною природою сѣвера, представляло бы лишь матеріалъ для этнографическихъ этюдовъ, какъ исчезающія племена Басковъ въ Пиренеяхъ, или Гэльскихъ народовъ въ горахъ Шотландіи и Валлійскаго княжества. Судьба самой Россіи, отовсюду окруженной (не только съ запада, но и съ юга) разливомъ романо-германской силы, не измѣнилась ли бы совершенно? А если бы часть ея и сохранила политическую независимость, что̀ представляла бы она собою въ мірѣ? Какого знамени была бы носительницею? Все грозное значеніе Россіи заключается въ томъ, что она—прибѣжище и якорь спасенія пригнетеннаго, но не раздавленнаго, не упраздненнаго, обширнаго славянскаго міра. Безъ этого, она была бы какимъ-то привидѣніемъ прошедшаго, вторгнувшимся изъ области тѣней въ міръ живыхъ, и, чтобы сдѣлаться участницею въ его жизни, ей дѣйствительно ничего бы не оставалось, какъ сбросить скорѣе съ себя свой славянскій обликъ. Это было бы существованіе безъ смысла и значенія, слѣдовательно въ сущности—существованіе невозможное.

Придаваемое здѣсь магометанству значеніе можетъ показаться невѣрнымъ, потому что самая мысль о завоеваніи Іерусалима была возбуждена въ народахъ Европы именно тѣмъ, что эти священныя для христіанства мѣста подпали подъ иго мусульманъ. Но, если бы этого и не было, развѣ можно сомнѣваться, что завоевательный духъ католицизма не оставилъ бы дряхлѣющей Византіи въ спокойномъ обладаніи ими,—особенно послѣ того, какъ собственная сила и значеніе его были потрясены реформаціею? Не видимъ ли мы ряда непрестанныхъ домогательствъ папства подчинить себѣ Востокъ? Унія, постигшая русскій народъ подъ владычествомъ Польши, не составляетъ ли указанія на участь, предстоявшую и прочимъ православнымъ народамъ, если бы османская гроза не заставила Европу трепетать за собственную свою судьбу? Развѣ честолюбіе и политическое искусство венеціанской аристократіи и габсбургской династіи были бы сдержаннѣе въ виду

предстоявшей добычи въ странахъ балканскихъ, придунайскихъ и на прибрежьи Эгейскаго моря, нежели честолюбіе рыцарей, на пятьдесятъ лѣтъ овладѣвшихъ босфорскою столицею?

Магометанство, наложивъ свою леденящую руку на народы Балканскаго полуострова, заморивъ въ нихъ развитіе жизни, предохранило ихъ, однако же, изліянною на нихъ чашею бѣдствій, отъ угрожавшаго имъ духовенаго зла,—отъ потери нравственной народной самобытности *). И это вліяніе не ограничилось народами, подпавшими турецкому игу. Пограничные съ ними южные Славяне обязаны сохраненіемъ своей народной и бытовой самостоятельности—той вѣковой борьбѣ, которую они вели какъ для собственной охраны, такъ и для охраны Германской имперіи противъ могущества Османовъ. Когда они составляли главную плотину противъ турецкаго разлива, грозившаго поглотить наслѣдственныя земли австрійскаго дома, было ли время думать объ ихъ онѣмеченьи, составлявшемъ никогда не теряемую изъ виду задачу всѣхъ нѣмецкихъ маркъ или украинъ?

Отношеніе Европы къ туркамъ никогда не было безкорыстно. Какъ теперь, такъ и за пять вѣковъ, видѣла она въ оттоманскомъ могуществѣ средство распространить свою власть и вліяніе на народы греческаго и славянскаго православнаго міра. Какъ сатана-соблазнитель, говорила она одряхлѣвшей Византіи: „видишь-ли царство сіе, пади и поклонись мнѣ, и все будетъ твое“. Въ виду грозы Магомета, собирала она Флорентинскій соборъ, и соглашалась протянуть руку помощи погибавшему не иначе, какъ подъ условіемъ отказа отъ его духовнаго сокровища, — отреченія отъ православія. Дряхлая Византія показала міру невиданный примѣръ духовнаго героизма. Она предпочла политическую смерть и всѣ ужасы варварскаго нашествія измѣнѣ вѣры, цѣною которой предлагалось спасеніе. Это же понятіе о значеніи турецкаго погрома жило и въ сердцѣ сербскаго народа. Въ эпическомъ сказаніи о битвѣ на Косовомъ полѣ—повѣствуется о видѣніи князя Лазаря, которому предлагается выборъ между земнымъ вѣнцомъ и побѣдою, и между вѣнцомъ небеснымъ, купленнымъ цѣною смерти

*) **И теперь мы видимъ, что эта леденящая рука была полезнѣе для Сербовъ, чѣмъ ихъ освобожденіе. Россія не поддерживала своего законнаго на нихъ вліянія, отказавшись,—надѣемся, конечно, на время, на полупути,—отъ борьбы за Славянскую идею.**

и пораженія. Инстинктивно-пророческій духъ народной поэзіи какъ бы видѣлъ въ побѣдѣ надъ оттоманскою силою потерю духовной самобытности народа. И по нынѣ предпочитаютъ Славяне Турціи тяжелое мусульманское ярмо—цивилизованному владычеству Австріи *).

Какъ за пять вѣковъ тому назадъ мусульманская гроза представлялась Европѣ весьма удобнымъ предлогомъ для подчиненія себѣ Славянъ и Грековъ, такъ точно и теперь преслѣдуетъ она ту же цѣль, употребляя всѣ свои силы для сохраненія Турецкаго владычества, возведеннаго въ высшій политическій принципъ. Она боится, что на развалинахъ Турціи разовьется самобытная славянская жизнь; она надѣется, что долгое томленіе приведетъ наконецъ къ тому результату, котораго она добивалась, собирая Флорентинскій соборъ. Какъ тогда, такъ и теперь говоритъ она христіанскимъ народамъ Турціи; „вступите въ духовное вассальство романо-германскаго міра и докажите отступничествомъ искренность своего отреченія,—и распадутся сковывающія васъ цѣпи".

Изъ этого видно, какъ несправедливо сравненіе — дѣлаемое г. Соловьевымъ—образа дѣйствій Европы относительно Турціи съ образомъ дѣйствія Спарты относительно Персидской монархіи, который привелъ къ Анталкидову миру; какъ несправедливъ дѣлаемый ей упрекъ въ измѣнѣ общеевропейскимъ интересамъ въ ихъ мнимой борьбѣ съ Азіей. Европа ничему не измѣняла, но съ стальною послѣдовательностью стремится къ одной и той же цѣли, какъ на Флорентинскомъ соборѣ, такъ и на Парижскомъ конгрессѣ **). Цѣль эта—подчиненіе себѣ славяно-греческаго православнаго міра какою бы то ни было цѣною. Оттоманская же власть (борется ли съ нею Европа, или поддерживаетъ ее) составляетъ въ ея глазахъ только средство для достиженія этой цѣли.

Такимъ образомъ, какъ ни велико значеніе магометанства въ развитіи Восточнаго вопроса, оно тѣмъ не менѣе составляетъ только эпизодъ въ извѣстной подъ этимъ именемъ великой исторической драмѣ. Сначала борется съ нимъ Европа подъ знаменемъ христіанства, какъ для собственной охраны, такъ и для распространенія своего владычества надъ Святою землею и прилежащими къ

---

*) Боснія и Герцоговина доказываютъ это теперь своимъ героическимъ возстаніемъ.

**) Прибавимъ, и на Берлинскомъ.

ней странами,—и въ этой борьбѣ, извѣстной подъ именемъ крестовыхъ походовъ, она заслуживаетъ полнаго сочувствія, хотя, съ точки зрѣнія православія и Славянства, должно почитать великимъ счастіемъ неудачу этой борьбы. Потомъ, она думаетъ воспользоваться новою магометанскою грозою для духовнаго подчиненія себѣ православныхъ народовъ, что̀ составляетъ одинъ изъ фазисовъ напора Европы на славянскій міръ,—и въ этомъ случаѣ, конечно, не заслуживаетъ ничьихъ симпатій. Затѣмъ, она опять борется съ нахлынувшимъ въ Европу оттоманскимъ могуществомъ изъ-за собственнаго охраненія. Въ этой борьбѣ главными дѣятелями являются сами Славяне, которые спасаются этимъ отъ духовнаго и бытового подчиненія Европѣ. Затѣмъ, когда миновала опасность, когда турецкое могущество ослабло, Европа продолжаетъ преслѣдованіе своихъ эгоистическихъ цѣлей,—и изъ нѣкогда угрожавшаго ей оттоманскаго могущества (которое она теперь старается поддержать) снова хочетъ сдѣлать орудіе для своихъ цѣлей: хочетъ при посредствѣ его надломить славянскую силу, заставить Славянъ броситься въ ея объятія, и тѣмъ хочетъ предотвратить образованіе новой самобытной культурной и политической силы, не допустить ее до раздѣла съ собою всеміорнаго вліянія, которое хочетъ сохранить, во всей цѣлости, въ своемъ нераздѣльномъ обладаніи. Поступая такимъ образомъ и найдя на юго-востокѣ точку опоры въ Турціи, которую и поддерживаетъ per fas et nefas, она находитъ на сѣверо-востокѣ другую точку опоры въ Польшѣ, исконной измѣнницѣ Славянству, и такъ же точно per fas et nefas стремится къ возстановленію владычества шляхты надъ милліонами русскаго, да и самого польскаго народа, нисколько не стѣсняясь ею же провозглашеннымъ принципомъ національности, и безъ зазрѣнія совѣсти искажая несомнѣнные факты.

Изо всѣхъ славянскихъ странъ, одна Польша пользуется ея благорасположеніемъ, потому что составляетъ типъ и образецъ того, какъ бы Европѣ хотѣлось фасонировать и прочихъ Славянъ для полнаго порабощенія ихъ себѣ,—даже и въ томъ случаѣ, когда бы имъ дана была и чисто-внѣшняя политическая самостоятельность, которую истинные Славяне всегда цѣнили ниже внутренней, духовной и бытовой самобытности.

Третью точку опоры и третье любимое дѣтище Европы составляетъ маленькій, но честолюбивый и политически-развитый Мадьярскій народъ, который, подобно Туркамъ и Полякамъ, поль-

зуется всѣми ея симпатіями, опять таки вопреки лицемѣрно-провозглашенному принципу національностей. Но какъ къ Венгріи, такъ и къ Польшѣ мы возвратимся впослѣдствіи.

Поворотъ Европы отъ борьбы съ Турками къ ихъ защитѣ и покровительству, поворотъ совершенно логическій и нисколько не заслуживающій названія измѣны, совпадаетъ съ двумя фактами, ознаменовавшими середину прошедшаго столѣтія: во-первыхъ—съ ослабленіемъ внутренней силы и энергіи Турецкаго государства, что̀ лишило его всякаго угрожающаго значенія для спокойствія самой Европы, но съ тѣмъ вмѣстѣ лишило и той охранительной способности, которую оно безсознательно и невольно оказывало православію и Славянству; во-вторыхъ, поворотъ этотъ совпадаетъ съ возмужалостью истинной, отъ вѣка уготовленной, законной, сознательной защитницы православія и Славянства—Россіи.

Съ возникновеніемъ самобытной славянской силы, турецкое владычество потеряло всякій смыслъ,—магометанство окончило свою историческую роль. Царство Филиппа и Константина воскресло на обширныхъ равнинахъ Россіи. Возобновленная Карломъ Западная римская имперія германской національности, которой въ наши дни соотвѣтствуетъ политическая система европейскихъ государствъ, изъ нея родившаяся,—получила себѣ противовѣсъ въ возобновленной Іоаннами, Петромъ и Екатериной Восточной римской имперіи славянской національности, хотя еще и не достигшей своего полнаго роста, еще не показавшей Европѣ—suum cuique.

Мысль о таковомъ значеніи Россіи, которая уже давно предчувствовалась и въ Москвѣ и въ Царе градѣ, обнаружилась и опредѣлилась въ геніальной русской монархинѣ и въ геніальномъ полномочномъ министрѣ ея Потемкинѣ-Таврическомъ. Съ этого времени турецкая власть обратилась въ историческій хламъ. Эта сила, которую до сего времени можно было характеризовать словами Гете: „Die Kraft die stets das Böse will und stets das Gute schafft“, лишилась способности творить хотя бы и невольное, безсознательное добро, и сохранила лишь возможность къ одному злу—къ безцѣльному и безпричинному угнетенію. И въ это-то именно время стяжала Турція постепенно-усиливающееся къ ней благорасположеніе Европы, именно этимъ засвидѣтельствовавшей несправедливость, своекорыстіе и незаконность своей восточной политики.

Здѣсь оканчивается второй періодъ развитія Восточнаго вопроса—періодъ напора Запада на Востокъ, или точнѣе, періодъ на-

пора германо-романскаго, католическаго и протестантскаго міра на православный славяно-греческій міръ,—періодъ, длившійся отъ дней Карла Великаго до дней Екатерины Великой.

Третій періодъ, въ который вступилъ Восточный вопросъ съ зарожденіемъ мысли о возобновленіи Восточной имперіи, долженъ быть названъ временемъ отпора Востока Западу, отпора славяно-греческаго міра міру германо-романскому, отпора, который съ воцареніемъ великой императрицы начался на всѣхъ пунктахъ пограничной линіи, но увѣнчался полнымъ успѣхомъ пока только на сѣверѣ.

Этотъ періодъ развитія Восточнаго вопроса имѣетъ еще другую характеристическую черту. Какъ одно время напоръ германскаго міра противъ Славянства принялъ характеръ борьбы противъ магометанства, такъ и славяно-греческій отпоръ имѣетъ въ теченіе этого періода тотъ же характеръ борьбы противъ магометанства. Она, замаскировавъ собою истинныхъ борцовъ, не дала историческимъ врагамъ стать лицомъ къ лицу и узнать другъ друга. Отуманенная временною борьбою съ магометанствомъ, Европа думала видѣть сначала въ Россіи, принявшей на себя задачу этой борьбы, союзницу, успѣхамъ которой рукоплескало общественное мнѣніе. Даже Австрія въ рукахъ антиавстрійскаго императора Іосифа, имѣвшаго своимъ назначеніемъ расшатать основы своей искусственной монархіи и во всемъ поступать наперекоръ истиннымъ ея интересамъ, вступила въ прямой союзъ съ Екатериною для разгрома Турціи. Только немногіе искусившіеся въ политикѣ мужи, какъ французскій министръ Шуазель, какъ руководители англійской, а временно прусской и австрійской политики, были прозорливѣе общественнаго мнѣнія Европы, всѣми мѣрами противодѣйствовали планамъ Екатерины, и наконецъ заставили войти Европу въ ея истинную роль. Впрочемъ, самый союзъ Екатерины съ Австріей доказываетъ, что въ это время и ея великому уму историческая задача, ею предпринятая, не вполнѣ уяснилась.

Между тѣмъ какъ отпоръ славянскаго міра на западной границѣ Россіи имѣлъ почти удовлетворительный исходъ въ царствованіе самой Екатерины—возвращеніемъ Россіи ея древняго достоянія, за единственнымъ исключеніемъ Галицкой области, до сихъ поръ преданной на жертву ополяченію и онѣмеченію *),—

*) И еще угорской Руси, преданной омадьяренію; но для присоединенія ея не представлялось еще достаточнаго повода.

успѣхи русскаго оружія и русской политики далеко не были столь рѣшительны въ борьбѣ съ Турціею, хотя Россія и вела съ нею пять побѣдоносныхъ войнъ. Для каждаго отдѣльнаго случая можно найти и частное объясненіе этой относительной неудачи. Напримѣръ, результаты второй Турецкой войны при Екатеринѣ были бы конечно совершенно иные, если бы главныя русскія силы были ввѣрены великому Суворову, который уже успѣлъ тогда выказать свою геніальность въ частныхъ, одержанныхъ имъ, успѣхахъ. Такъ же точно, если бы въ шестилѣтнюю войну, которая велась при Императорѣ Александрѣ, главныя русскія силы были направлены туда, гдѣ были замѣшаны главныя русскіе интересы (вмѣсто безпрестаннаго отвлеченія ихъ для цѣлей далеко не столь близкихъ и не столь дорогихъ), то и успѣхъ ея не ограничился бы вѣроятно присоединеніемъ одной Бессарабіи. Но, кромѣ этихъ частныхъ причинъ, были, какъ и всегда, причины общія, которыя ихъ и объясняютъ. Такихъ общихъ причинъ было двѣ: неясность цѣлей, которыхъ стремились достигнуть, и отсутствіе политики либеральной и національной вмѣстѣ, двухъ качествъ, совокупность которыхъ существенно необходима для успѣшнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса въ смыслѣ выгодномъ для Россіи и для Славянства.

Какъ во дни Екатерины, такъ и впослѣдствіи, казалось, что могло быть только три исхода, къ которымъ могла стремиться Россія въ своихъ войнахъ съ Турціей: раздѣлъ Турціи между Австріей и Россіей, полное присоединеніе всей Турціи къ Россіи, и такъ называемый греческій проектъ, т. е. возрожденіе греческой византійской имперіи. Первое рѣшеніе, или соединеніе перваго и послѣдняго должны были имѣться въ виду при союзѣ Россіи съ Австріей противъ Турціи, во время второй Екатерининской войны. Нѣтъ надобности доказывать въ настоящее время, что уступка какой либо части славянскихъ земель Австріи есть настоящее преступленіе противъ Славянства—и совершенно противна интересамъ Россіи *). Второе рѣшеніе едва-ли когда серіозно входило въ намѣренія русскаго правительства; даже присоединеніе какой либо значительной части Турціи (напримѣръ Молдавіи и Валахіи) къ Россіи,—если и имѣлось по временамъ въ виду,—

*) Преступленіе, совершенное, послѣ послѣдней побѣдоносной войны, Берлинскимъ отступничествомъ.

отпугивало однако всегда русскихъ политиковъ многими неудобствами, связанными съ такимъ присоединеніемъ къ имперіи многомилліоннаго инороднаго населенія. Извѣстно, что, когда Турція предлагала императору Николаю взять Дунайскія княжества вмѣсто уплаты тяжелой для нея военной контрибуціи, онъ не только не принялъ этого предложенія, но предпочелъ даже простить значительную часть лежавшаго на Турціи долга. Этотъ безкорыстный образъ дѣйствія едва-ли и не былъ самымъ полезнымъ для Россіи. Что касается до греческаго проекта, то это была бы, безъ сомнѣнія, самая вредная—въ интересахъ Россіи и Славянства—форма рѣшенія турецкой части Восточнаго вопроса. Россія своими руками создала бы на Балканскомъ полуостровѣ новую Австрію, въ которой греческій элементъ игралъ бы такую же роль въ отношеніи славянскаго, какую въ настоящей Австріи играетъ элементъ нѣмецкій; этотъ элементъ, въ случаѣ своей слабости для полнаго нравственнаго порабощенія Славянства, по всѣмъ вѣроятіямъ, прибѣгъ бы къ дуализму греко-румынскому, такъ же точно, какъ Австрія съ тою же цѣлью прибѣгла къ дуализму нѣмецко-мадьярскому. Россіи и тутъ пришлось бы—или лелѣять врага своего, или самой же разрушать созданіе рукъ своихъ. Но какъ труденъ этотъ послѣдній образъ дѣйствія—видно изъ примѣра Франціи, которая принуждена volens nolens терпѣть итальянское единство, устройству котораго содѣйствовала противъ своего желанія. Если бы Россія даже и рѣшилась на такой образъ дѣйствія, то новая Византія, безъ сомнѣнія, нашла бы другихъ покровителей и союзниковъ, которые стали бы столь же ревностно поддерживать и укрѣплять это ярмо, наложенное на шею Славянамъ, какъ поддерживаютъ теперь ярмо турецкое,—и имѣли бы для этого еще гораздо болѣе благовидные предлоги, чѣмъ въ ихъ теперешней туркофильской политикѣ.

Что касается до соединенія либеральнаго и національнаго направленія политики для успѣшнаго развитія Восточнаго вопроса, то прежде всего должно замѣтить, что, употребляя эти выраженія, я дѣлаю уступку общепринятому употребленію; ибо, собственно говоря, либеральная политика совершенно невозможна, если она не національна, такъ какъ либерализмъ заключается въ свободномъ развитіи всѣхъ здоровыхъ сторонъ народной жизни, между которыми національныя стремленія занимаютъ самое главное мѣсто.

Необходимость національной политики, т. е. предпочтенія своихъ народныхъ интересовъ всякимъ другимъ, какими бы безкорыстными и возвышенными они ни казались,—сама по себѣ очевидна для рѣшенія Восточнаго вопроса; ибо, именно такъ-называемые высшіе европейскіе интересы и составляютъ единственное препятствіе къ освобожденію Славянъ и Грековъ и къ изгнанію Турокъ изъ завоеваннаго ими Балканскаго полуострова. Если во время греческаго возстанія императоръ Александръ не послушалъ своего великодушнаго свободолюбиваго сердца, то единственно потому, что считалъ необходимымъ подчинять національныя цѣли и интересы Россіи—интересамъ европейскаго мира и спокойствія, мнимо высшимъ цѣлямъ противодѣйствія революціоннымъ стремленіямъ, снова грозившимъ охватить европейское общество,—стремленіямъ, опасаться которыхъ Россія не имѣла, собственно, ни повода, ни основанія. Пока эти или подобныя имъ посторонніа Россіи соображенія, какъ напримѣръ забота о сохраненіи политическаго равновѣсія и т. д., будутъ имѣть вліяніе на рѣшенія Россіи, то само собою разумѣется, что нечего и думать объ удовлетворительномъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, которое—и въ дѣйствительности, и въ общемъ сознаніи Европы—непремѣнно должно нарушить если не законныя ея права и интересы, то по крайней мѣрѣ то понятіе, которое она составила о своихъ правахъ и выгодахъ.

Необходимость либеральной политики для рѣшенія Восточнаго вопроса явствуетъ изъ того, что политика эта есть политика освобожденія,—и не должны-ли были казаться лицемѣріемъ не только врагамъ, но и друзьямъ Россіи, ея заботы о свободѣ народовъ, когда во внутренной политикѣ она руководилась совершенно противоположными началами? Политика императрицы Екатерины была, безъ всякаго сомнѣнія, національна и въ то же время, по возможности, либеральна,—но только по возможности, ибо истиннаго либерализма не могло быть при существованіи крѣпостнаго права. Сама великая императрица не была-ли принуждена логическою послѣдовательностью (вытекавшею изъ общаго положенія Россіи) ввести крѣпостное право въ Малороссіи, гдѣ его доселѣ не было? Не должны-ли были славянскіе народы чувствовать невольнаго недовѣрія къ Россіи, вступавшей въ борьбу за ихъ освобожденіе,—и въ то же время сохранявшей и распространявшей у себя дома рабство? Не охлаждало-ли это къ ней симпатій ея единоплемен-

никовъ и единовѣрцевъ, не давало ли права ея врагамъ говорить ей: „врачу, исцѣлися самъ?“ Насколько возрасли эти симпатіи на нашихъ глазахъ, несмотря на неудачу Крымской войны, какъ только снято было крѣпостное иго съ русскаго народа! Не это-ли внутреннее освобожденіе дало Россіи возможность рѣшить въ свою пользу тяжбу съ Польшею, все еще длившуюся, несмотря на наружное ея подчиненіе, и не оно ли дало окончательное и благотворное направленіе польской части Восточнаго вопроса? Только съ великаго дня 19-го февраля, и только повторительно ознаменованная святымъ дѣйствіемъ освобожденія, получила Россія въ свои руки всѣ средства и орудія для рѣшенія возложенной на нее великой задачи Восточнаго вопроса, т. е. полнаго народнаго всеславянскаго освобожденія. Съ этого великаго дня исполняются надъ Россіею слова Писанія: „послѣдніе становятся первыми“. Роли мѣняются. Проповѣдники свободы на словахъ—становятся защитниками рабства на дѣлѣ; а слывшіе такъ долго поборниками рабства и угнетенія—могутъ съ чистою совѣстью предносить знамя свободы *).

Для полнаго успѣха остается только устранить другое препятствіе, заключающееся въ неясности цѣлей и стремленій. Но и въ этомъ отношеніи сознаніе далеко подвинулось во всѣхъ сферахъ общества. Примѣръ недавнихъ событій въ Италіи и Германіи указалъ и Россіи на тотъ путь, которому она должна слѣдовать. Сами событія довершатъ остальное, заставивъ отбросить (хотя бы то было по неволѣ) тѣ уваженія, которыя налагаются усвоенными привычками и преданіями, къ существующимъ и освященнымъ временемъ интересамъ, даже незаконнымъ и враждебнымъ,—какъ вѣдь умѣла же это сдѣлать Пруссія, въ виду естественныхъ, истинно законныхъ и священныхъ интересовъ представляемой ею германской народности **).

Ходъ развитія Восточнаго вопроса со времени направленія, даннаго ему великою монархинею, постепенно разоблачалъ закрывавшій его туманъ. Послѣ трехъ войнъ, окончившихся Кучукъ-Кайнарджискимъ, Ясскимъ и Бухарестскимъ мирами и совершенно

---

*) Такъ это и было въ Сербскую и послѣднюю Турецкую войну, такъ продолжается и теперь.

**) Къ сожалѣнію, наши глаза и теперь еще не прозрѣли и все еще, даже, можетъ быть, болѣе чѣмъ прежде, поражены бѣльмами.

разшатавшихъ турецкое могущество, общественное мнѣніе Европы еще неслишкомъ тревожилось успѣхами Россіи, и, во время Греческаго возстанія, готово было бы рукоплескать побѣдамъ русскаго оружія, если бы оно было поднято на защиту родины Гомера и Платона. Съ другой стороны, Россія еще менѣе была склонна видѣть главное препятствіе къ освобожденію угнетенныхъ Турками христіанъ—въ общемъ противодѣйствіи не только правительствъ, но и общественнаго мнѣнія Европы. Враждебность ихъ высказалась однако уже съ значительной силой послѣ Наваринской битвы, — особенно въ Англіи, а еще болѣе послѣ перехода русскихъ черезъ Балканы и заключенія блистательнаго, хотя малополезнаго Адріанопольскаго мира. Агитація въ пользу Польши значительно усилила враждебное расположеніе къ Россіи, а пробужденіе славянскаго сознанія и начинавшая возникать идея панславизма возбудили (преимущественно въ Германіи) старинную вражду противъ Славянства, считавшагося умершимъ, погребеннымъ и осужденнымъ питать и усиливать своими разлагающимися составными частями ростъ нѣмецкаго тѣла. Изслѣдованія Фальмерайера, показавшія, что въ жителяхъ Греціи течетъ кровь славянскихъ варваровъ, а не сыновъ древней Эллады, заставили даже умолкнуть возбужденныя было классическими воспоминаніями симпатіи къ возрождавшейся Греціи. Хункіаръ-скелесскій договоръ имѣлъ подобное же вліяніе въ высшихъ спеціально-политическихъ сферахъ. Славяне не на дѣлѣ только, а и въ теоріи сдѣлались паріями Европы, которымъ отказывали во всѣхъ благахъ свободы, во всѣхъ плодахъ цивилизаціи.

Вражда къ начинавшему сознавать свои права и свои силы сопернику до того отуманила всякое чувство истины и справедливости въ Европѣ, что она не только стала закрывать глаза передъ страданіями турецкихъ христіанъ, имѣвшихъ несчастіе быть Славянами и православными, но даже возгорѣла любовью къ Туркамъ, въ которыхъ стала видѣть единственный элементъ, способный передать Востоку начала истинной европейской цивилизаціи. Вмѣсто филэллиновъ, Европа (въ особенности же Англія) наполнилась туркофилами. Всѣ стали находить, что не магометанство и не Турки враги Европы и ея культуры, а Славяне и представительница ихъ Россія. Когда въ 1849 г. Славяне австрійскіе возстали противъ мнимаго мадьярскаго либерализма, роднаго брата либерализма польскаго,—когда Славяне Русскіе, пришедшіе на по-

мощь Австріи, сокрушили его, впрочемъ не на пользу себѣ;—то это воззрѣніе еще болѣе утвердилось и укрѣпилось. Такимъ расположеніемъ умовъ съумѣлъ воспользоваться для своей цѣли новый императоръ французовъ; а 1853 и послѣдовавшіе за нимъ годы раскрыли глаза какъ Европѣ, такъ и Россіи.

Древняя борьба романо-германскаго и славянскаго міра возобновилась, перешла изъ области слова и теоріи въ область фактовъ и историческихъ событій. Магометанско-турецкій эпизодъ въ развитіи Восточнаго вопроса окончился; туманъ разсѣялся, и противники стали лицомъ къ лицу въ ожиданіи грозныхъ событій, страхъ передъ которыми заставляетъ отступать обѣ стороны доколѣ возможно, откладывать неизбѣжную борьбу насколько Богъ попуститъ. Отнынѣ война между Россіей и Турціей сдѣлалась невозможною и безполезною; возможна и необходима борьба Славянства съ Европою,—борьба, которая рѣшится конечно не въ одинъ годъ, не въ одну кампанію, а займетъ собою цѣлый историческій періодъ *). Съ Крымскою войною окончился третій періодъ Восточнаго вопроса и начался четвертый, послѣдній періодъ рѣшенія вопроса, который долженъ показать: Велико ли Славянское племя только числомъ своимъ и пространствомъ имъ занимаемой земли, или велико оно и по внутреннему своему значенію; равноправный ли оно членъ въ семьѣ арійскихъ народовъ; предстоитъ ли и ему играть міродержавную роль, наравнѣ съ его старшими братьями; суждено ли ему образовать одинъ изъ самобытныхъ культурныхъ типовъ всемірной исторіи:—или ему предназначено второстепенное значеніе вассальнаго племени, незавидная роль этнографическаго матеріала, долженствующаго питать собою своихъ гордыхъ властителей и сюзереновъ? Вся историческая аналогія **) убѣждаетъ насъ въ противномъ—и заставляетъ употребить всѣ средства, всѣ силы, всю энергію на этотъ рѣшительный споръ, который не можетъ уже долго откладываться.

---

*) И это стало еще яснѣе послѣ послѣдней Турецкой войны и Берлинскаго трактата.

**) И, хотя, и въ настоящую минуту, дѣло находится въ томъ же колеблющемся положеніи, вся историческая аналогія и пр.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

МѢСТО АВСТРІИ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

Изъ предъидущей главы видно, что Восточный вопросъ есть развитіе одной изъ тѣхъ великихъ всемірно-историческихъ идей, которыя запечатлѣваютъ собою цѣлый періодъ въ общей жизни человѣчества,—рядъ событій, которому не было подобнаго со времени паденія Западной Римской имперіи и Великаго Переселенія народовъ, положившихъ основаніе жизни германо-романскаго культурно-историческаго типа. Ни одно изъ событій такъ-называемой Новой исторіи не можетъ равняться съ нимъ своею всемірно-историческою важностію, ибо всѣ они: основаніе Карловой монархіи, развитіе папской власти, реформація, революція—были только проявленіями внутренняго развитія одного культурнаго типа, а Восточный вопросъ есть борьба между двумя разнородными типами, вѣроятный исходъ которой долженъ доставить совершенно новое содержаніе исторической жизни человѣчества,—столь же отличное, какъ то, которое представляла жизнь древней Греціи—сравнительно съ жизнію Египта, Индіи, Вавилона и Ассиріи, Персіи, Іудеи, или жизнь того, чтò должно называть Европой, сравнительно съ жизнію Рима. Въ чемъ же заключается желанное для Славянства рѣшеніе его, въ возможности и необходимости котораго насъ удостовѣряетъ вся историческая аналогія, истинный смыслъ исторіи? Что народы Балканскаго полуострова: Сербы, Болгары, Греки, Румыны должны достигнуть полной народной и политической независимости и самостоятельности,—что Туркамъ нѣтъ мѣста по сѣверную сторону Геллеспонта, Босфора и Пропонтиды,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но этимъ далеко не исчерпывается еще предложенная міру Восточнымъ вопросомъ задача.

Восточный вопросъ касается всего Славянства, всѣхъ народовъ, населяющихъ европейскій полуостровъ и не принадлежащихъ къ числу народовъ германскаго и германо-романскаго племени,— не принадлежащихъ слѣдовательно къ Европѣ въ культурно-историческомъ смыслѣ этого слова, не жившихъ активною историческою европейскою жизнію, а только захваченныхъ ею и, до поры до времени, пассивно служившихъ чуждымъ для нихъ цѣлямъ и стремленіямъ. Кромѣ Россіи и Турціи, народы эти составляютъ еще большинство населенія Австріи,—и потому необходимо включить и это государство въ наше разсмотрѣніе Восточнаго вопроса, прежде чѣмъ можно будетъ представить удовлетворительное, сообразное съ требованіями исторіи рѣшеніе его.

Здѣсь не лишнимъ будетъ предпослать краткій очеркъ исторіи образованія Австрійскаго государства, т. е. исторіи слѣпленія разныхъ выморочныхъ имѣній, отдаваемыхъ въ приданое, переходящихъ изъ рукъ въ руки и наконецъ сосредоточившихся въ рукахъ наиболѣе счастливыхъ наслѣдниковъ.

Извѣстенъ латинскій стихъ: „Tu felix Austria nube". Но это счастье было сначала удѣломъ не Австріи, т. е. не эрцъ-герцогства Австрійскаго, а Чехіи, которая долгое время была центральнымъ ядромъ этой политической кристаллизаціи, отъ которой выдѣлился даже самъ австрійскій центръ, отъ которой приставали къ этому послѣднему разныя крохи, и которая наконецъ сама была поглощена болѣе счастливымъ соперникомъ. Чешскій король Отокаръ, кромѣ Чехіи и Моравіи, владѣлъ и эрцъ-герцогствомъ Австрійскимъ. Во время похода рыцарей противъ языческой Литвы, въ числѣ его вассаловъ былъ графъ Рудольфъ Габсбургскій. Когда этотъ послѣдній былъ избранъ германскимъ императоромъ, Отокаръ не хотѣлъ ему подчиниться. Рудольфъ, воспользовавшись находившеюся въ его рукахъ нѣмецкою силою, побѣдилъ Отокара, отнялъ у него герцогство Австрійское и отдалъ его своему сыну Альберту въ 1278 году. Двадцать лѣтъ спустя, Альбертъ вступилъ на императорскій престолъ и царствовалъ 10 лѣтъ—до 1308 года. Онъ злодѣйски умертвилъ Отокарова внука и послѣдняго наслѣдника, Вячеслава, въ 1301 году, въ видахъ присоединенія его владѣній къ своимъ; но самъ былъ убитъ племянникомъ, послѣ чего императорская корона вышла изъ рода Габсбурговъ на 130 лѣтъ въ теченіе которыхъ царствовало 6 императоровъ, изъ коихъ четверо, люксембургскаго дома, были вмѣстѣ съ тѣмъ и королями

чешскими; но и въ это время продолжалось скопленіе наслѣдствъ въ Габсбургскомѣ домѣ.

Въ 1308 году былъ избранъ императоромъ Гейнрихъ VII Люксембургскій, которому досталось и Чешское королевство, за прекращеніемъ рода чешскихъ королей съ умерщвленіемъ Вячеслава. Послѣ смерти Гейнриха, отравленнаго въ причастіи во Флоренціи въ 1313 году, сынъ его, Іоаннъ, наслѣдовалъ только чешскую, а не императорскую корону. Онъ участвовалъ въ походахъ тевтонскихъ рыцарей и пріобрѣлъ Силезію покупкою отъ польскихъ королей, и былъ убитъ въ 1346 году при Креси. При Іоаннѣ чешскія владѣнія временно значительно увеличились. Герцогъ тирольскій, также Іоаннъ, которому принадлежали, кромѣ Тироля, Штирія и Каринтія, оспаривалъ право Іоанна Богемскаго на чешскій престолъ, на томъ основаніи, что былъ женатъ на теткѣ Вячеслава. Съ 1308 по 1329 годъ считалъ онъ себя королемъ богемскимъ. Миръ между обоими претендентами заключенъ на томъ, что дочь и единственная наслѣдница герцога тирольскаго—Маргарита Карманоротая (Maultasche) была выдана замужъ за старшаго сына Іоанна Богемскаго. Казалось, слѣдовательно, что почти вся нынѣшняя Цислейтанія, съ Силезіей вмѣсто Галиціи, должна была сосредоточиться подъ властію чешскихъ королей. Но у Маргариты не было дѣтей. Послѣ 11 лѣтъ брака ушла она отъ мужа и вышла въ 1342 году замужъ за Людовика Бранденбургскаго, сына германскаго императора Людовика IV Баварскаго, который послѣ борьбы съ сыномъ Альберта Австрійскаго, Фридрихомъ Красивымъ, окончившейся пораженіемъ этого послѣдняго при Мюльбергѣ, занялъ въ 1322 году императорскій престолъ и царствовалъ до 1347 г.

Іоаннъ, разгнѣванный на своего сына за то, что у него не было дѣтей отъ Маргариты, и что черезъ это Чехія потеряла Тироль, Штирію и Каринтію, лишилъ его первородства и сдѣлалъ маркграфомъ Моравскимъ. Онъ женился вторично, и на этотъ разъ имѣлъ дѣтей. У Маргариты отъ ея втораго брака также былъ сынъ, но онъ умеръ въ малолѣтствѣ, въ 1363 году, и она передала свое богатое наслѣдство дѣтямъ своей тетки съ материнской стороны, эрцъ-герцогамъ австрійскимъ; сама же умерла въ 1366 году. Съ этого времени, слѣдовательно, Австрія состояла уже изъ эрцъ-герцогства, Штиріи, Каринтіи и Тироля.

Еще при жизни Людовика IV Баварскаго, послѣ смерти Іоанна Богемскаго, папа провозгласилъ императоромъ сына его, Карла IV,

на котораго перешли права первородства, послѣ изгнанія его старшаго брата въ Моравію за его вредное въ политическомъ отношеніи безплодіе. Этотъ германскій императоръ и король Чехіи жилъ постоянно въ Прагѣ, открылъ Карлсбадъ, отличался любовью и справедливостью къ Славянству, за что ненавидимъ былъ Нѣмцами и прозванъ ими Pfaffen-Kaiser. Онъ царствовалъ съ 1347 по 1378 годъ, и купилъ за 200,000 талеровъ Бранденбургъ, куда сначала назначилъ курфирстомъ своего сына Вячеслава, а въ 1373 году совершенно включилъ Бранденбургъ въ составъ Чешскаго королевства, которое, если бы сохранило всѣ свои владѣнія, отошедшія къ Австрійскому дому, почти простиралось бы косою полосою отъ береговъ Балтійскаго до береговъ Адріатическаго моря.

Сынъ его Вячеславъ, король Чехи, курфирстъ бранденбургскій, императоръ германскій, занималъ императорскій престолъ съ 1378 по 1400 годъ. Бранденбургъ отдалъ онъ двумъ своимъ братьямъ, Сигизмунду и Іоанну, вышвырнулъ исповѣдника жены своей Іоанна Непомука (католическаго святаго) въ Молдаву, былъ запертъ Чехами въ тюрьму, откуда ушелъ съ помощью дочери лодочника. Нѣмцы лишили его императорскаго престола, но чешскимъ королемъ оставался онъ до 1419 года, когда умеръ апоплексическимъ ударомъ, отъ страха передъ именемъ Жижки.

Въ теченіе 10 лѣтъ носилъ императорскую корону Рупрехтъ Пфальцскій, по прозванію Щипцы, послѣ котораго былъ избранъ императоромъ Сигизмундъ, курфирстъ бранденбургскій съ 1378 года, король венгерскій съ 1387, императоръ германскій съ 1410 и король Чешскій съ 1419 года. Онъ былъ сосватанъ на дочери Фридриха V, бургграфа нюренбергскаго, предка прусскихъ Гогенцоллерновъ, но женился на дочери короля венгерскаго и, по смерти тестя, наслѣдовалъ его королевство.

Такимъ образомъ, Чехія была могущественнѣйшимъ государствомъ своего времени, мало чѣмъ уступавшимъ величиною нынѣшней австрійской имперіи, ибо собственно-австрійскія владѣнія и Галиція замѣнялись Силезіею и Бранденбургомъ.

Во время императорства Сигизмунда, 15 Іюня 1415 года, сожженъ Гусъ на Констанцкомъ соборѣ,—и немного ранѣе, въ томъ же году, проданъ Бранденбургъ Фридриху VI, бургграфу нюренбергскому, за 400,000 золотыхъ гульденовъ. Такимъ образомъ, оба государства, совмѣсто господствовавшія впослѣдствіи надъ Германіею,—Пруссія и Австрія,—суть отпрыски Чешскаго королевства.

Вскорѣ и сама Чехія вошла въ составъ этой послѣдней. Сигизмундъ оставилъ послѣ себя только дочь, которая вышла замужъ за Альберта эрцъ-герцога австрійскаго. Въ 1438 году получилъ онъ корону чешскую, венгерскую и императорскую, подъ именемъ Альберта II, и, соединивъ воедино всѣ австрійскія земли, умеръ въ слѣдующемъ же году. Затѣмъ, какъ извѣстно, Австрія лишилась Силезіи, но взамѣнъ пріобрѣла, по тремъ польскимъ раздѣламъ, Галицію и южною часть Царства Польскаго (отошедшую въ герцогство Варшавское и присоединенную въ 1815 году къ Россіи), а также венеціанскую республику по Компоформійскому миру, и Ломбардію на Вѣнскомъ конгрессѣ, которыхъ лишилась на нашихъ глазахъ, сохранивъ однако же венеціанское наслѣдіе—Далмацію. Съ этого времени, всѣ римско-германскіе императоры, за исключеніемъ Карла VII (1742—1745), принадлежали къ Габсбургскому дому.

Таковъ былъ формальный принципъ образованія Австрійской монархіи. Но случайное совпаденіе наслѣдствъ не можетъ же служить единственною связью разнороднѣйшихъ элементовъ. Для этого необходима была и какая нибудь объединяющая идея. Такихъ объединяющихъ идей, заключавшихся во временныхъ внѣшнихъ цѣляхъ, было двѣ: 1) защита раздробленной, разъединенной Германіи отъ натиска централизованной Франціи съ запада; 2) защита,—какъ самихъ соединившихся подъ Австрійскимъ скипетромъ земель, такъ и вообще Европы, отъ натиска Турокъ, разлившихся по Балканскому полуострову. Обѣ эти роли пали главнѣйшимъ образомъ на Славянъ разныхъ наименованій, составлявшихъ главную массу австрійскихъ народовъ и главную силу манархіи Габсбурговъ,—не только по численности своей, но и по своему воинскому духу.

Нѣмцамъ не худо бы помнить, что не только спокойствіемъ, давшимъ имъ возможность развить свою культуру, но даже самымъ существованіемъ своимъ въ качествѣ самобытнаго народа, нынѣ сплачивающагося въ крѣпкое политическое тѣло, обязаны они Славянамъ,—какъ тѣмъ, которые вошли въ государственную съ ними связь, такъ и самобытнымъ славянскимъ государствамъ, боровшимся за нихъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Германская имперія послѣ періода своей силы и славы, во времена императоровъ изъ домовъ Франконскаго, Саксонскаго и Гогенштауфенскаго,—пришла въ состояніе совершеннаго хаоса и разслабленія,

такъ что лишилась всякой внутренней силы. Императоръ, избранный изъ рода, не имѣвшаго большихъ наслѣдственныхъ владѣній, не имѣлъ средствъ заставить себѣ повиноваться безчисленныхъ среднихъ и мелкихъ властителей,—изъ которыхъ каждый преслѣдовалъ свои личныя цѣли даже въ виду враговъ имперіи, и нерѣдко, изъ своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, соединялся съ этими врагами. Поэтому, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, избирательная корона передавалась государямъ сначала изъ чешскаго, а потомъ изъ австрійскаго дома, наслѣдственныя владѣнія которыхъ давали имъ средства выдерживать тяжесть императорскихъ обязанностей и своими силами защищать имперію отъ внѣшнихъ враговъ. Собственныя войска имперіи, никогда не поспѣвавшія во-время, дурно устроенныя, дурно вооруженныя (въ полномъ смыслѣ die elende Reichsarmée, какъ окрестила типографская ошибка императорскую армію, спѣшно собиравшуюся противъ Фридриха Великаго), доказали свою неспособность защищать интересы Германіи,—какъ во времена Людовика XIV и Наполеона, такъ и на нашихъ глазахъ въ замѣнившемъ имперію Германскомъ Союзѣ. Но главныя силы австрійскаго дома, на плечахъ которыхъ лежала, въ теченіи 400 лѣтъ, оборона Германіи отъ враговъ имперіи— Турокъ и Французовъ, были силы славянскія. О борьбѣ противъ Турокъ и говорить нечего: преимущественное участіе въ ней Славянъ слишкомъ ясно и очевидно, но здѣсь и собственный славянскій интересъ былъ глубоко затронутъ. Но, безъ славянской силы, и завоеванія Французовъ не ограничились бы Эльзасомъ, Лотарингіею и Франшъ-Конте. Если нѣмцы могутъ еще распѣвать:

Sie sollen ihn nicht haben,
Den alten deutschen Rhein,

то этимъ обязаны они единственно тому, что волны этого древняго нѣмецкаго Рейна и сосѣднія равнины не разъ обагрялись славянскою кровью, проливавшеюся за нѣмецкое достояніе и за нѣмецкую честь.

Когда не хватало внутренней, прицѣпленной къ Германіи славянской силы, являлась славянская помощь извнѣ. Когда Турки осадили Вѣну, спасителемъ явился съ польскими и русскими войсками Янъ Собіесскій. Когда революціонная Франція и геній Наполеона громили и порабощали Германію, три раза являлись Русскіе на помощь, и (въ четвертый) были главными участниками

освобожденія Германіи, главными, несмотря на то, что этимъ оскорбляется германское самолюбіе, не хотящее признать великой услуги, оказанной Германіи Россіей безъ малѣйшаго къ тому интереса, даже противъ своего интереса.

Что русскіе были главными участниками въ такъ-называемыхъ Befreiungs-Kriege,—неопровержимо доказывается числами. Вотъ нѣсколько свѣдѣній, извлеченныхъ изъ сочиненія г. Богдановича относительно мѣры участія Русскихъ въ войнѣ 1813 года:

Подъ Люценомъ	Русскихъ	54,000,	Пруссаковъ	38,000.
„ Бауценомъ	„	65.000,	„	28,000.
„ Кацбахомъ	„	56,000,	„	38,000.

Подъ Кульмомъ въ первый день—одни Русскіе: сначала 12,000, потомъ 16,000, при чемъ выбыло изъ строя 7,002 человѣка. При осадѣ крѣпостей: Данцига—13,000 Русскихъ, Кюстрина—4,000 Русскихъ, Глогау—5,000 Русскихъ и 3,000 Пруссаковъ. Подъ Лейпцигомъ: Русскихъ 127,000, Пруссаковъ 71,000, Австрійцевъ 89,500, Шведовъ 18,000,—итого на 160,000 Нѣмцевъ всѣхъ наименованій 127,000 Русскихъ; изъ числа этихъ войскъ выбыло изъ строя на 21,000 Русскихъ 21,300 Пруссаковъ и Австрійцевъ. Но сколько было еще славянъ въ Австрійскихъ войскахъ, и какова слѣдовательно будетъ славянская доля въ великой войнѣ за освобожденіе, im grossen Befreiungskriege? Что же такъ много говорятъ Нѣмцы о заслугахъ, оказанныхъ ими славянскому міру, и Россіи въ особенности?! Посчитаться не трудно, кто у кого окажется въ долгу *).

Такимъ образомъ, смыслъ австрійскаго конгломерата народовъ, идея австрійскаго государства, какъ выражается чешскій историкъ Палацкій, заключалась въ оборонѣ разслабленной и раздробленной Германіи противъ напора Французовъ и Турокъ,—оборонѣ, въ которой главное участіе пало на долю Славянъ. Идея эта была вызвана внѣшними случайными обстоятельствами, съ прекращеніемъ которыхъ, очевидно упразднилась и сама эта идея, т. е. необходимость и смыслъ существованія Австрійскаго государства,—которое, исполнивъ свое временное назначеніе, обращается точно въ такой же историческій хламъ, какъ и сама Турція, послѣ того какъ не предстоитъ болѣе въ ней надобности для охраненія пра-

---

***) И эти заслуги Россіи Германіи не повторились ли въ 1870, въ 1871 гг.?—и отплатились Берлинскимъ конгрессомъ.**

вославія и Славянства посторонними силами. Вольная и невольная, сознательная и безсознательная польза, приносимая какъ Турціею, такъ и Австріею, прекратилась остался одинъ гнетъ, одно препятствіе къ развитію народовъ, которымъ пришла пора освободиться отъ тяжелой опеки.

Здѣсь встрѣчаемся мы опять съ однимъ изъ великихъ историческихъ синхронизмовъ, указывающихъ намъ на то, что историческіе процессы совершаются не случайно, а что и внѣшняя ихъ форма и внутреннее содержаніе находится въ таинственномъ взаимодѣйствіи: такъ что само случайное въ исторіи оказывается въ согласіи съ внутреннимъ содержаніемъ ея и въ подчиненіи ему. Австрійскія земли соединились въ одно цѣлое посредствомъ ряда наслѣдствъ и брачныхъ договоровъ какъ разъ въ то время, когда предстояло противопоставить отпоръ турецкому могуществу и подготовляющемуся французскому объединенію. Эта формальная основа Австрійскаго государства была разрушена, династическое право наслѣдства прекратилось,—опять-таки въ тотъ самый моментъ (годъ въ годъ), когда прекратилась и самая цѣль, для которой была необходима искусственная связь, соединившая въ одно цѣлое столько народовъ юго-восточной Германіи и юго-западнаго Славянства.

Въ 1740 г. умираетъ Карлъ VI безъ мужскихъ наслѣдниковъ— и этимъ самымъ упраздняется та формальная связь, которая соединяла страны, извѣстныя подъ именемъ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома. Но въ этомъ же самомъ году упраздняется и та двоякая цѣль, ради которой эта связь существовала,—цѣль, которая придавала ей смыслъ и идею.

По древнему Германскому преданію, сидѣлъ въ пещерѣ Зальцбургскихъ горъ, погруженный въ многовѣковой сонъ, представитель исчезнувшаго величія Германіи—рыжебородый императоръ Фридрихъ. Онъ долженъ былъ проснуться и выйти изъ своей пещеры, когда загорится для нѣмецкаго народа заря новой славы и новаго величія. Въ 1740 году вышелъ онъ изъ своей пещеры и явился міру подъ тѣмъ же самымъ именемъ и положилъ основаніе новаго нѣмецкаго царства. Невзрачный прусскій король былъ прямымъ продолжателемъ и возобновителемъ зданія, начавшаго разваливаться послѣ могучаго Барбароссы.

Съ этого времени Пруссія взяла въ свои руки судьбы Германіи, и на нашихъ глазахъ почти уже довела ихъ до славнаго завер-

шенія *). Еще болѣе ста лѣтъ послѣ этого считалась Австрія предводительницею Германіи—и только теперь устранена изъ нея. Но дѣла ей тамъ давно уже не было. Она только мѣшала и продолжала свою роль лишь въ силу разъ полученнаго толчка, не уничтоженнаго еще треніемъ событій. Со стороны Франціи, Германія не нуждается болѣе ни въ австрійской, ни вообще въ славянской защитѣ. Пруссія, т. е. сама Германія, съумѣетъ себя защитить **). Слѣдовательно, и Славяне должны получить свободу дѣйствія, по окончаніи ихъ служебной исторической роли.

Въ томъ же 1740 году умерла русская императрица Анна, и послѣ кратковременныхъ смутъ, вступила Елисавета на престолъ своего великаго отца. Какая же связь между этимъ событіемъ и завершеніемъ австрійскихъ судебъ? Государственная реформа, которую претерпѣла Россія, и которая, съ государственной точки зрѣнія и въ границахъ государственности, была совершенно необходима, перешла однако же должную мѣру, вышибла и сбила Россію съ народнаго, національнаго пути. Пока живъ былъ великій реформаторъ,—господствовалъ еще надъ всѣмъ русскій интересъ, по крайней мѣрѣ въ политической сферѣ. Но, со смертію Петра нѣмецкое вліяніе, которому былъ данъ такой огромный перевѣсъ не переставало возрастать, такъ что во времена Анны можно было сомнѣваться: не исчезнетъ ли, не сотрется ли совершенно русскій національный, характеръ съ русскаго (только по имени) государства; не обратится ли русскій народъ въ орудіе, въ матеріальное средство для нѣмецкихъ цѣлей?

Подобные примѣры были въ исторіи. Всѣ государства, возникшія изъ развалинъ Александровской монархіи (Египетъ, Сирія Понтъ и проч.), были греческими по духу и по господствовавшей въ нихъ культурѣ; а сами народы, ихъ составлявшіе, до того утратили свою самобытность и свой характеръ, что ежели бы, напримѣръ, мы не имѣли другихъ источниковъ для свѣдѣній о Босфорскомъ царствѣ, кромѣ выкапываемыхъ изъ развалинъ и гробницъ Пантикапейскихъ и Фанагорійскихъ древностей, то должны бы были полагать, что при-Азовскія страны были исключительно населены Греками. Ежели бы до отдаленныхъ вѣковъ дошли отрывочныя сказанія о временахъ Анны, о дѣятельности Бирона,

*) А вскорѣ послѣ написанія этихъ словъ и вполнѣ завершила.
**) И это оправдалось.

то, безъ знакомства съ предшествовавшими и послѣдовавшими событіями, будущіе историки непремѣнно бы заключили о нашествіи нѣмецкихъ народовъ изъ нѣкоей могучей страны Курляндіи, подчинившихъ себѣ Россію, впослѣдствіи правда изгнанныхъ, но оставившихъ глубокіе слѣды своего владычества, еще долго неисчезавшіе. Самое призваніе Анны, условія, которыя хотѣли съ нею заключить, отверженіе ихъ и т. д., должны бы были казаться остроумнымъ критикамъ баснями, которыми народное тщеславіе хотѣло прикрыть свое порабощеніе иноплеменниками. Намъ, конечно, извѣстно, что къ счастію, дѣло было не такъ; но несомнѣнно, что русскій характеръ исторіи русскаго государства былъ обезпеченъ за нимъ, послѣ крутой реформы, только съ воцареніемъ Императрицы Елисаветы, хотя проявился съ блескомъ лишь въ великое царствованіе Екатерины. Слѣдовательно, только съ воцареніемъ Императрицы Елисаветы русское государство соединило возможность сильной внѣшней государственной дѣятельности, доставленную ей реформою, съ возможностью имѣть русскую политику, преслѣдовать русскія государственныя цѣли.

Главнѣйшая цѣль русской государственной политики, отъ которой она не должна никогда отказываться, заключается въ освобожденіи Славянъ отъ турецкаго ига, въ разрушеніи оттоманскаго могущества и самого Турецкаго государства. Съ того времени, слѣдовательно, какъ славянское дѣло могло быть поручено славянскимъ же рукамъ,—и другая цѣль существованія, другая идея австрійскаго конгломерата народовъ упразднилась совершенно. Такимъ образомъ, австрійское государство было, въ одинъ и тотъ же моментъ, лишено исторіей и своего формальнаго принципа, и внутренней причины своего бытія, т. е. лишено *оправданія* неестественнаго скопленія разнородныхъ элементовъ *причинами внѣшней необходимости*.

То и другое думалъ замѣнить Карлъ VI кускомъ пергамента, извѣстнаго подъ именемъ Прагматической санкціи. Но, какъ ни крѣпка и ни долговѣчна по древне-пергамскому способу приготовленная ослиная кожа,—листъ ея все-таки составляетъ недостаточно прочное и надежное основаніе, чтобы воздвигнуть на немъ могущее противиться разрушительному дѣйствію времени государственное зданіе, не имѣющее внутренняго смысла и не оправдываемое даже внѣшнею необходимостію.

Въ 1740 году Австрія собственно окончила свое историческое

существованіе. Съ этого времени начинается ея распаденіе: она теряетъ Силезію, изгоняется изъ Германіи Наполеономъ I; позже формируется въ особую имперію, достигаетъ временнаго преобладанія въ Германіи и въ Италіи, но въ концѣ концовъ изгоняется изъ обѣихъ; готова была рухнуть подъ ударами ничтожной революціи и небольшаго Мадьярскаго народца, спасается (своими и русскими) славянскими силами, но лишившись внутренняго смысла своего существованія, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ палліативамъ для продолженія жизни, которая, не будучи оживотворяема духомъ, поддерживается только историческою инерціею *).

Уже съ царствованія Маріи Терезіи начинается паденіе и разложеніе Австріи. Самый сильный толчекъ даетъ ему Іосифъ II своими реформаторскими попытками. Понимая, что Австрія лишена всякой внутренней связи,—что это только сбродъ племенъ и народовъ, соединенныхъ случаемъ и внѣшнею необходимостію,—онъ задумалъ придать ему внутреннее единство германизаціею ея частей. Іосифъ II первый ввелъ во внутреннюю политику Австріи систему централизма, къ которой столь же безуспѣшно прибѣгали впослѣдствіи Бахъ и Шмерлингъ. Этимъ пробудилъ Іосифъ заснувшій было духъ народности—какъ въ Славянахъ, такъ и въ прочихъ народахъ Австріи. Онъ былъ первымъ, невольнымъ основателемъ будущаго панславизма. Послѣдовавшія войны съ французскою республикою и имперіею разшатали матеріальное благосостояніе государства; но для поддержки его явился человѣкъ, одаренный геніальностью въ полномъ значеніи этого слова.

Князь Меттернихъ съумѣлъ на тридцать слишкомъ лѣтъ замедлить разрушеніе обветшалаго зданія. Охранительный характеръ его дѣятельности заключался въ совершенной противоположности съ характеромъ дѣятельности императора Іосифа. Іосифъ своими либеральными реформами неосторожно вноситъ духъ жизни туда, гдѣ ему нѣтъ мѣста. Меттерниху удается на время заморить, или по крайней мѣрѣ усыпить крѣпкою летаргіею эту неосторожно пробужденную жизнь. Меттернихъ—не централистъ, не дуалистъ, не федералистъ. Онъ, какъ бы это выразить,—опіумистъ что-ли,—усыпитель, который вполнѣ сознаетъ, что Австріи предстоитъ только двѣ альтернативы: или спать непробуднымъ сномъ, быть

*) **Теперь толкается Германіею къ порабощенію и всего турецкаго Славянства, т. е. изъ безполезной становится абсолютно-вредною.**

погруженной въ летаргію, или распасться и сгинуть съ лица земли. И вотъ, онъ убаюкиваетъ ее сладкими, дремоту наводящими мелодіями; усыпляетъ всѣми удобствами безпечной, дешевой, веселой матеріальной жизни; завѣшиваетъ всѣ щели, чтобы не проникъ въ нее свѣтъ, затыкаетъ всѣ отверстія, чтобы не дошелъ шумъ извнѣ. Но все же, наружный свѣтъ могъ сдѣлаться столь яркимъ, наружный шумъ столько громкимъ, что разбудилъ бы спящаго. Меттернихъ употребляетъ всѣ извороты своего гибкаго ума, чтобы и снаружи загасить разгаравшійся свѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, покрыть его толстымъ непрозрачнымъ колпакомъ, чтобы повсемѣстно ввести тишину и спокойствіе.

Прежде всего, надо было озабототься объ этой тишинѣ въ тѣхъ трехъ пространствахъ, куда непосредственно открывались двери изъ Австріи: въ Германіи, въ Италіи и въ Турецкихъ владѣніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое движеніе въ Германіи не могло не проникнуть и въ нѣмецкія провинціи Австріи, а черезъ нихъ и во всю Австрію, такъ какъ нѣмецкія нити расходились всюду; всякое движеніе въ Италіи пробуждало Ломбардію и Венецію, а черезъ нихъ и всѣ прочія части; наконецъ, всякое движеніе тамъ, гдѣ всего менѣе повидимому можно было ожидать его, на Балканскомъ полуостровѣ (хотя бы на самой оконечности его, въ Греціи), могло распространиться и на славянскіе народы Турціи, а черезъ нихъ и на единоплеменниковъ ихъ въ Австріи. И со всѣхъ трехъ сторонъ движеніе дѣйствительно начиналось. Его надо было подавить во что бы то ни стало, да еще какъ подавить—безъ борьбы, безъ слишкомъ ощутительныхъ усилій, ибо борьба и усилія суть пробудительныя средства. Надо было все сдѣлать одними усыпительными манипуляціями, напущеніемъ снотворнаго тумана или марева. И это было сдѣлано—и при какъ еще затруднительныхъ обстоятельствахъ!

Борьба съ Наполеономъ пробудила всѣ силы Германіи. Изъ этого пробужденія Пруссія извлекла огромныя выгоды. По естественному ходу вещей, по естественному честолюбію этой державы стать во главѣ германской націи,—къ чему побуждали ее всѣ интересы, вся завѣщанная ей политика,—она должна была поддерживать это движеніе. Не было недостатка и въ людяхъ, понимавшихъ эту необходимость. Меттернихъ съумѣлъ однакоже ее устрашить мнимыми опасностями, съумѣлъ вѣчную соперницу Австріи обратить въ послушное орудіе ея цѣлей. Не только на-

роды Германіи, но и многіе государи ея противились преобладанію австрійскаго вліянія. Либеральныя наклонности однихъ, деспотическія другихъ казались одинаково враждебными Австрійской системѣ; и тѣ и другія должны были преклониться передъ неподражаемымъ искусствомъ канцлера.

Въ Италіи предстояли тѣ же препятствія—и со стороны народовъ, и со стороны государей. Сардинія играла тутъ ту же роль, что̀ Пруссія въ Германіи, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь все пошло на австрійскій ладъ.

Всего труднѣе было уладить дѣло съ Греціей. Уже было замѣчено, что Меттерниху мало было уничтожить всякое враждебное его системѣ проявленіе, а надо было еще сдѣлать это безъ шума, безъ борьбы, подъ сурдинкой, а если уже необходимость заставляла прибѣгнуть къ силѣ оружія, то надо было выставить такую громаду силъ, чтобы самая мысль сопротивленія исчезла. Такъ и было поступлено съ Италіей, когда возникли возмущенія въ Неаполѣ и въ Пьемонтѣ. Для усмиренія жалкихъ шаекъ карбонаріевъ была не только употреблена сильная австрійская армія, но, какъ грозное привидѣніе, была выставлена русская сила, уже предназначенная къ походу, подъ предводительствомъ Ермолова Но въ дѣлѣ Греціи все заставляло предполагать, что грозная сила Россіи будетъ, на этотъ разъ, не на сторонѣ тишины и спокойствія во что бы то ни стало. Это былъ честный бой за независимость единовѣрнаго Россіи христіанскаго народа противъ невыносимаго мосульманскаго гнета. Тутъ нечего было опасаться революціонной и либеральной заразы, — и вообще для Россіи не страшной. Въ глазахъ всей Россіи, какъ возстаніе Грековъ, такъ и русская имъ помощь казались священною обязанностью—чѣмъ-то въ родѣ крестоваго похода, не имѣющаго ничего общаго съ политическими треволненіями. Возстаніе это, слѣдовательно, съ самой подозрительно-полицейской точки зрѣнія не могло имѣть своимъ результатомъ политико-либеральной пропаганды. Всѣ преданія русской политики были въ пользу такого взгляда. Не вступалась-ли великая Екатерина за угнетенныхъ Турціею христіанъ, не возбуждала-ли она Грековъ къ возстанію? Самъ императоръ Александръ не содѣйствовалъ-ли востанію Сербовъ? Наконецъ, личный характеръ русскаго государя, либеральный, любящій популярность, мистически религіозный, также заставлялъ предполагать, что Россія употребитъ всѣ силы на помощь своимъ едино-

вѣрцамъ,—что освободитель Европы захочетъ украситься еще болѣе блестящимъ вѣнцомъ освободителя Востока. Если уже умѣніе Меттерниха заставить Россію дѣйствовать въ общихъ европейскихъ дѣлахъ вопреки ея интересамъ, вопреки личнымъ склонностямъ ея монарха, могло назваться чудомъ политическаго искусства; то успѣхъ его въ дѣлѣ Греціи долженъ считаться истиннымъ шедевромъ. Кромѣ главной и прямой цѣли канцлера—охраненія безмятежнаго сна Австріи и необходимаго для этого усыпленія Европы, — впутывая Россію въ свою политику, онъ достигалъ еще другой побочной цѣли: съ одной стороны, когда дѣло шло объ Италіи, Испаніи, Германіи, взваливалъ на Россію всю тяжесть злобы и негодованія Европы, съ другой, когда дѣло шло о Востокѣ, ослаблялъ къ ней симпатіи ея единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтò, какъ полезное для Австріи, не могло ускользнуть отъ прозорливости руководителя ея судебъ.

Такимъ образомъ, при видимомъ преобладаніи Россіи, главной побѣдительницы Наполеона, домъ Габсбурговъ подъ опекою Меттерниха достигъ такого политическаго вліянія, какое едва ли онъ имѣлъ во дни Карла V. Германія и Италія были, въ полномъ смыслѣ этого слова, вассалами Австріи. Въ Испаніи и Португаліи установлялась ея система руками Франціи. Конфисковавъ въ свою пользу великодушную, но непрактическую мысль Священнаго союза, Австрія обращала Россію въ исполнительницу своихъ предначертаній. Сама Англія играла такую же непривычную роль, подавляя свои симпатіи къ свободѣ — если не восточнаго, то средняго и западнаго изъ вдавшихся въ Средиземное море полуострововъ.

Тридцатый годъ поколебалъ во многомъ систему Меттерниха, но искусство его и тутъ оказалось во всемъ блескѣ, ибо онъ доказалъ, что умѣетъ не только проводить и охранять свою систему, но возстановлять и исправлять ее насколько возможно, если чужая неловкость, или дѣйствительно неотразимый ходъ событій произведутъ въ ней широкую брешь. Если это не геніальность, то я не знаю, чтò можетъ заслужить это имя въ области политики.

Обыкновенно Меттерниху отказываютъ въ высшихъ способностяхъ государственнаго человѣка, утверждая за нимъ не болѣе какъ славу ловкаго дипломата, какъ за какимъ нибудь Кауницомъ или Талейраномъ,—на томъ основаніи, что будто бы онъ не умѣлъ оцѣнить духа времени, не понималъ силы идей, и потому всту-

пилъ съ ними въ неравную борьбу, окончившуюся послѣ 33-лѣтняго торжества совершеннымъ распаденіемъ его системы (еще при жизни его) и чуть не гибелью Австріи. Дѣйствительно, безъ постиженія духа времени и пониманія направленія, которому слѣдуютъ событія, нельзя быть истинно великимъ политикомъ, а много-много что ловкимъ дипломатомъ; и потому, дѣлаемый Меттерниху упрекъ былъ бы совершенно справедливъ, если бы онъ поступалъ по своей системѣ, будучи правителемъ Англіи, Франціи, Пруссіи, Россіи, Италіи, всякаго инаго государства,—только не Австріи, которая могла сохранить свое существованіе единственно подъ условіемъ недѣятельнаго сна. Что среди XIX вѣка умѣлъ онъ длить этотъ сонъ цѣлую треть столѣтія — доказываетъ, что онъ понималъ и духъ времени, и силу идей; ибо, безъ этого пониманія своего врага, не могъ бы онъ такъ долго и такъ успѣшно съ нимъ бороться. А было необходимо—или бороться, или вовсе отказаться отъ званія австрійскаго государственнаго мужа. Онъ былъ въ положеніи доктора, имѣющаго дѣло съ неизлѣчимымъ недугомъ и дѣлающаго чудеса искусства, чтобы продлить жизнь своего паціента. Неужели, въ случаѣ неизлѣчимости болѣзни, врачъ обязанъ вовсе отказаться отъ больнаго? Или, еще вѣрнѣе, онъ былъ въ положеніи коменданта крѣпости: велъ мины и контрмины, апроши и контръ-апроши, дѣлалъ вылазки, разрушалъ осадныя работы непріятеля, строилъ подъ огнемъ внѣшніе верки. Крѣпость наконецъ все таки была взята, ибо нѣтъ крѣпостей неприступныхъ. Справедливо ли судить коменданта, какъ военачальника въ чистомъ полѣ, который, несмотря на свои искусные стратегическіе маневры, все таки былъ разбитъ въ данной имъ генеральной битвѣ? „Зачѣмъ вступилъ онъ въ бой, не соразмѣривъ своихъ и непріятельскихъ силъ?“ могутъ сказать въ его обвиненіе: „вѣдь руки были у него развязаны, и ему была дана полная свобода дѣйствія“. Но къ коменданту крѣпости такое обвиненіе неприложимо, ибо фактъ осады существуетъ помимо его воли. Неужели защита была напрасна, когда въ концѣ концовъ сдача все таки была неминуема? Другое дѣло, еслибы можно было доказать, что, выйдя изъ тѣсной крѣпостной ограды и дѣйствуя своею арміею въ чистомъ полѣ, комендантъ, обратившись въ военачальника, могъ бы наконецъ выиграть войну. Кто такъ думаетъ, тотъ можетъ конечно обвинять Меттерниха, но мнѣ кажется, что доказать можно только противное. Чтобы сохранить органическое

вещество, не живущее уже органическою жизнію, ничего другаго не остается—какъ герметически закупорить его въ плотный сосудъ, прекратить къ нему доступъ воздуха и влажности, или же заморозить.

Несмотря на свою безспорную геніальность, послѣдній охранитель Австріи не можетъ однакоже, конечно, никому внушить симпатія. Чтобы опредѣлить загадочное значеніе его въ ряду замѣчательнѣйшихъ историческихъ личностей,—дѣятельность или судьба которыхъ имѣла рѣшительное вліяніе на участь царствъ и народовъ, съ которыми они были соединены,—посмотримъ на тѣ разряды или категоріи ихъ, въ числѣ которыхъ, по характеру его дѣятельности, могло бы найтись мѣсто и для австрійскаго канцлера.

Первую категорію государственныхъ мужей составляютъ тѣ, которымъ въ полной мѣрѣ приличествуетъ наименованіе великихъ политиковъ: люди соединяющіе съ тонкимъ пониманіемъ окружающихъ ихъ обстоятельствъ, съ умѣніемъ пользоваться находящимися въ ихъ рукахъ средствами, съ болѣе рѣдкимъ даромъ создавать эти средства, съ непреклонною волею достигнуть одушевляющихъ ихъ цѣлей,—почти пророческую прозорливость въ выборѣ этихъ цѣлей, въ сознаніи (большею частью инстинктивномъ) сообразности ихъ съ общимъ ходомъ историческаго движенія. Безъ этого послѣдняго дара Провидѣнія,—находящагося какъ бы въ противоположности съ остальными, болѣе прозаическаго свойства, практическими разсудочными способностями,—нѣтъ истинно-великой политической дѣятельности. Государственные люди, достойные названія великихъ политиковъ (Цесарь, Константинъ, Карлъ Великій, Петръ, Фридрихъ II, Екатерина), сообщали, повидимому, направленіе цѣлому періоду исторіи своихъ народовъ. Но ходъ историческаго развитія, безъ сомнѣнія, не зависитъ отъ воли самаго могучаго генія; никому не дано опредѣлять его; съ нимъ можно только сообразоваться, а для этого необходимо въ извѣстной мѣрѣ его предвидѣть, болѣе или менѣе сознательно его предчувствовать. Даръ прозорливости, даръ предвидѣнія, даръ практическаго пророчества составляетъ, слѣдовательно, необходимое условіе истинно-плодотворной политической дѣятельности. Но условіе это опредѣляется не одними личными свойствами историческаго дѣятеля, а также тѣмъ положеніемъ, въ которое поставило его Провидѣніе,—тою стороною, на которой онъ стоитъ въ борьбѣ всемірныхъ ин-

тересовъ. Великихъ политиковъ отмѣчаетъ своимъ перстомъ не одна природа, осыпающая ихъ своими дарами, но и счастье, соединяющее судьбу ихъ съ судьбами тѣхъ народовъ, тѣхъ историческихъ интересовъ, которымъ предназначены успѣхъ и побѣда.

Есть, поэтому, другой разрядъ лицъ, которые, по силамъ своего духа, смѣло могутъ выдержать сравненіе съ Цесарями, Карлами и Петрами, но дѣятельность которыхъ осуждена исторіею на неудачу и безплодіе. Они привлекаютъ съ неотразимою силою все наше сочувствіе величіемъ выдержанной ими борьбы, и въ то же время служатъ урокомъ человѣческой ничтожности. Это личности трагическія. Какъ недосягаемый образецъ трагическаго величія стоятъ два карѳагенскихъ героя—отецъ и сынъ, двѣ человѣческихъ индивидуальности, слившіяся въ одинъ историческій образъ. Всѣмъ обязанные несокрушимымъ силамъ своего духа, они показали какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ и какъ ничтожна въ то же время вся человѣческая дѣятельность. Неподдержанные своимъ отечествомъ, Амилькаръ и Аннибалъ объявили отъ своего собственнаго имени непримиримую войну Риму. Современникъ ихъ Архимедъ сказалъ „дайте мнѣ точку опоры, и я поверну землю“; они—создали не только рычагъ, но и самую точку опоры, опираясь на которую хотѣли перевернуть судьбы міра. Подкупая подарками правителей Карѳагена, чтобы тѣ не мѣшали имъ доставить своему отечеству всемірное владычество, они покорили и организовали Испанію, дабы, опираясь на нее, низвергнуть ненавистное имъ могущество Рима. Титанъ въ полномъ значеніи этого слова, Аннибалъ, взгромоздивъ Альпы на Пиренеи, чтобы завладѣть книгою судебъ, едва не вырвалъ изъ нея значительнѣйшей ея страницы. Герой драмы не подъ силу самому Шекспиру, онъ боролся не противъ судьбы, тяготѣвшей по волѣ боговъ надъ проклятымъ семействомъ или родомъ (какъ потомки Лая и Атрея у Эсхила и Софокла), а вступилъ въ бой съ предопредѣленіемъ судьбы міра—и шестнадцать лѣтъ заставлялъ колебаться вѣсы всемірной исторіи. Митридатъ, Витикиндъ повторили его тяжелую историческую роль.

По выказанному Меттернихомъ политическому искусству, его можно бы смѣло причислить къ разряду великихъ политиковъ; но судьба, заставившая его дѣйствовать въ пользу осужденнаго исторіей дѣла, придаетъ ему трагическій характеръ неудачи въ борьбѣ. Но назовемъ-ли эту борьбу трагическою, неотъемлемый, существен-

ный характеръ которой составляетъ величіе? Аннибалъ, Митридатъ, Витикиндъ имѣли несчастіе защищать дѣло, осужденное исторіею; но они, тѣмъ не менѣе, были представителями великихъ народностей, серіозныхъ историческихъ интересовъ. Какую народность представляетъ Австрія, какой интересъ представляетъ она собою? Противоположность между величіемъ средствъ и ничтожностью цѣлей, для коихъ они употребляются, выражаемая баснею о горѣ, раждающей мышь, составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ комическаго. Дѣятельность Меттерниха, носитъ, поэтому, неизгладимую печать трагикомизма (печать трагизма по своей судьбѣ, печать комизма по цѣлямъ, которыя имѣла въ виду), и этотъ трагикомическій характеръ по необходимости связывается со всякою австрійскою государственною дѣятельностью, послѣ того какъ само существованіе Австріи потеряло свой смыслъ и свою идею — съ дѣятельностью Баховъ, Шмерлинговъ, Белькреди, Бейстовъ и Андраши.

Въ 1848 году, крѣпость, защищаемая Меттернихомъ, была взята штурмомъ; герметически закупоренный сосудъ—разбитъ, снотворный туманъ—разсѣянъ. Неминуемость разрушенія наступила, потому что наступило пробужденіе. Гдѣ мы? начали себя спрашивать просыпающіеся народы, что̀ всегда составляетъ первый вопросъ представляющійся съ просонковъ.—Въ Австріи.—Кто мы?—Чехъ, Словакъ, Сербъ, Хорватъ, Русскій, Мадьяръ, Нѣмецъ, Итальянецъ.—Зачѣмъ же не въ Чехіи, не въ Сербіи, не въ Россіи, не въ Венгріи, не въ Германіи, не въ Италіи? И что же такое Австрія, которая насъ всѣхъ заключаетъ? Гдѣ же это внѣшнее могущество, насъ всѣхъ подчинившее? Гдѣ же сама Австрія, наложившая на насъ и свою власть, и свое имя,—подмѣнившая, во время сна, нашу жизнь своею жизнію? Вѣдь не эрцъ-герцогство же это австрійское,—эта Австрія по преимуществу, Австрія катекзохинъ? Нѣтъ, отвѣчаютъ они себѣ, оглянувшись кругомъ,—внѣ насъ и нѣтъ никакой Австріи. Австрія,—это только склейка, припай, цементъ, замазка, которыми склеили или ослѣпили насъ во время сна, какими-то случайными средствами: придаными, завѣщаніями, брачными контрактами, для какихъ-то внѣшнихъ, случайныхъ цѣлей, въ свое время можетъ быть и очень хорошихъ, полезныхъ, необходимыхъ, но теперь давно уже отошедшихъ въ область тѣней и призраковъ, не имѣющихъ уже ничего общаго съ чувствуемыми стремленіями, нуждами, потребностями живыхъ, проснувшихся

людей. Склейка и спайка только мѣшаютъ нашимъ движеніямъ, не даютъ намъ идти въ ту сторону, куда намъ путь лежитъ; дѣлаютъ изъ насъ искусственно составленныхъ Сіамскихъ братьевъ: каждое движеніе одного изъ насъ причиняетъ другому неловкость, боль и порождаетъ взаимное неудовольствіе; наши усилія взаимно нейтрализируются, обращаются въ ничто.

И пошли народы расколупывать замазку, которая собственно и составляетъ то, что̀ слыветъ подъ именемъ Австріи. Кто, какъ Итальянцы, занялся этимъ дѣломъ вполнѣ проснувшись, съ полнымъ сознаніемъ того, что̀ онъ дѣлаетъ, куда намѣренъ освободившись пойти,—для того и замазка оказалась некрѣпкою. Кто, напротивъ того, какъ Славяне, занялся своимъ дѣломъ какъ-то въ дремотѣ, въ полуснѣ,—думая и дѣйствуя какъ бы подъ вліяніемъ тумана, нагнаннаго ночными грезами,—у тѣхъ дѣло не спорится, и имъ продолжаютъ еще мерещиться разныя небывальщины. Кому грезится еще какая-то идея австрійскаго государства, которой давно уже нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, которой даже никогда и не было, а была временная случайная цѣль для союза народовъ. На другихъ напущенъ новый польско-европейскій туманъ, представляющій имъ родной славянскій обликъ русскаго народа — въ видѣ пугала съ оскаленными зубами, стремящагося ихъ поглотить и обратить въ составъ собственнаго громадно-чудовищнаго тѣла.

Несмотря на этотъ полусонъ, расколупка тѣмъ не менѣе идетъ впередъ,—и внѣшнія и внутреннія событія работаютъ надъ нею дѣломъ, словомъ, помышленіемъ, вольно и невольно, сознательно и безсознательно,—и самый туманъ начинаетъ разсѣеваться, полусонъ переходитъ въ полное бодрствованіе. Австрійскіе государственные люди, у которыхъ никогда не было недостатка въ пониманіи своего положенія, очень хорошо видятъ это; но, не имѣя возможности употребить въ дѣло прежняго аппробованнаго Меттерниховскаго снотворнаго способа, дошли до необходимости придумывать новые способы склейки расклеивающагося. Таковыхъ способовъ придумано доселѣ три, и едва-ли есть возможность придумать какой-нибудь четвертый. Способы эти, какъ извѣстно, называются: централизмомъ, т. е. германизаціею, дуализмомъ или германизаціею съ соединеніи съ мадьяризаціею, и наконецъ федерализмомъ или псевдославянизаціею Австріи.

Собственно говоря, нѣтъ надобности поочереди опровергать пригодность этихъ способовъ для возсозданія разрушающейся послѣ

Меттерниха Австріи. Достаточно было-бы показать, что централизмъ не можетъ служить основою австрійской государственной жизни, такъ какъ остальныя двѣ методы заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе,—противорѣчіе съ идеей государства, которое, какъ я старался показать выше, есть стройная плотная форма, приданная національности для увеличенія силы ея противодѣйствія внѣшнимъ враждебнымъ вліяніямъ, стремящимся ее разложить или подчинить себѣ. Очевидно, что государство тогда только можетъ соотвѣтствовать своему предназначенію, когда будетъ движимо одною національною волею, что̀ возможно лишь въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: 1) когда въ составъ государства входитъ одна національность; 2) или когда численное и нравственное преобладаніе господствующей народности такъ сильно, что включенныя въ государственный составъ слабыя національности не могутъ оказывать никакого дѣйствительнаго сопротивленія выраженію ея національной воли, и слѣдовательно собственный интересъ побуждаетъ ихъ слиться въ одно съ нею цѣлое; или наконецъ 3) когда главная національность, хотя и не преобладаетъ численно, но одна лишь имѣетъ политическую волю; прочія же, хотя и многочисленныя, составляютъ лишь матеріалъ, которымъ верховная національность можетъ распоряжаться по своему произволу. Этотъ случай, очевидно, можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда подчиненныя народности составляютъ только единицы этнографическія, никогда историческою жизнію не жившія, а если и жившія, то потерявшія сознаніе своей исторической роли.

Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, въ государствѣ будетъ, по самой сущности дѣла, господствовать система политическаго централизма,—хотя бы въ административномъ отношеніи части его пользовались самою широкою самостоятельностью. Когда эта система становится неприменимою, то и государство дѣлается невозможнымъ, — потому что оно есть политическій индивидуумъ, политическое недѣлимое, а индивидуума, имѣющаго двѣ или нѣсколько несогласованныхъ, несоподчиненныхъ волей, даже представить себѣ невозможно; ибо тутъ заключается внутреннее противорѣчіе, такъ сказать дѣлимое недѣлимое. Но доказывать, что въ Австріи централизмъ невозможнпъ, также излишне; ибо трудъ этого доказательства взяла на себя исторія, которая довела эту невозможность до сознанія самихъ австрійскихъ государственныхъ людей. Изъ этого оставалось бы только просто-на-просто заклю-

чить, что Австрія есть государство невозможное, какъ оно на самомъ дѣлѣ и есть. Но, если совершившійся фактъ имѣетъ для всѣхъ доказательную силу, то нельзя того же сказать о логическихъ выводахъ; поэтому, если мы можемъ удовольствоваться доказанною исторіею невозможностью централизаціи въ Австріи, то едва-ли будетъ имѣть ту же убѣдительность доказываемая логикою невозможность всякой иной системы кромѣ централизма, какъ политическаго принципа государства. Люди, видя, что что-либо не подходитъ подъ ихъ стремленія и надежды, стараются всѣми мѣрами избѣжать того, къ чему необходимо ведетъ логическая послѣдовательность, всѣми силами изъ нея выбиваются,—и потому необходимо разсмотрѣть съ большею подробностью тѣ невозможности, которыя заключаются въ дуализмѣ и въ федерализмѣ, — прослѣдить шагъ за шагомъ ихъ несбыточность.

Одно чисто пассивное сопротивленіе Мадьяръ, устраненіе ихъ отъ участія въ общихъ государственныхъ дѣлахъ Австріи въ годину испытанія, принудило правительство отказаться отъ системы централизаціи, или общаго и одинаковаго подчиненія всѣхъ этнографическихъ элементовъ монархіи — элементу нѣмецкому. Элементъ этотъ оказался на дѣлѣ слишкомъ слабымъ для того, чтобы служить все-соединяющимъ, все-сдерживающимъ государственнымъ цементомъ,—и Нѣмцы должны были прибѣгнуть къ помощи Мадьяръ, дабы, цѣною полной съ собою равноправности и самобытной государственности, купить ихъ содѣйствіе для сохраненія владычества надъ Славянами и Румынами. Однако-же, и оба господствующіе элемента, цислейтанскій нѣмецкій и транслейтанскій мадьярскій, все еще почти вдвое малочисленнѣе элемента славянскаго, такъ что въ настоящее время австрійская государственность основывается единственно на разъединенности Славянъ, такъ сказать на ихъ политическомъ несовершеннолѣтіи. Много-ли ручательствъ за крѣпость государства представляетъ такое чисто-отрицательное основаніе? И не очевидно ли, что, если бы Славяне оказали хотя бы на половину столь же энергическое сопротивленіе какъ Мадьяры,—то дуализмъ долженъ былъ бы пасть, по той же причинѣ, по которой палъ централизмъ, и съ такою же точно легкостію? Но призваніе Мадьяръ на помощь для удержанія славянскихъ народностей въ вассальномъ положеніи и составитъ именно ту причину, которая должна усилить славянское сопротивленіе.

Въ 1848 и 1849 годахъ Славяне, входившіе въ составъ вен-

герскаго королевства, спасли Австрію отъ мадьярскаго возмущенія, а теперь, въ награду за то, лишены значительной доли своей самостоятельности и подчинены Мадьярамъ. Духъ мадьярской дерзости и мятежа достигъ всѣхъ своихъ притязаній; славянская же вѣрность принесена ему въ жертву—все, дескать, стерпятъ. Неужели и этотъ урокъ окажется безполезнымъ? Расчетъ слишкомъ простъ, чтобы его не понять,—и едва ли урокъ этотъ можетъ пропасть даромъ. Чтобы воспользоваться имъ, надо лишь дождаться перваго удобнаго случая, какимъ оказалась для Мадьяръ война 1866 года, и который долго ждать себя не заставитъ.

Другой, не менѣе ясный, урокъ заключается въ томъ, что Мадьяры достигли всѣхъ своихъ цѣлей, строго придерживаясь историческаго права, по которому Венгрія была включена въ сборную габсбургскую монархію какъ самостоятельная равноправная часть; но точно то же историческое право имѣетъ и чешское королевство, заключавшее въ себѣ нынѣшнія цислейтанскія провинціи: Богемію, Моравію и Силезію; Чехи уже почувствовали это и требуютъ для себя того же, что̀ получили Мадьяры. Военное положеніе, къ которому этого рода требованіе привело Богемію, могло лишь заставить скрыться подъ спудъ пробудившееся сознаніе равноправности чешской короны съ венгерскою, но не могло его уничтожить,—и оно должно возникнуть съ новою силою при первомъ внѣшнемъ толчкѣ, съ которой бы стороны онъ ни произошелъ.

Въ третьихъ, для всѣхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Транслейтаніи, подчиненіе мадьярскому элементу гораздо тягостнѣе и такъ-сказать оскорбительнѣе, нежели прежнее общее подчиненіе всѣхъ австрійскихъ народовъ элементу нѣмецкому, которое могло по крайней мѣрѣ оправдываться великимъ историческимъ и культурнымъ значеніемъ нѣмецкаго племени,—между тѣмъ какъ Мадьяры не могутъ имѣть этого рода претензій, стоя въ культурномъ отношеніи ниже Славянъ. Преобладающему значенію нѣмецкаго элемента много содѣйствовала еще и привычка долгаго господства Нѣмцевъ, которое основывалось на авторитетѣ Священной Римской имперіи, нерѣдко признававшейся въ качествѣ верховаго сюзерена даже многими въ сущности независимыми владѣніями. Наконецъ, первенствующее положеніе Нѣмцевъ совпадало съ національностью австрійскаго владѣтельнаго дома, и слѣдовательно освящалось приверженностью къ династіи Габс-

бурговъ, которая была совершенно искренняя со стороны всѣхъ австрійскихъ Славянъ.

Итакъ, съ одной стороны, примѣръ слабости, данный австрійскимъ правительствомъ и примѣръ настойчивости Мадьяръ, увѣнчанный успѣхомъ,—съ другой стороны, устраненіе тѣхъ основаній (именно культурно-историческаго долговременнаго авторитета, пріобрѣтеннаго всею средневѣковою исторіею Европы, и династическаго вліянія), которыми могло еще держаться господство одной привилегированной народности надъ прочими,—отняли всякую почву изъ подъ ногъ дуализма, лишили этотъ новый принципъ австрійской государственности всякаго разумнаго смысла, всякаго историческаго обаянія. Онъ имѣетъ, поэтому, гораздо менѣе ручательствъ на сколько нибудь прочное, долговременное существованіе, чѣмъ самый (осужденный уже исторіею) централизмъ. Посему, въ числѣ приверженцевъ дуализма можно считать только небольшой мадьярскій народецъ, пріобрѣтающій при этомъ дуализмѣ роль, на которую не имѣетъ права ни по свой дѣйствительной политической силѣ, ни по своему культурному значенію, да еще нѣсколько отвлеченныхъ политиковъ, въ родѣ г. Бейста, считающихъ возможными всякаго рода механико-политическія комбинаціи, не оживляемыя никакимъ разумнымъ, реальнымъ, жизненнымъ началомъ.

Не только австрійскіе Славяне, но и бо̀льшая часть австрійскихъ Нѣмцевъ не сочувствуютъ дуализму и не могутъ забыть, что возвышеніе Мадьяръ совпадаетъ съ униженіемъ Австріи, съ выдѣленіемъ ея изъ Германіи, въ которой они не могутъ не видѣть своего настоящаго отечества. Только Мадьяры, находя въ дуализмѣ единственное средство для осуществленія самыхъ завѣтныхъ своихъ надеждъ на преобладаніе въ земляхъ Венгерскаго королевства,—такого же случайнаго политическаго аггрегата, какъ и вся Австрійская манархія,—имѣютъ къ нему положительное сочувствіе. Всѣ же прочіе поборники его, изъ Нѣмцевъ, имѣютъ къ нему сочувствіе отрицательное, какъ къ средству, замедляющему торжество федерализма, въ которомъ большинство австрійскихъ народовъ видитъ спасеніе Австріи и осуществленіе своихъ завѣтныхъ стремленій къ политической равноправности и полноправности, и по отношенію къ которому дуализмъ составляетъ дѣйствительно лишь переходную ступень отъ централизма, такъ-сказать первый шагъ къ его осуществленію. Слѣдовательно, дуализмъ

должень сокрушиться подъ ударами Славянъ, или даже отъ пассивнаго сопротивленія ихъ, при удобномъ случаѣ, — какъ сокрушенъ централизмъ противодѣйствіемъ Мадьяръ *).

Но возможнѣе ли федерализмъ? Такъ какъ симпатіи большинства Славянъ на сторонѣ федерализма, то съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ должны мы разсмотрѣть эту послѣднюю надежду австрійской государственности, а также ея сообразность съ истинными интересами Славянства.

Прежде всего можетъ показаться страннымъ и даже необъяснимымъ, почему австрійскіе государственные люди, справедливо слывущіе самыми искусными политиками, убѣдившись въ невозможности сохраненія неограниченной монархіи и исключительнаго господства нѣмецкой національности въ Австріи, не рѣшились прямо удовлетворить желаніямъ и требованіямъ большинства своихъ подданныхъ, дабы основать такимъ образомъ австрійское государство на самомъ многочисленномъ элементѣ его населенія, къ чему началъ было какъ будто бы стремиться Белькреди. Повидимому, это могло бы даже дать австрійскому правительству средство, черезъ удовлетвореніе несравненно менѣе радикальнымъ требованіямъ Славянъ, сдерживать мятежныя и сепаратистическія стремленія Мадьяръ,—точно также, какъ въ меньшихъ размѣрахъ оно сдерживало Поляковъ, покровительствуя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ Русскимъ въ Галиціи. Казалось бы, основываясь преимущественно на Славянахъ, Австрія, хотя и въ формѣ федераціи, могла бы въ сущности сохранить въ гораздо большей степени государственное единство, чѣмъ при настоящей дуалистической формѣ. Но это только такъ кажется.

Въ судьбѣ славянской народности, точно также какъ въ судьбѣ православной церкви, есть что-то особенное: только онѣ представляютъ примѣры того, что, будучи религіею и народностью большинства подданныхъ въ государствѣ, онѣ однакоже—вмѣсто того, чтобъ быть господствующими — суть самыя угнетенныя. Такую

---

*) И это уже начинаетъ осуществляться. Стремленіе вознаградить на востокѣ потери, понесенныя въ Италіи и Германіи — заставило льстить Славянству, удѣлить права Чехіи и Словакамъ. Политическая неподвижность начала подаваться; Австрія включаетъ въ себя еще чужеродные элементы, Боснію и Герцеговину,—надо будетъ идти далѣе по Славянскому пути,—и Нѣмцы и Мадьяры противъ этого.

диковинку представляютъ намъ Турція и Австрія. Въ первой, православіе есть религія большинства, а послѣдователи его, тѣмъ не менѣе, терпятъ наиболѣе угнетенія; во второй, Славяне составляютъ половину всего разнороднаго населенія имперіи, а изъ всѣхъ ея народовъ пользуются наименьшими правами и безпрестанно приносятся въ жертву Нѣмцамъ и Мадьярамъ. Если такое угнетенное состояніе православныхъ въ Турціи объясняется тѣмъ, что Турки видятъ въ нихъ своихъ тайныхъ враговъ, готовыхъ воспользоваться всякимъ случаемъ для освобожденія себя отъ ненавистнаго ига; то къ Австріи и это объясненіе неприложимо Славяне, безъ различія племенъ, были всегда самыми вѣрными подданными Австріи,—не только болѣе вѣрными, чѣмъ Мадьяры, но даже чѣмъ и самые Нѣмцы. Въ 1849 г. только они одни сохранили преданность Австрійскому дому и спасли Австрію, конечно съ помощью Славянъ не-австрійскихъ.

Чѣмъ же это объясняется? По нашему мнѣнію, весьма вѣрнымъ тактомъ австрійскаго правительства, которое (вопреки и примѣрамъ, и хорошо ему извѣстнымъ чувствамъ Славянъ) понимаетъ, что все-таки ему нельзя основываться на Славянахъ,—что даже политическая равноправность ихъ съ прочими народами должна повести къ гибели Австріи, что ей можно существовать только при германизаціи и (въ помощь ей) мадьяризаціи Славянъ. Оно понимаетъ, и давно уже понимаетъ, что на востокѣ есть такой магнитъ для Славянства, который, волею или неволею какъ для самаго магнита, такъ и для славянскихъ частицъ, вырветъ ихъ изъ объятій Австріи. Представимъ себѣ Славянъ австрійскихъ, Славянъ турецкихъ, Славянъ русскихъ, соединенныхъ между собою въ той или другой политической формѣ. Къ такому союзу должны, по необходимости, по самому географическому положенію своему, присоединиться вкрапленные въ Славянство (какъ гнѣзда или жилы совершенно особенныхъ минераловъ въ облекающую ихъ горную породу) Мадьяры, Румыны и Греки. Для Славянъ открывается при этомъ такая блистательная будущность, которая не можетъ не манить ихъ къ себѣ. Племя, которому рисуется въ будущемъ такое первостепенное, міродержавное мѣсто,—не можетъ удовольствоваться мѣстомъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ, простою терпимостью наравнѣ съ мелкими неисторическими народностями. Но для всей этой будущности—Австрія, въ какой бы формѣ мы себѣ ее ни представляли, составляетъ очевидно пре-

пятствіе, которое во что бы то ни стало, рано или поздно, должно быть уничтожено.

Напротивъ того, съ разрушеніемъ Австріи и Нѣмцы, и особенно Мадьяры—необходимо теряютъ. Историческая роль ихъ съуживается, значеніе ихъ уменьшается. Австрійскіе Нѣмцы могутъ, правда, присоединиться къ германской націи, имѣющей рано или поздно соединиться въ одно цѣлое, благодаря настойчивости Гогенцоллерновъ и генію Бисмарка *); но съ тѣмъ вмѣстѣ теряютъ они господство надъ 30 милліонами не-Нѣмцевъ, что̀ такъ тяжело для всякаго истаго европейца, въ особенности же германца,—для котораго насиліе и господство составляетъ вторую природу, какъ бы они не прикрывались фразами о равенствѣ и либерализмѣ. Для Мадьяръ историческія обстоятельства сложились точно такимъ же образомъ, только въ усиленной степени. Этотъ мелкій, честолюбивый и властолюбивый народецъ въ какихъ-нибудь 5 милліоновъ душъ, теряетъ съ паденіемъ Австріи всякую надежду на раздѣлъ господства съ Нѣмцами, при коемъ на его долю досталась гегемонія въ группѣ народовъ—болѣе чѣмъ въ 15 милліоновъ душъ. Съ распаденіемъ Австріи, къ тому же, имъ некуда примкнуть, какъ то могутъ сдѣлать Нѣмцы,—потому что, среди окружающихъ ихъ народностей, они совершенные бобыли; имъ ничего не остается, какъ мало по малу распустится въ славянскомъ морѣ,—подобно тому, какъ распустились въ немъ ихъ нѣкогда многочисленные финскіе родичи. Россіи было на роду написано низвести своихъ западныхъ сосѣдей—Шведовъ, Поляковъ и Турокъ—съ той исторической высоты, на которую они было забрались вслѣдствіе благопріятствовавшихъ имъ историческихъ случайностей, но на которую они не имѣли никакихъ правъ по своимъ дѣйствительныхъ внутреннимъ силамъ. Подъ ударами Россіи лопнули эти политическія лягушки, тщившіяся раздуться въ быка. Къ числу такихъ же лягушекъ принадлежитъ безъ сомнѣнія и Мадьярскій народецъ,—и рано-ли, поздно-ли, а ему предстоитъ та же участь и отъ той же руки. И это онъ чувствуетъ и трепещетъ.

И такъ, отъ разрушенія Австріи Славяне возвышаются въ своей исторической роли, Нѣмцы же и Мадьяры понижаются—и одной этой черты достаточно, чтобы убѣдиться, что многочисленнѣйшій этнографическій элементъ Австрійскаго государства не можетъ

---

*) Что̀ и совершилось.

служить его политическимъ фундаментомъ. Австрійскіе государственные люди, замѣнивъ централизмъ дуализмомъ, выказали, слѣдовательно, свой обычный политическій тактъ, ища опоры разшатавшемуся зданію Австрійской имперіи въ тѣхъ народностяхъ, интересъ которыхъ требуетъ поддержки, а не разрушенія его.

Въ самомъ дѣлѣ, при системѣ дуализма Нѣмцы и Мадьяры имѣютъ очевиднѣйшій интересъ удерживать Славянъ въ политическомъ соединеніи съ собою. Но представимъ себѣ, что федерализмъ принятъ за основной принципъ австрійской государственноста. Этимъ самымъ Славяне получаютъ преобладающее значеніе въ австрійскомъ союзѣ народовъ, а Нѣмцы лишаются своего господствующаго положенія и мѣняютъ его на положеніе подчиненное. Естественное стремленіе ихъ къ слитію въ одну великую германскую націю теряетъ свой единственный противовѣсъ, заключавшійся въ господствѣ надъ нѣсколькими милліонами инородцевъ, въ подчиненіи которыхъ германизму они видѣли свое высшее историческое призваніе. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться подчиненною ролью, не должны-ли они будутъ стремиться всѣми силами выдѣлиться изъ союза, ничѣмъ ихъ къ себѣ не привязывающаго, и слиться съ своими германскими братьями,—и кто попрепятствуетъ имъ дѣлать это? Конечно, ужь не Славяне, которые и по внутреннимъ свойствамъ не стремятся къ господству надъ иноземцами, а по интересамъ своимъ должны быть очень счастливы отдѣлаться отъ тѣснаго сожительства съ Нѣмцами подъ одною политическою кровлею, ибо чрезъ это должно усилиться значеніе и вліяніе славянскаго элемента въ союзѣ.

Но, выдѣлились-ли бы Нѣмцы, или нѣтъ, изъ федеративной Австріи, какой смыслъ имѣлъ бы этотъ союзъ народовъ съ преобладающею славянскою окраскою? Все живое, органическое должно заключать въ себѣ внутреннюю сущность, смыслъ, идею, то, что̀ мы называемъ душою его, и чему оно служитъ только оболочкою, видимымъ выраженіемъ. Только эта идея связываетъ части тѣла въ органическое единство, даетъ ему возможность противиться вредоноснымъ внѣшнимъ вліяніямъ, располагаетъ эти части сообразно своему специфическому образовательному типу. Мы со вниманіемъ прочли „Идею Австрійскаго государства“ Палацкаго; но идеи этой никакъ не могли усмотрѣть.

Политическое тѣло, будетъ-ли то государство, или менѣе тѣсный союзъ народовъ, можетъ образоваться, до извѣстной степени

соединиться и объединиться подъ вліяніемъ случайной временной цѣли внѣшней безопасности. Если угодно — и такого рода образовательный принципъ можно назвать идеею государства, употребляя здѣсь слово «идея» не въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Такую идею Австрійское государство дѣйствительно имѣло, какъ было показано выше. Но и это его значеніе, этотъ его внутренній смыслъ, этотъ суррогатъ идеи, нѣкогда оправдывавшій существованіе Австріи, давно уже улетучился и, вмѣсто живаго тѣла, мы имѣемъ только случайный политическій аггрегатъ, не распадающійся на части только по силѣ привычки, по косности, для преодолѣнія которой не было еще достаточно сильнаго внѣшняго толчка.

Идея, животворящая государство, но есть какое-либо отвлеченное мистическое представленіе, а напротивъ того—нѣчто, живущее въ сознаніи всѣхъ или огромнаго большинства гражданъ государства, поддерживающее его жизнь и существованіе независимо отъ правительства, часто вопреки самымъ очевиднымъ, самымъ вопіющимъ его ошибкамъ, и выказывающее все свое могущество въ такихъ кризисахъ, когда административный или вообще правительственный механизмъ оказывается несостоятельнымъ, или даже, вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно останавливается и разрушается. Почти всякое государство, не лишенное жизненности, представляетъ въ теченіе своей исторіи нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ народъ приноситъ все въ жертву сознательно или инстинктивно живущей въ немъ идеѣ, и тѣмъ спасаетъ ее и себя. Что̀ заставило Русскихъ ополчиться на Поляковъ въ 1612 году, оставить и сжечь Москву въ 1812, Французовъ послѣдовать за Іоанною д'Аркъ, или выставить 13 стотысячныхъ армій въ 1793, Испанцевъ—бороться съ Наполеономъ, наводнившимъ ихъ страну своими войсками? Что̀ заставило, наконецъ, самихъ венгерскихъ Славянъ и Мадьяръ возстать за Марію Терезію, какъ не эта живущая въ нихъ государственная идея, которая, въ этихъ случаяхъ и во множествѣ другихъ, дѣйствовала на милліоны точно такъ же, какъ дѣйствуетъ начало самосохраненія на отдѣльныя личности? Но очевидно, что для проявленія этого начала необходимо, чтобъ организмъ былъ живой, т. е. чтобы онъ заключалъ въ себѣ животворящую идею.

Выше старались мы показать значеніе народности, какъ органа, посредствомъ котораго совершается прогрессъ человѣчества въ

единомъ истинномъ и плодотворномъ значеніи этого слова, и значеніе государства, хранителя народности и всѣхъ тѣхъ задатковъ развитія, которые въ ней заключаются, для возможно полнаго проявленія всѣхъ сторонъ всечеловѣческой жизни. Намъ не нужно, поэтому, доказывать здѣсь вновь, что подъ идеею образующею, объединяющею, животворящею и сохраняющею государство можно разумѣть только идею народности. Въ началѣ этой главы было также доказано, что историческая идея (или, лучше сказать, суррогатъ идеи), объединявшая и оживлявшая аггрегатъ народовъ, подпавшихъ по наслѣдственному праву подъ владычество габсбургскаго дома,—уже болѣе ста лѣтъ какъ перестала существовать, и теперь спрашивается, въ чемъ можетъ заключаться смыслъ австрійской федераціи? Почему должны именно тѣ народы, которые были соединены подъ скипетромъ Габсбурговъ, составить между собою союзъ на радость и горе, на жизнь и смерть? Всякое общежитіе (какъ отдѣльныхъ людей, такъ и племенъ) непремѣнно налагаетъ на членовъ своихъ разнаго рода ограниченія—стѣсненія, которыя приходится сносить,—обязанности, которымъ приходится жертвовать многимъ. Во имя чего будутъ сноситься эти ограниченія и стѣсненія, во имя чего—приноситься жертвы? Историческая идея уже давно перестала существовать,—и федерація, то есть полноправность и равноправность всѣхъ составляющихъ австрійское государство народностей, возвратитъ каждой полную свободу распоряжаться своей судьбою. Всякій особенный интересъ, несогласный съ другими интересами, всякое влеченіе отдѣльныхъ племенъ къ родственнымъ имъ политическимъ тѣламъ, Русскихъ къ Россіи, Сербовъ къ Сербіи, Нѣмцевъ къ Германіи,—кѣмъ и чѣмъ будутъ они сдерживается? Въ чемъ будетъ заключаться соединительная сила, которая съ нѣкоторымъ успѣхомъ могла бы противиться этимъ разъединительнымъ силамъ, какъ теперь еще противится имъ старая привычка, подкрѣпляемая нѣмецкимъ и мадьярскимъ господствомъ? Запечатлѣнная рѣзкимъ географическимъ характеромъ страна, строго самою природою начерченныя естественныя границы, каковы напримѣръ: островное положеніе Англіи, полуостровное — Скандинавіи, Италіи, Индіи, могутъ иногда служить объединительными началами для народовъ; но гдѣ-же естественныя границы Австріи? Остается, слѣдовательно, опять таки, только начало народное, энтографическое, которое, дѣйствительно, только одно и можетъ служить прочною

основою государственности,—одно придаетъ ей истинный смыслъ и значеніе. Но гдѣ-же этнографическая основа австрійскаго аггрегата народовъ? Преобладающее значеніе имѣетъ въ немъ безъ сомнѣнія элементъ славянскій; но, съ одной стороны, достаточно ли онъ преобладающій, чтобы наложить славянскую печать и на нѣсколько милліоновъ Нѣмцевъ,—сильныхъ своею культурою, навыкомъ къ долговременному политическому господству и, наконецъ, своею органическою связью съ объединяющеюся Германіей,—и на нѣсколько милліоновъ Мадьяръ, сильныхъ своей политическою опытностью, привычкою къ господствующей роли? О Румунахъ, имѣющихъ также поддержку въ сосѣднихъ Румунскихъ княжествахъ, даже и не говорю. Съ другой стороны, какое же основаніе ограничивать эту федерацію, съ преобладающимъ славянскимъ характеромъ, тѣми лишь Славянами, которые жили въ странахъ, доставшихся по наслѣдству австрійскому дому? Не значитъ-ли это проводить границу по живому тѣлу?

И такъ, австрійская федерація не имѣла бы за себя ни историческихъ, ни этнографическихъ, ни географическихъ причинъ бытія: какъ-же можно надѣяться, чтобъ она могла жить дѣйствительно историческою жизнью, быть чѣмъ нибудь инымъ, нежели однимъ изъ моментовъ разложенія австрійскаго политическаго тѣла,—притомъ моментомъ, въ сильнѣйшей степени ускоряющимъ это неизбѣжное событіе?

Чтобы пополнить эти доказательства невозможности Австріи и въ федеративной формѣ, бросимъ взглядъ на практическіе результаты, которые необходимо должны бы были произойти отъ федеративнаго устройства Австріи. При самомъ лучшемъ, такъ сказать, идеальномъ рѣшеніи этой задачи,—т. е. при полной равноправности народовъ, составляющихъ эту федерацію,—разнородность состава австрійскаго союза была бы такова, что тому или другому племени непремѣнно приходилось бы совершенно напрасно тратить и истощать свои силы для цѣлей, не только чуждыхъ ему, но часто даже и совершенно враждебнымъ. Пусть напримѣръ, Франція объявитъ войну Германіи. Весьма естественно, что и австрійскіе Нѣмцы захотѣли бы помочь своимъ единоплеменникамъ; но какое дѣло вмѣшиваться въ эту борьбу Чехамъ, Сербамъ, или галицкимъ Русскимъ? Или пусть, какъ въ 1853 году, Россія пойдетъ войной на Турцію, чтобы содѣйствовать освобожденію Сербовъ и Болгаръ. Исключая случаевъ совершенно особенныхъ, вре-

менныхъ политическихъ комбинацій, Германія по всѣмъ вѣроятностямъ стала бы этому противиться *). Неужели же австрійскимъ Славянамъ идти противъ русскихъ Славянъ, для того, чтобы препятствовать освобожденію турецкихъ Славянъ;—или австрійскимъ Нѣмцамъ служить интересамъ, несогласнымъ съ интересами Нѣмцевъ германскихъ? Такія дѣйствія племенъ и народовъ, входящихъ въ составъ иноплеменныхъ государствъ, конечно возможны при сильной правительственной власти, опирающейся на живую силу преобладающаго народа; но возможно ли это при равноправности членовъ федераціи—и именно при отсутствіи такой преобладающей правительственной силы? Недавнее американское междуусобіе служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Какъ только политика центральнаго правительства оказалась несоотвѣтствующею интересамъ нѣкоторыхъ штатовъ, они сочли себя въ правѣ выдѣлиться изъ союза и подняли знамя междуусобной войны. Хорошо, что идея американскаго государства была такъ живуча, что могла воодушевить большинство его гражданъ на всевозможныя жертвы и усилія для сохраненія политическаго единства союза. Но откуда взяться этой силѣ въ австрійской федераціи, и не неизбѣженъ ли для нея жребій расторгнуться при первомъ внѣшнемъ толчкѣ, или при возникновеніи перваго нѣсколько серіознаго вопроса, который возбудилъ бы рознь между членами федераціи?

Отсутствіе всякой внутренней основы, смысла, идеи въ союзѣ или федераціи австрійскихъ народовъ заставило многихъ друзей Славянства обратиться къ болѣе широкой мысли федеративнаго объединенія австрійскихъ народовъ съ народами, несущими прямое или косвенное иго Турціи. Этимъ путемъ исправляются многія неестественности въ группировкѣ народовъ; такъ, напримѣръ, Сербы Княжества соединяются съ Сербами Баната, Румуны Молдавіи и Валахіи съ Румунами Трансильваніи подъ одну политическую кровлю; христіанамъ Турціи представляется, повидимому, болѣе свѣтлая будущность. И — обстоятельство замѣчательное—такого рода осчастливливающіе Славянъ планы не встрѣчаютъ того озлоб-

*) Такъ и случилось въ 1877 и 78 годахъ. Особая политическая комбинація воспротивилась этому. Но Германія воспользовалась слабостью русской политики, но Австрія все-таки не рискнула на борьбу съ Россіею, а дѣйствовала только хитростію.

леннаго сопротивленія въ общественномъ мнѣніи Европы, которымъ обыкновенно встрѣчается все, могущее служить къ освобожденію, благоденствію и возвеличенію Славянъ. Даже и въ политическихъ сферахъ едва-ли можно предвидѣть сильное противодѣйствіе осуществленію такого плана — въ свое время, конечно. Г. Бейстъ, напримѣръ, по всему что̀ слышно, не прочь бы усилить славянскій элементъ присоединеніемъ къ Австріи Босніи и Герцоговины. Г. Бисмаркъ также, при случаѣ, не прочь бы былъ направить честолюбіе Австріи на сѣверовосточной уголъ Адріатическаго прибрежья и на низовья Дуная. Едва-ли бы много стала возражать противъ этого и турколюбивая Англія *). Что̀ же касается до императора Наполеона, то и ему это было бы съ руки по многимъ соображеніямъ. Уже одно такое отношеніе европейскихъ людей мысли и дѣла къ этому, по видимому благопріятному для Славянства, плану дѣлаетъ его уже весьма сомнительнымъ въ моихъ глазахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи всякой исторической основы для такой комбинаціи, при отсутствіи также и географическихъ объединяющихъ условій, только національныя, этнографическія требованія могли бы замѣнить собою эти недостатки. Но и такую національную идею, которая удовлетворяла бы этому, болѣе обширному союзу разнородныхъ племенъ, также трудно отыскать, какъ и въ болѣе тѣсной, чисто-австрійской, федераціи. Славянскій элементъ усилился бы правда нѣсколькими милліонами Сербовъ и Болгаръ; но въ такой же мѣрѣ усилился бы и инородческій элементъ—присоединеніемъ многихъ милліоновъ Румуновъ, Грековъ и разсѣянно живущихъ Турокъ. А главное, большинство Славянъ все таки оставалось бы внѣ славянскаго союза. Союзъ этотъ продолжалъ бы поэтому составлять случайную комбинацію, которая должна удовлетворять разнаго рода случайнымъ и временнымъ потребностямъ и соображеніямъ, но не имѣла бы никакой дѣйствительной реальной основы, никакой внутренней причины бытія.

Въ сущности, слѣдовательно, и эта комбинація невозможна, потому что неразумна. Если посмотримъ на дѣло съ болѣе практической точки зрѣнія, эта неразумность и невозможность обнаружатся въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему мысль объ усиленіи Австріи на Во-

*) И все это оправдалось.

стокѣ не только не встрѣчаетъ себѣ сопротивленія въ Европѣ, но даже пользуется тамъ почти повсемѣстнымъ сочувствіемъ? Присоединеніе къ Австріи Дунайскихъ княжествъ, или Босніи съ Герцоговиною, скоро привело бы всю Европейскую Турцію къ совершенному разложенію, и трудно было бы назначить предѣлъ, до котораго могли бы простираться объединительные планы Австріи, такъ что первый шагъ по этому пути угрожалъ бы образованіемъ огромнаго государства съ 50-милліоннымъ населеніемъ, обладающаго богатѣйшими странами. Казалось бы, что такая перспектива не должна бы быть пріятною руководителямъ европейской политики; и безъ сомнѣнія, она и была бы имъ очень не пріятна, если бы такое огромное государство, обладающее всѣми условіями физической силы, имѣло хотя бы малѣйшіе задатки силы нравственной, которая одна только и животворитъ.

Чтобы понять, почему перспектива такого государства, вмѣсто того, чтобы пугать Европу, пользуется ея сочувствіемъ, — надо лишь вникнуть въ тѣ причины, по которымъ Турція пользуется такимъ же сочувствіемъ въ настоящее время.

Нашъ взглядъ никто, конечно, не упрекнетъ въ излишнемъ пристрастіи къ Европѣ,—упрекнутъ многіе скорѣе въ недоброжелательствѣ къ ней,—и однакожь, мы не возьмемъ на совѣсть утверждать, чтобы варварство, турецкіе порядки, турецкое угнетеніе, турецкая безурядица сами по себѣ возбуждали сочувствіе Европы. Симпатія эта—только страха ради славянска. Собственно говоря, ея и нѣтъ вовсе, а совершенно напротивъ, естественное человѣческое сочувствіе большинства и въ Европѣ на сторонѣ угнетенныхъ; но оно подавляется политическимъ расчетомъ, страхомъ передъ брезжущею на горизонтѣ зарею славянскаго объединенія, передъ тѣмъ колоссальнымъ соперникомъ, который имѣетъ возстать, если это объединеніе состоится. Турція составляетъ препятствіе къ возникновенію всеславянскаго сознанія — и, поэтому только, она и люба Европѣ. Но Европа не можетъ не видѣть, что Турція и Турки дурно исполняютъ свою роль. Помнятъ-ли читатели сцену изъ теперь забытаго, а нѣкогда дѣлавшаго много шуму романа Евгенія Сю *Вѣчный жидъ*,—когда іезуитъ Роденъ упрекаетъ іезуита д'Эгриньи въ неумѣніи вести дѣла ордена, въ употребленіи грубыхъ матеріальныхъ средствъ и насилія тамъ, гдѣ должна быть пущена въ ходъ тонкая интрига, основанная на нравственныхъ пружинахъ, не для того только, чтобы заставить

наслѣдниковъ опоздать ко дню открытія завѣщанія, но чтобы принудить ихъ добровольно отказаться отъ баснословнаго богатства въ пользу ордена? Такимъ Роденомъ, запаснымъ іезуитскимъ провинціаломъ, является въ глазахъ Европы Австрія съ ея католическимъ, нѣмецкимъ, мадьярскимъ и польскимъ элементами. Турція оказывается несостоятельною не только для обезнародѣнія Славянъ, но даже просто для удержанія ихъ въ своей зависимости, такъ что на это дѣло Европа принуждена тратить свои собственныя дипломатическія, нравственныя, религіозныя, финансовыя, а подъ часъ и военныя силы. Слѣдовательно, вся надежда на Австрію. Не успѣшнѣе-ли поведутъ дѣло Нѣмцы и Мадьяры, чѣмъ Турки?

Пока не заглохнетъ мысль о славянскомъ общеніи, пока славянскіе народы не потеряютъ своего славянскаго характера,—что̀ можетъ совершиться на разные лады: или религіознымъ, политическимъ и цивилизаціоннымъ совращеніемъ, начиная съ высшихъ и постепенно спускаясь къ низшимъ классамъ общества, какъ это напримѣръ удалось относительно Мадьяроновъ и вообще значительной части такъ называемой интеллигенціи въ разныхъ Славянскихъ земляхъ *), или полнымъ отступничествомъ отъ Славянства, какъ напримѣръ въ Польшѣ, или наконецъ полнымъ поглощеніемъ Славянъ другими народностями, какъ въ странахъ поморскихъ и полабскихъ;—до тѣхъ поръ Европа все будетъ находиться подъ Дамокловымъ мечемъ, опасаясь, что то или дургое событіе (могуществомъ факта), тотъ или другой нравственный или политическій дѣятель (могуществомъ слова и примѣра) возбудятъ чувство всеславянскаго общенія. Вѣдь прорвалось же такое чувство въ Италіи при появленіи Кавура и Гарибальди;—вѣдь прорвалось же оно и въ Германіи, несмотря на весьма сильный господствовавшій въ ней партикуляризмъ, какъ только успѣшно приступилъ къ осуществленію своихъ смѣлыхъ замысловъ геніальный Бисмаркъ. Есть только одно вѣрное средство обезопасить себя отъ взрыва: унучтожить запасъ пороха или, вообще, скопленіе горючихъ матеріаловъ; а не то, если не людская преднамѣренность или неосторожность, то молнія съ неба воспламенитъ ихъ въ предназначенный часъ.

Нельзя не признать также, что цѣли и намѣренія Европы от-

*) И въ Сербіи теперь проявляется.

носительно Славянъ во многомъ облегчатся при замѣщеніи Турціи австро-турецкою федераціею. Теперь необходимость защищать турецкое варварство и угнетеніе часто ставитъ Европу въ самое неловкое положеніе, часто срываетъ маску лицемѣрія съ ея лица, и даетъ бѣднымъ Славянамъ всмотрѣться въ настоящія черты Змѣя-Горыныча, не терпящаго славянскаго духа и готоваго пожрать ихъ. Тогда же—полный просторъ и раздолье лицемѣрному участію; всѣ фразы о либерализмѣ, гумманности и цивилизаціи смѣло могутъ быть пущены въ ходъ; вся забота нѣжной мачихи въ томъ только и будетъ состоять, чтобы предохранять своихъ любезныхъ пасынковъ-пріемышей отъ алчности русскаго колосса. Сколькихъ увлечетъ волкъ въ овечьей шкурѣ, если и безъ этой шкуры стольких удается ему заманивать!

Между тѣмъ Европа можетъ съ полнымъ спокойствіемъ производить свои опыты надъ обезнароденіемъ и ассимиляціею Славянъ при помощи австро-турецкой федераціи, потому что ни образованіе такого повидимому могущественнаго политическаго тѣла, ни даже скопленіе такого количества Славянъ подъ одной державой нисколько не могутъ ее тревожить, такъ какъ эта федерація никакой внутренней силы имѣть не можетъ. Всякое славянское племя въ этой федераціи будетъ имѣть по крайней мѣрѣ по одному, а то и по нѣскольку внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ,—и частные интерессы внутреннихъ враговъ будутъ болѣе совпадать съ интересами враговъ внѣшнихъ, чѣмъ съ общими пользами и выгодами федераціи, такъ что, при всякомъ внѣшнемъ столкновеніи ей, будетъ постоянно угрожать, кромѣ внѣшней опасности, и внутренняя измѣна съ той или другой стороны. Бросимъ, въ самомъ дѣлѣ, взглядъ на положеніе каждаго изъ славянскихъ племенъ, долженствующихъ войдти въ этотъ союзъ.

Начнемъ съ Чеховъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Германія никогда не забудетъ, что страны, населенныя чешскимъ племенемъ, составляли нѣкогда одно изъ курфиршестовъ Священной Римской имперіи нѣмецкой національности,—не забудетъ пролитой ею крови для воспрепятствованія развитію и укрѣпленію въ ней самобытной славянской жизни,—и потому никогда не откажется отъ овладѣнія этою страною, составляющею передовой бастіонъ славянскаго міра, если не будетъ принуждена къ тому внѣшнею силою. И такъ, Чехи и Моравы будутъ имѣть постояннаго врага въ Нѣмцахъ, не входящихъ въ составъ федераціи. Съ другой стороны,

Нѣмцы внутренніе, какъ населяющіе Чехію и Моравію, такъ и живущіе въ Австро-нѣмецкихъ земляхъ, не всегда-ли будутъ стараться усилить въ этихъ странахъ нѣмецкій и ослабить славянскій элементъ? Въ этомъ, слѣдовательно, цѣли и стремленія ихъ будутъ совпадать съ цѣлями Нѣмцевъ германскихъ, и,—если бы дѣятельность ихъ была безуспѣшна, и славянское вліяніе стало бы получать чувствительный перевѣсъ въ дѣлахъ федераціи,—не заодно ли съ Германіей стали бы они стремиться къ присоединенію къ ней не только самихъ себя, но и этихъ славянскихъ странъ? Не такъ же ли точно стали бы поступать Мадьяры по отношенію къ входящимъ въ составъ Венгерскаго королевства комитатамъ, населеннымъ Словаками: не стали-ли бы они охотно содѣйствовать присоединенію къ Германіи Чехіи и Моравіи съ тѣмъ, чтобы имъ предоставлена была полная воля и оказываема помощь мадьярить Словаковъ? Они ослабляли бы черезъ то силу славянскаго вліянія на дѣла федераціи, избавлялись бы отъ вліятельнаго соперника и въ то же время получали бы долю въ добычѣ. И такъ, Чехи и Словаки имѣли бы противъ себя Нѣмцевъ внѣшнихъ, Нѣмцевъ внутренныхъ и Мадьяръ.

Положеніе сербскихъ племенъ, Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ, было бы еще хуже. Нѣмцы, входящіе въ составъ федераціи, конечно не отказались бы внутренно отъ удержанія за собою и постепеннаго онѣмеченія Славянъ Штиріи и Крайны, въ чемъ конечно пользовались бы сочувствіемъ и содѣйствіемъ Нѣмцевъ германскихъ, и, въ случаѣ выдѣленія изъ союза, конечно старались бы захватить съ собою и славянскія части этихъ провинцій. Итальянцы, съ своей стороны, не оставятъ конечно притязаній на Адріатическое прибрежье, въ этой общей борьбѣ со Славянствомъ не останутся конечно безъ помощи Нѣмцевъ и, съ своей стороны, не откажутъ имъ въ ней. Наконецъ и Мадьяры, дабы удержать за собою или возвратить себѣ сербскія части нынѣшняго венгерскаго государства (Воеводство, Военную границу, Славонію и Хорватію), конечно охотно вступятъ въ союзъ со внѣшними и внутренними врагами сербскихъ племенъ, Итальянцами и Нѣмцами,—по тѣмъ же причинамъ, которыя указаны были выше, когда мы говорили о Чехахъ.

Русскіе Галичане станутъ въ подобное положеніе относительно Поляковъ и Мадьяръ, которые конечно подадутъ другъ другу руку помощи—дабы полячить и мадьярить ихъ. Да и сама Россія пока-

зала бы примѣръ самаго нелѣпаго, неполитическаго безкорыстія, если бы, при такомъ положеніи дѣлъ, не воспользовалась естественными симпатіями русскихъ Галичанъ, и не предъявила бы своихъ исконныхъ правъ на свою родовую отчину.

Румуновъ, до поры до времени, всѣми средствами стали бы конечно стараться ставить во враждебное отношеніе къ Сербамъ и Болгарамъ, льстя ихъ народному тщеславію; въ сущности же, они были бы предоставлены въ жертву мадьяризму, такъ что, по всѣмъ вѣроятностямъ, имъ пришлось бы разыгрывать роль Поляковъ, поглощаемыхъ Нѣмцами, а враждующихъ противъ Русскихъ.

Наконецъ, и Болгары имѣли бы внѣшняго врага въ Грекахъ и внутренняго—въ Румунахъ, поддерживаемыхъ и натравляемыхъ Мадьярами.

Я уже не говорю о раздорахъ между самими славянскими племенами,—Словаковъ съ Чехами, Сербовъ съ Хорватами и Болгарами, раздуваемыхъ при помощи религіозной розни и честолюбивыхъ стремленій къ преобладанію однихъ племенъ и щепетильныхъ претензій другихъ на независимость и самостоятельность *).

И такъ, славянской федераціи угрожали бы непрестанно: въ мирное время—подземная работа, ведущая къ ихъ обезнароденію то проповѣдью либерализма, гуманности и общечеловѣческой европейской цивилизаціи, то покровительствомъ крайнему партикуляризму, но всегда въ ущербъ общеславянскому духу и интересамъ; въ дни же великихъ международныхъ столкновеній—отторженіе той или другой области, при сочувствіи явномъ, или тайномъ содѣйствіи многихъ членовъ самаго союза. Присоединивъ къ этому симпатіи Европы вообще ко всякимъ антиславянскимъ стремленіямъ, можно-ли сомнѣваться въ конечномъ исходѣ такого порядка вещей?

Могутъ спросить, почему же эти гибельныя вліянія не оказываютъ своего дѣйствія теперь на аггрегатъ австрійскихъ народовъ? Во-первыхъ, они оказываютъ его и теперь, какъ можно видѣть изъ примѣра всѣхъ послѣднихъ войнъ Австріи, въ которыхъ та или другая изъ существенныхъ составныхъ частей ея или не принимала дѣятельнаго участія въ общемъ дѣлѣ, какъ Венгрія въ 1866 г., или прямо содѣйствовала врагамъ Австріи, какъ итальянскія провинціи въ 1859 г. Во-вторыхъ, всѣ эти элементы

*) **И это оправдалось.**

распаденія не могутъ дѣйствовать съ тою энергіею теперь, когда интересы господствующихъ народностей, нѣмецкой] и мадьярской, заключаются въ томъ, чтобы славянскіе элементы, находящіеся въ подчиненіи у нихъ, не выдѣлились изъ государственнаго состава; ибо они могутъ надѣяться все въ большей и большей степени обращать эти элементы въ матеріалъ для своего господства и въ орудіе для своихъ цѣлей. Если бы же славянскій элементъ грозилъ получить преобладаніе, какъ это непремѣнно должно бы случиться въ федераціи австрійскихъ и турецкихъ народовъ, то общегерманскія симпатіи нѣмецкой части населенія (не сдерживаемыя жаждою господства, сдѣлавшагося невозможнымъ) и оскорбленное честолюбіе Мадьяръ (роль кокорыхъ въ федераціи могла бы быть только весьма второстепенною и подчиненною) конечно не отступили бы отъ преслѣдованія своихъ особенныхъ видовъ и частныхъ цѣлей передъ чувствомъ оффиціальнаго патріотизма къ оффиціальному отечеству.

Такимъ образомъ, и обширная австро-турецкая, такъ же точно какъ и болѣе тѣсная чисто-австрійская федерація, можетъ составить не болѣе какъ ступень въ разложеніи противуестественныхъ политическихъ группъ, Австріи и Турціи, потерявшихъ всякое значеніе и всякій разумный историческій смыслъ,—ступень, предшествующую новой группировкѣ ихъ составныхъ элементовъ. Но ступень эта можетъ сдѣлаться весьма опасною, ибо можетъ привести эти элементы къ судьбѣ несравненно печальнѣйшей, нежели та, подъ гнетомъ которой они теперь томятся и страдаютъ *). Мы видѣли, что, въ видахъ Европы, австро-турецкая федерація можетъ быть только средствомъ для удобнѣйшаго обезнароденія Славянъ— и вмѣстѣ орудіемъ, направленнымъ противъ Россіи, т. е. къ разъединенію Славянъ. Если бы и этой послѣдней цѣли удалось достигнуть врагамъ Славянства и Россіи, то можно быть увѣреннымъ, что они и этимъ удовольствовались бы только до поры до времени. Пока словянскіе народы сохраняли бы свои народныя черты, пока въ нихъ не совершенно умерло бы еще сознаніе Славянства,— это сознаніе, какъ бы ни затемнялось оно мелкимъ племеннымъ соперничествомъ и враждою и напускнымъ страхомъ, какъ бы ни держали его подъ спудомъ, все таки не было бы лишено возмож-

*) И это оправдывается; но унывать не должно, помня, что все это лишь моментъ разложенія.

ности просвѣтленія и пробужденія,—какъ это уже не разъ случалось со многими племенами, почитавшимися мертвыми и похороненными, какъ это было и съ самими Славянами. Поэтому, самый простой и очевидный расчетъ заставилъ бы Европу, покровительствуя повидимому федераціи, рукоплеща и содѣйствуя ей, если бы удалось вовлечь ее на гибельный путь враждебности къ Россіи, тѣмъ не менѣе стараться подъ шумокъ содѣйствовать ослабленію и разложенію союза отторженіемъ отъ него частей и передачею ихъ мало по малу тѣмъ, которые представляли бы сильнѣйшее ручательство, чѣмъ федерація (хотя бы и съ антирусскихъ направленіемъ), что въ ихъ рукахъ не проснется уже славянскій духъ.

И Турція, и Австрія потеряли всякій смыслъ. Никогда не имѣя внутреннихъ основъ и причинъ существованія, онѣ лишились теперь и того временнаго и случайнаго значенія, которое служило оправданіемъ ихъ политическаго бытія; другими словами, онѣ умерли—и, подобно всякому трупу, вредны въ гигіеническомъ отношеніи, производя своего рода болѣзни и заразы. Что умерла Турція, въ этомъ согласны едва-ли не всѣ; но ясный взглядъ на вещи показываетъ, что столько же мертва и Австрія,— и ни централизъ, ни дуализмъ, ни просто австрійскій, ни австро-турецкій федерализмъ не оживятъ ее. Съ исчезновеніемъ исторической идеи подъ вліяніемъ которой группировались народные элементы въ политическое тѣло, элементы эти становятся свободными—и могутъ соединиться вновь не иначе, какъ при воздѣйствіи на нихъ новаго жизненнаго принципа, который, сообразно преобладающему, верховному значенію народности во всякаго рода политическихъ комбинаціяхъ (начиная отъ цѣльнаго сосредоточеннаго государства до политической системы), не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ принципомъ этнографическимъ. Въ настоящемъ случаѣ, принципомъ этимъ можетъ быть только идея Славянства, но не идея какого нибудь частнаго, австрійскаго, турецкаго, или австро-турецкаго Славянства, а идея *Всеславянства*.

Тѣ западнославянскіе публицисты, которые, обманываемые своимъ узкимъ національно-племеннымъ взглядомъ, или иными неосновательными теоріями, не хотятъ признавать въ славянскомъ мірѣ центральности Россіи, этого истиннаго солнца Славянъ,— уподобляются древнимъ астрономамъ, которые, не умѣя отвлечься отъ ложнаго понятія центральности земли, громоздили эпициклы на эпициклы, чтобы этими искусственными комбинаціями какъ ни-

будь согласовать наблюдаемыя ими явленія съ своими ложными теоретическими представленіями. Публицисты эти такъ же точно принуждены громоздить политическіе эпициклы въ видѣ различныхъ федеральныхъ комбинацій, съ воображаемыми центрами притяженія, для поддержанія своихъ противоестественныхъ теорій о томъ, что центръ тяжести славянской системы лежитъ будто бы гдѣ-то посреди австрійскихъ земель. Когда знаменитый чешскій историкъ Палацкій говорилъ, что если бы не было Австріи, то ее нужно было бы создать въ интересахъ Славянства,—не утверждалъ-ли онъ этимъ, что Славянство не имѣетъ никакой реальной основы,—не проповѣдывалъ-ли системы настоящихъ эпицикловъ (въ полнѣйшемъ значеніи этого слова) съ ихъ нереальнымъ, мнимымъ центромъ притяженія? Жалкое, бѣдное Славянство, въ интересахъ котораго можетъ быть нужна такая политическая нелѣпость, какъ Австрія!

Степень сосредоточенности, плотности и единства, которой могутъ и должны достигать политическія тѣла, зависитъ, какъ показано было выше (гл. X), главнѣйше отъ двухъ условій: отъ степени родства между народными элементами, входящими въ составъ политическаго тѣла, и отъ степени опасности, угрожающей ему со стороны другихъ государствъ. По этнографическимъ условіямъ, Славяне дѣйствительно должны составить федерацію, но федерація эта должна обнять всѣ страны и народы—отъ Адріатическаго моря до Тихаго океана, отъ Ледовитаго океана до Архипелага. Сообразно этимъ же условіямъ, а также согласно съ фактами исторіи и съ политическимъ положеніемъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ могущественнымъ и враждебнымъ романо-германскимъ міромъ,—федерація эта должна быть самая тѣсная, подъ водительствомъ и гегемоніею цѣльнаго и единаго Русскаго государства. Такая всеславянская федерація, удовлетворяя вполнѣ требованіямъ этнографическаго принципа,—подобно всякому полному рѣшенію вопроса, упраздняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прочія несообразности и препятствія, которыя возникали передъ нашимъ умственнымъ взоромъ на каждомъ шагу для федерацій австрійской и австро-турецкой.

И въ всеславянскую федерацію должны, волею или неволею, войдти тѣ неславянскія народности (Греки, Румуны, Мадьяры), которыхъ неразрывно, на горе и радость, связала съ нами историческая судьба, втиснувъ ихъ въ славянское тѣло. Но эта чуж-

ются со стороны друзей и недруговъ, намъ должно еще обратить все наше вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ этого вопроса, котораго мы еще не касались, но который по справедливости считается его гордіевымъ узломъ. Этотъ узелъ желательно было бы не разсѣчь, а развязать, т. е. рѣшить по справедливости, или, иными словами, сообразно съ внутренними существенными требованіями дѣла. Я разумѣю вопросъ о Константинополѣ.

конецъ на сѣверъ Днѣпръ, Донъ, соединенный желѣзнымъ путемъ съ Волгою, и Дунай соединяютъ Константинополь со всѣми славянскими землями и ведутъ въ глубь Россіи и Европы.

Этимъ міровымъ географическимъ преимуществамъ соотвѣтствуютъ и мѣстныя топографическія удобства. Босфоръ, глубокая и широкая рѣка соленой воды въ 35 верстъ длиной, со многими вдающимися въ берега углубленіями или бухтами, представляетъ обширную безопасную гавань для судовъ, служащихъ внѣшней міровой торговлѣ, тогда какъ наиболѣе врѣзывающаяся въ материкъ внутри самаго Константинополя бухта, извѣстная подъ именемъ Золотаго Рога, представляетъ такія же удобства для каботажныхъ судовъ и для доставки товаровъ разнымъ частямъ города.

Прибавимъ къ этому единственное въ мірѣ, какъ по удобству защиты, такъ и по важности защищаемаго, стратегическое положеніе, прелестный климатъ, несравненную красоту окружающей природы, наконецъ великія міровыя, истинно царственныя историческія воспоминанія и соединенное съ ними громадное нравственное значеніе. Такія, единственныя въ своемъ родѣ, естественныя преимущества сдѣлали то, что Константинополь не раздѣлилъ судьбы того царства, которому служилъ столицею, подобно другимъ великимъ центрамъ исчезнувшихъ съ лица земли народовъ. Между тѣмъ какъ Ѳивы, Мемфисъ, Вавилонъ, Ниневія, Карѳагенъ—не болѣе, какъ археологическіе куріозы; между тѣмъ какъ Аѳины и Александрія живутъ жизнію весьма второстепенныхъ провинціальныхъ городовъ, и даже самъ вѣчный, дважды міродержавный Римъ обратился въ музей рѣдкостей съ какимъ нибудь полуторастотысячнымъ населеніемъ и имѣетъ быть разжалованъ изъ міроваго города въ столицу второстепеннаго государства,—Константинополь, понимая подъ этимъ названіемъ совокупность всѣхъ населенныхъ мѣстъ вдоль береговъ Босфора, составляющихъ одно сплошное и неразрывное цѣлое,—все еще имѣетъ до полутора милліона жителей, несмотря на совершенную неспособность теперешнихъ его обладателей извлекать выгоду изъ доставшагося имъ сокровища.

Особенность Константинополя составляетъ еще то, что никакое измѣненіе въ торговыхъ путяхъ, никакое расширеніе историческаго театра не могутъ умалить его исторической роли, а напротивъ того, всякое распространеніе культуры и средствъ сообщенія должны

ности просвѣтленія и пробужденія,—какъ это уже не разъ с
лось со многими племенами, почитавшимися мертвыми и похор
ными, какъ это было и съ самими Славянами. Поэтому, с
простой и очевидный расчетъ заставилъ бы Европу, покрови
ствуя повидимому федераціи, рукоплеща и содѣйствуя ей, есл
удалось вовлечь ее на гибельный путь враждебности къ Р
тѣмъ не менѣе стараться подъ шумокъ содѣйствовать ослабл
и разложенію союза отторженіемъ отъ него частей и перед
ихъ мало по малу тѣмъ, которые представляли бы сильнѣ
ручательство, чѣмъ федерація (хотя бы и съ антирусскихъ на
леніемъ), что въ ихъ рукахъ не проснется уже славянскій д

И Турція, и Австрія потеряли всякій смыслъ. Никогда не
внутреннихъ основъ и причинъ существованія, онѣ лишились
перь и того временнаго и случайнаго значенія, которое слу
оправданіемъ ихъ политическаго бытія; другими словами,
умерли—и, подобно всякому трупу, вредны въ гигіеничес
отношеніи, производя своего рода болѣзни и заразы. Что ум
Турція, въ этомъ согласны едва-ли не всѣ; но ясный взгляд
вещи показываетъ, что столько же мертва и Австрія,— и ни
рализмъ, ни дуализмъ, ни просто австрійскій, ни австро-туре
федерализмъ не оживятъ ее. Съ исчезновеніемъ исторической
подъ вліяніемъ которой группировались народные элементы
политическое тѣло, элементы эти становятся свободными—и
гутъ соединиться вновь не иначе, какъ при воздѣйствіи на н
новаго жизненнаго принципа, который, сообразно преобладающ
верховному значенію народности во всякаго рода политичес
комбинаціяхъ (начиная отъ цѣльнаго сосредоточеннаго госу
ства до политической системы), не можетъ быть ничѣмъ ин
какъ принципомъ этнографическимъ. Въ настоящемъ случаѣ, п
ципомъ этимъ можетъ быть только идея Славянства, но не
какого нибудь частнаго, австрійскаго, турецкаго, или австро
рецкаго Славянства, а идея *Всеславянства*.

Тѣ западнославянскіе публицисты, которые, обманываемые
имъ узкимъ національно-племеннымъ взглядомъ, или иными
основательными теоріями, не хотятъ признавать въ славянск
мірѣ центральности Россіи, этого истиннаго солнца Славян
уподобляются древнимъ астрономамъ, которые, не умѣя отвлеч
отъ ложнаго понятія центральности земли, громоздили эпици
на эпициклы, чтобы этими искусственными комбинаціями какъ

будь согласовать наблюдаемыя ими явленія съ своими ложными теоретическими представленіями. Публицисты эти такъ же точно принуждены громоздить политическіе эпициклы въ видѣ различныхъ федеральныхъ комбинацій, съ воображаемыми центрами притяженія, для поддержанія своихъ противоестественныхъ теорій о томъ, что центръ тяжести славянской системы лежитъ будто бы гдѣ-то посреди австрійскихъ земель. Когда знаменитый чешскій историкъ Палацкій говорилъ, что если бы не было Австріи, то ее нужно было бы создать въ интересахъ Славянства,—не утверждалъ-ли онъ этимъ, что Славянство не имѣетъ никакой реальной основы,—не проповѣдывалъ-ли системы настоящихъ эпицикловъ (въ полнѣйшемъ значеніи этого слова) съ ихъ нереальнымъ, мнимымъ центромъ притяженія? Жалкое, бѣдное Славянство, въ интересахъ котораго можетъ быть нужна такая политическая нелѣпость, какъ Австрія!

Степень сосредоточенности, плотности и единства, которой могутъ и должны достигать политическія тѣла, зависитъ, какъ показано было выше (гл. X), главнѣйше отъ двухъ условій: отъ степени родства между народными элементами, входящими въ составъ политическаго тѣла, и отъ степени опасности, угрожающей ему со стороны другихъ государствъ. По этнографическимъ условіямъ, Славяне дѣйствительно должны составить федерацію, но федерація эта должна обнять всѣ страны и народы—отъ Адріатическаго моря до Тихаго океана, отъ Ледовитаго океана до Архипелага. Сообразно этимъ же условіямъ, а также согласно съ фактами исторіи и съ политическимъ положеніемъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ могущественнымъ и враждебнымъ романо-германскимъ міромъ,—федерація эта должна быть самая тѣсная, подъ водительствомъ и гегемоніею цѣльнаго и единаго Русскаго государства. Такая всеславянская федерація, удовлетворяя вполнѣ требованіямъ этнографическаго принципа,—подобно всякому полному рѣшенію вопроса, упраздняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прочія несообразности и препятствія, которыя возникали передъ нашимъ умственнымъ взоромъ на каждомъ шагу для федерацій австрійской и австро-турецкой.

И въ всеславянскую федерацію должны, волею или неволею, войдти тѣ неславянскія народности (Греки, Румуны, Мадьяры), которыхъ неразрывно, на горе и радость, связала съ нами историческая судьба, втиснувъ ихъ въ славянское тѣло. Но эта чуж-

дая этнографическая примѣсь, такъ-сказать теряясь въ массѣ Славянъ, не можетъ уже имѣть для всеславянскаго союза того вреднаго разлагающаго вліянія, какъ для частныхъ славянскихъ союзовъ. Этого мало: главные изъ этихъ неславянскихъ членовъ славянской федераціи, Греки и Румуны, не могутъ даже считаться въ ней чуждою примѣсью; потому что недостатокъ кровнаго родства восполняется для нихъ родствомъ духовнымъ: не будучи Славянами, они—православные. Но и этого мало. Эти народы не такъ чужды Славянамъ и по крови, какъ нѣкоторые думаютъ и какъ многіе того бы желали; они такъ-сказать пропитаны славянскими элементами, и въ системѣ славянскихъ народовъ составятъ аналогическое звено съ тѣми романскими народами европейской системы, которые, какъ Французы, пропитаны германскими элементами. Неславянскаго въ нихъ собственно лишь тщеславныя притязанія на обособленіе, раздутыя въ ихъ интеллигенціи соблазнами, наущеніями и подстрекательствами нашихъ западныхъ недоброжелателей. Въ этомъ отношеніи стоитъ лишь указать на замѣну, при Кузѣ, славянскаго алфавита Молдаво-Валаховъ латинскимъ и на замѣщеніе множества славянскихъ словъ румунскаго языка французскими словами съ румунскими окончаніями, вслѣдствіе чего новый литературный румунскій языкъ сдѣлался непонятнымъ для народа. Что касается до Мадьяръ, то къ нимъ примѣняется пословица: „любишь кататься, люби и саночки возить". Вторгнувшись въ славянскія земли, получивъ въ нихъ ничѣмъ не оправдываемое господство, которымъ пользовались въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ,—они должны раздѣлить и всѣ судьбы великаго племени, перемѣнивъ первенствующее и господствующее положеніе на второстепенное и подчиненное. Впрочемъ, и это племя, подобно Румунамъ и теперешнимъ Грекамъ, сильно смѣшано со Славянами. Что касается внѣшнихъ враговъ Славянъ, которые, при сочувствіи и содѣйствіи внутреннихъ враговъ, въ австрійской или австро-турецкой федераціи могли бы сдѣлаться столь страшными для нихъ, то и они теряютъ свое значеніе относительно всеславянскаго союза, силъ котораго хватитъ на то, чтобы и волосъ не смѣлъ упасть съ главы славянской.

И такъ, всеславянская федерація—вотъ единственно разумное, а потому и единственно возможное рѣшеніе Восточнаго вопроса. Но, прежде чѣмъ подробнѣе разсматривать его и разбирать всѣ возраженія, которыя могутъ быть противъ него сдѣланы и дѣла-

ются со стороны друзей и недруговъ, намъ должно еще обратить все наше вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ этого вопроса, котораго мы еще не касались, но который по справедливости считается его гордіевымъ узломъ. Этотъ узелъ желательно было бы не разсѣчь, а развязать, т. е. рѣшить по справедливости, или, иными словами, сообразно съ внутренними существенными требованіями дѣла. Я разумѣю вопросъ о Константинополѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЦАРЬГРАДЪ.

И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань, какъ Всеславянскій Царь!
Ѳ. Тютчевъ.

По повѣрью, распространенному въ Русскомъ народѣ и занесенному къ намъ, безъ сомнѣнія, отъ Грековъ вмѣстѣ съ христіанствомъ,—Іерусалимъ есть средоточіе или, какъ выражаются въ просторѣчіи, „пупъ“ земли. И таковъ онъ въ дѣйствительности съ высшей духовной точки зрѣнія, какъ мѣсто, гдѣ взошло людямъ духовное солнце. Но, съ точки зрѣнія болѣе земной и вещественной, нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, могущаго сравниться центральностью своего мѣстоположенія съ Константинополемъ. Нѣтъ на землѣ другаго такого перекрестка всемірныхъ путей. На западъ открывается непрерывный морской путь сначала между Европой и Азіею, а потомъ между Европой и Африкой, какъ бы каналомъ, то расширяющимся, то съуживающимся до самаго Западнаго океана. Къ югу—такой же каналъ, прерываемый лишь неширокимъ, теперь прорытымъ перешейкомъ, ведетъ между Азіей и Африкой до Южнаго океана. На востокѣ нѣкогда-непрерывное море разбилось правда на три бассейна: Понта, Каспія и Арала, раздѣленные широкими перешейками. Но человѣческое искусство начинаетъ уже пополнять недодѣланное, или пожалуй испорченное природою, такъ какъ и тутъ, названныя моря, желѣзная дорога отъ Поти до Баку, а современемъ можетъ быть и Аму, возвращенная въ свое старое русло,—поведутъ въ самую глубь азіатскаго материка. На-

конецъ на сѣверъ Днѣпръ, Донъ, соединенный желѣзнымъ путемъ съ Волгою, и Дунай соединяютъ Константинополь со всѣми славянскими землями и ведутъ въ глубь Россіи и Европы.

Этимъ міровымъ географическимъ преимуществамъ соотвѣтствуютъ и мѣстныя топографическія удобства. Босфоръ, глубокая и широкая рѣка соленой воды въ 35 верстъ длиной, со многими вдающимися въ берега углубленіями или бухтами, представляетъ обширную безопасную гавань для судовъ, служащихъ внѣшней міровой торговлѣ, тогда какъ наиболѣе врѣзывающаяся въ материкъ внутри самаго Константинополя бухта, извѣстная подъ именемъ Золотаго Рога, представляетъ такія же удобства для каботажныхъ судовъ и для доставки товаровъ разнымъ частямъ города.

Прибавимъ къ этому единственное въ мірѣ, какъ по удобству защиты, такъ и по важности защищаемаго, стратегическое положеніе, прелестный климатъ, несравненную красоту окружающей природы, наконецъ великія міровыя, истинно царственныя историческія воспоминанія и соединенное съ ними громадное нравственное значеніе. Такія, единственныя въ своемъ родѣ, естественныя преимущества сдѣлали то, что Константинополь не раздѣлилъ судьбы того царства, которому служилъ столицею, подобно другимъ великимъ центрамъ исчезнувшихъ съ лица земли народовъ. Между тѣмъ какъ Ѳивы, Мемфисъ, Вавилонъ, Ниневія, Карѳагенъ—не болѣе, какъ археологическіе куріозы; между тѣмъ какъ Аѳины и Александрія живутъ жизнію весьма второстепенныхъ провинціальныхъ городовъ, и даже самъ вѣчный, дважды міродержавный Римъ обратился въ музей рѣдкостей съ какимъ нибудь полуторастотысячнымъ населеніемъ и имѣетъ быть разжалованъ изъ міроваго города въ столицу второстепеннаго государства,—Константинополь, понимая подъ этимъ названіемъ совокупность всѣхъ населенныхъ мѣстъ вдоль береговъ Босфора, составляющихъ одно сплошное и неразрывное цѣлое,—все еще имѣетъ до полутора милліона жителей, несмотря на совершенную неспособность теперешнихъ его обладателей извлекать выгоду изъ доставшагося имъ сокровища.

Особенность Константинополя составляетъ еще то, что никакое измѣненіе въ торговыхъ путяхъ, никакое расширеніе историческаго театра не могутъ умалить его исторической роли, а напротивъ того, всякое распространеніе культуры и средствъ сообщенія должны

въ большей или меньшей степени отразиться на усиленіи его торговаго, политическаго и вообще культурнаго значенія. Открытіе морскаго пути въ Индію нанесло смертельный ударъ Венеціи и прочимъ торговымъ итальянскимъ республикамъ; возникновеніе Петербурга доканало Новгородъ; прорытіе Суэзскаго перешейка должно снова перенести главный центръ торговаго движенія на берега Средиземнаго моря и не можетъ не уменьшить торговаго значенія самой даже Англіи, что̀ она и поняла своимъ вѣрнымъ инстинктомъ и стала дѣлать bonne mine à mauvais jeu, когда уже ясно увидѣла, что нельзя долѣе противиться дѣлу, которому суждено перейти изъ области предположеній въ область положительныхъ фактовъ. Римъ могъ сохранять свою господствующую роль только до тѣхъ поръ, пока главная историческая сцена сосредоточивалась на прибрежьяхъ Средиземнаго моря, и даже, когда жизненное движеніе приняло болѣе обширные размѣры въ восточной части этого бассейна вслѣдствіе походовъ Александра, усилившагося значенія Александріи, развитія христіанства,—онъ долженъ былъ подѣлиться своимъ господствомъ съ Константинополемъ. Если бы Италія даже не была опустошена и Римъ не былъ разрушенъ варварами, то все-таки онъ долженъ бы былъ лишиться своей роли единственно отъ культурнаго и политическаго развитія странъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Дуная и на востокъ отъ Рейна; и ежели въ теченіе такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ вновь усилилось его значеніе, то единственно благодаря новому религіозному элементу, воплотившемуся въ Римѣ. Совершенно иначе отражались и должны отражаться улучшеніе торговыхъ путей, развитіе и расширеніе культурной и политической жизни почти на всемъ пространствѣ Стараго свѣта — на судьбѣ Константинополя. Бывъ въ свое время центромъ древняго міра, онъ сдѣлался центромъ Магометанскаго востока, и теперь, въ самомъ униженіи своемъ, есть узелъ и центръ европейской политики, хотя и не активный, а страдательный только.

Что̀-же предстоитъ ему въ будущемъ? Всякое усиленіе развитія въ центральной и южной Европѣ, въ равнинахъ Россіи, на Кавказѣ, возрожденіе Европейской Турціи, Малой Азіи, Персіи, сѣверной и восточной Африки, проникновеніе культуры въ глубь Азіатскаго материка,—все это должно отразиться новымъ блескомъ на Босфорской столицѣ. Это городъ не прошедшаго только, не жалкаго настоящаго, но и будущаго, которому, какъ фениксу, суж-

дено возрождаться изъ пепла все въ новомъ и новомъ величіи. Онъ и носитъ поэтому четыре названія, каждое изъ которыхъ соотвѣтствуетъ особому фазису въ его развитіи, особому отдѣлу въ его историческихъ судьбахъ.

Первое названіе *Византія*, данное древними Греками, соотвѣтствуетъ тому времени, когда значеніе и важность города опредѣлялись лишь его топографическими удобствами. Изобиліе рабы въ проливѣ, соединяющемъ два моря, тѣснящейся по временамъ во вдавшійся въ материкъ Золотой Рогъ,—послужило первою приманкою для поселенцевъ, Подъ этимъ названіемъ, городъ, стоя на ряду со многими другими расположенными на Босфорѣ, Геллеспонтѣ и Пропондитѣ городами, не переросъ значенія промежуточнаго торговаго пункта между Понтомъ и Архипелагомъ. Второе имя *Константинополь*, хотя и звучитъ по гречески, есть однакоже названіе римское. Подъ этимъ именемъ господствовалъ онъ надъ частію римскаго наслѣдія и дѣйствовалъ на исторической сценѣ, ограничивавшейся прибрежіемъ Средиземнаго и Чернаго морей. Имя это приличествовало ему, пока послѣдній остатокъ римскаго міра не испустилъ своего послѣдняго вздоха, и давно уже, вмѣстѣ съ прежнимъ значеніемъ, перешло и это имя въ область прошедшаго, сдѣлалось достояніемъ исторіи. Теперешнее названіе *Стамбулъ*, данное ему Турками, не имя, а позорное клеймо. Оно не получило всесвѣтнаго гражданства, оставшись только мѣстнымъ, и должно исчезнуть вмѣстѣ съ завоевателями. Оно имѣетъ характеръ эпизодическій, какъ и самая роль Турокъ въ Восточномъ вопросѣ есть только вставочный эпизодъ, да и роль всего Магометанства—эпизодъ во всемірной исторіи. Но Босфорская столица, сказали мы, не только городъ прошедшаго, но и будущаго. И Славяне, какъ бы предчувствуя его и свое величіе, пророчески назвали его *Царьградомъ*. Это имя, и по своему смыслу, и потому, что оно славянское, есть будущее названіе этого города.

Неудивительно, что такой городъ, какъ Константинополь, обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ политиковъ; что вопросъ, кто будетъ имъ обладать, послѣ того какъ теперешніе его обладатели принуждены будутъ удалиться съ исторической сцены, тревожитъ всѣ умы, не остающіеся равнодушными къ великимъ интересамъ современной исторіи, такъ что одинъ частный Константинопольскій вопросъ вѣситъ по крайней мѣрѣ столько же на вѣсахъ современной политики, какъ и весь остальной обширный Восточный вопросъ.

Въ этой запутанной исторической тяжбѣ прежде всего представляется уму: кто-же собственно имѣетъ право на Константинополь? То есть, кому долженъ бы онъ принадлежать, еслибъ политическія соперничества не заслоняли собою и не затемняли юридической правды, если бы вопросы политическіе разрѣшались, подобно юридическимъ, на основаніи документовъ владѣнія? Говоря другими словами, кто законный наслѣдникъ, къ которому должна перейти Босфорская столица послѣ гибели и изгнанія похитителя, оказавшагося несостоятельнымъ, неспособнымъ не только къ обладанію такимъ жизненнымъ историческимъ узломъ, какъ Константинополь, но даже и вообще къ національной политичекой жизни?

Повидимому, вопросъ этотъ рѣшается очень легко. Турки взяли Константинополь у Грековъ, и Грекамъ, слѣдовательно, долженъ быть онъ возращенъ. Но у какихъ грековъ былъ онъ взятъ, и какимъ Грекамъ имѣетъ быть возращенъ? Греки древней Эллады, упустивъ случай слиться съ родственными имъ Македонянами и образовать великое восточное царство, подпали власти Римлянъ и вошли, какъ составной элементъ, въ всемірное Римское государство, восточной части котораго мало по малу придали свой особый колоритъ и характеръ, что̀ и выразилось во внѣшнемъ политическимъ строѣ отдѣленіемъ Восточной имперіи отъ Западной. Эта восточная имперія, по причинѣ малочисленности греческаго элемента, никогда не была греческою въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Греческою была въ ней собственно культура, цивилизація, которая не проникала и не могла проникать въ глубины народныхъ массъ. Однимъ словомъ, Восточная Римская имперія, даже въ эпоху своего величія, была на столько-же греческою, на сколько замѣнившая ее Оттоманская имперія—турецкою, или даже еще менѣе.

Поэтому, когда сѣверные народы,—въ концѣ концовъ Славяне,—заняли большую часть Балканскаго полуострова, въ массѣ они вполнѣ сохранили свои славянскія народности, и только верхушки общества отчасти огречились. Не такъ было напримѣръ въ Италіи, гдѣ новые германскіе поселенцы: Готы, Герулы, Лонгобарды, смѣшавшись съ прежде жившими тутъ племенами, приняли отъ нихъ не только языкъ, но и наружный обликъ. Греки же собственно остались тамъ только, гдѣ искони составляли преобладающій этнографическій элементъ: въ Мореѣ, Элладѣ, Өессаліи,

въ части Эпира, въ юго-западной окраинѣ Македоніи, по островамъ Эгейскаго моря. Съ центральною частію Восточной имперіи—Балканскимъ полуостровомъ—произошло, слѣдовательно, то же самое, что̀ и съ ея болѣе отдаленными провинціями: Сиріею, Египтомъ, гдѣ арабское завоеваніе быстро стерло слѣды завоеванія греко-римскаго, потому что слѣды эти и не проникали далѣе поверхности общества. Во всѣхъ этихъ странахъ, какъ я уже сказалъ, греческою была только культура, да еще государственная власть, а этнографическій составъ населенія греческимъ не былъ. Поэтому, съ разрушеніемъ государства, съ уничтоженіемъ культуры, въ живыхъ ничего греческаго уже болѣе не осталось, и для возстановленія его потребовалось бы не возрожденіе, а настоящее воскресеніе, которое и въ историческомъ смыслѣ столь же невозможно, какъ и въ физіологическомъ.

И такъ, возвращеніе Константинополя его законному наслѣднику невозможно, потому что наслѣдника этого нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ былъ послѣдній въ родѣ и умеръ тогда же, какъ было отнято у него его послѣднее достояніе, въ которомъ собственно и воплощался угасавшій остатокъ его жизни, и теперь достояніе это—выморочное въ полномъ смыслѣ этого слова.

Права, которыя предъявили бы на Константинополь наслѣдники того имени, которое носила Восточная имперія, принадлежатъ, поэтому, къ совершенно особому разряду такъ называемыхъ историческихъ правъ, по которымъ Поляки требуютъ себѣ Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи, Галича, даже Кіева и Смоленска; Мадьяры хотятъ преобладать надъ Словаками, Русскими, Хорватами, Сербами, Румунами, живущими въ предѣлахъ земель Венгерской короны; по которымъ Итальянцы, во имя правъ древняго Рима, могли бы требовать владычества надъ Франціей, Англіей, Испаніей, сѣверной Африкой и т. д. По такимъ же правамъ, Греки, имѣющіе уже въ силу одного историческаго документа притязаніе на Константинополь, могли бы въ силу другаго документа, съ такимъ же точно основаніемъ, предъявлять претензіи на всѣ страны отъ Адріатическаго моря до Инда, и отъ Понта, Кавказа, Каспія и Сыръ-Дарьи до Индѣйскаго Океана. Въ силу таковыхъ правъ, законными претендентами на верховное владычество въ Россіи могли-бы явиться какія-нибудь Калмыцкія, Бурятскія или Монгольскія орды. Это историческое право, изъ-за котораго пролилось въ прошедшемъ столько слезъ и крови, которому настоящее обя-

зано столькими неправдами и притѣсненіями, должно бы ввергнуть міръ въ совершенную путаницу, въ настоящій хаосъ нелѣпостей, если бы вздумали проводить его сколько-нибудь послѣдовательнымъ образомъ.

Всѣ эти короны Стефановъ, Ягеллоновъ, Палеологовъ весьма почтенныя вещи, пока лежатъ въ историческихъ музеяхъ древностей, откуда могутъ вызывать весьма возвышенныя размышленія о дѣлахъ минувшихъ, о бренности человѣческаго величія. Эти историческіе мертвецы, какъ и всякіе другіе покойники, заслуживаютъ почтительной памяти и добраго слова отъ живыхъ людей, но только пока спокойно лежатъ въ своихъ могилахъ. Если же они вздумаютъ скитаться по бѣлому свѣту и смущать народъ своимъ появленіемъ, въ видѣ разныхъ оборотней, вампировъ и вулкулаковъ, предъявляя свои исчезнувшія права на то, что̀ уже перешло во владѣніе живыхъ; то, чтобы успокоить ихъ, ничего не остается, какъ, по славянскому обычаю, вбить имъ осиновый колъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Этотъ осиновый колъ конечно не болѣе какъ пустой предразсудокъ въ отношеніи къ простымъ мертвецамъ, ибо эти и безъ того никогда не выходятъ изъ своихъ могилъ, но для мертвецовъ историческихъ, имѣющихъ невѣроятную наклонность вставать изъ своихъ усыпальницъ и тревожить живыхъ, на яву и во снѣ, своими нелѣпыми притязаніями, — осиновый колъ самая законная и разумная мѣра, служащая къ обоюдному благу, какъ умершихъ, такъ и живыхъ. Осиновый колъ—вотъ всѣ права, которыя можно признать за коронами Палеологовъ, Ягеллоновъ и св. Стефановъ. На него же напрашиваются и короны Солеймановъ и Габсбурговъ, которыя, хоть и не легли еще въ свои могилы, и сидятъ между живыми, но давно уже смердятъ и заражаютъ политическую атмосферу гнилыми міазмами. О, какъ взыграетъ славянское сердце, когда Россія, понявъ свое историческое призваніе, съ честію погребетъ и этихъ мертвецовъ, насыплетъ надъ ними высокій могильный холмъ, заострить осиновый колъ и забьетъ его по самую маковку,—чтобы на мѣстѣ пустѣ заиграла широкая, самобытная славянская жизнь!

Историческое право имѣетъ огромное значеніе и заслуживаетъ всякаго къ нему вниманія и уваженія, когда, будучи историческимъ, оно продолжаетъ корениться въ дѣйствительныхъ потребностяхъ людей текущаго вѣка, продолжаетъ составлять ихъ прирожденное, неотъемлемое право; когда, составлявши заботу дня минувшаго, оно

еще продолжаетъ быть насущною заботою и дня настоящаго. О, тогда голосъ его громокъ и оно вдвойнѣ уважительно! Стремленія Греціи къ освобожденію выигрывали конечно много въ своей силѣ и въ симпатіяхъ, которыя всюду внушали, отъ того, что греки, сражаясь за настоящую свою независимость, за свободу не мнимаго, а дѣйствительнаго греческаго народа, возстановляли вмѣстѣ съ тѣмъ свободу страны Мильтіадовъ и Эпаминондовъ; но и эти славныя воспоминанія не могли бы имѣть никакой цѣны, если бы народъ, населявшій новую Грецію, потерявъ сознаніе своей особенности и самобытности, слился съ своими побѣдителями.

Историческія права всѣми своими свойствами подобны ариѳметическому нулю, который въ отдѣльности, самъ по себѣ, ничего не значa, удесятеряетъ однакоже значеніе единицы влѣво отъ него стоящей. Такъ, Западная Русь не потому должна составлять одно цѣлое съ остальной Россіей, что входила нѣкогда въ составъ Руси временъ Владиміровъ, Ярославовъ, Мстиславовъ, а потому, что, будучи настоящею Русью въ эти давно прошедшія времена, она, по языку, по вѣрѣ, по всему существу своему, всегда оставалась ею, кто бы надъ нею ни господствовалъ, и теперь продолжаетъ быть такою же настоящею Русью, какъ и въ оныя времена, несмотря на измѣну своихъ высшихъ классовъ. Поэтому и лежитъ на Россіи двойное или лучше сказать удесятеренное право и удесятеренная обязанность пещись о томъ, чтобы вся Русь была Русью,—право и обязанность настоящія, живыя, бытовыя, удесятеренныя въ своемъ значеніи правомъ историческимъ, т. е. этимъ же настоящимъ, живымъ, бытовымъ правомъ, не прерывавшимся въ теченіе вѣковъ, насколько хватаетъ сознательная и безсознательная народная память.

Но что̀ такое, напримѣръ, корона Стефановъ? Случайное завоеваніе и подчиненіе исконныхъ придунайскихъ жителей, Славянъ, вторгнувшейся мадьярской ордѣ, которая, хотя и приняла христіанство и европейскій складъ и ладъ, не съумѣла однако, или не смогла, обратить чуждыя ей племена въ свою плоть и кровь, уподобить ихъ себѣ, такъ же точно, какъ не съумѣли или не смогли этого сдѣлать эллинизированные Римляне Византіи со вторгнувшимися въ ихъ предѣлы Славянами, или вторгнувшіеся Турки съ Греками, Болгарами и Сербами; какъ не умѣли или не хотѣли этого сдѣлать благородные Ливонскіе рыцари съ Латышами и Эстами. Поэтому, и всѣ притязанія эти, и имъ подобныя—

суть притязанія выходцевъ изъ могилъ, ночныхъ призраковъ и привидѣній, полуночныхъ кикиморъ, на которыхъ живые люди, подъ страхомъ причисленія къ сонму сумасбродовъ и умалишенныхъ, не должны обращать никакого вниманія.

И такъ, Константинополь составляетъ теперь въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ res nullius, предметъ никому не принадлежащій. Въ болѣе же широкомъ и высокомъ историческомъ смыслѣ, онъ долженъ принадлежать тому, кто продолжаетъ воплощать въ себѣ ту идею, осуществленіемъ которой служила нѣкогда Восточная Римская имперія. Какъ противувѣсъ Западу, какъ зародышъ и центръ особой культурной-исторической сферы, Константинополь долженъ принадлежать тѣмъ, которые призваны продолжать дѣло Филиппа и Константина, дѣло, сознательно подъятое на плеча Іоаннами, Петромъ и Екатериною.

Но оставимъ эти высшія соображенія и удовольствуемся пока тѣмъ, что въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ Константинополь есть res nullius, на которую никто не можетъ изъявлять притязаній по праву, какъ законный наслѣдникъ. За отсутствіемъ основаній юридическихъ, вступаютъ въ свои законныя права основанія утилитарныя, и мы должны и можемъ спросить: если никто не имѣетъ прямаго права на Константинополь, кому можетъ представить обладаніе имъ истинную, дѣйствительную пользу?

Всѣ состязающіеся могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на три категоріи: съ одной стороны великія Европейскія державы; съ другой мелкія государства, въ родѣ Греціи; съ третьей— Россія.

Изъ великихъ Европейскихъ державъ Пруссія остается въ этомъ дѣлѣ совершенно въ сторонѣ. Очевидно, что обладаніе Константинополемъ не только не принесло бы ей никакой пользы, но было бы даже для нея совершенно невозможно. Австріи могъ бы принадлежать Константинополь не иначе, какъ если бы она преобразилась въ ту австро-турецкую федерацію, о которой мы говорили въ предъидущей главѣ, и которая, какъ тамъ было доказано, была бы гибельна для народовъ, которые ее бы составили, продолжила бы лишь агонію, въ которой томится Австрія. Остаются слѣдовательно только двѣ великія морскія державы: Франція и Англія, для которыхъ обладаніе Константинополемъ по крайней мѣрѣ возможно по причинѣ ихъ значительнаго морскаго могущества. Но польза, которая проистекла бы для нихъ изъ того, была бы чисто

отрицательнаго свойства. Хотя Константинополь, какъ мы видѣли,— замѣчательнѣйшій перекрестокъ всемірныхъ путей на земномъ шарѣ, онъ лежитъ однакоже совершенно въ сторонѣ отъ того движенія, въ которомъ онѣ, въ особенности же Англія, играютъ такую первостепенную роль. Вся польза отъ обладанія Константинополемъ ограничивалась бы для нихъ тѣмъ вредомъ, который наносился бы этимъ Россіи. Это было бы, такъ сказать, право вонзать ножъ въ тѣло Россіи и поворачивать его въ ранѣ, когда имъ заблагоразсудится, чтобы производить нестерпимую боль, простирая свое вліяніе и господство не только на все южное побережье Россіи, но и глубоко внутрь страны посредствомъ естественныхъ и искусственныхъ путей сообщенія, рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ.

Самая невыносимость такого положенія поставила бы Россію въ непрестанную, явную или глухую, враждебность къ нимъ. При всякомъ столкновеніи съ какимъ бы то ни было другимъ государствомъ, морская держава, обладающая Константинополемъ, могла бы быть увѣрена, что будетъ имѣть Россію противъ себя, и это опасеніе необходимо должно бы было умалить значеніе и вліяніе ея на всѣхъ прочихъ театрахъ политической дѣятельности. Мы видѣли, какой вредъ проистекалъ для Австріи отъ обладанія Венеціей, послѣ того какъ начала Италія сплачиваться въ одно политическое цѣлое: Италія была естественнымъ союзникомъ всякаго врага Австріи. Но что̀ же значитъ враждебность еще не сформировавшейся, не объединившейся Италіи въ сравненіи съ враждебностью Россіи?

Одно удержаніе Константинополя, на которое теперь, очевидно, не хватаетъ всѣхъ силъ Турецкой имперіи, потребовало бы, при безпрестанномъ опасеніи столкновенія съ Россіею, по меньшей мѣрѣ арміи въ 150.000 или 200.000 человѣкъ и эскадры въ нѣсколько десятковъ панцырныхъ и другихъ судовъ, которыя должно было бы постоянно держать въ окрестностяхъ Константинополя. Такъ какъ эти силы требовалось бы содержать сверхъ всѣхъ тѣхъ, которыми обладающая Константинополемъ западная держава могла бы располагать въ другихъ мѣстахъ, то отрицательное значеніе этого обладанія—вредъ, приносимый Россіи—ложился бы на ея государственный бюджетъ тяжестью по крайней мѣрѣ въ 100 милліоновъ рублей. Хотя Франція, по словамъ ея государственныхъ людей, и довольно богата, чтобы платить за свою славу, но такой роскоши ненависти не можетъ себѣ позволить ни Франція, ни Англія, никакое государство, какъ бы богато оно ни было.

Надо однакоже сказать, что ни Франція, ни Англія и не имѣютъ собственно притязаній на обладаніе Константинополемъ. Онѣ очень хорошо понимаютъ, что польза его была бы для нихъ чисто отрицательною, и что вся цѣль ихъ достигнута, если только онъ не будетъ въ рукахъ Россіи. Поэтому и поддерживаютъ онѣ владычество Турціи, какъ готовый фактъ, котораго незачѣмъ придумывать и осуществлять съ бòльшими или меньшими усиліями, борясь съ предвидѣнными и непредвидѣнными препятствіями. Въ случаѣ же, если бы владычество Турціи, несмотря на всю ихъ поддержку, оказалось несостоятельнымъ, онѣ всего скорѣе согласились бы вручить этотъ ключъ Чернаго моря нарочно усиленному съ этою цѣлію второстепенному государству, именно—Греціи.

Какую же пользу принесъ бы ей этотъ подарокъ? Мы видѣли, что, съ точки зрѣнія права, Константинополь ей вовсе не принадлежитъ; съ точки же зрѣнія пользы онъ былъ бы ей пагубенъ. Это былъ бы настоящій Пандоринъ ящикъ, наполненный смутами, раздорами, которые въ концѣ концовъ должны бы неминуемо повести къ потерѣ политической самостоятельности. Noblesse oblige, говоритъ французская пословица. Иной носитель громкаго имени, графъ, князь, герцогъ, маркизъ,—изнемогаетъ подъ бременемъ своего общественнаго положенія, которое волею или не волей обязанъ поддерживать, хотя, необремененный блескомъ своего имени, могъ бы, по своимъ средствамъ, вести счастливое, спокойное, безбѣдное существованіе. Такое же бремя наложилъ бы Константинополь на слабое государство. Защита перваго въ мірѣ стратегическаго пункта фортификаціонными работами, сухопутною арміею и флотомъ отъ перваго внезапнаго нападенія, по крайней мѣрѣ пока не подоспѣетъ помощь извнѣ, истощала бы его слабыя финансовыя средства.

Съ другой стороны, слабая Греція была бы вѣчно между двухъ огней, между Россіей, которая конечно употребляла бы всѣ усилія, чтобы замѣнить обладаніе ключемъ отъ главнаго выхода изъ своего дома такъ-называемымъ политическимъ вліяніемъ, и между враждебными Россіи европейскими державами, которыя, вручая Греціи этотъ ключъ, имѣли бы собственно въ виду сдѣлаться дѣйствительными его хозяевами. Ей ничего бы не оставалось, какъ или впасть въ совершенную зависимость отъ одной стороны, сохраняя только лишь тѣнь и внѣшность государственнаго верховенства и свободы, или же играть незавидную роль переметной

сумы, попеременно переходя изъ одной зависимости въ другую и теряя уваженіе и симпатіи обѣихъ соперничествующихъ сторонъ. Однимъ словомъ, это было бы для Греціи повтореніе роли Турціи, съ тѣмъ однакоже различіемъ, что Турція все таки составляетъ государство слишкомъ съ тридцатимилліоннымъ населеніемъ, которое слабо только потому, что потеряло свои жизненныя силы,— но каково же народу и государству свѣжему и бодрому находиться въ положеніи, которое едва выносимо для умирающаго, потому что они приняли на себя задачу не по силамъ? Такое междоумочное положеніе не могло бы долго продолжаться. Небольшое Греческое государство скоро впало бы въ истощеніе, въ маразмъ, и Константинопольскій вопросъ, не погашенный, а тлѣющій подъ пепломъ, воспламенился бы съ новою силою.

Итакъ, ни великія западныя державы, ни Греція не только не извлекутъ никакой пользы изъ обладанія Константинополемъ, но онъ будетъ для нихъ тяжелымъ бременемъ, которое трудно будетъ выдерживать даже первымъ, и которымъ вторая неминуемо будетъ подавлена.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется обладаніе Константинополемъ для Россіи. Выгоды, которыя онъ бы принесъ ей, по истинѣ неоцѣнимы и неисчислимы.

1) Недавній горкій опытъ показалъ, гдѣ Ахиллесова пята Россіи, которой такъ долго искали враги ея, и, напротивъ того, опыты многихъ вѣковъ и притомъ самые рѣшительные, произведенные съ огромными средствами и подъ руководствомъ самыхъ искусныхъ операторовъ, доказали до очевидности, что съ другихъ сторонъ, и съ запада и съ сѣвера, она неуязвима. Уязвимость съ востока давно уже миновала; осталась слѣдовательно только уязвимость съ юга. Это не эмпирическія только данныя, а факты, подлежащіе самому удовлетворительному объясненію, ибо проистекаютъ изъ положенія Россіи и изъ существенныхъ свойствъ и особенностей характера ея силы и могущества.

Всякое нападеніе съ запада встрѣчаетъ себѣ отпоръ всѣхъ сухопутныхъ силъ Россіи, которыя всегда составляли, составляютъ и будутъ составлять главную опору ея могущества. Обширные непроходимые болота и лѣса разрѣзываютъ пространство вдоль западной границы Россіи на два совершенно отдѣльные театра военныхъ дѣйствій, совокупное нападеніе на которые возможно только въ случаѣ весьма мало вѣроятнаго союза обоихъ нашихъ запад-

ныхъ сосѣдей, Пруссіи и Австріи; слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, Россія можетъ быть совершенно спокойна или за области, лежащія къ югу, или за лежащія къ сѣверу отъ Полѣсья и болотистой системы Припети *). Слабый пунктъ нашъ съ этой стороны—конечно Польша, но политическія отношенія наши касательно ея таковы, что при всякой войнѣ, имѣющей въ виду Польшу, могущественнѣйшій изъ нашихъ сосѣдей—Пруссія никогда, или по крайней мѣрѣ надолго, не можетъ находиться въ числѣ нашихъ враговъ. Но силы Россіи заключаются не въ одной ея арміи, а въ духѣ всего народа, который всегда былъ готовъ скорѣе видѣть свои домы и имущества въ объятіяхъ пламени, нежели въ рукахъ непріятеля, и съ этимъ-то народомъ пришлось бы имѣть дѣло всякому врагу, вторгнувшемуся въ предѣлы Россіи.

Со стороны Балтійскаго моря возможны только диверсіи, случайныя нападенія на тѣ или другіе пункты; базисомъ же для правильнаго, систематически-организованнаго дѣйствія оно не можетъ служить, по той простой причинѣ, что всякій успѣхъ, достигнутый лѣтомъ, долженъ бы быть оставленъ зимой.

Напротивъ того, съ юга Россія открыта ударамъ державъ, обладающихъ большими морскими средствами. Сухопутная оборона береговъ требуетъ громадныхъ силъ и, со всѣмъ тѣмъ, однакоже мало дѣйствительна. Достигнувъ какого нибудь выгоднаго для себя результата, непріятели могли бы сохранить его и обратить въ новую точку опоры для дальнѣйшихъ предпріятій. Конечно, вторженіе въ глубь Россіи и съ этой стороны было бы не легко, пожалуй даже невозможно, но въ томъ-то и дѣло, что тутъ нѣтъ и надобности въ такомъ вторженіи. Овладѣніе морскими берегами, или даже однимъ только Крымомъ, было бы достаточно, чтобы нанести Россіи существеннѣйшій вредъ, парализировать ея силы. Обладаніе Константинополемъ и проливами устраняетъ эту опасность и обращаетъ южную границу Россіи въ самую безопасную и неприступную.

2) У насъ вошло въ жалкую моду говорить, что Россія довольно, даже слишкомъ велика; что ей не нужно завоеванія, что новыя пріобрѣтенія были бы ей въ тягость, что они и такъ уже ей въ тягость. Конечно, пріобрѣтеніе пріобрѣтенію рознь; но что касается вообще до жалобы на слишкомъ огромную величину Рос-

---

*) **И эти болота имѣли глупость осушить!**

сіи, я право не вижу, объ чемъ тутъ жалѣть. Англія, которая вѣдь больше Россіи, не тяготится своими обширными владѣніями, разбросанными притомъ по всему лицу земли. Да и понятіе о величинѣ, ростѣ, весьма относительно, и правильное сужденіе о нихъ пріобрѣтается, кажется мнѣ, только изъ отношенія достигнутаго роста къ внутренней экспансивной силѣ растущаго. Дубъ и въ три обхвата толщиною и въ пятнадцать саженъ вышиною нельзя еще назвать слишкомъ большимъ, переросшимъ свои нормальные размѣры. Государство также не можетъ считаться достигшимъ полнаго своего роста, сколько бы оно ни заключало въ себѣ квадратныхъ миль или верстъ, когда внѣ границъ его живетъ еще около четырехъ милліоновъ соплеменниковъ господствующаго въ немъ народа. Оно достигаетъ полнаго роста только когда соединило воедино весь тотъ народъ, который его сложилъ, поддерживаетъ и живитъ его; когда оно сдѣлалось полнымъ хозяиномъ всей земли, населяемой этимъ народомъ, то есть, держитъ въ рукахъ своихъ входы и выходы изъ нея, устья рѣкъ, орошающихъ ее почти на всемъ протяженіи ихъ теченія, и устья своихъ внутреннихъ морей,—однимъ словомъ, когда оно достигло осуществленія своей внѣшней исторической задачи. Не надо еще, говоря о пространствѣ Россіи, забывать и того, что она находится въ менѣе благопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, чѣмъ всѣ великія государства Европы, Азіи и Америки, что, слѣдовательно, она должна собирать элементы своего богатства и своего могущества съ бо́льшаго пространства, нежели онѣ.

Большое пространство имѣетъ конечно свои неудобства, и главнѣйшее изъ нихъ, безъ сомнѣнія, большое протяженіе границъ. Но пріобрѣтеніе Константинополя доставило бы Россіи еще ту совершенно особенную выгоду, что, вмѣсто увеличенія этого неудобства, оно уменьшило бы его въ значительной степени, сокративъ, такъ-сказать концентрировавъ двѣ съ половиною тысячи пограничной линіи вдоль прибрежій Чернаго и Азовскаго морей въ одну точку. Поэтому, если Константинополь въ рукахъ Англіи и Франціи потребовалъ бы отъ этихъ государствъ значительной арміи и флота для обороны этого пункта, сверхъ тѣхъ силъ, которыя онѣ должны и безъ того содержать,—въ рукахъ Россіи онъ дозволилъ бы ей, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, сократить ея военныя силы и сопряженныя съ ними издержки.

3) Внѣшняя сила государствъ, дѣйствительно могуществен-

ныхъ, всегда слагается изъ двухъ элементовъ: изъ арміи и флота, которые не могутъ никогда замѣнить другъ друга, какъ бы ни усиливали одинъ элементъ въ случаѣ отсутствія или крайней слабости другаго *). Ни чисто морское, ни чисто сухопутное государство не могутъ считаться вполнѣ могущественными, хотя, по географическому положенію государствъ и другимъ условіямъ, смѣшеніе этихъ двухъ элементовъ внѣшней политической силы можетъ и должно встрѣчаться въ весьма различныхъ пропорціяхъ. Вся исторія подтверждаетъ это положеніе.

Карѳагенъ, Венеція, Голландія, вся сила которыхъ почти исключительно основывалась на ихъ морскомъ преобладаніи, должны были скоро сойти съ занимаемаго ими первенствующаго мѣста, и или погибнуть, или отступить на второй, и даже дальнѣйшій планъ. Англія, напротивъ того, располагающая, кромѣ своихъ господствующихъ на моряхъ флотовъ, значительными сухопутными силами, имѣетъ значеніе истинной міровой державы, могуществу которой по всѣмъ вѣроятіямъ еще не скоро наступитъ конецъ, и если наступитъ, то не отъ внѣшнихъ, а отъ внутреннихъ причинъ. Съ другой стороны, самый Римъ, этотъ идеалъ континентальнаго могущества, долженъ былъ сдѣлаться, хотя на время сильной морскою державою (что во время оно было возможно), дабы не уступить другому видовъ на всеміреное владычество. Какъ парализировались мощь и успѣхи Людовика XIV и Наполеона тѣмъ, что флоты ихъ были разгромлены Англичанами! Наша отсталость въ морскомъ дѣлѣ, неимѣніе паровыхъ судовъ отразились на невыгодномъ исходѣ Восточной войны по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ и отсутствіе исправныхъ внутреннихъ путей сообщенія, и конечно въ гораздо большей степени, чѣмъ дурное состояніе нашего огнестрѣльнаго оружія. Во сколькихъ случаяхъ было ослабляемо наше вліяніе именно по недостаточности нашего флота! Упомянемъ лишь о продажѣ американскихъ колоній, которая этимъ только и объясняется; о возмущеніи въ Кандіи, которое конечно имѣло бы благопріятнѣйшій исходъ, если бы мы могли подкрѣпить наши желанія достаточнымъ числомъ панцырныхъ и другихъ судовъ. Не гораздо-ли плодотворнѣе для насъ, и даже для обѣихъ сторонъ, была бы наша дружба съ Америкой, какъ въ Кандійскомъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ, если бы

*) И это доказала послѣдняя турецкая война.

мы съ своей стороны могли протянуть Американцамъ дружескую руку изъ нѣсколькихъ десятковъ броненосцевъ?

Но, хотя, по словамъ поэта, обращеннымъ къ Россіи,

И семь морей немолчнымъ плескомъ
Поютъ тебѣ хвалебный хоръ,

шесть изъ нихъ или вовсе ни на что, или мало на что ей годятся, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ военнымъ флотамъ и къ политическому могуществу. Аральское море, если оно было на счету у поэта, принадлежитъ къ первой категоріи, т. е. ровно никуда не годится, такъ что было бы даже полезнѣе его высушить, направивъ впадающія въ него Дарьи въ Каспійское море; Ледовитый Океанъ относится къ тому же разряду, исключая лишь его Бѣломорскій заливъ, имѣвшій нѣкогда и могущій вновь пріобрѣсти большое торговое значеніе. Каспійское море очень важно, но только не въ политическомъ, а въ рыболовномъ отношеніи. Восточный или Великій Океанъ, на который возлагали такія сангвиническія надежды послѣ присоединенія Амурскаго края, при хорошемъ употребленіи его береговъ можетъ быть поприщемъ морскихъ партизанскихъ дѣйствій, да и то не въ большихъ размѣрахъ. Но, несмотря на эффектъ, произведенный Алабамой въ Американской междуусобицѣ и Денисомъ Давыдовымъ въ Отечественную войну, все таки, кажется мнѣ, можно оставаться при убѣжденіи, что партизанскія дѣйствія, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, никогда еще не имѣли, да едва-ли когда и будутъ имѣть, сколько нибудь рѣшительное вліяніе на судьбы народовъ или войнъ.

Относительно Балтійскаго моря, единственнаго, на которомъ мы имѣемъ теперь флотъ, я долженъ причислить себя къ сторонникамъ того мнѣнія, считаемаго нѣкоторыми непатріотическимъ, которое видитъ въ балтійскомъ флотѣ не болѣе какъ средство, хотя важное и даже существенно необходимое, для обороны нашихъ балтійскихъ береговъ, или, можетъ быть, даже только для содѣйствія Кронштадту и Кроншлоту въ оборонѣ Петербурга.

Входы и выходы изъ Балтійскаго моря не въ нашихъ рукахъ, и попасть въ наши руки никоимъ образомъ не могутъ. Мы не можемъ, слѣдовательно, по нашему произволу оказывать вліяніе на ходъ всемірныхъ событій нашею балтійскою морскою силою. Послѣ побѣдоносныхъ войнъ со Швеціею и упадка силъ этого государства, поднявшагося было на несоотвѣтствующую ему высоту мо-

гущества, мы могли думать, что господствовали по крайней мѣрѣ хотя въ этомъ внутреннемъ морѣ; но и это господство было только мнимымъ, ибо союзные флоты Англіи и Франціи заставили насъ укрыться въ укрѣпленной гавани. Съ усиленіемъ Пруссіи и объединеніемъ Германіи, перевѣсъ на водахъ Балтійскаго моря долженъ, по естественному ходу вещей, современемъ перейти къ Пруссіи, потому что она владѣетъ лучшею, незамерзающею частію его и, вѣроятно, скоро будетъ имѣть свой собственный входъ и выходъ изъ него посредствомъ Гольштейнскаго канала. Если даже, при большихъ усиліяхъ съ нашей стороны, мы и не уступимъ Германіи перевѣса, которымъ доселѣ пользовались въ Балтійскомъ морѣ, по крайней мѣрѣ во время мира съ великими морскими державами, то, во всякомъ случаѣ, должны будемъ раздѣлить съ нею наше господство. Невозможно, чтобы Германія, обладающая значительнымъ торговымъ флотомъ и пріобрѣтшая вмѣстѣ съ Гольштейномъ превосходныя гавани, не стремилась сдѣлаться дѣйствительно-сильною морскою державою и чтобы усилія ея не увѣнчались успѣхомъ. Это до такой степени естественно, что противиться такому ходу вещей было бы весьма странно съ нашей стороны, ибо всегда нерасчетливо становиться поперегъ дороги тому, что̀ выдвигается впередъ естественнымъ ростомъ событій. Противиться усиленію значенія Пруссіи, или вообще Германіи, на морѣ изъ-за того, что это даетъ намъ соперника на Балтійскомъ морѣ, значило бы принять въ отношеніи къ ней ту несправедливую и недоброжелательную политику, которою руководствуется Европа на востокѣ, политику, которую можно назвать въ полномъ смыслѣ отрицательною, такъ какъ она заключается единственно въ нанесеніи намъ и развитію единовѣрныхъ, соплеменныхъ и сочувственныхъ намъ народовъ всевозможнаго вреда, безъ всякой прямой отъ этого для себя пользы.

Впрочемъ, и жертва, налагаемая на насъ раздѣломъ господства на Балтійскомъ морѣ, не такъ велика, какъ кажется; ибо и до сего времени мы должны были раздѣлять его съ такимъ могущественнымъ соперникомъ, передъ которымъ не только Пруссія и Германія, но даже и англійское морское владычество совершенно ничтожны. Я разумѣю владычество державы льда. Правда, у насъ съ нею заключенъ оборонительный союзъ, по которому она охраняетъ наши берега въ теченіе полугода, но зато она въ союзѣ съ нашими врагами въ случаѣ наступательныхъ съ нашей стороны

дѣйствій, цѣлые полгода не выпуская нашихъ флотовъ изъ гаваней и заставляя ихъ возвращаться въ нихъ къ опредѣленному сроку, во что бы то ни стало, подъ страхомъ совершеннаго отрѣзанія отступленія. Можетъ-ли существовать при такихъ условіяхъ дѣятельная, вліятельная морская сила?

Одно Черное море въ состояніи дать Россіи силу и вліяніе на моряхъ,—и притомъ именно тотъ родъ силы и вліянія, тотъ характеръ морскаго могущества, къ которому она способна по всѣмъ своимъ географическимъ, этнографическимъ и политическимъ условіямъ. Россія не можетъ быть сильна на морѣ въ томъ же смыслѣ, какъ Англія, Америка, или даже Франція,—быть, такъ сказать, океаническою морскою державою, корабли которой разбросаны по всѣмъ широтамъ и долготамъ, и разносятъ имя и вліяніе своего отечества по островамъ и прибрежьямъ всего земнаго шара. Такою морскою державою не можетъ она быть не потому только, что не имѣетъ ни колоній, которыя слѣдовало бы защищать, ни торговыхъ флотовъ, которымъ надо бы было оказывать покровительство на дальнихъ моряхъ, но и потому, что такая разбросанная дѣятельность совершенно не въ духѣ Россіи и Русскихъ. Россія двигается только дружнымъ напоромъ, стѣною, какъ волна морского прилива, медленно, постепенно, но зато неудержимо затопляющая берегъ, а не какъ отдѣльные ключи, тамъ и сямъ пробивающіеся сквозь почву.

Такъ же точно, не можетъ Россія имѣть такой морской силы, которая, какъ въ Англіи и Америкѣ, такъ сказать вытекаетъ изъ нѣдръ народной жизни,—которая основана, съ одной стороны, на сотняхъ тысячъ матросовъ, составляющихъ цѣлое многочисленное сословіе и могущихъ въ случаѣ нужды снабдить государство обширнымъ контингентомъ опытныхъ моряковъ; съ другой же—на верфяхъ, машинныхъ, пароходныхъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ всякаго рода снасти и предметы для потребностей торговаго флота, заведеніяхъ, которыя, въ случаѣ нужды, также могутъ снабжать государство новыми и новыми запасами судовъ и разныхъ морскихъ принадлежностей въ неопредѣленномъ количествѣ. Россія можетъ имѣть только государственный флотъ, т. е. содержимый и питаемый, во всѣхъ отрасляхъ своихъ, государствомъ на государственныя же средства, который, слѣдовательно при огромныхъ расходахъ на сухопутную военную силу, всегда составляющую и всегда имѣющую составлять

главную опору русскаго могущества, не можетъ никогда быть ни очень многочисленъ, ни поддерживаемъ резервомъ, всегда готовымъ замѣстить убыль, какъ въ людяхъ, такъ и въ судахъ и матеріалахъ.

Поэтому, Россія, подобно искусному и осторожному полководцу въ укрѣпленномъ лагерѣ, принуждена замѣнять относителный численный недостатокъ своего флота счастливо избраннымъ мѣстоположеніемъ и фортификаціонными верками. Такой укрѣпленный морской лагерь, единственный въ цѣломъ мірѣ, и даетъ Россіи природа въ Черномъ морѣ, съ его рядомъ дефилей—Дарданеллами, Босфоромъ и Керченскимъ проливомъ, съ передовымъ плацъ-дармомъ—Мраморнымъ моремъ,—съ обширнымъ внутреннимъ пространствомъ, Чернымъ моремъ—какъ бы рейдомъ, въ которомъ флотъ можетъ обучаться и пріобрѣтать всю необходимую морскую практику,—съ редюитами или цитаделями въ Керченской и Севастопольской бухтахъ, съ запасными арсеналами въ Николаевѣ. При удобномъ случаѣ, флотъ можетъ дѣлать вылазки, разгромлять непріятельскіе эскадры, которыя ему подъ силу, защищать Адріатическое и Эгейское прибрежья, высылать крейсеровъ въ Средиземное и Красное море, угрожать Суэзскому каналу, Мальтѣ, Тулону; укрываться, въ случаѣ неудачи, или передъ превосходными непріятельскими силами, въ свое недоступное убѣжище, устраиваться и комплектоваться тамъ на просторѣ, и выступать на новые подвиги при измѣнившихся благопріятствующихъ обстоятельствахъ,—всегда располагая выборомъ удобнаго времени.

4) Наконецъ, въ нравственномъ отношеніи, обладаніе Константинополемъ, центромъ православія, средоточіемъ великихъ историческихъ воспоминаній, дало бы Россіи громадное вліяніе на всѣ страны Востока. Она вступила бы въ свое историческое наслѣдіе и явилась бы возстановительницею Восточной Римской имперіи, подобно тому, какъ нѣкогда монархія Франковъ возстановила имперію Западную, и такимъ же образомъ начала бы новую, Славянскую эру Всемірной исторіи.

И такъ, защита и полное обезпеченіе той именно границы, съ которой Россія наиболѣе уязвима; сокращеніе въ одну точку 2.500 верстъ пограничной линіи и соединенная съ этимъ экономія военныхъ и финансовыхъ силъ; единственное средство пріобрѣсти значеніе сильной морской державы; огромное нравственное вліяніе,—вотъ тѣ прямыя положительныя выгоды, которыя доставило бы

Россіи обладаніе Константинополемъ, тогда какъ для всѣхъ прочихъ государствъ обладаніе имъ было бы или гибельно, какъ для Греціи, или доставило бы чисто отрицательную выгоду, состоящую въ возможности постоянно вредить Россіи, сопряженную притомъ съ огромнымъ вредомъ для самихъ себя.

Если мы, однакоже, глубже вникнемъ въ предметъ, то найдемъ, что прямое и непосредственное присоединеніе Константинополя и его окрестностей къ Россіи не оставалось бы и для нея безъ очень вредныхъ, можетъ быть даже и гибельныхъ послѣдствій.

Гюго въ своей одѣ къ скульптору Давиду говоритъ про низверженныя съ пьедесталовъ статуи:

Et de leur bronze auguste on ne peut faire
Que des cloches pour la prière,
Ou des canons pour le combat.

Такъ и нѣкоторые города, хотя и низверженные съ пьедестала своего прежняго величія, суть представители такой великой властительной идеи, имѣютъ такое царственное значеніе, что, при всѣхъ перемѣнахъ своей исторической судьбы, они должны занять первое мѣсто въ томъ государствѣ, въ составъ котораго входятъ,—непремѣнно дѣлаются или остаются его столицею. Такъ Италія нигдѣ не можетъ отыскать своего центра, кромѣ Рима; такъ и наша Москва, несмотря на то, что была развѣнчана Петромъ, все таки остается, и по жизненному значенію своему, и по понятію, которое соединяетъ съ нею народъ, и по своей исторической и экономической роли,—истинною столицею русскаго государства, его жизненнымъ узломъ. Таковъ и Царьградъ, и вступать съ нимъ въ этомъ отношеніи въ борьбу опасно не только Петербургу, но даже и самой Москвѣ. Но, съ другой стороны, столица, лежащая не только не въ центрѣ, но даже внѣ территоріи государства, не можетъ не произвести замѣшательства въ отправленіяхъ государственной и народной жизни, не произвести уродства неправильнымъ отклоненіемъ жизненныхъ, физическихъ и духовныхъ соковъ въ политическомъ организмѣ.

Сравнительно въ малыхъ размѣрахъ испытала это уже Россія на себѣ оффиціальнымъ перенесеніемъ государственнаго центра изъ Москвы въ Петербургъ. Я привожу это только въ видѣ примѣра и не намѣренъ распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ онъ было много разъ обсуждаемъ въ нашемъ обществѣ сло-

весно, рукописно и печатно, и особенно новаго къ извѣстному уже я ничего прибавить не имѣю. Но Петербургъ, несмотря на все, что̀ было для него сдѣлано, на всѣ потраченные на него силы, по самымъ своимъ топографическимъ и климатическимъ условіямъ, по сложившемуся въ немъ характеру жизни, сильно окрашенному столь несочувственнымъ русскому сердцу нѣмецкимъ элементомъ, по чопорности, холодности, натянутости, однимъ словомъ по оффиціальности своего строя, заключаетъ въ себѣ очень много отталкивающаго для русскихъ людей, между которыми, во всѣхъ слояхъ общества, очень мало такихъ, которые любили бы его; я не говорю объ уроженцахъ и кровныхъ петербургскихъ жителяхъ, ибо какъ извѣстно, привычка—вторая натура. Къ тому же, Петербургъ не имѣетъ никакого историческаго обаянія, въ немъ не совершилось ни одного событія, которое заставляло бы сжиматься отъ горя, биться отъ гордости, расширяться отъ радости русское сердце. Если въ немъ обдумывалось и утверждалось такое великое дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, то Петербургъ, какъ Петербургъ, нисколько въ этомъ не участвовалъ. Во сколько же разъ должна быть сильнѣе притягательная сила Константинополя! Цѣль стремленій русскаго народа съ самой зари его государственности, идеалъ просвѣщенія, славы, роскоши и величія для нашихъ предковъ, центръ Православія, яблоко раздора между нами и Европой,—какое историческое значеніе имѣлъ бы для насъ Константинополь, вырванный изъ рукъ Турокъ вопреки всей Европѣ! Какимъ духъ занимающимъ восторгомъ наполнило бы наши сердца сіяніе нами воздвигнутаго креста на куполѣ святой Софіи! Прибавьте къ этому перечисленныя въ началѣ главы несравненныя преимущества Константинополя, его міровое торговое значеніе, восхитительное мѣстоположеніе, всѣ очарованія юга. При всемъ этомъ, дозволено, конечно, опасаться, чтобы Константинополь, сдѣлавшись столицею Россіи, не привлекъ къ себѣ въ слишкомъ значительной степени нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи и тѣмъ не нарушилъ въ ней жизненнаго равновѣсія.

И такъ, Константинополь не долженъ быть столицею Россіи, не долженъ сосредоточивать въ себѣ ея народной и государственной жизни,—и слѣдовательно не долженъ и входить въ непосредственный составъ Русскаго государства. Чтобы доставить Россіи всѣ исчисленныя выше выгоды, не нанося ей легко предвидимаго вре-

да,—освободенный Константинополь, преображенный въ настоящій Царь-градъ, долженъ быть самъ по себѣ чѣмъ-то больше, нежели столицею Русскаго царства, въ отношеніи же къ Россіи быть меньше этого, не долженъ быть съ нею въ слишкомъ тѣсной связи, имѣть такое материнское значеніе, на которое имѣетъ право только одна Москва. Однимъ словомъ, Царь-градъ долженъ быть столицею не Россіи,—а всего Всеславянскаго Союза.

Такимъ образомъ, общій взглядъ на развитіе культурно-историческихъ типовъ, показавшій намъ, что оно достигаетъ наибольшей полноты, силы и блеска при извѣстномъ отношеніи между требованіями единства и разнообразія составныхъ элементовъ, изслѣдованіе тѣхъ условій, въ которыхъ находятся славянскіе народы Австріи и Турціи, ихъ отношеній другъ къ другу и къ окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ враждебнымъ стихіямъ, и наконецъ разсмотрѣніе судебъ Константинополя,—приводятъ насъ къ одному и тому же рѣшенію Восточнаго вопроса, къ федераціи славянскихъ народовъ и всѣхъ вкрапленныхъ между ними инородныхъ племенъ.

Мы видѣли, что только Россіи можетъ принести обладаніе Константинополемъ дѣйствительную, положительную пользу,—но это справедливо только по отношенію къ европейскимъ государствамъ; всѣмъ же тѣмъ народамъ, которые живутъ въ прилежащей къ Черному морю части Турціи, равно какъ и по всему бассейну нижняго и верхняго Дуная, — Константинополь представляетъ многія изъ тѣхъ выгодъ, которыя можетъ извлечь изъ него Россія. Поэтому, невключеніе Босфорской столицы въ непосредственный составъ Русскаго государства требуется не только частными интересами этого послѣдняго, но и самою справедливостью. Наконецъ, предложенное рѣшеніе судьбы Константинополя, въ сущности, болѣе всего соотвѣтствуетъ и истиннымъ видамъ на него Грековъ. Онъ дорогъ имъ какъ символъ величія ихъ предковъ; но, будучи отданъ въ ихъ полное и исключительное владѣніе, онъ, разжалованный въ столицу незначительнаго государства, или потерялъ бы свое всемірное историческое значеніе, или раздавилъ бы само это государство подъ тяжестью этого значенія, какъ зданіе, раздавливающее свой фундаментъ, несоразмѣрный съ его громадностію. Маленькій греческій народъ, хотя бы столицею его былъ сдѣланъ Константинополь, никакимъ образомъ не воскресилъ бы въ себѣ Византійской имперіи. Царство Константина, Ѳеодосія и Юстиніана можетъ ожить только въ формѣ славяно-греческой фе-

дераціи, и только такимъ образомъ можетъ и Грецiя принять участіе въ его славѣ и величіи.

И такъ, съ какой бы стороны мы ни подступали къ дѣлу— всеславянская федерація, съ Россіею во главѣ, съ столицею въ Царь-градѣ,—вотъ единственно разумное, осмысленное рѣшеніе великой исторической задачи, получившей въ послѣднее время названіе Восточнаго вопроса. Всмотримся-же, насколько возможно, въ самыя существенныя, въ самыя крупныя черты этой федераціи. Изъ фактовъ всемірно-историческаго опыта, расположенныхъ сообразно требованіямъ естественной системы, мы между прочимъ вывели (см. гл. V), что, дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиться, необходимо, чтобы народы къ нему принадлежащіе были политически независимы, и что цивилизація культурнаго типа тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразные этнографическіе элементы, его составляющіе, не поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ; на этихъ основаніяхъ и полагали мы, что почвою для развитія славянской культуры должна быть федерація независимыхъ славянскихъ народовъ. Въ другомъ мѣстѣ нашей статьи (см. гл. X) мы выразили и старались доказать ту мысль, что тѣсность политической связи, долженствующей соединять родственныя между собою народности, опредѣляется не только степенью ихъ родства, но еще и степенью той опасности, силою того давленія, которому эти народности подвержены извнѣ, обороною отъ котораго и должна именно служить объединяющая ихъ политическая форма сожительства. Неумѣніе сообразовать степень федеративной связи съ этими внѣшними обстоятельствами можетъ легко послужить причиною гибели народной самостоятельности, какъ это и случилось съ Греціей въ македонскія и римскія времена.

Положеніе Славянъ лицомъ къ лицу съ враждебнымъ имъ Западомъ есть та причина, которая заставляетъ желать для нихъ весьма тѣсной федеративной связи подъ политическимъ водительствомъ и гегемоніею Россіи, на что Россія имѣетъ законнѣйшія права, какъ по сравнительнымъ силамъ своимъ съ прочими членами славянской семьи, такъ и по ея, многовѣковымъ опытомъ доказанной, политической самостоятельности. Несмотря на частыя уклоненія Россіи отъ здраваго политическаго пути, особенно въ послѣднее послѣ-екатерининское время, все-таки она, и только

одна она между всѣми Славянскими государствами, съумѣла, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не только сохранить свою самостоятельность, но объединить почти весь русскій народъ и образовать могущественнѣйшее въ мірѣ государство.

Но, для политической крѣпости Всеславянскаго союза недостаточно еще безспорнаго предоставленія въ немъ Россіи гегемоническаго преобладанія; сами второстепенныя группы или члены союза должны представлять во внутреннемъ своемъ устройствѣ также достаточное ручательство силы и единства. Дробленіе, къ которому такъ склонны преимущественно австрійскіе Славяне, долго жившіе подъ воздѣйствіемъ принципа Divide et impera, не должно переходить границъ большихъ лингвистическихъ и этнографическихъ группъ, на которыя они дѣлятся. Дѣленіе по мелкимъ племеннымъ оттѣнкамъ, въ каждый изъ которыхъ легко вселить притязаніе на политическую самостоятельность, имѣло бы то существенное неудобство, что такія мелкія единицы имѣли бы весьма мало побудительныхъ причинъ участвовать всѣми своими силами въ тѣхъ тягостяхъ, которыя налагаются великою политическою ролью.

Участіе мелкаго члена большаго государственнаго союза во внѣшнихъ дѣлахъ сравнительно такъ ничтожно, что приходящаяся на него доля успѣха совершенно исчезаетъ въ славѣ, пріобрѣтаемой преобладающимъ членомъ союза, а доля неудачи—въ падающихъ исключительно на него стыдѣ и отвѣтственности; между тѣмъ какъ, въ сущности, матеріальное бремя, ложащееся на населеніе мелкаго государства, при справедливомъ распредѣленіи тягостей, совершенно одинаково съ тѣмъ, которое приходится нести подданнымъ могущественнаго главы союза. Это матеріальное бремя не только не получаетъ нравственнаго вознагражденія славою и вліяніемъ, но ничтожность доставляемаго имъ контингента служитъ даже обыкновенно предметомъ глумленій и насмѣшекъ надъ разными Рейсами и Липпе. Посему, мелкіе члены союза, мало интересуясь общими внѣшними дѣлами его, по возможности уклоняются отъ союзныхъ обязанностей, несутъ ихъ только формально, и въ конечномъ результатѣ все бремя войнъ и вообще веденія внѣшнихъ дѣлъ союза падаетъ почти исключительно на могущественнѣйшаго его члена. Примѣромъ тому можетъ служить бывшая Германская имперія. Въ ней вся тяжесть обороны падала на Австрійскія наслѣдственныя земли. Напротивъ того, государства средней величины, которыя хотя и не могутъ оспаривать первен-

ствующаго вліянія у главы союза и обращать его гегемонію въ систему пагубнаго дуализма, какъ въ бывшемъ Германскомъ союзѣ, имѣютъ однако же достаточное сознаніе своей силы, чтобы принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ союза и интересоваться ими. Войска и флоты этихъ государствъ имѣютъ достаточно силы, чтобы существеннымъ образомъ помогать въ общихъ усиліяхъ и заставить ощущать свое отсутствіе; ихъ арміи могутъ быть даже главными дѣятелями на побочныхъ театрахъ войны. Поэтому, на такое государство въ достаточной силѣ ложится и блескъ общей славы, и стыдъ общей неудачи, для того, чтобы оно напрягало всѣ свои частныя усилія для поддержанія и пріобрѣтенія первой, и для избѣжанія втораго.

Мелкія государства представляютъ, правда, меньше противодѣйствія объединительнымъ замысламъ главы союза, скорѣе подчиняются ей, сохраняя даже во внутреннихъ дѣлахъ одну лишь форму независимости. Пруссія, напримѣръ, конечно менѣе можетъ ожидать противодѣйствія со стороны Брауншвейга или Ольденбурга, чѣмъ со стороны Саксоніи; но, съ нашей точки зрѣнія, это не выгода и не преимущество, а напротивъ того—вредъ и недостатокъ, ибо для величія и культурнаго значенія семьи славянскихъ народовъ нужно, чтобъ образъ славянскаго міра представлялся не въ видѣ сліянія славянскихъ ручьевъ съ русскимъ моремъ, по выраженію Пушкина, а въ видѣ обширнаго океана съ самобытными, хотя соединенными и соподчиненными частями, т. е. морями и глубокими заливами. Нужно не поглощеніе Славянъ Россіею, а объединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ общею идеею Всеславянства, какъ въ полическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, и въ первомъ — главнѣйше и преимущественно для возможности осуществленія послѣдняго.

Посему, думаемъ мы, что только большія этнографическія и лингвистическія группы, на которыя раздѣляется славянскій міръ, могутъ составлять тѣ политическія единицы, совершенно независимыя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, которыя должны войти, какъ самостоятельныя цѣлыя, въ общеславянскій союзъ.

Приверженцы самостоятельности всякаго мелкаго этнографическаго оттѣнка возражаютъ противъ этого, что такимъ образомъ приносятся въ жертву нѣкоторыхъ болѣе честолюбивыхъ народностей, какъ напримѣръ Чеховъ и Сербовъ, другія народности, болѣе скромныя, и выставляютъ также на видъ трудно при-

миримыя историческія соперничества, существующія между нѣкоторыми племенами, которыя попеременно играли въ отношеніи другъ къ другу преобладающую роль. Возраженіе это имѣло бы дѣйствительно силу, если бы вопросъ заключался въ образованіи вполнѣ самодержавныхъ, верховныхъ славянскихъ политическихъ единицъ, не соединенныхъ между собой никакою опредѣленною связью, на развалинахъ нынѣшнихъ Турціи и Австріи. Тогда, дѣйствительно, имѣло бы мѣсто какое-нибудь спеціальное сербское честолюбіе, которое стремилось бы для своего усиленія не только преобладать надъ Словенцами и Хорватами, какъ Мадьяры надъ немадьярскими элементами Венгріи, но даже включить, какъ подчиненную народность, въ составъ своего государства этнографически вполнѣ самостоятельныхъ Болгаръ. Но всякое, не только спеціально-чешское или спеціально-сербское честолюбіе, но даже и спеціально-русское честолюбіе должно, при тѣсной федераціи славянскихъ народовъ, поглотиться однимъ—всеславянскимъ честолюбіемъ. При такомъ устройствѣ политической судьбы славянскаго міра нужно только, чтобы второстепенные члены союза были достаточно сильны, чтобы охранять свою внутреннюю самостоятельность, чтобы не расплываться въ ничтожествѣ крайняго раздробленія, чтобы имѣть сознаніе своего дѣятельнаго вліянія въ общемъ ходѣ союзныхъ дѣлъ. Что касается до внутреннихъ распорядковъ каждаго изъ непосредственныхъ членовъ союза, то ничто не препятствуетъ предоставить ихъ составнымъ частямъ всю желаемую степень административной децентрализаціи и областной самобытности.

Такимъ образомъ, соотвѣтственно главнымъ этнографическимъ группамъ, на которыя раздѣляются какъ Славянскій міръ, такъ и племена, принадлежащія къ нему, по мѣсту своего жительства, а большею частію также по своимъ дѣйствительнымъ, ненапускнымъ нравственнымъ тяготѣніямъ,—Всеславянскій союзъ долженъ бы состоять изъ слѣдующихъ государствъ:

Русской имперіи съ присоединеніемъ къ ней всей Галиціи и угорской Руси.

Королевства Чехо-Мораво-Словакскаго, состоящаго, кромѣ собственной Чехіи, изъ Моравіи и сѣверозападной Венгріи, населенной исключительно или преимущественно словаками, приблизительно съ 9.000.000 жителей и 1.800 кв. миль пространства.

Королевства Сербо-Хорвато-Словенскаго, состоящаго изъ кня-

жества Сербскаго, Черногоріи, Босніи, Герцоговины, Старой Сер-
біи, сѣверной Албаніи, Сербскаго воеводства и Баната, Хорватіи,
Славоніи, Далмаціи, Военной Границы, герцогства Крайны, Гер
Градиски, Истріи, Тріэстскаго округа, двухъ третей Каринтіи
одной пятой Штиріи по Драву,—съ населеніемъ приблизительно
въ 8.000.000 на 4.500 кв. миль пространства.

Королевства Булгарскаго съ Булгаріею, большею частію Рум-
ліи и Македоніи, съ 6.000.000 или 7.000.000 жителей и слишкомъ
3.000 кв. миль.

Королевства Румынскаго съ Валахіею, Молдавіей, частью Бу-
ковины, половиною Трансильваніи приблизительно по рѣку Ма-
рошъ, и съ населенною преимущественно Молдаванами запад
окраиною Бессарабіи, въ замѣнъ которой Россія должна бы по-
лучить отошедшую отъ нея часть южной Бессарабіи съ Ду
ской дельтою и полуостровъ Добружду. Это составило бы около
7.000.000 населенія и болѣе 3.000 кв. миль.

Королевства Эллинскаго, съ присоединеніемъ къ нынѣшнему его
составу Өессаліи, Эпира, югозападной части Македоніи, всѣхъ
острововъ Архипелага, Родоса, Крита, Кипра, и малоазійскаго
побережья Эгейскаго моря, приблизительно съ 2.800 или 3.000 кв.
миль и съ населеніемъ слишкомъ въ 4.000.000 жителей.

Королевства Мадьярскаго, т. е. Венгріи и Трансильваніи, с
отдѣленіемъ тѣхъ частей ихъ, которыя не населены Мадьярскимъ
племенемъ и должны отойти къ Россіи, Чехіи, Сербіи и Ру-
ніи; приблизительно съ 7.000.000 жителей и около 3.000 кв. миль
пространства.

Цареградскаго Округа съ прилегающими частями Румиліи
Малой-Азіи, окружающими Босфоръ, Мраморное море и Дар-
неллы, съ полуостровомъ Галиполи и островомъ Тенедосомъ, при-
близительно съ двумя милліонами народонаселенія.

Такой союзъ по большей части родственныхъ по духу и кро
народовъ, въ 125 милл. свѣжаго населенія *), получившаго
Царьградѣ естественный центръ своего нравственнаго и мате-
альнаго единства,—далъ бы единственно-полное, разумное, а
тому и единственно возможное рѣшеніе Восточнаго вопроса. В
дѣя только тѣмъ, что̀ ему по праву принадлежитъ, никому
угрожая и не боясь никакихъ угрозъ,—онъ могъ бы противуст

---

*) Теперь 140 милліоновъ.

всѣмъ бурямъ и невзгодамъ и спокойно идти путемъ самобытнаго развитія, въ полнотѣ своихъ народныхъ силъ, и при самомъ счастливомъ взаимодѣйствіи разнообразныхъ родственныхъ стихій, его составляющихъ,—образуя, соотвѣтственно своему этнографическому составу, религіозному просвѣщенію и историческому воспитанію,—особый культурно-историческій типъ, укрѣпленный долголѣтнею борьбою противъ враждебныхъ внѣшнихъ силъ, держащихъ въ настоящее время народы его въ разединеніи, борьбою, безъ которой онъ не можетъ установиться.

Разсуждая о Восточномъ вопросѣ, мы говорили о его турецкой и австрійской части, говорили объ первостепенномъ значеніи въ немъ Царьграда, но ни слова не сказали еще о польской части этого сложнаго и запутаннаго дѣла. Мы не сдѣлали этого до сихъ поръ потому, что на нашъ взглядъ Польскій вопросъ не можетъ получить окончательнаго рѣшенія внѣ общаго рѣшенія всѣхъ Славянскихъ вопросовъ, такъ что намъ казалось необходимымъ выяснить сначала всю нашу мысль, во всей ея опредѣленности, о судьбѣ и цѣляхъ Славянства, прежде чѣмъ начать говорить о Польскомъ дѣлѣ.

Смотря по тому, какъ сложатся политическія обстоятельства, каковъ будетъ характеръ дѣйствій русскаго правительства, какова степень ихъ твердости и постоянства, какое господствующее направленіе приметъ русское общественное мнѣніе, какъ будетъ оно воздѣйствовать и непосредственно на польскіе элементы, и на дѣятелей правительства, наконецъ, смотря по характеру развитія польскаго общества и господствующихъ въ немъ идей,—Польшѣ предстоятъ въ будущемъ, конечно, весьма различныя судьбы, которыя, однако же, кажется намъ, могутъ быть всѣ подведены подъ четыре возможности. Мы говоримъ здѣсь, конечно, только о Польшѣ въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. о странѣ, населенной Польскимъ народомъ. Что̀ касается до западныхъ губерній, то само собою разумѣется, что имъ, пока жива сама Россія, не можетъ предстоять никакихъ иныхъ возможностей, кромѣ все полнѣйшаго и полнѣйшаго, всесторонняго сліянія съ остальными частями государства.

Допустимъ, во-первыхъ, дурной поворотъ дѣлъ для Россіи,—что мечты Поляковъ сбудутся, что имъ удастся образовать, въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, независимое государство. Оно сдѣлается несомнѣнно центромъ революціонныхъ интригъ (какъ это мы ви-

дѣли даже въ маленькомъ Краковѣ, когда онъ былъ вольнымъ городомъ), преимущественно направленныхъ на западныя губерніи Россіи. Очевидно, что Россіи нельзя будетъ этого терпѣть, что при первой возможности она должна будетъ стараться уничтожить вредное для нея гнѣздо. Польша должна слѣдовательно сдѣлаться театромъ часто повторяющихся войнъ и терпѣть въ матеріальномъ отношеніи страшныя раззоренія, какъ это и было въ послѣднія времена Рѣчи Посполитой. Но, чтобы имѣть возможность противостоять Россіи, Польшѣ необходимо будетъ жить въ наилучшихъ ладахъ съ ея западными сосѣдями, Нѣмцами, которые, конечно, не упустятъ случая своими капиталами, колонизаціей, политическимъ и культурнымъ вліяніемъ прибрать къ своимъ рукамъ эту страну такъ же хорошо, какъ если бы она состояла въ непосредственной зависимости отъ Германіи,—однимъ словомъ, не упустятъ сдѣлать то, что̀ уже было сдѣлано, при подобныхъ обстоятельствахъ, съ восточною и западною Пруссіею, съ Силезіею. Независимость Польскаго государства была бы гибелью польскаго народа, поглощеніемъ его нѣмецкою народностью.

Но можетъ быть возразятъ, что, получивъ независимость, Поляки добровольно примкнутъ къ Россіи и, переставъ быть ея подданными, станутъ вѣрными ея союзниками и доброжелателями. Кто же мѣшалъ дѣйствовать имъ такимъ образомъ, когда Царство Польское, именно въ этихъ видахъ, было возстановлено и присоединено къ Россіи Александромъ I-мъ со всѣми возможными льготами, на правахъ чисто личнаго соединенія? Какихъ новыхъ льготъ не достигли бы они такимъ путемъ? Кто мѣшаетъ имъ дѣйствовать такъ даже и теперь, чтобы безъ сомнѣнія скоро вернуть тѣ льготы, которыя они мало по малу растеряли своими повторенными безумствами? Очевидно, что, ни вслѣдствіе характера нынѣшней польской интеллигенціи, когда ей дана будетъ полная возможность развернуться, ни вслѣдствіе безпрерывныхъ подстрекательствъ нашихъ западныхъ друзей—такой исходъ дѣла не представляетъ ни малѣйшей вѣроятности. Съ другой стороны, можно указать на Чеховъ, хотя и окруженныхъ со всѣхъ почти сторонъ Нѣмцами, но не потерявшихъ однако своей народности. Но Чехи не имѣютъ, во-первыхъ, надобности дружиться съ Нѣмцами для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей, и въ нихъ именно видятъ они главныхъ и даже единственныхъ своихъ враговъ. Во-вторыхъ, вся предъидущая исторія Чеховъ, всѣ славныя дѣянія

ихъ, какъ въ давно, такъ и въ недавно-прошедшее время, напоминаютъ имъ ихъ борьбу съ Нѣмцами, ихъ стремленіе возвратиться къ тѣмъ живымъ корнямъ Славянства, которыми оно почерпаетъ свою духовную, нравственную жизнь, напоминаютъ имъ ихъ вклады въ общую славянскую сокровищницу.

Вторая возможность наступаетъ, если Польша останется, какъ и теперь, въ соединеніи съ Русскимъ государствомъ, а польское общество останется тѣмъ же неизлечимымъ больнымъ, какимъ оно до сихъ поръ было; если какъ эмигранты, такъ и внутренніе зловредные элементы сохранятъ свое вліяніе и, вербуя себѣ все новыхъ и новыхъ адептовъ въ подрастающей молодежи, увѣковѣчатъ эту язву, которая такъ долго разъѣдаетъ всю страну. Въ этомъ случаѣ, возможномъ только при непослѣдовательностяхъ со стороны русскаго правительства и русскаго общественнаго мнѣнія, при послабленіи отъ времени до времени польскимъ интригамъ,— русская рука въ общемъ ходѣ дѣлъ все-таки принуждена будетъ чаще и чаще надѣвать ежовую Муравьевскую рукавицу, и все крѣпче и крѣпче сжимать ее. Это будетъ продолженіемъ теперешняго порядка вещей, болѣзненнаго какъ для Россіи, такъ и для Польши.

Если, напротивъ того, и русская государственная и русская общественная сила будутъ дѣйствовать послѣдовательно, въ здраво понятыхъ русскихъ интересахъ, которые суть вмѣстѣ съ тѣмъ и здраво понятые польскіе интересы, безъ всякаго мирволенья польщизнѣ, будетъ ли то якобы во имя цивилизаціи, или во имя крупнаго землевладѣнія и какихъ-то сословныхъ интересовъ, которыми никакое дѣйствительно-русское сословіе не интересуется; то должно ожидать, что и въ самой Польшѣ здоровые народные инстинкты возъимѣютъ верхъ надъ вредными, разъѣдающими польское общество началами и стремленіями. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наибольшей пользы должно ожидать не столько отъ непосредственнаго дѣйствія на самую Польшу, сколько на западныя губерніи Россіи. Если въ нихъ данъ будетъ перевѣсъ многочисленнѣйшимъ народнымъ русскимъ стихіямъ, а польскіе элементы, по большей части искусственно вызванные, будутъ обращены въ подобающее имъ ничтожество, такъ чтобы польскіе замыслы и мечтанія не находили тамъ даже и того поверхностнаго отзыва и сочувствія, которыми они доселѣ питались; то сами эти замыслы и мечтанія скоро бы улетучились, или, по крайней мѣрѣ, сдѣла-

лись бы совершенно безвредными, не имѣя подъ ногами, не скажу почвы, ибо таковой они и теперь не имѣютъ,—но обольщающаго ихъ миража почвы, для возсозданія Польскаго государства въ противузаконныхъ и противуестественныхъ предѣлахъ 1772 года. Въ этомъ случаѣ польскому народу предстояло бы или постепенное слитіе съ родственнымъ ему русскимъ народомъ, или же, при сохраненіи своей національности, очищенной продолжительнымъ русскимъ вліяніемъ отъ приставшихъ къ ней зловредныхъ, искажающихъ ее примѣсей, стать, подобно всѣмъ Славянамъ, — дружественнымъ товарищемъ и пособникомъ русскому народу въ великомъ обще-славянскомъ дѣлѣ, пріобрѣтая и для себя постепенно все бо̀льшую и бо̀льшую долю самостоятельности.

Первое не только маловѣроятно, но даже маложелательно.

Маловѣроятно потому, что народъ, жившій историческою жизнью, отпечатлѣвшій ее въ обширной литературѣ, почти лишенъ возможности совершенно переродиться, перестать быть самимъ собою, если его не обезнародятъ насильственными мѣрами, а главное, не поработятъ промышленнымъ преобладаніемъ, не растворятъ въ наплывѣ пришлыхъ элементовъ. Относительно Поляковъ это возможно для Нѣмцевъ, но никакъ не для Русскихъ: ибо никогда еще не видано, чтобы промышленныя силы и колонизація направлялись изъ страны менѣе населенной, менѣе истощенной, болѣе дѣвственной, въ страну съ болѣе густымъ населеніемъ, болѣе эксплуатируемую, съ болѣе напряженнымъ промышленнымъ движеніемъ.

Маложелательно потому, что русскій народъ и теперь уже такъ многочисленъ, что не нуждается въ усиленіи на чужой счетъ; а потеря одной изъ составныхъ частей Славянства лишила бы его одной изъ разнообразящихъ его чертъ, такъ существенно важныхъ для богатства и полноты жизни культурно-историческихъ типовъ. Эта польская черта въ общемъ славянскомъ характерѣ представляется намъ чѣмъ-то искажающимъ его и потому ненавистнымъ. Но разберемъ, въ чемъ и гдѣ заключается это искаженіе. Оно не въ польскомъ народѣ, не въ спеціально-польскихъ качествахъ ума, чувства и воли, въ которыхъ мы найдемъ много драгоцѣннаго, много сочувственнаго; укажемъ, въ этомъ отношеніи, на трехъ Поляковъ—представителей этихъ трехъ сторонъ человѣческаго духа: Коперника, Мицкевича и Костюшко. Искаженіе это заключается въ такъ называемой польской интеллигенціи и именно въ трехъ

сторонахъ ея: католическо-ксензовской, аристократическо-шляхетской и демократическо-революціонной. Подводя общій итогъ и этимъ тремъ сторонамъ польской интеллигенціи, мы увидимъ, что онъ заключается въ коренномъ извращеніи, обезображеніи польско-славянской натуры чуждыми ей европейскими вліяніями—подражательнымъ европейничаньемъ.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы производящія это вліяніе явленія европейской жизни были дурны сами по себѣ; мы утверждаемъ только, что они, пересаженныя на чуждую, несвойственную имъ почву, обращаются въ уродство. Католичество, хотя оно уже и само по себѣ—одно изъ искаженій христіанства, принесло, однако же, на той почвѣ, гдѣ самобытно развилось, много величественныхъ явленій и полезныхъ плодовъ; но на польской почвѣ обратилось оно въ ксензство. Аристократизмъ произвелъ въ Европѣ вообще рыцарство, въ Англіи славный институтъ пэрства, во Франціи ея блистательное дворянство и изящныя хотя и искусственныя формы общественной жизни, даже въ Венгріи—ея политически развитое магнатство, столько сдѣлавшее для промышленнаго преуспѣянія страны и просвѣщенія народа; въ Польшѣ же этотъ аристократизмъ обратилъ высшія сословія въ ясно-вельможное панство и шляхетство, а низшія—въ быдло. Наконецъ, демократизмъ и революція, которымъ Европа обязана уничтоженіемъ многихъ злоупотребленій, многими свободными учрежденіями, которыя слишкомъ долго было бы здѣсь перечислять, даже въ видѣ примѣровъ,—производили въ Польшѣ только сеймики, конфедераціи, «не позволямъ», народный жондъ, кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей. Итакъ, тройственное искаженіе польскаго народнаго характера вкравшимися въ него въ теченіе исторической жизни Польши чуждыми элементами,—вотъ что должно быть ненавистно намъ въ полякѣ, и только одно это *).

Но не объ усиленіи-ли этого самаго чуждаго вліянія и у насъ въ Россіи хлопотало и хлопочетъ такѣ называемое западничество, во всѣхъ его разнообразныхъ оттѣнкахъ, отъ идеализма Грановскаго до нигилизма Добролюбова и Писарева съ одной,—до феодализма, или, если угодно, цивилизованнаго крѣпостничества «Вѣсти» и «Нашего времени» съ другой,—и до отступничества патера

*) Такъ и у насъ, революція и европейничанье произвели нигилизмъ и гнусности террористовъ.

іезуита Гагарина съ третьей стороны? Всѣ они одинаково черпаютъ свои идеи не внутри русской жизни, а внѣ ея; не стараются отыскать сохранившееся еще зерно истинно-русской жизни и развить его въ самобытное самостоятельное цѣлое. У всѣхъ этихъ направленій одинъ идеалъ—Европа. Этотъ идеалъ одни видятъ, правда, въ отжившихъ уже или отживающихъ ея формахъ: въ англійской аристократіи или даже въ мекленбургскомъ юнкерствѣ; другіе, такъ сказать нормальные либералы и западники,—въ томъ, что составляетъ современную жизнь Европы, въ ея конституціонализмѣ, промышленномъ движеніи, крайнемъ развитіи личности и т. д, Третьи, наконецъ, видятъ этотъ идеалъ въ явленіяхъ, продуктахъ и дѣятеляхъ начавшагося разложенія европейской жизни: въ разныхъ соціальныхъ системахъ, или въ революціонной организаціи и пропагандѣ. Какъ ни различны эти три категоріи предметовъ поклоненія, они все таки—явленія одной и той же цивилизаціи, одного и того же культурнаго типа, который всѣми ими принимается за единственно-возможный, общечеловѣческій; и потому, всѣ эти несамостоятельныя направленія мысли и жизни въ Россіи одинаково подводятся подъ общее родовое опредѣленіе—западничества, или европейничанья. Поэтому, напримѣръ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что «Вѣсть» можетъ покланяться Грановскому, объявлять его знамя своимъ знаменемъ, горѣть общимъ съ нимъ негодованіемъ противъ славянофиловъ, и, заодно съ издателями его біографіи, клеветать на нихъ. Все это одного поля ягоды!

Не въ этомъ ли же заключается и причина сочувствія, оказываемаго Полякамъ всѣми этими оттѣнками одного и того же направленія? Для нихъ (все равно, сознаютъ ли они это, или не сознаютъ) полякъ (опять-таки полякъ шляхетный) есть, въ сущности, осуществленіе того идеала, по которому они хотѣли бы выкроить и русскаго, желая видѣть въ немъ вполнѣ оевропееннаго славянина. Многіе станутъ чураться такого предположенія; скажутъ, что, по ихъ мнѣнію, идеалъ не полякъ, а чистокровный французъ, нѣмецъ, англичанинъ, или еще лучше, ни одинъ изъ нихъ въ частности,—а европеецъ вообще. Но, по несчастію, вопервыхъ такого европейца вообще вовсе не имѣется; во-вторыхъ же, русскій, какъ онъ ни кажется податливъ, все-таки не безформенная мягкая глина, изъ которой лѣпи, что̀ угодно, — а нѣчто данное и опредѣленное уже природою, которое можно извратить,

исказить, но нельзя пересоздать; точно такъ же какъ и полякъ не могъ превратиться ни въ отвлеченнаго, ни въ конкретнаго какого-нибудь европейца, а могъ сдѣлаться только искаженнымъ и обезображеннымъ славяниномъ. Таковы будутъ всегда результаты отрѣшенія отъ національныхъ и вообще отъ естественныхъ опредѣленій, въ каковомъ отрѣшеніи, по формулѣ знаменитаго московскаго профессора, будто бы и заключается сущность историческаго процесса.

Остается, слѣдовательно, одинъ только послѣдній, четвертый случай, который былъ бы не только возможенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и желателенъ,—на него мы указали уже выше. Но эта счастливая судьба можетъ открыться для Польши и Поляковъ не иначе, какъ при посредствѣ всеславянской федераціи. Въ качествѣ члена союза, будучи самостоятельна и независима, въ формѣ ли личнаго соединенія съ Россіей или даже безъ онаго, она была бы свободна только во благо, а не во вредъ общеславянскому дѣлу. Силы Польши были бы въ распоряженіи союза; а всякое дѣйствіе ея противъ Россіи было бы дѣйствіемъ не противъ нея только, а противъ всего Славянства (одну изъ составныхъ частей котораго она сама бы составляла), было бы, слѣдовательно, измѣною противъ самой себя.

Такимъ образомъ, Всеславянская федерація, и только одна эта форма рѣшенія Восточнаго вопроса, рѣшаетъ удовлетворительно всѣ отдѣльныя стороны славянской задачи: русскую, австрійскую, турецкую, цареградскую и польскую, потому что она одна доставляетъ твердую почву, на которой возможно самобытное развитіе славянскаго культурно-историческаго типа, политически независимаго, сильнаго извнѣ, разнообразнаго внутри.

Мнѣ остается еще обсудить тѣ возраженія, которыя или сами собою представляются уму, или даже уже были дѣлаемы противъ всеславянской федераціи, мысль о которой, хотя собственно и не нова, не была еще, кажется мнѣ, высказана съ полною ясностью и опредѣлительностью. Надѣюсь, что при этомъ обсужденіи, не только важность, но даже неизбѣжная необходимость этой федераціи для всѣхъ частей славянскаго міра будетъ выказываться все въ большемъ и въ большемъ свѣтѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ВСЕСЛАВЯНСКІЙ СОЮЗЪ.

Всеславянскій союзъ есть единственная твердая почва, на которой можетъ возрасти самобытная славянская культура,—условіе sie qua non ея развитія. Таковъ общій смыслъ,—главный выводъ всего нашего изслѣдованія. Поэтому, мы не станемъ приводить теперь доказательствъ значенія, пользы и необходимости такого устройства славянскаго міра съ культурно-исторической точки зрѣнія; въ этой главѣ я имѣю въ виду раскрыть важность, пользу и необходимость объединенія славянской семьи въ союзной федеративной формѣ, лишь съ болѣе узкой, чисто политической точки зрѣнія.

Мы видѣли выше, что, съ общей культурно-исторической точки зрѣнія, Россія не можетъ считаться составною частію Европы ни по происхожденію, ни по усыновленію, что ей предстоятъ только двѣ возможности: или вмѣстѣ съ прочими Славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякаго культурно-историческаго значенія—быть ничѣмъ. Не мудрено усмотрѣть, что это вполнѣ примѣняется и къ политической сферѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Можно-ли быть и оставаться членомъ союза или общества во всѣхъ отношеніяхъ намъ враждебнаго, терпящаго насъ единственно ради извлеченія изъ насъ выгодъ, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія? Союзъ, общество,—однимъ словомъ всякая связь лицъ, народовъ и государствъ,—возможны только при взаимности, обоюдности услугъ и выгодъ; когда же первыя требуются только отъ одной стороны, а вторыя достаются только другой, то такія отношенія нельзя назвать другимъ именемъ, какъ эксплуатаціею слабаго, глупаго или довѣрчиваго — сильнымъ, умнымъ, лукавымъ, или попросту — одурачи-

ваньемъ. Если вникнемъ въ роль, которую Россія играла въ обществѣ Европейскихъ государствъ, въ такъ-называемой политической системѣ Европы, съ самаго того времени, какъ стала дѣятельнымъ членомъ ея, то едва ли найдемъ другія выраженія для характеристики этой роли.

Подъ вступленіемъ Россіи въ европейскую политическую систему можно конечно понимать не иное что, какъ усвоеніе себѣ ею европейскихъ интересовъ, принятіе живаго участія въ тѣхъ партіяхъ, на которыя Европа раздѣляется, содѣйствіе—не только нравственнымъ, но и матеріальнымъ вліяніемъ—той партіи, которой она сочувствуетъ, и такое же противодѣйствіе той, къ которой относится враждебно. Простой же союзъ съ тѣмъ или другимъ государствомъ для достиженія своихъ собственныхъ выгодъ, для какой-нибудь временной общей цѣли, не можетъ еще считаться вступленіемъ въ систему той политической группы, къ которой принадлежатъ эти случайные, временные союзники. Такъ, хотя въ великой Сѣверной войнѣ Россія воевала за-одно съ Польшей, Даніей, Саксоніей противъ Швеціи, нельзя еще сказать, чтобы въ этой войнѣ Россія дѣйствовала въ качествѣ государства, принадлежащаго къ европейской политической системѣ. Она воевала для достиженія своихъ особыхъ, спеціально русскихъ цѣлей, пользовалась при этомъ помощью другихъ государствъ и, еще въ гораздо большей степени, помогала имъ,—вотъ и все. Точно такъ же могла бы она, напримѣръ, вступить въ союзъ съ Персіею и Афганистаномъ для общей войны съ Хивою, Бухарою и Коканомъ, что̀ нисколько не значило бы, что она стала членомъ средне-азіатской политической системы государствъ, если бы даже такая и существовала. Въ прошедшемъ столѣтіи видимъ мы еще и такой примѣръ: мы вмѣшались въ совершенно чуждое намъ европейское дѣло,—въ семилѣтнюю войну; но это было совершенною случайностью. Личное нерасположеніе Елисаветы къ Фридриху поставило войска наши противъ прусскаго героя, личное же благоговѣніе передъ нимъ Петра III поставило ихъ на его сторону, а политическій смыслъ Екатерины, отозвавъ ихъ, прекратилъ вмѣшательство Россіи.

Совершенно другое видимъ мы съ воцареніемъ Павла, который раскаялся, правда, подъ конецъ въ принятой имъ политической системѣ, какъ видно изъ одобренной имъ записки Растопчина, но не успѣлъ ее перемѣнить. Съ этого только времени европей-

скіе интересы начинаютъ интересовать насъ, какъ наши собственные; мы начинаемъ желать успѣха тому или другому изъ нихъ, дѣлая его своимъ интересомъ, хотя интересъ этотъ не имѣетъ никакого спеціальнаго къ намъ отношенія. Поэтому, собственно говоря, Россія вступила въ европейскую политическую систему не ранѣе кануна XIX столѣтія, — именно Суворовскою Италіянскою войною, ибо это была первая война, веденная нами изъ-за чуждыхъ намъ европейскихъ интересовъ, въ которыхъ съ этихъ поръ мы и не переставали принимать участіе, какъ въ нашихъ собственныхъ, даже гораздо болѣе, чѣмъ въ нашихъ собственныхъ, почти постоянно жертвуя этими послѣдними первымъ. Какую же пользу, спрашивается, извлекли мы изъ этого? Какая война, которую мы вели въ качествѣ члена европейской системы, какой союзъ, какой мирный договоръ, который мы заключили въ качествѣ европейской державы, принесли намъ дѣйствительныя выгоды? Мало того: въ какой войнѣ изъ веденныхъ нами съ спеціально русскими цѣлями, въ какомъ трактатѣ, или вообще въ какомъ политическомъ отношеніи наши тѣсныя отношенія къ Европѣ не служили препятствіемъ, путами, связывающими наши дѣйствія? Лучшимъ примѣромъ можетъ служить знаменитый Священный союзъ. Какихъ жертвъ не приносила Россія для его цѣлей! Испанскія и Итальянскія волненія двадцатыхъ годовъ заставляли ее, нуждавшуюся въ отдыхѣ послѣ напряженій Наполеоновскихъ войнъ, содержать многочисленную армію; возставшая Греція была предоставлена собственной судьбѣ, Краковъ былъ отданъ Австріи, Венгрія усмирена. Но, когда пришло время Священному союзу принести намъ пользу противъ союза западныхъ державъ, когда отъ нашихъ союзниковъ требовалось не помощи, а только строгаго, безпристрастнаго нейтралитета,—Австрія перешла на сторону нашихъ враговъ, и союзъ рушился. И потомъ, не наше ли вліяніе оказало неоцѣненную услугу Франціи, воздержавъ Германію отъ вмѣшательства въ Итальянскую войну? Не Россія ли своимъ дружелюбнымъ вмѣшательствомъ предотвратила войну, готовую вспыхнуть изъ-за Люксембургскаго вопроса? Пусть намъ укажутъ хоть на одно подобное дѣйствіе европейскихъ державъ на пользу Россіи. Чего не дѣлала Россія для Германіи и для Австріи, какъ ни безкорыстничала,—а все же слыла за льва рыкающаго, ищущаго кого поглотить.

Новѣйшія событія, начиная съ Восточной войны и оканчивая

войною Пруссіи съ Австріею, показали ясно, что намъ не на кого опереться въ Европѣ, и что даже опоры этой нельзя купить никакими жертвами. Служа чужимъ цѣлямъ, Россія могла казаться какъ бы настоящею главою Германіи, но и это обольщеніе исчезло, Германія получила настоящую главу, имѣющую на то всѣ права, и мы остались одни, не на дѣлѣ только—такъ было уже давно—но и въ самомъ нашемъ представленіи о политическомъ порядкѣ вещей. И оно должно быть такъ.

Эксплуатируя Россію, не принимая ее въ настоящее, дѣйствительное общеніе съ собою, Европа, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ права. Не принадлежа въ сущности къ Европѣ, Россія самыми размѣрами своими составляетъ уже аномалію въ Германо-Романско-Европейскомъ мірѣ, и одно естественное увеличеніе роста ся народонаселенія должно все болѣе и болѣе усиливать эту аномалію. Однимъ существованіемъ своимъ Россія уже нарушаетъ систему европейскаго равновѣсія. Ни одно государство не можетъ отважиться воевать съ Россіей одинъ на одинъ, какъ это всего лучше доказывается Восточною войною, когда четыре государства, при помощи еще Австріи, болѣе чѣмъ на половину принявшей враждебное отношеніе къ Россіи, при самыхъ невыгодныхъ для насъ, при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ,—должны были употребить цѣлый годъ на осаду одной приморской крѣпости,—и это не вслѣдствіе присутствія на русской сторонѣ какого-нибудь Фридриха, Суворова или Наполеона, а просто вслѣдствіе громадныхъ средствъ Россіи и несокрушимости духа ея защитниковъ.

Нельзя не сознаться, что Россія слишкомъ велика и могущественна, чтобы быть только одною изъ великихъ европейскихъ державъ; и если она могла занимать эту роль вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, то не иначе, какъ скорчиваясь, съеживаясь, не давая простора своимъ естественнымъ стремленіямъ, отклоняясь отъ совершенія своихъ судебъ. И это умаленіе себя должно идти все въ возрастающей прогрессіи, по мѣрѣ естественнаго развитія силъ, такъ какъ по самой сущности дѣла экспансивная сила Россіи гораздо больше, чѣмъ у государствъ Европы; и несоразмѣрность ея съ требованіями политики равновѣсія должна необходимо высказываться все въ сильнѣйшемъ и сильнѣйшемъ свѣтѣ. Говоря это, я конечно, разсматриваю вопросъ съ общей точки зрѣнія, а не въ примѣненіи къ какому-либо частному случаю, когда, по стеченію

разныхъ обстоятельствъ, и слабый противникъ можетъ одержать верхъ надъ гораздо сильнѣйшимъ. Всякія разсужденія подобнаго рода предполагаютъ непремѣнно ограниченіе, выражаемаго общепринятою формулой: „при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ“.

Однако же, при сосѣдствѣ съ Европою, при граничной линіи, соприкасающейся съ Европой на тысячи верстъ, совершенная отдѣльность Россіи отъ Европы немыслима; такой отдѣльности не могли сохранить даже Китай и Японія, отдѣленные отъ Европы діаметромъ земнаго шара. Въ какія-нибудь опредѣленныя отношенія къ ней должна же она стать. Если она не можетъ и не должа быть въ интимной, родственной связи съ Европой, какъ членъ европейскаго семейства, въ которое, по свидѣтельству долговременнаго опыта, ея и не принимаютъ да же,— требуя невозможнаго отреченія отъ ея очевиднѣйшихъ правъ, здравыхъ интересовъ, естественныхъ симпатій и священныхъобязанностей; если, съ другой стороны, она не хочетъ стать въ положеніе подчиненности къ Европѣ, перестроясь сообразно ея желаніямъ, выполнивъ всѣ эти унизительныя требованія,— то ей ничего не остается, какъ войти въ свою настоящую, этнографическими и историческими условіями предназначенную роль и служить противувѣсомъ не тому или другому европейскому государству, а Европѣ вообще, въ ея цѣлости и общности.

Но для этого, какъ ни велика и ни могущественна Россія,— она все еще слишкомъ слаба. Ей необходимо уменьшить силы враждебной стороны, выдѣливъ изъ числа враговъ тѣхъ, которые могутъ быть ея врагами только поневолѣ, и переведя ихъ на свою сторону, какъ друзей. Удѣлъ Россіи—удѣлъ счастливый: для увеличенія своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, какъ всѣмъ представителямъ силы, жившимъ доселѣ на нашей землѣ: Македоніи, Риму, Арабамъ, Монголамъ, государствамъ германо-романскаго міра,—а освобождать и возстановлять; и въ этомъ дивномъ, едва-ли не единственномъ совпаденіи нравственныхъ побужденій и обязанностей съ полической выгодою и необходимостью—нельзя не видѣть залога исполненія ея великихъ судебъ, если только міръ нашъ не жалкое сцѣпленіе случайностей, а отраженіе высшаго разума, правды и благости.

Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишкомъ очевидна: она лежитъ не въ случайныхъ комбинаціяхъ европейской политики, не въ честолюбіи того или другаго государствен-

наго мужа, а въ самыхъ основныхъ ея интересахъ. Внутренніе счеты ея не покончены. Бывшіе въ ней зародыши внутренней борьбы развились именно въ недавнее время; но весьма вѣроятно, что они изъ числа послѣднихъ: съ улаженіемъ ихъ, или даже съ нѣсколько продолжительнымъ умиротвореніемъ ихъ, Европа опять обратится всѣми своими силами и помыслами противъ Россіи, почитаемой ею своимъ естественнымъ, прирожденнымъ врагомъ. Если Россія не пойметъ своего назначенія, ее неминуемо постигнетъ участь всего устарѣлаго, лишняго, ненужнаго. Постепенно умаляясь въ своей исторической роли, она должна будетъ склонить голову передъ требованіями Европы, которая не только не допуститъ ее до вліянія на Востокъ,—не только устроитъ (смотря по обстоятельствамъ, въ той или другой формѣ) оплоты противъ связи ея съ западными славянскими родичами; но, съ одной стороны, при помощи Турецкихъ, Нѣмецкихъ, Мадьярскихъ, Итальянскихъ, Польскихъ, Греческихъ, можетъ быть и Румунскихъ пособниковъ своихъ, всегда готовыхъ разъѣдать несплоченное славянское тѣло, съ другой—своими политическими и цивилизаціонными соблазнами—до того вывѣтритъ самую душу Славянства, что оно распустится, растворится въ европействѣ и только утучнитъ собою его почву. А Россіи, не исполнившей своего предназначенія и тѣмъ самымъ потерявшей причину своего бытія, свою жизненную сущность, свою идею,—ничего не останется, какъ безславно доживать свой жалкій вѣкъ, перегнивать какъ историческій хламъ, лишенный смысла и значенія, или образовать безжизненную массу, такъ сказать, неодухотворенное тѣло, и, въ лучшемъ случаѣ, также распуститься въ этнографическій матеріалъ, для новыхъ невѣдомыхъ историческихъ комбинацій, даже не оставивъ послѣ себя живаго слѣда.

Будучи чужда европейскому міру по своему внутреннему складу, будучи, кромѣ того, слишкомъ сильна и могущественна, чтобы занимать мѣсто одного изъ членовъ европейской семьи, быть одною изъ великихъ европейскихъ державъ,—Россія не иначе можетъ занять достойное себя и Славянства мѣсто въ исторіи, какъ ставъ главою особой, самостоятельной политической системы государствъ и служа противувѣсомъ Европѣ во всей ея общности и цѣлости. Вотъ выгоды, польза, смыслъ Всеславянскаго союза по отношенію къ Россіи.

Для западнаго Славянства значеніе союза еще важнѣе. Россія,

не сдѣлавшись представительницею славянскаго міра, конечно лишится черезъ это исторической цѣли своего существованія, представитъ міру жалкій образецъ историческаго недоросля въ громадныхъ размѣрахъ; но, если смотрѣть съ болѣе низменной точки зрѣнія, она все-таки можетъ еще долго—годы и вѣки—не только сохранять внѣшнюю государственную независимость, но быть даже великою политическою силою, хотя и лишенною внутренняго смысла и содержанія. Для прочихъ славянскихъ племенъ вопросъ поставленъ гораздо рѣзче. Здѣсь дѣло идетъ не объ историческомъ смыслѣ или жизни, не о величіи исторической роли, а просто о существованіи,—такъ-сказать о хлѣбѣ насущномъ для ихъ народной жизни. Вопросъ *быть или не быть* представляется въ самой обыденной и потому именно въ самой грозной, трагической формѣ. Въ XIII главѣ вопросъ этотъ разсмотрѣнъ нами въ достаточной подробности и ворочаться къ нему незачѣмъ. Здѣсь считаю нужнымъ выставить только тѣ особенныя, спеціальныя выгоды, которыя должны проистечь изъ всеславянскаго объединенія для каждой изъ частей, долженствующихъ сдѣлаться членами союза, въ отдѣльности.

Начнемъ съ *Греціи*, такъ какъ, повидимому, включеніе ея въ союзъ умаляетъ ея историческую роль; и блестящее, но обманчивое марево возстановленія Византіи, исключительнаго присвоенія Константинополя, можетъ ослѣплять ея взоры. Мы уже видѣли, какимъ пандоринымъ ящикомъ былъ бы для нея этотъ коварный даръ. Посмотримъ на тѣ существенныя, дѣйствительныя выгоды, которыя проистекутъ для нея отъ вступленія въ союзъ. Ни почвенныя, ни топографическія условія Греціи не позволяютъ сдѣлаться ей государствомъ земедѣльческимъ или промышленнымъ. Торговля есть та отрасть дѣятельности, которая, и по природнымъ наклонностямъ греческаго племени, и по долгой привычкѣ, и по мѣстнымъ условіямъ материковой части Греціи, острововъ Архипелага и западнаго малоазіатскаго прибрежья,—должна служить главнѣйшимъ основаніемъ богатства и процвѣтанія эллинскаго народа. На это указываютъ не одни только географическія и этнографическія условія, но и самъ историческій опытъ, ибо, какъ въ славнѣйшіе времена Греціи благосостояніе ея основывалось на торговлѣ, такъ и во времена упадка и порабощенія торговля же служила главнымъ промысломъ Грековъ. Съ возстановленіемъ политической

самобытности части Греціи, народъ ея направилъ въ ту же сторону главную свою дѣятельность.

Торговля въ восточной половинѣ Средиземнаго моря, въ Архипелагѣ и въ Черномъ морѣ—находится въ значительной степени въ рукахъ Грековъ, и производится на греческихъ судахъ, такъ что это возбудило и возбуждаетъ даже зависть Англіи, какъ показываетъ происшествіе съ Пасифико. Но, съ открытіемъ Суэзскаго канала торговая область Греціи должна неизмѣримо расшириться; торговля ея можетъ перемѣнить свой мѣстный характеръ на всемірный. Кромѣ восточной части Средиземнаго моря съ его заливами и отраслями,—Красное море, Индѣйскій океанъ, Бенгальскій заливъ сдѣлаются какъ бы внутренними морями для греческаго торговаго флота; они будутъ такъ-сказать подъ бокомъ у Греціи, и ни для кого не сократятся торговые пути въ той же степени, какъ для нея. Но, обширную торговлю (особливо въ отдаленныхъ моряхъ) можно вести не иначе, какъ опираясь на значительный военный флотъ, который могъ бы охранять торговый флагъ на всѣхъ точкахъ земнаго шара. Безъ этого нѣтъ достаточной увѣренности, достаточной опоры для торговыхъ предпріятій. Вотъ почему чувствуетъ недостатокъ военнаго флота Сѣверверная Германія, и надѣется, что, когда онъ будетъ пополненъ Пруссіею, то торговая дѣятельность ея возрастетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Какъ зависима участь страны, ведущей морскую торговлю, не опираясь на достаточную военную силу, достаточно поясняетъ тотъ же примѣръ Пасифико. Но гдѣ же взять Греціи довольно могущественный флотъ—для того, чтобы она могла опереть на него свое торговое мореплаваніе, имѣющее всѣ задатки на то, чтобы получить всемірный характеръ? Кромѣ могущественнаго Славяно-греческаго союза—этой единственной формы, въ которой и можетъ только возродиться Восточная Римская имперія, никто не можетъ создать достаточнаго для сего морскаго могущества.

Для *Болгаріи* общій союзъ Славянъ, съ Россіею во главѣ, имѣетъ особенную, существенную важность. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ находится она подъ самымъ сильнымъ гнетомъ, ибо живетъ въ наиболѣе тѣсномъ сожительствѣ съ своими покорителями. Въ ней всего менѣе сохранилось преданіе о государственности, память о независимомъ политическомъ существованіи. Она чувствуетъ свою угнетенность, чувствуетъ свою отдѣльность отъ своихъ угнетателей,—и потому не можетъ слиться съ ними, измѣнить своимъ

культурнымъ началамъ и, конечно, стремится къ освобожденію. Но какъ воспользоваться свободою, какъ перейти изъ племеннаго быта въ политическій,—къ самобытной государственности? Подобные примѣры видѣли мы, правда, на Греціи, на Сербіи, на Румыніи; но послѣдній примѣръ не представляетъ собою ничего привлекательнаго—и есть именно та скала, которой должно избѣгать, чтобы не потерпѣть крушенія. Примѣры Греціи и Сербіи во многомъ существенномъ отличаются отъ того, что̀ можетъ предстоять Болгаріи. Они достигли независимости долговременною борьбою, въ теченіе которой являлись выдающіяся изъ ряда личности,—передовые предводители, жившіе народною жизнію, понимавшіе духъ и потребности народа. Народъ привыкъ къ нимъ—и такимъ образомъ образовались изъ самаго народа элементы общественнаго устройства. Въ Сербіи сохранилась даже память о народномъ представительствѣ,—въ скупщинахъ. Ничего этого нѣтъ въ Булгаріи.

Въ такой странѣ, слѣдовательно, общественное и государственное устройство налагаются извнѣ; составляются конституціи по рецепту, заимствованному изъ общихъ теорій, изъ чуждыхъ примѣровъ. Вмѣсто организаціи существующихъ въ странѣ дѣйствительныхъ интересовъ, устанавливается господство такъ называемой интеллигенціи,—чему жалкій примѣръ представляютъ соединенныя Валахія и Молдавія. Если образованіе углубляетъ корни свои въ народную жизнь, и есть та же жизнь, только достигшая своего высшаго развитія, то, конечно, личности, обладающія этимъ образованіемъ, имѣютъ не только право, но и обязанность служить руководителями народа какъ въ его политической, такъ и въ его умственной и нравственной жизни. Такіе примѣры гармоническаго внутренняго развитія народной образованности вообще не слишкомъ часты,—и лучшимъ изъ нихъ можетъ служить Англія. Ни Россія, ни другая какая либо славянская страна не могутъ ими похвалиться; а безъ такой народной основы, такъ называемая интеллигенція нечто иное, какъ болѣе или менѣе многочисленное собраніе довольно пустыхъ личностей, получившихъ извнѣ-почерпнутое образованіе, непереварившихъ и неусвоившихъ его, а только перемалывающихъ въ головѣ, перебалтывающихъ языкомъ ходячія мысли, находящіяся въ ходу въ данное время подъ пошлою этикеткою—современныхъ.

Но, какъ ни внѣшне наше русское просвѣщеніе, какъ ни оторвана наша интеллигенція (въ большинствѣ своемъ) отъ народной

жизни, она не встрѣчаетъ, однако же, въ русскомъ народѣ и въ Россіи tabulam rasam для своихъ цивилизаторскихъ опытовъ, а должна, волею или неволею, сообразоваться съ вѣками-установившимся и окрѣпшимъ народнымъ бытомъ и порядкомъ вещей. Для самаго измѣненія этого порядка, интеллигенція принуждена опираться, часто сама того не замѣчая, на народныя же начала; когда же забываетъ объ этомъ (что нерѣдко случается), то народъ, составившій уже долгимъ историческимъ путемъ общественный организмъ, извергаетъ изъ себя чуждое, хотя бы то было посредствомъ гнойныхъ ранъ, или какъ бы облекаетъ его хрящеватою оболочкою и обособляетъ отъ всякаго живаго общенія съ народнымъ организмомъ;—и чуждое насажденіе, въ своей мертвенной формальности, хотя и мѣшаетъ, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждаетъ его, и она обтекаетъ и обходитъ его мимо. Не то —съ странами совершенно новыми, какъ можемъ удостовѣриться на примѣрѣ Румынскаго государства, гдѣ былъ полный просторъ для дѣйствій цивилизирующей интеллигенціи.

Чтобы подобная участь не постигла и Болгарію, ей необходимо устроиваться подъ крыломъ Россіи и подъ вліяніемъ другихъ, болѣе ея политически-развитыхъ членовъ славянскаго союза, въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ и въ связи съ ними,—сначала, какъ самобытная въ административномъ отношеніи область, а впослѣдствіи только какъ самобытное политическое тѣло. Такое покровительство, такая опека безпристрастной ко всѣмъ славянскимъ народностямъ Россіи необходимы для Болгаріи еще въ другомъ отношеніи: именно для того, чтобы страна эта, населенная самостоятельнымъ славянскимъ племенемъ, могла сохранить свою самостоятельность, не сдѣлавшись жертвою честолюбія сосѣдней Сербіи *).

Для самой *Сербіи* тѣсная связь съ Россіею и всѣмъ Славянствомъ не менѣе полезна,—для подавленія въ ней неправильныхъ честолюбивыхъ инстинктовъ, для направленія ихъ въ должную сторону; не на Болгарію **), а на находящіяся подъ владычествомъ

---

*) **Сказанное здѣсь не оправдалось ли буквально? Болгарская интеллигенція не старалась ли произвести сумбуръ — и только благодаря поддержкѣ Россіи отклонялось доселѣ вредное ея вліяніе? А съ другой стороны, не впала ли Россія въ ошибку, введя въ Болгарію конституцінализмъ?**

) **И это все не подтвердилось ли?

Австріи страны, населенныя сербскимъ и родственными съ нимъ хорватскимъ и словенскимъ племенами. Бодрый и крѣпкій Сербскій народъ долженъ опасаться польскаго обычая честолюбиво присвоивать себѣ чужое, упуская свое. Въ его борьбѣ съ объитальяненьемъ, омадьяреньемъ и онѣмеченьемъ своей земли, Сербскій народъ можетъ найти нужныя силы и надежду на успѣхъ только въ политическомъ союзѣ со всѣмъ Славянствомъ, подъ главенствомъ Россіи.

Еще въ большей степени относится это къ племени *Чешскому*, область котораго вдается, какъ бы бастіономъ, передовымъ укрѣпленіемъ въ Нѣмецкія земли, и внутри котораго нѣмецкія поселенія сдѣлали огромные успѣхи. Ни внутренняя борьба съ Нѣмцами, ни внѣшнія нападенія, которыхъ не избѣгнуть этому яблоку раздора между Славянствомъ и Германствомъ, не могутъ быть ведены съ успѣхомъ безъ тѣснаго соединенія со всѣмъ Славянствомъ.

Румуны могутъ надѣяться на присоединеніе къ нимъ половины Трансильваніи, Буковины и части Бессарабіи не иначе, какъ съ согласія и при содѣйствіи Россіи,—и только при ея безпристрастномъ умирительномъ вліяніи возможно для нихъ успѣшное противодѣйствіе захватамъ мадьяризма; только опираясь на несравненно болѣе родственное имъ Славянство, могутъ они бороться съ разъѣдающимъ галломанствомъ и подражательностью ихъ жалкой интеллигенціи.

Въ предъидущей главѣ видѣли мы, что даже *Польша* можетъ найти возможно благопріятный исходъ ея долгихъ томленій—единственно въ нѣдрахъ Всеславянскаго союза, въ тѣсномъ единеніи и дружбѣ съ Россіей.

Для одной *Венгріи* перспектива такого союза, полагающая предѣлъ всѣмъ ея честолюбивымъ высокозаносящимся планамъ, не можетъ представляться въ радужномъ свѣтѣ; но и она можетъ надѣяться на удовлетвореніе всѣмъ своимъ законнымъ стремленіямъ; только своимъ беззаконнымъ властолюбіемъ пришлось бы ей поступиться.

Таковы выгоды для каждаго изъ народовъ, которые могли и должны бы образовать самобытныя государства въ великой Всеславянской федераціи, отъ союза, который объединилъ бы ихъ. Если присоединить къ этому ту блистательную, величавую, міродержавную историческую роль, которую обѣщаетъ такой союзъ

всему Славянству,—то, казалось бы, что онъ долженъ составлять если не непосредственную цѣль стремленій всѣхъ Славянъ, сознающихъ себя Славянами, то, по крайней мѣрѣ, предметъ ихъ желаній—ихъ политическій идеалъ. И дѣйствительно, мы можемъ назвать не одно знаменитое славянское имя, для котораго мысль о славянскомъ объединеніи, въ той или другой формѣ, представляла такой идеалъ. Назовемъ для примѣра нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе ясно высказали его, какъ напр. Хомяковъ, Погодинъ, Ганка, Колляръ, Штуръ. Однако же, многіе даже изъ неевропействующихъ славянъ относятся къ политическому объединенію своего племени, подъ главенствомъ Россіи, вовсе не съ тѣмъ сочувствіемъ, котораго можно и должно было бы ожидать.

Клеветы Поляковъ и Европы,—при маломъ значеніи и даже, можно сказать, совершенномъ незнаніи Россіи, при незнакомствѣ съ нашими порядками, выставляемыми совершенно въ ложномъ свѣтѣ,—проникаютъ такъ глубоко, что даже многіе изъ передовыхъ славянскихъ мыслителей, всею душою преданныхъ славянскому дѣлу, пугаются какихъ-то признаковъ. Ихъ страшитъ, съ одной стороны, относительно самихъ себя—призракъ властолюбія Россіи, будто бы стремящейся уничтожить самобытность славянскихъ народностей, поглотить ихъ, какъ поглотила Польшу; съ другой—относительно судебъ человѣчества и цивилизаціи вообще—призракъ всемірнаго владычества, которое для пропитавшагося гуманитарностью славянскаго сердца представляется чѣмъ-то ужаснымъ, если бы даже это владычество принадлежало не иному кому, какъ имъ же самимъ, бѣднымъ, угнетаемымъ Славянамъ—угнетеніе которыхъ никого не страшитъ, никому не кажется несообразнымъ съ истинной человѣчностью. Что славянская независимость, развитіе славянскаго могущества противны Европѣ—это въ порядкѣ вещей. Напрасно и смѣшно было бы, съ нашей или съ какой бы то ни было стороны, стараться переувѣрить ее въ этомъ. Но грустно, что такъ могутъ разсуждать сами Славяне, даже сами Русскіе. По мѣрѣ силъ нашихъ, постараемся разсѣять этотъ напускной туманъ, начиная съ властолюбія Россіи.

Отвѣтомъ и опроверженіемъ будутъ служить сами факты. Распространяться тутъ нечего; укажемъ лишь на всѣмъ извѣстные примѣры того, какъ поступила Россія съ включенными въ составъ ея областями. Финляндіи, отвоеванной у шведовъ, была дарована полная отдѣльность и самостоятельность: отдѣльное войско, невы-

ходящее изъ предѣловъ Финляндіи, отдѣльная денежная, торговая и финансовая системы, даже конституція и парламентъ; къ ней была присоединена отъ Россіи уже около ста лѣтъ принадлежавшая ей область, русскій языкъ не былъ введенъ въ ея школы, православіе не сдѣлано господствующею религіею; она не была обращена въ рынокъ для нашихъ мануфактуръ; ни одной копѣйки финляндскихъ доходовъ не идетъ на Россію, однимъ словомъ, ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ—Россія не только не эксплуатировала Финляндіи, а совершенно на оборотъ всегда простирала къ ней свою руку помощи. Остзейскій край не только не былъ обрусенъ, но самое могучее орудіе его онѣмеченія—Дерптско германскій университетъ былъ основанъ русскимъ правительствомъ—и на его счетъ содержится. Не только русское правительство не содѣйствовало обрусенію края, но противопоставляло ему преграды, даже когда оно вызывалось естественнымъ ходомъ вещей—и все, опять таки, изъ страха прослыть угнетателемъ народностей, политически соединенныхъ съ Россіей. Самый примѣръ Польши, такъ часто выставляемый противъ Россіи, есть въ сущности лучшее доказательство того же. Польша пользовалась, по соединеніи съ Россіею, государственною самобытностью и конституціонною жизнію; при русскомъ владычествѣ распространилось польское вліяніе на Западную Россію при посредствѣ Виленскаго университета, цѣлой системы народнаго образованія и многаго другаго. Только явныя, грубыя попытки Поляковъ присоединить къ себѣ силою Западную Россію открыли намъ глаза,—и то, какъ кажется, только на время. Хотя я говорю все это, конечно, уже вовсе не въ похвалу Россіи, ея правительству и ея общественному мнѣнію; но, тѣмъ не менѣе, эти явленія ясно указываютъ, что отъ государства, поступавшаго подобнымъ образомъ съ включенными въ составъ его частями,—союзникамъ его нечего опасаться за свою независимость, какъ политическую, такъ и народную, нечего бояться за переступленіе предѣловъ чисто внѣшне-политической союзной гегемоніи. Всякая болѣе тѣсная внутренняя связь была бы, конечно, предоставлена единственно той родственной, національной симпатіи, которая не могла бы не привлекать другъ къ другу членовъ славянской семьи, послѣ того какъ раздѣляющія ихъ внѣшнія преграды были бы сломаны, и они взялись бы за общее историческое дѣло.

Но этого мало. Если Россія поступала такимъ обрзомъ ча-

сто къ собственному своему вреду, то будетъ ли она поступать иначе, когда самый очевидный, самый простой разсчетъ будетъ побуждать ее воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ союзниковъ, не касаться ни ихъ политической, ни ихъ народной самостоятельности?

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ могутъ заключаться для Россіи ближайшія, осязательныя политическія выгоды отъ образованія Всеславянскаго союза (о высшемъ культурно-историческомъ значеніи котораго мы здѣсь не говоримъ)? Конечно, въ увеличеніи внѣшняго могущества, въ обезпеченіи (какъ себя, такъ и своихъ союзниковъ) отъ напора враждебнаго Запада, дабы, въ спокойствіи силы и братскомъ общеніи, мочь развивать задатки своего внутренняго, нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія и величія. Простѣйшее и единственное средство для достиженія этой цѣли—невмѣшательство во внутреннія дѣла своихъ союзниковъ и безпристрастное примирительное вліяніе на взаимныя отношенія ихъ между собою въ ихъ спорахъ, притязаніяхъ и честолюбивыхъ поползновеніяхъ.

Чего бы достигла напротивъ того Россія, стремясь уничтожить внутреннюю самостоятельность союзныхъ съ нею славянскихъ и другихъ государствъ, включить ихъ въ свой государственный составъ, даже въ случаѣ успѣха такого стремленія? Вмѣсто сорока милліоновъ вѣрныхъ, дружественно-расположенныхъ союзниковъ, она пріобрѣла бы сорокъ милліоновъ недовольныхъ подданныхъ; а насколько таковые увеличиваютъ силы государства,—имѣемъ мы достаточно убѣдительные примѣры на отношеніяхъ Польши къ Россіи, Ирландіи къ Англіи и, всего болѣе, Венгріи и Венеціи къ Австріи.

Если и не обращать даже вниманія на различія въ нравственныхъ и физическихъ качествахъ народовъ,—принимая ихъ равными, за невозможностью численнаго опредѣленія мѣры этихъ различій, — все-таки, сравнительное могущество государствъ не будетъ въ прямой зависимости отъ числа ихъ подданныхъ, потому что весьма важную роль занимаютъ здѣсь тѣ отношенія, въ которыхъ находятся подданные къ объединяющему ихъ въ одно политическое тѣло государству. При всѣхъ прочихъ равныхъ отношеніяхъ (просвѣщенія, богатства, порядка и благоустройства), они могутъ относиться къ нему: или какъ дѣятельные активные граждане, почитающіе его цѣли своими цѣлями, его славу своею сла-

вою, его силу залогомъ своего благосостоянія, а потому служащіе ему и поддерживающіе его всѣми своими нравственными и вещественными средствами,—или какъ пассивные подданные, безпрекословно повинующіеся государственной власти, но чуждые ему по духу, не считающіе его дѣлъ своими дѣлами, и слѣдовательно безучастно относящіеся къ его судьбамъ, — или, наконецъ, какъ враждебные, только силѣ подчиняющіеся подданные, не только безучастные къ судьбѣ государства, но отрицающіе его, считающіе свои цѣли въ разрѣзъ расходящимися съ его цѣлями.

Большинство государствъ обладаетъ подданными всѣхъ этихъ категорій. Но, соединеніе этихъ трехъ элементовъ всего разительнѣе въ Британскомъ государствѣ, которое обладаетъ не менѣе какъ двумястами милліоновъ подданныхъ, что̀ (при просвѣщеніи, богатствѣ, выгодномъ географическомъ положеніи Англіи и большинства ея колоній) составило бы по-истинѣ безпримѣрное могущество, если бы всѣ эти милліоны могли считаться дѣйствительно активною его поддержкою. Но, только населеніе собственно Англіи съ Валлисомъ и Шотландіею можетъ быть причислено къ этой категоріи. Туземное населеніе Индіи и прочихъ колоній, не исключая даже Канады, должно считаться въ разрядѣ пассивныхъ подданныхъ, отъ которыхъ государство можетъ надѣяться развѣ только на извлеченіе нѣкоторыхъ финансовыхъ выгодъ; ибо даже Канада едва-ли стала бы защищаться съ нѣкоторою энергіею, въ случаѣ нападенія со стороны Соединенныхъ штатовъ. Наконецъ, огромное большинство Ирландскаго населенія совершенно враждебно Англіи, – и потому, не столько усиливаетъ ее доставляемыми имъ матеріальными выгодами, сколько ослабляетъ, поглощая нѣкоторое количество силъ Англіи на свое охраненіе.

Такъ и въ Россіи. Активное ея населеніе, кромѣ русскаго, т. е. Великорусскаго, Малорусскаго и Бѣлорусскаго племенъ, состоитъ еще изъ большинства Финскихъ, Грузинскихъ, частью даже Татарскихъ племенъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, Сибирскіе дикари и кочевники составляютъ только населеніе пассивное, Поляки же (впрочемъ народъ не самъ по себѣ, а по вліянію на него ксензовъ и шляхты)—населеніе враждебное.

При статистическомъ исчисленіи могущества государствъ, только подданные первой категоріи могутъ быть принимаемы за положительныя единицы (которыя, строго говоря, надо бы еще умножать на нѣкоторые коэфиціенты, зависящіе отъ нравственныхъ и ма-

теріальныхъ качествъ народа); пассивные подданные должны быть принимаемы при этомъ—если не за полные нули, то, по крайней мѣрѣ, за весьма малыя дробныя величины; подданные же третьей категоріи—за единицы отрицательныя.

Но извѣстно, что человѣку, дабы физически удержать въ своей власти другаго, надо значительно превосходить его силой; то же отношеніе силъ сохраняется и въ примѣненіи къ цѣлымъ народамъ, или тѣламъ политическимъ, чѣмъ и объясняется успѣшность борьбы возстававшихъ народовъ противъ государствъ, стремившихся удержать ихъ подъ своею властью, какъ напримѣръ Голландцевъ противъ Испаніи, Грековъ противъ Турціи и т. д. Поэтому, считая одного активнаго подданнаго на одного враждебнаго, мы еще въ слишкомъ слабой степени численно представимъ то ослабленіе государственнаго могущества, которое происходитъ отъ расхода силъ на удерживаніе, или, такъ сказать, на нейтрализацію его враждебныхъ элементовъ.

Принимая населеніе Всеславянскаго союза въ сто двадцать милліоновъ душъ, враждебные же элементы Польскій и Мадьярскій, по необходимости включаемые въ него, милліоновъ въ двѣнадцать или тринадцать (при чемъ мы не обращаемъ еще вниманія на примирительный исходъ, открывающійся Полякамъ такимъ союзомъ, исходъ, на который было указано выше),—свободныя активныя силы союза простирались бы до девяноста пяти милліоновъ. Ежели же бы Россія, нарушеніемъ внутренней самостоятельности государствъ и народовъ союза, успѣла привести ихъ въ свое подданство, въ какой бы то ни было формѣ,—она пріобрѣла бы сорокъ милліоновъ враждебныхъ подданныхъ, что̀, по принятому нами разсчету, уменьшило бы ея свободныя активныя силы до тридцати милліоновъ. При огромности ея азіатскихъ границъ, требующихъ сильнаго охраненія на Кавказѣ, въ средней Азіи и на прочихъ окраинахъ, едва-ли бы оставалось ей болѣе двадцати милліоновъ населенія для противупоставленія Европѣ. При всегдашней готовности Европы воспользоваться слабостью Россіи, она конечно, поспѣшила бы подать руку помощи угнетеннымъ Россіею народамъ, сдѣлавшись (какъ теперь относительно Поляковъ) ихъ первымъ, хотя и лицемѣрнымъ другомъ,—и, вмѣсто ожидаемаго увеличенія могущества, Россія должна бы была рухнуть подъ собственною своею тяжестью.

И такъ, свобода Славянъ и прочихъ народовъ въ союзѣ между

собою и съ Россіей обезпечивалась бы, съ одной стороны, простымъ здравымъ политическимъ смысломъ, инстинктомъ самосохраненія Россіи; съ другой—все прошедшее Россіи, самые пороки русскихъ и вообще славянскихъ добродѣтелей служили бы ручательствомъ за справедливый, безобидный характеръ тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя развились бы между главою союза и его членами. Кто сдѣлалъ большее, отъ того можно ожидать меньшаго: кто далъ національную и даже политическую свободу частямъ, включеннымъ въ составъ государства, какъ напримѣръ Финляндіи и даже враждебной Польшѣ,—отнявъ ее лишь послѣ самыхъ безумныхъ двукратныхъ злоупотребленій ею, въ видахъ самосохраненія и огражденія свободы части русскаго народа, на которую злоумышляли Поляки,—тотъ не посягнетъ на независимость своихъ союзниковъ.

Другое пугало, отпугивающее отъ Всеславянства, есть опасеніе всемірной монархіи—страхъ передъ міровладычествомъ. Изъ только-что приведеннаго объясненія ясно, что, если бы такое міровладычество и было естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ Всеславянскаго союза,—то оно, во всякомъ случаѣ, было бы не спеціально-русскимъ, а всеславянскимъ; и Славянамъ, казалось бы, нечего его пугаться. Древнихъ Римлянъ не пугала мысль о всемірномъ владычествѣ; Англія не страшится идеи всемірнаго владычества на моряхъ, распространенія своихъ владѣній, опоясывающихъ моря и океаны цѣпью большихъ и малыхъ Британскихъ колоній; также не пугаетъ и Америку мысль о безраздѣльномъ владычествѣ отъ Гренландіи до Огненной земли. Чтó за странная скромность—отступать передъ великою будущностью, чураться ея изъ-за боязни быть слишкомъ могущественнымъ и сильнымъ, и даже, пародируя мысль Вольтера о Богѣ (котораго „надо бы было выдумать, если бы онъ не существовалъ"), примѣнять ее къ Австріи въ видахъ предотвращенія такого несчастья?

Но дѣло не въ томъ. Самый страхъ этотъ не имѣетъ никакого основанія. Великій Славянскій союзъ, обезпечивъ свободу Славянъ и плодотворное взаимодѣйствіе ихъ другъ па друга, не могъ бы угрожать ничьей независимости, ничьимъ законнымъ правамъ. Въ этомъ, опять таки, убѣждаетъ самый простой статистическій разсчетъ. Населеніе той только части Европы, которая въ настоящее время играетъ дѣятельную политическую роль, то есть, Германіи (за выдѣломъ всей не-нѣмецкой части Австріи), Франціи и Англіи,

съ прибавленіемъ лишь окруженныхъ ими Бельгіи и Голландіи, которыя волею или неволею должны всегда за ними слѣдовать,—равнялось бы уже населенію всего Славянскаго союза; съ присоединеніемъ же Италіи, Испаніи съ Португаліей и Скандинавскихъ государствъ—на сторонѣ Европы былъ бы излишекъ по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ милліоновъ душъ. Слѣдовательно, на первое время Славянская система государствъ все еще была бы значительно слабѣе Европейской по числу своего населенія—и могла бы считаться непреоборимой только въ защитѣ и оборонѣ славянской независимости и самобытности. Силы уравнивались бы лишь нѣсколько вышеприведеннымъ стратегическимъ мѣстоположеніемъ Константинополя и чешскаго бастіона.

Но, имѣя въ виду обильное любовью къ человѣчеству славянское сердце, считающее священнѣйшею обязанностью жертвовать своими славянскими цѣлями и интересами—никому неизвѣстнымъ общечеловѣческимъ цѣлямъ (что̀, при наинелѣпѣйшемъ смѣшеніи этого общечеловѣческаго съ европейскимъ или западнымъ, идетъ конечно единственно на пользу этого европейскаго, всегда и во всемъ враждебнаго славянскому), нельзя ограничиться доселѣ приведенными доказательствами: надо показать, что не независимость только, а и политическое могущество Славянъ существенно-необходимы для правильнаго и гармоническаго теченія общечеловѣческихъ дѣлъ; что политическое могущество Славянства не только не можетъ угрожать порабощеніемъ всему міру, всемірнымъ владычествомъ, а одно только и можетъ противупоставить достаточную преграду міровому владычеству, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ (и уже въ значительной мѣрѣ пріобрѣла) Европа.

Въ нашей статьѣ мы разсматривали уже ходъ европейской исторіи съ различныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія развитія насильственности, какъ одной изъ основныхъ психическихъ чертъ германо-романской народности, и видоизмѣненій ея, сообразно съ измѣненіями господствовавшаго направленія умовъ; затѣмъ, съ точки зрѣнія воспитанія народа историческими событіями, которое получила Европа,—въ сравненіи съ тѣмъ, которое получила Россія; и наконецъ, съ точки зрѣнія отношенія къ тому политическому узлу, который связываетъ культурно-историческіе типы германо-романскій и славянскій, и которому въ непосредственномъ будущемъ предстоитъ такъ или иначе расплестись,—узлу, называемому Восточнымъ вопросомъ. Само собою разумѣется, что такихъ то-

чекъ зрѣнія—множество едва ли не безчисленное, и постройка полной системы исторіи каждаго культурнаго типа (то есть поставленіе всѣхъ явленій ея въ настоящую естественную взаимную связь) требовала бы предварительнаго изслѣдованія всего сложнаго хода ея—со всѣхъ или по крайней мѣрѣ съ весьма значительнаго числа такихъ разныхъ точекъ зрѣнія. Это и составило бы аналитическое разложеніе совокупности историческихъ явленій, крайне сложной,—въ какой бы хронологическій моментъ мы ее ни взяли.

Всякая особая сторона жизни имѣетъ свои корни и свой ходъ развитія; множество такихъ сторонъ идутъ параллельно, переплетаются другъ съ другомъ и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Очевидно, что, слѣдуя хронологической послѣдовательности событій во всей ихъ сложности (хотя бы то было при тщательномъ изслѣдованіи ихъ прагматической связи), этой сложности распутать невозможно. Такъ, передъ установленіемъ естественной системы въ ботаникѣ, геніальный Михаилъ Адансонъ расположилъ формы растительнаго царства по шестидесяти различнымъ системамъ, основанія которыхъ были заимствованы имъ ото всѣхъ органовъ растеній,—или, говоря другими словами, онъ обозрѣлъ растительное царство съ шестидесяти разныхъ точекъ зрѣнія, весьма различной степени важности и достоинства. Совокупивъ затѣмъ эти различныя точки зрѣнія или системы воедино, соподчинивъ ихъ между собою, онъ представилъ первый удачный и сознательный опытъ естественной системы растительнаго царства.

Только подобный пріемъ, думается мнѣ, можетъ привести къ плодоноснымъ результатамъ при построеніи научной исторіи. Существуетъ, правда, и другой пріемъ — тотъ, который былъ употребленъ Бернаромъ Жюсье опять-таки въ ботаникѣ: это—физіогномическая оцѣнка сродства и различія формъ,—такъ-сказать постиженіе относительной важности и значенія формъ геніальнымъ инстинктомъ. Пріемъ этотъ въ значительной степени удался—для формъ растительнаго міра; но сложность явленій историческихъ чрезмѣрно велика, и притомъ, они не стоятъ передъ лицомъ изслѣдователя въ такой конкретной жизненности и дѣйствительности, какъ явленія природы,—такъ что едва-ли можно надѣяться на подобный же успѣхъ въ Исторіи, слѣдуя тому же пути.

Такое всестороннее изслѣдованіе европейской исторіи потребовало бы, конечно, гораздо большихъ силъ и знаній, нежели тѣ которыми мы обладаемъ, да и цѣль наша совершенно иная. Мы

намѣрены только бросить взглядъ еще на одну сторону европейской жизни,—на связь, существующую между тою борьбою, посредствомъ которой постепенно устанавливались правильныя взаимныя отношенія членовъ европейскаго семейства, и между внѣшнею дѣятельностію ихъ, т. е. ихъ политическимъ вліяніемъ на страны и народы, не принадлежащіе къ германо-романскому культурному типу. Это необходимо для разъясненія занимающаго насъ теперь вопроса: угрожаетъ-ли образованіе Всеславянскаго союза всемірнымъ владычествомъ, или, напротивъ того, не составляетъ-ли онъ необходимаго обезпеченія свободы и разнообразія въ жизненныхъ проявленіяхъ человѣческаго рода,—необходимаго оплота отъ всемірнаго владычества, грозящаго съ совершенно иной стороны?

Манархія Карла Великаго была тѣмъ центромъ, изъ котораго развилась европейская система государствъ. Изъ нея выдѣлились непосредственно три національности, игравшія главную роль въ среднихъ вѣкахъ и до сихъ поръ ее сохранившія: нѣмецкая французская и итальянская, каждая изъ которыхъ различными путями стремилась къ внутреннему объединенію, чему внѣшнія обстоятельства, народный характеръ и внутренніе порядки въ различной мѣрѣ содѣйствовали, или препятствовали. Впослѣдствіи, къ нимъ присоединились находившіяся внѣ Карловой власти—Испанія, занятая, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, внутреннею борьбою съ Магометанствомъ, и Англія, которую ея островное положеніе отдаляло отъ тѣснаго вмѣшательства въ общеевропейскія дѣла до того времени, пока развитіе морскаго дѣла не доставило сильнаго вліянія флотамъ. Эти пять народовъ были и продолжаютъ быть первенствующими членами европейской политической системы. Прочіе, какъ Голландцы и Шведы, хотя и играли временно значительную роль, но роль эта не могла быть постоянною по причинѣ числительной слабости этихъ народовъ. Но пять главныхъ европейскихъ народностей (если принять во вниманіе одни общія, неизмѣнныя основанія ихъ могущества, а не историческія случайности, вліяніе великихъ людей, государственнаго устройства, и тому подобное)—почти одинаковой силы,—настолько, по крайней мѣрѣ, одинаковой, что самыя слабыя изъ нихъ, говоря вообще, достаточно сильны для обороны отъ нападеній сосѣдей.

Самая многочисленная изъ этихъ національностей—нѣмецкая, въ которой, безъ подчиненныхъ ей славянскихъ и другихъ народовъ, насчитывается до 43 или 44 милліоновъ душъ. Но такой

перевѣсъ числительности уравновѣшивается невыгоднымъ во многихъ отношеніяхъ географическимъ положеніемъ Германіи, какъ-то: неокругленностью границъ, значительнымъ протяженіемъ съ запада на востокъ, врѣзываніемъ съ юга и востока славянскихъ областей, серединностью мѣстоположенія, подверженнаго нападеніямъ съ разныхъ сторонъ. Невыгоды эти даже таковы, что, для сохраненія независимости Германіи со стороны Франціи и Турціи, необходима была до самыхъ послѣднихъ временъ помощь какъ тѣхъ Славянъ, которыхъ удалось ей включить въ свой составъ, такъ и независимыхъ славянскихъ государствъ: Польши и Россіи.

На пять или на шесть милліоновъ меньшая числительность Французовъ—съ избыткомъ вознаграждается округленностью, такъ сказать, сосредоточенностью занимаемой ими страны.

Англія, населеніе которой еще на семь или на восемь милліоновъ меньше, получаетъ непреодолимую оборонительную силу отъ ея островнаго положенія, которое, однако же, ослабляетъ ея наступательную силу. Почему, не имѣя ни возможности, ни выгоды пріобрѣсти и надолго сохранить власть надъ какою-либо частью материка, она наиболѣе заинтересована въ томъ, чтобы ни одно изъ европейскихъ государствъ не получило слишкомъ сильнаго перевѣса надъ другими.

Италія, числомъ своего населенія еще нѣсколько уступающая Англіи, ограждена съ сѣвера Альпами, а съ прочихъ сторонъ окружена моремъ, которое, при заинтересованности Англіи въ сохраненіи равновѣсія между европейскими державами, представляетъ наилучшее огражденіе.

Наконецъ, Испанія, населеніе которой уменьшилось до какихъ-нибудь 15 милліоновъ лишь вслѣдствіе случайныхъ и временныхъ причинъ, дурнаго государственнаго устройства, еще лучше Италіи ограждена физическими условіями страны, отдѣленной отъ единственной своей сосѣдки, Франціи, цѣпью Пиреней и, сверхъ того, еще перерѣзанной въ разныхъ направленіяхъ высокими горными хребтами, могущественными охранителями независимости даже слабыхъ народовъ.

Изъ такого отношенія силъ главныхъ европейскихъ народностей вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, что такъ-называемая система политическаго равновѣсія—не искусственная какая либо комбинація, умышленно придуманная дипломатами, а естественный нормальный порядокъ вещей, въ примѣненіи къ Европѣ

въ тѣсномъ и единственно вѣрномъ значеніи этого слова,—порядокъ, который не только не противорѣчитъ принципу національности, но въ немъ именно находитъ свое твердое незыблемое основаніе: точно такъ, какъ въ Славянскомъ мірѣ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, естественный порядокъ вещей можетъ основываться только на гегемоніи Россіи. Посему, порядокъ, основанный на равновѣсіи европейскихъ государствъ, есть единственный устойчивый,—и, какъ бы его ни колебали, онъ всегда возстановляется тѣмъ, что̀ называется силою вещей.

Но понятно, что при томъ слабомъ значеніи, которое до самаго послѣдняго времени имѣлъ принципъ національности въ европейскомъ мірѣ, это нормальное отношеніе между членами европейской семьи не могло быть понято и постигнуто съ самаго начала, а лишь мало по малу выяснилось ходомъ событій, игрою политическихъ силъ, изъ коихъ каждая стремилась къ своему полнѣйшему проявленію, къ преобладанію надъ прочими. Собственно говоря, когда политическое равновѣсіе и было понято, то на дѣлѣ (а не на лицемѣрномъ языкѣ дипломатіи или на наивномъ языкѣ мнимой науки народнаго права) оно никогда не признавалось за какой-либо принципъ права, а осуществлялось только какъ фактъ, часто независимый отъ произвола политическихъ дѣятелей.

Это нормальное для европейскихъ государствъ состояніе политическаго равновѣсія нарушалось какъ самымъ теченіемъ событій (тѣмъ, что̀ мы называемъ историческими случайностями), такъ и естественнымъ стремленіемъ къ гегемоніи, въ разныя времена со стороны разныхъ народностей, преимущественно подъ вліяніемъ страстей и честолюбивыхъ плановъ тѣхъ личностей, которыя сосредоточивали въ себѣ интересы этихъ народностей. Но всѣ эти попытки оказывались съ теченіемъ времени несостоятельными, удаваясь только на сравнительно короткій срокъ, ибо, по самой сущности своей, противорѣчили тому распредѣленію политической силы и могущества, которое лежало въ самомъ основаніи германо-романской системы государствъ.

При такомъ естественномъ равенствѣ основныхъ силъ первенствующихъ европейскихъ народностей, та изъ нихъ, которая (вслѣдствіе своего государственнаго устройства, или характера господствовавшей въ ней личности) обладала наибольшею внутреннею крѣпостью и единствомъ, или получала особое могущество отъ стеченія благопріятныхъ для нея историческихъ случайно

стей,—стремилась достигать преобладающаго значенія и господства тѣмъ, что старалась подчинить себѣ завоеваніемъ то государство, которое, по противоположнымъ причинамъ, находилось въ состояніи раздробленности и слабости. Если бы такое стремленіе удалось, то завоевательное государство, пріобрѣтя почти двойную силу, тѣмъ самымъ должно бы получить такое преобладаніе, что система политическаго равновѣсія должна бы была перейти въ гегемонію. Но этого не случилось ни разу на сколько нибудь продолжительное время,—частію отъ противодѣйствія другихъ государствъ, истинктивно или сознательно чувствовавшихъ тотъ вредъ, который это имъ бы принесло, частію же отъ вліянія событій такъ сказать постороннихъ, т. е. явленій, проистекавшихъ изъ совершенно инаго порядка причинъ.

Естественно, что войны, основанныя на внутренней борьбѣ европейскихъ государствъ, изъ-за раздѣла политической силы и могущества (подъ категорію которыхъ подходятъ всѣ чисто завоевательныя и такъ называемыя войны за наслѣдство престоловъ и въ которыя постепенно переходили даже и тѣ, которыя проистекали изъ совершенно инаго порядка вещей, именно изъ міра нравственнаго, какъ войны религіозныя и революціонныя), должны были нейтрализовать силы Европы на другихъ театрахъ всемірной. дѣятельности и отвлекать ихъ отъ завоеваній и распространеній европейскаго вліянія въ другихъ частяхъ свѣта.

За такою борьбою слѣдовало, конечно, утомленіе; но, если спокойствіе, происходившее или отъ временнаго осуществленія гегемоническихъ плановъ, или отъ установленія равновѣсія, было довольно продолжительно для возстановленія истощенныхъ силъ, то онѣ получали исходъ во внѣшней дѣятельности, шли на завладѣніе внѣевропейскими странами. Такимъ образомъ, внутренняя борьба между главными членами европейской системы служила какъ бы обезпеченіемъ независимости внѣевропейскихъ странъ и народовъ. Это-то отношеніе между постепеннымъ развитіемъ и осуществленіемъ системы политическаго равновѣсія европейскихъ государствъ съ одной стороны, и между развитіемъ власти и вліяніемъ Европы на внѣевропейскія страны съ другой—имѣю я намѣреніе теперь прослѣдить въ бѣгломъ очеркѣ.

Активную роль въ нарушеніяхъ политическаго равновѣсія въ началѣ Европейской исторіи играла преимущественно Германія, впослѣдствіи же Франція. Промежутокъ времени между этою пе-

ремѣнною ролей, который почти совпадаетъ съ переходомъ такъ-называемой Средней исторіи въ Новую, заняла съ необыкновеннымъ успѣхоъ Испанія. Напротивъ того, пассивную роль (предметъ, на который направлялись честолюбивыя стремленія этихъ народовъ) занимала отъ начала до самаго послѣдняго времени преимущественно Италія. Она была главнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Германія, Испанія и Франція надѣялись достигнуть гегемоніи,—потому что, съ самаго паденія Западной Римской имперіи и до нашихъ дней, она ни разу не успѣвала достигнуть внутренняго объединенія въ какой бы то ни было формѣ. Временно же доставалась эта пассивная роль, изъ первостепенныхъ государствъ, еще Испаніи и Германіи, по той же причинѣ внутренней разъединенности; а изъ второстепенныхъ народностей—Голландской.

Германія во времена Оттоновъ, побуждаемая доставшимся ей идеальнымъ наслѣдствомъ римскаго императорства, стремится подчинить себѣ Италію—и въ значительной степени успѣваетъ въ этомъ, такъ какъ ни съ какой стороны не встрѣчала противодѣйствія. Испанія занята въ то время борьбою съ Маврами; Англія удалена отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Европейскаго материка своимъ островнымъ положеніемъ; Франція при послѣднихъ Карловингахъ и первыхъ Капетингахъ—въ самомъ разгарѣ феодальныхъ смутъ, доведшихъ королевскую власть почти до полнаго ничтожества. Здѣсь встрѣчаемъ мы первый примѣръ противодѣйствія со стороны явленій — порядка совершенно чуждаго равновѣсію политическихъ силъ: именно, со стороны явленій міра нравственнаго, представителями котораго въ то время въ германо-романской области были Папы. Они отстаиваютъ независимость Италіи и устанавливаютъ своимъ духовнымъ вліяніемъ тотъ періодъ равновѣсія, который мы назвали (см. гл. X) періодомъ перваго гарманическаго развитія германо-романскаго культурнаго типа,—равновѣсія, основаннаго, однако, не на политическомъ равновѣсіи силъ народностей, составлявшихъ Европу, а на нравственной гегемоніи папства. И вотъ, въ періодъ этого равновѣсія Европа въ первый разъ устремляетъ избытокъ силъ своихъ, подъ вліяніемъ христіанской идеи, на Востокъ, завоевываетъ Палестину, на полстолѣтія овладѣваетъ даже Византійской имперіею, но не можетъ окончательно утвердиться на восточномъ прибрежьи Средиземнаго моря, вслѣдствіе энергическаго сопротивленія маго-

метанскаго міра. Болѣе долговѣчны пріобрѣтенія, доставленныя ей Венеціей и Генуей на востокѣ Средиземнаго и въ Черномъ морѣ, которыя также, однако, вырываются изъ рукъ ея Турками.

Продолжительное напряженіе приводитъ къ ослабленію общихъ силъ: а съ другой стороны, вниманіе каждаго государства занято внутреннею борьбою съ феодализмомъ, изъ которой первою побѣдительницею выходитъ Франція, объединенная геніемъ своихъ королей—въ особенности же Людовика XI. И вотъ, уже при сынѣ его она начинаетъ стремиться къ европейской гегемоніи, посредствомъ завоеванія Италіи. Попытка эта продолжается при Людовикѣ XII и Францискѣ I, но союзы папъ, Венеціи и императора лишаютъ ее полученныхъ-было успѣховъ.

Активная роль переходитъ къ Испаніи. Окончательная побѣда надъ Маврами совпадаетъ съ счастливою случайностью умѣнія оцѣнить геніальныя предложенія Колумба, которая доставила ей владычество надъ Америкой. Случайность наслѣдства соединяетъ въ способныхъ рукахъ Карла V богатыя Нидерланды, рыцарскую, закаленную въ бояхъ Испанію и первенствующую въ Европѣ своимъ традиціоннымъ величіемъ Германскую имперію. Италія завоевывается; въ рукахъ Карлова брата находятся наслѣдственныя Австрійскія земли. Однимъ словомъ, вся Европа, кромѣ Франціи, Англіи и Скандинавскихъ государствъ, сосредоточивается подъ одною властью. Всѣ усилія Франціи послужили лишь къ огражденію ея собственной независимости. Политическая гегемонія утверждена въ размѣрахъ небывалыхъ со времени Карла Великаго.

Если бы такой порядокъ продолжался, очевидно, что и оставшіяся независимыми государства низошли бы до второстепенной зависимой роли. Но опять, сила инаго, не-политическаго порядка вещей разрушаетъ это могущество, скопившееся въ однѣхъ рукахъ. Религіозныя войны переходятъ мало по малу въ войны за равновѣсіе,—и все оканчивается общимъ ослабленіемъ силъ, изъ котораго Германія долго, а Испанія даже до сихъ поръ не можетъ выйти.

Равновѣсіе устанавливается Вестфальскимъ миромъ,— и вотъ опять въ это время власть Европы расширяется на прочія части свѣта, преимущественно руками Голландіи, успѣвшей уже ранѣе другихъ отдохнуть (послѣ усилій, которыхъ стоило ей отвоеваніе своей независимости), а также Англіею и Франціею, основавшими свои первыя колоніи въ Сѣверной Америкѣ.

Послѣ религіозныхъ бурь, первая оправляется и укрѣпляется внутри опять-таки Францiя, и при Людовикѣ XIV со всею ясностью высказывается ея стремленіе къ гегемоніи. Этотъ государь, съ вѣрнымъ тактомъ, въ первый разъ избираетъ предметомъ своихъ дѣйствій не Италію, какъ всѣ его предшественники въ стремленіи къ преобладанію, а одно изъ второстепенныхъ (по численности населяющаго его народа) государствъ — Голландію, промышленныя богатства, торговля, флотъ и колоніи которой усилили бы, въ случаѣ удачи, могущество Франціи въ несравненно большей степени, нежели пріобрѣтенія гораздо обширнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ. Въ концѣ его царствованія случай представляетъ ему еще другую цѣль—Испанію.

Ни то, ни другое вполнѣ не удается, главнѣйше по сопротивленію Англіи, по всѣмъ условіямъ своего политическаго и государственнаго устройства не могущей содержать многочисленныхъ сухопутныхъ армій и естественно-противящейся всякому излишнему скопленію силы въ однѣхъ рукахъ. Въ это время начинаетъ она пріобрѣтать владычество на моряхъ и становится такъ-сказать излюбленнымъ мечемъ Европы въ другихъ частяхъ свѣта: ибо, между тѣмъ какъ въ рукахъ Испаніи заморское владычество служило орудіемъ для усиленія ея владычества въ Европѣ, въ рукахъ Англіи, не имѣющей и не могущей имѣть притязаній на континентѣ Европы, служило оно гарантіей равновѣсія.

За Утрехтскимъ миромъ слѣдуетъ опять періодъ утомленія и равновѣсія силъ, или (выражаясь точнѣй) равновѣсія общей слабости, во время котораго зараждаются сѣмена будущаго единства Италіи и Германіи, созрѣвающія въ наши дни. Прекращеніе мужскаго поколѣнія династіи Габсбурговъ и раздробленное, разъединенное положеніе Германіи соблазняютъ Францію даже временъ Людовика XV—подчинить ее своему вліянію. Проистекающія изъ сего—равно какъ и изъ честолюбія Пруссіи—войны ведутъ къ усиленію этой послѣдней и даютъ Англіи случай прибрать къ своимъ рукамъ заморскія владѣнія Франціи и отчасти Испаніи. Но это были не новыя пріобрѣтенія, а только замѣна однихъ европейскихъ властителей другими.

Французская революція выводитъ Европу изъ летаргіи. И тутъ, войны, начавшіяся съ противодѣйствія революціоннымъ идеямъ и ихъ пропагандѣ, переходятъ въ войны за утвержденіе французскаго главенства въ Европѣ. Подъ вліяніемъ революціоннаго оду-

шевленія, а потомъ военнаго генія Наполеона, Франція достигаетъ своей цѣли, послѣдовательно покоряя слабыя или внутренно-разъединенныя Нидерланды, Италію и Германію.

Для возстановленія равновѣсія въ этотъ разъ, точно такъ же какъ и во времена Карла V, не хватаетъ собственныхъ силъ Европы; а противодѣйствія изъ инаго, не-политическаго порядка вещей, проявившагося только въ Испаніи, недостаточно, чтобъ сломить могущество Наполеона. Помощь Европѣ приходитъ извнѣ. Россіи суждено было совершить свою служебную роль—для возстановленія Европейскаго равновѣсія, вопреки ея истиннымъ выгодамъ.

Послѣ Вѣнскаго конгресса наступаетъ опять продолжительный, почти сорока-лѣтній миръ. Европа отдыхаетъ и успѣшнѣе чѣмъ когда-либо обращаетъ свои силы на распространеніе и утвержденіе своего владычества надъ неевропейскими странами. Между тѣмъ какъ, во время войнъ за равновѣсіе, одна изъ воюющихъ сторонъ (въ послѣднее время Англія) только отнимала колоніи своихъ непріятелей,—теперь, при свободныхъ, незанятыхъ внутреннею борьбою силахъ, европейское владычество утверждается въ новыхъ, бывшихъ до сихъ поръ независимыми, странахъ. Франція завоевываетъ Алжиръ и утверждаетъ свое преобладаніе въ сѣверной Африкѣ, пріобрѣтаетъ колоніи въ Австраліи; Англія окончательно покоряетъ западный Индѣйскій полуостровъ и переходитъ на западъ за Индъ, а на востокъ—за Брамапутру, савоевывая значительную часть Бирманской имперіи, присвоиваетъ себѣ весь Австралійскій материкъ, Вандименову землю, Новую Зеландію, и даже пробиваетъ брешь въ Китаѣ, которую впослѣдствіи все болѣе и болѣе расширяетъ при содѣйствіи Франціи.

Со вступленіемъ на французскій престолъ Наполеона III, порядокъ, установленный Вѣнскимъ конгрессомъ—рушится. Наполеонъ, будучи наслѣдникомъ имени и преданій своего дяди, не можетъ не стремиться къ возстановленію французской гегемоніи, но избираетъ совершенно иные пути для достиженія этой цѣли, чѣмъ всѣ его предшественники. Онъ хочетъ, сообразно своему характеру, пріобрѣсти ее не завоеваніемъ той или другой страны, представляющей для сего удобства по своему внутреннему разъединенію, а эскамотаціей общественнаго мнѣнія Европы и все болѣе и болѣе проясняющагося сознанія національной самобытности.

Воцареніе Наполеона само по себѣ не нарушало нисколько политическаго равновѣсія Европы. Внутренніе раздоры не нейтрализировали ея силъ. Наполеонъ находитъ для нихъ самый вожделѣнный предметъ внѣшней дѣятельности и замышляетъ прежде всего примирить Европу съ собою, съ своимъ именемъ, представлявшимся ей дурнымъ предзнаменованіемъ. Съ самымъ вѣрнымъ пониманіемъ европейскаго общественнаго мнѣнія, онъ возбуждаетъ Европу какъ бы къ Троянскому походу противъ Россіи, Агамемнономъ котораго онъ самъ становится. Успѣхъ увѣнчиваетъ его предпріятіе, потому что съ русской стороны не оказывается такого же пониманія вещей. Россія не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что она—часть европейской семьи, и не можетъ понять другой мысли, что она—глава славянской семьи. Она продолжаетъ считать себя представительницею и защитницею одной изъ сторонъ европейской жизни, именно легитимистской и антиреволюціонной, и только уже послѣ покидаетъ по неволѣ эту роль, за неимѣніемъ кого представлять и кого защищать. Священный союзъ рушится въ тотъ самый моментъ, какъ только (въ первый разъ съ его основанія) ему приходится оказать свое дѣйствіе на пользу Россіи. Но Россія все-таки не хочетъ придать съ самаго начала войнѣ настоящихъ ея размѣровъ и настоящаго ея значенія, опасаясь быть поставленною въ ряды пособниковъ возмущенія противъ его султанскаго величества.

Какъ бы то ни было, успѣхъ противъ Россіи узакониваетъ, легитимируетъ въ глазахъ Европы—Наполеона. Достигнувъ этой предварительной цѣли, онъ приступаетъ къ первому шагу, который долженъ доставить ему гегемонію въ Европѣ, и избираетъ орудіемъ для сего Италію, подобно большинству своихъ предшественниковъ, германскихъ императоровъ и французскихъ королей но предполагаетъ дѣйствовать, опять-таки, по совершенно новому плану. Онъ намѣревается не покорить, а освободить Италію и, сдѣлавъ изъ нея безсильную федерацію со включеніемъ Австріи и Папы, поставить ее въ полнѣйшую отъ себя зависимость. Но эскамотація не удается, потому что еще болѣе ловкій Кавуръ, при помощи благороднаго энтузіаста Гарибальди, эскамотируетъ у Наполеона единство Италіи. Пришлось удовольствоваться Ниццой и Савоіей.

Такимъ образомъ, вмѣсто утвержденія французской гегемоніи, оказалось, что европейское равновѣсіе получило болѣе широкую

основу. Главная причина, побуждавшая, или (лучше сказать) соблазнявшая честолюбцевъ стремиться къ преобладанію—разъединенность Италіи—замѣнилась независимостью и единствомъ ея, которыя, окрѣпнувъ, сдѣлаются новымъ столбомъ основанной на равновѣсіи силъ европейской политической системы.

Наполеонъ однако не унываетъ: сѣверо-американское междоусобіе представляетъ ему случай загладить обнаружившіяся передъ Европой честолюбивыя стремленія *). Сѣверо-Американскіе штаты, не смотря на все свое республиканство и всю свою свободу, не по сердцу Европѣ, какъ и монархическая Россія. Такое отношеніе выказалось къ нимъ во время испытанія, которому подвергалась могущественная республика въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Между частными лицами симпатіи къ заатлантической республикѣ довольно, правда, развиты; такъ же точно какъ, во времена Екатерины, ея либеральныя мѣры и планы и даже ея побѣды надъ Турками внушали сочувствіе къ Россіи вождямъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Но, какъ тогда передовые политики (Шуазели, Фридрихи) опередили общественное мнѣніе Европы въ недоброжелательствѣ и враждебности къ Россіи; такъ точно и теперь передовые политическіе люди относятся столь же недружелюбно къ Сѣверо-Американскимъ штатамъ. Посему утвержденіе европейскаго могущества на американскомъ материкѣ было бы, конечно, дѣломъ пріятнымъ и угоднымъ Европѣ.

Начиная дѣло, въ которомъ (въ случаѣ успѣха) европейскія симпатіи были бы на его сторонѣ, Наполеонъ имѣлъ собственно въ виду возвысить значеніе латинской расы и стать во главѣ ея, въ той или другой формѣ, имѣя поводъ считать себя ея предопредѣленнымъ представителемъ. Въ самомъ дѣлѣ: по происхожденію итальянецъ съ отцовской, креолъ—съ материнской стороны, французъ такъ-сказать по усыновленію, онъ связанъ по женѣ съ испанскою народностью.

Побѣда Сѣвера разрушила, какъ извѣстно, его планы и надеж-

---

*) **Онъ стремился распространить Европейское вліяніе на Америку Мехиканской экспедиціей, пользуясь междоусобной войной Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Но Штаты заставляютъ Французовъ удалиться, и слѣдовательно внѣевропейское могущество спасаетъ Америку отъ Европейскаго преобладанія.—Тоже долженъ дѣлать и Всеславянскій союзъ.**

ды—и вскорѣ постигла его другая, болѣе горькая неудача. Графъ Бисмаркъ—еще болѣе смѣлымъ и ловкимъ маневромъ, чѣмъ Кавуръ, усыпивъ или обманувъ, какъ его, такъ и многихъ другихъ,—положилъ широкія и прочныя основанія единству Германіи. Сѣмена, посѣянныя Утрехтскимъ миромъ (основаніе Сардинскаго и Прусскаго королевствъ), взросли и принесли наконецъ, плодъ свой сторицею: Италія и Германія вышли изъ своей разъединенности.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ предлоги и соблазны къ нарушенію системы политическаго равновѣсія Европы (основанія которой, какъ мы сказали, лежатъ въ самомъ этнографическомъ составѣ ея и въ топографическомъ характерѣ странъ, занимаемыхъ ея главнѣйшими племенами) одинъ за другимъ постепенно исчезаютъ,—и политическое равновѣсіе, послѣ всякой новой борьбы, все болѣе и болѣе укрѣпляется, становится все болѣе и болѣе устойчивымъ. Чего не могли сдѣлать конгрессы при содѣйствіи коллективной дипломатической мудрости Европы, то устроивается само собою, изъ самыхъ стремленій къ нарушенію естественнаго для Европы политическаго порядка вещей;—и въ настоящее время, въ этомъ отношеніи, можно смотрѣть на него, какъ уже на почти совершенно установившійся, ибо всѣ пять главныхъ европейскихъ народностей достигли и объединенія, и независимости. Возможно и вѣроятно поглощеніе меньшихъ народностей бо̀льшими, какъ-то: Португаліи—Испаніею, раздѣлъ Бельгіи и Голландіи между Франціею и Германіею, объединеніе Скандинавскихъ государствъ; но все это едва-ли въ состояніи произвести общее возмущеніе въ Европейскомъ мірѣ. Собственно говоря, нерѣшеннымъ остается только одинъ существенный вопросъ равновѣсія: примирится ли Франція съ имѣющимъ рано или поздно совершиться расширеніемъ Прусской гегемоніи на юго-западную Германію и на все вообще Германское племя *)?

Но, такъ ли это или не такъ,—для насъ важенъ теперь тотъ несомнѣнный фактъ, что, съ объединеніемъ всѣхъ главныхъ европейскихъ народностей, и слѣдовательно, съ совершеннымъ почти устраненіемъ поводовъ и соблазновъ къ нарушенію политической системы равновѣсія, падаютъ всѣ прежнія препятствія къ распространенію европейскаго владычества надъ прочими частями свѣта.

Дѣйствовавшее съ самаго начала европейской исторіи, сильное

---

*) **Опять, не подтвердилось-ли это?**

своимъ религіознымъ фанатизмомъ и воинственностью магометанство пало вмѣстѣ съ духомъ, одушевлявшимъ послѣдователей этого ученія. Громадность, массивность и отдаленность такихъ политическихъ тѣлъ, какъ Китай и Японія, занимающихъ восточную Азію, утратили свое оборонительное значеніе, съ примѣненіемъ пароходства къ военнымъ цѣлямъ, ибо теперь стало возможнымъ перевозить на противоположное полушаріе массы войскъ достаточно сильныя для быстраго и энергическаго подавленія того сопротивленія, которое они могли бы оказать, и даже доставлять эти войска глубоко внутрь страны по рѣкамъ. Наконецъ, самое дѣйствительное препятствіе къ всемірному владычеству Европы—внутренняя борьба европейскихъ государствъ, за установленіемъ правильныхъ между ними отношеній, тоже устраняется почти полнымъ уже достиженіемъ устойчиваго равновѣсія. Вся честолюбивая дѣятельность Европы (а недостатка въ ней нѣтъ) въ большей и большей степени обратится на то, что̀—не Европа, какъ бывало всегда во времена перемирій во внутренней ея борьбѣ; Drang nach Osten отъ словъ не замедлитъ перейти къ дѣлу.

Къ счастію, по мѣрѣ того, какъ падали только-что поименованныя старыя препятствія къ всемірному владычеству Европы, возникли два новыя, которыя одни только и въ состояніи остановить ее на этомъ пути, положить основаніе истинному всемірному равновѣсію. Эти два препятствія: Американскіе Соединенные Штаты и Россія. Но первые ограничиваются огражденіемъ Новаго Свѣта отъ посягательствъ Европы—и, по своему положенію, они сравнительно мало заинтересованы въ томъ, какъ будетъ она распоряжаться со Старымъ; да, по причинѣ этого же положенія, и не могутъ сами по себѣ оказывать большаго вліянія на этомъ театрѣ дѣйствій. Слѣдовательно, вся тяжесть охраненія равновѣсія силъ въ Старомъ Свѣтѣ лежитъ на плечахъ Россіи. Но, если Американскіе штаты, благодаря своему заокеанскому положенію, совершенно достаточно сильны для успѣшнаго выполненія доставшейся на ихъ долю задачи, нельзя того же сказать о Россіи.

При доказанной долговременнымъ опытомъ непримиримой враждебности Европы къ Россіи, можно смѣло ручаться, что, какъ только Европа устроитъ свои послѣднія домашнія дѣла,—когда новые элементы политическаго равновѣсія ея системы успѣютъ остояться и окрѣпнуть,—перваго предлога (какъ во время Восточной войны) будетъ достаточно для нападенія на Россію; а такихъ предло-

говъ доставятъ всегда въ достаточномъ количествѣ Востокъ и Польша.

Но бороться съ соединенной Европой можетъ только соединенное Славянство. Итакъ, не всемірнымъ владычествомъ угрожаетъ Всеславянскій союзъ, а совершенно напротивъ, онъ представляетъ необходимое и вмѣстѣ единственно-возможное ручательство за сохраненіе всемірнаго равновѣсія, единственный оплотъ противъ всемірнаго владычества Европы. Союзъ этотъ былъ бы не угрозою кому бы то ни было, а мѣрою чисто оборонительною— не только въ частныхъ интересахъ Славянсва, но и всей вселенной. Всеславянскій союзъ имѣлъ бы своимъ результатомъ не всемірное владычество, а равный и справедливый раздѣлъ власти и вліянія между тѣми народами или группами народовъ, которые въ настоящемъ періодѣ всемірной исторіи могутъ считаться активными ея дѣятелями: Европою, Славянствомъ и Америкою, которыя сами находятся въ различныхъ возрастахъ развитія.

Сообразно ихъ положенію и общему направленію, принятому ихъ разселеніемъ и распространеніемъ ихъ владычества,—власти или вліянію Европы подлежали бы преимущественно Африка, Австралія и южные полуострова Азіатскаго материка; Американскимъ Штатамъ—Америка; Славянству—западная, средняя и восточная Азія, т. е. весь этотъ материкъ за исключеніемъ Аравіи и обоихъ Индѣйскихъ полуострововъ.

Но, возразятъ намъ, всемірное владычество Европы совсѣмъ не то, что̀ всемірная монархія—этотъ страшный врагъ прогресса; ибо Европа не одно государство, а собраніе совершенно независимыхъ государствъ. Такой взглядъ на опасности, которыми угрожаетъ всемірное владычество, былъ бы крайне близорукъ. Всемірная-ли монархія, всемірная-ли республика, всемірное ли господство одной системы государствъ, одного культурно-историческаго типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивнаго хода исторіи, въ единственно-справедливомъ смыслѣ этого слова; ибо, опасность заключается не въ политическомъ господствѣ одного государства, а въ культурномъ господствѣ одного культурно-историческаго типа, каково-бы ни было его внутреннее политическое устройство. Настоящая, глубокая опасность заключается именно въ осуществленіи того порядка вещей, который составляетъ идеалъ нашихъ западниковъ: въ воцареніи не мнимой, а дѣйствительной, столь любезной имъ общечеловѣческой цивилизаціи. Это

было бы равнозначительно прекращенію самой возможности всякаго дальнѣйшаго преуспѣянія или прогресса въ исторіи—внесеніемъ новаго міросозерцанія, новыхъ цѣлей, новыхъ стремленій, всегда коренящихся въ особомъ психическомъ строѣ выступающихъ на дѣятельное поприще новыхъ этнографическихъ элементовъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ—стоитъ только обратиться къ сокровищницѣ историческаго опыта. Представимъ себѣ, что владычество Римлянъ было бы всемірнымъ, не въ гиперболическомъ, а въ дѣйствительномъ смыслѣ. За отсутствіемъ внѣшняго толчка, который ускорилъ бы разложеніе громаднаго римскаго культурно-историческаго типа, пришедшаго въ гніеніе вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, и развѣялъ бы по всѣмъ вѣтрамъ поднимавшіеся изъ него заразительные міазмы,—откуда явилось бы обновленіе? Само христіанство не могло влить новой жизни въ это испортившееся тѣло, и успѣло только выказать свою несовмѣстимость съ римскимъ порядкомъ вещей. Самъ божественный Основатель его не сказалъ-ли, что вино новое не вливается въ мѣха старые, ибо и мѣха лопнутъ, и вино прольется? Не все-ли было равно въ этомъ единственно-существенномъ отношеніи, составлялъ-ли бы Римъ монархію, республику, или даже просто рядъ связанныхъ между собою (или даже несвязанныхъ) какою-либо опредѣленною политическою связью государствъ? Не одинаковы-ли были въ сущности послѣдствія разложенія греческаго культурнаго типа, хотя онъ и былъ разбитъ на многія независимыя другъ отъ друга политическія единицы: царства Македонское, Сирійское, Египетское, греческія республики и даже республиканскія федераціи? Не видимъ-ли мы напротивъ того, что тамъ, гдѣ (какъ въ Китаѣ) не происходило разрушенія древнихъ переживишхъ себя культуръ, обновленіе не приходило извнутри? Въ устарѣвшихъ политическихъ тѣлахъ, точно такъ какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, съ изсякновеніемъ родника живыхъ силъ остается одна лишь форма, за которую они хватаются, какъ за священный ковчегъ завѣта, и въ охраненіи ея во что бы то ни ни стало—видятъ свое единственное спасеніе.

Ни отдѣльные люди, ни цѣлые народы не могутъ въ старости переродиться и начать жить инымъ образомъ, исходить изъ новыхъ началъ, стремиться къ другимъ цѣлямъ,—что̀, какъ мы видѣли, есть необходимое условіе прогресса. Слѣдовательно, для того, чтобы культуродная сила не изсякла въ человѣческомъ родѣ

вообще, необходимо, чтобы носителями ея являлись новые дѣятели, новыя племена, съ инымъ психическимъ строемъ, иными просвѣтительными началами, инымъ историческимъ воспитаніемъ; а слѣдовательно, надо мѣсто, гдѣ могли бы зародиться эти сѣмена новаго,—надо, чтобы не было все подчинено вліянію, а тѣмъ менѣе власти одного культурно-историческаго типа. Большей клятвы не могло бы быть наложено на человѣчество, какъ осуществленіе единой общечеловѣческой цивилизаціи. Всемірное владычество должно, слѣдовательно, страшить не столько своими политическими послѣдствіями, сколько культурными. Не въ томъ дѣло, чтобы не было всемірнаго государства, республики или монархіи, а въ томъ, чтобы не было господства одной цивилизаціи, одной культуры, ибо это лишило бы человѣческій родъ одного изъ необходимѣйшихъ условій успѣха и совершенствованія, — элемента разнообразія.

Итакъ, мы можемъ сказать съ полной увѣренностію, что Всеславянскій союзъ не только не угрожаетъ всемірнымъ владычествомъ, но есть единственное предохраненіе отъ него. Но возможно ли устойчивое существованіе такого союза, или, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь продолжительное существованіе его? Не показываетъ-ли историческій опытъ, что бо̀льшая часть федерацій были весьма недолговѣчны и притомъ не пользовались большою политическою силою? Если вникнуть въ условія этой слабости и недолговѣчности, то легко усмотрѣть, что на это существовали всегда особыя причины, заключавшіяся не въ самой федеративной формѣ, а въ какихъ либо случайныхъ недостаткахъ, зависѣвшихъ отъ того, что форма несоотвѣтствовала своему содержанію,—при чемъ, конечно, никакая форма долговѣчною и устойчивою быть не можетъ, а такъ-сказать по необходимости разрывается содержаніемъ, или-же задушаетъ его.

Мы уже опредѣлили выше тѣ данныя, которыми обусловливается возможность и пригодность федеративнаго устройства. Мы только вкратцѣ припомнимъ ихъ читателямъ, такъ какъ они несложны и могутъ быть выражены въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ.

Одинъ и тотъ же народъ не можетъ *) составлять федераціи, если не удаленъ отъ своихъ сосѣдей трудно-преодолимыми физи-

*) **И не долженъ.**

ческими препятствіями, какъ-то: обширными морями, высокими хребтами горъ, и т. п.

Не могутъ составлять постоянной федераціи народы, не связанные племеннымъ сродствомъ.

Смотря по отношеніямъ, существующимъ между этнографическими элементами, составляющими федерацію, она должна быть устроена или по типу равновѣсія частей, или по типу гегемоніи.

Наконецъ, федерація при дуалистическомъ типѣ невозможна — она быстро уничтожаетъ сама себя.

Всѣ неудачи, которымъ подвергались федераціи, подводятся подъ эти причины. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли единый Нѣмецкій народъ въ Германскомъ союзѣ, раздѣленный по разнымъ королевствамъ, герцогствамъ и княжествамъ единственно вслѣдствіе историческихъ случайностей, довольствоваться федеративною формою, не имѣющею никакихъ внутреннихъ основъ и причинъ бытія, а между тѣмъ обрекавшею его на относительную слабость и безпомощность среди окружавшихъ его, крѣпкихъ своею политическою централизаціею сосѣдей? Съ другой стороны, могло ли это чисто искусственное дипломатическое зданіе воздержать перваго честолюбца, чувствующаго свои силы и умѣющаго отдать предпочтеніе сущности вещей (хотя бы неоформленной) передъ пустою имѣющею лишь внѣшнюю условную обязательность) формою? Еще менѣе залоговъ долговѣчности представляла эта федерація по причинѣ дуалистической формы, при которой Пруссія должна была стараться исключить Австрію, а Австрія низвести Пруссію въ разрядъ второстепенныхъ или третьестепенныхъ государствъ, дабы достигнуть черезъ это безспорной гегемоніи.

Древняя Греція могла держаться въ федеративной формѣ пока географическое положеніе и слабость сосѣдей обезпечивали ее отъ внѣшнихъ враговъ. Но и тутъ, главная причина ослабленія ея политическаго могущества и наконецъ уничтоженія ея независимости заключалась въ дуализмѣ Спарты и Аѳинъ; тогда какъ этнографическій составъ Герціи требовалъ въ началѣ—устройства федераціи по типу равновѣсія частей, а послѣ — тѣснаго сближенія съ Македоніей, добровольнаго и сознательнаго подчиненія ея гегомоніи.

Напротивъ того, Швейцарія весьма устойчиво сохраняетъ свое федеративное устройство, ибо природой страны обезпечена отъ внѣшнихъ нападеній, и утверждена въ своей независимости обще-

признаннымъ нейтралитетомъ; а устройство ея по типу равновѣсія съ достаточною удовлетворительностью соотвѣтствуетъ дѣйствительному распредѣленію силъ по кантонамъ.

Америкѣ прилична федеративная форма, потому что самое географическое положеніе уже обезпечиваетъ ея независимость, а невыяснившаяся еще народность, находящаяся въ періодѣ своего этнографическаго образованія, дѣлаетъ возможною всякую провизуарную форму государственности, которой еще не съ чѣмъ сообразоваться.

Если примѣнимъ эти требованія къ Славянству, то легко убѣдимся, что этнографическія стихіи его именно таковы, что никакая форма политическаго соединенія, кромѣ федеративной, не можетъ ихъ удовлетворить. Притомъ, сосѣдство могущественной и враждебной Европы заставляетъ принять форму тѣснаго федеративнаго соединенія, а сравнительная сила славянскихъ племенъ, также какъ и историческое воспитаніе, и пріобрѣтенная вслѣдствіе его Россіею политическая опытность — съ такою очевидностью требуютъ гегемоническаго типа федераціи, что относительно этого можетъ возникнуть сомнѣніе только въ головахъ обезнародившейся, оторванной отъ всякой дѣйствительной почвы, польской шляхты.

Такимъ образомъ, всѣ внутреннія и внѣшнія условія соединяются для доставленія устойчивости и долговѣчности именно федеративной формѣ устройства Славянскаго міра.

Но пусть, при всемъ этомъ, политическій союзъ Славянъ будетъ недолговѣченъ, пусть вѣкъ его ограничится тѣмъ же сравнительно короткимъ срокомъ, который выпалъ на долю покойнаго Германскаго Союза.

Это допустимо безъ особеннаго вреда для Славянства, если въ теченіи этого времени самобытность и независимость его успѣетъ получить признаніе со стороны теперешнихъ его враговъ, — если враждебность Европы къ независимому самобытному Славянству прекратится, будетъ ли то по сознательной необходимости примириться съ разъ осуществившимся фактомъ, или по сознанію своей слабости ниспровергнуть его. Пусть приметъ тогда Славянство болѣе просторную форму политической связи между своими членами, пусть обратится изъ тѣснаго федеративнаго союза въ политическую систему государствъ одного культурнаго типа. Главная цѣль его (которая—не политическая, а культурная) будетъ уже достигнута: общія соединенныя усилія для достиженія независи-

мости и самобытности, такъ же какъ и продолжительное сожительство, такъ сказать, подъ одною политическою кровлею, разольютъ по всѣмъ слоямъ общества разныхъ славянскихъ народовъ чувство и сознаніе соединяющаго ихъ племеннаго родства.

Съ другой стороны, продолжительная, многократно возобновляющаяся борьба съ Европой, безъ которой не можетъ осуществиться судьба Славянства, посѣетъ спасительное отчужденіе отъ того, что̀ идетъ отъ враговъ, и тѣмъ болѣе заставитъ цѣнить и любить свое родное, исконно-славянское. Если бы такое отношеніе къ чуждому европейскому и своему славянскому и перешло даже должную мѣру справедливости, перешло въ исключительность и патріотическій фанатизмъ; то на время и это было бы въ высшей степени благодѣтельно и цѣлебно, послѣ столь долговременнаго искривленія нормальныхъ отношеній въ противоположную сторону. Такъ, чтобы выпрямить дерево, которое долго гнулъ вѣтеръ въ одну сторону, надо насильственно перегибать его въ другую. Поэтому, борьба Славянства съ Европой, — этотъ послѣдній, все ближе и ближе надвигающійся, все болѣе и болѣе созрѣвающій фазисъ Восточнаго вопроса,—имѣетъ, думаемъ мы, столь же важное значеніе, какъ и торжество Славянства и утвержденіе его независимости и самобытности *).

Затѣмъ, необходимымъ плодомъ политическаго объединенія Славянства явился бы общій языкъ, которымъ не можетъ быть иной, кромѣ русскаго; онъ успѣлъ бы пріобрѣсти должное господство для того, чтобы между всѣми членами славянской семьи могъ происходить плодотворный обмѣнъ мыслей и взаимнаго культурнаго вліянія.

Такимъ образомъ, существенное единство было бы достигнуто; а съ достиженіемъ внутренняго содержанія, форма много бы потеряла важности и значенія, — если только, повторяю я, обстоятельства такъ бы сложились, что эта форма перестала бы быть необходимою оградою и обороною сущности.

---

*) И этотъ фазисъ уже начался съ послѣдней турецкой войны. Но Россія, дурно ведя войну съ начала, послѣ значительнаго истощенія своихъ финансовыхъ и военныхъ силъ, послѣ многихъ сдѣланныхъ ошибокъ, не рѣшилась на эту борьбу и приняла постыдный Берлинскій миръ, вредное вліяніе котораго доселѣ продолжается. Но своими послѣдствіями онъ неизбѣжно приведетъ къ этой борьбѣ.

Многіе истинные и искренніе друзья Славянства и теперь видятъ главное въ этой сущности, такъ что стремленія и желанія ихъ клонятся только къ достиженію духовнаго единства возведеніемъ русскаго языка въ общій языкъ науки, искусства и международныхъ сношеній между всѣми Славянскими народами. Говоря безотносительно, мы совершенно раздѣляемъ ихъ образъ мыслей, но полагаемъ только, что такой взглядъ на предметъ совершенно непрактиченъ: именно потому, что духовное единство есть главное, существенное, высшее, политическое же объединеніе—сравнительное низшее. Это низшее и должно быть прежде всего достигнуто, дабы высшее могло осуществиться; съ низшаго нужно начинать, такъ какъ это фундаментъ.

Мнѣ кажется, что возведеніе русскаго языка въ общеславянскій, пока славянскія племена не освобождены политически (пока они составляютъ части постороннихъ чуждыхъ политическихъ тѣлъ и принуждены собою питать, укрѣплять и поддерживать эти тѣла), съ одной стороны — дѣло столь же мало осуществимое, какъ извѣстный способъ ловить птицъ, посыпавъ имъ соли на хвостъ; съ другой же—мало полезное, если бы и было осуществимо. Доказательствомъ этому послѣднему можетъ служить Галиція, гдѣ (по самому племенному составу ея жителей) Русскій языкъ есть языкъ народный,—и что̀ же, можно ли довольствоваться такимъ единствомъ? Несмотря на единство языка, существуетъ ли настоящее единеніе между Россіей и Галиціей? Да и самому языку этому не угрожаетъ ли постоянная опасность: то отъ разныхъ искаженій правительственно въ него вводимыхъ или поддерживаемыхъ, то обращеніемъ его въ языкъ какихъ-то парій, который устраненъ отъ науки, отъ литературы, отъ всѣхъ высшихъ проявленій человѣческой мысли?

Нѣсколько лѣтъ общей борьбы, въ простомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, — борьбы, веденной за одно и то же святое дѣло, нѣсколько лѣтъ политическаго сожительства сдѣлаютъ больше для духовнаго единства Славянъ, для возведенія русскаго языка въ общеславянское средство обмѣна чувствъ и мыслей, нежели столѣтія самыхъ напряженныхъ, неустанныхъ усилій путемъ частныхъ совѣщаній, изустныхъ и печатныхъ проповѣдей.

При политической разъединенности, сознаніе потребности въ общемъ языкѣ можетъ быть только чисто идеальнымъ, къ которому могутъ быть способны лишь немногіе избраннѣйшіе люди

Славянства, да и изъ нихъ только тѣ, которые, или по рѣдкой свѣтлости своего взгляда, по горящему въ нихъ глубокому народному чувству, или по особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ развитія, не поддаются разъѣдающему Славянство европейскому вліянію. Напротивъ того, политическое объединеніе обратитъ распространеніе русскаго языка по всему Славянству въ насущную, будничную потребность не однихъ только высоко образованныхъ и развитыхъ личностей, не однихъ ученыхъ или литераторовъ, а всякаго практическимъ дѣломъ занимающагося человѣка. Самыя простыя мѣры, принятыя къ обученію въ школахъ русскому языку, могутъ въ немного лѣтъ доставить ему то же распространеніе, то же господство, которое получилъ нѣмецкій языкъ между австрійскими, турецкій—между турецкими, и которое безъ сомнѣнія скоро получитъ мадьярскій между венгерскими Славянами.

Какъ велико значеніе политическаго объединенія для распространенія языка между инородцами, даже враждебно расположенными къ языку господствующаго племени, можно видѣть на примѣрѣ поляковъ нашихъ западныхъ губерній и прибалтійскихъ нѣмцевъ. Несмотря на недостаточность и даже ошибочность мѣръ, которыя принимались русскимъ правительствомъ для водворенія русскаго языка между высшими сословіями западной Россіи и Балтійскихъ губерній,—не смотря также на систематическую оппозицію поляковъ и нѣмцевъ принять русскій языкъ языкомъ школы и администраціи,—онъ все-таки извѣстенъ большинству ихъ, и во всякомъ случаѣ распространенъ между ними въ несравненно большей степени, чѣмъ между самыми дружественно расположенными къ намъ славянскими племенами Австріи и Турціи. Какъ же быстро должно распространиться знаніе русскаго языка въ Славянскихъ земляхъ послѣ ихъ освобожденія и политическаго союза съ Россіей, гдѣ мѣсто враждебности займетъ дружественное расположеніе, которое безъ сомнѣнія еще значительно усилится, когда Славянамъ будетъ подана братская рука помощи для завоеванія ихъ свободы и утвержденія нашего общаго величія, славы и благоденствія!

Еще одно соображеніе: тѣ ревнители и друзья Славянства, которые для укрѣпленія славянскаго общенія желали бы ограничиться чисто нравственнымъ образомъ дѣйствія (какому образу мыслей было представлено довольно примѣровъ на знаменитомъ славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ и Петербургѣ), утверждаютъ свой взглядъ на томъ, что славянскія идеи еще мало проникли какъ

въ наше, такъ и въ западныя славянскія общества. По ихъ мнѣнію, общеніе научное, литературное, такъ сказать союзъ славянскихъ душъ и сердецъ заключается въ высшей, сверхполитической сферѣ, и къ нему только и должно стремиться. Я знаю, что многіе изъ выражавшихся въ этомъ духѣ изустно и письменно, накладывали узду на свою мысль и слово изъ за внѣшнихъ соображеній, ради разнаго рода благоприличій; но нѣкоторые искренно такъ думаютъ. Такое эѳирное общеніе и единеніе душъ и сердецъ можетъ дѣйствительно существовать въ одной сферѣ человѣческихъ отношеній, но только въ одной — въ той, которая выше всего земнаго: въ сферѣ религіозной. Но интересъ народный, какъ онъ ни возвышенъ, хотя идетъ непосредственно послѣ интереса религіознаго, есть все-таки интересъ вполнѣ и совершенно земной, и долженъ быть достигаемъ и средствами болѣе положительнаго, земнаго и матеріальнаго свойства.

Славянство, говорятъ, еще не подготовлено къ политическому объединенію; племенныя распри раздѣляютъ его; понятія его объ Россіи самыя смутныя и даже можетъ быть отношенія къ ней недовѣрчивыя. Но оно никогда и не подготовится, никогда не оставитъ своихъ личныхъ споровъ и соперничествъ, никогда не пойметъ и не узнаетъ Россіи, однимъ словомъ, никогда не дозрѣетъ, если не будетъ выдвинуто силою событій изъ своей мелочной атмосферы на всемірно-историческую арену великимъ историческимъ толчкомъ. Думать, что педагогическую роль исторіи, для западныхъ Славянъ, точно такъ же какъ и для насъ самихъ, можно замѣнить изустною или письменною пропагандою, — значитъ не понимать истинной мѣры своихъ собственныхъ силъ и силъ своихъ противниковъ, принимать борьбу (долженствующую рѣшить нашу судьбу) на самомъ невыгодномъ для насъ театрѣ дѣйствій.

Не должно обманываться: на поприщѣ вліянія на общественное мнѣніе, въ борьбѣ словомъ, происками, соблазнами, Европа несравненно сильнѣе и дѣятельнѣе насъ, по весьма простымъ и понятнымъ причинамъ. Всѣ поприща дѣятельности въ Европѣ переполнены интеллектуальными силами; дабы существовать, онѣ должны эмигрировать, эксплуатировать еще дѣвственныя страны, каковъ Востокъ. Въ одномъ Константинополѣ — цѣлая обширная колонія европейскихъ купцовъ и промышленниковъ, и всѣ они — вольные и невольные пропагандисты европейской идеи, даже если вовсе и не сознаютъ ея. У насъ, между тѣмъ, — недостатокъ

въ этихъ силахъ, къ какому бы поприщу мы ни обратились. Мы не можемъ ничего удѣлить изъ нихъ для проповѣди русской идеи.

Этого мало. Европа имѣетъ двухъ пособниковъ для проведенія ея цѣлей и плановъ на Востокѣ, два разряда организованнаго миссіонерства: католическое духовенство (преимущественно іезуитство) и революціонную эмиграцію (въ особенности польскую). Чтó противопоставимъ мы имъ? Всякій иностранный правительственный агентъ—вмѣстѣ съ тѣмъ пропагандистъ европейскаго вліянія, все равно какого бы образа мыслей онъ ни держался, къ какой бы партіи ни принадлежалъ; ибо, какъ бы глубоко они ни раздѣлялись между собою, раздѣленіе это не доходитъ до отрицанія Европейской идеи. Клерикалъ, ультрамонтанъ можетъ въ этомъ отношеніи смѣло подать руку самому красному демократу и соціалисту. То ли у насъ? Нашъ консулъ или вообще правительственный агентъ (по самой нашей служебной организаціи) есть только официальный чиновникъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣятелемъ русской пропаганды,—уже по одному тому, что это подало бы поводъ къ безконечнымъ толкамъ и клеветамъ, и сейчасъ же обратило бы на себя вниманіе какъ турецкаго, такъ и австрійскаго правительствъ.

Надо-ли говорить о томъ, что самыя литературы, нѣмецкая, французская, англійская, имѣютъ несравненно большее вліяніе на Славянъ, чѣмъ русская,—уже по большему распространенію между ними европейскихъ языковъ, изъ коихъ нѣмецкій есть официальный языкъ для большинства Славянъ.

Поэтому, открытая борьба, которая возбудитъ, какъ съ нашей, такъ и съ славянской стороны, могущественныя симпатіи единовѣрія и единоплеменности, скрывающіяся въ глубинѣ духа самихъ народныхъ массъ, симпатіи, въ сравненіи съ которыми всѣ тѣ пути, коими происки и соблазны Европы втекаютъ къ Славянскимъ народамъ,—все равно, чтó тихо журчащіе ручейки передъ всколыхавшимся моремъ,—быстро перевернетъ всѣ выгоды на нашу сторону. Ими надо только съумѣть воспользоваться, да и этому нужда научитъ.

Борьба съ Западомъ—единственное спасительное средство, какъ для излѣченія нашихъ русскихъ культурныхъ недуговъ, такъ и для развитія общеславянскихъ симпатій, для поглощенія ими мелкихъ раздоровъ между разными славянскими племенами и направленіями. Уже назрѣвшій Восточный вопросъ дѣлаетъ борьбу эту

помимо чьей бы то ни было воли, неизбѣжною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Вѣроятности успѣха въ этой борьбѣ должны составить предметъ слѣдующей главы; но прежде считаемъ необходимымъ оговориться. Положительная оцѣнка тѣхъ силъ, которыми въ данное время можетъ владѣть Россія, и сравненіе ихъ съ силами вѣроятныхъ враговъ нашихъ—не можетъ входить въ число нашихъ соображеній; ибо въ этомъ дѣлѣ, какъ само собою разумѣется, мы совершенно не компетентны, да едва-ли и кто-нибудь можетъ считать себя компетентнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о міровой борьбѣ, предстоящей, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и въ близкомъ, но все-таки въ неопредѣленномъ будущемъ. Наше дѣло можетъ состоять не въ исчисленіи русскихъ армій и флотовъ, оцѣнкѣ ихъ устройства, вооруженія и тому подобнаго, а только въ разсмотрѣніи кроющихся въ Россіи элементовъ силы, какъ они высказались въ явленіяхъ ея исторіи, и въ анализѣ того образа дѣйствій, котораго она должна держаться для обезпеченія себѣ вѣроятнаго успѣха.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

БОРЬБА.

—«Кто ни попъ—тотъ батька».
(*Русская пословица*).

Одна лишь выгода изъ сего (изъ войны 1799 года) произошла—та, что сею войною разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мною согласны, что Россія съ прочими державами не должно имѣть иныхъ связей кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія и новыя связи, но все сіе можетъ быть случайно, временно. Графъ *В. Ѳ. Растопчинъ*.

Святая истина!
Императоръ *Павелъ*.

Рано или поздно, хотимъ-ли или не хотимъ, но борьба съ Европою (или по крайней мѣрѣ съ значительнѣйшею частью ея) неизбѣжна изъ-за Восточнаго вопроса, т. е. изъ-за свободы и независимости Славянъ, изъ-за обладанія Царградомъ,—изъ-за всего того, что̀, по мнѣнію Европы, составляетъ предметъ незаконнаго честолюбія Россіи, а по мнѣнію каждаго русскаго, достойнаго этого имени, есть необходимое требованіе ея историческаго призванія. Можно медлить, отдалять по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, какъ съ нашей, такъ и съ европейской стороны, грозный часъ наступленія борьбы; но она не можетъ быть устранена иначе, какъ если или Европа почувствуетъ всю справедливость славянскихъ требованій и добровольно уступить имъ, на что, какъ по всему

видно, весьма мало надежды; или если Россія, какъ говорятъ враги ея, дѣйствительности окажется

«Больной, разслабленный колоссъ», *)

разслабленный нравственно, переставшій внимать не только голосу народной чести, но и самымъ громкимъ побужденіямъ инстинкта самосохраненія, готовый отказаться отъ всѣхъ преданій своей исторіи, отречься отъ самаго смысла своего существованія. Но и этого мало. Если бы Россія даже дошла до такой степени униженія, оно было бы слишкомъ невѣроятно, чтобы ему повѣрили: въ немъ увидали бы притворство и уловку, и насъ все-таки не оставили бы въ покоѣ.

Самый процессъ этой неизбѣжной борьбы, а не одни только ея желанные результаты, какъ это не разъ уже было высказано нами, считаемъ мы спасительнымъ и благодѣтельнымъ, ибо только эта борьба можетъ отрезвить мысль нашу, поднять во всѣхъ слояхъ нашего общества народный духъ, погрязшій въ подражательности, въ поклоненіи чужому, зараженный тѣмъ крайне опаснымъ недугомъ, который мы назвали европейничаньемъ. Насъ обвинятъ, можетъ быть, въ проповѣди вражды, въ восхваленіи войны. Такое обвиненіе было бы несправедливо: мы не проповѣдуемъ войны— уже по одному тому, что такая проповѣдь была бы слишкомъ смѣшна изъ нашихъ слабыхъ устъ; мы утверждаемъ лишь, и не только утверждаемъ, но и доказываемъ, что борьба неизбѣжна, и полагаемъ, что хотя война очень большое зло, однако же не самое еще большее,—что есть нѣчто гораздо худшее войны, отъ чего война и можетъ служить лѣкарствомъ, ибо «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ».

Считая борьбу съ Европою неизбѣжною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, мы полагаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на то, какіе залоги имѣются у насъ на успѣхъ въ этой борьбѣ, каковы вѣроятности удачи,—въ чемъ заключаются средства, на которыя мы можемъ разсчитывать,—каковъ долженъ быть нашъ образъ дѣйствій, дабы обезпечить за собою вѣроятность успѣха. Очевидно, что для этого намъ предстоитъ разсмотрѣть и оцѣнить какъ наши внутреннія—нравственныя и матеріальныя силы, такъ и тотъ путь, которому должны мы слѣдовать въ нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому спеціаль-

*) Увы! начинаетъ оказываться. *Посмертн. примѣч.*

ному предмету настоящей главы, мы остановимся на одномъ общемъ историческомъ соображеніи, которое громко говоритъ въ нашу пользу, обѣщая намъ успѣхъ, потому что успѣхъ этотъ, такъ сказать, лежитъ въ общемъ направленіи историческаго тока событій.

Слово „законъ", въ примѣненіи къ разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, имѣетъ весьма различное значеніе и достоинство. Въ нѣкоторыхъ немногихъ точныхъ наукахъ онъ есть правило, выражающее собою весьма простое отношеніе, которому необходимо слѣдуетъ цѣлая обширная категорія явленій,—и притомъ правило, не только постижимое умомъ, но необходимо вытекающее изъ его требованій. Къ этимъ законамъ примѣняется изрѣченіе Гёте: „Was der Geist verspricht, das hält die Natur". Таковъ, напримѣръ, знаменитый законъ всемірнаго тяготѣнія. Другіе законы суть гипотетическія положенія, внутренней необходимости которыхъ мы не сознаемъ, можетъ быть потому, что умъ нашъ слишкомъ слабъ для постиженія этой необходимости. Но положенія эти, будучи, однако-же, разъ приняты, удовлетворительно изъясняютъ цѣлый рядъ явленій. Таковъ, напримѣръ, химическій законъ атомизма, оптическій законъ волнообразнаго движенія эѳира. Оба эти разряда законовъ не только составляютъ норму, съ которою явленія сообразуются, но еще и объясняютъ ихъ.

Въ наукахъ съ болѣе сложнымъ предметомъ, каковы всѣ науки о человѣкѣ и обществѣ, подъ именемъ законовъ разумѣется просто частое повтореніе явленій, для которыхъ мы не можемъ придумать даже и гипотетическаго объясненія. Такъ, напримѣръ, статистика показываетъ намъ, что число раждающихся мальчиковъ находится въ постоянномъ отношеніи къ числу раждающимся дѣвочекъ. Законы, которые успѣли подсмотрѣть въ морфологіи организмовъ, подходятъ также подъ этотъ разрядъ. Такъ, напримѣръ, со временъ Аристотеля говорится, что животныя съ раздвоенными копытами не имѣютъ верхнихъ переднихъ зубовъ, имѣютъ отрыгающій жвачку желудокъ и, съ небольшими исключеніями, рога на лбу. Но почему это такъ? гдѣ внутренняя причина этихъ явленій? гдѣ хотя бы гипотетическое имъ объясненіе?

Въ этомъ послѣднемъ, болѣе тѣсномъ и ограниченномъ смыслѣ можемъ мы слѣдовательно назвать законами такія историческія явленія, которыя неизмѣнно повторяются съ самаго начала исторіи, при весьма различныхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятель-

ствахъ, указывая этимъ на какой-то неизвѣстный, присущій историческому движенію планъ.

На одно изъ такихъ историческихъ повтореній (или, пожалуй, историческихъ законовъ) желаемъ мы обратить теперь вниманіе. Законъ этотъ, который можно назвать закономъ сохраненія запаса историческихъ силъ, проявляется въ слѣдующемъ: въ началѣ исторіи народа, еще въ этнографическій періодъ его развитія, или вскорѣ по выходѣ изъ него, обыкновенно случается, что нѣкоторая его часть, находясь въ особенно выгодныхъ географическихъ условіяхъ и въ близкихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ достигшими болѣе высокой степени культуры сосѣдними народами, находится въ благопріятныхъ условіяхъ для скороспѣлости, съ ея выгодными и невыгодными сторонами. Въ этой части племени развивается самородное или заимствованное посвѣщеніе, или по крайней мѣрѣ зачатки его,—начинается, а иногда и достигаетъ высшей степени совершенства, религіозная, политическая, культурная жизнь. Но основаніе, на которомъ построено это развитіе непрочно,—ибо корни его не распространяются по всему этнографическому тѣлу, которое одно могло бы придать имъ крѣпость и устойчивость,—и потому, внѣшнія бури часто угрожаютъ гибелью этому первоцвѣту. Между тѣмъ, остальная часть племени, подъ охранительнымъ покровомъ могучей природы (лѣсовъ, степей, горныхъ хребтовъ) продолжаетъ вести свою тихую, по большей части еще племенную, этнографическую жизнь, не расточая, а все еще скопляя элементы будущей силы. Расположившись на границахъ области распространенія своего племени, эта запасная часть его часто вливаетъ свою кровь, свою жизнь, свой духъ въ чуждыя инородческія племена, въ сосѣдствѣ и даже въ перемежку съ которыми онъ живетъ,—мало по малу уподобляетъ ихъ себѣ и, такимъ образомъ составляетъ обширный запасъ силъ, какъ бы политическій и культурный резервъ, которой въ свое время явится на выручку своихъ аванпостовъ, когда въ нихъ станетъ изсякать внутренній источникъ жизни, или сломятъ ихъ внѣшнія бури. Этимъ доставляется возможность—общеплеменной жизни глубже проникнуть, шире раскинуться и зацвѣсти въ болѣе широкихъ размѣрахъ, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ. Этотъ законъ имѣетъ и другое, болѣе общее значеніе, относясь къ обновленію высшихъ, такъ-сказать культурныхъ, общественныхъ классовъ свѣжими силами, притекающими изъ низ-

шихъ, такъ сказать этнографическихъ общественныхъ классовъ. Въ такой общественной формѣ явленіе это обращало на себя нерѣдко вниманіе изслѣдователей и составляетъ даже родъ этнографической аксіомы. Но на его чисто историческую сторону, сколько мнѣ извѣстно, едва-ли было обращено вниманіе.

Первый ясный примѣръ этого явленія, столько разъ имѣвшаго въ послѣдствіи повториться, представляетъ намъ древняя исторія западной Азіи. Мидійское царство, основанное народомъ, принадлежащимъ къ иранскому культурному типу, достигло извѣстной степени цивилизаціи подъ вліяніемъ Вавилонской образованности и съ тѣмъ вмѣстѣ утратило свой народный характеръ, и потому быстро клонилось къ упадку и разложенію, въ которомъ находилась уже эта древняя семитическая культура. Племя Персовъ, воинственное и полудикое, еще сохранившее иранскій типъ, покоривъ Мидію, вдохнуло новыя силы въ иранскія племена и соединило ихъ въ огромную монархію, составляющую цвѣтущій періодъ иранскаго культурно-историческаго типа, непродолжительность котораго опять-таки зависѣла отъ разъѣдающаго вавилонизма,—тѣмъ сильнѣйшаго, что самые центры вавилонской культуры были включены въ составъ государства.

Второй примѣръ представляетъ намъ исторія Греціи. Греческая жизнь развилась до своего блестящаго цвѣта въ столь благопріятныхъ для культуры мѣстностяхъ Пелопонеза и Эллады, подъ возбудительнымъ вліяніемъ Египта и Финикіи, съ которыми могла стоять въ довольно близкихъ отношеніяхъ черезъ посредство перекинутыхъ, какъ мостъ, многочисленныхъ островковъ. Внутренніе раздоры и вообще отсутствіе здраваго политическаго смысла быстро приводили въ упадокъ благосостояніе Греціи, приготовляя ее въ добычу перваго сильнаго политическаго тѣла, которому бы она встрѣтилась на пути. Но среди дикой горной страны жилъ, внутренне укрѣпляясь, до поры до времени внѣ политической и культурной исторической сферы, остатокъ греческаго племени въ смѣшеніи съ инородческими элементами, которые онъ эллинизировалъ. Изъ Македоніи былъ поданъ Греціи якорь спасенія Филиппомъ. Слившись съ родственною Македоніею, подчинившись добровольно и сознательно ея гегемоніи, Греція могла бы—по всѣмъ вѣроятіямъ—продолжать жить самобытною жизнію, не опасаясь самаго Рима.

Парѳяне, также иранское племя, обитавшее на границахъ Ски-

оіи и въ смѣшеніи съ скиѳскими элементами, и находившееся внѣ предѣловъ исторической жизни въ блестящее время Персидской монархіи, подобнымъ же образомъ высвобождаютъ изъ-подъ Греко-Македонскаго вліянія восточную часть завоеваній Александра, охраняютъ ее отъ Римлянъ,—и тѣмъ даютъ возможность новому возрожденію иранской культуры во времена Сассанидовъ.

Переходя къ такъ-называемымъ новымъ временамъ, мы видимъ загнанныхъ въ горы испанскихъ Готовъ, кладущихъ основаніе освобожденію своего отечества отъ власти Мавровъ и подготовляющихъ блескъ и величіе новой Испаніи.

На равнинахъ Россіи первыя сѣмена гражданственности и образованности развиваются въ Поднѣпровьѣ и въ пригорьяхъ Карпатовъ, подъ вліяніемъ Византіи. Внутренніе раздоры, татарскій погромъ, вторженіе Литвы, польская власть разрушаютъ эти начинанія русской жизни. Но на сѣверо-востокѣ, въ глухой лѣсной странѣ, русская колонизація, въ сторонѣ отъ дѣятельной исторической жизни, образуетъ сильный запасъ русской силы, руситъ финскія племена и, окрѣпнувъ, является возстановительницею единства Россіи, собирательницею земли русской, подъ знаменемъ Москвы и продолжателей ея дѣла: Петра и Екатерины.

Средняя, частію южная и сѣверо-восточная Италія, въ приморскихъ мѣстностяхъ и на равнинахъ Ломбардіи, живетъ многообразною, роскошною политическою и культурною жизнью, изживается и становится добычею чужеземцевъ. Но у подошвы Альпъ, въ дикомъ Пьемонтѣ, не принимавшемъ участія въ многозначительной исторической жизни Италіи, сохраняется нравственная сила и энергія среди населенія, смѣшаннаго съ племенами не чисто итальянскаго происхожденія,—и въ наши дни является Пьемонтъ возродителемъ и соединителемъ Италіи.

Ту же роль, въ теченіи части среднихъ и новыхъ вѣковъ, игралъ Бранденбургъ, или Бранибóръ, относительно сѣверо-восточной Германіи, которую объединилъ подъ именемъ Прусскаго королевства. Эта отдаленная нѣмецкая украйна, марка, распространяла германизацію между сѣверо-западными славянскими племенами, мало вмѣшиваясь въ средневѣковую жизнь, кипѣвшую по Рейну, Везеру, верхнему Дунаю и Эльбѣ. Но, когда изсякла въ этихъ странахъ всякая политическая сила, изъ Бранденбурга положено было основаніе возрожденію нѣмецкаго могущества въ Прусской монархіи.

Въ наши дни, тѣмъ, чѣмъ былъ Бранденбургъ для Прусскаго королевства, сдѣлалось Прусское королевство для Германіи вообще.

И такъ, древняя область Персовъ, Македонія, страна Парѳянъ, Австрія, Суздаль и Москва, Пьемонтъ, Бранденбургъ, Пруссія,— страны, сохранившія еще свою племенную этнографическую энергію въ то время, когда области, заселенныя ранѣе ихъ развившимися и вступившими на дѣятельное политическое и культурное поприще братьями (Мидія, Греція, Персидская монархія, Испанія, югозападная Русь, Италія, средняя и западная Германія) уже потеряли свою политическую силу и или подпали власти иноплеменниковъ, или влачили безсильное существованіе,—явились возстановителями, возобновителями исторической жизни этихъ раньше начавшихъ жить братьевъ. Они были, такъ сказать, хранителями запаса силъ своего племени.

Аналогія говоритъ намъ, что совершенно то же отношеніе существуетъ между западными Славянами, окруженными народами германо-романскими, волею и неволею захваченными круговоротомъ ихъ жизни, потерявшими въ немъ свою политическую самобытность и независимость,—и Россіею, составляющею громадный запасъ славянскихъ силъ. Голосъ всей исторіи свидѣтельствуетъ намъ, что запасъ этотъ не пропадетъ втунѣ,—что и онъ предназначенъ къ тому, чтобы, какъ во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ, возродить, возстановить, обновить собою славянскую жизнь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Этого требуетъ законъ исторической экономіи, столь же разумный, какъ и законъ экономіи природы, ничего напрасно не создающей, извлекающей всѣ слѣдствія изъ своихъ посылокъ. Противъ историческаго тока событій, — какъ противъ рожна,—прать невозможно; и въ этихъ общихъ соображеніяхъ почерпаемъ мы, между прочимъ, увѣренность, что русское и славянское, святое, истинно всемірно-историческое и всечеловѣческое дѣло—не пропадетъ.

Перейдемъ теперь отъ этихъ общихъ соображеній къ болѣе частнымъ и спеціальнымъ.

Въ продолженіи этой книги мы постоянно проводимъ мысль, что Европа—не только нѣчто намъ чуждое, но даже враждебное, что ея интересы не только не могутъ быть нашими интересами, но въ большинствѣ случаевъ прямо имъ противоположны. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, чтобы мы могли, или должны были, прервать всякія сношенія съ Европой, оградить себя отъ нея Ки-

тайской стѣной; это не только невозможно, но было бы даже вредно, если бы и было возможно. Всякаго рода сношенія наши съ нею неизбѣжно должны быть близкія; они только не должны быть интимными, родственными, задушевными. Въ политическомъ отношеніи не можетъ быть другаго правила, какъ око за око, зубъ за зубъ,—отмѣриваніе тою же мѣрою, которою намъ мѣрятъ.

Но, если невозможно и вредно устранить себя отъ европейскихъ дѣлъ, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотрѣть на эти дѣла всегда и постоянно съ нашей особой, русской точки зрѣнія, примѣняя къ нимъ, какъ единственный критеріумъ оцѣнки: какое отношеніе можетъ имѣть то или другое событіе, направленіе умовъ, та или другая дѣятельность вліятельныхъ личностей—къ нашимъ особеннымъ, русско-славянскимъ цѣлямъ, какое могутъ они оказать препятствіе, или содѣйствіе имъ? Къ безразличнымъ въ этомъ отношеніи лицамъ и событіямъ должны мы оставаться совершенно равнодушными, какъ будто бы они жили и происходили на лунѣ; тѣмъ, которыя могутъ приблизить насъ къ нашей цѣли, должны всемѣрно содѣйствовать;—и всемѣрно противиться тѣмъ, которыя могутъ служить ей препятствіемъ, не обращая при этомъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ безотносительное значеніе,—на то, каковы будутъ ихъ послѣдствія для самой Европы, для человѣчества, для свободы, для цивилизаціи. У насъ должно быть свое собственное, особое понятіе о всѣхъ этихъ предметахъ и твердая вѣра въ то, что, только дѣйствуя въ своихъ видахъ, можемъ мы споспѣшествовать имъ, восколько отъ насъ зависитъ;—что цѣль наша свята и высока,—что одно только ведущее къ ней и лежитъ въ нашихъ обязанностяхъ,—что только служа ей, а не иначе какъ-нибудь, можемъ мы содѣйствовать всему высокому, какое бы имя оно ни носило: человѣчества, свободы, цивилизаціи, и такъ далѣе.

Или такъ, или никакъ. Въ эпиграфахъ, избранныхъ для обозначенія одной изъ существеннѣйшихъ мыслей этой главы, заключается вся наша политическая мудрость: примиреніе такъ-называемой политики принциповъ съ политикою случайныхъ обстоятельствъ (Gelegenheitspolitik). Безъ ненависти и безъ любви (ибо въ этомъ чуждомъ мірѣ ничто не можетъ и не должно возбуждать ни нашихъ симпатій, ни нашихъ антипатій), равнодушные и къ красному и къ бѣлому, къ демагогіи и къ деспотизму, къ

легитимизму и къ революціи, къ Нѣмцамъ, къ Французамъ, къ Англичанамъ, къ Итальянцамъ, къ Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди,—мы должны быть вѣрнымъ другомъ и союзникомъ тому, кто хочетъ и можетъ содѣйствовать нашей единой и неизмѣнной цѣли. Если цѣною нашего союза и дружбы мы дѣлаемъ шагъ впередъ къ освобожденію и объединенію Славянства, приближаемся къ Цареграду, не совершенно-ли намъ все равно: купится-ли этою цѣною Египетъ Франціею, или Англіею, Рейнская граница—Французами, или Вогезская—Нѣмцами, Бельгія—Наполеономъ, или Голландія—Бисмаркомъ?

Придерживаясь съ непреклонною строгостью и послѣдовательностью такого взгляда и такого образа дѣйствій, нечего заботиться о благопріятныхъ комбинаціяхъ политическихъ созвѣздій. Будь ясно сознанная, вполнѣ усвоенная, горячо-любимая цѣль и ясное пониманіе дѣла—за счастіемъ дѣло не станетъ. Смотрите, какъ служило оно Екатеринѣ, пока и ее не увлекли, съ одной стороны, жажда европейскихъ похвалъ, какъ охранительницѣ интересовъ нейтральной торговли, съ другой — негодованіе на неистовства французской революціи, а можетъ-быть и ложный, напрасный страхъ передъ нею. А послѣ нея сколько всходило благопріятныхъ созвѣздій на политическомъ горизонтѣ Европы, какіе блистательные гороскопы можно было по нимъ предсказывать и осуществлять: европейскія коалиціи противъ Франціи, дружба съ Наполеономъ въ 1807 году, торжество надъ нимъ въ 1812! 1848 и 1849 годы! Рѣшительный образъ дѣйствія въ 1853 году! Сколько случаевъ въ недавнемъ прошедшемъ, если бы не очки со стеклами, поляризованными подъ европейскимъ угломъ наклоненія,—если-бы не сочувствіе эмигрантамъ, не легитимизмъ, не либерализмъ, не филантропизмъ, не германофильство въ особенности, не безкорыстное сочувствіе всему тому, что до насъ не касается! Такимъ безкорыстіемъ можно, конечно, хвалиться въ дипломатическихъ депешахъ и циркулярахъ, извлекая изъ него хотя эту, крайне-умѣренную выгоду; но при исторической оцѣнкѣ событій едва-ли можетъ оно заслужить какую нибудь похвалу; ибо, это безкорыстіе есть въ сущности жертва ввѣренныхъ намъ священныхъ дѣйствительныхъ интересовъ—легкомысленному тщеславію, или фантастическому страху.

Много потерянныхъ случаевъ, много упущеннаго времени; но, была-бы только твердая рѣшимость, ясно сознанный планъ, глу-

бокое убѣжденіе въ величіи, святости нашего историческаго призванія, въ неизбѣжной необходимости совершить его, или постыдно стушеваться, срамно сойти съ историческаго поприща,—а случаи не замедлятъ вновь представиться.—Главная помѣха, препятствовавшая намъ схватывать эти случаи на лету и пользоваться ими заключалась въ мысли о полезности и необходимости и для насъ (какъ и для Европы) системы политическаго равновѣсія, рыцарски безкорыстными охранителями котораго мы и сдѣлались,—въ мысли, которая, въ свою очередь, проистекла отъ тщеславно-унизительнаго желанія втереться въ члены древней и славной европейской семьи и отъ жалкаго самообольщенія, будто насъ въ нее приняли. Тщеславно-унизительнаго,—говорю я,—потому что, въ политической, также какъ и въ частной жизни, нѣтъ ничего унизительнѣе тщеславія,—нѣтъ сильнѣйшей противоположности, какъ между истинной, благородной гордостью, которая довольствуется оцѣнкою своей совѣсти и своего убѣжденія, и между по природѣ своей заискивающимъ, подлаживающимся тщеславіемъ.

Мы недавно видѣли, что система политическаго равновѣсія есть нормальный, естественный порядокъ для внутреннихъ политическихъ отношеній между европейскими государствами, тотъ устойчивый порядокъ вещей, къ которому они стремились чуть не съ самаго своего возникновенія, и который (какъ сознательною такъ и безсознательною дѣятельностію факторовъ европейской жизни) все болѣе и болѣе укрѣплялся съ теченіемъ времени, получая все болѣе и болѣе широкое основаніе, тогда какъ нарушавшія его случайности все болѣе и болѣе устранялись, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣвали. Если Россія не принадлежитъ къ Европѣ, ни по кровному родству, ни по усыновленію, если главныя цѣли Европы и Россіи (или точнѣе Славянства, которому она служить представительницею) противоположны одна другой, взаимно отрицаютъ другъ друга уже по коренной исторической противоположности, глубоко лежащей въ самомъ основномъ планѣ цѣлаго длиннаго періода всемірной исторіи (какъ мы старались показать это въ XII главѣ); то само собою разумѣется, что Россія заинтересована не въ охраненіи, не въ возстановленіи этого равновѣсія, а въ совершенно противномъ.

Европа не случайно, а существнно намъ враждебна; слѣдовательно, только тогда, когда она враждуетъ сама съ собою, можетъ она быть для насъ безопасною. Положеніе это до очевидности

подтверждается какъ соображеніями самыми наглядными, такъ и свидѣтельствомъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ, каждое европейское государство находитъ себѣ оплотъ и защиту въ системѣ равновѣсія. Пруссія быстро неожиданно для самой себя побѣждаетъ Австрію: вліяніе Франціи останавливаетъ Пруссію, принуждаетъ довольствоваться умѣренными выгодами, и тѣмъ спасаетъ Австрію, или по крайней мѣрѣ оказываетъ ей большую услугу. Пусть бы осталась побѣдительницею Австрія, возвратила бы нѣкогда отторгнутую Пруссіею Силезію, какъ этого желали и надѣялись;—прежнее соперничество между Франціею и Габсбургами не замедлило бы обнаружиться, и Пруссія была бы предохранена отъ излишнихъ потерь, или (въ худшемъ случаѣ) получила бы въ этомъ возобновившемся соперничествѣ точку опоры для возвращенія утраченнаго. Пусть Пруссія усилилась бы черезъ мѣру, обратившись въ единую и цѣльную Германію, овладѣвъ Рейномъ (считающимся у Нѣмцевъ національною нѣмецкою рѣкою, отъ истоковъ до устья) черезъ возвращеніе къ Германіи Альзаса, Лотарингіи и Франшъ-Конте, черезъ подчиненіе Голландіи:—не нашла-ли бы Франція помощи даже у исконнаго врага своего, Англіи, тревожимой опасеніемъ возникновенія сильнаго морскаго могущества Германіи? Еще въ сильнѣйшей степени встревожилась бы Англія побѣдами и завоеваніями Франціи, присоединеніемъ къ ней Бельгіи, овладѣніемъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна. Такъ-же точно, въ случаѣ слишкомъ честолюбивыхъ видовъ Франціи на Италію, нашла бы и эта послѣдняя защитниковъ и покровителей въ Пруссіи и Англіи, можетъ быть даже—въ самой Австріи.

Все это слишкомъ очевидно для того, чтобы умножать число примѣровъ и долѣе на этомъ настаивать. — Но пусть бы сосѣди ополчились на Россію и, побѣдивъ, стали бы распоряжаться съ нею по произволу. Пусть отняли бы Шведы Финляндію и даже Лапландію до Бѣлаго моря, Пруссаки — яко бы нѣмецкій Прибалтійскій край и часть Ковенской губерніи, для сохраненія связи; пусть возстановленной Польшѣ съ западною Галиціею отдали бы весь Сѣверо-западный край; Австріи, въ соотвѣтствіе съ теоріей объ особой русинской народности,—Волынь, Подолію и Кіевъ, а Румынскимъ княжествамъ—Бессарабію, Турціи—Крымъ и Закавказье, послѣднее хоть пополамъ съ Персіей. — Услышался-ли бы въ Европѣ хотя одинъ голосъ въ пользу Россіи, во имя принципа

нарушеннаго равновѣсія? Конечно, ни одного! Всѣ бы нашли напротивъ, что этимъ-то и утверждено равновѣсіе настоящимъ образомъ; даже и тѣ, которымъ ничего бы не досталось въ добычѣ (какъ Франція и Англія), нашли бы себя утѣшенными и вознагражденными возстановленіемъ Польши, усиленіемъ Швеціи и Турціи, бо́льшимъ просторомъ своему вліянію, своимъ проискамъ на Востокѣ.

И такъ, между тѣмъ какъ каждое изъ европейскихъ государствъ, въ томъ или въ другомъ случаѣ, извлекаетъ извѣстную пользу отъ системы равновѣсія, на Россію она никакого полезнаго вліянія не оказываетъ—и оказывать не можетъ. Наоборотъ, всякое сколько-нибудь значительное нарушеніе равновѣсія непремѣнно нарушаетъ безопасность европейскихъ государствъ, вредитъ ихъ вліянію, ихъ свободѣ дѣйствій. Усиленіе Пруссіи угрожаетъ Франціи, Австріи, а дойдя до извѣстной степени,—при овладѣніи, напримѣръ, всѣмъ теченіемъ Рейна до его устья,—даже и Англіи; усиленіе Франціи заставитъ опасаться Пруссію, Англію и даже Италію; усиленіе Австріи (если бы таковое было возможно) противно интересамъ Пруссіи, Италіи, а перейдя извѣстную мѣру, даже и интересамъ Франціи; усиленіе Италіи не согласуется съ выгодами Австріи и Франціи. Всѣ эти державы, слѣдовательно, заинтересованы такъ или иначе въ сохраненіи равновѣсія, за исключеніемъ самого нарушителя въ каждомъ данномъ случаѣ.

Напротивъ того, никакое усиленіе любаго европейскаго государства нисколько не опасно для Россіи, не вредитъ само по себѣ ея интересамъ, если не нарушаетъ какихъ либо особенныхъ ея выгодъ. Пусть пріобрѣтетъ Франція лѣвый берегъ Рейна и Бельгію пусть получитъ къ тому же рѣшительное вліяніе на дѣла Апеннинскаго полуострова. Какая бѣда отъ этого Россіи? Франція все-таки не станетъ черезъ это достаточно сильною и могущественною, чтобы мочь одной вести противъ нея успѣшную наступательную войну. Пусть увеличится Пруссія до всевозможныхъ предѣловъ, т. е. соединитъ всю Германію (даже и Австрійскую), завладѣетъ Голландіею,—все еще будетъ ей далеко не подъ силу выходить противъ Россіи одинъ на одинъ. Другое дѣло, если бы Пруссія овладѣла Славянско-Австрійскими землями; но это было бы вредно для Россіи не нарушеніемъ политическаго равновѣсія, а тѣмъ нравственнымъ ущербомъ, который былъ бы ей нанесенъ подчиненіемъ славянскаго элемента—нѣмецкому, изъ подъ котораго онъ

началъ выбиваться. И такъ, полезная для Европы система политическаго равновѣсія нетолько совершенно безполезна для Россіи, но еще и нарушеніе ея чьимъ бы то ни было преобладаніемъ, столь вредное для европейскихъ государствъ, для Россіи совершенно безвредно.

Но и этого мало; весьма не трудно убѣдиться, что между Европой и Россіей, и въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, прямая и полная противоположность. Именно, равновѣсіе политическихъ силъ Европы вредно, даже гибельно для Россіи, а нарушеніе его съ чьей бы то ни было стороны—выгодно и благодѣтельно. Въ самомъ дѣлѣ, пусть достигнутъ рѣшительнаго преобладанія Франція или Пруссія, единственныя два государства, которыя могутъ разсчитывать на это при настоящемъ положеніи дѣлъ; пусть осуществятъ они самыя честолюбивыя мечты свои. Мы уже видѣли, что усиленіе ихъ могущества само по себѣ для Россіи безвредно; но тѣ, которые отъ этого пострадаютъ,—чьи выгоды, права или безопасность будутъ нарушены,—обратятъ свои взоры къ Россіи, отъ нея будутъ ждать своего спасенія. Счастливый побѣдитель съ своей стороны будетъ домогаться дружбы Россіи, или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитета, дабы удержать за собою свое господствующее положеніе. Обѣ стороны готовы будутъ пріобрѣсти дружбу Россіи всякаго рода уступками, весьма далеко простирающимися.

Но если все въ нормальномъ состояніи, если Европа обезпечена внутри, то силы ея естественно обращаются на внѣшнія дѣла; ея естественная враждебность къ Россіи, не сдерживаемая внутренними опасеніями, выказывается на всемъ просторѣ, постоянно—словомъ и печатью; а, съ появленіемъ гдѣ либо энергическаго дѣятеля, слова обращаются въ дѣло. Вмѣсто дружбы, наперерывъ предлагаемой ей и нарушителемъ равновѣсія, и потерпѣвшимъ отъ нарушенія—Россія встрѣчаетъ общую дружную ненависть и вражду. Убѣдительнѣйшіе примѣры тому и другому видѣли мы въ продолженіе текущаго столѣтія.

Франція, воспламененная сначала революціоннымъ энтузіазмомъ, а потомъ славолюбіемъ, подъ руководствомъ великаго военнаго генія получаетъ очевидное, съ каждою новою войною усиливающееся преобладаніе. Не смотря на неудовольствіе, которое возбудили пріобрѣтенія Екатерины отъ Турціи и Польши и наконецъ самое разрушеніе Польши, западныя державы заискиваютъ расположенія

Россіи, ищутъ ея помощи. Павелъ даетъ ее. Эгоизмъ Австріи обращаетъ въ ничто успѣхи коалиціи; но хуже ли отъ этого положеніе Россіи? Первый Консулъ отсылаетъ русскихъ плѣнныхъ безъ выкупа и заключаетъ съ Павломъ союзъ. Но и прежніе союзники не обижаются и всѣми мѣрами переманиваютъ Александра на свою сторону.

Послѣ двухъ неудачныхъ войнъ съ Наполеономъ, побѣдитель, вмѣсто того, чтобы искать себѣ вознагражденія отъ Россіи, отдаетъ ей цѣлую область, предлагаетъ раздѣлъ Европы и (въ видѣ залоговъ бо́льшаго) предоставляетъ завладѣть, при первой возможности, Финляндіей, Бессарабіей, Молдавіей и Валахіей. Но эти увеличенія не возбуждаютъ ни зависти, ни негодованія въ другихъ. Хоть еще бери, только помоги.

Россія беретъ сторону обижаемыхъ, побѣждаетъ непобѣдимаго,—недовольствуясь этимъ, хочетъ низвергнуть его, освободить Европу. На ея зовъ откликается Пруссія, Швеція, а наконецъ и Австрія. Россія, въ лицѣ Александра, предводительствуетъ Европой, а Наполеонъ ничего не домогается, кромѣ личнаго свиданія съ нимъ. Всѣ наперерывъ предлагаютъ Россіи свою дружбу и то, что̀ посущественнѣе дружбы. И побѣжденная, и побѣдительница—Россія сохраняетъ истинно господствующее, положеніе съ самаго начала революціи до 1815 года и, хотя не совсѣмъ искусно имъ пользуется,—пріобрѣтаетъ все-таки огромныя выгоды.

1815 годомъ устанавливается равновѣсіе; Россія дѣлаетъ огромныя матеріальныя и нравственныя жертвы для его охраненія,—и въ награду ей несется цѣлая буря клеветы, ненависти, вражды. Повидимому она играетъ господствующую роль, но роль эта безплодна: она только напрасно истощаетъ Россію. Равновѣсіе въ своемъ апогеѣ: ни іюльская, ни февральская революціи не могутъ его поколебать; но является энергическій политическій человѣкъ въ Европѣ, и становится во главѣ настоящаго троянскаго похода противъ Россіи.

Походъ противъ Россіи во время нарушеннаго равновѣсія, подъ руководствомъ одного изъ величайшихъ военныхъ геніевъ, державшаго въ своихъ рукахъ силы и судьбы Европы,—оканчивается полнымъ пораженіемъ враговъ. Походъ противъ Россіи во время равновѣсія, руководимый самыми отъявленными посредственностями, — оканчивается полнымъ ихъ успѣхомъ, не

смотря на то, что Россія стала (матеріально, по крайней мѣрѣ) вдвое сильнѣе чѣмъ въ 1812 году.

Конечно, много было разнообразныхъ причинъ, приведшихъ за собою этотъ странный неожиданный результатъ; но, безспорно, одна изъ важнѣйшихъ между ними заключалась какъ въ заботѣ Россіи оставаться вѣрной преданіямъ равновѣсія, такъ и въ состояніи европейскаго общественнаго мнѣнія, вездѣ враждебно настроеннаго—именно сорокъ лѣтъ продолжавшимся равновѣсіемъ. Сопричислившись къ европейской семьѣ, мы конечно не могли приготовляться и принимать мѣръ для борьбы со всей Европой. Въ числѣ нашихъ враговъ при Наполеонѣ I, было много тайныхъ друзей; при Наполеонѣ III—считавшіеся друзьями оказались врагами.

Вотъ какъ выразилось на дѣлѣ вліяніе политическаго равновѣсія Европы и его нарушенія — на судьбы Россіи. Его можно выразить слѣдующею формулою: При всякомъ нарушеніи равновѣсія, Европа естественно раздѣляется на двѣ партіи: на нарушителя съ держащими, волею или неволею, его сторону, и на претерпѣвшихъ отъ нарушенія, стремящихся возстановить равновѣсіе. Обѣ эти партіи естественнымъ образомъ стараются привлечь на свою сторону единственнаго сильнаго сосѣда, находящагося по сущности вещей (каковы бы ни были, впрочемъ, формы, слова и названія) внѣ ихъ семьи, внѣ ихъ системы. Обѣ партіи заискиваютъ, слѣдовательно, въ Россіи. Одна ищетъ у ней помощи для сохраненія полученнаго ею преобладанія; другая—для освобожденія отъ власти, вліянія или опасности со стороны нарушителя. Россія можетъ выбирать по произволу. Напротивъ того, при существованіи равновѣсія, политическая дѣятельность Европы направляется наружу, — и враждебность ея къ Россіи получаетъ свой полный ходъ: тутъ—вмѣсто двухъ партій, наперерывъ заискивающихъ въ Россіи,—Европа сливается въ одно, явно или тайно враждебное Россіи, цѣлое.

Намъ необходимо, слѣдовательно, отрѣшиться отъ мысли о какой бы то ни было солидарности съ европейскими интересами,— о какой бы то ни было связи съ тою или другою политическою комбинаціею европейскихъ державъ,—и прежде всего пріобрѣсти совершенную свободу дѣйствія, полную возможность соединяться съ каждымъ европейскимъ государствомъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы такой союзъ былъ намъ выгоденъ, ни мало не

взирая на то, какой политическій принципъ представляетъ собою въ данное время то или другое государство.

Взглянемъ, съ этой точки зрѣнія, на всевозможныя для Россіи отношенія къ главнѣйшимъ представителямъ европейскаго могущества.

Прежде всего, устранимъ изъ этого обзора Австрію, которая можетъ быть для Россіи не пособницею въ достиженіи ея цѣлей, а только предметомъ, на который—такъ же, какъ и на Турцію—можетъ и должно быть обращено ея дѣйствіе.

Самый отъявленный и самый постоянный противникъ Россіи на Востокѣ, съ самаго окончанія Наполеоновскихъ войнъ,—Англія. Одинъ изъ ея знаменитыхъ государственныхъ мужей, какъ извѣстно, выразился, что онъ не намѣренъ говорить съ тѣмъ, кто не понимаетъ важности независимости Константинополя для Англіи. Эта фраза служитъ и до сего дня девизомъ англійской политики на Востокѣ, раздѣляя судьбу многихъ афоризмомъ, такъ хорошо характеризуемыхъ нѣмецкимъ выраженіемъ Schlagwörter.

Если бы однако же—что̀ называется—припереть англійскаго политика къ стѣнѣ, требуя отъ него ясныхъ и опредѣленныхъ доводовъ и доказательствъ,—онъ пришелъ бы, кажется мнѣ, въ большое затрудненіе, и даже въ совершенный тупикъ.

Если эту важность для Англіи Константинополя (и вообще независимости Турецкаго государства) полагать въ экономической эксплоатаціи Турціи англійскою промышленностью и торговлею, то значеніе ея, съ этой точки зрѣнія, во-первыхъ, не столь велико, чтобы невозможно было вступить съ Россіей въ разнаго рода обоюдо-выгодныя сдѣлки; во-вторыхъ же, Англичане — слишкомъ практическій народъ, чтобы не понять, что, даже и при самой невыгодной для Англіи системѣ торговой политики Россіи, польза, которую стала бы извлекать она изъ странъ нынѣшней Турціи,—при замѣнѣ турецкаго владычества славянскою независимостью подъ гегемоніею Россіи,—увеличалась бы въ нѣсколько кратъ, какъ явнымъ тому доказательствомъ служатъ Новороссійскія степи, обратившіяся подъ русскимъ владычествомъ изъ притона кочевниковъ—въ житницу Англіи и Европы, съ цвѣтущими городами въ родѣ Одессы, Бердянска, Ростова, Таганрога, Николаева.

Другой, гораздо болѣе важный интересъ Англіи на Востокѣ (принимая это слово въ обширномъ смыслѣ) заключается въ обез-

печенія ея Индѣйскихъ владѣній; но, по отношенію къ этому жизненному для Англіи вопросу, еще труднѣе понять связь, существующую между нимъ и собственно такъ-называемымъ Восточнымъ вопросомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Что̀ общаго въ самомъ дѣлѣ между Индіей и тѣмъ, будетъ-ли Константинополь въ рукахъ Россіи или нѣтъ? Не вникая въ стратегическую возможность или невозможность похода Русскихъ въ Индію, можно смѣло однакоже утверждать, что если эта возможность существуетъ, то она существуетъ уже и теперь, безъ овладѣнія Константинополемъ; если же ея не существуетъ, то взятіе Константинополя ни на волосъ не измѣнитъ этого положенія дѣлъ. Александръ Македонскій отправился, правда, въ свой персидскій походъ и дошелъ до Индіи, переправившись въ Азію черезъ Геллеспонтъ; но трудно, понять, зачѣмъ бы избирать и Русскимъ этотъ окольный путь когда у нихъ въ рукахъ Волга и Каспійское море, которыя доведутъ ихъ изъ самаго центра русскаго могущества до Астрабада, откуда останется не болѣе половины разстоянія отъ Константинополя въ Индію.

Съ своей стороны, мы убѣждены, что походъ въ Индію есть вещь совершенно возможная. Если султанъ Баберъ и много другихъ восточныхъ завоевателей могли добраться до Индіи и покорить ее, то трудно представить себѣ резонъ, почему бы возможное для нихъ стало невозможнымъ для Россіи,—которая частію занимаетъ уже тѣ самыя мѣста, которыя служили точками исхода для магометанскихъ завоевателей, частію же всегда можетъ заставить Персію вступить съ собою въ союзъ добровольный или принужденный,—которая обладаетъ кавказскою арміею, привыкшею къ жаркому климату и къ горнымъ переходамъ.

Послѣдствія такого похода, предпринятаго даже съ малыми силами, и даже неудачнаго, были бы самые гибельные для англійскаго могущества, — такъ же точно, напримѣръ, какъ и французская высадка на англійскій берегъ, хотя бы и неудачная. Въ странѣ торговой и промышленной по преимуществу—все основано на кредитѣ, на вѣрѣ; и вѣра Англичанъ въ неприкосновенность англійской территоріи (въ одномъ случаѣ), такъ же, какъ вѣра туземцевъ въ неприкосновенность англійскаго владычества въ Индіи (въ другомъ), были бы поколеблены, нарушены. Что̀ не удалось одинъ разъ, можетъ, при бо̀льшихъ усиліяхъ, при лучшемъ веде-

нія дѣла, удаться въ другой. Съ момента эвихъ вторженій, Дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ бы надъ Англіей.

Но, съ другой стороны, очевидно, что Россія не имѣетъ ни малѣйшаго интереса овладѣвать Индіей, или какою бы то ни было частью ея. Такое пріобрѣтеніе легло бы на нее такимъ излишнимъ и тяжелымъ бременемъ, что смѣло можно утверждать, если бы оно выпало ей даже, какъ наслѣдство отъ умершаго дяди набаба,—ей ничего бы не оставалось, какъ продать его за какую бы то ни было цѣну, а если бы никто ничего не далъ, — то отдать хоть даромъ. Поэтому, англійская Индія ограждена отъ вторженія Русскихъ не столько физическою, сколько нравственною невозможностью индійскаго похода,—невозможностью, изъ которой существуетъ одно, и только одно исключеніе. Походъ въ Индію есть единственное оборонительное средство Россіи въ войнѣ съ Англіей.

Правда, что Англія сама по себѣ не можетъ нанести Россіи вреда слишкомъ значительнаго; однако же въ ея рукахъ—если не прекратить внѣшнюю торговлю Россіи,—то, по крайней мѣрѣ, сильно препятствовать ей, заставивъ принять сухопутное направленіе: блокировать русскія гавани, бомбардировать русскіе приморскіе города.

На все это Россія ничѣмъ не можетъ отвѣчать: роль ея въ войнѣ должна быть чисто пассивною, если она не прибѣгнетъ къ походу въ Индію, который, при малочисленности тамъ Англичанъ, при расположеніи туземнаго населенія, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія однимъ своимъ началомъ,—одною предшествующею ему молвою, разцвѣчаемою восточнымъ воображеніемъ.

Но, отношенія Россіи къ Англіи въ сущности таковы, что война между ними можетъ возникнуть единственно изъ-за Восточнаго вопроса, такъ что, существованіе Турціи, обладаніе ею Константинополемъ не только ни мало не обезпечиваетъ англійскихъ Остъ-Индскихъ владѣній отъ возможности вторженія Русскихъ, но составляетъ единственную причину, которая когда либо можетъ навлечь на Англію эту бѣду.

Съ другой стороны, въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ есть сторона существенно важная для Англіи; это — обладаніе Египтомъ, послѣ того какъ прокопанъ Суэзкій каналъ. Чего не могъ сдѣлать Наполеонъ I, благодаря Нельсону и Сиднею Смиту, то̀ сдѣлалъ Лессепсъ. Государство, имѣющее могущественный флотъ

въ Средиземномъ морѣ, какъ напримѣръ Франція, всегда будетъ имѣть значительный перевѣсъ передъ Англіей въ доставкѣ войскъ и военныхъ матеріаловъ въ Индію, въ отправленіи каперныхъ судовъ въ Красное море, въ Индійскій и Великій океаны. Поэтому, если бы лица, управляющія политикою государствъ, были дѣйствительно такимъ олицетвореніемъ холоднаго расчетливаго разсудка, какими ихъ себѣ обыкновенно представляютъ; если бы даже направленіе государственной политики дѣйствительно въ такой мѣрѣ отъ нихъ зависѣло, какъ обыкновенно думаютъ, то ничего не могло бы быть легче соглашенія Россіи и Англіи по Восточному вопросу взаимно-выгодною сдѣлкою между этими государствами. Но на дѣлѣ происходитъ не такъ: и на политическія, какъ и на всякія другія человѣческія отношенія, имѣютъ огромное вліяніе страсти и предразсудки, въ которыхъ руководимые ими (какъ лежащими внѣ всякаго сомнѣнія политическими аксіомами) не могутъ дать себѣ никакого отчета, но тѣмъ не менѣе безусловно имъ слѣдуютъ, подчиняясь добровольно, или принуждаясь къ тому силою покорнаго предразсудку общественнаго мнѣнія.

Какъ бы то ни было, между Россіей и Англіей лежитъ въ настоящее время всемогущій предразсудокъ, и конецъ его владычества еще не предвидится; поэтому, въ Восточномъ вопросѣ мы не только не можемъ разсчитывать на помощь и содѣйствіе Англіи, но должны разсчитывать на то, что, какъ и въ прошедшую Восточную войну, будемъ имѣть ее въ числѣ самыхъ отъявленныхъ нашихъ враговъ, если только ко времени рѣшенія этого вопроса какая либо счастливая диверсія не отвлечетъ слишкомъ значительной доли ея силъ, чѣмъ конечно должно бы умѣть воспользоваться.

Интересы Россіи и Франціи на Востокѣ въ сущности не противоположнѣе интересовъ Россіи и Англіи, и, кромѣ того, вознагражденіе, которое Россія могла бы предложить Франціи за содѣйствіе, или даже за непрепятствованіе только достиженію ея цѣлей—гораздо значительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, задушевное стремленіе Франціи, которое, несмотря на всѣ толки объ умѣренности и наступившей эрѣ мира и прогресса, увлекло бы за собою всю французскую націю, состоитъ въ пріобрѣтеніи того, что̀ Французы называютъ своею естественною границею, т. е. Рейна, которая доставила бы Франціи округъ Баваріи, округъ Дармштадта, за-

рейнскую Пруссію, Бельгію, Люксембургъ, Лимбургъ и Голландскую провинцію сѣверный Брабантъ,—едва ли не самыя богатыя, на материкѣ Европы, страны населеніемъ и производительностью всякаго рода. На востокѣ, Франція издавна стремится утвердить свое вліяніе въ Египтѣ и Сиріи, и не отказалась бы утвердить въ нихъ и свою власть, а также овладѣть всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Африки, чтобы такимъ образомъ не на словахъ только, а на дѣлѣ обратить Средиземное море во французское озеро. Во всѣхъ этихъ домогательствахъ, которыхъ Франціи никогда не достигнуть одними собственными своими силами, единственнымъ пособникомъ ей могла бы быть Россія; ибо очевидно, что Пруссія не стала бы помогать ей въ пріобрѣтеніи рейнской границы, Англія въ пріобрѣтеніи Бельгіи и Египта; даже Австрія, по причинѣ все таки нѣмецкой окраски ея государственности, не могла бы поднять руки на германское отечество, хотя и исключенная изъ него. Для одной Россіи, съ единственно разумной точки зрѣнія ея интересовъ, всѣ эти пріобрѣтенія Франціи могутъ казаться совершенно безразличными, отъ которыхъ ей, что̀ называется, ни тепло, ни холодно, ибо, какъ мы видѣли выше, всякое значительное усиленіе Франціи заставляетъ какъ ее, такъ и Пруссію, наперерывъ заискивать въ Россіи.

Съ другой стороны, и образованіе системы Славянскихъ государствъ, и даже самое овладѣніе Россіею Константинополемъ, ничѣмъ не угрожаютъ интересамъ Франціи, которая сама можетъ получить такую богатую долю изъ наслѣдства Турціи. При такомъ положеніи дѣла, при такомъ отношеніи между интересами обѣихъ сторонъ, сдѣлка казалась бы возможною, но опять таки если бы дѣлами человѣческими, какъ въ частной, такъ и въ народной жизни, безраздѣльно управляли одни раціональные интересы.

Между Россіею и Франціею стоитъ также цѣлый рядъ предразсудковъ, уже издавна препятствующихъ имъ сблизиться. Со стороны Франціи—это предразсудокъ польскій и католическій, со стороны Россіи—предразсудокъ нѣмцелюбія и легитимизма, или ненавидѣнія революціи. Нельзя не замѣтить той странности въ отношеніяхъ между Россіею и Франціею, что эти государства (интересы которыхъ въ столькихъ отношеніяхъ сходятся) были враждебны другъ другу, можно сказать, съ самаго открытія постоянныхъ между ними сношеній. Въ теченіе всего этого времени, объемлющаго болѣе 130 лѣтъ, враждебность эта, или по крайней

мѣрѣ взаимная недоброжелательность, прекращалась лишь на самые короткіе сроки; союзы между этими государствами (несмотря на очевидную ихъ выгодность для обоихъ) скоро прерывались и обращались если не въ открытую войну, то, по крайней мѣрѣ, въ натянутое отношеніе, по винѣ то той, то другой стороны.

Положеніе Польши сзади Германіи естественно должно было внушить къ ней дружественное расположеніе Франціи, соперницы Германской имперіи и Габсбургскаго дома. Подобныя же причины поставляли Россію въ дружественныя отношенія съ Германскими государствами, въ особенности съ возникавшею Пруссіею, для которой Польша была настоящимъ камнемъ преткновенія на ея пути. Непререкаемое право Россіи, честолюбіе Пруссіи, оправдываемое жизненною необходимость, алчность Австріи, которая, въ лицѣ представительницы своей Маріи Терезіи, плакала, но брала, и, наконецъ, безурядицы Польши—привели эту послѣднюю къ гибели. Паденіе Польши совершенно измѣнило политическую группировку государствъ. Россія и Германія сдѣлались сосѣдями, но, частію старая привычки, частію другія причины взяли верхъ надъ требованіями здраваго политическаго интереса. Франція, вмѣсто того чтобы искать дружбы и опоры противъ своего антагониста—Германіи—въ дѣйствительно могущественной Россіи, продолжала по старой памяти мечтать объ изчезнувшей и всегда слабой Польшѣ. Наполеонъ I, мало склонный къ сантиментальности въ политикѣ, ясно понялъ положеніе дѣлъ, и дружественно обратился къ Россіи, сначала еще въ 1800, а потомъ въ 1807 году. Продолженію этого союза помѣшали уже русскіе предразсудки, и когда, во время Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, они готовы были рухнуть, ихъ подогрѣла революція 1830 года, возбудившая русскую *легитимизмоманію* и *революціофобію*, — да простятъ мнѣ эти варварскія слова. Съ другой стороны, Польскій мятежъ 1830 и 1831 годовъ вновь подогрѣлъ Франко-Польскія симпатіи. Все это усилилось революціею 1848 года и Восточною войною. Такимъ образомъ, этотъ рядъ напрасныхъ столкновеній, натянутыхъ, недружелюбныхъ отношеній, ратное товарищество Французовъ и Поляковъ, польскія агитаціи, сочувствіе къ политеческимъ изгнанникамъ—произвели въ Россіи политико-дипломатическое преданіе, во Франціи же—настоящій народный предразсудокъ, немогущій уже выслушивать голоса здраваго политическаго разсчета.

Естественное покровительство Россіею православнымъ интере-

самъ на Востокѣ, и взятая на себя Франціею роль поддержки интересовъ латинства, послѣ того какъ самъ нравственный источникъ его — римско-католическая вѣра — изсякъ уже въ душахъ Французовъ, усиливаетъ еще больше этотъ антагонизмъ. То, что̀ для Франціи временъ Людовика Святаго было бы естественнымъ, необходимымъ образомъ дѣйствій, становится теперь лишь новымъ предразсудкомъ, который мы назвали католическимъ.

Такъ представляется дѣло, конечно, только съ политической точки зрѣнія; съ высшей же исторической точки получаетъ оно совершенно иное значеніе и объясненіе. Франція, какъ мы видѣли, есть истинный, такъ сказать нормальный представитель Европы, главный практическій проявитель европейскихъ идей съ самаго начала европейской исторіи и до настоящаго дня. Россія есть представительница Славянства. И вотъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ политической мудрости, всѣмъ внушеніямъ здраваго политическаго разсчета, эти два государства, такъ сказать противъ воли своей, становятся почти постоянно-враждебными соперниками, съ самаго начала ихъ дѣятельныхъ взаимныхъ сношеній, и этому антагонизму не нынче, конечно, предстоитъ окончиться.

Обстоятельства, какъ бы руководимыя высшею силою, передъ которою ничтожны всѣ комбинаціи человѣческаго разума, слагаются такъ, что отношенія, проистекавшія изъ требованія порядка вещей низшей сферы или категоріи историческихъ явленій, уступаютъ требованіямъ высшей исторической сферы, пересоздаются по ея нормамъ. Въ кругѣ историческихъ событій, объемлемыхъ явленіями германо-романскаго культурнаго типа, Франція была постояннымъ соперникомъ и врагомъ Англіи и Габсбургскаго дома; но, при расширеніи исторической сферы, при столкновеніи германо-романскаго міра съ славянскимъ, не только Англія и Франція примиряются и начинаютъ дѣйствовать заодно противъ Россіи, но послѣднія войны Франціи съ Австріею и Австріи съ Пруссіею ведутъ къ тому, что Австрія становится какъ бы подъ покровительство Франціи. Такимъ образомъ, эта послѣдняя, будучи, какъ мы сказали, истиннымъ представителемъ Европы, становится главнымъ врагомъ Славянства на всѣхъ театрахъ дѣйствія: въ Турціи, въ Австріи и въ Польшѣ. Непреодолимымъ токомъ событій принуждается страна, называющая себя защитницею всѣхъ угнетенныхъ народностей, или прямо принимать сторону утѣснителей Славянства, —Турокъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ, —или брать подъ свою опеку

ту Славянскую народность, которая измѣнила своему племенному знамени.

И такъ, заключимъ мы, вопреки всѣмъ разсчетамъ политической выгоды, Россія должна будетъ видѣть и Францію, наравнѣ съ Англіею, въ числѣ главныхъ своихъ враговъ и противниковъ при рѣшеніи Восточнаго вопроса.

Изъ дѣятельныхъ силъ Европы, въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи и Славянству, остается намъ разсмотрѣть еще одну, Пруссію. Задача этого государства, столь блистательно имъ начатая еще во времена Великаго Фридриха, столь блистательно имъ продолженная подъ руководствомъ Бисмарка, но далеко еще неоконченная,— заключается безспорно въ объединеніи Германіи, въ доставленіи нѣмецкому народу политической цѣльности и единства. Цѣль эта недостижима безъ помощи и содѣйствія Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, ни Франція, ни Австрія, — подъ страхомъ самоуничтоженія,—не допустятъ ни распространенія Прусскаго преобладанія на юго-западную Германію и на Австро-нѣмецкія земли, ни обращенія уже достигнутаго въ сѣверной Германіи преобладанія — въ полное Прусское единство. Сѣверо-Германскій союзъ съ 30 милліонами подданныхъ, еще не совершенно объединенныхъ новою для нихъ государственностью, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, не можетъ, конечно, бороться противъ 70 или 80 милліоновъ при недружелюбномъ расположеніи юго-западной Германіи, при самомъ невыгодномъ стратегическомъ положеніи, при враждебности Даніи, при возможности быть окруженнымъ съ трехъ сторонъ, ибо преобладаніе Франціи на морѣ открываетъ для нея и все сѣверное прибрежье Германіи. Правда, Фридрихъ Великій совершилъ нѣкогда такое, повидимому даже еще большее чудо, но не безъ благопріятствовавшихъ, однако же, ему обстоятельствъ. Да и Фридрихи невсегда подъ рукой.

Какъ, поэтому, ни покажется это страннымъ почитателямъ прусскаго военнаго могущества, котораго, впрочемъ, въ извѣстной и весьма значительной мѣрѣ, мы и не думаемъ отрицать,—Пруссія, и въ новомъ своемъ видѣ Сѣверо-Германскаго Союза, и послѣ озарившаго ее блеска славы на поляхъ Садовой, находится, въ сущности, въ томъ же политическомъ положеніи, какъ въ послѣдніе годы Семилѣтней войны, какъ передъ кампаніей 1806 и 1807 годовъ, какъ въ 1813 году во время войны за Германскую независимость, т. е. что не только ея политическая сила и могуще-

ство, но можетъ быть даже самое ея существованіе зависитъ отъ тѣснаго дружественнаго отношенія къ Россіи. Да будетъ здѣсь кстати упомянуто, въ какомъ жалкомъ заблужденіи находятся тѣ ультра-остзейскіе патріоты, которые воображаютъ, что, въ видахъ охраненія ихъ мнимыхъ привилегій, можно угрожать Россіи прусскою силой и воодушевленіемъ германскаго патріотизма. Этимъ можно пугать развѣ только дѣтей, да и то малыхъ и неразумныхъ.

Утверждая это, мы не думаемъ унижать Пруссіи, не отдавать справедливости ея политическому могуществу, ея военной силѣ, ея умѣнію употреблять ее съ ловкостью и искусствомъ; мы говоримъ только, что ея положеніе, какъ въ географическомъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ, такъ невыгодно, что и этихъ значительныхъ силъ недостаточно не только для расширенія прусскаго могущества, вопреки Франціи и Австріи, но, можетъ быть, даже и для сохраненія уже пріобрѣтеннаго, и что, поэтому, союзъ съ Россіей ей необходимъ. Конечно, и для Россіи важна помощь Пруссіи, ибо ни на какую другую, въ Старомъ Свѣтѣ по крайней мѣрѣ, ей разсчитывать невозможно. Но дѣло въ томъ, что, какъ ни важно для Россіи благопріятное ей и Славянству рѣшеніе Восточнаго вопроса, она можетъ его долго и очень долго ждать; вопросъ же о существованіи Россіи, или даже объ ослабленіи ея могущества въ ближайшемъ будущемъ,—серіознымъ образомъ не можетъ быть даже и поставленъ.

Пруссія,—я не говорю Германія,—есть все таки не болѣе, какъ политическая комбинація, которая можетъ быть весьма различнымъ образомъ видоизмѣняема, ибо вѣдь нѣтъ на свѣтѣ прусскаго народа;—Россія же есть первичный, самобытный, великій историческій фактъ, основанія котораго лежатъ въ таинственныхъ глубинахъ всемірно-историческаго плана развитія судебъ человѣческаго рода. Поэтому, хотя, при настоящей комбинаціи политическихъ созвѣздій, Россія и Пруссія взаимно нуждаются другъ въ другѣ, и слѣдовательно взаимно другъ отъ друга зависятъ, но нужда Пруссіи настоятельнѣе, а поэтому и зависимость сильнѣе, и это нехудо помнить и знать.

Прибавимъ къ сказанному, что въ Восточномъ вопросѣ интересы обоихъ государствъ тожественны, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ фазисахъ его развитія. Для Пруссіи, во-первыхъ, выгодно, чтобы главнѣйшее вниманіе Россіи было обращено на юго-запад-

ную, а не на сѣверо-западную ея границу. Съ пріобрѣтеніемъ или, лучше сказать, съ возвращеніемъ полной собственности на Черное море—Россія можетъ безъ ущерба предоставить болѣе простора Пруссіи на Балтійскомъ морѣ. Съ уничтоженіемъ обоимъ имъ враждебной политической комбинаціи, именуемой Австріею, съ обращеніемъ ея въ комбинацію славянскаго, а не мадьяро-германскаго характера, Пруссія выигрываетъ въ могуществѣ, ибо вліяніе въ Германіи, не на трактатахъ только, а на самомъ дѣлѣ, будетъ уже исключительно принадлежать ей, и, такимъ образомъ усиленная, она будетъ имѣть уже одного только соперника—Францію, который перестанетъ быть для нея опаснымъ.

Опять странное историческое явленіе, удивительная комбинація! Западные Славяне и Нѣмцы были, въ теченіе всей европейской исторіи, враждебны другъ другу; первые были угнетаемыми, вторые угнетателями; а властительная историческая судьба заставляла и заставляетъ представителей Германства и Славянства—Пруссію и Россію—содѣйствовать другъ другу въ достиженіи ихъ, повидимому противоположныхъ, цѣлей. Пруссія, собственно говоря, возросла подъ крыломъ Россіи, и теперь можетъ только на нее опереться для довершенія Германскаго единства, которое, въ свою очередь, становится первымъ звеномъ въ отдѣленіи славянскаго отъ нѣмецкаго; и Пруссія побуждается, не только собственнымъ интересомъ, но даже необходимостью, содѣйствовать интересамъ Россіи на Востокѣ.

Мы полагаемъ, что, въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, Россія не можетъ имѣть другаго союзника, какъ Пруссія, такъ же точно, какъ и Пруссія другаго союзника, какъ Россія; и союзъ ихъ можетъ быть союзомъ благословеннымъ, потому что у обѣихъ цѣль правая.

Такъ представляется дѣло на первыхъ порахъ. Что будетъ дальше—другой вопросъ. По достиженіи первыхъ успѣховъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ,—отношенія могутъ и, вѣроятно, даже должны перемѣниться. Но, въ политикѣ руководствуются непосредственнымъ, на очереди стоящимъ интересомъ, а не отдаленными, не-предусмотримыми возможностями.

Отъ рессурсовъ, которые можетъ представить внѣшняя политика, перейдемъ къ тѣмъ несравненно болѣе надежнымъ источникамъ силы и ручательствамъ успѣха, которыя можетъ Россія почерпнуть внутри самой себя и въ той самой великой задачѣ, которую ей предстоитъ совершить во что бы то ни стало.

Какъ уже было упомянуто выше, мы вовсе не намѣрены предлагать статистики Россіи съ военной и финансовой точекъ зрѣнія, не только по некомпетентности нашей въ этомъ дѣлѣ, но, еще гораздо болѣе, по некомпетентности всякаго рода статистическихъ выкладокъ въ такого рода задачахъ, въ рѣшеніи которыхъ всегда играли, играютъ и будутъ играть главную, преобладающую роль факторы изъ нравственнаго порядка вещей, совершенно неподдающагося обыкновенной статистикѣ. Исторія, явленія которой преимущественно принадлежатъ именно къ сферѣ духовно-нравственной, въ этомъ отношеніи гораздо плодотворнѣе. Попытаемся же вникнуть въ характеръ внутренней силы Россіи и, при помощи историческихъ сравненій, хотя нѣсколько опредѣлить величину той силы, которую можетъ выказать Россія.

Для сравненія, какъ говорится для установки понятій, возьмемъ въ примѣръ послѣднюю борьбу Россіи съ Европой, при самой невыгодной для насъ обстановкѣ. Нерѣшительность, медленность нашихъ дипломатическихъ и военныхъ дѣйствій, главное же—ложная оцѣнка нашихъ отношеній къ считавшейся въ дружественной связи съ нами Австріи—обратили сухопутную войну въ морскую, которую Россія должна была встрѣтить совершенно неприготовившись. И однако же, всѣмъ извѣстно, какихъ усилій стоило совокупнымъ силамъ Франціи, Англіи, Сардиніи и Турціи вырвать одну крѣпость изъ нашихъ рукъ. Взглянемъ же, чѣмъ усилилась съ того времени Россія.

Пути сообщенія, которые были самою слабою нашею стороною во время Восточной войны, съ того времени совершенно измѣнили свой характеръ, и недалекъ тотъ день, когда, съ окончаніемъ Московско-Смоленской и съ проведеніемъ Смоленско-Брестской и Севастопольской дорогъ,—центръ государства будетъ соединенъ съ главными точками окраинъ.

Умиреніе Кавказа освобождаетъ двухсотъ-тысячную армію, которая имъ такъ сказать поглощалась и нейтрализировалась. Для опредѣленія отношенія, которое имѣла кавказская война къ войнѣ Восточной, достаточно вспомнить, что двѣ дивизіи, изъ коихъ одна изъ Крыма, были отправлены на Кавказъ въ первый годъ войны, и оцѣнить вѣроятное вліяніе ихъ, если бы онѣ были подъ рукою при Альмѣ, или Инкерманѣ.

Но и желѣзныя дороги, и умиреніе Кавказа ничтожны въ своемъ вліяніи на увеличеніе средствъ Россіи, если сравнить ихъ съ

преобладающимъ событіемъ настоящаго царствованія,—съ освобожденіемъ крестьянъ. При крѣпостномъ состояніи, всякое воззваніе къ поднятію народнаго духа, къ защитѣ свободы отечества звучало какою-то горькою ироніей, и потому, въ самыхъ даже крайнихъ случаяхъ, какъ въ 1812 году, правительство могло обращаться за помощью только къ привилегированнымъ сословіямъ—дворянству и купечеству; сама же сила народная—крестьянство—составляла не дѣятельный элементъ государственнаго могущества, а только матеріалъ,—предметъ или объектъ пожертвованій. Дворянство точно такъ же жертвовало на защиту отечества постольку-то со ста душъ, какъ купечество постольку-то со ста рублей. Ежели, однако, и при такомъ порядкѣ вещей возможенъ былъ въ Россіи двѣнадцатый годъ, то мы, какъ сказочный богатырь, и сами не знаемъ той силы, которую въ состояніи выказать теперь. Смотря съ одной лишь чисто дѣловой, такъ сказать офиціальной точки зрѣнія, мы видимъ, что въ прежнія времена всякое быстрое усиленіе арміи устройствомъ ополченій вносило смуту въ общій государственный строй и сомнѣніе въ правительство, что̀ дѣлать съ временно вступившею на службу массою народа.—Возвращать въ прежнее крѣпостное состояніе,—какъ оно всегда и дѣлалось,—значило возбуждать сильное и справедливое неудовольствіе въ людяхъ, жертвовавшихъ жизнію отечеству наравнѣ съ тѣми, которые поступили въ ряды защитниковъ его обыкновеннымъ путемъ рекрутскаго набора; объявленіе же ихъ свободными, какъ выходящихъ въ отставку солдатъ, могло не только нанести разстройство помѣщичьимъ хозяйствамъ, но, что̀ гораздо важнѣе, обратить сотни тысячъ людей въ безпріютныхъ бродягъ. Собственно говоря, однимъ освобожденіемъ крестьянъ силы Россіи увеличились и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи до неисчислимыхъ размѣровъ.

Относительно войны, какъ и большинства другихъ человѣческихъ дѣлъ, многіе держатся мнѣнія знаменитаго австрійскаго полководца Монтекукули, который говорилъ, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги; а въ нихъ какъ извѣстно, излишка у насъ не чувствуется. Какъ ни важны финансовые вопросы при обыкновенномъ мирномъ теченіи дѣлъ, даже при войнахъ, ведущихся изъ-за поддержки политическаго равновѣсія, пріобрѣтенія или удержанія провинціи, изъ-за торговыхъ или колоніальныхъ выгодъ, и тому подобнаго, мы смѣемъ думать, что

они отступаютъ на второй, третій, или еще болѣе задній планъ, когда дѣло идетъ о духовной жизни и смерти народовъ, то есть объ исполненіи ими ихъ историческаго призванія. И для народовъ и государствъ, такъ же какъ и для частныхъ лицъ, всевластные милліоны теряютъ свое значеніе тамъ, гдѣ разыгрывается вопросъ о жизни и смерти. Мы не знаемъ, да мало и нуждаемся знать— такъ ничтоженъ этотъ вопросъ — при пособіи какой финансовой системы отразили Греки полчища Персовъ, выдержали Римляне удары Аннибала, отвоевали нѣкогда Швейцары и Голландцы свою независимость? Съ другой стороны, намъ въ точности извѣстны всѣ финансовыя комбинаціи, которыми національный конвентъ думалъ помочь отчаянному финансовому положенію революціонной Франціи; но знаемъ также, что вліяніе ихъ на ходъ дѣлъ равнялось нулю, что Францію спасло не то или другое банкирское ухищреніе, а напряженіе всѣхъ нравственныхъ силъ страны, и при безденежьи умѣвшей выставить тринадцать стотысячныхъ побѣдоносныхъ армій противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ республики. Не займами также и не финансовыми операціями выдержала и Россія 1812 годъ. Въ рѣшительныя минуты, въ кризисы народной жизни,—а другаго характера и не можетъ принять борьба Россіи съ Европой за Славянство,—выступаютъ на первый планъ не деньги, даже не та или другая военная организація, а два нравственныхъ двигателя, при посредствѣ которыхъ только и возможно то напряженіе всѣхъ силъ народныхъ, которое все сокрушаетъ и ничѣмъ само сокрушено быть не можетъ. Это—дисциплина или даръ повиновенія, и энтузіазмъ или безпредѣльная готовность къ самопожертвованію. Что̀ касается до первой, то всѣмъ извѣстно, въ какой мѣрѣ обладаетъ ею Русскій народъ. Въ такой мѣрѣ, скажемъ мы, что по искреннему вдохновенному слову Русскаго Царя, главы и представителя Русскаго народа,—эта первая сила всегда въ состояніи возбудить вторую.

Нравственная особенность русскаго государственнаго строя заключается въ томъ, что Русскій народъ есть цѣльный организмъ, естественнымъ образомъ, не посредствомъ болѣе или менѣе искусственнаго государственнаго механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманію, сосредоточенный въ его Государѣ, который, вслѣдствіе этого, есть живое осуществленіе политическаго самосознанія и воли народной, такъ что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессомъ, подобнымъ

тому, какъ это совершается въ личномъ самосознательномъ существѣ. Вотъ смыслъ и значеніе русскаго самодержавія, которое нельзя, поэтому, считать формою правленія въ обыкновенномъ, придаваемомъ слову форма, смыслѣ, по которому она есть нѣчто внѣшнее, могущее быть измѣненнымъ безъ измѣненія сущности предмета, могущаго быть обдѣланнымъ какъ шаръ, кубъ или пирамида, смотря по внѣшней надобности, соотвѣтственно внѣшней цѣли. Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, то есть такая, которая не-раздѣлима отъ сущности того, что ее на себѣ носитъ, которая составляетъ необходимое выраженіе и воплощеніе этой сущности. Такова форма всякаго органическаго существа, отъ растенія до человѣка. Посему, и измѣнена, или въ настоящемъ случаѣ ограничена, такая форма быть не можетъ. Это невозможно даже для самой самодержавной воли, которая, по существу своему, т. е. по присущему народу политическому идеалу, никакому внѣшнему ограниченію не подлежитъ, а есть воля свободная, то есть самоопредѣляющаяся. Это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цѣльность русскаго народа, объемлющія собою всю государственную сторону его бытія, и составляютъ причину того, что Русскій народъ можетъ быть приведенъ въ состояніе напряженія всѣхъ его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, въ состояніе, которое мы называемъ *дисциплинированнымъ энтузіазмомъ*,—волею его Государя, независимо отъ непосредственнаго возбужденія отдѣльныхъ единицъ-личностей, составляющихъ народъ, тѣмъ или другимъ интересомъ, событіемъ или вообще возбужденіемъ. А 80-милліонный народъ, способный, по искреннему слову главы своего и представителя, составляющаго живой центръ его сознанія, чувства, мысли и воли, придти въ состояніе дисциплинированнаго энтузіазма,—есть сила, которой міръ давно уже, или даже вовсе еще не видалъ.

Когда Папа составлялъ нравственный центръ европейскаго міра, слово его могло воспламенить и подвигнуть Европу на крестовые походы,—предпріятіе, не лежавшее въ ближайшихъ интересахъ ни государей, ни феодаловъ, ни народовъ тогдашней Европы. Но, не говоря уже о томъ, что теперь у ней нѣтъ такого живаго средоточія, самые крестовые походы представляютъ лишь примѣръ энтузіазма недисциплинированнаго, ибо они происходили подъ вліяніемъ папъ и духовенства,—дѣятелей неполитическихъ, которые посему и не могли придать имъ характера правильности

и стройности. Къ тому же, и это великое народное движеніе, собственно говоря, охватило не всю народную массу, а одно лишь высшее рыцарское сословіе.

Другой примѣръ чудесъ, совершенныхъ народнымъ энтузіазмомъ въ огромныхъ размѣрахъ, представляетъ намъ Франція во время революціи. Подъ совокупнымъ вліяніемъ реакціи противъ долговременныхъ притѣсненій, угнетавшихъ народъ, идей свободы, проникшихъ до низшихъ слоевъ общества, патріотизма, возбужданнаго угрозами вторгнувшихся иностранцевъ, и ужаса, наводимаго терроромъ,—возбужденная Франція отразила и побѣдила Европу. Въ этомъ случаѣ, можно сказать, что энтузіазмъ обнялъ собою если не весь народъ, то значительнѣйшую его часть, и что онъ былъ, хотя и на скорую руку. но хорошо дисциплинированъ конвентомъ, или точнѣе, комитетомъ общественной безопасности, и потому мы можемъ принять Францію того времени за мѣрило возбужденныхъ народныхъ силъ. Двадцати-пяти-милліонное населеніе,—безъ арміи, безъ флота, безъ организованныхъ финансовъ, при противодѣйствіи большинства духовенства и дворянства, при федеративныхъ стремленіяхъ, обнаружившихся во многихъ главныхъ центрахъ населенія, при восторженномъ сопротивленіи Бретани и Вандеи, воспламененныхъ противуреволюціоннымъ энтузіазмомъ,—торжествуетъ надъ этими внутренними врагами и препятствіями, и побѣдоносно борется съ соединившимися противъ него Пруссіею, Австріею, Германіею, Испаніею и Англіею. Что̀ же въ состояніи совершить восьмидесятимилліонное населеніе Россіи, приведенное правотою и святостію защищаемаго имъ дѣла и полновластнымъ надъ нимъ словомъ ея государя также въ состояніе напряженія своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ? Простой ариѳметическій разсчетъ показываетъ, что, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ,—сила, которую Россія можетъ выказать, будетъ равняться тройной силѣ, обнаруженной Франціею въ грозную эпоху ея борьбы съ первою европейской коалиціею. Но обстоятельства далеко неравны, ибо Россія обладаетъ еще, сверхъ силы народнаго энтузіазма, всѣмъ своимъ нормальнымъ государственнымъ могуществомъ, и внутри ни откуда не можетъ ожидать мало-мальски серіознаго противодѣйствія, ибо все, что̀ считается теперь таковымъ, отвѣется прочь легче пустой шелухи и мякины, при первомъ дуновеніи вѣтра.

Съ другой стороны, какого же противодѣйствія можемъ мы

ожидать? Весьма велики, конечно, нормальныя государственныя силы Европы, или даже той коалиціи, которая образуется противъ Россіи, когда наступитъ время серіознаго рѣшенія Восточнаго вопроса, коалиціи, имѣющей, по всѣмъ вѣроятіямъ, составиться изъ Франціи, Англіи, Австріи, а можетъ и быть и Италіи. Но едва ли представляетъ исторія примѣръ, чтобы однѣ нормальныя государственныя силы когда-нибудь торжествовали надъ народомъ, находящимся въ состояніи напряженія всѣхъ своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ,—въ состояніи дисциплинированнаго энтузіазма, если несоразмѣрность силъ не переступила всякихъ предѣловъ, какъ въ недавней борьбѣ Кандіотовъ съ Турками. Народъ въ состояніи героизма (какъ всего лучше обозначить это возбужденіе его силъ) можетъ быть побѣжденъ только такимъ же героическимъ возбужденіемъ. Но европейскіе народы, въ настоящій моментъ своего развитія, лишены той живой, органической цѣльности и того единства, при которыхъ вся ихъ жизненная энергія сосредоточивалась бы въ одномъ лицѣ, или въ одной коллегіи, представителѣ ихъ политическаго сознанія, чувства, мысли и воли, которыя могли бы, поэтому, воспламенить ихъ своимъ искреннимъ властительнымъ словомъ. Эти времена давно прошли для Европы. Конечно, всякій народъ, живыя силы котораго еще не замерли, можетъ быть одушевленъ энтузіазмомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, затрогивающихъ его жизненные интересы; но для того, чтобы такое единодушное восторженное настроеніе овладѣло непосредственно цѣлымъ народомъ, необходимъ сильный толчекъ, потрясающій весь народный организмъ, который бы, пересиливъ всѣ частныя многообразныя эгоистическія стремленія, происходящія подъ вліяніемъ безчисленныхъ личныхъ побужденій,—такъ сказать заставилъ бы созвучно биться всѣ сердца.

Счастіе и сила Россіи въ томъ и заключается, что, сверхъ ненарушимо сохранившихся еще цѣльности и живаго единства ея организма, само дѣло ея таково, что оно можетъ и непосредственно возбудить ее до самоотверженія, если только будетъ доведено до его сознанія всѣми путями гласности; тогда какъ ея противники не могутъ выставить на своемъ знамени ничего, кромѣ пустыхъ, безсодержательныхъ словъ: будто бы попираемаго политическаго равновѣсія, якобы угрожаемой цивилизаціи, которыми не расшевелить народнаго сердца, а развѣ только возбудить вопли уличныхъ крикуновъ и ротозѣевъ. Съ одной стороны борьба

будетъ за все, что̀ есть священнаго для человѣка: за вѣру, за свободу угнетенныхъ братьевъ, за свое историческое призваніе, которое хотя логически и не сознается массами, но лежитъ въ нравственной основѣ всякаго великаго народа. Съ другой — за угнетеніе племенъ, въ противность высказываемому самими же противниками принципу равноправности національностей; за дѣйствительное турецкое варварство, какъ плотину противъ разлива какого-то мнимаго московитскаго варварства; за фантастическій Польскій народъ, занимающій въ европейскихъ головахъ мѣсто дѣйствительнаго Русскаго народа, угнетавшагося польскимъ шляхетствомъ; однимъ словомъ, за ложь, фальшь и напускное марево.

И такъ, великая борьба, предстоящая въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Русскому народу, и по правотѣ и святости дѣла, которое онъ долженъ будетъ защищать, и по особеннымъ свойствамъ его государственнаго строя, можетъ и должна принять характеръ героическій. Чтобы уяснить себѣ, чего въ правѣ мы ожидать отъ Русскаго народа въ такомъ настроеніи духа, обратимся опять къ исторіи, съ тѣмъ, чтобы изъ ея опыта вывести тѣ условія, которымъ мы обязаны успѣхами, пріобрѣтенными въ войнахъ, утвердившихъ русское государственное величіе. Изслѣдованіе это, должны мы сказать со стыдомъ и сожалѣніемъ, не безполезно, потому что духъ сомнѣнія въ себѣ и самоуниженія, порожденный поклоненіемъ всему европейскому, дошелъ до того въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ нашего общества, что часто слышится, что будто даже войско наше не можетъ быть поставлено въ уровень съ лучшими европейскими арміями, каковы напримѣръ прусская или французская. И это считается многими за просвѣщенный, безпристрастный взглядъ, въ противность казенно-патріотическому.

Съ начала XVIII столѣтія, то есть, съ того времени, какъ Россія вступила въ тѣсныя военныя и мирныя отношенія къ Европѣ, ей и только ей одной, выпало на долю бороться съ тремя величайшими военными геніями новѣйшихъ временъ, которые были въ тоже время и полководцами, и государями, а слѣдовательно могли располагать полною свободой дѣйствія и всѣми рессурсами своихъ странъ: я разумѣю Карла XII, Фридриха II и Наполеона I,—и изъ борьбы со всѣми тремя Россія вышла побѣдительницей.

Если мы посмотримъ на великіе военные подвиги другихъ народовъ, то найдемъ, что они въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ сравнительной слабости военнаго таланта ихъ противниковъ. Только Римъ побѣдилъ Аннибала, и Россія—Карла, Фридриха и Наполеона—несмотря на то, что войсками ихъ предводительствовали гораздо слабѣйшіе полководцы *). Явленіе это заслуживаетъ того, чтобы въ него вникнуть. Не будучи спеціалистомъ въ военномъ дѣлѣ, я полагаю однако же, что не встрѣчу серіознаго возраженія, сказавъ, что условія, составляющія силу арміи, могутъ быть подведены подъ слѣдующія пять категорій: числительность войска, тактическое обученіе его (куда причисляется и боевая опытность), качество вооруженія, талантъ военачальника и, наконецъ, нравственный духъ, воодушевляющій войска.

Оцѣнивая по этимъ категоріямъ сравнительную силу Русскихъ и Шведовъ въ великую Сѣверную войну, всякій согласится, что тактическое обученіе и боевая опытность, качество вооруженія и талантъ военачальника были на сторонѣ Шведовъ; ибо, хотя Петръ Великій, безъ сомнѣнія, безконечно превосходилъ Карла, какъ государь и политическій дѣятель вообще, онъ много уступалъ ему, однако же, въ военныхъ дарованіяхъ. Принимая во вниманіе, какъ велико было превосходство Шведовъ въ трехъ означенныхъ отношеніяхъ, и какъ маловажно, при такомъ положеніи дѣлъ, значеніе одного численнаго перевѣса, едва ли можно будетъ приписать главнѣйше ему нашу окончательную побѣду.

Еще поучительнѣе примѣръ Семилѣтней войны. Въ эту войну, которая ничѣмъ не затрогивала русскаго сердца, имѣли Русскіе четыре значительныхъ столкновенія съ Пруссаками: подъ Эгерсдорфомъ, Цорндорфомъ, Цюлихау и Кунерсдорфомъ. Въ трехъ изъ нихъ мы одержали побѣду, и подъ однимъ Цорндорфомъ—пораженіе. Подъ Цорндорфомъ и Кунерсдорфомъ имѣли мы дѣло съ самимъ Фридрихомъ, и поэтому только на эти два и обратимъ вниманіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ тактическомъ обученіи прусская армія,—тогда первая въ мірѣ,—значительно превосходила русскую; что участвовавшіе въ безчисленныхъ сраженіяхъ и

---

*) Побѣда Англичанъ надъ Наполеономъ подъ Ватерлоо была, во-первыхъ, единичнымъ фактомъ, во-вторыхъ, обязаны они ей главнѣйше случайности,—своевременному прибытію Пруссаковъ.

походахъ, закаленные въ бояхъ Пруссаки были также несравненно опытнѣе и привычнѣе въ боевомъ дѣлѣ Русскихъ, находившихся долго въ мирѣ,—а съ самаго Ништадскаго мира и вовсе не имѣвшихъ случая мѣряться съ европейскими войсками. Вооруженіемъ Прусская армія превосходила также всѣ остальныя. Извѣстно, напримѣръ, что введеннымъ герцогомъ Дессаускимъ желѣзнымъ шомполамъ приписывали Австрійцы свои неудачи. Что̀ касается до военнаго генія Фридриха, одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, то наши Ферморы и Салтыковы не могутъ идти съ нимъ ни въ какое сравненіе. Правда, что численность была опять на нашей сторонѣ; но перевѣсъ этотъ терялъ всякое значеніе подъ Цорндорфомъ, гдѣ русская армія была расположена однимъ огромнымъ каре, причемъ ни одна часть войска не могла помогать другой. И что̀ же оказывается? Фридрихъ былъ столь увѣренъ не только въ побѣдѣ, но въ совершенномъ уничтоженіи русской арміи, что предшествовавшими маневрами совершенно отрѣзалъ ей пути къ отступленію. Онъ прорываетъ, конечно, каре; но разрозненныя, разорванныя части смыкаются и продолжаютъ оказывать прежнее сопротивленіе. Эти несвязныя разрозненныя части переходятъ, въ перипетіяхъ битвы, изъ обороны въ наступленіе столь стремительное, что Фридрихъ находится въ опасности быть разбитымъ,—и только его кавалерія спасаетъ его. Битва продолжается даже отдѣльными кучками. Здѣсь-то сказалъ Фридрихъ свои извѣстныя слова, что „Русскіе—стѣны изъ мяса (murs de chair), что ихъ мало убить, но убивъ, надо еще повалить“. Утомленные, обезсиленные сопротивленіемъ разстроенной русской арміи, Пруссаки сами спѣшатъ открыть ей прегражденный было путь къ отступленію.

Подъ Кунерсдорфомъ перевѣсъ численности также на нашей сторонѣ, хотя далеко не въ такой степени, какъ перевѣсъ Австрійцевъ или Французовъ въ знаменитыхъ проигранныхъ ими Пруссакамъ сраженіяхъ. Извѣстно, какъ своимъ косвеннымъ боевымъ порядкомъ умѣлъ Фридрихъ парализировать этотъ численный перевѣсъ своихъ непріятелей. Нападая на одинъ изъ фланговъ мало подвижныхъ, растянутыхъ противниковъ съ значительнымъ превосходствомъ силъ на пунктѣ аттаки,—онъ свертывалъ его и приводилъ этимъ въ разстройство всю армію. Этотъ маневръ былъ употребленъ и подъ Кунерсдорфомъ и съ тѣмъ же полнымъ въ началѣ успѣхомъ. Дурное расположеніе русской артиллеріи

дало ему возможность почти безпрепятственно подойти и вступить въ бой. Русскіе были опрокинуты. Но то, чего было достаточно съ другими,—не помогало съ Русскими. Отступая передъ натискомъ превосходныхъ силъ, именно на столько лишь, насколько были имъ принуждаемы, Русскіе свертываемымъ флангомъ приближались къ центру, и мѣстный перевѣсъ прусскихъ силъ становился все менѣе и менѣе чувствительнымъ. Какъ упругость пружины, возрастающая по мѣрѣ сжатія, увеличивалось и сопротивленіе Русскихъ, пока наконецъ оно не пересилило натиска—и Пруссаки не были отброшены, разбитые на голову. Прусское могущество было бы уничтожено въ самомъ своемъ зародышѣ, если бы Салтыковъ не считалъ, что ему не было никакого интереса загребать своими руками жаръ для Австрійцевъ. Самъ Фридрихъ объяснялъ причину своего пораженія, относя ее къ недостатку храбрости и мужества своихъ закаленныхъ въ бояхъ полковъ. Если мы примемъ во вниманіе, что, въ отношеніи къ военному искусству, Фридрихъ сдѣлалъ и на этотъ разъ все отъ него зависѣвшее,—мы невольно придемъ къ заключенію, что онъ былъ правъ, то есть, что, какъ ни велики были нравственныя качества его воиновъ, они оказались недостаточными, когда пришлось мѣряться съ Русскими.

Къ тому же результату приводитъ сравненіе Русскихъ съ Французами. Въ борьбѣ противъ Наполеона, кромѣ прочихъ, не подлежащихъ сомнѣнію преимуществъ Французовъ, — самая численность была на ихъ сторонѣ. Что̀ же помогло Русскимъ въ концѣ концовъ побѣдить непобѣдимаго и, напримѣръ, избѣжать пораженія подъ Бородинымъ, гдѣ, какъ говорятъ тактики, еще цѣлая треть русской арміи, вслѣдствіе расположенія ея на защищенномъ самою природою правомъ крылѣ, не могла принять своевременнаго участія въ бою? Для объясненія этого явленія мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ повторить тѣ слова графа Л. Н. Толстаго, которыми онъ дѣлаетъ окончательную оцѣнку результатовъ Бородинской битвы.

„Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то, похожее на сновидѣніе, чувство,—что страшный размахъ руки падаетъ безсильно,—но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и неучаствовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ, послѣ вдесятеро меньшихъ усилій, непріятель бѣжалъ),—испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который,

потерявъ *половину* войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія;—нравственная сила французской арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска,—а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи,— была одержана Русскими подъ Бородинымъ... Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой смоленской дорогѣ, погибель 500-тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника".

Ежели четыре изъ пяти разрядовъ условій, составляющихъ силу войска, въ значительной степени склонялись въ пользу нашихъ непріятелей, то ничего не остается предположить, какъ то, что пятымъ элементомъ этой силы, то есть нравственнымъ духомъ, самоотверженностію обладали Русскіе въ степени несравненно большей, нежели ихъ противники, кто бы они ни были— Шведы, Пруссаки, или Французы, кто бы ими ни предводительствовалъ—Карлъ, Фридрихъ, или Наполеонъ,—обладали въ такой степени, что эта сила перевѣшивала всѣ остальныя преимущества, бывшія на сторонѣ нашихъ непріятелей.

То же самое говоритъ намъ другая черта русской военной исторіи. Еще ни разу не клала оружія сколько-нибудь значительная часть русской арміи, хотя не разъ и намъ случалось попадать въ отчаянное положеніе, между тѣмъ какъ и Пруссаки и Французы,—объ Австрійцахъ уже и не говорю,—сдавались большими отрядами, цѣлыми дивизіями, или оставляли крѣпости, почти не защищаясь.

Но, изъ пяти элементовъ военной силы,—тактическое обученіе и качество вооруженія суть условія, достиженіе которыхъ зависитъ отъ собственныхъ нашихъ усилій, и слѣдовательно всегда могутъ быть пріобрѣтены. Числительность войскъ зависитъ отъ числа народонаселенія и отъ его способности отзываться на голосъ отечества,—и силы восьмидесяти-милліоннаго Русскаго народа, готоваго на самыя напряженныя усилія, могутъ считаться въ этомъ отношеніи неистощимыми, послѣ того какъ русскій Царь получилъ возможность обращаться ко всѣмъ сословіямъ своего на-

рода прямо, безъ всякихъ посредниковъ. Талантъ военачальника есть дѣло случая, или даръ Провидѣнія, которыхъ конечно никто предусмотрѣть не можетъ. Нравственный же духъ войска, а слѣдовательно и населенія, изъ котораго оно набирается,—главная, какъ мы видѣли, сила, въ концѣ концовъ рѣшающая успѣхи войнъ, и которою Русскіе обладаютъ, по свидѣтельству исторіи, въ высшей степени,—принадлежатъ къ постояннымъ, кореннымъ свойствамъ народнымъ, которыя не могутъ быть ни пріобрѣтены, ни замѣнены чѣмъ бы то ни было.

Присоединивъ къ этому возможность возвести эти, всегда присущія Русскому народу свойства до степени дисциплинированнаго энтузіазма или героизма, тогда какъ противники наши лишены этой возможности и по неправотѣ, и по отвлеченности интересовъ, которые придется имъ защищать,—мы увидимъ, что превосходимъ ихъ въ этомъ дѣлѣ духовною силою, за которою всегда остается побѣда въ послѣднемъ результатѣ.

Въ этомъ пересмотрѣ нашихъ силъ мы далеко еще не все перечислили. Мы имѣемъ внѣ границъ нашихъ не менѣе двадцати пяти милліоновъ вѣрныхъ союзниковъ въ Грекахъ, въ турецкихъ и австрійскихъ Славянахъ, которымъ мы должны только дать возможность стать за насъ. Многіе, судя по литературнымъ и другимъ партіямъ, раздѣляющимъ славянскія племена,—преимущественно австрійскія,—по движенію въ части чешской молодежи въ пользу Поляковъ во время послѣдняго мятежа, и тому подобнымъ явленіямъ,—сомнѣваются въ преданности Славянъ Россіи. Но это происходитъ только отъ того, что они не тамъ ищутъ этого сочувствія и преданности, гдѣ должно искать, и гдѣ они имѣютъ настоящую цѣну и силу. Когда даже среди нашего русскаго общества встрѣчается непониманіе русскихъ интересовъ, сочувствіе Полякамъ, балтійскимъ Нѣмцамъ, взглядъ на наши политическія и иныя отношенія съ враждебной намъ европейской точки зрѣнія, — какъ же удивляться, что тѣ же недоразумѣнія, что тотъ же туманъ единой истинной и спасительной европейской цивилизаціи отуманиваетъ головы многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя составляютъ такъ называемую „интеллигенцію“ и въ западно-славянскихъ странахъ? Но и тутъ, какъ вездѣ, опора и сила наша не въ этихъ вывѣтрившихся поверхностныхъ слояхъ, а въ самомъ народномъ ядрѣ, которое живымъ инстинктомъ полагаетъ на Россію всѣ надежды свои,—къ ней устремляется всѣми своими сочувствіями.

При обыкновенномъ ходѣ историческихъ дѣлъ, эта народная сила нѣма, не подаетъ своего голоса ни въ брошюрахъ, ни въ газетахъ, ни на общественныхъ обѣдахъ со спичами, ни на митингахъ. Прислушиваясь лишь къ этимъ громко заявляющимъ о себѣ голосамъ, не думаютъ ли многіе еще и теперь,—не думали ли недавно почти всѣ, — что напримѣръ, вся западная окраина Россіи, начиная отъ Норовы до Днѣстра, враждебно настроена противъ Россіи? Между тѣмъ, опытъ показалъ, что войска, усмирявшія польское возстаніе (въ юго-западномъ краѣ, по крайней мѣрѣ) въ той же степени охраняли польское панство отъ мести народнои. Также точно, русскую сторону держитъ народъ и въ сѣверо-западномъ и въ балтійскомъ краѣ. Но въ очію обнаружилось это въ западномъ краѣ только вслѣдствіе мятежа. Этого мало: эта проба показала, что даже въ самой Польшѣ,—въ этой классической странѣ руссо-боязни и руссо-ненавидѣнія,—народъ на нашей сторонѣ.

Пусть только развяжетъ война путы дипломатическаго приличія, и мы увидимъ, какъ отзовутся славянскіе народы на искренній, прямой призывъ Россіи, который одинъ только и можетъ разомъ перетянуть на нашу сторону вѣсы въ борьбѣ съ враждебными намъ силами, къ которому, слѣдовательно, мы будемъ вынуждены самою силою обстоятельствъ,—призывъ, отсутствіе котораго было главною причиною неудачи Восточной войны, но котораго тогда сдѣлать было нельзя (по невозможности сочетанія политики либеральной и національной до освобожденія крестьянъ), какъ уже было замѣчено выше.

Великое дѣло освобожденія дало намъ въ руки еще новую силу, еще новое орудіе. Было время, когда Франція, гордясь добытыми ею плодами свободы, угрожала противникамъ своимъ такъ называемою пропагандою, какъ рычагомъ или домкратомъ, который могъ сдвинуть съ самыхъ основаній ихъ государственное зданіе, основанное не на знаменитыхъ началахъ 1789 года. Оружіе это, всегда тупое и безсильное по отношенію къ намъ, теперь давно уже выпало изъ рукъ Франціи и по отношенію къ европейскимъ государствамъ; ибо, что̀ можетъ предложить Франція прочимъ народамъ, чѣмъ бы они уже не пользовались еще въ большой степени, нежели сами Французы? Напротивъ того, Россія, эта страна варварства, застоя и абсолютизма, пріобрѣла внезапно такое нравственное оружіе, сила котораго не вполнѣ еще ясна и

для насъ самихъ, хотя уже мы имѣли случай разъ употребить ее въ дѣло съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, ибо не только умиротворили имъ Польшу, но обратили даже всю массу тамошняго народонаселенія въ преданныхъ Россіи подданныхъ, отъ нея лишь чающихъ своего спасенія и устройства своего благосостоянія. Нравственная сила эта называется — крестьянскимъ надѣломъ. Знамя, на которомъ будетъ написано: Православіе, Славянство и крестьянскій надѣлъ,—то есть: нравственный, политическій и экономическій идеалъ народовъ Славянскаго культурнаго типа — не можетъ не сдѣлаться символомъ побѣды,—нашимъ: „*Симъ побѣдиши*", которое внесетъ въ ряды наши и нашихъ союзниковъ—увѣренность торжества, и ужасъ и смятеніе—въ ряды нашихъ противниковъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

СЛАВЯНСКІЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ТИПЪ.

(вмѣсто заключенія).

Предъидущею главою я, собственно говоря, кончилъ принятую на себя задачу. Частный случай—ходъ Шлезвигъ-Голштейнскаго вопроса, сравнительно съ ходомъ вопроса Восточнаго передъ Крымскою войною, — далъ мнѣ поводъ выставить на видъ враждебность Европы къ Россіи и Славянству. Затѣмъ старался я объяснить причины этой враждебности, которая только съ особенною ясностью и общностью выразилась въ этомъ дѣлѣ, но проникаетъ и обнимаетъ собою всѣ отношенія Европы къ Славянству, — отъ самыхъ частныхъ до самыхъ общихъ сферъ. Это изслѣдованіе привело къ тому заключенію, что враждебность эта кроется въ глубокой розни, существующей между мірами Славянскимъ и Германо-романскимъ,—розни, которая проникаетъ до самыхъ основаній общаго плана развитія всемірной исторіи. Только ложное, несообразное съ истинными началами научно-естественной систематизаціи явленій, пониманіе общаго хода исторіи, отношенія національнаго къ общечеловѣческому, и такъ называемаго прогресса могло привести къ смѣшенію понятій частной европейской или германо-романской цивилизаціи—съ цивилизаціею обще- или, правильнѣе, все-человѣческою; оно породило пагубное заблужденіе, извѣстное подъ именемъ *западничества*, которое, не сознавая ни тѣснаго общенія между Россіею и Славянствомъ, ни историческаго смысла этого послѣдняго,—отмѣриваетъ намъ и братьямъ нашимъ жалкую, ничтожную историческую роль подражате-

лей Европы,—лишаетъ насъ надежды на самобытное культурное значеніе, т. е. на великую историческую будущность. Послѣ этого общаго, такъ сказать теоретическаго, взгляда, я старался развить и дополнить его указаніями на главныя стороны различія между славянскимъ и германо-романскимъ культурно-историческими типами и на гибельныя слѣдствія, къ которымъ привело насъ это западничество или европейничанье на практикѣ, составивъ ту болѣзнь, которою страдаетъ Русское общественное тѣло, болѣзнь,— подъ которую подводятся всѣ наши общественные недуги. Лѣкарствомъ отъ этой болѣзни можетъ служить, по нашему мнѣнію, только цѣлебная сила самихъ историческихъ событій, которая одна только и можетъ поднять духъ нашего общества, страдающаго именно упадкомъ и приниженіемъ духа. Излѣченіе возможно и вѣроятно, потому что болѣзнь, по счастію, не проникла еще далѣе поверхности общественнаго слоя. Это одаренное цѣлебною силою событіе, или точнѣе, цѣлый рядъ событій, видимъ мы въ послѣднемъ дѣйствіи борьбы, извѣстной подъ именемъ Восточнаго вопроса, основанія котораго лежатъ глубоко въ общемъ ходѣ всемірнаго историческаго развитія, — въ борьбѣ, которая въ непродолжительномъ времени должна наложить печать свою на цѣлый историческій періодъ. Важность этой неминуемо предстоящей борьбы заставила насъ вникнуть какъ въ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ единственно полезнаго для Славянства рѣшенія ея, заключающагося въ полномъ политическомъ освобожденіи всѣхъ Славянскихъ народовъ и въ образованіи всеславянскаго союза подъ гегемоніею Россіи, такъ и въ залоги нашего успѣха въ этой борьбѣ.

Начавъ съ общихъ историко-философскихъ соображеній, я спустился такимъ образомъ въ область частныхъ политическихъ, указывая на тотъ путь, которымъ Россія и Славянство ведутся и должны наконецъ привестись къ осуществленію тѣхъ обѣщаній, которыя даны имъ ихъ этнографическою основою, тѣми особенностями, которыи отличаютъ ихъ въ числѣ прочихъ семействъ великаго арійскаго племени. Этимъ могли бы мы, слѣдовательно, заключить наши изслѣдованія; но намъ остается еще исполнить данное выше обѣщаніе. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы сказали, что невѣрующіе въ самобытность славянской культуры возражаютъ противъ нея вопросомъ: „въ чемъ же именно будетъ состоять эта новая цивилизація, каковъ будетъ характеръ ея

науки, ея искусства, ея гражданскаго и общественнаго строя?" Отклонивъ это требованіе въ такой формѣ, какъ нелѣпое, ибо удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣлалъ бы самое развитіе этой цивилизаціи совершенно излишнимъ, я обѣщалъ, однако, и на него отвѣтить въ общихъ чертахъ, насколько это возможно сдѣлать на основаніи существеннаго характера доселѣ бывшихъ цивилизацій, въ сравненіи съ тѣми зачатками ея, которые успѣли уже выразиться въ славянскомъ культурно-историческомъ типѣ. Теперь пришло время исполнить это обѣщаніе, и это заставляетъ меня снова обратиться въ область общихъ историческихъ соображеній.

Въ такомъ крайне трудномъ, такъ сказать гадательномъ дѣлѣ, какъ характеристика будущаго хода культурно-историческаго движенія,—хотя бы то было въ самыхъ общихъ чертахъ,—намъ не остается инаго пути, чтобы не впасть въ совершенно безсодержательныя мечтанія, какъ подвести подъ самыя общія категоріи дѣятельность прошедшихъ культурно-историческихъ типовъ, уже довершившихъ свое дѣло, или, по крайней мѣрѣ, уже ясно обозначившихъ свое направленіе,—такъ сказать, сосредоточить историческіе результаты ихъ жизни въ возможно краткія и всеобъемлющія формулы,—и затѣмъ сравнить эти общія категоріи достигнутыхъ ими результатовъ съ теоретическими требованіями отъ полнаго и всесторонняго хода историческаго движенія. Такимъ образомъ могутъ быть выяснены историческія desiderata. Сравненіе ихъ съ культурными задатками, которые Славянство успѣло уже проявить въ своей исторической жизни, должно показать, насколько въ правѣ мы ожидать въ будущемъ осуществленія этихъ desiderata отъ дальнѣйшаго хода славянскаго развитія, если оно пойдетъ правильнымъ, выше указаннымъ нами, путемъ, на которомъ первый необходимый шагъ есть достиженіе полной политической независимости, а вмѣстѣ и славянскаго единства, сообразно съ требованіями 2-го и 4-го законовъ развитія культурно-историческихъ типовъ.

Прежде всего предстоитъ намъ, слѣдовательно, прибѣгнуть къ установленію тѣхъ общихъ категорій, подъ которыя подводились бы естественнымъ образомъ всѣ стороны народной дѣятельности, которыя обнимали бы собою всѣ разнообразныя обнаруженія исторической жизни, обозначаемыя словами культура и цивилизація.

Общихъ разрядовъ культурной дѣятельности, въ обширномъ смыслѣ этого слова не могущихъ уже быть подведенными одинъ подъ другой, (которые мы должны, слѣдовательно, признать за высшія категоріи дѣленія)—насчитывается ни болѣе ни менѣе четырехъ, именно:

1) *Дѣятельность религіозная*, объемлющая собою отношенія человѣка къ Богу,—понятіе человѣка о судьбахъ своихъ, какъ нравственнаго недѣлимаго въ отношеніи къ общимъ судьбамъ человѣчества и вселенной, то есть, выражаясь болѣе общими терминами: народное міровоззрѣніе, не какъ теоретическое, болѣе или менѣе гадательное знаніе, во всякомъ случаѣ доступное только немногимъ,—а какъ твердая вѣра, составляющая живую основу всей нравственной дѣятельности человѣка.

2) *Дѣятельность культурная, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова*, объемлющая отношенія человѣка къ внѣшнему міру, во первыхъ, *теоретическое, научное*, во-вторыхъ, *эстетическое, художественное* (при чемъ, конечно, къ внѣшнему міру причисляется и самъ человѣкъ, какъ предметъ изслѣдованія, мышленія и художественнаго воспроизведенія), и въ третьихъ, *техническое, промышленное*, то есть добываніе и обработка предметовъ внѣшняго міра, примѣнительно къ нуждамъ человѣка и сообразно съ пониманіемъ какъ этихъ нуждъ, такъ и внѣшняго міра, достигнутымъ путемъ теоретическимъ.

3) *Дѣятельность политическая*, объемлющая собою отношенія людей между собою, какъ членовъ одного народнаго цѣлаго и отношенія этого цѣлаго, какъ единицы высшаго порядка, къ другимъ народамъ. Наконецъ—

4) *Дѣятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношенія людей между собою не непосредственно, какъ нравственныхъ и политическихъ личностей, а посредственно—примѣнительно къ условіямъ пользованія предметами внѣшняго міра, слѣдовательно и добыванія и обработки ихъ.

Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ каждый изъ культурно-историческихъ типовъ, — жизнь которыхъ составляетъ содержаніе всемірной исторіи, — проявлялъ свою дѣятельность по этимъ общимъ категоріямъ, на которыя эта дѣятельность раздѣляется,—и какихъ достигалъ въ ней результатовъ.

Первыя культуры: Египетскую, Китайскую, Вавилонскую, Индійскую и Иранскую, мы можемъ, по всей справедливости, назвать

первичными или аутохтонными, потому что онѣ сами себя построили, такъ сказать сосредоточивъ на разныхъ точкахъ земнаго шара слабые лучи первобытной до-государственной дѣятельности человѣчества. Онѣ не проявили въ особенности ни одной изъ только-что перечисленныхъ нами сторонъ человѣческой дѣятельности, а были, такъ сказать, культурами подготовительными, имѣвшими своею задачею выработать тѣ условія, при которыхъ вообще становится возможною жизнь въ организованномъ обществѣ.

Все было въ нихъ еще въ смѣшеніи; религія, политика, культура, общественно-экономическая организація еще не выдѣлились въ особыя категоріи дѣятельности, и напрасно приписываютъ этимъ первобытнымъ цивилизаціямъ—въ особенности Египетской и Индійской—спеціально-религіозный характеръ. Конечно, въ эти первобытныя времена, когда анализъ игралъ еще весьма слабую роль въ умственной дѣятельности человѣка, находившагося подъ подавляющимъ вліяніемъ великаго цѣлаго, — мистико-религіозное направленіе проникало весь строй тогдашняго общества; но это значитъ только, что религіозная область, какъ и всѣ прочія, еще не выдѣлилась, не обособилась. Астрономическія занятія халдейскихъ жрецовъ, геометрическія египетскихъ — были такими же священнодѣйствіями, какъ и совершеніе религіозныхъ церемоній. Касты объяснялись и оправдывались происхожденіемъ людей изъ различныхъ частей тѣла Брамы. Если въ такихъ примѣрахъ можно видѣть доказательство вмѣшательства религіи въ науку и въ общественно-экономическій строй; то съ такимъ же точно правомъ можно утверждать вмѣшательство науки и экономическаго общественнаго строя въ религію,—какъ оно и на самомъ дѣлѣ было. Въ Китаѣ, прозаическое, реальное направленіе котораго не давало такого простора мистико-религіознымъ воззрѣніямъ,—тѣмъ не менѣе существуетъ тоже смѣшеніе религіозной съ прочими сферами дѣятельности: земледѣліе есть священнодѣйствіе. Но такъ же точно смѣшаны наука и политика;—такъ, напримѣръ, экзаменъ есть единственное средство повышенія въ служебной іерархіи, астрономическія наблюденія составляютъ предметъ государственной службы. Несправедливо, поэтому, называть древнія Египетское и Индійское государства — теократіями. Въ Индіи, какъ извѣстно, духовная каста—Брамины были совершенно чужды политическаго честолюбія. Честолюбіе и гордость ихъ были совершенно инаго характера; они почитали свое духовное призваніе, религіозное, научное, ху-

дожественное,—чѣмъ-то несравненно высшимъ, чѣмъ грубое, земное политическое дѣло, которое и предоставляли низшимъ кастамъ, требуя для себя лишь почета, а не власти. Въ томъ же родѣ было и вліяніе египетскихъ жрецовъ.

Религія выдѣлилась, какъ нѣчто особенное и вмѣстѣ высшее только въ цивилизаціи Еврейской, и была всепроницающимъ ея началомъ. Только религіозная дѣятельность Еврейскаго народа осталась завѣтомъ его потомству. Религія эта была безпримѣсная, а только сама налагала на все свою печать, и всѣ остальныя стороны дѣятельности оставались въ пренебреженіи; и въ нихъ Евреями не произведено ничего заслуживающаго вниманія ихъ современниковъ и потомства. Въ наукѣ они даже не заимствовали ничего отъ своихъ сосѣдей—Вавилонянъ и Египтянъ; изъ искусствъ процвѣтала у нихъ одна лишь религіозная поэзія; въ другихъ отрасляхъ художественной дѣятельности, такъ же какъ и въ техникѣ, они были столь слабы, что даже для постройки и украшенія храма Іеговы—центра ихъ народной жизни, — должны были прибѣгнуть къ помощи Финикіянъ. Политическое устройство Еврейскаго народа было до того несовершенно, что онъ не могъ даже и охранять своей независимости, не только противъ могущественныхъ государствъ, какъ Вивилонъ, Ассирія, но даже противъ мелкихъ Ханаанскихъ народовъ, и вся политическая ихъ дѣятельность, такъ же какъ и самое общественное экономическое устройство,—составляли полное отраженіе ихъ религіозныхъ воззрѣній. Но за то религіозная сторона ихъ жизни и дѣятельности была возвышенна и столь совершенна, что народъ этотъ по справедливости называется народомъ богоизбраннымъ, такъ какъ среди его выработалось то религіозное міросозерцаніе, которое подчинило себѣ самыя высокія, развитыя цивилизаціи, и которому суждено было сдѣлаться религіею всѣхъ народовъ, единою, вѣчною, непреходящею ея формою. Это заключеніе, какъ замѣтили мы уже выше, нисколько не измѣняется,—будемъ-ли мы держаться того взгляда, что ученія ветхаго и новаго завѣта суть постепенно выработанныя этимъ народомъ формы міровоззрѣнія, или постепенно сообщавшееся ему свыше откровеніе.

Слѣдовательно, еврейскій культурно-историческій типъ можемъ мы назвать не только преимущественно, но даже исключительно религіознымъ.

Подобно тому, какъ еврейская культура была исключительно

религіозна,—типъ эллинскій былъ типомъ культурнымъ, и притомъ преимущественно художественно-культурнымъ. Передъ этою стороною развитія отступали всѣ остальныя на заднiй планъ. Можно даже сказать, что въ самомъ психическомъ строѣ древнихъ Грековъ не было пригодной почвы, на которой могла бы развиваться экономическая, политическая и религіозная стороны человѣческой дѣятельности. Этому столь богато одаренному въ культурномъ отношеніи народу не доставало ни экономическаго, ни политическаго, ни религіознаго смысла. Объ общественно-экономической сторонѣ развитія нечего много распространяться. Народъ, у котораго рабство было не только случайнымъ, временнымъ явленіемъ, такъ сказать подготовительнымъ процессомъ для достиженія иныхъ высшихъ формъ общественнаго устройства,—а фундаментальнымъ фактомъ, на которомъ опиралась вся ихъ политическая и умственная жизнь, со всею ея философскою гуманностью и эстетическою роскошью,—такой народъ не могъ содѣйствовать развитію соціально-экономической идеи.

Въ политическомъ отношеніи Греки не могли даже возвыситься до сознанія *политическаго* единства своего племени, хотя они и сознавали себя особою культурною единицею въ противоположность всѣмъ остальнымъ народамъ-варварамъ. Только Персидская гроза, при общей опасности, зажгла въ нихъ общій греческій патріотизмъ, но и то весьма несовершеннымъ образомъ. Спартанцы умышленно опоздали на Мараѳонское поле; Аргосъ и Віотія отъ страха покорились Ксерксу и не участвовали въ борьбѣ противъ него; Пелопонезцы настаивали на томъ, чтобы предать въ жертву врагамъ материковую Грецію и защищаться на Коринѳскомъ перешейкѣ. Когда съ исчезновеніемъ опасности прошелъ и патріотическій энтузіазмъ, политическая исторія Греціи обращается опять въ исторію внутреннихъ раздоровъ и междоусобныхъ войнъ по самымъ жалкимъ и ничтожнымъ причинамъ. Изъ-за своихъ эгоистическихъ видовъ, изъ-за узкой идеи преобладанія, ищутъ Спартанцы помощи Персовъ. Замѣтимъ, что это дѣлалось не во времена первобытной грубости и дикости нравовъ и не во времена упадка, а въ самое цвѣтущее время умственнаго развитія Грековъ.—Знаменитый Демосѳенъ, не понимая положенія вещей, не имѣя смысла для постиженія обще-греческой идеи, употребляетъ свое краснорѣчіе, дабы увлечь Аѳинянъ на гибельный путь сопротивленія Филиппу; и Аѳиняне, столь же лишенные политическаго

смысла,—слѣдуютъ его совѣтамъ, а не Фокіоновымъ. И такъ продолжается дѣло до самаго покоренія Римлянами.

Подобнымъ же образомъ, и религіозное ученіе Грековъ выказываетъ отсутствіе истиннаго религіознаго смысла и чувства. Ихъ религіозное міровоззрѣніе одно изъ самыхъ мелкихъ и жалкихъ, и совершенно недостойно народа, занимающаго такое высокое мѣсто въ философскомъ мышленіи. Изъ трехъ сторонъ религіи, которыми она удовлетворяетъ тремъ сторонамъ человѣческаго духа—догматики, эѳики и культа—только этотъ послѣдній, соотвѣтственно художественной организаціи Грековъ, имѣетъ дѣйствительное значеніе. Догматика ихъ не представляетъ ни глубины, ни стройности, собственно говоря—не имѣетъ даже никакого содержанія, ибо не заключаетъ въ себѣ ни метафизики, ни космогоніи, ни ученія о духовной сущности міра, ни теоріи его происхожденія. Ученіе о міроправительномъ Промыслѣ—чуждо этой догматикѣ: и высшая идея, до которой могло возвыситься религіозное міросозерцаніе Грековъ,—состоитъ въ слѣпомъ. безсознательномъ фатумѣ, въ олицетвореніи закона физической необходимости. Сообразно съ этою бѣдностью догматическаго содержанія, и эѳическая сторона не имѣетъ почвы, основанія. Она не представляетъ намъ свода нравственныхъ правилъ, освященныхъ высшимъ божественнымъ авторитетомъ, который служилъ-бы непреложнымъ руководствомъ въ практической дѣятельности. Исторія похожденій ихъ божествъ, которая могла-бы замѣнить нравственный кодексъ живымъ примѣромъ, есть скорѣе школа безнравственности и соблазна. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ религія Грековъ не можетъ выдержать никакого сравненія ни съ философскимъ пантеизмомъ Браманизма, гдѣ подъ грубыми формами всегда скрывается глубокій смыслъ, ни съ глубокою метафизикою Буддизма, ни съ возвышеннымъ ученіемъ Зороастра, ни съ строгимъ единобожіемъ Магометанства. Религія играла столь невидную роль въ греческой жизни, что никогда не имѣла своего священнаго писанія, ибо нельзя же назвать этимъ именемъ Гезіодову Ѳеогонію,—скорѣе систематизированный сборникъ народныхъ легендъ, чѣмъ религіозный кодексъ, своего рода Четь-Минея, а не Библія,—которой притомъ же не приписывалось никакого авторитета.

Всѣ эти религіозныя сказанія служили лишь матеріаломъ для воплощенія художественной фантазіи Грековъ и возводились, при посредствѣ ея, въ художественные типы прекраснаго, безъ всякаго

таинственнаго и нравственнаго значенія. Сообразно съ такимъ значеніемъ греческой религіи, и носитъ она на языкѣ всѣхъ народовъ названіе миѳологіи по преимуществу, то есть миѳологіи, которая не служитъ оболочкою чему-то высшему, сокровенному, а заключаетъ въ себѣ уже все свое содержаніе и есть сама себѣ цѣль,—однимъ словомъ есть тѣло безъ души. Религія Грековъ есть, собственно говоря, поклоненіе самодовлѣющей красотѣ, и потому отъ нея вѣетъ эпикуреизмомъ, который и есть собственно греческое міровоззрѣніе,—ихъ національная философія, проявлявшаяся во всей ихъ практической жизни, и прежде, и послѣ того, какъ она была формулирована Эпикуромъ. Нравственность ихъ заключалась единственно въ чувствѣ мѣры, которое и есть все, что̀ можетъ дать эстетическое міровоззрѣніе. Но это чувство мѣры—скорѣе основной принципъ искусства наслаждаться жизнію, чѣмъ начало нравственно-религіозное, сущность котораго всегда заключается въ самопожертвованіи.

Столь же одностороненъ, какъ греческій и еврейскій культурно-историческіе типы, былъ и типъ римскій, развившій и осуществившій съ успѣхомъ одну лишь политическую сторону человѣческой дѣятельности. Политическій смыслъ Римлянъ не имѣетъ себѣ подобнаго. Небольшее зерно кристаллизируетъ около себя племена Лаціума и подчиняетъ себѣ мало по малу,—постепенно, систематически, а не завоевательными порывами,—весь бассейнъ Средиземнаго моря и всю западную окраину Атлантическаго океана. Свободолюбивые Римляне никогда, однакоже, не теряютъ дара повиновенія, дара подчиненія своей личной воли волѣ общей, для воплощенія которой среди республики оставляется ими мѣсто для диктатуры, которая у нихъ не политическая случайность, зависѣвшая отъ преобладанія, пріобрѣтаемаго честолюбивымъ дарованіемъ, а правильный институтъ, имѣющій вступать въ дѣйствіе при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Этого мало. Сообразно возрастанію государства, они измѣняютъ форму правленія, перемѣняя республику на имперію, которая дѣлается учрежденіемъ вполнѣ народнымъ, держащимся не внѣшнею силою,—ибо сколько было слабыхъ, ничтожныхъ императоровъ,—а волею народною, инстинктивно чувствовавшею необходимость имперіи для поддержанія разросшагося государства въ трудныя и опасныя времена. Взаимныя отношенія гражданъ опредѣляются, въ продолженіе государственной жизни Рима, самымъ точнымъ и пол-

нымъ образомъ и составляютъ собою совершеннѣйшій кодексъ гражданскихъ законовъ.

Но и въ Римѣ, такъ же какъ и въ Греціи, рабство составляетъ основной, фундаментальный фактъ общественнаго строя. Культурная дѣятельность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, также совершенно незначительна: въ наукѣ, въ философскомъ мышленіи, такъ же какъ и въ искусствахъ, за исключеніемъ архитектуры, Римъ не производитъ ничего оригинальнаго. Заключалась ли причина этой непроизводительности въ самихъ нравственныхъ, духовныхъ условіяхъ Латинской расы, или въ подражательности Римлянъ, въ ихъ порабощеніи Грекамъ въ сферѣ науки и искусства,—это не подлежитъ теперь нашему разбору; для насъ достаточно самаго факта.

Сказанное о религіи Грековъ относится вполнѣ и къ Римлянамъ. Она также бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, лишена глубокаго догматическаго и ѳическаго содержанія и смысла, также лишена священнаго писанія; и, только по этой безсодержательности, могъ Римъ относиться съ такимъ индифферентизмомъ ко всякой религіозной формѣ, такъ что боги всѣхъ покоренныхъ народовъ становились и его богами, національныя божества Римлянъ слились съ божествами Греціи, ставъ, такъ сказать, ихъ переводами,—Юпитеръ сдѣлался синомимомъ Зевеса, Нептунъ—Посейдона, и такъ далѣе. Существенное отличіе заключалось лишь въ томъ, что, какъ, сообразно основной чертѣ психическаго строя Грековъ, ихъ религія получила исключительно эстетическій характеръ,—религія Римлянъ, также соотвѣтственно основнымъ свойствамъ ихъ міровоззрѣнія и культуры, получила характеръ политическій. Посему, тѣ только ученія, которыя не могли подчиниться такому политическому взгляду на религію, послѣдователи которыхъ не могли поклоняться обожествленному Римскому государству, готовому, подъ этимъ условіемъ, усыновить себѣ предметъ ихъ спеціальнаго поклоненія,—претерпѣвали религіозное гоненіе.

Такимъ образомъ, цивилизаціи, послѣдовавшія за первобытными аутохтонными культурами, развили каждая только одну изъ сторонъ культурной дѣятельности: *Еврейская* — сторону *религіозную*, *Греческая* — *собственно культурную*, а *Римская* — *политическую*. Поэтому мы должны характеризировать культурно-историческіе типы: еврейскій, греческій и римскій — именемъ *типовъ одноосновныхъ*.

Дальнѣйшій историческій прогрессъ могъ и долженъ былъ преимущественно заключаться какъ въ развитіи четвертой стороны культурной дѣятельности — общественно-экономической, — такъ и въ достиженіи большей многосторонности, посредствомъ соединенія въ одномъ и томъ же культурномъ типѣ нѣсколькихъ сторонъ культурной дѣятельности, проявлявшихся доселѣ раздѣльно. На эту болѣе широкую дорогу, болѣе сложную ступень развитія, и выступилъ тотъ типъ, который, подъ именемъ европейскаго или германо-романскаго, главнѣйшимъ образомъ занялъ историческую сцену послѣ распаденія Западной Римской имперіи.

Подобно логическому процессу мысли въ индивидуальномъ духовномъ существѣ, раскрылись и въ логическомъ ходѣ всемірной исторіи—путемъ анализа—отдѣльныя стороны культурнаго движенія изъ первоначальнаго смѣшаннаго (не-дифференцированнаго) состоянія, представителями котораго были древнѣйшія государства Азіи и Африки; а затѣмъ наступилъ, повидимому, моментъ для процесса синтетическаго слiянія въ исторіи Германо-романскихъ народовъ. Обстоятельства времени благопріятствовали осуществленію такого синтезиса. Религіозная истина, въ вѣчной формѣ Христіанства, была открыта и усвоена съ покорностью и восторгомъ новыми народами, богатыми дарами духовной природы, къ числу которыхъ нельзя не причислить и пламеннаго религіознаго чувства. Въ этомъ же религіозномъ ученіи скрывалась, какъ въ зернѣ, необходимость уничтоженія рабства; и дѣйствительно, оно оказалось лишь преходящею формою быта Германо-романскихъ народовъ. Политическимъ смысломъ и способностью для культурнаго развитія: научнаго, художественнаго и промышленнаго,—оказались эти народы также богато одаренными.

Всѣмъ этимъ великимъ задаткамъ не суждено было, однако же, осуществиться вполнѣ, и препятствіемъ къ сему послужили: насильственность ихъ энергическаго характера и, павшее на благопріятную почву,—сильное вліяніе римскаго властолюбія и римскаго государственнаго строя. Мы уже видѣли, какъ этимъ путемъ искажена была христіанская истина чрезъ искаженіе существенно-важнаго понятія о значеніи Церкви, которая обратилась въ религіозно-политическій деспотизмъ католицизма. Этотъ церковный деспотизмъ въ соединеніи съ деспотизмомъ феодальнымъ, коренившимся въ насильственности германскаго характера, и съ деспотизмомъ схоластики, коренившимся въ подобострастномъ отношеніи къ

народностью, не путемъ дѣятельной религіозной пропаганды,—а путемъ внутренняго недовольства, неудовлетворенія язычествомъ и свободнаго исканія истины.

Самый характеръ Русскихъ и вообще Славянъ, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имѣетъ наибольшую соотвѣтственность съ христіанскимъ идеаломъ. Съ другой стороны, религіозныя уклоненія, болѣзни Русскаго народа,—расколъ старообрядства и секты, указываютъ: первый—на настойчивую охранительность, не допускающую ни малѣйшихъ перемѣнъ въ самой внѣшности, въ оболочкѣ святыни; вторые же, особенно духоборство,—на способность къ религіозно-философскому мышленію. У другихъ Славянскихъ народовъ мы видимъ гуситское религіозное движеніе—самую чистую, идеальную изъ религіозныхъ реформъ, въ которой проявлялся не мятяжный, преобразовательный духъ реформы Лютера, Кальвина, а характеръ реставраціонный, возстановительный, стремившійся къ возвращенію къ духовной истинѣ, нѣкогда переданный св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Съ другой стороны, и у западныхъ Славянъ, въ глубоко-искажающемъ вліяніи латинства на польскій народный характеръ видимъ мы опять доказательство, что религіозное ученіе не скользитъ у Славянскихъ народовъ по поверхности, а способно выказать на его благодарной нивѣ вполнѣ все, что въ немъ заключается, при чемъ, посѣянное зерно, смотря по его специфическимъ особенностямъ, выростаетъ въ добрый плодъ, или въ плевелы и волчцы.

Правда, что религіозная дѣятельность Русскаго народа была по преимуществу охранительно-консервативною,—и это ставится ему нѣкоторыми въ вину. Но религіозная дѣятельность есть охранительная по самому существу своему, какъ это вытекаетъ изъ самаго значенія религіи, которая—или дѣйствительное откровеніе, или по крайней мѣрѣ почитается таковымъ вѣрующими. На самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, во мнѣніи своихъ поклонниковъ, религія непремѣнно происходитъ съ неба, и потому только и достигаетъ своей цѣли — быть твердою, незыблемою основою практической нравственности, сущность которой состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ самоотверженности, въ самопожертвованіи, возможныхъ лишь при полной достовѣрности тѣхъ началъ, во имя которыхъ онѣ требуются. Всякая же другая достовѣрность, философская, метафизическая и даже положительно-научная, не

всѣми остальными культурными типами, не исключая даже Греческаго. Таковы же плоды и промышленной, технической дѣятельности. Со стороны искусства, хотя народы Европы и должны уступить пальму первенства Грекамъ по степени совершенства достигнутыхъ результатовъ, они, однако-же, значительно расширили его область и проложили въ ней новые пути. По всѣмъ этимъ причинамъ, должны мы усвоить за Германо-романскимъ культурно-историческимъ типомъ названіе *дву-основнаго, политико-культурнаго типа*, съ преимущественно научнымъ и промышленнымъ характеромъ культуры, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Обращаюсь теперь къ міру Славянскому, и преимущественно къ Россіи, какъ единственной независимой представительницѣ его, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть результаты и задатки еще начинающейся только его культурно-исторической жизни, съ четырехъ принятыхъ точекъ зрѣнія: религіи, культуры, политики и общественно-экономическаго строя, дабы такимъ образомъ уяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, чего въ правѣ мы ожидать и надѣяться отъ Славянскаго культурно-историческаго типа, въ чемъ можетъ заключаться особая славянская цивилизація, если она пойдетъ по пути самобытнаго развитія?

Религія составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержаніе древней русской жизни, и въ настоящее время въ ней же заключается преобладающій духовный интересъ простыхъ русскихъ людей; и по истинѣ, нельзя не удивляться невѣжеству и дерзости тѣхъ, которые могли утверждать (въ угоду своимъ фантазіямъ) религіозный индифферентизмъ русскаго народа.

Со стороны объективной, фактической, русскому и большинству прочихъ славянскихъ народовъ достался историческій жребій быть вмѣстѣ съ Греками главными хранителями живаго преданія религіозной истины—православія, и такимъ образомъ, быть продолжателями великаго дѣла, выпавшаго на долю Израиля и Византіи,—быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической, Русскіе и прочіе Славяне одарены жаждою религіозной истины, что̀ подтверждается какъ нормальными проявленіями, такъ и самыми искаженіями этого духовнаго стремленія.

Мы уже указали на особый характеръ принятія христіанства Россіею, не путемъ подчиненія высшей по культурѣ христіанской народности, не путемъ политическаго преобладанія надъ такою

народностью, не путемъ дѣятельной религіозной пропаганды,—а путемъ внутренняго недовольства, неудовлетворенія язычествомъ и свободнаго исканія истины.

Самый характеръ Русскихъ и вообще Славянъ, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имѣетъ наибольшую соотвѣтсвенность съ христіанскимъ идеаломъ. Съ другой стороны, религіозныя уклоненія, болѣзни Русскаго народа,—расколъ старообрядства и секты, указываютъ: первый—на настойчивую охранительность, не допускающую ни малѣйшихъ перемѣнъ въ самой внѣшности, въ оболочкѣ святыни; вторые же, особенно духоборство,—на способность къ религіозно-философскому мышленію. У другихъ Славянскихъ народовъ мы видимъ гуситское религіозное движеніе—самую чистую, идеальную изъ религіозныхъ реформъ, въ которой проявлялся не мятяжный, преобразовательный духъ реформы Лютера, Кальвина, а характеръ реставраціонный, возстановительный, стремившійся къ возвращенію къ духовной истинѣ, нѣкогда переданный св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Съ другой стороны, и у западныхъ Славянъ, въ глубоко искажающемъ вліяніи латинства на польскій народный характеръ видимъ мы опять доказательство, что религіозное ученіе не скользитъ у Славянскихъ народовъ по поверхности, а способно высказать на его благодарной нивѣ вполнѣ все, что въ немъ заключается, при чемъ, посѣянное зерно, смотря по его специфическимъ особенностямъ, выростаетъ въ добрый плодъ, или въ плевелы и волчцы.

Правда, что религіозная дѣятельность Русскаго народа была по преимуществу охранительно-консервативною,—и это ставится ему нѣкоторыми въ вину. Но религіозная дѣятельность есть охранительная по самому существу своему, какъ это вытекаетъ изъ самаго значенія религіи, которая—или дѣйствительное откровеніе, или по крайней мѣрѣ почитается таковымъ вѣрующими. На самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, во мнѣніи своихъ поклонниковъ, религія непремѣнно происходитъ съ неба, и потому только и достигаетъ своей цѣли — быть твердою, незыблемою основою практической нравственности, сущность которой состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ самоотверженности, въ самопожертвованіи, возможныхъ лишь при полной достовѣрности тѣхъ началъ, во имя которыхъ онѣ требуются. Всякая же другая достовѣрность, философская, метафизическая и даже положительно-научная, не

должны бы мы были приписать невыгоднымъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, въ которыхъ находилась временно эта страна, а не коренной неспособности,—что̀ и подтвердилось высказывающимъ глубокій политическій смыслъ образомъ дѣйствій Пруссіи, котораго она держится уже съ давнихъ временъ (по крайней мѣрѣ со времени Великаго Курфюрста) и который увѣнчался на нашихъ глазахъ дѣйствіями Бисмарка.

Въ этомъ сужденіи о политической неспособности Славянъ сказывается таже недобросовѣстность, или, въ лучшемъ случаѣ,—тотъ же оптическій обманъ, какъ и въ сужденіяхъ о мнимомъ недостаткѣ единства Русскаго государства, потому де, что въ составъ его входитъ, можетъ быть, около сотни народовъ разныхъ наименованій. При этомъ забывается, что все это разнообразіе исчезаетъ передъ перевѣсомъ Русскаго племени, — если къ качественному анализу явленія присоединить и количественный. Если бы всѣ западные и юго-восточные Славянскіе народы были дѣйствительно неспособны къ политической жизни, то все-таки за Славянскимъ племенемъ вообще должно было бы признать высокій политическій смыслъ, въ виду одного лишь Русскаго государства.

Но справедлива ли мысль о государственной неспособности другихъ славянскихъ народностей, кромѣ русской? Западныя Славянскія племена, еще въ эпоху гибкости и мягкости, которыми отличается этнографическій періодъ народной жизни, находились подъ непрестаннымъ враждебнымъ политическимъ и культурнымъ воздѣйствіемъ ранѣе ихъ сложившихся народовъ германо-романскаго культурнаго типа.

Не смотря на это, образовалось уже въ IX столѣтіи могущественное Моравское государство, получившее было и зародыши самобытной культуры—въ православіи и славянской письменности, но которые послѣ были въ немъ вырваны враждебнымъ нѣмецко-католическимъ вліяніемъ. Нашествіе Угровъ разорвало связь между западными Славянами. Южная часть ихъ не могла отыскать центра своего тяготѣнія подъ вліяніемъ Византіи, вторгнувшихся Турокъ, захватовъ Венеціи, мадьярскихъ завоеваній, австрійской марки. Сѣверная часть, получивъ духовное оживленіе реформою Гуса, успѣла образоваться во время Подибрада въ особое благоустроенное государство; но могъ ли устоять этотъ славянскій островъ, или выступъ, среди нѣмецкаго разлива, не опираясь на всю силу соединеннаго Славянства?

эта охранительность. Гдѣ незначительная перемѣна обряда могла показаться новшествомъ, возмутившимъ совѣсть милліоновъ вѣрующихъ, тамъ конечно были осторожны въ этомъ отношеніи; и кто знаетъ, отъ сколькихъ неблагоразумныхъ шаговъ удержало насъ старообрядство, послѣ того какъ европейничанье охватило русскую жизнь!

И такъ, мы можемъ сказать, что религіозная сторона культурной дѣятельности составляетъ принадлежность Славянскаго культурнаго типа и Россіи въ особенности, — есть неотъемлемое его достояніе, какъ по психологическому строю составляющихъ его народовъ, такъ и потому, что имъ досталось храненіе религіозной истины;—это доказывается какъ положительною, такъ и отрицательною стороною религіозной жизни Россіи и Славянства.

Если обратимся къ политической сторонѣ вопроса,—къ тому, насколько Славянскіе народы выказали способности къ устройству своей государственности, мы встрѣчаемъ явленіе весьма неободрительное, съ перваго взгляда. Именно, всѣ Славянскіе народы, за исключеніемъ Русскаго, или не успѣли основать самостоятельныхъ государствъ, или, по крайней мѣрѣ, не съумѣли сохранить своей самостоятельности и независимости. Недоброжелатели Славянства выводятъ изъ этого ихъ политическую несостоятельность. Такое заключеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, если даже не обращать вниманія на тѣ причины, которыя препятствовали доселѣ Славянамъ образоваться въ независимыя политическія тѣла, а принять фактъ, какъ онъ существуетъ. Фактъ этотъ говоритъ, что огромное большинство Славянскихъ племенъ (по меньшей мѣрѣ двѣ трети ихъ, если не болѣе) образовали огромное, сплошное государство, просуществовавшее уже тысячу лѣтъ и все возраставшее и возрастающее въ силѣ и могуществѣ, не смотря на всѣ бури, которыя ему пришлось выносить во время его долгой исторической жизни. Однимъ этимъ фактомъ первой величины доказанъ политическій смыслъ Славянъ, по крайней мѣрѣ значительнаго большинства ихъ.

Когда Германская имперія, послѣ не слишкомъ продолжительнаго вѣка своей славы и могущества, обратилась въ политическій monstrum, въ правѣ ли были бы мы заключить, что германское племя не способно къ политической жизни?—Конечно нѣтъ; ибо, тоже германское племя образовало могущественную Британскую имперію, и по одному этому, политическое нестроеніе Германіи

Мы считаемъ у мѣста обратить здѣсь вниманіе и на особый характеръ этой политической дѣятельности, какъ она выразилась въ возрастаніи Русскаго государства.

Русскій народъ не высылаетъ изъ среды своей, какъ пчелиные улья, роевъ, образующихъ центры новыхъ политическихъ обществъ, подобно Грекамъ—въ древнія, или Англичанамъ—въ болѣе близкія къ намъ времена. Россія не имѣетъ того, что̀ называется владѣніями, какъ Римъ и, опять-таки, Англія. Русское государство, отъ самыхъ временъ первыхъ московскихъ князей, — есть сама Россія, постепенно, неудержимо расширяющаяся во всѣ стороны, заселяя граничащія съ нею незаселенныя пространства, и уподобляя себѣ включенныя въ ея государственныя границы—инородческія поселенія. Только непониманіе этого основнаго характера распространенія Русскаго государства, происходящее опять-таки, какъ и всякое другое русское зло, отъ затемнѣнія своеобразнаго русскаго взгляда на вещи европейничаньемъ, можетъ помышлять о какихъ-то отдѣльныхъ провинціальныхъ особяхъ, соединенныхъ съ Россіею одною отвлеченною государственною связью, о какихъ-то *не-Россіяхъ* въ Россіи, по прекрасному выраженію г. Розенгейма, и не только довольствоваться ими, но видѣть въ нихъ политическій идеалъ, котораго никогда не признаетъ ни русское политическое чувство, ни русская политическая мысль. Должно надѣяться, что и этотъ туманъ разсѣется, подобно многимъ другимъ.

По этой же причинѣ, Россія не имѣла никогда колоній, ей удавшихся, и весьма ошибочно считать таковою Сибирь, какъ многіе дѣлаютъ. Колонисты, выселяясь изъ отечества, даже добровольно, не по принужденію, быстро теряютъ тѣсную съ нимъ связь, скоро получаютъ свой особый центръ тяготѣнія, свои особые интересы, часто противоположные, или даже враждебные интересамъ метрополіи. Вся связь между ними ограничивается покровительствомъ метрополіи, которымъ пользуется колонія до поры до времени, пока считаетъ это для себя выгоднымъ. Колоніи несутъ весьма мало тягостей въ пользу своего первоначальнаго отечества, и если принуждаются къ тому, то считаютъ это для себя угнетеніемъ, и тѣмъ сильнѣе стремятся получить полную независимость.

Кромѣ національнаго характера народовъ, выдѣлявшихъ изъ себя колоніи, на такое отношеніе ихъ къ своему прежнему оте-

Не могъ, точно также, какъ не можетъ и теперь безъ прямаго и дѣятельнаго участія Россіи въ его судьбѣ.

Независимое бытіе Польши было продолжительнѣе, но, если Польша была болѣе другихъ западныхъ славянскихъ странъ свободна отъ непосредственнаго внѣшняго политическаго давленія германо-романскаго міра, за то она болѣе всѣхъ подчинилась нравственному культурному господству Запада, дѣйствовавшаго путемъ латинства и феодальнаго соблазна, на ея высшія сословія; и такимъ образомъ, сохранивъ до поры до времени свое тѣло, потеряла свою славянскую душу, а чтобы обрѣсть ее, должна была войти въ тѣсное, хотя къ сожалѣнію и недобровольное, соединеніе съ Россіею.

Если, поэтому, изъ всѣхъ Славянъ одинъ Русскій народъ успѣлъ устроиться въ крѣпкое государство, то обязанъ этимъ столько же внутреннимъ свойствамъ своимъ, сколько и тому обстоятельству, что, по географическому положенію занимаемыхъ имъ странъ, ему дано было пройти первыя формы своего развитія въ отдаленіи отъ возмущающаго вліянія чуждой западной жизни.

Въ примѣрѣ Малороссіи, долго разъединенной съ остальною Россіей, и добровольно соединившейся съ нею послѣ отвоеванія своей независимости, видимъ мы доказательство, что не одно великорусское племя, какъ думаютъ нѣкоторые, одарено глубокимъ политическимъ тактомъ; и поэтому можемъ надѣяться, что, при случаѣ, такой же смыслъ и тактъ выкажутъ и другіе Славяне, добровольно признавъ, послѣ отвоеванія своей независимости, гегемонію Россіи въ союзѣ; ибо, въ сущности, обстоятельства, въ которыхъ находилась Малороссія во времена Хмѣльницкаго, и западные Славяне теперь,—весьма сходны. Народный энтузіазмъ, благопріятное стеченіе обстоятельствъ, геній предводителя, выдвинутаго впередъ народнымъ движеніемъ, можетъ быть и могутъ доставить имъ независимость, какъ при Хмѣльницкомъ, но сохраненіе ея, а, главное, сохраненіе общаго славянскаго характера жизни и культуры невозможно безъ тѣснаго взаимнаго соединенія съ Россіей.

Чтó бы ни сказало будущее, уже по одному тому, что до сихъ поръ проявлено Славянами, и преимущественно русскою отраслью ихъ, въ политической дѣятельности, мы въ правѣ причислить племена эти къ числу наиболѣе одаренныхъ политическимъ смысломъ семействъ человѣческаго рода.

это отрицательный отвѣтъ: одни—считая рабство естественною стихіею Русскихъ, другіе—опасаясь, или представляясь опасающимися, что свобода въ рукахъ ихъ должна повести ко всякаго рода излишествамъ и злоупотребленіямъ. Но, на основаніи фактовъ русской исторіи и знакомства съ воззрѣніями и свойствами Русскаго народа, можно составить себѣ только діаметрально противоположное этому взгляду мнѣніе: именно, что едва ли существовалъ и существуетъ народъ, способный вынести бо̀льшую долю свободы и имѣющій менѣе склонности злоупотреблять ею, чѣмъ народъ Русскій.

Это основывается на слѣдующихъ свойствахъ, присущихъ русскому человѣку: на его умѣніи и привычкѣ повиноваться, на его уваженіи и довѣренности къ власти, на отсутствіи въ немъ властолюбія, и на его отвращеніи вмѣшиваться въ то, въ чемъ онъ считаетъ себя некомпетентнымъ; а если вникнуть въ причины всѣхъ политическихъ смутъ у разныхъ народовъ, то корнемъ ихъ окажется не собственно стремленіе къ свободѣ, а именно властолюбіе и тщеславная страсть людей къ вмѣшательству въ дѣла, выходящія изъ круга ихъ понятій. Какъ крупныя событія русской исторіи, такъ и ежедневныя событія русской жизни, одинаково подтверждаютъ эти черты русскаго народнаго характера.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на выборныя должности во всѣхъ нашихъ сословіяхъ, въ особенности въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ. Эти должности, доставляющія власть и почетъ, считаются не правами, а обязанностями, или, лучше сказать, общественными повинностями, и исключеніе составляетъ развѣ одна должность предводителя, дающая почетъ,—а не власть.

Если ищутъ мѣстъ мировыхъ судей, членовъ и предсѣдателей земскихъ управъ, то, главнымъ образомъ, изъ-за доставляемаго ими жалованья, довольно значительнаго по деревенской, уѣздной и даже губернской жизни. Это все равно, что государственная служба съ хорошимъ жалованьемъ, дающая притомъ возможность не оставлять своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Любопытно было бы посмотрѣть, если бы только въ такихъ дѣлахъ дозволительно было дѣлать опыты, какъ стали бы у насъ процвѣтать земство и мировой институтъ, если бы наполнить ихъ, по теоріямъ „Вѣсти", безвозмездными дѣятелями такъ называемой аристократіи?

Эти черты русскаго народнаго характера во всякомъ случаѣ показываютъ, что власть имѣетъ для насъ мало привлекательно-

честву имѣетъ, конечно, большое вліяніе и географическая раздѣльность вновь заселяемыхъ странъ.

При расселеніяхъ Русскаго народа, мы не видимъ ничего подобнаго. Куда бы ни заходили русскіе люди, хотя бы временныя и мѣстныя обстоятельства давали имъ возможоость, или даже принуждали ихъ, принять самобытную политическую организацію, какъ напримѣръ въ казацкихъ обществахъ, центромъ ихъ народной жизни все-таки остается старая Русь-Москва, высшая власть въ понятіи ихъ продолжаетъ олицетворяться въ лицѣ русскаго царя. Они спѣшатъ принести ему присягу, поклониться ему новыми странами, которыми они завладѣли, вступить въ непосредственную связь съ Русскимъ государствомъ. Держась своего устройства, они не выдѣляютъ себя изъ Русскаго народа, продолжаютъ считать его интересъ своимъ интересомъ, готовы жертвовать всѣмъ достиженію его цѣлей. Однимъ словомъ, они образуютъ не новые центры русской жизни, а только расширяютъ единый, нераздѣльный кругъ ея. Посему и новыя заселенія заводятся только по окраинамъ странъ, сдѣлавшихся уже старою, настоящею Русью (я говорю про самобытныя народныя разселенія, а не про правительственныя колонизаціонныя предпріятія). Разселенія скачками, черезъ моря или значительные промежутки, не удаются, хотя бы имъ покровительствовало правительство. Не удалась намъ Американская колонія, не удается что-то и Амуръ.

Такому характеру разселенія Русскаго народа, въ высшей степени благопріятному единству и цѣльности Русскаго государства, соотвѣтствуетъ и уподобительная сила Русскаго народа, претворяющая въ свою плоть и кровь инородцевъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе или столкновеніе, конечно если этому не противуполагается преградъ ошибочными правительственными мѣропріятіями.

Но основаніе, расширеніе государства, доставленіе ему прочности, силы и могущества составляютъ еще только одну сторону политической дѣятельности. Она имѣетъ еще и другую, состоящую въ установленіи правомѣрныхъ отношеній гражданъ между собою и къ государству, то есть въ установленіи гражданской и государственной свободы, безъ способности къ которой нельзя признать народъ вполнѣ одареннымъ здравымъ политическимъ смысломъ.—И такъ, способенъ-ли Русскій народъ къ свободѣ?

Едва-ли надо упоминать, что наши доброжелатели даютъ на

въ возмущеніи крѣпостныхъ людей, для которыхъ бунтъ малочисленнаго яицкаго казачества служилъ, такъ сказать, лишь первою искрою, зажегшею пожаръ. Участіе приуральскихъ кочевниковъ усилило и этотъ бунтъ, но имя Петра III должно было доставить ему законность въ глазахъ народа, который всегда чувствовалъ свою солидарность съ верховною властію, и отъ нея чаялъ исполненія своихъ завѣтныхъ и справедливыхъ желаній.

Съ обезпеченіемъ правильности и законности въ престолонаслѣдіи, съ введеніемъ гражданственности и порядка въ казачествѣ, и наконецъ съ освобожденіемъ крестьянъ, изсякли всѣ причины, волновавшія въ прежнее время народъ, и всякая, не скажу революція, но даже простой бунтъ, превосходящій размѣръ прискорбнаго недоразумѣнія,—сдѣлался невозможнымъ въ Россіи, пока не измѣнится нравственный характеръ Русскаго народа, его міровоззрѣніе и весь складъ его мысли;—а такія измѣненія (если и считать ихъ вообще возможными) совершаются не иначе, какъ столѣтіями, и слѣдовательно совершенно выходятъ изъ круга человѣческой предусмотрительности.

Если, такимъ образомъ, устранены всѣ элементы смутъ, могшіе въ прежнія времена волновать Русскій народъ, то, съ другой стороны, прошли и тѣ обстоятельства, которыя требовали постояннаго запряженія всѣхъ силъ народныхъ въ государственное ярмо въ трудныя времена государственнаго устроенія, борьбы съ внѣшними врагами, при рѣдкомъ еще населеніи и слабомъ развитіи его силъ. Такимъ образомъ, и внутреннія и внѣшнія препятствія къ усвоенію Русскому народу всѣхъ даровъ свободы потеряли свой смыслъ, значеніе и причину существованія.

Искусственное созиданіе этихъ препятствій, во имя предосторожности отъ совершенно мнимыхъ опасностей, было бы похоже на дорого стоющее устройство плотинъ и валовъ противъ наводненія въ высоколежащей, ни какимъ разливамъ не подлежащей мѣстности; или толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, бастіоновъ и равелиновъ въ городѣ, находящемся внѣ всякой опасности отъ непріятельскихъ нападеній.

Восколько умѣренность, непритязательность и благоразуміе характеризуютъ и Русскій народъ и русское общество—это доказали съ очевидною ясностію событія послѣднихъ лѣтъ. Насколько хватаетъ историческая память человѣческаго рода, едва-ли можно найти болѣе быстрыя, внезапныя перемѣны въ главныхъ обще-

сти, и хотя многіе считаютъ это за какой-то недостатокъ,—мы не можемъ видѣть ничего дурнаго въ томъ, что наши общественные дѣятели хотятъ, чтобы трудъ ихъ на общую пользу былъ матеріально вознаграждаемъ, такъ какъ совершенно безвозмезднымъ онъ вѣдь никогда не бываетъ, ибо удовлетвореніе властолюбія, тщеславія, гордости—такая же мзда.

Тѣ же выше-перечисленныя свойства Русскаго народа составляютъ внутреннюю причину того, что Россія есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имѣло (и по всей вѣроятности никогда не будетъ имѣть) политической революціи, то есть революціи, имѣющей цѣлью ограниченіе размѣровъ власти, присвоеніе всего объема власти или части ея какимъ-либо сословіемъ, или всею массою гражданъ,—изгнаніе законно-царствующей династіи и замѣщеніе ея другою.

Всѣ смуты, которыя представляетъ Русская исторія, могущія, по своей силѣ и внѣшнему виду, считаться народными мятежами, всегда имѣли совершенно особый,—не политическій, въ строгомъ значеніи этого слова, характеръ. Причинами ихъ были: сомнѣніе въ законности царствовавшаго лица, недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, угнетавшимъ на практикѣ народъ всегда въ сильнѣйшей степени, чѣмъ это имѣлъ въ виду законъ, и наконецъ тѣ элементы своеволія и буйства, которые необходимымъ образомъ развивались на окраинахъ Россіи,—въ непрестанной борьбѣ казачества съ Татарами и другими кочевниками. Эти три элемента принимали совмѣстное участіе въ трехъ главныхъ народныхъ смутахъ, волновавшихъ Россію, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, такъ что каждый изъ нихъ игралъ попеременно преобладающую роль.

Въ смутахъ междуцарствія главнымъ двигателемъ было самозванство, но при значительномъ участіи—недовольства только-что вводившимся прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, и казацкой вольницы.

Бунтъ Стеньки Разина былъ главнѣйшимъ образомъ произведеніемъ этой вольницы, начинавшей опасаться, что вводимые болѣе строгіе государственные порядки ограничатъ ея своеволіе. Но такъ разростись могли эти смуты, опять-таки, только при недовольствѣ крестьянъ на закрѣпощеніе ихъ, а легальными поводами опять-таки старались придать всѣмъ этимъ безпорядкамъ характеръ законности въ глазахъ народа.

Наконецъ, главная сила Пугачевскаго бунта заключалась именно

въ возмущеніи крѣпостныхъ людей, для которыхъ бунтъ малочисленнаго яицкаго казачества служилъ, такъ сказать, лишь первою искрою, зажегшею пожаръ. Участіе приуральскихъ кочевниковъ усилило и этотъ бунтъ, но имя Петра III должно было доставить ему законность въ глазахъ народа, который всегда чувствовалъ свою солидарность съ верховною властію, и отъ нея чаялъ исполненія своихъ завѣтныхъ и справедливыхъ желаній.

Съ обезпеченіемъ правильности и законности въ престолонаслѣдіи, съ введеніемъ гражданственности и порядка въ казачествѣ, и наконецъ съ освобожденіемъ крестьянъ, изсякли всѣ причины, волновавшія въ прежнее время народъ, и всякая, не скажу революція, но даже простой бунтъ, превосходящій размѣръ прискорбнаго недоразумѣнія,—сдѣлался невозможнымъ въ Россіи, пока не измѣнится нравственный характеръ Русскаго народа, его міровоззрѣніе и весь складъ его мысли;—а такія измѣненія (если и считать ихъ вообще возможными) совершаются не иначе, какъ столѣтіями, и слѣдовательно совершенно выходятъ изъ круга человѣческой предусмотрительности.

Если, такимъ образомъ, устранены всѣ элементы смутъ, могшіе въ прежнія времена волновать Русскій народъ, то, съ другой стороны, прошли и тѣ обстоятельства, которыя требовали постояннаго запряженія всѣхъ силъ народныхъ въ государственное ярмо въ трудныя времена государственнаго устроенія, борьбы съ внѣшними врагами, при рѣдкомъ еще населеніи и слабомъ развитіи его силъ. Такимъ образомъ, и внутреннія и внѣшнія препятствія къ усвоенію Русскому народу всѣхъ даровъ свободы потеряли свой смыслъ, значеніе и причину существованія.

Искусственное созиданіе этихъ препятствій, во имя предосторожности отъ совершенно мнимыхъ опасностей, было бы похоже на дорого стоющее устройство плотинъ и валовъ противъ наводненія въ высоколежащей, ни какимъ разливамъ не подлежащей мѣстности; или толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, бастіоновъ и равелиновъ въ городѣ, находящемся внѣ всякой опасности отъ непріятельскихъ нападеній.

Восколько умѣренность, непритязательность и благоразуміе характеризуютъ и Русскій народъ и русское общество—это доказали съ очевидною ясностію событія послѣднихъ лѣтъ. Насколько хватаетъ историческая память человѣческаго рода, едва-ли можно найти болѣе быстрыя, внезапныя перемѣны въ главныхъ обще-

ственнымъ интересамъ, безпритязательности, умѣренности въ пользованіи свободою, высказаннымъ Славянскими народами въ Австріи и въ особенности въ Сербіи, мы можемъ распространить это же свойство и на другихъ Славянъ. Если Польша въ теченіе исторической жизни своей показала примѣръ отсутствія всякаго политическаго смысла, то и этотъ отрицательный примѣръ только подкрѣпляетъ наше положеніе, показывая, что искаженіе славянскихъ началъ, разъѣдавшее ея душу и тѣло, должно было принести и соотвѣтствующіе тому плоды.

Въ отношеніи къ общественно-экономическому строю,—Россія составляетъ единственное обширное государство, имѣющее подъ ногами твердую почву, въ которомъ нѣтъ обезземеленной массы, въ которомъ, слѣдовательно, общественное зданіе зиждется не на нуждѣ большинства гражданъ, не на необезпеченности ихъ положенія, гдѣ нѣтъ противорѣчія между идеалами политическими и экономическими. Мы видѣли, что именно это противорѣчіе грозитъ бѣдою европейской жизни, вступившей уже въ своемъ историческомъ плаваніи въ тѣ опасныя моря, гдѣ съ одной стороны грозитъ Харибда цезаризма или военнаго деспотизма,—а съ другой Сцилла соціальной революціи. Условія, дающія такое превосходство русскому общественному строю надъ европейскимъ, доставляющія ему непоколебимую устойчивость, обращающія тѣ именно общественные классы въ самые консервативные, которые угрожаютъ Европѣ переворотами,—заключаются въ крестьянскомъ надѣлѣ и въ общинномъ землевладѣніи.

Этимологическое сходство словъ община и общинный (въ переводѣ на французскій языкъ) съ словомъ коммунизмъ—дало поводъ злонамѣренной недобросовѣстности смѣшивать эти понятія, дабы набрасывать неблаговидную тѣнь на нашу общину, а кстати уже и вообще на всю дѣятельность людей, заботящихся о благосостояніи крестьянъ, особенно если это противно интересамъ польскимъ и нѣмецкимъ. При этомъ забывается главнымъ образомъ, что наша община, хороша-ли она или дурна по своимъ экономическимъ и другимъ послѣдствіямъ, есть историческое право,—точно такая же священная и неприкосновенная форма собственности, какъ и всякая другая, какъ сама частная собственность, что, слѣдовательно, желаніе разрушить ее никакъ не можетъ быть названо желаніемъ консервативнымъ. Европейскій соціализмъ есть, напротивъ того, ученіе революціонное, не столько по существу своему, сколько по

той почвѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать. Если бы онъ ограничивался приглашеніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ соединять свою собственность въ общинное владѣніе, такъ же точно, какъ онъ приглашаетъ фабричныхъ работниковъ соединить свои силы и капиталы посредствомъ ассоціацій; то въ этомъ не было бы еще ровно ничего преступнаго или зловреднаго: но дѣло въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, земли нѣтъ въ рукахъ тѣхъ, которые ее обработываютъ, что, слѣдовательно, европейскій соціализмъ, въ какой бы то ни было формѣ, требуетъ предварительнаго передѣла собственности,—полнаго переустройства землевладѣнія и всего общественно-экономическаго строя. Бѣда не въ соціалистическихъ теоріяхъ, которыя имѣютъ претензію быть лѣкарствами для излеченіе коренной болѣзни европейскаго общества. Лѣкарства эти, можетъ быть, дѣйствительно вредны и ядовиты, но какая была бы въ нихъ опасность, если бы они могли спокойно оставаться па полкахъ аптекъ, по неимѣнію въ нихъ надобности для здороваго организма? Лѣкарство вредно, но вредна и болѣзнь сама по себѣ. Плановъ для перестройки зданія много, но нѣтъ матеріала, изъ котораго его можно бы было возвести, не разрушивъ предварительно давно законченнаго и завершеннаго зданія. У насъ, напротивъ того, матеріалъ въ изобиліи, и самъ собою, органически складывается подъ вліяніемъ внутренихъ, зиждительныхъ началъ, не нуждаясь ни въ какихъ придуманныхъ планахъ постройки.

Эта-то здравость общественно-экономическаго строя Россіи и составляетъ причину, по которой мы можемъ надѣяться на высокое общественно-экономическое значеніе Славянскаго культурно-историческаго типа, имѣющаго еще въ первый разъ установить правильный, нормальный характеръ той отрасли человѣческой дѣятельности, которая обнимаетъ отношенія людей между собою не только какъ нравственныхъ и политическихъ личностей, но и по воздѣйствію ихъ на внѣшнюю природу, какъ источникъ человѣческихъ нуждъ и потребностей, — установить не отвлеченную только правомѣрность въ отношеніяхъ гражданъ, но реальную и конкретную.

Намъ остается разсмотрѣть, можно-ли ожидать, чтобы Славянскій культурно-историческій типъ занялъ видное мѣсто въ культурномъ отношеніи, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Нельзя не сознаться, что совершенное до сихъ поръ Русскимъ

ственнымъ интересамъ, безпритязательности, умѣренности въ пользованіи свободою, выказаннымъ Славянскими народами въ Австріи и въ особенности въ Сербіи, мы можемъ распространить это же свойство и на другихъ Славянъ. Если Польша въ теченіе исторической жизни своей показала примѣръ отсутствія всякаго политическаго смысла, то и этотъ отрицательный примѣръ только подкрѣпляетъ наше положеніе, показывая, что искаженіе славянскихъ началъ, разъѣдавшее ея душу и тѣло, должно было принести и соотвѣтствующіе тому плоды.

Въ отношеніи къ общественно-экономическому строю,—Россія составляетъ единственное обширное государство, имѣющее подъ ногами твердую почву, въ которомъ нѣтъ обезземеленной массы, въ которомъ, слѣдовательно, общественное зданіе зиждется не на нуждѣ большинства гражданъ, не на необезпеченности ихъ положенія, гдѣ нѣтъ противорѣчія между идеалами политическими и экономическими. Мы видѣли, что именно это противорѣчіе грозитъ бѣдою европейской жизни, вступившей уже въ своемъ историческомъ плаваніи въ тѣ опасныя моря, гдѣ съ одной стороны грозитъ Харибда цезаризма или военнаго деспотизма,—а съ другой Сцилла соціальной революціи. Условія, дающія такое превосходство русскому общественному строю надъ европейскимъ, доставляющія ему непоколебимую устойчивость, обращающія тѣ именно общественные классы въ самые консервативные, которые угрожаютъ Европѣ переворотами,—заключаются въ крестьянскомъ надѣлѣ и въ общинномъ землевладѣніи.

Этимологическое сходство словъ община и общинный (въ переводѣ на французскій языкъ) съ словомъ коммунизмъ—дало поводъ злонамѣренной недобросовѣстности смѣшивать эти понятія, дабы набрасывать неблаговидную тѣнь на нашу общину, а кстати уже и вообще на всю дѣятельность людей, заботящихся о благосостояніи крестьянъ, особенно если это противно интересамъ польскимъ и нѣмецкимъ. При этомъ забывается главнымъ образомъ, что наша община, хороша-ли она или дурна по своимъ экономическимъ и другимъ послѣдствіямъ, есть историческое право,—точно такая же священная и неприкосновенная форма собственности, какъ и всякая другая, какъ сама частная собственность, что, слѣдовательно, желаніе разрушить ее никакъ не можетъ быть названо желаніемъ консервативнымъ. Европейскій соціализмъ есть, напротивъ того, ученіе революціонное, не столько по существу своему, сколько по

они непремѣнно въ періодъ дѣятельности государственной. Мы не видимъ въ исторіи ни одного примѣра, чтобы собственно культурная дѣятельность начиналась ранѣе, если не совершеннаго окончанія, завершенія государственной дѣятельности (ибо и въ народномъ, какъ и въ индивидуальномъ, организмѣ всѣ его отправленія продолжаютъ совершаться до смерти, но только не съ одинаковою силою), то, по крайней мѣрѣ, ранѣе завершенія самой насущной задачи государственности,—утвержденія національной независимости и опредѣленія національно-государственныхъ границъ. Если и бывали примѣры, что культурная дѣятельность нѣкоторыхъ народовъ продолжалась и послѣ потери независимаго политическаго существованія,—то ни разу еще не случалось, чтобы культура начиналась подъ иноплеменнымъ игомъ. Этотъ не имѣющій исключеній фактъ выставили мы какъ одинъ изъ законовъ развитія культурно-историческихъ типовъ, и не трудно понять причину его всеобщности.

Въ самомъ дѣлѣ, если народъ покоренъ еще во время энергіи его жизненныхъ силъ, не успѣвшихъ еще достигнуть культурнаго развитія, то очевидно, что всѣ нравственныя силы самыхъ высокоодаренныхъ въ немъ личностей устремляются на то, чтобы возвратить утраченное высшее народное благо—независимость; весь героизмъ народный получаетъ характеръ патріотически-воинственный. Если, напротивъ того, эта народная энергія усыпаетъ, вслѣдствіе ли дѣйствительнаго истощенія силъ, или вслѣдствіе искусной усыпительной политики завоевателей, и чуждое вліяніе начинаетъ мало по малу распространяется между побѣжденными;—то, по естественному ходу вещей, вліяніе это охватываетъ преимущественно высшія сословія,—тѣ, которыя имѣютъ возможность получать образованіе;—образованіе же всегда имѣетъ въ такомъ случаѣ характеръ свойственный господствующей, побѣдительной народности. Въ эту же среду попадаютъ и тѣ исключительныя личности изъ низшихъ сословій, гдѣ народность вообще долѣе сохраняется, которыя возвышаются своими необыкновенными способностями и талантами. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, всѣ результаты умственныхъ трудовъ подчиненной народности идутъ въ умственную сокровищницу побѣдителей и обогащаютъ ее. Но и этотъ случай рѣдокъ. Вліяніе чуждаго по духу воспитанія и общественной обстановки, не соотвѣтствующихъ внутреннему духовному складу народа, не можетъ придти въ гармоническое соотношеніе

и другими Славянскими народами въ наукахъ и искусствахъ— весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано двумя великими культурными типами греческимъ и европейскимъ.

Такому невыгодному для Славянъ факту очевидно можетъ быть дано двоякое объясненіе: или это коренная неспособность ихъ къ культурной дѣятельности, или же сравнительная ихъ молодость, недавность вступленія на поприще исторической дѣятельности и неблагопріятныя въ этомъ отношеніи обстоятельства ихъ развитія. Если можно будетъ показать несомнѣнное и притомъ значительное вліяніе этой послѣдней причины, если къ тому же ходъ развитія вообще требуетъ, чтобы культурная дѣятельность слѣдовала за политической дѣятельностью Славянъ,—то очевидно, что только второе объясненіе будетъ имѣть всѣ вѣроятія на своей сторонѣ.

Что касается вообще до возраста славянской культуры, взятаго сравнительно съ возрастомъ европейской, то промежутокъ времени, протекшій съ выступленія германскихъ народовъ изъ періода ихъ этнографической жизни въ періодъ историческій,—превосходитъ четырьмя столѣтіями историческій періодъ жизни Славянскихъ государствъ. Также точно и германская письменность, то есть первое зерно культурнаго развитія,—переводъ библіи на готскій языкъ Ульфилою,—пятью вѣками старше соотвѣтствующаго ему славянскаго перевода св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Прибавимъ къ этому, что почти всѣ новые европейскіе народы начали свою историческую жизнь уже на почвѣ старой культуры, слѣдовательно на почвѣ болѣе богатой питательными веществами,—возбуждающей и ускоряющей ростъ,—которая однако могла на нихъ дѣйствовать только благодѣтельно, ибо гибельная подражательность исчезнувшимъ народамъ Римскаго міра была лишь въ слабой степени возможна. Со всѣмъ тѣмъ, средняя исторія европейскихъ народовъ, то есть преимущественно государственный періодъ ихъ жизни — продолжается около тысячи лѣтъ, такъ что только теперь прожили Славяне государственною жизнію столько, сколько народы германороманскіе къ началу такъ называемой новой исторіи. Но одно лѣтосчисленіе не имѣетъ еще большаго значенія въ вопросахъ этого рода. Мы замѣтили выше, что послѣ этнографическаго періода жизни, въ теченіе котораго устанавливаются и опредѣляются особенности психическаго строя народовъ,—то, что̀ дѣлаетъ ихъ особыми и самобытными историческими субъектами,—вступаютъ

сіи,—какъ на единственномъ независимомъ славянскомъ государствѣ. Строеніе государства, сказали мы, есть первая историческая дѣятельность народа, выведеннаго обстоятельствами изъ этнографическаго быта, и должно быть доведено до извѣстной степени, прежде чѣмъ начинается, собственно такъ называемая, культурная дѣятельность. Очевидно, что затрата силъ должна быть пропорціональна трудности задачи; а трудность государственной задачи, выпавшей на долю Русскаго народа, была такова, что нечего удивляться, что она длилась тысячу лѣтъ, поглощая всѣ силы народныя, когда несравненно легчайшая задача западныхъ народовъ потребовала для своего совершенія такого же времени. Я упоминалъ уже объ особеннаго рода препятствіяхъ, которыя представляла русская государственная область для установленія и утвержденія на ней государственнаго строя жизни, препятствіяхъ, зазаключавшихся главнѣйше въ томъ, что ея обширные лѣса и степи давали возможность рѣдкому населенію, жившему еще этнографическими формами быта, уклоняться отъ тягостей, налагаемыхъ государствомъ, — ускользать отъ нихъ безъ активнаго сопротивленія.

Такая область, выпавъ на долю населенія, уже прежде привыкшаго къ жизни въ государствѣ, обладавшаго уже значительною степенью образованности (какъ это случилось въ Соединенныхъ Штатахъ Америки), область, при совершенной безопасности извнѣ, не требовавшая сильной сплоченности, сосредоточенности государственнаго тѣла, — направляла дѣятельность народную на борьбу съ внѣшнею природою, на пріобрѣтеніе богатства, цѣну котораго населеніе уже понимало; и это придало американской культурѣ характеръ преимущественно техническій, промышленный Въ Россіи, напротивъ того, при опасности отъ внѣшнихъ враговъ угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ, — вначалѣ преимущественно съ востока, а потомъ съ запада,—недостатокъ государственной сосредоточенности, при которой только и было возможно напряженіе всѣхъ силъ нородныхъ для отпора враговъ, неминуемо повлекъ-бы за собою невозвратимую утрату народной независимости. Отсюда вытекла необходимость напряженій государственно-политической дѣятельности, при возможно сильномъ, то есть самодержавномъ и едино-державномъ правленіи, которое своею неограниченною волею направляло бы и устремляло частную дѣятельность къ общимъ цѣлямъ; подобно тому, какъ условія американской

съ его духовными потребностями. Это будетъ воспинаніе львенка—орломъ.

Трудно научить француза и англичанина хорошо думать на нѣмецкій ладъ, и на оборотъ,—еще труднѣе должно быть это для славянина, ибо раздѣляющее ихъ этнографическіе разстояніе—значительнѣе. Само собою разумѣется, что то, что я говорю здѣсь о причинахъ, препятствующихъ возникновенію культуры между народами не пользующимися политическою независимостью, относится, въ нѣкоторой мѣрѣ, и къ духовной подчиненности народовъ одного культурнаго типа—другому. Только въ этомъ случаѣ безплодность культуры не имѣетъ такого роковаго, необходимаго характера, ибо въ общественной обстановкѣ сохраняется нѣкоторая степень національной самобытности, остается народный языкъ, не только какъ средство для обиходнаго обмѣна мыслей, но и какъ органъ литературы и вообще просвѣщенія, и въ нѣкоторой части мыслящихъ людей теплится сознаніе необходимости въ самобытномъ, народномъ характерѣ культуры. Если, кромѣ того, являются люди, выходящіе вонъ изъ ряда силою своего таланта,—то плоды дѣятельности ихъ идутъ самымъ естественнымъ путемъ, безъ особыхъ усилій, на пользу своего народа; наконецъ, прочія стороны исторической дѣятельности политически-независимаго народа дѣйствуютъ возбудительно и на самую культуру. Эти соображенія показываютъ, что намъ нѣтъ надобности много распространяться о причинахъ недостаточности самобытной, научной и художественной культуры у западныхъ Славянъ,—не пользующихся высшимъ народнымъ благомъ—независимостью, имѣвшихъ несчастіе потерять его еще до наступленія культурнаго періода ихъ жизни.

Однако, во время того полу-независимаго существованія, которымъ пользовалась Чехія до включенія ея въ составъ наслѣдственныхъ земель Габсбургскаго дома—полу-независимаго, потому что она все-таки была включена въ составъ враждебной Славянству Германской имперіи, — обнаружились замѣчательные ростки культуры, которые принесли бы и плодъ свой, будучи воспитаны на религіозной и глубоко-народной почвѣ Гуситства, если-бы весь этотъ героическій порывъ къ славянской самостоятельности не былъ потушенъ въ славянской крови,—не былъ задавленъ соединенною силою латинства и германства.

Мы можемъ, поэтому, сосредоточить все наше вниманіе на Рос-

нѣйшую противоположность. Не имѣя враговъ вокругъ себя, она могла экономизировать все то, чего стоило другимъ охраненіе политической самобытности. Если взять въ соображеніе лишь то, что̀ должна была истратить Россія на свое вооруженіе со времени европейскаго замиренія Вѣнскимъ конгрессомъ, то одно это составитъ уже милліарды, которые Россія, подобно Америкѣ, моглабы употребить на свою сѣть желѣзныхъ дорогъ, на торговый флотъ и всякаго рода техническія усовершенствованія промышленности и земледѣлія.—Послѣднее междоусобіе потребовало и отъ Американскаго народа сильнаго напряженія для сохраненія своего единства, а слѣдовательно—могущества и дѣйствительной независимости. Это напряженіе стоило въ финансовомъ отношеніи нѣсколько милліардовъ, и около полумилліона человѣческихъ жизней. Если бы въ Америкѣ было постоянное войско на службѣ центральнаго правительства, то, конечно, возмущеніе было-бы подавлено въ самомъ началѣ несравненно легче и быстрѣе, но, въ общей сложности, правильная военная организація все-таки обошлась-бы Америкѣ дороже, чѣмъ выказанное ею единовременное усиліе, которое, притомъ, пришлось дѣлать уже тогда, когда долговременная экономія силъ страны, не тратившихся на потребности государственной обороны, уже скопила огромныя богатства, не могшія бы безъ этого въ такомъ количествѣ образоваться. Если бы, однако же, Америка находилась въ положеніи Европы, то дѣлать такія чрезвычайныя усилія приходилось бы слишкомъ часто, и американская система обошлась бы дороже европейской, и даже просто-на-просто была бы невозможна.

Европейскія государства занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее положеніе между Америкой и Россіею. Каждое изъ нихъ, хотя и было сначала окружено другими государствами, отъ которыхъ должно было обороняться,—но эти государства, вмѣстѣ возникнувъ, параллельно и совмѣстно расли и развивались, и потому, ни одно изъ нихъ не могло въ значительной степени превзойти другія плотностью населенія, скопленіемъ промышленныхъ средствъ, техническою и военною образованностью, а слѣдовательно, ни одно не было принуждено напрягать въ одну сторону все развитіе силъ своихъ, дабы не отстать отъ своихъ соперниковъ. Отъ дѣятельности государственно-политической, не имѣвшей надобности достигать крайняго предѣла своей напряженности, оставалось

жизни вели къ дѣятельности технической, при возможно-слабомъ федеративно-демократическомъ правленіи. Въ обоихъ случаяхъ дѣятельность научная и художественная должны были отступить на задній планъ; для нихъ не настало еще время.

Эта напряженная государственная дѣятельность временъ Московскаго государства еще усилилась Петровскою реформою, существенный характеръ которой былъ чисто политически-государственный, а вовсе не культурный. Въ сущности, все было принесено въ жертву государству, какъ оно и необходимо было по потребностямъ времени. Какъ по этой причинѣ, такъ и по совершенно напрасной и вредной передѣлкѣ русской жизни на иностранный ладъ, — должно признать, что реформа сама по себѣ была скорѣе препятствіемъ, чѣмъ содѣйствіемъ истинному культурному развитію, условія для котораго были бы благопріятнѣе, если бы самобытныя русскія культурныя силы только возбуждались постепеннымъ знакомствомъ съ европейскою наукою и европейскимъ искусствомъ. Но это выкупается тѣмъ, что преобразованіе, утвердивъ политическое могущество Россіи, спасло главное условіе народной жизни — политическую самостоятельность государства. Со времени Петра, по весьма справедливо принятому у насъ выраженію, весь народъ былъ запряженъ въ государственное тягло: дворянство непосредственно, а прочія сословія посредственно: купечество—по фискальному характеру, приданному промышленности, крестьянство же—закрѣпощеніемъ его государству или дворянству.

Необходимость такого закрѣпощенія всѣхъ силъ народныхъ исключительно политическимъ цѣлямъ обусловливалась тѣмъ, что европейскія государства, съ которыми Россія должна была volens-nolens вступить въ тѣсныя политическія отношенія, въ теченіе жизни своей успѣли уже густо заселиться, прійти къ стройному порядку, и накопить много научныхъ и промышленныхъ результатовъ. Арміи, не превосходившія въ теченіе среднихъ вѣковъ немногихъ десятковъ тысячъ, со времени Людовика XIV стали уже считаться сотнями тысячъ воиновъ, весьма разнообразно вооруженныхъ, съ дорого стоющимъ оружіемъ, приготовленіе котораго требовало уже значительнаго техническаго развитія страны. Еще въ большей мѣрѣ относится сказанное къ флоту.

Въ этомъ отношеніи, Америка, съ которою не рѣдко сравниваютъ Россію, составляетъ съ нею, какъ уже было замѣчено, пол-

Весьма было бы странно, если бы не передавались такимъ-же образомъ и постоянныя душевныя настроенія. Только принявъ эту последнюю передачу, можно объяснить себѣ такъ называемые золотые вѣка литературы, искусствъ и наукъ.—Во второй половинѣ XV и XVI вѣковъ живопись составляетъ главный интересъ итальянской жизни; она доставляетъ почетъ, славу, богатство; всѣ мало-мальски образованные классы народа восхищаются произведеніями этого искусства, думаютъ, говорятъ о нихъ; общественныя симпатіи направляются въ эту сторону. Не вѣроятно-ли, что тѣ особыя сочетанія элементовъ физической организаціи, которыя производятъ въ своемъ результатѣ то, что̀ мы называемъ художническою натурою, получаютъ вслѣдствіе этого гораздо болѣе шансовъ осуществиться? Съ другой стороны, тотъ идеалъ дѣятельности, который носился съ дѣтскихъ лѣтъ передъ Итальянцами, содѣйствовалъ развитію такихъ натуръ.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ, по которымъ дѣятельность частныхъ лицъ сообразуется съ настроеніемъ общественной среды, въ которой она дѣйствуетъ,—вслѣдствіе чего дѣятельность Русскихъ людей должна была получить государственно-политическій характеръ,—мы должны прибавить,—для объясненія слабости результатовъ въ отношеніи чисто-культурномъ,—тотъ фактъ, что народное образованіе не успѣло еще проникнуть въ народныя массы.—Образованіе, кромѣ общаго полезнаго дѣйствія на развитіе уровня народныхъ способностей, необходимыхъ, такъ сказать, для жизненнаго обихода, даетъ возможность натурамъ особенно даровитымъ, разсѣяннымъ безъ сомнѣнія по всѣмъ слоямъ общества,—сознать свои духовныя силы и выйти на просторъ изъ узкой доли, отмежеванной имъ судьбою. Наконецъ, научная и художественная дѣятельность можетъ быть только плодомъ досуга, избытка, излишка силъ, остающихся свободными отъ насущнаго, историческаго труда. Много-ли ихъ могло оставаться у Русскихъ и другихъ Славянъ?

Всѣ эти соображенія даютъ, кажется мнѣ, вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, почему не могли до сихъ поръ Россія и прочія славянскія страны занять видныя мѣста въ чисто культурной дѣятельности, хотя бы тѣ способности, которыми они одарены природою, представляли имъ къ этому полную возможность. Но задатки этихъ способностей, тѣхъ духовныхъ силъ, которыя необходимы для блистательной дѣятельности на поприщѣ наукъ и

посему довольно свободныхъ силъ, могшихъ получать примѣненіе на другихъ поприщахъ дѣятельности.

Для уясненія того, какимъ образомъ напряженная государственная дѣятельность Русскаго народа могла и должна была препятствовать его культурному развитію, прослѣдимъ, какими путями общій характеръ народной дѣятельности, обусловленный силою обстоятельствъ, вліяетъ на частную дѣятельность. Самое грубое и, можетъ быть, наименѣе дѣйствительное въ этомъ отношеніи средство—составляетъ непосредственное принужденіе правительственною властію. Не говоря о томъ времени, когда каждый долженъ былъ служить всю свою жизнь, вспомнимъ, давно ли прошло время, когда дурно смотрѣли на каждаго неслужащаго изъ того сословія, которое, по своимъ средствамъ и положенію, одно только и могло заниматься свѣтскимъ не-матеріальнымъ трудомъ?

Обратимъ вниманіе, далѣе, на болѣе дѣйствительное, положительное средство тѣхъ привилегій и выгодъ, которыя представляла всякому молодому человѣку государственная служба. Людей съ столь сильнымъ природнымъ влеченіемъ къ опредѣленному призванію, что оно могло бы пересилить это привлекательное вліяніе выгодности, всегда и вездѣ бываетъ такъ мало, что въ общемъ ходѣ дѣлъ человѣческихъ на нихъ возлагать всѣ надежды—трудно.

Но и этого мало: сообразно съ государственными цѣлями, и характеръ образованія въ учрежденныхъ правительствомъ воспитательныхъ заведеніяхъ—состоялъ въ приготовленіи молодыхъ людей, и даже дѣтей, къ извѣстной отрасли государственной службы. Очевидно, что, при такомъ порядкѣ вещей, долженъ былъ образоваться у родителей извѣстный идеалъ для будущей карьеры ихъ дѣтей,—къ которому они и приготовляли ихъ съ малолѣтства и, что̀ еще гораздо важнѣе, сообщали имъ, такъ сказать съ пеленокъ, тоже воззрѣніе на жизнь и ея требованія.

Такое вліяніе общественной среды не можетъ не дѣйствовать думаемъ мы, на самый характеръ умственныхъ и нравственныхъ влеченій, на свойство способностей, еще совершенно особенными, чисто физіологическими путями. Совершенно непонятнымъ, таинственнымъ для насъ способомъ передаются отъ родителей дѣтямъ ихъ физическія свойства: физіологическія черты, нѣкоторыя болѣзненныя расположенія, умственныя и душевныя качества.—

рою не было практическаго выхода, ему оставалась только область фантазіи. И нашъ Чичиковъ есть своего рода герой, но, — сообразно привитому намъ характеромъ вѣка воззрѣнію,—герой практической жизни, умный, твердый, изворотливый, не унывающій, Улиссъ своего рода, только, съ одной стороны, лишенный всякой идеальности стремленій,—ибо откуда имъ взяться въ жизни, отрѣшенной отъ своихъ началъ и однакоже не усвоившей чужихъ (такъ какъ это послѣднее невозможно),—съ другой же, не могущій направить своей дѣятельности на что-либо дѣйствительно практически-полезное, также по бѣдности содержанія русской жизни, по ея узкости, стѣсненности, недостатку простора. Людямъ съ практическимъ складомъ ума приходилось обращаться къ цѣлямъ чисто личнымъ, грубо-эгоистическимъ, къ хитросплетеніямъ плутовства, и притомъ плутовства, имѣвшаго связь и соотношеніе съ учрежденіями государственными, которыя проникали собою всю русскую жизнь. Если характеръ героя русской трагикомической поэмы не привлекаетъ наши человѣческія чувства, какъ герой испанскій, то за то мы лучше понимаемъ причину извращенія его природы общественною средою, тогда какъ сумасбродство Донъ-Кихота представляется лишь случайнымъ результатомъ его болѣзненной фантазіи, разгоряченной чтеніемъ нелѣпыхъ романовъ. Сообразно этому, вся обстановка „Мертвыхъ душъ" несравненно выше обстановки Донъ-Кихота, въ которомъ всего только и есть, что два характера—самаго ламанчскаго героя и его наперсника Санхо.

„Старосвѣтскіе помѣщики" и „Шинель" Гоголя представляютъ высшіе образцы истиннаго юмора, которымъ невольно внушается намъ искреннее, глубокое сочувствіе къ самымъ мелкимъ, ничтожнымъ, комическимъ личностямъ, подмѣченными въ нихъ чертами истинной человѣчности.

„Борисъ Годуновъ" Пушкина, хотя и не драма въ строгомъ смыслѣ этого слова, а драматизированная по формѣ эпопея, есть совершеннѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе, послѣ драматическихъ хроникъ Шекспира. По красотѣ формы, совершенству исполненія, художественности воспроизведенія дѣйствительности, съ нимъ не могутъ равняться ни „Валленштейнъ", ни „Вильгельмъ-Тель" Шиллера, принадлежащіе къ этому же разряду поэтическихъ произведеній.

Русская литература представляетъ примѣръ и другаго, высо-

искусствъ, безспорно представлены уже и теперь Славянскими народами, при всѣхъ неблагопріятствовавшихъ тому условіяхъ ихъ жизни; и мы въ правѣ слѣдовательно ожидать, что съ перемѣною этихъ условій разовьются и они—въ роскошные цвѣты и плоды.

Въ самомъ дѣлѣ, не представили-ли уже разные Славянскіе народы громкія имена въ разныхъ отрасляхъ науки: Коперника, Рокитанскаго, Пуркинье, Шафарика, Остроградскаго, Пирогова? Но примѣры всѣхъ цивилизацій показываютъ, что не только культурная дѣятельность наступала послѣ болѣе или менѣе успѣшнаго рѣшенія политическо-государственной задачи, но что и въ ней широкое развитіе науки всегда было послѣднимъ плодомъ, — что искусство предшествовало наукѣ. Сообразно съ этимъ и въ славянской культурѣ задатки самобытнаго художественнаго развитія гораздо обильнѣе задатковъ самобытнаго научнаго развитія.

Привыкнувъ презрительно смотрѣть на все русское, мы не замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ изящной словесности мы представили образцы, которые могутъ равняться съ высшими произведеніями европейскихъ литеретуръ. Мы смѣло можемъ утверждать это о русской комедіи, баснѣ и лирикѣ. Углубляться въ сравнительное критическое изслѣдованіе русской литературы и русскаго искусства мы не хотимъ и не можемъ, по выше приведеннымъ уже причинамъ; но, чтобы не оставить сказаннаго нами въ видѣ голословнаго, совершенно бездоказательнаго утвержденія, представлю, по крайней мѣрѣ, нѣсколько примѣровъ:

Чтобы найти произведеніе, которое могло бы стать на ряду съ „Мертвыми душами", должно подняться до Донъ Кихота. Внѣшнею цѣлью Гоголя было представить въ комическомъ видѣ злоупотребленія и плутовство чиновничества губернскаго міра и грубость помѣщичьяго быта, также точно, какъ внѣшнею цѣлью Сервантеса—осмѣять странствующее рыцарство. Но у обоихъ художниковъ глубина ихъ поэтической концепціи захватила несравненно дальше ихъ прямой непосредственной цѣли, по всѣмъ вѣроятіямъ совершенно безсознательно для нихъ самихъ. Донъ-Кихотъ вышелъ живымъ олицетвореніемъ до героизма возвышающихся, благороднѣйшихъ душевныхъ качествъ, которымъ не достаетъ поприща для плодотворной нормальной дѣятельности, по причинѣ бѣдности содержанія испанской жизни. Еще вѣкъ тому назадъ испанскій героизмъ могъ проявляться въ блистательной дѣятельности конквистадоровъ; во времена же Сервантеса испанскому ге-

эффектности, господствующаго въ Европѣ жанра, по глубинѣ ея содержанія, потому что главное достоинство ея заключается въ томъ, что̀ мы можемъ назвать—душою произведенія. Только истинно самобытные русскіе люди, какъ Гоголь и Хомяковъ, поняли и отдали справедливость „Явленію Христа народу“ Иванова. Если такъ называемая композиція, то есть выраженіе глубокой идеи посредствомъ образовъ, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ и даже можетъ быть главнѣйшее достоинство художественнаго произведенія, то картина эта есть, въ полномъ смыслѣ этого слова, произведеніе первоклассное.

Задача художника состояла въ изображеніи того разнообразнаго впечатлѣнія, которое должна была произвести на міръ идея христіанства при первомъ своемъ появленіи, впечатлѣнія, которое, какъ въ зернѣ, заключало бы то вліяніе, которое она произвела при дальнѣйшемъ своемъ развитіи удовлетвореніемъ высшихъ духовныхъ потребностей и возбужденіемъ противъ себя страстей и интересовъ. Однимъ словомъ, по замыслу художника картина его должна была служить фронтисписомъ,—увертюрою великаго начинавшагося дѣйствія. Такая задача должна была воплотить въ тѣлесныхъ образахъ высшія проявленія духа безъ помощи аллегоріи, безъ помощи сверхъестественнаго; и потому, художникъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ, которыя доставляютъ аттрибуты, усвояемыя нашею фантазіею надземному міру. На почвѣ и средствами самой строгой дѣйствительности должна была быть представлена самая идеальная духовность. Такую трудную задачу едва-ли когда-нибудь задавалъ себѣ художникъ. Не удивительно, что на рѣшеніе ея употреблено столько лѣтъ;—за то и вышло оно изумительно-глубокое, и вмѣстѣ поразительно-ясное, такъ что по картинѣ читаешь мысль художника, какъ по книгѣ.

Во первыхъ, надо было выразить, что это есть первое явленіе Христа на поприщѣ исторической дѣятельности. Никому еще неизвѣстный, Онъ самъ по себѣ не могъ произвести впечатлѣнія на неподготовленную массу однимъ своимъ появленіемъ; Онъ еще погруженъ въ самого себя, ибо не перешагнулъ границы внутренней дѣятельности, которою подготовлялъ себя къ своему высокому служенію. Поэтому и сдѣлалъ художникъ изъ фигуры Спасителя только идеальный центръ картины, находящійся внѣ ея движенія. Дабы узнать Его и указать народу, необходимъ истолкователь, одаренный духомъ пророчества, предвидѣнія, и въ Іоаннѣ Кре-

каго эпическаго произведенія, это—„Война и миръ" графа Л. Толстого. Въ немъ историческій фонъ картины не служитъ только сценою для развитія интриги романа; напротивъ того, какъ въ настоящей эпопеѣ—событія и выразившіяся въ нихъ силы и особенности народнаго духа составляютъ главное содержаніе произведенія, содержаніе, въ которомъ сосредоточенъ весь его интересъ, откуда разливается весь свѣтъ, освѣщающій картину, и съ этими событіями, какъ и въ дѣйствительной жизни, переплетаются судьбы частныхъ лицъ. „Война и миръ" есть эпическое воспроизведеніе борьбы Россіи съ Наполеономъ. Научныя гипотезы автора, рефлективная сторона его произведенія, конечно нѣсколько портятъ творческую, художественную его сторону, но не столько ошибочностью воззрѣній, или точнѣе преувеличенностью ихъ, сколько своею неумѣстностью. Недостатокъ этотъ далеко не имѣетъ, однакоже, того значенія, которое приписали ему большинство нашихъ критиковъ, потому что всѣ эти мѣста легко отпадаютъ, какъ нѣчто внѣшнее, посторонее художественному построенію величавой поэмы. Произведеніе графа Л. Толстаго и колоссальный успѣхъ его принадлежитъ къ знаменательнѣйшимъ признакамъ времени, ибо они доказываютъ, что мы способны еще къ эпическому пониманію нашего прошедшаго, что оно способно восторгать насъ, что мы въ сущности лучше, чѣмъ мы кажемся. Пусть укажутъ намъ на подобное произведеніе въ любой европейской литературѣ!

Образцовъ истинной драмы не представляетъ, правда, русская словесность; но много-ли ихъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ?

Собственно говоря, послѣ Шекспира не было ни одного истиннаго драматурга, по крайней мѣрѣ у тѣхъ народовъ, литература которыхъ общеизвѣстна; ибо и Шиллеръ, занимающій, по мнѣнію лучшихъ критиковъ, первое мѣсто послѣ Шекспира, не произвелъ ничего могущаго удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявить драмѣ. Такъ, даже лучшія изъ его драмъ, „Вильгельмъ Тель" и „Валленштейнъ", не заключаютъ въ себѣ настоящаго драматическаго элемента.

Въ области другихъ искусствъ, мы можемъ указать, по крайней мѣрѣ, на одну картину, которая стоитъ на ряду съ высшими произведеніями творчества, и если не пользуется у насъ достойною ея славою, то единственно по нашему неумѣнію цѣнить своего, по привычкѣ все мѣрять на чужой аршинъ, по отсутствію въ картинѣ

эффектности, господствующаго въ Европѣ жанра, по глубинѣ ея содержанія, потому что главное достоинство ея заключается въ томъ, чтò мы можемъ назвать—душою произведенія. Только истинно самобытные русскіе люди, какъ Гоголь и Хомяковъ, поняли и отдали справедливость „Явленію Христа народу" Иванова. Если такъ называемая композиція, то есть выраженіе глубокой идеи посредствомъ образовъ, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ и даже можетъ быть главнѣйшее достоинство художественнаго произведенія, то картина эта есть, въ полномъ смыслѣ этого слова, произведеніе первоклассное.

Задача художника состояла въ изображеніи того разнообразнаго впечатлѣнія, которое должна была произвести на міръ идея христіанства при первомъ своемъ появленіи, впечатлѣнія, которое, какъ въ зернѣ, заключало бы то вліяніе, которое она произвела при дальнѣйшемъ своемъ развитіи удовлетвореніемъ высшихъ духовныхъ потребностей и возбужденіемъ противъ себя страстей и интересовъ. Однимъ словомъ, по замыслу художника картина его должна была служить фронтисписомъ,—увертюрою великаго начинавшагося дѣйствія. Такая задача должна была воплотить въ тѣлесныхъ образахъ высшія проявленія духа безъ помощи аллегоріи, безъ помощи сверхъестественнаго; и потому, художникъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ, которыя доставляютъ аттрибуты, усвояемыя нашею фантазіею надземному міру. На почвѣ и средствами самой строгой дѣйствительности должна была быть представлена самая идеальная духовность. Такую трудную задачу едва-ли когда-нибудь задавалъ себѣ художникъ. Не удивительно, что на рѣшеніе ея употреблено столько лѣтъ;—за то и вышло оно изумительно-глубокое, и вмѣстѣ поразительно-ясное, такъ что по картинѣ читаешь мысль художника, какъ по книгѣ.

Во первыхъ, надо было выразить, что это есть первое явленіе Христа на поприщѣ исторической дѣятельности. Никому еще неизвѣстный, Онъ самъ по себѣ не могъ произвести впечатлѣнія на неподготовленную массу однимъ своимъ появленіемъ; Онъ еще погруженъ въ самого себя, ибо не перешагнулъ границы внутренней дѣятельности, которою подготовлялъ себя къ своему высокому служенію. Поэтому и сдѣлалъ художникъ изъ фигуры Спасителя только идеальный центръ картины, находящійся внѣ ея движенія. Дабы узнать Его и указать народу, необходимъ истолкователь, одаренный духомъ пророчества, предвидѣнія, и въ Іоаннѣ Кре-

стителѣ представленъ намъ истинный типъ суроваго и пламеннаго пророка-пустынника, въ духѣ Иліи. По вѣрности и силѣ выраженія, нельзя ничего вообразить реальнѣе и типичнѣе этой фигуры, составляющей дѣйствительный, всѣмъ двигающій, повелѣвающій центръ композиціи. Если Рафаэлемъ созданъ типъ Святой Дѣвы, то за Ивановымъ останется слава созданія типа Предтечи. Духомъ онъ узналъ Спасителя міра въ образѣ медленно и спокойно приближавшагося по горѣ человѣка, и вдохновеннымъ взоромъ, восторженнымъ движеніемъ рукъ и всего тѣла, передаетъ провидѣнное и постигнутое духомъ—народу, который не самъ по себѣ, а черезъ него обращается къ Христу, къ чему-то великому, имѣющему исполнить судьбы его; обращается съ тѣми разнообразными побужденіями, ожиданіями и опасеніями, которыя волновали его. Эти различныя воспріятія великой идеи, осуществленіемъ которой былъ Христосъ, сгруппированы въ трехъ отдѣлахъ, на которые распадается вся масса лицъ картины. За Іоанномъ, влѣво отъ зрителя, соединены ученики его и будущіе ученики Христа, которые примутъ ученіе Его въ духѣ истины, въ его настоящемъ глубокомъ смыслѣ. Справа спускается съ горы толпа равнодушныхъ и враждебныхъ, привлеченныхъ изъ Іерусалима распространившеюся молвою о подвигахъ пустынно-жителя. Среди этой толпы ѣдутъ римскіе всадники, люди изъ другаго міра, до которыхъ все происходившее, повидимому, вовсе не касалось, или касалось какъ предметъ административнаго, полицейскаго наблюденія,—до которыхъ и вліяніе этихъ событій должно было послѣ достигнуть. Въ срединѣ—группа только-что вышедшаго изъ воды еврея съ молодымъ сыномъ, не успѣвшихъ еще одѣться,—олицетворяетъ мысль, ставшую въ среднее отношеніе къ Спасителю, между его истинными послѣдователями и его врагами. Это представители тѣхъ, которые будутъ кричать „Осанна", и черезъ нѣсколько дней равнодушно смотрѣть на крестную смерть; тѣхъ, которые ожидали отъ Мессіи политическаго могущества и всѣхъ земныхъ благъ. Это грубое, корыстное воспріятіе Христова ученія выражено съ необыкновенною ясностью на лицѣ еврея, радующагося—грубою, земною радостью. Еще равнодушнѣе мальчикъ сынъ его; въ немъ замѣтно простое, безучастное любопытство, и между тѣмъ какъ занято его вниманіе, тѣло какъ бы содрогается отъ ощущенія свѣжести только что окончившагося купанья. Подобною же животною радостью улыбается и рабъ, который въ глубокомъ своемъ униженіи еще не

степени и научнаго развитія, по которымъ мы можемъ, во всякомъ случаѣ, заключить о его способности достигнуть и въ этомъ отношеніи значительной степени развитія, и что только относительная молодость племени, устремленіе всѣхъ силъ его на другія, болѣе насущныя стороны дѣятельности, которыя ихъ поглощали,— не дали Славянамъ возможности пріобрѣсти до сихъ поръ культурнаго значенія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это не должно и не можетъ приводить насъ въ смущеніе, ибо указываетъ на правильность хода развитія.

Пока не расчищено мѣсто, не углубленъ въ почву крѣпкій фундаментъ, нельзя и не должно думать о возведеніи прочнаго зданія;—можно лишь строить временныя жилища, отъ которыхъ мы въ правѣ ожидать и требовать только того, чтобы они въ нѣкоторыхъ частяхъ обнаружили дарованія строителя. Фундаментъ этотъ— политическая независимость племени, и слѣдовательно, къ достиженію его должны быть направлены всѣ славянскія силы. Это необходимо въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ потому, что безъ сознанія племенной цѣльности и единства, въ противуположность прочимъ племенамъ, и не только безъ сознанія, но и безъ практическаго его осуществленія (которое одно только и въ состояніи низвести это сознаніе въ общее пониманіе народныхъ массъ),—невозможна самобытность культуры, т. е. собственно говоря, невозможна сама культура,—которая и имени этого не заслуживаетъ, если не самобытна. Во-вторыхъ потому, что безъ плодотворнаго взаимодѣйствія сродныхъ между собою, освобожденныхъ отъ чуждой власти и вліянія народныхъ единицъ, на которыя раздѣляется племя,—невозможно разнообразіе и богатство культуры. Нѣкоторый образецъ этого оплодотворяющаго вліянія видимъ мы уже на томъ взаимодѣйствіи, которое имѣли другъ на друга Великорусскій и Малорусскій духовные склады.

Въ отношеніи къ Славянамъ, это необходимое предварительное достиженіе политической независимости имѣетъ, въ культурномъ какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, еще ту особенную важность, что сама борьба съ германо-романскимъ міромъ, безъ которой невозможна славянская независимость, — должна послужить лѣкарствомъ для искорененія той язвы подражательности и рабскаго отношенія къ Западу, которая въѣлась въ славянское тѣло и душу путемъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій ихъ историческаго развитія. Только теперь наступаетъ историческій мо-

ныхъ фигуръ позу Иліи и Моисея, представленныхъ летящими. Такъ какъ, конечно, они вѣдь должны же на чемъ-нибудь держаться, то точку опоры ихъ составляютъ складки ниспадающей одежды. И здѣсь придется сдѣлать тоже замѣчаніе, что и о распредѣленіи фигуръ на три группы въ картинѣ Иванова. Летящія фигуры поддерживаются отвисшею одеждою; но если бы этого не требовала техническая необходимость, если бы фигуры могли сами собою держаться на воздухѣ, то одежда должна бы была все-таки спускаться точно такими же складками, по законамъ тяжести и свойствамъ матеріи. Одежда не составляетъ подставки, а исполняетъ эту роль какъ бы случайно, между прочимъ. Риѳма есть, но стихъ не для риѳмы написанъ; если бы и не требовалось созвучнаго окончанія, тоже слово должно бы быть употреблено, какъ самое мѣткое, выразительнѣе, прямѣе и лучше всего передающее смыслъ. Я обратилъ вниманіе на эту побѣжденную техническую трудность, какъ на свидѣтельство того строгаго исполненія требованій естественности и реальности, которое составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ русскаго искусства, также какъ русской поэзіи.

Знатоки музыки видятъ туже ясность мысли, художественность и законченность, соединенныя съ оригинальностью и богатствомъ мелодіи,—въ музыкальныхъ произведеніяхъ Глинки.

Прочіе Славянскіе народы, давно уже не пользующіеся политическою самостоятельностью, не представляютъ, правда, чего либо выходящаго изъ ряда вонъ въ области искусства и литературы. Одни Поляки имѣютъ еще первокласснаго поэта въ Мицкевичѣ, въ произведеніяхъ котораго отражается, какъ оригинальность и высокій лиризмъ личности поэта, такъ и ничтожность и, такъ сказать, каррикатурность жизни и быта польскаго общества; такъ они представлены въ „Панѣ Тадеушѣ“, въ которомъ поэтъ вовсе не имѣлъ намѣренія представить сатиры на своихъ соотечественниковъ, а напротивъ того, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ изображаемому имъ быту. Но зато, тѣ изъ Славянъ, которые находятся, или по крайней мѣрѣ недавно еще находились, на непосредственной ступени развитія, какъ воинственные Сербы,—представляютъ замѣчательные образцы чисто-народнаго творчества, не соединенныя еще въ цѣлое—части народной эпопеи.

И такъ, мы видимъ, что Славянскій культурный типъ представилъ уже достаточно задатковъ художественнаго, а въ меньшей

степени и научнаго развитія, по которымъ мы можемъ, во всякомъ случаѣ, заключить о его способности достигнуть и въ этомъ отношеніи значительной степени развитія, и что только относительная молодость племени, устремленіе всѣхъ силъ его на другія, болѣе насущныя стороны дѣятельности, которыя ихъ поглощали,—не дали Славянамъ возможности пріобрѣсти до сихъ поръ культурнаго значенія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это не должно и не можетъ приводить насъ въ смущеніе, ибо указываетъ на правильность хода развитія.

Пока не расчищено мѣсто, не углубленъ въ почву крѣпкій фундаментъ, нельзя и не должно думать о возведеніи прочнаго зданія;—можно лишь строить временныя жилища, отъ которыхъ мы въ правѣ ожидать и требовать только того, чтобы они въ нѣкоторыхъ частяхъ обнаружили дарованія строителя. Фундаментъ этотъ—политическая независимость племени, и слѣдовательно, къ достиженію его должны быть направлены всѣ славянскія силы. Это необходимо въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ потому, что безъ сознанія племенной цѣльности и единства, въ противуположность прочимъ племенамъ, и не только безъ сознанія, но и безъ практическаго его осуществленія (которое одно только и въ состояніи низвести это сознаніе въ общее пониманіе народныхъ массъ),—невозможна самобытность культуры, т. е. собственно говоря, невозможна сама культура,—которая и имени этого не заслуживаетъ, если не самобытна. Во-вторыхъ потому, что безъ плодотворнаго взаимодѣйствія сродныхъ между собою, освобожденныхъ отъ чуждой власти и вліянія народныхъ единицъ, на которыя раздѣляется племя,—невозможно разнообразіе и богатство культуры. Нѣкоторый образецъ этого оплодотворяющаго вліянія видимъ мы уже на томъ взаимодѣйствіи, которое имѣли другъ на друга Великорусскій и Малорусскій духовные склады.

Въ отношеніи къ Славянамъ, это необходимое предварительное достиженіе политической независимости имѣетъ, въ культурномъ какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, еще ту особенную важность, что сама борьба съ германо-романскимъ міромъ, безъ которой невозможна славянская независимость, — должна послужить лѣкарствомъ для искорененія той язвы подражательности и рабскаго отношенія къ Западу, которая въѣлась въ славянское тѣло и душу путемъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій ихъ историческаго развитія. Только теперь наступаетъ историческій мо-

ментъ для начала этого культурнаго развитія; ибо только съ освобожденіемъ крестьянъ положено начало періоду культурной жизни Россіи, закончившей этимъ государственный періодъ своей жизни, существенное содержаніе котораго (замѣтили мы выше) заключается именно въ веденіи народа отъ племенной воли къ гражданской свободѣ, путемъ политической дисциплины. Но прежде, какъ условіе sine qua non успѣха, ей, сильной и могучей, предстоитъ трудное дѣло—освободить своихъ соплеменниковъ, и въ этой борьбѣ закалить себя и ихъ въ духѣ самобытности и всеславянскаго самосознанія.

И такъ, на основаніи анализа существеннѣйшихъ общихъ результатовъ дѣятельности предшествовавшихъ культурно-историческихъ типовъ и сравненія ихъ частію съ высказавшимися уже особенностями Славянскаго міра, частію же съ тѣми задатками, которые лежатъ въ славянской природѣ, можемъ мы питать основательную надежду, что Славянскій культурно-историческій типъ въ первый разъ представитъ синтезисъ всѣхъ сторонъ культурной дѣятельности, въ обширномъ значеніи этого слова,—сторонъ, которыя разработывались его предшественниками на историческомъ поприщѣ въ отдѣльности, или въ весьма неполномъ соединеніи. Мы можемъ надѣяться, что Славянскій типъ будетъ первымъ полнымъ *четырехъ-основнымъ культурно-историческимъ типомъ*. Особенно оригинальною чертою его должно быть въ первый разъ имѣющее осуществиться удовлетворительное рѣшеніе общественно-экономической задачи. Какое взаимное отношеніе займутъ въ немъ три прочія стороны культурной дѣятельности? Которая изъ нихъ сообщитъ ему преобладающую окраску? Не будутъ-ли они преемственно занимать эту главную роль? Какой, наконецъ, качественный характеръ приметъ собственно культурная дѣятельность, до сихъ поръ наименѣе другихъ сторонъ дѣятельности успѣвшая опредѣлиться?—этого, конечно, предвидѣть невозможно.

Осуществится-ли эта надежда,—зависитъ вполнѣ отъ воспитательнаго вліянія готовящихся событій, разумѣемыхъ подъ общимъ именемъ—Восточнаго вопроса, который составляетъ узелъ и жизненный центръ будущихъ судебъ Славянства.

Главный потокъ всемірной исторіи начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила. Одинъ, небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царь-градъ, достигаетъ въ невозмущенной чистотѣ до Кіева и Москвы;—другой, земной, человѣческій,

въ свою очередь дробящійся на два главныя русла: культуры и политики, — течетъ мимо Аѳинъ, Александріи, Рима, — въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На Русской землѣ пробивается новый ключъ: справедливо обезпечивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ Славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ.

И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ТЕОРІЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ.

(*Статья К. Н. Бестужева-Рюмина*).

„У книгъ есть своя судьба", давно уже сказалъ римскій поэтъ. Вѣрность этихъ словъ, какъ нельзя болѣе, подтверждается книгою, о которой мы теперь намѣрены говорить. „Россія и Европа" покойнаго Н. Я. Данилевскаго не новость въ русской литературѣ: въ 1869 г. она была напечатана въ мало распространенномъ журналѣ „Заря", а въ 1871 г. явилась въ отдѣльномъ изданіи. Это изданіе напечатано было въ 1.200 экземпляровъ и только недавно распродано вполнѣ. Стало-быть, смѣло можно сказать, что сочиненіе Данилевскаго, котораго въ Австріи зовутъ „апостоломъ славянства", едва извѣстно въ Россіи; къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что критики, говорившіе о немъ, съ трогательнымъ единодушіемъ, не смотря на различіе партій, отзывались равно неблагосклонно*). Стало-быть, для русскихъ литераторовъ (почти безъ исключеній) существуетъ пунктъ, на которомъ они всѣ сходятся. Пунктъ этотъ—какъ ни страннымъ кажется такой фактъ—отрицаніе возможности самостоятельной русской или скорѣе всеславянской культуры. Какъ противна русской интеллигенціи мысль о возможности такой культуры, можно убѣдиться и теперь, и даже не въ статьяхъ обыкновенныхъ журнальныхъ писателей, а въ статьяхъ людей, отъ которыхъ можно было бы ожидать и большей глубины, и большей проницательности.

---

*) За исключеніемъ статьи Н. Н. Страхова въ «Зарѣ» потомъ перепечатанной въ «Извѣстіяхъ Слав. Благотворит. Общ.» и нынѣ въ предисловіи къ новому изданію «Россіи и Европы».

Причину такого страннаго явленія, не безъ основанія, видятъ въ исторіи Россіи за послѣднія двѣсти лѣтъ. Соловьевъ замѣчаетъ, что со времени Петра мы вступили изъ періода чувства въ періодъ мысли, т. е. отъ цѣльнаго инстиктивнаго творчества перешли къ сомнѣніямъ, повѣркѣ, критикѣ. Сомнѣніе, критика, повѣрка обратились прежде всего на свое, на старое. Очевидно, что за этимъ увлеченіемъ должно было послѣдовать обращеніе той же критики на чужое, переборъ началъ этого чужаго; но этотъ періодъ былъ еще далеко, онъ едва начинается на нашей памяти и не только еще не господствуетъ въ общественномъ сознаніи, но даже выдерживаетъ страшную борьбу. Все это понятно, и такъ и должно было быть. Человѣкъ въ юности увлекается внѣшностью, внѣшностью увлекаются и юные народы. Говоримъ народы, хотя въ данномъ случаѣ увлеченіе касается только общества (т. е. интеллигенціи): но общество представляетъ собою движущуюся часть народа, а остальная часть является хранительницею непочатыхъ силъ. Благо той странѣ, которая имѣетъ у себя такое сокровище, залогъ долгаго будущаго развитія. Такое сокровище выпало и на нашу долю: въ то время, какъ общество наше все болѣе и болѣе проникалось завѣтомъ Ремигія Хлодвигу и стремилось сожигать то, чему поклонялось, и поклоняться тому, что̀ сожигало, народъ крѣпко держался за свою старину. Общество, прислушиваясь къ голосу своихъ передовыхъ людей, употребляло умственныя силы на борьбу съ невѣжествомъ, на изученіе Европы, а народъ все болѣе и болѣе отклонялся отъ него, не сознавая ясно, но чувствуя инстинктивно, что за кажущимся невѣжествомъ кроются настоящія живыя силы. Въ XVIII в. служилое сословіе объединяется названіемъ шляхетства (самое имя показываетъ, съ какой стороны идетъ починъ), измѣненнымъ скоро на старо-русское названіе дворянства. Дворянству этому Екатерина дала важную политическую роль: въ его руки передано было мѣстное самоуправленіе. Освобожденное отъ обязательной службы, одаренное правами, оно въ значительномъ числѣ осталось на мѣстѣ, и явилось мѣстное общество, которое разносило по провинціи то, что̀ прежде собиралось въ столицѣ, ибо дворянство мало по малу становилось просвѣщеннымъ сословіемъ на ряду съ духовенствомъ, съ тою разницею, что духовенство держалось въ основѣ типа славяно-греко-латинской академіи, а дворянство все болѣе и болѣе проникалось просвѣщеніемъ европейскимъ, т. е. въ то время исключительно французскимъ. Шляхетскіе и магнатскіе идеалы,

заимствованные изъ Польши, уступили мѣсто французскимъ аристократическимъ, въ особенности тогда, какъ революція выкинула къ намъ массу эмигрантовъ, ставшихъ или образцами, или учителями нашего дворянства. Что было болѣе образованнымъ или почитало себя таковымъ, то проникалось началомъ энциклопедистовъ; обрывки ихъ ученія достигали и до Фонвизинскаго Иванушки. Оплотомъ противъ энциклопедистовъ явилось тоже западное ученіе—масоновъ. Русское все болѣе и болѣе сосредоточивалось во внѣшней государственности. Мало по малу получала преобладаніе мысль о спасительности европейской цивилизаціи. Карамзинъ усомнился въ своихъ надеждахъ на „вѣкъ просвѣщенія" и, погрузившись въ исторію, вынесъ оттуда драгоцѣнное предчувствіе національныхъ началъ, но и онъ не обладалъ яснымъ ихъ сознаніемъ. Кругомъ же господствовалъ полный европеизмъ; общехристіанство, идеалы европейскіе: консервативные, либеральные, переводы на русскій языкъ французскихъ кодексовъ, административныя нововведенія на французскій ладъ и т. д. События конца 1825 г. показали необходимость стать на національную почву; идутъ попытки въ этомъ родѣ: символомъ ихъ служитъ такъ называемая тоновская архитектура, то—да не то. Въ ту пору выростаетъ, какъ протестъ противъ неловкихъ попытокъ, уже сознательный европеизмъ—западничество, которое, примѣшиваясь къ реформамъ послѣдующаго времени, дѣлаетъ не совсѣмъ точными знаменитыя слова адреса, поданнаго Императору Александру II отъ раскольниковъ: „въ новизнахъ твоихъ старина наша слышится", и дѣйствительно, старина далеко неполно и неточно возстала въ этихъ новизнахъ. Русской землѣ предлежала и предлежитъ громадная и трудная задача: сознать основы своего бытія, отдѣливъ ихъ отъ всей своей многовѣковой исторіи, и на нихъ воздвигнуть новое зданіе своей цивилизаціи. Какой выходъ указываетъ нашъ авторъ, скажемъ впослѣдствіи, а теперь „на прежнее возвратимся", по выраженію лѣтописи. Рядомъ съ западниками образовалась новая школа славянофиловъ. Эти приснопамятные дѣятели были первыми носителями настоящаго русскаго сознанія. Ихъ проповѣдь, часто останавливаемая и раздававшаяся, по условіямъ тогдашнимъ, не вполнѣ ясно (прибавимъ, что и сами они росли и мужали), была долго непонятна; ихъ обвиняли въ старовѣрствѣ, т. е. именно въ томъ, чего у нихъ не было. Изъ нихъ никто не думалъ возвращаться къ старинѣ въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала; имъ нужно

было уяснить основныя начала; но этого не понимала публика, постоянно смѣшивающая основное съ случайнымъ. Несчастное совпаденіе проповѣди славянофиловъ съ господствующимъ настроеніемъ, совпаденіе чисто внѣшнее, препятствовало обществу оцѣнить ихъ начала; къ тому же, были и такіе писатели, которые, подъ видомъ защиты основныхъ русскихъ началъ, защищали существующее. Рядъ недоразумѣній, возбужденныхъ этимъ грустнымъ временемъ, завершился крымской войной. Патріотизмъ государственный былъ возбужденъ; героическая защита Севастополя—одна изъ лучшихъ страницъ русской исторіи; но смыслъ войны былъ теменъ, чего уже никакъ нелязя сказать о войнѣ 1877—78 г. За Парижскимъ миромъ наступила пора реформъ; славянофилы приняли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живое участіе; но и тогда ихъ ученіе не сдѣлалось господствующимъ, во многомъ и во многомъ отразилось наше европейничаніе. Трудно разбираться въ современной исторіи, трудно безпристрастно относиться къ ея явленіямъ, но нельзя не признать того, что успѣхи народнаго самосознанія все еще не довольно значительны, и насажденное славянофилами еще недостаточно пустило корни. Славянофилы смотрятъ на міръ широко, въ основѣ ихъ воззрѣній лежитъ знакомство съ Европою и критическое отношеніе къ ней; западники продолжаютъ критически относиться только къ явленіямъ русской жизни. Вновь народившееся народничество слишкомъ узко понимаетъ народность, и едва-ли не слѣдуетъ считать его порожденіемъ западничества, ибо идеалы его новаго ничего не представляютъ. Книга Данилевскаго, представляющая собою систематизацію славянофильскаго воззрѣнія, основанную на широкомъ образованіи и проведенную глубокимъ умомъ,—должна служить поворотнымъ пунктомъ въ движеніи русскаго самосознанія, когда наконецъ съ нею ближе ознакомятся мыслящіе русскіе люди и рѣшатся изучать ее безъ всякихъ предубѣжденій. Собираясь говорить о ней, мы считаемъ однако нужнымъ сдѣлать еще небольшое предисловіе.

Заслуги славянофиловъ для развитія русскаго самосознанія неоцѣненны, и если пока труды ихъ не принесли всѣхъ желанныхъ плодовъ, то только потому, что мысли ихъ встрѣтили сильное противодѣйствіе и пока еще мало извѣстны; но въ будущемъ надо полагать, дѣло пойдетъ иначе. Славянофилы намѣтили всѣ важнѣйшія основы, на которыхъ должно покоиться зданіе все-славянской цивилизаціи: они развили понятіе о преимуществѣ право-

славія надъ всѣми иными христіанскими исповѣданіями (Хомяковъ, Самаринъ), указали основы русскаго народнаго характера (К. С. Аксаковъ), указали общность всѣхъ славянскихъ народовъ (Валуевъ, Хомяковъ, Погодинъ, Гильфердингъ), противоположность міровъ романо-германскаго и греко-славянскаго (Вл. Ив. Ламанскій). Мы не говоримъ здѣсь о заслугахъ славистовъ русскихъ и западно-славянскихъ, ибо это завело бы насъ слишкомъ далеко. Словомъ, для людей, хотящихъ видѣть, открывается впереди необозримый горизонтъ. Нельзя сказать, чтобы и въ практической жизни не занималась заря будущаго сближенія Славянъ: дѣятельность славянскихъ благотворительныхъ обществъ, какъ она ни стѣснена, отношеніе народа и общества (хотя и съ значительными исключеніями) въ войнѣ сербской и русско-турецкой, возрастающее стремленіе къ изученію русскаго языка у славянъ западныхъ—все это признаки благопріятные. Для тѣхъ же, кто не видитъ, такъ и хочется повторить евангельскія слова: „отъ смоковницы же научитеся притчѣ: егда уже ваія ея будутъ млада, и листвіе прозябнетъ, вѣдите, яко близь есть жатва". Да, жатва близка, можемъ мы сказать, если, конечно, припомнимъ, что для событій въ народной жизни иная мѣрка времени, чѣмъ для ежегоднаго круговорота природы и для краткой жизни человѣка. Какъ ни далеки мы еще, кажется намъ въ нашемъ нетерпѣніи, отъ осуществленія нашихъ надеждъ, но, оглядываясь назадъ, мы должны сознаться, что сдѣлали значительные шаги къ цѣли. Вспомнимъ, что писалъ о. Раевскій Погодину къ дню его юбилея: „Было время, вы это помните, какъ разъ Ганка, Юнгманъ, Шафарикъ и еще кто-то четвертый (вѣроятно, самъ Погодинъ), собравшись въ одной комнатѣ, разсуждали о судьбѣ Чеховъ, о славянствѣ, и вдругъ разбѣжались отъ страха, какъ бы не провалился надъ ними потолокъ и съ ними не задавилъ бы всего, тогда маленькаго, славянства; теперь, учитель, такого потолка не найдется въ цѣломъ мірѣ, который могъ бы подавить подъ собою все славянство". Будемъ же помнить эти замѣчательныя слова человѣка, прожившаго много лѣтъ въ центрѣ интересовъ западнаго славянства, въ Вѣнѣ, и, слѣдовательно, знавшаго и видѣвшаго все на дѣлѣ. Когда же минутами овладѣетъ нами уныніе, станемъ перечитывать вдохновенныя страницы „Дневника писателя", дабы почерпать у этого великаго художника его глубокую вѣру въ будущность славянства и въ высокое призваніе Россіи.

Чтò же сдѣлалъ Данилевскій послѣ этихъ разносто
слѣдованій, направленныхъ къ одной цѣли, послѣ вѣ
поэтовъ славянства (Хомяковъ, Тютчевъ), послѣ глуб
ствованныхъ и пламенно высказанныхъ надеждъ и ожи
каго романиста (Достоевскій), послѣ неустанной бор
гами славянства и равнодушіемъ русской публики ве
давни сошедшаго со сцены, публициста (И. С. Аксако
тельный обзоръ „Россіи и Европы" дастъ намъ отвѣ
вопросъ.

„Россія и Европа" поражаетъ читателя, впервые
ея страницы, необыкновенной стройностью логической
ностью своихъ доводовъ, полною объективностью изложен
татомъ постоянныхъ занятій естественными науками, к
поставить ихъ въ надлежащіе предѣлы и не требова
разрѣшенія вопросовъ, не подлежащихъ ихъ вѣдѣні
ляютъ превосходную школу для развитія методическаг
Внесеніе въ нихъ субъективнаго элемента всегда вре
ли то фантазія, какъ у многихъ естествоиспытателей, с
сдѣлаться художниками, или матеріалистическія возз
вносимыя въ изученіе природы, а никакъ не раждаю
ствіе изученія, какъ хотѣли бы многіе увѣрить. Та
былъ чуждъ Данилевскій; оттого въ науку историчес
ситъ методъ и объективность естествознанія, но не о
малѣйшей возможности внести въ нее тѣ скороспѣлые
торые извѣстны подъ именемъ „послѣднихъ словъ нау
вѣрнымъ поклоненіемъ этимъ послѣднимъ словамъ
успѣшно борется въ своемъ „Дарвинизмѣ". Читая да
поражаются массою знаній: экономическихъ, политич
рическихъ; видно, что авторъ не даромъ учился въ за
щемъ общее юридическое образованіе, поставившемъ
можность понимать эти вопросы и интересоваться им
нашего времени должно поразить то, что авторъ дал
богословскихъ вопросовъ, которые кажутся людямъ пов
столь далекими отъ дѣйствительности и, пожалуй, уже
отжившими. Не такими они казались Данилевскому: он
въ основу своей теоріи. Это было не только слѣдстві
Хомякова, но и результатомъ собственныхъ занятій:
литературною дѣятельностью Данилевскаго могутъ у
этомъ, припомнивъ его полемику съ Вл. С. Соловьев

подготовка была необходима для того, чтобы разносторонне разсмотрѣть вопросы. И такъ, не только великая умственная сила Данилевскаго, но и громадное трудолюбіе придаетъ такую увлекательность, можно даже сказать неотразимость его изслѣдованіямъ, конечно, не для тѣхъ, которые заранѣе рѣшились не принимать его результатовъ.

Цѣль книги Данилевскаго—доказать возможность, даже необходимость новой славянской культуры. На пути къ рѣшенію этой задачи стоитъ предразсудокъ, который надо побѣдить: въ Европѣ, какъ и у насъ, всѣ увѣрены въ томъ, что культура только одна лишь непрерывно развивающаяся, при чемъ всѣ прежнія культуры являются лишь ничѣмъ инымъ, какъ ступенями этого развитія. Хранилище этой культуры — Европа, развитіе же ея безконечно, какъ безконечно существованіе самаго человѣчества, которое можетъ быть прекращено только какой-либо катастрофой. Слѣдственно, въ настоящемъ и въ будущемъ культура эта должна обнимать всѣ народы, перестающіе быть варварскими, и для воспріятія ея слѣдуетъ пожертвовать своимъ народнымъ во имя общечеловѣческаго, за которое выдаетъ себя эта культура. Если все предъидущее справедливо, то мы, стремящіеся со времени Петра стать настоящими европейцами, вѣроятно уже достигли своей цѣли: Европа считаетъ насъ своими, мы принимаемъ участіе во всѣхъ ея радостяхъ и печаляхъ, она съ своей стороны оказываетъ намъ такое же участіе; столкновеніе наше съ тою или другою изъ европейскихъ земель будетъ, стало быть, временнымъ недоразумѣніемъ, междуусобіемъ; отношенія наши съ Европою управляются только закономъ политическаго равновѣсія. Точно-ли однако Европа считаетъ Россію равноправнымъ членомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ начинаетъ свою книгу. (*Россія и Европа*, стр. 1—19). Разрѣшенія вопроса онъ ищетъ въ фактахъ и останавливается на случаѣ частномъ, но чрезвычайно характеристическомъ: въ 1864 г. Австрія и Пруссія напали безъ особаго права на Данію; Европа позволила имъ овладѣть Шлезвигомъ и Голштиніей. Въ 1854 г. Россія требовала отъ Турціи необходимаго ей протектората надъ православными народами Турціи; результатомъ была Восточная война, въ которой не только правительства возстали противъ насъ, но за нихъ стояло и общественное мнѣніе, скорѣе даже возбуждало ихъ. Россія была совершенно права въ своихъ требованіяхъ, основан-

ности, обозначавшей именемъ трехъ странъ свѣта три берега Средиземнаго моря, бывшіе поприщемъ греческой и римской цивилизаціи. Не имѣя опредѣленныхъ границъ съ востока, не представляя цѣльнаго типа въ смыслѣ физическихъ особенностей, Европа въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться отдѣльнымъ цѣлымъ. Болѣе существенное значеніе имѣетъ это слово въ смыслѣ культурно-историческомъ. Въ этомъ смыслѣ Европа обнимаетъ собою народы романо-германскіе, которые издавна живутъ одною общею жизнью, имѣютъ общія преданія, получили общее воспитаніе историческое и религіозное, вмѣстѣ пережили феодальный строй, вмѣстѣ несли иго католицизма (ибо самъ протестантизмъ мыслимъ только какъ отрицаніе католицизма), вмѣстѣ создавали современную матеріальную цивилизацію; событія политическія, культурныя пріобрѣтенія каждаго изъ народовъ этого цѣлаго отзываются положительно или отрицательно въ жизни другихъ народовъ, къ нему принадлежащихъ. Россія не переживала съ Европою ея исторіи; но, можетъ быть, цивилизацію можно привить, можетъ быть, Россія стала Европою по усыновленію? Европа не желаетъ считать Россію своей, отводитъ ей роль цивилизатора Средней Азіи и пуще всего боится, чтобы она не перебила у Европы тѣхъ странъ, которыя послѣдняя считаетъ поприщемъ своей дѣятельности. Бывали такія столкновенія и между европейскими народами, но каждый изъ нихъ находилъ себѣ сторонниковъ и союзниковъ; мы же находимъ себѣ союзниковъ въ Европѣ только тогда, когда вступаемся за чуждые намъ интересы. Слѣдственно, усыновленія не послѣдовало. Чтобы стать европейцами, намъ предлагаютъ (такова была мысль Чаадаева) отречься отъ всей прошлой нашей жизни, отъ всѣхъ народныхъ началъ. Таково мнѣніе нашихъ западниковъ. Далѣе мы увидимъ, какъ авторъ блистательно доказываетъ невозможность прививки цивилизаціи, а теперь скажемъ, что, правильно отрицая невозможность отреченія отъ своей народности, онъ находитъ еще болѣе несостоятельнымъ такъ-называемый политическій патріотизмъ, который многими у насъ принимается; ибо политическій патріотизмъ защищаетъ только внѣшнее государственное единство а признаетъ единую культуру. Во имя политическаго патріотизма мы—по справедливому замѣчанію автора—не можемъ требовать преобладанія русской народности на нашихъ окраинахъ, не можемъ напр., препятствовать онѣмеченію эстовъ и латышей и ополяче-

ныхъ на трактатѣ; но ее обвинили, и она осталась одна безъ друзей. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, что Европа не считаетъ Россію своей. Чего же она боится отъ Россіи? (Стр. 20—53). На это отвѣчаютъ, что Россія—государство завоевательное. Авторъ тонкимъ анализомъ всѣхъ такъ называемыхъ завоеваній Россіи доказываетъ несправедливость этого ходячаго обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, Россіи нужно было обезпечить себя съ востока и юга отъ набѣговъ кочевниковъ, нужно было пробиться къ морю и получить обладаніе тѣми провинціями, которыя когда-то были въ ея рукахъ; она не могла терпѣть рабства русскихъ и угнетенія ихъ религіи. Таковы большинство изъ такъ называемыхъ завоеваній. Присоединеніе Царства Польскаго совершилось вслѣдствіе желанія Императора Александра I возстановить имя польское. Мы знаемъ, что Александръ едва не отдалъ возстановленной Польшѣ и Литвы. Это-ли завоеванія? Польша не могла существовать въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала; лучше-ли было бы для нея попасть въ руки нѣмцевъ? Едва-ли кто-либо изъ поляковъ отвѣтитъ, что лучше. Мы остановились только на нѣсколькихъ примѣрахъ; пусть читатель самъ прочтетъ необыкновенно убѣдительныя страницы Данилевскаго, посвященныя этому вопросу, и сознаетъ, до какой степени онъ правъ. Обвиняютъ Россію еще въ томъ, что она является врагомъ всякаго либеральнаго развитія. Данилевскій ясно указываетъ, что это только предлогъ, ибо, когда Россія при Царѣ-Освободителѣ приступила къ преобразованіямъ, совершила освобожденіе крестьянъ, самую трудную, какъ казалось, но самую существенную и либеральную реформу, то Европа отнеслась къ ней не болѣе снисходительно: ноты 1863 г.—не столько выраженіе сочувствія къ Польшѣ, сколько признакъ желанія воспользоваться затруднительными обстоятельствами Россіи, которыя еще преувеличивались надеждами на внутреннія затрудненія. Данилевскій убѣжденъ въ томъ, что Европа не знаетъ насъ потому, что не хочетъ знать. Дѣйствительно, мы видимъ, что люди, имѣющіе претензію знать Россію и даже заявившіе нѣкоторыя доказательства этого знанія, вдругъ становятся на сторону враговъ Россіи. Очевидно, Европа насъ своими не считаетъ.

Если Европа насъ не признаетъ, и мы—не Европа, то что̀ же такое Европа? (Стр. 54—71). Прежде всего это терминъ географическій. Авторъ нашъ блистательно доказываетъ всю условность этого термина, доставшагося новому міру въ наслѣдіе отъ древ-

кладется какой-нибудь случайный признакъ, въ основу второй — существенный. Требованія естественной системы авторъ опредѣляетъ такъ: „1) Принципъ дѣленія долженъ обнимать собою всю сферу дѣлимаго, входя въ нее какъ наисущественнѣйшій признакъ. 2) Всѣ предметы, всѣ явленія одной группы должны имѣть между собою бо̀льшую степень сродства, чѣмъ съ явленіями или предметами, отнесенными къ другой группѣ. 3) Группы должны быть однородны, т. е., степень сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ“.

Прилагая высказанныя имъ логическія правила къ существующему дѣленію исторіи, Данилевскій находитъ это дѣленіе вполнѣ несостоятельнымъ. Извѣстно, что исторія дѣлится на древнюю, среднюю, новую; иные прибавляютъ еще въ началѣ древнѣйшую и въ концѣ—новѣйшую. Такое дѣленіе не соотвѣтствуетъ первому правилу потому, что признакъ дѣленія выбранъ несущественный: паденіе западной Римской Имперіи не имѣетъ никакого значенія для Китая, Индіи; если принять за признакъ проповѣдь христіанства, то придется раздѣлить на двѣ части исторію Рима; то же слѣдуетъ сказать о всякой грани, дѣлящей среднюю исторію отъ новой, ибо всякая такая грань рѣжетъ по живому исторію романо-германскихъ народовъ. Дѣленіе это не удовлетворяетъ и второму логическому требованію, ибо соединяетъ разнородныя явленія въ одну группу: народы древняго востока съ греками и римлянами, арабовъ съ романо-германцами и т. п.; вслѣдствіе этого такое дѣленіе не удовлетворяетъ и третьему логическому требованію.

Взамѣнъ этого, такъ сказать, прямолинейнаго дѣленія, Данилевскій предлагаетъ другое, основанное на аналогіи съ науками естественными, уже принявшими естественную систему, — дѣленіе по типамъ организаціи. „Эти типы — говоритъ онъ — не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ,—планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить между существами (разныхъ типовъ) сравненіе для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя“. Дѣленіе же по ступенямъ развитія

нію бѣлоруссовъ. „Политическій патріотизмъ—говоритъ авторъ—возможенъ для Франціи, Англіи, Италіи, но невозможенъ для Россіи, потому что Россія и эти страны — единицы не одинаковаго порядка. Онѣ суть только политическія единицы, составляющія части другой высшей культурно-исторической единицы—Европы, къ которой Россія не принадлежитъ по многимъ причинамъ". Да и сама Европа не желаетъ насъ считать своими.

Правда ли, однако, что цивилизація европейская, какъ твердо вѣритъ сама Европа и какъ хотятъ увѣрить насъ, тождественна съ общечеловѣческой цивилизаціей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ страницъ книги Данилевскаго. (Стр. 72—94).

Рѣзкія противоположности—вотъ наиболѣе наглядный способъ дѣлать понятными для всѣхъ общіе выводы. Такъ и въ занимающемъ насъ вопросѣ, понятіе прогресса выясняется противопоставленіемъ ему понятія застоя; первый олицетворяется въ Европѣ, второй въ Азіи. Въ отвѣтъ на такой легкій способъ рѣшать затруднительные вопросы авторъ указываетъ на примѣръ Китая, приводимый обыкновенно какъ образецъ полнаго застоя. Настоящему состоянію Китая предшествовала обширная исторія, создавшая своеобразную цивилизацію, плоды которой видны и до сихъ поръ: въ китайскомъ земледѣліи, въ многихъ отрасляхъ промышленности, въ своеобразной этикѣ и т. д. Китай склонился къ упадку по естественному закону, осуждающему все живое на старость и смерть. Также старилась и влачила свое существованіе Византія послѣ своего великаго подвига—утвержденія православной догматики. Такимъ образомъ, и прогрессъ не сосредоточивается въ Европѣ, и застой не олицетворяется Азіей. Способность народовъ къ развитію опредѣляется разными условіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Главную причину образованія невѣрнаго пониманія, что̀ такое прогрессъ, авторъ справедливо видитъ въ томъ, что до сихъ поръ въ исторіи господствуетъ искусственная система, а не естественная. Ему, кекъ естествоиспытателю, ясно, что искусственная система является прежде естественной, является вслѣдствіе потребности нашего ума такъ или иначе распредѣлить накопившіяся знанія, ибо, безъ распредѣленія, знанія не могутъ держаться въ памяти. Такимъ образомъ, искусственная система есть твореніе нашего ума, естественная—плодъ продолжительныхъ наблюденій надъ фактами. Въ основу первой

кладется какой-нибудь случайный признакъ, въ основу второй — существенный. Требованія естественной системы авторъ опредѣляетъ такъ: „1) Принципъ дѣленія долженъ обнимать собою всю сферу дѣлимаго, входя въ нее какъ наисущественнѣйшій признакъ. 2) Всѣ предметы, всѣ явленія одной группы должны имѣть между собою бо̀льшую степень сродства, чѣмъ съ явленіями или предметами, отнесенными къ другой группѣ. 3) Группы должны быть однородны, т. е., степень сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ".

Прилагая высказанныя имъ логическія правила къ существующему дѣленію исторіи, Данилевскій находитъ это дѣленіе вполнѣ несостоятельнымъ. Извѣстно, что исторія дѣлится на древнюю, среднюю, новую; иные прибавляютъ еще въ началѣ древнѣйшую и въ концѣ—новѣйшую. Такое дѣленіе не соотвѣтствуетъ первому правилу потому, что признакъ дѣленія выбранъ несущественный: паденіе западной Римской Имперіи не имѣетъ никакого значенія для Китая, Индіи; если принять за признакъ проповѣдь христіанства, то придется раздѣлить на двѣ части исторію Рима; то же слѣдуетъ сказать о всякой грани, дѣлящей среднюю исторію отъ новой, ибо всякая такая грань рѣжетъ по живому исторію романо-германскихъ народовъ. Дѣленіе это не удовлетворяетъ и второму логическому требованію, ибо соединяетъ разнородныя явленія въ одну группу: народы древняго востока съ греками и римлянами, арабовъ съ романо-германцами и т. п.; вслѣдствіе этого такое дѣленіе не удовлетворяетъ и третьему логическому требованію.

Взамѣнъ этого, такъ сказать, прямолинейнаго дѣленія, Данилевскій предлагаетъ другое, основанное на аналогіи съ науками естественными, уже принявшими естественную систему, — дѣленіе по типамъ организаціи. „Эти типы — говоритъ онъ — не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ,—планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить между существами (разныхъ типовъ) сравненіе для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя". Дѣленіе же по ступенямъ развитія

или по возрастамъ авторъ допускаетъ только внутри каждаго типа. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ свою древнюю, свою среднюю и свою новую исторію. Выгоды такого построенія исторіи несомнѣнны: какъ въ разнообразіи типовъ растеній и животныхъ сказывается все разнообразіе природы, такъ въ разнообразіи типовъ культурныхъ сказывается все богатство человѣческаго духа. Принимая дѣленіе искусственное, допускаютъ то предположеніе, что въ извѣстное время стоитъ въ главѣ цивилизаціи одинъ или нѣсколько народовъ, принявшихъ въ себя всю цивилизацію предшествующую и передающихъ ее другому: quasi cursores vitai lampada tradunt, что такая передача, однако, можетъ остановиться, если цивилизація достигнетъ такого совершенства, что можетъ обезпечить себя отъ смерти, ибо смерть является въ этомъ ученіи не результатомъ естественныхъ условій организма, а слѣдствіемъ несовершенства извѣстной степени цивилизаціи. Европа, оградившая свою цивилизацію съ одной стороны результатомъ своихъ техническихъ успѣховъ, которые защищаютъ ее усовершенствованнымъ оружіемъ отъ новыхъ варваровъ, даютъ возможность при дальнѣйшемъ развитіи и жить трудомъ, и пользоваться капиталомъ, съ другой—книгопечатаніемъ и популяризаціей науки, назначеніе которыхъ предотвратить на будущее время возможность паденія цивилизаціи, можетъ не бояться смерти. Полагаютъ также, что постепенное развитіе государственныхъ учрежденій должно мало-по-малу удовлетворить всѣхъ обдѣленныхъ и создать царство Божіе на землѣ. Но вѣдь и Римъ вѣрилъ въ свою вѣчность, и Римская Имперія, казалось, должна была водворить миръ на землѣ. Для непредубѣжденнаго взгляда не все въ европейской цивилизаціи кажется такимъ, какимъ является глазамъ ея ревностныхъ поклонниковъ; ясно, что это—цивилизація главнымъ образомъ матеріяльная, что „душа убываетъ", какъ уже замѣтили проницательнѣйшіе изъ европейцевъ *); да и общественный бытъ Европы, созданный борьбою, до сихъ поръ продолжается борьбою и, весьма вѣроятно, гро-

*) У Поля Бурже мы встрѣтили любопытныя слова: «по всей вѣроятности, существуетъ законъ, въ силу котораго варварскія общества стремятся изъ всѣхъ силъ къ такому состоянію ума, которое они называютъ «цивилизованнымъ»; тотчасъ же по достиженіи этого состоянія въ нихъ замѣчается изсяканіе источниковъ жизни. У восточныхъ народовъ существуетъ поговорка: «когда домъ отстроятъ, въ него входитъ смерть»;—пусть, по крайней мѣрѣ, эта неизбѣжная гостья найдетъ нашъ домъ убраннымъ цвѣтами».

зить катастрофой. Высокомѣрное отношеніе европейца ко всѣмъ другимъ народамъ чувствуется постоянно; такъ называемая ширина цивилизаціи не излѣчила его отъ этого недостатка, наслѣдія всего его историческаго воспитанія. Вспомнимъ слова Тютчева:

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе славянъ.

Берлинскій трактатъ, клеветы на Россію, процессы о. Наумовича, д-ра Живнаго, и т. д., и т. д. постоянно напоминаютъ вѣрность этихъ словъ. И въ народахъ ложь и насиліе находятъ себѣ наказаніе, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, хотя бы и нескоро.

Авторъ указываетъ слѣдующіе культурно-историческіе типы, уже высказавшіеся въ исторіи: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилонско-финикійскій, халдейскій, или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій и 10) романо-германскій или европейскій. Авторъ полагаетъ возможнымъ прибавить еще недоразвившійся мексиканскій и перуанскій. Эти культурные типы не исчерпываютъ, однако, всего круга историческихъ явленій. Ихъ дѣйствіе—положительное, но еще существуютъ дѣятели отрицательные, нѣчто въ родѣ—небесныхъ метеоровъ (кометъ, аэролитовъ и т. п. въ астрономіи). Таковы гунны, монголы и т. п. Есть еще племена, которыя, „потому-ли что самобытность ихъ прекращается въ чрезвычайно раннiй періодъ ихъ развитія, или по другимъ причинамъ", являются только этнографическимъ матеріаломъ, входящимъ въ образованіе культурныхъ народовъ; таковы—финны и многіе другіе.

(Стр. 94—118). Изъ группировки народовъ по культурно-историческимъ типамъ вытекаютъ, по мнѣнію Данилевскаго, слѣдующіе законы, которые мы изложимъ его собственными словами:

„*Законъ 1*. Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—со-

ставляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще, по своимъ духовнымъ задаткамъ, способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества.

„*Законъ 2.* Дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью.

„*Законъ 3.* Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, ***при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій*** *).

„*Законъ 4.* Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ, пользуясь независимостью, составляютъ федерацію, или политическую систему государствъ.

„*Законъ 5.* Ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія—относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу“.

Первые два закона авторъ поясняетъ тѣмъ фактомъ, что каждая изъ выше названныхъ культуръ принадлежитъ одному племени **).

Изъ племенъ арійскихъ только одно племя кельтское не достигло самостоятельной культуры, но это потому, что рано поте-

---

*) Изъ подчеркнутыхъ словъ видно, что теорія Данилевскаго не исключаетъ возможности распространенія внѣнародныхъ религій (христіанства, буддизма, ислама). Дѣло въ томъ, что и эти религіи, даже само хрисітанство принимается каждымъ народомъ, какъ онъ можетъ ихъ принять. Различіе католицизма отъ православія произошло отъ различія западной Европы отъ восточной. То же слѣдуетъ сказать и о буддизмѣ; конечно, ламаизмъ не похожъ на буддизмъ первоначальный. Быть можетъ, въ различіяхъ суннитовъ отъ шіитовъ можно подыскать тоже народную основу.

**) Культура европейская, представляемая племенами романскими и германскими, противорѣчитъ только повидимому этому положенію. Ибо романскія племена образовались при большемъ или меньшемъ участіи германскихъ элементовъ; затѣмъ они жили одною историческою жизнью.

рило политическую самостоятельность. Культура славянская принадлежитъ будущему.

Въ объясненіе третьяго закона авторъ приводитъ тѣ факты что древнѣйшія цивилизаціи, если и распространялись, то только между племенами родственными. Такъ, напр., цивилизація Карѳагена не передалась Нумидійцамъ. Цивилизація Греціи распространялась только на греческія колоніи. Такъ было и съ такъ называемой эллинизаціей востока послѣ Александра Македонскаго: Александрійская образованность представлялась главнымъ образомъ греками и составляла продолженіе греческой цивилизаціи. Правда, что греки передавали свою цивилизацію римлянамъ, но вліяніе грековъ на римлянъ было во многомъ, напр., въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ не благотворно, а въ отношеніи наукъ и искусствъ тѣ отрасли, въ которыхъ римляне подчинились грекамъ, были менѣе плодотворны и возвышенны, чѣмъ тѣ, гдѣ римляне остались римлянами (въ правѣ, исторіографіи, сатирѣ, элегіи, отчасти въ архитектурѣ: колоссей и пантеонъ). Римляне имѣли не болѣе успѣха: народы, ими покоренные, латинизировались, потеряли свою національность, и выходившіе изъ ихъ среды дѣятели сдѣлались вкладчиками римской цивилизаціи. Это объясняютъ насильственностью культурнаго вліянія римлянъ; но безплодными остались и готы, принявшіе римскую цивилизацію уже послѣ паденія имперіи. Такимъ образомъ, авторъ отвергаетъ пересадку цивилизаціи одного народа къ другому, но, какъ мы уже видѣли, прямо признаетъ, что цивилизаціи возникающія развиваются подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ предшествующихъ или современныхъ цивилизацій. Это обстоятельство вызываетъ его на обстоятельный анализъ тѣхъ способовъ, которыми цивилизація передается. Первымъ способомъ является *колонизація*; но при колонизаціи развитіе совершается только между колонистами, туземцы же или истребляются, или обращаются въ этнографическій матеріалъ. Второй способъ *прививка*; но при садовой прививкѣ привитой глазокъ продолжаетъ жить своею жизнью, а дичокъ своей. Такимъ глазкомъ была Александрія въ Египтѣ и римская культура въ Галліи. Ни изъ того, ни изъ другаго опыта не вышло пользы ни Египту, ни Галліи. Третій способъ вліянія авторъ сравниваетъ съ вліяніемъ почвы на растительный организмъ, или улучшеннаго питанія на организмъ животный. Таково вліяніе Египта и Финикіи на Грецію, Римъ, на народы германо-романскіе. Организмъ

сохраняетъ свою образовательную дѣятельность, онъ только питается результатами чужой дѣятельности и переработываетъ ихъ по-своему. При такомъ отношеніи народовъ заимствуются отъ другихъ результаты ихъ опыта: выводы науки, успѣхи техники и т. п., но сохраняется своя религія, свой бытъ, свои учрежденія. Вотъ почему все, что относится до познанія человѣка и общества, а въ особенности до практическихъ примѣненій этого познанія, можетъ быть только принято къ свѣдѣнію.

Четвертый историческій законъ, выводимый Данилевскимъ, состоитъ въ томъ, что цивилизація тѣмъ полнѣе, чѣмъ разнообразнѣе, независимѣе ея составные элементы, т. е. народности, входящія въ культурно-историческій типъ. Самыми полными цивилизаціями изъ доселѣ бывшихъ являются цивилизаціи греческая и европейская. И та и другая представляютъ разнообразіе элементовъ. Въ Греціи племена: дорическое, іоническое, эолическое; въ Европѣ съ одной стороны племена германскія, съ другой романскія. Къ сожалѣнію Греція была слишкомъ раздроблена и окончила чужеземнымъ игомъ; въ Европѣ же подчиненныя общему типу единицы представляютъ достаточную силу; только двѣ изъ подчиненныхъ общему типу народностей представляли слишкомъ большое раздробленіе: Германія и Италія, и тѣ теперь объединились. Какія же народности должны слиться въ одно цѣлое, какія должны образовать собою или федерацію, или политическую систему? Авторъ указываетъ на то, что грань положена самой природою: народности, нарѣчія которыхъ такъ близки, что не составляютъ затрудненія для взаимнаго общенія (великоруссы, мало- и бѣлоруссы), должны составлять одно политическое цѣлое; народы же, хотя и принадлежащіе къ одному лингвистическому семейству, но имѣющіе отдѣльные языки, должны составлять или федерацію, или систему государствъ. Связь такая не должна простираться за предѣлы извѣстнаго культурнаго типа, ибо такая связь требуетъ въ нѣкоторой степени подчиненія отдѣльныхъ интересовъ общимъ; такъ народы Греціи, кромѣ своихъ отдѣльныхъ интересовъ, должны были имѣть въ виду интересы Греціи, а для народовъ европейскихъ интересъ европейскій—не пустое слово. Не таково отношеніе культурныхъ типовъ къ интересамъ общечеловѣческимъ: каждая культурная группа можетъ сознавать только свой интересъ, общечеловѣческій же знаетъ только Богъ, ему и принадлежитъ веденіе дѣлъ человѣчества.

Пятый законъ состоитъ въ томъ, что „періодъ цивилизаціи каждаго типа сравнительно очень коротокъ, истощаетъ его силы и вторично не возвращается". Періоду цивилизаціи предшествуетъ длинный періодъ этнографическій, когда народы выдѣляются, образуютъ свои особенности, создаютъ государство, заготовляютъ силы для будущей дѣятельности. Въ періодъ цивилизаціи происходитъ растрата этихъ силъ, народы выражаютъ свои особенности, въ чемъ и состоитъ прогрессъ человѣчества, который въ сущности есть всестороннее раскрытіе богатствъ человѣческаго духа. Если каждый типъ представляетъ собою нѣкотораго рода ограниченность, то онъ и не можетъ развиваться вѣчно, а долженъ найти себѣ предѣлъ. Такъ, главное содержаніе греческой цивилизаціи—искусство, въ немъ эллины во многихъ отношеніяхъ достигли совершенства, которое превзойти невозможно; характеромъ европейской цивилизаціи является положительная наука и т. д. Переходъ изъ періода этнографическаго въ періодъ культурный обусловливается однимъ или нѣсколькими внѣшними толчками: у грековъ—нашествіе Гераклидовъ повело къ образованію государствъ, столкновеніе съ Востокомъ дало начало періоду цивилизаціи; у Израиля борьба съ ханаанскими племенами была поводомъ къ образованію государства, а противодѣйствіе сосѣднимъ культурамъ повело къ развитію пророческой культуры и т. д. Изъ всего этого изложенія авторъ выводитъ, что доселѣ развитіе человѣчества совершалось посредствомъ культурно-историческихъ типовъ.

Для доказательства, что оно иначе идти не можетъ, онъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи общечеловѣческаго къ народному. (Стр. 119—133). Обыкновенно дѣло представляется такъ, что народность есть нѣчто узкое, отъ чего можно освободиться и перейти къ болѣе широкому; по мѣткому сравненію Данилевскаго: народности, сообразно этому взгляду,—„рядъ обнесенныхъ заборами двориковъ или клѣтокъ, окружающихъ обширную площадь, на которую можно выйти, лишь разломавъ перегородки". Таково воззрѣніе нашихъ западниковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Источники его авторъ видитъ въ германской философіи, стремящейся все свести къ абсолюту, и французскомъ соціализмѣ, мечтавшемъ объ единообразномъ устройствѣ всего міра. Эти двѣ доктрины возвышались, казалось, надъ узкой національностью—тогда еще никому не приходило въ голову, до чего онѣ сами національны: Гегель могъ родиться только

въ Германіи, ибо нѣмцы способнѣе всѣхъ другихъ народовъ къ смѣлымъ теоретическимъ построеніямъ; соціализмъ же есть порожденіе французскаго духа: соціализмъ подчиняетъ личность государству—таково всегдашнее настроеніе французовъ, таковы они были и въ монархіи Людовика XIV, и въ республикѣ конвента. Сами славянофилы, по замѣченію Данилевскаго, не чужды той мысли, что славянство призвано рѣшить общечеловѣческую задачу, не чужды потому, что въ значительной степени воспитались подъ вліяніемъ германской философіи. Но такой общечеловѣческой задачи, которую могло бы одно племя рѣшить конкретнымъ образомъ для всѣхъ другихъ племенъ, не существуетъ. „Задача человѣчества,—говоритъ Данилевскій,—состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными племенами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя лежатъ виртуально (въ возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества". Какъ естествоиспытатель, авторъ прибѣгаетъ для подкрѣпленія своей мысли къ аналогіи, показывая, что ни одна форма ни растительная, ни животная не заключаетъ въ себѣ совершенствъ ни растительнаго, ни животнаго царства. Такъ, человѣкъ уступаетъ многимъ животнымъ въ способности двигаться: птицамъ, рыбамъ; органы пищеваренія совершеннѣе у коровы или лошади; зрѣніе лучше у орла и т. д. Если мы возьмемъ разные возрасты человѣка, то ни одинъ изъ нихъ не выражаетъ вполнѣ человѣка: память сильнѣе въ дѣтствѣ, опытность принадлежитъ старости, и т. д., слѣдственно, и человѣкъ можетъ быть вполнѣ человѣкомъ только въ сознаніи своей индивидуальности. Такъ и человѣчество можетъ сознавать себя цѣлымъ только въ идеалѣ, какъ соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ проявленій, выражающихся въ отдѣльныхъ культурныхъ типахъ. Человѣчество есть родъ, отдѣльные народы—виды этого рода; потому, для болѣе вразумительнаго уясненія взаимнаго отношенія этихъ понятій, авторъ обращается къ разъясненію отношеній между родомъ и видомъ. Онъ беретъ для примѣра одинъ растительный родъ,—малину, и одинъ животный родъ,—кошку, и показываетъ, что для образованія понятія рода слѣдуетъ отбросить отъ понятія вида всѣ видовыя особенности, и образуется понятіе слишкомъ общее,—*обще-видоваго*. Слѣдственно, родъ осуществляется въ видахъ, и только при соединеніи видовыхъ признаковъ является у насъ понятіе *всевидоваго*, которое шире и выше каждаго вида въ отдѣльности, но которое выражается въ дѣйстви-

тельности въ отдѣльныхъ видахъ. Такъ и человѣчество выражается въ отдѣльныхъ племенахъ, образующихъ культурно-историческіе типы. Изъ соединенія ихъ можетъ выйти понятіе *всечеловѣческаго*, которое содержаніемъ полнѣе понятія *общечеловѣческаго*, совершенно лишеннаго конкретныхъ чертъ. Эпиграфъ, поставленный авторомъ въ заголовкѣ этой главы наглядно выражаетъ его мысль: a+b>a. Такимъ образомъ, *общечеловѣческой* цивилизаціи не существуетъ, а *всечеловѣческая* выражается въ отдѣльныхъ культурно-историческихъ типахъ.

Переходя къ славянству, мы должны признать, что, составляя отдѣльную группу народовъ, оно или должно выразиться въ особомъ культурно-историческомъ типѣ, или обратиться въ этнографическій матеріалъ. Передача цивилизаціи одного культурнаго типа другому, какъ мы уже видѣли, невозможна. Возвращаясь снова къ этому вопросу, авторъ указываетъ на то, что принятіе западной цивилизаціи исказило образъ Польши, что Чехія выдвигается только попытками сбросить это иго (гусситство, панславистское движеніе). Все это разсужденіе приводитъ автора къ такому выводу: „для всякаго славянина: русскаго, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгарина (желалъ бы прибавить: и поляка), послѣ Бога и его святой церкви—идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага“, ибо эти блага, по вѣрному мнѣнію автора, суть результаты народной самостоятельности.

Авторъ предвидитъ, что мнѣніе его о необходимости выступленія новаго культурнаго типа должно встрѣтить сильныя возраженія и спѣшитъ заранѣе отвѣтить на нихъ. (Стр. 133—171). Прежде всего, указывая на блестящее развитіе современной науки, выражаютъ сомнѣніе въ томъ, нужна-ли новая культура, когда наука постоянно движется впередъ. Данилевскій, не отрицая возможности дальнѣйшаго развитія науки европейскими народами, а также и возможности пользоваться результатами ихъ трудовъ народамъ новаго типа, указываетъ, какъ условіе неизбѣжности новаго типа культуры, на то, что для дальнѣйшаго развитія цивилизаціи необходима перемѣна направленія, обрѣтеніе новаго предмета дѣятельности. Бывали примѣры культуры, не имѣющей своей собственной научной дѣятельности. Такова была культура Рима; и даже вообще, для самихъ народовъ, составляющихъ культурный типъ, практическая дѣятельность ихъ государственныхъ людей

кажется выше ихъ умственной жизни. Но для потомства, односторонняя и бѣдная жизнь, лишенная собственнаго научнаго развитія, кажется ниже жизни народовъ, блестящихъ наукою и искусствомъ. Такой жизни мы не можемъ не желать будущей славянской культурѣ. Въ способности славянъ къ искусству сомнѣваться нечего: она доказана исторіей; но можетъ-ли быть внесено что-нибудь новое въ науку? Это вызываетъ автора на обширное разсмотрѣніе вопроса о народности въ наукѣ, много лѣтъ тому назадъ поставленнаго у насъ славянофилами и вызвавшаго тогда сильныя пренія. Постараемся вкратцѣ изложить оригинальное и, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительное разсужденіе Данилевскаго по этому вопросу. Истина—говорятъ—одна, и потому наука должна быть для всѣхъ одна и та же. Данилевскій видитъ здѣсь недоразумѣніе. Истина, по его опредѣленію, „есть знаніе существующаго именно такимъ, какимъ оно существуетъ". Слѣдовательно, здѣсь два элемента: дѣйствительность и отраженіе ея въ нашемъ сознаніи. Полное отраженіе дѣйствительности въ человѣческомъ сознаніи невозможно, по самому свойству сознанія, которое ограничено и личными, и національными особенностями: люди имѣютъ разный взглядъ на одни и тѣже предметы, по своимъ личнымъ свойствамъ (Соловьевъ и Погодинъ) и по своимъ національнымъ особенностямъ (Кювье и Окенъ). Конечно, примѣсь личныхъ и національныхъ особенностей оставляетъ всегда въ результатѣ примѣсь нѣкоторой лжи къ истинѣ, но это вызываетъ на новый пересмотръ вопроса, ведущій къ удаленію всего лишняго. Съ другой стороны, важно и то, что взглядъ на дѣло каждаго изслѣдователя, благодаря именно его личнымъ и національнымъ особенностямъ, открываетъ намъ новыя стороны. Личныя и національныя особенности сказываются не только въ особенностяхъ взгляда на предметы, но также и въ выборѣ тѣхъ или другихъ предметовъ изученія; есть люди, неспособные къ математикѣ: таковы большинство художниковъ; есть люди не понимающіе исторіи. Тоже бываетъ и у народовъ: здравый смыслъ французовъ сказывается въ ихъ успѣхахъ въ математикѣ, способность къ абстрактному мышленію нѣмцевъ даетъ имъ перевѣсъ въ философіи, въ сравнительномъ языкознаніи; практичность англичанъ сказалась въ созданіи политической экономіи и т. д. Само собой ясно, что чѣмъ точнѣе устанавливаются техническіе пріемы въ какой-нибудь наукѣ, чѣмъ болѣе успѣхи ея зависятъ отъ техническихъ пріемовъ, тѣмъ менѣе сказывается народность въ ея

развитіи. Но и здѣсь, однако, есть доступъ народнымъ свойствамъ: пластически настроенные греки обращались въ математикѣ къ геометрическому способу, болѣе абстрактные индусы—къ аналитическому. Само собой ясно, что чѣмъ сложнѣе предметъ науки, чѣмъ менѣе строго точны ея пріемы, тѣмъ болѣе открывается доступа личнымъ и народнымъ особенностямъ: такъ на принципѣ борьбы и конкурренціи, столь дорогомъ для англичанина, въ жизни котораго такъ развито начало личности, а слѣдственно и борьбы, англичане построили три теоріи: Гоббесъ теорію общества (bellum omnium contra omnes), Адамъ Смитъ—теорію политической экономіи (экономическая конкурренція), Дарвинъ—теорію біологіи (борьба за существованіе). Экономическія и соціалистическія теоріи французовъ требуютъ сильнаго участія государства въ личной дѣятельности—это, очевидно, особенность національнаго развитія французовъ. Въ развитіи наукъ (до сихъ поръ преимущественно естественныхъ) замѣчено нѣсколько стадій: собираніе фактовъ, искусственная система, естественная система, періодъ частныхъ эмпирическихъ законовъ, періодъ общаго раціональнаго закона. Конечно, не всѣ науки прошли эти стадіи, но нѣкоторыя уже достигли высшаго развитія. Намъ невозможно вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, такъ полно и обстоятельно изложеннаго у Данилевскаго; мы укажемъ только, что онъ подмѣтилъ участіе національности и въ этомъ движеніи науки: такъ участіе нѣмцевъ сильнѣе въ созданіи искусственныхъ системъ, по бо́льшей склонности ихъ къ абстрактности; въ созданіи естественныхъ системъ болѣе другихъ народовъ приняли участіе французы, что̀ вполнѣ объясняется ихъ народнымъ характеромъ. И такъ, національность болѣе или менѣе сказывается въ развитіи наукъ вообще; болѣе же всего должна она сказаться въ развитіи наукъ общественныхъ, которыя основаны на изученіи явленій общественнаго быта, гдѣ наиболѣе рѣзко выражаются національныя особенности. Это мы видимъ, сопоставляя взгляды англичанъ и французовъ на явленія общественной жизни.

Разсужденія автора, до сихъ поръ изложенныя нами, имѣли цѣлію показать, что развитіе человѣчества совершается черезъ посредство культурно-историческихъ типовъ. Однимъ изъ такихъ типовъ можетъ быть славянскій, но эта возможность только предполагалась; остается разсмотрѣть особенности славянскаго племени, чтобы на основаніи ихъ опредѣлить способность этого племени къ созданію своей куль-

туры. Не приступая еще къ такому разсмотрѣнію, авторъ задаетъ вопросъ: точно-ли западная культура приближается къ концу? Вопросъ этотъ былъ выраженъ первыми славянофилами въ болѣе рѣзкой формѣ: „гніетъ-ли западъ?“ Оттого эти слова и стоятъ заголовкомъ соотвѣтствующей главы въ книгѣ Данилевскаго. (Стр. 172—183). Предварительно замѣчаетъ онъ, однако, что въ исторіи были примѣры существованія двухъ или болѣе параллельныхъ культуръ, что наконецъ идеальнымъ порядкомъ на землѣ былъ бы тотъ, когда всѣ культуры возникли бы одновременно; но такого порядка не было, да и не могло быть, потому что, одновременно возникнувъ, онѣ должны были бы и одновременно погибнуть. А исторія учитъ насъ тому, что культуры гибнутъ, какъ гибнетъ все земное. На вопросъ, *почему* гибнутъ, мы также мало можемъ дать отвѣтъ, какъ и на вопросъ, почему люди должны стариться и умирать; мы только знаемъ фактъ и можемъ опредѣлить, *какъ* онъ совершается. Мы видимъ, что культуры достигаютъ своего высшаго пункта, держатся на немъ нѣкоторое время и потомъ начинаютъ падать. Для уясненія этого процесса авторъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ: солнце стоитъ въ своей высшей точкѣ въ полдень, оно начинаетъ склоняться къ западу, а результатъ его восхожденія—теплота—возрастаетъ еще часа два, три. Лѣтнее солнцестояніе падаетъ на іюнь мѣсяцъ, а результаты его относительно температуры достигаютъ своей высоты въ іюлѣ или августѣ; а въ жизни растительной высказываются эти результаты или въ то же время, или позже. Въ жизни отдѣльнаго человѣка полнота физическихъ и нравственныхъ силъ достигается около 30-лѣтняго возраста, а самые обильные плоды приносятъ онѣ не ранѣе сорока лѣтъ, когда уже начинаютъ клониться къ упадку. Въ развитіи языковъ замѣчаютъ филологи, что они достигли высшаго развитія ранѣе того періода, когда они дѣлаются извѣстными намъ, а развитіе литературы является еще позднѣе; полное развитіе, напр., славянскихъ литературъ, конечно, и теперь еще не наступило. То же замѣчается и въ исторіи культуры: высшее развитіе греческой культуры—вѣкъ Перикла, но паденіе Греціи начинается съ пелопонезской войны; время процвѣтанія наукъ начинается отъ Аристотеля и продолжается въ Александріи. Въ Римѣ вѣкъ просвѣщенія начинается съ Августа до Антониновъ; право—высшій цвѣтъ римскаго духа, продолжаетъ развиваться и въ Византіи, а между тѣмъ внутренняя болѣзнь Рима обнаружи-

вается еще въ вѣкъ Гракховъ. Въ Индіи творческій періодъ относится къ эпохѣ покоренія при-Гангскихъ странъ, а время цвѣтенія въ эпохѣ Викромадитьи (въ началѣ нашей эры). Такимъ образомъ, изъ этихъ примѣровъ видно, что высшей точкой развитія является творческая эпоха, создающая цивилизаціонныя силы, затѣмъ идетъ время процвѣтанія искусствъ и философіи, а затѣмъ выростаетъ положительная наука, характеризующая то время, „когда творческія общественныя силы уже довольно далеко оставили за собой эпоху своего лѣтняго солнцестоянія". Въ Европѣ творческій періодъ въ литературѣ, искусствѣ — XVI в., время развитія положительной науки—XIX в. Германія, благодаря тридцатилѣтней войнѣ нѣсколько отставшая и потому спѣшившая догнать, не можетъ считаться противорѣчіемъ. Конечно, нельзя съ полною достовѣрностью сказать, достигла ли Европа поздняго лѣта или ранней осени, но, во всякомъ случаѣ, она пережила уже время лѣтняго солнцестоянія.

Указавъ неизбѣжность появленія новаго культурнаго типа, Данилевскій переходитъ къ вопросу о томъ, имѣетъ-ли славянское племя въ себѣ черты, условливающія образованіе изъ него такого типа. По замѣчанію автора, черты различія народностей, образующихъ особые типы, распредѣляются по тремъ разрядамъ: 1) этнографическія особенности (психическій строй); 2) различіе въ высшемъ духовномъ началѣ (религіозномъ); 3) различіе историческаго воспитанія (условія исторической жизни). По этимъ тремъ разрядамъ авторъ указываетъ различіе народовъ славянскихъ отъ германскихъ.

Переходя къ различіямъ въ психическомъ строѣ (стр. 184—211), авторъ останавливается предварительно на предполагаемомъ дѣленіи народовъ на высшіе и низшіе, на основаніи строенія черепа, дѣленіи Ретціуса,—но мы не будемъ слѣдить за остроумными соображеніями Данилевскаго; скажемъ только, что онъ отстраняетъ это дѣленіе, какъ слишкомъ искусственное, и, дѣйствительно, на его основаніи приходится самихъ нѣмцевъ раздѣлить на два племени: длинноголовое—сѣверное и короткоголовое—южное. Отличительными чертами психическаго строя народа авторъ справедливо считаетъ черты, проходящія черезъ всю его исторію. Такою чертою въ исторіи запада является чрезмѣрное развитіе личности и слѣдствіе его—насильственность. Черты эти проявляются прежде всего въ религіозной нетерпимости: первый примѣръ сожженія

еретиковъ поданъ былъ сожженіемъ въ 395 г. испанскихъ еретиковъ въ Бордо. Самое внесеніе въ символъ filioque совершилось подъ вліяніемъ Карла, стремившагося создать государственную церковь, которая отдѣлилась бы отъ вселенскаго единства подъ главенствомъ папы, а папу онъ считалъ возможнымъ подчинить себѣ. Его поддержало духовенство, папа уступилъ; но впослѣдствіи папы сами явились носителями того же насильственнаго настроенія. Одни они не могли, однако, дѣйствовать и встрѣчали себѣ постоянно и опору, и основу въ настроеніи народовъ: христіанство распространялось между язычниками огнемъ и мечемъ. Сожженіе еретиковъ, ужасы Варѳоломеевской ночи находили себѣ сторонниковъ и орудія. Протестанты, съ своей стороны, не отрѣшились отъ того же духа нетерпимости: Кальвинъ сжигаетъ Сервета; англиканизмъ утверждается казнями. Впослѣдствіи наступила терпимость, но эта терпимость была результатомъ религіознаго индифферентизма, да и при наступленіи ея видимъ, въ періодъ французской революціи, насилія надъ священниками не принесшими гражданской присяги.

Тѣ же черты сказываются въ испанскихъ и португальскихъ искателяхъ приключеній въ Америкѣ, въ торговлѣ неграми и въ современномъ такъ-называемомъ наймѣ куліевъ. Во французской революціи насильственность проявляется яркими, для всѣхъ очевидными, чертами. Когда снова выступаютъ на первый планъ интересы торговли, мы встрѣчаемъ войну Англіи съ Китаемъ, имѣвшую цѣлію ввезти опіумъ въ Китай. Развѣ это не та же насильственность? Сопротивленіе освобожденію славянъ и поддержаніе Турціи является тоже результатомъ эгоистическихъ интересовъ, даже ложно понятыхъ.

Въ Россіи мы видимъ иное: терпимость къ иновѣрцамъ у насъ явленіе раннее; кровавое преслѣдованіе ересей почти исключеніе. Вспомнимъ, что Іоанна III поощряли къ гоненію примѣромъ „Шпанскаго короля". Гоненіе на раскольниковъ стало болѣе яростнымъ, когда, еще при Софіи, приписано имъ политическое значеніе. Петръ видѣлъ въ нихъ противниковъ своихъ реформъ; придаваніе имъ политическаго характера продолжалось почти до нашихъ временъ и было причиною многихъ недоразумѣній. Разселеніе русскаго народа на востокѣ совершалось иначе, чѣмъ европейское завоеваніе Южной Америки. Полудикія племена не были обращаемы въ рабство, сохраняли свой бытъ и свою вѣру.

Проповѣдь христіанства шла медленно, ибо шла безъ насилія, иногда даже на туземномъ языкѣ (Стефанъ Пермскій), въ то время, когда западъ еще не думалъ о томъ, чтобы прибѣгнуть къ инымъ языкамъ. Отношеніе русскаго народа къ смертной казни тоже замѣчательно: ее отвергалъ св. Владиміръ, ее осуждалъ Мономахъ; по историческимъ обстоятельствамъ она была введена, но и уничтожена въ Россіи (кромѣ исключительныхъ случаевъ) ранѣе, чѣмъ въ Европѣ.

Процессъ историческаго развитія въ Россіи иной, чѣмъ въ Европѣ: перевороту историческому предшествуетъ не агитація интересовъ, представляющихся разными партіями, а внутренній процессъ, совершающійся въ народномъ сознаніи. Самое появленіе государства въ Россіи ознаменовалось знаменательною легендою о призваніи. Можетъ быть, эта легенда невѣрна фактически, но глубоко важна, какъ фактъ народнаго сознанія; христіанство также принято вслѣдствіе сознанія недостатковъ язычества. Существованіе *двоевѣрія*, по мѣткому замѣчанію автора, нисколько не противорѣчитъ его общему положенію: „содержаніе христіанства—говоритъ онъ—по его нравственной высотѣ, безконечно, и вполнѣ едва-ли даже осуществляется и въ отдѣльныхъ, самаго высшаго характера, личностяхъ, не говоря уже о цѣлой народной массѣ. Но иное дѣло — полное осуществленіе христіанскаго идеала въ жизни и дѣятельности, иное дѣло—болѣе или менѣе ясное сознаніе его превосходства, его властительной силы надъ душою".

Созданіе московскаго государства было столько же дѣломъ великорусскаго народа, сколько князей, бояръ и святителей, выразившихъ собою обще-народную мысль. Еще очевиднѣе это въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ: въ召нинѣ воплотилось народное чувство; оттого такъ полно откликнулся русскій народъ на его призывъ. Самая реформа Петра, о которой авторъ не говоритъ, была выраженіемъ (иногда черезчуръ одностороннимъ) назрѣвшей потребности. Освобожденіе крестьянъ совершилось не только волею Царя-Освободителя, въ которой олицетворялось общественное сознаніе, но и самимъ пробудившимся сознаніемъ. Дворянство, отъ котораго можно было бы ждать противодѣйствія, въ большинствѣ стало пособникомъ реформы. Такая особенность нашего народнаго развитія дѣлаетъ существованіе партій какою-то аномаліею въ Россіи и, дѣйствительно, партій у насъ нѣтъ, а существуютъ только различныя мнѣнія. Изъ того, что̀ называютъ

партіями, имѣетъ нѣкоторое подобіе партіи въ европейскомъ смыслѣ такъ называемая партія аристократическая, нѣкогда представлявшаяся газетою „Вѣсть", да и то потому, что къ ней примѣшивались польскіе паны и нѣмецкіе бароны. Все сказанное относится преимущественно къ Россіи потому, что у другихъ славянъ или остановлено національное развитіе, или искажено чуждою примѣсью.

Такимъ образомъ, развитіе Европейскихъ народовъ основывается на началѣ личности, русское—на началѣ общенародномъ. Начало личности ведетъ къ борьбѣ, заканчивающейся договорами; начало общенародное ведетъ за собою довѣріе. Борьба характеризуется жестокостію въ защитѣ своего права; начало общенародное требуетъ большой мягкости, характеризуется благостью. Намъ кажется, что это соображеніе можетъ связать выводы, сдѣланные Данилевскимъ изъ сравненія нравственныхъ качествъ славянъ съ германо-романскими народами, съ его раздѣленіемъ нравственныхъ качествъ на три группы: благости, справедливости и чистоты (послѣднее есть совершенство отдѣльнаго человѣка), изъ которыхъ первую онъ приписываетъ славянамъ, а вторую европейцамъ. Данилевскій не сравниваетъ умственныя свойства изучаемыхъ племенъ, по молодости науки у славянъ, не сравниваетъ также и свойствъ эстетическихъ, потому что это отвлекло бы далеко отъ предмета.

Вѣроисповѣдное различіе между сравниваемыми народами (стр. 212—234) заключается въ томъ, что русскіе и значительная часть другихъ славянъ исповѣдуютъ православіе, а народы западной Европы—или католицизмъ, или протестантизмъ. Какъ ни важно догматическое различіе между этими различными вѣроисповѣданіями, но еще болѣе важно различіе въ понятіи о церкви. Данилевскій приводитъ глубокомысленное замѣчаніе Хомякова, что ереси восточныя отходятъ отъ православія въ догматическомъ отношеніи, а согласны съ нимъ въ понятіи о церкви, тогда какъ западныя вѣроученія отступаютъ наиболѣе въ понятіи о церкви, что̀ гораздо важнѣе, ибо догматическое недоразумѣніе можетъ имѣть ограниченное вліяніе, а ложное понятіе о церкви искажаетъ все. Церковь, въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаетъ ее православное ученіе, т. е., какъ единеніе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ подъ главенствомъ Іисуса Христа и водительствомъ Св. Духа,—охраняетъ чистоту откровенія, и въ этомъ смыслѣ ей

приписывается непогрѣшимость. Церковь является истолковательницею откровенія, составляющаго основу христіанскаго вѣрованія. Чтобы уяснить свою мысль, Данилевскій прибѣгаетъ къ сравненію откровенія съ закономъ, а церкви съ судомъ. Пониманіе закона не можетъ быть предоставлено личному разумѣнію тяжущихся; точно также пониманіе религіозной истины не можетъ быть предоставлено личному разумѣнію вѣрующихъ. Для толкованія закона существуетъ судъ, для толкованія откровенія — церковь. Въ противоположность православному воззрѣнію на церковь являются три другихъ: *католическое*, сосредоточивающее церковь въ лицѣ папы и ему приписывающее непогрѣшимость; *протестантское*, признающее мѣриломъ истины личное сознаніе каждаго и *мистическое*, принадлежащее нѣкоторымъ сектамъ, признающее случаи особаго внушенія Св. Духа, но признакомъ такого вдохновенія считающее личное сознаніе. Этимъ оно сближается съ ученіемъ протестантскимъ, съ тою только разницею, что мистики, признавая, подобно протестантамъ, мѣриломъ личное сознаніе, источникомъ этого сознанія считаютъ вдохновеніе, а не личный умъ. Несостоятельность мистическаго воззрѣнія видна съ перваго взгляда, да къ тому же оно слишкомъ мало распространено, отчего Данилевскій и не останавливается на немъ. Важнѣе воззрѣніе протестантское. Чтобы уяснить всю несостоятельность протестантскаго воззрѣнія, относящагося къ откровенію, какъ къ любой философской системѣ, авторъ приводитъ любопытный примѣръ: президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, Джеферсонъ взялъ два экземпляра Евангелія, вырѣзалъ изъ нихъ то, что ему казалось истиннымъ и наклеилъ въ особую книжку. Такія вырѣзки умственно дѣлаетъ каждый протестантъ, и оттого протестантизмъ ведетъ къ Бюхнеру и т. п., а если и останавливается на пути, то только произвольно, по личнымъ соображеніямъ. Еще болѣе вниманія авторъ обращаетъ на католическое ученіе. Прежде всего онъ указываетъ, что у самихъ католиковъ нѣтъ согласія въ вопросѣ о томъ, что̀ выше,—папа или соборъ. Онъ признаетъ, однако, что при католическомъ ученіи о томъ, что папа есть намѣстникъ Христа, можно защищать только первое мнѣніе, ибо, если соборъ выше папы, то можетъ ли онъ утверждать новый догматъ безъ собора? Такъ, напр., filioque не установлено никакимъ вселенскимъ соборомъ. Но если папа имѣетъ такой авторитетъ, то кѣмъ онъ ему переданъ? Католики отвѣчаютъ: апостоломъ Петромъ. Но

извѣстно, что послѣ Петра былъ еще живъ апостолъ Іоаннъ; а мы не знаемъ, отрекался-ли онъ отъ преемства Петру и было-ли даже ему предложено это преемство? Наконецъ, какъ оно передавалось послѣ Петра? Мы знаемъ, что папы не назначали себѣ преемниковъ; знаемъ, что соборъ не всегда присутствовалъ при назначеніи новаго папы; а того, чтобы при выборѣ новаго папы совершалось таинственное сошествіе Св. Духа, не утверждаютъ и католики. Такое внутреннее противорѣчіе католицизма усиливается еще внѣшнимъ противорѣчіемъ: папа не можетъ отречься отъ нѣкогда принадлежавшаго ему авторитета и на всѣ требованія новаго времени отвѣчаетъ: non possumus. Католической Европѣ подлежитъ, слѣдовательно, или обратиться снова къ временамъ Григорія VII, или перейдти къ православію или протестантизму, или отдѣлиться отъ церкви. Таковъ смыслъ Кавуровой „свободной церкви въ свободномъ государствѣ" и знаменитаго изреченія: „la loi est athée". На первыхъ порахъ не замѣчается, что этимъ не совершается отдѣленіе кесарева отъ Божьяго, а только новое смѣшеніе. Авторъ беретъ въ примѣръ гражданскій бракъ, который есть контрактъ; отчего же этотъ контрактъ не можетъ быть заключенъ на опредѣленный срокъ, отчего нельзя допустить многоженства или многомужія, браки въ близкихъ степеняхъ родства и т. д.? Очевидно, что все это находитъ препятствіе въ причинахъ религіозныхъ, а если ихъ нѣтъ, то на чемъ же остановиться?

Иное положеніе православія: оно не отнимаетъ у религіи твердой почвы откровенія, какъ дѣлаетъ протестантство, и не сосредоточиваетъ церкви въ одномъ лицѣ, какъ католицизмъ. Его авторитетъ основался на соборахъ, а рѣшеніе соборовъ скрѣпляется дѣйствіемъ Св. Духа. Видимымъ свидѣтельствомъ служитъ то обстоятельство, что что̀ осуждалось соборами, осуждалось вслѣдъ затѣмъ и исторіей: такимъ образомъ истина торжествовала надъ ложью. На практикѣ, вопроса о предѣлахъ между кесаревымъ и Божіимъ для православной церкви не существуетъ: „потому"—говоритъ авторъ—„что сама церковь во всемъ, что̀ до нея касается, непогрѣшимая, никогда не можетъ его переступить; если же переступаетъ государство, то это не болѣе какъ частное и временное насиліе, могущее, правда, причинить бѣдствія или страданія отдѣльнымъ христіанамъ, іерархамъ, даже цѣлымъ народамъ, но совершенно безсильное по отношенію церкви вообще. Свобода ея ненарушима по той простой причинѣ, что ни для какой земной власти недо-

сягаема. Церковь остается свободною и подъ гоненіями Нероновъ и Діоклетіановъ, и подъ еретическими императорами Византіи, и подъ гнетомъ турецкимъ". На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Данилевскій находитъ, что участь, грозящая западной Европѣ, не можетъ постигнуть православные народы, пока они держатся православія.

Третью существенную разницу между міромъ Европейскимъ и славянскимъ составляетъ то, что авторъ называетъ ихъ историческимъ воспитаніемъ. (Стр. 235—273). Выясненіе того, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ, онъ начинаетъ съ опредѣленія понятія государства. Изъ различныхъ опредѣленій этого понятія, онъ избираетъ англійское: „государство есть такая форма или такое состояніе общества, которое обезпечиваетъ своимъ членамъ покровительство личности и имущества, понимая подъ личностію жизнь, честь и свободу". Послѣднія слова онъ принимаетъ въ обширномъ смыслѣ, разумѣя не только личную жизнь, честь и свободу, но и національныя. Еслибы этого не было, зачѣмъ было образоваться большимъ государствамъ? И швейцарскіе кантоны достаточны были бы для цѣли. Для чего, далѣе, нѣмцамъ было возставать противъ Наполеона? Въ земляхъ Рейнскаго союза по многимъ причинамъ жилось лучше, чѣмъ въ бывшей священной Римской Имперіи. Зачѣмъ, наконецъ, такія большія жертвы требуетъ каждое государство отъ своихъ подданныхъ на войско и флотъ, нужные для охраненія не личности, а національности? И такъ, національность есть основа государства. Государство безъ національности не имѣетъ ни національной чести, ни національной свободы. Какая національная честь Австріи или Турціи? Слѣдственно, каждая національность должна составлять особое государство. Исключенія изъ этого общаго правила только кажущіяся. Сюда относятся народы, не сознающіе своей національности (финскія племена въ Россіи, баски въ Испаніи и Франціи), и народы, утратившіе свое политическое бытіе вслѣдствіе неумѣнія устроить его. Если цѣль государства—охраненіе жизни, чести и свободы народной, то справедливо и то, что каждая народность должна составлять одно государство. Этому противорѣчитъ, повидимому, существованіе двухъ государствъ англо-саксонскихъ: Великобританіи и Соединенныхъ штатовъ; но Соединенные штаты, очевидно, находятся въ процессѣ образованія новой народности, или новыхъ народностей. Смотря по тому, какъ разрѣшится этотъ процессъ, они

образуютъ одно или нѣсколько государствъ. Цѣль государства, какъ понимаетъ ее Данилевскій,—охраненіе народности отъ внѣшней опасности; стало быть напряженіе силъ должно быть больше тамъ, гдѣ опасность больше; слѣдовательно, гдѣ опасность сильна, тамъ создается единое государство; если же опасность меньшая, довольствуются федераціей, болѣе или менѣе слабой. Народности не являются бобылями въ мірѣ: онѣ принадлежатъ къ той или другой племенной группѣ. Народности каждой изъ такихъ группъ, для развитія своей народности, для общей защиты, должны соединяться въ болѣе или менѣе тѣсную федерацію; такая федерація можетъ принять форму *союзнаго государства*, въ которой при широкой мѣстной автономіи существуетъ центральная политическая власть, или *союза государствъ*, связанныхъ между собою договоромъ общаго внѣшняго дѣйствія оборонительнаго и наступательнаго, или *системы государствъ*, связанныхъ лишь нравственнымъ сознаніемъ безъ опредѣленнаго положительнаго обязательства. Греція потеряла свою политическую самостоятельность потому, что во-время не образовала изъ себя ни единаго государства, къ чему побуждалась единствомъ происхожденія, языка и вѣры, ни даже союзнаго государства или союза государствъ—форма, которая обусловливалась бы физическими условіями страны.

Для основанія государствъ необходимъ внѣшній толчекъ: предоставленный самъ себѣ инстинктъ общежительности ведетъ только къ образованію волостей, и изъ соединенія волостей, связанныхъ только слабою связью, образуется племя. Такъ и бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нѣтъ сильной внѣшней опасности. Такъ, до нѣкоторой степени, мы видимъ на примѣрѣ Соединенныхъ штатовъ; но не такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Впрочемъ и въ такихъ случаяхъ племена долго прибѣгаютъ только къ временной власти. Таковы напр. были еврейскіе судьи. Племенная независимость долго отстаиваетъ себя отъ необходимости соединенія. Этимъ объясняется долгое установленіе центральной власти у разныхъ народовъ. Этимъ объясняется знаменитое польское преданіе о двукратномъ управленіи 12 воеводъ, т. е. объ отложеніи племенъ отъ общей центральной власти. Самое утвержденіе удѣльной системы у народовъ славянскихъ не безъ связи съ этими племенными стремленіями. Для достиженія государственнаго единства мало только внѣшней опасности, нужна еще *зависимость*. Народъ, находящійся въ зависимости, пріучается дорожить народною сво-

бодою и честью и для ихъ достиженія тѣснѣе сплачивается. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что къ той же цѣли ведетъ и преобладаніе. Исторія знаетъ случаи, когда преобладающіе тѣснѣе сплачиваются между собою для поддержанія своихъ преимуществъ. Такое сплачиваніе авторъ называетъ *историческимъ воспитаніемъ* и сравниваетъ его со школьною дисциплиною и нравственнымъ аскетизмомъ. Подобно этимъ двумъ видамъ воспитанія личности, историческое воспитаніе научаетъ народы подчинять частные интересы общимъ и сдерживаетъ произволъ отдѣльной единицы (лица, или племени). Формъ зависимости Данилевскій насчитываетъ три: *рабство*, *данничество* и *феодализмъ*. *Рабство*, обращающее человѣка въ вещь, не только не воспитываетъ людей, но еще растлѣваетъ и рабовъ и господъ; оно подрываетъ корень тѣхъ государствъ, гдѣ устанавливается юридически. Такъ было въ древнемъ мірѣ. *Данничество* образуется тогда, когда одно племя покорено другимъ, до того отличнымъ отъ покоряемыхъ, что, довольствуясь данью, оно не смѣшивается съ покоренными и оставляетъ свободною ихъ внутреннюю жизнь. Такъ было съ Россіей подъ властію татаръ. Форма эта, очевидно, благопріятна для пробужденія народнаго самосознанія. *Феодализмомъ* авторъ называетъ такой порядокъ вещей, при которомъ завоеватели поселяются между завоеванными, отбираютъ у нихъ собственность, оставляя часть ея въ пользованіе за извѣстныя работы, подати и т. п. Такой порядокъ наступилъ въ Европѣ вслѣдъ за поселеніемъ германцевъ въ областяхъ Римской имперіи *). Къ гнету феодальному въ средніе вѣка присоединяется еще гнетъ мысли, порождаемый безусловнымъ поклоненіемъ дурно понятымъ древнимъ мыслителямъ (Аристотелю), и гнетъ совѣсти подъ папскимъ деспотизмомъ. Подъ этими тремя гнетами воспитывались Европейскіе народы среднихъ вѣковъ.

За крестовыми походами, приведшими западъ въ соприкосновеніе съ востокомъ, послѣдовалъ въ XIII в. расцвѣтъ аристократическо-ѳеократической культуры: теологія, поэзія, архитектура, рыцарство. Но сами высшія сословія почувствовали неустойчивость этого состоянія и, прежде всего, въ эпоху возрожденія, свергли ум-

---

*) Вопросъ о различныхъ теоріяхъ образованія феодализма, различныхъ стадіяхъ, которыя онъ проходилъ, сюда не относится. Важенъ фактъ, что этотъ порядокъ дѣлъ является послѣдствіемъ германскаго завоеванія, хотя бы корень его и отыскался частію въ Римскихъ учрежденіяхъ.

ственный гнетъ, а затѣмъ свергнутъ былъ и гнетъ теологическій— реформаціей. Тогда наступилъ новый цвѣтущій періодъ европейской жизни. Это время—идеалъ европейскихъ консерваторовъ, какъ средніе вѣка идеалъ романтиковъ. Французская республика сломила и феодализмъ. Наступило господство средняго сословія, время промышленнаго и техническаго развитія. Но и этого оказывается недостаточнымъ: обдѣленные требуютъ перестройки самыхъ основъ общественнаго зданія; страшные іюньскіе дни 1848, коммуна 1871 г.—это послѣднее слѣдствіе феодализма, который отнялъ у развитія почву—право на землю. Переживетъ ли Европа грозящій ей кризисъ? Авторъ думаетъ, что пережила бы, если бы не заключала въ себѣ непримѣримыхъ противорѣчій. Мы уже видѣли, что принципъ индивидуальности составляетъ основу европейской жизни; индивидуальная свобода допускаетъ только то ограниченіе, которое она самапризнаетъ. Отсюда—демократизація государственнаго устройства и требованіе всеобщей подачи голосовъ, которая должна перевести власть въ руки многочисленнѣйшаго сословія: рабочаго населенія большихъ промышленныхъ центровъ. Никто, получивъ политическую власть, не можетъ ею ограничиться; можетъ ли голодающій народъ показать бо̀льшее самообладаніе? Маколей говорилъ, что за всеобщей подачей голосовъ можетъ послѣдовать или коммунизмъ, или цезаризмъ. Цезаризмъ уже испробованъ, можетъ быть, попробуютъ его и вновь, но надолго ли? На замѣчаніе, что все это относится только къ Франціи, авторъ отвѣчаетъ, что Франція—сокращеніе Европы, ея полное выраженіе. Свою мысль онъ подтверждаетъ обзоромъ исторіи Франціи; принятіе православія Хлодвигомъ убило аріанство; Карлъ Великій создалъ зерно, изъ котораго выросъ европейскій порядокъ; крестовые походы начали и кончили Французы; рыцарство французское—образецъ для другихъ; государственная централизація прежде всего зарождается во Франціи. Хотя реформація зародилась не во Франціи, но здѣсь она вызвала первую ожесточенную борьбу; вѣкъ Людовика XIV положилъ свою печать на всю Европу; французская революція имѣла громадное вліяніе на среднюю Европу. Словомъ, Франція постоянно имѣла рѣшительное вліяніе. Фактъ этотъ авторъ остроумно объясняетъ тѣмъ, что Франція представляетъ сліяніе обоихъ этнографическихъ элементовъ Европы, романскаго и германскаго. Вотъ почему и противорѣчіе между политическими правами и экономическою зависимостью низшихъ классовъ, проявившееся по

Франціи преимущественно, зловѣще для всей Европы. Англію на время обезпечиваютъ нѣкоторыя особенности англійскаго характера и историческаго развитія: 1) въ Англіи строгая логичность замѣняется практической пользой, вслѣдствіе чего компромиссъ такъ сильно развитъ въ политической жизни Англіи; 2) самая радикальная часть англійскаго народа—пуритане—переселились въ Америку; 3) обладаніе Индіей, доставляя массу богатствъ, сглаживаетъ многіе недостатки общественнаго устройства и даетъ искусственную силу аристократіи; 4) ненормальное сосредоточеніе въ рукахъ Англіи всемірной торговли помогаетъ накопленію богатствъ. „Распредѣленіе богатствъ",—говоритъ авторъ,—„происходитъ въ Англіи весьма неравномѣрно, но масса богатствъ такъ велика, что все еще порядочная доля приходится на неимущіе классы". Конечно, положеніе это неустойчиво: могутъ открыться новые пути торговли, Англія можетъ потерять Индію и т. п. За сохраненіемъ своего положенія ревниво слѣдятъ англичане и могутъ имѣть успѣхъ до нѣкотораго времени, но все же это время должно наступить. Ирландія не послѣдній тернъ въ лавровомъ вѣнкѣ Англіи. Такимъ образомъ, кризисъ, предвѣстники котораго уже видны во Франціи, не можетъ миновать и Англіи.

Какъ бы въ помощь появленію новаго культурно-историческаго типа въ Европѣ выдвигается теорія національности, какъ основы политическаго бытія. Теорія эта новѣйшаго происхожденія. Въ періодъ сложенія государствъ, національности европейскія еще не образовались. Сначала ихъ объединилъ государственный римскій принципъ, внесенный въ особенности Карломъ Великимъ, и іерархическій принципъ папства. Обще-европейскій характеръ аристократіи тоже способствовалъ объединенію, того же достигали рыцарство и крестовые походы. Между тѣмъ, происходилъ медленный процессъ образованія новыхъ народностей. Въ этомъ авторъ видитъ новое различіе между западною Европою и славянствомъ: у первой единство вверху, а обособленіе внизу, во второмъ—внизу чувствуется сначала инстинктивное, а потомъ и сознательное, стремленіе къ единенію. Когда объединяющія силы падали, а принципъ національности, какъ основы, не пришелъ въ полное сознаніе, на первый планъ выступили понятія: отвлеченнаго государства, на практикѣ совпадающее съ династическими интересами, и равновѣсія, которое должно было сдерживать династическіе интересы. Тогда соединяли, во имя интересовъ династиче-

скихъ, разныя народности; дробили одну во имя интереса равновѣсія. Конечно, Франція искони была государствомъ національнымъ, но таковою она была лишь вслѣдствіе своихъ физическихъ условій. Принципъ національности вызванъ къ жизни наполеоновскими войнами. Имъ задумалъ воспользоваться для своихъ цѣлей Наполеонъ III; но, чтобы оградиться отъ неблагопріятныхъ послѣдствій, изобрѣлъ всеобщее голосованіе для опредѣленія желанія принадлежать тому или другому государству. Это изобрѣтеніе, очень удобное для разныхъ интригъ, погибло со своимъ изобрѣтателемъ. Національныя задачи не имѣютъ впрочемъ особаго значенія на западѣ, но на востокѣ имъ суждено играть первенствующую роль.

Славянскій міръ активно мало участвовалъ въ жизни западной Европы: единственное религіозное движеніе въ средѣ западныхъ славянъ — гуситство, имѣло цѣлью возвращеніе къ старымъ славянскимъ преданіямъ. Въ политическихъ дѣлахъ очень часто участіе славянъ происходило отъ недоразумѣнія (такова была въ большей части случаевъ внѣшняя политика Россіи).

Отъ историческаго воспитанія народовъ западной Европы Данилевскій переходитъ къ историческому воспитанію русскаго народа (Стр. 274—283). Первымъ толчкомъ къ исторической жизни было въ русской землѣ появленіе Варяговъ, которые, какъ дружина, распустились скоро въ славянской народности. Значеніе ихъ заключается въ томъ, что они заложили государственность, но не ввели феодализма. Для дальнѣйшаго развитія государственности послужила удѣльная система, связавшая Русь единствомъ княжескаго рода; но если бы не пришли татары, Русь могла бы распасться. Татарское иго пробудило народное сознаніе, сказывавшееся и прежде въ отдѣльныхъ умахъ. И призваніе варяговъ, и татарское иго сравнительно съ европейскими явленіями авторъ считаетъ болѣе легкими. Онъ уподобляетъ первыя прививной оспѣ, и послѣднія натуральной. Когда иго было свергнуто, напряженіе народнаго сознанія должно было ослабнуть, тогда государству пришлось для защиты свободы и чести народной, наложить на народъ зависимость, сдѣлать всѣ сословія крѣпкими службѣ. Отсюда и прикрѣпленіе крестьянъ *). Авторъ указываетъ на то, что

*) Происходитъ-ли крѣпостное право отъ указа Ѳеодора Іоановича, или образовалось постепенно, здѣсь вопросъ второстепенный. Важно то, что имъ обезпечивалась служба служилыхъ людей.

самое крѣпостное право становилось особенно тяжкимъ лишь съ того времени, когда при развитіи роскоши, не довольствуясь домашними припасами, помѣщики потребовали болѣе денегъ. Свой окончательный выводъ авторъ выражаетъ такъ: „Русскій народъ перешелъ черезъ различныя формы зависимости, которыя должны были сплотить его въ единое тѣло, отучить отъ личнаго племеннаго эгоизма, пріучить къ подчиненію своей воли высшимъ, общимъ цѣлямъ,—и цѣли эти достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основѣ; и однако же, въ теченіе этого тысячелѣтняго процесса, племенной эгоизмъ не замѣнился сословнымъ, — русскій народъ, не утративъ своихъ нравственныхъ достоинствъ, не утратилъ и вещественной основы для дальнѣйшаго своего развитія, ибо сохранилъ владѣніе землею въ несравненно бо́льшей степени, нежели какой бы то ни было европейскій народъ... Сами политическія требованія или, лучше сказать, надежды его въ высшей степени умѣренны, такъ какъ, за отсутствіемъ (въ теченіе всей его жизни) внутренней междоусобной исторической борьбы между различными слоями русскаго общества, онъ не видитъ во власти—врага (противъ котораго чувство самосохраненія заставляло бы принимать всевозможныя средства предосторожности) и относится къ ней съ полнѣйшей довѣренностью“.

При такихъ задаткахъ здоровья, русская жизнь однако носитъ въ себѣ болѣзнь; болѣзнь эта привита къ ней лѣтъ около 200 тому назадъ и называется *европейничаньемъ*. (Стр. 283—324). Конечно, какъ всѣ пережитыя народнымъ организмомъ болѣзни, она можетъ повести къ лучшему росту организма; но авторъ нашъ допускаетъ и другой исходъ: онъ полагаетъ, что если во́-время не исцѣлимся отъ нея, то намъ грозитъ безплодное и безсильное существованіе. Горько было бы вѣрить въ подобную случайность, и мы отказываемся въ нее вѣрить, да и самъ авторъ ставитъ ее только какъ возможность. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы даромъ жили тысячу лѣтъ, даромъ положили столько усилій на созданіе государства, неужели великія силы, сказывающіяся и въ великихъ поэтахъ, и въ великихъ художникахъ (Глинка, Ивановъ и др.), и въ тѣхъ мыслителяхъ, которые являются зарею нашего умственнаго освобожденія,—неужели все это должно привести къ полному безсилію? Неужели даромъ обращаются на насъ взоры столькихъ мыслящихъ людей въ западномъ славянствѣ? Корни этой болѣзни, конечно, въ Петровской реформѣ, въ той тяжелой школѣ, которую пришлось

проходить русскому народу. Данилевскій справедливо различаетъ двѣ стороны дѣятельности Петра: его политическую дѣятельность, т. е. созданіе флота, войска, устройство промышленности, финансовъ, внѣшнюю политику и т. п., которая была положительно плодотворна, а съ другой стороны—измѣненіе обычаевъ, безъ котораго можно было бы обойтись и которое является слѣдствіемъ страстности характера Петра и его увлеченія Европою. Прибавимъ, однако, что это увлеченіе послѣ охватило высшіе слои не только вслѣдствіе мѣръ правительства, но и по самой сущности дѣла. Можно жалѣть о томъ, что увлеченіе зашло слишкомъ далеко (хоть бы, напр., въ церковныхъ вопросахъ), но оно было и, стало быть, избѣжать его было нельзя при данныхъ условіяхъ. Надо только желать скорѣйшаго отъ него исцѣленія. Анализируя эту болѣзнь, авторъ указываетъ три формы, въ которыхъ она выразилась: 1) искаженіе быта, 2) заимствованіе учрежденій, 3) взглядъ на внутреннія и внѣшнія дѣла съ европейской точки зрѣнія. Искаженіе быта, по мнѣнію автора, отражается на искусствахъ, у которыхъ отняты самобытные источники творчества. Искусство у насъ долго жило подражаніемъ и только теперь выходитъ на прямой путь; далѣе, сама промышленность страдаетъ отъ подражательности: иностранныя моды требуютъ иностранныхъ тканей или подражаній имъ; низшіе слои, сохранившіе старыя формы, часто подозрительно смотрятъ на высшіе; наконецъ, обрусѣніе инородцевъ, столь успѣшное при цѣлостности быта московскаго государства, теперь затрудняется и, даже, принимая обще-европейскій костюмъ и таковые же обычаи, инородцы не становятся русскими. Вторая форма болѣзни есть перенесеніе чужеземныхъ учрежденій. Въ этой сферѣ наглядно сказывается неудобство заимствованій. Нѣкогда вводились у насъ цехи и гильдіи, наканунѣ ихъ уничтоженія въ Европѣ; въ настоящее время тоже замѣтны слѣды европейскаго вліянія: развѣ въ краснорѣчіи нашихъ адвокатовъ не слыхать отголоска французскихъ адвокатовъ?—и т. д. Авторъ надѣялся въ 1869 году, что адвокаты наши избѣгнутъ этого излишества; но позднѣе онъ приписалъ горькое замѣчаніе, являющееся въ посмертномъ изданіи: „не избѣгли, а опять каррикатурно усилили“ *). Третья

*) Посмертныя примѣчанія автора суть замѣтки, сдѣланныя имъ на книгѣ въ виду новаго изданія. Замѣтки эти, составленныя, кажется, въ разное время и при разныхъ настроеніяхъ, авторъ могъ или развить или откинуть. Вотъ

форма болѣзни—Европейскій взглядъ на внѣшнія и внутреннія дѣла. О первомъ много толковалось въ послѣднее время въ превосходныхъ статьяхъ г. Татищева, нынѣ появившихся въ отдѣльной книгѣ, гдѣ мы имѣемъ поучительную исторію цѣлаго періода русской дипломатіи; другіе примѣры относятся къ недавнему прошлому и всѣмъ извѣстны изъ газетъ и журналовъ. Въ обществѣ эта форма европейничанія создаетъ небывалыя и ненужныя у насъ партіи аристократовъ и демократовъ. Самый нигилизмъ, по вѣрному замѣчанію Данилевскаго, есть каррикатура западнаго матеріализма. Опасность и вредъ отъ него становится не меньшимъ отъ такой генеалогіи; но не надо забывать формы болѣзни. Безповоротное обращеніе Россіи къ ея національнымъ задачамъ будетъ началомъ исцѣленія.

Задачи эти сосредоточиваются въ восточномъ вопросѣ,—къ нему и обратимся вслѣдъ за авторомъ. (Стр. 325 — 355). Изложеніе своихъ мыслей о восточномъ вопросѣ Данилевскій начинаетъ прекрасными словами: „Восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама, безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громомъ и молніями, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая“. Да, великіе историческіе вопросы не рѣшаются мелкими средствами; дипломатія, вся погруженная въ интересы личные, интересы временные, можетъ только задерживать рѣшеніе и никогда не ведетъ къ окончательному установленію прочнаго порядка; она строитъ только временныя сооруженія; но тѣсно жить въ такихъ баракахъ, душа рвется на просторъ. Такой просторъ, такая историческая ширь открывается только кровавой борьбой. Страшно произнести это слово въ нашъ слабонервный вѣкъ, но произнести его надобно и надо готовиться къ его осуществленію. Первый по времени русскій поэтъ, великій Ломоносовъ, не даромъ сказалъ:

почему ихъ нельзя считать его окончательнымъ словомъ и, слѣдовательно, нельзя согласиться съ тѣмъ, что на стр. 475 при словахъ: «готовый («больной разслабленный колоссъ») отказаться отъ всѣхъ преданій своей исторіи, отречься отъ самаго смысла своего существованія» помѣщенная замѣтка: «увы! начинаетъ оказываться» — есть окончательное мнѣніе, а не выраженіе преходящаго настроенія автора.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли, водамъ равны,
Что, вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ.

Конечно, только великій вопросъ можетъ подвинуть къ борьбѣ, ибо давно миновали времена богатырства безпричиннаго, вызываемаго потребностью

Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь.

Въ чемъ же сущность этого Восточнаго вопроса, который долженъ вызвать къ міровой борьбѣ и кончится—мы глубоко вѣримъ въ это—созданіемъ новой цивилизаціи? Данилевскій предпосылаетъ своему изложенію опроверженіе мысли С. М. Соловьева, будто Восточный вопросъ есть борьба Европы съ Азіей, морскаго берега—съ степью. Авторъ уже прежде доказалъ, что Европа и Азія суть термины условные; здѣсь онъ показываетъ, что никогда вся Азія не возставала противъ всей Европы, что Греція боролась съ Персіею, Римъ съ Карѳагеномъ (но Карѳагенъ не въ Азіи), Римъ съ царствами діадоховъ, съ парѳянами; западная Европа въ крестовыхъ походахъ задѣвала и Византію, и т. д.; потому и теперешнее покровительство, оказываемое Турціи, нельзя назвать измѣною общему дѣлу, какъ былъ измѣною со стороны спартанцевъ Анталкидовъ миръ (это слова Соловьева), ибо борющіяся стороны совсѣмъ не тѣ, какія выставляются въ гипотезѣ Соловьева; борются не западъ и востокъ, а романо-германскій и греко-славянскій міръ, изъ которыхъ одинъ наслѣдникъ римской, а другой наслѣдникъ греческой цивилизаціи, насколько наслѣдственность допускается теоріею культурно-историческихъ типовъ. Вотъ почему авторъ возводитъ начало вопроса къ періоду борьбы между греческимъ и римскимъ типомъ. Греки не пришли къ единству, и оттого жизнь ихъ казалась неоконченною: они отвергли Филиппа, который могъ

бы дать имъ цѣлость, Александръ только создалъ центръ для греческой науки въ Александріи. Завершеніемъ плана Филиппа является созданіе Константиномъ столицы на Босфорѣ, которая пережила древнюю столицу на Тибрѣ, и гдѣ основалось ново-греческое царство, и гдѣ греческая мысль принесла свой послѣдній плодъ въ созданіи христіанской догматики. Римъ передалъ свою цивилизацію народамъ, поселившимся на почвѣ Имперіи и быстро создавшимъ государства, процессъ образованія которыхъ закончился въ 300 лѣтъ, при Карлѣ Великомъ. Византія передавала свое наслѣдіе славянскимъ народамъ, которые оставались въ то время еще въ состояніи племенной розни и потому прямаго дѣйствія Византія на нихъ почти не имѣла. Къ существеннымъ различіямъ обоихъ міровъ въ IX в. прибавляется рознь религіозная. Въ то же время славяне получаютъ орудіе для воспріятія цивилизаціи—письменность. Такое совпаденіе не случайно, оно есть несомнѣнный историческій законъ. Для подкрѣпленія такого предположенія авторъ прибѣгаетъ, съ одной стороны, къ аналогіи съ явленіями природы. Такъ, онъ указываетъ на то, что замѣчено соотвѣтствіе морфологическихъ формъ, напр., у котораго животнаго есть рога, у того должны быть раздѣленныя копыта; еще интереснѣе примѣръ тѣхъ растеній, у которыхъ, чтобы достать цвѣточную пыль, надо приподнять клапанъ; у растеній этихъ сладкій сокъ; имъ питаются насѣкомыя; оплодотворяющая пыль пристаетъ къ волосикамъ на тѣлѣ этихъ насѣкомыхъ и ими разносится на другіе цвѣты и оплодотворяетъ ихъ. Ясно, что причина здѣсь должна быть идеальная. Съ другой стороны, онъ указываетъ на такія событія, стеченіе которыхъ образуетъ новую эпоху въ жизни народовъ: такъ, въ исторіи Европы грань средней и новой исторіи составляютъ три событія: завоеванія Константинополя турками, книгопечатаніе и открытіе Америки. Очевидно, каждое изъ нихъ имѣетъ свои причины, но совпаденіе ихъ можетъ быть объяснено только дѣйствіемъ Провидѣнія. Мы вполнѣ согласны съ словами Хомякова: „неразумно и даже едва-ли сообразно съ христіанскимъ смиреніемъ брать на себя угадываніе минутъ непосредственнаго дѣйствія воли Божіей на дѣла человѣческія", но въ общемъ тотъ же Хомяковъ говоритъ: „нельзя по справедливости не признать путей Провидѣнія въ общемъ ходѣ исторіи". Все ученіе христіанское основано на этомъ сознаніи, стало быть, Хомяковъ возстаетъ только противъ дерзкихъ объясненій нашего огра-

ниченнаго разума, начинающаго по-своему толковать пути Божіи, гдѣ они намъ совсѣмъ неясны, и позволяющаго себѣ отождествлять свою ограниченность съ безграничнымъ. Въ данномъ случаѣ—мы полагаемъ,—можно безошибочно принять мнѣніе Данилевскаго и приписать совпаденіе раздѣленія церквей съ началомъ славянской письменности Божьему Провидѣнію. Этими событіями оканчивается, по мнѣнію Данилевскаго, періодъ подготовленія, начавшійся отъ Филиппа Македонскаго, инстинктивно стремившагося „обезпечить самобытность политической судьбы греческаго народа и греческой культуры".

Съ этой поры начинается борьба романо-германскаго міра съ греко-славянскимъ. Бодрый юноша на одной сторонѣ, дряхлый старецъ и ребенокъ на другой—результаты борьбы не подлежали сомнѣнію. Идетъ германизація славянъ прабалтійскихъ, борьба съ славянскимъ обрядомъ въ Моравіи, которая могла бы привести къ такимъ же результамъ; лишь нашествіе дикой угорской орды спасло славянство отъ онѣмеченія. Чехія вошла въ вассальныя отношенія къ имперіи и только тлѣвшая искра приверженности къ славянскому обряду, возгорѣвшаяся въ гуситство, спасла Чехію; Польша вся предалась западу; Россія еще росла, на Византію напиралъ западъ—оружіемъ, въ особенности въ четвертомъ крестовомъ походѣ, послѣ котораго съ великимъ трудомъ удалось императору возвратить свою столицу, и соблазномъ уніи, на которую было поддавались въ Византіи страха ради турецкаго. Но турки-то и явились временной опорой и защитой молодыхъ славянскихъ племенъ, пока не подросъ естественный и болѣе надежный защитникъ—Россія. Такимъ образомъ, и турки, какъ и угры, имѣютъ свою важную роль въ исторіи славянства: въ нихъ его временная ограда отъ напора романо-германскаго. Таковъ выводъ, который дѣлаетъ Данилевскій изъ блестящаго анализа всемірнаго историческаго значенія ислама. Этотъ выводъ дозволяетъ ему вполнѣ согласиться съ словомъ патріарха Анѳимія, сказаннымъ въ началѣ греческаго возстанія: „Провидѣніе избрало владычество османовъ для замѣщенія поколебавшейся въ православіи Византійской имперіи (собственно надо бы сказать императорства), какъ защиту противъ западной ереси".

Еще въ періодъ крестовыхъ походовъ западная Европа начала борьбу съ исламомъ въ надеждѣ подчинить себѣ восточное христіанство. Когда же турки перешли въ Европу, стала соблазнять

принять унію сначала Византію, а потомъ и Россію *). Когда же Турція ослабѣла, Европа начинаетъ поддерживать ее противъ Россіи и славянства, какъ она поддерживала Польшу и какъ поддерживаетъ Венгрію.

Съ окончательнымъ политическимъ возрастаніемъ Россіи при Екатеринѣ II оканчивается второй фазисъ Восточнаго вопроса, который авторъ называетъ напоромъ запада на востокъ. Съ тѣхъ поръ начинается третій—отпоръ востока западу. Авторъ указываетъ на характеристическую черту этой борьбы: какъ одно время напоръ западной Европы на греко-славянскій міръ принялъ характеръ борьбы съ исламомъ, такъ и въ этотъ періодъ отпоръ греко-славянскаго міра принялъ тоже характеръ борьбы съ турками. Всѣ наши побѣдоносныя войны, однако, еще далеко не достигли цѣли. Авторъ видитъ этому двѣ общія причины: „неясность цѣлей, которыхъ стремились достигнуть, и отсутствіе политики либеральной и національной вмѣстѣ, двухъ качествъ, совокупность которыхъ существенно необходима для успѣшнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса — въ смыслѣ выгодномъ для Россіи и для славянства“.

Въ примѣръ неясности цѣлей можно привести вслѣдъ за Данилевскимъ греческій проектъ Екатерины, по которому возстанавливалась Византійская Имперія въ пользу грековъ, что̀ значило бы отдать славянъ на жертву грекамъ и открыть широкій доступъ европейскимъ интригамъ. „Что̀ касается до соединенія либеральнаго и національнаго направленія политики,—говоритъ Данилевскій,—то прежде всего должно замѣтить, что, употребляя эти выраженія, я дѣлаю уступку общепринятому употребленію; ибо, собственно говоря, либеральная политика совершенно невозможна, если она не національна, такъ какъ либерализмъ заключается въ свободномъ развитіи всѣхъ здоровыхъ сторонъ народной жизни, между которыми національныя стремленія занимаютъ самое главное мѣсто“. Эрою наступленія такой политики авторъ считаетъ освобожденіе крестьянъ. Дѣйствительно, послѣдняя наша война съ Турціей получила сознательный народный характеръ, чего прежде не бывало. Нельзя не признать также съ авторомъ, что послѣдняя война, какъ и война 1853 г. и слѣдующихъ годовъ, указала намъ

*) См. объ этомъ любопытныя сочиненія О. Пирлинга и превосходныя статьи Ѳ. И. Успенскаго (въ Ж. М. Н. Пр. и «Извѣстіяхъ Слав. Благ. Общ.»).

настоящаго противника; съ нихъ начинается новый періодъ и новая борьба, „которая рѣшится, конечно, не въ одинъ годъ, не въ одну кампанію, а займетъ собою цѣлый историческій періодъ".

Не только подъ властью турецкой орды славяне не пользуются самостоятельнымъ положеніемъ жизни, существуетъ еще государство, составленное изъ разныхъ народностей, преимущественно славянскихъ, связанныхъ между собою лишь только единствомъ династіи. Государство это—Австрія. (Стр. 356—397).Было нѣкогда время, когда существованіе Австріи могло имѣть значеніе: преобладая въ священной имперіи, Габсбурги являлись защитниками ея съ запада отъ Франціи и съ юга отъ Турціи; но эти времена давно миновали: Германія нашла себѣ защиту въ Пруссіи, а для ослабленія Турціи выросла Россія. Авторъ указываетъ на знаменательное совпаденіе: въ 1740 г. умеръ Карлъ VI, послѣдній изъ Габсбурговъ, передавшій свои права дочери и зятю: въ томъ же году вступилъ на престолъ Фридрихъ II, такъ много способствовавшій возрастанію Пруссіи; тогда же скончалась Анна Іоанновна, послѣ которой, хотя и съ разными колебаніями, русская политика получила болѣе національный характеръ. Централизаціонныя попытки Іосифа II, стремившагося пересоздать средневѣковый строй Австріи въ государственный строй новыхъ временъ, и затѣмъ Наполеоновскія войны возбудили національности. Возбужденіе національностей—смерть Австріи. На защиту Австріи выступилъ Меттернихъ, „усыпитель", какъ его мѣтко называетъ Данилевскій; государственный человѣкъ, съ способностями, несомнѣнно сильными, но употребленными на защиту дѣла, не только осужденнаго исторіей, но и ложнаго въ своихъ основаніяхъ, Меттернихъ не только старался усыплять народы Австріи, но съ помощью священнаго союза препятствовалъ пробужденію народовъ сосѣднихъ, чтобы какъ-нибудь оно не подѣйствовало и на Австрію. Такъ, не ограничиваясь Италіей, въ которой Австрія имѣла и свою долю и свое вліяніе на остальныя части полуострова, онъ простиралъ свои заботы на Грецію. 1848 годъ сломилъ Меттерниха. Австрія осталась на распутьи: спасенная славянами и Россіей отъ мадьярскаго возстанія, она, полная еще Меттерниховскихъ преданій, прибѣгла къ системѣ централизаціи. Битва при Садовой нанесла ударъ централизму, особенно въ виду явной враждебности мадьяръ. Осталось или создать *дуализмъ*, раздѣливъ власть съ мадьярами, или обратить Австрію въ *федерацію*, причемъ славянскій элементъ

получитъ перевѣсъ. Первый планъ восторжествовалъ: Австрія обратилась въ Австро-Венгрію. Причина такого выбора понятна: страхъ передъ славянствомъ, ибо, не смотря на вѣрность славянъ Габсбургамъ, инстинктивно чувствуется, что центръ славянства въ другомъ мѣстѣ. Поэтъ давно сказалъ слявянамъ:

> Вамъ не прощается Россія,
> Россіи не прощаютъ васъ!

Неестественность дуализма всѣми чувствуется, ибо обѣ преобладающія народности малочисленнѣе славянской и держатся только славянскою рознью: divide et impera—старый девизъ Австріи; къ тому же венгры даже менѣе цивилизованы. На смѣну дуализму многіе желаютъ федераціи: одинъ изъ вождей западныхъ славянъ сказалъ даже: „если бы не было Австріи, то ее нужно бы выдумать". Но возможна-ли прочная федерація въ предѣлахъ Австрійской Имперіи? Данилевскій обстоятельно доказываетъ всю ея невозможность: во имя чего народы, образующіе эту федерацію, будутъ жертвовать своими частными интересами? Австрія не представляетъ географической почвы для такого объединенія: это не островъ, ни полуостровъ; не представляетъ и почвы этнографической: славяне многочисленнѣе, но могутъ-ли они подчинить себѣ нѣмцевъ, которые образованнѣе ихъ и за которыми стоитъ объединенная Германія? Да и сами славяне не ограничиваются предѣлами Австріи. Могутъ-ли славяне сочувствовать войнѣ съ Франціей, къ которой могутъ стремиться нѣмцы, или могутъ-ли нѣмцы сочувствовать войнѣ, предпринимаемой Россіей въ пользу славянъ Балканскихъ? Невозможность этой федераціи возбуждаетъ мысль о другой, болѣе обширной, которая должна включить и народы Балканскаго полуострова.

Такая федерація была бы угодна и Европѣ, которая теперь, скрѣпя сердце, поддерживаетъ Турцію, ясно сознавая всю нелѣпость ея существованія и стараясь фразами прикрывать очевидное варварство. Въ сущности, и эта комбинація не можетъ удовлетворить требованіямъ правды исторической, и устойчивость ея болѣе чѣмъ сомнительна. Для Европы она дорога тѣмъ, что удаляетъ славянъ отъ Россіи, открываетъ возможность религіозной и культурной пропаганды, которыя должны обезнародить славянъ и сдѣлать ихъ безопасными. Желательная для Европы, она является не таковою для имѣющихъ составить ее народовъ: нѣмцы и ма-

дьяры, включенные въ нее, продолжали бы свои стремленія къ подчиненію себѣ славянъ, причемъ нѣмцы опирались бы на Германію; славяне же были бы отдѣлены отъ Россіи и, безконечно враждующіе между собою, находили бы въ Европѣ постоянную поддержку своихъ стремленій къ обособленію, ибо стремленія эти въ высшей степени выгодны, какъ для внутреннихъ враговъ федераціи, въ лицѣ народовъ, въ нее включенныхъ, такъ и для внѣшнихъ враговъ славянства; а отъ Россіи они были бы отдѣлены и государственными предѣлами, и стараніями пропаганды всякаго рода. Слѣдственно, славянская федерація мыслима только подъ главенствомъ Россіи. Осуществленіе же ея возможно лишь по рѣшеніи вопроса о Царьградѣ, къ которому переходитъ Данилевскій. (Стр. 398—421). Царьградъ, какъ краснорѣчиво выражается авторъ — „городъ не прошедшаго только, не жалкаго настоящаго, но и будущаго, которому, какъ фениксу, суждено возрождаться изъ пепла все въ новомъ и новомъ величіи". „Славяне", говоритъ онъ далѣе — „какъ бы предчувствуя его и свое величіе, пророчески назвали его *Царьградъ*. Это имя и по своему смыслу, и потому что оно славянское, есть будущее названіе этого города". Значеніе Царьграда основывается главнымъ образомъ на его географическомъ положеніи: онъ служитъ перепутіемъ великихъ торговыхъ путей. Значеніе его должно возрасти съ усиленіемъ экономическаго развитія Южной Россіи, Кавказа, Малой Азіи, и т. д. Кому же долженъ принадлежать Царьградъ? На первый взглядъ, казалось бы, что онъ долженъ быть возвращенъ грекамъ; но настоящая Греція не можетъ быть преемницей Византійской имперіи, такъ какъ греческій элементъ, малочисленный и во время имперіи, еще малочисленнѣе теперь. Можетъ-ли слабое Греческое королевство выдержать тяжесть защиты Царьграда, можетъ-ли оно принять на себя ту высшую роль, которая соединяется съ обладаніемъ этимъ важнѣйшимъ пунктомъ? „Небольшое Греческое королевство", замѣчаетъ нашъ авторъ, „скоро впало бы въ истощеніе, въ маразмъ, и константинопольскій вопросъ, не погашенный, а тлѣющій подъ пепломъ, воспламенился бы съ новою силою". Изъ великихъ Европейскихъ державъ только Англія, Франція и Россія могутъ изъявлять притязанія на Царьградъ, ибо для Германіи въ немъ не было бы никакой пользы; Австріи онъ могъ бы достаться только вслѣдствіе преобразованія ея въ славянскую федерацію, что̀, какъ мы видѣли, немыслимо. Для морскихъ державъ, Англіи и Фран-

ціи, обладаніе Царьградомъ было бы важно въ смыслѣ стѣсненія Россіи; но едва-ли онѣ рѣшились бы употребить громадныя силы, нужныя для защиты Босфора, только съ отрицательною цѣлью. Обладаніе этимъ пунктомъ одною изъ морскихъ державъ грозило бы ей постоянною опасностью войны съ Россіей, которая когда-нибудь все же кончилась бы торжествомъ Россіи. Слѣдственно, обладаніе Царьградомъ положительно выгодно только для Россіи. Выгоды эти состоятъ въ томъ: 1) что тогда Россія могла бы защитить свои южные берега, 2) могла бы для этой защиты выставить менѣе силъ, ибо линія обороны имѣла бы меньше протяженія, 3) имѣла бы море для развитія своего флота, 4) наконецъ прочно утвердила бы свое вліяніе на востокѣ. Но и для самой Россіи владѣніе Царьградомъ представляетъ существенное затрудненіе: Царьградъ не можетъ не быть столицею, а перенесеніе столицы на такое дальнее разстояніе вредно отразилось бы на русскихъ внутреннихъ дѣлахъ. Слѣдовательно, Царьградъ долженъ быть центромъ не Русской Имперіи, а всеславянскаго союза.

Славянскіе ручьи не должны „сливаться въ русскомъ морѣ", ибо тогда теряется разнообразіе, столь необходимое для всецѣлаго развитія культурно-историческаго типа; но союзъ не долженъ состоять изъ мелкихъ племенныхъ единицъ, которыя были бы совершенно ничтожны и не имѣли бы своей отличительной физіономіи. Потому авторъ указываетъ на болѣе обширныя группы: чехо-словаки, сербохорваты, болгары, русскіе. По его мнѣнію, греки и румыны, народы православные, имѣющіе въ себѣ значительную примѣсь славянскаго элемента, должны тоже войти въ эту федерацію; необходимо войдутъ въ нее и венгры, по своему географическому положенію, но, разумѣется, придется сдерживать ихъ покушенія на владычество. Быть можетъ къ славянству примкнутъ и поляки, если русскіе, ставъ на твердой національной почвѣ въ западной Россіи, почувствуютъ возможность поддерживать польскую народность въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Въ этихъ предѣлахъ поддержаніе ея кажется намъ желательнымъ, какъ и Данилевскому, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы поляки отреклись отъ своихъ претензій. Быть можетъ, и сбудется предсказаніе Тютчева:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,

Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся жъ эти двѣ—
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ.

Всѣ члены этой будущей федераціи должны, по мнѣнію автора, имѣть въ значительной степени независимость, но ни степени этой независимости, ни объема и формы центральной власти, конечно, нельзя опредѣлять гадательно. Этихъ вопросовъ авторъ касается слегка и обращается, въ виду возраженій, которыя могутъ быть высказаны, а частью и высказывались противъ самой мысли о такомъ единеніи славянъ, на указаніе политическихъ выгодъ такого единенія, какъ для Россіи, такъ и для другихъ славянскихъ народовъ. (Стр. 432—473).

Европа, какъ мы уже видѣли, Россію своей не считаетъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы съ конца XVIII в. выступили на охрану Европы, нами пользуются, изъ насъ извлекаютъ выгоды для себя, а намъ ничего не даютъ, и лишь только Россія находится въ сколько-нибудь затруднительномъ положеніи, Европа дѣйствуетъ противъ нея. Стало быть, и намъ не выгодно искать себѣ мѣста въ ряду великихъ европейскихъ державъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы въ частныхъ случаяхъ мы не могли искать союза того или другаго европейскаго государства: въ Великой Сѣверной войнѣ мы находили же союзниковъ себѣ, не вступивъ въ систему европейскихъ государствъ; но тогда мы воевали за свои, а на за европейскіе интересы. Образованіе славянскаго союза создастъ Россіи особое положеніе: она станетъ не въ ряду европейскихъ государствъ, а рядомъ съ цѣлою Европою. Тогда, стало быть, вмѣсто вопроса объ европейскомъ равновѣсіи поднимется вопросъ о мiровомъ равновѣсіи между Европою, Славянствомъ и Америкою. Для другихъ славянскихъ народовъ необходимость федераціи еще настоятельнѣе: Россія все же будетъ существовать, хотя бы и лишилась своего прямаго назначенія и своей исторической роли; но другія славянскія народности, отдѣленныя отъ Россіи, сдѣлаются жертвою иноземной интриги и могутъ лишиться своей народности; вспомнимъ, что онѣмеченіе въ Пруссіи продолжается и въ наши дни, вспомнимъ зловѣщее положеніе, которое принимаетъ интеллигенція молодыхъ славянскихъ народовъ: сербовъ, болгаръ. Данилевскій еще до войны предсказывалъ дѣятельность болгарской интеллиген-

ціи и указывалъ опасность предоставить ее себѣ самой *). Онъ доказываетъ, что союзъ важенъ и для грековъ, ибо они могутъ найти защиту своей торговлѣ въ военномъ флотѣ, который непремѣнно создастся въ случаѣ образованія союза. Румыны, по мнѣнію автора, только съ помощью Россіи могутъ войти въ свои этнографическіе предѣлы и найти опору противъ покушеній мадьяръ. Только венгры и поляки многимъ должны будутъ пожертвовать: отказаться отъ покушеній на власть надъ другими. Быть можетъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ возраженій противъ будущей федераціи можетъ служить необходимость включить въ нее грековъ, мадьяръ и румуновъ; но эти народы такъ вкраплены въ славянскій міръ, что отдѣлить ихъ совершенно нельзя.

Противники мысли о федераціи боятся, что Россія поглотитъ народности другихъ племенъ. Данилевскій возражаетъ на это указаніями на Финляндію, получившую особыя учрежденія, на прибалтійскія губерніи, такъ долго сохраняющія свой нѣмецкій характеръ, и наконецъ на Польшу до 1830 г. Но самымъ важнымъ опроверженіемъ служитъ то, что стремленіе къ обрусенію этихъ народовъ было бы вредно для самой Россіи: она имѣла бы вмѣсто 40 милл. союзниковъ такое же число недовольныхъ, сдерживать которыхъ пришлось бы съ огромнымъ напряженіемъ силъ.

Будущее единеніе славянъ пугаетъ многихъ еще съ той стороны, не будетъ-ли это всемірнымъ владычествомъ; но 1) въ славянскомъ союзѣ получаютъ значеніе всѣ славяне, и 2) соединенныя силы Европы особенно въ первое время все же были бы значительнѣе силъ славянства. Напротивъ, славянскій союзъ можетъ послужить оплотомъ противъ грозящаго преобладанія европейской цивилизаціи. Въ Европѣ, съ объединеніемъ Италіи и Германіи, государства въ настоящее время распредѣляются болѣе или менѣе по народностямъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ государственнаго равновѣсія устанавливается въ средѣ этого культурнаго типа равновѣсіе естественное; стремленіе одного государства къ преобладанію теперь будетъ встрѣчать болѣе существенныя препятствія, чѣмъ прежде, хотя и прежде, какъ остроумно показываетъ авторъ, равновѣсіе вездѣ возстановлялось. Въ такіе промежутки междоусобныхъ войнъ, Европа обращала обыкновенно свои дѣйствія на

*) На то же указывалъ Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя», когда, предсказывая «неблагодарность» болгаръ, увѣщевалъ не обращать на нее вниманія.

страны внѣ-европейскія (къ которымъ, что̀ бы мы ни говорили, принадлежитъ и Россія) *), слѣдственно, тоже будетъ и теперь, если не установится міровое равновѣсіе; а оно можетъ установиться лишь съ образованіемъ Славянскаго союза. Тогда Европа раздѣлитъ свое міровое владычество съ Россіею и Америкой, и міръ избѣжитъ самой большой опасности—установленія единой культуры, которая нарушила бы міровой законъ—разнообразія въ единствѣ.

Говорятъ еще, что славяне не готовы къ единенію, что они не могутъ оставить своихъ племенныхъ раздоровъ. Но только приступивъ къ борьбѣ, они поймутъ необходимость сближенія; тогда они примутъ общій дипломатическій языкъ—русскій, тогда въ общей продолжительной борьбѣ они ближе сойдутся другъ съ другомъ; а то, именно разрозненность ихъ и отсутствіе между ними такого племени, которое они считали бы высшимъ авторитетомъ—открываетъ широкое поле дѣйствію на нихъ. И такъ, борьба неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что Восточный вопросъ настоятельно требуетъ разрѣшенія. Переходимъ съ авторомъ къ изученію условій этой борьбы. (Стр. 474—512). Авторъ справедливо отстраняетъ всѣ статистическія соображенія, которыя столько же рановременны, сколько могутъ оказаться даже и своевременно ошибочными, и останавливается на нравственныхъ условіяхъ дѣла. Прежде всего его вниманіе обращено на одно нравственное условіе, на то, что̀ онъ называетъ закономъ „сохраненія силы“: не разъ повторялось въ исторіи, что еще въ этнографическій періодъ одна часть племени, близко соприкасаясь съ сосѣдними племенами, подъ воздѣйствіемъ ихъ цивилизуется, но эта цивилизація менѣе прочна, ибо болѣе или менѣе преждевременна. Между тѣмъ, другая часть, скрываясь въ лѣсахъ, горахъ и т. п., собираетъ свои силы и позднѣе выступаетъ на поприще. Такъ единство Испаніи создается изъ Астуріи, единство Германіи изъ Пруссіи, единство Италіи изъ Піемонта. Таково же отношеніе великорусскаго племени къ малорусскому и Россіи ко всему славянству. Указавъ на этотъ общій законъ, чрезвычайно для Россіи выгодный, авторъ обращается къ политиче-

*) Авторъ допускаетъ, впрочемъ, что временное осуществленіе гегемоническихъ плановъ тоже вызывало иногда дѣйствіе Европы на страны внѣ-Европейскія, съ условіемъ, что гегемонія была довольно продолжительна для возстановленія истощенныхъ силъ.

скимъ союзамъ, которыя могла бы заключить Россія; но здѣсь мы за нимъ не послѣдуемъ, потому что соображенія, составленныя еще до низложенія Наполеона III, теперь могутъ оказаться далеко не точными; выпишемъ только замѣчательныя слова гр. Ростопчина изъ донесенія, подданаго имъ Императору Павлу I. Ростопчинъ говоритъ: „одна лишь выгода изъ сего (изъ войны 1799 г.) произошла та, что сею войной разорвались почти всѣ союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мною согласны, что Россія съ прочими державами не должна имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи, но все сіе можетъ быть случайно, временно". Слова эти, при которыхъ императоръ написалъ: „святая истина", Данилевскій считаетъ правиломъ, отъ котораго наша политика не должна отступать. Онъ справедливо думаетъ, что разъединеніе европейскихъ народовъ полезнѣе для насъ ихъ союза: настоящія стремленія Франціи къ сближенію съ Россіею служать лучшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія. Отъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ быть благопріятны для успѣховъ Россіи, авторъ обращается къ болѣе надежнымъ внутреннимъ условіямъ, передъ которыми ничтожны всѣ внѣшнія условія успѣха. Хотя и со внѣшней стороны мы достигли въ отношеніи военномъ многихъ успѣховъ со времени крымской войны, но авторъ справедливо видитъ главный залогъ побѣды въ нравственныхъ свойствахъ народа, нынѣ освобожденнаго отъ рабства. Если народъ этотъ оказалъ такія чудеса мужества въ 1812 г., что̀ же должно быть теперь? Въ основѣ русскаго характера лежитъ полное довѣріе, безграничная преданность верховной власти. Что̀ же можно сдѣлать съ такимъ народомъ? Но этого еще мало: стойкость русскаго солдата извѣстна; съ нимъ полководецъ не всегда первостепенный (Петръ, впрочемъ, замѣчателенъ и какъ стратегъ,—такъ смотритъ на него Г. А. Лееръ, лучшій знатокъ военной исторіи) побѣждалъ Карла XII, Фридриха II, Наполеона I; русскія арміи никогда не слагали оружія массами: ни Меца, ни Седана нѣтъ въ новой русской исторіи. Извѣстно, какъ грустно смотрѣлъ Фридрихъ на свою побѣду при Цорндорфѣ; русскіе переходили и Альпы и Балканы. Нужно-ли говорить о томъ, что не деньгами дается побѣда въ національной борьбѣ? У насъ, кажется, нужно, и Данилевскій указываетъ на то, что Франція въ 1793 г. побѣдила не банкирскими операціями, что наше торжество въ 1812

г. не условливалось никакими займами. Когда Россія встанетъ серіозно на борьбу, славяне непремѣнно откликнутся. Этого факта мы не хотимъ видѣть лишь потому, что слишкомъ много обращаемъ вниманіе на интеллигенцію славянскихъ народовъ, по большой части состоящую изъ людей полуобразованныхъ. Высокіе умы въ славянствѣ иначе смотрятъ на это дѣло, иначе смотритъ и народъ, традиціонно вѣрующій въ „Бѣлаго Царя“.

Въ заключеніе своей книги авторъ пытается гадательно опредѣлить характеръ будущей общеславянской культуры. (Стр. 513—555). Культурная дѣятельность представляется въ четырехъ отношеніяхъ: *религіозная*, *собственно-культурная* (научная, художественная, техническая), *политическая* и *общественно-экономическая*. Въ первоначальныхъ культурахъ (китайская, египетская, индѣйская) всѣ эти дѣятельности еще смѣшаны. Еврейская культура—исключительно религіозная, греческая—собственно культурная, по преимуществу эстетическая, римская—главнымъ образомъ политическая; новая Европа представляетъ двѣ основы культуры: политическую и собственно культурную (научную и техническую). Славянская культура, по мнѣнію автора, должна соединить всѣ четыре основы: религіозность русскаго народа не подлежитъ сомнѣнію; сила политическаго творчества сказалась въ его исторіи; способность славянъ къ искусству уже проявилась; въ наукѣ мы видимъ не только задатки (не надо забывать, что въ числѣ величайшихъ геніевъ науки есть и славянинъ Коперникъ). Въ экономическомъ отношеніи—русское надѣленіе крестьянъ землею—эпоха во всемірной исторіи. Таковы вкратцѣ выводы Данилевскаго; желающіе ближе познакомиться съ ними обратятся къ книгѣ его.

Читатели, конечно, не посѣтуютъ на насъ за подробное изложеніе содержанія замѣчательнѣйшей изъ всѣхъ русскихъ книгъ послѣдняго времени, а можетъ быть даже и не одного послѣдняго. Книга эта едва-ли извѣстна большинству публики и едва-ли многими изучена основательно; а между тѣмъ, она принадлежитъ къ числу книгъ, оставляющихъ послѣ себя очень мало, если прочесть ихъ слегка, какъ мы привыкли читать журнальныя статьи. Книгу эту знаютъ только тѣ, кто читалъ ее согласно съ совѣтомъ Горація: manu versate diurna, versate nocturnaque. Каждое перечитываніе ея открываетъ въ ней новыя стороны. По самому своему

изложенію, „Россія и Европа" не можетъ быть легкимъ чтеніемъ; многосторонняя ученость автора постоянно внушаетъ ему эпизодическія разсужденія, аналогіи, и, несмотря на строго-логическую послѣдовательность мыслей, такая особенность изложенія ставитъ читателя въ затрудненіе. Особенность терминологіи, которую мы старались удержать въ своемъ изложеніи, тоже является для многихъ препятствіемъ. Наконецъ, занятый своей мыслью, подавляемый богатствомъ соображеній, плодомъ геніальности его ума, массою фактовъ изъ разныхъ областей знанія, авторъ болѣе думалъ о логичномъ согласованіи соображеній съ фактами и между собою, чѣмъ объ удобствѣ читателя. Въ высокихъ, рѣдкихъ во всемірной литературѣ качествахъ книги Данилевскаго тонутъ мелкія неудобства ея изученія. Можетъ быть, относительно пользы для изучающаго, эти неудобства должны обратиться въ удобства: книга требуетъ полнаго вниманія, требуетъ такого читателя, о которомъ мечталъ Гёте, читателя способнаго забыть себя, и автора, и весь міръ, и жить только въ книгѣ, по крайней мѣрѣ на время ея изученія.

Самое существенное достоинство книги — установленіе теоріи культурно-историческихъ типовъ. Зародышъ этой теоріи—въ давнемъ мнѣніи о томъ, что народы, какъ и люди, мужаютъ, старѣются и умираютъ; мнѣніе это отразилось въ знаменитыхъ corsi e ricorsi Вико. Н. Н. Страховъ въ предисловіи отъ издателя говоритъ, что у нѣмецкаго историка Рюккерта есть указаніе на эту теорію; можно пожалуй сказать, что мнѣніе Фриммана объ отдѣльности исторіи востока отъ исторіи классическихъ народовъ, которую онъ связываетъ съ исторіею западной Европы, не далеко отъ мнѣнія Данилевскаго. Какъ бы то ни было, нигдѣ еще доселѣ теоріи эти не развиты такъ полно, обстоятельно и широко, какъ въ книгѣ, насъ занимающей. Можно, конечно, найти тотъ или другой типы недостаточно отдѣльными, можно отыскать другія грани между типами, можно, пожалуй, прибавить или убавить ихъ число (выдѣлить, напр., цивилизацію финикійскую); но едва-ли можно поколебать общее основаніе, едва-ли можно доказать, что прогрессъ совершается не тѣмъ путемъ, который указалъ Данилевскій, едва-ли можно будетъ опровергнуть тотъ установленный имъ фактъ, что культурные типы развиваютъ каждый свою сторону человѣческаго духа, что развиваемая каждымъ такимъ типомъ сторона отражается даже въ такихъ сторонахъ дѣятельности, которыя общи нѣсколькимъ типамъ. Законъ разнообразія въ единствѣ,

общій законъ природы блистательно примѣненъ къ исторіи, и Н. Н. Страховъ вполнѣ правъ, когда въ своей характеристикѣ книги Данилевскаго указываетъ на то, что высшая ея заслуга— внесеніе въ исторію естественной системы, а естественная система только одна, потому что двухъ истинъ быть не можетъ.

Пусть же тѣ, кто изучаетъ науки общественныя, глубже и глубже вникаютъ въ книгу Данилевскаго, пусть плодотворныя мысли, имъ собранныя въ одно цѣлое, послужатъ основаніемъ самостоятельнаго развитія нашей науки, которой до сихъ поръ недоставало такого центральнаго взгляда. Самъ Данилевскій показалъ, что и въ другихъ сферахъ мысль его плодотворна: и въ естествознаніи онъ борется съ тою же теоріею прогресса, которую въ сферѣ наукъ общественныхъ опровергаетъ онъ въ „Россіи и Европѣ". Пусть и „Дарвинизмъ" его оплодотворяетъ самостоятельными мыслями наше естествознаніе.

Книга Данилевскаго важна не только для русской науки, но и для русскаго общества: мы такъ привыкли къ самоуниженію, самобичеванію, что каждый твердый голосъ, защищающій русское начало, кажется намъ какой-то непозволительной ересью. Пора же намъ сознать, что какъ бы мы ни стремились представить русскій народъ меньшимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, намъ это никогда не удастся. Книга Данилевскаго должна бодрить насъ, она должна служить оправданіемъ того, что̀ нѣкогда Аполлонъ Григорьевъ приписывалъ русскому народу:

И видитъ онъ орлинымъ окомъ
Въ своемъ грядущемъ недалекомъ
Мѣту совсѣмъ иной борьбы,—
Иракла новаго столбы.

1888, май. К. Бестужевъ-Рюминъ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

Австрійская федерація Славянъ, 379; Австро-турецкая федерація, 387.
Австрійское государство — краткій очеркъ исторіи его образованія, 357; упраздненіе его идеи, 362.
Австрія—ея мѣсто въ Восточномъ вопросѣ, 356—398; способы ея сохраненія послѣ Меттерниха, 375.
Адвокатура, 300.
АлександръI,—войны его временъ, 319.
Америка — противоположность между нею и Россіею, 544.
Америка—синхронизмъ ея открытія съ открытіемъ книгопечатанія и взятіемъ Константинополя, 336.
Англія,—ея благопріятныя обстоятельства, 260.
Аристократизмъ и демократизмъ—что такое у насъ, 209.
Аристократы и аристократки наши, 311.
Астрономія,—ея развитіе, 149.
Ахиллесова пята Россіи, 409

Бессарабія, 35.
Befreiungs-Kriege, 362.
Библія, 520
Богъ, 129, 133, 134, 213, 222, 355, 448, 516.
„Борисъ Годуновъ", 548.
Борьба, 474—513.
Ботаника, 157.
Бракъ, 224.
Браманизмъ, 517, 520.
Буддизмъ, 520.

„Валленштейнъ", 549, 550.
Варяги—призваніе, 274.
Видъ и родъ, 125.
„Вильгельмъ-Тель", 549, 550.
Вліяніе на инородцевъ, 298.
Внутреннее противорѣчіе въ жизни современной Европы, 254.
Вода—ея свойства, 335.
Возрастаніе каждой науки - общій его ходъ, 148.
Возрожденія вѣкъ, 266.
„Война и Миръ", 548, 550.
Война,—характеристика русскихъ войнъ, 38.
Войны—Россіи съ Европой—оцѣнка ихъ, 504.
Востокъ и Западъ, 72.
Восточная война, 10 — 19; ея дѣйствіе, 320.
Восточный вопросъ, 325—356; его новый періодъ, 339; третій его періодъ, 349; постепенное его разъясненіе, 352.
Восточный вопросъ, 325, 326, 327, 329, 330, 338, 346 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 396, 401, 412, 419, 420, 424, 425, 431, 467, 472, 474, 490, 491, 492, 497, 504, 513, 514, 556.
Всевидовое и общевидовое, 127.
Всемірная исторія, 416; два ея потока, 555.
Всеславянскій союзъ, 432—474; составъ его и перечисленіе его членовъ, 424; значеніе его для Греціи, 438; значеніе его для Булгаріи, 439; для Сербіи, 441; для Чехіи, 441; для Румыніи, 442; для Польши, 442; для Венгріи, 442.
Всеславянскій союзъ, 419, 421, 423, 432, 437, 442, 447, 448, 451, 460, 463, 465.
Всеславянская федерація, 431, 442; условія и слѣдствія ея, 465.
Всеславянство,—его идея, 394, 422, 448.
Вѣкъ XIX—его характеръ, 266.
Вѣнская конференція, 17, 35, 45, 268;
Вѣнская нота, 15.
Вѣнскій трактатъ, 4; Вѣнскій конгрессъ, 360, 458, 545.
Вѣра христіанская—ея принятіе, 204.
„Вѣсть", 132, 206, 209, 297, 312, 313, 429, 430, 533.
„Вѣчный жидъ", 388.

Геологія и минералогія, ихъ развитіе, 159.

Германія—ея культура и политическое развитіе были бы невозможны безъ Славянъ и Русскихъ, 360.
Германцы—наслѣдники Рима, 333.
Гнетъ мысли и гнетъ совѣсти въ средневѣковой Европѣ, 252; — отвлеченнаго государства, 263.
Гніеніе—что̀ такое? 175.
Голштейнскій вопросъ, 3.
Гордыня Россіи, 322.
Государственные мужи — категоріи ихъ; великіе политики, личности трагическія и трагикомическія, 371.
Государство — опредѣленіе его, 235; отношеніе между нимъ и народностью, 237; различныя формы, 242; —союзное, 243; его происхожденіе, 245.
Государь русскій, 501.
Греція — вліяніе ея на Востокъ, 98; вліяніе ея на Римъ, 99; моментъ высшаго развитія силъ, 180.
Группировка естественная, новая, историческихъ явленій, 88.

Данія—равнодушіе къ ней Европы, 3.
Данничество, 251.
„Democratie pacifique“, 305.
Демократизмъ и аристократизмъ—что̀ такое у насъ, 209.
Дипломатія—ея безсиліе, 325.
„Донъ Кихотъ“, 548, 549.
Древне-восточный вопросъ, 330.
Дѣятельность Петра—двѣ ея стороны, 286.

Евангеліе, 216.
Европа — необходимость борьбы съ нею, 472; троякая ея анархія, 523.
Европа—почему она враждебна къ Россіи, 20—54; ея невѣжество относительно Россіи, 49; не признаетъ насъ своими, 50.
Европа ли Россія? 54—72; Европа—что̀ такое? 54; ея культурно-историческій смыслъ, 59; ея отношеніе къ Туркамъ, 345; ея исторія въ отношеніи къ другимъ народамъ, 451; препятствіе къ всемірному ея владычеству, 462.
Европейничанье — болѣзнь русской жизни, 283—325; три его формы, 278.
Европейничанье—вредъ для искусства; для ваянія, 289; для живописи, 290; для архитектуры, 293; для промышленности, 294.
Европейскій типъ, 519.
Естественная система, 78.

Зависимость, какъ условіе для развитія государства, 249.
Завоеваніе—что̀ такое? 22.
Заискиваніе милости Европы, 316.
Законы (пять) развитія типовъ, 95; законъ средства языковъ и политической независимости, 96; непередаваемости цивилизацій, 97; разнообразія и силы составныхъ элементовъ типа, 105; краткости періодовъ цивилизацій, 111.
Западный край, 27.
Западъ—гніетъ ли? 172—184.
Западъ и Востокъ, 72.
Зоологія, ея развитіе, 158.
Зевесъ, 522.
Змѣй-Горынычъ, 390.

Ивановъ, его картина, 549.
Идея Славянства — высшая идея для каждаго славянина, 133.
Индія — моментъ высшаго развитія силъ, 180.
Интеллигенція русская — что̀ такое? 440;
Исидоровы декреталіи, 195.
Искаженіе формы быта европейничаніемъ, 288.
Искусства и науки—задатки способностей къ нимъ въ славянскомъ типѣ, 547.
Истина—что̀ такое? 138.
Исторія, 450; новая исторія, 266, 356, 455.
Историческія силы—законъ сохраненія ихъ запаса, 476.
Историческое право—что̀ такое? 403.

Кавказъ, 36.
Калевала. 26.
Китай, 73.
Классификація наукъ, 167;—нравственныхъ качествъ, 210.
Константинополь, 336; центральность его мѣстоположенія, 398; его четыре названія и четыре эпохи его исторіи, 401; права̀ на него, 402; есть res nullius, 405; кому обладаніе имъ всего полезнѣе? 406.
Космосъ, 92.
Коцебу—убійство, 46.
Крестьянскій надѣлъ, 511.
Крымъ—ахиллесова пята Россіи, 409.
Крѣпостное состояніе, 279.
Культура—новая (славянская), вѣроятно ли появленіе ея въ настоящее время, 174; культуры—первичныя, 517; культура—въ тѣсномъ смыслѣ слова, 539.

Культурная дѣятельность—четыре ея разряда, 515.
Культурно-историческій смыслъ названія Европы, 59.
Культурно-историческіе типы, 88; **нѣкоторые законы ихъ движенія и развитія**, 95—119; **типъ славянскій**, 513—559; типы одноосновные, 518.
Культуророродная сила лѣса, 246.

Латинство, 130.
„Le Globe" журн., 305.

Магометанство, 340; его смыслъ въ исторіи, 343.
Македонія, 331.
Марья Алексѣевна княгиня, 317, 318.
Математика, 144.
„Мертвыя души", 547, 549.
Меттернихъ, 366.
Минералогія и геологія, 159.
Мистическое воззрѣніе на церковь, 217.
Михаилъ Архангелъ, 293.
Мнѣніе—общественное—Европы, 18.
Моментъ высшаго развитія силъ, 178.
Монрое—его ученіе, 318.
„Московскія Вѣдомости", 308, 314.

Наполеоны—и вопросъ національности, 267.
Народное чувство — гдѣ примиреніе между нимъ и требованіемъ прогресса? 70.
Народность—отношеніе между нею и государствомъ, 237.
Народы,—ихъ смерть, 75.
Насильственность—черта германо-романскаго типа, 190; отсутствіе ея у славянъ, 199.
„Наше Время", 429.
Наука не есть синонимъ цивилизаціи, 134.
Науки и искусства—задатки способностей къ нимъ въ славянскомъ типѣ, 547.
Національное—понятія о немъ нашихъ западниковъ, 119; національное принимается за общечеловѣческое, 124; національность въ наукѣ 136; начало національности, 264; вопросъ національности и Наполеоны, 267.
Необходимость для Россіи флота, а для флота—Чернаго моря, 411.
Неосновательность папскихъ притязаній, 219.
Непослѣдовательность католиковъ, 221.
Нетерпимость, 191.
Нигилизмъ, 314.
Номады, 246.
Нравственныя качества—ихъ классификація, 210.

Общевидовое—и всевидовое, 127.
Общечеловѣческое — понятія нашихъ западниковъ объ немъ и національномъ, 119.
Община и соціализмъ, 538.
Овидіевы метаморфозы, 113.
Опіумъ—война за него; покровительство Турціи, 198.
Освобожденіе крестьянъ, 206; значеніе его для Восточнаго вопроса, 352.
Освобожденіе печати, 301.
Остзейскія провинціи, 26.
„Отечественныя Записки", 119.
Отечественная война, 413.
Ормуздъ, 326, 327.
Откровеніе, 213, 215, 229, 234.
Отношеніе народнаго къ общечеловѣческому, 119—172.
Очеркъ французской исторіи, 257.

Панславизмъ—отреченіе отъ него, 317.
„Панъ Тедеушъ", 554.
Папа, 192, 455, 459, 502.
Патріотизмъ — внѣшній, политическій, 67.
Переселеніе великое народовъ, 356.
Періодическая печать, — истинная ея сила, 304.
Періодъ развитія, въ какомъ находятся европейскія общества, 176.
Періоды (пять) развитія астрономіи, 152;—столѣтніе въ исторіи Европы, 265.
Петровское преобразованіе—его необходимость, 284.
Петръ—его отношеніе къ Россіи, 285.
Печать—ея дѣйствіе на публику, 302.
Племена несознательныя, 238; умершія для политической жизни, 239.
Подданные—три ихъ разряда, 445.
Поза, маркизъ, 65, 66, 70.
Политическая дѣятельность русская имѣетъ особый характеръ—отсутствіе владѣній и колоній, 530.
Политическое равновѣсіе—его система, 452; главные случаи его нарушенія и сохраненія, 454; вредно для Россіи, а нарушеніе выгодно, 485.
Польскій вопросъ, 425; наилучшее рѣшеніе его при посредствѣ всеславянской федераціи, 431.

Польское дѣло, 323.
Польша, 29, 347.
Посейдонъ, 522.
Православіе, 512.
„Преображеніе", 553.
Провидѣніе, 371, 510.
Прогрессъ на Востокѣ, 73; предѣлы прогресса, 113.
Прозелитизмъ, 195.
Прометей, 58.
Промыслъ божественный, 229, 230, 326, 333, 337, 520.

Рабство, 251.
Раздѣленіе церквей, 193.
Различія (Россіи и Европы) въ психическомъ строѣ, 184—212; **различіе вѣроисповѣдное**, 212—235; **различія въ ходѣ историческаго воспитанія**, 235—283; различіе религіозное, 338.
Разновременность и односторонность въ наукѣ, 140.
Разнообразіе—его законъ относительно составныхъ элементовъ типа, 105.
Раціонализмъ Европы, 232.
„Ревизоръ", 63.
Ретціусъ—его дѣленіе человѣческихъ племенъ, 185.
Римъ—его вліяніе, 101; моментъ высшаго развитія силъ, 180.
Родъ и видъ, 125.
Россія,—почему враждебна къ ней Европа, 20—54; не есть завоевательное государство, 20; не есть гасительница свѣта и свободы, 43; либерализмъ ея не уменьшаетъ вражды къ ней, 48; не принадлежитъ къ Европѣ, 60; ея роль по мнѣнію Европы, 62; есть препятствіе къ развитію европейской цивилизаціи, 64; особенности историческаго ея развитія, 274; неполное ея здоровье, 283; ея значеніе, 348; неясность ея цѣлей въ отношеніи къ Турціи, 350; ея величина, 410; не можетъ быть членомъ европейской политической системы, 432; должна быть противовѣсомъ Европѣ, 436; двѣ судьбы, предстоящія ей, 436; мнимое ея властолюбіе, 444; не заинтересована въ системѣ равновѣсія, 483; ея отношенія къ главнѣйшимъ представителямъ европейскаго могущества, 488; ея отношеніе къ Англіи, 488; ея отношеніе къ Франціи, 492; ея отношеніе къ Пруссіи, 495; внутренніе источники ея силъ, 498; ея общественный и экономическій строй, 537; противоположность между нею и Америкой, 544.
Русская политика—ея правило, 480.
Русскіе бунты, 534.
„Русскій Вѣстникъ" Фев. 1865 г. „Вѣнскій конгресъ" статья Соловьева, 34.
Русскій народъ — раздѣленіе его въ два слоя, 295; способенъ ли онъ къ свободѣ, 532.
Русскій языкъ — возведеніе его въ общеславянскій, 469.

Святая Дѣва, 552.
Святой Духъ, 215, 220, 223, 230.
Связь вопросовъ національныхъ со славянскимъ вопросомъ, 272.
„Семейная хроника", 281.
Сибирь, 37.
Сила и разнообразіе составныхъ элементовъ типа, 105.
Синхронизмы, какъ признакъ разумности міроправленія, 334; синхронизмъ книгопечатанія, взятія Константинополя и открытія Америки, 336.
Система науки—что̀ такое? 77;—естественная, 78;—общепринятая въ наукѣ всемірной исторіи, 82;—искусственная и ея періодъ, 161;—политическая, 243.
Славяне—наслѣдники Византіи, 333.
Славянофилы, 121.
Славянская религіозность—ея характеръ, 526.
Славянская федерація съ Россіею во главѣ, какъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, 420; члены ея должны быть крупны, 421; цѣль ея не есть поглощеніе славянъ Россіею, 422.
Славянскій міръ—его надежды и свойства, 524.
Славянскій союзъ—необходимость его для человѣчества, 448.
Славянскій типъ, 129; Славянство—высшая идея для каждаго славянина, 133.
Славянство—*четырехъ-основный культурно-историческій типъ*, 556.
Смерть народовъ, 75.
Смотрѣніе на дѣла Россіи сквозь европейскія очки, 310.
Смутное время, 278.
„Современникъ" 119.
Соловьевъ, историкъ—его мнѣніе, 326.
Соціализмъ и община, 538.

Союзъ,—Священный, 44;—государствъ, 243;—«Вѣсти» со всѣми аристократіями, 312.
Способность къ государственности въ славянскомъ типѣ, 528.
«Старосвѣтскіе помѣщики», 549.
Субъективная примѣсь въ наукѣ, 139.
Судебная реформа, 299.

Татарское нашествіе, 276.
Times, 306, 309.
Типы культурно-историческіе, 88, **нѣкоторые законы ихъ движенія и развитія**, 95 — 119; типъ — славянскій, 129.
Торговля неграми, 196.
Турція,—симпатія къ ней Европы, 3.

Ультра-русская партія, 67.
Ученые великіе, ихъ таблица, 163.

Фамусовъ, 317.
Федерація, 243.
Феодализмъ, 251.
Физика, 155.
Финляндія, 25.
Франція — самое полное выраженіе Европы, 256.

Химія—ея развитіе, 152.
Хлестаковъ, 63.
Христосъ, 551, 552, 553; Христово ученіе, 553; Христіанство, 523, 553.

Царь-Градъ, 398 — 432; долженъ быть столицей не Россіи, а Всеславянскаго Союза, 417.

Церковь—четыре понятія о ней, 214; протестантское, 215; католическое, 217; мистическое на нее воззрѣніе, 217; отношеніе ея и государства, 223; бракъ, 224; православное о ней понятіе, 229; церковь западная, 527.
Цивилизація—ея пересадка, 103; ея прививка, 103; краткость ея періодовъ, 111.
Цивилизація общечеловѣческая — ея гибельный результатъ, 463.
Цивилизація европейская тождественна ли съ общечеловѣческою? 72—95; опредѣленіе эпохи въ которой находится европейская цивилизація, 181.

Части свѣта — искусственность дѣленія ихъ, 55.
Человѣкъ—обязанности его къ своему типу, 107.
Четь-Минея, 520.
Чичиковъ, 549.
Чужеземныя учрежденія — ихъ перенесеніе, 299.

«Шинель», 549.

Энтузіазмъ—дисциплинированный, 501.
Этнографическій матеріалъ, 93.

Юпитеръ, 75, 168, 522.

«Явленіе Христа народу», 551.
Языкознаніе, 160.

Ѳеогонія, 520.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

Абердинъ, 18.
Абиссинцы, 186.
Авары, 329.
Августинъ Иппонскій, 341.
Августъ Императоръ, 180.
Австралія, 21, 56, 103, 341, 458, 463.
Австралійскій материкъ, 458.
Австрія, 1—3, 5—7, 9, 10, 17—20, 23, 30, 31, 33—35, 38, 42—48, 62, 237, 238, 240, 265, 269, 270, 273, 319, 320, 346, 349—351, 355, 357—360, 363—367, 369, 370, 373—381, 383—387, 392—395, 406, 407, 410, 419, 423, 434, 435, 442, 445, 448, 459, 466, 470, 480, 484, 485, 487, 489, 493—499, 503, 504, 538.
Австрійская монархія, 360, 378;—имперія, 382.
Австрійская система, 368.
Австрійскій домъ, 359, 380.
Австрійскія земли, 421, 456.
Австрійское государство, 357, 362, 363, 381, 383.
Австрійцы, 362, 507—509.
Австро-нѣмецкія земли, 391, 496.
Агамемнонъ, 459.
Агезилай, 330.
Адамсъ, 318.
Адансонъ, 158, 450.
Адмиралтейская часть, 73.
Адріанопольскій миръ, 354.
Адріатическое море, 340, 359, 395, 403.
Адріатическое прибрежье, 338, 387, 391, 416.
Азіатскій материкъ, 400; — скіе полуострова, 463.
Азія, 21, 55—59, 72, 73, 77, 111, 204, 230, 326—330, 341, 346, 398, 411, 447, 462, 463, 478, 490, 523.
Азовское море, 56, 319, 411.
Азовскія страны, 364.
Аксаковъ, К. С., 202, 253, 281.
Алабама, 413.
Алаунская плоская возвышенность, 57.
Албанія сѣверная, 424.
Албанцы, 186.
Александрійская колонія, 182.
Александрія, 59, 98, 100, 104, 111, 180, 399, 400, 557.
Александрова монархія, 364.
Александръ I императоръ, 34, 36, 40, 42, 45, 46, 48, 206, 350, 352, 426, 487.
Александръ II императоръ, 321, 368.
Александръ Македонскій, 98, 99, 109, 332, 333, 400, 479, 490.
Александръ Невскій, 293.
Алексѣй Михайловичъ, 29, 30.
Алжиръ, 38, 458.
Алкуинъ, 194.
Алтайскіе дикари, 337.
Альберони, кардиналъ, 18.
Альбертъ Австрійскій, 358, 360.
Альбертъ (Габсбургскій), 357.
Альбертъ II, 360.
Альбигойцы, 196.
Альгамбра, 342.
Альзасъ, 484.
Альма р., 499.
Альпы, 57, 338, 372, 452, 479.
Альтенбургъ, 8.
Амвросій (старообр.), 219.
Амвросій Медіоланскій, 191.
Америка, 21, 38, 44, 50, 55, 56, 103, 170, 174, 186, 202, 310, 318, 336, 337, 341, 411, 412, 415, 448, 456, 460, 463, 467, 544, 545.
Америка Сѣверная, 456; американская колонія, 532; американская междуусобица, 413; американскій народъ, 545; американцы, 311, 318, 413;
Амилькаръ, 372;
Аміенскій миръ, 319;
Амперъ, 157;
Аму, 398.
Амурскій край, 38, 413.
Амуръ (р.), 532.
Амфиктіоновъ судъ, 109.
Анаклетъ, 218, 220, 221.
Англичане, 63, 99, 103, 109, 129, 142, 146, 163, 164, 241, 260, 261, 412, 482, 489, 490, 531.
Англійская народность, 241.

Англія, 2, 11, 13, 18, 19, 21, 34, 37, 38, 40, 43—46, 48, 62, 69, 109, 116, 120, 130, 142, 170, 198, 199, 202, 257, 258, 260—263, 274, 306, 312, 314, 317, 319, 320, 329, 354, 369—371, 384, 387—389, 403, 406—408, 410—415, 429, 439, 440, 445, 446, 448, 451, 452, 455—458, 482, 484, 485, 489—493, 495, 496, 499, 503, 504, 531.
Англосаксонское племя, 147.
Англо-Саксы, 274, 300.
Англы, 274.
Андраши, 373.
Анна Императрица, 364, 365.
Аннибалъ, 114, 372, 373, 501, 506.
Анталкидовъ миръ, 327, 329, 346.
Антонинъ, 180.
Анѳимій, 180.
Анѳимій патріархъ, 343.
Аполлонъ, 80.
Арабы, 92, 118, 342, 436.
Аравія, 55, 56, 83, 463.
Аравитяне, 152, 186, 204, 329.
Араго, 157.
Аралъ, 398.
Аральское море, 413.
Аргосъ, 519.
Ариманъ, 21, 44, 326.
Аристотель 99, 114 115, 136, 139, 153, 159, 180, 252, 335, 336, 476.
Арій, 194, 230.
Арійцы, 117; арійская раса, 130; арійское племя, 327.
Арменія, 299.
Армяне, 22, 240, 298.
Архангельская губ., 296.
Архимедъ, 99, 114, 372.
Архипелагъ, 395, 401, 424, 438, 439.
Асканазы-Гомериты, 58.
Ассирія, 84, 97, 117, 118, 356, 518.
Астрабадъ, 490.
Атеней, 33.
Атлантическій океанъ, 101, 343, 521.
Атласъ, 253.
Атрей, 372.
Аугсбургскій соборъ, 216.
Афганистанъ, 433.
Африка, 21, 50, 55, 56, 58, 59, 73, 97, 197, 204, 230, 263, 329, 340, 341, 398, 400, 403, 458, 463, 493, 523.
Ахейскій союзъ, 182.
Ахенскій соборъ, 193.
Аѳины, 51, 59, 71, 109, 110, 130, 182, 289, 329, 331, 399, 466, 557.
Аѳиняне, 519.
Аѳанасій Великій, 341.
Аѳанасій свят. 231.

Баберъ (султанъ), 490.
Баварія, 8, 492.
Бакинское ханство, 36.
Баку, 398.
Балашевъ, 40.
Балканскій полуостровъ, 268, 332, 345, 351, 352, 356, 360, 367, 402, 403.
Балканы, 41, 43, 55, 354.
Балтійскія губерніи, 470.
Балтійское море, 5, 26, 340, 359, 410, 413, 414, 498.
Банатъ, 424.
Барбаросса Фридрихъ, 363.
Баски, 24, 186, 239, 344.
Бастилія, 254.
Бауценъ, 362.
Бахъ, 366, 373.
Баязидъ султанъ, 84.
Бездна—село Казанской губ., 207.
Бейстъ, 373, 378, 387.
Беккарія, 201.
Беконъ, Бэконъ, 129, 148, 181, 266.
Бельгія, 46, 68, 270, 449, 461, 482, 484, 485, 493.
Белькреди, 373, 379.
Бенаресъ, 181.
Бенгальскій заливъ, 439.
Бентамъ, 148; Бентамовскій принципъ, 32.
Берберы, 186.
Бердянскъ 489.
Берлинскій конгрессъ, 269, 322, 346, 362;—трактатъ, 355;—миръ, 468.
Берцеліусъ, 155.
Бессарабія, 35, 320, 350, 424, 442, 484, 487.
Бетсилендъ, 64.
Бирманская имперія, 458.
Биронъ, 200, 364.
Бисмаркъ, 5, 6, 259, 313, 381, 387, 389, 461, 482, 492, 529.
Богдановичъ, „Исторія войны 1813 г.“ (т. 1 стр. 2) 42, 362.
Богемія, 377.
Бокль, 315.
Болгарія, 339, 440, 441.
Болгары, 49, 238, 344, 356, 385, 387, 392, 405, 423; Болгарская интеллигенція, 441.
Бонифацій, 234.
Боппъ, 141, 161.
Бордосскій соборъ, 191.
Бородино, 508, 509.
Боснія, 41, 346, 379, 387, 388, 424.
Босняки, 49.
Босфоръ, 333, 337, 356, 399, 401, 416, 424; Босфорская столица, 400, 402; Босфорское царство, 364.
Брабантъ, 493.

Брайтъ, 256.
Брамапутра, 458.
Бранденбургъ, 359, 479, 480.
Бранибор, 479.
Брауншвейгъ, 422.
Британскія колоніи, 448.
Британское государство, 21, 446.
Британцы 96, 274.
Бруно Бауеръ, 315.
Буковина, 424, 442.
Букстонъ, 197.
Булгарія, 41, 130, 424, 439—441.
Булгары, 133.
Бурбоны, 46.
Бугундское государ., 242.
Бургунды, 230.
Бурятская орда, 403.
Бухара, 433.
Бухарестскій миръ, 353.
Бѣлое море, 484.
Бѣломорскій заливъ, 413.
Бѣлоруссія, 403.
Бѣлорусское племя, 446.
Бѣлоруссы, 147.
Бѣлостоцкая область, 28, 29, 320.
Бѣлинскій, 119.
Бюхнеръ, 234, 315.

Вавилонъ, 71, 84, 97, 100, 117, 118, 356, 399, 518; Вавилоняне, 518; Вавилонская культура, 478, 516.
Валахія, 41, 43, 320, 350, 424, 440, 487.
Валдайскія горы, 57.
Валентиніанъ, 232.
Валленштейнъ, 66.
Валлисъ, 446; Валлисское княжество, 24, 344.
Вальденцы, 196.
Вальтеръ Скотъ, 147.
Вандалы, 230.
Вандименова земля, 458.
Варшава, 34.
Варшавское герцогство, 28, 29, 41, 360.
Варѳоломеевская ночь 196, 199.
Варяги, 206, 274, 275, 276, 281.
Васильевскій островъ, 73.
Ватерлоо, 506.
Вашингтонъ, 318.
Веберъ, 185.
Везеръ 479.
Велепольскій, маркизъ, 34.
Великій Курфюрстъ, 529.
Великій океанъ, 492.
Великоруссы, 147; Великорусское племя, 446; Великорусскій духовный складъ, 555.
Велисарій, 180.
Венгрія, 348, 373, 377, 392, 423, 424, 429, 442, 445; Венгерской короны земли, 403; Венгерское королевство, 209, 378, 391.
Венгры, 339.
Венеція, 9, 23, 263, 272, 342, 367, 400, 407, 412, 445, 456, 529; Венеціанцы, 9; Венеціанское королевство, 9; Венеціанская республика, 209, 360.
Венцель, 154.
Вердюнскій договоръ, 242.
Вернеръ, 159, 160, 162.
Вестфальскій конгрессъ, 268, Вестфальскій миръ, 13, 456.
Вестъ-Готское государство, 242.
Весь, 22, 64, 239.
Византійская имперія, 75, 232, 332, 419; Византія, 76, 174, 181, 231, 333, 339, 343, 345, 351, 401, 438, 455, 479, 525, 529.
Викрамадитьи, царь, 181.
Викторъ Эммануилъ, 7, 332.
Виленскій университетъ, 444.
Вилоуби, 64.
Вильберфорсъ, 197.
Вильгельмъ-Завоеватель, 262, 275.
Вильна, 30.
Вильсонъ, 160.
Виртембергъ, 66.
Висла, 57.
Витикиндъ, 372, 373,
Виѳлеемскій храмъ, 10.
Віотія, 519.
Владиміръ, Вел. Князь, 201, 204, 205, 274, 405.
Владиславъ королевичъ, 210.
Вогезская граница, 482.
Вогуличи, 64, 239.
Воеводство (Венгер. госуд.), 391.
Военная граница, 391, 424.
Волга, 22, 57, 64, 399, 490.
Вольтеръ, 258, 448.
Вольфъ, 161.
Волынь, 403, 484.
Востокъ, 62, 63, 71, 72, 75—77, 86, 98, 99, 174, 191 – 193, 195, 332, 340, 342 — 344, 348, 349, 354, 369, 387, 416, 437, 455, 463, 471, 472, 485, 489, 492, 495, 498.
Восточная война, 306, 321—323, 434, 435, 462, 492, 494, 499, 511.
Восточная имперія, 349, 402, 403.
Восточный (Великій) океанъ, 413.
Вулканъ, 160.
Вѣна, 361.
Выборгская сторона, 73.
Вятичи, 63.

Вячеславъ, чешскій, сынъ Альберта, 357, 358.
Вячеславъ, сынъ Карла IV, 359.

Габсбурги, 357, 358, 360, 369, 378, 384, 457, 484; ихъ короны, 404; Габсбургскій домъ, 494, 495, 542.
Гагаринъ (іезуитъ), 430.
Галилей, 181, 266.
Галиполи, 424.
Галичъ, 30, 33, 403; Галичане, 391, 392; Галицкая область, 349.
Галиція, 34, 35, 41, 271, 320, 358, 359, 360, 379, 423, 469, 484.
Галлія, 101, 192.
Галлы, 96, 244.
Ганджинское ханство, 36.
Ганка, 443.
Гарденбергъ, 34.
Гарибальди, 7, 313, 389, 459, 482.
Гаронна, 22.
Гаусъ, 141.
Гаюи, 159.
Гегель, 129, 165.
Гезіодъ, 520.
Геллеспонтъ, 356, 401, 490.
Гельвецій, 537.
Ге-Люссакъ, 154.
Генрихи, императоры, 257.
Генрихъ VII Люксенбургскій, 358.
Генрихъ VIII, 195, 216, 234.
Генуя, 263, 342, 456.
Георгій побѣдоносецъ, 293.
Гераклиды, 117.
Гервинусъ, 46, 343.
Германія, 1, 3—6, 9, 19, 20, 33, 38—40, 42, 47—49, 52, 62, 66, 106, 107, 109, 110, 120, 130, 141, 182, 196, 230, 236, 241, 252, 257—259, 266, 269, 270, 276, 315, 320, 322, 332, 343, 344, 353, 354, 359—364, 366—369, 373, 379, 384—386, 389—391, 414, 426, 434, 435, 448, 452, 454, 455, 457, 458, 461, 479, 480, 484, 485, 494, 496—498, 503.
Германо-римская имперія, 39.
Германо-Романскіе народы, 523; Германо-Романскій культурно-историческій типъ, 524, 525; Германо-Романскій міръ, 513.
Германо-Романско-Европейскій міръ, 435.
Германскій союзъ, 3, 4, 5, 8, 9, 26, 236, 361, 422, 466, 467.
Германская имперія, 339, 345, 360, 421, 456, 494, 528; Германская независимость, 496; Германскіе народы, 329; Германскія государства, 494; Германское единство, 498; Германское племя, 461; Германство, 442, 498.
Германцы, 51, 52, 109, 117, 248, 333.
Геродотъ, 59.
Герулы, 402.
Герцеговина, 41, 346, 379, 387, 388, 424.
Герцъ, 424.
Гете, 348, 476.
Гибралтаръ, 38.
Гималай, 57.
Гиппархъ, 149, 150, 152, 153, 158, 162.
Гиппократъ, 59.
Гладстонъ, 482.
Глинка, 554.
Глогау, 362.
Гоббесъ, 147.
Гогенцолерны, 359.
Гогенштауфенскій домъ, 360.
Гоголь, 188, 548, 549, 551.
Годуновъ, 36, 279.
Голландія, 13, 23, 38, 106, 262, 262, 412, 449, 456, 457, 461, 482, 484, 485; Голландская народность, 455; Голландская провинція, 493; Голландцы, 23, 241, 447, 451, 501.
Голштейнъ, 3 — 5, 7, 8, 51, 414; Голштинцы, 8; Голштейнскій каналъ, 414.
Гольбахъ, 537.
Гомеръ, 59, 115, 129, 136, 354.
Горацій, 101.
Гостомыслъ, 203.
Готтентоты, 186, 188.
Готы, 102, 242, 402, 479.
Градиска, 424.
Гракхи, 84, 180.
Грановскій, 119, 322, 429, 430.
Граціанъ императоръ, 228.
Греки, 24, 46, 58, 59, 74, 75, 83, 96, 98—100, 103, 108, 109, 110, 115, 123, 129, 136, 144, 145, 152, 179, 186, 197, 199, 238, 240, 245, 273, 277, 291, 292, 297, 320, 328, 329, 331, 336, 343, 346, 352, 356, 364, 368, 380, 387, 392, 395, 396, 398, 401—405, 419, 438, 439, 447, 501, 510, 519—522, 525, 531.
Греко-Македонское государство, 332; Греко-Македонское вліяніе, 479.
Гренландія, 21, 448; Гренландцы, 186.
Греція, 48, 59, 83, 84, 85, 86, 98, 99, 100, 104, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 117, 118, 136, 174, 176, 180, 181, 182, 203, 251, 327, 331, 332, 333, 338, 341, 354, 356, 367, 368, 369, 405, 406, 408, 409, 417, 420, 434, 438, 439, 440, 466, 478, 480, 519, 522.

Греческая земля, 317; Греческая культурная дѣятельность, 522; Греческій культурно-историческій типъ, 525; Греческій народъ, 331, 333, 338; Греческое возстаніе, 354.
Григорій VII, 223, 263.
Гриммъ, 141, 161.
Грузины, 22, 298; Грузинское племя, 446.
Грузія, 299.
Гуанхи, 226.
Гукслей, 315.
Гуттонъ, 160.
Гумбольдтъ, 74, 92.
Гумбольдтъ (Вильгельмъ), 141, 145.
Гунны, 93, 329.
Гуситское движеніе, 273; Гуситская борьба, 339; Гуситство, 542.
Гусъ, 132, 187, 200, 359, 529.
Гэльскіе народы, 433.
Гюго, 417.
Гюитонъ де Морво, 154.
Гюйгенсъ, 156.

Давидъ, скульпторъ, 417.
Давыдовъ, Денисъ, 413.
Даламбертъ, 141.
Далмація, 360, 424.
Дальтонъ, 154.
Дамаскъ, 342.
Данія, 1—10, 14, 18, 19 23, 433, 496.
Дантъ, 258.
Данцигъ, 362.
Дарвинъ, 147; его ученіе, 315.
Дарданелы, 17, 416, 424.
Дарданиды, 58.
Дарій, 118.
Дармштадтъ, 492.
Дарья (рѣка), 413.
Двина Западная, 22, 57, 340.
Двина Сѣверная, 22.
Девкаліониды, 58.
Д'Егриньи, 388.
Декартъ, 141, 181.
Демосѳенъ, 136, 332, 519.
Дерптско-Германскій университетъ, 444.
Дессаускій герцогъ, 507.
Джеферсонъ, 216, 228, 318.
Джуль, 157.
Дидеротъ, 537.
Діоклетіанъ, 231.
Діоскоридъ, 336.
Днѣпръ, 22, 29, 57, 319, 340, 343, 399
Днѣстръ, 57, 511.
Доброй Надежды мысъ, 38, 55, 56.
Добролюбовъ, 429.
Добруджа, 424.
Донъ, 22, 57, 64, 343, 399.
Дорпатъ, 26.
Драва, 424.
Древляне, 63.
Дунай, 17, 62, 332, 339, 340, 387, 399, 400, 419, 479.
Дунайская дельта, 424; дунайскія княжества, 17, 351, 388.
Духинскій, 187.
Дюбуа де Моннере, 58.
Дюлонгъ, 154.
Дюма, 155.

Евреи, 112, 116, 117, 123, 186, 239, 240, 518.
Еврейскій народъ, 518; еврейская цивилизація, 518; еврейская религіозная дѣятельность, 522.
Европейцы, 65.
Египетъ, 59, 73, 76, 83—85, 97—99, 104, 133, 158, 245, 246, 340, 356, 364, 403, 478, 482, 491, 493; египетское царство, 464; египетское государство, 517; египетская культура, 516, 517.
Египтяне, 83, 152, 518.
Ездра, 112.
Екатерина Медичисъ, 196.
Екатерина II, 30, 32, 34, 39, 44, 287, 319, 348, 349, 350, 352, 365, 368, 371, 406, 433, 460, 479, 482, 486.
Екатеринбургъ, 57.
Елизавета, императрица, 39, 201, 364, 365, 433.
Енисей, 22.
Ермоловъ, 368.
Ефратскія страны, 82, 98.
Ефремъ Сиринъ, 341.

Жераръ, 155.
Жеромъ, 40.
Жижка, 132, 200, 359.
Жоффруа Сентъ-Илеръ, 138, 139.
Жюссье, 80, 87, 158, 166, 450.

Закавказье, 38. 55, 484.
Зальцбургъ, 13; зальцбургскій епископъ, 339; зальцбургскія горы, 363.
Западная Имперія, 402.
Западный океанъ, 398.
Западъ, 71, 72, 75—77, 99, 120, 174, 175, 191—193, 195, 334, 338, 348, 349, 406, 420, 445, 472, 530, 555.
Золотой Рогъ, 399, 401.
Зороастръ, 227, 520.
Зыряне, 22, 64, 239.

Ивановъ (художникъ), 291, 551, 552, 553, 554.
Израиль, 117, 525.
Илія, 552, 554.
Иллирія, 230, 332.
Ингерманландія, 26.
Индійцы, 145, 186, 226; индійское государство, 517; индійская культура, 516, 517.
Индія, 38, 50, 57, 63, 76, 82 — 85, 97, 99, 111, 117, 123, 174, 176, 181, 226, 261, 329, 342, 356, 384, 400, 446, 490, 491, 492, 517.
Индъ, 332, 343, 403, 458.
Индѣйскій океанъ, 403, 439, 492; индѣйскій полуостровъ, 458, 463; индѣйскія владѣнія, 490.
Инкерманъ, 499.
Ираклій, 232.
Иранцы, 186; иранская культура, 516.
Иранъ, 84, 97, 98, 117, 118, 174.
Ирина, 232.
Ирландія, 49, 445; ирландское населеніе, 446.
Исаакіевскій соборъ, 553.
Испанія, 20, 24, 38, 40, 46, 55, 65, 130, 131, 192, 197, 230, 239, 258, 262, 267, 337, 369, 372, 403, 447, 449, 451, 452, 455, 457, 461, 479, 480, 503.
Испанцы, 226, 241, 383; испанская народность, 241; испанскія волненія, 434.
Истрія, 424.
Италія, 7, 9, 23, 38, 46, 55, 62, 69, 99, 102, 103, 107, 110, 192, 197, 230, 254, 257, 258, 268, 270—272, 293, 332, 353, 366—370, 373, 379, 384, 389, 400, 402, 407, 417, 449, 452, 455—461, 479, 480, 484, 485, 504.
Итальянская война, 434; итальянская народность, 241; итальянскія волненія, 434; итальянское королевство, 7, 49.
Итальянцы, 8, 9, 24, 238, 373, 374, 391, 403, 482, 524, 547.

Іаковъ, апостолъ, 216.
Іегова, 518.
Іезуиты, 51, 221, 222.
Іерусалимъ, 11, 219, 343, 344, 398, 552 553, 556.
Іисусъ Навинъ, 261.
Іисусъ Христосъ, 215, 216, 218, 220, 222, 223, 265, 341.
Іоанна д'Аркъ, 383.
Іоаннъ Богемскій, 358.
Іоаннъ Грозный, 36, 209.
Іоаннъ евангелистъ, 216, 220, 221, 553.
Іоаннъ Златоустъ, 180.
Іоаннъ Креститель, 551, 553.
Іоаннъ Непомукъ, 359.
Іоаннъ, герцогъ Тирольскій, 358.
Іоаннъ (сынъ Карла IV), 359.
Іоаннъ (сынъ Генриха VII Люксенб.), 358.
Іоанны, 348, 406.
Іоаннъ III, 188.
Іорданъ, 553.
Іосифъ императоръ, 349, 366.
Іудеи, 35, 356.

Кавеньякъ, 271.
Кавказъ, 36, 37, 52, 57, 58, 62, 231, 400, 403, 447, 499; Кавказскій горный хребетъ, 38.
Кавуръ, 7, 223, 313, 389, 459, 461.
Каиръ, 342.
Калигула, 290.
Калидаса, 181.
Калифорнія, 228.
Калмыцкая орда, 403.
Кальвинъ, 196, 216, 234, 526.
Кальдеронъ, 258.
Калькутта, 99.
Камперъ, 186.
Кампоформійскій миръ, 360.
Канада, 21, 38, 65, 446.
Канарскіе острова, 226.
Кандія, 412; кандіоты, 504.
Канова, 114.
Кантъ, 114.
Капетинги, 257, 455.
Каподистріа, 48.
Каринтія, 358, 424.
Карловинги, 257, 455.
Карлсбадъ, 359.
Карлъ Великій, 60, 85, 89, 116, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 204, 242, 252, 257, 263, 264, 265, 267, 333, 334, 338, 348, 349, 371, 372, 451, 456; Карлова монархія, 89, 356.
Карлъ II, 258.
Карлъ IV, 358.
Карлъ V, 20, 265, 369, 456, 458.
Карлъ VI, 363, 365.
Карлъ VII, 360.
Карлъ XII, 505, 506, 509.
Карпаты, 479.
Карѳагенъ, 71, 197, 284, 328, 372, 399, 412; карѳагеняне, 97, 103.
Каспій, 398, 403; Каспійское море, 413, 490.
Катонъ, 84, 99.
Кауницъ, 369.
Кафры, 186, 188.
Кацбахъ, 362.

Кельты, 24, 96, 97, 130, 186, 241; кельтское государство, 38.
Кеплеръ, 137, 149, 151, 152, 162, 166, 181; Кеплеровы законы, 80.
Керченская бухта, 416.
Кильская бухта, 5.
Кимвры, 254.
Кинглекъ, 306.
Кипріанъ Карѳагенскій, 341.
Кипръ, 424.
Киргизы, 37.
Кириллъ Александрійскій, 341.
Кириллъ Св., 195, 338, 526, 540.
Киръ, 35, 118.
Кирѣевскій, 174, 182.
Китай, 50, 63, 73, 75, 76, 82, 84, 97, 102, 111, 123, 174, 199, 226, 251, 273, 329, 341, 342, 436, 458, 462, 464, 517.
Китайцы, 74, 83, 97, 186, 188, 226; китайская культура, 516; китайская стѣна, 480.
Кіевъ, 29, 30, 275, 403, 484, 556.
Клермонтъ, 257.
Клеро, 141.
Климентъ св., 220, 221.
Ковенская губ., 484.
Коканъ, 37, 433.
Колизей, 101.
Коломна, 73.
Колумбъ, 456.
Коляръ, 443.
Константинополь, 43, 266, 336, 337, 397 — 403, 406 — 411, 416 — 419, 438, 449, 471, 489, 490, 493.
Константинъ, императоръ, 84, 230, 333, 338, 348, 371, 406; его царство, 419.
Константинъ Копронимъ, 232.
Константинъ Павловичъ, Вел. Князь, 34.
Констанцій, 231, 232.
Констанцкій соборъ, 196, 359.
Коперникъ, 80, 137, 149, 150, 151, 152, 154, 158, 162, 187, 428, 548.
Копты, 186.
Кореджіо, 181.
Корелы, 239.
Коринѳскій перешеекъ, 519.
Корсика, 38, 270.
Косово поле, 345.
Кострома, 290,
Костюшко, 428.
Коцебу, 47, 48.
Коши, 141.
Крайна, герцогство, 424.
Краковъ, 426, 434.
Красная площадь, 290.
Красное море, 416, 439, 492.
Креси (гор.), 358.
Критъ, 268, 424.
Кроншлотъ, 413.
Кронштадтъ, 413.
Крымъ, 410, 484, 499; Крымскій полуостровъ, 36, 38, 55, 56; Крымская война, 306, 353, 355, 513.
Ксерксъ, 519.
Кубанское ханство, 36.
Кубань, 58, 319, 343.
Куза, 396.
Кульмъ, 362.
Кунерсдорфъ, 506, 507.
Курляндія, 365.
Куролесовъ, 281.
Кутузовъ, 20, 42.
Кучукъ-Кайнарджинскій миръ, 2, 353.
Кювье, 80, 87, 114, 138, 149, 158.
Кюстринъ, 362.

Лаба, рѣка, 340.
Лавуазье, 154, 155, 266.
Лагранжъ, 141.
Лазаревъ, 290.
Лазарь князь (его видѣніе), 345.
Лай, 372.
Ламартинъ, 271.
Ламетри, 537.
Лапландцы, 186; Лапландія, 484.
Лапласъ, 114, 141.
Лассенъ, 141.
Латамъ, 186.
Латинская раса, 522.
Латыши, 26, 27, 196, 204, 279, 319, 405.
Лаціумъ, 521.
Леверье, 141.
Левъ Исаврянинъ, 232.
Левъ III, 194, 195.
Ледовитый океанъ, 395, 413.
Ледрю-Ролленъ, 271.
Лежандръ, 141.
Лейбницъ, 141.
Лейнингенъ, 43.
Лейпцигъ, 362.
Лена р., 22.
Леру, 123.
Лессепсъ, 491.
Либерій папа, 231.
Либихъ, 74, 155.
Ливонскіе рыцари, 405.
Ликургъ, 136.
Лимбургъ, 8, 493.
Линкольнъ, 271, 318.
Линней, 80, 157, 158, 159, 160, 162.
Линъ, 218, 220, 221.
Липпе, 421.
Липпе-Детмольдъ, 8.
Литва, 29, 186, 196, 357, 479.
Лоара, 22.

Локкъ, 99.
Ломбардія, 360, 367, 479.
Ломбарды, 193.
Ломоносовъ, 188.
Лонгобардское государство, 242.
Лонгобарды, 402.
Лондонскій трактатъ 1.
Лондонъ, 6, 141.
Лоранъ, 155.
Лотарингія, 38, 361, 484.
Люблинская унія, 29.
Людовикъ Бранденбургскій, 358.
Людовикъ святой, 495.
Людовикъ IV, Баварскій, 358.
Людовикъ XI, 84, 456.
Людовикъ XII, 456.
Людовикъ XIV, 20, 116, 258, 265, 266 289, 361, 412, 457, 544.
Людовикъ XV, 258, 457, 537.
Люксенбургъ, 8, 493; Люксенбургскій вопросъ, 434.
Лютеръ, 216, 234, 526.
Люценъ, 362.

Мавры, 455, 456, 479.
Магницкій 48.
Магометанство, 340, 345, 401, 451, 520.
Магометанскій востокъ, 400.
Магометъ, 342, 345.
Мадагаскаръ, 56.
Мадзинисты, 51.
Мадьяроны, 388.
Мадьярскій народъ, 347, 366; Мадьярскій элементъ, 447; Мадьярское королевство, 424; Мадьярское племя, 424.
Мадьяры, 8, 62. 209, 238, 339, 373, 376—381, 383, 385, 389, 391—393, 395, 396, 403, 423, 495.
Майеръ, 157.
Македонія, 332, 403, 424, 436, 466, 478, 480.
Македонская война, 180; Македонское царство, 464.
Македоняне, 98, 118, 402.
Маколей, 148, 177, 256, 261.
Максимиліанъ императоръ, 84.
Максъ-Мюллеръ, 141.
Максъ-Штирнеръ, 315.
Малайцы, 186, 188.
Малая Азія, 55, 98, 330, 332, 340, 400, 424.
Малороссія, 29, 352, 530; Малоруссы, 147; Малорусское племя, 446.
Мальта, 416.
Малюсъ, 156.
Манычъ, 57.
Мараѳонское поле, 519.
Маргарита Карманоротая, 358.
Марій, 254.
Марія, египетская блудница, 203.
Марія Терезія, 366, 383, 494.
Марошъ (рѣка), 424.
Мартинъ Турскій, 191.
Медвѣдица, 169.
Меллони, 157.
Мемфисъ, 71, 399.
Меотійское море, 58.
Мери, 64.
Меровей, 242.
Меровинги, 242.
Меря, 22, 64.
Месопотамская равнина, 343.
Меттернихъ, 45, 46, 48, 320, 366, 367, 368, 369, 370, 372—375.
Мехиканская экспедиція, 460.
Меченосцы, 22, 196, 204.
Меѳодій Св., 195, 338, 339, 526, 540.
Мидія, 478, 480.
Мизія, 332.
Микель-Анжело, 181.
Мильтіадъ, 405.
Мильтонъ, 258.
Минерва, 75.
Мининъ, 206, 210, 278, 284, 289, 323.
Минскъ, 30.
Мирабо, 537.
Миссисипи, 64.
Митридатъ, 372, 373.
Митшерлихъ, 159.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, 290.
Мицкевичъ, 188, 428, 554.
Моасъ, 22.
Моисей, 554.
Молдава р., 359.
Молдавія, 41, 43, 320, 350, 424, 440, 487.
Молдаво-Валахи, 396.
Молешоттъ, 315.
Монголы, 93, 118, 186, 188, 189, 436; Монгольская орда, 403.
Монжъ, 141.
Мономахъ, 201.
Монроэ, 318.
Монтекукули, 500.
Моосъ, 159.
Моравія, 339, 357, 359, 377, 391, 423; Моравское государство, 195, 529.
Моравы, 390.
Мордва, 22, 64, 239, 299.
Морея, 402.
Москва, 27, 28. 36, 64, 277, 290, 348, 383, 417, 419, 470, 479, 480, 509, 556.
Московское государство, 544.
Московско-Смоленская ж. д. 499.
Мраморное море, 424.
Мстиславы, 405.

Муравьевъ, 427.
Мюллеръ, 177.
Мюльбергъ, 358.
Мюратъ Іосифъ, 40.

Наваринская битва, 354.
Наполеонъ I, 68, 114, 116, 236, 258, 267, 271, 290, 319, 320, 361, 366, 367, 369, 383, 412, 435, 458, 459, 482, 487, 488, 491, 494, 505, 506, 508, 509, 550.
Наполеонъ III, 9, 10, 19, 20, 28, 33, 40, 41, 42, 45, 259, 269, 387, 458—460, 482, 488.
Наполеоновская династія, 19.
Нарва, 26, 511.
Неаполитанское королевство, 7.
Неаполь, 46, 368.
Нева, 22, 57, 64.
Негры, 186, 188, 189, 197 — 199.
Нельсонъ, 491.
Неронъ, 231.
Нидерланды, 38, 456, 458.
Никео-Цареградскій символъ, 194.
Николаевъ, 416, 489.
Николай, императоръ, 43, 351.
Николай I, папа, 195.
Нилъ, 556.
Нинивія, 399.
Ницца, 38, 270, 459.
Ништадтскій миръ, 25, 507.
Новая Голландія, 21, 55, 188.
Новая Зеландія, 186, 458.
Новгородъ, 27, 275, 400.
Новороссійскія степи, 4, 89.
Новый Свѣтъ, 462.
Норвегія, 3, 26.
Норманны, 275.
Нумидяне, 97, 186; Нумидійскія степи, 343.
Ньютонъ, 99, 137, 149, 151, 152, 156, 157, 162, 266.
Нѣмецкая народность, 241; нѣмецкій народъ, 466; нѣмецкія земли, 442.
Нѣмцы, 4, 8, 50, 52, 62, 109, 129, 141, 163—166, 185, 186, 236, 238, 241, 260, 359, 360, 362, 373, 376—382, 384—386, 389—392, 426—428, 442, 482, 484, 495, 498, 510, 524; нѣмцы австрійскіе, 381.

Объ, 22, 57.
Овидій, 132.
Огненная земля, 448.
Одесса, 489.
Окенъ, 138, 165.
Ольденбургъ, 40, 41, 320, 422.
Оригенъ, 341.
Османы, 343, 345.
Остзейскія провинціи, 26.
Остроградскій, 548.
Остъ-Готское государ., 242.
Остъ-Индскія владѣнія, 491.
Остяки, 239.
Отокаръ, чешскій король, 357.
Оттоманская имперія, 402.
Оттоны, 257, 455.

Павелъ, апостолъ, 216, 218.
Павелъ Императоръ, 39, 287, 433, 487.
Палацкій, чешскій историкъ, 362, 382, 395.
Палеологи, 404.
Палестина, 455.
Паннонія, 339.
Пантеонъ, 101.
Пантикапейскія древности, 364.
Папская область, 7.
Папуасы, 186.
Парижскій конгрессъ, 346; Парижскій миръ, 43, 321.
Парижъ, 254.
Пареяне, 98, 329, 478, 480; Пареянское царство, 82, 98, 329.
Пасавскій епископъ, 339.
Пасифико, 439.
Паскаль, 141.
Паткуль, 27.
Пелопонезъ, 478; Пелопонезцы, 519; Пелопонезская война, 180.
Первый консулъ, 487.
Пергамъ, 245.
Перекопскій перешеекъ, 55.
Периклъ, 84, 136, 179, 180, 289, 291.
Персидская монархія, 346, 479, 480.
Персія, 36, 62, 111, 226, 295, 329, 356, 400, 433, 484, 490; Персіяне, 36, 109, 226, 295.
Персы, 328, 329, 330, 331, 332, 341, 478, 480, 501, 519.
Перуанцы, 186.
Петербургская сторона, 73.
Петербургъ, 73, 400, 413, 417, 418, 470.
Пети, 154.
Петри, 123.
Петръ Аміенскій, 257.
Петръ апостолъ, 218 — 220.
Петръ I, 39, 66, 119, 132, 188, 200, 201, 210, 279, 280, 285, 286, 287, 348, 364, 371, 272, 406, 417, 479, 506, 544.
Петръ III-й, 287, 433, 535.
Пикты, 274.
Пилатъ, 222.
Пименовъ, 553.
Пиндаръ, 136.

Пиренеи, 231, 344, 372, 452.
Пироговъ, 548.
Писаревъ, 429.
Пиѳагоръ, 99.
Піемонтъ, 268, 368, 479, 480.
Пій IX, 222, 223.
Платонъ, 99, 114, 136, 180, 354.
Плиній, 336.
Погодинъ, 443.
Подибрадъ, 529.
Поднѣпровье, 479.
Подолія, 30, 403, 484.
Пожарскій, 210.
Познань, 35; Познанская провинція, 28; Познанское герцогство, 29.
Полинезія, 316; Полинезійцы, 186, 188.
Полоцкъ, 30; Полоцкіе князья, 26.
Польское царство, 28, 29, 34, 35, 278, 279, 360, 426; Польскій вопросъ, 425; Польскій мятежъ, 494; Польскій народъ, 425, 505; Польскій элементъ, 447; Польское государство, 426, 428; Польское королевство, 12, 34, 41.
Польша, 6, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 38, 42, 45, 49, 131, 209, 237, 240, 271, 339, 344, 347, 348, 353, 354, 389, 410, 425—427, 429, 431, 433, 442—445, 448, 452, 463, 484—486, 491, 495, 511, 512, 530, 538.
Полѣсье, 410.
Поляки, 22, 26, 28, 34, 35, 57, 131, 132, 133, 187, 200, 206, 240, 278, 347, 379, 381, 383, 391, 392, 403, 425, 426, 428, 429, 430, 431, 443, 444, 447, 448, 494, 510, 554.
Поляне, 63.
Померанія, 26.
Поморье, 295.
Понтъ, 364, 398, 401, 403.
Португалія, 197, 337, 369, 449, 461.
Португальцы, 266.
Потемкинъ Таврическій, 348.
Поти, 398.
Потта, 141.
Прага, 359.
Прагматическая санкція, 365.
Пракситель, 114, 136.
Прибалтійскій край, 27, 484.
Припеть, 410.
Прискилліанъ, 191, 192.
Пропонтида, 356, 401.
Пруссаки, 362, 484, 506, 507, 508, 509.
Пруссія, 1, 3, 5—10, 12, 18, 19, 23, 26, 29—31, 33, 35, 39, 42, 45, 240, 244, 332, 353, 359, 363, 364, 367, 368, 370, 406, 410, 414, 422, 426, 435, 439, 457, 466, 480, 484—487, 493—498, 503, 529.
Прусская гегемонія, 461; Прусское единство, 496; Прусское королевство, 461, 479, 480; Прусская монархія, 479; Прусское преобладаніе, 496.
Прустъ, 154.
Псковъ, 27.
Птоломеи, 98, 99, 151, 154, 158, 162, 333.
Пуассонъ, 141.
Пугачевскій бунтъ, 534.
Пуническая война, 180.
Пуритане, 261.
Пуркинье, 548.
Пушкинъ, 145, 188, 422, 549.

Радомичи, 63.
Рамзесъ, 84.
Растопчинъ, 433.
Рафаэль, 181, 552.
Редклифъ, лордъ, 18.
Рейнъ, 68, 361, 400, 484, 485 492; рейнская граница, 318, 482; рейнскій союзъ, 236.
Рейсъ, 421.
Рейсъ-Грейцъ, 49.
Рейхенбахъ, 165.
Ренанъ, 217.
Реомюръ, 334.
Ретійцы, 186.
Ретціусъ, 185.
Римляне, 59, 71, 75, 99 — 101, 109, 186, 273, 328, 402, 405, 448, 464, 479, 501, 520, 521, 522.
Римская Восточная Имперія, 348, 402, 406, 416, 439; Римская Западная Имперія, 348, 356, 455, 523.
Римская Имперія, 60, 68, 82, 83, 89, 93, 102, 191, 204, 236, 241, 242 252, 329; римское государство, 402, 522; римскій міръ, 540; римскій народъ, 331; римскій, типъ, 130.,
Римъ, 51, 52, 71, 83—86, 88, 90, 100 101, 104, 109, 111, 116 — 118, 123, 135, 136, 174, 176, 180, 181, 182, 192, 203, 234, 245, 251, 255, 284, 293, 328, 329, 332, 333, 338, 340, 356, 372, 399, 403, 412, 417, 436, 464, 478, 506, 521, 522, 531, 557.
Ришелье, 84.
Роденъ, 388, 389.
Родосъ, 424.
Розе, 159.
Розенгеймъ, 531.
Рокитанскій, 548.
Рона, 22.
Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, 536.
Ростовъ, 205, 489.

Роттекъ, 44.
Рудольфъ Габсбургскій, 84, 357.
Румилія, 424.
Румунія, 424, 440.
Румунскія княжества, 385, 484; румынское королевство, 424; румынское государство, 441.
Румуны, Румыны, 8, 238, 356, 376, 380, 385—387, 392, 395, 396, 403, 442.
Румфордъ, 157.
Рупрехтъ Пфальцскій, 359.
Русско-турецкая война, 269.
Руссо, 145.
Русь-Москва, 532.
Рѣчь Посполитая, 426.
Рюрикъ, 274.

Савоія, 270, 271, 459.
Сагарская степь, 56.
Садовая, 496.
Саксенъ-Альтенбургъ, 8.
Саксонія, 8, 28, 422, 433; саксонскій домъ, 360.
Саксонцы, 204.
Саксы, 275.
Салтыковъ, 507, 508.
Самаркандъ, 37.
Самоѣды, 239.
Самуилъ, 112.
Санхо, 549.
Сарагосскій соборъ, 191.
Сардинія, 2, 18, 46, 368, 499; сардинское королевство, 461.
Сарпа, рѣка, 57.
Сассаниды, 479; сассанидское царство, 82, 98.
Сахара, 328.
Свевское государство, 242.
Святая земля, 346.
Святополкъ Моравскій, 339.
Святославъ, 35.
Святыя мѣста, 10.
Священная римская имперія, 26, 377, 390.
Священный союзъ, 32, 45, 369, 434, 459.
Севастополь, 290; севастопольская бухта, 416; севастопольская желѣзная дорога, 499.
Семилѣтняя война, 262, 496, 506.
Семиты, 186; семитическое племя, 327.
Сена, 22.
Сен-Симонъ, 148, 305.
Сербія, 130, 209, 268, 320, 373, 384, 389, 424, 440, 441, 538; Сербія старая, 424.
Сербо - Хорвато - Словенское королевство, 423.
Сербо и Черногорско-Турецкая война, 269.
Сербская война, 353; сербскій народъ, 442; сербское воеводство, 424; сербское государство, 41; сербское княжество, 424.
Сербы, 24, 49, 133, 238, 344, 345, 356, 368, 373, 384, 385, 386, 387, 391, 392, 403, 405, 422, 554.
Сервантесъ, 258, 548.
Сибирь, 21, 38, 52, 57, 446, 531.
Сигизмундъ (сынъ Карла IV), 359, 360.
Сидней Смитъ, 491.
Силезія, 358, 359, 360, 366, 377, 426, 484.
Синай, 325.
Синдика, 58.
Синопское сраженіе, 17.
Сиріусъ, 168.
Сирія, 98, 332, 340, 364, 403, 493; сирійское царство, 464.
Сицилія, 99, 103, 197.
Скандинавія, 384; скандинавскія государства, 449, 456, 461.
Скиѳы, 98, 328.
Скотты, 274.
Славонія, 391, 424.
Славяне, 8, 48, 50, 51, 130, 174, 185, 186, 187, 189, 195, 199, 200, 239, 241, 248, 270, 273—275, 277, 297, 318, 332, 333, 338, 339, 344—347, 351, 352, 354, 360, 361, 362, 364—366, 374, 376, 383, 385—387, 389, 390, 393—396, 401, 402, 405, 420, 422, 428, 432, 439, 443, 447—449, 452, 469—472, 474, 480, 510, 525 526, 528—530, 538, 540, 542, 547, 554, 555.
Славяне австрійскіе, 380, 386, 421; славяне Балканскіе, 343; славяне Западные, 498; славяне Иллирійскіе, 338; славяне Крайны, 391; славяне Моравскіе, 339; славяне Полабскіе, 339; славяне Поморскіе, 339; славяне Паннонскіе, 339; славяне Турціи, 346, 366, 380, 386; славяне Штиріи, 391.
Славяно-Австрійскія земли, 485.
Славяно-греческій союзъ, 439.
Славянофилы, 288.
Славянская система государствъ, 449, 493; славянская земля, 317, 389, 470; славянская эра, 416.
Славянскіе народы, 130, 355, 469, 472, 513, 529, 538, 540, 548, 526, 528, 554; славянскіе вопросы, 424.
Славянскій культурный типъ, 512, 525, 528, 539, 554, 556; славянскій союзъ, 448, 449, 467.
Славянство, 50, 120, 129, 174, 274, 288, 297, 320, 327, 330, 343, 344, 347—351, 354—357, 359, 363, 379, 380,

386, 387, 389, 391, 393 — 395, 425, 427, 428, 431, 437, 441 — 443, 449, 463, 467 — 470, 482, 483, 495 — 498, 501, 512 — 515, 528, 529, 542, 556, 557.
Словаки, 133, 373, 379, 391, 392, 403, 423.
Словенцы, 133, 391, 423.
Смитъ Адамъ, 147.
Смоленско-брестская ж. дор., 499.
Смоленскъ, 29, 30, 403.
Соборъ св. Петра, 293.
Соединенные Штаты, 65, 228, 241, 242, 248, 271, 310, 318, 446, 543.
Соленое озеро, 228.
Солиманъ, 65, 84.
Соловьевъ, историкъ, 326, 327, 328, 346.
Соломонъ царь, 84.
Солонъ, 136.
Софія св., 418.
Софоклъ, 115, 129, 136, 137, 180, 291, 372.
Спарта, 51, 110, 130, 329, 330, 331, 346, 466, 519.
Средиземное море, 56, 58, 59, 60, 73, 101, 111, 263, 317, 369, 400, 401, 416, 439, 455, 456, 492, 493, 521.
Средняя Азія, 63.
Стамбулъ, 401.
Стенька Разинъ, 534.
Страбонъ, 58.
Суворовъ, 45, 188, 319, 350, 435; Суворовская Италіанская война, 434.
Суздаль, 480.
Сусанинъ, 290.
Суэзскій перешеекъ, 264, 400; Суэзскій каналъ, 416, 439, 491.
Сыръ-Дарья, 37, 403.
Сѣверная великая война, 433, 506,
Сѣверо-Американскіе штаты, 49, 460, 462, 463.
Сѣверо-германскій сеймъ, 270; Сѣверогерманскій союзъ, 496.
Сѣверо-западный край, 27, 28, 484.
Сю, Евгеній, 388.

Таганрогъ, 489.
Тайпинги, 273, 320.
Талейранъ, 369.
Талышенское ханство, 36.
Танаисъ, 58.
Таманскій полуостровъ, 58.
Тарнопольскій округъ, 34.
Татары, 22, 251, 276, 277, 534; Татарскія племена, 446.
Тацитъ, 101.
Тевтонскій орденъ, 196.
Тевтоны, 254.
Тенедосъ (остр.), 424.
Тибетцы, 226.
Тильзитскій миръ, 39 — 42, 273, 320.
Тироль, 358.
Тиръ, 71.
Тихій океанъ, 395.
Тихо-де-Браге, 157, 162.
Толстой, Л. Н., 508, 550.
Торвальдсенъ, 114.
Трансильванія, 424, 442.
Транслейтанія, 377.
Траянъ, 290.
Трибоніанъ, 180.
Трирскій соборъ, 191.
Тріэстскій округъ, 424.
Троянскій походъ, 459.
Тулонъ, 416.
Туранцы, 187, 327, 328.
Туранъ, 328.
Турецкая война, 350, 353, 355, 494, Турецкая имперія, 340, 407; Турецкія владѣнія, 367; Турецкое владычество, 346.
Туркестанъ, 329; Туркестанская область, 38.
Турки, 35, 36, 51, 93, 226, 317, 318, 336, 347, 348, 352, 354, 356, 360 — 362, 380, 381, 385, 387, 388, 401, 402, 405, 418, 456, 460, 504, 529.
Турція Европейская, 388, 400.
Турція, 2, 3, 10—15, 17, 18, 41, 43, 55, 62, 199, 200, 223, 226, 237, 238, 240, 251, 277, 329, 346—351, 355, 357, 362, 363, 367, 368, 380, 386, 388—390, 393, 394, 400, 408, 409, 419, 423, 447, 452, 470, 484—486, 489, 491, 493, 495, 499.
Тьеръ, 269.
Тюльери, 254.
Тюркскія племена, 186.

Угры, 339, 529.
Улиссъ, 549.
Ульфила, 540.
Уралъ, 57, 58; Уральскій хребетъ, 21, 56, 57.
Урбанъ II, 223, 234, 257.
Ута, 228.
Утрехтскій миръ, 457, 461.

Фальмерайеръ, 354.
Фанагорійскія древности, 364.
Фаредей, 157.
Фейербахъ, 315,
Фердинандъ II, 20.
Ферморъ, 507.
Фидій, 114, 115, 136, 180, 291.
Филиппъ Красивый, 84.
Филиппъ Македонскій, 109, 331, 332, 333, 338, 348, 406, 478, 519.

Филиппъ II, 20.
Финикія, 104, 117, 118, 478, 484.
Финикіяне, 97, 103, 292, 518.
Финляндія, 25, 26, 320, 443, 444, 448, 487,
Финское племя, 93, 186, 446.
Флорентинскій соборъ, 345, 346.
Флоренція, 358.
Фоги Императоръ, 84.
Фокіонъ, 109, 331, 520.
Фохтъ, 315.
Франки, 204, 275, 416.
Франклинъ, 99, 318.
Франконскій домъ, 360.
Франко-Польская симпатія, 494.
Франкское государст., 242.
Францискъ I, 456.
Франція, 2, 7, 11—14, 17, 19—24, 34, 38, 43, 45, 46, 52, 68, 69, 109, 110, 116, 120, 130, 141, 193, 230, 239, 256—260, 262, 263, 265, 269—271, 273—295, 305, 312, 314, 315, 319, 322, 329, 351, 360, 361, 364, 369, 370, 403, 406—408, 411, 414, 415, 429, 434, 448, 452, 454—458, 461, 482, 484—486, 492—499, 501, 503, 504, 511, 536, 537.
Французы, 109, 138, 163, 164, 166, 241, 259, 260, 361, 362, 383, 396, 452, 460, 482, 492, 494, 495, 507, 508, 509; Французская народность, 241.
Франшъ-Конте, 38, 361, 484.
Фрауэнгоферъ, 156.
Френель, 156.
Фридрихъ Великій, 361, 371, 460, 496, 505.
Фридрихъ Вильгельмъ, 13, 114.
Фридрихъ Красивый, 358.
Фридрихъ, Герм., Имп., Рыжебородый, 363.
Фридрихъ V, 359.
Фридрихъ VI, 359.
Фурье, 141.

Халдеи, 152.
Ханаанскіе народы, 518.
Хива, 433.
Хлодовикъ, 242, 256, 257.
Хмѣльницкій, 29, 284, 530.
Хомяковъ, 174, 183, 193, 213, 291, 300, 443, 551.
Хорватія, 391, 392, 424.
Хорваты, 133, 373, 391, 403, 423.
Хункіаръ-скелесскій договоръ, 354.

Царьградъ, 182, 318, 348, 401, 417, 419, 420, 424, 425, 474, 482, 556; Царьградскій округъ, 424.
Цвингли, 216, 234.
Цезарь, 104, 114, 290, 371, 372.
Цислейтанія, 358.
Цорндорфъ, 506, 507.
Цюлихау, 506.

Чаадаевъ, 67.
Чарторыйскіе, 30.
Ченслеръ, 64.
Черногорія, 49, 424.
Черное море, 56, 319, 401, 408, 411, 415, 416, 419, 439, 456, 498.
Черноморскій флотъ, 290.
Черемисы, 22, 64, 239.
Чехи, 131—133, 199, 238, 241, 339, 359, 373, 385, 390—392, 422, 426; Чешское племя, 442.
Чехія, 130, 209, 339, 357—360, 373, 379, 391, 423, 424, 542; Чешское королевство, 358, 359.
Чехо-Мораво-Словакское королевство, 423.
Чуваши, 239.
Чудское озеро, 26.
Чудь, 22.

Шафарикъ, 548.
Шведы, 22, 26, 362, 381, 443, 451, 484, 506, 509.
Швейцарія, 270, 466; Швейцарскіе кантоны, 236; Швейцарцы, 501.
Швеція, 3, 25, 26, 27, 56, 413, 433, 485, 487.
Шедо-Ферроти, 68, 70.
Шекинское ханство, 36.
Шекспиръ, 129, 137, 181, 258, 372, 549, 550.
Шиллеръ, 65, 549, 550.
Ширванское ханство, 36.
Шишковъ, 48.
Шлезвигъ, 4, 5, 7, 8, 51.
Шлезвигъ-Голштейнъ, 513; Шлезвигъ-Голштейнскій споръ, 3, 7, 9, 19, 29.
Шлейермахеръ, 234.
Шлейхеръ, 141.
Шлейцъ-и-Лобенштейнъ, 49.
Шмерлингъ, 366, 373.
Шотландія, 344. 446; Шотландцы, 147; Шотландскія горы, 37.
Шталь, 153, 162, 164.
Штейнъ, 40.
Штирія, 358, 424.
Штуръ, 443.
Шуазель, 349, 460.

Эвклидъ, 137.
Эгейское море, 59, 345, 403, 424; Эгейское прибрежье, 416.
Эгерсдорфъ, 506.
Эйдерскіе Датчане, 4.
Эйлеръ, 141.
Эллада, 136, 402, 478.
Эллинское Королевство, 424.
Эллора, 181.
Эльба, 479.
Эльзасъ, 38, 361.
Эпаминондъ, 84, 136, 179, 405.
Эпикуръ, 521.
Эпиръ, 332, 403, 424.
Эриванская область, 37.
Эрстедъ, 157.
Эскимосы, 186.
Эсты, 26, 27, 196, 204, 239, 279, 319, 405.
Эсхилъ, 137, 180, 372.
Этруски, 100, 186.

Юго-западный край, 27, 28.
Южный океанъ, 398.
Юкагирія, 299.
Юліанъ Дидій, 290.
Юліанъ-отступникъ, 230.
Юнгъ, 156.
Юрьевъ, 26.
Юстиніанъ, 179, 232; его царство, 419.

Ягеллоны, 404.
Якоби, 268.
Якутія, 299.
Янъ Собіесскій, 361.
Японія, 341, 436, 462; Японцы, 97, 186.
Ярославъ, 26, 405.
Ясскій миръ, 353.

Өалесъ, 59.
Өемистоклъ, 136.
Өеодорикъ, 102.
Өеодосій Великій, 84, 232; его царство, 419.
Өеофрастъ, 336.
Өессалія, 402, 424.
Өивы, 130, 331, 399.
Өиванда, 341.
Өракія, 332.
Өукидидъ, 101.

Годы указываемые въ этой книгѣ.

385 г.—стр. 191.
476 „— „ 82.
809 „— „ 193.
1278 „— „ 357.
1301 „— „ 357.
1308 „— „ 357, 358.
1313 „— „ 358.
1329 „— „ 358.
1342 „— „ 358.
1346 „— „ 358.
1347 „— „ 358, 359.
1363 „— „ 358.
1366 „— „ 358.
1373 „— „ 359.
1378 „— „ 359.
1387 „— „ 359.
1400 „— „ 359.
1410 „— „ 359.
1415 „ 15 Іюня, — 359.
1419 „—стр. 359.
1438 „— „ 360.
1612 „— „ 383.
1648 „— „ 266.
1740 „— „ 363, 364, 365.
1742—1745 г. — стр. 360.
1772 г.—стр. 271, 428.
1774 „— „ 12.
1789 „— „ 254, 511.
1793 „— „ 383.
1799 „— „ 20, 39, 319, 320.
1800 г.—стр. 494.
1805 „— „ 20, 39, 320.
1806 г.—стр. 496.
1807 „— „ 20, 39, 320, 482, 494, 496.
1809 г.—стр. 41, 267.
1812 „— „ 40, 267, 320, 323, 383, 482, 488, 500, 501.
1813 г.—стр. 20, 39, 236, 267, 268, 362, 496.
1814 г.—стр. 39, 46.
1815 „— „ 46, 320, 360, 487.
съ 1815 по 1830 г.—стр. 35.
1822 г.—стр. 48.
1828 „— „ 494.
1829 „— „ 494.
1830 г.—стр. 46, 47, 494.
1831 „— „ 494.
1840 „— „ 11.
1848 „— „ 43, 46, 47, 119, 254, 258, 268, 373, 376, 482, 494.
1849 г.—стр. 354, 376, 380, 482.
1853 г.—стр. 14, 43, 323, 355, 385, 482.
1854 г.—стр. 1, 2, 51, 323.
1855 г.—стр. 323.
1856 „— „ 323.
1859 „— „ 392.
1863 „— „ 35, 314, 323.
1864 г.—стр. 1, 2, 7, 51.
1866 „— „ 377, 392.
1870 „— „ 362.
1871 „— „ 267, 362.
1876 „— „ 323.
1877 „— „ 323.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Данилевскій. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Ч. I, 519 стр. съ 7 табл. рис. и чертеж. Ч. II, 530 стр., приложеніе 148 стр. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. Спб. 1885. 8°. Ц. 7 р. 50 к.
Т. II. (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. 48 + 200 стр. Изд. М. Е. Комарова. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Н. Данилевскій. О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изд. М. Комарова. Спб. 1886. 8°. Ц. 1 р.

Н. Данилевскій. Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890. Ц. 2 р.

Указатели къ „Россіи и Европѣ", Н. Я. Данилевскаго, къ 3-му, 4-му и 5-му изданіямъ. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Изд. 2-е Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. (Аѳонъ. — Италія. — Крымъ. — Л. Н. Толстой. — Справедливость, милосердіе и святость. — Послѣдній изъ идеалистовъ. — Стихотворенія). Спб. 1892. Ц. 1 р.

Н. Страховъ. Міръ какъ цѣлое. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. (1861—1865). Спб. 1890. Ц. 2 р.

Н. Страховъ. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888. Ц. 1 р.

Н. Страховъ. О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887. Ц. 1 р.

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка первая. Изданіе второе. (Герценъ.—Милль.—Парижская коммуна. — Ренанъ. — Историки безъ принциповъ. — Штраусъ.—Поминки по И. С. Аксаковѣ). Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изданіе второе. (Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова.—Роковой вопросъ.—Наша культура и всемірное единство.—Дарвинъ. — Полное опроверженіе дарвинизма). Спб. 1890. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Н. Страховъ. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1865). Изданіе третье.

3 6105 004 074 832

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY L
STANFORD, CALIFORNIA